VII МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС СОЦИОЛОГОВ ТЮРКСКОГО МИРА "ЕВРАЗИЯ И ГЛОБАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ"

Казань, 12-13 марта, 2020

GOVERNMENT
OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN

KAZAN
FEDERAL UNIVERSITY

EUROPEAN
SOCIOLOGICAL ASSOCIATION

ПРАВИТЕЛЬСТВО
РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

КАЗАНСКИЙ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ЕВРАЗИЙСКАЯ
АССОЦИАЦИЯ СОЦИОЛОГОВ

ЕВРАЗИЯ И ГЛОБАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ

VII Международный конгресс социологов тюркского мира

Сборник научных трудов

Казань, 12–13 марта 2020 г.

EURASIA AND THE GLOBAL SOCIO-ECONOMIC CHANGE

VII International congress of turkish world sociologists

Collection of scientific papers

Kazan, March 12–13, 2020

КАЗАНЬ
2020

УДК 31
ББК 60.5
Е22

Печатается по рекомендации Ученого совета
Института социально-философских наук и массовых коммуникаций КФУ

Printed on the recommendation of the council
of the Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications of KFU

Редакционная коллегия:
Первый проректор КФУ,
доктор социологических наук, профессор **Р.Г. Минзарипов**;
заместитель директора Института социально-философских наук
и массовых коммуникаций КФУ по научной деятельности,
доктор социологических наук, профессор **М.Ю. Ефлова**

Editorial board:
Full Professor of KFU,
Doctor of Sc., Professor **R.G. Minzaripov**;
Deputy Director for Research of the Institute Social and Philosophical Sciences
and Mass Communications of KFU, Doctor of Sc., Professor **M.Yu. Eflova**

Е22 **Евразия и глобальные социально-экономические изменения:** VII Международный конгресс социологов тюркского мира: сборник научных трудов (Казань, 12–13 марта 2020 г.) = Eurasia and the global socio-economic change: VII International congress of turkish world sociologists: collection of scientific papers (Kazan, March 12–13, 2020). – Казань: Издательство Казанского университета, 2020. – 711 с.

ISBN 978-5-00130-364-0

В сборнике представлены материалы VII Международного конгресса социологов тюркского мира «Евразия и глобальные социально-экономические изменения». Конгресс приурочен к празднованию 100-летия образования Республики Татарстан.

The collection contains materials from the VII International congress of turkish world sociologists “Eurasia and the global socio-economic change”. The congress is dedicated to the celebration of the 100th anniversary of the Republic of Tatarstan.

УДК 31
ББК 60.5

ISBN 978-5-00130-364-0

© Издательство Казанского университета, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ «СОЦИАЛЬНЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И МЕХАНИЗМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ КОНФЛИКТОВ» 11

1. Абдрасулова Э.Т. МЕЖЭТНИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ 11
2. Абдрахманова Ф.Р., Антошкин В.Н. ДУХОВНО-НРАВСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА ЖИТЕЛЕЙ СЕЛА: ПО РЕЗУЛЬТАТАМ РЕГИОНАЛЬНЫХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ 15
3. Агишев Р.Р. ПОЛИЭТНИЧНОСТЬ КАК ФАКТОР ГАРМОНИЗАЦИИ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ 21
4. Амангельдиева А.Т., Досанова Г.М. ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП В КАЗАХСТАНЕ (КЕЙС СТАДИ НУР-СУЛТАН) 27
5. Антошкин В.Н. ТИПЫ МИРОВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ: НА ПУТИ К СОТРУДНИЧЕСТВУ 32
6. Аппельганц Е.П. МАРКЕРЫ ИДЕНТИЧНОСТИ СЛАВЯН КАЗАХСТАНА: ЭТНОС, РЕЛИГИЯ И ЯЗЫК 39
7. Ашрапова А.Х., Зинатуллина З.Р., Сидоров В.В. ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ СЛОЖНОЙ ВЗАИМОСВЯЗИ 47
8. Булавин А.В., Полутин С.В. ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ТРАНЗИТА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ РЕГИОНОВ ПФО) 53
9. Гареев Э.С., Костылева Е.Г., Левашов Д.А. АНАЛИЗ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН 61
10. Зазнаев О.И., Сидоров В.В. ЭТНИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ И ФОРМЫ ПРАВЛЕНИЯ: КРИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР ТЕОРЕТИЧЕСКИХ И ЭМПИРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ 65
11. Закиров А.Р., Фазулов А.Р. ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП КАК СПОСОБ УРЕГУЛИРОВАНИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ 70
12. Закиров М.З., Патрушев В.И. ИНФОРМАЦИОННАЯ СИСТЕМА БОЛЬШИХ ДАННЫХ ДЛЯ ОПТИМИЗАЦИИ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ СТРАН ЕАЭС 79
13. Зарипова А.Р. ЭТНИЗАЦИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ СЕПАРАТИСТСКИХ КОНФЛИКТОВ 85
14. Ишмухаметов И.Ш. ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ТАТАРСТАНЕ 89
15. Каримова Р.М., Яппарова Р.Р. ЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН (НА ОСНОВЕ РЕЗУЛЬТАТОВ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ) 94
16. Мирзабекова А.Ш., Ижанова Г.Б., Боранбаев А.Т. ДИСКУРС О ПУТЯХ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО СОГЛАСИЯ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН 103

17. Омуралиев Н.А. ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕГРАЖДАНСКОГО ЕДИНСТВА КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ 108
18. Сагитова В.Р. МЕХАНИЗМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ КОНФЛИКТОВ В МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН СРЕДИ МИГРАНТОВ 114
19. Соханева И.В. ПРОБЛЕМЫ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ И ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ (НА ПРИМЕРЕ ИССЛЕДОВАНИЙ МОЛОДЕЖИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА) 118
20. Файзуллин Ф.С., Файзуллин Т.Ф. ЭТНИЧЕСКИЙ ФАКТОР КАК ПОТЕНЦИАЛ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА 120

СЕКЦИЯ «РЕЛИГИЯ И РЕЛИГИОЗНОЕ СОЗНАНИЕ: ИННОВАЦИИ РЕЛИГИОЗНОГО ПОЛЯ И ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ РЕЛИГИИ» 125

21. Абдулаева А.А. ПРОБЛЕМА ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА В КАЗАХСТАНЕ 125
22. Калдыбаева О.В. РЕЛИГИЯ В ПОВЕДЕНЧЕСКИХ УСТАНОВКАХ КАЗАХСТАНЦЕВ 127
23. Ковалев В.С. ПОЛОЖЕНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ НЕТРАДИЦИОННЫХ ОБЩИН В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ (НА ПРИМЕРЕ КАТАР ВО ФРАНЦИИ И ЗОРОАСТРИЙЦЕВ В РОССИИ) 139
24. Настявин И.М. ПОЛИТИЧЕСКОЕ И РЕЛИГИОЗНОЕ СОЗНАНИЕ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ 143
25. Нуруллина Р.В. ТЕМАТИКА СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПО ИСЛАМУ В СОВРЕМЕННОМ ТАТАРСТАНЕ 153
26. Туганова Э.А. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ВОСПИТАНИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ ГРАМОТНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН 157

СЕКЦИЯ «ВЫЗОВЫ И ТРЕНДЫ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА В РЕГИОНАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА» 162

27. Абдикерова Г.О., Атабаева Г.К. ДОВЕРИЕ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА 162
28. Батырова Р.Ф., Рысаев И.Ш. КОРОНАВИРУСНАЯ ПАНДЕМИЯ КАК «ТЕСТ» ДЛЯ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ СИСТЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ 165
29. Воробьев А.А., Глебова И.С. МОБИЛЬНОСТЬ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ 167
30. Галимов Р.С. ОСОБЕННОСТИ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО МЕНТАЛИТЕТА РОССИЙСКИХ И ЕВРОПЕЙСКИХ РУКОВОДИТЕЛЕЙ 173
31. Головацкий Е.В. ВОЗМОЖНОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ РЕСУРСОВ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ СООБЩЕСТВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ АНАЛИЗА «ЦИФРОВОГО СЛЕДА» 177
32. Ибраева В.Ш. ФАКТОРЫ, ФОРМИРУЮЩИЕ СПРОС НА РАБОЧУЮ СИЛУ, НА РЫНКЕ ТРУДА КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ 184

33. Нагимова А.М. МОТИВАЦИЯ ТРУДА РАБОТНИКОВ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ВНУТРЕННЕГО ИМИДЖА ОРГАНИЗАЦИИ 189
34. Радченко С.В. ЗДОРОВЬЕСБЕРЕЖЕНИЕ ДЕТЕЙ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ 194
35. Сарсекеева А.М. ВЛИЯНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА НА КАЧЕСТВО ЖИЗНИ 200
36. Токтогулова Г.Т. ПРОСВЕЩЕНИЕ И ПРОСВЕТИТЕЛЬСТВО: СУЩНОСТЬ И ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ 205
37. Хурамшина А.З. ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИОТИПОВ ЛИЧНОСТИ ОБЩЕСТВА КАЧЕСТВА ЖИЗНИ 208

СЕКЦИЯ «ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ: НОВЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПОДХОДЫ, ВОПРОСЫ БЕЗОПАСНОСТИ И ЭТИКИ» 212

38. Avdyev M.A. CREATIVE IMAGINATION IN THE DIGITAL AGE = DISCOVERY 212
39. Башева О.А., Ермолаева П.О. «КАТАСТРОФА ВТОРОГО ПОРЯДКА»: ЦИФРОВОЕ РЕАГИРОВАНИЕ И НЕРАВЕНСТВО В ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЯХ 228
40. Гильмутдинова М.Х., Ишдавлетова С.А. ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА РАЗВИТИЕ ЕВРАЗИЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА (МЕСТО И РОЛЬ НАУЧНОГО И УНИВЕРСИТЕТСКОГО СООБЩЕСТВ) 233
41. Гимадеева Д.Р. ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ ИНТЕРНЕТИЗАЦИИ 238
42. Ермолаева Ю.В. ГИБРИДНЫЙ ЦИФРОВОЙ АКТИВИЗМ: КАК ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЛОЖЕНИЯ СПОСОБСТВУЮТ ГРАЖДАНСКОМУ УЧАСТИЮ 244
43. Ефлова М.Ю., Максимова О.А., Озерова К.А. НОВЫЕ МЕДИА И ИНТЕРНЕТ КАК ФАКТОРЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ 248
44. Корунова В.О., Ермолаева П.О. ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ В КОН-ТЕКСТЕ ЦИФРОВЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ: ДОСТИЖЕНИЯ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ (НА ПРИМЕРЕ Г. КАЗАНИ) 253
45. Ногманова М.А. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДОПОЛНЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ В ОБРАЗОВАНИИ 259
46. Перекрестова В.А., Фурсова П.В. ТЕНДЕНЦИИ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ В РОССИИ 263
47. Рахматуллина З.Б. ОБРАЗОВАНИЕ И ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ 267
48. Тихонова А.С. ЦИФРОВИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ РОССИИ 271
49. Туганова Э.А. ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ, БЕЗОПАСНОСТЬ И ВОПРОСЫ СЕМЕЙНОГО ВОСПИТАНИЯ 274

СЕКЦИЯ «МОЛОДЕЖЬ ЕВРАЗИЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА: СОЦИАЛИЗАЦИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ» 277

50. Ашилова М.С., Бегалинов А.С., Бегалинова К.К. СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ГЕНДЕРНЫХ ОТНОШЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ КАЗАХСТАНА) 277

51. Аюпова Р.Р. ТРУДОВЫЕ ОРИЕНТАЦИИ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ВЫБОР КАЗАХСТАНСКОЙ МОЛОДЕЖИ 286
52. Богатырева О.А., Пронер Н.С. ЕВРАЗИЯ В ПОИСКАХ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ 293
53. Васильцова Л.И., Волкова Т.П. СТРАТЕГИИ КАЧЕСТВА ПОДГОТОВКИ МОЛОДЕЖИ В ВУЗЕ КАК ФАКТОР АДАПТАЦИИ К СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ ИЗМЕНЕНИЯМ 297
54. Егорышев С.В. КРИМИНАЛЬНАЯ ДЕВИАЦИЯ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН 302
55. Ефлова М.Ю., Фурсова В.В., Маслова Л.П. ДЕВИАЦИИ В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА. 308
56. Жолдошева А.Ш. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КЫРГЫЗСТАНА И ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ 314
57. Икингрин Е.Н., Вишневский Ю.Р., Дулина Н.В., Кнельц И.А., Пронина Е.И., Шкурин Д.В. ОПРОС СТУДЕНТОВ ПО АКТУАЛЬНЫМ ПРОБЛЕМАМ СОВРЕМЕННОСТИ КАК ОДНА ИЗ ФОРМ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ 322
58. Колесникова А.В. БАКАЛАВРЫ И МАГИСТРЫ О МОТИВАЦИИ И ОЖИДАНИЯХ ПРИ ВЫБОРЕ МАГИСТРАТУРЫ 327
59. Кудайбергенова Т.Б. РОЛЬ СМИ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ МОЛОДЕЖИ КАЗАХСТАНА 330
60. Мингишева Н.А. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И МОЛОДЕЖЬ В КАЗАХСТАНЕ: СТРУКТУРЫ ПОТРЕБЛЕНИЯ И ИХ ИЗМЕНЕНИЯ 336
61. Нятина Н.В. ГРАЖДАНСКАЯ САМООРГАНИЗАЦИЯ МОЛОДЕЖИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ 344
62. Смирнова А.В. СОЦИАЛЬНЫЕ ПРИЧИНЫ ПОДРОСТКОВОГО АЛКОГОЛИЗМА 347
63. Супрун Н.Г, Гурьянова И.В., Мартынова Н.В. ОПЫТ РАЗВИТИЯ МОЛОДЕЖНОЙ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГОРОДСКИХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ 354
64. Хизбуллина Р.Р. КОМПАРАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ ПОДДЕРЖКИ ТАЛАНТЛИВОЙ МОЛОДЁЖИ ТЮРКСКОГО МИРА 361

СЕКЦИЯ «СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО, СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ, СОЦИАЛЬНАЯ ЭКСКЛЮЗИЯ И ИНКЛЮЗИЯ В РАЗВИТИИ ГОРОДОВ И РЕГИОНОВ ЕВРАЗИИ» 364

65. Воробьев А.А., Воробьева Э.Р. АНАЛИЗ И ОЦЕНКА ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНОВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА 364
66. Горбунова Г.Д. СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ГОТОВНОСТИ КЛЮЧЕВЫХ СОЦИАЛЬНЫХ АКТОРОВ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН К МЕЖ-СУБЪЕКТОМУ СОЦИАЛЬНОМУ ПАРТНЕРСТВУ 368
67. Зайцев Д.В., Иванова Е.Ю., Ловцова Н.И. УРБАНИСТИКА И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ГОРОДСКИЕ СООБЩЕСТВА 376

68. Зайцев Д.В., Селиванова Ю.В. СОЦИАЛЬНАЯ ИНКЛЮЗИЯ И ЭКСКЛЮЗИЯ В УСТАНОВКАХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДОВ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ) 379
69. Исмаилова А.К., Туганова Э.А. ДИСКРИМИНАЦИЯ ЖЕНЩИН В СОВРЕМЕННОМ КАЗАХСТАНЕ И МИРОВОЙ ОПЫТ 383
70. Лаукарт-Горбачева О.В. РЕАЛИЗАЦИЯ ИНКЛЮЗИВНОЙ МОДЕЛИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ ТАТАРСТАНА: ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС 387
71. Орлова А.В. УЧАСТИЕ МЕСТНЫХ СООБЩЕСТВ В МОДЕРНИЗАЦИИ РЕГИОНА 391
72. Савельева Ж.В. ДЕТИ С РАС В МЕДИА И ОБЩЕСТВЕ: ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОЙ ЭКСКЛЮЗИИ И ПЕРСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ 397

СЕКЦИЯ «УПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЕМ ЕВРАЗИЙСКИХ ГОРОДОВ, АГЛОМЕРАЦИЙ И ПОСЕЛЕНИЙ, БРЕНДИРОВАНИЕ ТЕРРИТОРИЙ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ» 404

73. Батурина А.В., Дидковская Я.В. БРЕНДИНГ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НА ПРИМЕРЕ САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ И РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН 404
74. Беляев В.А., Калимуллина Э.Р. ВОЗМОЖНОСТИ СОЦИАЛЬНОГО ВОСПРОИЗВОДСТВА СРЕДНИХ ГОРОДОВ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ 408
75. Мендибаев Н. НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО РЕГИОНА КЫРГЫЗСТАНА 412
76. Рысаев И.Ш. СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ 418
77. Федорова В.А., Сафина Г.Р. КАЗАНСКАЯ АГЛОМЕРАЦИЯ: ГРАНИЦЫ И ПРОСТРАНСТВЕННАЯ СТРУКТУРА 419

СЕКЦИЯ «ПРОБЛЕМЫ СЕМЬИ, ГЕНДЕРА, МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ» 426

78. Алчинова Г.Р. ПРОБЛЕМЫ МОЛОДОЙ СЕМЬИ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ 426
79. Апанина А.В., Фионова В.А. ЛИЧНАЯ (СЕМЕЙНАЯ) ЖИЗНЬ КАК ПРЕВАЛИРУЮЩИЙ ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА СОЦИАЛЬНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ (ПОЖИЛЫХ) ЛЮДЕЙ 428
80. Ахмадиева Г.М., Сагитова В.Р. МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ СЕМЬИ: ОСОБЕННОСТИ И КОНФЛИКТНОСТЬ ОТНОШЕНИЙ 430
81. Бекболатова М.Е., Султабаева Г.М. СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ СОВРЕМЕННЫХ КАЗАХОВ 434
82. Дадаева Т.М. РОЛЬ СЕМЬИ В ФОРМИРОВАНИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ МОЛОДЕЖИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ 441
83. Идрисова Л.Ш. МНОГОДЕТНАЯ ЖЕНЩИНА БАШКОРТОСТАНА 449
84. Исманова Н.А. ДИСФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ ИНСТИТУТА СЕМЬИ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ КЫРГЫЗСКОГО ОБЩЕСТВА 452
85. Муталова Д.А., Олейник Е.В. СЕМЬЯ И ЕЁ ПРОБЛЕМЫ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ 459

86. Павлов Б.С., Пронина Е.И., Икингрин Е.Н. СТУДЕНТЫ И ИХ РОДИТЕЛИ: СИМБИОЗ РАЗОБЩЕНИЯ И СОЛИДАРИЗАЦИИ (ПО ИТОГАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ОПРОСОВ НА УРАЛЕ 2010–2019 ГГ.) 462
87. Туганова Э.А. СОЦИАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ И ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В СОВРЕМЕННОЕ ВРЕМЯ 473
88. Popova A. DYSFUNCTIONS OF THE FAMILY IN THE CONTEXT OF SOCIAL TRANSFORMATION AND INTENSIVE MIGRATION PROCESSES 478

СЕКЦИЯ «КУЛЬТУРА НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ СМЫСЛЫ И СОЦИАЛЬНЫЕ РЕАЛИИ» 485

89. Зайцева О.В., Зайцев Д.В. ОЦЕНКА РАЗВИТИЯ ИНКЛЮЗИВНОЙ КУЛЬТУРЫ В СОЦИАЛЬНЫХ СЛУЖБАХ: ИДЕАЛЫ И РЕАЛИИ 485
90. Утямышев И.Р. ТЮРКСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ КАК ИСТОРИЧЕСКИ НЕОТЪЕМЛЕМАЯ ЧАСТЬ ЕВРАЗИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ 488
91. Фаттахова Р.Р., Максимова О.А. ТЕАТРАЛЬНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖИ: УСТАНОВКИ И ПРАКТИКИ 492
92. Шашуров С.Е. КОРПОРАТИВНАЯ КУЛЬТУРА НА ГРАНИЦЕ ВОСТОКА И ЗАПАДА (НА ПРИМЕРЕ ОТДЕЛЕНИЯ ПЕНСИОННОГО ФОНДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН) 497

СЕКЦИЯ «ИНТЕГРАЦИОННЫЕ И ДЕЗИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: МИГРАЦИЯ, КОНФЛИКТЫ, СОТРУДНИЧЕСТВО» 502

93. Ганеева В.Р. ЕВРОПЕЙСКИЙ ОПЫТ ОРГАНИЗАЦИИ СЕЛЕКТИВНОЙ МОДЕЛИ ИММИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ 502
94. Гимаев И.З. СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АУДИТ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ 505
95. Коршунов Г.П. СОЦИАЛЬНЫЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА ФОНЕ ПАНДЕМИИ 516
96. Кусманова А.Г. ПЕРЕСЕЛЕНИЕ КАЗАХСТАНЦЕВ С ЮЖНЫХ РЕГИОНОВ В СЕВЕРНЫЕ: АКТУАЛЬНОСТЬ ИЗУЧЕНИЯ И НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ 524
97. Липатова Т.Н. РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ МИГРАНТОВ-МУСУЛЬМАН ИЗ СТРАН СНГ: ВЕКТОРЫ ТРАНСФОРМАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА 531

СЕКЦИЯ «ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОГО АКТИВИЗМА, ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ И ПАТРИОТИЗМА: ЕВРАЗИЙСКИЙ АСПЕКТ» 538

98. Ермолаева Ю.В. РОЛЬ СПОНТАННОГО ВОЛОНТЕРСТВА И ЭМЕРЖДЕНТНЫХ ГРУПП В ОБЕСПЕЧЕНИ РЕЗИЛЬЕНТНОСТИ ГОРОДА В ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЯХ 538
99. Курочкина И.Д. ФЕНОМЕН «СЕТЕВОГО ВЫЗОВА» КАК ИНСТРУМЕНТ ГРАЖДАНСКОГО УЧАСТИЯ И РЕШЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ 553
100. Щукина Н.П. О НЕКОТОРЫХ ПРАКТИКАХ ГРАЖДАНСКОГО АКТИВИЗМА В РЕГИОНАЛЬНОМ СОЦИУМЕ 551

СЕКЦИЯ «АКТУАЛЬНЫЕ СОЦИО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И ТРЕНДЫ ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ СТРАН И РЕГИОНОВ» 558

101. Артыкбаева А.А., Кудайназарова М.К., Союзбек кызы Г. ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ОСНОВА РЕЛИГИОЗНОЙ МОДЕЛИ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ 558
102. Боконтаева Д.К. СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ ЭТНИЧЕСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА (МАТЕРИАЛЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ГОРОДУ КАРАКОЛ ИССЫК-КУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ) 563
103. Галиев Г.Т. СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И АУДИТ: ВАЖНЫЕ ФАКТОРЫ ВНЕДРЕНИЯ НАЦПРОЕКТОВ 572
104. Галлямов Р.Р., Мавляутдинов И.С. ЭТНОЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ В ВОЛГО-УРАЛЬСКОМ МАКРОРЕГИОНЕ ЕВРАЗИЙСКОГО КОНТИНЕНТА В XX ВЕКЕ (НА ПРИМЕРЕ БАШКОРТОСТАНА И ТАТАРСТАНА) 577
105. Ганеева В.Р. ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ ГЛАЗАМИ НАСЕЛЕНИЯ: РЕЗУЛЬТАТЫ ПРОБНОГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН 587
106. Гараева А.М. ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ХАЛЯЛЬ-ИНДУСТРИИ В СОВРЕМЕННОЙ РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН 596
107. Гудяева Л.А., Прыгунова М.И. ЦИФРОВОЕ БИЗНЕС-ОБРАЗОВАНИЕ КАК СОСТАВНОЙ ЭЛЕМЕНТ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА 600
108. Мотькин Р.В. СОЦИАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ В ПРОЦЕДУРЕ БАНКРОТСТВА: ТИПОЛОГИЗАЦИЯ КОНФЛИКТОВ В СФЕРЕ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ 603
109. Тонева Д.С. ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ И ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ В XXI ВЕКЕ 606
110. Хайруллина Ю.Р., Гарипова Р.Р. РАЗВИТИЕ МАЛОГО ПРЕДПИНИМАТЕЛЬСТВА И САМОЗАНЯТОСТИ: ОПЫТ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН 615

СЕКЦИЯ «МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ: ПРОБЛЕМЫ, НОВЫЕ ТРЕНДЫ И РАСШИРЕНИЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ» 619

111. Алинова З.Т. ТРУДНОСТИ МАССОВОГО ОПРОСА НА ПОЛЕВОМ ЭТАПЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В КАЗАХСТАНЕ 619
112. Гагаев А.А., Гагаев П.А. ОБЩАЯ МОДЕЛЬ НАУКИ СУБЪЕКТИВНОЙ СОЦИОЛОГИИ 622
113. Жакупова А.А. СТРАТЕГИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ И РЫНКА ТРУДА 632
114. Ложкин В.Н. ГРАНД-ТЕОРИИ В АНТРОПОЛОГИИ (СОЦИОЛОГИИ) И В БИОЛОГИИ И ИХ ПАРАЛЛЕЛЬ 636
115. Орешникова Д.Н. ПОВЕДЕНИЯ ЖИТЕЛЕЙ ГОРОДА КАЗАНЬ (ПО МАТЕРИАЛАМ МАССОВОГО ОПРОСА) 644
116. Орлова Л.В., Джаникешева Б.Т. ЗНАЧИМОСТЬ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СТРАТЕГИЙ ЖЕНЩИН ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ ДЛЯ ЭФФЕКТИВНОГО РАЗВИТИЯ БИЗНЕСА В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ 653

117. Салимгореева Р.Р. ФОРМИРОВАНИЕ ПОЗИТИВНОГО ОБРАЗА МОЛОДОГО РУКОВОДИТЕЛЯ В РАМКАХ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ 661
118. Токтогулова Г.Т. ЗНАЧЕНИЕ ПИСЬМЕННОСТИ В ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ 663

СЕКЦИЯ «ТАТАРСТАНСКАЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ» (К 100-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ ТАССР И 30-ЛЕТИЮ КАФЕДРЫ СОЦИОЛОГИИ КФУ) 667

119. Ахметова С.А. СОЦИОЛОГИЯ В КАЗАНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ: ОТ ПЕРВЫХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ОПЫТОВ К ИЗУЧЕНИЮ ГЛОБАЛЬНЫХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ 667
120. Гагаев А.А., Гагаев П.А. ФИЛОСОФСКОЕ, ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНОЕ, СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИСЛАМСКОЕ МЫШЛЕНИЕ ТАТАРСКОГО ЭТНОСА 672
121. Ершов А.Н. СОЦИОЛОГИЯ В КАЗАНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ 682
122. Салахутдинова Р.Х. К ИСТОКАМ СТАНОВЛЕНИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ В ТАТАРСТАНЕ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ СОЦИОЛОГИИ В РЕГИОНАХ СТРАНЫ 686

МЕЖДУНАРОДНАЯ СТУДЕНЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «КАЗАНСКИЕ СТУДЕНЧЕСКИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ» 691

123. Ахмадуллин Р.Н. ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ИНТЕРАКЦИИ МОЛОДЕЖИ: НОВАЯ СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ 691
124. Газизова А.И., Канищева А.В. ОТНОШЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ К ПРОБЛЕМАМ УТИЛИЗАЦИИ И ПЕРЕРАБОТКИ ПЛАСТИКОВЫХ ОТХОДОВ 694
125. Державина А.А., Мамакова Ю.С. ОТНОШЕНИЕ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ К ПРОБЛЕМЕ НЕРАВЕНСТВА ПОЛОВ 697
126. Саттаров Т.А., Хайруллина Ю.Р. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА: МНЕНИЯ, ОЦЕНКИ 700
127. Скворцова М.А. ОСОБЕННОСТИ ПИТАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ РАКУРС (НА ПРИМЕРЕ СТУДЕНТОВ КНИТУ-КАИ ИМ. А.Н. ТУПОЛЕВА) 702
128. Шафикова Р.Р. СОЦИАЛИЗАЦИЯ ДЕТЕЙ С ОВЗ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРОБЛЕМЫ 705

СЕКЦИЯ «СОЦИАЛЬНЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И МЕХАНИЗМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ КОНФЛИКТОВ»

МЕЖЭТНИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Абдрасулова Э.Т.
Бишкекский государственный университет имени К. Карасаева, Киргизия, г. Бишкек

Аннотация. В статье изложены проблемы укрепления межэтнической интеграции посредством постепенного решения проблем в сфере укрепления доверия между этническими сообществами и формирования гражданской идентичности «Кыргыз жараны».

Ключевые слова: межэтническая интеграция, межэтнические отношения, гражданская идентичность, «Кыргыз жараны».

Исторический опыт показывает, что межэтническая интеграция, как правило, достигается путем создания равных условий и возможностей для участия представителей различных этнических сообществ во всех сферах общественной жизни и, в первую очередь, в общественно-политической жизни. Ключом к этому является равномерная представленность граждан из разных социальных групп в органах, принимающих решения, и процессах их принятия. Участие в общественной жизни, в том числе в деятельности государственной и муниципальной службы, является добровольным выбором всех граждан и не может быть принудительным. Тем не менее, при наличии барьеров необходимо их устранять.

Под участием в общественно-политической жизни страны подразумевается участие в государственных делах, включая право голоса и право баллотироваться на выборные должности на равноправной основе, а также создание всесторонних возможностей для того, чтобы сообществам в процессе принятия решений, особенно тех которые их непосредственно касаются. Эффективным участием считается вовлечение этнических сообществ в общественно-политическую жизнь, которое ведет к общегосударственной интеграции при сохранении многообразия.

В стране за последнее время были созданы различные предпосылки и условия для обеспечения равноправного участия этнических групп в общественно-политической жизни Кыргызстана. Необходимость участия этнических групп в общественно-политической жизни была закреплена в законе «О выборах Президента и депутатов Жогорку Кенеша Кыргызской Республики» среди различных квот в списки кандидатов от политических партий включены также и квоты для этнических групп [1].

При Президенте Кыргызской Республики был сформирован и функционирует Общественный экспертный совет по вопросам межэтнического, межконфессионального развития. В Аппарате Президента КР создан и функционирует отдел, одной из основных задач которого является выработка политики в сфере межэтнических отношений, и с 2013 года было создано Государственное агентство по делам местного самоуправления и межэтнических отношений (ГАМСУМО), одной из задач которого является укрепление межэтнического согласия и общегражданской идентичности в стране.

Предпринятые усилия по интеграции общества были нацелены и для обеспечения представленности этнических сообществ в органах государственной власти и в общественно-политической жизни. Формирование гражданской идентичности невозможно без ощущения равного и эффективного доступа к государственному управлению всеми гражданами страны.

В то же время сохраняются негативные тенденции, препятствующие реализации существующих возможностей. Они касаются ситуаций, связанных с выборными процессами в стране, деятельности государственных и правоохранительных органов и функционирования гражданского общества.

Представленность этнических групп в органах государственной власти, в некоторых властных институтах повышается, хотя в большинстве случаев, с течением времени снижается. Важно, в целом увеличить вовлеченность молодых людей из разных этнических групп в общественную жизнь, в том числе политическую. Также сокращается количество женщин-депутатов из этнических сообществ, хотя стоит отметить, что в последнем созыве было больше представленности женщин из разных этнических сообществ, чем в прошлые созывы.

Участие этнических сообществ в институтах гражданского общества нуждается в дальнейшем усилении. Ассамблея народов Кыргызстана постепенно становится более самостоятельной в отношениях с органами государственной власти и более участвует в общественно-политической жизни страны. В то же время, являясь представительской организацией для национально-культурных центров и представляя их в отношениях с государственными органами, АНК нуждается в дальнейшем усилении работы с различными группами в этнических сообществах. Необходимо также повышать взаимное доверие этнических групп, а также к государственным институтам.

Равноправному участию этнических групп также способствует и активное гражданское общество, обеспечивающее представленность голоса общественности в процессах принятия решений государственными органами. Представители этнических групп участвуют в деятельности различных организаций гражданского общества. Также в стране созданы различные механизмы общественного участия при формировании государственной политики, такие как общественные советы при органах государственной власти, что повышает возможности для равного участия этнических сообществ. При государственных органах созданы общественные советы, с возможностями широкого обсуждения с общественностью различных нормативных правовых актов, функционируют общественные советы при общественных приемных ГАМСУМО, Ассамблее народов Кыргызстана был придан статус консультативно-совещательного органа при органах государственной власти по взаимодействию с этнокультурными центрами. Эти институциональные возможности необходимо развивать не только с точки зрения снижения межэтнической напряженности, и не только в формате развития традиционной этнической культуры, но и для более эффективного представления различных интересов этнических сообществ во взаимоотношениях с органами власти на национальном и местном уровнях в целях усиления общегосударственной интеграции. При этом важно учитывать, что участие этнических сообществ на местном уровне требует больше внимания, так как связи общин с государством на местном уровне больше, нежели национальном.

Важно отметить, что гражданская интеграция и чувство общей солидарности могут формироваться только в таких условиях и в такой среде, в которой граждане ощущают свою связь с государством, а также чувствуют, что институты государства служат интересам граждан и защищают их.

Совершенствование функционирования органов государственной власти, в особенности на местном уровне, способно значительно содействовать развитию этого чувства связи с государством среди граждан. В настоящее время между потенциалом и уровнем знаний органов государственной власти на центральном и местном уровне существует серьезный разрыв, и эту проблему необходимо решать. Необходимо работать над повышением уровня доверия к органам государственной власти путем усиления общественного мониторинга качества услуг, представляемых государством населению.

В современный период социально-экономическая адаптация и интеграция соседствующих этнических сообществ, различающихся по этничности, ценностным ориентациям, историческому наследию, языку и культуре имеет важнейшее значение. Больше внимания долж-

но уделяться анализу позитивного опыта адаптации и интеграции этнических сообществ в условиях рыночного общества. Анализ практики адаптации и интеграции этнических сообществ к социально-экономическим преобразованиям становится политически актуальным, и имеет важное практическое значение.

На характер взаимодействия этих процессов оказывают влияние следующие условия:

– формирование рыночных отношений и выработка стратегий обеспечения экономического роста у представителей различных этнических сообществ рационально связанных общими ценностями;

– неизбежная для рыночной экономики дифференциация социальных групп, в том числе по этнической составляющей в зависимости от их различного потенциала их ресурсов адаптации и интеграции (уровень образования, знание языков, иерархии ценностей в достижении статусных позиций, традиций экономического поведения этнических сообществ, особенностей потребительских предпочтений и других факторов);

– этнокультурная политика, определяющая возможности участия этнических сообществ в модернизационных экономических процессах.

Необходимо выявить механизмы адаптации этнических сообществ к реформам социально-экономических отношений стимулирующих интеграцию общества.

Изучить процессы социальной мобильности и стратификационную структуру этнических сообществ с позиций социально-экономической адаптации и интеграции, определить какие социально-структурные и межгрупповые связи и отношения этнических сообществ ведут к формированию единой локальной территориальной общности, органично дополняющей гражданскую.

Для межэтнической интеграции крайне важно поощрять и поддерживать экономические контакты и деловое сотрудничество между различными этническими группами. Не менее важной политикой будет обеспечение взаимодействия между молодыми людьми из разных этнических групп и поддержка их инициатив, особенно для общей деятельности через различные формы участия. Важно создать среду, в которой молодые люди имеют более широкие возможности для развития и самореализации.

Правительство КР уделяет серьезное внимание языковой политике, функционированию государственного и официального языка, а также развитию многоязычия. Создан специальный институциональный орган, ответственный за языковую политику, комплексная законодательная база в виде соответствующих статей в Конституции КР, национальное законодательство и государственные программы: Закон КР «О государственном языке Кыргызской Республики», Закон КР «Об официальном языке Кыргызской Республики», Национальная программа развития государственного языка и совершенствования языковой политики в Кыргызской Республике на 2014–2020 годы, Концепция поликультурного и многоязычного образования в Кыргызской Республике от 24 апреля 2008 года и другие.

Государственный язык определен Правительством КР как один из необходимых компонентов интеграции и формирования гражданской идентичности. Правительство КР предпринимает целенаправленные шаги по укреплению государственного языка и его овладению государственными и муниципальными служащими. Правительством КР заложена позитивная тенденция в развитии государственного языка на институциональном уровне, в сфере образования и обучения государственных служащих. Особенно это касается речевых навыков общения и делового письма.

Однако задачи обеспечения объединяющей роли государственного языка посредством овладения государственным языком гражданами страны не были полностью завершены. Ситуация характеризуется незнанием государственного языка представителями большей части этнических сообществ. Исключение представляют представители этносов, имеющие признаки языкового родства с кыргызским языком.

Официальный язык продолжает занимать важное место в жизни общества. Популярность русского языка в Кыргызстане достаточно высока, он занимает важное место в сфере

образования и науки, межэтнического общения, средствах массовой информации. Благодаря знанию русского языка молодежь Кыргызстана обучается в вузах России и других странах СНГ. Востребованность русского языка остается высокой в связи с трудовой миграцией в Российскую Федерацию. В тоже время демографическая ситуация характеризуется значительным снижением русскоязычного населения, заметно сужение русскоязычного пространства. Некоторые районы, где ранее проживало русскоязычное население стали моноэтническими и соответственно моноязычными, население которых не владеет русским языком. Тем не менее, у населения, включая кыргызов, сохраняется высокая потребность в русском языке. Владение русским языком значительно расширяет конкурентоспособность граждан в экономической и социальной сферах, поэтому настоящей Концепцией предусмотрены меры по сохранению русского языка в социокультурной сфере.

Сохранение родного языка связано с развитием многоязычия. Для решения вопросов сохранения родного языка национальным законодательством было предусмотрено его изучение в школах, расположенных в районах компактного проживания этнических сообществ. Этнические культурные центры Ассамблеи народа Кыргызстана проводят широкую деятельность по возрождению и популяризации родного языка и культуры. За годы независимости благодаря инициативам этнических культурных центров было сохранено языковое многообразие общества. Существуют определенные трудности при изучении родного языка – это обеспечение учебных часов, педагогов и учебных материалов.

Однако у выпускников образовательных учреждений отсутствуют языковые коммуникативные навыки на неродном языке. Выпускники общеобразовательных школ и вузов (кроме специализированных на языках) не владеют навыками речевой деятельности на неродном языке – государственном, официальном и иностранном. У них не сформирована речевая компетентность на неродном языке, отсутствуют навыки языковой коммуникации. Незнание языков снижает конкурентоспособность молодежи на рынке труда и в экономической жизни.

Этнические сообщества, проживающие в стране, являются неотъемлемой частью общества, истории и культуры Кыргызстана. Изучение истории Родины через призму этнического и культурного многообразия общества, формирует один из базовых компонентов образования – «учиться жить вместе», который основан на положительном отношении к этническим и культурным различиям общества. Однако в школьных учебниках по предмету «История» широко освещается история кыргызов и мировая история, но недостаточно освещена этнокультурное разнообразие Кыргызстана. Это противоречит принципу поликультурного образования и негативно отражается на процессах овладения молодежью навыками жизни в этнически неоднородном обществе.

Кроме того, расширение образовательной мобильности и стремление молодежи к получению образования в зарубежных вузах и высокий уровень трудовой миграции молодежи, выдвигает необходимость формировать у молодежи понимание и уважение к многообразию. Кыргызстан является участником мирового образовательного пространства, международные договоры, заключенные Правительством КР в сфере образования создали возможность обучения молодежи в высших учебных заведениях России, США, Германии, Китая, Турции и других стран.

Процесс межэтнической интеграции охватывает все сферы жизни – социальную, политическую, культурную, экономическую. Чтобы дать движение интеграционным процессам в обществе необходимо создать условия для расширения сложившихся тенденций сотрудничества между представителями этнических групп в экономической и социальной сферах.

Интеграция граждан обеспечивается посредством создания равных условий и возможностей для участия этнических групп в общественной и политической жизни, общих культурных традиций на гражданской основе. Важным условием интеграции общества и формирования гражданской нации Кыргыз жараны является объединение усилий государства, гражданского общества и активного участия всех граждан Кыргызстана.

До настоящего времени продвижением концепции «Кыргыз жараны» с её идеями толерантности, единения и межэтнического согласия преимущественно занималось ГАМСУМО

в рамках публичных мероприятий и на основе публикаций статей в газетах и других СМИ. Это оказало некоторое положительное влияние на понимание гражданской идентичности и толерантности.

Необходимо разработать различные механизмы для стимулирования СМИ в поддержку понятия «Кыргыз жараны». Государственные ТВ и радиоканалы могут разрабатывать медиа-проекты, посвященные гражданскому единству, освещать вдохновляющие примеры и продвигать инклюзивный патриотизм. Молодежные организации могли бы принять более активное участие в разработке таких медиапродуктов, как например, производство собственных документальных либо короткометражных фильмов. Необходимо поощрять и стимулировать журналистов в целях разработки инновационных и креативных примеров «Кыргыз жараны». Для этого можно рассмотреть такие механизмы как выделение грантов, организация конкурсов и учреждение наград, а также совместная разработка и софинансирование пропорционального или вдохновляющего медиаконтента. Для этого потребуется интенсивное сотрудничество между правительством, СМИ и гражданским обществом, при том что средства массовой информации в полной мере сохранят свою независимость.

Литература

1. Конституционный закон Кыргызской республики «О выборах Президента Кыргызской Республики и депутатов Жогорку Кенеша Кыргызской Республики», от 2 июля 2011 года № 68, г. Бишкек.

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА ЖИТЕЛЕЙ СЕЛА: ПО РЕЗУЛЬТАТАМ РЕГИОНАЛЬНЫХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Абдрахманова Ф.Р., Антошкин В.Н.
Башкирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы, Россия, г. Уфа

Аннотация. В статье анализируются объективные и субъективные факторы формирования духовно-нравственной культуры сельских жителей. Используются данные сравнительного социологического анализа, проведённого за 30-летний период. Показана связь морали с другими формами общественного сознания, связь нравственности с социально-экономической сферой.

Ключевые слова: мораль, духовно-нравственная культура, духовная сфера, социология труда, социология образования, учитель, учащийся, школа, сельский житель, философия, наука, социологические исследования, социология села, духовные потребности, социотипы, духовно-практическая культура, гуманно-трудовые ценности.

Мораль – система норм и правил поведения, в которых находят выражение общепринятые смыслы и ценности, способы различения добра и зла. Истоки нравственности базируются в традициях и обычаях. Мораль функционирует посредством такого социального института как общественное мнение и, в отличие от права, не зафиксирована в законах. Именно вердикт общественного мнения, одобрение или осуждение выступают мерой воздаяния за соблюдение или нарушение нравственных норм. Ключевым вопросом нравственности следует считать проблему различения добра и зла, а возможность субъективной оценки основывается на способности личности различать добро и зло. Оригинальную концепцию совести разработал в своей этике долга (ригоризм) И. Кант. По его мнению, только поведение, сообразное с долгом, можно назвать моральным. Действия человека нельзя назвать моральными, если, соблюдая общепринятые нормы, он извлекает пользу или испытывает удовольствие [7, с. 162].

Духовная сфера, помимо морали, включает философию, науку, искусство. Так, неразрывную связь искусства и нравственности утверждала в своих концепциях русская философия XIX в.: искусство есть, прежде всего, средство воспитания и морального воздействия.

Важная сфера духовности – наука с её приматом объективной истины. Поэтому в научное знание находится в органическом единстве с духовностью, соответственно, невежество ведёт к бездуховности. Наступление на науку в современной России часто осуществляется под вывеской морали, что противоречит их сущностному единству. В условиях информационных перегрузок и господства виртуальной реальности трудно отличить злокозненный вымысел от наивной глупости или незнания. Также искажением истины является и попытка растворить мораль в религии. Например, Андрей Сахаров или Евгений Евтушенко относили себя к атеистам, но жили по христианским законам и по самым высоким нравственным стандартам. Интересно наблюдение российского поэта Сергея Гандлевского: «Среди моих знакомых качества деятельной доброты, нравственной опрятности в большей мере присущи именно атеистам». В связи с этим вызывает тревогу деградация содержания российской системы образования, когда социальные науки (социология, экономика, политология, культурология), в соответствии с новыми государственными стандартами, исключаются из учебных планов вузов и школ, часы, отведённые на изучение философии, сокращаются до того минимума, который не позволяет обеспечить должное качество обучения.

Нравственное сознание выражается во внешних и внутренних регуляторах. Общественное мнение, в том числе и в формах манипулирования, принуждения, толерантности или морального релятивизма, является внешним выражением нравственного сознания. Внутриличностной формой выступает совесть – субъективное переживание степени соответствия поведения нравственным ценностям.

В настоящее время всё более ясной становится диалектическая взаимосвязь экономического, социально-политического и культурно-нравственного прогресса общества. Нравственность – сердцевина, ядро развития личности. Уровень нравственной культуры личности представляет тот основной компонент, который выражает внутреннюю сущность трудовой, профессиональной и гражданской зрелости человека. Забота о развитии культуры, морального здоровья социума является наиболее надёжным путём к долговременным и прочным успехам во всех сферах жизни общества.

Данные Института комплексных социальных исследований РАН говорят о том, что до 40% молодежи готовы преступить черту закона и морали для достижения своей цели, готовы драться за свое место под солнцем, преступая нормы нравственности. Ради самоидентичности многие молодые люди готовы отказаться от культурной идентичности.

От духовного роста личности жителей деревни всё больше зависят темпы поступательного движения сельского хозяйства. Объекитивно-экономический фактор вступает в противоречие с отставанием субъективного фактора. Важно также отметить, что неудовлетворённость духовно-культурными аспектами труда и быта – одна из основных причин миграции сельского населения.

В данной статье используются данные репрезентативных исследований, проведённых авторами в конце 80-х, 90-х гг. XX века, а также в первые два десятилетия XXI века. Сравнительный социологический анализ позволяет выявить как социальную статику, так и социальную динамику в развитии духовно-нравственной культуры селян.

Так, в конце 80-х гг. прошлого столетия 23% респондентов Баймакского района, 30% молодых работников Альшеевского района Башкирии в понятие «хорошо жить» вкладывали и необходимость «жить с чистой совестью». Если учесть нерешённость материально-экономических и бытовых проблем, деформацию чувства хозяина земли, духовное обеднение деревни в советское время, то этот показатель можно рассматривать как надёжную идеально-практическую основу для дальнейшего нравственного прогресса сельских жителей.

По результатам анкетирования сельских тружеников Туймазинского района (1989 год) 58% опрошенных считали, что употребление спиртного возможно в праздники, а также по некоторым другим поводам (выходные, рыбалка и т.д.). 42% придерживались другой позиции – нежелательности употребления алкоголя. Причём более четверти респондентов были убеждены, что вполне можно прожить без выпивки.

В силу чрезмерной занятости многие сельские семьи не оказывают активного воспитательного воздействия на своих детей. Всё ещё применяются физические наказания. Например, 11% опрошенных мужчин и 16% женщин Баймакского района Башкирии были убеждены в том, что при воспитании детей можно применять физические меры наказания. В 70-х гг. согласно опросу в Московской области число мужчин, ратующих за физические меры воздействия на детей, в среднем достигало 27% [6, с. 186].

Духовно-культурные факторы – одна из причин чрезмерной миграции из села в город. Каковы основные причины миграции? Если объединить количество отмеченных причин в блоки, то на первом месте – трудные условия труда, быта и жизни (28 баллов), на втором – нехватка рабочих мест и желание учиться (23 балла), на третьем месте одна причина, которая перевешивает совокупность многих других – низкая зарплата (22 балла) и отсутствие свободы выбора и свободного времени (22 балла), на четвёртом месте – культурный досуг (16 баллов). В эпоху современных информационных технологий духовные и интеллектуальные блага стали доступны в значительной мере жителям деревни. Существование интернета и таких сервисов как Ютуб делают сегодня доступными для селян любые произведения искусства и художественной культуры. А в конце 80-х гг. жизнь в городе привлекала перспективой приобщения к культурно-бытовым благам, разнообразием досуга, возможностью приобретения друзей, создания семьи по собственному усмотрению.

Состояние физического здоровья человека выступает детерминирующим фактором, влияющим на нравственность. Плохое самочувствие, усталость, переутомление создают предпосылку для моральных отклонений. Если же речь идёт о хроническом заболевании, то его негативное влияние на моральный облик человека ещё сильнее. Больному человеку гораздо труднее найти силы для подлинно нравственного поведения.

Обследование в Баймакском районе позволило выявить закономерные связи. В ряде хозяйств была обнаружена самая низкая в районе степень удовлетворённости культурно-бытовым обслуживанием, наиболее низкий индекс инициативности, самый высокий процент неудовлетворённости морально-психологической атмосферой в своих коллективах, высокий уровень миграций. Общий знаменатель всех этих показателей можно обозначить как относительно плохое социальное самочувствие работников данных хозяйств.

Итак, вся совокупность исследований и объективных данных подтверждает гипотезу о корреляции уровня социально-экономической зрелости хозяйств, регионов, отдельных поселений с уровнем развития их моральной культуры.

На вопрос: «Оказывают ли вам помощь школьники и молодёжь?» из 1129 опрошенных пенсионеров колхоза им. Кирова Аургазинского района (1988 год) только 13 ответили положительно. 82% ветеранов не ощущают никакой поддержки со стороны молодого поколения. Оборотная сторона этого явления – недостаточное использование на практике жизненного опыта ветеранов. Лишь 21% пенсионеров указали на то, что их привлекают к воспитанию школьников, молодёжи. На основании этих данных можно сделать определённые выводы об общей нравственной атмосфере в данном поселении.

Проводившаяся в 70-е годы политика ликвидации «неперспективных» деревень негативно сказалась на школьном деле. Сокращение школ в малонаселённых пунктах причинило большой материальный и духовный ущерб обществу, ускорило процесс опустошения деревень. Предоставление социальных благ и преимуществ молодёжи, также лишение стариков даже элементарной помощи способствовало размытию здоровых нравственных начал на селе. К тому же молодёжь воспринимает тяжёлую жизнь, невзгоды пожилых людей как своё будущее и всеми способами стремится покинуть село. В современный период развития общества дискриминация старшего поколения сохранилась.

Практически все программы и финансовые вливания нацелены на молодёжные когорты. Средний возраст, не говоря уже о старшей возрастной группе, сознательно исключается государственной властью России из приоритетов социальной политики.

В некоторых населённых пунктах, например, в деревне Ново-Фёдоровка Аургазинского района, уделяется большое внимание организации досуга молодёжи, но по количеству правонарушений они занимают первые места. Оказалось, что в этих деревнях среди молодёжи много активистов, но ещё больше слой молодёжи, которая не участвует в духовной жизни. Сформулирована социологическая закономерность: преступлений, связанных с насилием, хулиганством больше всего совершается там, где велик разрыв между группой людей с относительно высоким уровнем духовной культуры и группой лиц с низким уровнем. Следовательно, сам факт большого количества мероприятий в сфере культуры и спорта – недостаточное основание для высокой оценки. Если в них участвуют одни и те же люди, то это может привести к углублению культурных различий между людьми и, как следствие, к аморальным отклонениям в поведении [1, с. 7–45; 2].

У сельских жителей Башкирии преобладают гуманно-трудовые и экологические ценности. В Европе, Японии, а также в ряде других регионов мира доминируют ценности общества, которое можно назвать экологическим. Основная часть населения такого общества стремится проживать не в городе, и не в селе, а в пригороде, посёлке городского типа. В экологическом обществе человек ведёт себя не как властитель природы, а как необходимый элемент биогеоценоза. В духовном аспекте в экологическом обществе преобладает гуманно-трудовая система ценностей. Надежды на науку как на движущую силу социального прогресса сменяются ориентацией на нравственное чувство самого человека. На первый план снова выходит трансформированная религия. Она становится похожей на веру в «космический разум», приходящей на смену конфессиональной религиозности с церковной догматикой и организацией.

Гуманно-трудовые, экологические ценности выходят на первый план в большинстве стран Европы, но его очаги можно обнаружить в США, Японии, России, Австралии. В частности, в нашей стране такими очагами являются садово-огородные и дачные кооперативы. Из регионов к описанной системе ценностей наиболее близки Уральский регион, Башкирия, Уфа. Перспективы развития предприятий Уральского региона, Башкирии и Уфы связаны с экологически ориентированной экономикой [3, с. 9–14].

Важная сфера духовного развития личности – свободное время и досуг. Далее приводятся данные сравнительных исследований в таблице 1.

Таблица 1

Предпочтение занятий селянами в свободное время (в процентах)

Предпочитаемый вид занятий в свободное время	**Туймазинский район (1989)**	**Альшеевский район (2003)**	**с. Байгильдино (2016)**
Чтение художественной литературы	21	15	6
Учёба, самообразование	9	8	5
Слушать музыку	13	11	5
Физкультура и спорт	15	9	4
Игра в карты и домино	3	5	1
Пение, танцы, рисование	8	3	3
Проводить время в интернете, социальных сетях			4
Просмотр телевизора	24	26	12
Посещение кино, театра			6

Как видим, уменьшилась потребность в чтении, в учёбе и самообразовании, слушании музыки, физкультуре, художественной самодеятельности и даже в просмотре телевизионных передач [2]. Данные результаты позволяют высказать гипотезу о тенденции к некоторой деградации духовной жизни в деревне за последние годы и десятилетия. Зато появилась новая потребность – общение в социальных сетях в интернете. Кроме того, информационные перегрузки, связанные с компьютером и телевидением, также внесли свою лепту в снижение уровня и качества духовной жизни селян.

Данные исследования 2016 года показывают, что просмотр телепередач преследует, прежде всего, развлекательные цели. Так, канал «Культура» предпочитают около 3%, научно-познавательные и информационные передачи и каналы предпочитают всего лишь 2%, выборочно-селективно смотрят телевизор только 3% селян, а не смотрят из-за нехватки времени лишь 0,6% респондентов; интернет телевидению предпочитают 2,5%. Таким образом, телевидение сохранило господствующее положение на культурном рынке [1, с. 30–31].

Исследования 2016–2019 гг. показали, что многие жители деревни не читают ни художественную, ни научную литературу. В целом, качественные духовные ценности не обладают достаточной степенью доступности для сельского жителя, что является показателем невысокого уровня развития духовной культуры села.

У городских подростков, по сравнению с сельскими, выше развита потребность в чтении и духовно-культурных занятиях [1, с. 93–94]. Следствием кризиса образования сельской школы является недостаточная духовно-практическая образованность сельской молодёжи, которая выражается в следующем: выпускники сельской школы, как правило, не имеют достаточной политехнической подготовки, физической подготовки, устойчивых мировоззренческих установок, социально-нравственного иммунитета, правовой, социологической и политической грамотности, навыков эстетической оценки действительности, способности самостоятельного мышления и других. Это результат кризиса общества, образования, школы. Но с другой стороны, это результат недостаточной духовно-практической подготовки молодёжи.

У многих выпускников сельских школ не выработано мировоззрение, нет необходимых трудовых навыков. Духовно-практическая культура находится у учащихся сельских школ на более низком уровне по сравнению с духовно-теоретической культурой, что выглядит нонсенсом для деревенской социальной среды. Формально средний уровень духовно-практического развития сельской молодёжи соответствует нормативным требованиям системы образования, а фактически этот уровень не соответствует требованиям действительности.

Назрела необходимость перехода от доминирования в работе школы информативно-познавательной (примат знания) к доминированию духовно-практической подготовки молодёжи к продуктивной самостоятельной жизни в условиях рыночных отношений (примат умений, практических навыков, духовно-нравственных установок).

Социальное самочувствие коррелирует с таким феноменом в жизни образовательной организации, как социально-психологический климат. В зависимости от уровня сплочённости в социологии труда различают такие типы первичных коллективов: сплочённые, расчленённые и разобщённые коллективы. Индекс разобщённости в сельской школе – 20 баллов. Индикаторы разобщённых коллективов: доминирование функциональных отношений, неразвитость социально-психологических контактов, высокая текучесть, частые конфликты. Индекс сплочённости – 80 баллов. Индикаторы сплочённого коллектива: стабильность его состава, поддержание между работниками дружеских контактов в рабочее и нерабочее время, высокий уровень трудовой дисциплины и общественной активности. Для большинства сельских школьных организаций характерно формирование коллективного самосознания, возникновение чувства «мы группа», осознание коллективом себя как общности. Расчленённые коллективы среди сельских школ практически не встречаются. В городских образовательных учреждениях индекс сплочённости составляет немногим более 50 баллов. И, в отличие от деревенских школ, в равной доле присутствуют

разобщённые (24%) и расчленённые (22%) коллективы. Высокая текучесть кадров, наличие группировок, а также большой разброс в показателях учебно-воспитательной деятельности – факторы, которые способствуют разобщению учительских коллективов города. Так, по отзывам 53% сельских респондентов коллеги в школе всегда помогут (в городе так ответили 25%). По мнению 27% учителей-селян и 38% учителей-горожан коллеги по работе скорее помогут. «Могут помочь, могут не помочь» – такая позиция чаще встречается в группе городских педагогов в соотношении 35:20. «Никогда не помогут» – данный вариант не встречается в сельской образовательной среде, а в городе он зафиксирован (таково мнение 3%).

Сплочённость является важнейшей, но не единственной характеристикой внутриколлективных трудовых отношений в общеобразовательной школе. Совместный труд предполагает состязательность между педагогами, что рождает соревнование и соперничество. Опережая городские педколлективы по параметру сплочённости, сельские уступают им по показателям конкурентности. В городе зачастую конкуренция вытесняет сотрудничество. На селе, напротив, сотрудничество доминирует над конкурентностью.

Далее попытаемся провести сравнительный анализ менталитета сельского и городского учительства. Как выяснилось в ходе обследования, сельскому учителю гораздо в большей степени присуще чувство вины за прошлые ошибки, недовольство собой (в пропорции 71:42). У работника городской школы, напротив, доминирует другая жизненная позиция: забвение ошибок прошлого, одобрение своих поступков (в пропорции 58:29). С одной стороны, современная социальная психология оценивает чувство вины, скорее, как негативный феномен, мешающей личности реализовать себя. С другой стороны, традиционная культура, напротив, культивирует чувство вины как позитивное качество личности. Следовательно, деревенский педагог во многом является носителем традиционных (патриархальных) ценностей.

Эта гипотеза подтверждается анализом ответа респондентов на другой вопрос. Городские учителя обнаружили большую толерантность в сравнении с сельскими. Так, 55% уфимских респондентов полагают, что надо прощать людей за совершённое зло (такую позицию поддержали только 25% селян).

По оптимистичности и позитивности мировосприятия сельские и городские педагоги оказались близки. 85% селян и 91% горожан убеждены, что окружающий мир скорее добр, нежели зол: «все стараются помогать мне в решении моих проблем». Субъективное восприятие окружающей среды как негативной свойственно 15% учителей села и 10% города [5; 6].

Социоанализ показал, что в группе учительства доминируют семейно-познавательные ценности (речь идёт о ценностях группировок социотипов) [4]. На втором месте, по количеству выборов, идут ценности либерально-демократические. В этом городские и сельские педагоги в целом единодушны. На третьем месте в общности учителей деревни оказались гуманно-трудовые, традиционные ценности: уважение к традициям, недоверие к новым идеям, опора на старое, проверенное, опора на личный заработок, спокойствие и стабильность, жизнь на природе. В группе уфимских педагогов на третьем месте оказались романтико-силовые ценности: организация и порядок, патриотизм, религия и вера, настрой на преодоление трудностей, готовность к жертвам. Таким образом, сельский учитель Башкирии больше привержен гуманно-трудовым, нежели военно-религиозным ценностям.

Практичность сельских жителей получила подтверждение в большей ориентации сельских учителей на профессиональную подготовку, а городские несколько больше направлены на формирование у воспитанников культурного багажа.

В вопросе о том, что в первую очередь должна давать школа, учащиеся также обнаруживают больший, в сравнении с учителями, прагматизм. Они считают, что школа должна готовить к профессиональной деятельности (20% против 10%). В свою очередь, учителя считают, что предназначение школы – обеспечивать высокий культурный уровень – 28% (среди подростков таковых в 2 раза меньше).

Духовно-нравственная культура выражается, прежде всего, в степени гуманности общества, превращении человека в главную ценность общественного прогресса. Невысокий уровень нравственной культуры села тесно связан с низким уровнем культуры общества в целом. Как показали многолетние исследования, сильная сторона духовной культуры деревни – сохранение традиционных ценностей. Однако во многих случаях даже тот минимум культурных ценностей, которым располагает село, далеко не всегда используется сельскими жителями ввиду слабой развитости духовных потребностей. В последние десятилетия произошёл определённый спад в активных формах занятий культурным творчеством, и соотношение потребительских и творческих элементов в культурной деятельности селян сложилось в пользу первых.

Литература

1. *Антошкин В.Н.* Социология сельской школы: опыт региональных исследований. монография. Уфа: Издательство БГПУ, 2017. 144 с.
2. *Антошкин В.Н.* Нравственная культура сельского жителя // Диссертация на соискание учёной степени кандидата философских наук. Уфа: Башкирский государственный университет имени 40-летия Октября, 1990. 178 с.
3. *Антошкин В.Н.* Экологическая политика и экологическое общество: от новых ценностей к новой экономике // Материалы международной научно-практической конференции «Развитие регионов и предприятий в условиях глобализации». Уфа: Уфимский институт (филиал) РЭУ имени Г.В. Плеханова, 2015. С. 9–14.
4. *Antoschkin V.N.* Sociological Research as a Method of Social Diagnostics // Eurasian Journal of Analytical Chemistry. 2017. Volume 12, Issue 7b. Pp. 1–9.
5. *Амирова Л.А., Антошкин В.Н.* Социальный портрет сельского учителя: результаты сравнительного исследования сельских и городских педагогов // Современные исследования социальных проблем. 2017. № 9. С. 5–24.
6. *Антошкин В.Н.* Социальные проблемы учителей и учащихся: по материалам социологических исследований // Педагогический журнал Башкортостана. 2017. № 1. С. 102–111.
7. *Гулыга А.В.* Кант. Москва: Издательство «Молодая гвардия», 1977. 304 с.

ПОЛИЭТНИЧНОСТЬ КАК ФАКТОР ГАРМОНИЗАЦИИ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Агишев Р.Р.

ГКУ Республики Мордовия «Научный центр социально-экономического мониторинга», Россия, г. Саранск

Аннотация. В статье освещаются особенности межнациональных отношений в условиях такого полиэтничного региона, как Республика Мордовия. На результатах социологических опросов 1999–2019 гг. прослеживается достаточно высокий уровень межнациональной толерантности в основных этнических группах региона – русские, мордва, татары, украинцы. Фиксируется стабильный характер межнациональных отношений в республике, отсутствие открытых межнациональных конфликтов. В то же время, выявлен незначительный процент опрошенных, указывающих на неприязненное отношение к татарам. Последнее, предположительно, связывается с мусульманским образом жизни татар, многие культурно отличительные черты которого могут выступать в качестве социального раздражителя.

Ключевые слова: межнациональные отношения, межэтническая напряженность, характер межэтнических отношений, этническая неприязнь, этнические границы, этнические сообщества, этноконфессиональные процессы.

Этнический фактор на территории постсоветского пространства играл и продолжает играть особую роль в социально-экономическом и политическом развитии большинства бывших республик Советского Союза, нередко определяя геополитический вектор развития страны или целого региона. Этот вывод в полной мере подтверждают примеры политических конфликтов в Грузии, Азербайджане и Украине, в которых культурно-историческое противостояние переросло сначала в экономическое, а потом в военное и межнациональное [1, с. 26].

Интерес к этой проблематике обусловлен полиэтническим характером многих регионов. Именно стабильные в этнополитическом плане регионы вызывают особый исследовательский интерес, так как межнациональные и межрелигиозные конфликты здесь могут протекать в латентной, закрытой форме. Оценка уровня социальной, в том числе и этнической, дискриминации в данном случае позволяет управлять межэтническими процессами в регионе и, в случае необходимости, своевременно купировать их негативные изменения.

Особенностей межэтнических отношений в контексте полемики в контексте изучения механизмов развития народов касались отечественные историки и философы: Данилевский Н.Я. [2], Чичерин Б.Н. [3], Хомяков А.С. [4], Соловьев В.С. [5] и т. д. В советский период исследователи к указанной проблематике обращались с позиции представлений о монолитном социалистическом обществе, сближения и постепенного исчезновения этнических границ, победы интернационального над национальным [6; 7].

В середине XX в. в Советском Союзе началось развиваться новое направление на стыке социологии и этнологии, получившее название этнической социологии. Усилиями ученых, пришедших из других областей знания, Ю.В. Арутюняна [8], Шкаратана О.И. [9], Дробижевой Л.М. [10], было положено начало исследования этнической специфики практически во всех областях жизни общества с применением методов социологического исследования.

Значительный вклад в осмысление феномена этничности, его содержания и эволюции внесли зарубежные исследователи, основные идеи которым можно объединить в несколько направлений. В рамках структуралистско-конструктивистской концепции Бурдье П. и Андерсен Б. считали, что понятия этничности, нации, этноса являются искусственно созданными [11].

Проблема межэтнических отношений привлекает внимание и исследователей Республики Мордовия, останавливающихся на разных аспектах взаимоотношений народов в регионе. В частности, геополитическая специфика межнациональных отношений исследуется в работах Д.В. Доленко [12]; исторические аспекты межнациональных отношений – Н.Ф. Мокшина [13], В.А. Юрченкова [14] и другие.

В контексте гармонизационной парадигмы, то есть выстраивания равного партнерства между национальными сообществами в рамках полиэтнического общества, межэтнические процессы исследовались учеными мордовской школы социологии профессора Сухарева А.И.: Богатовой О.А., Долгаевой Е.И., Козиным В.В. и др. Исследовательское направление основано на диалектическом подходе к государственному строительству, позволяющему более объективно и оперативно сочетать интересы федерального центра и субъектов федерации [15].

Вызывает интерес статья С.Г. Ушкина, В.В. Козина и В.В. Французова «Повседневные социокультурные практики межнационального взаимодействия населения в полиэтническом регионе», где на основе значительного объема социологических данных анализируется уровень межнациональной напряженности в Республике Мордовия. Исследователи отмечают, что «несмотря на внешнее спокойствие межнациональных отношений в регионе, требуется их постоянный мониторинг, в том числе и на уровне повседневных практик» [16, с. 361].

Несмотря на пристальный интерес республиканских исследователей к межнациональной тематике, отдельные вопросы межэтнического взаимодействия в Республике Мордовия (в частности, уровень межэтнической напряженности среди татар,

специфика этнической избирательности в общении и брачно-семейных отношениях мусульман, этническая избирательность украинцев и т. д.) остаются недостаточно изученными.

Эмпирической базой исследования специфики межнациональных отношений в полиэтничном регионе выступили результаты массовых мониторинговых исследований этноконфессиональной тематики, проведенных НИИ Регионология и ГКУ РМ «Научный центр социально-экономического мониторинга» в 1999–2019 гг.: «Резервы гармонизации социальных отношений в Мордовии» (1999–2008 гг., объем выборки – 1000 чел.), «Социальный портрет татар Республики Мордовия» (2016 г., 500 чел.)», «Социальный портрет украинцев Республики Мордовия» (2016 г., 300 чел.), «Качество жизни населения Республики Мордовия» (2018 г., 1000 чел.), «Как живет Мордовия?» (2019 г., 1000 чел.). Исследования строились на основе квотной выборки, которая репрезентирует население Республики Мордовия по полу, возрасту, национальности и территориальному признаку.

В 1999–2008 гг. в рамках исследования «Резервы гармонизации социальных отношений в Мордовии» был отмечен последовательный рост ответов респондентов, позитивно оценивающих характер этноконфессиональных отношений. Так, отвечая на вопрос анкеты «Оцените характер межэтнических отношений в Мордовии?», опрошенные стали реже выбирать ответ – «межнациональная напряженность ощущается на бытовом уровне». В 1999 году таких респондентов было 32,7%, в 2005 г. – 20,3%, а в 2008 г. – 18,2% [17, с. 6].

Результаты исследования показывают, что за рассматриваемый период серьезно изменилось мнение некоторых крупных этнических групп о наличии межнациональной напряженности. Так, среди татар в 2002–2008 гг. резко упала доля тех, кто ощущает латентную межнациональную напряженность, с 48,8% до 12,8% [18, с. 6]. Более того, татары стали в два раза чаще отмечать альтернативу «межнациональные отношения спокойные, добрососедские». Следует отметить, что мнение представителей других национальностей (мордвы, русских) также улучшилось в данный период.

Одновременно падает значение межнациональных и культурных различий, как факторов межэтнической напряженности. Респонденты, как показывают исследования, все чаще указывают на значимость для себя, в первую очередь, различий по доходам, возрасту и социальному положению. Представителей разных этнических общностей волновали, как правило, одни и те же проблемы – растущие цены на товары массового спроса, неудовлетворительное экономическое положение, социальная несправедливость и др. [19]. Этнические различия отмечаются с каждым годом реже. В частности, в 2005 г. значительная часть респондентов уже не придавала большого значения собственной этничности [20, с.45].

В указанный период происходит изменение восприятия характера межнациональных отношений во всех крупных этнических группах. При характеристике респондентами межнациональных отношений существенно возрастает доля позитивных оценок. Оценивая итоги серии этнополитических опросов в регионе, исследователи отмечают добрососедский характер межэтнического взаимодействия в республике между крупными социальными группами и высокую степень интегрированности этносов [21, с.121].

В то же время добрососедский характер межэтнических отношений в регионе не исключает проявлений национальной неприязни. Отдельные вопросы в анкете были направлены на измерение уровня данной неприязни и выявление национальностей, ставших ее объектом. Респондентам был задан вопрос «Приходилось ли Вам в повседневной жизни сталкиваться с неприязненным отношением к лицам Вашей национальности?». В 2002-2008 гг. происходит снижение доли лиц, которые сталкивались с неприязненным отношением к себе из–за своей национальности. Эта тенденция прослеживается примерно в равной степени, как в отношении русских, мордвы, так и татар. В частности, в указанный период среди русских доля таких лиц снизилась на 18,9%, среди мордвы – на 18,8%, среди татар – на 28,6% [22, с.10].

Следует особо отметить, что из всех крупных этнических групп региона татары чаще всего испытывают неприязнь из-за своей национальности. Предположительно это связано

с тем, что татары воспринимаются окружающими в качестве культурно-отличительного и экономически успешного меньшинства, и имеющего особый закрытый статус [23, с. 11].

В целом, результаты масштабных исследований 1999–2008 гг. показали, что в Республике Мордовия между различными этническими и религиозными сообществами ведется диалог, характеризующийся, как правило, толерантным отношением друг к другу. Более того, для отдельных территорий, на которых компактно проживают разные национальные общности, характерно «сглаживание» этнических границ. Зафиксировано существование относительно изолированных сельских национальных анклавов, немногочисленное население которых противопоставляет себя остальным.

Очередным этапом в исследовании межнациональных отношений в регионе стало проведение исследования «Социальный портрет татар Республики Мордовия» (2016 г.). В опросе приняло участие 500 представителей татарской национальностей в возрасте от 16 до 70 лет, проживающих в 20 населенных пунктах. Респондентам задавались вопросы о социальной самоидентификации, состоянии межэтнических и межконфессиональных отношений, социальных установках и ценностных ориентациях.

Особый интерес для исследователей представляла практика ежедневного «бытового» межэтнического взаимодействия. В этой связи респондентам задавался вопрос – «Насколько важным фактором в личном общении для Вас является национальная принадлежность человека?». В результате, каждый второй (50,2%), проживающий в республике татарин заявил, что в общении с человеком его национальность не имеет никакого значения. При этом 15,8% опрошенных указали на значимость национальности собеседника. Настораживающие результаты были зафиксированы и при ответе на вопрос о допустимости межнациональных браков. Более трети респондентов (35,1%) заявили о недопустимости межнациональных браков. При этом в отдельных населенных пунктах данный показатель превышает 60% [24, с. 29], что позволяет говорить о формировании в регионе достаточно закрытых национально-религиозных анклавов.

Тема изучения межнациональной и межконфессиональной напряженности прослеживалась дальше в рамках таких вопросов, как «Сталкивались ли Вы с негативным отношением к представителям своей национальности?» и «Сталкивались ли Вы с проявлениями неприязни, вражды на религиозной почве в месте Вашего проживания?». Полученные результаты, как и в вышеперечисленных случаях, свидетельствуют о наличии определенных проблем в данной сфере. В частности, большая часть опрошенных (62,5%) заявила, что за последний год не сталкивались с негативным отношением к представителям их национальности. Противоположного мнения придерживается, при этом, более трети респондентов – татар (37,5%) [25, с. 41].

По итогам проекта исследователи сделали следующие выводы. Во-первых, большая часть татар региона демонстрируют достаточно высокую степень толерантности к представителям других национальностей. Во-вторых, в республике существует потенциальные возможности для аккумулирования различных видов противоречий в отдельных сферах общественной жизни (в частности, в этноконфессиональной сфере).

Помимо татар в Республике Мордовия объектом изучения выступали украинцы, проживающие на территории региона. В рамках исследования «Социальный портрет украинцев Республики Мордовия» (2016 г.) были опрошены 300 украинцев, как давно проживающих на территории региона, так и получивших вид на жительство в последние несколько лет.

Значительная часть вопросов анкеты была посвящена теме этноконфессиональной напряженности. В частности, оценивались восприятие различных аспектов межэтнического взаимодействия, значимости национальной принадлежности в личном общении, восприятие межнациональных браков и религиозных установок.

Обращаясь к отдельным, наиболее знаковым результатам, указанного исследования можно выделить следующее. Большинство украинцев (73,1%) оценивает межнациональные отношения в месте своего проживания, как стабильные и добрососедские. О наличии

открытых конфликтов на межнациональной почве высказалось менее одного процента. Другим маркером наличия или отсутствия межэтнической напряженности между украинцами и представителями других народов, проживающих на территории региона, стали ответы на вопрос – «в связи с последними событиями на Украине приходилось ли Вам за последние два года сталкиваться с негативным отношением к людям украинской национальности?». В той или иной степени с негативным отношением к украинцам сталкивалась треть всех респондентов (33,4%). В этой связи следует заметить, что опрос осуществлялся в 2016 г. (год дальнейшего нарастания напряженности во взаимоотношениях Украины и России) [26, с. 31].

С точки зрения изучаемой темы интересно также мнение респондентов о наличии или отсутствии у них конфликтов с родственниками из-за событий на исторической родине – Украине. Так, пятая часть опрошенных респондентов (23,2%) заявила, что у них испортились отношения с родственниками (проживающими на территории Украины) после конфликта на Украине в 2014 г. [27, с. 32].

В целом, значимость темы этноконфессиональной напряженности для респондентов оказалась невысокой.

В 2018 г. в Республике Мордовия было проведено исследование «Качество жизни населения Республики Мордовия», в рамках которого респондентам задавались также вопросы о характере межнациональных отношений. Результаты опроса показали, что тема межнациональной напряженности у граждан находиться на одном из последних мест в рейтинге проблем. Более того, о межнациональной напряженности заявило лишь около 2% опрошенных независимо от их национальности и религиозной напряженности. Последнее, предположительно, свидетельствует о том, что в последние годы значимость социально-экономических проблем существенно выросла по сравнению с проблемами национального и религиозного характера.

В начале 2019 г. в регионе совместно с Институтом социально-политических исследований РАН проведен опрос «Как живет Мордовия?», подводящий своеобразный итог двум десятилетиям исследований межнациональной проблематики. В очередной раз зафиксирован низкий уровень межнациональной напряженности в республике и высокий уровень межэтнической коммуникации [28]. При этом, непростая социально-экономическая обстановка в регионе становится катализатором негативного отношения к трудовым мигрантам, прежде всего из стран Средней Азии и регионов Кавказа (Узбекистана, Азербайджана, Армении и т.д.).

Таким образом, оценивая характер межнациональных отношений в Республике Мордовия, можно говорить о формировании межэтнического диалога между представителями разных национальностей с непохожими культурными, мировоззренческими и религиозными установками. Проводимые социологические исследования фиксируют низкий уровень межнациональной напряженности, в том числе и по мотивам неприязни и вражды на религиозной почвы.

В то же время во взаимоотношениях разных национальностей в республике сохраняется деструктивный потенциал, который свидетельствует о латентном существовании противоречий, в частности, между татарами, как закрытым этническим сообществом, и остальными национальными общностями региона. Сферой, которая аккумулирует указанные противоречия, выступают семейно-брачные и конфессиональные отношения.

Полученные результаты исследований позволяют говорить о востребованности дальнейшего мониторинга межэтнических отношений в регионах с полиэтническим составом в целях гармонизации межнациональных отношений.

Литература

1. *Языкова А.К.* Россия и независимые государства Кавказа // Кавказ и глобализация. 2009. Т. 3. № 1. С. 25–32.
2. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. Москва: Издательство «Книга», 1991. 576 с.

3. *Чичерин Б.Н.* Россия накануне двадцатого столетия. Москва: Издательство «Гуго Штейниц», 1900. 180 с.
4. *Хомяков А.С.* Всемирная задача России. Москва: Издательство Институт русской цивилизации, 2011. 784 с.
5. *Соловьев В.С.* История России с древнейших времен. Москва: Издательство «Амфора», 2015. 414 с.
6. *Сталин И.В.* Национальный вопрос и ленинизм: Ответ товарищам Мешкову, Ковальчуку и другим. Москва: Издательство «Гос. изд-во полит. лит.», 1949. 67 с.
7. *Ленин В.И.* Критические заметки по национальному вопросу; О праве наций на самоопределение; О национальной гордости великороссо. Москва: Издательство «Политиздат», 1985. 93 с.
8. *Арутюнян Ю.В.* Об общем и национально-особенном в культурной жизни народов СССР // Всесоюзая научная конференция «Интернационализация духовной жизни сововетских народов в условиях развитого социализма». Вильнюс, 1982. 10 с.
9. *Шкаратан О.И.* Проблемы социальной структуры рабочего класса СССР. Москва: Издательство «Мысль», 1970. 471 с.
10. *Дробижева Л.М.* Духовная общность народов СССР: Историко-социологический очерк межнациональных отношений. Москва: Издательство «Мысль», 1981. 263 с.
11. *Андерсен Б.* Воображаемые сообщества. Москва: Издательство КАНОН-Пресс, 2001. 135 с.
12. *Доленко Д.В.* Политика и территория: основы политического регионоведения. Саранск: Издательство Мордовского университета, 2000. 259 с.
13. *Мокшин Н.Ф.* Мордовский этнос. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1989. 157 с.
14. *Юрченков В.А.* Начертание мордовской истории. Саранск: Издательство НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2012. 611 с.
15. *Сухарев А.И.* Основы регионологии. Саранск: Издательство НИИ регионологии, 1996. 120 с.
16. *Ушкин С.Г., Козин В.В., Французов В.В.* Повседневные социокультурные практики межнационального взаимодействия населения в полиэтническом регионе // Фино-угорский мир. 2019. Т. 11. № 3. С. 356–565.
17. *Богатова О.А., Карьгин А.И.* Мониторинг состояния межэтнических отношений в Республике Мордовия. Москва: Издательство «Рузаевский печатник», 2008. 54 с.
18. *Богатова О.А., Карьгин А.И.* Мониторинг состояния межэтнических отношений в Республике Мордовия. Саранск: Издательство «Рузаевский печатник», 2008. 54 с.
19. *Козин В.В., Ушкин С.Г.* Этносоциологические исследования в Республике Мордовия в 1990–2010 гг.: ретроспективный анализ // Регионология. 2019. Т. 27. № 4. С. 858–879.
20. *Богатова О.А.* Гармонизация межэтнических отношений в Мордовии // Резервы гармонизации социальных отношений в Мордовии. 2006. № 5. С. 44–51.
21. *Богатова О.А.* Межэтнические отношения: факторы конфликта и согласия // Резервы гармонизации социальных отношений в Мордовии. 2000. № 3. С. 118–139.
22. *Богатова О.А., Карьгин А.И.* Мониторинг состояния межэтнических отношений в Республике Мордовия. Саранск: Издательство «Рузаевский печатник», 2008. С. 16.
23. *Богатова О.А., Карьгин А.И.* Мониторинг состояния межэтнических отношений в Республике Мордовия. Саранск: Издательство «Рузаевский печатник», 2008. С. 23.
24. *Конаков В.В.* Социальный портрет татар Республики Мордовия. Саранск: Издательство «Рузаевский печатник», 2016. С. 45.
25. *Конаков В.В.* Социальный портрет татар Республики Мордовия. Саранск: Издательство «Рузаевский печатник», 2016. С. 41.
26. *Давыдов Д.В., Французов В.В.* Украинская диаспора Мордовии: восприятие политических событий на Украине // Бюллетень центра религиозных исследований. 2017. № 3. С. 20–55.

27. *Давыдов Д.В., Французов В.В.* Украинская диаспора Мордовии: восприятие политических событий на Украине // Бюллетень центра религиозных исследований. 2017. № 3. С. 32.
28. Материалы исследований ГКУ РМ «Научный центр социально-экономического мониторинга» по теме социологического исследования «Этноконфессиональная ситуация в Республике Мордовия», 2019.

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП В КАЗАХСТАНЕ (КЕЙС СТАДИ НУР-СУЛТАН)

Амангельдиева А.Т.[1], Досанова Г.М.[2]
[1]Казахстанский институт общественного развития «Рухани жаңғыру»,
[2]Евразийский национальный университет имени Л.Н.Гумилева,
Казахстан, г. Нур-Султан

Аннотация. Научная статья посвящена анализу взаимодействия различных этнических групп в Казахстане, на примере столицы Казахстана. Исследование основано на результатах первичных социологических данных посредством массового опроса. В статье представлены особенности и характеристика межэтнических отношений, анализ потенциальных факторов межэтнической напряженности.

Ключевые слова: межэтническое взаимодействие, социальная дистанция, этнические группы, межэтническая напряженность.

Казахстанское общество является многонациональным – в стране проживают представители более 130 национальностей. И каждая из них имеет свои историю, культуру, традиции, язык, менталитет. Социально-политические, экономические, идеологические процессы современности обусловливают постоянные взаимодействия между представителями различных этнических групп. Эти взаимодействия отличаются не только по содержанию, но и по форме, имея как положительный, так и отрицательный характер [1].

Вопросы межнационального взаимодействия входят в число наиболее значимых проблем современного Казахстана. Однако степень актуальности темы межнациональных отношений для разных регионов может существенно отличаться. Так, среди населения столицы высока доля доминирующего этноса (казахи составляют не менее 80%). При этом, в столице отсутствуют серьезные межнациональные разногласия, однако вопрос межэтнического взаимодействия не утрачивает свою актуальность.

Методология социологического исследования. Социологическое исследование на тему «Факторы консолидации этнических групп в казахстанском обществе» проводилось в столице Казахстана городе Нур-Султан в феврале-марте 2019 года. Сбор первичной социологической информации осуществлялся методом массового опроса. Метод отбора респондентов осуществлялся по двум ступеням. В качестве первой ступени отбора применялся метод квотного отбора с разбивкой по статистическим данным этносов, проживающих в городе Нур-Султан. Второй этап - применение метода снежного кома (каждый представитель целевой группы называл еще одного или нескольких человек, которые в эту группу входят),с соблюдением квотного отбора по национальной пропорции.

По данным Комитета по статистике Министерства национальной экономики Республики Казахстан на конец 2018 года в городе Нур-Султан проживают 1030577 жителей, из них 78,1% – казахи; 13,40% – русские; 1,8% – украинцы; 1,2% – татары; 1% – немцы; 0,9% – узбеки и другие – 3,97% [2].

Выборочную совокупность исследования составила 300 респондентов, в том числе казахи – 230, русские – 35, украинцы – 13, немцы – 4, татары – 3, узбеки – 6 и представители других этнических групп – 10 респондентов.

В ходе опроса помимо этнической принадлежности фиксировались такие социально-демографические характеристики как: пол, возраст, образование, род деятельности, семейное положение, благосостояние, определяемое на основе самооценки.

Основные результаты исследования. В целом, формирование благоприятных межэтнических отношений в государстве зависит не только от реализуемой политики государства и государственных органов в регулировании межэтнических отношений, но и от того, насколько высок уровень толерантности, близости, восприятия представителей других этносов.

С целью определения восприятия друг друга представителями разных этносов столицы в анкете содержался вопрос «В качестве кого Вы готовы принять представителей следующих этносов, проживающих в Казахстане?». В качестве вариантов данного вопроса выступили 7 утверждений согласно шкале социальной дистанции, введенной американским социологом Э.Богардусом в начале XX века [3]. Представленность этнических групп была обусловлена статистическими данными по городу Нур-Султан, таким образом, в выборку попали 7 основных этнических групп.

Таблица 1

Социальная дистанция между представителями различных этносов

	Казахов	**Русских**	**Украинцев**	**Татар**	**Узбеков**	**Немцев**	**Армян**
Как гражданина другого государства	98,1	97,2	93	93	93	95,1	93,7
Как туриста в моей стране	89,9	90,9	93	90,6	92	96,2	92,7
Как гражданина моей страны	95,2	94,9	86	84,9	82,9	87,7	82,9
В качестве знакомого	76,3	62,9	48,9	43,9	41,0	42,1	40,3
Как коллегу по работе	78,5	73,1	45,5	39,6	34,9	45,8	30,5
Как соседа по дому	81,1	66,5	42,3	36,3	31,7	48,4	28,5
Как близкого друга	91,1	55,9	33,1	28,5	22,4	35,2	25,3
Как партнера по браку	86,7	32,4	17,3	9,4	4,3	13,3	6,5

Как показывают результаты исследования, респонденты проявляют большую готовность к принятию других этнических групп. В этом отношений, можно заметить проявление толерантности в обществе. Однако, при сокращении дистанции уменьшается и уровень принятия. То есть, уровень восприятия респондентами других национальностей по индикаторам – близкий друг и партнер по браку являются самыми низкими. Следовательно, при установлении наиболее близких взаимодействии этническая принадлежность для человека играет важную роль.

На вопрос анкеты «Скажите пожалуйста, есть ли у Вас друзья среди представителей следующих религиозных конфессий?» ответы респондентов распредились следующим образом:«ислам» (89%), «православие» (64%), «католицизм» (17%), «протестантизм» (2,7%), «иудаизм» (1,7%), «буддизм» (1,7%).

Анализ корреляций переменных в этническом разрезе показывает, что у казахов имеются друзья среди представителей конфессий православия и католицизма, также у представителей других национальностей, принявших участие в опросе, имеются друзья среди членов следующих конфессий: ислам, православие, католицизм, протестантизм. Данный расклад указывает на положительное развитие межэтнических взаимодействий в столице.

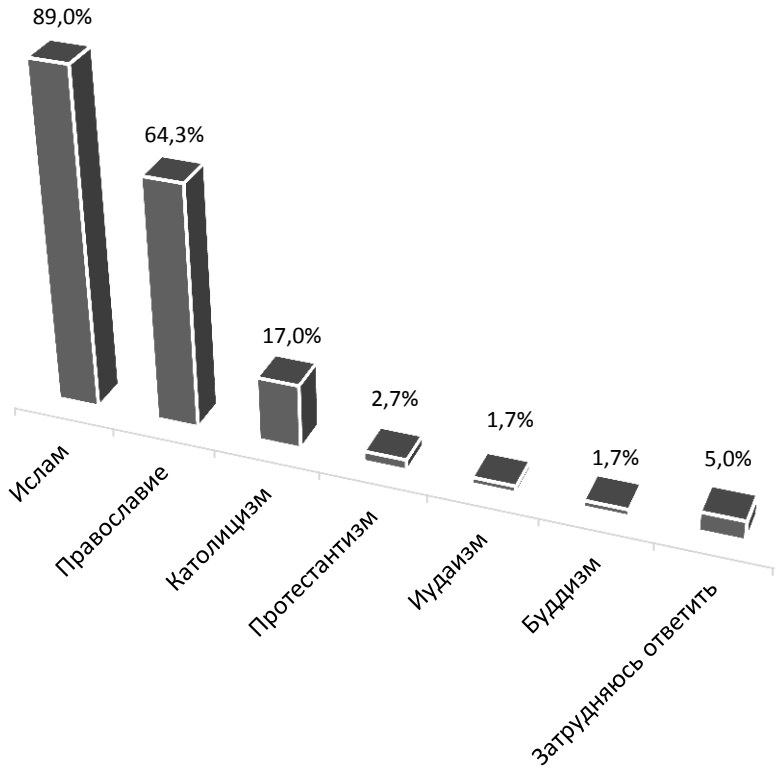


Рис. 1. Религиозные конфессии

Стоит отметить, что в повседневной жизни на уровень положительного восприятия респондентами других национальностей влияние семьи, в частности, родителей имеет значительную важность. В случае, когда установлены тесные контакты родителей с представителями других этносов, в процессе социализации их детей возрастает степень толерантности к представителям других этнических групп. В этой связи, актуален следующий вопрос: «Скажите, пожалуйста, когда Вы были ребенком были ли у Ваших родителей друзья (знакомые) других национальностей?». Превалирует доля респондентов указавших вариант «Да, были» – 75,7%, тогда как доля респондентов, ответивших «Нет, не было» составило 24,3%.

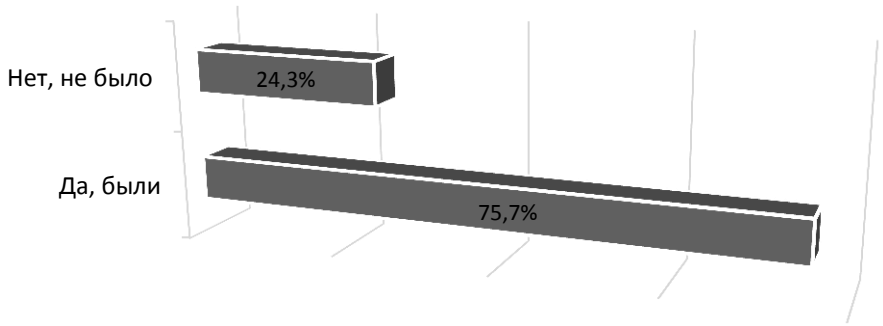


Рис. 2. Наличие друзей у родителей среди представителей других национальностей

Следует отметить, что с начала освоения целинных и залежных земель в Целинограде (современный Нур-Султан) увеличился приток людей из других союзных республик. Очевидно, что в полиэтничном обществе имеют место взаимодействия между различными этническими группами и развитие межэтнических связей. Данный фактор способствовал развитию благоприятной межэтнической ситуации в нынешней столице.

Уважительное отношение этносов к культуре друг друга - один из показателей толерантности. Наличие у людей интереса к изучению традций, обычев, языка других этнических групп содействует формированию позитивной межэтической ситуации. В связи с этим, в анкете был задан вопрос: «Возникало ли у Вас желание лучше узнать традиции, обычаи и изучитьь язык следующих этносов?». Ответы респондентов распределились следующим образом (см. таблицу 2).

Таблица 2

Интерес к изучению традиций, обычев, языка представителей различных этнических групп

Варианты ответа	**%**
Казахов	34,7%
Русских	21,9%
Украинцев	10,4%
Татар	6,1%
Узбеков	5,7%
Немцев	23,6%
Армян	4,4%
Такового желания не возникало	23,9%
Затрудняюсь ответить	6,7%

Вопрос «Каким Вы представляете Казахстан в будущем?» позволил выявить установки жителей города Нур-Султан относительно будущего страны. При этом 5,3% респондентов отметили, что представляют Казахстан в будущем как «моноэтническую страну, в которой проживают только казахи». Тогда как 12,0% респондентов отметили вариант ответа «полиэтнической страной, население которой говорит только на казахском языке». Как показывают данные исследования, превалирующая часть респондентов (78,0%) хотят видеть Казахстан в будущем как «полиэтническую страну, население которой владеет казахским, английским и русским языками».

Таблица 3

Представление о Казахстане в будущем

Варианты ответа	**%**
Моноэтнической страной, в которой проживают только казахи	5,3%
Полиэтнической страной, население которой говорит только на казахском языке	12,0%
Полиэтнической страной, население которого владеет казахским, английским и русским языками	78,0%
Затрудняюсь ответить	4,7%

Исходя из результатов исследования, жители столицы в будущем желают видеть Казахстан в качестве многонационального государства, что свидетельствует о высоком уровне толерантности к другим этническим группам. Кроме того, это свидетельствует о низком уровне национализма среди жителей.

На вопрос «Как Вы оцениваете ситуацию в отношениях между различными этносами в городе Нур-Султан» ответы респондентов распределились следующим образом (см. таблицу 4).

Таблица 4

Оценка межэтнической ситуации в столице

Варианты ответа	**%**
Благополучная	74,0%
Напряженная	24,0%
Конфликтная	0,0%
Затрудняюсь ответить	2,0%

На благополучное развитие межэтнических отношений в столице имеет влияние ряд факторов, в том числе процессы внутренней и внешней миграции, что способствует трансформации городского пространства и притяжению внутренних трудовых мигрантов.

Вместе с тем, из-за высоких миграционных потоков в столице у населения города формируется чувство толерантности, то есть в их повседневной жизни видеть представителей других национальностей и вступать с ними в контакт становится привычным.

Несмотря на положительную динамику межэтнических отношений в столице, данные настоящего исследования показывают, что имеет место межэтническая напряженность.

Так, на вопрос анкеты «Сталкивались ли Вы за последний год с нарушением Ваших прав по этническому признаку?». 15,3% респондентов отметили, что сталкивались с нарушением прав в разных сферах, тогда как 83,7% респондентов не имеют подобного негативного опыта.

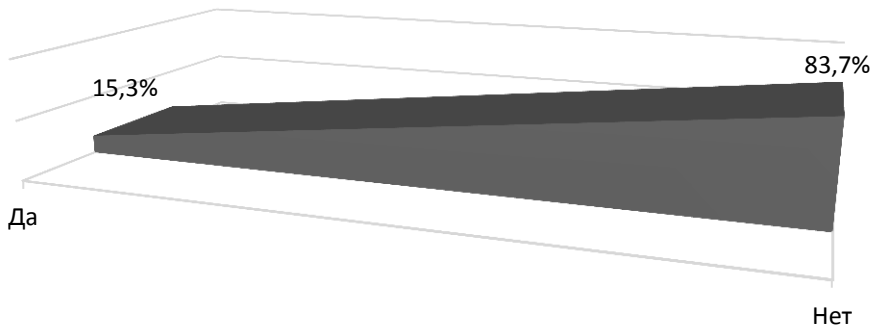


Рис. 3. Нарушение прав по этническому признаку

Для уточнения был задан следующий вопрос: «Если Ваши права нарушались, то в каких сферах?». Ответы респондентов распределились следующим образом (см. таблицу 5).

Исходя из результатов опроса, по мнению населения города, в казахстанском обществе имеются проблемы в сфере межэтнических отношений. В частности, респонденты сталкивались с проблемой владения государственным языком при приеме на работу в государственные органы. Одним из требований при приеме на государственную службу в Казахстане является владение государственным языком, что, по мнению респондентов, препятствует интеграции представителей славянской национальности в общество.

Таблица 5

Сферы нарушения прав по этническому признаку

Варианты ответа	**%**
Недостаточно возможностей для сохранения своей этнической культуры	10,0%
Нет возможности использования родного языка в общественных местах, на работе	32,5%
Нет возможности получить образование на родном языке	27,5%
Ограничение права на митинги и демонстрации	25,0%
Ограничения в получении социального жилья	35,0%
Ограничения на деятельность этнокультурных объединений	10,0%
При приеме в дошкольные, школьные и высшие учебные заведения	7,5%
При приеме на работу в государственные учреждения	30,0%
При создании и ведении бизнеса	5,0%
Затрудняюсь ответить	7,5%

В целом, результаты первичного социологического исследования показывают положительный характер развития межэтнических отношении и позитивную динамику межэтнической ситуации в стране на примере столицы г. Нур-Султан.

Литература

1. *Морозова Е.А., Кочнева О.П., Латфулина А.Р., Сухачева А.В.* Межнациональные отношения в регионе: Мнения кузбассовцев // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2017. №4(28). С. 114–125.
2. Официальный сайт Комитета по статистике Республики Казахстан. URL: http://stat.gov.kz/faces/wcnav_externalId/homeNumbersPopulation?lang=ru&_afrLoop=9261520454241291#%40%3F_afrLoop%3D9261520454241291%26lang%3Dru%26_adf.ctrl-state%3Ddosgipwky_4/ (Дата обращения: 15.06.2020).
3. Официальный ресурс «Google.com». URL: https://sites.google.com/site/test300m/ssd (Дата обращения: 15.06.2020).

ТИПЫ МИРОВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ: НА ПУТИ К СОТРУДНИЧЕСТВУ

Антошкин В.Н.

Башкирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы, Россия, г. Уфа

Аннотация. В статье анализируется проблема взаимоотношения между основными типами мировых цивилизаций. Показана целесообразность сотрудничества цивилизаций и раскрыты условия их мирного сосуществования. Интеграция ценностей в мировом

сообществе предполагает сохранение своеобразия каждого интегрального типа культуры и цивилизации.

Ключевые слова: цивилизация, культурно-исторический тип, социоанализ, социология и соционика, интегральный социотип, социальный характер, ценностно-мировоззренческие системы, типологический анализ, интеллектуальные технологии, социальные технологии, социальное управление.

Автор данной статьи интерпретирует цивилизацию не в смысле уровня развития общества, а как культурно-историческую идентичность или социально-культурный тип. Так, Данилевский Н.Я. исходил из невозможности общей теории общества, так как нет общей системы норм и ценностей, приемлемой для всех. Каждая культура уникальна, что обусловлено национальным характером. Культурно-исторический тип – интеграция существенных признаков социального организма. Данилевский сформулировал закон непередаваемости цивилизации [9: с. 87, с. 109].

Хантингтон С. выделил 8 основных цивилизаций: западная, японская, конфуцианская, исламская, индуистская, православная, латиноамериканская, африканская. В современном мире основными становятся не международные, а межцивилизационные отношения. По Хаттингтону, самые значительные конфликты будущего развернутся вдоль линий разлома между цивилизациями. «Эти различия не исчезнут в обозримом будущем. Они более фундаментальны, чем различия между политическими идеологиями и политическими режимами» [14].

Известный специалист в сфере типологии социоанализа Гуленко В.В. обосновал, что в будущем латиноамериканская цивилизация соединится с североамериканской, то есть станет вариантом западной цивилизации, африканская соединится с мусульманской, японская (тихоокеанская) – с конфуцианской. Следовательно, будет четыре мира: западный (евроатлантический), евразийский мир (православный), конфуцианско-японский и мир ислама. Социоанализ показал, что между западной и исламской, а также между евразийской и западной цивилизациями наблюдается соперничество. В то же время, как писал своё время Гумилёв Л., православные и мусульманские народы совместимы, что доказал и опыт СССР [8].

Каждая цивилизация, общность, этнос могут быть описаны категориями типологического социоанализа. Помимо интегрального социотипа, есть и интегральная психоформа – доминантная, нормирующая, творческая и гармонизирующая, своеобразный подтип или характер группы (Букалов А.В., Гуленко В.В.). Например, стремление какого-либо этноса или государства к гегемонии и комплекс имперского мышления адекватно описывается доминантной интегральной психоформой (Древний Рим, Россия, США). Пример творческой (креативной) психоформы – Франция, гармонической – Голландия, нормирующей – Белоруссия. Важно заметить, что интегральные психоформы этносов в отличие от интегральных типов могут изменяться. Например, под воздействием технологических революций или социальных конфликтов, военных поражений, трансформаций общества, смены элит. Пример: Турция. Доминантная интегральная психоформа исламской Османской империи породила имперский комплекс в поведении. В современной Турции как светском государстве возобладала творческая интегральная психоформа [7]. Теория подтипов или социального характера отражает динамику развития этноса, общности, организации или личности.

Обострение противоречий между цивилизациями проявляется в распространении терроризма. Характерно, что возникновение терроризма связано с деятельностью одной из первых христианских религиозных сект. Эта секта в Палестине в 66–73 гг. н.э. – сикарии (от слова «сика»- короткий меч). Мировосприятию первых христиан были свойственны крайняя враждебность, нетерпимость, агрессивность.

Религиозный терроризм – следствие конфликта ценностей. «Колониализм навязал нам современную систему воспитания, чуждую нашим убеждениям и далёкую от наших ценностей» [1]. Прежде всего, категорически отрицаются ценности общества потребления.

Нынешняя западная цивилизация в рамках восточного менталитета рассматривается как цивилизация «вайшьев» – цивилизация ростовщиков-процентщиков и торгашей-спекулянтов. Она на порядок ниже цивилизации «кшатриев»- воинов и на два порядка ниже цивилизации брахманов – духовных лидеров [11]. Усиление экстремистских тенденций под религиозным флагом в ряде стран Ближнего и Среднего Востока стало естественной реакцией на вторжение западных ценностей. Недовольство Западом трансформируется в недовольство всем современным миром и желание устранить его любой ценой, в том числе и ценой собственной жизни.

Основная черта религиозных террористов – невежество, в том числе и религиозное. Характерная черта религиозного терроризма – принципиальный отказ от каких-либо нововведений, враждебное отношение к науке. Поэтому они, главным образом, выступают не против западных религий, а против самой системы европейского Просвещения, науки и светского образования вообще.

Конфликт ценностно-мировоззренческих систем, помимо прочего, является следствием неравномерности развития различных государств и цивилизаций. После второй мировой войны на месте бывших колоний появились новые независимые государства. Социально-экономическая модернизация и её издержки создали предпосылки к возникновению широкой социальной базы терроризма. Резкий переход от традиционного общества к индустриальному спровоцировал состояние аномии, когда обнаружилась неспособность населения приспособиться к модернизационным процессам современности. Это создало предпосылки, в том числе, и для апелляции к исламским идеалам социальной справедливости, к истинно исламскому образу правления, к возврату в «золотое прошлое». У части населения мусульманских стран возникло недовольство Западом, а Ислам начал активную борьбу с процессом вестернизации. С точки зрения мусульманских улемов, нынешняя Западная цивилизация полностью десакрализована, обезбожена, полностью враждебна глубинной сути человека, созданного по образу и подобию Божию. Принять Западную цивилизацию как образец – значит заставить продать душу дьяволу.

Процесс глобализации приводит с стиранию национальных различий и перегородок, унификации культур. Зарождается ценностный релятивизм и плюрализм. В силу относительности всех ценностей и норм развивается индивидуализм, когда сам человек устанавливает для себя стандарты поведения. Происходит прагматизация всех сфер жизни. Практические интересы повседневной жизни вытесняют всемирные религиозные идеи на периферию человеческого внимания. В этих условиях религиозный терроризм отражает конфликт прошлого с настоящим, конфликт религиозного мировоззрения с логикой модернизационных процессов современного мира.

Высшая ступень развития социума базируется на лучших достижениях человеческой цивилизации, которые выдержали испытание временем. В частности, постепенно утверждается мысль о том, что не может быть экономично то, что наносит ущерб окружающей среде и человеку, зарождается новый подход к оценке производства, из успехов которого вычитается ущерб, причиняемый природе и жизни людей. Всемерно поощряются разработка и внедрение экологически чистых технологий, выдвинута идея «экосоциального рыночного хозяйства». На практике начинают внедряться политэкологические концепции сбалансированного с требованиями сохранения природы развития экономики.

Борьба за чистоту природы также может происходить в формах фанатизма и фундаментализма. Визитная карточка фанатизма-не содержание идей, а радикализм действий, борьба за внедрение утопий. Так, «политэкологи-фундаменталисты стали вовсе отрицать необходимость экономического роста и научно-технического совершенствования. Путём спасения окружающей среды они считают возвращение всего человечества к доиндустриальному производству, которое почти не причиняет природе ущерба» [12, с. 131]. Эти концепции, во-первых, утопичны, во-вторых, слишком радикальны, в-третьих, – реакционны. Фанатичное внедрение демократии, мультикультурализма и толерантности в Евросоюзе – характерный почерк доминантной группировки социотипов. Прогресс же

заключается в переходе от доминантных ценностей через креативные к нормирующим и гармонизирующим ценностям.

Данилевский Н.Я. подверг критике европоцентризм с его вытягиванием истории в одну линию. О. Шпенглер, опираясь на идеи Данилевского, также обосновал закат Европы. Разрыв в темпах развития исламского Востока, США и Евросоюза – главная причина ценностного и цивилизационного конфликта. Особенно конфликтным является сочетание силы как главной ценности исламской цивилизации и толерантной гуманности Европы, что и приводит к неуживчивости мигрантов в странах современной Европы. Кроме того, наблюдается тенденция к ликвидации наркотических группировок, в том числе алкогольных и табачных, как социального явления, особенно среди молодёжи. Казалось бы, в этом цели ислама и Евросоюза сходятся, что может стать основой для сотрудничества в реализации различных социальных проектов по воспитанию детей и подростков. Однако исламские радикалы стремятся не к сотрудничеству, не к интеграции ценностных систем, а к власти, доминированию и вытеснению светских ценностей, а здесь самый их серьёзный противник – европейское просвещение, наука и образование, которое нацелено на то, чтобы освободить личность от любых форм господства, в том числе и религиозного толка. Идеологическое зомбирование вступает в конфликт с объективной научной информацией. Или, говоря иначе, молодой социум агрессивно протестует против ценностей зрелого (взрослого) и старого (европейского) социума.

До сих пор до половины населения земного шара безграмотны, не умеют читать и писать. Вторая половина страдает не от недостатка, а от избытка информации, в которой доминирует пропаганда идеологических догм. Объективная научная информация способствует преодолению мифов и стереотипов. Так, существует миф об агрессивных намерениях Европы и НАТО. Социоанализ обосновал, что европейский социум в силу своей типологической природы не имеет ресурсов, чтобы долго удерживать под контролем большие территории. Скорее Евросоюз распадётся, нежели он присоединит к себе какие-либо новые территории. Другой миф заключается в том, что США стремятся к мировому господству. С одной стороны, обладая доминантным характером, США, как и Россия, стремятся к мировому лидерству. С другой, интегральный тип США энергетически не склонен создавать устойчивые организационные структуры. На их долю остаётся только мировое экономическое господство и распространение инновационных технологий. Идея конспирологов о том, что США выступают центром мирового заговора полностью является плодом их воображения либо проекцией своего бессознательного, подсознания, которое предписывает другой стороне собственные амбиции. Итак, научное просвещение способствует преодолению вековых предрассудков и стереотипов, а плохое знание других народов и цивилизаций является причиной их демонизации.

Социологический и политологический анализ показывает, что закон сменяемости ценностных группировок социотипов действует не только в направлении прогресса, но и в направлении регресса. По аналогии с феноменом биологического атавизма, приемлемо ввести понятие и социального атавизма. В согласии с законами наследования, у потомков могут проявляться признаки отдалённых предков. На социальном уровне развития материи мы обнаруживаем феномены возврата к пройденным ступеням социальной эволюции, к порядкам феодальных, рабовладельческих, имперских и даже архаичных этапов развития общества.

Так, Россия в 90-х гг. XX века совершила прогрессивную эволюцию в направлении социальных реформ и либерально-демократического общества. В 2000 году начала своё победоносное шествие идеология государственного консерватизма. [3; с. 6].Но, как утверждала советская пропаганда, ход истории никому остановить не дано. Доминировать в условиях рыночного общества можно, контролируя финансовые потоки и управляя бизнесом. В религиозных организациях вовсю идёт торговля, и они действуют по законам коммерческого предприятия. Имея массу государственных привилегий, религиозные структуры получают и солидное бюджетное финансирование. В условиях господства

силовых структур размываются основы свободной рыночной экономики и здоровой конкуренции. На первый план выходит борьба за распределение бюджетных средств через административные ресурсы и коррупционные механизмы, в том числе и в системе научных грантов. Роль финансовой системы и денег как главных двигателей экономики искажается давлением теневых капиталов, монополизмом государственных корпораций, а также такими явлениями как мафия и рэкет.

Ориентации религиозного или коммунистического толка обнаружили свою утопичность, т.е. недостижимость. Но вряд ли может быть устойчивым и долговременным сочетание либеральной конституции и авторитарного режима современной России, который ограничивает реализацию прав и свобод людей. Демократия в таких условиях выступает в форме имитации и декорации. А вот расхождение прогрессивной конституции и консервативно-традиционного сознания общества можно рассматривать и в позитивном смысле как идеальный образец, к которому нужно стремиться.

Неучёт или игнорирование качественной специфики нашей цивилизации проявляется и в системе государственного управления. Вместо поддержки новых технологий, новых учебных курсов и предметов, в системе образования взят курс на ликвидацию государственных и частных вузов, сокращение бюджетных расходов на науку и просвещение граждан. Причём основанием для закрытия учебных заведений служат сугубо западные чисто количественные критерии, которые никак не связаны с качеством учебного процесса либо связаны с ним формально. Оценка работы преподавателей и вузов ведётся по критериям торгового предприятия. Здесь мы видим акцентуацию рыночных принципов-неадекватное и неуместное проявление коммерциализации. Между тем, эффективность образования определяется качественными, а не количественными, духовными, интеллектуальными, информационными, а не экономическими параметрами. Идеология и пропаганда уникальности российской (евразийской) цивилизации входит в противоречие с практикой государственного управления духовной и интеллектуальной сферой жизни.

С точки зрения типовых представлений и, в частности, их разновидности – социоанализа, объективно существует разделение труда между народами и странами. Сегодня это мировое разделение труда. С позиции социоанализа противостояние ценностей можно объяснить типовыми различиями между цивилизациями, религиями и этносами. Исследования Виктора Гуленко показали, что каждая цивилизация играет свою функциональную роль в глобальном разделении труда [8].

Европа подвергается нападкам за её приверженность материализму, рационализму и науке, философии гедонизма и потребления, за то, что военная романтика вытеснена созиданием в социально-экономической сфере жизни. Действительно, согласно традиционным представлениям, индуистская, буддистская или евразийская цивилизации более духовны, в сравнении с западной, ориентированной на материальные и технократические ценности. Автор данной статьи, опираясь на последние достижения научной мысли, полагает, что есть разные типы духовности. Как минимум, существует 8 главных типов духовности в современном мире.

В мировом сообществе Россия играет роль своеобразного моста между Европой и Азией, Западом и Востоком. Это было известно давно. Любопытно, что социоанализ также по-своему обосновывает роль России как связующего звена между восточными и западными ценностями, коллективизмом и индивидуализмом. Именно через Россию Восток, третий мир переходит к более демократичному, открытому обществу. Это тот «золотой ключик», который закрывает эпоху тоталитаризма и открывает эпоху демократизма. Такие качества российского интегрального типа как стремление к гармонии отношений, миролюбие, мечтательность, способствуют тому, что рано или поздно старая система дает сбой и выключается. В XX веке дважды это происходило. В 1917 г. Россия скачкообразно прыгнула из монархии с ее крепостническими порядками в социализм, минуя капитализм. В 1991 г., также скачкообразно, рассталась с коммунистической утопией и вошла в мировое сообщество. Напомню, что не Прибалтика, не Украина, а Россия – главный инициатор выхода из СССР,

что и привело к его крушению. Как ни странно и ни парадоксально, но именно Россия подала странам СНГ и третьего мира пример перехода к либерально-демократическим ценностям. Правда, выполнив свою историческую миссию, наша страна снова вернулась в теплую берлогу авторитаризма.

Фромм Э. применял понятие «компенсаторное насилие». «Если нет необходимых предпосылок для самореализации, то в человеке появляются некрофильные тенденции, которые начинают господствовать над ним» [13, с. 39]. Эта идея согласуется с одним из главных практических приложений соционической науки – помощь в реализации своего природного потенциала и жизненного предназначения. Причём правомерно говорить о самореализации любых субъектов – от личности до нации. Важно отказаться от принципа эсхатологизма (восстановление «золотого века за чередой апокалипсических катастроф). Человеческая цивилизация построена на ценности человеческой жизни: человек, а не бог является абсолютом. Бог вторичен, это личное дело каждого. Если же встать на путь отрицания ценности человеческой жизни, то человечество запрограммирует себя на конец света, на войну всех против всех.

Возможна ли интеграция цивилизаций и человечества как глобальной общности? Объективный анализ показывает, что в мире и в любом обществе существует влиятельные элитные группы, которым выгодна конфронтация, военные конфликты, интересам которых прогрессивная динамика полностью противоречит. Инстинкты захвата, собственности и обладания исключают гармонию отношений. Чем больше у человека власти, тем больше животные инстинкты побеждают в нём человеческое. Следовательно, это вечная и до конца неразрешимая проблема. Единственно реально достижимая цель социального управления – конструктивное разрешение противоречий и конфликтов, минимизация социальных патологий, улучшение качества жизни для тех, кто этого желает.

Личностные социотипы во всех нациях одни и те же. Это основа для понимания, доверия, согласия и сотрудничества в глобальном масштабе. Набор поступков, форм и способов поведения во всех социумах одинаков, но различаются масштабы, уровни.

По концепции В. Гуленко, многополярный мир выстроится на основе ценностей группы, представленной социотипами с развитыми функциями труда, гуманизма и экологической направленности [8]. Профилактикой глобальной войны цивилизаций может быть установка на равноправное сотрудничество. Политика изоляционизма по типу Северной Кореи – путь в тупик. Поворот в мировых отношениях произойдёт, если мировые политические и духовные лидеры примут многополярный мир в своей политике и станут сотрудничать для его поддержания. Кроме того, необходим период взаимной адаптации. В этом случае между цивилизациями установятся предсказуемые отношения, и они перестанут конфликтовать.

Ни в одном из обществ никакая силовая группировка не может изолированно править и господствовать. В силовых структурах, если они не сотрудничают с экономическими прагматиками, начинается процесс самоуничтожения – среди людей тождественных типов и характеров наиболее острая конкуренция. Действуя изолированно, силовые социотипы добиваются обратных результатов: нравственность вытесняется преступностью и насилием государственной власти, патриотизм вырождается в национализм и фашизм, разрушающий страну, борьба за идеологические символы великой державы – ростом массовой бедности. Реформаторы-прагматики несколько по-иному понимают любовь к Родине. Патриот у них тот, кто работает на рост материального уровня жизни сограждан. Тот, кто своими действиями приводит к ухудшению жизни народа – непатриот. Сотрудничество государства и бизнеса благотворно, поскольку позволяет перейти от утопически-иллюзорных идеологических химер к здравому смыслу и прагматическому расчёту, удовлетворению интересов и потребностей общества, групп и личности.

В современном мусульманском мире развёртывается процесс исламской реформации, прогрессивные идеологи которой пытаются соединить позитивные ценности исламских и западных обществ на базе общечеловеческих ценностей. Оптимистично то, что все больше

реформаторов появляется на исламском Востоке, которые отстаивают ценности межкультурного диалога, научного просвещения, объективной информации, ответственности и модернизации. Исламская реформация призвана мифы заменить здравым смыслом.

Взаимодействие между ценностными группировками можно наладить, опираясь на точную социодиагностику. В каждой общности есть креативные, нормирующие и гармонизирующие типы социального характера, которые объективно выступают в роли коммуникативных связников. Так, исламская цивилизация постепенно эволюционирует от силовых ценностей к нормирующим. Благодаря многообразию характеров, можно наладить сотрудничество с любой общностью. Соционические технологии позволяют ускорить этот процесс, сделать его более экономичным.

Ценностные группировки есть в любой цивилизации, нации, фирме, организации, семье – массовое невежество не позволяет увидеть и осознать это. В любой нации и религии идёт яростная битва романтико-силовых и либерально-прагматических ценностей. Многообразие ценностей существует изначально, природно и это надо принять как данность – никакие акты геноцида не способны отменить природное устройство социума. Даже в индивиде основные ценностные системы сосуществуют между собой и закономерно сменяются в течение жизни. Кроме того, нельзя сбрасывать со счетов социальное и семейное воспитание, саморазвитие личности и коллективов. Только наполовину ценности определяются природным социотипом. Вторая половина – результат деятельности и свободной воли самой личности, семейного воспитания, обучения, влияния социальной и коммуникативной среды. Индивидуализация, рост автономии отдельной личности, её самостоятельности, независимости также работают на складывание новых форм кооперации, научное просвещение, делая человека толерантным, облегчит и ускорит процесс интеграции ценностных систем [2].

Литература

1. *Аль-Мауди, Абу Аль-Аля* Ислам сегодня. М.: Издательство «Сантлада», 1992. 35 с.
2. *Ант В.Н.* Законы развития социума и проблема интеграции ценностей // Менеджмент и кадры, психология управления, соционика и социология. 2017. № 5–6. С. 13–26.
3. *Ант В.Н.* Социальная и духовная динамика общества. Монография. Уфа, 2011. 201 с.
4. *Антошкин В.Н., Круль А.С.* Типологический анализ как метод исследования информационной структуры социальных систем // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. 2012. № 3. С. 65–76.
5. *Антошкин В.Н.* Соционика как социальная технология. монография. Уфа: Издательство LAP Lambert, 2013. 423 с.
6. *Антошкин В.Н.* Модернизация общества: законы и технологии прогресса. монография. Уфа: Издательство LAP Lambert, 2011. 254 с.
7. *Букалов А.В.* Интегральная соционика и исторические процессы // Менеджмент и кадры: психология управления, соционика и социология. 2009. № 5. С. 16–25.
8. *Гуленко В.В.* Эпоха цивилизаций: рождение в муках // Соционика, ментология и психология личности. 2012. № 5. С. 40–46.
9. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М.: Издательство «Книга», 1991. 573 с.
10. *Овчаров А.А.* Эффективность организации в изменяющемся обществе // Менеджмент и кадры: психология управления, соционика и социология. 2007. № 3–6. С. 20–35.
11. *Порохова В.* Коран на русском. Перевод смыслов и комментарии Иман Валерии Пороховой. М.: Издательство «Рипол Классик», 2007. 800 с.
12. *Кривогуз И.М.* Политология. М.: Издательство «Владос», 1999. 287 с.
13. *Фромм Э.* Душа человека. М: Издательство политической литературы, 1992. 437 с.
14. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М.: Издательство АСТ, 2003. 603 с.
15. *Хлебников П.* Разговор с варваро. М.: Издательство «Детектив-Пресс», 2003. 288 с.
16. *Эвола Ю.* Языческий империализм. М.: Издательство «Арктогея», 1990. 337 с.
17. *Адизес И.* Corporate Lifecycles. М.: Издательство «Prentice Hall», 1988. 293 с.

МАРКЕРЫ ИДЕНТИЧНОСТИ СЛАВЯН КАЗАХСТАНА: ЭТНОС, РЕЛИГИЯ И ЯЗЫК

Аппельганц Е.П.
НАО «Казахстанский институт общественного развития «Рухани жаңғыру», Казахстан, г. Нур-Султан

Аннотация. В статье рассматривается структура идентичности славян Казахстана на современном этапе через ряд таких маркеров, как этнос, религия и язык. В основу статьи положены результаты социологического исследования «Развитие русско-славянского населения Казахстана», которое было проведено Научно-исследовательским центром «Молодежь» в 2019 году по заказу Министерства общественного развития Республики Казахстан.

Ключевые слова: национальность, этнос, славянское население, идентичность, этническая идентичность, языковая идентичность, религиозная идентичность, гражданская идентичность.

История проживания славянских народов на территории Казахстана насчитывает более трех веков: появление здесь первых славянских переселенцев связано со строительством военных поселений и крепостей Российской империей. С тех времен имели место несколько крупных переселенческих волн как добровольного, так и принудительного характера. Последняя крупная волна переселения в Казахстан пришлась на так называемое освоение целины. Современные казахстанские славяне являются в основном потомками переселенцев XIX-XX веков [1, 2, 3].

Сегодня Республика Казахстан является полиэтническим государством: здесь проживают представители более 125 этнических групп. Несмотря на то что казахи все годы независимости (16 декабря 1991 года Казахстан впервые заявила о себе как о независимом государстве) были самой быстро растущей этнической группой, их общая доля в населении страны по состоянию на 1 января 2019 года составляет 68%. Вторая по численности населения этническая группа представлена русскими – 19%. Украинцы, которые в момент обретения Казахстаном независимости были третьим по численности этносом в стране, сейчас занимают четвертую строчку (уступая казахам, русским и узбекам) – 1,5%. Еще один славянский этнос, белорусы, составляет менее 1% от общей численности населения (см. Таблица 1).

Таблица 1

Данные переписей и последние оценки численности славянских этнических групп в Казахстане, (в %)

Национальность	**1926**	**1939**	**1959**	**1970**	**1979**	**1989**	**1999**	**2009**	**2019**
Русские	20,57	39,97	**42,69**	42,42	40,80	37,82	29,96	23,70	**19,32**
Украинцы	**13,88**	10,70	8,19	7,24	6,12	5,44	3,66	2,08	**1,47**
Белорусы	0,41	0,51	1,15	**1,54**	1,24	1,11	0,75	0,42	**0,30**

По данным Комитета по статистике Министерства национальной экономики РК на 1 января 2019 года

Несмотря на значительный вес представителей славянских народов в этнической структуре страны (более 3,5 млн. человек), их принято относить к стабильно уменьшающимся этносам. Для них характерны низкая рождаемость, высокая смертность и низкие темпы естественного прироста. Помимо перечисленных факторов растет поток убывающих, в основном в страны СНГ, в этом случае обычно речь идет о возращении на историческую родину. Каково социальное самочувствие славянских этносов в условиях поступательного сокращения их численности? Какие из маркеров этнической идентичности имеют ключевое

значение для них? Какие виды идентичности имеют доминирующее значение в сознании современных славян Казахстана?

В 2019 году Научно-исследовательским центром «Молодежь» в рамках реализации государственного задания было проведено социологическое исследование, целью которого являлось изучение вопросов восприятия казахстанскими славянами основных вех национальной истории и национального кода в условиях третьей модернизации. Методом сбора информации выступил массовый социологический опрос населения в возрасте 18 лет и старше, «face-to-face». Объем выборочной совокупности составил 1200 респондентов, были охвачены все регионы Республики Казахстан – города республиканского значения (с населением более 1 млн. жителей) Нур-Султан, Алматы и Шымкент, 14 областных центров, а также сельские населенные пункты. Выборка являлась репрезентативной, при этом отклонение средних характеристик выборочной совокупности от средних характеристик генеральной совокупности не превышало ± 3,5%.

Данное социологическое исследование включало в себя достаточно широкий спектр исследовательских задач. В рамках статьи представляется возможным отразить лишь небольшую часть полученного материала. В частности, подробно нами будут рассмотрены три основных вопроса, затрагивающих маркеры идентичности славян Казахстана: этнос, религия и язык.

Этническая идентичность в оценках славянского населения Казахстана. Вопрос, с которого начался анализ особенностей этнической идентичности славянского населения Казахстана, звучал следующим образом*: «Что Вы считаете своей Родиной?».* Результаты опроса показали, что наибольшее количество респондентов (42,2%) считают своей Родиной город или село, в котором они родились. Третья часть респондентов (33,3%) определяют в качестве своей Родины Республику Казахстан. Каждый десятый респондент назвал своей Родиной город/село, где он проживает в данный момент (10,4%). Советский Союз считают своей Родиной 8,1% опрошенных. Менее 2,6% респондентов отметили вариант «Земля, где жили предки». При этом ответ на данный вопрос вызвал затруднения лишь у 1,2% опрошенных (см. Таблица 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Что Вы считаете своей Родиной?», (в %)

Варианты ответов	**%**
Город, село, где родился	42,2
Республика Казахстан	33,3
Город, село, где живу я сейчас	10,4
Советский Союз	8,1
Земля, где жили предки	2,6
Город, село, где живут родители	2,3
Затрудняюсь ответить	1,2

Любопытно выглядят распределения ответов в разрезе город/село. Среди сельчан превалирует определение в качестве своей Родины Республики Казахстан (42,4%), в отличие от горожан (27,4%). Последние в 45,6% случаев считают Родиной населенный пункт, в котором они родились. Также тесно связано у горожан восприятие Родины с местом, в котором они проживают (12,6%), чего нельзя сказать о сельских жителях (7%).

Анализ в разрезе возрастных групп демонстрирует, что самый низкий процент определяющих в качестве своей Родины Республику Казахстан приходится на возрастную категорию от 60 лет и старше (24,5%), в отличие от других возрастов (34–35%). Именно данная возрастная группа наполнила преимущественно показатель по варианту «Советский Союз» (18,3%). Респонденты в возрасте от 30 лет и старше намного чаще определяли в качестве Ро-

дины населенный пункт, в котором они проживают на данный момент (11–12%), чем молодежь (7,3%).

Следующим вопросом, предложенным респондентам, был: *«С какой из следующих групп людей Вы, в первую очередь, испытываете чувство общности (единства)?»* Полученные данные указывают на то, что более половины респондентов идентифицируют себя с гражданами Казахстана (59,8%), порядка 15,4% – с людьми, говорящими на их языке, каждый десятый – с людьми их поколения, 6,4% – с людьми их национальности, около 3% – с людьми одной с ними профессии (см. Таблицу 3). При этом сельские жители чаще городских идентифицируют себя с гражданами Казахстана (67,7% и 54,9% соответственно). Молодежь склонна чаще идентифицировать себя с людьми своей национальности (8,6%), в отличие от возрастных групп 30-59 лет (5,3%) и старше 60 лет (6,7%).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «С какой из следующих групп людей Вы, в первую очередь, испытываете чувство общности (единства)?», (в %)

Варианты ответа	**%**
С гражданами Казахстана	59,8
С людьми, говорящими на Вашем языке	15,4
С людьми Вашего поколения	10,6
С людьми Вашей национальности	6,4
С людьми Вашей профессии	2,8
С людьми Вашего вероисповедания	0,9
Затрудняюсь ответить	3,9

Что касается вопроса идентификации с типом культуры, то чуть более половины респондентов (52,7%) отнесли себя к представителям русской культуры, около одной пятой части опрошенных (19,8%) – к представителям советской культуры, порядка 13% – европейской, 5,7% - казахской, менее 5% - к азиатской (см. Диаграмма 1). Анализ корреляций в разрезе типа поселения зафиксировал, что сельские жители намного чаще городских идентифицируют себя с русской культурой (62,3% и 46,5%), в то время как горожане – с европейской (15,1%) и советской (23,2%).

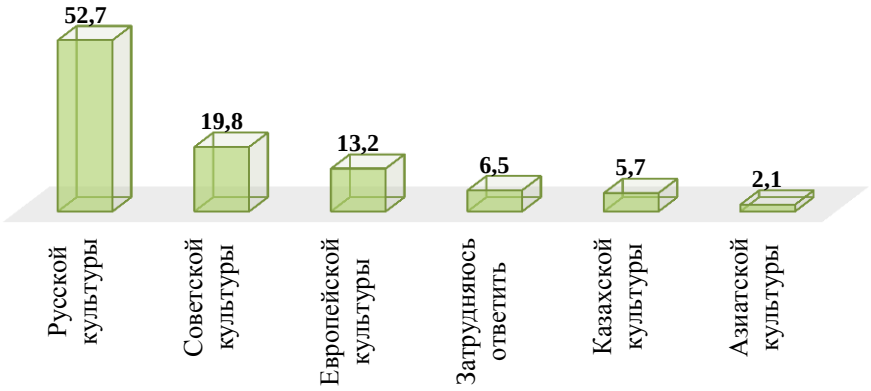


Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Представителем какой культуры Вы себя считаете?», (в %)

Около 40% респондентов на вопрос о том, что для них означает принадлежность к своей национальности (этносу), ответили, что она не имеет значения, что это формальная принадлежность. Всего 27,2% опрошенных считают, что это означает изучение и передачу

культуры и традиций своей нации, еще 15,6% – участие в совместных национальных и религиозных праздниках. Вариант «Гордость и поддержка национальной политики своей страны» выбрали чуть более 15% опрошенных. Каждый десятый респондент высказался в пользу того, что принадлежность к своему этносу должна выражаться в поддержке и помощи реальными делами представителям своей нации (см. Таблица 4).

Корреляция с типом поселения респондентов указывает на то, что сельчане чаще горожан соотносят принадлежность к своей национальности с участием в совместных национальных и религиозных праздниках (17,9% и 14% соответственно) и с изучением и передачей традиций своей нации (31,6% и 24,4%). Горожане, напротив, придают большее значение поддержке и помощи реальными делами представителям своей нации (11,7%), в отличие от сельчан (7,2%).

Также отметим, что женщины в большей степени ориентированы на изучение и передачу национальных традиций, чем мужчины. Последние чаще придерживаются мнения о том, что должна быть гордость и поддержка национальной политики своей страны (16,8%), а также больше склоняются к варианту «Не имеет значения, это просто формальная принадлежность» (40,5%).

Анализ корреляций в зависимости от материального положения респондентов показал, что чем ниже уровень доходов, тем чаще звучит мнение, что принадлежность к своему этносу – формальность. Так, среди респондентов, которые имеют очень высокие доходы, данный показатель равен 26%, в группе с низкими доходами он увеличивается до 35,8%. Меняется данный показатель и в зависимости от уровня образования – чем он выше, тем меньше респондентов придерживаются подобного мнения.

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос: «Что для Вас означает принадлежность к своей нации (этносу)?», (в %)

Варианты ответа	**%**
Не имеет значения, это просто формальная принадлежность	38,3
Изучение и передача культуры и традиции своей нации	27,2
Участие в совместных национальных и религиозных праздниках	15,6
Гордость и поддержка национальной политики своей страны	15,6
Поддержка и помощь реальными делами представителям своей нации	10
Затрудняюсь ответить	9,5

Религиозная идентичность в оценках славянского населения Казахстана. В процессе исследования был сформулирован ряд вопросов, направленных на анализ особенностей религиозного сознания славянского населения Казахстана. Первый вопрос из этой категории непосредственно коснулся самоопределения религиозной принадлежности респондентов. Анализ зафиксировал очень низкий процент тех, кто не просто определяет себя как верующего, но и участвует в жизни религиозной общины, следует религиозным нормам, – 10,8%. В полтора раза выше оказалась доля неверующих – 16,6%. Подавляющее большинство респондентов, более 70%, считают себя верующими, однако редко, только на праздники, посещают религиозные храмы и соблюдают религиозные нормы (см. Диаграмма 2).

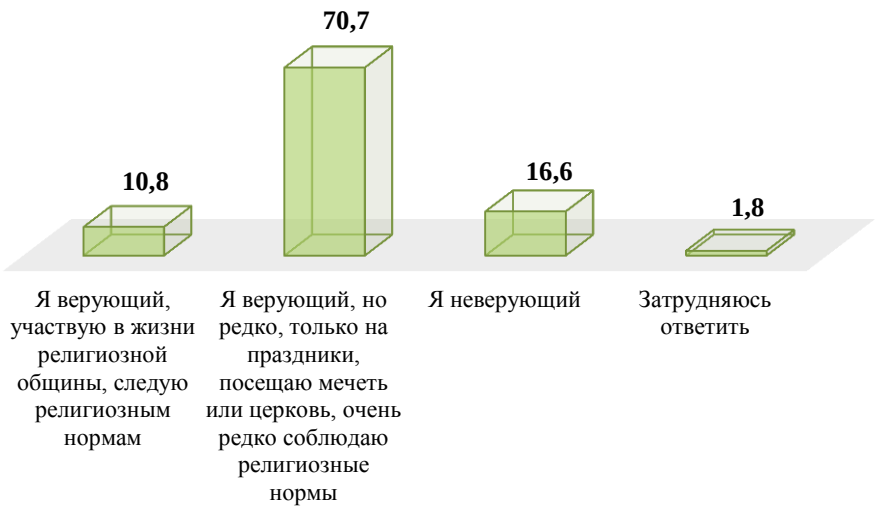


Рис. 2. Распределение ответов на вопрос:
«Скажите, пожалуйста, Вы считаете себя верующим человеком?», (в %)

Анализ корреляционных распределений в различных социально-демографических группах продемонстрировал ряд зависимостей классического плана. Так, среди женщин выше процент тех, кто идентифицирует себя в качестве практикующего верующего (12,2%) и верующего «по традиции» (72,9%), чем среди мужчин (9,1% и 68,4% соответственно), а процент неверующих гораздо меньше (13% и 20,7% соответственно).

Самое большое количество верующих респондентов приходится на возрастную группу от 60 лет и старше – 17,3%, что в два раза выше чем в других группах (9-10%). Верующие, но не соблюдающие религиозные ритуалы, шире всего представлены в возрастной когорте 30-59 лет (74,4%). Наиболее высокий показатель неверующих, практически в два раза превышающий аналогичные показатели в других возрастных группах, зафиксирован у молодежи (22,9%).

В некоторой степени неожиданными оказались данные в разрезе городские/сельские жители – более высокие показатели по верующим обнаружились в городах. Так, процент практикующих верующих в два раза выше среди горожан (13,4%), чем среди сельчан (6,6%). Последние чаще определяют себя через варианты «Я верующий, но редко, только на праздники, посещаю мечеть или церковь, очень редко соблюдаю религиозные нормы» (74%) и «Я неверующий» (18,1%), нежели горожане (68,7% и 15,6% соответственно).

Число практикующих верующих непрерывно растет по мере того, как увеличивается доход в семье – с 6,1% среди тех, у кого денег не хватает даже на питание, до 30% среди тех, кто не испытываем материальных затруднений в принципе. Категория респондентов, испытывающих финансовые трудности даже в приобретении еды, содержит не только самый маленький процент практикующих верующих, но и неверующих, - около 90% из них относятся к верующим «по традиции».

При этом четыре пятых опрошенных респондентов исповедуют христианство (82,8%), каждый десятый – не исповедует никакой религии (9,3%), менее 2% – ислам, 1% – другие религии (см. Диаграмма 3).

Более подробное рассмотрение особенностей религиозных практик у славянского населения Казахстана демонстрирует довольно низкие показатели вовлеченности в религиозную жизнь. Культовые сооружения на регулярной основе посещают всего порядка 17% респондентов (совокупный показатель по вариантам ответов «каждый день», «каждую неделю» и «2-3 раза в год»), 2-3 раза в год или даже раз в несколько лет – 54,4%, никогда – 28,7% (Таблица 5).

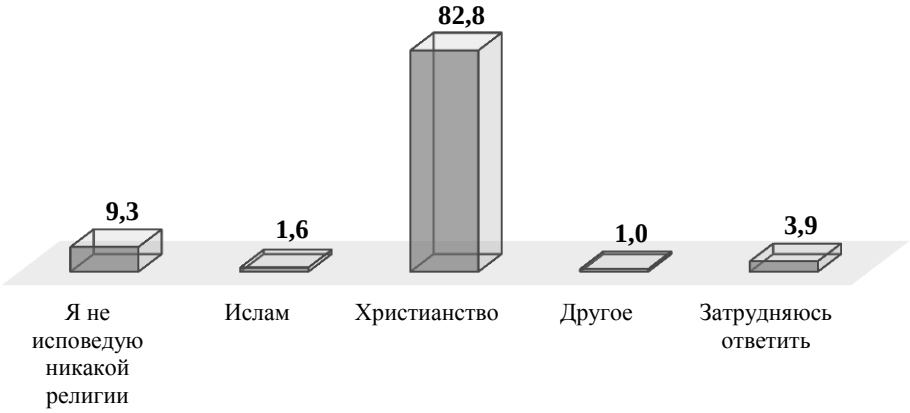


Рис. 3. Распределение ответов на вопрос:
«Укажите, пожалуйста, к какой религии Вы себя относите?», в %

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос: «Как часто Вы…», (в %)

Варианты ответа	***Каждый день***	***Каждую неделю***	***Каждый месяц***	***2-3 раза в год***	***Один раз в несколько лет***	***Никогда***
Посещаете культовое сооружение (мечеть / церковь / синагогу)	0,5	4,3	11,7	**33,7**	20,7	28,7
Читаете религиозную литературу	0,9	2,2	5,8	9,7	14,2	**66,7**
Смотрите религиозные телевизионные каналы	0,7	1,8	3,5	8,4	7,9	**77,1**
Посещаете религиозные сайты	0,5	1,3	2,5	4,6	6,3	**83,9**
Беседуете с родственниками на тему религии	1	2,5	5,1	17,7	14,6	**58,6**
Беседуете с друзьями, единоверцами на тему религии	0,8	2,9	6,2	13,4	11,8	**64,3**
Беседуете с духовенством (имамом, священником, пастором)	0,7	3,1	5,2	13,7	13	**63,8**

В разрезе гендерной принадлежности респондентов религиозные храмы чаще посещают женщины. Среди мужчин значительно выше процент тех, кто никогда не посещает мечеть/церковь/синагогу, в отличие от женщин (32,4% и 25,7% соответственно). Чем выше возраст респондентов, тем чаще они посещают религиозные храмы.

Религиозную литературу не читают более 65% опрошенных, читают на регулярной основе от одного раза в месяц и чаще менее 10% (Таблица 5). В последнем случае по большей части речь идет о респондентах женского пола от 60 лет и старше.

Религиозные телевизионные каналы никогда не смотрят 77% респондентов. На долю тех, кто смотрит религиозные каналы не реже одного раза в месяц, приходится 6% респондентов (см. Таблица 5), среди них преобладают мужчины в возрасте 60 лет и старше.

Посещают религиозные сайты относительно часто менее 5% респондентов, более 83% – никогда не интересуются информацией на специализированных религиозных сайтах.

Редко респонденты беседуют на религиозные темы с родственниками – 8% опрошенных делают это не реже одного раза в месяц, около 60% - никогда не ведут беседы на подобные темы с кем-либо из родных, 32,3% - не чаще одного раза в несколько лет

(Таблица 5). Чаще всего подобные разговоры ведутся в семьях с высокими доходами. Кроме того, респонденты имеют неоконченное среднее или высшее образование, принадлежат преимущественно к женскому полу старше 60 лет, чаще проживают в селах, чем городах.

Беседы на религиозные темы с друзьями, единоверцами ведутся еще реже – почти 10% опрошенных разговаривают с ними о религии не реже одного раза в месяц, причем более 64% респондентов вообще не общаются по данной тематике. Практически аналогичная картина складывается в случае бесед с духовенством (см. Таблица 5).

Языковая самоидентификация славянского населения Казахстана. Как показал опрос, в наибольшей степени славянское население понимает и владеет навыками разговора на русском языке - 99,7% (суммарный показатель вариантов «Понимаю, а также могу участвовать в несложном разговоре» и «Могу свободно говорить, читать и писать»). Значительно отстает от русского языка в этом плане казахский язык (30,7%). Уровень владения английским языком очень низкий – 17,9% (см. Таблицу 6).

Корреляция с типом проживания населения выявила большую разницу в уровне владения языками между городским и сельским населением. Так, большой разрыв наблюдается с английским языком – сельчане знают его намного хуже горожан (13,7% и 20,8% по вариантам «Понимаю, а также могу участвовать в несложном разговоре» и «Могу свободно говорить, читать и писать»). При этом сельские жители лучше городских понимают и говорят на казахском языке (суммарный показатель вариантов «Понимаю, а также могу участвовать в несложном разговоре» и «Могу свободно говорить, читать и писать» 35% и 20,8% соответственно).

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос: «Укажите, в какой степени Вы владеете следующими языками?», (в %)

Варианты ответов	Казахский	Русский	Английский
Совершенно не знаю	22,7	0,3	43,8
Знаю только несколько слов и фраз	46,3	0,6	38
Понимаю, а также могу участвовать в несложном разговоре	24,4	1,5	14,3
Могу свободно говорить, читать и писать	6,3	97,2	3,6

Далее у респондентов поинтересовались тем, на каком языке обучаются их дети в детском саду/школе. С учетом того, что 33% опрошенных не имеют детей, 63% из оставшихся 67% посещают образовательные группы с русским языком обучения. На долю тех, чьи дети обучаются на казахском языке, приходится всего 3%, на родном языке этноса – 1% (см. Таблица 7).

Таблица 7

Распределение ответов на вопросы: «Если Ваши дети ходят в детский сад/школу, то на каком языке они воспитываются / учатся?», (в %)

Варианты ответа	%
На русском языке	63
На казахском языке	3
На родном языке моего этноса	1
У меня нет детей или они не посещают детский сад	33

Мнения респондентов относительно того, хотели бы они изучать (совершенствовать) казахский язык, то есть государственный язык, разделились. Практически половина опрошенных ответили, что хотели бы это делать, так как данный навык пригодится в будущем. 16% респондентов также ответили утвердительно, считая это необходимостью. 5% опрошенных дали отрицательный ответ, мотивирую это тем, что изучать английский язык практичнее, 6% - утверждают, что в совершенстве знают казахский язык. Приблизительно третья часть славянского населения выразила отсутствие желания и необходимости изучать казахский язык – 29% (Таблица 8).

Распределение данных по критерию гендера демонстрирует, что мужчины чаще склонны отказываться от изучения казахского языка (30,2%), чем женщины (27,5%), однако среди них в два раза выше показатель владения казахским языком в совершенстве (8,2%), в отличие о женщин (4,1%). Женщины же в большей степени проявляют желание изучать государственный язык, нежели мужчины. Так, суммарный показатель вариантов «Да, считаю это необходимым» и «Да, думаю, что это может пригодиться в будущем» у женщин составил 63,3%, у мужчин – 56%.

Анализ желания изучать казахский язык в разрезе возраста свидетельствует о наличии значимых корреляций. Нежелание изучать государственный язык по причине отсутствия необходимости в этом растет вместе с возрастом респондентов (18–29 лет – 14,6%, 30–59 – 27,1%, 60 лет и старше – 56%), по причине актуальности английского языка – напротив, падает с увеличением возраста респондентов (18–29 лет – 8,1%, 30–59 – 5,1%, 60 лет и старше – 1,4%). Соответственно, более младшие возрастные группы проявляют больше мотивации в отношении изучения государственного языка (суммарный показатель вариантов «Да, считаю это необходимым» и «Да, думаю, что это может пригодиться в будущем» среди молодежи составляет 69%, среди респондентов в возрасте 30–59 лет – 62,4%, от 60 лет и старше – 37,7%).

Анализ корреляций с уровнем образования респондентов выявил, что это еще один социальный срез, дифференцирующий отношение людей к потребности изучения казахского языка. Так, чем ниже уровень образования, тем меньше респонденты проявляют желание изучать государственный язык – если респонденты с высшим образованием отказываются изучать язык в 20% случаев, то в группе респондентов с неоконченным средним образование показатель увеличивается более чем в четыре раза и составляет 78,6%. Отказ от изучения казахского языка в пользу английского растет по мере повышения степени образованности респондентов – с 0% у респондентов с неоконченным средним до 7% у тех, кто имеет высшее образование. Желание овладеть казахским языком также возрастает по мере повышения уровня образования – с 21,4% (неоконченное высшее) до 65,1% (высшее). Важно также отметить, что процент респондентов, которые в совершенстве владеют казахским языком, увеличивается по мере перехода к группам с более высоким уровнем образования – с 0% (неоконченное среднее) до 9,6% (высшее).

Таблица 8

Распределение ответов на вопросы:
«Хотели бы Вы начать изучать (совершенствовать) казахский язык?», (в %)

Варианты ответа	**%**
Да, считаю это необходимым	16
Да, думаю, что это может пригодиться в будущем	44
Нет, мне достаточно того, что я знаю русский	29
Нет, я лучше буду изучать английский язык, он важнее	5
Знаю казахский язык в совершенстве	6

Таким образом, была предпринята попытка выяснить очертания идентичности славянских жителей Казахстана в том виде, в каком она ими осознается. Полученное распределение

факторов самоидентификации может говорить о том, что наиболее нагруженный и действенный критерий носит локальный характер - это так называя «малая родина», то есть место рождения. Вторым по значимости для самоопределения критерием служит гражданская идентичность - «большая родина», то есть казахстанское гражданство. Третий критерий – принадлежность к месту проживания, территориальная локальность.

Национальная (этническая) идентичность для значительной части славян Казахстана носит формальный характер, в структуре их идентичности преобладают другие маркеры самоидентификации. В этом случае этническая идентичность зачастую имеет формализованное закрепление, когда при получении документов, удостоверяющих личность, необходимо указать свою национальность, и традиционно это делается, исходя из национальности отца (при этом граждане Республики Казахстан имеют право не указывать свою национальность). Таким образом, собственная национальная (этническая) принадлежность осознается человеком, но не имеет особого значения в его жизни.

Изучение религиозной структуры славянского населения говорит о том, что подавляющее большинство представлено так называемыми традиционными верующими, а уровень воцерковленности крайне низок. Даже если учитывать тот факт, что традиционный тип верующего предполагает определенную степень индефферентности к религиозным обрядам, в случае со славянским населением Казахстана доля тех, кто вовлечен в религиозные практики, очень мала. В данном случае религиозная самоидентификация маркирует прежде всего общую культурно-цивилизационную принадлежность членов группы и их национальную идентичность.

При этом большую роль играет языковая идентичность, а именно соотнесение себя с русскоговорящей общностью Казахстана. Для славян Казахстана русский язык является одним из ключевых маркеров духовного единства не только с русскоговорящими представителями славянских этносов, проживающих в одной с ними стране, но и с носителями русского языка за ее пределами.

Стоит отметить, что возраст и уровень образования славянского населения Казахстана являются значимыми признаками в отношении казахского, то есть государственного, языка. Образованная молодежь относится к казахскому языку более инструментально, чем ее родители: у нее есть желание изучать государственный язык, и, можно предположить, что она связывает свое будущее с Казахстаном, не планирует эмигрировать, а пытается интегрироваться в казахстанское общество.

Литература

1. Официальный сайт Ассамблеи народа Казахстана (русские). URL: https://assembly.kz/ru/-ethnos/kk/russkie (Дата обращения: 10.04.2020).
2. Официальный сайт Ассамблеи народа Казахстан (украинцы). URL: https://assembly.kz/ru/-ethnos/ru/ukraintsy/ (Дата обращения: 10.04.2020).
3. Официальный сайт Ассамблеи народа Казахстана (белорусы). URL: https://assembly.kz-/ru/ethnos/ru/belorusy/ (Дата обращения: 10.04.2020).

ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ СЛОЖНОЙ ВЗАИМОСВЯЗИ

Ашрапова А.Х., Зинатуллина З.Р., Сидоров В.В.

Казанский федеральный университет,

Россия, г. Казань

Аннотация. Вопрос о формировании гражданской идентичности всегда стоял в центре внимания социологов, политологов, историков. Как объяснить самоопределение людей в сложном мире, где происходит постоянное смешение и изменение границ национальных

государств, меняется роль религии, происходят процессы глобализации. Многие исследователи выделяют особую роль языка как маркера идентичности. Как изучают эту сложную взаимосвязь в современной науке? Данная статья рассматривает подходы к решению проблемы изучения взаимосвязи гражданской идентичности и языковой политики.

Ключевые слова: билингвизм, гражданская идентичность, национализм, этничность, языковая политика.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00870

Современные национальные государства традиционно стремятся создать гражданские нации. Основой для самоидентификации людей должно стать государство, а не этническая группа. Проблем не возникает если в государстве существует одна этнонация и она совпадает с гражданской нацией. Однако в многонациональных государствах (такой термин предполагает, что нация понимается как этнонация) часто возникают сложности с формированием устойчивой гражданской нацией. В многонациональных государствах этнонации могут заявить о праве на самоопределение и это будет привносить нестабильность в политический процесс и угрожать единству государства. Как сделать чтобы все люди считали государство «своим», а не «чужим» по отношению к их этнической группе? Для этого государству предстоит сформировать сильную гражданскую идентичность, если такая идентичность не сформировалась исторически. Инструменты формирования гражданской идентичности различны, но среди них особое место занимает языковая политика. Именно язык может стать объединяющим фактором (или наоборот – разъединяющим) при формировании единой гражданской общности.

Распад СССР привел к неизбежному формированию новых государств на постсоветском пространстве. Новые государства остро нуждались в укреплении новой государственности и новых идентичностей. Данный период дал большое количество эмпирического материала для исследования этносоциальных процессов. Россия является многонациональным государством, где проблема формирования гражданской идентичности стоит достаточно остро. За время, прошедшее с распада СССР, в общественных науках появилось большое количество исследований, посвященных взаимосвязи политики формирования идентичности и языковой политики новых государств на постсоветском пространстве. Стоит отметить, что подходы к исследованию данной проблематики сильно разняться. Подобного рода исследования можно разделить на две большие группы – теоретические и эмпирические. Такое деление будет условным, поскольку часто цель эмпирического исследования – создание теории, а теоретическое исследование часто проверяется эмпирически или, как минимум, дополняется иллюстрациями из практики. В данной статье мы проанализируем исследования взаимосвязей гражданской идентичности и языковой политики.

Одно из самых известных исследований взаимосвязи формирования гражданской идентичности и языковой политики было предпринято известным американским социолингвистом и политологом Дэвидом Лейтиным. В его книге «Идентичность в формировании: русскоязычное население в ближнем зарубежье» Д.Лейтин применил совокупность как теоретических, так и эмпирических методов [1]. Методологическая база исследования впечатляет: теория игр, массовые опросы, этнография, контент-анализ и языковые эксперименты. Его цель состояла в том, чтобы более полно понять выбор языка и идентичности русскоязычной диаспоры в Эстонии, Латвии, Украине и Казахстане.

Этнографические методы позволяют интегрировать решения индивидов в анализ широких социально-политических моделей.

Отправной точкой для анализа Д.Лейтина является идея о том, что национальная идентичность скорее сконструированным явлением. Нации создаются действиями государственных в сфере культуры (а значит и языка) и индивидуальными стратегиями обычных людей.

В теоретической части книги Д.Лейтин анализирует идентичность сквозь призму теории рационального выбора. Изменение идентичности (ассимиляция) рассматривается как «игра с переломной точкой».

Люди будут выбирать язык на основе расчета экономических и статусных преимуществ знания этого языка. В этом расчете они будут зависеть от того, что, по их мнению, будут выбирать другие люди.

В Литве и Эстонии языки титульных наций совершенно не похожи на русский. Кроме того, новые элиты заняли жесткую позицию относительно русскоязычных меньшинств. Русскоязычное население вскоре столкнулось с выбором: выучить язык титульной нации (если не в нынешнем поколении, то хотя бы в следующем поколении), создать собственную новую идентичность или мигрировать в Россию, которая предложила на тот момент мало возможностей для мигрантов.

В отличие от Прибалтики, в Казахстане языковая политика была мягче. Многие жители страны плохо говорили на казахском языке, даже являясь этническими казахами. Русские не чувствовали необходимости учить казахский язык. Для русскоговорящего населения Украины стимулы изучения украинского языка были не столь сильными. Раскол внутри элиты был очевиден еще в 90-е гг. В совей книге Д.Лейтин сильно ошибся: он предрекал создание в Украине государства, учитывающего права русскоязычных граждан. У истории, однако, было заготовлено свое мнение на сей счет.

Свои выводы и прогнозы Лейтин Д. сделал на основании широчайших эмпирических исследований. Опросы показали, что ассимиляционное давление было сильнее в странах Балтии, чем в Украине, и сильнее в Украине, чем в Казахстане. Социологические опросы показали какие стратегические решения делают русскоязычные граждане в четырех исследованных странах.

Исследование Лейтина Д. во многом стало прорывным. Применение теории игр и умелое сочетание теоретических построений с эмпирической проверкой сделали книгу Лейтина Д. настольной для всех этносоциологов и политологов, изучающих идентичность и языковую политику.

Изучение соотношения гражданской идентичности и языковой политики также привлекало внимание исследователей, занимающихся исключительно внутрироссийской проблематикой. Огромный вклад в изучение роли языка в формировании идентичностей россиян внесли работы Л.М. Дробижевой. Ее работы основываются на массовых социологических опросах, которые проводились в течении многих лет в регионах России. Согласно ее исследованиям, язык как фактор формирования общей идентичности занимает третье место в массовом сознании граждан России [2]. Первое место занимает общее государство, второе – общая территория. Российскую идентичность Л.М. Дробижева определяет как государственно-гражданскую. Для этнической идентичности язык является главным фактором, опережая все иные варианты, предложенные в опросах.

Языковой политике и политике идентичности в Республике Татарстан посвящены работы известного политолога Фарукшина М.Х. [3]. В своих исследованиях он опирается на анализ нормативно-правовых источников и конституционно-правовой практики, последовательно защищая позицию автономии Республики Татарстан в вопросах языковой политики[4]. Кроме того, обращает на себя сравнительно-ориентированный характер исследований, проведенных М.Х. Фарукшиным. Кроме российской языковой политики в фокусе внимания М.Х. Фарукшина оказываются Канада, Швейцария и другие полиэтнические общества [5].

Из последних работ обращают на себя исследования, проведенные кафедрой этнической и общей социологии Казанского федерального университета. Так в фокусе внимания Низамовой Л.Р. оказался языковой конфликт по вопросу образования на языках народов России [6]. Эмпирические исследования показали, что хоть вопрос о языках и волнует жителей Республики Татарстан, говорить о политизации и этнической мобилизации по поводу данного вопроса преждевременно. Также обращает на себя внимание анализ акторов языковой по-

литики в Республике Татарстан, предпринятый коллективом ученых Казанского федерального университета [7].

Одним из самых интересных и полных исследований данного аспекта можно назвать коллективную монографию «Российская нация: Становление и этнокультурное многообразие» под редакцией Валерия Александровича Тишкова [8]. Кроме самого академика РАН в состав авторов также вошли В.В. Степанов, Н.И. Новикова, Е.А. Пивнева и др.

В данной достаточно объемной работе представлены результаты эмпирических исследований по гражданской и этнической идентичности. В 14 регионах (Центрального, Северо-Западного, Южного, Приволжского, Сибирского, Уральского и Дальневосточного ФО) был проведен опрос взрослого населения, который охватил около 5 тыс. чел. Разработчиками анкеты социологического опроса стали В. А. Тишков, В. В. Степанов, Н. И. Новикова. Как уже не раз было заявлено исследователем В.А. Тишковым, его не всегда устраивает формулировка вопросов и интерпретация ответов, особенно в рамках таких крупных кампаний, как перепись населения [9]. В данной же работе ему представилась возможность самому определить терминологию. В процессе работы исследователи отталкиваются от понятия «исторической памяти», несколько раз апеллируя к советскому прошлому страны. Это позволяет выяснить, что для большинства опрошенных территория бывшего СССР до сих пор представляет единое пространство.

Хотя этническая принадлежность рассматривается большинством респондентов (около 40%) как одна из важных характеристик человека и многие отмечали этническую принадлежность приезжих из других регионов, однако нет единой связки между языком национальностью. Вообще использование миноритарных языков не рассматривается как препятствие в коммуникации, так как русским языком не владеет только 2% населения, и он вполне успешно выполняет функцию межнационального взаимодействия. И более 60% респондентов считают, что один язык должен выполнять эту функцию. Около 70% считают нужным оказывать государственную поддержку различным языкам.

Если говорить о гражданской идентичности, то по результатам исследования, российское общество больше предпочитает этническую идентификацию, хотя при прямой постановке вопроса, больше половины респондентов может однозначно заявить о своей национальности как россиянине, при условии, что это не отрицает их национальную принадлежность. Таким образом, мы видим, что гражданская идентичность на данный момент не дифференцируется с этнической идентичностью.

В 2016–2017 гг. в рамках ФЦП «Русский язык» Алтайским государственным университетом (руководитель Максимова С.Г.) был реализован исследовательский проект «Русский язык как объединяющий элемент идентичности и основа взаимодействия в России, странах СНГ и дальнего зарубежья». Составными частями этого исследования стали анкетный опрос и экспертное интервьюирование.

Одним из вопросов, поднятых в данном исследовании, стал вопрос о позиции русского языка в России и ее функции как о средстве межэтнического взаимодействия. Для данного исследования использовалось анкетирование, в котором приняло участие 6204 респондента из 31 национального, моноэтничного и полиэтничного региона. По результатам исследования более половины опрошенных (64%) определяют себя как русские и примерно столько же – родным языком русский, хотя в общественных местах русский язык используют 90% населения. К сожалению, не указано место жительства респондентов (город, село), так как, на наш взгляд, это дало бы интересную градацию.

Таже довольно интересным представляется нам вопрос «Вы можете сказать о себе, что пишете по-русски грамотно, почти без ошибок?», так как позволяет респонденту самостоятельно определить свой уровень грамотности. Естественно, что большинство жителей могут сказать о себе, что пишут по-русски грамотно, почти без ошибок (71,8% – в национальных регионах, 77,0% – в полиэтнических, 73,2% – в моноэтнических). Также большинство респондентов отмечает популярность русского языка за рубежом, но отмечает и существующие проблемы:

– снижение присутствия русского языка за рубежом (35,6%);

– нехватка преподавателей русского языка (34,2%);

– недостаточная оснащенность и поддержка русских школ, обучения на русском языке (33,8%);

– нехватка организаций и программ, в которых можно было бы изучать русский язык, глубже знакомиться с русской культурой (29,1%);

– недостаточный уровень профессионализма и квалификации преподавателей русского языка (28,9%);

– уменьшение числа русских школ за рубежом (28,4%)» [10].

В другом социологическом исследовании, входящим в данный проект, также было проведено анкетирование, включавшие такие вопросы, как «Почему вы относите себя именно к этому народу?»; «Какой язык вы считаете родным?»; «Если вы считаете родными несколько языков, то укажите какие?»; «Какой язык вы впервые выучили в детстве и всё ещё понимаете?»; «Каким языком вы пользуетесь в общественных местах?» и т.д. Как отмечают исследователи И. А. Ветренко и В. В. Дубицкий: «Постановка вопросов и логика предполагаемых ответов позволяет выявить несколько важных аспектов, а именно: основную языковую идентичность респондентов, соотнесение её с национальной принадлежностью, установленной на основе выбранных респондентами мотивов. Тем самым появляется возможность установить внутреннюю взаимосвязь между элементами идентичности респондентов и базовую, которая потом поможет объяснить отношение к русскому языку, поскольку основная цель исследования – выявление отношения к русскому языку как объединяющему элементу идентичности и основе взаимодействия в России, странах СНГ и дальнего зарубежья для его развития и продвижения» [11]. К сожалению, в данной работе не приводятся ответы респондентов.

Одним из самых острых вопросов в области языковой политики за последние годы является преподавание национальных языков. Вызвавшее огромное количество дискуссий высказывание президента РФ В.В. Путина о добровольности изучения миноритарных языков привело к изменению законодательства и перекройке систем образования целых регионов, что непосредственно затронуло и Республику Татарстан.

До этого момента вопрос преподавания национальных языков в научном поле региона мало представлен. Хотя можно отметить диссертационное исследование Д. Н. Тухватуллиной «Языковая ситуация в республике Татарстан в контексте европейской языковой политики» [12]. Опираясь на результаты переписи населения 2002 года, исследователь делает вывод о несовершенстве методики преподавания татарского языка в Республике. Учитывая, что 99,2% школьников изучают татарский язык в школе, доля владеющих татарским языком русского населения составляет 4,3%.

В 2019 году сотрудниками Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского (Приволжского) федерального университета был проведен социологический опрос на тему «Языковая политика как инструмент формирования общегражданской идентичности в многонациональном государстве», который состоял из нескольких разделов. В анкетировании участвовало примерно 300 человек, большинство из которых относилось к группе 18–30 лет (68%), также были привлечены респонденты 40–60 лет (32%). В гендерном аспекте превалировали женщины, работающие в сфере образования и сфере обслуживания. Необходимо отметить, что потребовалось дополнительное разъяснение таких понятий, как «нация» и «национальность», так как большинство респондентов изначально не разграничивало этническую и гражданскую идентичности. После внесения уточнений, 100% опрошенных идентифицировали себя как «россияне», однако в то же время соотносит себя с определенной этнической группой. Таким образом, 80 % респондентов отнесли себя к «татарам», 17% – русские, 3% – представители других малых народов РФ или не соотнесли себя с какой-либо национальностью. Проведенный опрос также показал, что национальные стереотипы до сих пор не потеряли своей актуальности. Так опрошенные выделили щедрость и вежливость как национальные черты татарской национальности, а общительность

и гостеприимность как характерные для русских. Ключевыми ценностями, соотносящейся с нацией, все опрошенные назвали культуру, язык, религию. Важно отметить, что несмотря на то, что, как уже было сказано выше, 80% респондентов определило свою национальность как татары, только 77% назвали своим родным языком татарский, и 79% опрошенных говорят на нем с родителями. Русский язык является основным языком общения с друзьями (74%), в общении с соседями и коллегами, в основном, респонденты выбирают комфортный для них язык. При этом большинством понятие «родной язык» трактуется как «язык матери, отца, народа», а хотя уровень владения родным языком у всех был разный. Практически 100% опрошенных использует русский язык в повседневной жизни, но свободно говорят и пишут только 90%. В использовании родного языка самым частотным ответом было «иногда». Все респонденты заявили, что часто используют в своей речи слова из других языков, хотя ратовали за чистоту языка (90%). При этом в перспективе все респонденты хотели бы, чтоб их дети могли говорить на национальном и русском языке. Если говорить о привлекательности иностранных языков, не языков народов РФ, то приоритетом здесь пользуются английский и испанский языки, и только 46% опрошенных уже владеют каким-либо иностранным языком.

Обзор работ показывает, что фокус исследователей разнообразен. Это объясняется как широтой исследуемой проблематики, так и значимостью изучаемой проблемы. Исследователи идентичности и языковой политики сталкиваются с несколькими проблемами. С одной стороны, существует большое количество исследований отдельных полиэтничных регионов. Эмпирические измерения дают нам понимание процессов, происходящих в обществе, однако эмпирика не ведет напрямую к созданию теорий. С другой стороны, существуют теоретические исследования, которые не подкреплены эмпирикой. Проверка теорий сталкивается с объективными сложностями технического характера – собрать эмпирическую базу под широкое теоретическое исследование получается не всегда.

Еще одной методологической проблемой является проблема измерения. Во-первых, массовые опросы сами по себе являются не самым точным инструментом измерения. Во-вторых, содержание анкет (вопросы анкет) у каждой исследовательской группы разное, что создает сложности при сравнении их результатов и анализе динамики изменений определенных показателей. Тем не менее, достижения общественных наук в области изучения гражданской идентичности и языковой политики не стоит преуменьшать. Во всяком случае достаточное количество проведенных эмпирических исследований позволяет надеяться на появлении в скором времени теоретических исследований, индуктивно обобщающих эмпирические данные.

Литература

1. *Laitin D.* Identity in Formation: The Russian-speaking Populations in the Near Abroad. NY: Cornell University Press, 1998. 417 p.
2. *Дробижева Л.М.* Российская идентичность: дискуссии в политическом пространстве и динамика массового сознания // Полис. Политические исследования. 2018. № 5. С. 100–115.
3. *Фарукшин М.Х.* Статус языков этнических меньшинств в Российской Федерации // The Soviet and Post-Soviet Review. 2014. № 2. С. 169–193.
4. *Фарукшин М.Х.* Взаимодействие этнической и гражданской идентичностей // Казанский педагогический журнал. 2015. № 1. С. 25–29.
5. *Фарукшин М.Х.* Статус официальных языков этнических общностей в полиэтнических государствах // Социологические исследования. 2017. № 7. С. 77–87.
6. *Низамова Л.Р.* Динамика языковой ситуации в Республике Татарстан (по данным социологического опроса 2018 года) // Вестник экономики, права и социологии. 2018. № 4. С. 263–267.

7. *Сидоров В.В.* Дилеммы языковой политики в современной России (на материале языковой ситуации в Республике Татарстан) // Политическая лингвистика. 2019. № 3(75). С. 106–111.
8. *Тишков В.А.* Российская нация: Становление и этнокультурное многообразие. М.: Издательство «Наука», 2011. 462 с.
9. *Тишков В.А.* Языковая ситуация и языковая политика в России (ревизия категорий и практик) // Полис. Политические исследования. 2019. № 3. С. 127–144.
10. *Шахова Е.В., Максимова С.Г.* Особенности функционирования русского языка как основы межэтнического взаимодействия в полиэтничном современном обществе (по материалам социологического исследования) // Социодинамика. 2019. № 6. С. 23–34.
11. *Ветренко И.А., Дубицкий В.В.* Государственная языковая политика в контексте формирования политической идентичности граждан // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2017. № 3(15). С. 368–374.
12. *Тухватуллина Д.Н.* Языковая ситуация в Республике Татарстан в контексте европейской языковой политики. диссертация кандидата филологических наук. Казань, 2007. 190 с.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ТРАНЗИТА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ РЕГИОНОВ ПФО)

Булавин А.В.[1], Полутин С.В.[2]

[1]ГКУ РМ «Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия»,
[2]Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева,
Россия, г. Саранск

Аннотация. В статье анализируется состояние и особенности формирования и функционирования исторической памяти в субъектах Приволжского Федерального округа в постсоветский период.

Ключевые слова: историческая политика, исторический нарратив, исторические образы и мифы, коллективная память, национальные движения, политические элиты, этническая идентичность.

На протяжении последних лет в публичном пространстве, средствах массовой информации и сети Интернет все большую популярность приобретают дискуссии, посвященные тем или иным проблемам российской истории, а их интерпретация представителями различных политических течений и зарубежными экспертами, журналистами и общественными деятелями неизменно вызывают серьезные споры. Это неслучайно, в современной политической практике обращение к образам прошлого активно используется для мобилизации электората и легитимизация собственной власти, а также для решения каких-либо внутриполитических задач или достижения внешнеполитических целей. В результате история становится основой для формирования идеологии политических режимов или для обоснования притязаний на власть теми или иным политическими акторами и, по словам А.Е. Петрова и В.А. Шнирельмана, ««войны памяти», исторические апелляции и счета между государствами-нациями, дискуссии об итогах конфликтов, исторической вине, культурной роли и наследстве – все это в совокупной форме делает сегодня историю совокупной частью актуальной политики и фактором общественно-политической жизни» [15, с.5]. При этом, как отмечает А.С. Скачков, «исторические образы и интерпретации (как положительные, так и отрицательные) особенно востребованы в периоды смены эпох и судьбоносных политиче-

ских трансформаций, когда они берутся на вооружение для моделирования и утверждения новых образов национальной и государственной идентичности» [19, с.140].

Сложившуюся ситуацию в значительной мере осложняет и тот факт, что на протяжении всей своей истории Россия, как и предшествующие ей СССР и Российская империя, включала в свой состав различные народы и этноконфессиональные группы. При этом в ряде случаев процесс их вхождения в состав централизованного государства сопровождался вооруженными конфликтами или социальными потрясениями, что в последствии послужило источником для появления определённых «исторических травм». В этой связи особый интерес представляет анализ трансформации исторических нарративов и репрезентация событий прошлого относительно событий настоящего в политичных регионах Российской Федерации, таких как субъекты Приволжского Федерального округа, поскольку именно данные исторической науки и их интерпретация в том или ином ключе часто выступают в качестве одной из причин или поводом для роста межнациональной и межконфессиональной напряженности. Ситуация в ПФО интересна тем, что это – территория, которая имеет давнюю историю существования в пределах Российского государства и отличается сложным составом населения. Исторически в Поволжье проживают представители многих национальностей и многочисленные последователи двух мировых религий – православные христиане и мусульмане, а также вплоть до настоящего времени идут активные миграционные процессы. На сегодняшний день в Приволжский федеральный округ входят 14 субъектов Российской Федерации: 6 республик (Башкортостан, Марий Эл, Мордовия, Татарстан, Удмуртия, Чувашия), Пермский край, и 7 областей (Кировская, Нижегородская, Оренбургская, Пензенская, Самарская, Саратовская, Ульяновская), в которых проживает порядка 30 млн. жителей. Этноконфессиональный состав населения ПФО весьма сложен, по данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в Поволжье насчитывается более 180 этнических сообществ, из которых самые многочисленные – русские (65% населения ПФО), татары (14%), чуваши (5%), башкиры (5%), мордва (2%), удмурты (2%), марийцы (2%). Население традиционно исповедует православие и ислам, среди верующих большинство составляют православные – примерно 75% и мусульмане – более 20%, при этом по некоторым оценкам в субъектах ПФО проживают около 40% мусульман России. В частности, количество мусульман в Башкирии составляет 54,5%, в Татарстане – 54%, в Оренбургской области – 16,7%, в Ульяновской – 13% [13, с. 7]. В этих условиях неизбежны не только контакты, но и определённая конкуренция или даже конфликты между представителями различных этноконфессиональных общин, которые часто провоцируются или обосновываются теми или иными событиями прошлого.

Кроме того, «парад суверенитетов» и последовавшая вслед за этим «деидеологизация» привели к появлению определенного «идеологического вакуума», который не преодолен вплоть до настоящего времени несмотря на все усилия центральных и местных органов власти. Неслучайно, по словам З.Р. Усмановой, «особенностью новой России стала локализация смыслов, этнизация, замыкание сознания масс на свою территорию, сужение социального пространства до «своего» региона. Такой характер трансформации смыслов послужил оформлению значительных различий в социально-психологических, морально-нравственных, идейно-политических взглядах региональных обществ» [8, с. 15]. Во многом схожую точку зрения поддерживает и В.В. Титов отмечая, что «крах советской социально-исторической картины мира способствовал тому, что коллективный «образ прошлого» в сознании значительной части российских граждан либо был деформирован, либо не успел сформироваться: стал аморфным с точки зрения когнитивной составляющей, приобрел фрагментарный и во многом иррациональный характер» [22, с. 15–16].

Точкой отсчета для начала процессов трансформации исторической памяти принято считать распад СССР, когда в большинстве новообразованных государств постсоветского пространства, а также ряде национальных республик РСФСР под влиянием процессов «перестройки» и начала «политики гласности» была разрушена система партийного контроля над исторической наукой и преподаванием истории в учебных заведениях, дав старт пересмотру

знаковых событий прошлого. О.Ю. Малинова, описывая сложившуюся на тот момент ситуацию говорит, что «по мере того как с расширением гласности снимались запреты на обсуждение «белых пятен истории» и критическое осмысление советского опыта, становилось ясно, что сохранение верности идее социализма требует более решительного пересмотра нарратива коллективного прошлого: нужно было объяснить, как получилось, что в СССР оказался построен «не тот социализм» [11, с. 34–35]. В результате правящие элиты, потерявшие возможность управлять информационным и культурно-образовательным полем, оказались неспособны осуществить создание новых механизмов, направленных на преодоление начавшийся «войн памяти» и способных сформировать новую государственную историческую политику, отвечающую требованиям времени В сложившихся условиях «инициатива по деструктуризации советского исторического нарратива и формированию западно-ориентированного («жить как в Европе») образа будущего переходит в руки многочисленных СМИ, политических и общественных организаций» [23, с. 77]. И если участие различных политических сил в переосмыслении исторических событий было порождено идейными конфликтами, борьбой за власть и голоса электората, то появление на региональной политической авансцене национальных движений стало результатом масштабного «кризиса идентичности», поразившего советское, а затем российское общество.

Истоки кризиса советской идентичности весьма разнообразны, это и несоответствие социально-экономической политики государства изменившимся реалиям, вырождение связующей идеологии, падение доверия к существующей власти, иммобильность партийных структур, развенчание или переосмысление устоявшихся исторических мифов, разочарование в идеалах социализма, которые до этого не подвергались сомнению и многое другое. Но главное, как отмечает Тураев В.А., «в условиях «переосмысления» прошлого было подорвано главное – смысл и самоуважение советского человека. Советская идентичность, уже ослабленная застойными явлениями 1970-х гг., не выдержала испытания при столкновении с новыми политическими и идеологическими реалиями» [24, с. 16]. Как итог, падение доверия к коммунистической системе привело к разрушению социальных идеалов, составляющих базис советской государственности, что подтолкнуло многих граждан к поискам новых мировоззренческих ориентиров. Это неслучайно, по словам Кастельса М. «в исторический период, характеризуемый широко распространенным деструктурированием организаций, делегитимизацией институтов, угасанием крупных общественных движений и эфемерностью культурных проявлений, идентичность становится главным, а иногда и единственным источником смыслов» [7, с. 27]. Во многом аналогичную точку зрения высказал и английский философ и социолог Э. Смит, который выделяя значимость исторического фактора в процессе становления национальной идентичности писал, что «нациям необходимо обращаться к мифам и прошлому, чтобы доказывать свою исключительность, подтверждать свою коллективную «индивидуальность» в каждом поколении через ритуалы, церемонии, политические мифы и символы, искусство и историю» [25]. Кроме того, по словам Садовой Е.С., ««привлекательность» этнической идентификации заключается в ее внешней простоте и понятности, в том, что она базируется на тех «культурных универсалиях», которые передаются на уровне аффективного бессознательного без необходимости рационализации процесса самоидентификации, как того требуют дискурсивные нормы «свободного» либерального общества. Этническая идентичность оказывается, таким образом, механизмом «схематизации», структурирования человеком окружающей действительности и, одновременно, доступным способом взаимодействия нею» [17, с. 45]. Следовательно, именно опора на этноконфессиональную идентификацию становится способом компенсации утраты мировоззренческих установок, заложенных советской системой, поскольку, как пишет в известной работе «Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика» А. Ассаман, «в противоположность многоголосой социальной памяти, которая является памятью «снизу» и которая вновь и вновь исчезает со сменой поколений, национальная память оказывается долговременной и гораздо более унифицированной конструкцией, которая закрепляется политическими институциями, воздействуя на общество «сверху»» [3,с. 35].

Необходимо отметить, что резкая актуализация этноконфессиональных проблем практически с самого начала процессов «перестройки» стала сопровождаться активными дискуссиями о ключевых исторических событиях и попытками их переосмысления, так как, по словам американского социолога Дж. Александера, «идентичности постоянно конструируются и обеспечиваются не только посредством встречи лицом к лицу с настоящим и будущим, но и посредством реконструкции более ранних периодов жизни сообщества» [1]. Объясняя причины этого В.А. Ачкасов пишет, что «идентичность – как этническая, так и национальная, укоренены в исторической памяти, а идентификация – одна из основных (наряду с легитимацией) функций коллективной исторической памяти. Поэтому манипуляции с исторической памятью в политических целях, что представляет суть исторической политики, являются одновременно и манипуляциями с групповой идентичностью. Можно уверенно утверждать, что в постсоветских государствах именно историческая память выполняет своего рода «защитную» функцию, призванную не только сохранять позитивную этническую идентичность на групповом уровне, но и способствовать формированию национального самосознания» [5, с. 182]. Также подчеркивая значимость истории для этнических сообществ Репина Л.П. говорит, что «национальная идентичность исторична, нация, по сути, тождественна истории нации, т.е. нарративам национальной истории. Прошлое народа или нации не сводится лишь к совокупности «фактов» или даже к сцепляющим их «объективным» связям: в нём прежде всего раскрывается смысл исторического существования, воплощается система ценностей» [16, с. 12]. Таким образом, по мере нарастания этноконфессиональной напряженности в национальных республиках устойчивой тенденцией становится регулярное использование истории, культурологии, социологии, этнографии, демографии и других гуманитарных наук с целью легитимации власти и обоснования определённых преференций, вводя социально-гуманитарное знание в область символической политики, то есть «деятельность, связанную с производством различных способов интерпретации социальной реальности и борьбой за их доминирование в публичном пространстве» [12, с. 180]. Кроме того, необходимо отметить и тот факт, что предпосылки для этого сложились еще в советский период, где значительная часть этнических сообществ имели собственные национально-государственные и автономные образования благодаря чему местные национальные и культурные элиты, несмотря на наличие жесткого идеологического контроля со стороны союзного центра, имели возможность сохранять или создавать собственные «национальные» исторические нарративы и кеммеморативные практики.

Начиная с конца 1980-х гг. политические элиты новообразованных государств и национальных республик получают возможность использовать этноконфессиональную идентичность как инструмент в борьбе за власть и ресурсы, оставшиеся после разрушения «советской империи», основой для политического размежевания в значительной мере становиться этнонационализм, исповедуемый политическими и культурными элитами доминирующих или «титульных» этнических групп, а также резко активизируется процесс возникновения новых исторических мифов, характеризующихся серьезной политической ангажированностью. Как отмечает И.С. Семененко, «на постсоветском пространстве на первом этапе утверждения государственного суверенитета такую политику отличало стремление любой ценой дистанцироваться от общего советского опыта, утвердить исторические основания собственной государственности. Национальная идентичность выстраивалась на противостоянии с Россией как бывшим «Большим братом» и правопреемницей СССР. В качестве инструментов использовались язык «титульного» народа, признанные (а зачастую и наспех сконструированные) культурные традиции и мифы, которые создавались на основании радикального переосмысления истории страны и народа, и другие средства из арсенала символической политики, призванной утвердить новые формы национально-государственного самостояния» [18, с. 31].

Вышеозначенные процессы в разной степени затронули не только абсолютное большинство государств постсоветского пространства, но значительную часть национальных автономий бывшего РСФСР, в том числе и впоследствии вошедших в перечень субъектов

ПФО, однако их интенсивность и накал значительно отличались. В первую очередь это было вызвано демографическими причинами – практически ни в одном из поволжских регионов «титульные» этносы не составляли большинства населения. Во-вторых, финно-угорские и тюркские народы, проживающие в республиках ПФО, имели длительный опыт совместного бесконфликтного сосуществования с русским населением, сначала в составе Российской империи, а затем и СССР. В-третьих, идеи этнического национализма зародились в русскоязычных городах как результат столкновения аграрного социума с реалиями индустриального общества, и как следствие, не нашли массовой поддержки среди населения. Вместе с тем, волна либерализации, охватившая практически все регионы постсоветского пространства спровоцировал бурный всплеск политической жизни, нестабильность государственных институтов и в результате, по словам В.А. Ачкасова, в начале 1990-х г. практически во всех национальных регионах произошли своего рода «бархатные революции», причем большинство из них характеризовалось активным использованием не только демократических, но и националистических лозунгов [4, с. 5]. На волне демократизации российского политического пространства, в России начался процесс «мобилизации этичности». В первую очередь он затронул титульные этносы, создававшие различные национальные движения, организации. Так, в 1989–1990 гг. национальные движения в том или ином виде оформились практически во всех национальных республиках Поволжья и изначально позиционировали необходимость сохранения языков и культур этнических меньшинств, однако постепенно их требования стали приобретать политический характер, а их лидеры начали претендовать на государственные должности. Инициаторами создания этих движений, некоторые из них называют себя правопреемниками организаций выступили, прежде всего, представители научной и творческой национальной интеллигенции.

Провозглашая себя выразителями интересов граждан национальности и обретая таким образом право на выступление от имени целого народа, активисты и лидеры национальных движений надеялись вовлечь в создаваемые ими этнополитические организации как можно более широкий круг участников. При этом, для обоснования повышение статуса автономных республик, приоритетное положение для титульных этносов в государственных учреждениях, законодательных и исполнительных органах власти, многие идеологи этноориентированных общественных движений начинают оперировать (а иногда и откровенно манипулировать) данными исторической науки. В региональной прессе и документах, издаваемых активистами национальных движений, была открыта дискуссия о ключевых исторических событиях в жизни народов Поволжье, таких как вхождение в состав Российской империи, часто сопровождавшаяся военными столкновениями, участие во внутренних конфликтах (таких как восстание под руководством Степана Разина), массовые репрессии 30-х гг. XX в. и т.д. В результате в некоторых исторических исследованиях, публикуемые сторонниками или активными участниками этнических объединений, появляются новые оценки «исторических травм», значительно отличающиеся от принятых в советское время канонов. Во многих трудах поднимается тема «насильственной русификации», а социальные конфликты на территории Поволжья рассматриваются сквозь призму национально-освободительной борьбы. В некоторых трактовках политика «большого террора», в той или иной степени затронувшая большую часть населения СССР, рассматривается как целенаправленное «уничтожение национальной интеллигенции». Однако внедрение альтернативного исторического нарратива в политический дискурс и общественное сознание регионального социума напрямую зависело от того, насколько широкую поддержку идеи, декларируемые национальными движениями, получали среди населения. Если идеологам национальных движений удавалось убедить общественность Поволжского субъекта в актуальности и перспективности поставленных целей и задач, то шансы такого делегировать своих представителей во власть значительно возрастали. Но, как показали последующие события, реакции небольшой части населения, озабоченной проблемами сохранения этнической культуры, для достижения поставленных целей оказалось недостаточно. Даже на пике своей активности лидеры этноориентированных общественных движений не смогли заручиться поддержкой значительной части

населения, так как в условиях надвигающегося социально-экономического кризиса для большей части жителей на первый план вышли экономические проблемы. Кроме того, идеи ревизии истории не нашли поддержку и значительной части научного сообщества, которое неохотно шло на пересмотр устоявшихся нарративов в угоду тем или политическим акторам. В результате многие активисты, делавшие ставку на идею «национального возрождения» во время различных электоральных компаний, успеха не имели. Например, на состоявшихся в декабре 1993 г. президентских выборах в Чувашии, руководитель и идеолог ЧНК (Чувашский национальный конгресс) А.П. Хузангай набрал всего лишь 6,3% голосов, а на выборах в Государственное Собрание Республики Мари Эл, прошедших 12 декабря того же года общественно-политическое движение «Марий ушем» получило лишь 7,1%. В тоже время прочно занявшие определенные позиции в региональном политическом пространстве национальные и этнокультурные объединения достаточно негативно реагировали на попытки властных структур осуществить построение общероссийской гражданской идентичности, тем самым существенно сократив «пространство для маневра» российским политическим элитам. В этих условиях, как отмечает В.В. Титов «попытки сформулировать любую «национальную идею» (о необходимости которой, в частности, говорил Президент России Б.Н. Ельцин во второй половине 1990-х), основанную на консолидирующей исторической платформе, автоматически нивелировались ростом общей социальной конфликтности» [21, с.77].

Последующий период характеризовался стагнацией этнических организаций и объединений и дальнейшей потерей интереса общественности к национальной тематике и выходом на передний план социально-экономических проблем. По словам А.И. Миллера, «в первой половине 1990-х гг., в период, окрашенный шоком от развала СССР и тяжкий для подавляющего большинства в материальном отношении, общественный интерес к истории заметно упал» [14, с. 50]. В итоге многие национальные движения раскалываются либо прекращают свою деятельность или же отказываются от наиболее радикальных положений и в той или иной степени интернируясь во власть, спадает и накал дискуссий, посвященных проблемам этнической истории и их репрезентации. Характеризуя последующий этап применительно к финно-угорским регионам, большинство из которых расположены в ПФО, В.В. Грибанов и О.Ю. Кузиванова пишут, что «эмоционально негативно окрашенные факты прошлого, связанные с историей народа (языковая русификация, репрессии по национальному признаку и др.) остались преимущественно в сфере научных исследований, а откровенно конфликтогенные оценки прошлого используются исключительно маргинальными радикальными течениями и отдельными личностями» [6, с. 81].

Вместе с тем, на фоне начала стабилизации социально-экономической ситуации становится все более очевидной необходимость выработки новой общероссийской гражданской идентичности, способной объединить огромное число этносов, проживающих на территории Российской Федерации. По мнению И.Н. Тимофеева, «поворот в политике идентичности конца 1990-х гг. выступает ответом на недостаточность негативной идентичности для интеграции страны и легитимации политического порядка. Восполнение этой недостаточности во многом осуществляется за счет актуализации патриотической компоненты», в основу которой был положен «синтез элементов советской, досоветской и постсоветской идентичности, адаптации этих элементов к новым политическим реалиям» [20, с. 52]. В итоге, рост экономического благосостояния граждан и сопутствующее ему снижение уровня внутриполитической конфликтности позволяет центральной власти начать построение новой модели исторической консолидации общества, основанной на патриотических и традиционных ценностях. Необходимо отметить, что подобные изменения в области государственной символической политики находят поддержку и у руководства многих «титульных» субъектов Поволжья, которые не меньше федеральных властей были заинтересованы в сохранении этноконфессиональной стабильности и, кроме того, это позволяло получить дополнительные рычаги для противодействия радикально настроенным представителям национальных движений к тому времени ушедшим в оппозицию региональным органам власти.

В этой связи показательна репрезентация образов прошлого в политики властей Республик Мордовия и Татарстан. Так, с 2009 г. в Мордовии началась реализация масштабного проекта – празднования 1000-летия единения мордовского народа с народами Российского государства, идеология которого по словам Н.М. Арсентьева «подчеркивает историческое и культурное значение совместного проживания и духовной общности многонациональной России, существующее многообразие этнокультурной и поликонфессиональной среды» [2]. К середине 2000-х гг. также происходит и изменение исторических нарративов в Республике Татарстан. Если в период «бунтующей этничности» историки и политические акторы акцентировались на тех или иных событиях для обоснования большего политического суверенитета, то в последующем был сделан упор на утверждении особого положения Татарстана, как центра исламской культуры в Российской Федерации и традициях мирного сосуществования различных культур. Как отмечает К.А. Озерова, в последние годы «несмотря на непрекращающиеся споры общественных деятелей, историков и журналистов значительную поддержку политической и культурной элиты региона сегодня находит булгарская версия происхождения татар (при этом данная версия далеко не единственная и не доминирующая в научной среде), особенная роль Волжской Булгарии в становлении современной Республики Татарстан [10, с. 260]. По словам исследователя, «к середине 2000-х происходит изменение цели «поиска» предка этнической группы татар: если в конце XX в. история Волжской Булгарии была источником обоснования большего политического суверенитета республики, то сегодня она используется в большей степени для утверждения особого положения Татарстана как центра исламской культуры в Российской Федерации и традиций мирного сосуществования различных культур» [9, с. 130]. Таким образом, как мы можем видеть, основным трендом для региональных властей в области исторической политики становится следование стратегии федерального центра, ориентированной на интеграцию населения при помощи создания устойчивого символического пространства исторической памяти.

В настоящее время, как отмечают многие исследователи, российская власть приступила к активным попыткам разработки институциональных основ для формирования отвечающий современным реалиям «исторической политики», что должно поспособствовать сохранению стабильности в обществе. Вместе с тем, серьезные сложности, препятствующие созданию общероссийского исторического нарратива, продолжают сохранятся. Во-первых, политические элиты Российской Федерации все еще не смогли сформулировать притягательный «образ будущего» и предложить привлекательную систему символов для самоидентификации молодежи в качестве граждан России. Во-вторых, во многих полиэтничных регионах, таких как Приволжский федеральный округ, все еще значимую роль играет этноконфессиональный фактор, который некоторые силы пытаются использовать для получения политического капитала. В-третьих, широкое распространение средств массовой коммуникации открыло широкие возможности для манипуляции общественным сознанием, продвижения альтернативных исторических концепций и тиражирования негативных символов, которые впоследствии становятся стимулом для формирования радикальных националистических, экстремистских движений и организаций. Кроме того, во многом благодаря различным социальным сетям и тематическим форумам в сети Интернет широкие возможности для активного влияния на устоявшиеся исторические нарративы получили иностранные державы и финансируемые ими некоммерческие организации. В этой связи показательна, например, деятельность оппозиционного интернет – проекта «Idel.Реалии», позиционирующего себя как площадку для «анализа событий и открытое обсуждение проблем, решение которых необходимо для успешных демократических преобразований в условиях свободного рынка» для жителей субъектов ПФО и при этом финансируемый Конгрессом США.

В заключении стоит сказать, что после распада Советского Союза российское общество охватил масштабный кризис идентичности, став одной из причин роста этноконфессиональной напряжённости, в том числе и в «титульных» субъектах Приволжского Федерального округа. В этих условиях отсутствие системной государственной политики в области исторической памяти способствовало появлению альтернативных исторических трактовок прошло-

го и использованию некоторыми национальными движениями данных социально-гуманитарных наук для достижения собственных целей. Лишь в последние десятилетия можно наблюдать интенсификацию процессов построения устойчивой общероссийской гражданской идентичности, базирующейся на полномасштабной модели самоидентификации её граждан на основе совместной истории и культуры. Причем подобные проекты реализуются как на федеральном уровне, так и субъектах ПФО.

Литература

1. *Александер Дж.* Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012. № 3. С. 5–40.
2. *Арсентьев Н.М.* Празднование тысячелетия единения мордовского народа с народами Российского государства как фактор формирования социальной памяти россиян // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2012. № 2. С. 24–31.
3. *Ассман А.* Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: Издательство Н.Л.О., 2014. 328 с.
4. *Ачкасов В.А.* «Мобилизованная этничность»: этническое измерение политической культуры Россиии. Спб: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. 144 с.
5. *Ачкасов В.А.* Роль исторической политики в формировании российской идентичности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. № 2(18). С. 182.
6. *Грибанов В.В., Кузиванова О.Ю.* Историческая память как этнополитический феномен // Вестник Волгоградского университета. Сер. 4. Ист. 2013. № 1(23). С. 78–84.
7. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество, культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
8. Круглый стол «Идентичность современной России: кризис ценностей, поиск смыслов и пути конструирования» // Ценности и смыслы. 2012. № 5(21). С. 10–26.
9. *Озерова К.А.* Наследие Волжской Булгарии и региональная идентичность: политика памяти и «изобретение» традиций // ИСОМ. 2018. № 2. С. 127–132.
10. *Озерова К.А.* Образ Волжской Булгарии и социальная память: стратегии политики памяти в региональном контексте // Историческая этнология. 2017. № 2. С. 258–272.
11. *Малинова О.Ю.* Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М.: Издательство Политическая энциклопедия, 2015. 207 с.
12. *Малинова О.Ю.* Политическое использование прошлого как инструмент символической политики: эволюция дискурса властвующей элиты в постсоветской России // Политическая экспертиза. 2012. № 4. С. 179–204.
13. *Тишкова В.А., Степанова В.В.* Межэтнические и конфессиональные отношения в Приволжском федеральном округе. Экспертный доклад. Москва; Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2013. 118 с.
14. *Миллер А.И.* Прошлое России и попытка самоидентификации // Россия в глобальной политике. 2011. № 3. С. 49–62.
15. *Петров А.Е., Шнирельман В.А.* Фальсификация исторических источников и конструирование этнократических мифов. М.: Издательство ИА РАН, 2011. 384 с.
16. *Репина Л.П.* Историческая память и национальная идентичность подходы и методы исследования // Диалог со временем. 2016. № 54. С. 9–15.
17. *Садовая В.С.* Социально-экономические факторы этнополитической конфликтности // Полис. 2016. № 4. С. 41–53.
18. *Семененко И.С.* Политика идентичности: меняющаяся повестка дня // Символическая политика: сборник научных трудов. Москва. Издательство: РАН ИНИОН, 2017. 356 с.
19. *Скачков А.С.* Историческая память в политических процесса постсоветской Прибалтики // Сравнительная политика. 2017. № 1. С. 140.
20. *Тимофеев И.Н.* Российская политическая идентичность сквозь призму интерпретации истории // Вестник МГИМО. 2010. № 3. С. 51–59.

21. *Титов В.В.* Политика памяти и формирование национально-государственной идентичности: российский опыт и новые тенденции. М.: «Ваш формат», 2017. 184 с.
22. *Титов В.В.* Российская национально-государственная идентичность: социокультурные императивы трансформации // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2019. № 3(39). С. 13–17.
23. *Титов В.В.* Трансформация «Политики идентичности» в постсоветской России (1992–2015) // Вестник ЗабГУ. 2016. Т. 22. № 10. С. 73–82.
24. *Тураев В.А.* Кризис советской идентичности как фактор распада СССР // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2016. С. 5–17.
25. *Smith A.* National identity and idea of European unity // International Affairs. Cambridge. 1992. Vol. 68. № 1. P. 67.

АНАЛИЗ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН

Гареев Э.С., Костылева Е.Г., Левашов Д.А.
Уфимский государственный нефтяной технический университет,
Россия, г. Уфа

Аннотация. В статье авторы рассматривают актуальность национальных проблем в российских регионах на примере Республики Башкортостан. На основании анализа статистических данных и авторского конкретно социологического исследования анализируются межэтнические отношения и истоки межэтнических противоречий среди представителей коренных этносов.

Ключевые слова: межэтнические отношения, межэтнические противоречия, оценка национальных проблем.

Республика Башкортостан является одним из крупнейших полиэтничных регионов Российской Федерации. Традиционно в Республике Башкортостан проживают представители более ста этносов, из них десять групп имеют состав свыше пяти тысяч человек. В этой связи актуализируется проблема межнациональных отношений как в республике, так и в Российской Федерации в целом.

Обратимся к анализу статистических данных Росстата о количестве граждан, представителей различных этносов, проживающих на территории РБ [5].

Таблица 1

Национальный состав Республики Башкортостан по данным
Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан

№ п/п	Этнические группы	%
1	Русские	39,27
2	Татары	28,42
3	Башкиры	21,91
4	Чуваши	3,01
5	Марийцы	2,68
6	Украинцы	1,90
7	Мордва	0,81
8	Удмурты	0,60
9	Белорусы	0,3
10	Лица других национальностей	1,4

Как видно из таблицы, наиболее многочисленными этносами можно считать русских – 39,27% от общего количества проживающих на территории РБ, татар – 28,42%, башкир – 21,91%, чувашей – 3,01%, марийцев – 2,68%, украинцев – 1,90%, мордву – 0,81%, удмуртов – 0,60% и белорусов – 0,3%.

Рассмотрим географию расселения по территории республики представителей коренных этносов. Южные, восточные и юго-восточные районы республики, а также северо-восток (башкирское Зауралье), по данным статистики, заселены представителями башкирского этноса. Бурзянский район имеет гомогенный национальный состав: 95,3% населения составляют башкиры. В Абзелиловском районе их доля составляет 84,8%, в Баймакском – 79,6%, Учалинском – 75,4%, Ишимбайском – 69,7%. В то время как в центральной части и на севере республики башкиры довольно малочисленны. Так, в Шаранском районе башкиры составляют 6,4% населения, в Кушнаренковском – 5,5%, в Белебеевском – 4%.

Представители татарского этноса в основном рассредоточены на западе и северо-западе республики, на границе Республики Татарстан. Кроме того, в Кушнаренковском районе 78% населения составляют татары, в Чекмагушевском районе – 75%, в Ишимбайском – 6,5%, в Абзелиловском –3,1%.

Представители русского этноса расселены в республике равномерно. Основная численность расположена в крупных городах. Так в г.Уфе русские составляют 54,2% населения, в г.Белорецке – 72%, в г.Кумертау – 64,7%, в г. Бирске – 63,7%. В сельской местности русские встречаются значительно реже.

Представители других этносов расселены компактно на территории республики. Так, чуваши преобладают над представителями других этносов на западе и северо-западе республики: в Бижбулякском районе – 37,5%, в Аургазинском районе – 32,2%, в Белебеевском – 23,8%. Примерно в тех же районах расселена мордва: в Федоровском районе – 14,6% населения.

Марийцы и удмурты расселены в основном на севере и северо-западе республики. Так представители данного этноса преобладают над другими этносами в Калтасинском районе – 47% населения, в Шаранском – 20,3%, Краснокамском – 18,3%. Удмуртское население преобладает в Татышлинском районе – 22,3%, в Янаульском – 13,9%, в Калтасинском – 10,1%.

С целью изучения состояния межэтнических отношений авторами было проведено социологическое исследование среди жителей Республики Башкортостан (Далее РБ). В данном исследовании использовалась квотная выборка, в качестве квот выступили этническая и социально – демографическая специфика населения РБ. Объем выборки составил около 350 респондентов [2, с. 103; 3, с. 391].

Следует отметить, что национальные проблемы интересны большинству опрошенных. Лишь 4,1% респондентов ответили, что не интересуются ими.

Таблица 2

Распределение ответов респондентов на вопрос «Как Вы считаете, национальные проблемы всегда были актуальны или сейчас они особенно обострились?», (в % к числу опрошенных)

	%
Национальные проблемы актуальны во все времена	45,9
Национальные проблемы возникают периодически	25,5
Сейчас национальные проблемы особенно актуальны	18,4
Затрудняюсь ответить	6,1
Не интересуюсь национальными проблемами	4,1

Как видно из таблицы, большинство опрошенных (45,9%) считают, что национальные проблемы актуальны во все времена, четверть респондентов отмечают их периодичность.

А 18,4% считают, что на данном этапе развития общества национальные проблемы особенно актуальны.

Оценка характера межнациональных отношений в республике по сравнению с Российской Федерацией в целом, данная респондентами, выглядит более оптимистичной. Так, состояние межнациональных отношений как «очень хорошее» в РБ дают 25,3% и лишь 12,1% – в России.

Таблица 3

Распределение ответов респондентов на вопрос «Как Вы оцениваете состояние межнациональных отношений в РБ и РФ в настоящее время?», (в % к числу опрошенных)

	Ответы респондентов	
	В РБ	В РФ
Очень хорошее	25,3	12,1
В целом хорошее	62,6	52,5
Скорее плохое, чем хорошее	11,1	28,3
Очень плохое	-	5,1
Затрудняюсь ответить	1,0	2,0

Необходимо отметить, что межнациональные отношения в республике на протяжении многих десятилетий стабильны и не отличаются чрезмерной напряженностью. Жители привыкли мирно жить по соседству с представителями других национальностей, среди друзей абсолютного большинства респондентов (92,9%) есть представители иных этносов, а у 70,4% опрошенных есть лица других национальностей среди родственников.

Однако, несмотря на толерантность позиции жителей республики по отношению к людям другой национальности, на вопрос «Встречались ли Вы с проявлениями несправедливости, оскорблением Вашего национального достоинства?» свыше трети опрошенных (35%) ответили «да встречался, но редко», и еще 9% выбрали вариант «да, часто».

Таблица 4

Распределение ответов респондентов на вопрос «Встречались ли Вы с проявлениями несправедливости, оскорблением Вашего национального достоинства?», (в % к числу опрошенных)

	%
Да, часто	9,0
Да встречался, но редко	35,0
Нет, не встречался	40,0
Затрудняюсь ответить	1,0
Не обращаю внимания на высказывания других людей	15,0

Рассмотрим, какие основные межэтнические проблемы можно выделить в Республике Башкортостан. По мнению экспертов, в 90-е годы в республиках Российской Федерации национализм “титульных наций” являлся основным ограничителем прав русскоязычного населения [1, с. 24], [4, с. 312]. Однако, по мнению опрошенных, главной проблемой национальной политики в РБ являются «татаро-башкирские противоречия». Суть их заключается в следующем. Татары и башкиры — народы, родственные по культуре и языку до такой степени, что четкую границу между ними провести просто невозможно. В этой связи среди как башкирской, так и татарской “национально-ориентированной” в кавычках интеллигенции складываются фобии, не всегда, выражаемые открыто. Вероятно, есть опасения постепенной

ассимиляции или взаимопоглощения двух культур, опасения влияния Татарстана над Башкортостаном и наоборот.

В результате периодически в республике возникают протестные акции, либо громкие заявления отдельных активистов, которые вносят дисбаланс в межнациональные отношения жителей нашей республики.

Споры о том, кто на какое место может претендовать, можно разрешить, если рассмотреть проблему с точки зрения истории и этнографии, так как спор об “исторической принадлежности” этих территорий идет давно.

Своими корнями вопрос об идентификации населения, проживающего на северо-западе Башкортостана, уходит в глубокое прошлое. Исследователи выделяют группу северо-западных башкир, основным занятием которых было земледелие. Один из аргументов татарских лидеров состоит в том, что башкиры занимались в первую очередь скотоводством, охотой и бортничеством, а затем уже земледелием, тогда как у татар именно земледелие было основным занятием.

Однако при этом они отмечают, что их культура до XVI в. была близка к культуре восточных башкир-скотоводов, но затем под влиянием Казанского ханства произошел переход к земледелию. С первых дней русской колонизации на эти территории переселяются татары, чуваши, марийцы и представители других этнических групп, которые заключали с башкирами договоры об аренде земли.

Важно заметить, что долгое время татары называли себя «казанлы», «булгары», «мусульмане». Лишь с конца XVIII века термин «татары» стал для этого народа общепринятым.

Таким образом, эксперты предполагают, что современное тюркоязычное население этого региона имеет смешанное татаро-башкирское происхождение.

Другая точка зрения экспертов, объясняющая противоречие – лингвистическая. Считается, что наряду с восточным и южным диалектами башкирского языка существует и западный диалект. Другие авторы выделяют несколько говоров башкирского языка, в числе которых и северо-восточный.

Обе позиции вовсе не исключают присутствия в регионе татарского населения и даже его численного преобладания. Ведь татарский язык также подразделяется на диалекты и говоры. В северо-западных говорах башкирского языка прослеживается родство с некоторыми татарскими говорами, что свидетельствует о тесном взаимодействии двух этносов.

Как известно, споры об этнической принадлежности тех или иных территорий нередко ведут к росту напряженности и способствуют разжиганию конфликтов. Мы не можем утверждать, что такая угроза в Республике Башкортостан реальна, так как в подобных дискуссиях участвует очень узкий слой “национально-ориентированной” интеллигенции и активистов национальных движений. Для широких слоёв населения подобные проблемы не актуальны. Многие обладают двойственным этническим самосознанием. Более того, высокий процент межнациональных башкиро-татарских браков зачастую вообще снимает вопрос об этнической принадлежности. В западных районах Башкирии татары и башкиры не склонны различать друг друга, хотя преобладание татарского языка приводит к определенному отношению родителей к языку обучения их детей в школе.

Литература

1. *Гареев Э.С., Грогуленко Н.В., Изиляева Л.О.* Национальная политика и межнациональные отношения. Учебное пособие. Уфа: Уфимский государственный нефтяной технический университет, 2010. Часть 2. 48 с.
2. *Гареев Э.С., Костылева Е.Г., Грогуленко Н.В., Валитова Н.Э.* Оценка межнациональных проблем в Республике Башкортостан // Сборник трудов конференции посвященной 71-й годовщине победы в Великой Отечественной войне «Межэтнические столкновения в политкультурной студенческой среде и пути их разрешения», 2016. С. 103–108.

3. *Ермеева К.Д., Козлова Ю.Б., Костылева Е.Г.* Состояние и перспективы межнациональных отношений в современной России: социологический аспект // Евразийский юридический журнал. 2018. № 6(121). С. 390–392.
4. *Козлова Ю.Б., Костылева Е.Г., Ахметянова Э.И.* Формирование и особенности продвижения российской национальной идеи средствами рекламы и связей с общественностью// Евразийский юридический журнал. 2017. №5 (108). С. 311–312.
5. Официальный сайт Госкомстата Республики Башкортостан (Национальный состав населения Республики Башкортостан). URL: https://bashstat.gks.ru (Дата обращения: 20.03.2020).

ЭТНИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ И ФОРМЫ ПРАВЛЕНИЯ: КРИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР ТЕОРЕТИЧЕСКИХ И ЭМПИРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Зазнаев О.И., Сидоров В.В.
Казанский федеральный университет,
Россия, г. Казань

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00102

Аннотация. Конфликты на этнической почве представляют опасность для любого общества и государства, поскольку угрожают их целостности и стабильности, нарушают нормальный порядок функционирования политической системы. Предотвращение, урегулирование и разрешение этнических конфликтов – актуальная задача институтов власти в условиях полиэтнического общества. Для ее решения государство использует разнообразные механизмы – как институциональные, так и неинституциональные. К числу институциональных механизмов управления этническими конфликтами относится форма государственного правления (наряду с формой государственного устройства и избирательной системой). В статье дается критический обзор современных дискуссий по проблеме взаимосвязи между этническими конфликтами и формами государственного правления. Ученые пытаются выяснить, какая из систем – президентская, парламентская или полупрезидентская снижает риски возникновения конфликтов в полиэтническом обществе. Для ответа на этот вопрос в науке предпринимаются теоретические и эмпирические исследования, которые анализируются и оцениваются в статье.

Ключевые слова: этнический конфликт, форма правления, президентская система, парламентская система, урегулирование конфликта, разрешение конфликта

Одной из важных политических задач является создание такой комбинации институтов, которая учитывала бы интересы различных этнических групп и переводила бы этнические противоречия в мирное русло, предотвращая возникновение конфликтов. Современные ученые убеждены в том, что институциональное устройство государства в полиэтническом обществе влияет на этнический конфликт, создавая риски для его возникновения либо сглаживая острые межэтнические противоречия. Как показывает практика многих стран, правильный выбор формы государственного правления, формы политико-территориального устройства и избирательной системы помогает смягчить имеющиеся этнические конфликты, разрешить их, способствует предотвращению новых конфликтов. В статье будут проанализированы научные дискуссии о том, как форма государственного правления влияет на вероятность возникновения этнического конфликта в полиэтническом обществе. Оценке будет подвергнута эмпирическая проверка гипотезы, связанная с данной взаимосвязью.

1. Теоретические аргументы о взаимосвязи этнических конфликтов и форм правления.

Роль этничности в функционировании политических институтов изучалась рядом авторов. Среди наиболее важных в теоретическом и методологическом отношении книг можно выделить работы А. Лейпхарта «Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование» [1], Д. Горовица «Этнические группы в конфликте» [2], Т.Д. Сиска «Распределение власти и международная медиация в этнических конфликтах» [3], Ф.Редера и Д. Ротшильда «Устойчивый мир: власть и демократия после гражданских войн» [4]. В литературе представлены три концептуальных подхода к решению проблемы «этничность и институты»: теория либеральной сообщественности или консоциативный подход, теория центростремительности или интеграционный подход и теория раздела власти [3, 5, 6]. Сторонники консоциативного подхода [1] считают, что полиэтническому обществу необходима парламентская система, поскольку в ней существует коллегиальный механизм принятия решений. Сторонники центростремительного подхода [7, 8] выступают за президентскую систему, указывая в качестве ее плюсов обеспечение группового согласия и примирения президентом. Те, кто ратует за разделительный подход, также выбирают для полиэтнического общества президентскую систему [4], поскольку она способствует разделению и взаимосдерживанию власти.

Огромный интерес представляют исследования, в которых выявляются институциональные условия, способствующие и препятствующие этническим конфликтам – форма государственного устройства, избирательная система, отдельные государственные институты (например, институт президентства), политические партии. Большой пласт литературы связан с выяснением влияния федерализма на этнические конфликты [9, 10, 11, 12, 13, 14]. В зарубежной литературе подчеркивается, что достижение мира между этническими группами обеспечивается, прежде всего, такими формальными институтами как избирательная система и форма государственно-территориального устройства (федерализм) [15, с. 72]. При этом недооценивается роль формы правления в этнически разделенном обществе. Ряд авторов делают акцент на роли неинституциональных факторов в снижении этнической конфликтогенности (уровень экономического развития страны, история войн и конфликтов, степень демократизации, «размер» этнических групп и их количество, социально-экономические и политические расколы, доступность оружия, пересеченная местность, природные ресурсы, международные факторы) [16, с. 91].

На протяжении последних 30 лет в политической науке идет поиск взаимосвязи между формой правления и другими переменными – экономическим развитием, стабильностью политической системы, эффективностью публичной политики, эффективностью политического курса. Самая широкая дискуссия в политологии развернулась по вопросу о том, какая форма правления способствует становлению стабильной демократии, демократизации режима и консолидации демократии. Начал ее Х.Линц [17], а продолжали М.С. Шугарт и Д. Керри [18], С. Липсет [19], С. Мэйнуоринг [20], С. Скэч и А. Степан [21] и многие др. [22; 23]. Эта дискуссия важна, поскольку, во-первых, позволяет определить значимость формы правления в политической жизни, и, во-вторых, выявить проблемные институциональные элементы разных форм правления (например, в президентской системе двойная демократическая легитимность, жесткость сроков президентства).

В научной литературе обсуждается вопрос о том, какая форма правления ведет к урегулированию этнических конфликтов. Одни считают, что для полиэтнических обществ больше подходит президентская система [24, с. 110–111]. Другие авторы исходят из того, что, напротив, именно президентская система создает опасность возникновения этнических конфликтов, поскольку базируется на принципе «победитель получает все» [15, с. 72] Эти исследователи двумя руками «за» парламентскую систему как наиболее пригодную для разделенных обществ [25, с. 72–84; 17, с. 51–60]. Анализ зарубежной литературы позволяет нам прийти к выводу о том, что в современной сравнительной политологии наиболее распространенной точкой зрения является мнение о том, что для этнически разнородных обществ лучше подходит парламентская, а не президентская система. Следует подчеркнуть, что эта

позиция является весьма уязвимой и нуждается в более весомой аргументации. В отечественной науке эта проблема практически не обсуждается.

Таким образом, исследователи пришли к противоположным выводам о том, имеет ли форма правления значение для этнических конфликтов, и какая из форм правления способствует их смягчению. В настоящее время в политической науке не решен вопрос о роли формы правления в предупреждении и урегулировании этнических конфликтов. Имеющиеся положения о взаимосвязи между формой правления и этническими конфликтами носят противоречивый характер, страдает аргументация сторонников и противников президентской и парламентской систем.

2. Эмпирические методы в изучении связи между этническими конфликтами и формами правления.

Есть ли связь между формой правления и этническим конфликтом? Помогут ли эмпирические методы анализа в поиске ответа на этот вопрос? В зарубежной науке был проведен ряд эмпирических исследований для установления связи между формой правления и этническими конфликтами.

По результатам исследования С. Сайдемана и его коллег [24] стало понятно, что форма правления является важной объясняющей переменной, но, например, избирательная система оказывает более сильное влияние на степень вероятности возникновения этнических конфликтов. Основа для анализа стала база данных по этническим группам «Меньшинства в ситуации риска» за 1985–1998 гг. Статистическому анализу подверглись 275 этнических групп в 116 странах. Многофакторный характер причин возникновения этнических конфликтов сильно затрудняет точный анализ взаимосвязей между ними и институциональным устройством государства [24].

Д. Бранкати [26] проанализировал 30 демократий с 1985 по 2000 год с помощью базы данных «Меньшинства в ситуации риска». По результатам исследования им был сделан вывод о том, что президентская система уменьшает вероятность этнических конфликтов, кроме конфликтов связанных с сецессией [26].

Г. Шнайдер и Н. Вайзхомайер изучали гражданские войны с 1950 по 2000 год. В их фокусе внимания оказалось влияние институционального устройства государств на межэтническое согласие в обществах, разделенных по этническим линиям [27]. Исследование основывалась на эмпирических данных по вооруженным конфликтам, собранных специалистами Университета Уппсалы [28]. Вывод исследования таков: президентская система чаще ведет к гражданским войнам, но эта причинно-следственная связь нивелируется введением в анализ таких переменных, как этническое доминирование и степень этнических расколов [27].

У.Тойеркауф также исследовала влияние институтов государства на возникновение гражданских войн. Хронологические рамки исследования – 1955–2007 гг. [15]. У. Тойеркауф опиралась на базу данных «Целевой группы по политической нестабильности» Университета Джорджа Мейсона [29]. Она также пришла к выводу, что сочетание многих институциональных факторов (формальных и неформальных) может объяснить усиление этнического насилия. Такими факторами являются высокий уровень коррупции, президентская форма правления, мажоритарная избирательная система и унитарная форма государственного устройства.

У. Тойеркауф отмечает, что ключевым принципом президенциализма является «игра с нулевой суммой», что исключает этнические группы из процесса распределения власти [30, с. 89–90]. Полномочия президента определены жесткими фиксированными сроками, характер принятия решений является неколлегиальным, а коалиции не создаются. Здесь «победитель получает все». У. Тойеркауф утверждает, что если абстрагироваться от иных факторов, то президентская система действительно теоретически является более «конфликтогенной». Однако, по мнению автора, это следует считать лишь теоретическим упрощением [15]. Очевидно, что проблемы, возникающие при измерении переменных и «анализ большего числа случаев N просто не в состоянии должным образом учесть значимость различия между странами и сложность контекстов», – отмечает У. Тойеркауф [15, с. 102].

Попытка ответить на вопрос о причинах возникновения этнических конфликтов сталкивается с классическими проблемами проведения сравнительного политологического исследования. Очевидно, что исследователи хотят найти те факторы, которые будут применимы к максимальному количеству случаев. Иными словами, чем больше случаев объясняет теория этнических конфликтов, тем более «научной» она становится. Однако политическая практика диктует свои условия. Этнические конфликты столь неоднородны, что попытки объяснить их единым набором факторов обречены на неудачу. Мы сталкиваемся с типичной проблемой политической науки: «мало случаев – много переменных». Случаев схожих этнических конфликтов мало, а факторов, влияющих на конфликты, – много. Кроме того, сложно сравнивать этнические конфликты друг с другом. Проблема их сравнимости проистекает из исторического и политического контекста протекания этнических конфликтов.

Эти методологические проблемы со всей очевидностью говорят исследователям о том, что необходимо сузить исследовательский фокус и сосредоточиться на создании теорий среднего уровня. Для этого необходимо оперировать не глобальным кросс-национальными единицами сравнения, а спуститься на уровень региональных исследований.

Примером решения методологических проблем может служить исследование американского исследователя Ф. Ресслера. Он сфокусировался на объяснении гражданских войн и государственных переворотов в государствах Африки к Югу от Сахары в постколониальный период [31]. Его исследование со все очевидностью показало, что этнические конфликты в исследуемом регионе возникают тогда, когда элита исключает из распределения власти некоторые этнические группы, которые несут угрозу удержания власти элиты. Ф.Ресслер прямо не выделяет наименее конфликтогенную форму правления. По его мнению, хороша та форма правления, которая способствует формированию межэтнических коалиций.

Кроме внутренних факторов возникновения этнических конфликтов существуют и внешние факторы, подчас играющие решающую роль. Американский исследователь Д.Лейтин, отмечал, что региональная специфика и внешние факторы являются определяющими особенностями этнических конфликтов [32]. Например, в государствах Северной Африки и Ближнего Востока этнические конфликты возникают чаще всего. Для этнических конфликтов на постсоветском пространстве внешние факторы являются определяющими. Внешняя поддержка этнических меньшинств дает им ресурсы для проявления сецессионистских настроений и ведет к этническому насилию.

Итак, эмпирические исследования, проведенные в рамках изучения влияния форм правления на этнические конфликты, показали со всей наглядностью многофакторную детерминацию последних. Действительно, существуют теоретические аргументы как за, так и против той или иной формы государственного правления. Однако эмпирические исследования не в состоянии однозначно ответить, какая из «сторон» научного спора права. Дальнейшие усилия научного сообщества в рамках исследования этнических конфликтов будут направлены на изучение конкретных случаев, которые смогут обогатить наши представления об этнических конфликтах и помогут индуцировать новые гипотезы, содержащие комбинации переменных, в числе которых будет и форма государственного правления. Новые гипотезы потребуют новых эмпирических исследований.

Анализ зарубежной научной литературы позволил прийти к выводу о том, что вопрос о взаимосвязи между этническими конфликтами и формами государственного правления (президентской, парламентской и полупрезидентской) остается невыясненным. Во-первых, нет убедительных доказательств (как теоретических, так и эмпирических) о каком-либо существенном воздействии выбранной формы правления на снижение риска этнических конфликтов. Гораздо более сильное влияние на «умиротворение» конфликтов оказывает форма государственного устройства (федерализм) и избирательная система (пропорциональный тип). Во-вторых, не выяснено четко, как те или иные черты президентской или парламентской систем угрожают этническому миру и согласию в обществе. На этот счет высказываются разные точки зрения, не всегда имеющие под собой доказательную базу. В-третьих,

не следует гипертрофировать роль формы государственного правления в предупреждении и разрешении этнических конфликтов, ибо их причины и способы преодоления в большей степени связаны с социально-экономическими, политическим, психологическим и культурными факторами, нежели с институтами.

Кроме того, не доказано эмпирически, влияет ли форма правления на усиление или затухание этнических конфликтов, и как та или иная форма правления воздействует на этнические конфликты – способствует их урегулированию или, напротив, ведет к их обострению. Гипотеза о влиянии формы правления на этнические конфликты и о характере такого влияния требует глубокой и тщательной эмпирической проверки, поэтому все исследования в этой области еще впереди.

Литература

1. *Лейпхарт А.* Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование. М.: Издательство «Аспект Пресс», 1997. 287 с.
2. *Horowitz D.* Ethnic Groups in Conflict. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1985. 712 p.
3. *Sisk T.* Power Sharing and International Mediation in Ethnic Conflicts. Washington: United States Institute of Peace Press, 1996. 143 p.
4. *Roeder P.G., Rothchild D.* Dilemmas of State-Building in Divided Societies. NY: Cornell University Press, 2005. P. 1–25.
5. *Wolff S.* Managing Ethno-national Conflict: Towards an Analytical Framework // Commonwealth & Comparative Politics. 2011. Vol. 49. № 2. P. 162–195.
6. *Панов П.В.* Институциональные модели организации власти в полиэтнических обществах: варианты, проблемы и решения. М.: Аспект Пресс, 2015. С. 289–306.
7. *Horowitz D.* The Alternative Vote and Interethnic Moderation. A Reply to Fraenkel and Grofman // Public Choice. 2004. Vol. 121. № 3–4. P. 507–517.
8. *Горовиц Д.* Распределение власти в полиэтнических обществах: три большие проблемы. (Реферат) // Политическая наука. 2016. № 1. С. 210–223.
9. *Абдулатипов Р.Г., Болтенкова Л.Ф.* Опыты федерализма. М.: Издательство «Республика», 1994. 317 с.
10. *Бусыгина И.М.* Формирование и развитие федеративных систем на Востоке и Западе // Мировая экономика и международные отношения. 1994. № 11. С. 166–170.
11. *Дробижева Л.М.* Гражданская идентичность как условие ослабления этнического негативизма // Мир России: Социология, этнология. 2017. Т. 26. № 1. С. 7–31.
12. *Тишков В.А.* Культурная сложность современных наций. М.: Издательство РОССПЭН, 2016. 381 с.
13. *Фарукшин М.Х.* Этничность и федерализм. Казань: Центр инновационных технологий, 2013. 348 с.
14. *Филиппов В.Р.* Критика этнического федерализма. М.: ПМЛ Института Африки РАН, 2003. 379 с.
15. *Theuerkauf U.* Presidentialism and the Risk of Ethnic Violence // Ethnopolitics. 2013. Vol. 12. № 1. P. 72–81.
16. *Basedau M.* A Context-Sensitive Approach to the Study of Presidentialism and Ethnic Violence // Ethnopolitics. 2013. Vol.12. № 1. P. 89–92.
17. *Linz J.* The Perils of Presidentialism // Journal of Democracy. 1990. Vol. 1. № 1. Pp. 51-69.
18. *Shugart M., Carey J.* Presidents and Assemblies. Constitutional Design and Electoral Dynamics // Cambridge. Cambridge University Press, 1992. 332 p.
19. *Lipset S.M.* The Centrality of Political Culture // Journal of Democracy. 1990. Vol. 1. № 4. Pp. 80–83.
20. *Mainwarning S.* Presidentialism, Multipartism, and Democracy. The Difficult Combination // Comparative Political Studies. 1993. Vol. 26. № 2. Pp. 198–228.

21. *Stepan A., Skach C.* Constitutional Frameworks and Democratic Consolidation: Parliamentarism versus Presidentialism // World Politics. 1993. Vol. 46. № 1. P. 1–22.
22. *Зазнаев О.И.* Осмысление форм правления в зарубежной политической науке: новейшие дискуссии // Политическая наука. 2014. № 1. С. 10–33.
23. *Зазнаев О.И., Сидоров В.В.* Президентские системы на постсоветском пространстве: верна ли гипотеза Хуана Линца? // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2018. № 4(14). С. 24–35.
24. *Saideman S., Lanoue D., Campenni M., Stanton S.* Democratization, Political Institutions, and Ethnic Conflict: A Pooled Time-Series Analysis, 1985–1998 // Comparative Political Studies. 2002. Vol. 35. № 1. Pp. 103–129.
25. *Lijphart A.* Constitutional Choices for New Democracies // Journal of Democracy. 1991. Vol. 2. № 1. Pp. 72–84.
26. *Brancati D.* Decentralization: Fueling the Fire or Dampening the Flames of Ethnic Conflict and Secessionism? // International Organization. 2006. Vol. 60. № 3. Pp. 651–685.
27. *Schneider G., Wiesehomeier N.* Rules that matter: political institutions and the diversity–conflict nexus // Journal of Peace Research. 2008. Vol. 45. № 2. Pp. 183–203.
28. The Minorities at Risk (MAR) Project. URL: http://www.mar.umd.edu/ (Дата обращения: 31.03.2020).
29. Political Instability Task Force. URL: https://scip.gmu.edu/political-instability-task-force/ (Дата обращения: 31.03.2020).
30. *Theuerkauf U.* Ethno-embedded institutionalism: the impact of institutional repertoires on ethnic violence // PhD thesis. The London School of Economics and Political Science (LSE), 2012. 393 p.
31. *Roessler F.* The Enemy Within: Personal Rule, Coups, and Civil War in Africa // World Politics. 2011. Vol. 63. № 2. Pp. 300–346.
32. *Laitin D.* Secessionist Rebellion in the Former Soviet Union // Comparative Political Studies. 2001. Vol. 34. № 8. Pp. 839–861.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП КАК СПОСОБ УРЕГУЛИРОВАНИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Закиров А.Р., Фазулов А.Р.
Казанский федеральный университет,
Россия, г. Казань

Аннотация. Участие этнических групп в политических процессах рассматривается как важный фактор стабильности социальных отношений. Межэтнические отношения приобретают сбалансированный характер тогда, когда этнические сообщества имеют доступ к институциональным инструментам, позволяющим влиять на процесс принятия решений.

Ключевые слова: этническая группа, этнос, представительство во власти, межнациональные отношения, этнополитика.

Этнические группы являются неотъемлемыми субъектами политики, наряду с другими видами социальных групп, выделяемых по специфическим признакам. В современном мире, подверженном геополитическим потрясениям, они нередко становятся ключевыми политическими игроками. Во многом это объясняется тем, что одни этносы уже идут к созданию своих собственных государств или собственных институтов внутри государств уже существующих, а другие всё больше заявляют публично о своих политических правах в тех государствах мира, где они не являются этническим большинством [1, с. 108].

Кроме того, в современном мире лишь около 10% государств имеют внутри своих границ одну этническую группу, большинство же являются многоэтничными, что порождает

сложнейшую политическую проблему представительства народов полиэтнического государства в органах власти. Способствовать её решению призваны механизмы разрешения межэтнических конфликтов на основе институтов демократического представительства и обеспечения возможностей активного участия этнических групп в общественно-политической жизни государства [2, с. 23].

Характерным признаком политического участия этнических групп в жизни общества является их устойчивость и цельность. Собственно, в социополитическом контексте этническое сообщество можно рассматривать именно как устойчивую социальную конструкцию, возникающую и существующую в результате целенаправленных усилий людей и создаваемых ими институтов, но главным образом государства. Устойчивость здесь определяется функционированием группы на протяжении длительного времени и на определённой территории. Цельность такого сообщества поддерживается субъективными процессами идентификации признанием отдельными индивидами своей принадлежности к данной общности. Таким образом, этническая группа представляет собой коллектив людей, имеющих общую историю, язык, обычаи и идентичность, и следующих общим нормам поведения в процессе социального взаимодействия и участия, как внутри группы, так и вне.

Участие таких групп в общественной жизни позволяет развиваться межэтническим отношениям в государстве и укрепляет доверие между самими народами, населяющими территорию страны. Вовлечённость этнических групп в политические процессы позволяет реализовывать их политические права, представлять интересы, тем самым укреплять связь с государственной властью. Наконец, их политическое участие в жизни общества и государства, выраженное в цивилизованных формах достижения своих политических интересов, способствует стабилизации общественных отношений, позволяет избежать возникновения конфликтов на этнической почве.

Различные факторы определяют разнообразие форм политического участия этнических групп в политике. В частности, исключение политического участия этнических сообществ в тех государствах, где такое участие необходимо, ведет к дестабилизации общественных отношений, подрыву доверия народов к власти, тем самым уменьшению ее легитимации.

В тех же случаях, где политическое участие этнических групп в политике рассматривается как обязательный элемент развития общества и государства, оно представлено множеством форм, которые можно объединить в две группы.

Первая группа представлена формами политического участия этнических групп, закрепленными на законодательном уровне, и ограниченными лишь наличием ценза гражданства или знания государственного языка. К представителям таких этнических групп относятся национальные меньшинства или этнические группы, обладающие собственной национальной государственностью в рамках федеративного государства. Не во всех полиэтничных государствах этносы соответствуют данным критериям, и такие требования могут ограничивать возможности их участия групп в политической жизни государства, в том числе в процессах принятия политических решений или в государственном управлении.

Во вторую группу входят политические действия, осуществляемые «не структурированными членами общества различной этнической принадлежности, в первую очередь иммигрантами» [3, с.132]. Формы политического участия данных групп могут быть ограничены законодательно, что служит фактором возможности неконвенционального поведения например, в виде незаконных митингов или общественных собраний.

В современных исследованиях выделяют такие формы политического участия этнических групп, как:

1) участие в электоральном процессе, куда входят активное и пассивное избирательное право; 2) участие в жизни этнических партий; 3) принятие участия в комитетах, осуществляющих гражданский контроль; 4) государственная служба; 5) участие в законных демонстрациях, митингах и собраниях, сходах, слушаниях, обращениях; 6) иные формы. Рассмотрим подробнее формы политического участия этнических групп в политике.

1. Одной из наиболее значимых и массовых форм политического участия этнических групп является участие в электоральном процессе. Значимость данной формы заключается в том, что в ряде случаев расовая и этническая идентичность становится главным фактором при политическом выборе индивида для реализации политических интересов. Влияние такого фактора можно исследовать в условиях реальных демократических выборов в многонациональном сообществе. Довольно затруднительно проводить такого рода исследования в бывших советских республиках или азиатских государствах, где до сих пор сильно влияние административного фактора или феномена нечестных выборов.

Поэтому наиболее показательным является исследования политического участия этнических групп в электоральном процессе в США, где было установлено, что на выборах в конгресс 2006, 2010 и 2014 гг. на уровне штатов представители азиатских, афроамериканских и латиноамериканских народов отдавали предпочтения за кандидатов той же этнической группы, не принимая во внимание их партийную принадлежность.

Также было отмечено, что фактор этничности играл особую роль на стадии первичных выборов праймериз, направленных, по сути, на выявление лидеров–конкурентов среди однопартийных кандидатов. В целом расовая и этническая принадлежность кандидата является существенным фактором при их различении электоратом: избиратели признают фактор расовой и этнической принадлежности как основную причину для осуществления выбора и часто предпочитают со–этничных кандидатов при осуществлении политического участия в форме выборов.

По результатам данных исследований были выявлены закономерности, связанные с участием этнических групп в электоральном процессе.

Во-первых, при прочих равных условиях этнические группы предпочитают голосовать за кандидатов той же этнической группы, к которой принадлежат сами.

Во-вторых, в условиях, когда этнические группы являлись большинством в рамках избирательного округа, фактор принадлежности кандидата к одинаковой с избирателями этнической группе становился для последних более весомым стимулом к участию в электоральном процессе, нежели идейные взгляды кандидата. Так, на выборах в Конгресс, прошедших в 2014 году по всем штатам, было зафиксировано, что в тех избирательных округах, где численность афроамериканцев, латиноамериканцев или азиатских этнических групп доходила до 50%, а на выборах представлен кандидат той же этнической группы, явка на выборы представителей этнических групп возрастала на 6–10%.

В-третьих, вероятность победы на выборах кандидата от одной из этнических групп возрастает с увеличением численности соответственно таких этнических групп в рамках избирательного округа [4, с. 102].

Очевидно, что в электоральном процессе этническая или расовая принадлежность значительно влияет на поведение избирателей, однако, по мнению российских исследователей, фактор этнической или расовой принадлежности не может служить основой для выведения научной закономерности.

Связано это прежде всего с тем, что помимо этнической принадлежности, важную роль в электоральном поведении могут играть такие факторы, как политические взгляды, социальная принадлежность, идеология, религиозность, пол, возраст, образование кандидата, а также степень дискриминационного ощущения этнической группы в обществе, уровень этнической идентичности группы. Соответственно, фактор влияния этнической или расовой принадлежности кандидата на электоральное поведение представителей этнической группы играет определяющую роль лишь при прочих равных условиях в частности, такой фактор может оказать влияние конкретно на результаты первичных выборов [3, с. 144–147].

Кроме того, на практике члены одной этнической группы голосуют по–разному и при этом не обязательно за членов своей этнической общности. Например, в Германии, в отличие отСША, представители этнических меньшинств могут попасть в законодательный орган путем избрания по общенациональным спискам, либо заняв место, специально зарезервированное для этнических меньшинств [5].

Наконец, не является очевидным, что если общенациональная партия включит в состав члена этнического меньшинства, то данное этническое меньшинство отдаст свои голоса на выборах именно за эту партию [4, с. 113].

Отметим также, что выборы в итоге могут в одних случаях привести к сплочению этнических групп, в других к повышению вероятности разобщения и возникновения конфликта на этнической почве.

2. Участие в жизни этнических партий.

Данная форма участия, как и участие в электоральном процессе, позволяет отстаивать интересы этнических групп. В то же время не во всех государствах мира разрешено создание и осуществление деятельности этнических политических партий, например, в Швейцарии, России и в ряде других государств. Основанием для данного запрета является угроза возникновения социальной, расовой, национальной и религиозной розни [6]. Так, согласно российскому законодательству, создание и осуществление деятельности этническими политическими партиями в РФ может стать основой экстремисткой деятельности или формирования межэтнического конфликта.

В тех государствах, где такой запрет отсутствует, члены этнических групп могут получить не только представительство через данные политические партии, но и принимать участие в жизни самих политических партий. В Германии, например, такая форма участия реализуется посредством участия в жизни Союза южношлезвигских избирателей.

Упомянутый выше Союз южношлезвигских избирателей партия датского и фризского меньшинств, функционирующая с 1948 года в федеральной земле Шлезвиг–Гольштейн, ФРГ. Германия является преимущественно моноэтничной страной, основной этнос которой немцы (92% населения), но в ряде земель, например, в Шлезвиг–Гольштейн, проживают этнические меньшинства.

Союз южношлезвигских избирателей (далее СЮИ) является третьей по численности партией в регионе. Несмотря на то, что на региональных выборах в 2012 году партия не прошла 5% избирательный барьер, она всё равно вошла в законодательный орган Шлезвиг–Гольштейна. Это связано с тем, что для защиты интересов представителей этнических групп законодательство Германии устанавливает право на освобождение партий этнических меньшинств от требований, преграждающих путь в парламент малочисленным партиям [5].

Представители датского и фризского меньшинств, участвуя в жизни СЮИ, добиваются на законных основаниях равноправия этнических меньшинств на территории Германии, создания всех условий для признания прав датского меньшинства. Руководство СЮИ признает, что за то время, пока регион находился в составе Германии, у его жителей сформировалась приверженность немецким ценностям и образу жизни, поэтому датчане и фризы, проживающие в регионе, считают себя полноправными гражданами страны и обладают теми же правами и обязанностями, что и любой немец.

В вопросе евроинтеграции позиция СЮИ отлична от взглядов других европейских этнорегиональных партий. Так, партия не видит перспективы для создания федеративной Европы и отказа от национальных границ, и не является сторонницей проекта «Европа–регионов». Свою роль сыграли в этом актуальные проблемы Евросоюза: положение беженцев, «брексит», последствия финансово–экономического кризиса. В то же время представители датского и фризского меньшинств выступают за важность налаживания тесных связей со странами Северной Европы, в частности с Данией, которая может оказать помощь в сохранении национальных культур в регионе.

Сам же Евросоюз СЮИ расценивает как площадку для укрепления существующих связей, поэтому партия стремится добиться представительства в ЕС для этнических групп Шлезвиг–Гольштейна.

Этнические группы Шлезвиг–Гольштейна уделяют большое внимание проблеме формирования языковой политики в федеральной земле Шлезвиг–Гольштейн и укреплению позиций датского и фризского языков. В частности, посредством прошений или публичных

обсуждений они борются за право осуществления судопроизводства на языке национальных меньшинств, право использования дорожных указателей и фасадных вывесок на своих национальных языках. Было признано право шлезвигских датчан на получение образования на национальном языке, выделяются гранты на развитие датских школ. В то же время такими правами обделены фризы, интересы которых также представляет СЮИ, поэтому среди требований партии есть пункты об обеспечении равенства в преподавании немецкого, датского и фризского языков, о предоставлении средств на публикацию учебных материалов для обеспечения учебного процесса на фризском языке. Важным шагом к сохранению и популяризации языков национальных меньшинств является создание национальных СМИ. Характерно, что СЮИ и сторонники партии не требуют у федерального центра расширения региональных полномочий в сфере формирования языковой политики, а лишь просят увеличить финансирование культурных и образовательных учреждений национальных меньшинств.

3. Участие в комитетах и советах, осуществляющих гражданский контроль, консультативную или совещательную роль.

Одной из важнейших задач современного демократического государства и его политических элит является вовлечение этнических групп в активную гражданскую жизнь, что позволяет сформировать развитое политическое сознание меньшинств, осознать свои политические потребности в рамках четкой социальной структуризации этнических сообществ. Решению этой задачи способствует такая форма политической активности, как деятельность различных советов и комитетов по делам этнических групп.

Эта форма политической активности особенно актуальна для Российской Федерации, представляющей собой предельно фрагментированное с точки зрения этносоциальной структуры общество, в связи с чем необходимо привлечение особых механизмов, ориентированных на предотвращение и регулирование межэтнических конфликтов, на обеспечение институционализированного взаимодействия политических акторов и национальных меньшинств [7, с. 168].

В Российской Федерации подобные механизмы реализуются во всех субъектах как на федеральном, так и на региональном и локальном уровнях, через деятельность консультативно-совещательных органов (КСО) по межнациональным отношениям. Созданные и функционирующие с разной степенью активности в регионах, КСО представляют собой институт, создаваемый при органах государственной власти и органах местного самоуправления с целью гармонизации межэтнических отношений, обеспечения межэтнического согласия и предупреждения конфликтов на этнической почве. Например, в Республике Татарстан на уровне местного самоуправления функционирует координационный совет по межнациональным и межконфессиональным отношениям в г. Казани.

Существует также действенный механизм по привлечению этнических групп в органы власти. Механизм заключается в поддержке проектов по развитию и сохранению культур и родных языков, предлагаемых активистами культурных и межэтнических центров, межнациональных общественных организаций, и самими представителями этнических групп. В частности, в Республике Татарстан с 2008 года действует программа по сохранению, изучению и развитию языков народов, проживающих в г. Казани, в рамках которой осуществляет поддержка и финансирование муниципалитетом проектов от представителей культурных центров, межэтнических общественных организаций и других организаций. Документы Программы разрабатываются при непосредственном участии представителей этнических групп.

В тех или иных вариациях подобная практика реализуется и в других регионах России.

Так, в Оренбургской области осуществляет деятельность Межнациональный координационный совет и Совет по делам национальностей при губернаторе Оренбургской области. В их состав входят представители национальных общественных организаций, а также представители структур органов власти, относящихся к сфере межнациональных и межэтнических отношений.

С помощью данных организаций регулярно осуществляются диалоги на официальном уровне представителей государственных структур с представителями национальностей и этнических групп. Результат таких встреч является одним из путей формирования правовой базы в Российской Федерации, в рамках которой решаются проблемы по развитию национальных культур и по сохранению родных языков. Благодаря таким диалогам привлекаются активы национально–культурных общественных организаций (культурных центров, национально–культурных автономий, обществ по просвещению) к решению межэтнических проблем, рассматриваются вопросы состояния и развития национальных культур народов, национальной системы образования, пути улучшения гуманитарных связей этнических групп с титульными республиками и т.д. Совместно со структурами органов исполнительной власти принимаются рекомендации по выполнению решений таких советов и комитетов.

Важнейшим условием эффективности работы КСО по межэтническим отношениям является обеспечение представительства в них интересов различных этнических групп.

Сама практика организации функционирования КСО по межнациональным отношениям в регионах современной России оказывается довольно разнообразной, что было зафиксировано при создании базы данных «КСО по межнациональным отношениям при органах государственной власти субъектов РФ» в рамках проекта РГНФ № 16-03-00121 «Консультативно-совещательные органы в контексте реализации государственной национальной политики в современной России: региональные модели и практики».

В настоящую базу данных вошли все 85 субъектов РФ, в процессе была собрана и детально проанализирована следующая информация: наличие/отсутствие в регионе КСО в сфере межнациональных отношений, год создания, состав, функционал, возможные организационные изменения (структура, положение, состав), публичная открытость деятельности структуры. Данные аналитики свидетельствуют: почти в половине российских региональных КСО в сфере межнациональных отношений представлены не менее, чем по три наиболее крупных по численности населения этнических групп соответствующего региона.

Таким образом, можно полагать, что за численным составом этнических групп кроется их политическая значимость, и что политически значимые этнические группы являются регионо-образующими [7, с. 171].

В этой связи резюмируем, что консультативно-совещательные органы (КСО) при органах государственной власти и местного самоуправления действенный инструмент реализации государственной национальной политики, в современной России пользующийся значительной популярностью на всех уровнях публичного управления.

В целом в последние годы можно наблюдать явную активизацию деятельности российского государства в сфере регулирования национальных отношений: разработка и утверждение Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г., принятие и реализация ФЦП Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014−2020 гг.), а также программ по гармонизации межнациональных отношений на уровне субъектов РФ и муниципалитетов. Начало такой активизации приходится на период с 2012 по 2014 гг., так как в 2012 г. был создан федеральный орган подобного рода Совет по межнациональным отношениям при Президенте РФ [8, с. 150].

4. Государственная служба.

Возможность осуществления государственной службы представителями национальностей распространённая форма политического участия этнических групп в политике.

Государственная служба является общедоступной для граждан практикой при соблюдении определенных требований, однако наряду с общеобязательными требованиями для всех граждан (достижение определенного возраста, наличие необходимого образования и т.д.), могут быть выделены особые условия для этнических представителей.

В частности, в Латвии знание государственного языка и наличие гражданства законный порог для доступа к государственным должностям. Госслужащие и кандидаты на посты, главы административных подразделений и их структур, а также служащие, имеющие дело с ведением документов, должны демонстрировать высокий уровень знания латышского языка, независимо от гражданства. Закон Латвии «О государственном языке», признающий таковым латышский, ограничивает государственные институты от принятия письменных заявлений, просьб и жалоб от частных лиц на иных языках, кроме чрезвычайных ситуаций (вызов скорой медицинской помощи, пожарных и полицейских служб, дорожные происшествия). Документы на иностранных языках могут быть приняты только с прилагаемым переводом на государственный язык с нотариальным заверением. Таким образом, одним из ограничений такой формы участия является довольно дорогостоящая процедура перевода и заверения, поскольку расходы во многих случаях являются поводом для отказа представителей национальных меньшинств от обращения в административные структуры.

В целом демотивирующими и психологически дестабилизирующими факторами в отношении политического участия этнических меньшинств в стране являются: введение специфической социоэтнической категории «неграждан Латвии»; декларирование отрицательного отношения официальной Латвии к России, русской культуре и русскому языку, которые являются родными для большой части населения страны; принятие преамбулы к Конституции ЛР, в которой за латышской нацией закреплён статус государствообразующей и др. [9, с. 198].

Показательно отношение в Латвии и к собственным историко-этническим меньшинствам, а именно к носителям латгальского языка. Численность таковых колеблется около 150 000 человек, но владеет этим языком значительная часть населения. Латгальский язык, после ряда акций и судебных решений, всё же признан властями страны, но лишь как «диалект латышского», он преподаётся в некоторых университетах, но не преподаётся в школах и не используется в официальной жизни и на государственной службе. Представителями титульного этноса предполагается, что развитие латгальского языка и латгальцев как национальности привело бы к активизации их политического участия, что, в свою очередь, поставило бы под угрозу доминирование латышского народа, так как латыши в Латвии составляют лишь немногим более половины населения [10, с. 117].

Таким образом, очевидно проведение локальной государственной политики, ориентированной на создание искусственных препон для сохранения субъектности и политической активизации этнических меньшинств, фактически на их понуждение к полной ассимиляции, что противоречит не только общечеловеческим, но и декларируемым «демократическим европейским ценностям», а также ряду законодательных актов Европейского союза. Это же создает препятствия для осуществления государственной службы представителями нетитульных национальностей

В Российской Федерации, в отличие от подобных примеров, возможность осуществления государственной службы представителями национальностей обеспечивается во всех регионах страны, и на всех уровнях.

Например, согласно Уставу Ханты–Мансийского автономного округа Председатель Ассамблеи коренных малочисленных народов Севера является заместителем председателя Думы Ханты–Мансийского автономного округа. Такое положение позволяет представлять интересы коренных малочисленных народов Севера в законодательном органе автономного округа. Ограничением на этот пост выступает лишь необходимость быть представителем малочисленных народов Севера.

5. Участие в законных демонстрациях, митингах и собраниях, сходах, слушаниях, обращениях.

Основой любого демократического государства служит возможность волеизъявления людей на основе права организовывать невооруженные собрания, демонстрации или шествия. В тех государствах, где предполагается этническое представительство

и политическое участие этнических групп, могут проводиться собрания, митинги, шествия или демонстрации. Основой таких форм участия является этническая составляющая, а целью защита этнических и национальных интересов.

В 2014 году европейскими политологами было проведено исследование публичной деятельности представителей различных этнических групп в этнополитических организациях Будапешта (Венгрии), Леона (Франция), Мадрида (Испания), Милана (Италия), Цюриха (Швейцария) Одним из этапов данного исследования явился опрос, в рамках которого представителей этнических групп, независимо от того, являются ли они мигрантами или гражданами другого государства, опрашивали по поводу участия в этнополитических мероприятиях, организованных этнополитическими организациями [11].

Таблица 1

Результаты опроса представителей этнических групп в городах Европы

	Будапешт (Венгрия)	Леон (Франция)	Мадрид (Испания)	Милан (Италия)	Цюрих (Швейцария)
Постоянно принимают политическое участие в составе этнических групп или организаций	37,25%	57,69%	51,52%	60,87%	51,28%
Принимали участие как минимум в одном протесте (демонстрации)	15,69%	25%	71,21%	26.29%	28.21%
Количество опрошенных респондентов	51	52	65	46	39

По результатам опроса, большинство из респондентов регулярно принимают политическое участие в деятельности этнических групп или организаций, а более четверти респондентов заявили, что принимали участие хотя бы в одной этнополитической акции (Таблица 1).

Таким образом, в тех государствах, где разрешена деятельность этнических организаций, представители этнических групп могут принимать участие в политических мероприятиях, что позволяет им защищать свои права и интересы.

Возможность политического участия этнических групп особенно важна в тех государствах, где не существует правовых механизмов, гарантирующих национальным меньшинствам участие в процессе принятия решений, равно как и представительство их интересов на политической арене. Отсутствие таких гарантий ведёт к дискриминации по национальному признаку, в результате чего правительственные программы, декларируемые как улучшающие положения этнических групп, принимаются без учёта реальных потребностей и пожеланий тех, по отношению к кому они применяются. Как следствие, возникает разрыв между тем, что правительство делает, и тем, что должно делать для вовлечения этнических групп в политическую и социальную жизнь, и в этой связи политическое участие этнических групп приобретает особую роль в защите их интересов.

В качестве иных форм политического участия этнических групп, помимо перечисленных выше, может быть обращение к государственным представителям, бойкотирование этносом определенной продукции или услуги государства или другой этнической группы и тд. Такие формы являются одними из средств, когда этническая группа хочет быть «услышанной» и, соответственно, чтобы ее права были соблюдены и учтены на государственном уровне.

На основе всего изложенного мы можем утверждать, что политическое участие этнических групп является одновременно и условием существования демократического государства, учитывающего мнения меньшинства при принятии общегосударственных решений, и формой защиты интересов и прав этнических групп.

Многообразие форм политического участия этнических групп, ориентированного на защиту их интересов и прав, определяется степенью развития демократических ценностей

в обществе. В то же время нельзя недооценивать наличие, наряду с конвенциональными, и неконвенциональных форм политического участия этнических групп, что может ослаблять стабильность политической системы и даже привести к трансформации политического режима.

Ограничение или даже отсутствие политического участия этнических групп может повлечь за собой снижение легитимации государственной власти, утрату доверия этнических сообществ к демократическим институтам. В свою очередь, это может привести к выражению воли этносов и защите их интересов через насильственные формы политического участия, будь то манифестации с применением оружия, несоблюдение правопорядка, или даже вооруженный межэтнический конфликт. В этой связи очевидными представляются такие задачи современного государства, как обеспечение участия этнических групп в политике и недопущение превосходства одних этнических сообществ над другими.

Литература

1. *Узнародов Д.И.* Этнос как субъект политики // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. 2012. № 2(13). С. 108–111.
2. *Архипова Г.Г.* Федерализм как механизм «участия во власти» народов // Наука и образование. 2006. № 3. С. 23–27.
3. *Фарукшин М.Х.* Этничность и федерализм. Казань: Центр инновационных технологий, 2013. 348 с.
4. *Bernard L.* Fraga Candidates or Districts? Reevaluating the Role of Race in Voter Turnout // American Journal of Political Science. 2016. № 1. Pp. 97–122.
5. State Constitutional Court of Schleswig-Holstein. URL: http//www.schleswigholstein.de/DE/-Justiz/LVG/Entscheidungen/Dokumente/LVerfG_9_12_engl.pdf?__blob=publicationFile&v=4. (Дата обращения: 27.01.19).
6. Конституция РФ. Статья 13. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_-LAW_28399/5b9338a7944b7701fbe63f48c943e8175be16462/ (Дата обращения: 27.01.19).
7. *Борисова Н.В., Минаева Э.Ю.* Консультативно-совещательные органы по межнациональным отношениям: представительство этнических групп на региональном уровне в России // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2016. № 4. С. 168–179.
8. *Сулимов К.А., Титова С.Р.* Консультативно-совещательные органы по межнациональным отношениям в современной России: представление базы данных // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2016. № 4. С. 150–167.
9. *Филей А.В.* Особенности языковой политики в Латвии: к вопросу о современных факторах влияния на использование латышского языка русскоязычным населением // Актуальные проблемы языкознания. 2015. Т. 1. С. 198.
10. *Гришин О.Е., Касем М.* Национально-языковая политика Латвии: латгальцы и латгальский язык // PolitBook. 2018. № 2. С. 115–126.
11. *Eggert N., Pilati K.* Networks and political engagement of migrant organisations in five European cities // European journal of political research. 2014. Pp. 858–875.

ИНФОРМАЦИОННАЯ СИСТЕМА БОЛЬШИХ ДАННЫХ ДЛЯ ОПТИМИЗАЦИИ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ СТРАН ЕАЭС

Закиров М.З.[1], Патрушев В.И.[2]

[1]*Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации*

[2]*Академия наук социальных технологий и местного самоуправления*

Россия, г. Москва

Аннотация. Анализируется опыт разработки информационных систем оценки научного уровня развития регионов Российской Федерации на основе поиска и анализа больших текстовых документов. Рассматривается концепция построения информационных систем больших данных с целью оптимизации интеграционных процессов стран ЕАЭС.

Ключевые слова: ЕАЭС, большие данные, интеграция.

Последнее десятилетие развития цифровых технологий характеризуется широким использованием не только структурированных данных. В настоящее время все больше и больше систем начали использовать неструктурированные большие текстовые данные. Нами в прошлом году с участием шести академических институтов РАН был создан проект с применением поиска и анализа больших текстовых документов. Основной целью проекта является создание информационной системы оценки научно-технологического уровня исследований в промышленных и непромышленных отраслях регионов Российской Федераѳии (ИСНТУ РФ) на основе поиска и анализа больших объемов структурированных данных и неструктурированных текстовых документов для выявлении наиболее переспективных научно-технических направлений развития промышленных и непромышленных отраслей региона, проведения научных исследований на базе концептуальных, информаѳионных программно-предметных, агент ориентированных, когнитивно-симуляционных моделей с элементами активного искусственного интеллекта. Необходимо отметить, что только в единстве развития всех промышленных и непромышленных отраслей в настоящее время возможен существенный прорыв социально-экономического развития России.

Как показали исследования, из-за отсутствия полноты учета существенных факторов при проектировании социально-экономических систем, более 50% проектов терпят неудачу. Наиболее ценные сведения , необходимые для проектирования сложной информационной системы можно было бы найти в текстовых документах. Однако они до сих пор практически не использовались. Однако в последнее время за рубежом и в нашей стране начали использовать поиковые аналитические системы неструктированных текстовых документов. Нами на первом этапе разработки информационной системы оценки научного уровня развития промышленных и непромышленных отраслей региона выбрана отечественная мощная поиково-аналитическая система обработки больших текстовых документов. На следуюшем этапе на основе концептуального, информационного, математического, имитационно-симуляционного и когнитивного моделирования определяется инновационные методы управления социально –экономический путь развития регионов.

Самое важное свойство ИСНТУ РФ является то, что система предоставит мощное средство анализа структурированных данных и неструктурированных текстовых документов для формирования объективных показателей, которые могут быть использованы научными и научно-образовательными организациями и экспертами при выявлении наиболее инновационных научно-технических заделов в научных, образовательных и производственных учреждениях региона.

В отличие отныне существующих информационных систем оценки научно-технического уровня проектов, предложенная информационная система обеспечивает:

– поиск и анализ зарубежных и отечественных научных исследований и проектов по заданной теме по всем промышленным и непромышленным отраслям и выбрать наиболее инновационный вариант проектов для развития каждого региона с учетом всех факторов.

– оценку влияния развития сектора науки и образования, а также инновационно-активных предприятий на основные макроэкономические показатели страны.

– обработку огромного объема структурированных и неструктурированных текстовых отраслевых документов и создание базы знаний для использования всеми научно-образовательными, производственными, медицинскими, общественными, социально-экономическими, юридическими, управленческими и др. учреждениями региона. и мировой опыт поиска и обработки больших массивов данных, на основе которого обеспечивается поддержка решения следующих задач:

1. Выявление направлений исследований на основе анализа полнотекстовых коллекций научно-технических документов.

2. Выявление научных коллективов в соответствующих отраслях и оценки их научно-технического задела.

3. Анализ графа связности научно-технических документов.

4. Ознакомление с направлениями исследований отдельных ученых и коллективов.

5. Определение связности научных коллективов региона.

6. Определение связности научных направлений.

7. Определение уровня готовности отраслей к внедрению цифровых технологий.

8. Определение уровня готовности руководства региона выполнения нормативно-правовых документов по внедрению инновационных проектов в промышленных и непромышленных отраслях

9. Выявление центров компетенций по научно-техническим направлениям.

10. Оценка ресурсного потенциала по научно-техническим направлениям, в том числе в части руководства промышленными и непромышленными отраслями региона, а также научными и научно-образовательными учреждениями.

11. Определение динамики правовой охраны интеллектуальной собственности по научным направлениям и коллективам, а также возможных конфликтов между участниками проекта при правовой охране, в том числе на зарубежных рынках.

12. Определение меры ответственности всех участников инновационного развития региона.

13. Проведение научных исследований на базе концептуальных, информационных, программно-предметных, когнитивно-симуляционных, имитационных и математических моделей с элементами активного искусственного интеллекта.

14. Оценка выполнения национальных проектов в регионах.

15. Структура информационной систмы ИСНТУ РФ и ее цели отражены в техническом задании «Информационной системы оценки научно-технологического уровня и определения перспективных научных исследований в регионах РФ» Шифр: ИСНТУ РФ-2020.

1. Цель выполнения исследований.

Целью исследований является создание информационной системы оценки научно-технологических уровня (ИСНТУ РФ) и определения перспективных научных исследований в промышленных и непромышленных отраслях регионах РФ. Информационная система обеспечит информационно-аналитическую поддержку осуществляемых научно-исследовательскими, образовательными и производственными учреждениями региона процессов координирования и интеграции научных исследований при реализации стратегических задач экономического развития промышленных и непромышленных отраслей в регионе. ИСНТУ РФ должна предоставить ряд инструментов анализа больших структурированных и неструктурированных текстовых данных для формирования объективных показателей, которые могут быть использованы экспертами при выявлении наиболее сильных научно-технических заделов в регионе и при построении такой стратегии работы, которая может

дать рывок в развитии научных исследований и цифровой экономики региона-оценку влияния развития сектора науки и образования и инновационно-активных предприятий на основные макроэкономические показатели страны.

2. Требования к результатам.

В результате исследований должны быть решены следующие задачи:

2.1 Выполнен аналитический обзор и проведен анализ методов оценки научно-технологических заделов и прогнозирования динамики развития направлений научных исследований и разработок.

2.2 Определены основные источники научно-технической, технологической и иной информации, необходимой для функционирования ИСНТУ РФ.

2.3 Определены основные функции ИСНТУ РФ для информационно-аналитической поддержки деятельности экспертов при решении задач по выявлению наиболее сильных научно-технических заделов и стратегическому планированию работы в регионе.

2.4 Осуществлен и обоснован выбор основных системных, технических и технологических решений для создания ИСНТУ РФ путём разработки действующего макета системы оценки научно-технологических заделов и определения перспективных научных исследований в регионе.

2.5 Разработаны методические рекомендации по использованию ИСНТУ РФ при решении задач по выявлению наиболее сильных научно-технических заделов и стратегическому планированию работы в регионе.

2.6 Разработан проект Технического задания на опытно-конструкторские работы по теме: «Разработка системы оценки научно-технологических заделов и определения перспективных научных исследований».

3. Характеристики научных результатов.

3.1 Аналитический обзор и выводы критического анализа методов оценки научно-технологических заделов и прогнозирования динамики развития направлений научных исследований и разработок должны содержать описание зарубежных и российских методик и инструментов анализа научно-технической и технологической информации, ориентированных на решение задач в этой области. Должны быть выделены преимущества и недостатки анализируемых методов и обозначены принципиальные пути преодоления выявленных недостатков.

3.2 Анализ основных источников научно-технической, технологической и иной информации, необходимой для функционирования ИСНТУ РФ, должен представлять собой систематизацию информационных ресурсов публичного и непубличного доступа, содержащих:

– научную информацию в различных форматах, представленную в виде полных текстов на русском и английском языке с сопутствующими метаданными (научные статьи, тезисы и труды научных конференций, авторефераты и диссертации, статьи энциклопедического характера и т. п.);

– техническую и технологическую информацию, представленную в виде полных текстов на русском и английском языке с сопутствующими метаданными (описания патентных документов и прочей интеллектуальной собственности, отчёты о выполнении научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, техническую и технологическую документацию и т.п.).

В результате анализа источников должны быть отобраны информационные ресурсы, пригодные для ИСНТУ РФ, и сформирован перечень коллекций документов, которые будут использованы для первичного наполнения макета ИСНТУ РФ.

3.3 Описание основных аналитических функций, необходимых для автоматизации процессов поддержки деятельности экспертов при решении задач по выявлению наиболее сильных научно-технических заделов и стратегическому планированию

научно-исследовательских, проектно- внедренческих работ , должно включать в себя анализ требований к следующим функциям:

– Функция выявления перспективных направлений исследований на основе анализа полнотекстовых коллекций научно-технических документов и наукометрических показателей.

– Функция выявления структуры перспективных направлений исследований на основе анализа графа связанности научно-технических документов.

– Функция быстрого ознакомления с заданными направлениями исследований, включая выявление терминологии, используемой в научно-технических документах для обозначения научных понятий и ключевых элементов разрабатываемых технологий.

– Функция автоматизированной оценки выполненных или предлагаемых научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, включая выявление похожих или дублирующих работ, а также оценку актуальности работ или результатов работ.

– Функция оценки степени проработанности научного направления, включая определение динамики защиты интеллектуальной собственности по заданному направлению, оценку уровня освоенности научно-технического направления патентообладателями в России и за рубежом, оценку степени интереса к направлению со стороны держателей интеллектуальной собственности из различных регионов.

Состав функций может быть расширен исполнителем контракта.

Макет ИСНТУ РФ должен удовлетворять следующим требованиям:

3.2.1 Макет ИСНТУ РФ должна удовлетворять требованиям технологичности и унификации.

3.2.2 Макет ИСНТУ РФ должен быть основан на клиент-серверной архитектуре.

3.2.3 Архитектура макета ИСНТУ РФ должна включать в себя следующие компоненты:

– системное ядро, реализующее базовые функции ИСНТУ РФ;

– аналитический модуль, реализующий функции из п.п. 3.3 на основе базовых функций ядра;

– пользовательский web интерфейс.

3.2.4 Ядро макета ИСНТУ РФ должно реализовывать следующие базовые функции.

– Автоматический сбор разнородной первичной научно-технической, патентной, производственной и иной информации из различных источников с автоматическим извлечением метаданных для наполнения полнотекстовых коллекций макета ИСНТУ РФ.

– Автоматический лингвистический анализ документов и наполнение индексных структур данных для информационного обеспечения системного ядра и аналитического модуля. Макет ИСНТУ РФ должен обрабатывать документы следующих форматов:

a. Microsoft Word 2003 (doc);
b. Microsoft Word 2007 (docx);
c. Rich text format (rtf);
d. Plain text в кодировке UTF-8;
e. Open Document Format (odt, odf);
f. Portable document format (pdf),
g. DJVU.

Перечень обрабатываемых форматов документов может быть расширен исполнителем контракта.

– Поиск текстовой информации по запросу пользователя с поддержкой различных видов поиска:

a. фасетный поиск по метаданным;
b. семантический поиск;
c. фразовый поиск;
d. концептный поиск;
e. поиск по отдельным ключевым словам.

– Быстрое ознакомление с содержанием документов с помощью автоматически генерируемых резюме текстов.

– Быстрое ознакомление с темой документов с помощью автоматически генерируемых по тексту ключевых словосочетаний.

– Быстрое ознакомление с темой коллекции документов с помощью автоматически генерируемых по текстам документов ключевых словосочетаний.

– Эксплоративный поиск документов (поиск тематически похожих на заданный эталонный документ).

– Поиск смысловых текстовых заимствований.

Состав функций ядра может быть расширен исполнителем контракта.

3.2.5 Пользовательский интерфейс макета должен обладать следующими характеристиками:

– элементы пользовательского интерфейса должны быть унифицированы и сопровождаться контекстными подсказками по их функциональному назначению;

– пользовательский интерфейс должен обеспечивать визуализацию результатов работы функций и их увязку друг с другом;

– пользовательский интерфейс должен обеспечивать представление результатов в виде HTML-страниц, ландшафтов, графиков и диаграмм.

3.2.6 Реализация базовых функций макета ИСНТУ РФ должна основываться на воспроизводимых методах искусственного интеллекта, обеспечивающих высокое качество решения соответствующих задач (в общем случае – высокую полноту, точность и скорость). Предпочтение должно быть отдано отечественным разработкам, прошедшим независимую международную апробацию на научно-технических мероприятиях (подтверждённую рецензируемыми научными публикациями или документально).

3.2.7 Апробация макета ИСНТУ РФ должна быть проведена на информационном массиве, содержащем не менее 5 000 000 научно-технических документов.

3.2.8 Макет ИСНТУ РФ должен разрабатываться преимущественно с использованием отечественного программного обеспечения и свободного программного обеспечения с открытым исходным кодом.

3.2.9 Серверная часть макета ИСНТУ РФ должна функционировать под операционной системе ОС Debian/GNU Linux 8.0 или выше.

3.2.10 Серверная часть макета ИСНТУ РФ должна быть развернута на технических средствах, используемых у Заказчика. Минимальная конфигурация технических средств, на которых должна развертываться серверная часть макета ИСНТУ РФ:

– Процессор: 6-ядерный, архитектура AMD64 с тактовой частотой 2,5 ГГц, не менее и поддержкой режима HyperThreading.

– Оперативная память с тактовой частотой шины 1666 МГц, не менее, объём – 64 Гбайт, не менее.

– Подсистема хранения данных: накопители на жёстких магнитных дисках общим объёмом 1,8 Тб, не менее, скорость вращения шпинделя – 10000 об./мин., не менее, объединённые в массив RAID 1 аппаратным RAID-контроллером (или аналогичная подсистема на основе SSD-накопителей с характеристиками, не хуже заявленных, по объёму памяти, пропускной способности и времени доступа к данным).

– Сетевой интерфейс Ethernet с пропускной способностью 1 Гбит/с, не менее.

– Блоки питания: мощностью не менее 700 Вт, с резервированием и возможностью «горячей» замены – 2 шт., не менее.

3.2.11 Клиентская часть макета ИСНТУ РФ должна функционировать под современными браузерами под операционными системами семейств Windows и Unix: Microsoft Edge, Chrome (версии 44 и выше), Mozila Firefox (версии 40 и выше), Opera (версии 31 и выше).

3.2.12 Макет ИСНТУ РФ должен иметь средства для периодического резервного копирования сохраненной в нем информации на резервные машинные носители информации.

3.3 Методические рекомендации по использованию макета ИСНТУ РФ должны включать в себя описания бизнес-процессов (типовые сценарии) решения задач по выявлению наиболее сильных научно-технических заделов в регоне и стратегическому планированию работы в регионе.

3.4 Проект ТЗ на ОКР по теме «Разработка системы оценки научно-технологических заделов и определения перспективных научных исследований в регионе » должен быть разработан в соответствии с требованиями ГОСТ 34.602-89 с учётом положений ГОСТ 34.603-92.

4. Требования к документации.

4.1 Промежуточные и заключительный отчет об исследованиях должны быть оформлены в соответствии с ГОСТ 7.32-2001 «Отчет о научно-исследовательской работе. Структура и правила оформления».

4.2 Вся отчётная документация представляется Заказчику в отпечатанном виде в одном экземпляре, а также на электронных носителях.

5. Этапы работ и сроки их выполнения.

Наименование этапов, содержание выполняемых работ и мероприятий, перечень документов, разрабатываемых на этапах проведения исследований, сроки исполнения и объемы финансирования по этапам представляется в Плане-графике исполнения обязательств.

6. Порядок выполнения и оценки результатов исследований.

6.1 Работы должны выполняться в соответствии с требованиями ГОСТ 15.101-98. «Система разработки и постановки продукции на производство. Порядок выполнения научно-исследовательских работ».

6.2 Отчётная научно-техническая продукция по этапам НИР предъявляется Заказчику за 10 дней до окончания срока выполняемого этапа.

6.3 Отдельные этапы и вся работа в целом принимается комиссией, назначаемой Заказчиком, с представлением ей всех документов и протокола решения научно-технического совета Исполнителя о выполнении работ.

6.4 Ориентировочная стоимость работ составит 10 млн. рублей.

Исполнители проекта:

– Зацаринный Александр Алексеевич, Заместитель директора Федерального исследовательского центра «Информатика и управление» РАН, доктор технических наук, проффесор;

– Осипов Геннадий Семенович, Директор Института проблем искусственного интеллекта ФИЦ «Информатика и управление» РАН, доктор технических наук, проффесор;

– Дегтярев Александр Николаевич, вице-президент Академии наук Республики Башкортостан, доктор экономических наук, член-корреспондент Академии наук Республики Башкортостан;

– Бахтизин Альберт Рауфович, директор Центрального экономико-математического института РАН, доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН;

– Патрушев Владимир Иванович, заместитель председателя Экспертного совета Комитета Госдумы ФС РФ по образованию и науке, президент Академии наук социальных технологий и местного самоуправления, доктор социологических наук, профессор;

– Закиров Мунавир Закиевич, начальник научного отдела Института менеджмента экономики и инновации, профессор РАНХиГС, кандидат технических наук, профессор, Академик энергоинформационных наук;

– Соченков Илья Валентинович, начальник отдела Федерального центра «Информатика и управление» РАН, кандидат физико-математических наук.

Литература

1. *Закиров М.З.* Информационные и концептуальные модели социальной защиты населения. Уфа: Издательство «Эльф», 2005. 192 с.
2. *Закиров М.З.* Онтология концептуальных моделей социально-экономических, научно-образовательных и производственных кластеров / Сборник материалов XII Международной научной конференции: Модернизация России. Ключевые проблемы и решения. Уфа: Издательство ИНИОН, 2012.
3. *Осипов Г.С., Смирнов И.В, Тихомиров И.А.* Реляционно-ситуационный метод поиска и анализа текстов и его приложения // Искусственный интеллект и принятие решений. 2008. № 2. С. 3–10.

ЭТНИЗАЦИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ СЕПАРАТИСТСКИХ КОНФЛИКТОВ

Зарипова А.Р.
Казанский федеральный университет,
Россия, г. Казань

Аннотация. Прилагательное «этнический» является одним из наиболее часто употребляемых, когда речь заходит о сепаратизме. Среди исследователей региональных процессов сложилось устойчивое мнение о связи сепаратизма с этничностью. Для эффективного регулирования сепаратистских конфликтов важно оценить значение этничности в развитии сепаратизма и определить, всегда ли этничность и сепаратизм объединены причинно-следственной связью. В частности, необходимо отделять случаи, когда противоречия на этнической почве ложатся в основу стремления сообщества к независимости, от сепаратистских движений, которые защищают неэтнические интересы этнического сообщества.

Ключевые слова: этничность, сепаратизм, региональные конфликты.

Существующее многообразие и многоплановость сепаратистских движений делают сепаратизм политическим феноменом, однозначная трактовка и интерпретация которого затруднительна. Попытки придать сепаратистским движениям однозначно негативный окрас, трактуя данные явления в качестве угрозы стабильности и целостности государства, или, напротив, «обелить», представив сепаратизм как инструмент борьбы этнических групп за сохранение своей культурно-языковой самобытности и реализации права на формирование государственности, усложняют изучение сепаратизма в современном мире.

Прилагательное «этнический» является одним из наиболее часто употребляемых, когда речь заходит о сепаратизме. Этничность позиционируется как одно из основных условий формирования сепаратистских настроений. Необходимо признать, что в политической науке сложилось устойчивое мнение о связи сепаратизма с этничностью, а также представление этнической идентичности и этнонационализма в качестве ключевых факторов и оснований поддержки идеи независимости. Ряд исследователей, раскрывая понятие сепаратизма, упоминает этнический компонент, что ведет к трактовке сепаратизма как сугубо этнического феномена [5]. Академик В.А. Тишков называет сепаратизм наиболее радикальной формой этнонационализма, определяя данное понятие как «требование суверенитета и независимости для этнически обозначенной территории» [11], тем самым подчеркивая этническую природу сепаратизма.

При рассмотрении сепаратизма через призму этнического конфликта и борьбы этноса за признание его прав, этнические противоречия, существующие в государстве, трактуются как необходимый элемент для эскалации сепаратистского конфликта. Э. Смит указывает, что сепаратизм, безусловно, предполагает политизацию этничности, так как в нем заложена вера в самобытность и исключительность этнического сообщества, то именно эта вера дает сооб-

обществу право требовать самостоятельности в принятии решении о своей судьбе [2]. Любое проявление сепаратизма в таком ключе может олицетворяться с этническим национализмом, борьбой этнической группы за самоопределение, а принадлежность к этнической группе, этническая идентичность могут служить основанием для поддержки сепаратизма. По мнению Е.В. Крицкого, этнополитические и этнорелигиозные процессы и технологии по своей природной сущности носят сепаратистский характер и чаще всего выражены в конфликтном стремлении этнических общностей или отдельных территорий достичь самоопределения [8]. Так, по утверждению Э. Хобсбаума, всякое сепаратистское движение в Европе опирается на этничность [16, с. 333]. Если исходить из позиции Р.Ф. Туровского, что сепаратизм обычно объясняется внутригосударственными этническими противоречиями, то можно сказать, что любая территориально сконцентрированная этническая группа может на определенном этапе своего развития высказать свои требования о создании независимого государства [14].

Также сторонники примордиализма отмечают конфликтогенность этничности, объясняя это проявлением «так называемой «древней вражды» – исконных межгрупповых противоречий и врожденной неприязни, которая может подавляться только силой авторитарных режимов или внешним принуждением» [13, с. 630]. С точки зрения данного подхода, сепаратистский конфликт, сторонами которого зачастую выступаю этнические группы, в первую очередь рассматривается лишь как следствие этнических различий. «Согласно данной логике, конфликт между сербами и хорватами объяснялся ненавистью представителей этих народов друг к другу, равно как и карабахский конфликт – ненавистью между армянами и азербайджанцами» [13, с. 630].

Исходя из предположения, что любой сепаратизм либо основан на этнической идентичности, либо обращается к этнонационалистической риторике, можно прийти к выводу, что политизированная этничность содержит потенциальную угрозу целостности государства, а сепаратизм является исключительно следствием кризиса межэтнических отношений в государстве. В таком случае этничность и сепаратизм воспринимаются настолько взаимосвязанными явлениями, что любой очаг эскалации сепаратистского конфликта подвергается анализу на наличие межэтнических противоречий при к игнорировании других возможных факторов активизации сепаратизма. Наблюдается этнизация сепаратистского конфликта, что подразумевает, исходя из трактовки социолога Г. Беркинга, наделение этническими смыслами социальные явления и процессы вне зависимости от наличия или отсутствия у них этнического содержания [1].

Для формирования полной картины происходящих в регионе событий важно оценить место этничности в развитии сепаратистских процессов и определить, всегда ли этничность и сепаратизм объединены причинно-следственной связью.

Как одна из радикальных форм отстаивания интересов регионального сообщества сепаратизм опирается на стремление региона к отделению, в основе которого лежит идея об особой судьбе этого сообщества и его отличиях от большинства населения государства. Коллективная идентичность такого сообщества, кроме территориальной принадлежности, может основываться на общей религии, культуре, языке, этничности. В основе представлений об особых чертах, делающих группу уникальной или отличной от большинства жителей государства, «лежат представления о существующих или неверно понятых, мифологизированных, надуманных различиях и неравенстве» [10, с. 16]. В последующем все они способны стать дополнительным основанием для объединения сторонников движения за независимость, а также использоваться участниками сепаратистского конфликта в политических целях, в борьбе за политический статус и другие материальные и нематериальные ресурсы.

Многообразие различий, положенных в основу самоидентификации региональной группы, и объективных причин, связанных с ее потребностью в обретении независимости, в случае с сепаратизмом определяет многочисленные комбинации и вариации данного феномена. Все это в комплексе осложняет определение причин возникновения сепаратистских тенденций, нашедших отклик в региональных сообществах.

Отмечается, что «сепаратизм обусловлен не только (и даже не столько) сферой межнациональных противоречий – он является следствием дисбаланса властных полномочий между Центром и периферией» [3, с. 3]. Следовательно, исследуя сепаратистские процессы, не стоит спешить с навешиванием ярлыка этничности. «Весьма дискуссионным моментом в трактовке сепаратизма остается его рассмотрение исключительно сквозь призму национальных отношений. Представляется, что такой подход оставляет вне поля научного интереса аналогичные проявления сепаратизма, прямо не связанные с этнической проблематикой» [3, с. 8].

Этническая природа сепаратизма не вызывает сомнений в случаях, когда сторонники независимости выступают от лица этнической группы, стремящейся прекратить дискриминацию по этническому признаку путем создания моноэтничного государства. Следовательно, этнический характер сепаратизма подразумевает, что территориальное сообщество идентифицирует себя в первую очередь как этническую общность и видит причину необходимости борьбы за независимость в этнической плоскости.

Сепаратистское движение опирается на этнический национализм для борьбы с этническими проблемами регионального сообщества. Этнический сепаратизм свойственен государствам с неразвитой системой конституционных гарантий для этнических групп, с недостатком ресурсов для удовлетворения их потребностей. Регулярное ограничение прав группы граждан, основанное на этнических различиях (этническая дискриминация как часть государственной политики) может также приводить к усилению сепаратистских настроений дискриминируемых этнических групп. По мнению М.А. Беляева, главной целью этнического сепаратизма является достижение «этнической справедливости» [6, с. 25].

Обращение к проблеме этничности происходит даже в тех случаях, когда причины стремления к независимости заведомо лежат в неэтнической плоскости. Сепаратисты используют этническую риторику в надежде усилить таким образом поддержку со стороны жителей региона. Апелляция к этнической идентичности предстает инструментом достижения региональных интересов. Несмотря на неэтническую природу проблемы, сепаратизм продолжает трактоваться в плоскости этнических явлений. Это объясняется тем, что в современном мире посредством обращения к теме этничности интерпретируются многие проблемы неэтнического характера [4, с. 210].

В подтверждение инструментального характера обращения к этнической проблематике Р. Брубейкер подчеркивает, что «конфликты, движимые битвами за власть, между протестующими и власть предержащими, по-новому этнизируются, по-новому фреймируется в этнических терминах» [7, с. 171]. Использование знамени этничности упрощает понимание и интерпретацию социальных процессов общественностью. «В результате конфликты, возникающие на почве конкуренции за доступ к власти и ресурсам, понимаются как проявление взаимной несовместимости этнических групп», их исторически сложившейся вражды [4, с. 213].

Этничность является тем самым маркером, который избирательно используется в целях включения в группу или исключения из нее [17, с. 52], а также в тех случаях, когда этничность навязывается третьей стороной для четкой идентификации участников сепаратистского конфликта. Сепаратистский процесс, по своей природе являясь региональным конфликтом, интерпретируется сложнее, когда участниками становятся центральные и региональные власти. В таких случаях этничность способна выступить тем самым ярлыком, навесить который значит упростить понимание конфликта. В.А. Тишков приводит в качестве примера Боснию, «где подавляющая часть населения вплоть до 1990-х годов не придавала существенного значения этническому фактору. Однако этничность по существу была навязана политиками местным сербам, хорватам и мусульманам, и мнимые культурные различия стали реальным основанием не только для разделения общин, но и для их жестокого противостояния в ходе гражданской войны» [13, с. 632].

Обращение к этническому дискурсу обеспечивает возникновение групповой эмоциональной реакции у участников сепаратистского конфликта. Борьба за историческую справед-

ливость и светлое будущее народа вызывает яркий эмоциональный отклик в отличие от проблемы перераспределения полномочий и ресурсов между центром и регионом. В таком случае сепаратистский конфликт в умах участников и сторонних наблюдателей из борьбы за ресурсы и территории трансформируется в борьбу за интересы сообщества и защиту общих ценностей.

Как отмечает В.А. Тишков, «актуализированная память о сталинской депортации чеченцев, а также о Кавказской войне и доблестях в ней горцев были важнейшими мобилизующими факторами для участников вооруженной борьбы в Чечне, хотя это был конфликт прежде всего по поводу современных проблем» [12]. Апеллируя к исторической памяти, общим языковым и культурным истокам, сторонники сепаратизма обосновывают необходимость обретения независимости.

Мобилизационный потенциал этничности регулярно используется в сепаратистских конфликтах, однако этнический национализм становится лишь одним из возможных, но необязательных условий для возникновения сепаратизма. Так В.Р. Филиппов заявляет, что «при рассмотрении любого казуса сепаратизма следует прежде всего рассматривать не социокультурные («этнические») факторы, а конкретные политические и экономические интересы всех участников конфликтной ситуации, обусловивших манифестацию лозунгов самоопределения» [15]. Необходимо снимать этнический камуфляж с сепаратистских конфликтов и раскрывать мотивы, побудившие региональных акторов к поддержке сепаратизма.

Этнокультурная уникальность региона может рассматриваться как инструмент выстраивания особых экономических и политических отношений с центром. Отказ в получении привилегий со стороны центральных властей может привести к эксплуатации региональной элитой идеи об этнической дискриминации, ущемлении прав этнических групп, которые расцениваются обществом как доказательство необходимости создания независимого государства. При этом этничность в таком проявлении становится лишь «вершиной айсберга». Региональная политическая элита обращается к теме этничности как к ресурсу, способному помочь в достижении политических целей. «В русле инструментальной теории национализма и этнических конфликтов все движения, апеллирующие к идентичности и самоопределению, предстают инструментом достижения корпоративных элитных интересов, но это не делает эти движения фиктивными, симуляционными. Инструментальность необязательно означает симуляционность, хотя бывает и так» [9, с. 39].

Необходимо отделять случаи, когда противоречия на этнической почве ложатся в основу стремления сообщества к независимости, от сепаратистских движений, которые защищают неэтнические интересы этнического сообщества. Последний вариант сепаратизма не следует трактовать как этнический лишь в силу того, что этническая группа является ключевым актором процесса, важно выявить реальные причины эскалации сепаратистского конфликта.

В заключение необходимо отметить, что традиция определять любое стремление этнической группы к независимости как этнический сепаратизм упрощает оценку сепаратистских движений, при этом поиск первопричин недовольства и оценка факторов, побудивших сообщество к отделению, отходят на второй план. В таком случае конфликт центра и региона всегда рассматривается через призму этнических противоречий. Однако для полного понимания природы сепаратизма, а также предотвращения данной угрозы целостности государства необходимо тщательно выявлять причины кризиса в отношениях центра и региона, в котором проживает сообщество-сторонник независимости.

Ввиду того, что этнические конфликты по природе своей сложно разрешимы. Навешивание ярлыка этничности как сторонами сепаратистского конфликта, так и сторонними наблюдателями приводит к тому, что во взаимодействии конфликтующих сторон начинает преобладать этнически окрашенная риторика, что уводит реальные причины конфликта на второй план. Фактически «этнизация» сепаратистского движения уменьшает возможность успеха в переговорном процессе, переводя это противостояние от конфликта интересов (т.е. от измеримых категорий таких как полномочия, ресурсы, территория) в плоскость ценно-

стей. Эмоциональная наполненность этнических противостояний затрудняет его эффективное регулирование и разрешение в рамках конституционно-правового поля.

Таким образом, этнический фактор зачастую играет не последнюю роль в формировании и развитии регионального сепаратизма. Однако нам представляется важным не упускать из внимания другие факторы, детерминирующие сепаратистские процессы в регионе, а также подходить к исследованию сепаратизма как к сложному феномену, обусловленному целым рядом причин.

Литература

1. *Berking H.* «Ethnicity is Everywhere»: On Globalization and the Transformation of Cultural Identity // Current Sociology. 2003. Vol. 51. № 3/4. Pp. 248–264.
2. *Smith A.* Towards a theory of ethnic separatism // Ethnic and racial studies. 1979. Vol. 2. P. 21–37.
3. *Авраменко А.В.* Сепаратизм: сущность и проблемы. Автореферат дисссертации кандата политических наук. Москва, 1997. 15 с.
4. *Ачкасов В.А.* Роль элит в провоцировании и эскалации этнополитических конфликтов // Власть и элиты. 2015. Т. 2. С. 209–233.
5. *Байрамов И.М.* Сепаратизм как крайнее проявление этнической идентичности // Политикус. 2016. № 1. С. 186–193.
6. *Беляев М.А.* Институционализация сепаратистских угроз на постсоветском пространстве: политическая теория и практика. М.: Издательство БИСТ, 2014. 140 с.
7. *Брубейкер Р.* Этничность без групп. М.: Издательский дом ВШЭ, 2012. 408 с.
8. *Крицкий Е.В.* Религиозный фактор в этнополитической ситуации на Северном Кавказе // Религия и политика в современной России. 2007. С. 39–46.
9. *Нарочницкая Е.А.* Многообразный сепаратизм: Проблема типологии и европейские реальности // Актуальные проблемы Европы. 2015. № 1. С. 32–55.
10. *Прохоренко И.Л.* Европейская интеграция и проблема сепаратизма в государствах – членах Европейского Союза. М.: Издательство ИМЭМО РАН, 2018. 93 с.
11. *Тишков В.А.* Моральность сепаратизма. URL: http://www.valerytishkov.ru/cntnt/-publikacii3/lekcii2/lekcii/n61_moralno.html (Дата обращения: 1.04.2020).
12. *Тишков В.А.* Общество в вооруженном конфликте: Этнография чеченской войны // Издательство: Наука, 2001. 552 с.
13. *Тишков В.А.* Этнополитический конфликт: системный и антропологический подходы. Этничность и религия в современных конфликтах. М.: Издательство «Наука», 2012. С. 627–650.
14. *Туровский Р.Ф.* Политическая география: учебное пособие. М.: Смоленский государственный университет, 1999. 381 с.
15. *Филиппов В.Р.* Сепаратизм реальный и иллюзорный. URL: http://ashpi.asu.ru/ic/?p=3787 (Дата обращения: 1.04.2020).
16. *Хобсбаум Э.* Принцип этнической принадлежности и национализм в современной Европе. М.: Издательство «Праксис», 2002. С. 332–346.
17. *Шлее Г.* Управление конфликтами: теория и практика. М.: «Терра», 2004. 200 с.

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ТАТАРСТАНЕ

Ишмухаметов И.Ш.

Средняя общеобразовательная школа №20,
Россия, г. Нижнекамск

Аннотация. Статья посвящена анализу языковых противоречий в республике в 2017–2020 гг., с точки зрения как ситуация в общеобразовательных школах. Эти противоречия можно обоснованно трактовать как конфликт. Противоречия между федеральным центром

и с Республикой на базе правовых разночтений регионального и федерального законодательств в области языка и образования является первой причиной конфликта. Юридическая практика не разрешала эти противоречия, поскольку не имела единого направления. Характер взаимодействия центра и республики в ходе развития противоречий связан с очевидными в последнее время трендами централизации и сужения полномочий регионов. Другой существенной причиной активизации конфликта стало длительное отсутствие должного внимания регионального руководства к проблемам восприятия частью населения языковой политики в образовании в контексте низкой эффективности преподавания государственных языков республик. Третья причина заключается в противоречиях сторонников обязательного изучения государственных языков и сторонников добровольности их изучения. Языковые противоречия привели к активизации в республики (в разной степени) активистов и националистов, стимулировали их к новым заявлениям и действиям, что может влиять на установки в межэтнических отношениях и на укрепление границ этнических общностей.

Ключевые слова: языковая ситуация, языковое противоречие, добровольность изучения языков, Республика Татарстан, изменение федерального законодательства, преподавание в школах государственных и родных языков.

Изучение языковой ситуации, функционирования и взаимодействия языков, статуса языков в обществе, особенно в многонациональных государствах, является одной из актуальных проблем теории и практики социолингвистической науки. Многоаспектную языковую ситуацию в полинациональных государствах порождает функционирование языков и культур большого числа народов, проживающих на данной территории. Поэтому мониторинг языковых ситуаций полиэтнических регионов необходим не только для решения научных задач, но и для оптимизации межнациональных отношений, предупреждения языковых конфликтов и формирования толерантного общества в целом [1. с. 12].

Вопрос изучения национальных языков в Татарстане стоит особо остро последние несколько лет.

В первом полугодии 2017 года Татарстан находился в ожидании вердикта о пролонгации федеративного договора о разграничении полномочий между федеральным центром и Республикой. В июле-августе стало очевидно, что договор не будет продлен. По мнению профессора КФУ А.Г. Большакова, «договор «О разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан» 2007 года имел форму федерального закона, был подписан на двух языках, русском и татарском, и был рассчитан на 10 лет с возможностью последующей пролонгации. «Специфика» статуса Республики Татарстан и равноправный статус двух государственных языков были закреплены именно в этом документе. Аннулирование договора способствовало появлению «языковой проблемы»» [2].

Языковые противоречия 2017 года в республике Татарстан разворачивались по-разному в зависимости от давности развития ситуации. Напряжение, связанное с недовольством части родителей обязательным изучением в школах второго государственного языка, т.е. татарского нарастало в республике в течение нескольких лет. На поверхности оказалась ситуация в школах.

20 июля 2017 г. на заседании Совета по межнациональным отношениям в Йошкар-Оле Президент РФ В. Путин обратил внимание на то, что «заставлять человека учить язык, который для него родным не является, так же недопустимо, как и снижать уровень и время преподавания русского» [3].

31 августа 2017 г. Генпрокуратуре РФ совместно с Рособрнадзором, было поручено до 30 ноября проверить, как в регионах соблюдают законодательство об обеспечении прав граждан на добровольное изучение родного языка из числа языков народов России и государственных языков республик.

До начала осени «проблема» на уровне общественного мнения не осознавалась. У части жителей республики имелось недовольство количеством часов преподавания татарского

языка в школах, но недовольство не носило открытого характера, и не было адресовано властям и администрации учебных заведений. Противостояние и провокации постепенно создали ситуацию общественного напряжения, которое развивалось по следующим направлениям: федеральные и республиканские власти; прокуратура, республиканское министерство образования и науки; школы (администрация, учителя, родители учащихся); жесткие дискуссии на уровне общественных организаций в СМИ и Интернете [2].

17 октября 2017 года городская прокуратура выдала школам предписание. Где она потребовала исключить предметы «татарский язык» и «литературное чтение на татарском языке» (в основной школе «татарская литература») из обязательной части учебного плана. После этого школы приступили к отмене обязательного преподавания татарского языка. Однако это было сделано на основе планов Министерства образования и науки РТ, которое предложило изучать татарский язык, поставив его в учебные планы в разделе «Родной язык» на 2–3 учебных часа в неделю вместо 5-6 часов ранее. Нас, директоров школ, устно обязали провести родительские собрания, где родители выберут новый учебный план (но родители не выбирают учебный план, его выбирает образовательная организация).

Школы действительно выполнили предъявленные себе прокуратурой требования, хотя и возмущались происходящим, так как всё это происходило посредине учебного года. Мы, как директор школы, выражаем боль от того, что коллектив два месяца находился самостоятельно наедине с этой проблемой. Провели собрание, изменили учебный план и ввели его в действие с 7 ноября 2017 года, т.е. со второй четверти 2017-2018 учебного года.

В течение осенних каникул мы изменили полностью основные образовательные программы на уровни и рабочие программы учителей русского языка и литературы, татарского языка и литературы. Мы понимаем, нарушения были, но почему кардинально, за одну неделю надо было это делать?

С учётом мнения родителей (законных представителей) обучающихся, администрацией школы для начальной школы был выбран 3 вариант примерного учебного плана начального общего образования для общеобразовательных организаций, осуществляющих обучение родному языку, а для основной школы был выбран 4 вариант примерного учебного плана основного общего образования (изучение родного языка наряду с преподаванием на русском языке).

26 октября президент РТ Р.Н. Минниханов высказался в пользу сохранения обязательного изучения татарского языка в школах республики. Предполагалось, что Государственный совет РТ поставит точку в спорах.

Но 4 ноября прокуратура заявила, что планы, подготовленные Министерством образования и науки РТ, «не обеспечивают добровольность изучения языков». На заседании Государственного совета РТ 8 ноября Р.Н. Минниханов сообщил о том, что переговоры с Администрацией Президента РФ и Министерством образования и науки РФ «продолжаются» и они идут вокруг 2 учебных часов в неделю обязательного для всех учащихся татарского языка. 15 ноября информационное агентство РБК обнародовало интервью анонимного федерального чиновника, где говорилось, что позиция Администрации Президента РФ по поводу изучения национальных языков в школах не изменится. «Все будет в соответствии с законодательством – национальные языки изучаются на добровольной основе. Это правило для всех национальных республик, исключений не будет ни для кого. Министерство образования и науки РФ не гарантировало Татарстану сохранения обязательного татарского языка в школьном расписании, министерство поддержит позицию Администрации Президента РФ» [4]. В продолжение темы пресс-секретарь Президента РФ Д.С. Песков сообщил, что «языковой вопрос может быть решен властями Татарстана, но на основе добровольности» [5]. Напряженность ослабела в ноябре, когда федеральный центр предложил оставить в школах и других средних учебных заведениях республики до двух учебных часов в неделю татарского языка.

В связи с этими событиями школьная администрация столкнулись с проблемой «лишних» учителей татарского языка, их переобучения и спасения от увольнений. Так как в связи

с изменением учебного плана, отменой преподавания предметов татарский язык и литературное чтение на татарском языке (татарская литература) и введением новых учебных предметов родной язык и родная литература, для ведения которого требовалось иная квалификация в дипломе, так же в связи с выбором родителей родных языков для изучения и прибавлением часов на изучение русского языка и литературы. К счастью, в нашей школе, кроме уменьшения недельной нагрузки у учителей пенсионного возраста, особых кадровых перестановок не произошло. Лишь нам пришлось получить дополнительное профессиональное образование по специальности «Русский язык и литература», обучаясь на бюджетные деньги, выделенные Министерством образования и науки Татарстана на базе Елабужского института КФУ.

Языковая тема сохранила политизированную остроту также в интернет-блогах и социальных сетях Татарстана. Массовость можно объяснить тем, что в кампаниях «за» и «против» были задействованы практически все родители, у которых есть дети школьного возраста, а если добавить к числу родителей прочих родственников учащихся (бабушек, дедушек и др.), и также школьную администрацию и учителей, то получается значительная часть населения Татарстана с «активной позицией». Впрочем, однозначности в общественном мнении не было. Например, многие русские настаивали на том, что их дети должны учить татарский язык, поскольку «мы живем в Татарстане». А вот некоторая часть городских татар, к сожалению, нередко желали, чтобы их дети «изучали только русский язык», поскольку «именно он дает возможность хорошего трудоустройства и учебы в вузе», а татарский язык, по их мнению, «нужен только для домашнего общения».

Конфликтная ситуация 2017 года не получила своего окончательного разрешения, напряжение ослабело путем временного урегулирования проблемы.

С начала 2018 г. Татарстан активизировал свою деятельность и в языковом вопросе. Часть депутатов Государственного совета пыталась отыграться за «поражение» в языковой реформе 2017 года. Предложения в российское законодательство Татарстан вносил через своих депутатов Государственной Думы, представляющих фракцию «Единая Россия». Наиболее активным был И. Гильмутдинов, который возглавляет профильный комитет российского парламента. Некоторые республиканские СМИ встали в этот период на защиту татарского языка и культуры.

Летом 2018 года был принят федеральный закон об изучении родных языков. Вначале власти республики сочли законопроект «недопустимым», а Государственный совет РТ практически единогласно сказал нет первоначальной версии документа. После протестов некоторых национальных республик в Администрации Президента РФ состоялись переговоры, в ходе которых компромиссные предложения переговорщиков от Татарстана были приняты. Согласно поправкам, родной язык остается в обязательной части учебного плана. Но устанавливается «свободный выбор языка» образования, а также выбор языка для изучения как родного или государственного языка республики по заявлению родителей (в том числе русского языка).

Споров стало меньше, когда президент страны подписал поправки к законодательству. Так в обязательную часть школьной программы вошел предмет «родной язык», в рамках которого татарстанские школьники изучали либо татарский, либо русский.

Впоследствии Путин подписал указ о создании «Фонда сохранения и изучения родных языков народов РФ». Сегодня уже разработаны учебники по предмету «Русский родной язык», но, к сожалению, до наших школ еще он не дошёл. А, например, по дисциплине «Русская родная литература» учебных пособий вообще нет.

Выбор предмета родной язык родителями в школах осуществляется при поступлении в 1, 5 и 10 классы. В 2018-2019 учебном году в нашей школе 39,6% школьников изучали татарский язык как родной, а 60,4% – родной русский. На 2019-2020 учебный год эти показатели 44,9% и 55,1%.

В статье 14 закона «Об образовании в РФ», которая посвящена языку в образовании, прослеживается разделение – обучение на языке и обучение языку. Все-таки изучение языка

– это усвоение в первую очередь грамматических структур, лексики, каких-то стилистических норм, а обучение на языке – это практика его реального использования. Язык сохраняется тогда, когда на нем говорят и пишут. На самом деле, татарский язык может такую функцию себе позволить. Важнее поддерживать и как-то стимулировать издание литературы на таких языках, содействовать творчеству на них, чтобы обеспечить интерес молодежи к их изучению.

Если сопоставить те поправки, которые были внесены в 2018 году в закон «Об образовании в РФ», этому противоречат, поскольку даже изучение родного языка осуществляется исключительно по заявлению родителей? А речь об обучении на родном языке вообще не идет. Таким образом, у нас появляется вопрос, неужели закроют или преобразуют национальные татарские школы?

Государство новой редакцией статьи 14 закона «Об образовании в РФ» в каком-то смысле перекладывает ответственность на граждан. Законодатель говорит: «Если вы сами не хотите сохранять свой язык, то мы не будем вас заставлять». Согласно той же статье закона, государственные языки республик приравниваются к родным языкам [6]. Государственным языкам республик нет отдельного места в составе ФГОС основного общего образования именно из-за того, что их изучение может быть обеспечено в рамках изучения родного языка. Вот где противоречия.

Сейчас родители должны выбрать, изучает ли ребенок родной для него татарский или нет. Но представим себе русскую семью, которая желает, чтобы ребенок изучал татарский, однако странно же выбирать его в качестве родного языка, которым по факту является русский. И тогда можно было бы выбрать татарский как государственный язык. Получается то, что если он изучает язык в качестве родного, то, наверное, вся система обучения языку будет исходить из того, что человек уже владеет языком. На самом деле есть такая практика в современной школе. Если родители из русской семьи выбирают для изучения как родной язык татарский, то мы им можем предложить изучение родного татарского начинающего уровня.

В начале 2020 года возобновились очередные прокурорские проверки в школах республики на предмет нарушения языкового законодательства. В школах учителям родного татарского языка приходится переводить рабочие программы с татарского языка на русский. Надзорный орган на этот раз запросил копии учебных планов и положения о языках, утвержденного образовательным учреждением, а также все заявления родителей и учащихся о выборе родного языка в рамках проверки «соблюдения законодательства о противодействии экстремистской деятельности, а также исполнения законодательства о межнациональных отношениях». Учебные заведения также проверяют на соответствие локальных актов школы, определяющих языки образования, федеральному и региональному законодательству.

«Прокуратура проверяет выполнение законодательства, то есть добровольно ли дети изучают родной язык, по своей ли воле выбирают родной язык родители, в том числе и русский. А также, не преподается ли родной язык в 10-11-х классах (*по новому ФГОС изучение родного языка предусмотрено только в основной школе, то есть по 9 класс*), не используются ли учебники татарского языка, выведенные из списка разрешенных. Проверяют объемы преподавания родных языков, которые не должны превышать три часа, иначе это станет считаться ущемлением преподавания русского языка.

Нас волнует еще один момент современности. Хотелось бы, чтобы в новом варианте Конституции была прописана, обязанность федерального центра сохранять языки. Сейчас этим по факту занимаются только регионы, а центр создает административные барьеры. По нашему мнению, упоминание в новом варианте Конституции России русского как «языка государствообразующего народа» не будет способствовать сохранению других языков. Таким образом, в Конституции будет оформлена иерархия народов. Из этой логики получается, что остальные народы не являются государствообразующими. Но разве татары это государство не строили? Якуты на дальних рубежах не образовывали? Мы опасаемся, что подобная

норма Основного закона будет трактоваться против народов РФ. Желание сохранить свой язык может быть воспринято как противоречащее государственной идеологии и вредное для России.

На наш взгляд, сохранение многообразия – важная ценность и преимущество нашей страны. Поэтому, конечно, хотелось бы, чтобы уничтожение национальных языков и культур не допускалось. А что происходит на практике – другой вопрос. И тут дело не только в государственной политике, а в том, что в целом происходит в обществе. Ключевой вопрос: насколько сами мы, граждане, готовы защищать свои языки, считать их своими и отстаивать их существование. Так что ответственность каждого человека в современном мире важна.

Литература

1. *Аюпова Л.Л.* Языковая ситуация: социолингвистический аспект. Автореферат диссертации доктора филологических наук. Уфа, 2000. 156 с.
2. *Большаков А.Г.* Языковая проблема в Татарстане: напряженность без конфликта // Вопросы этнополитики (Научный журнал). 2018. № 1. С. 78–85.
3. Официальный сайт информационно агенства «РИА Новости» («Путин назвал русский язык духовным каркасом страны»). URL: https:// ria.ru/society/20170720/1498850306.html (Дата обращения: 10.03.2020).
4. Электронная газета «Коммерсантъ» («Кремль не изменит позицию по вопросу изучения татарского языка в школах»). URL: https://www.kommersant.ru/doc/3467745 (Дата обращения: 10.03.2020).
5. Новостной портал города Казани «Inkazan.ru» («Песков: Путин всегда говорил о добровольном изучении национальных языков»). URL: https://inkazan.ru/news/politics/-08-11-2017/peskov-putin-vsegda-govoril-o-dobrovolnom-izuchenii-natsionalnyh-yazykov (Дата обращения: 10.03.2020).
6. Федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 27.06.2018) «Об образовании в Российской Федерации». Ст. 14.

ЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН (НА ОСНОВЕ РЕЗУЛЬТАТОВ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Каримова Р.М., Яппарова Р.Р.

ГАУ Центр гуманитарных исследований Министерства культуры, Россия, г. Уфа

Аннотация. В статье рассмотрена языковая ситуация в регионе; проанализировано языковое поведение, языковые компетенции и языковая ориентацию жителей республики на изучение языков; проанализировать распределение языков в основных сферах общественной жизни; проанализировано положение русского, башкирского и татарского населения в Республике Башкортостан.

Ключевые слова: языковые процессы, языковая компетенция, языковая ориентация, билингвизм, разговорный язык, владение языками, родной язык, этнический язык.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью совершенствования языковой политики полинационального региона на основе учета национально-языкового компонента, языковой компетенции и тенденций в языковом поведении населения. Развитие и сохранение языка зависит от действий нескольких акторов. Это, конечно, и сам человек, его стремление владеть языком. Также это семья, государство и общество. Настоящее и будущее языка зависит не только от законодательных актов и инфраструктурных возмож-

ностей, предоставленных государством. Важную роль здесь играет, говорят ли на родном языке в семье, существует ли преемственность поколений в его использовании, применяется ли он в школе, на работе и других общественных местах. В связи с этим тема исследования языковых процессов представляется актуальной.

Эмпирическую базу исследования составил социологический опрос, проведенный ГАУ Центр гуманитарных исследований Министерства культуры Республики Башкортостан методом стандартизированного интервью в ноябре-декабре 2019 г. в городах и районах Республики Башкортостан. Объем выборочной совокупности составил 1505 человек. Анкета включала тематические блоки, призванные раскрыть языковое поведение и языковую ориентацию жителей республики.

По мнению специалистов, лингвоэтническое пространство Республики Башкортостан представляет собой мультимодальное образование, характеризующееся сложными процессами языковых контактов [2, с. 165–169]. По данным переписи 2010 г., в Республике Башкортостан проживают представители более 160 национальностей, говорящих на 150 языках и диалектах [9, с. 13–27]. Из них 11 языков характеризуются возможностью естественного речевого общения их носителей. Они представлены тюркскими (башкирский, татарский, чувашский), финноугорскими (марийский, удмуртский, мордовский) и славянскими (русский, украинский, белорусский) языками [12, с. 70–75].

Русский, башкирский и татарский языки в Республике Башкортостан обладают широкими социальными функциями. Русский – как государственный язык России и Башкортостана, башкирский – как государственный язык республики; татарский – как функционально развитый язык. Меньшими социальными и коммуникативными функциями наделены чувашский, марийский, удмуртский, мордовский, украинский и немецкий языки. Более узкими функциями обладают белорусский и латышский языки [4, с. 194–199].

Республика Башкортостан является территорией активного контактирования носителей генетически и структурно различных языков, одним из регионов России с устойчивым би- и полилингвизмом. При этом в дистрибуции языков народов республики положение и роль русского языка являются особыми в силу государственного статуса русского языка, но и благодаря мощной интегрирующей функции, выполняемой им во всех сферах общественной жизни, а также его престижу [11, с. 120–127]. Исследователи отмечают, что башкирский язык и другие языки народов России «вынуждены испытывать давление со стороны русского языка в условиях общего падения употребления» [6, с. 4]. И, прежде всего, это обусловлено абсолютной монополией русского языка в информационном пространстве (коммуникации и медиа) и в образовании. Русский язык является гораздо более устойчивым и доступным, поэтому другие языки не выдерживают конкуренции с ним. В условиях ограниченности употребления развитие других языков сильно замедлено.

Большинство респондентов в разговорной речи чаще всего используют русский язык (57,8%), башкирский – 14,7%, татарский – 10,7%, на татарском и русском языке в равной степени говорят 7,9% населения, на башкирском и русском в равной степени – 4,1%, на татарском, башкирском и русском в равной степени – 3,2%, на татарском и башкирском в равной степени – 0,1%. Вместе с тем, согласно ВПН 2010 г., в Республике Башкортостан проживают 36% русских, 26,5% башкир, 25,4% татар. Можно отметить несоответствие этнической и языковой структуры населения.

В Республике Башкортостан развито национально-русское двуязычие. По мнению лингвистов, билингвизм в республике носит скорее односторонний характер в силу того, что большинство русских не обладают достаточным уровнем языковой компетенции общения на местных языках [5, с. 116–122]. В связи с этим би- и полилингвальная ориентация больше свойственна татарам и башкирам, чем русским. Так, в повседневной жизни на этнических языках говорят 30,2% татар, 22,5% башкир и только 2,3% русских.

В повседневной жизни 97,8% русских в разговорной речи используют русский язык. Среди представителей миноритарных этносов – 75,9%, среди респондентов, затруднившихся с этнической идентификацией – 83,3%. Относительно оценки своей языковой компетенции

95,5% населения отметили, что в совершенстве владеют русским языком, 1,3% свободно говорят, но не читают и не пишут по-русски, 0,6% понимают, но не говорят, 0,1% не владеют русским языком, 2,4% ответили, что говорят по-русски с затруднениям.

При этом среди респондентов титульной нации наблюдается большая приверженность этническому языку, чем русскому. Среди татар ситуация противоположная. Так, если среди башкир на русском разговаривают около 20%, а на башкирском почти половина (49,5%), то среди татар на русском говорят почти 40%, а на татарском – 30,7%.

Большая доля разговаривающих на этническом языке наблюдается в селе по сравнению с Уфой и другими городами. В селе на башкирском языке говорят 63,3% башкир, на татарском – 39,1% татар, на «других» языках – 22,2% респондентов миноритарных этносов. Поскольку большинство башкир (около 60%) являются жителями сел, указанная выше тенденция проявляется сильнее именно у титульного этноса.

Многие ученые, политики, общественники отмечают процесс сокращения численности говорящих на автохтонных языках среди городского населения, особенно среди молодого поколения. Исследователи отмечают неуклонное возрастание языковой ассимиляции среди нерусских горожан, «которая, в конечном счете, может привести к утрате ими не только языковой, но и этнической идентичности» [3, с. 123–125]. Так, можно отметить, что на русском языке говорит значительно большая часть молодежи, по сравнению с людьми среднего и пожилого возраста, на башкирском и татарском – население старшей возрастной группы.

Неблагоприятная ситуация для сохранения и развития башкирского языка сложилась в городах и районах центральной, западной и северо-западной экономических зон республики. Если в центральной зоне происходит языковая ассимиляция башкир с русским и русскоязычным населением, то на северо-западе и западе – татарским и татароязычным, что связано с их этнической структурой, распространенностью смешанных в языковом плане поселений, преобладания межнациональных браков, обучением в школах на татарском языке и т. д. В результате уже более ста лет для территорий характерна языковая и этническая ассимиляция [12, с. 70–75]. Согласно результатам опроса, в центральном подрегионе на башкирском языке, в том числе в сочетании с другими языками в повседневной жизни разговаривают только 13,9% населения, в западном – 4,8%, в северо-западном – 3,3%. В то время как в южном – 34,5%, в северо-восточном – 61,6%, уральском – 56%, северном – 27,3%.

Башкирский язык в РБ является языком титульного этноса, одним из государственных языков. Он представлен в системе общего, частично высшего и среднего профессионального, образования, в культуре и СМИ, издательской деятельности и отдельных сферах государственного управления, в оформлении названий населенных пунктов, улиц, дорожных указателей, этикеток, ярлыков, при обслуживании населения различными видами транспорта.

Специалисты отмечают, что в целом признание государственного статуса башкирского языка дало возможность расширить его общественные функции, поднять его престижность, изменить имидж. В результате наряду с башкирско-русским двуязычием наметилась тенденция развития русско-башкирского двуязычия (изучение русскими башкирского языка в системе образования, через телевидение, радиоуроки, самоучители и другое).

Относительно языковой компетенции населения опрос показал, что каждый четвертый житель республики (24,7%) свободно владеет башкирским языком (свободно говорит, пишет и читает на нем), 4,7% – свободно говорят, но не читают и не пишут, 7,5% – говорят с затруднениями, 23,5% понимают, но не говорят, 39,7% – не владеют. Вместе с тем, опрос показал, что если потенциально на башкирском языке могут говорить 29,4% (по мнению самих респондентов), при этом реально используют его в разговорной речи в сочетании с другими языками 22,1%.

Данные переписи свидетельствуют о сельском типе расселения автохтонов. Так, менее 40% башкир от общего числа живут в городах республики. Ещё меньше доля башкир в столице республики (16,1%). При этом 9,4% башкир-горожан не владеют башкирским языком, 13,2% понимают, но не говорят.

Многие специалисты отмечают значимость для населения не символической, а именно практической функции языка. Оценивая, является ли их уровень владения башкирским языком достаточным, 30,2% респондентов ответили «да» и «скорее да, чем нет», каждый четвертый (25,6%) – «скорее нет, чем да» и «нет».

Отвечая на вопрос о том, где они пробрели навыки башкирской речи, половина опрошенных респондентов (50,5%) заявили, что они не владеют навыками башкирской речи, 29,9% – что приобрели их в семье, 12,9% – в школе, 5,1% – в кругу друзей, 3,9% – на работе, 1,4% – в детском саду, 2,1% – выбрали другой вариант ответа.

Большая доля считающих свой уровень владения башкирским языком достаточным, освоили навыки башкирской речи в еще в раннем возрасте в родительской семье (78,6%) и детском саду (71,8%). Почти половина опрошенных получили эти знания в кругу друзей и в школе (50,2% и 49% соответственно), треть (33,8%) – на работе.

Результаты исследования показывают, что для башкир и татар периоды первичной и вторичной социализации в сельской местности оказались наиболее активными и значимыми в процессе овладения национальными языками. Так, свободно говорят, читают и пишут на башкирском языке 86,3% башкир, детство и годы обучения в школе которых прошли в деревнях/селах республики; 43,5% – их тех, кто вырос в г. Уфе, 41,7% – в малых и средних городах республики. Свободно говорят, читают и пишут на татарском языке 74,3% татар, детство и школьные годы которых прошли в деревнях/селах республики; 40% – их тех, кто вырос в г. Уфе, 25% – в малых и средних городах республики.

Татарский является в Республике Башкортостан одним из социально развитых языков. На нем осуществляется не только среднее, но частично и вузовское, и ссузовское образование. В частности, татарские отделения представлены в Башгоспединституте, Башгосуниверситете, включая его некоторые филиалы, в педучилищах и колледжах республики. В вузах РБ, институтах УНЦ РАН ведутся научные исследования по татарскому языку и литературе, фольклору, этнографии и т.д. На татарском языке осуществляется радио- и телевещание, издаются газеты и журналы, ставятся концерты и театральные представления, выпускаются учебники и другая литература. Политические компании также проходят на татарском языке в местах компактного проживания этноса. В целом татарский язык, являясь демографически, функционально мощным языком, имеет довольно устойчивые позиции в республике [12].

Опрос показал, что почти каждый четвертый опрошенный (23,3%) свободно говорит, пишет и читает на татарском языке, 9,5% – свободно говорят, но не читают и не пишут, 7% – говорят с затруднениями, 19,8% понимают, но не говорят, 40,4% – не владеют. Таким образом потенциально на татарском языке, свободно могут говорить 32,8%. При этом реально используют в разговорной речи в сочетании с другими языками 21,9%.

Результаты исследований показывают более высокий уровень владения этническим языком наблюдается у сельских татар по сравнению с городскими. Так, свободно владеют татарским языком 67,1% селян против 60,8% уфимцев и 60,8% жителей других городов.

При этом, если у сельских башкир пока еще сохраняются паритетные позиции башкирского и русского по степени владения, то у татар русский язык уже заметно обошел татарский. Так, среди сельских башкир свободно владеют башкирским 83,1%, русским – 89,6%. Среди сельских татар свободно владеют татарским – 67,1%, русским – 90,2%.

Более высокий уровень языковой компетенции башкир по сравнению с татарами объясняется практическими действиями в отношении изучения башкирского языка. У башкир такие объективные обстоятельства как длительность проживания в родной этнической среде, школьное образование на этническом языке, в значительной степени объясняют сложившуюся ситуацию.

В марте 2019 г. на Международном форуме, посвященном Году языков коренных народов в г. Ханты-Мансийске Руководитель Федерального агентства по делам национальностей Игорь Баринов озвучил тревожную информацию о том, что сегодня 18 языков коренных народов России находятся под угрозой исчезновения: «За последние 150 лет на территории России исчезло уже 14 языков. Из них пять – в постсоветский период. Еще около 18 языков

находятся на грани исчезновения сейчас, ведь осталось не более 20 их пожилых носителей. Особенность сегодняшнего времени в том, что процесс исчезновения языков приобрел масштабный характер» [13]. И. Баринов также отметил, что исчезновение языка связано с тем, что определенные этнической группы перестали им пользоваться, родители перестали передавать его своим детям, считая язык архаичным и не нужным в современном обществе.

Результаты социологического исследования демонстрируют, что во всех этнических группах отмечены более высокие доли разговаривающих на этническом языке с прародителями по сравнению с другими родственниками. Самые низкие доли характерны для общения на этническом языке с детьми, по сравнению с родителями и прародителями. Так, среди башкир чаще всего разговаривают на башкирском языке с прародителями – 78,1%, с матерью – 73,6%, с отцом – 60,6%, с детьми – 52,8%. Среди татар на татарском: 68,5%, 61,5%, 59,9%, 44,1% соответственно, среди миноритарных этносов на другом языке: 48,9%, 47,1%, 39,5%, 25,6% соответственно.

Полученные данные демонстрируют также, что с матерями респонденты чаще разговаривают на этнических языках, чем с отцами. С отцами же наоборот – чаще, чем с матерями на русском. К аналогичным выводам пришла Э. В. Садретдинова в своем исследовании языковой социализации детей в национально-смешанных семьях республики [10, с. 268–275]. В этом же исследовании показано, что треть (32,5%) респондентов считают, что воспитание должно носить прагматичный характер: ребенок должен осваивать тот язык, который ему больше пригодится в жизни (например, русский), независимо от этнической и языковой принадлежности членов семьи.

Член Совета при президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека А. В. Бабушкин констатирует: «Мы находимся на изломе истории, когда каждый день исчезает один язык. Есть сферы (социально-бытовая, научная, культурная и другие), с помощью которых сохраняются языки. Но бывает так, что в семье изучают язык, а в школе – нет. Поэтому у правительства должны быть мотивационные инструменты, которые будут помогать жителям в их стремлении познавать свои корни».

Этническая идентичность связана только с реальным использованием языка всеми членами этноса, но и с его символической ролью в процессах формирования чувства родственности с общностью и межгрупповых различий. Можно предположить высокую степень предпочтения этнического языка (большинство респондентов говорят на нем с близкими родственниками): именно дома люди говорят на том языке, на котором хотят, поскольку этот выбор осуществляется самостоятельно и в меньшей степени детерминирован общественными императивами. Вместе с тем сложились условия, когда дома семья общается на родном башкирском языке, носители фактически не могут его использовать в других жизненных сферах, например, при взаимодействии с органами власти, в образовании и в повсеместной коммуникации в городе [6].

Специалисты оценивают языковую политику властей как конструктивную, направленную на поддержание языков и культур этносов, населяющих республику. Отмечается тенденция к созданию условий для функционирования двустороннего, паритетного двуязычия: это теле- и радиоуроки по башкирскому языку, введение башкирского языка в школах с русским языком обучения, преподавание башкирского языка в некоторых вузах республики, возможность получения полного среднего и высшего филологического образования на трех языках [5, с. 116–122]. Вместе с тем трёхуровневая система изучения башкирского языка в республике ориентирована только на школьное образование. На нескольких языках ведётся теле- и радиовещание, издаются газеты и журналы (ТВ и радио – на башкирском, русском и татарском; кроме того, на чувашском, марийском, удмуртском выходят республиканские газеты). Хотя специалисты отмечают, что дистрибуция языков в средствах массовой информации Башкортостана характеризуется разным объёмом выполняемых ими социальных функций [2]. Осуществляется функционирование национальных театров, музеев, воскресных школ, историко-культурных центров, национально-культурных объединений и организаций и др. Конструктивная языковая политика обеспечивает относительную ста-

бильность языковой ситуации в республике, что выражается, например, в отсутствии крупных этноязыковых конфликтов.

Результаты исследования позволили зафиксировать, что семья является основным каналом этноязыковой социализации. Чтение специальной литературы, книг, учебников играют в процессе этноязыковой социализации второстепенную роль, что во многом связано с их недостаточностью. Опрос показал низкое употребление башкирского и татарского языка в сфере повседневного общения. Это касается и общения с друзьями (12,4% и 6%) и коллегами (14,4% и 11,5%), коммуникации в общественных местах (12% и 8,2%), в учреждениях культуры (12% и 7,1%), при обращении к СМИ: ТВ (8% и 3,8%), радио (15,3% и 6,5%), газеты/журналы (9,6% и 5,7%), прослушивании музыки (13,5% и 9,2%). Наиболее низкие показатели отмечены при использовании Интернета (4,5% и 1,3%) и социальных сетей (7,2% и 2%).

Кроме того, чтобы язык был конкурентоспособен в условиях открытого глобального информационного пространства, для его функционирования требуется определенная технологическая инфраструктура (клавиатуры, шрифты) и цифровые ресурсы (библиотеки, медийные каналы и пр.). Любые новые адаптированные языком технологии кратно повышают сферу его применения и устойчивость [2].

Вместе с тем специалисты отмечают некоторые положительные сдвиги в развитии башкирского языка в информационных технологиях. Так, в Лаборатории лингвистики и информационных технологий ИИЯЛ УНЦ РАН разработаны программы по его компьютерному обеспечению созданы Машинный фонд и Национальный корпус прозаических текстов башкирского языка, разработана башкирская Википедия, вики-словарь, электронная библиотека и другое [12].

Подчеркнем, что для башкир характерно более широкое применение башкирского языка во всех сферах повседневного общения, чем для татар и миноритарных этносов, у которых русский язык уже заметно обошел родную речь по масштабам участия в процессе коммуникации. Так, среди представителей титульного этноса на башкирском языке разговаривают на работе 41,1%, с друзьями – 47,8%, в общественных местах – 39,3%, в учреждениях культуры – 41,6%; среди татар на татарском языке: 14,4%, 33,2%, 20,3%, 21,1% соответственно; среди миноритарных этносов на других языках: 6,5%, 12,3%, 1,8%, 3,8% соответственно.

Аналогичная тенденция касается обращения к СМИ. Так, на башкирском языке смотрят ТВ 23,8% башкир, слушают радио – 49,7%, читают газеты/журналы – 32,8%, слушают музыку, песни – 44,6%. Татары на татарском языке: 10,3%, 24,7%, 19,9%, 30,2% соответственно. Миноритарные этносы на другом языке: 3,6%, 9,4%, 5,4%, 21,1% соответственно. Также эта тенденция отмечена при использовании Интернета и социальных сетей. Так, на башкирском переписываются в социальных сетях и WhatsApp 26,2% башкир, на татарском языке 6,6% татар, на другом языке 9,3% других этносов. Информацию во Всемирной паутине просматривают на башкирском языке 14,9% башкир, на татарском – 3,8% татар, на других языках – 5,9% миноритарных этносов.

Чаще всего респонденты применяют башкирский язык дома (20,4%) и с родственниками (21,9%). Каждый третий опрошенный «постоянно» или «иногда» при просмотре ТВ, прослушивании радио (34,3%), каждый четвертый «в общественных местах» (28,9%),«на работе» (27,4%), «учреждениях культуры» (27,4%), «во время чтения» (26%), каждый пятый – в социальных сетях и WhatsApp (20,2%).

Каждый третий опрошенный считает, что в республике достаточно много газет и журналов, теле- и радиопередач и сайтов на башкирском языке, 16,5% – что средне, 8,% – что мало. Применение башкирского языка в указанных СМИ на достаточном уровне оценили 32%, 33,6%, 31,7%, 17,5% респондентов соответственно. Более 40% затруднились ответить на вопрос. Возможно, это связано с тем, что получение информации на башкирском языке не является для них актуальным и необходимым. Только 17,5% считают, что башкирский язык достаточно применяется на сайтах, 28,3% – что на среднем уровне, 14,7% – недостаточно. Около 60% респондентов затруднились ответить на данный вопрос.

О преемственности поколений в изучении языка свидетельствуют данные о том, насколько хорошо ребенок/дети владеет(ют) языком. Опрос показал более низкий уровень владения башкирским языком детей, по сравнению с родителями. Так, по мнению респондентов, если среди них башкирским языком не владеют 39,7% опрошенных, то среди детей – 44,9%, понимают, но не говорят (23,5% и 18,9% соответственно).

Результаты исследования также свидетельствуют о более низком уровне владения татарским языком детей, по сравнению с родителями. Так, по мнению респондентов, если среди них татарским языком не владеют 51,4% опрошенных, то среди детей – 40,4%, свободно говорят, читают, пишут – 23,3% и 14,7%, свободно говорят, но не читают и не пишут – 9,5% и 11,7%, говорят с затруднениями – 7% и 5%, понимают, но не говорят – 19,8% и 17,1% соответственно.

Процессы глобализации способствовали распространению западных культурных практик и ценностей, трансформации системы образования, СМИ, досуга, развитие туризма. В связи с этим всё более популярными (особенно среди молодого поколения) стали иностранные языки, в первую очередь – английский [7, с. 32–51]. Данные переписей населения 2002 и 2010 гг. показывают, что последние годы значительно выросла популярность английского языка по сравнению с другими иностранными языками.

При анализе установок респондентов на знание этнических языков было выявлено, что она присутствует у значительной части представителей этнических групп. Наибольшее стремление изучить национальный язык зафиксировано у башкир. Большинство опрошенных респондентов (56%) в той или иной мере уверены в том, что им нужно знание башкирского языка (сумма ответов «да» и «скорее да, чем нет»), 44% – что, нет (сумма ответов «нет» и «скорее нет, чем да»). Доля респондентов, считающих, что башкирский язык нужен их детям несколько выше, но отличается не значительно (58%), не нужен – несколько ниже (41,8%).

Что касается необходимости знания русского языка, то в отношении подрастающего поколения она оценивается несколько выше, чем для себя (94% против 90,2%). Только 2% и 0,9%, соответственно, считают, что русский язык не их детям, не им не нужен. О необходимости знания татарского языка говорит почти половина респондентов. Доли ответов о необходимости знания детям и самим респондентам практически не различаются (48,1% и 46,3%). При этом о необходимости изучения детьми других языков, прежде всего, иностранных, говорят 86,2% респондентов. Так, о потребности в знании английского для себя говорят 33,2% отвечавших, для детей – 44,6%. Популярными иностранными языками также являются китайский (2% и 3,4%) и немецкий (1,8% и 3,4%).

Проблема трансляции молодым поколениям этнокультурной самобытности этноса, традиций и языка актуальна во всем мире. При этом есть необходимость гармоничного сочетания приобщения к уникальным культурным ценностям с задачей солидаризации населения в интересах единого государства. В то же время отмечается, что этническая идентичность может существовать одновременно с гражданской идентичностью, они не взаимоисключающие [8, с. 73–82]. Важнейшим инструментом конструирования идентичности личности является школьное образование.

Выражая свое мнение относительно того, в какой форме должен изучаться государственный башкирский язык в школах, большинство респондентов ответили, что в виде факультатива для желающих (60,9%), 28,5% – обязательный предмет для всех, 17,7% – обязательный предмет для башкир, 6,5% – его вообще не должно быть в школьной программе, 2,4% назвали вариант ответа «другое».

Региональные лингвистические ориентации формируются с этническим маркером противоречий. Мнение респондентов по этому вопросу значительно различается в зависимости от национальности отвечавшего. Так, наибольшая доля считающих, что башкирский язык должен быть обязательным предметом для всех, наблюдается среди башкир (61,7%), наименьшая – среди русских (11%). Сторонники добровольности – русские (77,7%), татары (62,3%) и другие этносы (56,1%).

Абсолютное большинство представителей нетитульных этносов придерживаются точки зрения, что башкирский язык должен быть в виде факультатива для желающих. Эту точку зрения разделяют 38,9% башкир. Третьим по популярности является вариант об обязательности башкирского языка только для башкир. Эту позицию разделяют каждый пятый башкир(ка) (22,1%), татарин(ка) (20,6%), 13,6 русских, 12,4% «других» этносов. При этом среди башкир и татар наблюдаются наибольшие доли, ответивших, что предмет должен обязательным только для башкир (22,1% и 20,6%, соответственно).

В то же время, изучая языковое взаимодействие, необходимо принимать во внимание не только этнические различия (хотя именно на них зачастую делают акцент этнические активисты), но и установки людей в зависимости от самоопределения, выбора языка, который часто происходит по прагматическим мотивам [1, с. 64–71].

При разделении ответов в зависимости от установок относительно родного языка можно заметить, что доля среди респондентов, назвавших родным башкирский язык, выше доля, настаивающих на обязательности его преподавания в школе, по сравнению с теми, кто отнес себя к башкирам по национальности (73% против 61,7%). Вместе с тем среди отвечавших, относящихся себя к полилингвистам (башкирский, русский и татарский языки в равной степени) доля разделяющих эту позицию значительно ниже (43,5%).

Исследование показало, что среди респондентов, у которых есть дети или внуки или близкие родственники, которые в школе изучают или изучали башкирский язык, выше доля тех, кто считает, что этот предмет должен быть обязательным по сравнению с теми, у кого таких младших родственников нет.

Причем данная закономерность отмечена для всех основных этнических и языковых групп. Незначительно более заметны различия среди представителей титульной нации. Так, среди башкир, у которых есть дети или внуки школьного возраста, которые изучали или изучают башкирски язык, доля выступающих за обязательный башкирский составила 65%, те, у кого таких родственников нет – 52,8%. За преподавание башкирского в качестве факультатива – 30,7% и 48% соответственно. Среди других этносов различия в выборе вариантов ответов менее значимы, но закономерность аналогична.

В ходе опроса респондентам был задан вопрос о том, какой язык они считают родным. Почти половина опрошенных (46,2%) в качестве родного назвала русский язык, каждый пятый (20,4%) – башкирский, 17,5% – татарский, 5,6% – татарский и русский в раной степени, 3,2% – другой, 2,9% – башкирский, русский, татарский в равной степени, 2,8% – башкирский и русский в равной степени, 1,1% – башкирский и татарский в равной степени. Как можно заметить, полученное распределение ответов не соответствует этнической структуре населения.

Вполне закономерно, что 97,1% русских в качестве родного языка назвали «русский». При этом почти половина представителей «других» этносов (48,3%), а также половина респондентов, затруднившихся с этнической идентификацией, в качестве родного назвали «русский язык».

Что касается этнических языков, то башкирский родным языком назвали 67,9% башкир, в сочетании с другими языками – 83,1%. При этом татарский родным считают 57,8% татар, в сочетании с другими языками – 80,2%. Кроме того башкиры в качестве родного также называют русский (6%) и татарский (8,3%), «башкирский и русский в равной степени» (8,3%), «башкирский, русский, татарский в равной степени» (5,5%). Вместе с тем почти каждый пятый татарин(ка) называет родным русский язык (18,2%) и «татарский и русский в равной степени (17,2%) и только 0,5% башкирский.

В качестве мотива отнесения языка к родному почти половина опрошенных башкир (49,4%) и треть русских (34,1%) называют «это язык народа, к которому человек себя относит». Татары чаще других этносов называют мотивы «это язык, усвоенный в раннем детстве, без специального обучения» (32,1%), «это язык, на котором разговаривают мои родители» (25%).

Абсолютное большинство опрошенных респондентов (70,4%) считают, что сегодня необходимо изучать родные языки, только каждый пятый (21,7%) разделяет противоположную точку зрения, 7,9% – затруднились ответить на вопрос. Среди наиболее распространенных этносов более высокая доля респондентов, считающих, что сегодня в школах необходимо изучать родные языки, наблюдается среди башкир (84%). Среди менее распространенных этносов также отмечена высокая доля ответивших, придерживающихся аналогичной точки зрения (72,9%). Данная ситуация может быть связана с осознанием себя этническим меньшинством и стремлением сохранить связь с представителями своего этноса.

Большинство опрошенных (58,5%) считают, что у них есть желание и внутренняя потребность в изучении родного языка, 15,8% – что это необходимо по роду своей деятельности, каждый десятый (10,8%) ответил, что у него нет ни желания, ни потребности в изучении своего родного языка. 10,3% затруднились ответить на вопрос. Чаще других этносов представители титульной нации говорят о наличии внутреннего желания и потребности в изучении своего родного языка (77,4%).

При этом превалирующее большинство опрошенных (70,1%) считают, им ничего не мешает общаться с людьми их национальности на родном языке, 14,4% – считают, что в этом нет необходимости, 8,8% видят препятствие в том, что люди из их окружения не знают/плохо знают их родной язык, 6,6% – в том, что они сами не знают/ плохо знают язык своего этноса. Преобладание в коммуникации русского подтверждается и ответами на данный вопрос: башкиры, татары и «другие» этносы чаще русских отмечают, что им ничего не мешает общаться на родном языке, просто в этом нет необходимости (16,1%, 14,6% и 19,1% против 12% соответственно). Кроме того вышеуказанные этносы чаще русских отмечают, что «люди из моего окружения не знают/плохо знают мой родной язык» (13,1%, 11,1%, 6,3% против 2,2% соответственно).

Проведенное исследование позволило сделать вывод о том, что в языковых процессах Республики Башкортостан преобладает владение и использование русского языка. Вместе с тем по сравнению с татарами пресдтвители титульного этноса в большей степени используют этнический язык и показывают большее стремление в овладении им и передаче помолодому поколению.

Литература

1. *Арутюнова Е.М.* Этнолингвистические противоречия в школьном образовании в российских республиках // Социологическая наука и социальная практика. 2018. №4(24). С. 64-71.
2. *Аюпова Л.Л.* К проблеме изучения языковой ситуации Республики Башкортостан // Система языка: синхрония и диахрония. 2009. С. 165–169.
3. *Гарипов Т.М.* Относительно языковой модели Башкортостана // Материалы межрегиональной научно-практической конференции Межнациональные отношения в полиэтничном регионе: проблемы и пути оптимизации: материалы межрегиональной научно-практической конференции. Уфа: БГПУ, 2005. С. 123–125.
4. *Искужина Н.Г.* Языковая ситуация в Республике Башкортостан на современном этапе // Политическая лингвистика. 2017. №5(65). С. 194–199.
5. *Исмагилова Н.В.* Языковая ситуация в мультинациональном городе (на примере города Уфы) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 12(90). С. 116–122.
6. *Киньябулатов И.Ф., Мухтаров Т.Г.* Анализ языковой ситуации в Республике Башкортостан. Уфа: Издательство: УФИЦ РАН, 2018. С. 4.
7. *Макарова Г.И.* Языковое поведение молодых казанцев (по материалам полуформализованных интервью) // Вестник института социологии. 2017. № 3. С. 32–51.
8. *Мартынова М.Ю.* К вопросу о родных языках российских школьников // Уфа: Известия СОИГСИ. 2018. № 30(69). С. 73–82.

9. Государственный комитет статистики РБ (Национальный состав и владение языками, гражданство населения Республики Башкортостан по данным Всероссийской переписи населения 2010 года: статистический сборник) // Уфа, 2013. С. 13–27.
10. *Садретдинова Э.В.* Языковая социализация детей в национально-смешанных семьях Башкортостана / Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Социокультурные, этнические и языковые процессы на евразийском пространстве». Уфа: Издательство «Инеш», 2019. С. 268–275.
11. *Тимирханов В.Р.* О состоянии полилингвизма в Башкирии в свете социальных функций филологии // Российский гуманитарный журнал. 2015. № 2. С. 120–127.
12. *Хисамитдинова Ф.Г., Мухтаров Т.Г.* Функционирование языков в Республике Башкортостан: проблемы развития башкирского языка как государственного // Проблемы востоковедения. 2016. № 1(71). С. 70–75.
13. Новостной портал Уфы «Proufu.ru» («18 языков коренных народов страны находятся под угрозой исчезновения»). URL: https://proufu.ru/news/society/7819418_yazykov_korennykh_narodov_strany_nakhodyatsya_pod_ugrozoy_ischeznoveniya/?sphrase_id=80237004 (Дата обращения 17.02.2020).
14. Официальный сайт организации ЮНЕСКО («A methodology for assessing language vitality and endangerment»). URL: http://www.unesco.org/new/en/culture/themes/endangeredlanguages/language-vitality (Дата обращения: 17.02.2020).

ДИСКУРС О ПУТЯХ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО СОГЛАСИЯ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Мирзабекова А.Ш.[1], Ижанова Г.Б.[2], Боранбаев А.Т.[2]
[1]НАО «Мединский университет Караганды»
[2]Карагандинский государственный университет имени Е.А. Букетова,
Казахстан, г. Караганда

Аннотация. В статье рассматривается опыт формирования и развития модели межэтнического согласия в Республике Казахстан. Авторы рассматривают мнения ученых по обеспечению модели межэтнического согласия в полиэтническом казахстанском обществе. Авторы поддерживают позицию: «Единство нации – в ее многообразии».

Ключевые слова: модель межэтнического согласия, межэтнические отношения, этнос, этнические группы, независимость, суверенитет, этнополитика, консолидация, национальное единство, национальная идея.

Межэтническое согласие является важнейшим условием устойчивого развития полиэтнического казахстанского общества. Это важно с точки зрения государственных интересов и тесно связано с такими понятиями, как национальная безопасность, территориальная целостность, социальная стабильность, предотвращение конфликтов. Согласие предполагает как отсутствие несогласия, так и опережающее отражение возможных противоречий, и выбор путей устранения этих противоречий. Достижение общественного согласия требует взаимодействия государственных и гражданских институтов при выработке общего направления в сфере межэтнических отношений.

В нашем исследовании мы рассматриваем межэтнические отношения, исходя из имеющихся в современном социально-гуманитарном знании определений, как «межличностные отношения людей разной этнической принадлежности, которые также происходят в разных сферах общения – трудовой, семейно-бытовой и неформальных видах взаимоотношений» [1, с. 236]. «Как взаимодействие этносов по поводу достижения ими самодостаточ-

ности», то есть способности этноса к «самостоятельному производству и воспроизводству всех необходимых условий для индивидуальной и коллективной жизни» [2, с. 29].

После обретения независимости стратегия государственной этнополитики Республики Казахстан определялась необходимостью обеспечения равноправия всех этнических общностей. В этой связи два основных принципа определяли этнополитику государства: во-первых, обеспечение защиты прав этнических групп и их развития, во-вторых, направленность на демократизацию общества и на обеспечение защиты индивидуальных прав.

На первом этапе (1991–1995 гг.) приоритет принадлежал политике государ-ственного этнонационализма. Декларация о государственном суверенитете КазССР от 25 октября 1990 года закрепила за казахами статус государствообразующей нации и этнокультурного ядра казахстанской государственности. В Конституционном законе «О государственной независимости Республики Казахстан» от 16 декабря 1991 года было утверждено «право казахской нации на самоопределение». Конституция Республики Казахстан от 28 января 1993 года позиционировала национальный характер казахстанской государственности.

Однако в обществе возникли дезинтеграционные тенденции вследствие политизации этничности. Закрепление особого – государствообразующего, титульного статуса казахской нации не нашло поддержки у неказахской части населения. Ученые отметили «повышение напряженности с элементами обострений (например, противостояние между казахами и представителями казачества)» [3]. Объективными негативными факторами влияния на напряженность в межэтнических отношениях стали трудности, порожденные экономическим кризисом. Для людей, не сумевших адаптироваться к изменившимся социально-экономическим условиям, распри на «бытовой почве» легко переходили в состояние межэтнической розни. Вследствие этого в иерархии проблем, вызывающих у казахстанцев беспокойство и тревогу в конце 90-х гг. XX в., межэтнические отношения, согласно социологическим исследованиям, занимали 15-е место. Незамедлительно началась миграция населения за пределы страны и этнодемографическая поляризация населения.

Второй этап начинается с принятием Конституции 1995 года, закрепившей общегражданские принципы характера государственности с переходом к территориальной (гражданской) модели нации и продолжается до сих пор. В Конституции было устранено деление казахстанцев на представителей титульной и нетитульной нации, что обусловило снижение межэтнической напряженности в обществе и начавшиеся интеграционные процессы. Усилия государственной политики были направлены на реализацию модернистской модели нациестроительства на принципах согражданства. В данном контексте стратегией этнополитики стало образование казахстанской нации как политической общности граждан, основанной на принципах гражданского общества.

В методологическом плане внимание казахстанских ученых привлекли возможности синергетического подхода в исследованиях межэтнических взаимоотношений в Казахстане. Н.Р. Мусаева отмечает: «В связи с тем, что этносфера является частью социального организма как открытой системы, составляющие ее структуру этносы и отношения между ними, обладают синергетическим эффектом» [4]. На основе системного подхода, признающего взаимозависимость социально-экономических, культурных, моральных, семейно-бытовых и других факторов, была предложена концепция свободного обеспечения культурного самовыражения всех этносов Казахстана.

В качестве теоретической модели объединения различных этносов, проживающих в Казахстане, рассматривается концепция мультикультурализма, апробированная в некоторых полиэтнических странах на уровне государственной политики. Но как подчеркивают ученые-политологи, мультикультурализм, отказывающийся от идеи доминирующей культуры как обязательного ориентира периферических культур, от противопоставления меньшинства и большинства в сфере культуры - действительно реальный вызов для государственной и культурной идентичности. Бо¬лее реалистична позиция конструктивного диалога, которая предполагает наличие общего основания и одновременно - различия и по содер-

жанию, и по форме. Таким общим основанием в Казахстане является евразийская почва, т.е. исторически сложившееся евразийское братство тюркоязычных и славянских народов.

Правовой основой обеспечения межэтнического согласия, предполагающей определение основных принципов межэтнических отношений, выступает Конституция Республики Казахстан. Статьей 39 Конституции РК «признаются неконституционными любые действия, способные нарушить межнациональное согласие». Согласно статье 7 Основного Закона страны («государство заботится о создании условий для изучения и развития языков народа Казахстана») и статье 19 («каждый имеет право на пользование родным языком и культурой, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества»), право каждого казахстанца на сохранение самобытности своей культуры, свободный выбор языка обучения и воспитания нашли закрепление в законах «О граж-данстве Республики Казахстан», «О языках в Республике Казахстан», «Об общественных объединениях», «О культуре», «Об образовании», «Об охране и использовании объектов историко-культурного наследия».

В ходе конституционной реформы 2007 г. принципиальным новшеством в истории Казахстана стало избрание депутатов от Ассамблеи народа Казахстана, представляющих интересы этнических групп, в Парламент. Тем самым Ассамблея народа Казахстана стала реальным механизмом агрегации и артикуляции интересов этносов Казахстана и, соответственно, главным институтом обеспечения межэтнического согласия.

Содержание казахстанской модели межэтнического согласия определяется совокупностью взаимосвязанных принципов, на которые ориентирована политика государства. Важнейшие из них называет казахстанский исследователь М.А. Абишева: «открытость и гласность; законность, законодательное оформление и правовое регулирование деятельности, используемых сил, средств и методов; деполитизация вопросов национального строительства; гуманизм, справедливость и приоритет нравственных начал; взаимопомощь и взаимоподдержка; доброжелательность и толерантность; приоритет предупредительно-профилактических мер…»[5, с. 32]. Только при взаимопонимании этносов может быть достигнута гармония в межэтнических взаимоотношениях. В этом смысле конструктивный диалог является одним из основных факторов развития межэтнического согласия в обществе.

За годы независимости в Казахстане были созданы условия для сохранения и развития этносами своей культуры: в республике действуют более 80 этнических школ, 19 республиканских и региональных национальных газет, радио- и телепрограмм, 6 национальных театров. Финансирование национальных театров осуществляется из республиканского бюджета. При социологических замерах общественного мнения граждане отметили реализацию своих прав в вопросах сохранения национальной культуры и изучения родного языка.

Для предотвращения межэтнических противоречий и конфликтов были предприняты такие меры, как:

– принятие и реализация модели развития «от экономики к политике»;

– создание общенациональной идеи, основанной на политической стратегии «единства в многообразии»;

– формулирование новых идеологем и ценностных установок;

– проведение общенациональных кампаний по развитию культуры всех этнических групп;

– введение стратегии поощрения кроссэтнических политических образований;

– развитие специальных институтов по сохранению межнациональной стабильности, причем политика культурного плюрализма формировалась наряду с рыночной экономикой.

Вследствие экономических реформ в Казахстане в 1992–2010 гг. социальные настроения граждан независимо от этнической принадлежности изменились в сторону уверенности в экономическом благополучии. Изменилась структура занятости казахского населения в сторону увеличения представленности в таких сферах, как образование и здравоохранение (17,5%), в торговле (14,5%), в промышленности (12,4%), в государственном управлении (11,4%). Вместе с тем сужение пространства применения русского языка, соответствующие изменения в государственной кадровой политике привели к ограничению представленности

русских на ключевых постах в системе государственного управления, в армии, на ключевых позициях контроля над нефтегазовым сектором, что не могло не сказаться на рефлексии русского населения о своем положении в новых политических условиях.

В целях предотвращения межэтнических конфликтов был осуществлен переход от теоретически предполагаемой вначале национальной казахской идеи к формулированию национальной казахстанской идеи. Н.А. Назарбаев характеризует ее следующим образом: «Какова же наша национальная идея? Я считаю, что ее базовыми принципами, компонентами являются: национальное единство независимого государства, конкурентоспособная экономика, интеллектуальное процветающее государство. Все это – есть основа успешного развития Казахстана» [6].

Формой научной рефлексии на реалии современного Казахстана, и, в первую очередь, на его полиэтнический состав и «соборность» его духовной жизни явились предложения отдельных ученых о введении в научный оборот термина «казахстанская нация» [7], «казахстанская цивилизация» [8, с. 162]. Дискуссия по поводу этих понятий до сих пор остается открытой. Как определил ситуацию, ссылаясь на Хобсбаума, А. Вежбицки: «возник Казахстан, в котором теперь надо создать нацию. Однако возникает основной вопрос: какой должна быть эта нация?» [9]. По мнению отдельных польских исследователей, «казахстанский народ в этническом смысле – это метафора, сравнимая по своему смыслу с советским народом» [10].

Представляет интерес точка зрения А.Н. Нысанбаева о спорном характере термина «казахстанская нация». Ученый ссылается на то, что в современных демократических государствах приоритетным становится не этническое происхождение, а со-гражданство, понимаемое как включенность в единое социальное и экономическое пространство. По мнению А.Н. Нысанбаева, Н.В. Романовой, «для изучения и описания этой новой ситуации совсем не обязательно использование такого нагруженного смыслом понятия, как «нация». Вполне возможно введение более адекватных категорий, например, со-гражданство, или же понятие «полиэтнический казахстанский народ». В таком случае, если строго следовать этой логике рассуждений, то, на наш взгляд, казахстанская общенациональная идея предстает как казахстанская идея согражданства этносов и народов, проживающих на территории Казахстана» [11, с. 28].

Консолидация на основе казахстанской национальной идеи является задачей как внутренней, так и внешней политики по сохранению и укреплению Казахстана как уникального унитарного государства, способного к утверждению гражданской культуры, взаимопонимания и духовного согласия.

По рекомендациям XIV сессии Ассамблеи народа Казахстана 23 октября 2008 года, была разработана Доктрина национального единства, принятая 19 мая 2010 г. Под национальным единством понимается целостность существования этнических общностей в составе единого государства, высокая степень самоидентификации граждан страны с Республикой Казахстан, с существующей системой ценностей и идеалов. Основой национального единства казахстанского общества является общность ценностей большинства граждан, что обуславливает возможность консолидации общества в единое целое.

В Доктрине национального единства Казахстана провозглашены следующие принципы:

«I. Одна страна – одна судьба.

II. Разное происхождение – равные возможности.

III.Развитие национального духа» [12].

Очевидно влияние на разработку данной Доктрины коллективной монографии Н.А. Амрекулова и Н.Э. Масанова «Казахстан между прошлым и будущим» (1994). Указанных авторов можно назвать теоретическими предшественниками данной Доктрины, так как они доказывали в своем исследовании, что единственно верной в межэтнической сфере может быть только политика компромисса, равенства и свободы всех этносов в рамках казах-

станского государства, девизом которого должен стать лозунг «Одна земля, одно государство, одна судьба».

Согласно данным социологических исследований, в условиях полиэтнического общества, во-первых, выражена тенденция ориентации большинства казахстанцев на идентификацию по гражданской принадлежности. Во-вторых, для всех этносов Казахстана созданы благоприятные условия для реализации ими своих этнокультурных интересов. Сравнительный анализ результатов социологических исследований показывает динамику укрепления межэтнического согласия в казахстанском полиэтническом обществе: в ряду наиболее актуальных для населения проблем, в сравнении с 90-ми годами XXвека, проблема межэтнических отношений в Казахстане к 2015 г. отодвинулась на пять позиций: с 15-го на 20-е место Согласно ответам респондентов, в течение 2012–2014 гг. случаи ущемления прав по национальному признаку снизились в четыре с лишним раза. О значимости данной проблемы заявили в ходе опроса только 1,6% респондентов [13].

Дальнейшее развитие казахстанской модели межэтнического согласия востребовано реалиями Казахстана, в котором, по последней переписи 2009 года, государствообразующий этнос (казахи) составляет 63,1% в составе населения, а другие этнические группы – 36,9%. «Нам нужно, – как отмечает в своем Послании народу Казахстана президент К.-Ж. Токаев, – учитывая роль казахского народа как государствообразующей нации, продолжать укреплять межэтническое согласие и межрелигиозное взаимопонимание. Наша позиция: «Единство нации – в ее многообразии!» [14].Условием успешности казахстанской модели межэтнического согласия как «единства в многообразии» выступает сохранение баланса интересов населяющих страну этнических групп и их объединение вокруг казахского народа. Ядром общеказахстанской культуры должна стать казахская культура. На это ориентирует осуществляемая сейчас стратегия модернизации общественного сознания «Рухани жангыру».

Обобщая вышеизложенное, можно сказать, что при всех этнических различиях граждан Казахстана общие экзистенциальные ценности, направленность на мирное сосуществование и межэтническое согласие должны стать нормами повседневной жизни казахстанского общества.

Литература

1. *Садохин А.П.* Этнология. М.: Издательство «Гардарики», 2006. 287 с.
2. *Малинин Г.В.* Теория и практика межэтнического и межкультурного взаимодействия в современном Казахстане. М.: Институт философии и политологии МОН РК, 2002. 145 с.
3. *Сулейменов Т.А.* Межэтнические отношения в контексте номадизма // Материалы международной научно-теоретической конференции «Проблемы межэтнических отношенией в странах Центральной Азии и Казахстана в условиях глобализации». Алматы: Издательство: Институт философии и политологии МОН РК, 2003. С. 149–154.
4. *Мусаева Н.Р.* Специфика межэтнических отношений и мультикультурализма в Казахстане // Социологический альманах. 2013. № 4. С. 233–240.
5. *Абишева М.А.* Казахстанская модель межэтнического согласия// Материалы международной научно-практической конференции «Казахстанский опыт межэтнического и межконфессионального согласия: предложения для ОБСЕ» (г. Алматы, 25 февраля 2009 г.), 2009. 160 с.
6. Информационное агенство «Казинформ» («Нурсултан Назарбаев назвал базовые принципы национальной идеи»). URL: https://inform/kz/ru (Дата обращения: 29.02.2020).
7. *Кадыржанов Р.К.* Консолидация политической системы в Казахстане: проблемы и перспективы. – Алматы: Институт философии и политологии МН и ВО РК, 1999. 166 с.
8. *Есім Ғ.* Саяси философия. Ойлар, тұжырымдар. Алматы: Издательство «Ел шежіре», 2006. 256 с.
9. *Вежбицки А.* Перспективы формирования казахстанского народа // Перспективы формирования казахсткого народа. 2006. № 4. С. 48–62.

10. *Szporluk R.* Imperium, komunizm i narody: Wybor esejow. Wydawn. 2003. 174 с.
11. *Нысанбаев А.Н, Романова Н.В.* Межэтнические отношения как важнейший элемент политического бытия современного Казахстана // Саясат. 2001. № 10–11. С. 24–29.
12. Информационное агенство «Казинформ» («Межэтнические отношения в Казахстане»). URL: https://www.kazportal.kz/ (Дата обращения: 29.02.2020).
13. Официальный сайт Министерства юстиции Республики Казахстан (Доктрина Национального Единства Казахстана). URL: adilet.gov.kz/ru/node/57932 (Дата обращения: 29.02.2020).
14. Информационный портал «Zakon.kz» (Конструктивный общественный диалог – основа стабильности и процветания Казахстана. Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана, 2 сентября 2019 г.). URL: https//zakon.kz (Дата обращения: 29.02.2020).

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕГРАЖДАНСКОГО ЕДИНСТВА КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Омуралиев Н.А.
Центр социальных исследований Института философии, права и социально-политических исследований Национальной Академии Наук Кыргызской Республики, Кыргызская Республика, г. Бишкек

Аннотация. В статье изложен авторский взгляд на проблему общегражданского единства и укрепления межэтнических отношений посредством формирования гражданской идентичности Кыргыз Жараны.

Ключевые слова: межэтнические отношения, общегражданское единство, гражданская идентичность, Кыргыз Жараны.

Кыргызская Республика является полиэтничной страной, в которой проживает более чем 100 этносов. В 2018 году население Кыргызстана по данным Национального статистического комитета КР составило 6 млн. 256 тысяч 730 человек. Из них 73,3% составляют кыргызы, 14, 6% узбеки, 5,6% русские, 1,1% дунгане, 0,9% уйгуры и другие этносы. Специфической особенностью этнического состава населения страны является ее неравномерное расселение по регионам страны. Так, например, на севере страны русские являются второй по численности этнической группой и сосредоточены в Иссык-Кульском районе Иссык-Кульской области (6,2%), Аламединском, Московском, Сокулукском и Ысык-Атинском районах Чуйской области (16,1%). В Бишкеке кыргызы составляют 72,4% населения столицы, русские – 17,7%, уйгуры – 1,6%, узбеки – 1,4%, корейцы – 1,3%, татары – 1,2%, казахи – 1,0%. Юг Кыргызстана значительно отличается по этническому составу населения, особенностью является высокий процент этнических узбеков. Узбеки в большей степени представлены в Ошской области – 28,7%, при этом более компактно проживают в Араванском, Кара-Суйском, Ноокатском и Узгенском районах, в Джалал-Абадской области. В городе Ош кыргызы составляют 49,8% и узбеки 43,6% [1].

Необходимо отметить, что становление демократического Кыргызстана прошло в труднейших условиях. В 1990 году вспыхнул крупнейший межэтнический конфликт между кыргызами и узбеками в Ошской области, который повторился в 2010 году. Страна пережила две революции 2005 года и 2010 года, когда были изгнаны первый и второй президенты страны. В 2019 ситуация обострилась противостоянием бывшего и ныне действующего президента, которая закончилась арестом бывшего президента страны. К сожалению, в это время противоборства остро проявились регионалистские и трайбалистские тенденции в политической борьбе, которые затронули и настроения простого населения.

В настоящее время к межэтническим проблемам присоединились и регионалистские отягощенные политическим противостоянием сторонников бывшего и ныне действующего президента страны. В стране остро стоит вопрос достижения и формирования общегражданского единства.

Общий климат межэтнических отношений по сравнению с постконфликтным периодом 2010 годов во многом стабилизировался. Тем не менее, сохраняются негативные тенденции, над которыми надо работать для успешной реализации интеграционной политики и снижения конфликтного потенциала: сохраняется некоторый уровень напряженности между этническими сообществами на юге страны; недостаточный уровень доверия между государственными структурами, особенно правоохранительными органами и этническими сообществами; низкий уровень представленности и участия этнических сообществ в общественной и политической жизни, связанные с отсутствием государственных механизмов и самоизоляцией этносов; проявлениями негативной риторики в СМИ как государственном (кыргызском), так и на и официальном (русском) языке.

Анализ текущей ситуации и тенденций позволяет выделить достижения и наиболее важные проблемы, наиболее актуальные для решения вопросы, которые влияют на межэтнические отношения и интеграционные процессы.

Предложенная авторская концепция укрепления гражданской интеграции на основе формирования Кыргыз жараны – официальной государственной политики Кыргызской Республики разработана для конкретизации и реализации раздела «2.3. Гражданская интеграция» долгосрочной «Национальной стратегии развития Кыргызской Республики на 2018–2040 годы».

В «Национальной стратегии развития Кыргызской Республики на 2018–2040 годы» отмечается видение гражданской интеграции и национального единства: «Граждане Кыргызской Республики, Кыргыз жараны, интегрированные в процесс национального строительства, живут в едином открытом политико-правовом пространстве, плюралистическом обществе, объединенные гражданской идентичностью и гордостью за свою страну» [2].

Народ Кыргызстана сохраняя этническое, культурное, религиозное многообразие, укрепляя общегражданскую интеграцию, формируя общие ценности и гордость за свою страну, независимо от различий по признаку пола, расы, языка, возможностей здоровья, этнической принадлежности, вероисповедания, возраста, политических или иных убеждений, образования, происхождения, имущественного положения, станут единой, сплоченной политической общностью – Кыргыз жараны.

Как правило, совокупность общих наиболее значимых гражданских ценностей, определяет поведение человека в обществе, дает осознание личностью понимание статуса гражданина, его способность и готовность выполнять гражданские обязанности.

Общегражданская интеграция и укрепление общегражданской идентичности тесно связано с формированием у членов общества гражданственности, как понятия, означающее целенаправленную включенность личности в:

– политико-правовую, социально-экономическую, культурно-языковую и другие сферы жизни общества в качестве сознательного, свободного и полноправного ее участника,

– формирование морального и социально-психологического качества личности, проявляющееся в чувстве долга и ответственности человека перед государством и демократически развивающимся обществом, в его готовности реализовывать свои права и свободы не нарушая законные интересы других граждан.

Авторская концепция продолжает реализацию принципов, провозглашенных в предыдущей «Концепции укрепления единства народа и межэтнических отношений в Кыргызской Республике», а именно:

– приверженность демократическим ценностям;

– укрепление государственности, сохранение территориальной целостности;

– системность деятельности государства, органов власти, местного самоуправления, политических партий, институтов гражданского общества;

– признание единства в многообразии, включая этнические, культурные, лингвистические и прочие различия;

– уважение к историко-культурному наследию народа Кыргызстана;

– объединяющая роль государственного кыргызского языка;

– интеграция в мировое сообщество через изучение русского, английского и других мировых языков и обеспечение возможностей для сохранения и развития языков этнических сообществ [3].

Исторический опыт развития полиэтнического народа Кыргызстана показывает, что устойчивое и прогрессивное развитие возможно лишь в обществе с развитым чувством общегражданского единства, в котором каждый гражданин Кыргызской Республики ощущает себя частью единого сообщества вне зависимости от своей этнической, культурной, языковой или религиозной принадлежности. В обществе, в котором все граждане реализуют свои гражданские обязанности и права, где понимают и поддерживают ценности разнообразия в культуре и языке, где формируется чувство гордости за ценности и принципы, лежащие в основе демократически развитого государства и общества в соответствии с Конституцией Кыргызской Республики.

Понятие «Кыргыз жараны» относится как к гражданину КР, так и ко всем патриотически настроенным людям, которые ощущает свою принадлежность и близость к Кыргызской Республике, делают свой вклад в гражданское единство, вне зависимости от этнической, религиозной, политической либо иной принадлежности.

Кыргыз жараны представляет собой концепцию гражданской идентичности в качестве политически ориентированной категории, осознания принадлежности человека к сообществу всех патриотов и граждан Кыргызской Республики обладающим ценным значением, готовности и способности исполнять свои обязанности, пользоваться своими правами, и активно участвовать в социально-экономической и общественной жизни. Оно интегрирует население страны в общеграждаскую общность и служит цели сохранения и поддержания социальной сплоченности.

Все это не может быть в полной мере реализовано в течение срока, на которую рассчитана данная Концепция. Таким образом, Концепция является лишь первым этапом в процессе установления необходимых условий, путем снижения основных барьеров на пути гражданской интеграции.

В основе общегражданской идентичности лежит развитая гражданская сознательность, понимание своих прав и обязанностей гражданина, а также общих ценностей и норм, заложенных Конституцией КР и законами страны. Формирование гражданское сознания должно быть частью образования, воспитания и развития личности, инициируемого в семье и в образовательных учреждениях. Гражданское образование - предмет, который учит ценностям многообразия, равенства и толерантности, а также объясняет права и обязанности гражданина, необходимо реализовать на протяжении всего процесса образования, начиная с дошкольного учреждения. Выявление и/или продвижение общих ценностей, с которыми могли бы идентифицировать себя все граждане Кыргызстана, вне зависимости от их этнического происхождения, религиозных убеждений и других различий могло бы способствовать развитию общего национального самосознания и «инклюзивного патриотизма».

Цель Концепции.

Укрепление гражданской интеграции и национального совместного национального строительства единой страны, создание условий для дальнейшей общегражданской идентичности, повышение уровня сплоченности и толерантности в обществе независимо от региональных, этнических, языковых и культурных отличий – требует серьезных усилий от всех государственных органов, общественно-политических движений, в целом общества и каждого гражданина в частности. Несомненно, формирование единой гражданской идентичности Кыргыз Жараны предполагает лояльность к ней не на этнической, культурной или какой-то другой основе, а на принципах новой политической общности.

Достижение этой цели требует решения следующих задач:

– на основе оценки итогов реализации «Концепции укрепления единства народа и межэтнических отношений» разработать и реализовать новый программный документ, нацеленный на усиление гражданской интеграции;

– способствовать сохранению и развитию этнической, языковой, культурной самобытности представителей различных этносов, проживающих в стране;

– реализовывать социально-экономическую политику, основанную на справедливом распределении и равном доступе к ресурсам и качественным государственным услугам;

– не допускать случаев дискриминации, в том числе в правоохранительных органах и секторе безопасности;

– трансформировать сектор образования, включая языковую политику, адаптировав ее к нуждам и запросам многоязычных, функционально грамотных, конкурентоспособных граждан, бережно сохраняющих культурное наследие народа Кыргызстана;

– сформировать информационную политику, создающую условия для интеграции общества, распространяя символы и продукты, способствующие укреплению единства страны, гражданского патриотизма, толерантности и культурного плюрализма;

– проводить государственную и муниципальную кадровую политику, основанную на критериях профессионализма, компетентности, знании государственного, официального и иностранных языков, исключая любую дискриминацию;

– развивать интегрирующую культурную политику, ориентированную на сохранение национальной самобытности и многообразия, поддержку духа толерантности, развитие межкультурного диалога.

Пути достижения цели включают в себя поэтапные или параллельные процессы, выраженные в направлениях, результатах, задачах и механизмах реализации.

1. Политико-правовая интеграция, которая включает в себя равные права (формальные и реальные), равные возможности, равный доступ к основным государственным и общественным институтам (образование, жилищное хозяйство, социальные услуги, в том числе здравоохранение и т.д.), усиление участия в формировании национального строительства (кадровый потенциал), в том числе посредством активного участия в выборах в Жогорку Кенеш и местных органы власти.

Задачи – это формирование:

– чувства общности и личного участия (посредством выборов) в формировании и улучшении деятельности государственных органов власти и органов местного самоуправления;

– чувства гражданина Кыргызстана в независимости от этнической и религиозной принадлежности с равными правами и возможностями, с широким доступом к государственным ресурсам и общественным благам;

– чувства ответственности за происходящее в стране, формирование активной позиции гражданина и патриота Кыргызстана.

Индикаторы:

– активное участие в выборах, что означает повышение доверия многоэтничного населения к государственным органам власти и органам местного самоуправления

– организация политических акций и мероприятий, направленных на благо страны и Отечества.

В качестве институциональной поддержки – повышение статуса Государственного Агентства по делам Местного Самоуправления и Межэтнических Отношений (ГАМСУМО) до министерства или комитета, в задачи которого входили бы вопросы интеграции и устойчивого развития местных территорий и сообществ.

Результат:

Демократически развитое и политически активное население страны лояльно настроенное к своему государству и активно участвующее в национальном строительстве, не только посредством участия в выборах.

2. Социально-экономическая адаптация и интеграция, которое включает в себя достижение большей конкурентноспособности и социальной мобильности в обществе независимо от этнических и языковых признаков.

Задачи:

– выравнивание экономических возможностей представителей этнических сообществ в различных отраслях бизнеса

– уменьшение различий по этническому принципу на рынке труда;

– выравнивание «качества и уровня жизни» в различных этнических сообществах

Индикаторы:

– рост числа совместных многоэтничных трудовых коллективов, включающих в себя и учредителей;

– «размывание» этнических ниш на рынке труда;

– определение степени удовлетворенности уровнем жизни в различных этнических сообществах;

– поощрение совместного общественно-полезного труда с привлечением представителей различных этнических сообществ (ашар, субботники и т.д.).

Результат: Равные возможности в различных сферах социально-экономической жизни, независимо от этнической принадлежности.

3. Образовательно-языковая интеграция включающая в себя овладение государственным, официальным и третьим языком – на основе многоязычного образования и поликультурного воспитания, наряду с сохранением своей этнической культуры.

Задачи:

– увеличение количества представителей многоэтничного сообщества владеющих государственным, официальным и иностранным языками, в том числе родными для представителей этнических сообществ;

– широкое распространение опыта развития поликультурного воспитания и многоязычного образования в дошкольных учреждениях, средних школах и высших учебных заведениях;

Индикаторы:

– придание языкам более высокого статуса «в качестве средства обучения», а не «предмета обучения». Постепенное увеличение количества предметов в средних школах, преподавание которых ведется на государственном языке:

– на первом этапе введение обучения отдельных предметов на государственном языке;

– на втором этапе введение обучения отдельных предметов на официальном языке;

– на третьем этапе введение обучения отдельных предметов на иностранном языке.

При этом стабильное сохранение языка обучения этнических сообществ и обязательств по их финансированию со стороны государства.

К 2040 году выпускники средних школ должны владеть государственным, официальным и иностранным языками, выпускники школ с преимущественным проживанием многоэтничных сообществ также языком этого сообщества.

К 2040 году создать единое кыргызоязычное информационно-культурное пространство в условиях культурного многообразия, толерантности и многоязычного общения на основе знания государственного, официального, этнически родного и иностранного языков.

Результат: Формирование чувства устойчивой включенности в культурно-языковую среду, на основе знания государственного, официального и иностранного языков, в том числе родном для этнических сообществ.

4.Общественно-культурная интеграция: принятие и выработка общей системы ценностей, формирование общих правил поведения, на основе свободного общения независимо от языка, включенность людей в социальные сети независимо от этнической принадлежности: усиление и общность трудовых, дружеских и партнерских отношениях, включая неформальные связи и смешанные браки.

Задачи:

– формирование идеалов общества, системы ценностей и правил поведения многоэтничного сообщества, на основе объединяющих общечеловеческих ценностей с кыргызстанской спецификой

Индикаторы:

– широкое участие представителей этнических сообществ в культурной жизни страны

– привлечение представителей многоэтничных сообществ в общественную жизнь страны;

– включенность этнических сообществ в совместные мероприятия по празднованию знаменательных дат страны;

– включенность в полноценную жизнь многоэтничного трудового коллектива;

– включенность в общественную жизнь местного территориального сообщества независимо от их этнической принадлежности

Результат:

Формирование чувства устойчивой включенности в культурную и общественную жизнь в стране, в обществе, в трудовом коллективе, среди соседей.

5. Субъектная интеграция:

– осознание себя представителем своего этнического сообщества, имеющим возможности свободно развиваться в Кыргызстане и полноценно включенном в культурную и общественную жизнь;

– осознание себя гражданином своей страны с равными возможностями, правами и обязанностями; чувством принадлежности к единой гражданской нации «Кыргыз жараны» (Я – кыргызстанец);

– осознание себя представителем всего человечества, включенным в международную интеграцию.

Задача:

– формирование сопричастности и совместного строительства сильного кыргызстанского государства и общества, связывания своей судьбы и своего будущего с развитием Кыргызстана.

Индикаторы:

– включенность этнических сообществ в создание единой системы работы госорганов всех уровней и институтов гражданского общества по укреплению и развитию общегражданской идентичности и патриотизма;

– включенность молодежи разных этнических сообществ в формирование гражданской идентичности «Кыргыз жараны»;

– поддержка инициатив этнических сообществ и гражданского общества, АНК и других организаций по реализации проектов и программ направленных на укрепление духовного и культурного наследия этнических сообществ и усиления межэтнической интеграции и формирования кыргызстанского патриотизма.

Результат:

Формирование устойчивого чувства безопасности у индивида и его семьи, веры в то, что именно на этой земле и в этой стране возможна его полная и свободная реализация как личности – независимо от этнической принадлежности.

Литература

1. Официальный сайт Национального статистического комитета Кырызской Республики. URL: http://www.stat.kg/ru/statistics/naselenie/ (Дата обращения: 15.03.2020).
2. Национальная стратегия развития Кыргызской Республики на 2018–2040 годы (принята Указом Президента КР от 31 октября 2018 года № 221), 2018.
3. Концепция укрепления единства народа и межэтнических отношений в Кыргызской Республике (принята Указом Президента КР от 10 апреля 2013 года №74), 2013.

МЕХАНИЗМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ КОНФЛИКТОВ В МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН СРЕДИ МИГРАНТОВ

Сагитова В.Р.
Казанский федеральный университет,
Россия, г. Казань

Аннотация: Статья рассматривает теоретические положения миграционных процессов в рамках глобализации, частный аспект профилактики межэтнических отношений и конфликтов на территории Республики Татарстан. Актуальность процессов миграции во всем мире заставляет ученых рассматривать вопросы межэтнических отношений сквозь призму нормативно-законодательной базы, а также на глобальном, региональном и межгосударственном уровнях, что позволяет увидеть не только структуру происходящих миграционных процессов, но и построить модели предотвращения конфликтного взаимодействия в межконфессиональных отношениях. Политика в области межэтнических отношений на территории Республики Татарстан, позволила выработать ряд механизмов регуляции данных отношений и упрочить межнациональный мир в республике.

Ключевые слова: глобализация, межэтнические отношения, конфликты, миграция, мигранты.

В настоящее время одной из актуальных тем в поддержании межэтнического мира выступает тема миграции. Среди основных факторов, способствующих миграции в современных исследованиях, называются возможности трудоустройства, более высокий уровень жизни, материальная поддержка семьи, обеспечение безопасности и доступность образования принимающего государства [8, с. 153]. Механизмы регуляции миграционной политики в рамках процессов глобализации носят двойственный характер [1, с. 127; 21; 22] (возникает противоречия между странами эммиграции и странами иммиграции) и протекают как на глобальном (мировом) уровне, так и на региональном и межгосударственном уровнях и национальном уровне (уровне отдельных государств). Регулирующие документы, подписанные на международных конференциях незначительным числом стран длительное время не вступают в силу (например, «Конвенция Международной организации труда 1949 года № 97 «О трудящихся-мигрантах» ратифицирована до настоящего времени только 26% стран, Конвенция МОТ 1975 года № 143 «О злоупотреблениях в области миграции и об обеспечении трудящимся-мигрантам равенства возможностей и обращения» – 12% стран. В свою очередь, Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей, принятая в 1990 году, вступила в силу только в 2003 году и ратифицирована до настоящего времени только 24% стран» [1, с. 127]), что приводит к ряду проблем в области миграционной политики:

– недостатку достоверных и полных статистических данных по мигрантам;

– отсутствию общей теории миграции;

– недостаточное понимание совокупных взаимосвязей процессов миграции и экономическим, политическими и другими факторами.

На региональном уровне механизмом управления процессами трудовой миграции выступают региональные интеграционные объединения «Североамериканское соглашение о свободной торговле (НАФТА), Ассоциацию стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Андское сообщество, Южноамериканский общий рынок (МЕРКОСУР), Содружество Независимых Государств (СНГ), Экономическое сообщество западноафриканских государств (ЭКОВАС), Центральноафриканское экономическое и валютное сообщество (ЦАЭВС), Евразийский экономический союз и другие» [1, с. 129], а также региональные консультативные советы (РКС).

Межгосударственные соглашения о сотрудничестве касаются программ приема стажеров и молодых специалистов, трудовых мигрантов, реадмиссии нелегальных иммигрантов и их социального обеспечения. На этом уровне двойственность миграционной политики связана с одной стороны с «прозрачностью границ», а с другой с ужесточением законодательства в отношении мигрантов.

На национальном уровне двойственность миграционной политики проявляется в решении вопросов мигрантов, которые вновь въезжают на территорию государства и тех, кто ранее въехал на территорию государства нелегально. Эти вопросы проявляются на уровне противоречий экономического, демографического и геополитического характера.

Последствиями миграционных процессов в условиях глобализации стали:

– расширение географии миграции [7];

– вовлечение «малоподвижных групп населения» (женщины и дети) в процессы миграции, в частности, в трудовую и учебную миграцию;

– появление новых форм миграции, носящих деловой (бизнес-миграция), религиозный («хадж» – религиозное паломничество) и туристический характер;

– миграционные потоки стали средством и жертвами криминальных групп [6];

– возросли негативные последствия «замещающей» миграции;

– «диаспоризация» экономики принимающих стран [13].

На уровне отдельного региона вышеперечисленные процессы являются конфликтными и носят характер межэтнических.

В.А. Тишков под межэтническим конфликтом понимает любую форму «гражданского, политического или вооруженного противоборства, в котором стороны, или одна из сторон мобилизуются, действуют или страдают по признаку этнических различий» [16].

Конфликт относится к разряду этнических, если хотя бы одна из сторон выступает от имени этнической группы или есть описание одного из участников конфликта в этнических терминах [19, с. 5].

На уровне коллективных действий, в частности, смены «статус-кво» определял межэтнический конфликт А.Н. Ямсков [20].

З.В. Сикевич перевел акценты этнического в политическую плоскость понимая «под этническим конфликтом … социальную ситуацию, обусловленную несовпадением интересов и целей отдельных этнических групп в рамках единого этнического пространства или этнической группы, с одной стороны, и государства, с другой, на пересечении этнического и политического пространства, выражающегося в стремлении этнической группы (групп) изменить этнические неравенства или политическое пространство в его территориальном измерении» [14].

Факторами, провоцирующими межэтнические конфликты, выступают:

– уровень этнического самосознания (завышенный, заниженный, адекватный);

– «критическая масса» нерешенных в обществе проблем;

– использование политическими силами вышеприведенных факторов в своих интересах (Анцупов А.Я., Шипилов А.И.) [4];

– неравенство и различия в структуре повседневности; развитии культуры; неравенстве правового статуса; этнической идеологии; характере, темпераменте; уровне ксенофобии в этнических сообществах (С. В. Алексеев) [18];

– обида на решения в области национальной политики;

– падение экономического положения, вызывающие протестные настроения населения;

– устаревание формы государственного устройства (А.Г. Здравомыслов) [5].

Классифицируя межэтнические конфликты Р.М. Тимошев одновременно указывает и на причины данных конфликтов:

– конфликты из-за некорректного проложения границ административных образований;

– желание этноса-меньшинства создать свое государство;

– актуализация права на национальное самоопределение;

– желание меньшинства не только отделиться о государства проживания, но и стать частью другого государства [13] (сепартистские);
– культурно-языковые;
– социально-экономические;
– этнодемографические;
– исторические;
– этнотерриториально-статусные;
– межрелигиозные и межконфессиональные [3; 12].

Вопросы межэтнических отношений на территории Республики Татарстан регулируются «Стратегией государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г.) [17]. В ней изложены основные положения гармонизации межнациональных (межэтнических отношений), вопросы обеспечения мира и согласия. Реализация межэтнических отношений протекает на институциональном и межличностном и межгрупповом, а также, внутреннем и внешнем уровнях межэтнических отношений. В большинстве своем межэтнические отношения на территории одного государства складываются по политике проводимой внутри него. Они находят свое выражение в культуре, «в общем историческом прошлом формируются представления о национальных интересах, лояльности государству и любовь к Родине» [11, с. 17].

В Республике Татарстан постоянно проводится аналитическая работа в оценке межэтнических отношений. Так, по информации, выложенной в официальных источниках, на 1 декабря 2018 года в Татарстане находилось 22 тысячи иностранных граждан [10]. Отношение к мигрантам со стороны местного населения спокойно-нейтральное 80% опрошенных [9] (на основании проведенного социологического опроса населения). Недопустимость насилия отметили 84% татарстанцев. Характер межэтнических конфликтов на территории республики стал носить характер бытовых [2], что регулируется на уровне гражданских споров.

В качестве механизмов урегулирования межэтнических конфликтов в республике разработаны как силовые методы, так и административные методы с опорой на нормативные законодательные акты.

Помимо этого, в качестве мер предотвращения межэтнических конфликтов на территории республики:

– по заказу минтрудсоцзащиты РТ проводятся обучающие ориентационные курсы по правовым основам, культуре поведения, истории России, профилактике заболеваний;

– поддержка НКО, способных работать в системе адаптации мигрантов, например, организация «Новый век» [10];

– использование медиативных технологий в решении конфликтов;

– открытие интернет-проектов, способствующих изучению татарского языка и коммуникации (например, на платформе Викимедиа) [9].

Таким образом, опираясь на все вышесказанное в Республике Татарстан, с опорой на уже имеющийся опыт разрешения межэтнических конфликтов в мире, проводится официальная политика по предотвращению и улаживанию межэтнических конфликтов на всех уровнях, начиная с момента адаптационных программ и завершая программами воспитания и развития этнической толерантности в детских садах республики.

Литература

1. *Алешковский И.А.* Управление процессами международной миграции в условиях глобализации // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2015. С. 119–137.
2. *Большаков А.Г., Маврин О.В.* Угрозы стабильности в российских регионах и возможности использования примирительных процедур в этнобытовых конфликтах (на примере Республики Татарстан) // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. 2014. С. 157–162.

3. *Давитадзе М.Д.* Причины возникновения и стадии развития межнациональных конфликтов / Первая международная научно-практическая конференция «Стабилизация ситуации и мирное развитие на Северном Кавказе». М.: Издательство «Пробел», 1999. 154 с.
4. *Дмитриев А.* Введение в общую теорию конфликтов / монография. Москва: Издательство ИНИОН РАН, 1993. 82 с.
5. *Здравомыслов А.Г.* Социология конфликта // Издательство: АО «Аспект-пресс», 1997. С. 90–92.
6. *Иванов А.В.* Деструктивные стратегии в социальных сетях и философия антииммиграционизма // Деятельность правоохранительных органов по противодействию экстремизму и терроризму: материалы всероссийского круглого стола (г. Казань, 30 ноября 2017 г.). Казань: Издательство КЮИ МВД России, 2017. С. 45–47.
7. *Каримова Л.К.* Естественное и механическое движение населения ТАССР в первой половине 1980-х годов (по материалам Национального архива РТ) // Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья. 2018. № 2(5). С. 12–19.
8. *Максимова С.Г., Шерматова С.Н., Омельченко Д.А., Ноянзина О.Е.* Миграционная активность русскоязычного населения и функционирование русского языка в государствах – участниках содружества независимых государств // Society and security insights. 2018. № 3. С. 151–171.
9. Материалы к заседанию совета при президенте Республики Татарстан по межнациональным и межконфессиональным отношениям: мониторинг состояния межнациональных и межконфессиональных отношений в Республике Татарстан 14 декабря 2018 года. URL: http://tatarstan.ru/file/File/Broshura_14_12_2018_3.pdf (Дата обращения: 20.01.2020).
10. Информационный ресурс «БИЗНЕС Online» («Мигранты будут ехать в Татарстан тысячами: жителям некоторых стран даже патент не нужен»). URL: https://www.business-gazeta.ru/article/408050 (Дата обращения: 09.02.2020).
11. Позитивные межнациональные отношения и предупреждение нетерпимости: опыт Татарстана в общероссийском контексте. Монография. Издательство: Нестор-История, 2016. 152 с.
12. Федеральная экспертная сеть «Клуб регионов». URL: http://club-rf.ru/thegrapesofwrath/02/tatarstan.html (Дата обращения: 09.02.2020).
13. *Рязанцев С.В., Боженко В.В.* Миграция в условиях глобализации // Народонаселение. 2010. № 4. С. 70–82.
14. *Сикевич З.В.* Социология и психология межэтнических отношений. М.: Издательство «Смысл». 1999. 54 с.
15. Тимошев Р.М. Право нации на самоопределение и современные межнациональные конфликты // Научно-информационный журнал Армия и общество. 2008. № 3. С. 55–60.
16. *Тишков В.А.* Очерки теории и политики этничности в России. М.: Издательство «Русский мир». 1997. 410 с.
17. Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70184810/ (Дата обращения: 6.02.2020).
18. *Ургалкин Ю.А., Чеджемов Г.А.* Толерантность как фактор гармонизации межэтнических отношений в современной России // Педагогика, психология и социология. 2012. № 2. С. 81–87.
19. *Тишков В.А.* Этничность и религия в современных конфликтах. М.: Издательство «Наука», 2012. 651 с.
20. *Ямсков А.Н.* Этнический конфликт: проблемы дефиниции и типологии / Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. М.: Издательство Московский Центр Карнеги, 1997. С. 206–207.

21. Compendium of Recommendations on International Migration and Development: The United Nations Development Agenda and the Global Commission on International Migration Compared. New York: United Nations, 2006. 130 p.
22. International Migration Policies: Government Views and Priorities 2013. New York: United Nations, 2013. 108 p.

ПРОБЛЕМЫ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ И ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ (НА ПРИМЕРЕ ИССЛЕДОВАНИЙ МОЛОДЕЖИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА)

Соханева И.В.
Северо-Кавказский федеральный университет,
Россия, г. Ставрополь

Аннотация. В статье делается акцент на межнациональные и этноконфессиональные конфликты, возникающие среди молодежи Северного Кавказа. Обосновывается значимость данной проблемы и предпринимаемые пути её разрешения, на основе социологических исследования разных лет.

Ключевые слова: межнациональные конфликты, этноконфессиональные конфликты, Северо-Кавказский федеральный округ, молодежь, социологические исследования.

Северо-Кавказский федеральный округ является единственным округом, в котором русские (и славяне в целом) не составляют подавляющее большинство населения (менее трети). Согласно переписи населения 2010 года на Северном Кавказе проживают 142 народа [1]. Данные факты не могут не отражаться на стабильности взаимоотношений, проживающих на данной территории людей. Чаще всего разногласия основываются на межнациональной и этноконфессиональной почвах. Эти обострения создают реальную угрозу национальной безопасности Российской Федерации, ее территориальной целостности, миру и спокойствию в СКФО и на всем Юге России, в целом.

Многие исследователи в разное время изучали данные конфликты. Ученый В.В. Савченко представляет основные результаты мониторинга состояния этноконфессиональных и межнациональных отношений молодежи, проведенного в 2007–2009 гг. в городе Ставрополе. Согласно результатам исследования, состояние межнациональных отношений является актуальной проблемой и причиной возникновения многих конфликтов для большей части молодых людей. На это указывают более 80 % опрошенных. На серьезность и значимость проблемы межнациональных отношений указывают все группы учащейся молодежи города, независимо от гендерных различий, возраста, религиозной принадлежности и места постоянного жительства. Основным выводом проведенного исследования стала «необходимость повышения эффективности профилактической работы по предотвращению национального экстремизма среди молодежи» [2, с. 124].

Также, существующие конфликты указываются в Стратегии социально-экономического развития СКФО до 2025 года, принятой Правительством Российской Федерации в 2010 году. Подчеркивается, что «современная общественно-политическая и этнополитическая обстановка в Северо-Кавказском федеральном округе характеризуется рядом выраженных негативных социальных тенденций, проявлениями этнополитического и религиозного экстремизма, а также высоким конфликтогенным потенциалом» [3].

За прошедшее десятилетие реализовывалось множество программ, форумов, тренингов, по преодолению межнациональных и этноконфессиональных напряженностей на Северном Кавказе. Для изучения их эффективности и общей картины данной проблемы, в сентябре 2019 было проведено исследование студентов пяти вузов Северо-Кавказского Федерального округа, обучающихся в регионах: Ингушетия, Дагестан, Чечня, Кабардино-

Балкария, Северная Осетия-Алания и Ставропольский край. Исследование проводилось методом анкетного опроса. Всего было опрошено 228 человек.

Первым критерием исследования стало изучение места этноконфессиональных и межнациональных вопросов в рейтинге проблем, беспокоящих молодежь. Сравнительный анализ ответов респондентов на вопрос: «Какие, на Ваш взгляд, самые важные проблемы существуют в нашем регионе СКФО?», свидетельствуют о том, что в списке проблем, имеющихся в Северо-Кавказском Федеральном округе, включающем 16 пунктов, проблемы межнациональных и этноконфессиональных отношений стоят на 14-ом и 15-ом местах, то есть в ряду самых последних. Это говорит о том, что существование данных проблем отмечает лишь малая часть опрошенных, таким образом, наряду с более серьезными, по мнению респондентов, сложностями: рост цен, низкая зарплата, инфляция (68%); безработица (52,2%); коррупция, взяточничество (50%), они становятся незначительными.

Общее состояние межнациональных и межрелигиозных отношений в молодежной среде оценивается опрошенными как нормальное как в локальном учебном заведении, так и в регионе СКФО, в целом.

Следующий вопрос касался особенностей взаимоотношения представителей разных этноконфессиональных групп. Стоит отметить что, для большинства опрошенных студентов допустима личная дружба с представителями других этноконфессиональных групп, а также для многих является нормальным заключение брака с ними. Лишь малая часть респондентов (7%), согласна на проживание с ними в одной стране и ничего больше. То есть, нетерпимость или, возможно, враждебность по отношению к людям других религий все же существует, но мы видим, что процент таких «противников» очень мал.

Ущемление прав является частым случаем проявления нетерпимости разных групп населения друг к другу. Проведенное исследование показало, что из всех участников опроса имеют личный опыт дискриминации по национальному признаку – 15,4%, по полу – 15,4%, по возрасту – 13,6%, по конфессиональной принадлежности – 12,7%. Относительное большинство участников опроса – 16,7% – указали на наличие дискриминационного опыта из-за своих политических взглядов. Наименьший опыт дискриминации был замечен в связи с российским гражданством – 3,1%. Более 80-ти % респондентов не испытывали дискриминации или ущемления прав из-за национальности или вероисповеданию.

По результатам проведенного исследования 53% респондентов указали, что в случае оповещения о межнациональном конфликте встанут сторону того, кто прав, в независимости от его национальности и национальности того, с кем он спорит. 18% респондентов указали, что в любо случае при конфликте данного типа встанут на сторону представителей своей национальности и поддержат их. 20% респондентов указали, что не буду ввязываться в драку ни при каких обстоятельствах. Остальные же респонденты указали на бесполезность данных конфликтов, и на то что в случаи встречи с межнациональной рознью постараются все решить мирным путем.

Таким образом, можно сделать вывод, что проблема межнациональных и этноконфессиональных конфликтов среди молодежи Северного Кавказа действительно существует, но с каждым годом ситуация начинает улучшаться. Необходимо продолжать целенаправленную работу по преодолению нетерпимости, создавая новые виды воздействия на молодое поколение СКФО, а также, что немаловажно, выстраивать социально-политическую стратегию развития России, учитывая поликонфессиональность и многонациональность нашей страны. Ведь именно от этого зависит стабильность отношений между людьми, а значит и безопасность жизни каждого человека независимо от его вероисповедания и нации.

Литература

1. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики «Росстат» (Всероссийская перепись населения – 2010). URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/-perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (Дата обращения: 5.02.2020).

2. *Савченко В.В.* Межнациональные отношения среди молодежи в контексте безопасности Северо-Кавказского региона: проблемы, тенденции, пути решения // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2010. № 12. С. 124–130.
3. Стратегия социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 года (утверждена распоряжением Правительства РФ от 06.09.2010 № 1485-р) // Собрание законодательства РФ. 04.10.2010. № 40.

ЭТНИЧЕСКИЙ ФАКТОР КАК ПОТЕНЦИАЛ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Файзуллин Ф.С.[1], Файзуллин Т.Ф.[2]

[1]*Уфимский Федеральный исследовательский центр РАН*
[2]*Институт Непрерывного Профессионального Образования в Сфере Здравоохранения*
Россия, г. Уфа

Исследование выполнено в рамках государственного задания
№ 075-01211-20-01 ИСЭИ УФИЦ РАН на 2020 г.

Аннотация: В статье определяются сущность и особенности этнического фактора, обладающего большим потенциалом, воздействующим на развитие общества. Раскрывается уникальность этнического фактора, которая находит свое воплощение в материальных ценностях, культуре, религии, традициях, языке, менталитете, в сознании и самосознании народов. Этот феномен в протяжении всей истории был и остается ядром объединения индивидов и мощной силой, которая оказывает существенное влияние на процесс интенсификации развития общества. В условиях трансформации общественных отношений в России этнические сообщества для реализации своих потенциалов получили большие возможности: эмпирические исследования, проведенные в различных национальных республиках и регионах, свидетельствуют о повышении роли этнического фактора на социально-экономические, политико-правовые и духовно-культурные процессы. Указывается на противоречия в области реализации этнического фактора и определяются пути х разрешения.

Ключевые слова: этничность, этнический фактор, этническое сознание и самосознание, этническая общность, суверенность, этническая идентичность, нация, этнический потенциал.

Анализ изучаемой проблемы развития современного общества свидетельствует о возрастании роли этнического фактора в социальных процессах. Это детерминировано такими явлениями как расширение границ этнического бытия в условиях глобализации, повышение взаимозависимости этнических сообществ в мировом пространстве, существующие в обществе социальные различия между этническими сообществами, нарушение прав народов на самоопределение, повышение уровня этнического сознания и самосознания. Роль и значение этого феномена в социальном прогрессе определяет актуальность активизации фундаментальных исследований в этой области. Вместе с тем в отечественной науке сложились различные подходы к пониманию роли этнического составляющего процесса развития общества, использование его потенциала в реализации основных целей социального прогресса. Реализующиеся в обществе сегодняшние трансформационные изменения требуют новых подходов к анализу этнических процессов в стране [1, с. 6–47].

Будучи специфичной, уникальной этничность нашла свое воплощение в материальных и духовных ценностях: культуре, религии, традициях, языке и менталитете, в сознании и самосознании народов. Приверженность людей к своим этническим факторам, культуре, языку и т.п. нельзя трактовать лишь как дань традициям и уважение своих корней, или же лишь как чувство принадлежности к воображаемым сообществам и мифам. Научный анализ даст основание, что этничность есть более сложное и многогранное явление, способ-

ствующие социальному прогрессу общества, явление, обладающее огромным потенциалом развития. Этническая идентичность помогает человеку и этнической группе определить свое место в окружающем социокультурном пространстве, построить систему отношений в условиях межэтнических контактов. Общественная практика свидетельствует о том, что политика стирания, растворения этнического многообразия приводит как к обесцениванию жизни и ослаблению жизненной энергии человека и общества, снижению уровня реализации своего этнического потенциала, в результате которых она неизбежно становится причиной распада государства.

Широкое распространение массовых радикально-национальных движений не случайно весьма остро ставит вопросы, связанные с ролью и местом этничности, и ее важнейшего проявления – этнонационализма как в судьбе полиэтнических стран. Однако, некоторые исследователи, следуя западным образцам конструктивистских и инструменталистских концепций этничности, фактически обосновывают необходимость внедрения жестких интеграционных, универсализирующих идеологий взамен необходимости учета этнокультурного многообразия, коллективных прав и интересов этнических групп. При этом некоторые исследователи утверждают, что этничность, этническое возрождение и этнический национализм есть лишь искусственные конструкты, отражающие устремления определенной части элит [2, с. 64–78]. С этой позицией нельзя согласиться. Безкритичное осмысление указанных подходов к этничности, безотносительно с реальными и объективными процессами и явлениями, во многих случаях, могут оказаться вредными и даже опасными для целостности и гражданского спокойствия государства, соблюдения индивидуальных прав личности и коллективных прав общностей.

Независимо от того, какова культурная ситуация в тот или иной исторический период, процесс приобщения индивидов к своим истокам всегда был и остается незыблемым условием существования самого общества.

На рубеже конца XX и начала XXI веков наглядно показали, что этнические духовные начала значат для индивида гораздо больше, чем его принадлежность к политическим партиям, социальным группам, религии, общественной или другой организации. Такие феномены, как «этничность», «этнический фактор» остаются не псевдореальностью, не архаизмом, не искусственно выдуманной проблемой, а тем ядром, вокруг которого объединялись и объединяются индивиды, и тем мощным фактором, который оказывает существенное влияние на ход исторического развития цивилизации. Доказательством этого является активизация этнических общностей, в современных процессах возросшее этническое сознание и самосознание на личностном и коллективном уровнях. Этничность на новом витке общественного развития стала востребованной членами этнического сообщества. Это свидетельствует о том, что этнические ценности в современном обществе не девальвируются в условиях интеграции государств, а, наоборот, становятся объектом пристального внимания со стороны членов общности, поскольку в них и через них этнос находит в себе новые силы для дальнейшего развития. Современные этносы, ставшие реальной силой и двигателем общественного развития, в новых условиях получили уникальную возможность для реализации своего потенциала. Он проявляется через повышение роли этнического фактора в оказании влияния на социально-экономические, политико-правовые и духовно-культурные процессы в обществе.

Анализ общественной практики дает основание утверждать: роль этнического фактора в развитии общества заключается в том, что он выступает как неформальный регулятор общественных отношений, учитывая не только общее в социальных процессах, но и вынуждая обращать внимание на частные моменты. Этот неформальный регулятор способствует более динамичному развитию не только самих этнических общностей, но и всего общественного организма.

Роль и социально-политическое значение этнического фактора в общесоциальных процессах видится в том, что он помогает конкретизации программ, которые реализовываются государствами, и ведет к социальному прогрессу общности, придавая целенаправленный ха-

рактер общественному развитию, уравновешивая шансы этнических общностей в достижении их целей и реализации интересов. Важным элементом в этой\м плане является и то, что этнический фактор выступает как показатель социальной справедливости, напоминая государству о возможных перекосах в его развитии по отношению к малочисленным общностям. Существенное повышение роли этнического фактора в современных условиях связано с целым рядом причин. Необходимо, прежде всего, назвать такие причины, как повышение уровня этнического сознания и самосознания народов, разрушение узких границ этнического бытия, вовлечение в сферу мирового сообщества ранее «самодостаточных» (т.е. замкнутых, изолированных от широкого общения) этнических общностей, глобализация, социальные различия между этническими сообществами, нарушение прав народов на самоопределение.

Определяя значение этнического фактора, следует подчеркнуть, что влияние его потенциала может быть двояким: либо положительным, либо отрицательным. Положительным в этом процессе является влияние на интенсификацию прогрессивных изменений в развитии общества. Негативным этот фактор становится тогда, когда он мешает социальному прогрессу, способствует формированию конфликтных ситуаций и напряженностей, оказывает содействие установлению уже отживших социально-экономических и политических отношений, ведущих общество к застою и стагнации.

Как одна из форм общественного сознания, этническое сознание отражает постоянно меняющееся общественное бытие, фокусируя, при этом, свое внимание на противоречиях между общественным и этническим развитием. Если государственная система соблюдает относительную пропорциональность в удовлетворении потребностей всех общностей, идет бесконфликтное развитие общественного и этнического сознания, которое остается спокойным к общественным процессам (другими словами, когда государство проводит политику мультикультурализма). Если же происходит нарушение баланса, когда потребности и интересы одной из этнических общностей не удовлетворяются, наблюдаются процессы активизации членов данной общности и рост этнического сознания. Как известно, общественное сознание, являясь выражением взглядов, идей и теорий всего общества, медленнее реагирует на подобные события, этническое же сознание, будучи присущим определенной группе людей, в этом отношении более мобильнее и быстрее выражает свое отношение к таким событиям.

В современном мире существующие противоречия в сфере межэтнических контактов сформировали протестные движения, среди которых можно выделить ряд основных причин. Прежде всего, расширяющиеся процессы интеграции, сопровождающиеся глобализацией экономики, объединением усилий в политической, правовой и социальной сферах со стороны наций-государств, с другой – процессы дифференциации в интересах, идеологии, культуре, сознании и самосознании представителей этнических общностей. Неумение учитывать их в известной мере в этой ситуации специфических черт и свойств культуры, языка, истории, менталитета, психологии малочисленных народов способствовал и постепенному формированию социального протеста, который стал детерминирующим ядром социальных движений.

Малочисленные этнические группы до последнего времени считавшиеся в известной мере лишь этнографическими образованиями, были лишены реальных прав субъектности во всех областях общественной жизни. Однако эти этнические сообщества постепенно стали мощной силой, способной противопоставить себя “большинству” – нации-государству. В таких слоившихся в стране условиях активизировались острые этнические проблемы, которые долгое время требовали своего решения, но отодвигались на второй план. Постепенное вырастание стремления реализовать свои естественные права на существование, самоопределение, создание собственного государства привели к тому, что этнические общности начали осваивать новые формы борьбы. Повышение политических притязаний этносов оказались не только обоснованными, но, и с точки зрения международного права, вполне легитимными, ибо последнее признает за каждым народом право на самоопределение. Когда

происходит разрушение старых идеалов и отсутствует стабильность в общественном развитии, как правило, происходит распад политических систем, повышается ценность этнической идентичности, культуры и этнических общностей в целом. Общественно-политические системы не зависимо основаны они на тоталитарных или на либеральных принципах, в равной степени игнорируют этнические потребности и ценности, в них, как правило, доминируют интересы нации-государства. Присущие различным народам этнические особенности и специфика учитываются в пределах решения лишь определенного круга проблем населения и не имеют широкой социальной и правовой базы для их дальнейшего расширения и развития. В такой обстановке всегда возрастает потребность в реализации естественных прав этносов, соблюдающие их суверенности.

Суверенность - не является прихотью этнической элиты, это многовековая мечта каждого народа, живущего по соседству и тесно связанного с крупными этносами. Крупные по своей численности этносы, как правило, не боятся потери своих качеств, их представители относительно индифферентны к постоянно меняющимся этническим веяниям и изменениям. Что же касается малочисленных этносов, то они вынуждены быть постоянно в состоянии напряжения, поскольку в условиях частых контактов со своими соседями они склонны к частичной утрате своих специфических качеств, уникальных элементов культуры. Поэтому вполне объяснимо, что у таких этнических общностей самосознание находится в состоянии постоянной напряженности и активности.

Реальная суверенность этноса - это своего рода охранная грамота и гарантия для них от ассимиляции и аккультурации, это возможность сохранения самого себя. Активизация этнополитических движений в последние годы - это не случайное выражение инстинкта самосохранения общностей перед лицом реальной опасности исчезновения, В последние десятилетия расширившиеся возможности, пока пусть и чисто теоретические и призрачные, воплощения идеи суверенности для этнических общностей, находящихся в “кризисном” состоянии, дает им исторический шанс снова обрести свое место в обществе, поднять свой социальный статус, догнать другие модернизированные народы. Создаваемые благоприятные условия способствуют возрастанию этнического фактора и его влияния на социальные процессы.

Не вызывает сомнения, что этнический экстремизм, стремление к этнической независимости, этнонационалистические тенденции, сепаратизм и регионализация значительно усложнили общественную ситуацию на мировой арене [2, с. 26–27.]. Во многих странах мира этносоциальные процессы, имеющие тенденцию к дальнейшему развитию, вышли из-под контроля. На рубеже последних двух веков одним из основных тенденцией развития стало политическое давление этнических общностей на функционируемую власть. Сформировавшаяся в новых условиях изменения общественных отношений. Этническая элита почувствовала, что их общности могут стать самостоятельным субъектом социально-политического и культурного развития. Анализ происходящих глобальных процессов уже на начальном этапе формирует мнение о том, что социальный мир как бы разделился на две половины – с одной стороны, обнаруживаются тенденции к объединению, а, с другой стороны, – идет процесс этнической дифференциации.

Вполне естественно, что в такой сложившейся ситуации межэтнические отношения не могут быть пущены на самотек, так как в таком подвешенном состоянии они гораздо опаснее. Это уже стало аксиомой, о чем говорит недавний распад СССР. Неумение делать выводы по совершенным ошибкам, нежелание разобраться в интересах различных этнических групп в решении проблем и полагаться только на силу – этот набор характерен для тоталитарного режима, а не для демократического государства.

Проводимая в обществе политика должна быть направлена на то, чтобы этнический потенциал и учитывать интересы этнических сообществ этнический фактор способствовал конкретизации тех программ, которые осуществляются в государстве. Она должна привести к социальному прогрессу общности, снятию напряженностей, достижению целей и реализации интересов всех сосуществующих этнических групп. Об этом неоднократно го-

ворит в своих выступлений президент нашей страны В.В. Путин. При этом следует особо отметить необходимость разработки программ развития различных этносов на уровне субъектов Российской Федерации. Это необходимо еще потому что проблемы развития и функционирования национально этнических групп имеет свои особенности в зависимости от того в том или ином регионе этнос является титульным или же диаспорой.

Литература

1. *Здравомыслов А.Г.* Релятивистская теория нации // Свободная мысль. 1999. № 1. 531 с.
2. *Файзуллин Ф.С.* Социальная справедливость и пути её реализации в национальной политике. М.: Издательство «Гилем», 2011. 258 с.

СЕКЦИЯ «РЕЛИГИЯ И РЕЛИГИОЗНОЕ СОЗНАНИЕ: ИННОВАЦИИ РЕЛИГИОЗНОГО ПОЛЯ И ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ РЕЛИГИИ»

ПРОБЛЕМА ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА В КАЗАХСТАНЕ

Абдулаева А.А.
НАО Казахстанский институт общественного развития «Рухани жаңғыру»
Казахстан, г. Нур-Султан

Аннотация: В современном мире наблюдается рост религиозного радикализма и религиозно-политического экстремизма как угрозы безопасности на национальном и государственном уровне. Важнейшей проблемой для большинства современных стран стало распространение радикальной религиозной идеологии среди разных групп населения, особенно в молодежной среде. Молодые люди, усвоившие радикальную идеологию и рекрутированные в экстремистские религиозные организации, совершают теракты с человеческими жертвами.

Ключевые слова: Экстремизм, терроризм, религия.

Президент Республики Казахстан Токаев Касым-Жомарт Кемелович отметил: «усилия, исключающие гуманистические начала Ислама, отказывающиеся от традиций мира, религиозной толерантности, часто выходят на передовой план. В то же время, на пути к терроризму и экстремизму радикальные группы, пропагандирующие идеи джихадизма, превратились в серьезную политическую силу. Они забывают о том, что мусульмане давно были открыты для диалога с заинтересованными людьми и никому не наносят вреда. Они подталкивают исламский мир на путь локализации и отставания». Террористические и экстремистские акты не только обрезали несколько тысяч человеческих жизней, но и привели к тому, что люди сидят за решеткой. Но не стоит забывать, что это человек, совершающий эти преступления. В этой связи, в соответствии с Законом Республики Казахстан «О религиозной деятельности и религиозных объединениях», «О религиозной деятельности и религиозных объединениях», «О религиозной деятельности и религиозных объединениях», «О религиозной деятельности и религиозных объединениях», «О религиозной деятельности и религиозных объединениях», «О религиозной деятельности и религиозных объединениях» и др. Однако в последнее время появляются различные организации и группы, под видом религии. Они напрямую понимают тексты, написанные в священных книгах, и способствуют появлению в сознании человека ошибочного мнения.

Глобальный индекс терроризма *(Global Terrorism Index)* измеряет уровень террористической активности внутри определенной страны по четырем основным показателям. Это количество террористических инцидентов, количество погибших, количество пострадавших и уровень материального ущерба. В 2019 году исследование охватило 138 государств. Из них 1 место занимает Афганистан (9.60), а Республика Казахстан (1.57) – 85 место. Это означает, что в стране достаточно низкая активность террористических и экстремистских организаций. Однако нельзя не оценивать риск терроризма и не опровергать его. Но не следует преувеличивать терроризм и вызывать резонанс в обществе. Потому что любые теракты, прежде всего, развиваются быстрым распространением информации.

Очень важным вопросом является вопрос о позиции населения в борьбе с экстремизмом и терроризмом. Большинство респондентов выбрали позицию участия в той или иной форме в данной борьбе: 64,8% выбрали вариант ответа «Сообщать

в правоохранительные органы о возможных террористических актах и подозрительных гражданах»; 21,1% указали «Участвовать в акциях протеста против проявлений экстремизма и терроризма»; 15,7% респондентов отметили «Оказывать моральную и материальную поддержку жертвам террористических актов»; 12,4% – «Оказывать финансовую поддержку государству в борьбе с терроризмом и экстремизмом». 21,9% опрошенных заняли позицию невмешательства.

В целом, основная ответственность за борьбу с религиозным экстремизмом и терроризмом возлагается на правоохранительные органы. Ни один респондент не написал своих предложений в графе «Другое», не проявил инициативы, что говорит, что граждане не знают методов противостояния данной угрозе и рассчитывают в основном на силовые структуры *(по результатам «Проблема религиозного радикализма и как ему противодействовать», НИЦ «Молодежь», 2019 г.).*

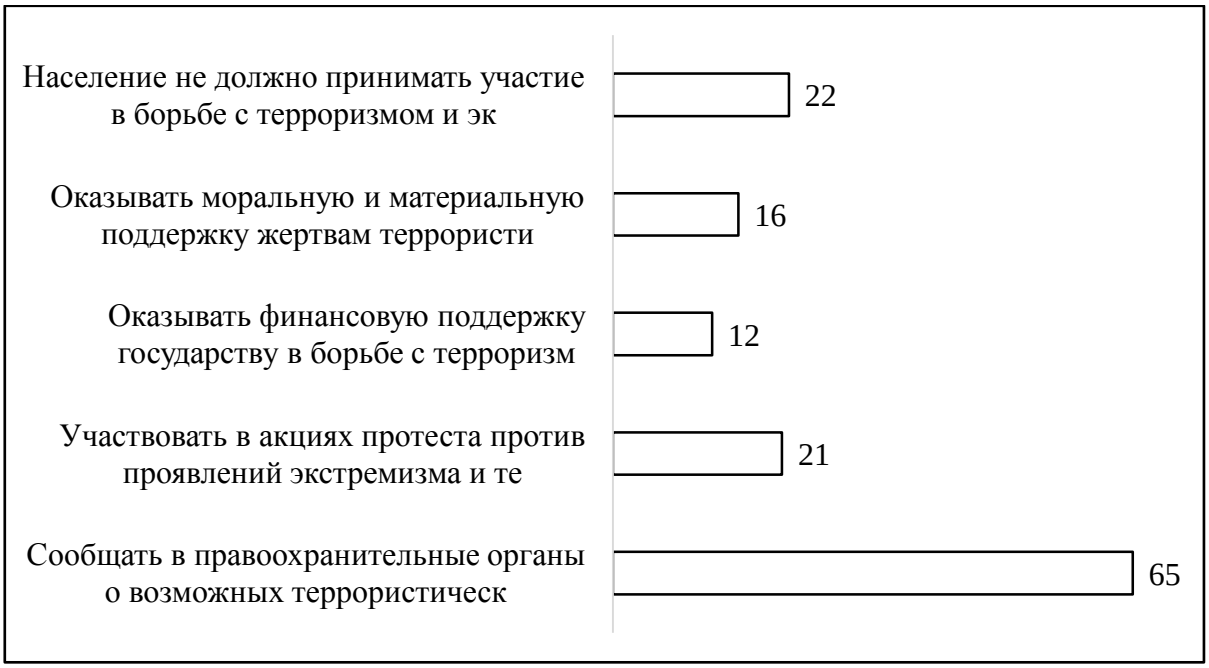


Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Какую позицию должно занимать население в борьбе с религиозным терроризмом и экстремизмом?», %

Кроме того, большинство совершающих террористические акты являются религиозной неграмотностью. Человек в поисках духовной пищей будет препятствовать поток отрицательной последователями, которые под именем религии. Нерешенными вопросов, которые возбудили в обществе, хочет показать себя в качестве защитного. Книг религиозного содержания, а в данном случае аудио и видео материалы, ведет их через полностью. Но, к сожалению, среди нас есть и те, кто не знает, что такое ислам. Однако негативные течения используют религию только в качестве инструмента.

В последнее время мы часто слышим об участии граждан Казахстана в террористических актах не только внутри страны, но и в иностранных государствах. Конечно, это не радует. В исламе говорится, что»убийство одного человека равно убийству всего человечества". Жизнь человека является самой благородной сокровищницей. Это и в первой статье Основного Закона.

Государство борется с радикальными группами, а не с религиями или без религии. Кроме того, принята и реализуется государственная программа по противодействию религиозному экстремизму и терроризму в Республике Казахстан на 2018–2022 годы. При этом необходимо отметить работу Комитета национальной безопасности, правоохранительных органов и местных исполнительных органов. Согласно последним

статистическим данным, представленным на официальном сайте Антитеррористического центра Республики Казахстан, всего за преступления, связанные с терроризмом и религиозным экстремизмом в стране осуждено 140 человек. Это показатель только за последний год.

Литература:

1. Проблема религиозного радикализма и как ему противодействовать. Нур-Султан: НИЦ «Молодежь», 2019. 113 с.

РЕЛИГИЯ В ПОВЕДЕНЧЕСКИХ УСТАНОВКАХ КАЗАХСТАНЦЕВ

Калдыбаева О.В.
Казахстанский институт общественного развития «Рухани жаңғыру»
Казахстан, г. Нур-Султан

Аннотация. Статья посвящена обзору религиозной ситуации в современном Казахстане. Представлены результаты социологических исследований, проведенных в Казахстане в 2019 году. Рассматриваются основные индикаторы религиозности населения: доля верующих в структуре населения, факторы религиозного выбора, потребность в религиозной литературе, интенсивность в исполнении религиозных обрядов, практика посещения храма, оценка населением состояния межрелигиозных отношений. Данные социологических исследований анализируются в разрезе конфессиональной принадлежности, возраста и этноса респондентов.

Ключевые слова: религия, Казахстан, религиозность, религиозное сознание, религиозное поведение, Ислам, Православие.

Религиозная ситуация в современном Казахстане характеризуется возрастанием роли религиозного фактора, когда религия начинает играть все большую роль в повседневной жизни казахстанцев, определяя векторы развития всего общества. Заинтересованность религией, следование религиозным обрядам (в частности, посещение храма и соблюдение поста), ношение религиозной атрибутики (в том числе, хиджаба), предпочтение халяльной продукции становятся частью поведенческих установок значительной части казахстанцев. Зачастую подобное поведение приветствуется, становится модным, что в свою очередь влечет за собой еще больший рост религиозности. Вместе с тем следует отметить, что молодежь страны в среднем более секулярна, чем другие возрастные группы. В среднем, разница между долей верующих среди молодежи и среди населения в общем может достигать 15%.

При этом заметим, что несмотря на тот факт, что достаточно затруднительно сравнивать интенсивность религиозной жизни представителей разных религиозных конфессий (ислама и христианства), тем не менее очевидно, что религиозность мусульман в стране выражена намного больше, чем других религиозных течений. Усиление в Казахстане религиозного фактора в первую очередь касается ислама (и зачастую только его).

Численность верующего населения.

Если говорить о численности верующих той или иной религиозной конфессии, то возможны два подхода к ее подсчету. Первый, наиболее распространенный – этнический принцип. Второй – принцип самоопределения, здесь нам могут помочь данные социологических исследований.

Коротко остановимся на первом принципе. Население Республики Казахстан этнически достаточно разнообразно. На 1 января 2019 года численность населения Казахстана насчитывает 18 395 567 человек. В настоящее время в стране проживают представители более 130 национальностей. В пятерку наиболее многочисленных входят: казахи (около 68%), русские (19,3%), узбеки (3,2%), украинцы (1,5%), уйгуры (1,4%). Татары занимают по численности

шестое место – 201 492 человека, что составляет 1,1%. Другие этносы, соответственно, насчитывают в сумме 3,5%.

Мы видим, что доминирующей по численности религиозной конфессией является ислам, который традиционно исповедуют казахи, узбеки, уйгуры, татары, азербайджанцы, чеченцы и другие этносы. Судя по этническому распределению, мусульман в стране насчитывается более 75%. Если суммировать количество русских (19,3%), украинцев (1,5%) и белорусов (0,29%), то мы получаем чуть больше 21% потенциальных приверженцев Русской Православной церкви.

Идентификация себя с верующими.

Если обратиться ко второму принципу (принципу самоопределения), то приведу данные социологического исследования, проведенного в 2019 году КИОР [1]. Согласно им, большинство населения страны являются верующими людьми (83%). По-прежнему, двумя основными по численности конфессиями, судя по данным репрезентативного опроса в 1200 человек, остаются ислам ханафитского мазхаба и православное христианство – 81,3% и 16,8%, соответственно. 10,1% определили себя как неверующие, не определившихся с мировоззренческим выбором – 6,9%.

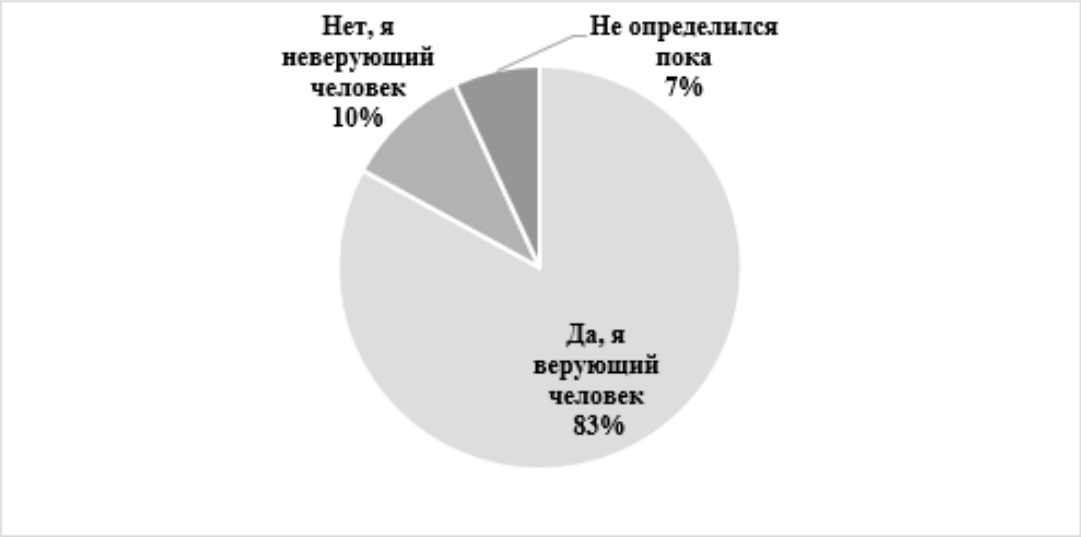


Рис. 1. Распределение ответов на вопрос:
«Считаете ли Вы себя верующим человеком?», все население, %

Доля верующих выше среди казахов (87,1%), среди русских она составила 68,3%, среди других этносов (помимо казахов и русских) – 73,6%. Неверующих людей, исходя из опроса, больше среди русских – 21,2%, среди других этносов – 13,9%, среди казахов наименьший процент неверующих – 7,3%. Также среди русских и представителей других этносов (не казахов) выше, чем у казахского этноса (5,7%), доля не определившихся с религией – 10,6% (русские), 12,5% (другие этносы).

Среди респондентов, определивших себя как верующих людей, незначительно больше женщин – 84,9%, тогда как мужчин 80,8%. Среди неверующих, соответственно, больше мужчин – 12,5 %, меньше женщин – 8,0%. Кроме того, среди мусульман больше мужчин – 83,6%, женщин-мусульманок – 79,4%. Верующие православного вероисповедания традиционно включают, наоборот, больше женщин – 18,6%, а мужчин – 14,5%.

Факторы религиозного выбора.

Большинство верующих являются этническими верующими, поскольку придерживаются своих религиозных взглядов с детства (с рождения, сколько себя помнят) и считают религиозные традиции частью этнической идентичности. Этнические верующие составляют

большинство во всех возрастных категориях. В сознательном возрасте выбрали религию 13,8%.

Большинство респондентов (69,6%) указали на ближайшее социальное окружение (родственники, друзья, соседи) как приоритетный фактор, повлиявший на их мировоззренческий выбор, в частности, принятие религиозных убеждений или отказ от них. 17,5% опрошенных указали на влияние общения с религиозными служителями, 16,6% выбрали изучение специальной литературы и Интернет-ресурсов. 15,5% указали на важное событие в жизни. Мы видим, что, несмотря на растущую роль Интернета в жизни людей, на сегодняшний день среди доминирующих факторов, влияющих на религиозный выбор, преобладают социальные факторы – межличностное общение с ближайшим окружением и беседы с религиозными служителями и проповедниками.

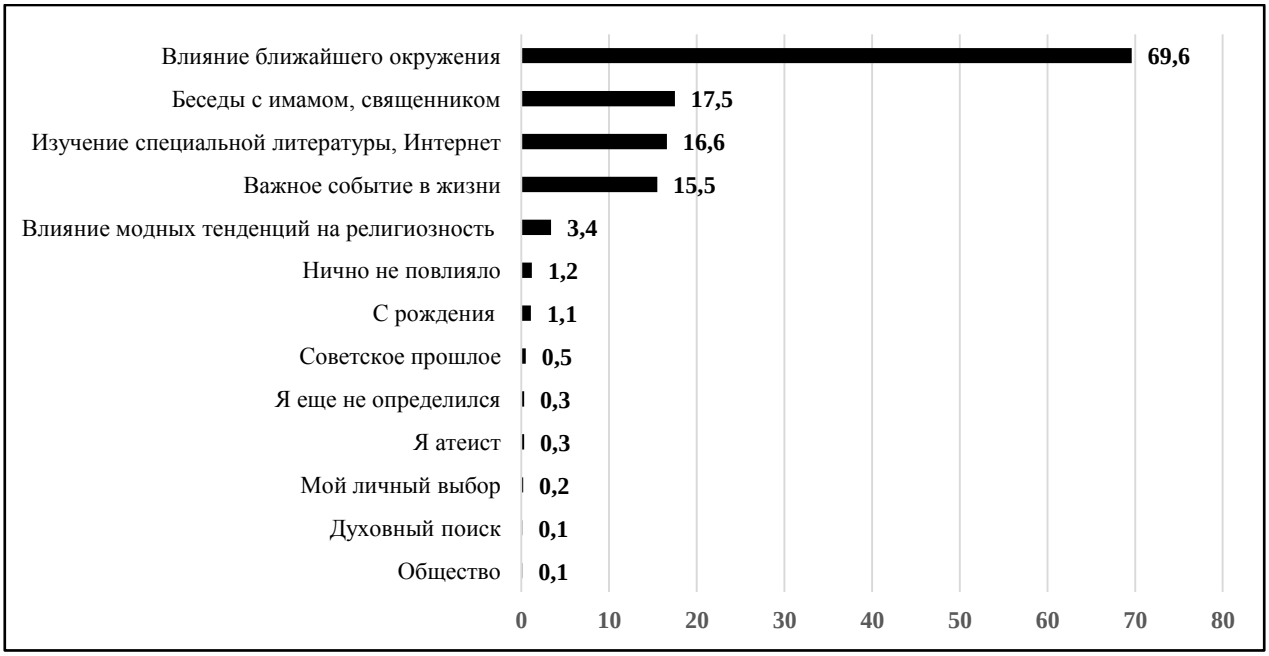


Рис. 2. Распределение ответов на вопрос:
«Скажите, пожалуйста, кто или что в большей степени повлияло на Ваши религиозные убеждения, на Ваш выбор – быть верующим или неверующим?», все население, %

Потребность в изучении религиозной литературы.

Согласно данным социологических исследований, потребность в получении знаний о религиях испытывают только 50,4%, острую потребность в получении знаний о религиях испытывают 19,2%, вариант ответа «Интересно было бы ознакомиться с историей различных религий, но острой потребности в получении такой информации я не испытываю» выбрали 31,2% опрошенных. Остальные респонденты, а их в совокупности 49,7% не считают нужным изучать религии. Среди них, тех, кто считает, что не нужно изучать историю религий, но не против изучения ее другими гражданами 38,2%. Доля респондентов, кто вообще против изучения религий в светском государстве, составила 11,5%.

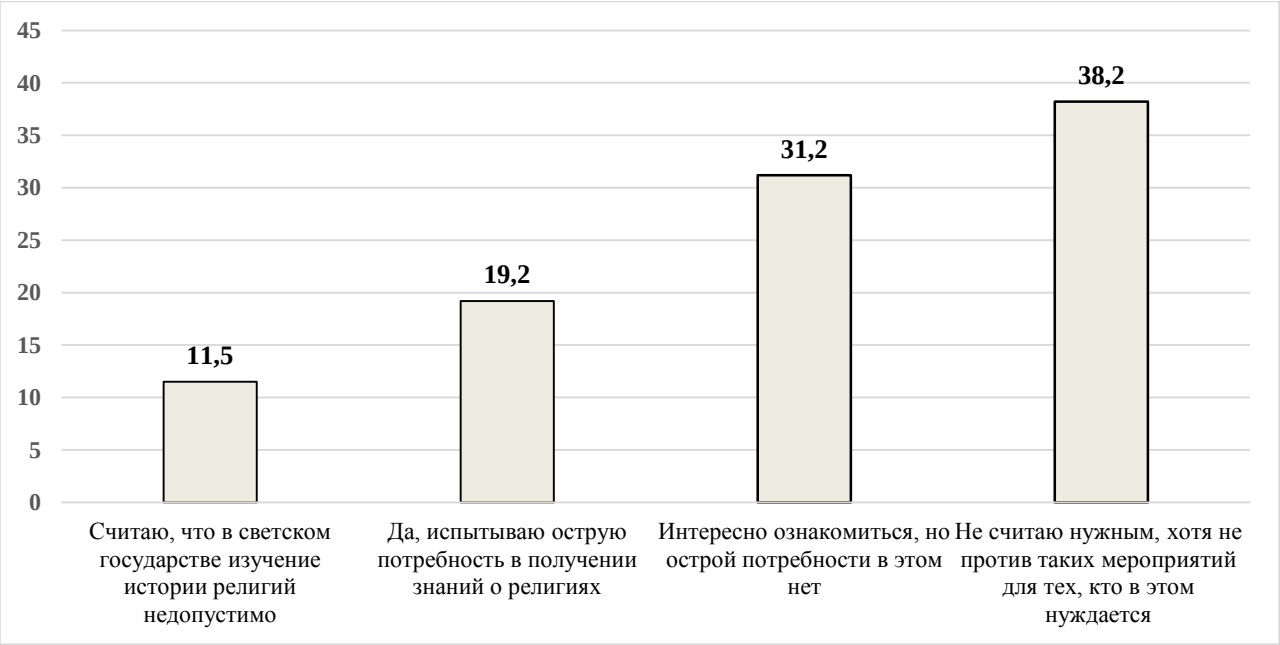


Рис. 3. Распределение ответов на вопрос: «Испытываете ли Вы потребность в ознакомлении с историей религий, основами различных вероучений?», все население, %

Среди казахов больше процент тех, кто испытывает потребность в получении знаний о религиях, и тех, кого интересует история различных религий – 22,5% и 32,2% соответственно. Среди представителей русского этноса всего 7,2% тех, кто испытывает острую потребность в знании религий и 26,0% – тех, кому было бы интересно изучать историю разных религий. В то же время 55,3% русских и 44,4% других этносов выбрали ответ «Не считаю нужным изучать историю религий, хотя не против организации соответствующих мероприятий для тех, кто в этом нуждается».

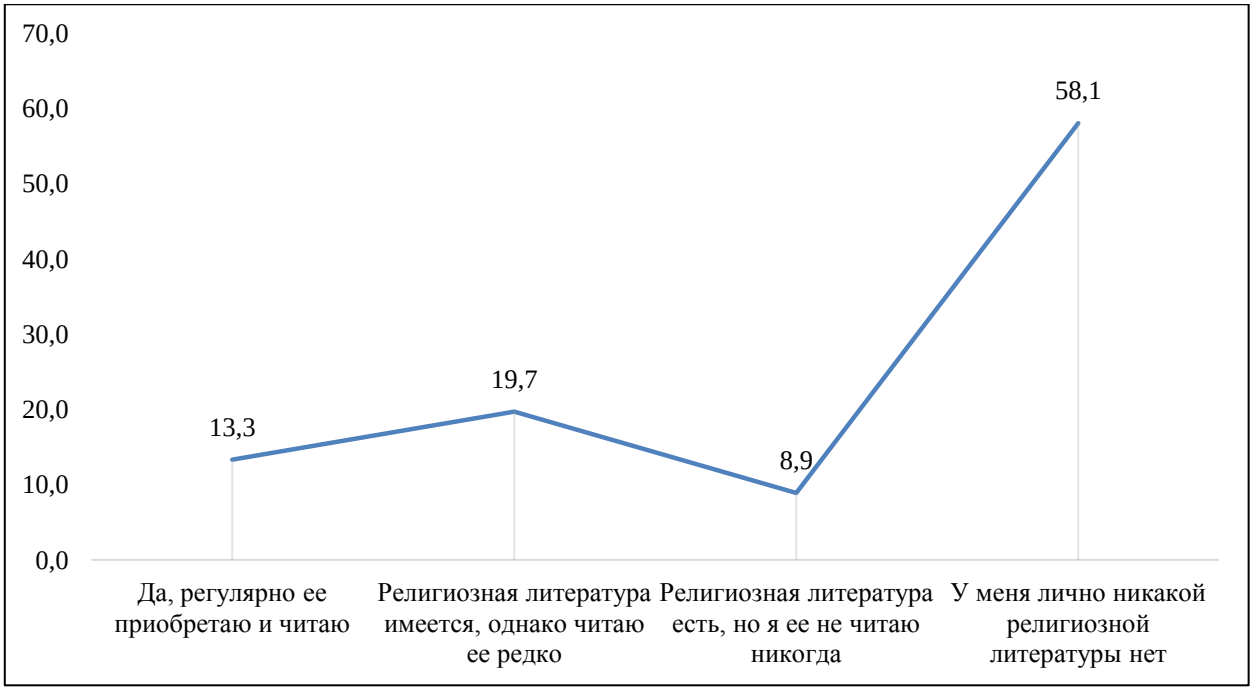


Рис. 4. Распределение ответов на вопрос: «Имеется ли лично у Вас религиозная литература?», все население, %

Исследование выявило значительное количество тех, кто вообще не читает религиозную литературу (67% в сумме ответов «У меня нет никакой религиозной литературы» – 58,1% и «Религиозная литература есть, но я ее не читаю никогда» - 8,9%). Среди молодежи данное количество составило 63,8%. Очень редко религиозную литературу читают 19,7% населения, 13,3% населения регулярно читает религиозную литературу.

Исполнение религиозных обрядов.

Результаты социологических опросов показывают, что 83,6% казахстанцев в той или иной мере исполняют религиозные обряды. Данный показатель коррелирует с долей опрошенных, назвавших себя верующими (таковых 83%). Данный суммарный показатель включает в себя тех, кто полностью исполняет религиозные обряды (четвертая часть всех опрошенных) и тех, кто исполняет их частично (58,6%).

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос:
«Исполняете ли Вы обряды и традиции Вашей религии?», все население, %

Анализ корреляций в разрезе этноса фиксирует различия интенсивности в исполнении обрядов у представителей разных этносов. Так, среди казахов выше процент тех, кто заявил, что исполняет все религиозные обряды и предписания (29,8%), среди русского населения таких людей в 4 раза меньше – всего 7,2%. Среди других этносов (помимо казахов и русских) данный показатель составляет 15,5%.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Исполняете ли Вы обряды
и традиции Вашей религии?», все население в разрезе этноса, %

Варианты ответов	**Казах**	**Русский**	**Другие**
Полностью исполняю	**29,8**	**7,2**	**15,5**
Исполняю частично	56,9	64,4	62,0
Не исполняю	13,3	28,4	22,5

Обратимся более подробно к анализу таких поведенческих практик как частота посещаемости храма (мечети, церкви) и соблюдение постов.

Практика посещения храма наряду с исполнением религиозных обрядов является наиболее распространенной в разных религиях. При этом достаточно трудно сконструировать универсальную шкалу ответов на вопрос: «Как часто Вы посещаете храм?», которая по-

дойдет верующим разных религиозных конфессий, поскольку требования к частоте посещения мечети либо церкви разные. Несмотря на это, предложенная в нашем социологическом исследовании шкала позволяет сделать определенные выводы о распространенности практики посещения храма среди казахстанцев. Согласно полученным данным, только каждый пятый казахстанец (17,6%) регулярно посещает богослужения (1 и более раз в неделю).

Казахи чаще других посещают храм – 21,5% респондентов один раз в неделю и чаще ходят в мечеть, тогда как среди русских часто посещающих церковь всего 3,8%, среди других этносов – 6,9%.

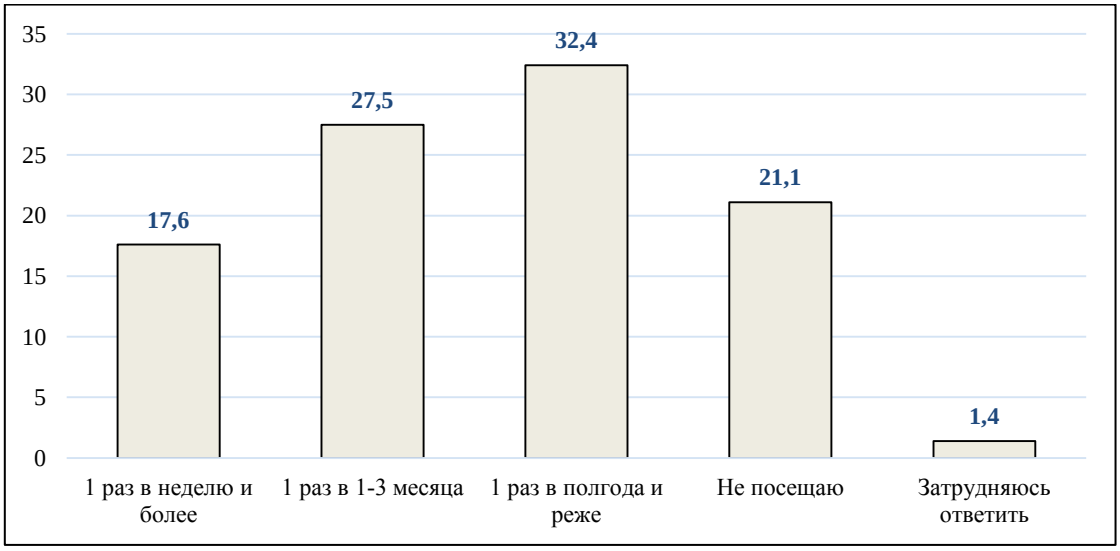


Рис. 6. Распределение ответов на вопрос: «Как часто Вы посещаете религиозные учреждения (мечеть, церковь, синагогу, прочее)?», все население, %

По данным социологического исследования «О ситуации и проблемах в мусульманской умме, в том числе в деятельности Духовного управления мусульман Казахстана», проведенного в 2019 году среди мусульман Казахстана [2], 16,9% опрошенных посещают мечеть еженедельно. Следует отметить, что в данном исследовании опрашивались только те граждане Казахстана, которые считают себя мусульманами.

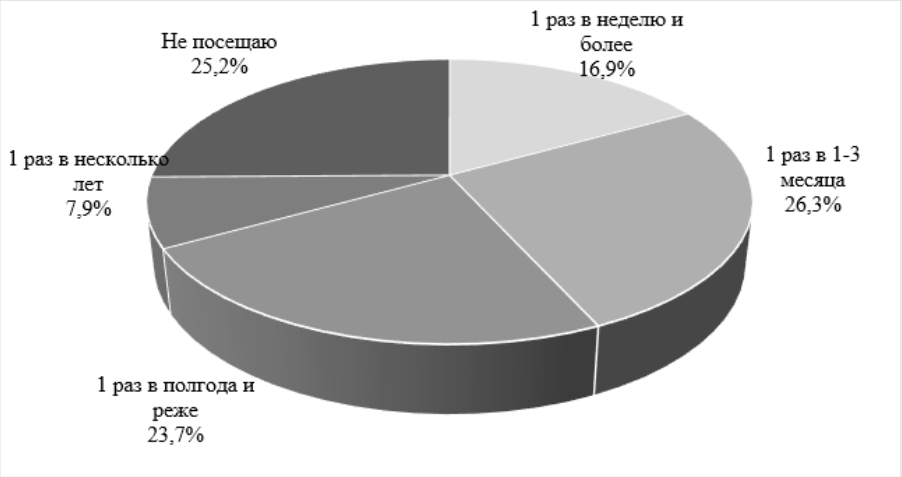


Рис. 7. Распределение ответов на вопрос: «Как часто Вы посещаете мечеть?», только мусульмане, %

Среди мотивов посещения мечети доминирует осознание требования выполнения религиозных обрядов (45,2%), далее идет духовная потребность (42,3%), на третьем месте – познавательный интерес (6%), на четвертом – встреча с имамом (3,9%), на пятом – потребность в общении с друзьями (1,1%).

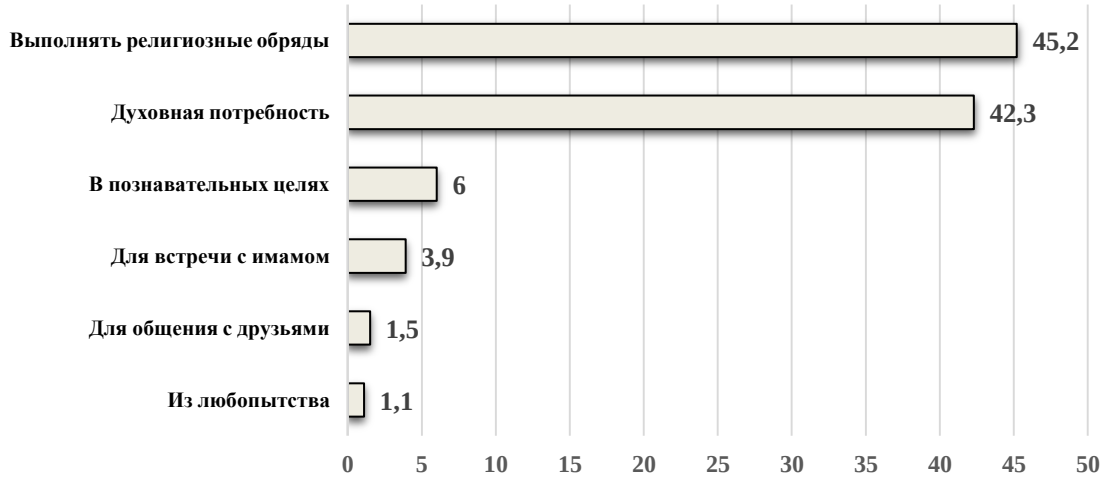


Рис. 8. Распределение ответов на вопрос: «С какой целью в первую очередь Вы посещаете мечеть?», только мусульмане, %

Что касается практики соблюдения религиозного поста, то данное требование, также как и практика посещения храма, наиболее интенсивна в мусульманской среде. Если по выборке в целом 60% населения в той или иной степени соблюдают религиозный пост (в сумме тех, кто обязательно соблюдает пост, и тех, кто стремится, хотя получается не всегда), то среди казахов данный показатель достигает 68,2% (обязательно – 28,7% плюс те, кто старается, – 39,5%). Среди русских суммарный показатель соблюдающих в той или иной степени религиозный пост равен 29,3% (обязательно – 2,4% плюс те, кто старается держать пост, - 26,9%), что более чем в два раза ниже показателя среди казахов. Среди других этносов страны (помимо казахов и русских) данный показатель равен 42,3% (12,7% и 29,6% соответственно).

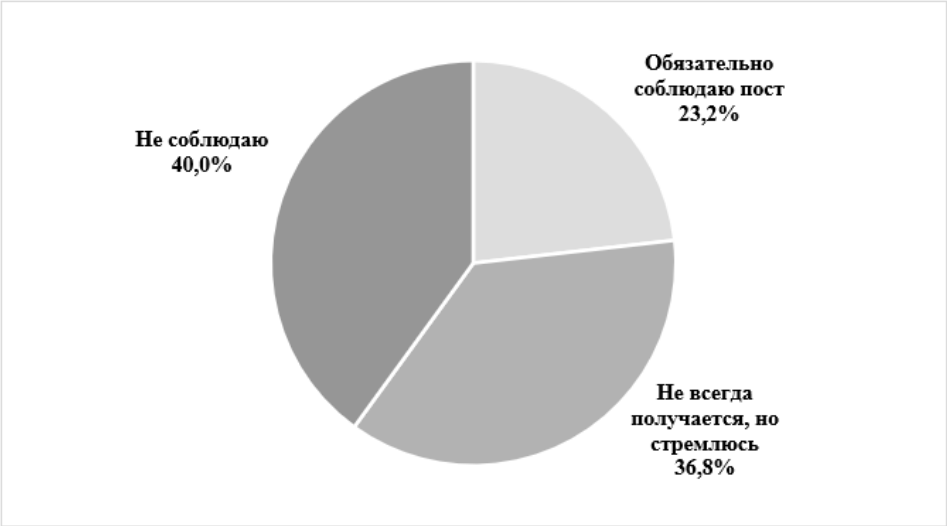


Рис. 9. Распределение ответов на вопрос: «Соблюдаете ли Вы положенный пост – период ограничения в приеме пищи?», все население, %

Мы видим, что наибольшее количество по трем сравниваемым этническим группам тех, кто не соблюдает религиозного поста, насчитывается среди русских (70,7%), наименьшее – среди казахов (31,8%).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Соблюдаете ли Вы положенный пост – период ограничения в приеме пищи?», в разрезе этничности, %

Варианты ответов	Казах	Русский	Другие
Обязательно, соблюдаю каждый пост	28,7	2,4	12,7
Не всегда получается, но стремлюсь	39,5	26,9	29,6
Не соблюдаю	31,8	**70,7**	57,7

Данные социологического исследования показывают, что практически все верующие, относящиеся к разным религиозным конфессиям, и часть неверующих участвуют в религиозных обрядах жизненного цикла, посвященных важным событиям жизни: рождение ребенка (82,9%), свадьба (81,1%), похороны (91,8%). Также подавляющее большинство отмечает главные религиозные праздники своей религии (Курбан-айт или Пасха). Это еще раз подтверждает тезис о том, что подавляющее большинство верующих являются этническими верующими, от рождения, по традиции, следующими религиозным обрядам. Среди неверующих также есть люди, которые следуют религиозным обрядам по семейной традиции, воспринимая религию не как вероисповедание, а как культурную традицию.

В анкете исследования, проведенного только среди мусульман Казахстана, респондентам предлагалось из списка религиозных обрядов выбрать те, которые выполняются в их семье. Можно было выбрать любое количество ответов. Результаты показывают, что основная обрядовая жизнь мусульман связана с событиями семейного цикла – смертью и рождением человека, бракосочетанием. Для значительной части мусульман важны религиозные праздники – Курбан айт и Ораза айт, которые стали частью этнической идентичности казахов. Такой важный религиозный обряд как намаз, является повседневной практикой менее чем для каждого четвертого мусульманина.

Рис. 10. Распределение ответов на вопрос: «Какие религиозные обряды выполняются в Вашей семье?», только мусульмане, %

В ходе опроса мусульман один из вопросов анкеты касался трудностей, которые возникают у них при общении с имамом в мечети. Четверть опрошенных заявила, что никогда не обращались к имаму. Среди обращавшихся к имаму подавляющее большинство опрошенных мусульман (63,3%) в общении с имамом не испытывает никаких трудностей. Ни один из предложенных в анкете вариантов ответа с описанием возможных трудностей не набрал более 4,5% голосов. Из отмеченных чаще всего встречались языковые трудности (речь в данном случае идет о том, что подавляющая часть имамов говорит на казахском языке, тогда как не все казахи им владеют в совершенстве), трудности в общении с имамом женщин, трудности попасть к имаму и другие.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос:
«Какие трудности у Вас возникали при общении с имамом в мечети?», только мусульмане, %

	Трудности в общении с имамом	**%**
1	Нет никаких трудностей	63,3
2	Никогда не обращался к имаму	25,2
3	Языковой барьер	4,4
4	Женщинам сложно общаться с имамом	4,3
5	Трудность к нему попасть	3,7
6	Сложность терминов	3,3
7	Неудобный график приема	2,1
8	Высокомерие имама	1,6
9	Некомпетентность имама	1,5
10	Отсутствие желания у имама идти на контакт	1,2
11	Я не хожу в мечеть	0,3
12	Не обращался с имамом	0,2

Оценка населением состояния межрелигиозных отношений.

Согласно Закону Республики Казахстан «О религиозной деятельности и религиозных объединениях» (от 11 октября 2011 года), Республика Казахстан утверждает себя демократическим, светским государством, подтверждает право каждого на свободу совести, гарантирует равноправие каждого независимо от его религиозного убеждения, признает историческую роль ислама ханафитского направления и православного христианства в развитии культуры и духовной жизни народа, уважает другие религии, сочетающиеся с духовным наследием народа Казахстана, признает важность межконфессионального согласия, религиозной толерантности и уважения религиозных убеждений граждан [3].

Согласно данным социологического исследования, религиозная ситуация в стране на современном этапе воспринимается большинством населения как достаточно стабильная. Большинство респондентов оценивает отношения между представителями двух самых многочисленных религий в Казахстане – исламом и православием – как «благоприятные или дружеские» (39%) или «спокойные, бесконфликтные» (36,5%), что в сумме дает 75,5%. Практически каждый пятый казахстанец (19,5%) воспринимает данные отношения как «нейтральные, но без особой симпатии».

Представители русского этноса – православные – более высоко оценивают отношения между мусульманами и православными в стране, чем казахи. Как «Благоприятные, дружеские» указанные отношения оценили 44,2% русских и 38,3% казахов, 32,9% – других этносов. Как «спокойные, бесконфликтные, никто не вмешивается в дела друг друга» охарактеризовали их 40,4% русских, 35,3% – казахов, 41,4% – других этносов.

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос:
«Как бы Вы оценили взаимоотношения между мусульманской и православной (христианской) общинами в Казахстане?», все население в разрезе этничности, %

Варианты ответов	**Казахи**	**Русские**	**Другие**
Благоприятные, дружеские	38,3	44,2	32,9
Спокойные, бесконфликтные, никто не вмешивается в дела друг друга	35,3	40,4	41,4
Нейтральные, но без особой симпатии	21,4	11,5	17,1
Напряженные, этносы стараются держаться друг от друга на дистанции	2,7	1,0	2,9
В состоянии открытого или скрытого конфликта	2,3	2,9	5,7

Опрошенные респонденты разной этнической и религиозной принадлежности высоко оценили уровень обеспечения свободы вероисповедания в Казахстане – 92,4% не сталкивались с ущемлением своих прав по религиозным мотивам. Открыто или скрыто сталкивались с дискриминацией по религиозным мотивам 7,6% опрошенных.

Отношение населения к определенным религиозным конфессиям.

Судя по данным социологического исследования, отношение респондентов к двум самым многочисленным конфессиям - исламу ханафитского мазхаба и православию – в целом является позитивным.

Доля опрошенных, положительно относящихся к исламу ханафитского мазхаба, достигает 64,4% (в сумме ответов «Скорее положительно» - 26,3% и «Положительно» 38,1%). Суммарный показатель по отношению к Русско-православной церкви равен 47% (29,2% плюс 17,8%, соответственно). Если суммировать ответы «Крайне негативно» и «Настороженно», то мы видим, что данный показатель по отношению к РПЦ превышает соответствующий показатель по отношению к исламу ханафитского мазхаба более чем на 8% (20,4% и 12,3% соответственно).

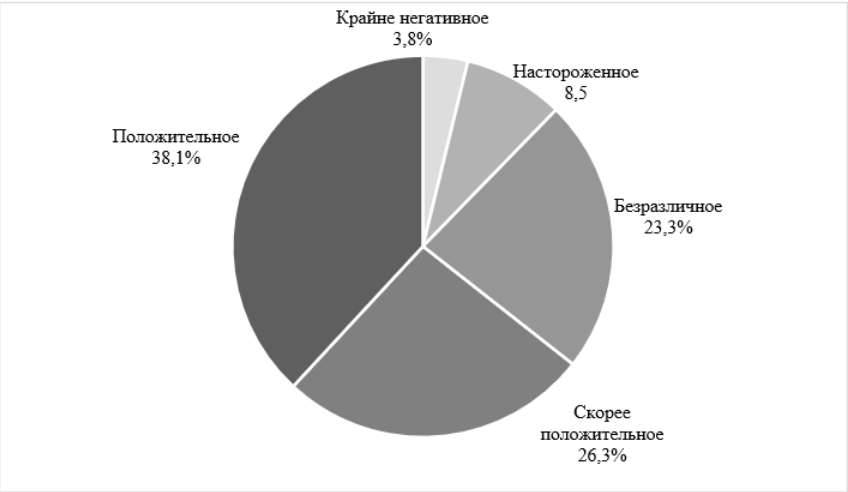


Рис. 11. Распределение ответов на вопрос: «Каково Ваше отношение к перечисленным религиозным конфессиям? Ислам ханафитского мазхаба?», все население, %

64,4% – значительный процент поддержки, но в то же время свидетельствующий о необходимости дальнейшей работы мусульманского духовенства с населением. Интересным фактом является то, что к исламу ханафитского мазхаба «Положительно» и «Скорее положительно» относятся 76,4% представителей других этносов (не казахов и не русских), это больше процент, чем у казахского этноса (64,4%), среди русских позитивное отношение к исламу ханафитского мазхаба у 59,6%.

Рис. 12. Распределение ответов на вопрос: «Каково Ваше отношение к перечисленным религиозным конфессиям? Русское православие?», все население

Если обратить внимание на корреляции в разрезе этноса, то мы видим, что наиболее положительное отношение к РПЦ фиксируется среди русского населения Казахстана. Суммарный показатель по ответам «Положительное» и «Скорее положительное» на данный вопрос среди русских достигает 78,9%, тогда как среди казахов он ниже в два раза и составляет 37,8%.

В рамках исследования по мусульманам [2] респондентов просили выделить главные проблемы ислама в Казахстане. 40% опрошенных высказались, что проблем нет. Рейтинг выделенных главных проблем ислама, по мнению мусульман страны, представлен в таблице.

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос:
«В чем Вы видите главные проблемы ислама в Казахстане?», только мусульмане, %

	Проблемы ислама в Казахстане	**%**
1	Нет проблем	40,0
2	Низкий уровень религиозной грамотности населения	33,1
3	Появление и распространение радикальных идей	15,9
4	Коррупция	13,1
5	Ограничение ислама в законодательстве	11,4
6	Низкая компетентность имамов	11,0
7	Несоблюдение мусульманами столпов ислама	9,7
8	Нехватка мечетей	9,6
9	Запрет на хиджаб в учебных заведениях	7,7
10	Нетерпимое отношение мусульман к другим религиям	3,3
11	Нетерпимое отношение к исламу со стороны других религий	3,0

Основные выводы:

1. В целом большинство населения страны (83%) называют себя верующими людьми. По-прежнему двумя основными по численности конфессиями остаются ислам ханафитского мазхаба (около 80%) и православное христианство (около 15%).

2. В составе верующих людей преобладают этнические верующие, соответственно доминирующей остается этнорелигиозная идентификация людей. Около 25% населения обозначили себя как исполняющих все предписания религии, то есть данная категория является глубоко вовлеченной в религию. Анализ критериев уровня религиозности (частота посещений храмов, соблюдение постов, совершение религиозных обрядов) показало, что фактически глубоко вовлеченных в религию людей около 20%. При этом доля таковых среди молодежи гораздо меньше и не превышает 10%.

3. Среди верующих больше представителей титульного этноса - казахов, которые более глубоко вовлечены в религиозные практики по сравнению с другими этносами, проживающими в стране. Интенсивность повседневных религиозных практик (практика посещения храма, соблюдение религиозного поста, исполнение религиозных обрядов) в целом по населению достигает показателя по числу верующих (около 83%, включая тех, кто полностью совершает все религиозные обряды – около 25% и тех, кто исполняет их частично – около 58%). При этом интенсивность в исполнении религиозных предписаний более высока среди казахов/мусульман.

4. Судя по данным опроса, уровень религиозных знаний верующих является невысоким, поскольку потребность в получении знаний о религиях испытывает только половина опрошенных (50,4%), 49,7% вообще не считают нужным изучать религии. Этот факт вызывает настороженность, поскольку религиозная неграмотность или односторонние религиозные знания, ограниченные знаниями только одной религии, являются фактором риска вовлечения в радикальную религиозную идеологию. Подтверждает предыдущий тезис о невысоком уровне религиозных знаний и недостаточном стремлении к их получению низкий процент респондентов, регулярно читающих религиозную литературу (13,3%) и высокая доля редко читающих ее (19,7%). Респондентов, не читающих религиозную литературу – 67%, то есть большинство.

5. Современная религиозная ситуация в Казахстане расценивается большинством населения как стабильная, благополучная. В целом доля населения, положительно относящегося к традиционным для Казахстана религиям, практически достигает половины от всего населения. При этом, отношение населения к доминирующей по численности религии - исламу ханафитского мазхаба - превышает соответствующий показатель по отношению к Русской православной церкви более чем на 17%.

6. В возрастном срезе значительных различий в отношении к исламу ханафитского мазхаба нет, у всех возрастных групп процент поддержки традиционного ислама выше 60%, только у молодежи на несколько процентов меньше. Более ярко выражена разница в отношении к РПЦ среди населения разного возраста. Так, среди молодежи меньше процент тех, кто позитивно воспринимает РПЦ (41,1% среди молодежи против 52,8% среди пожилых казахстанцев в сумме ответов «Положительно» и «Скорее положительно»).

7. Более 63% мусульман страны не испытывают трудностей при общении с имамами. К главным проблемам ислама в Казахстане опрошенные мусульмане отнесли: низкий уровень религиозной грамотности населения, распространение радикальных идей, коррупция, низкая компетентность имамов и др.

8. Несмотря на невысокую долю глубоко религиозных людей среди молодежи страны, больше таковых среди верующих казахов, принадлежащих к исламу, что позволяет говорить об исламе как религии, которая будет оставаться доминирующей в среднесрочной и долгосрочной перспективе. В то же самое время православие является стареющей религией, в ней больше представителей пожилого возраста, что приводит к выводу о естественном сокращении количества православных в Казахстане в будущем. Среди представителей рус-

ского этноса больше, чем среди казахов и других этносов неверующих людей, также меньше верующих, которые глубоко вовлечены в религиозные практики.

Литература

1. Социологическое исследование «Процесс Третьей модернизации в Казахстане (Проблема религиозного радикализма и как ему противодействовать)». Нур-Султан: НИЦ «Молодежь», 2019. 113 с.
2. Аналитический отчет «О ситуации и проблемах в мусульманской умме, в том числе в деятельности ДУМК» / К.Б. Ойшыбаев, А.С. Кайдарова, Р.И. Камарова, А.О. Орынтай, Е.Е. Бурова, Т.Ж. Жакиянов. Нур-Султан: Казахстанский институт общественного развития «Рухани жаңғыру» КИОР, 2019. 303 с.
3. Закон Республики Казахстан от 11 октября 2011 года № 483-IV «О религиозной деятельности и религиозных объединениях» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 11.12.2016 г.).

ПОЛОЖЕНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ НЕТРАДИЦИОННЫХ ОБЩИН В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ (НА ПРИМЕРЕ КАТАР ВО ФРАНЦИИ И ЗОРОАСТРИЙЦЕВ В РОССИИ)

Ковалев В.С.

Казанский федеральный университет,
Россия, г. Казань

Аннотация: в данной статье рассматривается проблема образования и функционирования нетрадиционных религиозных общин в современном мире. На примере французских катаров и российских зороастрийцев анализируется проблема анахронизмов в культовой религиозной практике данных верований, рост социальных предпосылок для роста и распространения этих общин, а также специфика их восприятия общественностью.

Ключевые слова: община, зороастризм, катаризм, анахронизм, современность, нетрадиционный культ.

Положение религии в современном обществе достаточно противоречиво и оценить ее роль, возможности и перспективы сколько-нибудь однозначно попросту невозможно. Определенно можно сказать, что характерным и закономерным для современности процессом является развитие секуляризации общественного сознания. И, тем не менее, религия не утратила своего значения для жизни основной части общества.

Не считая христианство, сильнее всего в современном мире, пожалуй, влияние Ислама. В 35 странах мусульмане составляют большинство населения, а в 29 странах последователи ислама представляют собой влиятельные меньшинства. В 28 странах ислам признан государственной религией. Государственная религия - это религия, господствующее положение которой в той или иной стране закреплено законодательными актами. Следовательно, ислам влиятелен и в мировой политике. Так же велика роль в общественной жизни своей страны Израиля – иудеев, и не только своей страны, но и тех стран, где велика еврейская диаспора. Можно также говорить и об определяющем влиянии индуистов на общественную жизнь Индии и некоторых христианских церквей на европейские государства. Все эти религии разобщают народы, вносят раскол между нациями и обособляют их.

В то же время в современном мире появилось много так называемых нетрадиционных религий, альтернативных религиозных течений, которые как раз и делают акцент на универсальность и внутреннее единство всех, в том числе и мировых, религий. Для них характерны, в частности синкретизм христианской идеологии с элементами буддизма и других восточных культов, проповедь универсального Космического разума и его единой религии, мистического пути освобождения и многое другое.

Наиболее известны также и крупные нетрадиционные культы – «Общество сознания Кришны», «Аум Синрике», Церковь Унификации, Свидетели Иеговы. «Религии XX в.», как правило, жестко организованы в «тоталитарные секты», имеют строгую иерархическую структуру во главе с харизматическим лидером, отличаются экстравагантностью культа. Культ в этих новых общинах предпочтительно коллективный, используется техника психологического манипулирования. Организации религий «Нового века» действуют как мощные межнациональные корпорации, занимаются крупным бизнесом во многих странах мира.

Несмотря на процессы секуляризации, влияние религии на жизнь современного общества продолжает оставаться заметной. Наука, решив многие проблемы познания мира и овладения человеком силами природы, вынудив религию встать на рискованный для нее путь модернизации, отодвинула границу познания к еще более сложным, чем ранее, проблемам, более сложному философскому осмыслению. В новых областях познания утратили значение многие привычные понятия, и это произошло, прежде всего, потому, что сегодня наука вышла далеко за пределы чувственно доступного человеку наглядного мира. Возникшая граница между обыденным и научным видением мира, ощущение столкновения с непознанной и остающейся для человеческого разума тайной - все это дает новый шанс для религиозного мировосприятия, не говоря уже о том, что сама гигантски возросшая мощь человеческого деяния ставит нас теперь перед проблемой последствий научно-технического прогресса и, стало быть, его нравственной состоятельности.

К тому же следует сказать, что в нач. XXI в. в связи с изменениями во всех сферах общества, началась эпоха провозглашенной веротерпимости и свободы вероисповедания, в которой роль официальных религиозных доктрин постепенно стала снижаться. В это же время активизируется и процесс возрождения древних религиозных учений. Теперь популярными становятся «нетрадиционные» религиозные верования, зачастую по своей сути являющиеся элементами национальной культуры, до этого бывшие либо весьма малочисленными, либо отторгнутыми на каком-то этапе истории. Не стала в этом вопросе исключением и Россия: ее новейшая история полна примеров воссоздания нетрадиционных верований – неоязычество, различные формы старообрядчества, всевозможные восточные верования с элементами индуизма и других «экзотических» религий. И особое место здесь занимает зороастризм – та восточная религия, которая стала развиваться в постсоветской России, и в начале XXI века нашла своих последователей вдали от места своего рождения.

Первая зороастрийская община стала формироваться в Санкт-Петербурге еще в начале XX века. Ее организатором был Иван Николаевич Гантимуров, иранец по происхождению, который для осуществления своей идеи опирался на иранцев и азербайджанцев, проживавших в Петербурге. После Социалистической революции 1917 года и последующих событий идея создания общины не получила развития. В современной же России были созданы и официально зарегистрированы две зороастрийские общины – в Санкт-Петербурге и в Москве. Московская община активной деятельностью не занимается [8].

В начале 80-х годов XX века внук И.Н. Гантимурова Павел Павлович Глоба стал читать лекции по астрологии и рассказывать о зороастризме своим ученикам. Вокруг П. Глобы стала формироваться община из людей, интересующихся религиозной жизнью и астрологией Востока. Со временем при активном участии П. Глобы были налажены международные связи с единоверцами из Индии, Пакистана, Америки и других стран [8]. На I Зороастрийском конгрессе, состоявшемся в 2000 году, зороастрийская община Санкт-Петербурга была признана единоверцами из других стран, причем сам конгресс проходил в городе, где и располагалась община – в Санкт-Петербурге.

Однако, несмотря на международное признание общины и проявление интереса некоторой части российской интеллигенции и молодежи к астрологии и идеям зороастризма, адепты восточной религии в России столкнулись со многими проблемами, требующими принятия нетрадиционных теоретических и практических решений. Так, например, остро стоят вопросы о согласовании зороастрийской традиции погребения с современным российским законодательством. Также имеются проблемы с переводом фундаментальных текстов

Авесты с оригинального языка на русский, постройкой культовых зданий для богослужений и напряженными отношениями с прямыми наследниками зороастрийского наследия – парсами [4].

Вопрос о значении зороастризма для России осложняется бедной фактографией и малым числом достоверных сведений о ранних этапах развития иранской религии и ее взаимодействии с соседними культурами. В то же время, отсутствие академической дискуссии по некоторым принципиальным вопросам иранской истории, таким как расположение прародины индоиранских племен, а также региона деятельности Заратуштры, а, следовательно, и зарождения зороастризма, открывает пространство для выдвижения разнообразных гипотез, в том числе связывающих возникновение зороастризма с территориями, находящимися в современных границах Российской Федерации [2, с. 316–318; 3, с. 257]. Эти гипотезы, несмотря на свою не бесспорность, имеют большое значение для вопроса о культурном влиянии зороастризма, поскольку, помимо прочего, становятся значимыми элементами актуальной политической и дипломатической риторики [2, с. 345–346]. Наиболее ярким примером этого служит интервью В.В. Путина иранским журналистам во время официального визита в Тегеран в октябре 2007 г., в котором президент отметил, что «Иран – это страна проторелигии, зороастризма. А некоторые специалисты считают, что это источник иудаизма, христианства и ислама в будущем. Но сейчас есть основания полагать, что зародился зороастризм на территории России – на Южном Урале. И в результате переселения народов носители этой религиозной культуры оказались на территории Ирана в том числе» [9].

Несмотря на возросший интерес в российском обществе к древним восточным верованиям, близость к бывшим советским республикам, где зороастризм существовал или существует до сих пор в виде тайных сект и общин, жители России относятся нему скептически. В наше время, когда нет четкой государственной идеологии и притеснения религий, люди с подозрением относятся к спонтанно появляющимся различным верованиям.

Зороастрийцам сложно заниматься проповеднической деятельностью в связи с активизацией Русской православной церкви и восстановлением потерянных в советское время позиций, а также расцветом и широким распространением ислама. Последователи зороастризма не могут достойно конкурировать с ними. Стоит добавить, что происходит некая «демонизация» образа зороастризма деятелями этих двух конфессий, его приравнивают к суеверию и чародейству. А у самой зороастрийской общины не хватает интеллектуальных и материальных возможностей распространять свое учение наравне с вышеупомянутыми религиями.

Столь шаткое положение не только у нетрадиционной для России религии. С этой проблемой встречаются и на Западе, например, во Франции, где пытаются возродиться и малочисленные катары [1, с. 64].

Катары – еретическое течение христианства, распространившееся в X–XIII вв. на юге Франции, Окситании, а также в северной Испании, северной Италии и частично в Германии. Из истории нам известно, что именно катары стали причиной образования инквизиции – органа Римской католической церкви, направленного на искоренение ересей и распространение влияния Папства. Однако в ходе объединения Франции и распространения инквизиции катаризм был уничтожен, почти все его представители либо закончили жизнь на костре, либо перешли в католичество [12, с. 181; 5]. Но даже после столь кровавого завершения их истории, катары «возродились». И это случилось спустя 7 веков, в том же самом регионе.

«Новые» катары, по сути, являются общиной-новоделом, использующей в своей религиозной практике уже современные догматические концепции и версии ритуалов, восстановленные по тем немногочисленным источникам, что сохранились после инквизиции спустя такой огромный срок. Можно сказать, что их деятельность это «игра», сопряженная с сепаратистическими настроениями в регионе и неприятием господства Римской католической церкви [6, с. 197–204].

Община ежегодно, начиная с 2009 г., проводит общее собрание, участниками которого являются не только ее члены, но и представители общественности и историки, занимаю-

щиеся проблемами катаризма. Ежегодная встреча посвящается какому-либо важному вопросу. Так, например, в 2017 г. собрание было посвящено теме «Пиренеи, Средиземноморье, реалии и перспективы», а в 2018 г. встреча состоялась по более монументальному вопросу для катаризма - «Утешение (Consolament): его происхождение, его обоснование в Христианстве, в его практике средневековья, его место в возрождении катар» [10]. Этот ритуал является основополагающим для катаризма, и, пожалуй, единственным. Суть этого вопроса состоит в том, как реконструировать данный ритуал с помощью незначительных оставшихся свидетельств инквизиторов, порой искривленных негативным отношением фиксировавших информацию людей к еретикам [7].

Стоит отметить, что сама община так же, как и зороастрийская община в Санкт-Петербурге, не имеет возможности заниматься активной прозелитской деятельностью ввиду отсутствия средств, достаточно закрытого характера общины, и негласному противоборству французского правительства и Римской католической церкви распространению и широкой огласке идей «неокатаризма», а также активной деятельности общины [11]. Даже на сам катаризм и крестовый поход на Лангедок во второй половине XX в. и по сегодняшний день наложено табу для историков и исследователей в силу скандальности темы.

Катарская община использует в основном как средство взаимодействия с обществом свой веб-сайт, на котором они размещают всю основную информацию и материалы, что, в общем, сближает их с зороастрийской общиной в России.

Исходя из вышесказанного, можно сказать, что катары во Франции и зороастрийцы в России имеют общие проблемы, что роднит их и со многими другими нетрадиционными немногочисленными национальными религиозными общинами в мире. Прежде всего, они столкнулись с проблемой соперничества с другими главенствующими религиозными конфессиями своих стран, а также с отсутствием сильной материальной и интеллектуальной базы для активного развития общин и их влияния. Часто данные общины используются политиками как средство достижения каких-либо политических задач и социальных проблем. К тому же в наше время в силу роста интереса к эзотерическим наукам и практикам, а также развитию псевдоисторических концепций, интерес к зороастризму и катаризму многократно вырос. На данный момент имеет место множество сектанских направлений, появилось много оккультных школ, экстрасенсов, предсказателей, так называемых белых и черных магов, на самом деле очень далеких от подлинной духовности, использующих тематику этих верований и некоторые его идеи и атрибутику в своих целях, но ни зороастризм, ни катаризм не имеют к ним никакого отношения.

Подводя итог, отметим, что развитие нетрадиционных религиозных верований в условиях современного мира породило огромное количество противоречий и анахронизмов, решение которых на данный момент затруднено различными обстоятельствами, о чем говорилось выше. Совершенно очевидно, что будущее этих общин, в том числе зороастрийцев и катаров, выглядит туманно и непонятно. Люди уже не мечутся перед выбором ориентира для удовлетворения своих духовных потребностей, и их выбор чаще всего падает на национальные движения и господствующие в своей стране церкви. Эти «неоконфессии» воспринимаются как что-то экзотическое, из ряда эзотерики и мистизма. К тому же ни катаризм, ни зороастризм не отвечают современным требованиям, они устарели во многих аспектах и сейчас неактуальны. Поэтому о широком распространении этих верований и их принятии в современном гражданском обществе говорить нет никаких серьезных оснований.

Литература

1. *Бродель Ф.* Что такое Франция? // Книга 1. Пространство и история. М.: Издательство имени Сабашниковых, 1994. 336 с.
2. *Бойс М.* Зороастрийцы. Верования и обычаи / Перевод с английского И.М. Стеблин-Каменского. Спб.: Издательство Центр «Петербургское востоковедение», 1994. 360 с.
3. *Крюкова В.Ю.* Зороастризм. Спб.: Издательство «Азбука-классика», 2005. 288 с.

4. *Леликов Л.А.* Зороастризм: явление и проблемы / Локальные и синкретические культы. М.: Издательство «Наука», 1991. 315 с.
5. *Осокин Н.* История альбигойцев и их времени. М.: Издательство АСТ, 2003. 896 с.
6. *Каратини Р.* Катары. М.: Издательство «Эксмо», 2010. 295 с.
7. *Рик Б.Б.* Средние века и религиозные диссиденты: катары и бегины, XI–XIV столетия / Материалы международного коллоквиума «Секты» и «ереси» от античности до наших дней. Брюссель, 2002. URL: http://www.krotov.info/history/14/3/rick.htm (Дата обращения: 5.02.2020).
8. Сайт Санкт-Петербургской зороастрийской общины. URL: http://zoroastrian.ru (Дата обращения: 5.02.2020).
9. Сайт Президента Российской Федерации. URL: http://kremlin.ru (Дата обращения: 5.02.2020).
10. Сайт катарской общины Франции. URL: https://www.catharisme.eu (Дата обращения: 5.02.2020).
11. Сайт журнала «Пути катаров. Философия катаризма». URL: https://www.chemins-cathares.eu (Дата обращения: 5.02.2020).
12. *Элиаде М.* История веры и религиозных идей. М.: Издат. «Критерион», 2002. 464 с.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ И РЕЛИГИОЗНОЕ СОЗНАНИЕ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

Настявин И.М.
Казанский национальный исследовательский технологический университет,
Россия, г. Казань

Аннотация. В статье раскрывается сущность политического и религиозного сознания, их взаимосвязь и взаимозависимость, анализируются религиозная политическая доктрина современного католицизма, идеи Корана и политическое сознание христиан и мусульман.

Ключевые слова: политическое сознание, религиозное сознание, политика, религия, вера, мировые религии, христианство, ислам, фетишизм, человеческая природа.

Мнение о том, что религия находится вне политики, вызывает серьезные возражения. Например, деятельность духовных руководителей внутри религиозных организаций по отношению к пастве иначе как политической назвать нельзя. Здесь налицо все признаки политики: целесообразность, экзистенциальные интересы, политическая реклама, пропаганда, властные отношения, закрепляющие их социальный статус, образ жизни и т.д.

Религия никогда не сводилась лишь к вере в сверхъестественное, в потустороннюю жизнь или к совершению религиозных обрядов. Овладевая сознанием масс, религия тем самым влияла на расстановку политических сил в обществе. Её религиозные учения по своей сути предстают как политические идеологические системы. Представители религиозных конфессий часто лоббируют свои интересы через политиков, а последние, в свою очередь, используют религиозные организации и их идеи в своих целях, поддерживают религиозные течения, способные оказывать влияние на развитие политических отношений в обществе.

Посредством религии человек решает не только свои психологические проблемы, но и проблемы, связанные с политической, государственной властью.

Религия, как форма общественного сознания, касается значительной части людских масс. Это относится и к политике. Религия предполагает построение деятельности на определенных убеждениях людей, что свойственно и политике. Религиозные убеждения, представляя собой некую совокупность усвоенных (чаще всего с детства) мировоззренческих, моральных и правовых постулатов, становятся жизненными принципами, формирующими политическое сознание субъекта, его внутреннюю политическую культуру. Это религиозное воздействие тем сильнее и прочнее, чем глубже вера приверженцев данной религии,

чем больше их готовность следовать ее нормам в повседневной жизни. Неслучайно, даже сегодня политика некоторых государств осуществляется на базе религиозных принципов.

Что касается высказывания руководства церкви, особенно в регионах с развитыми светскими традициями, об их неучастии в политической жизни, о том, что они против вмешательства в государственные дела, то они не соответствуют истине. Церковь не может быть вне политики ни внутри себя (поддержание способа существования), ни вовне (система взаимосвязей с внешним миром) точно так же, как и любая общественная организация.

Таким образом, религия – та же политика, только облаченная в специфическую (религиозную) форму общественной деятельности. Вместе с тем между светской и религиозной политикой имеются существенные различия. В отличие от светской политики – явления динамичного – религиозная политика по самой своей природе явление консервативное. В своих решениях она опирается на религиозные догматы. Отсюда ее естественное отставание от быстротекущих событий политической жизни. А в то же время религия, будучи не связанная государственными границами, в состоянии сближать разнородные социальные слои, силы, народы и страны. Под начало единой веры могут собираться люди, различные по своим политическим убеждениям.

О нераздельности религии и политики свидетельствуют и их сходные социальные функции:

– регулятивная, проявляющаяся в управлении деятельностью, поведением верующих, их взаимоотношениями между собой, между собой и высшим духовенством, государством и т.д.;

– интегрирующая, проявляющаяся в объединении людей. Так, например, Э. Дюркгейм видел в религии средство укрепления общества за счет единения индивидуума и социума. В России во времена нашествий религия также сыграла заметную объединяющую (т.е. политическую) роль;

– мировоззренческая, проявляющаяся в формировании соответствующей системы миропонимания, мировосприятия и мироощущения;

– легитимирующая, проявляющаяся в поддержании (неподдержании) власти государства;

– дифференцирующая, проявляющаяся в известном изречении: «Quae sunt Caesaris Caesari et quae sunt Dei Deo» (лат. – Богу – богово, а Кесарю – кесарево), а также в разделе сфер влияния различных религий. По сути, эта фраза есть призыв к терпению и повиновению любой земной власти.

Религия, также как и политика, нуждается в пропаганде, в построении определенных ценностей и их распространении.

В итоге можно сделать следующие вывод: политика и религия, представляя собой разные сферы жизнедеятельности людей, находятся во взаимосвязи и взаимодействии. Религия может выступать средством достижения политических целей, а политика под флагом религии помогает расширять политической власти (государству) поле своего влияния. Религия на протяжении многих веков была и пока остается одним из самых эффективных средств достижения политических (классовых) интересов. На базе религиозного мировоззрения создавались и ныне создаются различные организации, которые принимают активное участие в политической жизни – конфессиональные профсоюзы, клерикальные политические партии и т.д. Фактически религия возникла и развивалась как полноценный политический институт. По мнению Фейербаха, религия «есть первое самосознание человека» [1, т. II, с. 308].

Религиозное сознание, зарождавшееся как особая форма мировоззрения, в процессе своей эволюции все больше приобретало политический окрас, превращаясь из инструмента борьбы за выживание в инструмент борьбы за определенный способ существования. В монотеизме Церковь превратилась из борца против социальной несправедливости и неравенства в их защитника. Защитника интересов господствующего класса, эксплуатации человека человеком, военной экспансии и т.д.

Религиозное сознание компенсирует несовершенство мира тем, что играет роль политического мировоззрения, в котором в готовом виде наличествует система взглядов, достаточно просто и ясно объясняющая устройство мира и место в нем человека. Воспроизведение религиозных текстов во время отправления культа актуализирует в сознании верующего религиозные образы и сюжеты, стимулируя его на соответствующие нормы поведения, как в обыденной, так и в политической жизни общества, «в фантастической форме преодолеваются, «снимаются» реально значимые противоречия (оппозиции) человеческой жизни и мышления: невозможное оказывается возможным, чрезвычайное – обычным, случайное – необходимым, безликое – личным, преходящее – вечным; при этом в различных условиях выделяются и доминируют разные типы подобных оппозиций» [2, с. 100].

Неспособность научно объяснить сущность тех или иных социальных, политических явлений с неизбежностью порождает религиозное сознание «веру в лучшую загробную жизнь, как бессилие дикаря в борьбе с природой порождает веру в богов, чертей, в чудеса и т.п. …религия учит смирению и терпению в земной жизни, утешая надеждой на небесную награду. А тех, кто живёт чужим трудом, религия учит благотворительности в земной жизни, предлагая им очень дешёвое оправдание для всего их эксплуататорского существования и продавая по сходной цене билеты на небесное благополучие. Религия есть опиум народа. Религия – род духовной сивухи, в которой рабы капитала топят свой человеческий образ, свои требования на сколько-нибудь достойную человека жизнь» [3, с. 142–143]. Отказ от борьбы, экзистенциальный конформизм, в христианстве выражен в тезисе Иисуса: «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное» [4, Евангелие от Матфея. Гл.5. п. 3, с. 4].

Религия, в каких бы формах она не выступала, по мнению марксистов, отвлекает людей от борьбы с социальным злом. «Идея бога, – писал В.И. Ленин А.М. Горькому, – *всегда* усыпляла и притупляла “социальные чувства”, подменяя живое мертвечиной, будучи *всегда* идеей рабства (худшего, безысходного рабства)» [5, с. 232]. По мнению К. Маркса: «Упразднение религии, как *иллюзорного* счастья народа, есть требование его *действительного* счастья. Требование отказа от иллюзий о своем положении есть *требование отказа от такого положения, которое нуждается в иллюзиях*» [6, с. 415]. Религия, по Марксу, это самосознание человека, который еще не обрел себя, или снова себя потерял.

Религиозное, как и политическое сознание, может, как объединять, так и разъединять людей. Оно может выступать как инструмент борьбы с несправедливостью, так и инструмент установления несправедливости. Оно формально может быть вне политики и может быть её главным инструментом. Оно может быть толерантным и бескомпромиссным, фанатичным. Оно может защищать частную собственность и отвергать её. Может защищать капитализм и бороться против него. Может быть против войны и может быть её знаменем. Оно может служить освобождению, а может служить реакции и мракобесию. Все зависит от того, какая политическая идея мотивирует конкретные действия верующих.

Л. Фейербах также выступал против «*тех*, которые пользуются религией как наиболее политическим средством унижения и эксплуатации человека, так и тех, которые находят, что религия не имеет ничего общего с политикой» [1, т. II, с. 14].

Религиозное сознание превращается в политическое, как только возникает вопрос о сохранении способа существования верующих, церкви или укрепления и распространения веры. Церковь, религиозная мораль остаются сами собой только до тех пор, пока они не стол-кнутся с этой проблемой. Как только возникает данная проблема, религиозная мораль становится средством достижения политических целей и соответствующих политических действий. Попытка отделить политику от религиозной морали есть не что иное, как попытка выдать желаемое за действительное. Именно поэтому многие религиозные деятели признают существование религиозного сознания, но не признают возможности его превращения в политическое. Религиозное сознание по своему генезису, природе теснейшим образом связано с политикой и политическим сознанием. Оно не может и не стоит в стороне

от проблем смысла человеческого бытия, его способа существования человека, общества. «Религия, – подчеркивал Л. Фейербах, – теснейшим образом связана с политикой» [1, с. 493].

Также как политическое, религиозное сознание имеет теоретический (концептуальный – теология, вероучение, которые разрабатывают профессиональные ученые-богословы, теологи) и будничный (поверхностное представление о Боге, религии, которое сводится в основном к механическому восприятию и усвоению молитв и обрядов) уровни. Теоретический уровень формируется в первую очередь на основе текстов священных книг (Библия, Коран, Веды, Трипитака, Авеста, Тора), произведений отцов церкви, других книг веропоучительного характера. Он оказывает непосредственное влияние на формирование и обоснование определенного образа жизни, политического строя, общественных, политических отношений. Например, отношений к публичной власти, представителям других вероисповеданий и т.д.

Религиозное, как и политическое сознание, лежит в основе мировоззрения и выступает как инструмент, который помогает носителю этого сознания в поиске ответа на вопрос о приемлемости или неприемлемости того или иного способа существования. Религиозное сознание имеет самое прямое отношение к тому или иному представлению о способе существования, образу жизни людей, к политике. Это одновременно и соответствующий тип политического сознания, поведения, участия в политической жизни общества.

Разница между политическим и религиозным сознанием лишь в том, что первое исходит из субъективной установки на выбор того или иного способа существования человека, а второе – из установки, которая якобы привнесена извне. Это и является основой формирования того или иного способа существования человека, общества.

По мнению религиозного человека, он живет не в соответствии с объективными законами мироздания, а в соответствии с борьбой одушевленных и незримых сакральных – святых и дьявольских – сил.

Религия представляет собой специфическое мировоззрение, которое основано на вере в сверхъестественное. Её содержание – это совокупность определенных мифов, догматов, культовых и обрядовых действий, религиозных институтов (церкви).

Одной из первых форм религиозного сознания был *тотемизм*, уходящий своими корнями в доисторическую эпоху. Первоначально он выражал веру в глубокое внутреннее тождество всех членов того или иного первобытного объединения с особями одного определенного вида животных. Постепенно он оброс значительным количеством ритуалов, магией (колдовством), под которыми понимаются действия и обряды, совершаемые с целью повлиять сверхъестественным путем на окружающий мир и сохранить себя, свое существование. В этом явлении отражается и процесс зарождения политического сознания.

Неотделимыми от генезиса религиозного и политического сознания являются также магия, фетишизм. Вера в магические свойства различных предметов (амулетов, фигурок и т.п.) затем трансформируется в религиозные и политические культовые вещи. Возникают новые фетиши (икона, крест, скипетр, держава и т.д.), которые, в сущности, ничем не отличаются от старых, поскольку символизируют все ту же слепую веру в сверхъестественные силы. Сознание человека в этом смысле почти не изменилось. Вместе с тем «в античном мире, не знавшем христианского индивидуализма, – замечает Г.В. Плеханов, ссылаясь на взгляды Фейербаха на религию, – субъект имел объектом не самого себя, а то политическое целое, которому он принадлежал: свою республику, свой город-государство» [7, с. 633].

Тотемизм сменился анимизмом, верой в душу и духов, во всеобщую одухотворенность природы. Душой наделялись не только животные, растения, но и явления природы. Это способствовало появлению представлений об особом, отличном от реального мира, мире сверхъестественных существ, среди которых выделяются особенные существа, способные вершить судьбы людей, определять их образ жизни, способ существования (заниматься политикой) – это боги. Складываются первые политеистические, а позже монотеистические религии – буддизм, христианство, ислам и т.д.

Религия, зарождавшаяся как особая форма мировоззрения в процессе своей эволюции, все больше приобретала политический окрас. Из инструмента борьбы за выживание, она все больше превращалась в инструмент борьбы за определенный способ существования. В классовом обществе религия стала одним из самых эффективных инструментов борьбы господствующего класса за сохранение своего господствующего положения. Так, христианство, зарождавшееся как протест против социального неравенства, несправедливости, впоследствии стало инструментом оправдания этого неравенства, войн, крестовых походов, инквизиции и т.д.

С возникновением государства широкое распространение получило религиозное освещение государственной власти и её верховного носителя. Так, на Древнем Востоке это освещение часто доходило до прямого обожествления верховного правителя государства. Тезис о том, что государственная власть исходит от Бога, стал важнейшим положением во всех мировых религиях. Наделение правителя верховной государственной властью сопровождалось специальным религиозным обрядом, чтобы подчеркнуть божественное происхождение его власти. Торжественное вступление монарха на престол также связывалось с религиозным обрядом коронации, который обязательно проводился в религиозном храме. В ряде европейских стран члены парламента, прежде чем приступить к своим обязанностям, и сегодня должны приносить клятву верности конституции на Священном писании (Библии, в мусульманских странах – Коране).

В эпоху Средневековья в западноевропейских странах церковь поднялась над государством, превратившись в полноценный политический институт. Теперь уже сложно было найти границу между религиозным и политическим сознанием. Фактически под религиозной формой, например, в средние века (орден иезуитов, тевтонский орден) скрывались политические интересы господствующего класса, который осуществлял соответствующую внутреннюю и внешнюю государственную политику. И сегодня некоторые политические организации, партии, принимая активное участие в политической жизни, имеют религиозную форму.

Исторический опыт показывает, что религиозное сознание не раз «подсказывало» повод для развязывания конфликтов, войн, установления жестоких деспотических режимов. Более чем пятисотлетнее существование «святой» инквизиции – ярчайший тому пример. Церковь запрещала науку, различные виды искусства, не давала возможности раскрыть таланты, творческую силу людей. Социальная несправедливость и деспотические режимы освящались авторитетом церкви. Земную жизнь она призывала провести в покое и смирении, не противясь злу. Все это нельзя назвать иначе как религиозная политика.

Каждая религия создавала свои представления о правилах (нормах) поведения верующих. В религии принято считать, что эти нормы установлены Богом и доводятся до сведения верующих человеком, избранным Богом. С этой точки зрения, например, законы Моисея, не есть его собственное творение, а творение Бога. Моисей лишь обязан передать их тем, кто их должен соблюдать.

Эта особенность религии как формы общественного сознания определяет специфику религиозных норм и их своеобразие в качестве социального регулятора. Отсюда и религиозные предписания, запреты, их божественное происхождение через посредство пророков, служителей культа. Религиозные средства защиты – чудо, явление, провидение.

Религиозное сознание предполагает веру в то, что связанные с ней обряды, чудодейственным образом помогают верующему воздействовать на поведение сверхъестественных сил. Поэтому ни одна религия не обходится без обрядов, которые самым непосредственным образом воздействуют на сознание и поведение людей, да и сама вера в существование сверхъестественных сил практически выглядит как вера в чудодейственные последствия обрядов.

Неспособность преодолеть власть слепой необходимости, первобытный человек приписал естественным природным силам сверхъестественные свойства. Господство природы над человеком приводило к тому, что люди прибегали к мнимым, иллюзорным средствам воздействия на природу. Наряду с вполне рациональными, но недостаточными действиями,

люди стали совершать ритуальные, символические акты, призванные гарантировать получение искомого результата. Они имитировали многие производственные процессы, к примеру, охоту, рыбную ловлю. Так, коренные жители Австралии, прежде чем идти на поиски кенгуру, рисовали на песке изображение этого животного и протыкали его копьями, надеясь, что после этого ритуала охота будет удачной. Наряду с такими реальными действиями сложились и символические действия, что привело к раздвоению и в сознании. «Произошло раздвоение человеческого познания: наряду со знанием о реальных связях, реальных влияниях, – пишет Ю.И. Семенов, – возникла вера в существование качественно отличных от первых таинственных, непонятных связей, таинственных, непонятных влияний» [8, с. 359]. Возникла целая система приемов (обрядов), в основу которых легла вера в возможность сверхъестественного воздействия на окружающие человека предметы и явления, получившая название «магия». Постепенно сформировалась и вера в то, что подобные действия (обряды, ритуалы, таинства) помогают каким-то таинственным способом прийти к заветным целям. В конечном счете, возникли прочные представления о неких надчеловеческих, сверхъестественных силах, связях, отношениях. Раскопки древнейших стоянок свидетельствуют о наличии примитивных религиозных верований уже у неандертальцев.

В религии человек стремится преодолеть свою зависимость от окружающей действительности. Но его бессилие перед этой действительностью приводит к замене зависимости от стихии природы и «сильных мира сего» новой зависимостью от идеальных иллюзорных «божественных» сил. В.И. Ленин подчеркивал, что «раздвоение сознания человека» допускает «возможность идеализма (= религии)». Познание человека «не есть простой, непосредственный, зеркально-мертвый акт, а сложный, раздвоенный, зигзагообразный, включающий в себя возможность отлета фантазии от жизни; мало того: возможность превращения (и притом незаметного, несознаваемого человеком превращения) абстрактного понятия, идеи в фантазию (in letzter Instanz = бога)» [9, с. 330]. На место ясного осознания причин существующего положения, приходит фантазия, которая оказывается доминирующим фактором. Еѐ плоды – мнимые божества, в которых неудовлетворенные потребности проецированы на естественные силы, превращенные в сверхъестественные объекты просьб и мольбы, становятся распорядителями человеческой жизни.

Религия «*рефлекс, отражение*» [1, с. 95] бессилия человека и одновременно активная реакция его на свое бессилие. Еще в античности, замечает Фейербах, наиболее проницательные умы подметили, что греческие или римские боги похожи на абстрактные отображения земных властителей [1, с. 407]. У людей возрастает политическое идолопоклонство, а бог становится «*существом политическим*» [1, с. 456], увеличивается его типично земной деспотизм [1, с. 652]. Вместе с изменением архитектуры земной власти (появление коронованных и некоронованных императоров и диктаторов) меняется и архитектура власти богов, что не было присуще богам первобытной эпохи.

Религия есть отражение бессилия человека и одновременно активная реакция его на свое бессилие. Если «в мышлении я *определяю предмет*» [10, с. 125], то в фантазии его создаю, и притом вынужденно, ибо «место рождения бога – исключительно в человеческих страданиях» [10, с. 179], а они в определенных условиях жизни неизбежны. По мнению Фейербаха, причина человеческого бессилия – величина переменная и исторически преходящая, ибо она коренится в невежестве, отсутствии знаний. «Бог человека, – замечает Фейербах, – таков, каковы его мысли и намерения... Божественная сущность – не что иное, как человеческая сущность, очищенная, освобожденная от индивидуальных границ, то есть от действительного, телесного человека, объективированная, то есть *рассматриваемая и почитаемая в качестве посторонней, отдельной сущности*... религия есть первое и к тому же косвенное самосознание человека» [1, с. 42–43.]. Религиозные фантазии, по мнению Фейербаха, суть «*отражение человеческой сущности*» [1, с. 95]. Человек в религии «опредмечивает свое собственное существо» [1, с. 530]. Существует и несколько иная точка зрения по данному вопросу. Так, Ю.А. Левада утверждает, что религия не есть плод неудовлетворенной практической потребности человека, что её нельзя выводить из «бессилия» человека,

ибо «религиозность не является непременным спутником всякой ограниченности наших сил и знаний» [2, с. 82]. «Функции религии, – пишет он, – правомерно рассматривать в сопоставлении «не с какими бы то ни было “естественными”, потребностями человека, но с потребностями исторически конкретных социальных систем» [2, с. 83].

Л. Фейербах обосновал мысль о том, что религия возникла закономерно. Объект религиозных чувств и веры находится в самом человеке, но не присущ ему от рождения. Врожденного религиозного чувства нет. Религия есть продукт не любознательных рассуждений, а эгоистических переживаний. Г.В. Плеханов замечает, что «еще Фейербах, – подробно развивая мысль, мимоходом высказанную Гегелем, – утверждал, что свойственный новейшему человечеству страх смерти, обусловливающий собою современное религиозное учение о бессмертии души, есть продукт индивидуализма. По словам Фейербаха, индивидуалистически настроенный субъект не имеет другого объекта, кроме самого себя, и потому чувствует непреодолимую потребность верить в свое бессмертие» [7, с. 633]. Религия есть порождение человеческой природы в смысле наличия в ней страха как опасения за свое будущее (а не страха как боязни непонятного), стремления к счастью и способности к воображению, фантазии [1, с. 708.]. «В религии человек раздваивается в самом себе: он противопоставляет себе бога как нечто противоположное ему» [1, с. 64]. Религия «*есть разлад человека с его собственной сущностью*» [1].

Энгельс считал религию фантастическим, иллюзорным отражением в головах людей тех внешних сил (природных и общественных), которые господствуют над ними в их повседневной жизни. Она является таким фантастическим отражением, в котором земные силы принимают форму неземных [11, с. 328]. Т.е. не всякая фантазия выступает в форме религии, а лишь такая, которая обращена к неземному, которая уводит в сторону от реальной действительности. В.И. Ленин называл религию больной фантазией [12, с. 193].

Таким образом, генезис религиозного и политического сознания теснейшим образом взаимосвязан. Своим происхождением религия обязана не столько приобретению человеком сознания, сколько его борьбе за существование. Религией, верой в сверхъестественное человек пытался объяснить окружающий его мир, от которого зависело его существование и благополучие. А поскольку научного объяснения существования этого мира древний человек сделать не мог, то он построил свою собственную конструкцию, которая хотя и не соответствовала действительности, но, так или иначе, позволяла ему ориентироваться в этом мире, принимать те или иные решения, действовать. Несмотря на то, что религия оправдывала желаемые действия людей, она же и определяла эти действия в соответствии с практикой человека. Именно последняя определяла границы дозволенного и недозволенного. Именно она и лежала в основе религиозного конструкта и религиозного сознания. Религиозное, как и политическое сознание, теснейшим образом связаны с борьбой человека за образ жизни, который он считает наиболее приемлемым для себя, для группы, общности, класса, нации к которым он принадлежит.

Формирование отношений между людьми обусловливалось не столько религиозными, сколько политическими представлениями. Эти отношения лишь по форме были религиозные, по сути же они были политические. Религиозные отношения порождены социальными отношениями конкретной эпохи, но их реализация может осуществляться «через религиозные верования, религиозные представления людей [13, с. 234]. Доминирующее в обществе политическое сознание обусловливает и доминирующие в обществе политические отношения, независимо от того, о какой сфере отношений людей идет речь.

Религиозные нормы – один из мощных политических регуляторов. Через соответствующую систему духовных ценностей религия формирует эти нормы и через них регулирует общественную и политическую жизнь человека. Компенсируя несовершенство действительности, она обещает «Царство Божие», примиряя человека с земным злом. В условиях неспособности научного объяснения множества социальных, политических явлений религия предлагает свои варианты ответа на эти вопросы, смыкаясь тем самым с политическим сознанием. Человек, лишенный всяческой поддержки, находит утешение в религии. Но это говорит

не об отсутствии у него политического сознания, а о его извращенности, вывернутости наизнанку, его несоответствии социальной природе человека. Для многих людей религия играет роль политического мировоззрения, в котором в готовом виде наличествует система взглядов, объясняющих устройство мира и место в нем человека. В этом сознании существует неизменная система «вечных» принципов и идеалов бытия человека, его способа существования.

Служители религиозного культа часто пытаются убедить нас в том, что религия, вера – это если и не панацея, то хорошая прививка от бездуховности. Но исторический опыт показывает, что многие войны на земле развязывались от имени той или иной религии. В 90-е годы бурный «расцвет» безнравственности и преступности в российском обществе пришелся как раз на период усиления религиозности масс и расширения сети религиозных учреждений. Следовательно, «констатировать прямую связь между усилением религиозности масс и их нравственным, духовным оздоровлением не приходится» [14, с. 129].

Религиозное сознание – наиболее консервативная форма общественного сознания. Его консерватизм оказывает влияние и на другие формы общественного сознания. Это сдерживает (хотя и не всегда в отрицательную сторону) развитие человеческих отношений, культуры. Оно активно лишь по отношению к их консервации, так как нацелено на сохранение и воспроизводство рутинных способов трансляции культуры и общественного, в том числе политического сознания. Люди, не освободившиеся от религиозного мировоззрения, реже, чем атеисты, становятся инициаторами новых начинаний.

Тем не менее, религиозное политическое сознание подвержено изменениям. Так, например, политическая доктрина католицизма в своем развитии претерпела довольно сложную эволюцию. Сегодня католиками признается не только единство мира, но и делается важный вывод о необходимости международного сотрудничества, солидарности в решении глобальных проблем, стоящих перед населением Земли. Императивом является ликвидация деления мира на военно-политические блоки, противостояние Север-Юг, ибо все это противоречит идее общечеловеческой солидарности, мир и процветание – провозглашаются как благо, которое принадлежит всему человечеству. Нужно отбросить идею о том, что борьба за уничтожение противника, конфронтация и сама война являются факторами прогресса. Научно-техническая революция, которая могла бы содействовать благосостоянию человека, не должна быть превращена в орудие войны. Эти принципы были положены в основу внешнеполитической деятельности Ватикана.

Идеологи Ватикана подвергают критике основы капиталистической общественной системы. За последние сто лет такая критика шла по возрастающей линии. Еще энциклика «Rerum Novarum» содержала описание ужасающей картины нищеты и эксплуатации беднейших слоев населения на фоне концентрации капитала в руках немногих лиц. Последняя энциклика «Tsentesimus annus», продолжая эту традицию, констатирует, что негуманные стороны капитализма не исчезли. Эта система не решила проблему качества жизни. Права человека предусматривают «всеобщее предназначение земных благ», и потому обладание собственностью не является абсолютным правом, собственность не должна наносить ущерб тем, кто не является её владельцем. Следует исключить опасность эгоизма и вытекающих из него злоупотреблений собственников. Энциклика высказывается против абсолютизации рынка, так как одних рыночных механизмов недостаточно для нормального функционирования природной и человеческой среды. Поэтому, подчеркивается в энциклике, рыночный механизм должен постоянно находиться под контролем общества и государства.

В этот церковный документ даже вошло понятие «классовая борьба». Церковь признала неизбежность возникновения социальных конфликтов и заявила, что не намерена их осуждать. Однако признавая право трудящихся на забастовку, все же считает, что наиболее приемлемый метод социальной защиты трудящихся – это политика реформ.

Если раньше католическая церковь понятие «демократия» в своей доктрине не употребляла, так как признание источником власти народа противоречило христианскому постулату о том, что таким источником является Бог. Не отказываясь от этого постулата, ка-

толицизм все-таки ввел в свой понятийный аппарат этот новый для себя термин. Церковь ценит демократическую систему в той мере, в какой она дает гражданам право политического выбора, гарантирует им возможность избирать и контролировать правителей или, если понадобится, менять их мирным путем. В то же время она не станет потворствовать «образованию небольших правящих группировок, которые узурпируют государственную власть в своих интересах или в идеологических целях».

Если ранее энциклика «Rerum Novarum» осуждала социализм, призывала его отвергнуть. Сегодня официальный католицизм стал допускать возможность контактов и диалога между приверженцами социализма и христианства. Уделяется внимание доктринальному отношению католицизма к социалистическим (коммунистическим) идеям и практике. В документе проводится разграничение между «кризисом» марксизма как учения и «крахом» так называемого «реального социализма». Из энциклики, хотя и опосредованно, но заметно, что ряд марксистских оценок относительно сущности капиталистического общества сохраняет свою силу. В первую очередь это касается проблемы отчуждения, социальных конфликтов и потребительской морали. По существу признается многовариантность путей общественного развития, возможность различных моделей организации общества. «Нельзя считать, – говорится в документе, – что с провалом так называемого «реального социализма» капитализм остается единственной моделью экономической организации». То есть если под «капитализмом» понимать экономическую систему, которая признает положительную роль рынка, частной собственности и вытекающей из этого ответственности за средства производства, а также свободной и творческой деятельности на ниве экономики, то ответ, – «да». А если под «капитализмом» понимать систему, где свобода в экономической сфере не подчинена строгим нормам закона, которые ставили бы её на службу человеку, то ответ будет: «нет». Иоанн Павел II видел опасность в антикоммунизме. Он предупреждал, что борьба против марксизма, противодействие его распространению могут привести к созданию таких государственных структур «национальной безопасности», которые в состоянии повлечь за собой упразднение свободы личности и нарушение прав человека. Что мы сегодня и наблюдаем в некоторых восточноевропейских странах, особенно на Украине.

В основе религиозного политического сознания и политики мусульман лежат идеи Корана, исходным постулатом которого является утверждение, что вся власть принадлежит Аллаху. Из чего следует, что истинным законодателем является Аллах, а законодательная деятельность людей, поскольку она делегирована верующими, должна осуществляться так же, как и вера в соответствии с положениями Корана и практикой пророка.

Имущественные различия, богатство и бедность, в Коране квалифицируются как естественный факт, установленный самим Аллахом. Частная собственность признается священной, а законы шариата строго карают преступников (вору, например, предписывается отрубать кисть правой руки). Это же учение устанавливает принцип закята (т.е. обязательную милостыню богатых бедным), запрещает ростовщичество (хотя торговая прибыль объявляется вполне законной), ограничивает размеры индивидуальных капиталов путем распространения права наследования на широкий круг родственников.

Постулаты Корана распространяются и на международные отношения. Так мир по воле Аллаха разделен на общину мусульман – умму – и весь остальной мир. Это деление, однако, не означает признания юридического равенства между его исламской и неисламской частями. Согласно исламской доктрине только государство, достигшее определенного уровня цивилизованности, каковым является признание единобожия, может рассматриваться в качестве предварительного условия мирных отношений между мусульманами и не мусульманами.

Теоретики ислама настаивают на мирном характере своей доктрины. Но если учесть, что основным долгом и обязанностью каждого мусульманина является борьба за защиту и распространение ислама (джихад), становится понятным, почему военное насилие (военный джихад) имело место в истории распространения ислама, в том числе и в начале XXI в.

Делимость мира по религиозному признаку в практике международных отношений характерна не только для ислама. Так, до начала XX в. Европе господствовала концепция деления народов на цивилизованные и нецивилизованные, причем одним из критериев цивилизованности было исповедание христианства. «Мы, христиане, – подчеркивал М. Лютер, – превосходим силою и количеством все другие творения, но не сами по себе, а по милости божией во Христе, в сравнении с которым мир ничтожен и бессилен» [Цит. по: 1, с. 344–345]. Израильтяне утверждали, что мир был сотворен исключительно ради них [1, с. 345].

Подобные концепции существовали и в русском православии. Так, например, церковные идеологи пропагандировали концепцию Москвы как нового Вечного города, наследника Рима и Константинополя, говорили об особом пути России, формируя тем самым компоненты соответствующего типа политического сознания россиян.

До 1917 г. русская православная церковь была по сути дела частью государственного аппарата, религиозно-политическим институтом, определявшим политическое сознание россиян. Сегодня в России церковь вновь приобрела статус важнейшего социального и политического института, формирующего политическое сознание огромной массы населения страны.

Объединившись с РПЦЗ (Русской Православной Церкви заграницей) РПЦ Московского патриархата не смущает тот факт, что РПЦЗ не считает генерала А. Власова предателем! Позиция РПЦ за рубежом была изложена в отзыве Архиерейского Синода на книгу протоиерея Г. Митрофанова «Трагедия России». «Все, что было ими (Власовым и сообщниками) предпринято, – говорится в документе, – делалось именно для отечества, в надежде на то, что поражение большевизма приведет к воссозданию мощной национальной России» [15]. Синод заявил, что «в русском зарубежье, частью которого стали и уцелевшие участники Русской освободительной армии, генерал был и остается своего рода символом сопротивления безбожному большевизму во имя возрождения исторической России» [15]. Подтверждением этой позиции Синода является могила Власова и его пособников на территории Ново-Дивеевского монастыря РПЦЗ в США в Джорданвилле.

Канонизация Николая II и его семьи как мучеников (РПЦЗ в 1981 г., а РПЦ, желавшая воссоединения с РПЦЗ, канонизировала их в 2000 г.), также имеет явное политическое (антисоветское и антикоммунистическое) решение.

Таким образом, религиозное сознание с необходимостью превращается или приобретает оттенок политического. Его направленность самым непосредственным образом связана с вопросом выбора человеком того или иного способа существования. Разница между ними лишь в том, что политическое сознание предполагает субъективную установку на тот или иной способ существования человека, а религиозное – тоже на некую установку, но якобы привнесенную извне.

Литература

1. *Фейербах Л.* Избранные философские произведения. Т. II. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. 942 с.
2. *Левада Ю.А.* Сочинения. Издательство: Карпов Е.В., 2011. 382 с.
3. *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 12. М.: Государственное издательство политической литературы. 275 с.
4. Библия. Напечатано в Финляндии. Хельсинки, 1990. 1223 с.
5. *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 48. М.: Государтсвенное издательство политической литературы, 1970. 543 с.
6. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 1. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. 698 с.
7. *Плеханов В.Г.* Избранные философские произведения. Т. V. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1958. 903 с.
8. *Семенов Ю.И.* как возникло человечество. М.: Издательство: Наука, 1966. 576 с.

9. *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 29. М.: Государственное издательство политической литературы. 1969. 782 с.
10. *Фейербах Л.* Избранные философские произведения. Т. I. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. 676 с.
11. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 20. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. 827 с.
12. *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 18. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. 807 с.
13. *Угринович Д.М.* Философские проблемы критики религии. М.: Издательство: МГУ, 1965. 349 с.
14. *Назарова А.Ш.* Роль социокультурных ценностей в формировании личности. Казань: Издательство: РИЦ «Школа», 2004. 164 с.
15. Электронный сервис «Livejournal». URL: https://tverdyi-znak.livejournal.com/218056.html (Дата обращения: 10.03.2020).

ТЕМАТИКА СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПО ИСЛАМУ В СОВРЕМЕННОМ ТАТАРСТАНЕ

Нуруллина Р.В.
Центр исламоведческих исследований АН РТ
Россия, г. Набережные Челны

Аннотация. В статье исследуется современное состояние социологии ислама в Татарстане. Социологическое исследование ислама представляет собой актуальное научное направление, которое активно формируется сегодня в России и в рамках которого возможно изучение ислама как комплексной системы, включая его религиозную, социально-политическую и культурную составляющие. Эмпирическую основу статьи составил тематический анализ публикаций татарстанских социологов, специализирующихся на изучении ислама, который показал, что проблематика их исследований весьма разнообразна и охватывает многие стороны жизни мусульман, спектр мнений оценок и точек зрения по различным актуальным темам, проблемы и перспективы развития регионального мусульманского сообщества. В то же время эту тематику во многом определяет социальный заказ, формулируемый в рамках ориенталистского дискурса и направленный на обеспечение общественной безопасности в свете глобальных вызовов религиозного экстремизма.

Ключевые слова: социология ислама, мусульмане Татарстана, социологические исследования.

Развиваясь как одно из важнейших направлений в рамках социологии религии, социология ислама в той или иной степени, входит в сферу интересов многих известных российских исследователей (М.П. Мчедлова, Л.М. Дробижевой, Ю.Ю. Синелиной, А.В. Дубина, Д.Е. Фурмана и др.). Чаще всего речь идет о сравнительном анализе религиозного поведения и ценностных ориентаций религиозных групп населения, в том числе и мусульманского. Масштабные исследования подобного рода в различных регионах РФ проводят крупные социологические центры федерального и регионального уровня.[1] В качестве самостоятельного научного направления социология ислама наиболее активно формируется в мусульманских регионах России, таких как Северный Кавказ или Поволжье и Приуралье.

Пример Татарстана представляется достаточно типичным для изучения основных этапов и ключевых проблем формирования социологии ислама на всем постсоветском про-

[1] ИС РАН, ИСПИ РАН, ВЦИОМ, Левада-центр, исследовательская служба «Среда», ДГУ, КФУ Подробнее см. [5].

странстве. Поскольку развитие социально-гуманитарной сферы в нашей стране обусловлено политической ситуацией и господствующей идеологией, в исторической ретроспективе можно выделить три этапа формирования социологии ислама в республике: советский (до 1991 г.), постсоветский (1990-е гг.) и современный (2000–2010 гг.). Советский период подробно рассмотрен в работах казанского исследователя М.В. Кильдеева, который в свою очередь разделил его на три периода: «до-социологический» (до 1966 г.), период «внутриполитической стабильности» (1966–1985 гг.) и перестроечный (1986–1991 гг.). Всех их объединяет то, что опросы проводились под жестким идеологическим контролем государства, в соответствии с доктриной исторического материализма, к которому социологи вынуждены были приспосабливаться, были посвящены, главным образом, изучению проблем «атеизма и религии» и прекратились после распада СССР [2, с. 41]. Современные исследователи предпринимают вторичный анализ этих данных с применением новейших методов, что позволяет до определенной степени восстановить картину жизни и динамику развития мусульманской общины на разных этапах эволюции советского социума [1, с. 68].

В 1990-е гг. с ростом национальных движений во вновь провозглашенной Республике Татарстан крайне востребованными стали этносоциологические исследования, инструментарий которых, впрочем, в обязательном порядке содержал вопросы о религии, которая рассматривалась в качестве важнейшего компонента этничности и «составного элемента межнациональных отношений». Результаты этих исследований содержат сведения об отношении населения к религии, характере его конфессиональной самоидентификации, уровне его религиозности, степени включенности в религиозную обрядность и пр. С одной стороны, эксперты признают значение этой информации для социологов ислама в плане «прогнозирования всевозможных проявлений мусульманского фактора» [3, с. 11]. С другой стороны, отмечено, что «приобщение этносоциологических данных к системе религиоведческого знания зачастую оказывается затруднительным в силу существенных различий в методике и расхождений на этой почве с данными специализированных исследований» [2].

Актуализация прикладных исследований в сфере социологии религии и, в особенности, социологии ислама происходит на рубеже 1990–2000-х гг., что обусловлено ростом религиозного радикализма и экстремизма во многих регионах мира. В последнее двадцатилетие в республике постоянно увеличивается количество массовых опросов населения и опросов целевых групп мусульман, проводятся глубинные интервью и фокус-группы, предпринимается контент-анализ СМИ и интернет-ресурсов, создаются исламоведческие центры и центры мониторинга межконфессиональных отношений[2], ежегодно проводится до десятка исламоведческих конференций, в геометрической прогрессии растет число научных публикаций.

Беглый взгляд на тематику журнальных публикаций и программ научных конференций позволяет увидеть, что в сферу внимания татарстанских социологов входит довольно широкий круг проблем. В их числе особенности исламского возрождения в республике и проблемы «новой» (постатеистической) религиозности[3]; многообразие форм религиозной (конфессиональной) идентичности[4]; особенности ее формирования в процессе социализации[5]; соотношение религиозной и этнической идентичности у татар[6]; современные религиозные практики мусульман[7]. Активно исследуются проблемы возрождения традиционных

---

[2] Центр исламоведческих исследований АН РТ со структурным подразделением «Центр мониторинга межэтнических и межконфессиональных отношений», Межрегиональный центр экспертиз КФУ и др.

[3] См., например, публикации Л.И. Алмазовой, Р.Н. Мусиной, Л.В. Сагитовой, Е.А. Ходжаевой, Е.А. Шумиловой и др.

[4] Я.З. Гарипов, Р.М. Гибадуллин, Г.Я. Гузельбаева, Р.И. Зинурова, И.Б. Кузнецова-Моренко, А.М. Мингазова, Р.Н. Мусина, И.А. Мухаметзарипов, Р.В. Нуруллина, А. Фридли, Е.А. Ходжаева, Е.А. Шумилова и др.

[5] Г.И. Галиева, Я.З. Гарипов, Г.Я. Гузельбаева, Р.В. Нуруллина и др.

[6] Г.Ф. Габдрахманова, Я.З. Гарипов, Г.И. Макарова, Р.Н. Мусина, Р.В. Нуруллина, Л.В. Сагитова, Е.А. Ходжаева, Е.А. Шумилова и др.

[7] Г.Я. Гузельбаева, Л.Р. Низамова, Т.Е. Седанкина, А. Фридли, Е.А. Ходжаева, Е.А. Шумилова и др.

мусульманских институтов в регионе, в том числе институтов семьи и брака[8], системы исламского образования[9], института мусульманской общины[10]. Выявляется роль, которую играют в этом процессе вновь сложившиеся мусульманские организации[11] и религиозные деятели различного уровня (имамы, улемы)[12]; особенности его освещения в светских и религиозных средствах массовой информации[13]. Множество работ посвящено изучению проблем жизнедеятельности наиболее уязвимых демографических групп внутри исламского сообщества – женщин[14], молодежи[15], сельских мусульман.[16] Большое внимание уделяется соотношению традиций и нововведений в исламе и возникающим на этой основе религиозным идеологиям и течениям[17]; исследованию межконфессиональных и внутриконфессиональных проблем в регионе[18] и выявлению факторов и механизмов формирования толерантной межконфессиональной и внутриконфессиональной среды.[19] Следует отметить, что перечисленные темы зачастую рассматриваются в контексте проблемы сохранения общественной безопасности и предотвращения религиозного радикализма и экстремизма. Последнее также регулярно выступает в качестве предмета специальных исследований социологов, к примеру, анализ деятельности радикальных групп мусульман[20] и роли Интернета в распространении идеологии религиозного («псевдорелигиозного», «псевдоисламского») экстремизма.[21]

Исследователь из Казани Л.В. Сагитова следующим образом сформулировала «ключевые проблемные зоны» татарстанской социологии:

– «социально проявляющийся конфликт татарской теологической традиции с «истинным» исламом преимущественно в его арабской версии»;

– «проблема трансмиссии исламского вероучения среди мусульманских наставников»;

– «расколотость татарской мусульманской уммы по идеологическому и ритуальному основаниям»;

– «социальные основания специфики воспроизводства исламского учения и практик»;

– «ислам в Татарстане в контексте этнополитики и приоритетов мега- и мезоуровней геополитики Российской Федерации и Татарстана». [4, с. 152]

К сожалению, в рамках небольшой статьи не представляется возможным произвести содержательный анализ работ наших исследователей, но даже поверхностный обзор позволяет сделать некоторые выводы. Во-первых, опубликованные материалы позволяют представить многие стороны жизни мусульман Татарстана, спектр мнений оценок и точек зрения по различным актуальным темам, проблемы и перспективы развития регионального мусульманского сообщества. Во-вторых, подавляющее большинство исследований предпринимает-

---

[8] Г.И. Галиева, А.М. Мингазова, А.С. Хакимзянова и др.

[9] Л.И. Алмазова, А.М. Ахунов, Я.З. Гарипов, Р.М. Гибадуллин, Р.М. Мухаметшин, Р.А. Набиев, К.И. Насибуллов, И.З. Нафиков, Р.В. Нуруллина, Р.Р. Сафиуллина-Аль Анси, Т.Е. Седанкина, А.М. Фазлиев и др.

[10] И.З. Нафиков, Р.В. Нуруллина, А.А. Султанов, А.Ю. Хабутдинов и др.

[11] И.М. Арсланов, Г.Я. Гузельбаева, Р.М. Мухаметшин, В.М. Якупов и др.

[12] Р.М. Гибадуллин, М.М. Марданшин, Р.М. Мухаметшин, Р.В. Нуруллина, В.М. Якупов и др.

[13] В.З. Гарифуллин, Р.М. Гибадуллин, И.Б. Кузнецова-Моренко, Л.Н. Салахатдинова и др.

[14] Г.Р. Балтанова, И.Р. Гафиятуллина, Л. Каримова и др.

[15] Я.З. Гарипов, Ф.Ф. Гатин, М.Р. Гибадуллина, Г.Я. Гузельбаева, А.В. Касимова, А.М. Мингазова, Р.В. Нуруллина, Т.Е. Седанкина, А. Фридли, Е.А. Ходжаева, Е.А. Шумилова и др.

[16] А.А. Гильмутдинов, М.В. Рябцов, Л.В. Сагитова, И.Э. Фаттахов, Р.В. Шайдуллин и др.

[17] Л.И. Алмазова, Г.Я. Гузельбаева, И.А. Мухаметзарипов, Л.В. Сагитова, Р.Р. Сулейманов и др.

[18] Р.А. Набиев, Р.В. Нуруллина, Р.Н. Мусина и др.

[19] Е.А. Беляева, Я.З. Гарипов, И.С. Мавляутдинов, А.М. Мингазова, Р.Н. Мусина, Р.В. Нуруллина, Р.М. Рахимова, А.В. Фахрутдинова и др.

[20] Л.И. Алмазова, Р.Г. Галихузина, И.Р. Гафиятуллина, Э.А. Иванова, А.В. Касимова, М.М. Марданшин, А.М. Мингазова, Р.М. Рахимова, В.Т. Сакаев, Р.Р. Сафиуллина-Аль Анси, Р.Р. Сулейманов, В.В. Шерстобоев и др.

[21] Р.Г. Галихузина, Д.Р. Гимадеева, Л.В. Сагитова и др.

ся в рамках традиционной ориенталистской парадигмы. Это обусловлено прикладными задачами, которые ставит перед социологами современное российское общество, для которого «мусульманский сегмент» по-прежнему представляется несколько «чуждым» элементом, несущим потенциальную опасность и нуждающимся в регулировании и контроле. Как следствие, сама постановка проблемы исследования в большинстве случаев является односторонней, не учитывающей мировоззренческую специфику ислама. В-третьих, можно увидеть, что при наличии растущего количества эмпирических исследований в сфере социологии ислама остро ощущается недостаток теоретических разработок.

Последнее, впрочем, общая проблема всей российской социологии религии, которая, по мнению профессора М.Ю. Смирнова, «по инерции», еще с советских времен сохраняет дисбаланс между теорией и эмпирикой. В советское время развитие самостоятельной социологической теории религии было затруднительно: «Социологический компонент исследований религии был инкорпорирован в состав идеологически инспирированной квазитеории научного атеизма (советского эрзаца религиоведения)». [5, с. 72] Процесс освоения зарубежных подходов по сей день не завершен, ввиду чего положение социологии религии в России в целом определяется автором как «лиминальная» фаза, когда <…> стадия «открепления» от прежнего (советского) состояния пройдена, но итоговая стадия чёткой структуризации ещё далеко не достигнута». [Там же] Также не завершена и институционализация дисциплины, которая, по Смирнову, представлена в России пятью основными сегментами: службы изучения общественного мнения, исследовательские центры в академических и вузовских учреждениях, преподавание социологии религии, профессиональные ассоциации социологов религии, сетевые сообщества энтузиастов социологии религии. При этом во всей стране до сих пор нет ни одного научного периодического издания, специализированного на социологии религии. [5, с. 71] В Татарстане ситуация в этом отношении еще менее благоприятная, здесь нет ни одной специализированной кафедры социологии религии, отсутствуют как профессиональные ассоциации, так и региональные сетевые сообщества. Показательно, что исламоведческие конференции проводятся в большом количестве, изредка – религиоведческие, но за все эти годы не организовано ни одной конференции по социологии религии или по социологии ислама.

Таким образом, можно сделать вывод, что социология ислама – это актуальное научное направление, которое активно формируется сегодня в России на стыке исламоведения и социологии религии и призвана способствовать пониманию ислама как комплексной системы, охватывающей различные сферы общественной жизни. Однако выработка в рамках этой дисциплины общего методологического подхода и единой системы координат затруднена из-за слабого развития российской теоретической социологии и недостаточной институционализации ее религиоведческого направления. Как показывает опыт Татарстана, ситуация еще более проблематична на региональном уровне. Если этносоциологическое направление в республике можно назвать сложившимся, то региональная школа социологии ислама фактически еще только начинает формироваться, несмотря на впечатляющее количество исследований. Анализ публикационной активности татарстанских социологов, специализирующихся на изучении ислама показал, что тематика их работ весьма разнообразна и охватывает многие стороны жизни мусульман, спектр мнений оценок и точек зрения по различным актуальным темам, проблемы и перспективы развития регионального мусульманского сообщества. В то же время эту тематику во многом определяет социальный заказ, формулируемый в рамках ориенталистского дискурса и направленный на обеспечение общественной безопасности в свете глобальных вызовов религиозного экстремизма.

Литература

1. *Кильдеев М.В.* Ранний этап развития отечественной социологии религии на примере социологического изучения мусульманской религиозности в Среднем Поволжье // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2017, № 2 (46). С. 64–69.

2. *Кильдеев М.В.* Практика социологических исследований религиозности в СССР (1966–1991) и ее значение для современности (на материале Татарской АССР) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2010. № 3. С. 40–45.
3. *Мухаметшин Р.М.* Приветственное слово / Ислам в мультикультурном мире: Мусульманские движения и механизмы воспроизводства идеологии ислама в современном информационном пространстве. Казань: Изд-во КФУ, 2014. С. 10–12.
4. *Сагитова Л.В.* Проблемы методологии изучения религиозной традиции в контексте постсоветской реисламизации // Minbar. Islamic Studies. 2018. Т. 11. № 1. С. 145–156.
5. *Смирнов М.Ю.* Социология религии в Российской Федерации: два наблюдения // Вестник ПСТГУ. I: Богословие. Философия. 2014. №. 3(53). С. 71–80.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ВОСПИТАНИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ ГРАМОТНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Туганова Э.А.
Алматинская Академия Экономики и Статистики,
Казахстан, г. Алма-Ата

Аннотация. Статья посвящена актуальным вопросам воспитания религиозной грамотности в Республике Казахстан. Автор также рассмотрел проблемы национальной безопасности в контексте появления экстремистски настроенных и деструктивных религиозных организаций. Особое место отведено вопросу правильного воспитания и осмысления религиозных ценностей.

Ключевые слова: молодежь, религиозная толерантность, Ислам, гуманизм, нравственные и религиозные ценности, хиджаб, светское государство, экстремизм, религиозный фанатизм, Коран, радикализм, конфессии, свобода, терроризм, обрядность, безопасность.

Сегодня в обществе как никогда назрела необходимость переосмысления концептуальных подходов в воспитании религиозной грамотности среди населения, и в первую очередь, среди подрастающего поколения, а также поиска новых форм и методов воспитательной работы в высших учебных заведениях республики.

В образовательных учреждениях равнозначна ценность как образовательного, так и воспитательного компонента. Однако, в период становления государственной независимости, в условиях сложных экономических и социальных преобразований воспитательный компонент деятельности высшей школы отошёл на второй план. Тем не менее, прошедшее время наглядно продемонстрировало необходимость актуализации данной работы, поскольку нравственные качества, правильные жизненные принципы современной молодежи не менее значимы, чем профессиональные знания, навыки и умения.

Формирование здорового отношения к религиозным течениям у казахстанской молодежи в современных условиях должно основываться на правильном осмыслении религиозных ценностей, составляющей основу открытого демократического общества, толерантности, предполагающей наличие плюрализма мнений, подходов, идей, поступков для решения возникающих проблем, поэтому молодежь в будущем должна стать социально активной, жизнеспособной, гуманистически ориентированной.

Перед научным сообществом Казахстана стоят сложные задачи, это, прежде всего, воспитать следующие личностные и гражданские качества у современного поколения:

– уметь ориентироваться в социально-политической обстановке;

– формировать свою мировоззренческую позицию, идеалы, религиозные и гуманистические ценности;

– обладать способностью к саморазвитию;

– иметь потребность в достижениях и в самостоятельном принятии решений;

– уважать законы и обладать социальной ответственностью, гражданским мужеством, внутренней свободой и чувством собственного достоинства;

– демонстрировать способность к объективной самооценке;

– проявлять высокую социальную активность во всех сферах жизнедеятельности, стремлением к поиску нового и способностью находить нестандартные решения жизненных проблем.

С целью воспитания религиозной грамотности в нашем государстве было создано агентство Республики Казахстан по делам религий. Был принят Закон «О религиозной деятельности и религиозных объединениях». Утверждена Концепция государственной политики в религиозной сфере Республики Казахстан на 2017–2020 годы» № 500 от 20 июня 2017 г.

Республиканские религиозные объединения и региональные религиозные объединения в соответствии со своими уставами вправе создавать в форме учреждений духовные (религиозные) организации образования, реализующие профессиональные учебные программы подготовки священнослужителей (ст. 13 п. 3) [1].

Создание и деятельность юридических лиц, занимающихся религиозной деятельностью, в иной организационно-правовой форме, кроме как религиозное объединение, не допускаются, за исключением духовных (религиозных) организаций образования (ст.13 п.4) [1].

Современный Казахстан – это, прежде всего светское государство, но в котором каждому гражданину гарантирована свобода вероисповедания. За годы существования республики как независимого демократического государства религиозные объединения стали важнейшей частью гражданского общества.

В Казахстане, по состоянию на 1 января 2017 г. действует более 3600 религиозных объединений и их филиалов, представляющих 18 конфессий. Всего по республике имелось 3464 культовых сооружений, из них 2550 мечетей, 294 православных и 109 католических церквей, 495 протестантских храмов и молитвенных домов, 7 иудейских синагог, 2 буддистских храма, 7 молитвенных домов «Общество сознания Кришны» и Бахаи. Все субъекты религиозных отношений осуществляют свою деятельность в соответствии с действующим законодательством Республики Казахстан.

В то же время хотелось бы особо подчеркнуть, что большинство населения страны исповедует Ислам. Поэтому 19 июня 2012 года было зарегистрировано республиканское Исламское религиозное объединение «Духовное управление мусульман Казахстана».

Ислам – монотеистическая мировая религия, которая возникла в начале VII века. На казахскую землю Ислам пришел более 12 веков назад.

В преамбуле Закона Республики Казахстан «О религиозной деятельности и религиозных объединениях» подчеркивается историческая роль Ислама суннитского направления ханафитского мазхаба в развитии культуры и духовной жизни народа Казахстана [1].

В то же время, религия, к сожалению, иногда может стать источником конфликта, но в современном мире она редко бывает первоначальной причиной столкновений. Как правило, в основе конфликтов лежат религиозные разногласия, даже среди представителей одной конфессии. И сегодня мы столкнулись с подобного рода проявлениями.

Особо настораживает тот факт, что в республике растет число псевдорелигиозных экстремистских и деструктивно настроенных религиозных объединений, которые разрушают основы общественного строя. Однако не следует путать, экстремистские организации – это, прежде всего, политические движения, прикрывающиеся Кораном и религиозной риторикой для достижения вполне оправданной политической цели – власти.

В этой связи можно согласиться с рассуждениями казахстанского политолога Айдоса Сарыма в том что, «вопросы религиозной обрядности очень политизированы, и это мешает обычным мусульманам удовлетворять свои потребности в вере».

В современном казахстанском обществе остро дискутируется проблема религиозной обрядности и можно наблюдать столкновение в обществе двух укладов –традиционалистского и так называемого «либерального».

В качестве примера, возьмем «хиджаб» и рассмотрим аргументы «за» и «против» его ношения. С одной стороны, с каждым годом в стране все больше девушек облачаются в хиджабы. Несмотря на то, что подавляющее большинство населения исповедуют Ислам, ношение платка вызывает неоднозначные реакции. Противники ссылаются на традиционную культуру казахского народа, другие возмущены подражанием арабской культуре, а третьи, наоборот, протестуют против запрета ношения. И в этом вопросе, увы, разногласия налицо.

Теперь перейдем к аргументу «за» по отношению к хиджабу:

1) «Хиджаб» в переводе с арабского языка означает «покрывание, скрытие». В шариатской терминологии «хиджаб» – это покрытие тела женщины.

«*Женщина (т.е. её тело) является полностью авратом (в отношении посторонних мужчин)*» (ат-Тирмизий);

2) Хиджаб подчёркивает целомудрие, сохраняет ее честь;

3) Хиджаб – это чистота.

Ношение хиджаба очищает сердце от мерзких, греховных мыслей, как сказал Всевышний Аллах: («аль-Ахзаб», аят 53).

Таким образом, можно сделать вывод, что «хиджаб» олицетворяет собой чистоту души и тела, женское целомудрие и непорочность. Поэтому с нравственно-воспитательной точки зрения аргументы в пользу отказа от ношения хиджаба не действуют. Призывая девушек отказаться от ношения хиджаба, это все равно, что призывать их встать на неправедный путь, так, по крайней мере, расценивает эта часть аудитории, ведь девушки в хиджабах не представляют собой угрозу обществу. Поэтому следует судить, не по одеянию, а по действиям, поступкам, взглядам, убеждениям и т. д. Хиджаб, как утверждают исламские теологи, также олицетворяет собой по большей части не внешнюю красоту, а душевную. И эта сторона делает его наиболее привлекательным для большей части мужского населения.

Тем более, когда в социальных сетях появились многочисленные эпатажные кадры обнаженных девушек.

Вторым поводом для дискуссий, стали публичные выступления поборника традиционных ценностей о пользе умеренного физического насилия по отношению к женам, и к женщинам в обществе, в целом. Поэтому общество раскололось на два лагеря после подобного рода высказываний. Эти рассуждения вызвали общественный резонанс. Поэтому хиджаб вызывает некую негативную реакцию со стороны оставшейся части современных девушек.

Оказавшись в некоем «идеологическом вакууме» после распада Советского Союза, люди потеряли общественные ориентиры, и это подтолкнуло население искать спасение в религии. И вот здесь налицо ряд серьезных упущений со стороны государства, т.к. в первые годы независимости, необходимо было строго следовать основопологающим принципам светского государства с устройством, где религия отделена от власти, и которое регулируется на основе гражданских, не религиозных норм; решения государственных органов не могут иметь религиозного обоснования.

Поэтому государство, к примеру, не должно было разрешать открывать «намаз ханы» (место для чтения намаза) в государственных учреждениях, в частности, в Вузах страны, вплоть до студенческих общежитий, а также давать разрешение на ношение хиджаба в государственных учреждениях, т.е. следуя основопологающим принципам светского государства, необходимо было оставить Ислам на уровне бытового, обрядового, тем более, что и при коммунистическом режиме он сохранялся, т.е. найти некий компромисс.

Вторым серьезным упущением, было то, что в страну в первые годы независимости прибывали мессионеры и, таким образом, верующие Казахстана попали под влияние новых, зарубежных религиозных течений. На начальном этапе Казахстан, действительно, обеспечил свободу вероисповедания, не вмешивался в дела религии, а также не было контроля со стороны государства, в том числе и правоохранительных органов, и служб безопасности.

Многие из религиозных организаций на тот момент не представляли угрозу для нашего государства, однако, вскоре появились и деструктивные салафитско-джихадистские

группы, пытавшиеся утвердиться в стране. И теперь, когда граждане страны видят девушек в хиджабах, или молодых людей с бородами, воспринимает их, как носителей чуждой культуры и псевдорелигии. Ведь если вернуться к истории казахов, которые также были мусульманами, никогда казашки не носили хиджабы, а молодежь не носила бороду.

Переломным принято считать этап, когда Казахстан впервые столкнулся с проявлениями религиозного экстремизма, начиная с 2005 года, когда в стране произошли первые террористические акты.

С этого момента правительство взяло на себя обязательство регулировать религию, аппелируя на французский и турецкий опыты. И первые попытки запретить ношение хиджаба не увенчались успехом, т.к. у верующих есть сильный аргумент Конституция Республики Казахстан, согласно которой: «Никто не может подвергаться какой-либо дискриминации по мотивам происхождения, социального, должностного и имущественного положения, пола, расы, национальности, языка, *отношения к религии,* убеждений, места жительства или по любым иным обстоятельствам» (ст. 14 п. 2) [1, с. 7].

Казахстан, к сожалению, вовремя недооценил, всю серьезность угрозы религиозного экстремизма, вследствие чего, началось активное вмешательство государства в частную жизнь верующих граждан и религиозных объединений, которые посчитали экстремистски настроенными или нетрадиционными. Что в свою очередь, вызвало критику, как со стороны наших соотечественников, так и со стороны западных стран, как нарушающих права человека и гражданина.

Есть еще один немаловажнй факт, это разночтения в Исламе, когда всякий берется толковать его на собственный лад, а также отсутствие единого духовного лидера всех мусульман Казахстана, который был бы уважаемым у всех этносов, проживающих в республике, ведь Казахстан – это многонациональная страна. Именно такой духовный лидер смог бы консолидировать всех верующих мусульман в стране и положить конец разногласиям.

Но для нашей общественности, прежде всего научой и творческой интеллигенции, важнее всего обращать внимание на гуманистическую сущность Ислама, ведь эта религия ненасилия, толерантности, которая проповедует любовь, милосердие, сострадание и не имеющая ничего общего с религиозным фанатизмом [2, с. 76].

Поэтому на сегодняшний день наиболее актуальными являются следующие формы работы по воспитанию религиозной грамотности населения:

– формирование здорового отношения к религиозным течениям у населения, прежде всего, казахстанской молодежи в современных условиях, которое должно основываться на правильном осмыслении религиозных ценностей на основе толерантности;

– наладить открытый диалог между гражданами и государственными органами;

– не ущемлять права граждан по религиозному принципу;

– усовершенствовать воспитательный процесс, разъясняя гуманистическую сущность Ислама;

– осуществлять тесное сотрудничество организаций образования с семьями и другими социальными институтами для повышения религиозной грамотности населения;

– проводить действенную работу по профилактике распространения экстремизма;

– формировать у граждан иммунитет к деструктивной религиозной идеологии;

– активное участие СМИ, гражданского общества в разъяснительной работе;

– культивирование здорового образа жизни, религиозного сознания.

Литература

1. Закон Республики Казахстан от 11 октября 2011 года № 483-IV «О религиозной деятельности и религиозных объединениях» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 11.12.2016 г.).
2. Конституция Республики Казахстан (принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 года); (с изменениями и дополнениями по состоянию на 23.03.2019 г.).

3. *Туганова Э.А.* Ислам и религиозный экстремизм: история и современность // Материалы Международной научной конференции, посвященной Посланию Президента РК народу Казахстану «Трансформация системы образования в Республике Казахстан». 2007. С. 75–85.
4. Электронный ресурс «Zakon.kz». URL: https://www.zakon.kz (Дата обращения: 12.12.2020).

СЕКЦИЯ «ВЫЗОВЫ И ТРЕНДЫ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА В РЕГИОНАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА»

ДОВЕРИЕ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Абдикерова Г.О., Атабаева Г.К.
Казахский национальный университет имени аль-Фараби,
Казахстан, г. Алма-Ата

Аннотация. Доверие основа создания гражданского общества на базе солидарности всех граждан. В современном Казахстане институты гражданского общества играют невысокую роль в формировании социальной солидарности в обществе. Дефицит доверия в обществе способствует нарастанию межличностных, институциональных барьеров, неизбежно увеличивает неопределенность и нестабильность социальной среды, все это делает существующие институты неэффективными. Доверие основа создания цивилизованной рыночной экономики и гражданского общества на базе ценности благополучия и солидарности всех граждан. Проблемы благополучия нации является основным приоритетом политики нашего государства, поскольку решение такой задачи, как построение конкурентоспособной национальной экономики необходимо начинать с построения солидарного гражданского общества. Механическое перенесение западноевропейских и иных культурных образцов не всегда эффективно если учесть специфики казахской культуры, своеобразия менталитета населения. Любое изменение должно осуществляться с учетом конкретно исторических и культурных условий развития.

Методология исследования доверия представлена именами таких ученых, как Э. Гидденс, Р. Дарендорф, Т. Парсонс, А. Селигмен, Ф. Теннис, Ф. Фукуяма, П. Штомпка, рассматривающих его как сложного социального феномена.

Цель исследования: раскрыть потенциал доверия в развитии гражданского общества и сознательного внедрения морально-этических ценностей в межличностной и институциональной среде.

Укрепление гражданского общества в Казахстане, вовлечение его в обсуждение наиболее актуальных общегосударственных задач с целью их решения является одной из актуальных задач, требующего своего решения на данном этапе развития Казахстана. Именно для этого создан представительный по своему составу Национальный Совет общественного доверия, который будет работать по ротационному принципу [1]. Развитие гражданского общества требует качество человеческого ресурса, которое, в свою очередь, зависит от жизненного уровня и благополучия граждан. Превращение ресурсы человека в его потенциал, и совершенствования окружающего его социального и природного мира требует непрерывного вложения инвестиции, прежде всего в его развитие.

Ключевые слова: доверие, социальный капитал, гражданское общество, социальные сети, инвестиция.

В последние десятилетия мы все острее ощущаем влияние глобализации, разрушающую историю, народы, государства, всякую целостность, предлагая взамен новые механизмы самоорганизации и нелинейнего развития по словам российского ученого И.Пригожина. В этих условиях реально осознаешь ставшей реальностью рациональный мир капитализма, где культивируется успех и профессионализм. Как изменится отношение людей к социо-культурным, и духовно-моральным ценностям в условиях глобализации? В частности к такому социальному явлению как доверие.

По Гидденсу мир после модерна будет миром возвращения к обществу морали» [2]. Рост глобальных и транснациональных организаций, транснационального государства характеризует страны, относящихся к вторичному модерну [3]. Превращения из закрытого

общества в открытое позволило постсоветским странам почувствовать эффекты вторичного модерна. Быстрое распространение западных ценностей способствовало превращению модернизации в «догоняющее состояние». Не успев освоить механизмы вхождения в цивилизованное рыночное общество, Казахстан начал акцентировать внимание на постиндустриальные ценности, благодаря становлению информационного общества. Таким образом, долгий путь, которую западная цивилизация прошла в процессе своего становления и развития быстро становилось достоянием других культур, за короткое время. Этому способствовало социальные, политические, экономические и культурные изменения, вызванные распространением сетевых, цифровых информационно-коммуникационных технологий. Как утверждает Мануэль Кастельс Россия не может сначала закончить свой политический и экономический переход, а затем приступить к переходу в Информационный век. Она должна осуществлять их в одно и то же время [4]. Кастельс подчеркивает важную роль информационных технологии, который усиливает и увеличивает процессы экономических, политических и культурных изменений. Таким образом, если мы не изменимся сами, то все равно окажемся под их влиянием. Чтобы не слишком зависеть от них, надо заниматься тем, как их приспособить к нашим проектам в конкретных жизненных условиях в каждом обществе и для каждого человека, заключает ученый. Казахстан как и Россия переживает быстрых и необратимых изменений под влиянием глобализации, и сопутствующих ей процессов. Это касается, прежде всего, пересмотра многих устоявшихся жизненных ценностей и социальных порядков. Быстрота этих изменений также ускоряется благодаря развитию социальных сетей, как институтов новой реальности.

Создание многочисленных социальных сетей привело к интенсивному развитию горизонтальных социальных связей и ослаблению вертикальных связей управления. Социальные сети – это социальные контакты, а не только регламентированные трудовые отношения работников и коллективов[5]. Институционализация социальных сетей позволяет человеку чувствовать себя частью группы, целого механизма и отстаивать групповые интересы. Принадлежность человека к одной из существующих в организации сетей позволяют ему чувствовать себя как члена этого сообщества, и добровольно руководствоваться с ценностями, традциями и нормами этого коллектива. Очень важную роль играет доверие как ценностная основа, важный элемент социального каптитала данного социального сообщества. Как известно социальным капиталом обозначают социальные связи, выступающие ресурсом получения выгод [6]. Не все виды социальных связей определенного сообщества или организации могут быть их социальным капиталом. В экономическом или социальном плане полезные человеку, группе, организации в целом социальные связи обладают способностью стать социальным капиталом, поскольку выполняют разнообразную коммуникативную, воспитательную, мотивирующую, защитную, объединяющую, информационную или иную роль.

Ф. Фукуяма характеризует доверие как возникающее в рамках определенного сообщества ожидание того, что его члены будут вести себя нормально и честно, проявляя готовность к взаимопомощи в соответствии с общепринятыми нормами, культурными традициями, обычаями и общими этическими ценностями [7]. Для Фукуямы уровень развития общества и его культурная особенность характеризует социальный капитал [8], и в гражданском обществе, по его мнению, радиус доверия более шире, чем в традиционном культурном сообществе. Поэтому чем ниже по развитию общество тем более создается основа для двухярусной моральной системе, где доверие семье, близкому кругу людей превалирует, чем доверие другим людям в обществе. Это служит культурной основой для коррупции, которая часто рассматривается как за¬конный способ заботиться о своей семье. Поэтому проиграют ли традиционные общества от глобализации, которая распространяет ценности гражданского общества, роль которого в формировании социального капитала является существенным для него кажется большим вопросом [8]. Базовое доверие формируется больше на эмоциональном, эгоистическом уровне на основе близости, родства. О базальном доверии и недоверии говорил Э.Эриксон, характеризуя кризисы, возникающие

на определенном психосоциальном стадии развития индивида [9]. Базальное (базисное) доверие возникает на ранних стадиях онтогенетического развития личности из опыта общения с самым близким окружением ребенка, продолжает развиваться на протяжении жизни человека и определяет такое свойство личности, как доверчивость [10]. Людям важно учиться доверять своему социальному окружению, согражданам, социальным институтам и.т.п. Когда радиус доверия расширяется человек выходит на новый уровень, и его поведение осуществляется более осознанно и самостоятельно. Осознанное доверие носит субъектный характер, определяет самостоятельное, рациональное определение субъектом линию поведения. Доверие непосредственным образом связано с ожиданиями, убеждениями, волеизъявлением человека, и он рискует доверяя к кому либо, но этот риск доброволен и связан с процессом самостоятельного принятия решения. Однако, учитывая историко-культурную специфику Казахстана, хочется отметить, что так называемая двухярусная модель доверия, имеющее место в культурах традиционного типа не является принципиальной преградой для развития доверия более высшего порядка и создания гражданского общества современного уровня. Хочется отметить, что традиции это не показатель отсталости, архаичности, а способ сохранения чувственного аспекта человеческого существования через коллективного бессознательного. Возможно глобализация дает очень многое для развития национальных государств, но в тоже время отнимает у них доверия за сохранность своих традиционных основ существования.

Рассматривая доверие и недоверие как базовые характеристики человеческого поведения, хочется отметить положительную обусловленность доверия в отличие от недоверия. Доверие как важное звено социального капитала общества имеет большой потенциал для объединения людей в отличие от недоверия разделяющее общество. Эмоциональные и рациональные компоненты в равной степени присутствует в поведении личности, отличаясь только превалированием одной из составляющих. Недоверие защищая человека от разного вида непредвиденных ситуации и обмана все же характеризуется присутствием негативных эмоций, мешающих к сотрудничеству. Принимать позицию недоверяющего субъекта или быть объектом недоверия не совсем актуально и комфортно человеку, поскольку положительные эмоции имеют много преимуществ в отличие от отрицательных. В современном обществе выступать в роли активного субъекта доверия и самодостаточным объектом доверия в равной степени актуально. Именно эта ситуация может стать основой изменения общества в современных условиях и улучшению человеческого капитала, который приведет к модернизацию сущности социального капитала.

Качество человеческого капитала определяет качество социальных связей, то есть социального капитала общества. Каждая вложенная инвестиция в целях повышения образовательного, культурного и социального уровня личности является важным источником качественных изменений ее социального статуса, ценностей, отношения к людям, к природе. Доверие выступает социальной характеристикой самодостаточных субъектов. Чем больше таких личностей, тем больше социальная солидарность в обществе.

Литература

1. Конструктивный общественный диалог – основа стабильности и процветания Казахстана // Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана от 2 сентября 2019.
2. *Ритцер Д.* Современные социологические теориии (перевод с английского языка в рамках государственной программы «Рухани жаңғыру», проект «Новое гуманитарное знание. 100 новых учебников на казахском языке»). Астана, 2018. 587 с.
3. *Ulrich B., Grande E.* Varieties of Second Modernity: The Cosmopolitan Turn in Social and Political Theory and Research // British Journal of Sociology. 2010. № 61(3). С. 409–443.
4. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ВШЭ, 2000. 606 с.

5. *Сысоев С.А.* устойчивость функционирования социально-экономической системы общества и социальный капитал // Сборник трудов VII международной научно-практической конференции (18 октября 2013 г., Минск) «Устойчивое развитие экономики». С. 156–157.
6. *Бурдьё П.* Формы капитала // Экономическая социология. 2002. № 5. С. 60–74.
7. *Fukuyama F.* Trust.The Social Virtues and the Creation of Prosperity. М.: Издательство АСТ. 2004. 730 с.
8. *Fukuyama F.* Social Capital and Civil Society / The Institute of Public Policy George Mason University. URL: http://www.imf.org/external/pubs/ft/seminar/1999/reforms/fukuyama.htm (Дата обращения: 17.02.2020).
9. *Хьелл Л., Зиглер Д.* Теория личности. Спб.: Издательство: Питер, 2017. 262 с.
10. *Леонова И.Ю.* Доверие: понятие, виды и функции // Вестник Удмуртского университета. Философ. Психология. Педагогика. 2015. Т. 25. № 2 . С. 37.

КОРОНАВИРУСНАЯ ПАНДЕМИЯ КАК «ТЕСТ» ДЛЯ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ СИСТЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Батырова Р.Ф., Рысаев И.Ш.
Башкирский государственный университет,
Россия, г. Уфа

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы эффективности организации европейского здравоохранения в условиях коронавирусной пандемии. Делается вывод о том, что в условиях кризиса более эффективным отказывается смешанная государственно-частная модель организации здравоохранения.

Ключевые слова: пандемия, COVID-19, новая коронавирусная инфекция, система здравоохранения.

Коронавирусная пандемия вынудила многие государства по иному посмотреть на оценку эффективности своих систем здравоохранения. В современной Европе система здравоохранения построена на основе таких принципов, как обеспечение большей доступности медицинских услуг гражданам, эффективного медицинского страхования и высокого качества оказания медицинской помощи. Несмотря на значительное сходство систем здравоохранения в европейских странах, есть и отличительные особенности национальных систем. ЕС – достаточно гетерогенное сообщество, и даже при решении вопроса медицинского обеспечения населения пока не сформировалось единого подхода. Системы обеспечения медицинской помощью населения в странах – членах ЕС находятся в режиме постоянного увеличения расходов. Так, общие расходы на здравоохранение стран – членов ЕС возрастут в период с 2020 по 2050 гг. на 140%. Рост расходов связан с необходимостью расширения доступа населения к качественному лечению, а также разработкой инновационных методов лечения и новых лекарственных средств.

Несмотря на достаточно высокий уровень развития, системы здравоохранения в европейских странах и, в особенности, в Италии, Испании, Великобритании и Франции оказались недостаточно готовыми к отражению пандемии. Здесь сыграла свою недостаточно эффективную роль и Всемирная организация здравоохранения, которая долго формировала чувство "недостаточной опасности" и вовремя не предупредила мир об угрозе коронавируса. Только 11 марта 2020 года ВОЗ признала вспышку коронавируса пандемией. К этому времени он уже распространился по всем континентам и охватил более 115 стран. Это связано не только с бюрократизацией ВОЗ и неспособностью быстро реагировать на глобальные вызовы, но и с отсутствием у Всемирной организации здравоохранения реальных рычагов воздействия на страны-члены ВОЗ. С другой стороны, нерасторопность европейских систем

здравоохранения и неспособность работать на опережение были связаны с отсутствием опыта эффективного управления в кризисных условиях, вертикальной структуры служб санитарно-эпидемиологического контроля и преимущественной ориентированностью на амбулаторное лечение. Главная причина, на наш взгляд, связана с неэффективностью в условиях кризиса преобладающей в Европе частного здравоохранения. Вся система здравоохранения в странах Западной Европы давно переориентирована, прежде всего, на профилактику заболеваний, на первичное звено, а не на стационарное лечение. И в условиях чрезвычайной ситуации возможности этой системы оказались очень ограниченными.

Рассмотрим более подробно преимущества системы здравоохранения в ЕС, которые, несомненно, проявились во многих европейских странах в достаточно стабильных условиях развития. Благоприятным фактором в системе здравоохранения многих развитых стран Европы является обязательное социальное медицинское страхование.

Основные принципы здравоохранительной политики Евросоюза сводятся к следующему:

1. Обеспечение качества медицинских услуг в условиях все возрастающих бюджетных ассигнований государств ЕС;

2. Более тесная связь здравоохранения и экономического развития в целом;

3. Интеграция здравоохранения в другие «политики» Евросоюза.

В странах ЕС функционируют разнообразные системы медицинского страхования: обязательное медицинское страхование и добровольные, такие как, дополнительные, замещающие, дублирующие. Есть государственное страхование и частное. Общие расходы на здравоохранение варьируют: от доли ВВП составляет 6–12%. Конечно, это большая нагрузка для экономики, обусловленная системой организации медицинского страхования, где основную ответственность несут страховые компании за предоставление медицинской помощи.

Государственное медицинское страхование особенно сильно развито в Норвегии, Чехии, Швеции и Франции. Следует отметить, что государственное медицинское страхование также имеет некоторые отличия в разрезе его финансирования. Так, оно может полностью финансироваться из государственного бюджета (как в Швеции) или за счет взносов в государственные страховые фонды; или совмещать оба подхода, как в большинстве стран – членов ЕС. Наряду с этим в некоторых европейских странах значительное развитие получило и частное медицинское страхование. К ним относятся Ирландия, Словения, Германия и Испания.

В отличие от гарантированного государственной системой здравоохранения па к медицинскому обслуживанию, размер взносов, выплачиваемых за частную медицинскую страховку, зависит от ее покрытия, указанного в контракте. Внедрение практики частного медицинского страхования способствует как формированию ответственного отношения пациента к своему здоровью, так и повышению качества и экономической эффективности медицинского обслуживания.

Но в тоже время создание ЕС не привело к формированию единой европейской системы аздравоохранения, а национальные системы, в свою очередь, успели ослабнуть. Борьба с пандемией выявила эту проблему достаточно явно. И теперь современная Европа стоит перед выбором: укрепить национальные системы здравоохранения с повышением в ней роли государства или создать общую единую европейскую модель.

Пандемия проявила недостатки и преимущества и российской системы здравоохранения. С одной стороны, в современной системе здравоохранения России сохранились некоторые элементы советской системы (в частности, санитарно-эпидемиологическая служба) которая была основана на общественной солидарности с едиными принципами организации и централизации. А с другой,к счастью, в России не успели полностью перейти и на рыночные западноевропейские модели организации здравоохранения и, к сожалению, эта половинчатость и непоследовательность дали о себе знать сразу же в первые недели борьбы с коронавирусом. У России было определенное время на то, чтобы действовать с большим

опережением событий, но некоторые меры принимались недостаточно решительно и с определенным запаздыванием.

На сегодняшний день пять стран показали наибольшую эффективность систем здравоохранения в условиях пандемии. Признанными лидерами в борьбе с COVID-19 пока являются Китай,Гонконг, Южная Корея, Тайвань и Сингапур. Удалось им это благодаря сохранению высокой роли государства в здравоохранении и реализацией ряда эффективных мер:

1. Принятие превентивных мер по распространению инфекции (ставка на поиск возможных источников заражения и их контактов);
2. Массовое тестирование населения на новую коронавирусную инфекцию (ранняя диагностика, снижение риска осложнений, предотвращение распространения);
3. Раннее закрытие границ (предотвращение и уменьшение случаев завоза инфекции в страну);
4. Социальное дистанцирование - изоляция (Китай в этом отношении принял самые жесткие меры карантина);
5. Сознательность и дисциплина граждан (четкое, неукоснительное соблюдение правил изоляции и профилактики);
6. Материально-техническая оснащенность систем здравоохранения (эффективная работа санитарной авиации, скорой помощи, наличие аппаратов ИВЛ, средств индивидуальной защиты, дезинфицирующих средств, наличие реактивов и расходных материалов для своевременного тестирования);
7. Уровень профессионализма медицинских работников.

Таким образом, как показала борьба с пандемией независимо от условий, стабильных или кризисных, система здравоохранения должна оставаться всегда приоритетной государственной задачей, а не быть отданной полностью на откуп рыночным структурам, которые, в силу свой сути, преследуют прежде всего свои коммерческие цели. Есть пределы также и страховой медицины, которая рассчитана работать эффективно на дальнем расстоянии. Но когда необходимо проявить оперативность, гибкость и решительность она становится недостаточно эффективной. Что касается борьбы с новой коронавирусной инфекцией, пока окончательные выводы об эффективности различных систем здравоохранения делать рано, но уже сейчас понятно, что не все системы здравоохранения выдерживают «тест на прочность" и проходят соответствующую" проверку на дорогах".

Литература

1. Официальный сайт Всемирной организации здравоохранения («COVID-19 – хронология действий ВОЗ»). URL: https://www.who.int/ (Дата обращения 28.03.2020).
2. Официальный сайт Российской Медицинской Ассоциации («ВОЗ объявила о начале пандемии COVID-19»). URL: https://www.rmass.ru/ (Дата обращения 28.03.2020).

МОБИЛЬНОСТЬ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ

Воробьев А.А., Глебова И.С.

Казанский федеральный университет,

Россия, г. Казань

Аннотация. В статье исследуется характер движения трудовых ресурсов в рамках региональной системы ПФО. Проводится анализ взаимосвязи уровня социально-экономического развития и характера направленности движения трудовых ресурсов, а также определяются основные факторы, оказывающие влияние на привлекательность регионов с точки зрения дислоцирования трудовых ресурсов.

Ключевые слова: социально-экономическое развитие, миграционный прирост, механическое движение населения, диспропорции регионального развития, мобильность трудовых ресурсов.

Работа выполнена при финансовой поддержке
Казанского (Приволжского) федерального университета

Определяющую роль в причинах мобильности трудовых ресурсов играет уровень социально-экономического развития, который в свою очередь зависит от немалого количества разнообразных факторов. Среди них выделяют геополитическое положение территории, ее природно-ресурсный потенциал, уровень развития производительных сил, особенности демографического развития и многое другое.

В современных условиях миграционные процессы имеют разнонаправленный характер, с одной стороны они представляют собой явление, которое способствует сдерживанию естественной убыли населения, расширяют емкость внутреннего рынка, увеличивают объем производства, то с другой, ведут к противоречиям в сфере взаимодействия между мигрантами и принимающим обществом. В рамках управления внутренними миграционными процессами важно учитывать еще один факт, который заключается в отсутствии механизмов перераспределения человеческих ресурсов. Отсутствие данных механизмов необходимо в виду того, что подобные перемещения несут существенную нагрузку на социальную инфраструктуру и могут снижать качество жизни постоянно проживающего населения. Этим обуславливается значимость управления миграционными процессами.

От успешного решения задач государственного регулирования миграционных процессов, и в первую очередь вопросов внутренней миграции, зависит эффективность подготовки необходимой основы для устойчивого социально-экономического развития страны, что будет способствовать обеспечению ее национальной безопасности и сокращению региональных диспропорций развития.

Наличие региональных диспропорций внутри ПФО было выявлено на основе построенного рейтинга социально-экономического развития. Данный рейтинг основывается на агрегировании различных показателей, характеризующих важнейшие факторы, которые можно разделить на 4 группы:

1) Показатели масштаба экономки. Данная группа объединяет показатели, характеризующие абсолютные объемы производства товаров и услуг, объем бюджета, наличие трудовых ресурсов. В группу входят три показателя: объем производства товаров и услуг; объем доходов консолидированного бюджета региона; численность занятых в экономике.

2) Показатели эффективности экономики. Данная группа объединяет показатели, характеризующие производительность труда, инвестиционную активность, финансовое положение предприятий региона. На основе этих показателей можно дать сравнительную оценку эффективности использования имеющегося в регионе потенциала. В данную группу входят четыре показателя: объем производства товаров и услуг на одного жителя; инвестиции в основной капитал на одного жителя; отношение задолженности по налогам к объему поступивших налогов и сборов в бюджетную систему РФ по субъектам РФ.

3) Показатели бюджетной сферы. Данная группа объединяет показатели, которые характеризуют устойчивость бюджетной системы, в том числе уровень долговой нагрузки, обеспеченность собственными финансовыми ресурсами, объем доходной базы. Для анализа бюджетной системы источником информации служат данные отчетов об исполнении консолидированных бюджетов субъектов РФ. При оценке бюджетной системы проводился анализ следующих показателей: доходы консолидированного бюджета на одного жителя; доля налоговых и неналоговых доходов в суммарном объеме доходов консолидированного бюджета; отношение государственного долга к налоговым и неналоговым доходам консолидированного бюджета.

4) Показатели социальной сферы. Социальная ситуация и уровень жизни населения оценивались на основании анализа следующих показателей: отношение денежных доходов населения к стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг; уровень безработицы; ожидаемая продолжительность жизни; уровень младенческой смертности; среднемесячная номинальная зачисленная з/п работников организаций; удельный вес расходов домашних хозяйств на оплату жилищно-коммунальных услуг (в процентах от общей суммы расходов на оплату услуг) [4].

На основе данных показателей был рассчитан агрегированный индекс социально-экономического развития регионов ПФО и составлен рейтинг регионов. Рейтинг строился путем ранжирования регионов ПФО в порядке убывания по значению интегрального рейтингового балла.

Таблица 1

Интегральный рейтинговый балл регионов ПФО

	2012	2013	2014	2015	2016	2017	Место
Республика Башкортостан	0,649	0,661	0,615	0,762	0,711	0,727	2
Республика Марий Эл	0,340	0,384	0,303	0,369	0,366	0,357	14
Республика Мордовия	0,394	0,450	0,368	0,394	0,401	0,383	13
Республика Татарстан	0,891	0,909	0,883	0,904	0,897	0,910	1
Удмуртская Республика	0,472	0,502	0,441	0,515	0,504	0,504	8
Чувашская Республика	0,404	0,457	0,375	0,438	0,400	0,395	12
Пермский край	0,752	0,743	0,712	0,710	0,729	0,712	3
Кировская область	0,405	0,427	0,367	0,430	0,420	0,416	11
Нижегородская область	0,665	0,664	0,621	0,723	0,703	0,678	5
Оренбургская область	0,604	0,615	0,560	0,659	0,634	0,643	6
Пензенская область	0,391	0,439	0,383	0,443	0,436	0,434	10
Самарская область	0,636	0,656	0,632	0,753	0,733	0,698	4
Саратовская область	0,510	0,507	0,457	0,520	0,509	0,504	7
Ульяновская область	0,401	0,443	0,410	0,455	0,434	0,432	9

Первые пять строчек рейтинга заняли Республика Татарстан, Республика Башкортостан, Пермский край, Самарская и Нижегородская области. Эти регионы отличаются благоприятным экономико-географическим положением. Обладая достаточно мощным ресурсным потенциалом, что определяет хорошие бюджетные, социальные и макроэкономические показатели, данные регионы имеют неоспоримое преимущество в уровне экономического развития. Правда, несмотря на общность этих регионов по принадлежности к пятерке рейтинга,

они существенно различаются по качественным показателям своего развития. Данные субъекты являются обжитыми регионами со значительным населением,благоприятными природными условиями и некоторыми видами природных ресурсов (нефть, газ, цементное сырье, сера), развитой транспортной сетью и крупными научными центрами. Но самым сбалансированным регионом в контексте анализируемых показателей является Республика Татарстан. Почти по всем показателям был оценен с наивысшей оценкой. Это обосновывается тем, что Татарстан превосходит другие регионы ПФО по объемам производства товаров и услуг на душу населения, по уровню жизни, инвестициям на душу населения.

На втором месте находится Республика Башкортостан. Наряду с Татарстаном, эти два региона богатые сырьем, но при этом имеющие развитый обрабатывающий сектор, в том числе переработку нефти и газа. Республика Башкортостан выделяется развитием нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей промышленности, машиностроения, металлургии и пищевой промышленности.

Экономики этих регионов также в немалой степени зависимы от добычи сырья, но это сырье на этих же территориях превращается в продукты высокого передела. Еще от советских времен эти регионы унаследовали мощный нефтеперерабатывающий и нефтехимический кластер, который сейчас становится одним из важнейших объектов инвестиций.

В настоящее время Нижегородская область входит в десятку лидеров по развитию малого предпринимательства в России. Преобладающее число действующих предприятий осуществляет свою деятельность в оптовой, розничной торговле, ремонте автотранспортных средств и предметов личного пользования; операциях с недвижимым имуществом, аренде и предоставлении услуг; обрабатывающих производствах; строительстве.

Среди аутсайдеров рейтинга стоит выделить Республику Марий Эл, Республику Мордовию, Чувашскую Республику и Кировскую область, эти регионы занимают последние места в рейтинге уровня социально-экономического развития регионов ПФО в виду имеющихся серьезных проблем. Таки проблемы существенно влияют на дисбаланс трудовых ресурсов между регионами, регионы аутсайдеры имеют существенный отток населения, это можно проследить на основе табл. 2.

Таблица 2

Сальдо механического движения населения регионов ПФО

	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Республика Башкортостан	-4,2	-9	-6,7	-7	-4,5	-4,6
Республика Марий Эл	-12,9	-10,8	-9,8	-8,4	-8,9	-8,1
Республика Мордовия	-17,6	-16,6	-16	-16,9	-16,9	-23,1
Республика Татарстан	3,4	0,4	0,2	1	2,6	0,6
Удмуртская Республика	-17,2	-12,6	-10,4	-6,9	-5,5	-6
Чувашская Республика	-7	-10,4	-9,9	-10,9	-7,5	-8,2

Продолжение таблицы 2

Пермский край	-11,5	-7,8	-6,7	-5,2	-4	-4,4
Кировская область	-16	-13,6	-10,4	-8,1	-7	-5,2
Нижегородская область	-6,3	1,4	1,5	-2,2	-1,3	-2,2
Оренбургская область	-23,1	-20,5	-15,3	-14,6	-12,7	-12
Пензенская область	-14	-12,4	-12,3	-11,3	-9,1	-10
Самарская область	-5,6	-4,4	-3,9	-3	-4,9	-3,3
Саратовская область	-8,7	-9,9	-6,4	-9,3	-7,1	-10,4
Ульяновская область	-19,6	-15,5	-15,3	-14,5	-14,2	-11,1

На основе данной таблицы можно сделать вывод, что за последние 6 лет в целом по ПФО наблюдается отрицательная динамика миграционного прироста, однако в некоторых регионах (Республика Татарстан и Нижегородская область) показатель миграционного прироста находится на высоком уровне относительно других регионов.[1, с.16] Среди территорий с наибольшими отрицательными показателями миграционного прироста можно выделить Оренбургскую область, Пермский край и Республику Мордовию.

Итоги социологических исследований в ряде регионов ПФО показали, что низкие показатели миграционного прироста связаны с низким уровнем жизни, безработицей, ограниченностью возможностей профессионального развития и получения качественного образования. И под воздействием этих причин люди стремятся переехать в регионы с более высоким уровнем социально-экономического развития. [2, с.33] Подтверждением этого является наличие прямой зависимости между уровнем социально-экономического развития и сальдом механического движения населения.

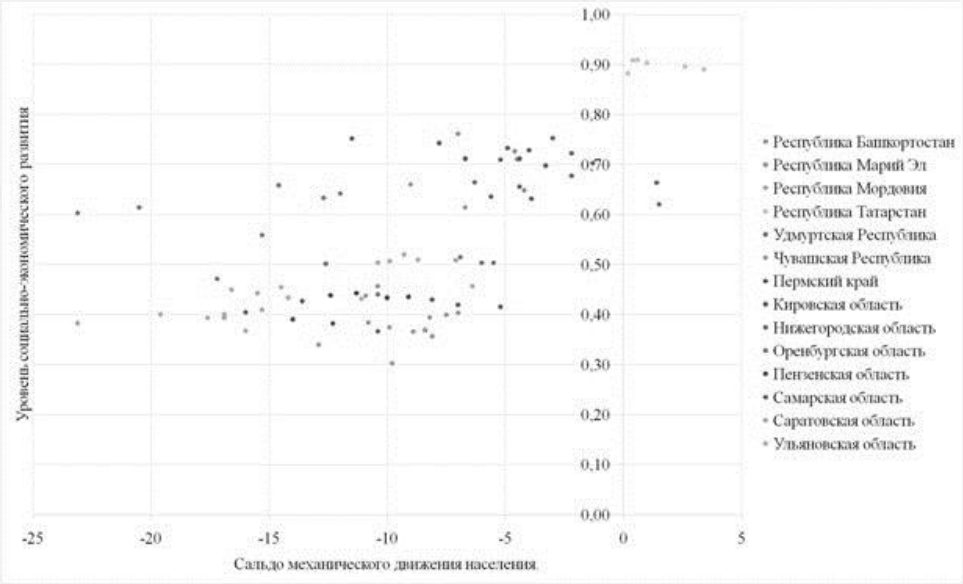


Рис. 1. Корреляционное поле зависимости сальдо механического движения населения от уровня социально-экономического развития регионов ПФО

Как видно на рисунке, то есть определенная прямая зависимость между ростом уровня социально-экономического развития региона и движением населения, это свидетельствует о том, что в основном трудоспособное население переезжает в более развитые регионы, преследуя цель улучшения качества жизни. Если анализировать результаты данных переменных, отраженных на корреляционном поле, то можно наблюдать такую картину, что в целом практически во всех регионах наблюдается механическая убыль населения, численность выбывших в другие регионы превышает численность прибывших в регион. Очевидно, что существующий миграционный прирост в Республике Татарстан не соответствует общему уровню оттока населения из регионов ПФО, а это значит, что направления миграционных потоков выходит за рамки ПФО. На основе этого можно сделать предположение, что в виду непосредственной близости ПФО к центральной части России, движение миграционных потоков направленно именно на эту территорию. Основными субъектами, привлекающими миграционные потоки, является Москва и Московская область. Это подтверждают различные рейтинги и статистические данные, где данные субъекты имеют превышение коэффициентов миграционного прироста на 10 тыс. человек в 10 и более раз.

Таким образом, на основе проведенного анализа была выявлена прямая зависимость между уровнем социально-экономического развития региона и миграционным приростом, которая может стать основным инструментом для разработки комплексных мероприятий по снижению диспропорций развития регионов. Этот комплекс мер, прежде всего, должен предполагать совершенствование внутренней миграционной политики и характера направлений миграционных потоков внутри страны. Снижение темпов миграционного оттока населения позволит регионам получить дополнительный импульс развития, в виду роста уровня производительности труда, роста уровня валового регионального продукта и других основных показателей развития региона, а с другой стороны регионы, имеющие существенный миграционный приток населения, смогут снизить нагрузку на социальную инфраструктуру, что приведет к устранению нарастающей дифференциации и сбалансированному развитию регионов.

Литература

1. *Воробьев А.А., Котенкова С.Н.* Анализ качества жизни регионов Приволжского федерального округа России и возможности его повышения // Казанский экономический вестник 2016. №4(24). С.14–22
2. *Зинченко Н.Н.* Международное миграционное право: основы теории и практики. Монография. М.: Издательство «Научная книга», 2011. С. 28–59.
3. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики «Росстат» / Доклад «Социально-экономическое положение России». URL: http://www.gks.ru/-wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_11400869221 (Дата обращения: 08.03.2020).
4. Электронный ресурс «РИА Рейтинг». URL: http://riarating.ru/ (Дата обращения: 07.03.2020).

ОСОБЕННОСТИ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО МЕНТАЛИТЕТА РОССИЙСКИХ И ЕВРОПЕЙСКИХ РУКОВОДИТЕЛЕЙ

Галимов Р.С.
Башкирская академия государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан, Россия, г. Уфа

Аннотация: В статье рассматриваются особенности управленческого менталитета западноевропейских и российских руководителей. Выявлены основные причины формирования и проявления этих особенностей. Определены возможности трансформации зарубежного опыта подготовки руководителей в российских условиях.

Ключевые слова: Национальный менталитет, особенность государственного управления, современный российский менталитет.

В течение своей истории, Россия выработала свое представление об эффективной модели лидерства. Это представление оказывало, и продолжает оказывать, большое влияние на политику, бизнес и общество.

Примером такой модели служит Петр Великий - один из уважаемых и обожаемых лидеров российской истории. Следует признать, что поведение Петра имело исторические прецеденты.

Еще один вывод из российской истории, включая пример Петра Великого, это практическое отсутствие позитивных примеров подготовки приемников власти. Большинство наследников оказались не готовы к этому бремени (другие яркие примеры: Александр Невский, Василий III, Иван Грозный, В.И. Ленин, И.В. Сталин).

Фактически единственный русский монарх, создавший систему воспитания наследника – Екатерина Великая.

Рассмотрим модели менеджмента в России и Германии. Разница между моделями этих стран достаточно велика. В построении системы управления большую роль играет национальный менталитет. Если в Германии основные национальные черты – это ответственный педантизм и высокий уровень самодисциплины, то в России это скорее – отказ от ответственности, надежда случайное разрешение ситуации. Нередко русского человека выручала смекалка. Но в современном менеджменте одной смекалкой не обойтись. К сожалению, уровень образования кадров всех уровней и минимальный срок существования рыночной системы в России не позволили к данному времени выработать эффективной национальной системы менеджмента. Германия же, со своим опытом, подходом к образованию и организации труда добилась достаточной эффективности в управлении, что позволяет немецким компаниям быть узнаваемыми, оцененными подостоинству и конкурентоспособными на мировом рынке. Необходимо отметить, что менеджмент России представляет собой симбиоз европейского и азиатского стилей менеджмента, а Национальной Концепции управления в нашей стране не существует.

Особенностями государственного управления в России являются следующие элементы: централизованное административно - государственное управление, традиция авторитаризма, особенности российского менталитета, к которым относятся наличие противоречивых черт – склонности к деспотизму и анархии, равенству и социальной справедливости, коллективистское крестьянское (общинное) начало, настороженное отношение к частной собственности.

Россиянин привык полагаться на богатство, неисчерпаемость, необъятность русской земли; к цикличности труда; ставить общественное выше личного и работать в коллективе, вне которого он себя не мыслит.

Характер россиянина является загадочным и противоречивым, трудно поддающимся анализу, имеет огромную амплитуду колебаний между добром и злом. Следует сохранить и закрепить в характере россиянина положительные поведенческие черты, которые носят

альтруистический характер. Согласно российской философии свою свободу человек ограничивает во имя Бога, России, общественных интересов, близких, во имя своей совести, не позволяющей причинять зло другим людям. Россиянин живет в общности, характеризующейся многообразием различных этнических групп, национальностей, народностей.

Существуют разные типы условий, влияющих на формирование особенностей менталитета русского народа:

– структурные условия (природные, социальные, духовные);

– функциональные, играющие определенную роль в деятельности по формулированию особенностей российского менталитета (длительная консервация общины в России приводила к формированию таких особенностей поведения русских, как коллективизм, взаимопомощь и взаимовыручка в труде; а также специфических нравственных качеств людей: сострадательность, сочувствие чужому горю);

– многонациональность (более ста наций народностей), многоконфециональность, проживающих на территории России много веков, сформировали особую культуру взаимоотношений.

В условиях становления рынка организациям в большей степени нужно делать ставку на поколение 40–50 летних и более старшие возрастные группы. Так как ориентация современного российского общества на потребление (по примеру Запада) приводит к бездуховности части молодежи, разрушению идеалов, норм поведения, появлению агрессивности, эгоизма пренебрежению истории и культуре России.

Таким образом, под влиянием всего комплекса условий возможно формирование особенностей российского менталитета. Эти условия начинают действовать разновременно. В начале включаются природные факторы, затем особенности жизни и занятий сельским хозяйством населения, а отсюда уже особенности формирования менталитета русской нации.

Сравнительная характеристику особенностей менталитета различных стран представлена в таблице 1.

Таблица 1

Сравнительная характеристика особенностей
российского, японского и немецкого менталитета

Черты российского менталитета	**Черты японского менталитета**	**Черты немецкого менталитета**
Коллективизм	Группизм	Индивидуализм
Отсутствие логичности и расточительства	Бережливость	Экономичность
Неаккуратность	Аккуратность	Аккуратность
Идеализм	Практицизм	Рационализм
Восприимчивость к чужому опыту	Восприимчивость к чужому опыту	-
Терпение, жертвенность, готовность к состраданию, стойкость и мужество перед лицом испытаний	Терпение, жертвенность, стойкость и мужество перед лицом испытаний	-
Изобретательность	Высокая приспособленность к новизне	Постоянная инновация
Материализм	Материализм	Материализм
Подчинение авторитету	Подчинение авторитету	Уважение авторитета
Увлеченность интересной работой	Трудолюбие	Высокая компетентность и забота о качестве продукции

Источник: [5]

В таблице 2 представлено сравнение менталитетов: европейского и азиатского.

Таблица 2

Сравнительный анализ азиатского и европейского менталитета

Параметр для сравнения	**Европейский менталитет**	**Азиатский менталитет**
Права Человека	У каждого человека есть Права Человека	Все права у сильного, у слабого – нет ничего
Использование насилия	Нет	Да
Взаимоотношения между людьми	Равноправие Паритет	Иерархия власти Субординация
Принцип взаимодействия	Взаимовыгодный договор	Подчинение Принуждение
Общественные интересы	Наука, искусство, бизнес	Власть, традиции, религия
Культура	Культ Разума	Культ Силы
Основные темы в искусстве	Человек, Красота, Жизнь	Страдания, страх, смерть
Приоритеты	Лучше тот, кто создает	Лучше тот кто, уничтожает
Цели воспитания	Рассудительность, признание, Общение, индивидуальность всех	Послушание, безжалостность, Коллективность каждого
Государственная система	Прямая Демократия	Монархия, Империя, Диктатура
Экономические принципы	Свободный рынок, Конкуренция, Частная собственность	Государственное регулирование, монополия, государственная собственность
«Что такое свобода?»	Отсутствие насилия	Неограниченное насилие

Исходя из данных, рассмотренных в таблицах, можно выделить некоторые особенности современного российского менталитета:

– преобладание в организациях вертикальных, формальных связей и отношений;

– наличие командной системы во многих организациях, подавление инициативы подчиненных;

– менеджеры высшего звена избегают делегировать полномочия и ответственность второму эшелону, норовят все сделать сами, лично контролировать. Причина: недоверие к подчиненным, недостаточная квалификация, неумение эффективно мотивировать наемных менеджеров;

– слепое копирование западных методов ведения бизнеса и управления организацией;

– отсутствие гибкости у высшего менеджмента. Многие руководители действуют по привычке, не реагируя на изменения внешних и внутренних факторов.

– возрастание доли инноваций и предпринимательства – развитие внутреннего предпринимательства; свобода деловых операций как внутри, так и вне компании.

В соответствии с законом «менталитет – менеджмент» определенной ментальности, каждой конкретной черте национального характера соответствуют адекватные формы, виды и инструменты управления, его соблюдение обеспечивает устойчивость рабочего процесса, сглаживает противоречия между управляемыми и управляющими, способствует преодолению конфликтов и кризисных ситуаций.

Существенное влияние на формирование российского менеджмента оказали и продолжают оказывать специфические общественно-экономические факторы, и, прежде всего:

– экономическая и политическая нестабильность в стране;

– спад промышленного и сельскохозяйственного производства;

– высокий уровень безработицы;

– высокий уровень инфляции;

– низкая платежеспособность многих организаций;

– несовершенная и нестабильная законодательная и нормативная база функционирования экономики;

– коррумпированность государственных и местных органов регулирования экономики;

– высокий уровень криминализации экономики, незащищенность предпринимателей от криминальных структур.

Особенности формирования национальной модели менеджмента в России представлены на рисунке 1 [4].

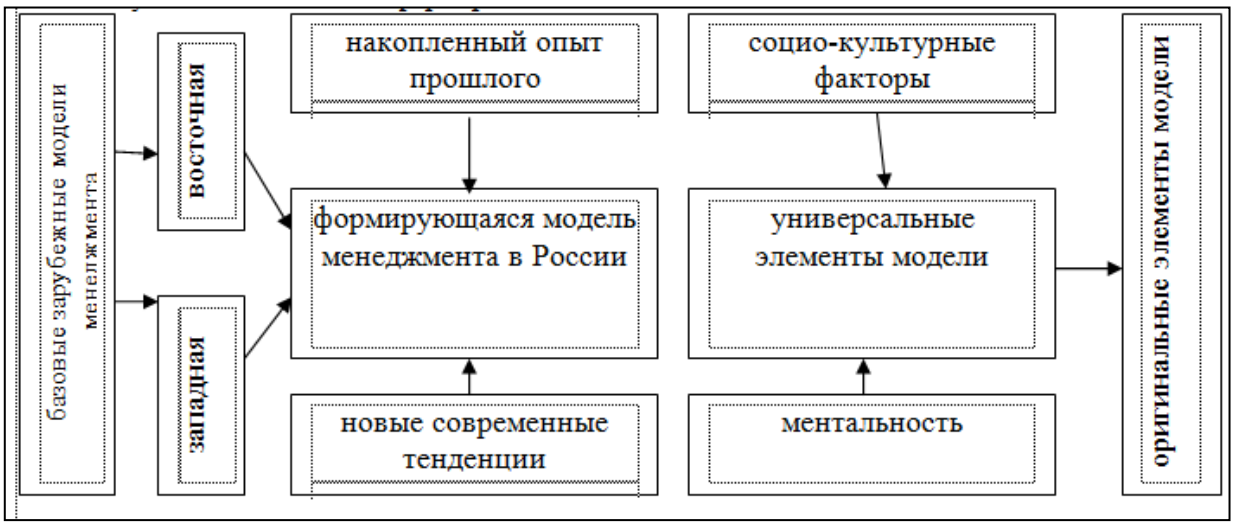


Рис. 1. Особенности формирования национальной модели менеджмента в России

Особое внимание необходимо уделять к подготовке руководителей. Очень важно, чтобы на ранних этапах руководители старшего звена осуществили следующие действия:

– разработали конкретное для каждой организации и понятное всем логическое обоснование;

– планировали и непосредственно участвовали в организации программ;

– создали «видение» программы в организации;

– стали ее адвокатами;

– уточнили глобальные и локальные цели;

– распределили ответственность;

– упорядочили инструменты измерения;

– информировали о недостатках и достоинствах.

Все личностные качества руководителя должны быть современными и условно их можно разделить на 5 групп:

а) общечеловеческие качества: трудолюбие, честность, справедливость, гуманность, альтруизм, чувство юмора, любовь к своему делу, внешняя привлекательность, безупречная нравственность;

б) психофизиологические качества: прекрасное здоровье, стрессоустойчивость, интеллектуальные свойства, индивидуальные психологические свойства (темперамент);

в) деловые качества и организаторские способности: инициативность, самоорганизованность, дисциплина, исполнительность, четко ставить цель и задачи, оперативно принимать решения, использовать новое, объективно анализировать результат;

г) коммуникативные качества: установить деловые отношения, выступать публично, умение общаться;

д) профессиональные знания: знание науки об управлении, умении работать с документами.

Д.А. Медведев внес проект «Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года»[2], где предусмотрено обучение чиновников за рубежом. Для лиц, занимающих должности руководителей высшей и главной группы должностей государственной гражданской службы, получивших высшее профессиональное образование за рубежом:

– по состоянию на 2010 год – 0,5%;

– по состоянию на 2016 год – 4%;

– по состоянию на 2020 год – 12%.

Путин В.В. в документе «О мерах по укреплению кадрового потенциала Российской Федерации» [3] обозначил необходимость оплаты учебы за рубежом. Цель образовательной программы – массовая подготовка кадров «руководителей бизнеса и политиков» – модернизаторов России за рубежом. Возникает резонный вопрос – обучение чиновников за границей – кому на пользу?

Таким образом, особенности управленческого менталитета российских руководителей формируются в условиях непрерывного изменения как внутренних, так и внешних международных, политических, экономических, идеологических и других факторов. Выстоять и выдержать эту гонку в конкурентной борьбе способны лидеры, имеющие более фундаментальную и мощную базовую профессиональную подготовку.

Литература

1. *Кузнецов Ю.В.* Проблемы теории и практики менеджмента. Спб.: Издательство: СПбГУ, 1994. 113 с.
2. Распоряжение Правительства РФ от 8 декабря 2011 г. № 2227-р «О Стратегии инновационного развития РФ на период до 2020 года». URL: https://www.garant.ru/products/ipo/-prime/doc/70006124/ (Дата обращения: 7.02.2020).
3. Указ Президента РФ от 28.12.2013 № 967 (ред. от 04.07.2019) «О мерах по укреплению кадрового потенциала Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document-/cons_doc_LAW_156645/ (Дата обращения: 7.02.2020).
4. *Картавый М.А., Нехамкин А.Н.* Методологические принципы формирования российского менеджмента // Менеджмент в России и за рубежом. 1999. № 3. С. 11–28.
5. *Володина А.С.* Сравнительная характеристика японского, американского и европейского менеджмента // Молодой ученый. 2010. № 1–2. С. 173–180.

ВОЗМОЖНОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ РЕСУРСОВ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ СООБЩЕСТВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ АНАЛИЗА «ЦИФРОВОГО СЛЕДА»

Головацкий Е.В.

Кемеровский государственный университет,

Россия, г. Кемерово

Аннотация. Темпы и приемы социально-политического взаимодействия современного общества демонстрируют полинаправленную природу распространения коммуникативных

следов. Противоречивый характер подобного рода взаимодействия демонстрируется сочетанием быстрых практик политической коммуникации в пространстве Интернет, а так же проникновением большого мира в приватные области жизни людей и многое другое. На наших глазах трансформируются не только приемы и каналы коммуникации, но видоизменяются исследовательские методы, формируются новые транстерриториальные политические сообщества, взаимодействующие в сетевом, виртуальном пространстве. Политические сообщества в сетевом пространстве по своим свойствам также транстерриториальны, однако, социальные ресурсы взаимодействия располагаются в регионе, т. е. имеют предпочтительное или исходное темпоральное значение. Региональные исследования кафедры социологических наук Кемеровского государственного университета позволяют обнаружить результаты отношения граждан к виртуальному пространству как платформе активного социально-политического взаимодействия. Респонденты отмечают, что «общение в сети Интернет повышает возможности людей освоиться в современном обществе». Молодежной аудитории пользователей преимущественно импонирует возможность использования мобильных устройств и технологий, «отсутствие цензуры», ощущение «конфиденциальной коммуникации» и возможность общения в любое время из любой точки физического пространства. Метод «цифрового следа» позволяет исследователям сформировать самонастраивающуюся модель организации социологических исследований в сетевой среде.

Ключевые слова: социальные ресурсы, регион, социально-политическое взаимодействие, метод «цифрового следа», политические сообщества, социологические исследования.

Статья подготовлена при поддержке внутривузовского гранта ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет» на тему: «Новые возможности исследования социальных и политических взаимодействий городских и региональных сообществ» (2020 г.).

Современные практики социального и политического взаимодействия получают ресурсную подпитку от реализации инновационных проектов в рамках региональных сообществ. Важную роль выполняют изменяющиеся условия трансляции и аккумулирования значимой информации, а также коммуникативный потенциал региональных сообществ, включая молодежь – наиболее активных драйверов современной политической коммуникации. Подавляющее большинство региональных проектов, так или иначе, ориентированы именно на содействие развитию молодежного кластера в рамках местных сообществ. На данный момент активизируется теоретический и прикладной интерес исследователей в изучении использования цифровых подходов и методов «дигитализации».

Помимо исследовательского интереса приобретает очевидность и практическая значимость подобного рода приемов и методик анализа сетевых данных. По сути можно сформулировать вопрос звучащий следующим образом, а существует ли на данный момент «цифровая методология»? т. е. в буквальном смысле – методология цифровых социологических исследований. Социальные сети и виртуальные сообщества в условиях «самоизоляции» (ввиду сложных глобальных угроз и рисков) становятся автономно организуемыми коммуникативными площадками, способными актуализировать и обсуждать возникающие угрозы и проблемы транстерриториально (за пределами физических границ взаимодействующих субъектов). Однако подобная виртуализация социальных отношений в силу своей «вынужденности» еще не может являться приоритетной в общественном и политическом сознании граждан. Самозамкнутость даже в рамках популярных сообществ и медийных сред не отменяет в полной мере реальных коммуникативных практик, критического осмысления и интериоризации общественных ценностей в условиях изменяющегося мира.

Виртуализация – это в самом общем смысле замещение реальных объектов и реальных действий образами и коммуникациями. Виртуализация общества приводит к превращению сетевых структур в доминирующие социальные структуры. Контраст между возникшей виртуальной реальностью и привычной социальной реальностью был впечатляющим

в последние десятилетия, однако сейчас, в XXI в., виртуальная реальность образов и коммуникаций перестает быть социальной экзотикой и становится рутиной и обыденностью. Возможности использования замещенной реальности и построение самообучаемых нейросетевых модулей находятся на пике популярности многих цифровых государственных и коммерческих акторов.

«Виртуальная политика – это деятельность, которая разворачивается в Интернете, в виртуальном пространстве и времени. Для решения специфических вопросов, оказания поддержки отдельным политическим идеям и повышения осведомленности создаются сообщества с общими интересами» [1, с.288]. Таким образом, подчеркивается общественный инициативный приоритет формирования виртуальной политики. Согласно исследованию всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), проведенному в октябре 2019 года 12% россиян относятся к распространению и внедрению искусственного интеллекта негативно. Эти респонденты опасаются технических сбоев, возможного нарушения персонального пространства, утечки персональных данных третьим лицам, общей непредсказуемости развития технологии искусственного интеллекта. «Большинство опрошенных, относятся к развитию и внедрению искусственного интеллекта положительно или нейтрально. Россияне готовы использовать эту технологию при получении госуслуг (68%), для решения бытовых задач (54%), использовать в сфере досуга и развлечения (54%), в области медицины (52%) и в образовании (44%) [2].

Используя понятие Ричарда Дайера в книге «Пастиш» (Pastiche), 2006 г., американский культуролог и критик марксизма Фредрик Джеймисон описывает постмодернизм как процесс спатиализации (пространственно организованных форм включающих в себя социальную активность и материальные элементы культуры) под давлением глобального капитализма, а также применяет категорию вторичного произведения («пастиш») для описания окружающей социокультурной практики. «Пастиш – это белая, бесцельная, пустая пародия, которая не имеет себе целью осмеяние. Это воспроизводство стилей прошлого. Смешение стилей не несет в себе ничего больше, то есть постмодерн не продуцирует нового, но лишь копирует» [3]. Виртуальная среда в принципе базируется на возможности копирования своих характеристик, качественного состояния, и даже своих перспектив (проектирование будущего).

Однако существуют обратные социокоммуникативные процессы, направленные на формирование искусственной, преимущественно городской «off-line» среды. Перепроизводство образов и коммуникаций приводит к их обесцениванию, а ценностью все чаще становится физическое присутствие, непосредственный опыт, тактильность, «аналоговость» в противовес «цифре». В крупных городах бизнесмены и активисты альтернативных движений все чаще создают пространства, функция которых – быть точкой доступа к реальности (креативные пространства, лофты, коворкинги, антикафе, котокафе...). Новые тренды в потреблении и стиле жизни демонстрируют, что наметившийся «поворот к реальности» не ослабляет виртуальность, а ведет к социальной жизни в режиме дополненной реальности, в которой интегрируются физические и цифровые, материальные и символические, производственные и потребительские, частные и публичные, модернистские и постмодернистские компоненты человеческого существования [4].

Эти тенденции представляют собой поворот к поствиртуализации: после виртуализации социальной реальности эта реальность не исчезает и не вытесняется, но становится более интенсивной и принимает формы, которые можно охарактеризовать как «дополненную современность». Исследователи отмечают, что «пост-глобализация» не имеет развернутого и определенного собственного содержания. Она не содержит позитивный проект будущего. Ее эвристический смысл критический, т.е. отрицательный» [5, с. 46].

Богатство и власть все больше концентрируются в сетях суперурбанизированных территорий, играющих роль «командных центров» в транснациональной экономике. Мегаполисы отрываются от собственных стран не только по уровню жизни, но и по ценностным ориентациям. Перемещаясь в мегаполисы и крупные городские агломерации, чтобы попасть в точки доступа к ресурсам, современные люди из различных условий множественных ре-

альностей практически попадают в своего рода «дополненную современность». Аккумулируя человеческие потоки, «суперурбанизированные анклавы глобальности» вызывают «вымывание» человеческих, материальных, символических ресурсов из сообществ, оказавшихся вне сетевых и структур и виртуальных сообществ. Новая социальность насыщенных и, как правило, виртуальных сообщества дополненной современности резко демонстрирует снижение новой социальности (сетевой активности пользователей) в малых моноструктурированных городах и на селе, где традиционная рутинная социальная жизнь может существовать более длительное время («истощенная современность» по Д. В. Иванову).

Социальные ресурсы выступают одновременно в качестве предмета и процесса оснащения социально-политических отношений в регионе. Исследования региональных гражданских сообществ в условиях современных рисков и вызовов получили развитие в работах зарубежных исследователей 50-60-е гг. XX века (У. Бек, Р. Ольденбург П. Штомпка, Дж. Урри и др.). Российский практический исследовательский интерес формировался в противоречивых сочетаниях советских и постсоветских методологических подходов, а также современного заказа российского общества на диагностику переходных социальных состояний регионального развития. «Зумеры», дети «поколения next», сетевая молодежь характеризуются высокой восприимчивостью к социотехническим нововведениям, но в тоже время склонностью к самоизоляции в сетевом пространстве, желанием создания изолированных коммуникационных ниш. Возможность / необходимость взаимодействия пользователей 24 часа в сутки меняет культуру социальной и политической коммуникации. Именно поэтому для демонстрации политического отношения в современной сетевой коммуникации, зачастую не требуется собственно официальное политическое событие. Примерами могут служить многие информационные продукты современного Интернета (см., например, «Политические мемы» https://vk.com/public85806349; «PolitMemes» https://vk.com/politmemes; «Политические мемы и новости интернета на тему политики» https://memepedia.ru/tag/politika/; «Политические граффити» https://vk.com/album-1695885_20263578). Подобного рода противоречивые и зачастую протестно ориентированные информационные продукты являются мобильными площадками социокультурных, новых экономических, социальных и политических коммуникаций интернет-сообществ.

Эти новые мобильности, предполагающие множественность и беспорядочность границ, формируют новую повестку для социологических исследований. «И эта повестка дня связана в первую очередь с мобильностью. При этом речь идет не о мобильности в привычном для прежней социологии смысле. Социология должна обратиться к «горизонтальным мобильностям», связанным с перемещениями не только людей, но и вещей. Социология должна стать «дисциплиной, организованной вокруг сетей, мобильности и горизонтальных потоков». «Социология мобильности» замещает «социологию социального как общества» [6, с.25-26]. Значительная часть подобного рода мобильностей эксплуатируется в рамках молодежных сообществ и групп. По сути, архитектура городского пространства в настоящее время в недостаточной мере готова учитывать новую молодежную категорию «постоянных сетевых пользователей». «К сожалению, градостроители пока недостаточно учитывают фактор роста всеобщей мобильности населения, в том числе региональной и глобальной» [7].

Качественная и содержательная в ресурсном плане структура развития социальной экологии современного города подразумевает устойчивость, устойчивое развитие (т. е. обладание реальными социальными отношениями возможности «длиться»). По мнению российского социолога О. Н. Яницкого типичным примером «демонстрационного поведения» политической власти на местах в данном случае является нежелание политиков «заглянуть в любые справочники по системному анализу, где черным по белому написано, что любая устойчивость достигается через постоянные изменения» [8].

Социологическое исследование, проведенное в 2019 году в рамках работы Центра изучения этноконфессиональных конфликтов и противодействия экстремизму в молодежной среде КемГУ среди студентов нашего вуза, позволило получить наглядные результаты формирования социальной экологической коммуникации студенческой молодежи в городском

пространстве. Анкетный опрос «Мониторинг и профилактика асоциальных проявлений в молодежной среде (по материалам социологического исследования)» май-июнь 2019 г.), n=426 чел. 8,4 % респондентов отмечают, что общение в сети Интернет повышает возможности людей освоиться в современном обществе. Это 6 место из 10 в числе значимых признаков, первое место среди которых занимает, по мнению студентов, образование (20,2 %). Респондентами отмечается заметный уровень тревожности и равнодушия к одинаковым носителям информации (см. табл.1.).

Таблица 1

Какие чувства у Вас вызывает информация, распространяемая в общественных местах? (допускалось несколько вариантов ответов)

Ответные чувства, вызываемые информацией	**Ответы респондентов**	**%**
Равнодушие, безразличие	195	35,6
Заинтересованность	160	29,2
Раздражение	66	12,0
Тревога, волнение	48	8,8
Ирония	43	7,8
Страх	23	4,2
Другое	13	2,4
Итого:	548	100,0

Источник: анкетный опрос «Мониторинг и профилактика асоциальных проявлений в молодежной среде (по материалам социологического исследования)», г. Кемерово май-июнь 2019 г.), n = 426 чел.

На вопрос, «Какому источнику информации Вы доверяете в большей степени» подавляющее большинство студентов ответили Интернету (37,8%). В тоже время, среди новостных тем в СМИ или Интернете игнорируемых студенческой молодежью были отмечены следующие значимые по числу ответов тематические направления: «новости мира звезд» (13,2%); «обзоры новых компьютерных игр» (13,2%); «криминальная хроника» (10%); «политические новости» (9,7%). Респонденты отмечают удобство и возможность быть постоянно включенными в коммуникации с использованием мобильных устройств и «облачных технологий». Молодых людей в большей степени устраивает в использовании мобильных устройств «отсутствие цензуры», «конфиденциальная коммуникация» и «возможность общаться 24 часа в сутки» (67,8%), «возможность общаться с тем с кем хочу» (68,8%), а также «общение практически со всем миром» (58,5%) – допускались несколько вариантов ответов. Уточняя причины приоритетного использования мобильных устройств молодые люди и девушки практически солидарны в своих оценках, у девушек незначительно преобладают оценки мобильных технологий в качестве возможностей круглосуточного общения, свободного выражения своего мнения и общение при помощи виртуальных технологий практически со всем миром. Среди оснований, которые, помогают освоиться в современном мире, респонденты называют: «общение в сети Интернет» – 36,6 %. Молодежь региона представляет самостоятельный социальный ресурс региона. На стыке этой категории нами выделяются информационные, образовательные, социально-экономические, политические и социокультурные ресурсы региона.

В течение непродолжительного времени в обществе сформировались новые исследовательские подходы и методы изучения «цифровых следов» в сетевых сообществах. Цифровые аналитики программного обеспечения в качестве пороговых (пиковых) значений называют интервал в полгода, именно за этот период обновляются и умножаются характеристики аппаратных возможностей современных электронных продуктов. Апробацию проходят новые гибридные методики, включающие программные продукты комплексной диагностики, «social network analysis», нейросетевые модули, инструменты анализа «big data» [9]. Исследова-

тели отмечают, что столкнулись с ситуацией «абсолютной памяти» (по Г. Беллу). «Каждый день люди, особенно в городах, ежесекундно оставляют за собой разнообразные виртуальные следы, и все они хранятся в электронной базе данных» [10, с. 73]. Люди, в качестве пользователей виртуальной сети постоянно обращаются к своим или иным «электронным копиям», а также компилируют исходные данные для «интернета вещей». Фактически мы находимся на пороге появления новых форм интеоризированного общения, когда новые приемы и знаки взаимодействия позволят по-новому взглянуть на содержание повседневной жизни современных граждан. М. Кастельс называл это развитием общества «сетевых структур», воздействие которых на граждан выступает одновременно средством и результатом глобализации современного общества. Перспективой является формирование индивидуального пользовательского профиля социально-политического взаимодействия.

Можно обозначить следующие поля фиксации цифрового следа городских молодежных сообществ: пользовательское сообщество социальных сетей; творческая мультикультурная среда (арт-проекты, перфоманс, уличные молодежные проекты, студенческие творческие сообщества и пр.); сообщества «геймеров»; площадки сетевого публичного пространства (ютюберы, блоггеры, лидеры мнений и пр.).

Региональный аспект изучения цифровых следов местных политических сообществ подчеркивает специфику конкретных информационных ресурсов. Применительно к Кузбассу речь может идти о нескольких категориях доступных для анализа (в той или иной степени) ресурсах: массовые местные информационные источники «А42.ру», «Вести42.ру», «Открытый город», «Сибдепо», «КузбассПресс», «ВашГород.ру» и др.); тематически ориентированные разделы, форумы сообществ и паблики сетевых ресурсов «Сообщество настоящих кузбассовцев» («ВКонтаке» и «Одноклассники» и пр.); Оценка местных сообществ анализировалась с платформ «Типичный Кемерово», «Соседи ВКонтакте», «ЯндексРайон.Соседи», «Telegramm» и т.п.). В последнее время в сетевом пространстве формируется ряд закрытых пользовательских ресурсов. Представители региональной власти со своей стороны прилагают усилия к формированию прозрачной информационной коммуникации между населением и представителями исполнительной власти с целью обсуждения насущных проблем развития региона и отработки принципа «обратной связи». Социологам-исследователям сетевых следов региональных политических сообществ необходимо учитывать слои, уровни на которых возможно получение обширных массивов или микроследов информации о деятельности местных политических сообществ. «Облачные участники» могут формировать платформы демонстрации своих или совместных проектов. Подобные сообщества в перспективе не только наблюдатели и пользователи социально-политических коммуникаций, но и «квалифицированное меньшинство» сетевой демократии.

Можно выделить три слоя формирования цифрового следа социальных данных:

– Цифровые следы в масштабах системы мониторинга «big data» (информационные массивы служебных данных, мониторинг трудовых операций, автоматизированные базы данных, нейросетевые обучаемые модули и пр.);

– «Средние данные» информация о характере и содержание жизнедеятельности людей аккумулируемая в пространствах социальных организаций и / или сетевых сообществ пользователей, работников тех или иных организаций (наиболее пригодный для социологического анализа информационный массив);

– Микроследы граждан / горожан / пользователей (аффилированные следы участия, неформальные информационные «отпечатки» и т.п.). Последний слой в большей степени подходит для организации мониторинга молодежных сообществ.

Следовательно, при рассмотрении виртуальных объектов следует учитывать не специфику их восприятия индивидом, а ту особую интерсубъективность, которая зарождается в процессе виртуальных коммуникаций [11, с.55]. Современное городское сообщество и конкретная территория продолжают задавать тон и ритм социальных коммуникаций представителям молодежных сообществ, а также получать обратную связь, общественные инициативы и прочее.

В системе социально-политического взаимодействия региональных сообществ формируется специфическая среда характеризующаяся наличием определенных коммуникативных каналов и механизмов взаимодействия, кодов и символов, темпоральных значений. К числу ресурсов региональных политических сообществ можно отнести следующие разновидности:

– властные ресурсы и полномочия авторитетных / официальных политических лиц региона;

– административно-управленческие ресурсы (общий административно-номенклатурный штат, а также специализированные каналы и сообщества специалистов-бюрократов);

– региональные экономические акторы (сообщества различного социально-экономического и политического веса);

– потенциал социально-политических организаций (в первую очередь речь идет о деятельностном, активистском потенциале);

– инициативы местных субъектов / сообществ (зачастую латентные по своей природе, имеют и используют нелинейные каналы коммуникации);

– возможности проявления индивидуально-личностных ресурсов на территории (на практике, этот вид ресурсов, как правило, задействуется при участии более мощных приводных ремней, например, с подачи известных политиков, медийных персон, представителей экономической или национальной элиты и т. п.).

В рамках повседневных социальных коммуникаций формируется несколько слоев взаимодействующих субъектов, различающихся степенью включенности в процессы получения или обмена информации. Активные взаимодействующие участники, использующие цифровую коммуникацию, тематический контент и профайлинг в «рабочих» целях, для решения своих и организационных задач. Адресные участники – получающие выделенный (возможно служебный или тематический) информационный контент в определенных, отведенных «менеджерами контента» и администраторами сетей объемах. И наконец, латентные участники коммуникации способные получать информацию (например, в силу доступности ресурсов, участия в файловой или экспертной сети и пр.), но не выражающие активно свое отношение к информации. Последняя группа участников сетевого взаимодействия является для социологов-исследователей интересным ресурсом, изучение которого в тоже время затруднено совокупностью субъективных (например, личное пассивное отношений к информации, индифферентный характер восприятия данных, полученных в сети) и объективных (например, профессиональный статус взаимодействующих лиц) оснований. В обществе бытуют представления о повсеместной информированности представителей исполнительной власти или чиновников административно-исполнительного уровня. В 1990-е годы население на территории зачастую ориентировало свои запросы и повседневные практики на выбор авторитетных представителей местной или региональной власти. Виртуализация социально-политических взаимодействий не устранила эти практики, а скорее визуализировала их, приблизила поведение / поступки известных административных и государственных лиц, известных медийных персон, включая молодых представителей сетевого сообщества.

Среди уровней сетевых социологических исследований использующих потенциал цифровых сообществ, следует обозначить три отработанных направления изучения «цифровых следов»:

– мониторинг сетевого участия (изучение включенности пользователей в определенные коммуникации);

– изучение адресных и / или целевых социально-политических коммуникаций;

– индивидуально-личностные, качественные практики социально-политические взаимодействия.

Уже сейчас новая социокоммуникативная среда формирует нетипичные практики изучения социальных ресурсов сетевых, в том числе региональных сообществ. Цифровые методы исследования позволяют исследователям претендовать на получение «быстрых» результатов оценки социально-политических взаимодействий. В современном обществе все интен-

сивнее развивается виртуальная риторика площадей в миниатюре, социальное взаимодействие осуществляется на максимально сокращенных дистанциях (неофициальные коммуникативные ресурсы, блоги, паблики и подписки пользователей в социальных сетях, ресурсах облачных сообществ, мобильный Интернет и IT-телефония). Получается парадоксальное сочетание участников, методов и каналов взаимодействия, которое показывает новые принципы формирования социальных и политических отношений в современном информационном обществе.

Литература

1. *Лиллекер Д.* Политическая коммуникация. Ключевые концепты. Харьков: Издательство «Гуманитарный Центр», 2010. 300 с.
2. Официальный сайт «РБК» / Более 10% россиян заявили о недоверии к искусственному интеллекту. URL: https://wciom.ru/index.php?id=238&uid=10137 (Дата обращения 25.03.2020).
3. Интернет-портал «Постнаука» / Постмодернизм в философии культуры Джеймисона / Философ Александр Павлов о влиянии философии марксизма на теорию культуры, иерархии культуры и значении визуального в постмодернизме. URL: https://postnauka.ru/video/95415 (Дата обращения: 23.03.2020).
4. *Иванов Д.В.* Дополненная современность: эффекты поствиртуализации и постглобализации / Материалы научной конференции XII Ковалевские чтения «Солидарность и конфликты в современном обществе» (15–17 нояб. 2018 г.). М.: Издательство «Скифия-принт», 2018. С. 94–95.
5. *Асочаков Ю.В.* Пост-глобализация: конец «конца истории» // Материалы научной конференции XII Ковалевские чтения «Солидарность и конфликты в современном обществе» (15–17 нояб. 2018 г.). М.: Издательство «Скифия-принт», 2018. С. 45–46.
6. *Урри Дж.* Социология за пределами обществ. Мобильности двадцать первого столетия // Социологическое обозрение. 2001. Т.1. № 1. С. 25–35.
7. *Урри Дж.* Мобильности. М.: Издательство «Праксис», 2012. 576 с.
8. *Яницкий О.Н.* Малые города России: междисциплинарный анализ // Научный результат. Социология и управление. 2018. Т. 4. № 4. С. 52–64.
9. *Кавеева А., Гурин К.* Social network analysis в исследованиях онлайн-сообществ «ВКонтакте» / Современные исследовательские практики в социологии: сборник материалов конференции молодых ученых (Москва, 10-20 апр. 2017). М.: Издательство ФНИСЦ РАН, 2017. 232 с.
10. *Ратти К., Клодел М.* Город завтрашнего дня: Сенсоры, сети, хакеры и будущее городской жизни. М.: Институт Гайдара, 2017. 248 с.
11. *Соколова Д.М.* Виртуальная интерсубъективность: социальный и экзистенциальный аспекты анализа Соколова // Вестник Пермского университета. 2015. № 3. С. 50–56.

ФАКТОРЫ, ФОРМИРУЮЩИЕ СПРОС НА РАБОЧУЮ СИЛУ, НА РЫНКЕ ТРУДА КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Ибраева В.Ш.

Бишкекский государственный университет им. К. Карасаева,
Киргизия, г. Бишкек

Аннотация. В статье рассмотрены и раскрыты факторы, формирующие спрос на рабочую силу на рынке труда республики и динамика действующих хозяйствующих субъектов по видам экономической деятельности, соответственно и рабочих мест.

Ключевые слова: рынок труда, спрос, предложение, рабочая сила, рабочее место, занятость.

В целях нормализации и улучшения рынка труда Кыргызской республики в настоящее время необходимо в первую очередь увеличивать спрос на рабочую силу. Для достижения этой цели правительством республики должны создаваться и обеспечиваться благоприятный инвестиционный климат в экономике, обеспечивать политическую стабильность, гарантировать неприкасаемость частной собственности, проводить честную и открытую работу при проведении тендеров на золоторудные и другие месторождения и. т. д.

В процессе хозяйственной деятельности новых хозяйствующих субъектов рынка привлекать на вновь созданные рабочие места местное население, а иностранцев, как практикуются в настоящее время.

Как нам известно, спрос на рабочую силу формируются за счет рабочих мест функционирующих хозяйствующих субъектов республики, модернизации и открытия новых их объектов, открытие новых предприятий, МСБ и так далее, увеличивающих спрос на рабочую силу.

В условиях рыночных отношений наравне с этим фактором можно отметить роль само занятости населения, снижающую нагрузку на рынок труда республики и формирующий спрос на рабочую силу и. т. д.

Как показано на таблице 1, количество действующих хозяйствующих субъектов Кыргызской Республики за период рассмотрения увеличились с 580192 в 2014 году до 683815 (2018 г.), т.е. на 17,9% что в абсолютном выражении составляет 103623 хозяйствующих субъектов.

Также можно заметить стабильный рост количество хозяйствующих субъектов по всем видам экономической деятельности за исключением сектора государственного управления и обороны, обязательного социального обеспечения, где количество хозяйствующих субъектов сократилось с 2856 (2014 г.) до 2753 (2018 г.), т.е. на 103 или на 4,6%.

За период исследования существенный рост количество хозяйствующих субъектов наблюдается в добыче полезных ископаемых с 376 (2014 г.) до 572 (2018 г.) или на 65,3%; в строительстве с 4049 до 6578 или на 62,5%; в частных домашних хозяйствах с наемными работниками с 51 до 84 или на 64,7%; в хозяйствующих субъектах, осуществляющих административную и вспомогательную деятельность, с 1741 до 2709 или на 55,6%; в сфере профессиональной, научной и технической деятельности с 7795 до 12059, прочей обслуживающей деятельности с 12870 до 18043 или на 40,2%, в образовании с 5267 до 6927 или на 31,5%.

По следующим видам экономической деятельности можно наблюдать рост количество хозяйствующих субъектов:

– в сельском хозяйстве с 374933 (2014 г.) до 429770 (2018 г.), т.е. на 54837 хозяйствующих субъектов, или 14,6%;

– в водоснабжении, очистки, обработки отходов и получение вторичного сырья с 387 (2014 г.) до 493, т. е. на 27,4%;

– в оптовой и розничной торговле, ремонт автомобилей и мотоциклов с 96512 до 115530 или 19,7%;

– в транспортной деятельности и хранения грузов с 31709 до 40474 или на 27,6%;

– в деятельности гостиниц и ресторанов с 11036 до 13555 или на 22,8%;

– в информации и связи с 2901 до 3486 или на 20,2%;

– в операции с недвижимым имуществом с 4551 до 5861 или на 28,8%;

– в здравоохранении и предоставлении социальных услуг с 3684 до 4245 или на 15,2%;

– в обеспечении (снабжении) электроэнергией, газом, паром и кондиционированным воздухом с 176 до 203 или на 15,3%.

Таблица 1

Динамика действующих хозяйствующих субъектов
по видам экономической деятельности
(на 1 января; единиц) [1, с. 164]

	2014	**2015**	**2016**	**2017**	**2018**	**Темп роста в %**
Всего:	**580192**	**603643**	**637624**	**662269**	**683815**	**117,9**
Сельское хозяйство, лесное хозяйство и рыболовство	374933	385260	401723	417195	429770	114,6
Добыча полезных ископаемых	376	485	562	550	572	165,3
Обрабатывающие производства (обрабатывающая промышленность)	12549	14070	15421	13023	13518	107,7
Обеспечение (снабжение) электроэнергией, газом, паром и кондиционированным воздухом	176	175	180	192	203	115,3
Водоснабжение, очистка, обработка отходов и получение вторичного сырья	387	415	446	439	493	127,4
Строительство	4049	4902	5735	6249	6578	162,5
Оптовая и розничная торговля; ремонт автомобилей и мотоциклов	96512	100941	108153	112108	115530	119,7
Транспортная деятельность и хранение грузов	31709	35353	37719	39314	40474	127,6
Деятельность гостиниц и ресторанов	11036	11223	12298	12987	13555	122,8
Информация и связь	2901	3074	3347	3426	3486	120,2
Финансовое посредничество и страхование	2749	2673	2717	2733	2767	100,7
Операции с недвижимым имуществом	4551	4755	5254	5599	5861	128,8
Профессиональная, научная и техническая деятельность	7795	8715	9775	10896	12059	154,7
Административная и вспомогательная деятельность	1741	1894	2218	2441	2709	155,6
Государственное управление и оборона; обязательное социальное обеспечение	2856	2835	2747	2785	2753	96,4
Образование	5267	5826	6270	6600	6927	131,5
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	3684	3820	3988	4115	4245	**115,2**
Искусство, развлечения и отдых	3835	3739	3992	4042	4132	107,7
Прочая обслуживающая деятельность	12870	13374	14959	17442	18043	140,2
Деятельность частных домашних хозяйств с наемными работниками; для собственного потребления	51	59	63	77	84	164,7
Деятельность экстерриториальных организаций	52	55	57	56	56	107,7

В обрабатывающей промышленности также наблюдается небольшой рост (7,7%), в искусстве, развлечения и отдыха (7,7%), в деятельности экстерриториальных организаций (7,7%), за рассматриваемый период наблюдается небольшой рост. А в финансовом посредничестве и страховании (0,7%) количество хозяйствующих субъектов в экономике республики остается без изменения.

По вышеуказанным данным можно констатировать, что, несмотря на кризисные явления в экономике республики количество хозяйствующих субъектов за исследуемый период по всем видам экономической деятельности растет. Из всех новых введенных в экономику республики хозяйствующих субъектов 52,9% (из всех 103623 хозяйствующих субъектов) являются хозяйствующими субъектами сельского хозяйства (54837), что существенного влияния на рынок труда и доходы населения не оказали.

Все хозяйствующие субъекты республики по формам собственности распределены, как показано на таблице 2 , т. е. за рассматриваемый период из всех хозяйствующих субъектов 98,2% составляют хозяйствующие субъекты с частной, 1,1% государственной, 0,7% муниципальной формы собственности и 0,0% собственности международных организаций и других государств.

Таблица 2

Распределение действующих хозяйствующих субъектов
по формам собственности (на 1 января) [1. с. 166]

	Число хозяйствующих субъектов, единиц		**В процентах к итогу**	
	2017	2018	2017	2018
Всего	**662269**	**683815**	**100**	**100**
государственная собственность	7161	7153	1,1	1,1
муниципальная собственность	4927	4928	0,7	0,7
частная собственность	650121	671658	98,2	98,2
собственность других государств и международных организаций	60	76	0,0	0,0

Хотя с каждым годом численность хозяйствующих субъектов республики в абсолютном выражении растут, хозяйствующие субъекты с государственной формы собственности сокращается с 7161 (2017 г.) до 7153 (2018 г.) или на 8 хозяйствующих субъектов.

В то же время количество хозяйствующих субъектов муниципальной формы собственности остается на одном и том же уровне, т.е. 4927 (2017 г.) и 4928 (2018 г.) соответственно.

А количество хозяйствующих субъектов с частной формы собственности наоборот увеличились с 650121 (2017 г.) до 671658 (2018 г.) или на 21537 хозяйствующих субъектов, что является показателем того, что рыночные отношения особенно стимулирует частный сектор, мотивирую частных предпринимателей вложению капитала на прибыльный сектор экономики. Также за рассмотренный период увеличилось количество хозяйствующих субъектов международных организаций и других государств с 60 (2017 г.) до 76 (2018 г.)

Таблица 3

Число действующих хозяйствующих субъектов по типам и территории
(на 1 января, единиц) [2, с. 72]

	2018	2019	2019 в % 2018
Кыргызская Республика	**683815**	**707225**	**103,4**
Малые	22891	24521	107,1
Средние	4088	4318	105,6
Крупные	1872	1948	104,1
Крестьянские (фермерские) хозяйства	323262	333026	103,0
Индивидуальные предприниматели	323484	335133	103,6
Прочие обособленные подразделения	8218	8279	100,7

Как показано в таблице 3 за два года количество хозяйствующих субъектов республики в абсолютном выражении увеличились с 685815 (2018 г.) до 707225 (2019 г.), т.е. на 21410 хозяйствующих субъектов или на 3,4%.

По всем типам хозяйствующих субъектов республики наблюдается рост численности хозяйствующих субъектов, за исключением прочих обособленных подразделений, где количество хозяйствующих субъектов увеличилось незначительно, т.е. 8218 (2018 г.) и 8279 (2019 г.). Из них существенный рост наблюдается в малом 107,1% и среднем 105,6% бизнесе. В абсолютном выражении за рассматриваемый период рост в малом бизнесе составил 1630, в среднем бизнесе 230 хозяйствующих субъектов.

Таблица 4

Демография хозяйствующих субъектов по территориям (единиц) [2, с. 77]

	Вновь зарегистрированные			**Официально ликвидированные**		
	2017	2018	в % к соответствующему периоду предыдущего года	2017	2018	в % к соответствующему периоду предыдущего года
Кыргызская Республика	**28805**	**30386**	**105,5**	**1950**	**2726**	**139,8**
Баткенская область	2373	2641	111,3	65	86	132,3
Джалал-Абадская область	4415	3992	90,4	93	182	195,7
Иссык-Кульская область	1778	2021	113,7	106	520	в 4,9 р.
Нарынская область	1411	1720	121,9	73	114	в 1,6 р.
Ошская область	6247	6460	103,4	269	233	86,6
Таласская область	1894	1923	101,5	92	141	в 1,5 р.
Чуйская область	3399	3374	99,3	231	233	100,9
г. Бишкек	6252	7026	112,4	910	916	100,7
г. Ош	1036	1229	118,6	111	301	в 2,7 р.

Также в Кыргызской Республике наблюдается рост количество крупных хозяйствующих субъектов. Если их количество в 2018 году составил 1872, то на 1 января 2019 года их количество выросла до 1948, т.е. рост в абсолютном выражении составил 76 хозяйствующих субъектов, или 4,1%.

Рост численности крестьянских (фермерских) хозяйств и индивидуальных предпринимателей составил 9764 и 11649 или 3,0% и 3,6% соответственно.

В то же время вновь зарегистрированных хозяйствующих субъектов республики имеет тенденцию к росту. Если их количество в 2017 году составил 28805, то в 2018 года – 30386 хозяйствующих субъектов. Таким образом, рост их количество составил в абсолютном выражении 1581 хозяйствующих субъектов или 5,5%. Но, тем не менее, не все зарегистрированные хозяйствующие субъекты «выживают» в условиях рынка и вынуждены официально ликвидироваться.

Так, в 2017 году официально ликвидировано 1950, в 2018 году 2726 хозяйствующих субъектов. Значит, рост за два года официально ликвидированных хозяйствующих субъектов также составил 39,8% или в абсолютном выражении 776 хозяйствующих субъектов.

Для нас очень важно выяснить баланс вновь зарегистрированных и официально ликвидированных хозяйствующих субъектов за 2017–18 годы. Если в 2017 году численность вновь зарегистрированных хозяйствующих субъектов составила 28805, то официально ликвидированных 1950 хозяйствующих субъектов. Значит, по итогам 2017 года 26855 хозяйствующих субъектов закрепились и официально функционируют. А в 2018 году количество вновь зарегистрированных хозяйствующих субъектов составило 30386 хозяйствующих субъектов и официально ликвидированных - 2726 хозяйствующих субъектов. Таким образом, и по итогам 2017 года и 2018 года данные показывают положительное сальдо в балансе вновь зарегистрированных и официально ликвидированных хозяйствующих субъектов.

Эти данные показывают, что в экономике республики действительно увеличиваются количество хозяйствующих субъектов, как результат проведенной политики Президента по развитию регионов и усилий Правительства Кыргызской Республики, созданию благоприятного инвестиционного климата, инфраструктуру для развития бизнеса и поддержке предпринимателей и. т. д.

Литература

1. Национальный статистический комитет Кыргызской Республики / Кыргызстан в цифрах 2014–2018 гг. URL: http://www.stat.kg/ru/ (Дата обращения: 5.01.2020).
2. Национальный статистический комитет Кыргызской Республики / Кыргызская Республика и регионы. URL: http://www.stat.kg/ru/ (Дата обращения: 5.01.2020).

МОТИВАЦИЯ ТРУДА РАБОТНИКОВ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ВНУТРЕННЕГО ИМИДЖА ОРГАНИЗАЦИИ

Нагимова А.М.

Казанский федеральный университет,

Россия, г. Казань

Аннотация: В статье рассматривается проблема формирования внутреннего имиджа компании с позиций ее привлекательности для работников. Одним из ключевых факторов, способствующих формированию не только корпоративной лояльности сотрудников, но и имиджа организации, выступает эффективность существующей системы мотивации персонала. Удовлетворенность работников основными компонентами внутреннего имиджа организации выстраивается на основе правильно формированной системы мотивации, а сама мотивационная структура работников организации отражает стабильность функционирования организации.

Ключевые слова: имидж, репутация, образ, организационный имидж, качество трудовой жизни, внутренний имидж организации, компоненты внутреннего имиджа, мотивация персонала, система мотивации работников организации, материальные факторы мотивации, нематериальные факторы мотивации, моральные факторы мотивации.

Проблема управления имиджем становится одной из актуальных в системе управления организацией вследствие того, что всевозрастающая рыночная конкуренция выдвигает свои требования не только к произведенной продукции и услугам, но и к репутационным составляющим компании. Имидж компании формируется как совокупный образ, включающий в себя как представления внешних контрагентов об организации, о произведенной им продукции, так и мнения работников компании, складывающиеся на основе их удовлетворенности качеством трудовой жизни в рамках данной организации.

Имидж (от англ. image) в переводе с английского означает образ. Само слово «образ» при этом воспринимается как некий облик, представление, обобщенное художественное отражение. На русском языке в понятие «имидж» вкладывается мнение или суждение, дающее оценку чему-нибудь, выражающее отношение к чему-нибудь [2, с. 35].

Исследователи в понятие «имидж» вкладывают гораздо более широкое значение, нежели образ – то есть под имиджем понимается специально, в определенных целях сформированный образ, опирающийся на пласт преобладающих ценностей компании, в целях популяризации и рекламы компании на основе позитивного психо-эмоционального фона.

Современное понимание имиджа берет свое начало в исследованиях психолога Зигмунда Фрейда, который в тридцатых годах прошлого столетия начал издавать журнал «Имидж». Начиная с сороковых годов термин «имидж» входит в широкий обиход не только в научных исследованиях, но и в сфере рекламы и PR-деятельности. За почти вековую историю, теория имиджа накопила огромное количество различных терминологических интерпретаций. Так, М.В. Томилова определяет организационный имидж как «образ организации в представлении групп общественности» [8], возникающий в сознании целевых групп, получающих определенные информационные сообщения о деятельности данной организации. Схожее определение имиджу дает другой ученый И.В. Алешина. По ее мнению, имидж – это искусство «управлять впечатлением» [1, с. 34].

Некоторые ученые рассматривают понятие имидж применительно к организации. Например, маркетолог Ф. Котлер определяет имидж как «восприятие компании или её товаров обществом». [6, с. 46]. Чумиков А.Н. и Бочаров М.П., а вслед за ними Горчакова Р.Р. утверждают, что «…имидж – это заявленная (идеальная) позиция, т. е. такая, которую персона или организация спланировали и намереваются продвигать (продвигают) в целевые группы» [3, с. 88].

Ученые предложили и ряд интересных классификаций видов имиджа. Так, по объекту имиджирования имидж подразделяется на персональный (индивидуальный, личностный) и организационный (корпоративный) [4, с. 203], по функционально-технологическому признаку на желаемый и воспринимаемый; социо-ситуативный и постоянный; обобщенный, функциональный и контекстный; осязаемый и неосязаемый [5, с. 134], по характеру оценки можно выделить положительный, отрицательный и нейтральный имиджи. Кроме того практически все авторы едины во мнении, что имидж компании представляет собой совокупность внутреннего и внешнего имиджей. Внешний имидж организации формируется в основном в результате целенаправленной деятельности по психо-эмоциональному воздействию на внешних контрагентов в результате PR-деятельности, а также на основе улучшения потребительских свойств и качества производимых товаров и услуг. А внутренний имидж является результатом внутрикорпоративной деятельности по повышению качества трудовой жизни работников организации путем улучшения условий труда работников, совершенствуя системы мотивации и стимулирования, расширяя линейку мер по социальной защиты трудящихся, а также участия сотрудников в образовательных, развивающих, тренинговых мероприятиях связанных с продвижением инноваций и т.д. В результате большинство сотрудников начинают воспринимать организацию как свою семью, как неразрывную часть своей духовной жизни.

Формирование внутреннего имиджа компании тесно связано с жизненным циклом и этапами развития организации. Так внутренний имидж компании на этапе младенчества будет в корне отличаться от внутреннего имиджа зрелой компании, устойчиво развивающейся и твердо стоящей на рыночных позициях. Хотя на всех этапах жизненного цикла организации внутренний имидж и направлено на формирование и развитие благоприятного социально-психологического климата в организации, улучшению условий труда работников и созданию благоприятных управленческих отношений на всех звеньях скалярной цепи, но ресурсная обеспеченность компании, ее финансовые и организационные возможности на разных этапах будут разные. Следовательно, конструируя внутренний имидж организации необходимо учитывать и ее ресурсную обеспеченность и готовность самих работников при-

нимать или не принимать отдельных компонентов имиджа, а также тщательно проанализировать мотивационную структуру сотрудников. Кроме того, необходимо отметить, что компоненты внутреннего имиджа организации в определенной степени оригинальны и отражают функциональную направленность деятельности компании. Нами в 2018 году в компании АО «Транснефть - Прикамье» проведено социологическое исследование по изучению внутреннего имиджа компании. АО «Транснефть – Прикамье» является дочерней структурой ПАО «Транснефть», со входящими в его состав пяти районными нефтепроводными управлениями, дислоцированными в Казани, Альметьевске, Перми, Ижевске и Лениногорске. Количество персонала составляет более 6600 человек. Исследование проводилось в Казанском подразделении методом анкетного опроса на основе гнездовой выборки. В качестве гнезда были взяты отдельные структурные подразделения, внутри которых опрос проводился сплошным способом. Объем выборочной совокупности составил 496 респондентов, представляющих собой как работников низового уровня, так и руководителей различных уровней управления. Как показывают результаты опроса, основными компонентами внутреннего имиджа данной организации являются условия труда, обеспеченность работников средствами индивидуальной защиты, состояние бытовых помещений, качество работы столовой, режим работы, особенности организации трудового процесса, содержательные характеристики трудовой деятельности, меры материального, нематериального и морального стимулирования, социально-психологический климат в структурных подразделениях и в организации в целом. Как видно из представленной диаграммы, наиболее проблемными позициями в системе компонентов внутреннего имиджа являются условия труда, система материального, нематериального и морального стимулирования (Рис. 1).

Одним из важнейших компонентов внутреннего имиджа организации является система мотивации и стимулирования труда сотрудников. Систему мотивации труда работников можно рассмотреть в трех плоскостях: система материального стимулирования, система нематериального стимулирования, система морально-психологического стимулирования. Рассмотрим подробнее каждую из подсистем.

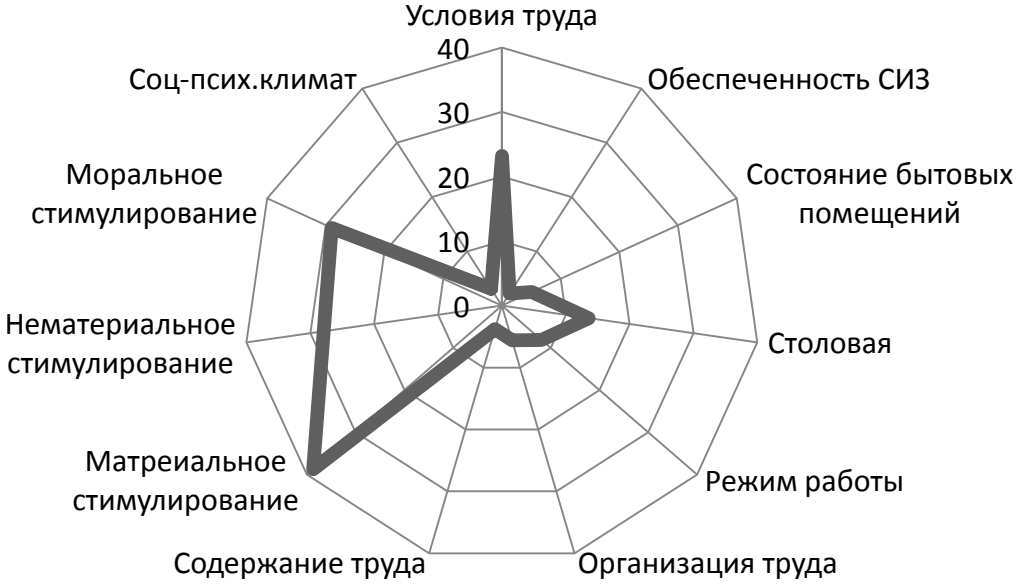


Рис. 1. Комплексная оценка работниками организации компонентов внутреннего имиджа организации по показателю неудовлетворенности (в процентах доли неудовлетворенных)

Ключевым компонентом материального стимулирования выступает уровень и справедливость системы оплаты труда. Интересным является тот факт, что работники болезненно реагируют даже не на низкий уровень оплаты труда, а скорее на несправедливость

и кулуарность, закрытость в распределении доходов. В связи с этим важным моментом является обеспечение прозрачной, понятной для каждого работника системы распределения премий и бонусов. Системой материального стимулирования, то есть, существующей системой оплаты труда удовлетворены лишь 61,3% работников. 38,7% участников опроса выразили свою неудовлетворенность. 82,3% респондентов из числа неудовлетворенных системой оплаты труда в организации, называют такую причину как «низкие расценки». Примерно каждый третий респондент (31,3%) считает, что размер премий незначительный, а, по мнению 26,0% опрошенных, распределение премий не всегда справедливое. Примерно каждый четвертый опрошенный (23,4%) считает, что при распределении премий не учитываются качество работы и квалификационный уровень работника (уравниловка). 7,8% респондентов отметили, что практически никогда премий не получают. 14,1% опрошенных считают, что в организации завышены нормы труда. 9,4% респондентов выбрали вариант ответа «другое», однако чаще всего не стали уточнять собственную точку зрения на проблему. Среди отметивших имеются такие варианты ответов: « у меня низкий разряд», «снижение реальных доходов» (прим.: несколько раз встречается), «практически нет индексации зарплаты», «повышение оплаты не соответствует информации», «работа за двоих, без доплат», «отклонения от графика не оплачиваются должным образом, идет вычет праздничных часов из отклонений», «несправедливое распределение дополнительных квартальных премий», «кратные разницы в зарплате руководителей и работников», «вынужденная переработка не учитывается» (Рис. 2).

Рис. 2. Причины неудовлетворенности работников существующей системой оплаты труда (в процентах > 100%)

Важным компонентом внутреннего имиджа компании выступают меры нематериального стимулирования. Под нематериальным стимулированием мы понимаем систему неденежного поощрения работников, такие меры как повышение квалификации или обучение за счет организации, оплачиваемый учебный отпуск, оплата лечения на стационаре, организация отдыха работников за счет организации и т. д. Чуть более четверти опрошенных (27,9%) выразили неудовлетворенность мерами нематериального стимулирования. Основной причиной неудовлетворенности сотрудников системой нематериального стимулирования в организации является их недоступность – «не слышал, лично я никогда ими не пользовался» (57,6%), «эти меры практически недоступны» (30,3%). По мнению 29,5% респондентов данными мерами стимулирования пользуются лишь руководители. И лишь 12,9% из числа выразивших неудовлетворенность системой нематериального стимулирова-

ния считают так по причине того, что указанные меры не стимулируют работников к производительному труду (Рис. 3).

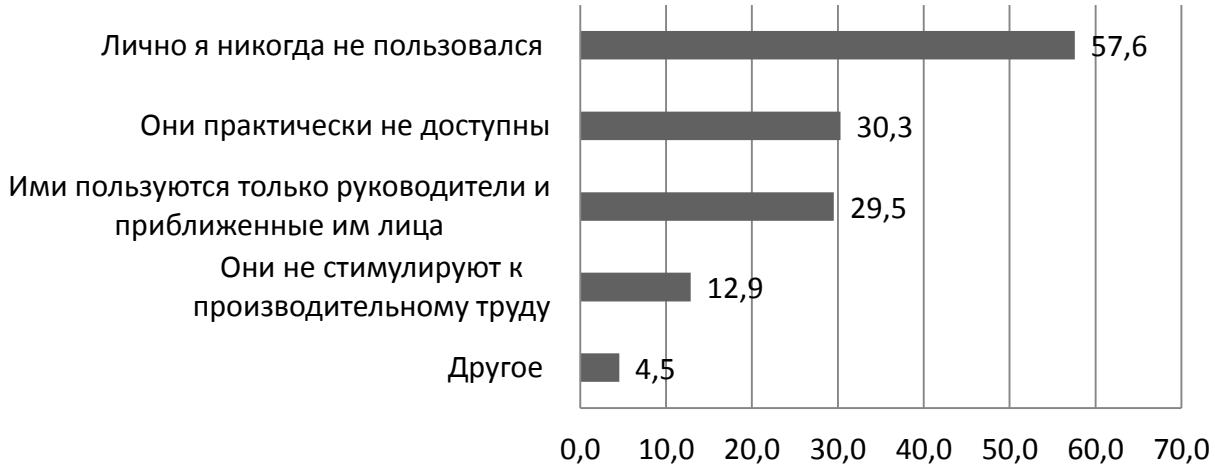


Рис. 3. Причины неудовлетворенности работников существующей системой нематериального стимулирования (в процентах > 100%)

Следует заметить, что довольно большая доля респондентов (71,0%) удовлетворены существующей системой морального стимулирования, при этом 29,0% (а это почти каждый третий опрошенный!) выразили свою неудовлетворенность. Отмечая причины, приведшие к неудовлетворенности сотрудников системой морального стимулирования в организации, большинство из числа выразивших неудовлетворенность ответили, что они не стимулируют к производительному труду и меры морального стимулирования применяются несправедливо (по 45,3%). 18,7% из числа неудовлетворенных системой морального стимулирования считают, что их не интересуют меры морального стимулирования (Рис. 4).

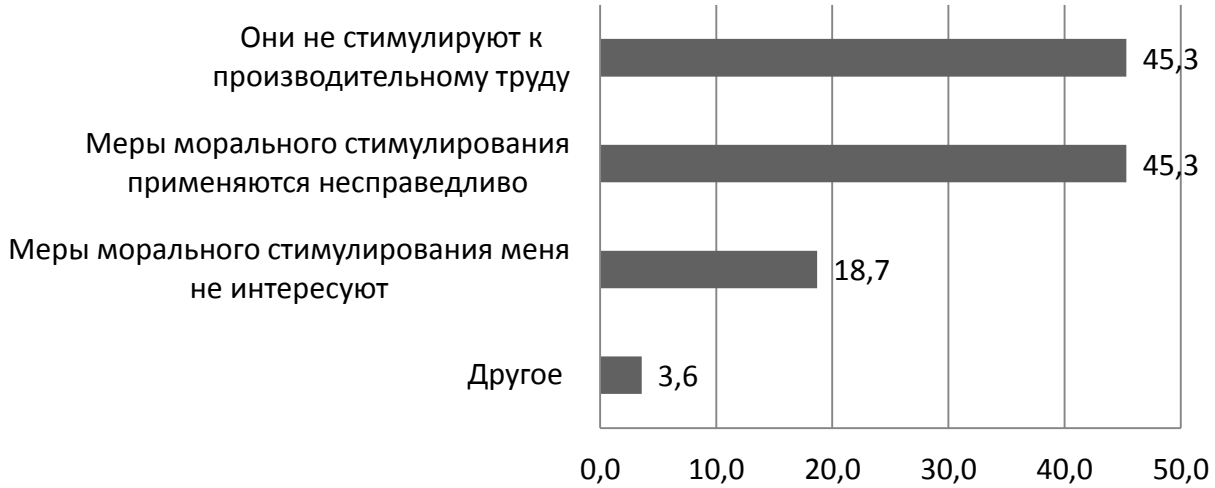


Рис. 4. Причины неудовлетворенности работников существующей системой морального стимулирования (в процентах > 100%)

Таким образом, проведенное нами исследование показало, что существующая в организации система материального, нематериального и морального стимулирования нуждается в существенном совершенствовании в сторону расширения доступности, открытости для сотрудников организации.

Безусловно, система мотивирования и стимулирования работников организации выступает важным компонентом организационной солидарности и лояльности. Описанная ситуация не в полной мере способствует росту лояльности работников компании, а в отдельных случаях выступает и в качестве демотивирующего фактора, следовательно не способствует улучшению имиджа компании.

Литература

1. *Алешина И.В.* Корпоративный имидж: стратегический аспект // Маркетинг. 2003. № 3. С. 34–36.
2. *Беленкова А.А.* PRостой пиар. Бизнес-букварь. М.: НТ Пресс, 2009, 256 с.
3. *Горчакова Р.Р.* Основные тенденции, сдерживающие формирование и развитие имиджа организаций // Актуальные вопросы экономических наук: материалы II Международной научной конференции. Уфа, 2013. С. 87–90.
4. *Феофанов О.А.* Имидж бизнеса и имидж фирмы. СПб: Питер, 2001. С. 198–250.
5. *Удальцова М.В.. Аверченко Л.К.* Социология и психология управления. Ростов-на-Дону: «Феникс», 2001. 284 с.
6. *Котлер Ф.* Маркетинг менеджмент. 12-е изд. СПб.: Питер, 2006. 816 с.
7. *Нагимова А.М., Халитова Г.Р.* К вопросу о роли корпоративной культуры в управлении имиджем компании // Материалы международной научно-практической конференции «Экономика, социология, философия, политика, право: направления развития, совершенствования, созидания» (Саратов, 2014). С. 56–58.
8. *Томилова М.В.* Модель имиджа организации. URL: http://www.cfin.ru/press/marketing/-1998-1/05.shtml (Дата обращения: 06.11.2019)

ЗДОРОВЬЕСБЕРЕЖЕНИЕ ДЕТЕЙ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Радченко С.В.

ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева», Россия, г. Орёл

Аннотация. Сохранение здоровья детей – это важнейший фактор благополучного детства, эффективной социализации, условие развития человеческого потенциала, механизм формирования социального и физического капитала. Проблема сбережения здоровья детей приобретает глобальные масштабы и является актуальной для многих регионов Евразийского пространства. В современном обществе физическое состояние подрастающего поколения ухудшается, лечение ребенка и посещение врачей выступает неотъемлемой частью образа жизни родителей. Необходимо активно «запускать» госпрограммы для сохранения здоровья детей (до 14 лет), внедрять систему качественной диспансеризации дошкольников и школьников с последующими рекомендациями, восстанавливать массовую физкультуру и спорт для детей. Внимание международного сообщества к этим проблемам, обмен опытом и действующими в разных государствах здоровьесберегающими технологиями, разработка стратегий по формированию общественных установок на укрепление, профилактику и сохранение здоровья ребенка, а не последующее лечение и хронизацию болезни – важный показатель эффективности государственной политики.

Ключевые слова: Евразийское пространство, развитие человеческого потенциала, здоровьесбережение детей, социальное и физическое здоровье населения.

Факторы развития человеческого потенциала на Евразийском пространстве.

Этимологически понятие «потенциал» сводится к определению его как некоторой мощи, силы, возможности, как особому источнику богатства и энергии [1]. Всё то, что имеет

значение потенциального, может быть мобилизовано и воплощено в реальный капитал. В территориальном измерении капитал – это совокупность средств, условий, ресурсов, запасов на определенном пространстве, поддержание и сохранение которых определяется человеческим фактором (деятельностью или бездействием конкретного человека). Экономика, демография, обороноспособность, конкурентоспособность, инновационный и интеллектуальный потенциал, производство, технологии и др. – это всё производные от деятельности человека.

Соболева И.В. под человеческим потенциалом понимает «накопленный запас *здоровья*, общекультурной профессиональной компетентности, творческой, предпринимательской, гражданской ответственности, реализующийся в сфере деятельности и в сфере потребления на основе рыночных и нерыночных механизмов»[2]. По мнению В.П. Бабинцева и М.П. Куркиной, человеческий потенциал – это система *физических и духовных сил человека*, отдельных социальных групп и общества в целом, реализация которых способствует расширенному воспроизводству общественных структур и повышению качества жизни индивида [3].

Основной причиной научного и общественного интереса к проблемам формирования и развития человеческого потенциала на Евразийском пространстве, с нашей точки зрения, выступает необходимость разработки эффективных стратегий международного сотрудничества и взаимодействия по ключевым социокультурным и экономическим вопросам. Следует уточнить, что подразумевается под Евразийским пространством. В научной литературе геополитически Евразийское пространство ограничивается территориями либо Малой Евразии, либо Большой Евразии (рисунок 1).

Общеизвестным является тот факт, что термин «Малая Евразия» (лат. «Eurasia in sensu strictu») был введен в 1933 году одним из лидеров движения классического евразийства, географом и экономистом Петром Савицким. Малая Евразия – это постсоветское, постимперское пространство, которое условно совпадает с территорией бывшей Российской империи и бывшего Советского союза.

Пространство всего огромного евразийского материка, который расположен между Атлантикой и Тихим океаном, Северным ледовитым и Индийским океаном получило название «Большая Евразия». Как геополитический конструкт термин «Большая Евразия» (синоним – «Большое евразийское партнерство») был придуман в 2015 году в Центре комплексных международных и европейских исследований (ЦКЕМИ) НИУ ВШЭ (С.А. Караганов, Т.В. Бордачев). Затем на высшем международном уровне данная концепция была выдвинута в 2016 году президентами России В.В. Путиным и Казахстана Н.А. Назарбаевым.

Рис. 1. «Малая Евразия» (серым) и «Большая Евразия» (чёрным) [4]

Как видно из рисунка 1, Евразийское пространство представляет собой определенную территориальную целостность. Развитие человеческого потенциала на этом социально-экономическом пространстве зависит от множества факторов. Эти факторы не только обуславливают качество человеческого потенциала, но и являются его составляющими.

Все факторы, по нашему мнению, можно свести к двум основным группам:

– Природные факторы;

– Социокультурные факторы.

Первая группа факторов включает в себя такие важнейшие составляющие человеческого капитала, как физическое здоровье населения, особенности территории (ландшафт, ресурсы, географическое положение и т.д.), экология. Также к природному блоку можно отнести исторически сложившиеся формы производства, ведения хозяйства и выстраивания социальной коммуникации, то есть то, что составляет ментальность людей и, следовательно, транслируется в повседневной жизни на подсознательном уровне.

Вторая группа факторов выступает как производная от природных факторов. Социокультурный блок включает такие составляющие человеческого капитала как культурное наследие, традиции, преемственность, особенности социальной интеграции и идентификации людей, труд, занятость, образование, инновационный и экономический потенциал, социальная безопасность и др.

Физическое здоровье населения при этом выступает ключевой составляющей развития человеческого потенциала. Чем больше применяется здоровьесберегающих технологий, социальных механизмов по формированию установок населения на сохранение и профилактику здоровья, тем выше уровень и качество жизни в регионе. Особое значение приобретает решение проблемы сбережения здоровья детей.

Демографическая ситуация.

Как известно, при любых социально-экономических и политических условиях здоровье детей является ключевым показателем эффективности деятельности органов власти любого уровня, учреждений здравоохранения и социальной сферы. Здоровье детей – это генофонд нации, человеческий потенциал и будущее государства. Следует отметить, что здоровье должно характеризоваться не медицинской компонентой (лечение), а социальной составляющей (низкий уровень или отсутствие заболеваемости). Это возможно только в условиях формирования приоритета здоровья в сознании людей и повышения качества условий жизни.

В рамках данной статьи мы проанализировали основные демографические показатели «Малой Евразии», от которых напрямую зависит развитие человеческого потенциала: численность населения, ожидаемая продолжительность жизни при рождении, суммарный коэффициент рождаемости, естественный прирост (таблица 1).

Анализ динамики численности населения бывших союзных республик СССР показал, что на начало 2019 года численность населения увеличилась по сравнению с данными переписи населения 1989 года в шести странах: в Таджикистане выявлен рост в 1,8 раз, в Узбекистане и Туркмении – в 1,7 раз; население Киргизии выросло в 1,5 раз, население Азербайджана – в 1,4 раза. Прирост населения Казахстана составил 12% к 2019 году.

Однако, в остальных 9 странах численность населения сократилась. Наиболее существенную убыль понесли Латвия и Литва, где население сократилось примерно на четверть по сравнению с данными переписи 1989 года. Значительно сократилось также население Грузии, Молдавии и Украины, в том числе за счет территорий, о населении которых сведения не поступают в национальные статистические службы. В России с учетом территории Крыма численность населения сократилась незначительно.

За тридцать лет, прошедших после переписи населения 1989 года, доля детей в возрасте до 15 лет сократилась в населении всех стран – бывших союзных республик СССР. В странах Балтии, Белоруссии, Молдавии, России и на Украине она по-прежнему примерно вдвое ниже, чем в республиках Средней Азии, составляя от 15% в Латвии до 37% в Таджикистане [8]. В общей структуре населения по состоянию на начало 2019 года самая высокая доля детей в возрасте до 15 лет зафиксирована в Таджикистане (37%), Киргизии

(33%), Туркмении (31%), Узбекистане и Казахстане (29%). Отметим, что высокие значения отмеченного показателя в республиках Средней Азии скорее обусловлены высоким уровнем рождаемости, нежели показателями состояния здоровья детей. Действительно, как видно из таблицы 1, суммарный коэффициент рождаемости в Таджикистане (3,61), Киргизии (2,98), Казахстане (2,8%), Туркмении (2,75) и Узбекистане (2,604) выше, чем в остальных странах Малой Евразии.

Таблица 1

Основные демографические показатели (Малая Евразия) по состоянию на начало 2019 г. [5]

Страна	Численность населения		Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, *лет*	Суммарный коэффициент рождаемости, чел. [6]	Естественный прирост/убыль, %
	Всё население, *тыс. чел.*	В том числе детей до 15 лет, *% от общей численности*			
Россия	146781	18	72,8	1,8	+0,1
Украина	42153	16	72,1	1,48	-0,5
Узбекистан[7]	34057	29	74,6	2,604	+1,6
Казахстан	18396	29	73,2	2,8	+1,3
Белоруссия	9475	17	74,8	1,75	0
Азербайджан	9982	23	73	2,08	+1
Грузия	3723	20	73,8	2,01	-0,1
Таджикистан	9127	37	70,9	3,61	+2,4
Молдавия	3543	16	72	1,26	-0,1
Киргизия	6390	33	71,7	2,98	+1,8
Литва	2794	15	75,8	1,67	-1,5
Туркмения	5942	31	68,1	2,75	+1,6
Армения	2965	21	75,1	1,76	+0,1
Латвия	1920	16	75,1	1,78	-1,1
Эстония	1325	16	78,5	1,6	+0,1

В свою очередь, мы проанализировали данные Министерства здравоохранения Российской Федерации и пришли к выводу, что за последние 5 лет в стране наблюдается негативная динамика заболеваемости детей в возрасте 0-14 лет по основным классам болезней (рисунок 2). На рисунке 2 выделены только те классы болезней, по которым выявлена стабильная динамика увеличения количества случаев заболеваний.

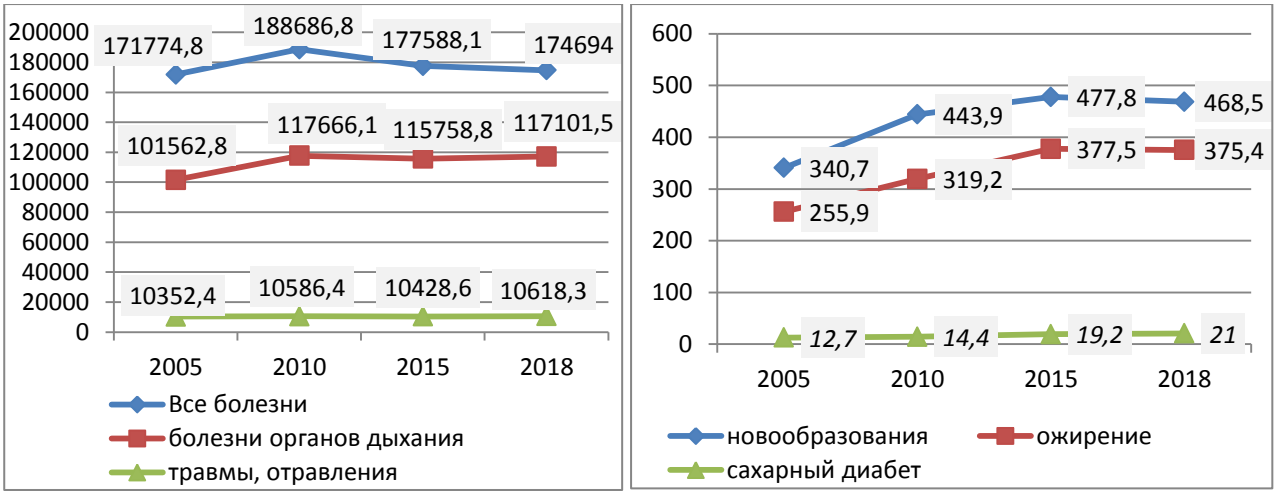


Рис. 2. Заболеваемость детей в возрасте 0-14 лет по основным классам и группам болезней в России, на 100000 детей в возрасте 0-14 лет [9]

Следует отметить тот факт, что ситуация с заболеваемостью у детей в старшей возрастной группе от 15 до 17 лет усугубляется: увеличилось количество болезней эндокринной системы (ожирение), расстройства питания и нарушения обмена веществ, заболевания диабетом (рисунок 3). Основными причинами возникновения этих недугов являются малоподвижный образ жизни родителей и детей, редкие прогулки, некачественное питание и др. Также наблюдается увеличение количества болезней костно-мышечной системы и соединительной ткани среди детей, что также отчасти является следствием низкой двигательной активности и несбалансированного рациона питания.

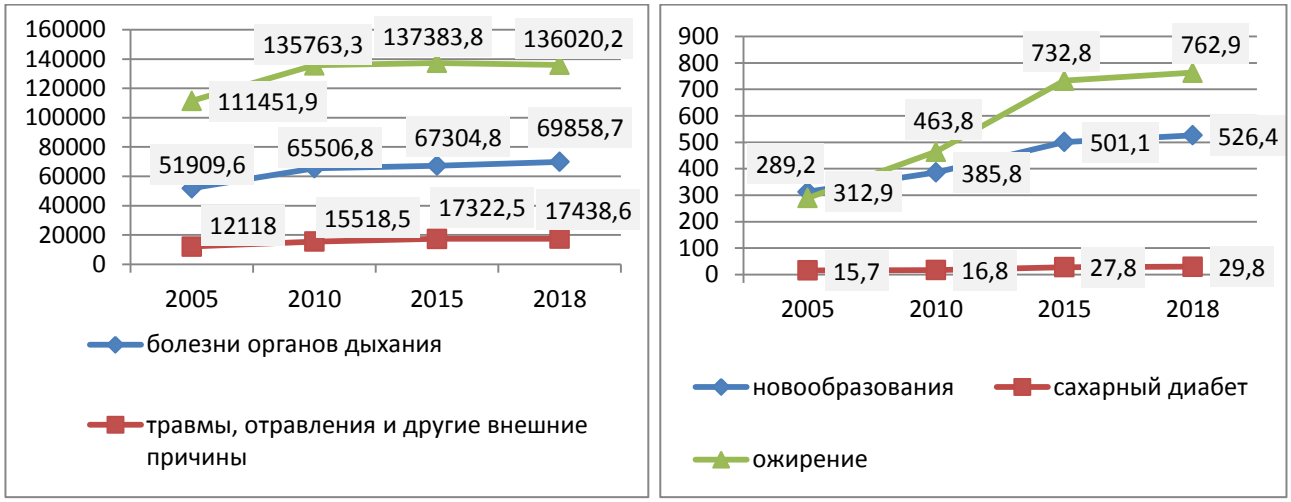


Рис. 3. Заболеваемость детей в возрасте 15-17 лет по основным классам и группам болезней в России, на 100000 детей в возрасте 15–17 лет

Можно предположить, что в отдельных странах Евразийского пространства ситуация с заболеваемостью детей аналогичная России. Например, в нашей стране, несмотря на увеличение консолидированного бюджета на здравоохранение, активизацию законотворческой деятельности в этой сфере, строительство площадок для занятий массовым спортом и т.д., здоровье населения, в частности детей, становится хуже.

Социологическая интерпретация здоровьесбережения детей.

Так как проблема здоровья населения в контексте развития человеческого потенциала приобретает глобальное значение и является актуальной для выработки стратегий евразийского сотрудничества, здоровьесбережение детей становится востребованным предметом социологических исследований.

Понятие «здоровьесбережение» мы будем рассматривать через такие социологические категории как «социальное поведение», «социальная повседневность» и «социальные практики». В качестве концептуальной теории здоровьесберегающего социального поведения можно применить понимающую социологию М. Вебера, ключевым тезисом которой выступает тезис о том, что социальное поведение – это «ожидание ожидания ожидания». Веберовская интерпретация социального поведения приобретает особую продуктивность, когда речь идет о детях, так как именно они в большей степени ориентированы на поведение другого социального субъекта, в том числе по отношению к своему здоровью. Здоровьесберегающее поведение – особый вид целерационального поведения. Отметим, что М. Вебер впервые, ещё в начале 20 века, раскрыл взаимосвязь между качествами народа, в том числе физическими и духовными, и уровнем богатства страны (по сути, её человеческим капиталом).

Здоровьесберегающее поведение, согласно феноменологической парадигме А. Шюца, встраивается в повседневное поведение человека и определяется условиями его жизни. Каждый человек воспринимает себя и своё физическое состояние через призму повседневных поведенческих практик, как нечто ситуативное и заритуализированное. Поэтому когда

в повседневность ребенка «встроены» здоровьесберегающие практики, у него вырабатывается особый тип социального поведения, закрепляемый в повседневной реальности. К примеру, если совершая регулярные прогулки, родители играют с ребенком в подвижные игры, то вероятность того, что в подростковом и взрослом возрасте у него будет выработана стойкая потребность в физических упражнениях, достаточно высока.

Социологи, психологи и педагоги по всему миру указывают на то, что проблема сохранения здоровья у подрастающего поколения действительно приобрела угрожающий характер: растет число детей с отклонениями в физическом и психическом развитии, в том числе с проявлениями социальной дезадаптированности личности, социокультурной деформации личности, социопатии. Например, по мнению д.с.н. Журавлёвой И. В., в России отсутствуют идеология здоровья, система воспитания «про здоровье» и целенаправленное обучение заботе о своем физическом, духовном и психологическом состоянии. К этому можно добавить, что здоровье детей сегодня не воспринимается как базовая социальная ценность, так как ответственность за его сохранение, сбережение и поддержание перекладывается от родителей к системе здравоохранения, дошкольного и школьного образования, дополнительного образования и наоборот. В итоге, у ребенка отсутствует мотивация на ведение здорового образа жизни. Все привычки, манеры, правила и нормы формируются в детском возрасте и остаются на всю жизнь. Отношение к своему здоровью, питанию, времяпрепровождению и др. – становится образом жизни и социальной повседневностью [10].

ВЫВОД. Здоровьесбережение детей является, с нашей точки зрения, стратегической задачей международного сотрудничества между странами Евразийского пространства. Здоровье формируется с рождения и является залогом благополучного детства, эффективной социализации, качественного человеческого потенциала. Сохранение здоровья детей – это ответственность родителей, педагогов, воспитателей и государства. Главный недостаток социальной политики ряда стран Евразийского пространства – нацеленность на больного человека, его заболевание. Забота о здоровье очень часто декларируется на законодательном и информационно-просветительском уровне, однако все меры, в итоге, нацелены на больных людей. Изменить эту ситуацию возможно, обратив внимание на здоровье детей как важнейшую социальную ценность и человеческий потенциал.

Литература

1. *Реанович Е.А.* Смысловые значение понятия «потенциал» // Экономические науки. 2012. № 7. С. 14–15.
2. *Соболева И.В.* Воспроизводство человеческого потенциала: теория, методология, приоритетные направления / автореферат диссертации доктора экономических наук: 08.00.01 / Интститут экономики РАН. Москва, 2006. 46 с.
3. *Бабинцев В.П., Куркина М.П.* Человеческий потенциал как научная категория // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2012. № 8. С. 223–229.
4. *Кофнер Ю.К.* Большая Евразия. Теория евразийской интеграции, 2019. URL: https://russiancouncil.ru/blogs/GreaterEurasia/34501/ (Дата обращения: 13.02.2020).
5. По данным ООН: United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2019). URL: https://population.un.org/wpp/ (Дата обращения: 12.02.2020).
6. Приказ Росстата от 30.12.2019 г. № 828 «Об утверждении методики расчета показателя "Суммарный коэффициент рождаемости (число детей, рожденных одной женщиной на протяжении всего репродуктивного периода (15–49 лет), единиц». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_342864/ (Дата обращения: 13.02.2020).
7. Государственный комитет Республики Узбекистан по статистике. URL: https://stat.uz/ru/ (Дата обращения: 13.02.2020).
8. Электронный журнал «Демоскоп Weekly» (Россия и ее ближайшие соседи: 30 лет спустя после Всесоюзной переписи населения 1989 года). URL: http://www.demoscope.ru/-weekly/2019/0833/barom05.php (Дата обращения: 13.02.2020).

9. Федеральная служба государственной статистики России (Статистический сборник «Здравоохранение в России»). Москва, 2019. 170 с.
10. *Радченко С.В.* Сохранение здоровья детей как стратегическая задача социальной политики Российской Федерации / Социологический альманах. Выпуск 12. Орел: Издательство Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС, 2020. С. 331–334.

ВЛИЯНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА НА КАЧЕСТВО ЖИЗНИ

Сарсекеева А.М.
Евразийский национальный университет имени Л.Н.Гумилева,
Казахстан, г. Нур-Султан

Аннотация. Теория человеческого капитала имеет внушительную историю, которая смогла аналитически объяснить такие важные инвестиции в экономический рост государств, как образование, здравоохранение, питание, а также объяснить динамику доходов населения, социального неравенства и многие другие экономические и социальные явления. XXI век – это век человеческого капитала. Интегрированные оценки его развития напрямую связаны с экономическими показателями, и государства ставящие акцент на политике развития человеческого капитала имеют высокий потенциал развития и стабильности. Основные составляющие элементы человеческого капитала напрямую определяют качество жизни индивида и общества в целом. В данной статье рассматриваются основные показатели качества жизни во взаимосвязи с человеческим капиталом.

Ключевые слова: человеческий капитал, индекс человеческого развития, уровень жизни.

Исследования в области человеческого капитала чаще всего носят междисциплинарный характер и затрагивают множество аспектов экономической и социальной жизни.

Несмотря на то, что концепции влияния человеческого капитала на развитие страны появились задолго (А.Смит, Д.Рикардо, И.Шумпетер, Д.Гэлбрейт), крупные теоретические исследования начались с 40-60-х годов прошлого века. Так, Шульц обосновал необходимость государственных расходов на медицину, питание, здоровье для повышения качества жизни.

С середины 70-х годов проводится больше прикладных исследований. Д.Минсер показал на основе американского общества что, более образованные коллеги в возрасте 20–40 лет, получают в 6 раз больше чем менее образованные с таким же стажем работы [1, с. 120].

Середина 90-х ознаменована появлением агрегированных индексов человеческого капитала, которые проводятся видными ученными под эгидой крупных наднациональных институтов (ВЭФ, ВБ, ОЭСР, ПРООН) и исследовательских центров. Они объединяют широкий спектр тем, в том числе образование, здравоохранение, занятость, социальную поддержку и так далее.

В целом при оценке человеческого капитала применяются методы исследования на основе представительских оценок (уровень образованности, агрегированные индексы и коэффициенты, уровень развития научной деятельности и так далее) и на основе инвестиций (зависимость заработной платы от уровня образования, нормы доходности обучения).

Общепринято, что высокий уровень образования населения это один из ключевых факторов формирования эффективного человеческого капитала. Государственные инвестиции, а именно финансирование образования, медицины, мероприятий по социальной защите способствует росту качества жизни, и влияет на страновой человеческий капитал и экономический рост.

В Казахстане человеческий капитал признается как очень высокий. По охвату населения образованием у страны стабильно высокие показатели на протяжении 30 лет. Однако по капитализации человеческого капитала Казахстан отстаёт от стран с таким же уровнем

запаса. В 2015 году Казахстан, в целом имея высокий индекс человеческого развития (ПРООН) в сравнении с экономическим измерением, среди группы азиатских стран в лучшем положении (на уровне с Турцией и Малазией), уступая «нефтеэкспортерам» и высокоразвитым Японии, Южной Корее, Гонконгу. В сравнении с европейскими странами Казахстан в группе стран Восточной Европы (Польша, Венгрия, Словакия, Литва). Группа высокоразвитых стран ОЭСР выше порядка на 0,2 пункта в Индексе и обладают средним доходом на $15 000 больше. Среди стран центральноазиатского региона – Казахстан уверенный лидер, среди СНГ на уровне с Россией. В 2019 году, согласно данному рейтингу, Казахстан разделяет место в рейтинге с Беларусью и уступает одну ступень России [2].

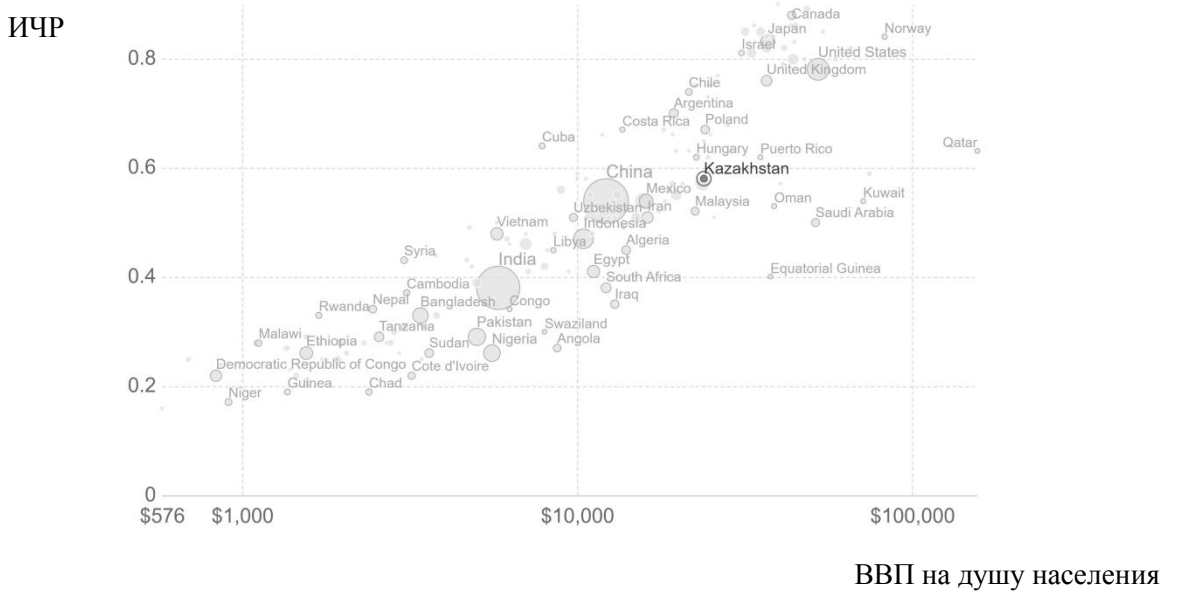


Рис. 1. Индекс человеческого развития в сравнении с ВВП на душу населения, 2015

Образовательная революция в Казахстане обусловлена устойчивым ростом охвата начальным образованием с 1950-х годов. Если обратиться к данным по накопленному образованию исследователей Р.Барро и Д.Ли, то можем увидеть, как Казахстан смог добиться значительных результатов в массовом образовании, сократив необразованное население за период с 1950 по 2010 с 40,9% до 0,1%. Что касается взрослых старше 15 лет, с начала 90-х годов обладателей дипломов высшего образования выросло почти в 2,5 раза в (2010). Рост за этот период выпускников среднеспециальных учреждений составил 20%. Общее же количество накопленных лет формального образования возросло в 4 раза с 1950 года при уровне 2,59 года до 11,33 года уже в 2010 [3].

Со становлением независимого Казахстана охват населения образованием продолжил прирост. Рост экономики и урбанизация также способствовали потребности в квалифицированных кадрах. Более широкое использование технологий было вызвало рост показателей охвата образованием. Кроме того, образовательная революция дала толчок развитию системы социальных институтов формального и неформального образования. Все эти аспекты оказывают влияние на повышение уровня жизни населения.

Оценки человеческого капитала неразрывно связаны с продолжительностью жизни. Собственно, продолжительность жизни и образование составные части всех агрегированных индексов, оценивающих человеческий капитал. Наблюдая динамику накопленного объема образования, можно констатировать что и продолжительность жизни в Казахстане также росла. Так, в 1960 году она составляла 58 лет, в 2017 году – уже 73 года. Безусловно, это связано с развитием медицины, изменениями в характере труда, и в целом повторяет мировой тренд. Однако, если посмотреть на количество накопленных лет образования (датасет Р.Барро и Д.Ли) и величину продолжительности жизни по статистике ПРООН, то можно

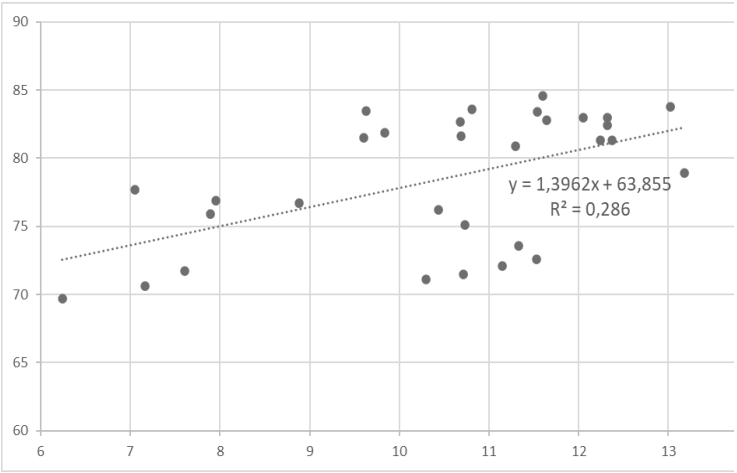
увидеть положительную связь на примере 31 страны из развитых, развивающихся стран и СНГ. Чем более образованная страна, тем выше продолжительность жизни (корреляция Пирсона 0,534, коэффициент детерминации 0,286), т.е. образование имеет влияние на здоровье нации.

Таблица 1

Сравнение стран по количеству накопленных лет образования и продолжительности жизни

Страна	Количество лет образования [3]	Продолжительность жизни [4]	Страна	Количество лет образования [3].	Продолжительность жизни [4]
Австралия	11,54	83,4	Индонезия	7,61	71,7
Австрия	9,6	81,5	Малазия	10,44	76,2
Бельгия	10,69	81,6	Корея	12,05	83
Канада	12,32	82,4	Сингапур	10,81	83,6
Дания	11,3	80,9	Армения	10,73	75,1
Финляндия	9,84	81,9	Казахстан	11,33	73,6
Франция	10,68	82,7	Кыргызстан	10,71	71,5
Германия	12,37	81,3	Россия	11,53	72,6
Италия	9,63	83,5	Таджикистан	10,3	71,1
Япония	11,6	84,6	Украина	11,15	72,1
Швеция	11,64	82,8	Бразилия	7,89	75,9
Швейцария	13,02	83,8	Иран	8,88	76,7
Турция	7,05	77,7	Ирак	7,16	70,6
США	13,18	78,9	Израиль	12,32	83
Великобритания	12,24	81,3	Индия	6,24	69,7
Китай	7,95	76,9			

Продолжительность жизни



Количество лет образования

Рис. 2. Взаимосвязь образования и продолжительности жизни

Таким образом, основные составляющие национального и индивидуального человеческого капитала напрямую определяют качество жизни. Оценкой качества жизни населения занимаются многие международные институты, которые формируют агрегированные индексы.

В 2013 году был обновлен Индекс качества жизни, разработанный компанией Economist Intelligence Unit, который связывает результаты субъективных и представительных оценок. Среди них, здоровье, семейная и общественная жизнь, материальное благополучие, гарантия работы, климат, политические свободы и гендерное равенство. Согласно этому рейтингу стран, Казахстан находится на 74 месте из 80 стран, что говорит о не высоком качестве жизни. Вместе с тем, Казахстан имеет более высокие позиции по индексам измерения человеческого капитала. Однако, если наблюдать взаимосвязь Индекса человеческого развития и Индекса качества жизни на наборе развитых и развивающихся стран (указанных выше), то они очень хорошо коррелируют (хи-квадрат 0,899, р-квадрат 0,585) и Казахстан далек от линии тренда [5].

Аналогичный рейтинг проводят аналитики американского центра The Earth Institute (Институт Земли) – мировой индекс счастья (The Happy Planet Index). Отличительной особенностью данного обзора является включение на ровне с другими показателей экологичности и неравенства (коэффициенты Джини). Казахстан в этом рейтинге с оценкой 19,1 занимает 114 из 140 [6].

Часто в страновых исследованиях для определения качества и удовлетворения уровнем жизни, использует выборочные опросы населения. Комитетом по статистике МНЭ РК также проводят подобные масштабные исследования. Вместе с тем, переменная «образование» в них не обозначается и деидентифицированные датасеты не позволяют оценить роль образования в таких оценках. Вместе с тем, если обратиться к альтернативным данных международных исследователей, то можно составить некоторое представление.

Так, анализируя датасеты Всемирного обзора ценностей [7], в котором участвовали и казахстанцы (2011 год, 1500 респондентов), можно увидеть следующую картину: среди респондентов больше счастливых людей (более 80%). Обладатели дипломов, в независимости от уровня также счастливее, тех кто получает образование или имеет не оконченную ступень образования. Те, кто окончил высшее образование наиболее счастливые (92%), и соответственно среди них меньше несчастных людей (8,1%). Вероятно, с прохождением новой ступени образования индивид доволен своими достижениями, преисполнен новых надежд и может претендовать на более высокий доход или карьерный рост. Дополнительно обратимся к показателю «удовлетворенность жизнью» по 10-бальной шкале, делая акцент на трех крайних ступенях от «недоволен жизнью» к «полностью удовлетворен». Так, среди недовольных жизнью меньше всего людей с высшим образованием (1,2% респондентов), и больше со средним (8%). Полностью удовлетворены жизнью практически в равной степени выпускники школ и вузов (54% и 52%), но не выпускники организаций технического и профессионального образования (43%).

Важной составляющей качества жизни является здоровье. Так, субъективные оценки состояния здоровья выше с каждой новой полученной ступенью образования, наиболее здоровыми себя чувствуют те, кто получил университетское образование (67,5%).

Таблица 2

Субъективные оценки состояния здоровья респондентов
из Казахстана Всемирного обзора ценностей

	Среднее образование, %	Среднеспециальное образование, %	Высшее образование, %
Чувствуют себя более здоровыми	18,5	57,2	67,5
Чувствуют себя менее здоровыми	81,4	42,8	32,5

Чувство безопасности также важное составляющие качества жизни. Согласно мнению респондентов, люди с высшим образованием ощущают пространство вокруг более безопас-

ным (84% респондентов с высшим образованием), и 75% респондентов из тех кто имеет только среднее образование - ощущают себя в безопасности. Кроме того, люди, получившие высшее образование менее подвержены преступлениям. Так, среди жертв преступлений тех, кто получил только начальное образование в 2 раза больше, чем среди выпускников вузов.

Еще одним аспектом качества жизни является занятость и доходы. Не уверенны в завтрашнем дне люди, получившие техническое и профессиональное образование. И, напротив, люди с низшим уровнем не боятся потерять работу. Возможно это связано с мыслями о продолжении обучения и временным характером работы. Также, если взрослые не стали инвестировать время в образование, а пошли сразу работать, то, вероятно они уже накопили запас специфического капитала, и поэтому относительно спокойны.

Таблица 3

Субъективные оценки гарантии работы респондентами
из Казахстана Всемирного обзора ценностей

	Среднее образование, %	Среднеспециальное образование, %	Высшее образование, %
Боится потерять работу	37,9	70,2	65,7
Не боится потерять работу	62,1	26,4	32,5

Как уже говорилось выше, образовательная революция была обусловлена ростом урбанизации. Здесь стоит отметит, что региональное неравенство в распределении доходов может быть значительно выше влияния уровня образования. Так, если обратиться к данным Комитета по статистике МНЭ РК по среднемесячной номинальной заработной плате одного работника в 2018 году в $510 по ППС, очевидными центрами «высокой оплаты труда» стали два мегаполиса – Нур-Султан ($750) и Алматы ($630), а также нефтедобывающие регионы – Мангистауская ($860) и Атырауская ($920) области. Безусловно, оценки качества жизни связанные с благосостоянием требуют более детального анализа [8].

Таким образом, концептуальные и прикладные исследования указывают на прямую связь уровня человеческого капитала и повышения уровня жизни как населения стран, так и на индивидуальном уровне. Образование как ведущий предиктор развития человеческого капитала оказывает влияние на показатели качества жизни, в частности здоровье, экономическое развитие, благополучие и занятость, безопасность и субъективные оценки удовлетворенностью жизнью индивидом.

Повышение уровня качества жизни населения – основная цель политик развитых и развивающихся стран. Под этим понимают достижение удовлетворением индивидуальных потребностей индивида, так и доведения до межстрановых стандартов агрегированных данных по удовлетворению потребностей общества в целом.

Литература

1. *Аникин В.А.* Человеческий капитал: становление концепции и основные трактовки // Экономическая социология. 2017. № 4. С. 120–140.
2. *Max Roser* Human Development Index (HDI). URL: https://ourworldindata.org/human-development-index (Дата обращения: 15.02.2020).
3. *Barro R., Jong-Wha Lee* A New Data Set of Educational Attainment in the World, 1950–2010 // Journal of Development Economics. 2013. Vol 104. Pp. 184–198.
4. *Max Roser, Esteban Ortiz-Ospina, Hannah Ritchie* Life Expectancy. URL: https://ourworldindata.org/life-expectancy (Дата обращения: 15.02.2020).
5. The Economist Intelligence Unit’s Quality-of-Life Index // The Economist. 2013. Pp. 1–4

6. *Karen Jeffrey, Hanna Wheatley, Saamah Abdallah* The Earth Institute. URL: http://happyplanetindex.org/countries (Дата обращения: 15.02.2020).
7. *Inglehart R., Haerpfer C., Moreno A., Welzel C., Kizilova K., Diez-Medrano J., Lagos M., Norris P., Ponarin E., Puranen B.* Обзор мировых ценностей: шестой раунд – версия файла данных для странового пула. 2014. URL: http://www.worldvaluessurvey.org/-WVSDocumentationWV6.jsp (Дата обращения: 15.02.2020).
8. Комитет по статистике МНЭ РК. Информационно-аналитическая система «Талдау». Среднемесячная номинальная заработная плата одного работника – 2012–2018. URL: https://taldau.stat.gov.kz/ (Дата обращения: 15.02.2020).

ПРОСВЕЩЕНИЕ И ПРОСВЕТИТЕЛЬСТВО: СУЩНОСТЬ И ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ

Токтогулова Г.Т.
Жалал-Абадский государственный университет,
Киргизия, г. Джалал-Абад

Аннотация. В научной статье был взят под научной анализ все просветительство в целом, его структура, специфические отличие, эволюция возникновения и развития просветителства. Известно что просветительство известный этап развития культуры. Этап развития просветительства народов мира дополнены известными различиями. В некоторых случаях как социальный институт отвергает религиозные наптавления, то в других случаях оно развито как религиозное течение. А в просвещении кыргызского народа в сравнении по времени известно позднее развитие. Так же стоит отметить что в прогресивном развитии кыргызского просвещения есть большое влияние русского просвещения. Так в ьэтой стстье предложен философский анализ прочвещения кыргызского народа обществу.

Ключевые слова: просвещение, ренессанс, этика, эстетика, познание, язык, просвещение кыргызов, просветителство, специфика, научный анализ.

Просветительство является определённым этапом развития культуры. Эта необходимая условность, которая приводит к изменениям культуры и общества. Идеи просветительства порождают сознание, агитируют людей на социальную и интеллектуальную активность, способствуют к поднятию на новую ступень интеллектуальной жизни, выходя из рамки бытия модели культуры, которая являлась традиционной.

Культура чтобы развиваться всегда должна меняться. Для этого культура должна приводить в движение свою стержень, и освобождаясь от остатков прошлого, сенетики, должна стремиться к свободе. В такой ситуации высока роль интеллектуальности.

Кроме этого, человеку характерно с критикой смотреть на прошедшее и стремление к новому. Каждое поколение людей начинает свою жизнь с нового листа. Но только тогда когда хорошие стороны прошлого не забываясь, будут единомышленны с новыми, жизнь даст хорошие результаты. Просветительство открывает дорогу для таких тенденций развития человеческого общества. В связи с этим просветительство является закономерным этапом в развитии всей культуры и социального организма.

Что такое структура просветительства? При ответе на этот вопрос мы полагаемся на то, что структурой было принято во-первых, деление объекта на элементы, его структура, во-вторых, связи этих элементов и в-третьих, понимание их взаимодействия.

Просветительство как и другие общественные явления прежде властвует в сознании, точнее говоря в общественной идеологии. Оно в основном является идеологическим феноменом, который влияет на все области общественной жизни.

Полагаясь на этот тезис, надо определить взаимосвязь форм общественного сознания и просветительства. Общественное сознание к идеологии не относится. В широком значении

слова “Общественное сознание” – это понимание общественного бытия, которое бывает и в форме, систематизированной в теоретическую систему и в форме эмпирического “обычного сознания”. Важным элементом общественного сознания является общая психология [1, с. 12].

Таким образом, идеология – это совокупность форм, систематизированных в определенную систему, к нему соответствуют формы общественного сознания. Разным видам идеологии соответствуют разные формы общественного сознания. [2, с. 206–207]. Говоря по другому, политическим, правовым, эстетическим, этическим, религиозным и научным формам общественного сознания соответствуют политические, правовые, моральные, художественные, религиозные и философские формы идеологии.

В процессе развития культурно-исторического процесса, в результате распространения феодального метода производства происходит кризис идеологии Ренессанса. Устарела эпоха проведения простого товарно-денежнего хозяйства. В обществе начало устанавливаться капиталистические отношения. Значит, политику, правовое сознание, мораль эпохи Ренессанса заменила политика, правовое сознание, мораль эпохи Просветительства.

Новая историческая эпоха, новый характер политической борьбы способствовала самостоятельности политической идеологии эпохи Просветительства. Например, впервые была основана централизованная не религиозная государственная идея, которая была направлена против политических учений феодального общества и не находилась под влиянием церкви, критикуя талантливых, ярких, острых образцов была отвергнута религиозная мораль, значимость которой не была определена.

Идеология просветительства была направлена против не только деспотизма церкви, но и против деспотизма абсолютной монархии. Просветители были против всей феодальной структуры и систем его сословных преимуществ.

В таких идеологиях как религия, эстетика и философия, которые считались идеологиями высшего порядка кризисные явления особо не обнаруживаются.

Область науки имела большое значение в просветительстве. Просветители из-за ума людей в борьбе полагались на науку. Из-за этого они распространение достижений науки считали своей основной задачей. Здесь просветитель должен играть главную роль. Просветитель не только порождает новые знания, рациональные мысли, но и является их распространителем среди людей.

Новое знание – работа учёных, а не просветителей. Но это не значит, что просветитель не учёный. Но просветитель в значении профессионала – это человек, который обладает достижениями науки, и обобщая их, делает глубокие выводи, мысли. Он глубоко понимает значение науки, знания в поднимании репутации человечества. Просветитель первым делом – мыслитель. Он видит будущее человечества с развитием науки. Кроме этого, просветитель имеет особые знания, связанные с человеком и его природой. Опираясь на это знание, создаёт стратегию просветительства.

Просветители воспринимали науку, знание как силу, которая спасёт человечество от различных бедствий. Их веру в науку не смогла остановить даже отрицательные влияния технологии на людей. Для них природа являлась пассивным объектом знания людей, подвергающаяся к изменениям. Просветители представляя будущий технологический рай не знали как и каким способом достичь его, так как у них не имелось жизненного опыта, исторического условия для строения такого положения.

Надо отметить, что просветительство не только влияло на различные формы идеологии, но само попадало под влияние. Происходит соединение просветительства с многими формами идеологии. Например, просветительство влияет на религию.

Просветительство – это идеология противоположная к клерикализму. Именно в эпоху просветительства религия в качестве формы сознания лишилась доминизирующего положения в психической жизни общества [3, с. 133].

Просветительство развивается в тесной связи с педагогикой. Воспитать нового человека, говоря по-другому, воспитать в соответствии с природой человека составляет стержень

мнения просветителя. Это особо проявляется в французских просветителях (Гельвеций, Руссо). В этом от одного индивида к другому передавались мысли, развивалась коммуникативность, составляющая философию. Имеет значение ни сказанное слово, а то как слово было сказано. Философия являясь инструментом взаимообмена мыслями, обеспечивает их целостность. Появляется надобность философской образованности в обществе.

Во время распространенности Ренессанса в науке произошла революция, она связана с именами Коперника, Галилея, Кеплера, Ньютона. Наука сама по себе повлияла на развитие идеологии просветительства. С другой стороны просветительство призывало к развитию науки. Просветители в прямом значении слова являлись энциклопедистами. Они исследовали историю философии, религии, эстетику, химию, физику, ботанику и астрономию, юриспруденцию и социологию, политическую экономику и драматургию. Произведения, сочиненные ими до сих пор не потеряли свою значимость. Преданность к науке свойственно всем идеологам просветительства.

В идеологических формах высокого порядка (религия, эстетика, философия) кризисные явления в изменении идеологии особо не обнаруживаются, а в идеологических формах низшего порядка они лучше всех отражают экономические отношения общества (политика, право, мораль). В нём тоже в таких идеологических формах как религия, философия и эстетика период изменений идеологии может закончиться построением компромиссных эстетических и философских систем [1, с. 23]. Пример к этому – просветительство в Индии и в других многих Восточных странах, оно было под флагом религиозной реформаторности и деизм являлся философской основой просветительства[4, с. 6].

Говоря о структуре просветительства, надо иметь в виду, что просветительство – это система теорий и идей и идеология просветительства является элементом надстройки. Во время перехода от одной общественно-экономической фармации к другой происходит смена прошлого базиса другим, это в конце приводит к революции, которая произойдёт и в надстройке.

Просветительство – это не родовитое очень сложное культурно-историческое явление. Это происходит от того, что просветительство появляется в «переходной» социальной обстановке [5, с. 149].

Идеология просветительства являясь элементом надстройки, появляется на основе строящейся капиталистической общественно-экономической фармации и тесно связана с ней. Обслуживая буржуазный класс и буржуазную структуру, идеология просветительства даже если средне но влияет производственные отношения и в конце и на методы производства. Это подтверждает активность надстройки и её элементов.

Таким образом, рассматривая формы и элементы идеологии просветительства, их связи и взаимодействия, точнее говоря, разделяя структуру просветительства, можем сделать вывод, что просветительство в свое время является элементом надстройки – структуры высокого уровня. Являясь элементом надстройки, идеология просветительства образует все формы надстройки и находится в связи с ней.

Припоминая всё вышесказанное, надо иметь в виду, что во-первых, просветительство по своей сути – национальное, так как его строение соответствует процессу объединения наций. Не бывает просветительства вне нации. Есть конкретные французские, английские, русские, индийские, туркские просветительства, их идеология общая, имея закономерные особенности, они могут серьёзно отличаться в результате исторических, социально-экономических и национально-психологических самостоятельностей развития этой культуры, характерной всему просветительству. Во-вторых, просветительство появляется и развивается в различные исторические времена; к тому же соответственно с историческими различиями этих стран в разных регионах, в разных национальных культурах может подвергнуться к серьёзным влияниям. Но даже в таком случае, просветительство в развитии культурно-исторического процесса является закономерным этапом.

Как и видно, идеология просветительства во всех национальных культурах имеет общие закономерные формы, а также и эти формы имеют закономерные связи (точнее говоря,

характерно для всех национальных культур). Но взаимодействие различных форм в национальной культуре и идеологии просветительства происходит довольно самостоятельно. Таким образом, национальная особенность в идеологии просветительства именно в этом структурном пересечении проявляется ярко.

Идеология просветительства может отличаться не только национально, но и регионально. Идеология просветительства каждого региона имеет свои особенности. Но внутри каждого региона в соответствии с уровнем социально-экономического развития, с зависимостью от европейских государств, с характером доминирующих религиозных систем (особенность ислама, буддизма, индуизма) есть серьёзные различия [4, с. 45]. И ещё внутри каждого национального просветительства есть серьёзные различия.

Таким образом, в идейном движении просветительства можно выделить гуманистическое, радикальное и утопическое течение, они позже разделялись на либеральные, радикальные и другие партии и трактовали интересы классов пролетариата и крупной, средней и мелкой буржуазии.

Литература

1. *Ядов В.А.* Идеология как теория духовной деятельности общества. Москва: Издательство Ленинградского университета, 1961. 315 с.
2. *Грекулова А.Л.* Философский энциклопедический словарь. 2-издание. Москва, 1989. 815 с.
3. *Левада Ю.А.* Социальная природа религий. Москва, 1992. 215 с.
4. Зарождение идеологии национально-освободительного движения (XIX – начало XX вв.) // Москва, 1973. 218 с.
5. *Левин И.* Эпохи национального пробуждения и буржуазное просветительство на Востоке // Народы Азии и Африки. 1978. № 4. С. 146–152.

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИОТИПОВ ЛИЧНОСТИ ОБЩЕСТВА КАЧЕСТВА ЖИЗНИ

Хурамшина А.З.

Поволжская государственная академия физической культуры, спорта и туризма

Россия, г. Казань

Аннотация. Статья представляет собой разработку теории качества жизни и посвящена вопросу формирования социотипов личности, соответствующих обществу качества жизни. Особое значение придается оптимизации процессов социализации личности в обществе.

Ключевые слова: качество жизни, социализация личности, социотипы личности, базовый тип личности, модальный тип личности.

Любое общество состоит из личностей, хотя и не является их прямой суммой. При этом преобладающие типы личностей определяют главенствующие в данном обществе интересы, ценности, направление развития. В связи с этим формирование типов личности, соответствующих обществу качества жизни, является актуальным направлением процессов социализации в современном российском обществе.

Как известно, идея качества жизни в последние несколько лет представляет собой предмет обсуждения и изучения многих наук: экономики, политологии, социальной психологии, социологии, теории качества и других.

Наиболее широкое и глубокое рассмотрение качество жизни получило в рамках социологии. Согласно социологическому подходу, общество качества жизни предполагает гармоничное сочетание образа жизни и духовности населения.

Идея качества жизни стала стержневой при разработке социальной политики как в Республике Татарстан, так и в Российской Федерации. Очевидно, что реализация данной идеи без вмешательства института государства имеет слабые шансы на реализацию.

В частности, формирование общества качества жизни предполагает возникновение относительно новых социальных типов личности, имеющих отличие от типа «совка» и типа, сформировавшегося в переходный период, когда для российского общества было характерно состояние аномии. Отличие заключается как в системе нормативно-ценностных единиц, так и в уровне социальной активности, направленности деятельности личности.

Для преобладающего социального типа личности в поздний советский период развития российского общества было характерно следующее:

– официально ценностно-нормативная система была ориентирована на коммунистическую идеологию, соответственно в поведении населения как в публицистической печати, так и в научной, подчеркивалось проявление идеалов равенства, взаимопомощи, коллективизма, энтузиазма и т.п.;

– реальное поведение и деятельность демонстрировали значительную социальную пассивность, которая особенно проявлялась в семейно-бытовой и общественно-политической составляющих образа жизни. Одним из распространенных проявлений этой пассивности стало явление так называемого «ширпотреба»: практически вся страна жила в типовых домах, имела одинаковую мебель, посуду, одежду и т.д.;

– уровень образованности и духовности отличался относительно высоким уровнем: например, Советский Союз был в числе наиболее читающих стран мира;

– отсутствие социальной мобильности, автономии, практически полная передача всех забот о своем благополучии государству, расчет на его помощь и его ответственность за свое будущее.

Изменения в политической, экономической, социальной жизни привели к изменению содержания и динамики социализационных процессов личности в российском обществе. Разрушение идеологических основ государства без возникновения новой целостной системы норм и ценностей привели к состоянию аномии. На основе возникшей ситуации началось формирование различных социотипов личности, отличающихся, в зависимости от возраста и мобильности индивида. Это связано с тем, во-первых, первичная социализация происходит преимущественно в раннем (детском, юношеском и молодом) возрасте, а вторичная, как правило, в более позднем возрастном периоде.

Первичная социализация представляет собой процесс формирования основ личности – мотивационно-ценностной системы. Возникающие новые социотипы личности молодого поколения представляли собой воплощение вновь возникающих, в большинстве своем разрозненных, норм, правил и ценностей.

Вторичная социализация изменяет внешнее поведение, но не вносит серьезных корректив в нормативно-ценностную систему личности. Поэтому людям старшего возраста, при ориентации на прежние коммунистически направленные идеалы, приходилось перестраивать свои поведение и деятельность соответственно новым экономическим, социальным и политическим реалиям.

Характерным для переходного периода является возникновение большого количества различных субкультур, представляющих собой мозаику из множества норм, правил, ценностей, порой не имеющих системной связи между собой, возникающих под влиянием изменений социальных, политических, экономических реалий общественной жизни. Во всем многообразии этих субкультур можно выделить основные, объединенные на основе общих свойств. Основами типологии личности в переходный период в исследованиях российских ученых явились характеристики профессионально-трудовой деятельности [2], а также в целом образа жизни [5].

Согласно типологии, основанной на характеристиках профессионально-трудовой деятельности, выделялись следующие типы:

– "созерцатели" (около 47% населения) – основная часть составлена из «бюджетников», живущих на зарплату и не склонных заняться еще каким-нибудь делом, а тем более рисковать, в целях повышения своего благосостояния; в наибольшей мере сохраняют черты советского образа жизни;

– "деловики" – интенсивно с энтузиазмом трудятся на любой работе, за которую берутся, в надежде получить приличный доход, при этом нередко рискуя потерять все, что имеют (11%);

– "трудяги" – берутся за любую, в том числе тяжелую, непривлекательную, не престижную работу и честно, добросовестно ее выполняют, надеясь таким образом улучшить свое материальное положение;

– "игроки" – деятельность личности данного типа связана с экономическими и иными рисками, однако, в отличие от «деловиков», «игроки» не утруждают себя любой и особенно тяжелой, неприятной работой, предпочитая посредничество, биржевые сделки, игру на акциях, валюте и т.д.

Типология, основанная на характеристиках образа жизни, рассматривает три вида моделей поведения, реализуемых российским населением в постреформенный период:

1) модели поведения, унаследованные от эпохи СССР, так называемые «советские традиции» (например, ненависть, призрение к неправедно нажитому богатству);

2) модели поведения, унаследованные от дореволюционной эпохи (например, стремление возродить "русскость", усилить национальное начало);

3) модели поведения, сформировавшееся в течение последних 10-15 лет реформ: а) порождены переменами в политической и экономической системе России; б) заимствованы из образа жизни населения развитых стран; в) результат дисфункций в поведении социальных групп населения, в частности, коммерциализации работников милиции, коррупция и т.д.

Современная социальная стратификация общества в России характеризуется следующим образом. Речь идет о том, «что различные слои общества с трудом понимают друг друга и говорят на «разных» языках. Они представляют не одну, а как бы две реалии России, проецируя на жизнь два различающихся экономических образа» [6]. Под первым образом рассматривают некую «благополучную богатую Россию» (города Москва и Санкт-Петербург), успешно продвигающихся по пути создания «общества всеобщего благоденствия». Под вторым образом - «несчастную и неблагополучную Россию», утопающую в серьезных социальных и экономических проблем. При этом удельный вес среднего слоя (того самого, который, как правило, составляет основу базисного типа личности) по регионам разнится от 10 до 44 %, а в среднем по стране составляет 20,6%. Зависимость же качества жизни от уровня жизни, от материальной обеспеченности, социальной инфраструктуры показана в ряде работ российских ученых [7].

Результаты приведенных исследований свидетельствуют о разнообразности и разнонаправленности социальных типов личности в современном обществе, об отсутствии единой тенденции социализационных процессов в плане содержания усваиваемой нормативно-ценностной системы [1]. Данное явление представляет собой препятствие для формирования общества качества жизни, поскольку его возникновение и становление связано не только с оптимизацией экономической и политической сфер, но также и совершенствованием социальной сферы. Последнее включает в себя создание объединяющей, направленной на гармоничное сочетание образа жизни и духовности, относительно общей для всего российского населения нормативно-ценностной системы.

Соответственно, одной из первоочередных задач при формировании общества качества жизни в условиях России становится оптимизация процессов социализации личности как в плане создания ее базы (определенной системы идеалов, одобряемых образцов поведения и деятельности), так и в способствовании адаптации населения к новым условиям. Наиболее эффективными направлениями реализации этой задачи, безусловно, являются образование и воспитание. Учитывая, что в современном мире образование приобретает форму не-

прерывности (девиз: «Образование – на всю жизнь» сменяется девизом: «Образование в течение всей жизни»), данные направления могут охватить большую часть населения.

При реализации данного направления наибольшая роль отводится государству как направляющему, регулирующему и контролирующему органу. Очевидно, что формирование относительно единой нормативно-ценностной системы общества – задача настолько масштабная, что попытки ее решения силами отдельных организаций представляются нецелесообразными. Данная идея четко обозначена В.Макаровым в статье «Государство в российской модели общества» [3]. Хотя некоторые положения концепции обозначены лишь поверхностно, не вызывают сомнений необходимость проведения в жизнь предложенных им программ: программы воспитания нового человека, программы здоровья, программы образования, реализация которых является прерогативой именно государства.

На сегодняшний день социотип личности, соответствующий обществу качества жизни, еще недостаточно сформирован. Как отмечают исследователи качества социального потенциала как составляющей качества жизни, «эволюция происходит достаточно медленно, противоречиво и неравномерно, внушая опасения в конечный успешный исход соперничества нового со старым, модерна с традицией» [4]. Перечисленные выше типы личностей современного российского общества еще не соответствуют одному из основных характеристик общества качества жизни – гармоничности сочетания образа жизни и духовности. Думается, что описание характеристик рассматриваемого социального типа личности представляет собой предмет отдельного исследования. Возникновение этого типа и его широкое распространение есть условие формирования общества качества жизни.

Литература

1. *Балякина А.С.* Мотивационная составляющая современной молодежи РТ к занятию политической деятельности / Актуальные проблемы теории и практики физической культуры, спорта и туризма. Материалы V Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов, магистрантов и студентов. Казань: Поволжская государственная академия физической культуры, спорта и туризма, 2017. С. 111–113.
2. *Душацкий Л.Е.* Моделирование повседневности. Эмпирическая типология работающего населения // Социологические исследования. 2001. № 6. С. 53–59.
3. *Макаров В.* Государство в российской модели общества // Проблемы теории и практики управления. 1997. № 1. С. 60–66.
4. *Нугаев М.А.* Качество социального капитала Республики Татарстан: теоретический анализ и эмпирическое измерение // Научные труды Центра перспективных экономических исследований. 2014. № 7. С. 73–84.
5. *Рывкина Р.В.* Образ жизни населения России: социальные последствия реформ 90-х годов // Социологические исследования. 2001. № 4. С. 34.
6. *Урунов А.А.* Стратификация современного российского общества: методика, анализ и тенденции // Вестник университета. 2019. № 6. С. 184–190.
7. *Фатхуллина Л.З.* Качество жизни сельского населения: от теории к практике // Вестник Казанского технологического университета. 2011. № 23. С. 235–243.

СЕКЦИЯ «ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ: НОВЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПОДХОДЫ, ВОПРОСЫ БЕЗОПАСНОСТИ И ЭТИКИ»

CREATIVE IMAGINATION IN THE DIGITAL AGE = DISCOVERY

Avdyev M.A.
Director of the "Siberian mediation Center", Union
Russia, Novosibirsk

Dedicated to my parents
for their support and inspiration.

Annotation. The extraordinary beauty and conciseness of the formulation of Fermat's Last Theorem make us look for its visual solution. Let's try to consider Fermat's theorem from the eyes of physicist and geometry. It was from these positions that Pierre de Fermat could find a solution whose main ideas would fit schematically in the fairly wide margins of the book, in a few drawings. However, the paradigms that have prevailed for centuries in mathematics have provided a strong obstacle to finding a solution in the direction that, in modern language, is effective. Skeptics continue to believe that Pierre de Fermat was probably mistaken. Meanwhile, consistent application of the basic principles of physics, geometry, and thought experiment make us think differently.

Keywords: Pythagorean theorem, Fermat's, physics, experiment, symmetry, isotropic, n-cube.

Introduction

The Fermat's Last Theorem formulated by Pierre de Fermat (1601–1665) 383 years ago in 1637 States that the following equation has no solution for any three integers other than zero for the case:

$$n > 2: \ a^n + b^n = c^n \ (1)$$

When n = 2, we are dealing with the usual Pythagorean theorem [1], and there are an infinite number of solutions to the equation in integers, for instance Pythagorean triples formed for instance by Euclid's formulas:

$$c = k^2 + l^2, a = 2k \cdot l, b = l^2 - k^2 \ (2)$$

Examples of Pythagorean triples are known: (3, 4, 5); (5, 12, 13); (15, 8, 17) since the time of Euclid, a number of ways to generate Pythagorean triples have been found [2]. Euler in 1770 proved theorem (1) for the case n=3, Dirichlet and Legendre in 1825 for n = 5, and Lamet for n = 7. Kummer showed that the theorem is true for all prime n less than 100. In September 1994, Princeton University Professor Andrew Wiles [3] had proved theorem (1), for all *n*, but his proof, consist of 140 pages, understandable only to specialists in number theory, can not fit in the margins of the translation of Diophant's *Arithmetic*. Let's try to consider Fermat's Theorem from the the eyes of physicist. In this direction there are good chances to find a solution, the main ideas of which can be schematically placed on a fairly wide margins of the book.

Suppose that the desired triple of numbers (1) exists. One can match it with the corresponding figure in the form of hypercubes with edges a, b and c inscribed in each other in a finite-dimensional real vector space space R^n. The figures below represent inscribed hypercubes for cases of space dimensions n = 2 and n = 3.

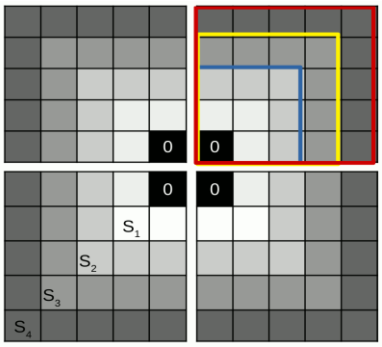


Figure 1. For the dimension of the space n = 2, squares on the plane, it is easy to see the Pythagorean triple $3^2 + 4^2 = 5^2$ Here, the vertex of each hypercube highlighted in color coincides with the origin, but in the future, the origin will be placed in the center of the hypercube.

The "origin of coordinate in vertices" and " origin of coordinate in the center of the primary cube" figure sets are transformed into each other by reflecting from planes and scaling.

By the definition of [4], the unit hypercube in R^n is the set of points that satisfies the inequalities $½ < x_j < ½$ and, accordingly, the edge of the hypercube can be an arbitrary real one, but in our case an integer. Let us consider the case of positive integers, i.e. natural numbers *a, b, c,* and then the case of negative numbers. Since the desired a, b, and c must be integers, any hypercube considered below can be represented as a continuous set of layers, each of which is formed on its hypersurface of dimension n – 1, by adding another layer of unit thickness h for each of the n coordinates. Since the required a, b, c must be integer, any hypercube [4] considered below with an edge *i* can be represented as the set of points in R^n as a linear ordered subset of S_i layers, each of which is formed on its hypersurface of dimension n –1, by adding one more layer of unit thickness h = 1 along each of the n coordinates, as a result of which a hypercube with edge i + 1 appears.

Equivalent definition: $S_i = \mathbf{B^n} \setminus \mathbf{A^n}$, where $\mathbf{B^n}$ is a hypercube with edge i + 1, $\mathbf{A^n}$ is a hypercube with edge i.

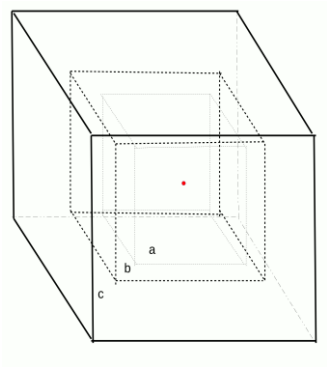


Figure 2. n = 3 Three-dimensional space with its usual intuitive three-dimensional cubes The cubes *c-Large*, *b-Middle* and *a-Small* are entered into each other.

Let's imagine that a hypercube begins with an elementary unit cube 1^n (hereinafter referred to as a the *primary cube* for short), the center of which coincides with the origin of coordinates. This is the first vertex, then the edges (faces) are increased for each of the n coordinates and the next vertex 1^n, as a result, layer № 2 is formed, the edges (faces) and the next vertex of layer № 3 are increased again, and so on. a Hypercube is a set of points in space obtained by combining the unit cube 1^n and layers 1 to i. Below are the equivalent definitions of a hypercube in the space of integers I^n (analogy of real coordinate space of n dimensions, R^n).

A hypercube is $\{1^n, S_1, S_2, \ldots S_i\}$ or $\{2^n, S_1, S_2, \ldots S_i\}$ (3)

The difference is only in the scale, which means the edge of the hypercube 1^n. The first definition is convenient to use for set "origin of coordinate placed in vertices" figures inscribed in each other hypercubes, the second - in the "origin of coordinate placed in centers of the hypercubes". Both geometrical figures corresponding to each of the just given sets of points of space are transformed into each other due to reflections from planes perpendicular to each of the n coordinate axes, or by cutting the figure into "hyperquadrants" and scaling. The term *hyperquadrant* means as the subspace (x_1, x_2, x_3, ... x_n), the area of positive values of each component $\mathbf{X} = (x_1, x_2, x_3,...x_n)$ by analogy with a two-dimensional quadrant. The total number of such hyperquadrants is equal to the number of vertices of the hypercube 2^n. Due to the symmetry of the hypercube, it is simple to study only one of them, defined as a subset of the non-negative values of x_i.

At first, let's choose the coordinate system "origin of coordinate placed in vertices". Without changing the generality, we consider c > b > a. The integers a, b can not be equal, due to the irrationality of the number √2. The volume of a hypercube in n - dimensional space is defined as:

$$V^{(n)} = a^n, \text{ where } a \text{ is its edge. } (4)$$

The following expression conveys topology of 1^n:

$$F_n^j = \sum_{j=1}^{j=n} 2^{n-j}\, C_n^j \quad Thenumerousofvertex = 2^n \ (5)$$

Where F_n^j – is the number of faces / edges of degree j in a n-dimensional cube 1^n. From definition (3) each layer S_i number *i* is the set of faces, edges, and vertices of a hypercube is described by the formula:

$$(i+1)^n - i^n = \sum_{j=0}^{j=n-1} i^j\, C_n^j \ (6)$$

On the right, one can see the sum of the product of the power of an integer number i^j multiplied by the binomial coefficients. In this case, the numbering of layers is from the center of the hypercube (the vertex has the number 0) to the periphery. This formula conveys the geometry of S_i as well: instead of the sum sign, one can put the union sign ∪ of the set of hypercubes i^j in an amount equal to the binomial coefficient C_n^j, where j is an integer counter between [0, n – 1]. It follows from (5) that the area (volume) of the *hypersurface* of hypercube a^n equal to $2na^{n-1}$ is only the first approximation of the volume of a layer (6) containing faces / edges and vertices of lower dimensions less then n – 1, n – 2, n – 3 . . . etc. The volume of each considered element > 0. For instance the volume of vertex is not null but 1^n in I^n.

Suppose small hypercube has been formed by layering k layers of equal thickness h = 1 around the hypercube 1^n, with a = 2k + 1. The volume of a small cube is $(2k + 1)^n$. This representation simplifies the formulas below without changing the generality, since the choice of the coordinate origin is arbitrary, it is enough to place it to one coincide vertices of all hypercubes. The middle hypercube *b* covering *a,* is created by adding more *l* layer of unit thickness, the large hypercube *c* contains additional *m* similar layers. As a result, equation (1) can be represented geometrically, metaphorically as an n – dimensional cake consisting of three types of layers with thickness *k, l, m* nested in each other.

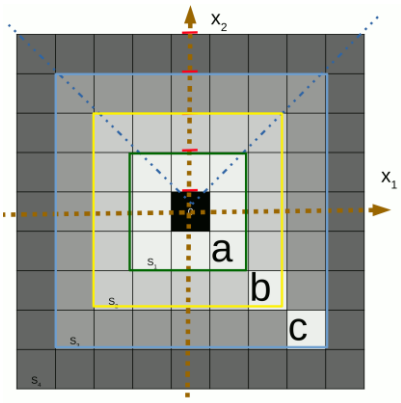


Figure. 3. The layers of a three-dimensional hypercube *k, l, m* intersecting with a two-dimensional plane, passing through the center of the coordinates and the x_1, x_2 axes form a section where the layers are visible $S_1, S_2 . . . S_i$

A hypercube can be projected onto a two-dimensional plane passing through the center of coordinates described by the equation $x_t = 0$, for all integers t, except two given integers $p \neq q$ in the range from 1 to n. In total quantity of such projections is $C_2^n = n (n - 1) / 2$.One can imagine cross sections of nested three-dimensional cubes. For an n-dimensional cube, the projection will be the same because of definition of hypercube (see Fig. 1 and comments below it). In other words, hypercube cross section passing through the origin of coordinate parallel to its face has a layered structure similar to a cake or *Russian nesting doll*. In each projection, the layers must be completely filled with hypercubes.

Now let's introduce volume designations for each set of layers for any *n*:

Table. 1

Sets of layers that create nested hypercubes *

Set of points in Volume R^n	Covering the cube	The covering cube	Formed by adding layers numbered from the center to the periphery
a-Small	$V_1^{(n)}$	Small	1^n and from 1 to *k*
b-Middle	$V_1^{(n)}+V_2^{(n)}$	Middle	from $k + 1$ to $k + l$
c-Large	$V_1^{(n)}+V_2^{(n)}+V_3^{(n)}$	Large	from $k + l + 1$ to $k + l + m$

* The origin of the coordinates can be placed to any of the vertices of a large hypercube with an edge *c*. Inside *c-Large a-Small* and *b-Middle* hypercubes can be moved arbitrarily, without changing their volume. When their vertices also coincide with the origin of coordinate, then all three listed hypercubes are located in the same *hyperquadrant*. Using the principle of symmetry, one can reflect the resulting composition of figures from *n* hyperplanes of (n-1)- dimensional are being perpendicular to the coordinate axes passing through the origin and increase the edge of a single hypercube twice (its volume ω will increase as 2^n). As a result of such displacements, linear reflections, and scale changing, the centers of all hypercubes: *a—Small, b—Middle* and *c-Large* again coincides with the origin of coordinate. Situations the centers of hypercubes at the origin of coordinates and the vertex of each of the three nested hypercubes at the origin of coordinate are equivalent. Therefore, the conclusion below are being applied to hypercubes of any parity.

Now one can express equation (1) in geometric form.

Formulation of Fermat's theorem in geometric form (7)

In n-dimensional space I^n, the volume of the *a-Small* hypercube (a set of 1^n and the sequential extension of *k* layers) add the volume of the *b-Middle* hypercube (building up additional *l* layers) forms the volume of the *c-Large* hypercube (additional *m* layers). The edges of the hypercubes are integers. All S_i layers follow sequentially and continuously, numbered by natural *i* numbers. In order the right and left side of the equation $(V_1^{(n)} + V_2^{(n)}) = (V_1^{(n)} + V_2^{(n)} + V_3^{(n)})$ to be equal, the following conditions should be fulfilled: the symmetry of the figure in the form three nested hypercubes, continuity of the sequence of layers, their complete filling by elementary cubes, and $V_1^{(n)} = V_3^{(n)}$. For n > 2, these conditions are not satisfied.

==========

Here above, the denotation $V^{(n)}$ is the volume in the n-dimensional space. We assuming according to (7) $a^n = V_1^{(n)}$, $b^n = V_1^{(n)} + V_2^{(n)}$, $c^n = V_1^{(n)} + V_2^{(n)} + V_3^{(n)}$

Hereinafter we denote I^n as integer space (analogue of R^n real number space) and $V^{(n)}$ as the volume in I^n.

It is easy to see by the example of any Pythagorean triple that the last condition in the case of such a triple is fulfilled in two-dimensional space, i.e. for squares inscribed in each other. Formula (1) is an analog of the Pythagorean theorem in n-dimensional space. Abandoning the equality of volumes $V_1^{(n)} = V_3^{(n)}$ it is easy to construct a symmetric figure (7), but (1) will not be fulfilled. The opposite situation: one can create an *a-Small* hypercube 1 and *k* layers add more layers in the quantity of *l*, and then add more hypercubes numerically equal to the volume V_1 but this will break the symmetry, the last layer will not be completely filled.

Each layer of S_i must be filled with unit cubes completely in order to form the next hypercube in size of the edge. Partial filling of the next layer with unit cubes leads to an irremediable defect and the resulting figure cannot be a hypercube due to the violation of the symmetry of the figure, the principle of isotropy of space and the continuousity of layers (5). For instance the figure in I^n corresponding to the expression $2^n - 1$ or S_1 has a fatal symmetry defect (17).

Lemma 1.

If in a finite-dimensional real vector space R^n such figure F_1 figure F_2, so that each point F_2 is formed by multiplying the radius vector to the points of the figures F_1 to the same real number α, then every element e of dimension i of figure F_1 (denoted by $F_1 \rightarrow e_i$) is similar to the element F_2, while for items is a ratio:

$$\frac{V^{(n)}(F_2 \rightarrow e_n)}{V^{(n)}(F_2 \rightarrow e_n)} = \alpha^n; \frac{V^{(n-1)}(F_2 \rightarrow e_{n-1})}{V^{(n-1)}(F_2 \rightarrow e_{n-1})} = \alpha^{n-1} \ldots \frac{V^{(n-j)}(F_2 \rightarrow e_{n-j})}{V^{(n-j)}(F_2 \rightarrow e_{n-j})} = \alpha^{n-j} \ldots while j < n \quad (8)$$

The proof of this Lemma is obvious: F_1 is converted to F_2 using a linear space transformation, by multiplying of *α* coefficient. In this case, the similarity is observed element by element, the volume of each element is calculated based on its dimension. It follows from the Lemma that the faces / edges of *a-Small, b-Middle,* and *c-Large* hypercubes are similar to the corresponding dimension elements. Vertices are similar to vertices, their number for nested hypercubes is the same: 2^n.

The volume (area) of the hypersurface of a hypercube with an edge *a*, is $2na^{n-1}$. But the volume of the layer (6) is <u>more than the surface area</u> of the faces – there are additional volume of faces / edges of a lower dimension, down to vertices having the volume of 1^n in the space of integer I^n. Based on the principle of similarity and (6) we obtain only in the limit the formula:

$$lim_{(\omega \rightarrow 0)} \left(\frac{V^{(n)}(S_i)}{V^{(n)}(S_j)} \right) = lim_{(\omega \rightarrow 0)} \frac{ni^{n-1} + \frac{n(n-1)i^{n-2}}{2} \ldots}{nj^{n-1} + \frac{n(n-1)j^{n-2}}{2} \ldots} = \frac{S_i^{(n-1)}}{S_j^{(n-1)}} = \left(\frac{i}{j}\right)^{n-1} = \alpha^{n-1} \quad (8)$$

Where α, is the similarity coefficient of hypersurfaces equal to i / j. Here, the function $V^{(n)}(S_i)$ is the volume in the n-dimensional space of the S_i layer. Figure 3. From the definition of layer (6) in the numerator and denominator, a series with binomial coefficients is easily guessed. As ω → 0,

for sufficiently large i, j, the following terms can be neglected after the first terms of the numerator, the denominator, and the ratio of the volumes of the layers i and j tends to the ratio of the areas of hypersurfaces surrounding these volumes. The farther from the coordinate center the hypersurface, the greater the volume of the layer. It is important to note that from (6) it follows that in I^n the dimension of S_i is one less than the dimension of the hypercube covered by it i.e. $\dim(S_i) = n - 1$. To simplify the form of the formulas below, $V^{(n)}(S_i)$ will denote the volume of the S_i layer, and $S_i^{(n-1)}$ will denote the area of the hypersurface of the layer *i* (the first approximation of its volume) . Simply S_i will denote the geometric figure corresponding to the layer, which will be easy to understand from the context.

The "unique features" of a layer

==========

From (8) follows the property of "unique features" of the layer $S_i \neq \alpha S_j$, where α, is the coefficient. similarity of hypersurfaces, equal to i / j. This property does not exclude the presence of a rational number β such that $V^{(n-1)}(S_i) = \beta V^{(n-1)}(S_j)$. This follows from the expression (8) itself, which is a quotient from the operation of division of polynomials.

==========

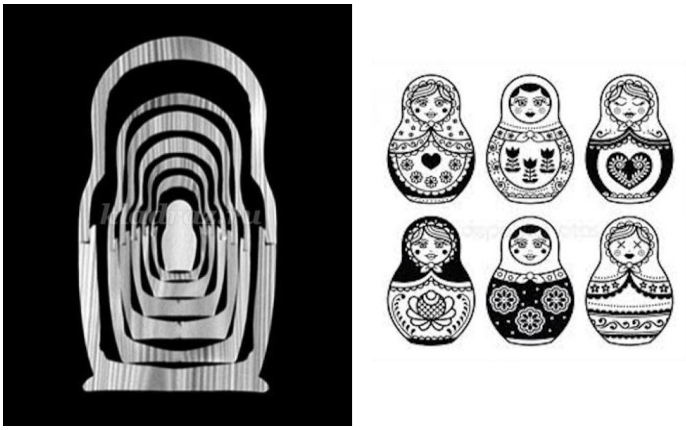


Figure 4. To ensure the similarity of the layers, a proportional change in the size of each element of the figure is required. Meanwhile, the thickness of the S_i layers in the hypercube is constant and equal to unity, while other dimensions increase α times, unlike *Russian nesting dolls*.

The centers each created hypercubes: *a—Small, b—Middle* and *c-Large* coincide with the origin. By virtue of the principle of isotropic n – dimensional space and the obvious symmetry of the hypercube it is possible to dissect these hypercubes into 2n identical hyperpyramids, the side faces which are formed by conducting two-dimensional planes through the origin, and each pair of adjacent vertices of the hypercube. The edges of hyperpyramids will be 2^n straight lines described by the equations:

$$\frac{x_1}{\pm 1} = \frac{x_2}{\pm 1} = \ldots \frac{x_n}{\pm 1}$$ where is the coefficient in the denominator. take the values: –1 or 1 (9)

This straight lines connects the origin of the coordinates with two adjacent vertices of the hypercube (there are in total quantity 2^n). This straight lines pass through vertices in each layer of Si due to the symmetry of the figure and the principle of isotropy of space. (Only one two-dimensional plane can be drawn through these three points.) The line segment from the origin of coordinate, perpendicular to the hyperplane of dimension (n – 1), points to the center of the hypercube face and is the height of the hyperpyramid. For clarity, we give the cases of dimensions of the space n = 2 and n =3.

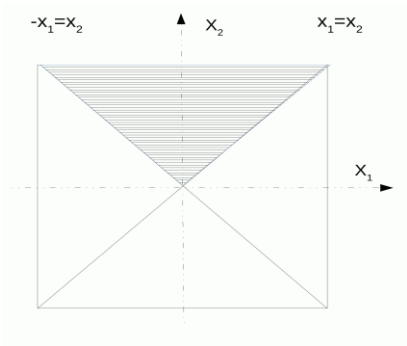


Figure. 5. This two-dimensional cube is divided into 4 equal pyramids (triangles) formed by drawing lines (planes) from the origin to the neighboring vertices of each face /edge.

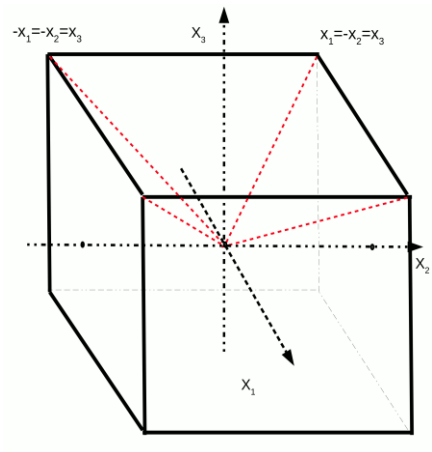


Figure 6. A three-dimensional cube is divided into 4 equal pyramids formed by drawing planes through the origin and neighboring vertices of each face. Only the upper pyramid is shown.

It should be noted that the volume of each hyperpyramid is related to the volume of the hypercube as $v^{(n)} = V^{(n)}/2n$. The volume of a hyperpyramid can be expressed as an integer plus a fraction with the denominator 2n. All layers of primary cubes in the pyramid are laid continuously, and their volumes are in the same ratio. Lateral plane bisects primary cubes on the edges and vertices in exactly the same way in each layer.

The required triple of integers *a, b, c* satisfies equality (1) if and only if, when for an integer $q > 1$

$$a^n \cdot q^n + b^n \cdot q^n = c^n \cdot q^n \quad (10)$$

Here above the scale size was reduced by q^n times for each axis of space, the volume of the unit cube $V^{(n)} = 1^n$ decreased by q^n times, and their number in all the figures considered by us increased by the same amount. In the limit, a hypercube is an ordered set of layers (3) without a hypercube in the coordinate center in R^n but not the same for I^n.

Symmetry of a figure, uniformity and isotropy of space

Since the hypercubes are homogeneous and the space R^n is isotropic and homogeneous, one can create identical copies of the figures - they will be indistinguishable, arbitrarily rearrange the hypercubes in the figure or move them providing maintaining the shape of the figure, for exam-

ple: swap the hypercubes of parts of the figure from different hyperquadrants, or exchange hypercubes from the Si layer to the Sj layer. - All these operations should not change the properties of the figure. Otherwise, it should be recognized that hypercubes are "unique", the figure does not allow the repeated creation, copying, operations of reflection from planes, etc. These far-fetched objections obviously contradict the fundamental concepts of physics and geometry.

Lemma 2.

Let a geometric figure describe a mechanical system with the properties of continuity and symmetry. If the figure is in a stationary state, then there are virtual forces (displacements) of its elements that do not destroy the mechanical system, do not violate its symmetry and continuity properties due to the homogeneity of space. On the contrary, if any virtual displacement (force) violates the listed properties of a mechanical system, then this means that the system is not stable, not stationary and does not have the properties of symmetry, continuity.

==========

The loss of a fundamental property that distinguishes the system (symmetry) means its destruction. This Lemma is based on well-known facts from the course of analytical mechanics [5]. Virtual movements, generally speaking, are not related to the process of moving the system – they are introduced only in order to identify the existing force relations in the system and obtain equilibrium conditions. A small amount of movement is necessary in order to be able to consider the reactions of ideal connections unchanged [6]. In generalized coordinates with dimension 2n, the *Lagrangian* of a certain physical system is described by the *Euler – Lagrange equation*. From these positions, a figure in a multidimensional space corresponds to a certain physical system.

Suppose that unit cubes can freely circulate from V_1 to V_3 and vice versa through the *b-Middle* hypercube like an incompressible liquid. The circulation can be divided into two phases:

a) moving from $V_3^{(n)}$ to $V_1^{(n)}$ from the lower border of the c-*Large* hypercube through the *b-Middle* to *a-Small* ; b) similar moving back from $V_1^{(n)}$ to $V_3^{(n)}$. The described displacements are denoted by $V_1^{(n)} \leftrightarrow V_3^{(n)}$

Due to the constancy of the external volume of the *c-Large* hypercube, we have:

$$V_1^{(n)} + V_2^{(n)} + V_3^{(n)} = c^n = \text{const} \;=> \Delta V_1^{(n)} = -\Delta V_3^{(n)} \quad (11)$$

Let there exist a triple of natural numbers a, b, c and the corresponding S_i layers of thickness k, l, m in the hypercubes under consideration (Table 1), while the figure has symmetry properties in isotropic space. Then the removal of one (several) layer of hypercubes, for example, S_{k+l+1} or the lower layer of *c-Large* hypercube, should not lead to the loss of the symmetry property of the figure in question, if this figure had such a property. Otherwise, it should be recognized that hypercubes are heterogeneous, that the principles of isotropy, space homogeneity do not work, that hypercubes in each particular layer are "unique" in their own way, and the exchange of hypercubes of i, j layers is strictly forbidden, but this contradicts the fundamental concepts of physics.

Let us check how the condition for maintaining the symmetry property of the figure in question is satisfied as a result of the operation of moving one layer or multiple layers, with the condition of maintaining the continuity of the layers: each layer in figure (7) is filled with hypercubes without a gap.

As a result of operations $V_1^{(n)} \leftrightarrow V_3^{(n)}$ the volume of the "destination" hypercube, that is, *a-Small* hypercube, must increase by an integer number of layers, so that the symmetry property of the figure is preserved (because partial filling of the layer with hypercubes indicates a symmetry defect)

The condition of incompressibility of the volume (11) can be written taking into account the layered structure:

$$1^n + V^{(n)}\{S_1, S_2, S_3, \ldots S_k\} = V^{(n)}\{S_{k+l+1}, S_{k+l+2} \ldots S_{k+l+m}\} \quad (12)$$

Note that for n = 2, one can write the incompressibility condition for the volume (11) in the form of elementary expressions for the volumes of the sets of layers $V^{(n-1)}$ ({.. S_{i-1}, S_i, S_{i+1}..}) = $V^{(n-1)}$ ({.. S_{j-1}, S_j, S_{j+1} ...}). For simplicity, we turn to hyperpyramids (see formula (8) and Fig. 5), below by v^n (S_j) we mean the volume of the layer j hyperpyramids, it is equal to $V^{(n)}(S_j)$ / 2n.

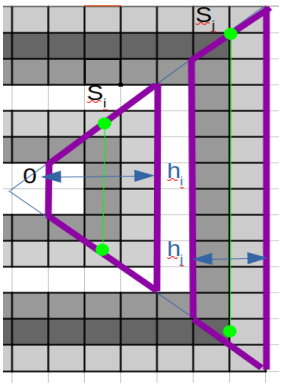


Figure. 7. For the two-dimensional case n = 2, the volume of the set of layers is calculated according to the trapezoid formula multiplication of the half-sum of the upper and lower bases by the height h.

For instance, regarding the figure above, the condition of incompressibility of the volume is formulated as equations:

$$v^{(n)}\{S_1, S_2, S_3, \ldots S_k\} = v^{(n)}\{S_{k+l+1}, S_{k+l+2} \ldots S_{k+l+m}\} <=> (i-1) * h_i = j * h_j \quad (13)$$

in this case, due to the scaling q (see 10), the index numbers i, j can be considered sufficiently large, and the thicknesses h_i, h_j small. (In the general case, half of the sum of the bases may be an integer plus the fraction ½). Without changing generality, using scaling (10), for example, we can specify the edges of the hypercubes *a, b. c* in meters, and h_i, h_j – in nanometers, for q = 2 * 10^9 the possible fractional part ½ in the midline of the trapezoid or both trapezoids and, generally speaking, the pyramids for the case n = 2, does not preclude the search for the ratio of the thicknesses h_i, h_j of the sets of layers in natural numbers $h_i = h_j * j / (i-1)$. As a result of scaling, any fractional relationship between volumes will be converted into an integer and the property of symmetry, continuity of the layers in the "destination of hypercubes": *a-Small* hypercube or *c-Large* will be preserved.

Conclusion 1.

In the case of a two-dimensional space for ∀ i ∈ [1, k], j ∈ [k + l + 1, k + l + m] ∃ such displacements of the sets of virtual layers {. . . S_{i-1}, S_i, S_{i+1}. . } ↔ {. . . S_{j-1}, S_j, S_{j+1}. . } which do not violate the symmetry and continuity properties of the figure (7).

==========

The equality (congruence) of the layers in the n-dimensional I^n means the equality of elements of dimensions n -1, n -2. . . 1. The condition for the equality (congruence) of the hypercubes $a^n \cong b^n$ is equivalent to the system of equations for the equality of each hyperface / edge of lesser degree (Lemma 1). For n >= 2, $S_i \cong S_j$ if and only if i = j.

$$V^{(n-1)}(S_t) = V^{(n-1)}(S_u) \Leftrightarrow \sum_{i=0}^{i=n-1} C_n^i\, t^i = \sum_{j=0}^{j=n-1} C_n^j\, u^j \quad (14)$$

which is equivalent to the system of (n-1) equations $t^{n-i} = u^{n-i}$, where the natural i – counter runs through the values from 0 to (n – 1).

For the case n> 2, simple trapezoid formulas do not work, and any virtual displacement (force) violates the properties of the mechanical system (symmetry, continuity) of figure (7). We will verify this.

For $\forall$ j $\in$ [k + l + 1, k + l + m], and i $\in$ [1, k] $V^{(n)}(S_j) > V^{(n)}(S_i)$. In order to ensure symmetry and the principle of incompressibility of the volume of a layer during virtual and real movements (see below), the removal of many layers in the quantity h_j {. . . S_{j-1}, S_j, S_{j+1}. . } from *c-Large* should be accompanied by the appearance of successively following layers {. . . S_{i-1}, S_i, S_{i+1}. . }, in the amount of $h_i > 1$ in the *a-Small* hypercube. The next positive integer after unity is a deuce, therefore $V^{(n)}(S_j) = V^{(n)}(S_j) + V^{(n)}(S_{i-1})$ +. . . , which is equivalent, according to (14), to the simultaneous execution of a system of (n-1) equations:

$$j^{n-1} = i^{n-1} + (i-1)^{n-1} + \ldots \text{ (total } h_i \text{ terrms)} \quad (15)$$
$$j^{n-2} = i^{n-2} + (i-1)^{n-2} + \ldots \text{ (total } h_i \text{ terrms)}$$

this series of equations continues to the first degree.

Here above for simplicity, an assumption has been made that only one layer has been moved from the *c-Large* hypercube. An examination of this particular case shows that the reduced system of equations cannot have solutions for n > 2 in rational numbers. In fact, for the case n = 3, the conditions $a^2 + b^2 = c^2$ and a + b = c are simultaneously impossible. If $(a + b)^2 = a^2 + b^2 + 2ab = c^2$ then => 2ab = 0, which implies a = 0 or b = 0. It is easy to imagine a geometric analogy: the sum of the legs of a right triangle is equal to the hypotenuse, only when the length of one leg is zero: the triangle degenerates into a linear segment.

The next degree n = 4 assumes the completed systems of already three equations. Suppose there are three-dimensional cuboids A, B, C, their projections onto the two-dimensional plane are the squares $A_{project}$, $B_{project}$, $C_{project}$. To ensure the condition $V^{(3)}(A) + V^{(3)}(B) = V^{(3)}(C)$ simultaneously with the condition that the sums of projections onto the two-dimensional plane $V^{(2)}(A_{project}) + V^{(2)}(B_{roject})$ are equal = $V^{(2)}(C_{project})$, it is necessary to ensure that the height of each cuboid is constant. Meanwhile, in the case of the analyzed hypercubes, including three-dimensional cubes, by virtue of the reservation in Figure 2. all the edges are different integers and a < b < c. Therefore, $a^3 + b^3 = c^3$ and $a^4 + b^4 = c^4$ also have no common solutions in R^n. (Arguing in exactly the same way, one can imagine the projections of p-dimensional hypercubes onto the hyperplane dimensio$_n$ (p-1) defined by the equation $x_p = 0$ and make sure that $a^p + b^p = c^p$ and $a^{p+1}+b^{p+1}=c^{p+1}$ does not have solutions in R^n).

Systems of equations (15) for higher degrees n = 5, 6,. . . the last lines necessarily include cases of lower dimensions. This means that such a system of equations does not have a solution not only for the case of integers, but also for real numbers.

The conclusion can be easily generalized to moving from a c-Large hypercube not only one, but also the set of layers in an amount $h_j > 1$, since the sum of the lengths of the segments is a segment, the sum of the squares is the square for a, b, c, $\in R^n$. It is obvious that in the space of real numbers the operations $a^n + b^n$ +. . . = z^n is possible. But the simultaneous execution of system (15) from two or more equations is not.

Conclusion 2.

If for the case n > 2, any virtual displacement $V_1^{(n)} \leftrightarrow V_3^{(n)}$ (force) violates the properties of the mechanical system (symmetry, continuity) of figure (7), then the assumption that this figure had the listed properties is false.

==========

In nature, the figure modeled by the formula $a^n + b^n = c^n$ for the case n> 2 corresponds to systems where at least one of the terms *a, b* or *c* is an irrational number, the condition $V_1^{(n)} = V_3^{(n)}$ on the one hand, and the properties the symmetries of the figure (7), the continuity of the succession of layers, are mutually exclusive.

Physical analogies and phenomena.

In modern physical cosmology, the fundamental principle is the idea that the spatial distribution of matter in the Universe is homogeneous and isotropic when viewed on a sufficiently large scale, as a result of the evolution of matter, laid down by the Big Bang.

The assumption of free circulation of hypercubes from V1 ↔ V3 and vice versa through the layer l corresponds to the physical phenomenon of diffusion. The sizes of hypercubes can be reduced to the size of an atom. For example, the crystal lattice of a syngony of cubic, face-centered, has a lattice size of a = 0.357 nanometers (3.57 Å, angstroms). Diffusion of atoms from layer to layer is possible at high pressure and temperature. The property of solid metals to behave like a liquid at high kinetic energy was discovered by the USSR Academician M.A. Lavrentiev in the last century, and cumulative projectiles work on the basis of this property.

For an isolated system (7), the entropy remains constant or increases. In nature, real processes are irreversible, and if they occur in an isolated system, entropy will increase. Note that for the case of three-dimensional space, the structure represented by figure (7) has lower entropy than a similar set of hypercubes from amorphous or liquid material, where it is not appropriate to talk about a model in the form of cubes and layers.

In a space of dimension more than two, the continuity and repeatability of the structure of the figure (7) are not provided. Instead of integers, a, b, c appear irrational, it is impossible to express them as fractions with integers p / q, and in the decimal notation there are no repeated sequences of numbers. Such a defect is insurmountable due to scaling. It is easy to conclude that from the triple $a^n + b^n = c^n$, at least one number should be irrational.

From virtual to real movements.

Anticipating the skeptics' objections regarding the virtual displacements of the layers and reliance on the physical principles outlined above, one can put forward a thought experiment: free up the space of $V^{(n)}_3$ in the *c-Large* hypercube and try to completely fill it with elementary hypercubes 1^n from $V^{(n)}_1$ *a-Small*. According to formula (12) there is a hypercube at the origin of coordinates 1^n or 2^n, depending on the scale, see (3) and (10). Since the hypercubes are homogeneous, it is possible to remove hypercubes from *a-Small* from the periphery to the center, layer by layer S_k, S_{k-1},. . . S_1 and fill the *c-Large* hypercube from the center to the periphery, layer by layer S_{k+l+1}, S_{k+l+1},. . . S_{k+l+m} This implies such operations on elementary cubes that are associated with moving from one layer to another / others, and the layer is moved entirely in compliance with the continuity and sequence of filling the layers. Such a restriction is imposed in order to preserve the symmetry property of the figure, since figure (7) must possess it. The question arises, which face of the *c-Large* hypercube, i.e., the layer S_{k+l+m}, will finally form the hypercube 1^n from the origin of coordinates? Above, we assumed the dissection (9) of hypercubes embedded in each other into 2n completely identical hyperpyramids. The separation of the hypercube from the center of coordinates 1^n into fractions will occur at any scale. Therefore, the hypercube from the center of coordinates should be removed and attributed as an indivisible object to only one of the absolutely identical hyperpyramids. On what? - any answer involves a violation of the symmetry properties of the figure and the principle of isotropy of space. In any case, the 1^n hypercube in the center of coordinates cannot be transferred to any face without losing the symmetry of the figure. Its contribution to the volume $V^{(n)}$ is small (see definition (3) and Table 1), but without it it is impossible to fulfill the conditions for the equality of volumes $V_1^{(n)} = V_3^{(n)}$, see Fig. 3. It is easy to understand that the conditions of equality of volumes on one side and the property of symmetry of the figure, the continuity of the filling of the layers of each hypercube under consideration mutually exclude each other for n > 2.

$$V^{(n-1)}(S_t) - V^{(n-1)}(S_u) - 2^n = \sum_{j=0}^{j=n-1} C_n^j \left(t^j - u^j - 1\right) - 1 > 0 \quad (16)$$

Note: $2^n = (1+1)^n = \Sigma\, C_n^i$ where integer $i \in [0, n]$. This arithmetic expression is greater than zero, because due to the similarity of hypersurfaces (8) and the growth of the volume of the layer as its number increases, we have: $V^{(n-1)}(S_t) - V^{(n-1)}(S_u) > V^{(n-1)}(S_3) - V^{(n-1)}(S_2) = (6^n - 4^n) - (4^n - 2^n)$,

and the left side of formula (16) is positive due to $3^n + 1 > 1$, for $n > 2$ (touching calculation of $V^{(n-1)}(S_i)$ see comments on (18)). This is reminiscent of a situation where a coin of too small a denomination (i.e. 2^n) is forced out of circulation by large bills – any S_i.

A 2^n hypercube is degenerate: it is one initial vertex and a set of faces / edges / vertices with only one point of each element. This can be seen from the right side of formula (16) under the sum sign. When subtracting from any layer of Si. hypercube 2^n will cause an irreparable defect to each element of the layer and leave an irreducible volume difference in the center of coordinates – hypercube 1^n. This follows from formula (16). It is easy to notice that the figure corresponding to the hypercube 2^n and any layer from the set of layers Si - have different dimensions (n and n – 1, respectively) and symmetry properties (symmetric figure 2^n and the set of asymmetric figures {.. S_i ...}).

From (14) and (16), an important property follows, which continues the previously considered (8) property of "unique features" of a layer: $V^{(n-1)}(S_i) \neq V^{(n-1)}(S_j) \pm V^{(n-1)}(S_k)$. In other words, the volumes of the layers do not have the additive property of equality and this does not allow performing operations on moving the hypercubes from layer to layer, as a necessary condition for ensuring the equality $V^{(n)}{}_1 = V^{(n)}{}_3$ in the considered figure (7).

As for the case n = 2, here the ratio of the perimeters of the enclosed squares *c* - *Large* and *a* - *Small* hypercubes is proportional to their linear sizes (see 8, 12), and on this the chain of similarity of the elements of the figure breaks off in formula (13), and the volume of the hypercube 1^n or 2^n at the origin of coordinates is used as material for creating layer b of the *c-Large* hypercube. Let's verify this.

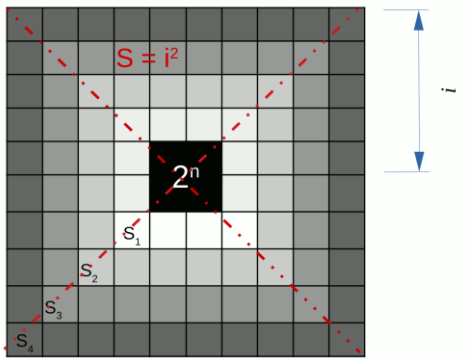


Figure 8. Finding the area of the triangle for the case n = 2 edge of the square = 2i
It can be seen from the figure that a volume equal to exactly one hypercube falls on each pyramid (triangle).

$$v_1{}^{(2)} = \sum_{j=1}^{j=i-1}(2j-1) = i \cdot (i-1) + i = i^2 (17)$$

further from Fig. 2. one can similarly calculate: $v_2{}^{(2)} = (k+l)^2 - k^2$ and $v_3{}^{(2)} = (k + l + m)^2 - k^2$ where a = k, b = k + l, c = k + l + m. Pythagorean triples satisfy $v^{(2)}{}_2 = v^{(2)}{}_3$ (recall that $v^{(n)}$ is the volume of one of the 2n hyperpyramids into which the hypercube is cut.)

Alternative proof: fatal symmetry defect

Obviously, a defective hypercube without any one vertex is not a hypercube, we denote this figure as 2^n - 1. Any operation to correct this defect leads to an identical defect, i.e., such a figure is indifferent to any transformations and is fatal asymmetric.

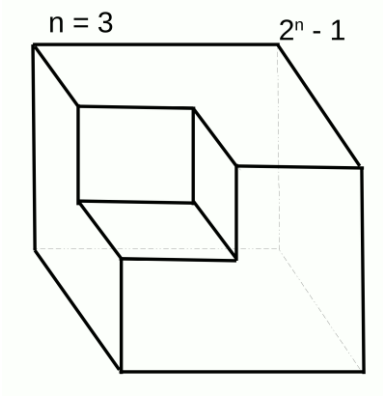


Figure 9. Defective hypercube $2^n - 1$ is a layer of n – 1 dimension.

On the other hand, the first member of the set in formula (15) can be represented as

$$2^n = 1^n \cup 2^n - 1 = 1^n \cup S_1 \quad (18)$$

Note: $2^n = (1 + 1)^n = \Sigma\, C_n^i$ where integer $i \in [0, n]$.

Here above the origin of coordinate is placed to the common vertex of each of the three considered cubes of *a-Small, b-Middle* and *c-Large* – see Fig. 1. In general, the hypercube (3) can alternatively be represented as any of the sets:

M_1 $\{1^n, 2^n - 1^n, 3^n - 2^n, 4^n - 3^n, \ldots\}$ – the origin of coordinates is placed at the vertex of each of the hypercubes

M_2 $\{1^n, 3^n - 1^n, 5^n - 3^n, 7^n - 5^n, \ldots\}$ – the origin of coordinates is placed at the center of each of the hypercubes,

M_3 $\{2^n, 4^n - 2^n, 6^n - 4^n, 8^n - 6^n \ldots\}$ the origin of coordinates is placed at the center of each of the hypercubes, while the figure dissected into hyperquadrants is transformed into the set M_1.

Therefore, $2^n - 1$, as well as a similar expression $i^j - 1$, where i and j are natural numbers is not a hypercube but the set of (hyper) layer of dimension *n-1*, and this has important implications. Removing just one vertex or elementary cube reduces the dimension of the figure by one in I^n and makes it fatal asymmetric! Let's clarify this:

$$a^n - 1^n = \sum_{i=1}^{a-1} S_i = \sum_{i=1}^{a-1} \sum_{j=0}^{j=n-1} i^j\, C_n^j = (a-1) \sum_{j=0}^{n-1} \left(a_n^i\right) \quad (19)$$

This formula conveys the geometry of S_i as well: instead of the sum sign, one can put the union sign $\cup$ of the set of hypercubes i^j in an amount equal to the binomial coefficient C_n^j, where j is an integer count $\in [0, n-1]$. On the other hand, according to the rules of algebra, one can regards the expression $a^n - 1$ in polynomial form and notice that a) the degree of the polynomial is n –1 b) this polynomial is a set of hypercubes of different dimensions, each of which has fatal defect of symmerty, as in the three-dimensional case faces without edges, edges without vertices. It is easy to understand from the formula that, in the general n-dimensional case there is not a single element of the hypercube will remain without a defect. Comparing (19) and (16) one can see isomorphism of the figures corresponding to expressions a^n-1 and 2^n-1 in I^n assuming only those operations on elementary cubes that are associated with moving from one layer to another / others, and the layer moves as a whole.

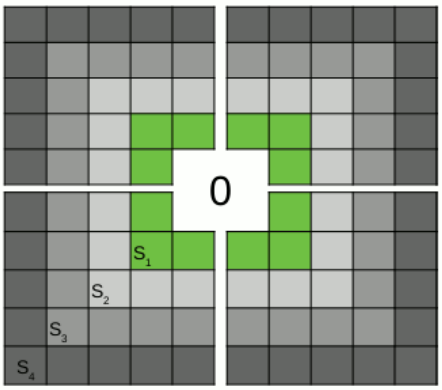


Figure 10. Removing just one elementary cube reduces the dimension of the figure by one and violates either the condition of continuous following of layers from the center of coordinates to the faces or symmetry in the space of integers I^n (see separately any hyperquadrant)

Removing just one hypercube (not just the vertices) reduces the dimension of the figure by one and causes it an irreparable symmetry defect in the space I^n of integers. The requirements for continuity, sequence of layers, symmetry of the figure, and equality of volumes $V_1^{(n)} = V_3^{(n)}$ are mutually exclusive for n> 2 due to the isomorphism of each of the just listed layers of Si to a figure having an unrecoverable defect $S_1 = 2^n - 1$. It is easy to see that that the hypercube 1^n in (16) does not contract and is not similar to a hypersurface, which follows from the geometrical form itself and (16). In addition, the volumes of the layers do not additive property of equality and this does not allow performing operations to move hypercubes from layer to layer as a necessary condition for ensuring the equality $V_1^{(n)} = V_3^{(n)}$ in the figure under consideration (7).

For n > 2, let's imagine that in (16) instead of the difference between the layers and 2^n, only the difference between the layer S_t and the hypercube 2^n remains. Then, under the sign of the sum, by the factors of each binomial coefficient, hypercubes with fatal symmetry defects $t^j - 1$ will appear - see (17) and (18), moreover, regardless of the scale q (10). Therefore, any layer S_t not only has a dimension one less than the hypercube 2^n, but also conflicts with its symmetry property (S_t has a fatal symmetry defect).

As a result, one can again verify the figure described by formula (12) for n > 2 does not have the symmetry property necessary to fulfill (7) and (1). This formula compare different objects: a set of layers of dimension (n-1) and a hypercube of dimension n. By reasoning about symmetry and (8), the difference of the layers forms a new figure, which is not a hypercube. Focus on the expression:

$$\sum_{j=0}^{j=n-1} C_n^j \left(t^j - w^j\right) = \sum_{j=0}^{j=n-1} C_n^j \sum_{i=w+1}^{t} S_i = S_t - S_w \quad (20)$$

The geometric figure describing by the formula above consists of a binomial coefficient multiplied by the difference of hypercubes of dimension j, where the natural number $j \in [0, (n-1)]$. Based on the location of the hypercubes inscribed into each other (7), the difference of the hypercubes t^j - w^j is the set of layers S_i, where natural count $i \in [w+1, t]$.. In this case, each formula under the sum corresponds to a fatal asymmetric figure. (The binomial coefficient C_n^j cannot change the symmetry properties of a figure for arbitrary i^j that can change by q^n times due to a change in scale, but only <u>repeats</u> the same property many times).

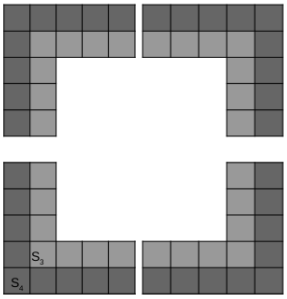


Figure 11. The set of layers in I^n are isomorphic to a defective hypercube; it can never be rearranged into a cube in I^n due to the mismatch of the dimension of the figures and the symmetry conflict that occurs each time when skipping layers in a hypercube or removing just one elementary unit cube.

Here we assume only those operations on elementary cubes that are associated with moving from one layer to another / others, and the layer moves as a whole. Such a restriction is imposed in order to preserve the symmetry property of the figure, since figure (7) must possess it.

Summing up

Summarizing the above, we conclude that equation (1), equivalent to:

$$C^n \setminus B^n = A^n \quad (21)$$

does not have a solution for the case $n > 2$ in I^n due to a conflict of dimension, symmetry, violation

of the continuous following of layers (3). On the left side there is the set S_i layers of *(n – 1)* dimension. On the right is n-dimensional hypercube. On the left, the figure corresponding to the expression has an irreparable symmetry defect, but on the right, it is symmetrical. From the beginning of this work, a clause was made that the algebraic expressions (1) and the ensuing from it can be associated with the corresponding geometric figures. Is there a figure regarding the key properties of which at the same time directly opposite statements are true? According to the law of excluded third classical logic, such a figure is not exist.

Therefore, not all elements $\{a^n, b^n, c^n\} \notin I^n$, at least one of them is irrational, that is, in the general case $\{a^n, b^n, c^n\} \in R^n$, there is no triple of numbers that help to restore the broken symmetry of hypercubes - a necessary condition (7).

This is enough to conclude that there are no such numeric a, b, c that will help restore the broken symmetry of the three embedded hypercubes as a necessary condition for (1).

Regarding the extension of the output to negative numbers, we note that the equality for the case:

$$a^n \pm b^n = c^n \equiv a^n = \mp b^n + c^n \quad (22)$$

It is converted to the usual $a^n + b^n = c^n$ by transferring to another part of the equation, changing the sign, and then replacing the variables. Therefore, regardless of whether n is an even or odd power greater than two, the above equality (6) will also not be met.

Numerical experiment

Each theoretical model has its own limits of application. To emphasize the importance of the principles of symmetry of the figure, continuity of the succession of layers, we deviate from the described model of three hypercubes (7) and consider the expression a4 + b4 + c4 = d4 This expression has the solution below in whole, it was discovered by an American mathematician, professor of mathematics at Harvard University Noam David Elkis in 1988 [7]. Since the numbers are large and the spreadsheet from the office suite cannot cope with them, the Fermats_family.py program should be run in Python, for example, in any of the popular online translators:

Listing Fermats_family.py

```
a =  95800
b = 217519
c = 414560
d = 422481
print("Calculation of the sum of 4-dimensional hypercubes")
print('a = %d b = %d ; a^4 + b^4 = %d' % (a, b, a**4 + b**4))
print('c = %d d = %d ; c^4 – d^4 = %d' % (c, d, d**4 – c**4))
```

Program result

```
Calculation of the sum of 4-dimensional hypercubes
 a = 95800 b = 217519 ; a^4 + b^4 = 2322892439815904960321
c = 414560 d = 422481 ; c^4 – d^4 = 2322892439815904960321
```

Using set theory and the *Euler-Venn diagram*, assuming d > c > b > a, we can represent an expression from the sum of four hypercubes as:

$$\mathbf{D^4 \setminus C^4 = B^4 \cup A^4}$$

here on the left one can see the set of hypersurfaces of dimension n = 3, on the right is the union of two hyperscubes of dimension n = 4. The fourth hypercube A^4 is obtained by operations on layers from B^4, but performed with deviations from the principles of symmetry (partial removal of the layer). Of these "defects", an independent hypercube A^4 is formed, but in general, the figure obtained is not symmetrical and has points, instead of faces of contact with dimensions n = 3, in contrast to the figure in (3) and (7). If the new figure under consideration is placed in one of the hyperquadrants, then when reflected from planes and scaled (see Fig. 1), the number of hypercubes A^4 and B^4 increases 2^n times, and the figure becomes incoherent. This new model differs from the previously considered figure (7). Those. departing from the principles of symmetry of the figure, the continuity of the succession of layers, you can find a solution in whole, but this will be a completely different situation.

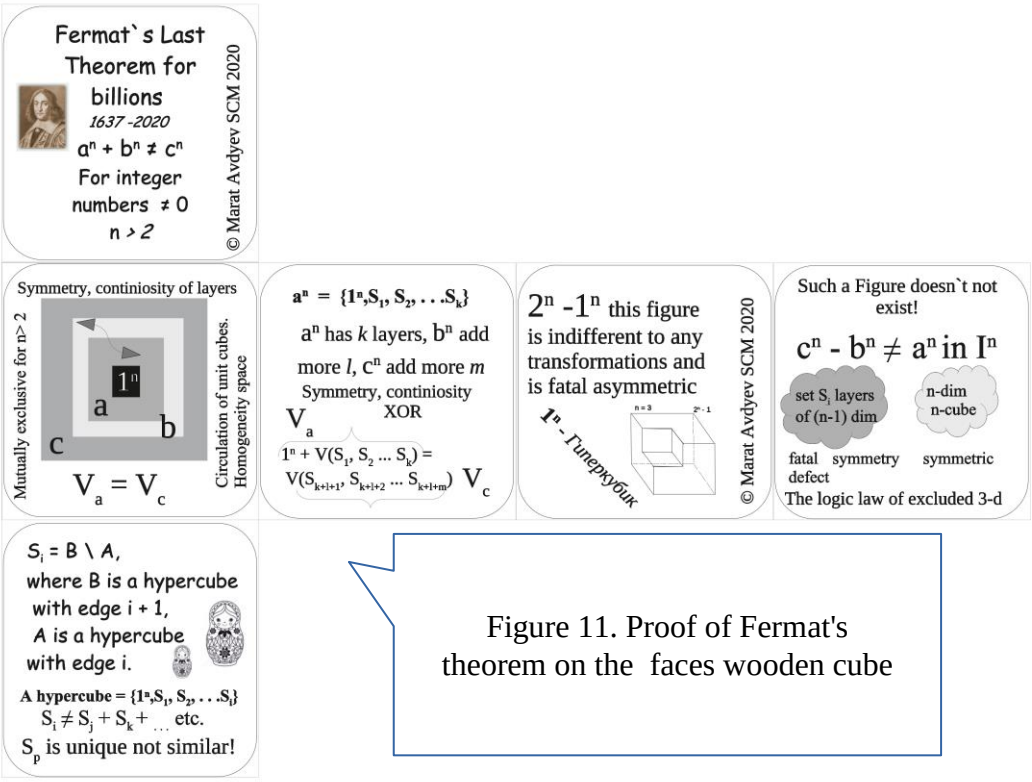


Figure 11. Proof of Fermat's theorem on the faces wooden cube

Since Pierre de Fermat claimed that “he found truly wonderful evidence, but the fields are too narrow to fit it. ” Solving cumbersome equations is the wrong way to find evidence. From these positions, Fermat's Great Theorem is proved by careful consideration with just one glance, as in the ancient Indian treatises on mathematics, where the proof in one drawing was accompanied by only one word: *Look*! Perhaps through insight the attentive reader will be able to see the layers, the lack of additive property of equality of their volumes, the inevitable violation of the symmetry of the figure during the circulation of hypercubes, and the dimension conflict inherent in the expression $a^n + b^n = c^n$.

Summing up

You can significantly simplify the proof of a mathematical theorem and reduce the complexity of the desired solution by applying a number of physical principles:

– isotropy and homogeneity of space;
– identification of repeatable structures and symmetry properties;
– mechanical analogy and heuristic search;
– application of principle of similarity of objects;
– choosing the appropriate coordinate system appropriate for the study objects;
– thought experiment;
– physics variable dimension.

Skeptics continue to believe that Pierre de Fermat was probably mistaken. Meanwhile, the consistent application of the basic principles of physics and geometry makes us think differently. Work on Fermat's theorem gave impetus to the development of number theory, which also describes the laws of the physical world, but indirectly. Changing the paradigm allows you to see this relationship in a visual representation. The dramatic story of the discovery of Fermat's theorem and the search for the simplest proof should be part of school / university courses.

References

1. *Serpinsky V.* Pythagorean triangles. M.: Uchpedgiz, 1959. 111 p.
2. *Joyce D.E.* Euclid"s Elements. Clark University, June 1997. 153 p.
3. *Simon Singh* (Why it's so impressive that Fermat's Last Theorem has been solved?). 24 May, 2016. The Telegraph. URL: https://www.telegraph.co.uk/science/2016/03/20/why-its-so-impressive-that-fermats-last-theorum-has-been-solved/ (Date of the application: 15.02.2020).
4. *Halperin G.A.* Multidimensional cube. M.: ICNMO, 2015. 80 p.
5. *Kotkin G.L., Serbo V.G.* Analytical mechanics: Additional questions. Studies'. Manual. Novosibirsk, 1987. 84 p.
6. *Buchholz N.N.* Basic course of theoretical mechanics. Part 1. SPb.: LAN, 2009. 480 p.
7. *Navarro J.* Elusive ideas and timeless theorems. The great tasks of mathematics. M: De Agostini, 2014. 160 p.

«КАТАСТРОФА ВТОРОГО ПОРЯДКА»: ЦИФРОВОЕ РЕАГИРОВАНИЕ И НЕРАВЕНСТВО В ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЯХ

Башева О.А., Ермолаева П.О.
Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Россия, г. Москва

Тезисы подготовлены при поддержке гранта РНФ №19-78-10052 на тему «Волонтерство в чрезвычайных ситуациях как ответ на природные и техногенные вызовы в России»

Аннотация. Неравный доступ жертв чрезвычайных ситуаций к информационно-коммуникационным технологиям рассматривается как цифровой разрыв, усугубляющий со-

циальное неравенство, и осмысляется в терминах катастрофы второго порядка. В данной статье авторы рассматривают несколько существующих в (западной) научной литературе гипотез об эффективности и ограничениях цифрового реагирования во время ЧС. Первая гипотеза состоит в том, что цифровое реагирование имеет конструктивные эффекты и открывает совершенно новые возможности для вовлечения граждан и волонтеров в процесс спасательных операций. Вторая – в том, что цифровое реагирование доступно не всем слоям населения, а цифровые технологии еще больше усиливают расслоение и ассиметричные отношения между разными группами населения.

Ключевые слова: волонтерство, информационно-коммуникационные технологии, катастрофы, социальное неравенство, чрезвычайные ситуации.

В связи с обширным проникновением информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) роль цифрового реагирования на чрезвычайные ситуации (ЧС) возрастает, а вместе с ним доля цифровых волонтеров. Цифровое волонтерство возникло на стыке двух явлений – технологических инноваций, которые открыли новые возможности для коммуникации, и феномена, который в социологии катастроф называется «конвергентностью» [1, 2]. Рост социальных медиа и мобильных технологий нивелируют коммуникационные и информационные барьеры для участия в спасательных операциях. Данные технологии оптимизируют обмен информацией, открывают совершенно новые возможности для вовлечения граждан в процесс спасательных операций. С другой стороны, порождают новые виды социальных дистанций – цифровое неравенство и разрывы.

Данные процессы и последствия цифрового реагирования на ЧС являются малоизученной темой в российском научном сообществе. В связи с этим, на основе обзора зарубежных исследований[22], авторы данной статьи представляют к рассмотрению несколько существующих в (западной) научной литературе гипотез об эффективности и ограничениях цифрового реагирования на ЧС.

В первую очередь, следует отметить, что сами по себе бедствия еще слабо изучены социальными науками, хотя и имеют почти 80-летнюю историю, преимущественно в зарубежной науке. На западе изучение реакций общества на катастрофы начались после Второй мировой войны [3]. Распространенность прикладных исследований является скорее препятствием для введения «теоретических инноваций» [4]. Большинство собранных данных о бедствиях фокусируются на самих событиях и их непосредственных последствиях, в то время как исторический контекст бедствий и процесс долгосрочного восстановления получили значительно меньше внимания. Хотя, имея в виду временность катастрофы, следует понимать, что затянувшийся процесс восстановления после ЧС может нанести больший вред, чем само событие. Для подобных ситуаций введено понятие «катастрофа второго порядка» [5].

Далее, бедствия или ЧС всегда сопряжены с усилением социального неравенства, все больше усиливая стратификацию и джентрификацию социальных групп, в первую очередь наиболее уязвимых слоев населения. Социальные группы с низким уровнем доходов с большей вероятностью (особенно в контексте развивающихся стран) живут в небезопасных жилищах, в большей степени подвержены потерям и материальному ущербу, и в случае бедствий – вынужденному переселению с постоянного места жительства.

Типичным примером служат последствия урагана Катрина в США [6], когда наиболее асимметричные эффекты ощущались не во время самого бедствия, а в посткризисный период [5; 7]. При этом восстановление и реабилитация после ЧС могут быть отложены из-за коррупции, сращивания государственных и бизнеса структур, спекуляций или неадекватного управления. Для описание этой ситуации Кляйн [6] предложила теорию «капитализма бед-

[22] В русскоязычных и англоязычных реферируемых журналах (Elibrary, Science direct, Taylor and Francis online, Google Scholar and Web of Science) по следующим ключевым словам: цифровое реагирование, цифровое волонтерство и т.д. Всего в анализ попало более 50 статей. Мета-анализ был проведен в ноябре 2019 г.

ствий». Готовность правительств отдать на аутсорсинг работы по восстановлению пострадавших территорий частным компаниям (подрядчикам) усугубляет неравенство. Например, в Новом Орлеане после урагана Катрина восстановительные работы стали прибыльным бизнесом, который усугубил неравенство по расовым, классовым и гендерным признакам [5; 8].

В связи с тем, что подрядчики превращают процесс восстановления в прибыльный бизнес, а правительство не всегда предпринимает необходимые действия в посткатастрофный период, реальные инициативы по реабилитации пострадавшего населения берут на себя некоммерческие организации (НКО) и волонтеры. Подобный расклад всегда вносит в процесс восстановления привычного жизненного уклада и реабилитации населения элемент самоуправления и удовлетворения реальных потребностей на местах, хотя может и отсрочить его из-за нехватки необходимых ресурсов у гражданских акторов, осуществляющих помощь [5, с. 5]

Необходимость участия в оказании гуманитарной помощи гражданских объединений (НКО и волонтеров) описывается через концепт «чрезвычайных ситуаций или исключительных обстоятельств» («emergencies or exceptional circumstances»), которые в некотором смысле легитимизируют вмешательство общественных инициатив в политику, которое было бы в любом другом случае невозможно (или не допущено «сверху») [9].

В данный период разные слои населения, благополучные и малообеспеченные группы, нуждаются в гуманитарной помощи. Наравне с удовлетворением ключевых потребностей жертв ЧС в жилище, продовольствии, воде, психологической помощи, потребность в точной информации является одной из ключевой, поскольку от нее зависит оперативность спасательных операций. Цифровые инновации дают возможность пострадавшим от бедствия сообществам самостоятельно координировать свои усилия и мобилизоваться, а также эффективно реагировать на бедствия волонтерским сообществам. Согласно волонтерской программе ООН «технологическое развитие открывает новые, неведомые ранее в истории пространства для людей для волонтерства» [10, с. 26]. Этот оптимизм исследователей породил термин «гуманитарные технологии» («humanitarian technology»), относящийся к использованию и применению технологий сообществами, пострадавшими от стихийных бедствий во время восстановления [11].

Однако первоначальный оптимизм в отношении Интернета как «великого потенциального выравнивателя» («the great potential equalizer») [12], сменяется на более критический дискурс, в котором признается, что его влияние не равно направлено и не так однозначно, а в некоторых случаях даже усиливает существующее социальное неравенство [13, 14, 15]. В частности, речь идет о «наслаивании» цифрового неравенства в ЧС, особенно в восстановительный период, на социальное [16]. Это происходит потому, что доступ к средствам связи и информационно-коммуникационным технологиям (ИКТ) есть у более обеспеченных слоев населения, и конструктивные эффекты использования этих технологий во время ЧС и в посткризисный период распределяются неравномерно между ними и маргинализированными группами, особенно в странах Глобального юга.

Большая часть исследований применения цифровых медиа во время бедствий и их последствий проведена в западном мире [17? 18], где практически повсеместно население имеет доступ к Интернету. Это обстоятельство открывает перспективы и необходимость исследований процессов цифровизации помощи в развивающихся странах, включая Россию, где цифровое неравенство еще не полностью преодолено [см., например, 19, 20].

Большинство исследований применения цифровых технологий сфокусированы на том, как «большие данные» могут помочь в планировании и координации официального реагирования на ЧС, а также участия в нем гражданского общества. В частности, речь идет об анализе контента социальных сетей, в первую очередь Twitter [21, 22] и том, как пользователи обмениваются этим контентом и используют его для координации действий [17, 23, 24]. В этом контексте исследователи выявили феномен цифрового волонтерства, проявляющегося в том, что люди на расстоянии могут предложить помощь в зоне ЧС через интерактивные платформы [25, 26].

Но для того, чтобы оказывать помощь в зоне бедствия, оттуда должен прийти конкретный запрос. И здесь исследователи отмечают ряд «тонких» моментов. С территорий, где существует цифровое неравенство, может быть слышен голос только тех, кто имеет доступ к средствам связи, тогда как те, кто больше всего пострадал, могут не иметь возможности отреагировать – оставить «цифровой след». Поэтому опора лишь на большие данные из Сети при формировании плана реагирования, содержит в себе риски перенаправления ресурсов от наиболее нуждающихся тем, кто производит больше всего информационного шума. К примеру, в течение первых трех дней после тайфуна Хайян на Филиппинах Управление по координации гуманитарных вопросов ООН при помощи сообщества разработчиков собрали 230 тыс. твитов, связанных с бедствием, тогда как после урагана Сэнди в США за аналогичный период было собрано 4 млн. твитов [25]. При этом в случае с филиппинским бедствием, можно с уверенностью предположить, что большинство этих твитов были сделаны «сторонними наблюдателями», если учесть, что коммуникационная инфраструктура в зоне бедствия была повреждена и связи не было еще месяц после события. Одно из немногих исследований, в которых анализировался контент социальных сетей о стихийном бедствии в контексте Глобального юга (наводнение в Пакистане в 2010 году), показало, что большинство твитов было опубликовано не местными жителями, комментирующими события [22, с. 840].

Кроме того, помимо инфраструктурных барьеров, существует и проблема наличия компетенций (или медиаграмотности [27]) у разных групп населения в разных частях мира. Различия в цифровых навыках и способность использовать возможности цифровой среды в научной литературе называются «цифровым разрывом второго уровня» [28]. М. Мадину делает вывод о том, что лишь достижение цифрового равенства сделает современные коммуникационные технологии реальными «гуманитарными технологиями», поскольку последствия стихийных бедствий не могут быть смягчены в ситуации, когда технологический охват сильно стратифицирован [16].

Таким образом, в данной статье авторы на основе анализа зарубежной риторики в области цифрового реагирования в периоды ЧС рассматривают его возможности и ограничения для местных сообществ. С одной стороны, ИКТ ускоряют процессы мобилизации ресурсов в места ЧС, с другой – цифровое неравенство порождает неравный доступ экономически уязвимых слоев населения к таким ресурсам. Этот парадокс дает повод задуматься о том, что нам еще неизвестно в отношении эффективности цифрового реагирования на ЧС, каким образом используются ИКТ разными слоями населения в период ЧС, какова роль гражданских акторов в цифровом и реальном реагировании на ЧС и участии в посткатастрофной реабилитации пострадавшего населения.

Литература

1. *Башева О.А., Ермолаева П.О.* Феномен цифрового волонтёрства в чрезвычайных ситуациях: сущность, виды, теоретические рамки // Вестник Института социологии. 2020. Том 11. № 1. С. 47–69.
2. *Невский А.В.* Социология волонтёрства: определение границ исследования // Вестник Института социологии. 2020. Том 11. № 1. С. 30–46.
3. *Perry W.R.* What Is a Disaster? // Handbook of Disaster Research. Springer. 2009. Pp. 1–15.
4. *Tierney K.* From the margins to the mainstream? Disaster research at the crossroads // Annual Review of Sociology. 2007. № 33. Pp. 503–525.
5. *Adams V.* Markets of sorrow, labours of faith: New Orleans in the wake of Katrina. Durham, NC: Duke University Press. 2013. 227 p.
6. *Klein N.* The shock doctrine: The rise of disaster capitalism. NY: Penguin. 2007. 672 p.
7. *Sheller M.* The islanding effect: Post-disaster mobility systems and humanitarian logics in Haiti // Cultural Geographies. 2013. № 20. Pp. 185–204.

8. *Adams V., Van Hattum T., English D.* Chronic disaster syndrome: Displacement, disaster capitalism, and the eviction of the poor in New Orleans // American Ethnologist. 2009. № 36. Pp. 615–636.
9. *Fassin D., Vasquez P.* Humanitarian exception as the rule: The political theology of the 1999 Tragedia in Venezuela // American Ethnologist. 2005. № 32. Pp. 382–405.
10. UNV. State of the world's volunteerism: universal values for global wellbeing // United Nations Volunteers Programme, 2011.
11. World Disasters Report. Technology and the future of humanitarian action // Geneva, Switzerland: International Federation of Red Cross and Red Crescent Societies, 2013.
12. *Compaine B.M.* The digital divide: Facing a crisis or creating a myth? – Cambridge, MA: MIT Press. 2001. Pp. 105–118.
13. *Hargittai E.* The digital reproduction of inequality // Social stratification. Boulder, CO: Westview Press. 2008. Pp. 936–944.
14. *Hargittai E., Hinnant A.* Digital inequality: Differences in young adults' use of the internet // Communication Research. 2008. № 35. Pp. 602–621.
15. *Schradie J.* The trend of class, race and ethnicity in social media inequality // Information, Communication & Society. 2013. № 15. Pp. 555–571.
16. *Madianou M.* Digital Inequality and Second-Order Disasters: Social Media in the Typhoon Haiyan Recovery // Social Media + Society. 2015. №. 1(2). Pp. 1–11.
17. *Hughes A., Palen L.* Twitter adoption and use in mass convergence and emergency events // International Journal of Emergency Management. 2009. № 6. Pp. 248–260.
18. *Palen L.* Online social media in crisis events // EDUCAUSE Quarterly. 2008. № 31. Pp. 76–78.
19. *Вовченко О.В.* Динамика цифрового неравенства в России // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 5. С. 163–182.
20. Информационное агенство ТАСС («Медведев заявил, что цифровое неравенство так и не преодолено», 04.11.2019). URL: https://tass.ru/ekonomika/7077079 (Дата обращения: 31.03.2020).
21. *Bruns A., Burgess J., Crawford K., Shaw F.* Crisis communication on Twitter in the 2011 South East Queensland floods. Brisbane, Queensland, Australia: ARC Centre for Excellence for Creative Industries and Innovation. 2012.
22. *Murthy D., Longwell S.* Twitter and disasters: The uses of Twitter in the 2010 Pakistan floods // Information, Communication & Society. 2013. № 16. Pp. 837–855.
23. *Palen L., Starbird K., Vieweg S., Hughes A.* Twitter-based information distribution during the 2009 Red River Valley flood threat // Bulletin of the American Society for Information Science and Technology. 2010. № 36(5). Pp.13–17.
24. *Starbird K., Dailey D., Walken A.H., Lechine T., Pavia R., Bostrom A.* Social media, public participation and the 2010 BP Deep Horizon oil spill // Human and Ecological Risk Assessment. 2015. № 21. Pp. 605–630.
25. *Meier P.* Digital humanitarians. London, England: CRC Press. 2015. 103 p.
26. *Starbird K., Palen L.* Voluntweeters: Self-organizing by digital volunteers in times of crisis. Proceedings of the ACM 2011 Conference on Human Factors in Computing Systems (CHI 2011). Vancouver, British Columbia, Canada. May 7–12, 2011.
27. *Livingstone S.* Media literacy and the challenge of new information and communication technologies // Communication Review. 2004. №7. Pp. 3–14.
28. *Hargittai E.* Second-level digital divide: Differences in people's online skills // First Monday. 2002. №7(4). URL: http://firstmonday.org/htbin/cgiwrap/bin/ojs/index.php/fm/article/view/ (Дата обращения: 31.03.2020).

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА РАЗВИТИЕ ЕВРАЗИЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА (МЕСТО И РОЛЬ НАУЧНОГО И УНИВЕРСИТЕТСКОГО СООБЩЕСТВ)

Гильмутдинова М.Х., Ишдавлетова С.А.
Уфимский государственный нефтяной технический университет,
Россия, г. Уфа

Аннотация. Одной из важных тенденций в настоящее время стало развитие и внедрение в общество цифровых технологий, применение которых трансформировало практически все сферы жизнедеятельности человека, прежде всего, это затонуло экономику и социальную сферу. Феномен цифровизации вызвал широкий резонанс у представителей как научного, университетского сообществ, так и бизнес-структур, близко столкнувшихся с ранее неизведанными проблемами и вызовами общества. Функционирующая сегодня международная правовая и межгосударственная экономическая база, которая сформирована странами Евразии, позволяет осуществить переход к массовому вовлечению граждан в общее цифровое пространство. Выявление возникающих барьеров, мешающих развитию цифровой среды и устранение неэффективных ограничений становится важнейшей задачей, решение которой можно добиться лишь на основе установления доверительных отношений между странами, входящими в Евразийское интеграционное пространство.

Ключевые слова: цифровизация, Евразия, Евразийский экономический союз, цифровое пространство, развитие, экономика, социальная сфера, научное и университетское сообщество. бизнес-структуры.

На сегодняшний день основной задачей многих государств мира является цифровизация всех сфер общества, которая позволит обеспечить формирование высококонкурентной экономики. Для достижения этой цели в 2016 году Высшим Евразийским экономическим советом было подписано соглашение «О формировании цифровой повестки Евразийского экономического союза». Для формирования новой Индустрии 4.0 согласно решению совета странам необходимо структурировать промышленность Евросоюза, так как цифровизация требует наличия связей промышленных комплексов с другими странами, несмотря на конфликты между государствами или торговые войны. Кроме этого цифровизация позволяет моделировать экономические процессы, что дает возможность легче адаптироваться к изменениям и тем самым обеспечить конкурентоспособность национальных экономик и современных бизнес-структур.

Темпы развития сфер жизни общества зависят оттого, насколько качественно происходит процесс цифровизации. Ускоренная интеграция киберфизических систем в заводские процессы без участия людей повлекло за собой появление таких информационных технологий как интернет вещей, аналитика «больших данных», облачные вычисления, развитие робототехники, искусственный интеллект, технологии блокчейн, киберфизические системы, цифровое проектирование и моделирование. Всё это образует цифровое пространство, формирующее к тому же новые типы отношений, связанные с бурным ростом виртуальных реальностей, с попытками социализации машин [1, с. 3].

Цифровизация в последнее время начала играть важную роль в жизни как отдельного человека, так и общества в целом. О процессе цифровизации широко распространялись средства массовой информации, показывая прорывные достижения в науке, выражая позиции, мнения в этой сфере специалистов. На сегодняшний день каждый человек, подозревает он это или нет, принимает участие во многих сферах цифровизации: мы являемся частью цифрового государства и субъектами цифровой экономики, мы формируем не только цифровую этику, но и цифровую культуру.

Цифровизация трансформировала наше общество, создавая совершенно новые возможности для реализации человеческого потенциала и ведения предпринимательства. Одним из ярких примеров, пожалуй, является AliExpress – электронная торговая площадка. Система, по которой работает AliExpress, представляет собой крупную общенациональную единую цифровую платформу. Через нее производители товаров из Китая могут предлагать свою продукцию покупателям по всему миру, при этом экономя на рекламе и маркетинге. Данная система также стала крайне выгодной для правительства КНР, потому что служит источником постоянного дохода за счет налогообложения и позволяет эффективно контролировать экспорт в другие страны.

В России успешным примером цифровизации является создание портала "Госуслуги.ру". Федеральный портал такого уровня предоставляет гражданам страны возможность получить услуги государственных учреждений быстро и удобно через сеть Интернет. Согласно подсчетам уже 86 млн россиян пользуются сервисом, а объем платежей в 2018 году, совершенных через портал превысил 50 млрд. рублей [2, с. 4].

Цифровизация оказывает огромное влияние не только на политику и экономику, но и на социум. Из-за трансформации общества, вызванной цифровизацией, в мире может появится множество новых профессий, но при этом уменьшится значимость некоторых уже существующих, традиционных сфер деятельности. Кроме этого меняется и структура труда. Новые технологии приводят к автоматизации многих этапов работы предприятий: роботы или другие машины могут эффективно заменить человека. Это позволяет предоставить сотрудникам больше свободного времени, которое они могли бы потратить на решение вопросов, требующих творческого и стратегического мышления пока недоступного для роботов. Помимо стремления снизить издержки на оплату труда и повысить производительность труда, внедрение роботов должно позволить облегчить работу людей и и снять с них часть нагрузки. Это позволит им творчески развиваться и ставить перед собой новые цели. Поэтому уже сейчас некоторые предприятия реализуют различные проекты, направленные на оптимизацию монотонной работы посредством цифровых технологий.

Примером эффективности системного внедрение технологий является одна из не так давно созданных международных организаций региональной экономической интеграции, которая показала высокие темпы роста экономики в течение ряда последних лет – Евразийский экономический союз (ЕАЭС), о котором упоминалось выше. ЕАЭС был создан в 2014 году. Ключевой задачей организации является проведение в странах, относящимся к ЕАЭС, согласованных совместных действий. В странах, входящих в ЕАЭС, обеспечивается свободное перемещение услуг, товаров, капитала, а также рабочей силы. В основе политики ЕАЭС лежит формирование законодательства, которое станет правовой основой интеграции в различных отраслях экономики, культуры, науки и образования.

В 2017 году государства входящие в ЕАЭС рассмотрели основные вопросы деятельности Союза в Бишкеке в рамках Евразийского межправительственного совета. Ставка была сделана на формирование единой цифровой платформы ЕАЭС, которая позволит проводить скоординированные и согласованные действия для поддержания цифровых процессов и ресурсов общества [5, с. 7].

Создание единого Евразийского цифрового пространства является необходимой составляющей процесса интеграции стран Союза, а также их включения в широкомасштабные процессы глобальной цифровой трансформации, приводящей к новым ландшафтам экономических процессов.

Большую роль в процессе цифровизации общества играют Правительства, заинтересованные в обеспечении безопасности, контроле и автоматизации политических и общественных процессов [3, с. 3].

К примеру, Россия с целью реализации программы "Цифровая экономика" создала множество новых федеральных структур и институтов. В мае 2018 года было сформировано Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций. Основная задача данного министерства состояла в регулировании и осуществлении реализации программ

и проектов в сфере цифровой экономики. В Казахстане наравне с другими странами в декабре 2017 года правительство страны утвердило государственную программу «Цифровой Казахстан». Целью данной программы является обеспечение ускоренных темпов развития экономики страны и качественное улучшение жизни населения за счет использования цифровых технологий. Также данная программа предполагала создание условий для перехода экономики страны на новую траекторию развития, обеспечивающую создание цифровой экономики будущего. В 2017 году в Республике Армения разработана «Повестка цифровой трансформации Армении до 2030 года», которая представляет собой рамочный долгосрочный документ, определяющий основные направления и целеполагание цифровой трансформации страны. В Республике Беларусь цифровая трансформация и создание цифровой среды стала ключевым приоритетом национального развития. В стране также существует госпрограмма развития цифровой экономики и информационного общества на 2016–2020 годы. В Кыргызской Республике разработана общенациональная программа цифровой трансформации «Таза коом», которая стала составной частью долгосрочной стратегии развития Кыргызстана до 2040 года. Вследствие тесных связей Узбекистана с экономиками стран ЕАЭС, в Узбекистане действует Комплексная программа развития Национальной информационно-коммуникационной системы страны на 2013–2020 годы. Программа была принята с целью дальнейшего развития и широкого внедрения во все отрасли экономики и сферы жизни общества современных ИКТ [4, с. 31].

В перспективе перед институтами стран ЕАЭС стоит задача создания евразийских цифровых экосистем, участия в формировании глобальных стандартов и правил регулирования на мировых цифровых рынках.

Обеспечение эффективной цифровой интеграции общества, в первую очередь, требует ряда комплексных мероприятий, которые впоследствии смогут синхронизировать институциональные и правовые основы цифровизации. Так, среди граждан также должен быть высокий уровень цифровой грамотности, обеспеченный развитием технологий. К сожалению, иногда по причине низкого доверия к цифровым технологиям и незнания, непонимания возможностей, которые может предоставить цифровизация, граждане и даже представители бизнес-сообщества отказываются от интеграции в цифровое пространство. Решению данного вопроса должны способствовать государственные структуры и общественные организации. Повышению цифровой грамотности населения может способствовать, например, реализация образовательных программ, направленных на повышение уровня цифровых навыков населения. Государство должно содействовать и создавать все условия для внедрения цифровых платформ, уделять этому вопросу большое внимания при распределении федерального бюджета [5, с. 6].

Одной из таких стран, где есть государственные программы, направленные на цифровизацию страны, является Казахстан и его программа «Цифровой Казахстан». Особое внимание в программе уделяется вопросам развития цифровой экосистемы, что очень важно для обеспечения стабильного роста экономики и ее конкурентоспособности. Что впоследствии будет способствовать повышению уровня жизни населения. Серьёзное внимание в программе уделяется развитию цифровых компетенций и навыков граждан, повышению цифровой грамотности. Правительство страны осознает важность подготовки профессионалов по перспективным IT-направлениям и необходимости развивать системы электронного и мобильного правительства [6].

Следует отметить тот факт, что правительства стран, входящих в Евразийскую организацию экономического сотрудничества, осознавая важность цифровизации, работают над созданием Совета Евразии по цифровой экономике и инновационным технологиям. В сферу его рассмотрения будут попадать проекты, затрагивающие технологии big-data, нейротехнологии, такие перспективные области изучения как искусственный интеллект, робототехника, беспроводная связь, виртуальная и дополненная реальность, новые производственные технологии. Планируется сделать Совет Евразии по цифровой экономике и инновационным тех-

нологиям институтом, способным обеспечить цифровое взаимодействие на территории Евразии между национальными экономиками.

Огромное влияние на экономику и социальную сферу может оказать активное развитие VR-технологий. VR или виртуальная реальность – это перспективная технология, успешно реализуемая в игровой индустрии. Ежегодно размер инвестиций в компании, развивающие технологии VR, увеличиваются с большой скоростью. Система позволяет полностью погрузиться в игру и является перспективным проектом, который может стать популярным и коммерчески выгодным [6]. Данный проект способствует росту популярности компьютерных игр и киберспортивных турниров.

Направление VR-технологий может оказать положительное влияние, если его эффективно социализировать. Так разработчики могут использовать эту технологию не только для игр, но и для обучения. Виртуальная реальность может сделать изучаемый материал более интерактивным и интересным.

Быстрое развитие цифровых технологий, увеличение объема знаний и стремительный рост объема данных оказывают непосредственное влияние на динамику развития человеческого капитала, требования рынка труда и предложение навыков и компетенций. И в этом процессе важную роль играет научная общественность и университетские сообщества, выступающие драйверами развития территорий различного уровня, как регионального, так и федерального и международного [7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15]. В связи с этим во всем мире происходит переориентация на реализацию политики форсирования развития человеческого капитала, включая образование. Наряду с формированием глобального рынка образовательных услуг и научных разработок сегодня все большее распространение получают процессы интеграции в образовании. В наиболее развитой форме эти процессы нашли воплощение в Европе — в виде Европейского пространства высшего образования (ЕПВО, Болонский процесс) и Копенгагенского процесса. При этом рамки ЕПВО уже перешагнули географические и политические границы европейской интеграции, во многом являясь драйвером и скрепкой интеграционных процессов в целом.

Интеграционные процессы также развиваются в рамках других региональных объединений. В том числе в АТР и АСЕАН созданы межстрановые ассоциации университетов, Ассоциация университетской мобильности стран АТР, выстроена рамочная система наднационального контроля за качеством образования. Все более распространенными становятся форматы сетевого регионального взаимодействия вузов и научных организаций, например, сетевые университеты ШОС, СНГ и БРИКС [4, с. 64, 16, 17].

Важным направлением сотрудничества стран, входящих в ЕАЭС, является образование, так как именно оно способствует обеспечению общего экономического пространства квалифицированными кадрами, повышения их мобильности, формирования «территории инноваций». Это также связано с тем, что приоритетным для ЕАЭС является повышение благосостояния граждан и их качества жизни. Для этого ключевыми вопросами в программах по цифровизации экономики являются: создание условий для того, чтобы граждане стран могли не только свободно работать, но и учиться, путешествовать; важным является развитие человеческого потенциала. Всё это будет способствовать обеспечению полной занятости населения с соответствующими обязательными социальными гарантиями. Правительства осознают, что основной фактор устойчивого и сбалансированного экономического роста ЕАЭС – это их человеческий потенциал. Кроме того, специалисты считают важным эффективное сотрудничество в сфере экономики при либерализации торговли, здравоохранения, туризма, спорта, а также совместное развитие и реализация научных и образовательных программ. С гарантией совместного доступа к достижениям в данных сферах для граждан стран входящих в ЕАЭС. [4, с. 65]

При этом важно осознавать, что цифровизация, несмотря на целый комплекс возможностей для развития, не обещает решения всех проблем в социальной и экономической сфере во всем мире. Специалисты ЕАЭС также выделяют и возможные риски, угрозы и перспективы Цифровой повестки до 2025 года. Но они утверждают, что при правильном

и комплексном проведении мероприятий по цифровизации можно добиться хорошего результата и достичь целей по улучшению жизни граждан.

Литература

1. *Асадуллина А.В.* Цифровая экономика в России: текущий статус и проблемы развития // Российский внешнеэкономический вестник. 2018. № 6. С. 98–112.
2. *Дятлов С.А.* Электронная Евразия: евразийская интеграция в условиях цифровой экономики // ПСЭ. 2017. № 4(64). С. 30–32.
3. *Дятлов С.А., Нуянзин В.М.* Сотрудничество Евразийского экономического союза и Европейского союза в цифровой экономике // Известия СПбГЭУ. 2019. № 6(120). С. 21–24.
4. *Бордачев Т.В., Вишневский М.К.* Евразийская экономическая интеграция: перспективы развития и стратегические задачи для России: доклад к XX Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества, Москва, 9–12 апреля 2019 г. // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 123 с.
5. *Махов А.А.* Современные международные отношения: учебно-методическое пособие. – Уфа: УГНТУ, 2018. URL: http://bibl.rusoil.net/base_docs/UGNTU/PSiSO/Makhov5.pdf (Дата обращения: 18.02.2020).
6. *Кузьмина Е.* Пять ключевых рисков Евразийского экономического союза. URL: http://eurasia.expert/5-klyuchevykh-riskov-evraziyskogo-ekonomicheskogosoyuza/ (Дата обращения: 18.02.2020).
7. *Махов А.А., Усманова А.Т.* Роль университета XXI века в формировании человеческого капитала / Педагогика и психология: актуальные проблемы исследований на современном этапе: Сборник материалов 1-й международной научно-практической конференции, 1 марта 2013 г. М.: Издательство «Перо», 2013. С. 75–83.
8. *Махов А.А.* Особенности позиционирования региональных университетских сообществ как центров развития территории Российской Федерации // Современный PR: теория, практика, образование: материалы IX-й Международной научно-практической конференции (11 апреля 2013 г., г. Уфа). – Уфа: Изд-во УГНТУ, 2013. С. 155–164.
9. *Малешина Е.А., Махов А.А.* Роль информационно-коммуникационных технологий в развитии региона как социально-экономической и социокультурной территориальной общности // Настоящее и будущее регионов Центральной России: материалы Всероссийской научной конференции. Курск, 21-22 мая 2009 г. Курск: Курский государственный университет, 2009. С. 69–75.
10. *Махов А.А.* Проблемы интеграции России в мировое научное сообщество (федеральный и региональный аспекты) // Формирование профессиональной компетентности специалиста Вуза. Теория, Диагностика, Технологии. Материалы региональной научно-практической конференции. Уфа-Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ, 2006. С. 94–98.
11. *Махов А.А.* Инновационный исследовательский университет как основа гармонизации социального пространства территории // Формирование гуманитарной среды и внеучебная работа в вузе, техникуме, школе: Материалы V региональной научно-практической конференции (27 мая 2003 г.). Пермь: Пермский государственный технический университет, 2003. С. 214–218.
12. *Махов А.А.* Университетские технопарки как центры инновационного и интеллектуального развития регионов России // Сохранение и развитие научного потенциала Приволжского федерального округа: опыт ведущих учебных заведений: Сборник статей. Нижний Новгород: ННГУ, 2002. С. 99–111.

13. *Махов А.А.* Развитие региональных учебно-научно-культурных центров на базе исследовательских технических университетов как основа возрождения и развития России и её субъектов // Взаимосвязь Концепции развития человеческого потенциала и Концепции устойчивого развития: Материалы научного симпозиума. Уфа: ИСЭИ УНЦ РАН, 2002. С. 74–78.
14. *Махов А.А.* Развитие региональных учебно-научно-образовательных комплексов, технопарков в субъектах Российской Федерации: проблемы и перспективы / Республика Башкортостан в составе обновляющейся Российской Федерации: десять лет государственного развития. Сборник. Уфа, РИО БАГСУ, 2000. С. 197–199.
15. *Махов А.А.* Технический университет - особенности становления и развития // Нефть и газ: Межвузовский сборник научных статей. Выпуск № 3. Уфа: Изд-во УГНТУ, 1998. С. 147–156.
16. *Махов А.А., Решетникова Д.В.* Саммиты ШОС и БРИКС как инструменты продвижения Республики Башкортостан на международной арене // ШОС и БРИКС в формировании многополярной системы современных международных отношений. Материалы Международной научно-практической конференции (Уфа, 20 ноября – 20 декабря 2014 г.). Уфа: БАГСУ, 2014. С. 60–62.
17. *Ибашева В.С., Махов А.А.* ШОС И БРИКС как факторы мировой стабильности // ШОС и БРИКС в формировании многополярной системы современных международных отношений. Материалы Международной научно-практической конференции. (Уфа, 20 ноября – 20 декабря 2014 г.). Уфа: БАГСУ, 2014. С. 41–44.

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ ИНТЕРНЕТИЗАЦИИ

Гимадеева Д.Р.
Казанский федеральный университет,
Россия, г. Казань

Аннотация. Социальная мобильность как важнейший процесс развития общества трансформируется под воздействием информационных процессов. Делается вывод о том, что интернетизация приводит к более активной социальной мобильности в современном обществе вследствие уменьшения значимости других социальных лифтов, играющих важную роль в предыдущие этапы развития общества. На основе эмпирического исследования оцениваются новые формы самореализации индивидов, существенно влияющие на мобильность: дистанционные формы обучения, удаленная работа, фриланс.

Ключевые слова: интернетизация, информационное общество, социальная мобильность.

Социальная мобильность – важнейший процесс, определяющий развитие общества, принципы обновления социальных позиций в социальном пространстве. Барьеры и фильтры мобильности являются важной характеристикой общества, от которой зависит эффективность протекания социально-экономических процессов, а также психо-эмоциональное состояние индивидов. Наличие большого количества барьеров мобильности, отсутствие четких критериев роста индивида, коррумпированность социальных лифтов приводит к стагнации общества, с одной стороны, и к неудовлетворенности членов общества, вызванного отсутствием возможности роста и продвижения (прежде всего, в профессиональной сфере).

Интеренетизация – относительно новый процесс, под которым понимается широкое распространение интернета в обществе, его внедрение в социальные процессы и практики. Трансформировав сферу массовых коммуникаций, интернет переключился на остальные области жизни общества. Дистанционные технологии, виртуализация, трудно назвать область, которой не коснулись трансформации после прихода интернета. Одно из наиболее значи-

тельных влияний интернетизация оказала, на наш взгляд, на экономическую сферу общества, в целом, и на социальную мобильность, в частности. Многие бизнес-процессы активно включили в свой функционал новые опции, ставшие возможными благодаря активному использованию интернета.

Большой вклад в исследования социальной мобильности внесли классические теории. В теории социальной мобильности П. Сорокина [1], разработанной в рамках функционализма, рассматриваются механизмы функционирования, типы социальной мобильности (индивидуальная, групповая, вертикальная, горизонтальная). Главными каналами мобильности П. Сорокин называет социальные институты (армия, церковь, брак, политические и экономические организации), отмечая при этом, что с изменением общества эффективность тех или иных институтов может меняться. В дальнейшем социологическое осмысление процессов мобильности дополнялось в рамках теории социальной стратификации. Зарубежные исследователи мобильности (С. Липсет и Р. Бендикс [2], Р. Мертон [3], Э. Джексон и Г. Крокетт[4]) сконцентрировались на понимании принципов мобильности капиталистического общества. Российские ученые разрабатывали свои концепции с учетом специфики постсоциалистических стран (О. Шкаратан [5], Р. Громова [6], Т. Заславская и Р. Рывкина [7], Г. Хамзина [8]). Каковы изменения в сфере социальной мобильности в новых условиях? Каким образом данная трансформация сказывается на развитии общества?

В настоящий момент научный подход исследования социальной мобильности претерпевает изменения: кроме экономических объективных критериев, ученые большее внимание уделяют субъективным критериям, обращаются к культурным факторам, влияющим на социальную мобильность [9]. Также отмечаются значительные трансформации процесса мобильности российского общества, связанной со структурными изменениями в экономике [10]. Вместе с тем, новые подходы концентрируются на проблемах новых измерений мобильности, взаимосвязи между мобильностью и ее отражением в общественном сознании [11].

Процесс интернетизации получил отражение в теориях информационного общества и представлен в трудах У. Мартина [12], М. Кастельса [13], Ф. Уэбстера [14] . Они считают, что масштаб изменений, позволяющих говорить о принципиально новом этапе развития общества, формируется, главным образом, за счет новейших инфокоммуникационных технологий. Именно эти инновации, интенсивно проникшие во все сферы жизни общества, определяют его трансформацию. Информационно-телекоммуникационные технологии расширяют возможности человека получать престижную и высокооплачиваемую работу, формировать собственный досуг и мир развлечений, быть в курсе основных мировых и локальных событий. Однако эти возможности открыты сегодня далеко не для всех. Сложившаяся имущественная, культурная, социальная поляризация общества может проявиться еще в одном параметре разделения людей на имеющих и не имеющих доступ к информации, умеющих и не умеющих работать с новыми технологиями. Возрастающие требования к образованию могут привести к огромному разрыву между образованными (элитой) и необразованными слоями населения. Полноценное становление сетевых связей пока еще сдерживается недостаточной развитостью технических средств. Одной из животрепещущих проблем является также дифференциация государств на развитые и отсталые [13].

Таким образом, многие теоретики подчеркивали изменения в экономической сфере вследствие перехода к информационному обществу. Использование в повседневной профессиональной деятельности компьютера и сети Интернет привносит ряд новых возможностей, меняет принцип построения трудового процесса, на которые указывает известный теоретик информационного общества М. Кастельс: «Эта трансформация представлена подъемом сетевого предпринимательства. Подобная новая организационная форма бизнеса в условиях информатизации является историческим эквивалентом так называемой фордистской организации индустриализма»[14]. Голландские ученые на основе эмпирического исследования использования Интернета приходят к важным выводам о том, что «экономические, культурные, социальные и личные виды взаимодействия с Интернетом приводят к различным экономическим, культурным, социальным и личным результатам» [14]. Таким образом, можно

выделить важное последствие интернетизации, которое выражается в значимости навыков сетевого взаимодействия на другие сферы жизни индивида.

Для научного осмысмления рассматриваемой актуальной темы было проведено три этапа количественного исследования (2013, 2017, 2019), что позволило оценить произошедшую трансформацию в развитии, получить данные о темпах происходящих изменений. В качестве стратегии исследования был использован количественный подход с предварительным качественным анализом Интернет-процессов. В качестве метода был выбран онлайн-опрос в социальных сетях. Объект исследования: российские интернет-пользователи.

Интернет как канал социальной мобильности дает неограниченное число возможностей с точки зрения его использования в социальном продвижении индивида: для получения образования, повышения профессиональной квалификации, удаленной работы, непосредственной деятельности в Интернете (ведение блога, предоставление онлайн-услуг) и многое другое. Среди прочего не стоит забывать и о более широких возможностях при поиске традиционной работы. Несмотря на кажущуюся простоту этой опции, эффективное ее использование представляется крайне важным для успешной профессиональной мобильности индивидов. Использование специальных ресурсов поиска работы дает гораздо больший выбор вакансий, а также снимает барьеры, существовавшие ранее (прежде всего, территориальный: можно осуществлять поиск работы в любом городе, не обязательно переезжать туда сразу; а также организационный: работодатели, заинтересованные в привлечении хороших соискателей сами отдают предпочтение новому способу поиска сотрудников, таким образом, уходят в историю поиски через знакомых, устройство по родственным и дружеским связям). Возникла и постоянно умножает свои ряды социальная группа работающих удаленно, с использованием современных средств связи. Если работник как-то связан с миром современных коммуникаций, то возможности работать на дистанции у него, несомненно, больше, чем раньше. Однако новые возможности зачастую оборачиваются и новыми проблемами. В группе тех, кто работает удаленно, ниже уровень социальной защиты и меньше возможностей карьерного планирования. В большинстве своем удаленно занятые рассматривают свое нынешнее состояние как временное и рассчитывают, что по истечении времени отыщут работу, которая вернет им традиционный статус [15].

По данным опроса, большинство респондентов ищут работу с помощью Интернета. При этом за исследуемый период уменьшилась доля тех, кто не использует Интернет как средство поиска работы и увеличилась доля тех, кто нашел именно с помощью Интернета. Предполагается, что такая динамика сохранится в дальнейшем, так как полностью отражает общественные тенденции как с точки зрения работодателей, заинтересованных в выборе лучшего кандидата на вакансию, так и потенциальных работников.

Одним из барьеров социальной мобильности, действующим в рамках функционирования традиционных каналов, является место проживания (то есть географический барьер). Работа на дому (фриланс) является оптимальным средством снятия данного ограничения для индивида. При условии наличия соответствующих профессиональных качеств не составляет труда найти удаленную работу. Доля респондентов, выбирающих такую форму трудоустройства, неуклонно росла: с 3,5% в 2013 году до 17% – в 2019.

Само по себе массовое ежедневное использование Интернета, по результатам опроса всех периодов, было ожидаемо, однако характер этого времяпровождения является принципиальным аргументом для исследования трансформации социальной мобильности. В качестве индикатора оценки степени активности респондентов, их компетентности в вопросах оценки возможностей, которые дает Интернет как канал социальной мобильности, был выбран такой вид сетевой активности, как ведение интернет-блога: выбор объясняется тем, что эта деятельность предполагает большую степень интегрированности в сетевые коммуникации, повышая, тем самым компетентность респондента, с одной стороны, а также может рассматриваться как вид социальных перемещений индивида, что, несомненно, важно для целей данного исследования. Если в первые этапы абсолютное большинство (80 и 75%

соответственно) считали блог несерьезным занятием, то в 2019 году 65% причисляют блогерство к виду труда, приносящему заработок, при этом 40% отметили, что либо сами занимаются данной деятельностью, либо их личные знакомые. Судя по полученным данным, можно говорить об увеличении доли интернет-пользователей, относящих себя к блогерам. Это важный шаг (один из наиболее перспективных в направлении профессионального развития, получения дохода с помощью Интернета) и он действительно выходит на массовый уровень. Тем более, данный вид деятельности можно реализовать профессионалу любой области: когда мы говорим «блогер», не имеем ввиду только альтернативу традиционным СМИ/журналистам, освещающим публичные темы. С распространением интернета большого успеха как блогер можно добиться и в узкопрофильных темах, так как популярность как символический капитал публичных профессий вышел за эти рамки [16], все чаще можно встретить активных блогеров: врачей, психологов, специалистов бьюти-индустрии (фитнес-тренеры, стилисты), учителей и т.д.

Сильные изменения в структуре оценок были получены в вопросе о мотивах ведения блога: более, чем вдвое сократилось число респондентов, ведущих блоги для развлечения или общения, соответственно увеличилась доля интернет-пользователей, заводящих блог ради профессиональных целей. Таким образом, произошел сдвиг в сторону увеличения респондентов, рассматривающих Интернет как средство ведения блога и сетевой работы.

Следующий фактор, интересный в рамках исследования данной темы – реальная востребованность нетрадиционных форм занятости, которые появились вместе с вхождением Интернета в нашу жизнь, был получен при ответе на вопрос о роде занятий респондента.

Вариант «работающий на дому/фрилансер», представленный среди прочих, демонстрирует реальное использование Интернета, его дистанционных технологий в профессиональной деятельности интернет-пользователей. Наш опрос показал, что среди интернет-пользователей их доля составляла всего 8% в 2017 году, то в 2019 году этот вариант ответа выбрало уже 17% респондентов.

В целом, респонденты высоко оценивают роль Интернета в своей жизни, подчеркивая значимость сетевых коммуникаций на различные сферы жизни, напрямую не связанные с онлайн-активностью. Интернет как пространство социальных практик становится важным фактором, с которым интернет-пользователи связывают свои перспективы и возможности социальной самореализации.

Таким образом, в ходе опроса были сделаны следующие выводы:

– Интернет-пользователи рассматривают сеть как средство повышения социального статуса, используя в основном такие его возможности для социальных перемещений, как поиск работы, информации для работы/учебы. На массовом уровне происходит сдвиг от количественного роста пользователей (которое, можно сказать, достигло своего максимума) к качественному: Интернет перестает быть лишь средством общения, становится функционально важной составляющей самореализации индивида.

– Можно оценить высоко эффективность Интернета как канала социальной мобильности: например, при поиске работы через Интернет большинство достигают своей цели. Новые профессии, виды деятельности (например, блогер), гибкие формы занятости, которые стали возможны благодаря Интернету, также все более активно входят в практику обычных интернет-пользователей.

– Наиболее популярным видом сетевой активности с целью изменения статуса изначально были сетевые коммуникации для поиска необходимой профессиональной/учебной информации. Впоследствии более широкое распространение получают и другие, более специфичные формы, как например, ведение блога, дистанционные формы занятости.

В информационном обществе широкое распространение Интернета способствовало тому, что Интернет из очередного средства коммуникации перерос сначала в пространство социальных практик, а затем и в новый канал социальной мобильности. Широкое использование информационных технологий определило реорганизацию социальной структуры, которая выразилась в появлении новых профессиональных сфер деятельности (программисты,

SEO-специалисты, блогеры и др.), что является важным фактором, так как дает новые возможности для развития и самореализации личности. Однако трансформация социальной мобильности не ограничилась появлением новых профессий. Важнейшим свойством структурных изменений стал принципиально новый уровень доступности новейших технологий, который привел к большей открытости социальных институтов, сделав социальный рост или падение зависящими от желаний, способностей, активности индивида.

Литература

1. Сорокин П.А. Социальная стратификация и мобильность. – М.: Человек. Цивилизация. Общество, 1992. С. 302–373.
2. Lipset S.M., Bendix R. Social Mobility in Industrial Society. Berkeley: University of California Press, 1959. 153 p.
3. Черныш М.Ф. Социальная мобильность и массовое сознание. URL: http://ecsocman.-hse.ru/data/751/920/1219/016.CHERNISH.pdf (Дата обращения: 31.03.2020).
4. Jackson E.F., Crockett H.J. Occupational Mobility in the United States. University of Texas at Austin. 1964.
5. Шкаратан О.И., Ильин В.И. Социальная стратификация России и Восточной Европы: сравнительный анализ. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2006. 468 с.
6. Громова Р.Г. Социальная мобильность в России: 1985-1993 годы // Социологический журнал, 1998. Том. 0. № 1–2. С. 15–38.
7. Заславская Т.И., Рывкина Р.В. Социология экономической жизни: Очерки теории. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1991. 446 с.
8. Хамзина Г.Р. Контексты изменений постсоветского российского общества. Казань: Изд-во Казанского университета, 2005. 244 с.
9. Friedman S. The price of the ticket: rethinking the experience of social mobility // Sociology. 2014. Volume 48. Pp. 352–368.
10. Социальный потенциал и мобильность занятого населения России: сущность и особенности формирования // сборник научных статей по итогам Всероссийского научно-практического семинара (26–27 апреля 2018 г.). Владивосток, 2018. С. 9–23.
11. Социальная мобильность в усложняющемся обществе: объективные и субъективные аспекты. М.: ФНИСЦ РАН, 2019. 512 с.
12. Martin W.J., The Information Society. London: Aslib, 1988. 174 p.
13. Иванов Д.В. Феномен компьютеризации как социологическая проблема // Социологические исследования. 2007. № 2. С. 85–93.
14. Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture Maiden. Oxford, Blackwell Publishers. 1996. 556 p.
15. Стребков Д.О., Шевчук А.В. Фрилансеры в информационной экономике: как россияне осваивают новые формы организации труда и занятости (по результатам Первой всероссийской переписи фрилансеров). М.: Изд. дом Государственного университета – Высшей школы экономики, 2009. 76 с.
16. Гимадеева Д.Р. Популярность и социальная мобильность в эпоху информационного общества // Вестник экономики, права и социологии. 2011. № 4. С. 227–229.

ГИБРИДНЫЙ ЦИФРОВОЙ АКТИВИЗМ: КАК ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЛОЖЕНИЯ СПОСОБСТВУЮТ ГРАЖДАНСКОМУ УЧАСТИЮ

Ермолаева Ю.В.
Казанский федеральный университет,
Россия, г. Казань

Аннотация. Самые популярные приложения - игры, новости, карты, социальные сети и музыка смогли адаптироваться для решения различных социальных проблем, так сформировалась новая система управления поведением граждан. Описаны основные формы цифрового активизма по Милбрату, на основе анализа функционала приложений и платформ, затрагивающих решение различных экологических проблем, выделены основные типы цифровых действий и обосновано применение наиболее эффективных стратегий гибридного цифрового действия. Выявлено, что наиболее эффективные приложения – многоступенчатые, включающие разные типы цифровых действий с различной мотивацией, поддерживающие друг друга.

Ключевые слова: m-governance. Мобильное управление, гражданское участие, цифровой активизм.

Информационные технологии предлагают гражданам все новые возможности для выражения своей позиции, продвижения интересов, идеи и кооперации. Однако, нельзя не отметить контрастно обозначившийся амбивалентный характер взаимодействия виртуального пространства на свою аудиторию. С одной стороны граждане могут использовать свои связи в качестве источника аккумуляции ресурсов сетевого сообщества в офлайн-среде, способствуя формированию коллективных гражданских действий, с другой - замещают реальные действия цифровыми, так как они менее трудозатратны. Проблема влияния ареала цифровых действий стала обсуждаться в социальных и политических исследованиях. Для кластеризации действий активистов появилась модель Милбрата, согласно которой цифровые действия составляют часть комплекса гражданских социальных практик, с помощью нее мы проанализируем действия граждан через разные виды приложений [1].

Иерархия Милбрата выделяет три класса действий в зависимости от степени включенности граждан в цифровую или реальную активность, а также масштаба распространения цифрового действия, и вида используемых ресурсов. Первый класс – действия наблюдателей (spectator), далее идут транзитные (transitional) (гибрид цифровых и реальных), и гладиаторские (gladiatorial – преимущественно, те цифровые действия, которые приводят к политическим изменениям, и где преимущественно высока доля реальных действий). Уровни изменяются в зависимости от доступных интернет- ресурсов, технических навыков, используемой социальные сети и видам коммуникации [2].

Показатель эффективности цифровой активности может выражаться в потенциале воздействия отдельного человека, коллектива, института, или того или иного цифрового ресурса. Всего на основе классификации Милбрата можно выделить несколько видов цифровой активности: кликтивизм (лайк), перепост (масштабирование), создание личного контента, электронное финансирование, защита прав потребителей, цифровые петиции, ботивизм, участие в сборе и разработке данных, разоблачение и хактивизм. Как правило, современные приложения и он-лайн платформы предпочитают суммировать эффективность с включением нескольких форм активностей, причем наиболее популярны те, которые способны мотивировать граждан на реальные действия.

Основной функционал приложений: консолидация гражданского участия, сбор информации, содействие и координация различных инстанций в принятии решений по охране окружающей среды, создание дополнительных данных, статистики, планирование и организация бытового пространства, образовательные, организующие бизнес. Мобильные приложения ориентированы на обратную связь и на создание конструктивных экологических действий.

Кликтивизм. Лайки, одиночные перепосты. Является спорной формой активизма ввиду высокой возможности подделать результат ботами и отследить мотивацию, поэтому выделя-

ется как одна из самых низших форм вовлечения граждан. Цель: масштабирование и привлечение внимания.

Meta-Voicing – репост и комментирование поста в социальной сети, имеет цель вовлечения аудитории и распространение информации. Во многом успех масштабирования зависит от ресурсов персоны и технологических возможностей.

Сюда относятся блоги, личные страницы, создание контента в социальных сетях, например такой международный проект как zero waste (Zero Waste Home https://zerowastehome.com/about/bea/ положили начало глобальному движению, вдохновив сотни тысяч людей на жизнь без отходов и открытые магазины без упаковки, создавать многоразовые продукты и запускать свои собственные акции).

Уровень транзитных действий являются переходными между «зрительскими» и «гладиаторскими».

Действия по защите потребительских или экологических прав. Такие действия поддерживают фирмы и услуги, соответсвующие уровню требованиям пользователей онлайн сообществ к качеству такого рода услуг. Пример: приложение «Наша природа» РФИ Минприроды России (https://rfimnr.ru/), которое еще не реализовано окончательно. Стейкхолдерами являются государственные организации, экологические инстанции мониторинга, санэпиденадзора, министерства природных ресурсов, ответственных организаций за уборку, муниципальных служб. Граждане (как равноправные стейкхолдеры) важны только на этапе создания заявки, далее их роль пассивна, так как решение о принятии заявки, сроках и ответственных лицах принимают муниципальные и государственные инстанции, так же невозможно повлиять на заявку в процессе искоренения последствий нарушений. Функциональная задача у приложения одна – с помощью обращения граждан устранять экологические нарушения. Официальные задачи, указанные на сайте, шире: «Конечной целью создания ФГИС «Наша природа» является организация постоянно действующего механизма взаимодействия органов государственной и муниципальной власти и рядовых граждан, повышение прозрачности работы контрольно-надзорных органов, обеспечение их публичной подотчетности, снижение сроков принятия решений и проведение мероприятий, направленных на ликвидацию последствий нарушений в сфере экологии.» Приложение включает интерактивные элементы (карты), Взаимодействие пользователей через сообщения и карты (геолокацию нарушений с фото\видео). Поступающие заявки неанонимны (но можно оставить только имя), вся отчетность на сайте и в онлайн-приложении в нем доступна любому пользователю, так же приложение делится данными о местоположении нарушения с другими лицами. История заявки отмечает инстанции, куда была адресована заявка с действиями, которые были произведены по устранению нарушений, это позволяет воссоздать логику бюрократии обращений, что полезно для пользователя и делает возможным контроль выполняющих заявку инстанций. Стейкхолдерами являются государственные организации, экологические инстанции мониторинга, санэпиденадзора, министерства природных ресурсов, ответственных организаций за уборку, муниципальных служб. Граждане (как равноправные стейкхолдеры) важны только на этапе создания заявки, далее их роль пассивна, так как решение о принятии заявки, сроках и ответственных лицах принимают муниципальные и государственные инстанции, так же невозможно повлиять на заявку в процессе искоренения последствий нарушений.

Цифровые петиции – различные платформы, где граждане могут поставить электронную подпись, для них используются сайты greenpeace, planeta. Ru. Эти площадки предполагают коллективное софинансирование проектов (создание приложения, бизнес-игры, курса, съемка фильма, , издание книги и др.), здесь проводится инструктаж по созданию проекта, а также возможность поддержать уже существующие приложения, игры и пр.

Комбинированные «гладиаторские формы» гражданского участия.

Деятельность по восстановлению лесов и сервис народного финансирования PosadiLes (https://posadiles.ru/).

Цель сервиса обеспечить функционал платформы так, чтобы любой желающий может посадить свой лес, не выходя из дома. За это время около 3 тыс. человек поддержали посадку

более 30 тыс. деревьев в 13 регионах России. На данный момент это один из самых популярных приложений, в том числе отмеченных международными наградами. Проект по восстановлению лесов команды 29-летней Марианны Мунтяну признан лучшим среди 35 отобранных в престижном международном конкурсе ООН «Молодые чемпионы Земли».

Движение Эка развивало этот проект самостоятельно, а так же получило поддержку Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества, предоставленного Фондом президентских грантов. Являясь инициативой НКо, также объединяет других стейкхолдеров НКО, потенциальных стартапов и экоактивистов. Экоактивсты взаимодействуют с магазинами, компаниями и школами, изнутри изменяют их структуру и отношения к экологическим вопросам.

Ecowiki.ru – платформа открытых знаний и технологий для популяризации экологичного образа жизни и развития экологического сообщества России. Пользователи могут получить ответы на волнующие вопросы в области охраны природы, узнать, как действовать для решения актуальных экологических проблем, поделиться собственным опытом экологичного образа жизни и экоактивизма или организовать свою акцию. Все изменения, участия и активности отображаются в личном кабинете (что является органайзером для пользователя). Сайт наполнен материалами в форме текста, интерактивных таблиц, руководства к действию («как нужно и как надо», и что полезно для природы). Доступны обучающие вебинары, видео материалы, а так же материалы в игровой форме в виде кратких методичек, представленные максимально доступно по энергосбережению, снижению потребления энергии и воды, экологичному транспорту, расширенной тематикой по ЗОЖ и экоориентированному образу жизни, раздельному сбору отходов, обучению проводить экоуроки. Виртуальный помощник представляет собой чат, где можно выбрать тематику консультации или задать свой вопрос. Раздел Флешмобы позволяет присоединиться к уже готовым тематическим чек – листам. Они включают блок ознакомления с проблемой, ее негативной влиянием на природу, дивиденды для практикующего (что изменится в позитивную сторону при прохождении практик), предлагаются чек листы и программа действий, которая включает личный контроль, изменение практик, просвещение (через соц. сети или лекции), на каждом этапе активности – задания. Результаты выполнения каждого задания публично размещаются, проверяются модератором, флешмоберу начисляются баллы, он участвует в рейтинге всех участников флешмоба, может получить электронную награду. Многоуровневая система мотивации закрепляет новые навыки и создает стремление к популяризации, может совмещать физические и цифровые формы он – лайн активизма. Акции позволяют физически поучаствовать в уже созданных событиях-встречах или создать свою. Дискурсивное наполнение представляет собой предложение поучаствовать и программу участия с инструкциями, цель, результат. В блоке «Акции» пользователь может стать волонтером или организатором экологического мероприятия, разместить анонс, найти волонтеров и единомышленников в своем городе. Для этого на Эковики есть понятные пошаговые инструкции и материалы и механизм анонсирования акции. Блок «Мастерская изменений» предназначен для тех, кто хочет добиваться улучшения качества жизни и состояния окружающей среды благодаря взаимодействию с органами власти, некоммерческими организациями и бизнесом, городскими сообществами и др. В разделе размещаются пошаговые инструкции и экспертные информационные материалы, помогающие сделать конкретные шаги в направлении системных изменений. В число первых опубликованных проектов вошли руководства по внедрению раздельного сбора отходов во дворе, оказанию помощи бездомным животным, уменьшению количества упаковки в магазинах. Ареал влияния более масштабен, поэтому снабжается более сложным материалом. В этом блоке инструкция снабжается действием, подтверждением истории действия, есть «объект воздействия», «что и как вы хотите поменять», далее человек афиширует свои действия в соц. сети и паралельно выполняет их в реальности.

Флешмоб и мастерская изменений включает элемент экоквеста, уже успешно апробировавшихся экоактивистами. Грамотная работа над проектом поможет вывести его на новый

уровень, «переупаковать» или успешно реализовать социально значимую инициативу с нуля. на платформе появится интерактивная многофункциональная «Карта», на которой будут отображены все активные действия участников «Эковики», а также места, сервисы и мероприятия, связанные с охраной окружающей среды. Благодаря этому инструменту пользователи смогут найти единомышленников и соавторов собственных экологических инициатив, поддержать действующие природоохранные проекты.

GIS технологии и гражданское участие.

ЭкоКарта.ру (https://www.ecokarta.ru/?city=moskva) – экологическая карта России для активистов. Онлайн-сервис отображает актуальную информацию об уровне загрязнения и является методом общественного мониторинга состояния окружающей среды в городах России с помощью меток на карте. На карту любой зарегистрированный пользователь может добавить свой объект, заранее сфотографировав его или сняв видео. Данные с сайта передаются в Росприроднадзор. ЭкоКарта.ру поддерживает Google-карты, Яндекс-карты и 2ГИС, а также имеет три слоя: «Карта нарушений», «Карта пунктов приема вторсырья» и «Посади свое дерево».

TrashOut (https://www.trashout.ngo/)- интерактивная карта несанкционированных свалок которая дает пользователям возможность отмечать на карте места скопления мусора. Инициатива сообщества «Изумрудная планета».

«Ecofront.ru» (https://sdelano.media/ecofront/) – приложение, нацеленное на общественную борьбу с мусором, ставит задачу ликвидации локальных скоплений мусора силами неравнодушных граждан. Сервис предоставляет в распоряжение пользователей набор опций, предназначенных для фиксации очагов загрязнения, кооперации участников для совместного устранения свалок и контакта с местными властями, ответственными за состояние окружающей среды. Пользователь может выступить в роли наблюдателя, помощника или организатора, распределены обязательства и компетенции.

Игры как комбинированная формы цифровых и физических действий.

Кейс «Посади лес» можно рассмотреть и в другом амплуа, так же дополнено игрой.

Игра представляет собой пострадавший лес, который нужно восстанавливать. Для начала пользователь проходит теоретический инструктаж о экологии леса, ресурсам и приемам посадки деревьев, экосистеме: животных, растениях вокруг. Человек, играя, увидит, что при этом происходит и как можно в реальности восстановить лес. «*Также он будет видеть, допустим, что там жил лось и сколько ему необходимо территории для пропитания. Человек, когда приобретает знания, будет иметь в виду эту взаимосвязь. И после фактической посадки людям будет отправлен фото- и видеоотчет с информацией, что эти деревья были посажены» (разработчик)*. Каждый игрок контролирует свои деревья, и должен в режиме реального времени следить за тем, как растет его лес, для этого нужно проходить согласования и получать разрешение на каждое дерево. Через вовлечение в процесс люди лучше понимают проблемы природопользования.

Сюда же, но с большим распространением «гладиаторства, можно отнести экоквесты, например «Чистые игры» *https://cleangames.ru/*, где участники узнают о проблеме отходов и убирают территорию в форме заданий-квестов. Есть и более ориентированные на образование. WWF «Другая планета» (*http://www.xn--80aaafffge2bpxvkmpjj2t.xn--p1ai/*). Квест состоит из 10-ти модулей, каждый посвящен важной теме, связанной с сохранением природы и прокачкой навыков будущего. К похожим можно отнести Общероссийский экоквест для студентов «Вода России».

Участие в сборе данных как практика активистов.

Urban Spectra (*http://www.app-store.es/urban-spectra-english*) – приложение, которое позволяет напрямую регистрировать проблемы, с которыми информирует службы в режиме реального времени о загрязнении окужающей среды с помощью граждан, с помощью него создается общая и локальная карта загрязнений атмосферы. Когда пользователь идентифицирует проблему, он создает заявку, фотографирует и отправляет ее. Фотография отправляется вместе с данными (координатами, ключевыми словами и текстом) в центр контроля. Данные

передаются в режиме реального времени (2–10 секунд) и хранятся в базе данных, специально разработанной для приложения. Затем администратор составляет алгоритм решения проблемы, выбирая форму визуализации данных и отправляя в правительство.

Многоступенчатые приложения.

Аудит.

«SPARC520» (*https://te-st.ru/entries/sparc520/*) – проект, собирающий все данные об объемах потребляемой энергии для расчета энергоэффективности и энергосбережения в организации или жилых домах. Приложение нужно зарегистрировать в сети, загрузить счета за электроэнергию и основные характеристика здания. Программа предлагает технологические, организационные и экономические инструменты, делает пересчиты в экологических дивидендах и помогает сократить расходы организации. Дадее представители компании оснащают здание энергосберегающим оборудованием, а так же осуществляют контроль за ним. В России есть похожее, но нереализуемое приложение будут приведены различные способы экономии источников потребления в доме, по каждому конкретному дому, будет возможность произвести персональный расчет стоимости жкх-услуг, приведен опыт энергосберегающих технологий и показана их эффективность.

Recyclebank.

Приложение, построенное на принципе win-win: государство экономит на переработке мусора, жители городов получают призы, а инвесторы реализуют свою социальную ответственность. Сейчас «Recyclebank» (https://www.recyclebank.com/) занимается материальным поощрением участников проекта за совершаемые ими положительные действия, экономия электричества, и утилизация отходов, и сокращение потребление воды. Каждый год компания привлекает новые инвестиции, большинство которых идет на оборудование дворов умными мусорными контейнерами. Как только хозяин выбрасывает мусор в бак, чип определяет вес отходов, который переводится в баллы, они могут быть конвертированы в купоны на скидки в местных торговых точках или обменены на призы. Компания расширяет сеть сотрудничества и уже привлекла более чем 3000 компаний.

Сюда же можно отнести российский проект Сдать-батарейки.рф – сообщество, которое меняет батарейки на цветы, билеты в кино, кофе и другие бонусы. Цель – мотивировать людей утилизировать элементы питания правильно с помощью дополнительных бонусов.

В России мобильные приложения в сфере управлении отходами, распространены, удобны для пользователя и перспективны для формирования навыков гражданского участия, их распространение заменяет некоторые государственные функции (создание раздельного сбора отходов, реагирование).

Выводы. Приложения уходят от одной задачи и переходят к многоступенчатости. Основой выступает, как правило, концепция устойчивого развития или экологические стандарты (энергосбережение, «ноль отходов», озеленение). Рецепт успешно реализуемого приложения, которое создает предпосылки для экологически конструктивных действий и гражданского участия универсален. Стратегия предполагает ряд условий. Ядром должно являться реальное действие, которое дополняется мотивацией для участвующего. Она может быть многоуровневой (от частого к глобальной – личная выгода, коллективная выгода (для семьи или для близких), позитивный образ заботы о планете, очищение территории. Если указан позитивный вклад, или предложены вознаграждения, то усиливается и мотивация, по этой причине анонимные приложения могут менее популярны, чем те, которые позволяют создать не анонимные акции, или где вклад зарегистрированного пользователя виден и поощряется. Чем больше цифровые действия приближены к реальным (посадка цифровых деревьев=посадка реальных), тем больше явная эффективность приложения. Анализ стратегий приложений показал, что, действительно, согласно Милбрату, низшие формы активности, такие как кликтивизм, создание контента, электронное финансирование создают меньше возможности для гражданского участия и их невозможно просчитать (как определить воздействие поста или ретвита в его качественном влиянии на человека, если мы не знаем физические возможности просматривающего), но не отменяют необходимости масштабирования

новостей, контента. Скорее, они могут быть хорошей дополняющей функцией к уже созданным приложениям, которые основаны натранзитных или гладиаторских формах (гибридных). Чем больше форм цифровых активностей успешно реализуется, тем эффективнее приложение, и тем больше вовлекающихся.

Благодарность.

Статья подготовлена в рамках гранта Президента РФ № МК-3338.2019.6 на тему «Построение качественной модели по оценке освоения россиянами новых форм цифрового городского участия в решении социально-экологических проблем и конфликтов».

Литература

1. *Ермолаева Ю.В.* Мобильные приложения в управлении отходами: всемирные и российские тренды // Научный результат. Социология и управление. 2018. №2. С. 58–69.
2. *Manzini E.* Context-based well being and the concept of the regenerative solution: a conceptual framework for scenario building and sustainable solutions development // The journal of Sustainable Product design. 2002. Vol. 2. Pp. 141–148.

НОВЫЕ МЕДИА И ИНТЕРНЕТ КАК ФАКТОРЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ

Ефлова М.Ю., Максимова О.А., Озерова К.А.
Казанский федеральный университет,
Россия, г. Казань

Аннотация. В статье представлены результаты ряда авторских исследований, посвящённых изучению возможностей использования новых медиа и сети Интернет для конструирования инновационной социальной реальности в условиях полиэтноконфессионального региона Республики Татарстан. На примере анализа онлайн-обсуждения и практик вокруг двух проблемных кейсов (обязательности изучения татарского языка школьниками республики и строительства нового мусоросжигательного завода на территории Татарстана), удалось получить результаты, во-первых, относительно типичных сфер использования сети интернет пользователями и моделей реагирования на информацию online; во-вторых, оценку основных источников информации о Республике Татарстан в сети, репрезентаций позитивных и негативных сторон жизни республики в контексте обсуждения online; в-третьих, выделить группы факторов, определяющих степень активности пользователей социальных сетей online и offline; и, наконец, описать стратегии связи активности online и ofline, при обсуждении социально значимых проблем республики – обозначить факторы и необходимые условия мобилизации пользователей online обсуждений к конкретным действиям вне сети Интернет (участию в митингах, флэш-мобах, благотворительных акциях, вступлению в разного рода сообщества и установлению новых личных контактов).

Ключевые слова: новые медиа, онлайн коммуникации, виртуализация, региональная стабильность, региональная идентичность, Республика Татарстан.

Быстрое распространение информационных технологий в последней трети XX века влечет за собой формирование новой социокультурной среды, где получение и информации и коммуникация онлайн становятся доступными значительной части населения планеты. Интернет порождает новые формы взаимодействия людей и расширяет границы заданных идентичностей и возможности их конструирования через коммуникационные практики [1]. Распространение виртуальной коммуникативной среды вызвало появление новых социальных медиа, базирующихся на использовании таких форм коммуникации, как форумы, чаты, блоги, социальные сети, становящиеся полем формирования индивидуальной идентичности личности, ее установок и ценностей [2]. Эти динамичные агенты при помощи новейших тех-

нологий (как в технологическом, так и в гуманистическом аспектах) оказывают воздействие, на ценности и сознание значительной части населения, но, в первую очередь, молодежи, характеризуемой исследователями как «цифровое поколение» или «цифровые аборигены» [3, 4]. Зачастую такое воздействие приобретает характер манипулирования сознанием индивида, становится одним из главных каналов социализации и может оказать значительное влияние на практики вне сети, такие как гражданская активность[5], например.

В условиях Республики Татарстан нужно учитывать и еще один специфический аспект. Как свидетельствует международная практика, в стабильном обществе процессы интеграции и дифференциации протекают сбалансированно. Причем, ключевым фактором социальной стабильности выступает формирование позитивных объединяющих макроидентичностей. Республика Татарстан представляет собой полиэтноконфессиональный регион России, где в постсоветский период, благодаря грамотной политике региональных властей, удалось предотвратить разжигание межнациональной и межрелигиозной розни [6]. На современном этапе большая часть населения всех возрастных когорт демонстрирует высокий уровень межэтнической и конфессиональной толерантности, хотя и имеются определенные проблемные места, особенно в аспекте взаимодействия местного населения с мигрантами. Для дальнейшего поддержания высокого уровня межэтнической толерантности в Татарстане необходимо, на наш взгляд, сохранять социокультурную преемственность поколений с целью поддержания оптимального сочетания формирующихся макросоциальных и разнообразных социально групповых идентификаций, как устоявшихся традиционных видов, так и привнесенных «на волне» модернизаций. Одним из условий достижения этой цели является анализ влияния новых медиа и Интернета на социально-политическую активность населения [7], а также на взаимодействие общественности и власти.

Методология исследования предполагала совместное использование количественных и качественных методов социологического исследования: массовый опрос населения Республики Татарстан по репрезентативной выборке (n = 1480 чел., сентябрь-ноябрь 2018 г.); серия интервью с активными участниками интернет-сообществ (n = 20, январь-март 2019 г.) в наиболее популярных социальных сетях и фокус-группы (n = 5, март-апрель 2019 г.) с простыми пользователями сети Интернет разных возрастных категорий; мониторинг социальных сетей, блогов, комментариев к электронным изданиям, основанный на анализе текстов, связанных с наиболее острыми проблемами региона с использованием сервисов поиска текстовых упоминаний сообщений выбранной тематики в социальных сетях, блогах, новостных лентах, а также комментариях к каждому из типов источников.

Как показали результаты массового опроса населения Республики Татарстан в 2018 г., наблюдается обратная зависимость между возрастом респондентов и частотой использования ими сети Интернет – старшее поколение все еще меньше включено в онлайн коммуникации. Однако, за прошедшие пять лет количество людей старше 55 лет, использующих Интернет каждый день, увеличилось в два раза. Одновременно сократилось количество практически не использующих Интернет татарстанцев.

Таким образом, результаты массового опроса свидетельствуют, что степень распространенности Интернета на территории является существенной, а, следовательно можно утверждать о высокой степени влияния информационно-коммуникативных технологий и новых медиа на настроения, ценности людей и в целом, на социально-политическую стабильность в регионе. В подобных условиях актуализируется обращение исследователей к анализу виртуальной активности населения, связанной с региональными проблемами. Для анализа типов онлайн активности были отобраны два кейса тематических обсуждений актуальных для татарстанских пользователей новых медиа, это проблема билингвизма и необходимости обязательного преподавания татарского языка в школах республики и строительство мусоросжигательного завода на территории Татарстана. Сбор данных выполняется при помощи сервиса мониторинга больших данных IQBuzz (http://iqbuzz.pro/tariff.php), который позволяет искать общедоступные сообщения пользователей сотен социальных сетей и форумов по ключевым словам. Согласно методике исследо-

вания был осуществлен отбор сообщений, содержащих упоминание указанных тем в социальных сетях, блогах, новостных лентах, а также комментариях к каждому типу источников контента (более чем 10000 источников онлайн-СМИ, Facebook, Twitter, ВКонтакте, Мой Мир, Instagram, 4sq, LiveJournal, LiveInternet, Google+, YouTube, RuTube и ряда других). Языки поиска – русский и татарский, рассматриваемый период – последний год.

Первый кейс посвящен проблематике изучения национальных языков в школах регионов. Все действия федеральных и региональных органов власти в рамках проблемы и реакция на них населения регионов продемонстрировали наличие скрытого этнолингвистического противоречия, требующего адекватного анализа. В татарстанском обществе развернулась активная дискуссия, принявшая характер противоречия между сторонниками и противниками изучения татарского языка. Динамика сообщений за 2017–2018 гг. относительно проблемы регулирования ситуации с изучением татарского языка в школах республики указывает рост активности онлайн обсуждения темы. Тональность сообщений по теме была распределена следующим образом: негативные сообщения 33%, нейтральные 51,5%, позитивные 10,8% и смешанные 4,4%. Основными источниками сообщений по теме являются социальные сети. В целом, охват групп, освещавших проблему преподавания татарского языка, очень широк, что свидетельствует о том, что данная проблема волнует значительную часть населения республики. Наиболее активными участниками дискуссии были представители средних поколений – 26–35 лет и 36–45 лет, однако включены в интернет-дискуссию и пользователи старших поколений 46–55 лет и 56–65, и сами школьники (возрастная группа авторов 16-25 лет) Таким образом, проблема билингвизма и изучения татарского языка в республике, активизировавшаяся в 2017 году, продолжает оставаться актуальной для пользователей сети.

Еще одним важным региональным дискурсом, существенно влияющим на гражданский активизм в регионе, как показало наше исследование, является экологическая проблематика. В связи с ростом числа отходов, под Казанью было запланировано строительство мусоросжигательного завода, что послужило началом дискуссий в сети и протестных акций со стороны населения, которое опасалось негативных последствий проживания рядом с предприятием такого типа.

Пятая часть сообщений в рамках темы (23,7%) – нейтральные новостные тексты. Смешанные сообщения (9,3%) чаще всего являлись новостными записями и постами в социальных сетях, в которых тема отражена как сложная, требующая учета аргументов каждой из сторон. В качестве позитивных (27,2%) оценивались сообщения об успехах в коммуникации властей республики и активистов, настроенных против строительства мусоросжигательного завода. Негативными сообщениями считались тексты о конкретных случаях неэффективности решений, неправомерных заключениях комиссий, сокрытии информации и задержании экологических активистов, игнорировании мнения ученых и экологов. Наиболее распространенный возраст авторов сообщений в рамках темы это 26–35 лет, 36–45 лет и 56–65 лет.

В рамках данного исследования были проанализированных данные серии интервью с активными участниками интернет-сообществ в наиболее популярных социальных сетях и фокус-групп с простыми пользователями сети Интернет в Татарстане. Как показали результаты исследования, чаще всего пользователи используют Интернет для повседневных коммуникаций, как личного, так и профессионального характера, покупок и чтения новостей. Для возрастной группы до 35 лет, Интернет является наиболее значимым источником информации, для информантов старше 35 лет значимыми являются также ряд федеральных и региональных СМИ (в частности газет и радио-станций). Самые популярные каналы – социальные сети и мессенджеры. При этом информация полученная в интернете вызывает у пользователей большее доверие, чем материалы федеральных и региональных теле- и радиоканалов т.к. ее можно перепроверить в нескольких независимых источниках. Меньше всего респонденты доверяют телевидению.

Использование интернета как источника информации, эффективно только при деятельном и критичном участии самого человека. Отчасти это связано с алгоритмами отбора информации в рамках самих социальных сетей, которые делают возможными гибкую настройку того, какие именно записи будут попадать в поле зрения пользователя. Сегодня пользователи уделяют большое внимание настройке тематик и рубрик, которые будут занимать их ленту новостей [8]. Чаще всего предпочтение отдается профессиональному контенту, после развлекательному (фильмы, музыка, юмор, путешествия и проч.) и, социально-политический контент попадает в ленты пользователей реже. В некотором роде можно говорить о тенденции отгораживания большинства пользователей от сообщений о политике, обсуждение этой сферы признается бессмысленным. Пользователи уверены, что если произойдет действительно стоящее событие, то сообщения об этом будут транслироваться так активно, что пропустить его будет невозможно.

В целом, относительно федеральных и региональных новостей, наибольшее внимание привлекают сообщения с шоковым контентом, или анализом злободневных событий. Для многих просмотр новостей в интернете – часть утреннего ритуала, при этом новостью одновременно будет являться и запись в социальной сети друга о каком-либо личном событии, и сообщение о региональных новостях. И то, и другое вызовет одинаково низкую обратную реакцию – основная причина перенасыщенность информационного фона. Пользователи фокусируются в основном на тех сообщениях, которые искали самостоятельно. Другими факторами привлечения внимания к сообщению могут быть массовость (одновременное появление во многих сетях и источниках где присутствует пользователь), шокирующий контент, появление не в ленте, а в личных сообщениях от значимых для пользователя людей. Самостоятельный отбор сообщений пользователем происходит через подписку на лидеров мнений (авторитетных для пользователя авторов контента) и тематические сообщества. Однако признается, что роль онлайн-сообществ значительно снизилось в последнее время, сообщество, посвященное той или иной проблематике, привлекает пользователей чаще всего в ситуации, если его тематика непосредственно касается его опыта и личных проблем.

Большая часть пользователей считает, что получить объективное представление о ситуации в Татарстане посредством информации в интернете – невозможно. Несмотря на это, пользователи считают, что коммуникация с властями в сети, и обсуждение локальных проблем благоустройства эффективнее, чем просто обращения в различные городские инстанции. «Шумиха» в интернете - становится эффективным способом привлечь внимание и ускорить решение любых проблем, кроме политических. Отмечается, что интересными являются такие темы как экологические проблемы (в связи со строительством мусоросжигательного завода), проблемы ЖКХ и инфраструктуры, политические проблемы обсуждать чаще всего «немодно», большинство пользователей убеждены, что это бесполезно. В позитивном ключе освещены следующие стороны жизни Татарстана: спортивные мероприятия, развитие парковых зон и дорог, активность и креативность жителей республики, позитивная оценка работы руководства республики по привлечению инвестиций в регион. Однако в целом, освещение позитивных сторон выражено гораздо менее интенсивно и в основном среди интернет-активистов.

Основные виды активности в рамках обсуждения той или иной темы в интернете – это репосты себе на страницу, лайки, комментирование записей и репосты в личные сообщения друзьям с последующим обсуждением, при этом рядовые пользователи признаются, что они готовы к любого рода активности в реальной жизни, кроме политической (например, благотворительных акциях, флэш-мобах, субботниках и т.д.), так как не хотят получить штраф, и считаю, что все равно ничего не смогут изменить

Также активисты отмечают, что интернет влияет на изменение социальной реальности, однако есть разные векторы этого влияния. С одной стороны, интернет – это площадка получения разной информации о том, что происходит. Это возможность мобилизоваться, найти людей со схожей позицией, договориться о действиях, создать сообщество. Можно продвинуть проблему и обрести поддержку, например, запустить петицию, и быстро получить об-

ратную связь. Но с другой стороны, есть другое влияние – люди активные в сетях, часто до действий не доходят. Распространённое название таких пользователей – «диванные критики». Интернет-активисты признают, высокий мобилизующий потенциал социальных сетей, однако уверены, что и власти будут пытаться это контролировать. Также новое поколение интернет-пользователей признается достаточно аполитичным [9]. Материалы всех фокус-групп подтверждают выводы о низком уровне интереса молодежи к обсуждению политических проблем в интернете, что связано с убежденностью в невозможности что-либо изменить, и опасением санкций, однако молодежь признает значимыми многие из проблем, обсуждение которых активно ведется в сети.

В целом, уровень интернет-активности повышает представление о безопасности площадки дискуссии, наличие личной связи с проблемой, общий объем и масса сообщений по теме, лаконичная, понятная и яркая форма сообщения, активность друзей пользователя, благодаря лайкам и репостам которых контент появляется в ленте чаще, ограничивает активность страх санкций со стороны государства, ограничение круга собственных подписок «комфортными темами».

Чаще всего, «друзья» и подписчики в социальных сетях, с которыми простые пользователи общаются в интернете, это их знакомые в реальной жизни. В целом, люди, активно уделяющие время той или иной проблематике в реальной жизни – в подавляющем числе случаев так же активны в социальных сетях и интернете – они создают и распространяют разнообразный контент. Те же, кто активен прежде всего в сети, чаще всего сне совершает каких-либо действий в реальной жизни. Реальные практики - это двусторонняя коммуникация она долгая, бесконечные стимул-реакции пролонгированные во времени [10]. Интернет практики - это односторонняя коммуникация, пользователи выбрасывают свой эмоциональный накал через посты, лайки, репосты и комментарии и на этом останавливаются, т.е. по сути не влияют на непосредственное решение социальных проблем.

Анализ представленных кейсов демонстрирует подтверждение того факта, что Интернет в современных условиях выступает системообразующим информационным полем формирования социальной активности граждан. Информационно-сетевые технологии формируют специфические дискурсы отношения населения к актуальным региональным проблемам – реализации билингвизма и строительства мусоросжигательного завода.

На основе анализа полученных данных, можно выделить несколько типичных моделей интернет-пользователей, позволяющих описать характер связи их активности online и offline в контексте социально-политических проблем региона. Первый тип «наблюдатели» (наибольшая группа), активно читают новости, готовы мобилизоваться ради благотворительности, субботников, но не готовы к чему-либо связанному с политикой из-за неактуальности личным интересам, неверия в возможность изменений, боязни санкций. Вторая группа «ситуативно включенные», их активность привязана к поиску информации и решению конкретной региональной проблемы, которая затрагивает их собственный жизненный мир. Третий сценарий активности принадлежит группе «диванные критики», они Не готовы ни к каким действиям по обсуждаемой проблематике offline, но нацелены на самовыражение и самоутверждение в рамках интернет дискуссий, активны, особенно в обсуждении политической тематики. Последний тип - профессионалы, они готовы к любым видам активности (встречи, флэш-мобы и т.д.), как легальной, так и не санкционированной (но без применения насилия), сосредоточены на конкретной проблеме или определённом кругу проблем, основная offline деятельность или профессия связана с гражданским актинизмом или близкими сферами, могут иметь опыт столкновения с официальными санкциями.

В настоящее время анализ сферы Интернета фактически отстает от ее развития, поэтому критический дискурс-анализ может предоставить наиболее подходящие инструменты для теоретического осмысления таких явлений, как влияние Интернета и новых медиа на выстраивание индивидуальных жизненных траекторий и формирование идентичности пользователей в виртуальном пространстве. Именно новые медиа, представляя собой новый

формат дискурсивной системы, наилучшим образом воспроизводят традиционную диалогичную структуру человеческого общения.

Представленные модели пользователей могут быть рассмотрены как «идеальные типы», конкретный пользователь может соответствовать им частично, или сочетать практики и установки нескольких моделей одновременно.

Литература

1. *Castells, M.* The Network Society: A Cross-Cultural Perspective. Cheltenham, UK; Northampton, MA, Edward Edgar, 2004.
2. *Sibiriakova O.O.* Research of connection between mass audience and new media. Approaches to new model of mass communication measurement // European science review. 2015. № 3-4. Pp. 70-73.
3. *Prensky M.* Digital Natives, Digital Immigrants // Horizon: MCB University Press, 2001. Vol. 9 № 5. Pp. 1-9.
4. *Palfrey J., Gasser U.* Born Digital. Understanding the First Generation of Digital Natives. Perseus Books, 2008. 375 p.
5. *Kahne J., Hodgin E., Eidman-Aadahl E.* Redesigning Civic Education for the Digital Age: Participatory Politics and the Pursuit of Democratic Engagement // Theory & Research in Social Education, 2016. Vol. 44. Issue 1. Pp. 1–35.
6. *Maximova O.A., Belyaev V.A.* Generational indigenation in a multi-ethnic and -religious society (Tatarstan, Russia) // Opcion. 2017. Vol. 33(84). Pp. 38–64.
7. Roger E. Communication technology. The new media in society. N.Y.: Free Press, 2007. 74 p.
8. *Pronina E.E.* The new media and the evolution of the human psyche // Psychology in Russia: State of the art. 2018. Volume 11, Issue 2. Pp. 148–160.
9. *Webster J., Ksiazek T.* The Dynamics of Audience Fragmentation: Public Attention in an Age of Digital Media // Journal of Communication. 2012. Vol. 62. Pp. 34–37.
10. *Potter J.* Media Effects. – Published January 3rd (ed) by Sage Publications, 2012. 408 p.

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ: ДОСТИЖЕНИЯ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ (НА ПРИМЕРЕ Г. КАЗАНИ)

Корунова В. О.[1,2], Ермолаева П.О.[2]

[1]Центр перспективных экономических исследований Академии наук,
[2]Казанский федеральный университет,

Россия, г. Казань

Статья написана при поддержке Российского научного фонда, проект «Российские мегаполисы в условиях новых социально-экологических вызовов: построение комплексной междисциплинарной модели и стратегий формирования «зеленых» городов России», грант № 17-78-20106.

Аннотация. Статья посвящена анализу вызванных процессом цифровизации изменений во взаимодействиях человека с окружающей средой. Изложены результаты опросов 2018–2019 гг. среди экспертов, представителей бизнес-сообщества и местного населения по актуальным проблемам реализации экологических практик в городе Казани.

Ключевые слова: цифровизация, цифровые трансформации, цифровые технологии, «зеленые» технологии, экологические практики.

«Современные проблемы требуют современных решений» – новый лейтмотив экологической политики в России начиная с 2014 года. Истощение запаса природных ресурсов, загрязнение воздуха, воды и почв, истребление растений и животных, климатические изменения – эти и другие экологические проблемы, вместе с тем, отнюдь не новы, хотя в контексте постоянного усложнения технологий природопотребления их катастрофическое обострение – лишь вопрос времени. Поэтому с целью предотвращения экологической катастрофы в России силы науки и техники были мобилизованы на разработку наилучших доступных технологий, сочетающих в себе возможности эффективизации хозяйственных процессов и сохранения окружающей среды [11].

Исследования показывают, что именно инновационность развития России может считаться сегодня одним из главных условий ее перехода к устойчивости. Наибольшее значение среди инноваций, между тем, имеют цифровые. Так, цифровизация, как основной глобальный тренд, активно поддерживается в России на уровне власти и рядовых граждан: прорабатываются нормативно-правовые основания использования информационно-коммуникационных технологий в разных сферах жизни общества, принимаются целевые стратегические и программные документы, реализуются соответствующие мероприятия, в том числе с привлечением населения, получившего уникальные возможности участия в ряде «закрытых» ранее управленческих процессов [4, с. 88, 91].

Под цифровизацией сегодня следует понимать повсеместное внедрение цифровых достижений научно-технологического прогресса с целью качественного улучшения социальной жизни [7, с. 21]. Согласно большинству новых систем-концепций городов, постулирующих распространение цифровых технологий, например, «цифровой город», «умный город», «умный устойчивый город» и т. д., цифровизация лежит в основе особой организации элементов городской системы, необходимой для ее устойчивого всестороннего роста [8, с. 54]. Эта необходимость исходит из высоких ожиданий населения от качества жизненных условий в современной России и в частности – в наиболее развитых ее регионах и городах. Так, в контексте уже достигнутых результатов, наравне с безопасностью и комфортабельностью, качество жизни сегодня определяется возможностями ее управления в режиме реального времени посредством использования цифровых технологий [5, с. 160].

Распространение цифровых технологий призвано снизить издержки жизни за счет ускорения и частичной автоматизации производимых операций. В частности, использование алгоритмов отбора актуальных сведений, их обработки, синхронизации и защиты позволит реагировать на всевозможные вызовы быстро, удаленно и эффективно – без лишних ресурсозатрат [10, с. 662–663]. Ожидаемые в этой связи трансформации должны повлечь за собой, во-первых, развитие формальных и неформальных институтов за счет интенсификации и упрощения горизонтальных и вертикальных коммуникаций в обществе. Во-вторых, ожидается ресурсная и организационная эффективизация производственных процессов, обеспечивающих, в-третьих, полноценное удовлетворение основных потребностей общества. Наконец, в-четвертых, в результате цифровых трансформаций основ коммуникации, хозяйствования и потребления в обществе ожидается стабилизация состояния окружающей среды [8].

Возможности решения последней из поставленных задач наиболее отдалены во временной перспективе, поскольку этапность процесса цифровизации предполагает движение от наиболее простых и локальных проблем к наиболее сложным и объемлющим [8, с. 56]. Однако потенциал ее решения действительно значителен. Суть цифровых технологий – эксплуатация информации, наиболее неприхотливого в использовании и «чистого» ресурса. По мнению большого корпуса ученых, цифровое использование информации выступает именно тем видом человеческой деятельности, который не оставляет экологического следа. Во-первых, само по себе использование информации не ведет к загрязнению окружающей среды. Во-вторых, оно не истощает ее запасов, потому что информация имеет неприродное происхождение и, в отличие от природных ресурсов, неисчерпаема, легко воссоздается человеком и тиражируется. В-третьих, использование информации в качестве ресурса позволяет сократить природопотребление и заменить ряд привычных практик на «зеленые» [7, с. 21].

Однако в последнее время стали появляться работы, которые критически оценивают роль современных информационных технологий в «озеленении» практик. Это, в первую очередь, связано с возникновением так называемого «эффекта отскока» (rebound effect). Он заключается в том, что повышение эффективности от цифровизации экологических практик часто снижает затраты на услуги (к примеру, коммунальные расходы за электричество), что, в свою очередь, может увеличить потребление населением электроэнергии, которое компенсирует первоначальную экономию [12, 13]. Другим примером может быть перераспределение электроэнергии с традиционных источников в невидимую «цифру», скажем, при содержании дата-центров, удаленной работы, электронной коммерции и т. д. [14].

Первоочередное значение для успешного внедрения цифровых технологий в практику повседневности имеет обеспечение всеобщего доступа к информации и свободного обмена ею [1, с. 98]. В контексте экологизации социальной жизни речь идет, главным образом, об обмене экологической информацией. В статье мы рассматриваем этот процесс на примере Казани. Выбор Казани в качестве исследовательского кейса определен, в первую очередь, опережающим уровнем социально-экономического развития Республики Татарстан. Так, по состоянию на 2018 год, республика занимает 5 место среди субъектов Российской Федерации по объему валового регионального продукта [3], что говорит о значительной эффективности предпринимаемых мер по комплексному улучшению условий жизни в регионе. На Казань как столичный город, соответственно, должна приходиться большая доля всех достижений, в том числе – цифровых. Последнее особенно вероятно в контексте того, что республика часто выступает площадкой пилотирования федеральных проектов, а также занимается разработкой собственных инициатив. Наиболее яркий пример здесь – начавшаяся в 2005 году реализация проекта «Электронное правительство», принесшая республике успех на Всемирном форуме передовых технологий в 2009 году в Лондоне, а также премию Британского института технологии и электронной коммерции за «Успешное управление с помощью Электронного Правительства» [2, 9]. Кроме этого, выбор Казани в качестве исследовательского кейса определен также значительной антропогенной нагрузкой на местную экологию, являющейся следствием интенсивной нефтедобычи и нефтепереработки в регионе. Снижение экологических рисков, таким образом, должно входить в число главных задач проводимой в республике и ее столице общей и цифровизационной политики.

Мы оцениваем доступность экологической информации и распространенность практик ее цифрового использования в Казани на основе результатов неформализованных интервью с экспертами (профессиональными экологами, представителями академического и бизнес-сообществ, муниципального управления и общественных объединений; 2018 г., n = 30), анкетного опроса представителей казанских компаний крупного, среднего и малого бизнеса (2019 г., n = 200), а также анкетного опроса совершеннолетнего населения города (2018 г., n = 750). Как показали результаты опроса населения, казанцы обеспечены цифровыми средствами доступа к какой бы то ни было информации: более двух третьих опрошенных каждый день пользуются смартфонами (70,5%), более половины – персональными компьютерами и ноутбуками (54,7%), а шестая часть опрошенных также – планшетами (15,1%). Тем не менее, достигнутый уровень информатизации в сфере природопользования и охраны окружающей среды в Казани сегодня представляется невысоким. Опрошенными экспертами открытость и доступность данных по различным экологическим показателям оценивается на «ниже среднего» – 2,6 балла из максимальных 5. Близких оценок придерживаются и респонденты из числа предпринимателей (2,77 балла), тогда как опрошенные казанцы скорее склонны к средним (3,02 балла). Впрочем, преимущественное отсутствие динамики информирования о состоянии атмосферного воздуха, водных, лесных ресурсов и т. д. в городе отмечают как опрошенные представители бизнес-сообщества, так и местное население (40% и 50,4 % соответственно). О повышении доступности и открытости экологической информации за последние 5 лет говорят 22% и 22,5% респондентов соответственно, о снижении – 18,5% и 13,9%.

Потребление доступной информации и ее содержание определяют те практики, которые население в целом и его отдельные агентные группы реализуют в своем каждодневном взаимодействии с окружающей средой. Информированность о нали-чествующих экологических рисках влечет за собой ту или иную степень обеспокоенности ими, формирует соответствующее представление о ценности природы и о возможном поведении по отношению к ней [6, с. 517]. Так, результаты опроса показали, что половина казанцев предпочитают традиционно распечатывать документы, а не хранить их в электронном виде (50,7 %). Кроме этого, стало известно, что, несмотря на то что не все опрошенные казанцы (63,3 %) среди имеющих водительские права (51,2%) пользуются личным автотранспортом для передвижений по городу, возможности карпулинга ими практически не востребованы. Более двух третьих казанских водителей (69%) никогда не предпринимали совместных поездок на одном автомобиле с коллегами по работе или учебе и не пользовались сервисами, предоставляющими подобные услуги. Среди остальных 11,5% возможности карпулинга используют время от времени, 9,1% – очень редко, 6,8% – часто, 3,6 % – постоянно. Эксперты считают, что это связано с тем, что тарифы на карпулинг в России сегодня довольно высокие, что вместе с отсутствием автомобилей в шаговой доступности делает данную услугу менее привлекательной, чем использование такси.

Практически не получают распространения в Казани также приложения и программы для контроля потребления воды (5,9%), тепла (4%), электричества (5,7%) и т. д., впрочем, как и другие подобные приложения и программы, которыми никогда не пользовались 72,1% опрошенных горожан, и которые позволили бы облегчить им их повседневную рутину. Именно на повышение комфортности жизни людей «работают» в той или иной мере прижившиеся в Казани эколого-технологические инновации. Главным образом, это средства оптимизации экономичного потребления ресурсов, например, отмеченные выше приложения и программы. Их распространение представляется закономерным, поскольку практики экономии традиционно находят больше отклика среди населения. Так, более двух третьих опрошенных нами казанцев (68,1% в среднем) постоянно или часто контролируют бытовой расход воды и электричества, в то время как направленные на улучшение состояния окружающей среды инициативы индивидуально или в составе экологического движения или организации предпринимают менее пятой части респондентов (15,15% в среднем).

Говоря о большей склонности казанцев к бережному использованию природных ресурсов, следует иметь в виду, в первую очередь, бережливость в целом. Центральным мотивом экономии воды, тепла, электричества и т. д. выступает экономия денег, уплачиваемых по счетам за коммунальные услуги (34,3%). Определенное значение имеют также забота о здоровье, испытывающем нагрузку от плохой экологии (19,9%), привитые бережливыми родителями привычки (17,9%) и – лишь на четвертом месте – обеспокоенность состоянием окружающей среды (17,4%). Кроме желания сэкономить деньги, потенциальное влияние может оказывать также желание снизить трудозатраты бытового природопотребления, которое побуждает выбирать наиболее простые пути и способы взаимодействия с окружающей средой – с учетом актуального ценностного отношения к ней. Последнее в том числе объясняет стремление привыкших экономить казанцев к использованию в быту самых распространенных, а значит – самых доступных с точки зрения финансов и простоты использования приборов: приборов учета электричества (92,4%) и воды (90%) и энергосберегающей техники (57,2%). Значительно меньше распространения получают такие меры, как установка усовершенствованных стекол для повышения светопроникаемости и лучшего сохранения тепла (26%), автоматических устройств экономии энергии (19,3%), датчиков противопожарной безопасности (19,2%), систем автоматической вентиляции (14,4%) и освещения (12,1%). Практически не используются казанцами системы регулирования отопления через смартфон (4%) и автоматического управления температурой воздуха в доме (8,9%), а также возобновляемые источники энергии (5,1%).

С другой стороны, значение здесь имеют не только предпочтения населения, но и глубина проникновения цифровых технологий в разные сферы жизни общества. Так,

к примеру, казанцы склонны к низким оценкам (2,19 балла из максимальных 5) развитости системы «зеленой» мобильности в городе, включающей, в том числе, предоставление услуг карпулинга. Экспертами уровень развития в Казани эколого-технологических инноваций в целом также оценивается как низкий (2,3 балла). Подходящими для их разработки компетенциями, в свою очередь, обладает бизнес-сообщество, которое, по словам экспертов, действительно этим занимается, однако располагаемые им возможности последующего внедрения чрезвычайно малы (2,4 балла). Соответствуя мнению экспертов, подавляющее большинство компаний, принявших участие в опросе (46%), не собираются внедрять инициативы, призванные уменьшить их экологический след, а из 35% имеющих какие-либо «зеленые» программы или практики компаний две трети только приступили к реализации. Доля цифровых инноваций в их числе крайне мала, оптимизирующих экономию ресурсов в производстве и офисном быту – тоже. К примеру, различными веб- и мобильными приложениями и программами для контроля потребления воды, тепла, электричества и т. д. пользуются лишь 8% опрошенных компаний. Распространение приложений и программ в принципе очень слабо затронуло казанское бизнес-сообщество – 70% компаний никогда не использовали ничего подобного. Вместо этого, учет расходов потребления ресурсов в компаниях производится с помощью традиционных счетчиков: более чем у половины из них (52%) есть приборы учета расходов воды, почти у половины (40,5%) – приборы регулирование подачи тепла и освещения (датчики движения, рекуперация и т. д.).

Сложившаяся ситуация, по мнению экспертов, связана с отсутствием поддержки бизнес-сообщества со стороны власти, которая, в свою очередь, слабо ориентирована на развитие «зеленых» цифровых технологий. Особенно это заметно в сопоставлении реакций на предлагаемые проекты в Казани (как в России в целом) и ряде зарубежных стран: «У нас сейчас появилось много акселераторов, много стартапов, много механизмов поддержки, но в целом, если посмотреть, я просто слежу за экологическими стартапами, что с ними дальше происходит, я вижу, что они больше востребованы за границей» (эксперт-представитель бизнес-сообщества), «Парень придумал такую упаковку, которая будет разлагаться, это биопластик, который делается из растений, из злаков, из остатков злаковых культур, которые не идут в переработку для еды. Эта технология оказалась в 7 раз дешевле обычного пластика и других биоразлагаемых пластиков, которые в России были придуманы. Он говорил, что этот биологический пластик никому не нужен, хотя предлагал уже нескольким компаниям его. У него есть конкуренты, у которых технология дороже, но при этом есть административная поддержка. Его зовут в Германию развивать эту технологию, но он патриот, хочет для России развиваться, но здесь эта технология абсолютно никому не нужна» (эксперт-представитель академического сообщества), «Один проект разработал парень, который придумал, так скажем, насадку, с помощью которой на производстве можно снизить энергозатраты на 15%. В России он даже в десятку лучших проектов не вошел. Здесь ему говорят: «Ты что, парень, сумасшедший, что ли, у нас этой электроэнергии завались, и нам твой проект вообще никуда не упал». Подумаешь, всего лишь миллион влево, миллион вправо. А когда мы приехали со своими стартапами в Израиль, то он там занял 1 место. Они давно искали человека, который поможет им снизить потребление электроэнергии хотя бы на 3 %» (эксперт-представитель академического сообщества).

Вместе с тем, в качестве основной проблемы и, следовательно, первого пункта стратегического плана политики цифровизации в сфере природопользования и охраны окружающей среды, по мнению экспертов, выступает низкий уровень экологической культуры и сознания людей: «У нас было потеряно перестроечное время, когда у людей сознание полностью поменялось, когда начали думать, что деньги решают все, совершенно нет экокультуры, это как раз то, над чем мы сейчас работаем. Сейчас у 90% людей нет сознания того, что экология – это важно. Проблемы, которые возникают сейчас с теми же свалками, с заводами, у них нет осознания того, что это они причастны к этим проблемам, что они сами же их и создают. Сейчас создают и вчера создавали, и завтра будут создавать. Нет осознания существования этой проблемы, то есть экологической ситуации как проблемы» (эксперт-

представитель академического сообщества). Со стороны населения и бизнес-сообщества эта проблема проявляется в редкости инициатив, со стороны власти – в отсутствии содействия их продвижению. По мнению опрошенных экспертов, необходимая сегодня актуализация нормативно-правовых оснований реализации политики цифровизации в сфере природопользования и охраны окружающей среды происходит несвоевременно, не хватает целевого финансирования, льготных и грантовых программ для инициативных групп: «Экологически чистое мы что-то хотим поставить, но, оказывается, это нельзя, потому что там где-то устарели нормы и правила» (эксперт-представитель бизнес-сообщества), «Большая проблема найти какое-то финансирование, то есть нет целевого государственного механизма для финансирования именно» (эксперт-представитель бизнес-сообщества). В конечном счете, развитие «зеленых» цифровых технологий в Казани и во всей России происходит медленно и бессистемно: «Мы знакомы с ребятами из разных компаний, которые занимаются альтернативными автомобилями, и они говорят, что очень тяжело движется этот сектор» (эксперт-представитель общественного объединения), «”Зеленые” технологии по-прежнему остаются экзотикой. Конечно, какие-то точечные вещи есть, но в целом это не мэйнстрим, а так, для галочки. Чтобы показать, что у нас есть возобновляемые источники энергии» (эксперт-представитель муниципального управления).

Таким образом, в настоящее время нельзя говорить о значительной цифровизации экологических практик в Казани и во всей России. Несмотря на широкую распространенность цифровых средств доступа к любой информации, сведений по основным экологическим показателям, открытых для всех заинтересованных лиц, сегодня мало. Нехватку экологической информации отмечают как рядовые граждане, так и представители бизнес-сообщества и опрошенные эксперты. Последние, тем временем, называют низкий уровень обеспокоенности экологическими проблемами и осознания своей причастности к их возникновению каждым членом общества основной причиной невовлеченности подавляющего большинства населения и опрошенных компаний в разработку и использование «зеленых» цифровых инициатив. Так, среди казанцев практически не получают распространения даже самые простые цифровые практики экономии, а казанские компании слабо заинтересованы в разработке и внедрении новых. В случае с населением это может быть связано с концептом «энергетической бедности», когда большинство жильцов (в нашем опросе это 66% казанцев) не могут регулировать отопление и подачу воды в своих квартирах, воспроизводя тем самым экологическое неравенство в возможностях экономии электроэнергии – более энергоэффективные новостройки выигрывают у более старых домов. В случае с бизнесом низкое проникновение цифровых технологий в экологические практики может быть связано как с инертностью и консервативностью самих руководителей предприятий (поскольку это влечет за собой перестраивание организационных цепочек), так и со слабой поддержкой государством реализации «зеленых» инициатив и перехода на наилучшие доступные технологии, включая «зеленую» цифровизацию. По оценкам экспертов, перспективные разработки есть, но они не востребованы властью, которая также испытывает недостаток информирования о своей роли в сохранении окружающей среды. В этой связи, в первую очередь, стоит задача проблематизировать тему экологии, сформировать понимание опасности природных деградаций, а также прямой связи их возникновения с повседневными действиями каждого. Кроме этого, важно подчеркнуть «зеленый» потенциал цифровых трансформаций социальной жизни и ценность всех предлагаемых инициатив. Наконец, необходимо организовать стимулирование и всестороннюю поддержку развития «зеленых» цифровых технологий.

Литература

1. *Беляева Н.Б., Мингалеева Е.Д.* Концепция умного города и ее реализация в Северной Европе и России // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2019. № 5(119). С. 95–98.
2. *Вагапова И.Д.* Электронное правительство как эффективный инструмент взаимодействия государства и общества / Материалы третьей Международной конференции «Развитие

вычислительной техники и ее программного обеспечения в России и странах бывшего СССР: история и перспективы (SoRuCom-2014)». URL: https://computer-museum.ru/articles/materialy-mezhdunarodnoy-konferentsii-sorucom-2014/475/ (Дата обращения: 08.03.2020).
3. Мордовиястат (Валовой региональный продукт по субъектам Российской Федерации в 1998-2018 гг.). URL: https://mrd.gks.ru/folder/27963 (Дата обращения: 11.03.2020).
4. *Ермолаева П.О., Башева О.А., Яницкий О.Н., Ермолаева Ю.В., Кузнецова И.Б.* Социально-экологическая «устойчивость через изменения» российских городов: поиск теоретико-методологических перспектив // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 2019. № 2. С. 80–94.
5. *Корунова В.О., Гудяева Л.А.* Анализ динамики нормативно-правовых оснований экологизации российских городов: цели, задачи и инструменты развития // Научные труды Центра перспективных экономических исследований. 2019. № 17. С. 158–164.
6. *Корунова В.О.* Медиакультура и культура доверия в практике взаимоотношений человека с окружающей средой // Цифровая культура открытых городов : материалы Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых / Екатеринбург: Екатеринбургская академия современного искусства, 2018. С. 516–523.
7. *Попов Е.В., Семячков К.А.* Компаративный анализ стратегических аспектов развития цифровой экономики // Вестник Пермского университета. Серия: Экономика. 2018. Т. 13. № 1. С. 19–35.
8. *Попов Е.В., Семячков К.А.* Оптимизация процессов цифровизации городской среды // Проблемы развития территории. 2019. № 5 (103). С. 53–63.
9. Проект «Электронное правительство РТ» отмечен премией Британского института // Официальный Татарстан. 2009. URL: http://tatarstan.ru/rus/index.htm/news/39674.htm (Дата обращения: 08.03.2020).
10. *Стрельникова Т.Д.* Зависимость качества жизни населения от экологического состояния «умного города»: на примере Липецка // Россия: тенденции и перспективы развития. 2019. № 14. Ч. 2. С. 662–666.
11. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 27.12.2019) «Об охране окружающей среды». Статья 28.1. Наилучшие доступные технологии. URL: http://www.consultant.ru/-document/cons_doc_LAW_34823/5b5677b304ec83610cb849eb108fadf413b1ea5a/ (Дата обращения: 15.02.2020).
12. *Börjesson R.M., Håkansson C., Svenfelt A., Finnveden G.* Including second order effects in environmental assessments of ICT // Environmental Modelling & Software. 2014. Vol. 56. Pp. 105–115.
13. *Hintemann R., Hinterholzer S.* Energy Consumption of Data Centers Worldwide – How will the Internet become Green? – Proceedings of ICT for Sustainability (ICT4S). 2019. URL: http://ceur-ws.org/Vol-2382/ICT4S2019_paper_16.pdf (Date of request: 14.02.2020).
14. Lean ICT: Towards digital sobriety. – The Shift Project. 2019. March 6. URL: https://theshiftproject.org/en/article/lean-ict-our-new-report/ (Date of request: 14.02.2020).

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДОПОЛНЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ В ОБРАЗОВАНИИ

Ногманова М.А.
Казанский федеральный университет,
Россия, г. Казань

Аннотация: Дополненная реальность активно используется в современном обществе практически во всех сферах деятельности человека. В данной статье рассматриваются возможности и перспективы использования дополненной реальности в образовании.

Ключевые слова: дополненная реальность, образование, QR-код.

Мы живем в эпоху, в которой информационные технологии являются неотъемлемой частью нашей жизни. Они используются во всех сферах деятельности человека: в науке, медицине, экономике, спорте и, конечно же, в образовании. Люди настолько привыкли к гаджетам, что начинают нервничать, когда под рукой нет смартфона. Особенно это касается представителей поколения Z (поколение людей, родившихся в период 1996–2012 г.) [6], которые сейчас учатся в школах и вузах. Они не застали «время без компьютера» и с трудом понимают, как это – быть не «онлайн 24/7». Часто во время уроков учитель просит убрать телефоны, чтобы никто не отвлекался, и иногда возникают конфликты, потому что дети не желают расставаться с гаджетами. Однако это не значит, что ученикам неинтересен материал. Возможно, что традиционная форма преподавания начала устаревать. Сейчас в школах уже активно используют компьютеры, интерактивные доски и проекторы, что вносит интерактивность в проведение урока. С каждым годом технологии совершенствуются и появляются новые, которые тоже можно использовать в обучении. В частности, сегодня российские эксперты все чаще начинают говорить об использовании смартфонов во время уроков в учебных целях, так как большой популярностью заграницей пользуются приложения дополненной реальности.

Дополненная реальность (Augmented reality, AR) – это среда, которая создается благодаря наложению информации или объектов на воспринимаемый мир в реальном времени. Термин «дополненная реальность» ввел исследователь корпорации «Boeing» Том Кодел в 1990 году. В отличие от виртуальной реальности (Virtual reality, VR), человек не погружается в виртуальный мир, а продолжает воспринимать реальность уже с виртуальными дополнениями. Характерным примером использования дополненной реальности может служить ситуация, когда пользователь смартфона включает специальное приложение и наводит на специальный маркер, находящийся на странице текста или рисунка в буклете или книге, и на экране появляется виртуальный контент: текст, фотография или видео.

Технология дополненной реальности работает при соблюдении нескольких условий:

1) наличие специальных меток – изображений, которые служат идентификаторами для компьютерных моделей;

2) наличие камеры, которая считывает метки в реальном времени и передает сигнал в устройство (телефон, компьютер или планшет) для обработки;

3) наличие сканера, который обрабатывает сигнал и совмещает виртуальные объекты с изображением реальных.

Одним из перспективных направлений применения технологий дополненной реальности в образовании считается использование QR-кодов. QR-код (англ. Quickresponse, QR – быстрый отклик) – это миниатюрный носитель данных, хранящий различную информацию.

Многочисленные исследования доказывают, что использование технологий дополненной реальности в образовании обогащает визуальное контекстуальное обучение, увеличивая содержательность информации. Так, в кратковременной памяти может удерживаться до 80% информации вместо 25% – после традиционных уроков и лекций. Это объясняется тем, что человеческий мозг настроен на обработку образов, а не текста [4].

Можно привести несколько примеров использования технологий дополненной реальности в образовании за рубежом. Например, в Японии в связи с глобализацией очень популярно изучение английского языка. Издательская компания Tokyo Shoseki выпустила учебники английского языка для курса «New Horizon», которые поддерживают приложения дополненной реальности на смартфонах. При наведении смартфона на страницы учебника автоматически воспроизводится диалог или видео. Пользователи отметили удобство работы с учебником и приложением, а также оценили интерактивность. Приложение совершенно бесплатное, и по окончании курса его достаточно просто удалить, хотя оно предназначено только для взрослых, которые желают заново овладеть английским языком [1].

В Тайвани был проведен эксперимент с учениками колледжа, которым дали задание смоделировать фазы Луны. В эксперименте участвовали 104 человека, из которых 41 человек

– юноши (39,42%) и 63 – девушки (60,58%). Целью данного исследования было изучение эффекта предоставления учащимся разнообразного подхода на основе моделирования. Школьники были поделены на три группы: первая группа работала с 2D-анимацией, вторая группа – с 3D-симуляцией, а третья – с AR-технологиями. Результаты анализа ANOVA показали, что школьники, работавшие с AR-технологиями, превзошли две другие группы в изучении фаз Луны, а также продемонстрировали более высокую мотивацию и сосредоточенность на учебных задачах [3].

В Великобритании также постепенно начинают использовать технологии дополненной реальности. В университетах появляется специальная система, которая может предоставить студентам мультимедийное дополнение учебного материала в увлекательной форме. Студенты могут сотрудничать с учебной средой, используя любой физический интерфейс (то есть маркерные карты) или аппаратные устройства (то есть клавиатура, мышь, 3D-мышь) и программные пользовательские интерфейсы (то есть графические пользовательские интерфейсы). Технология была опробована в трех академических отделах разных университетов Великобритании. Британские исследователи также отметили, что технологии дополненной реальности являются перспективным и стимулирующим инструментом для обучения, и что они могут быть эффективны при использовании параллельно с традиционными методами [2].

Россия немного отстает в плане использования технологий дополненной реальности в образовании из-за нескольких причин: во-первых, из-за отсутствия надлежащих приложений, адоптированных к учебникам, во-вторых, из-за недостаточного спонсирования со стороны государства, в-третьих, из-за консервативности некоторых преподавателей, которым больше по душе традиционные методы преподавания. Однако, ученые, увлеченные возможностями AR-технологий, и разработчики программного обеспечения и цифровых гаджетов объединились в Ассоциацию дополненной и виртуальной реальности в России, первое заседание которой состоялось в 2015 году. Кроме этого, некоторые школы Москвы и Санкт-Петербурга уже начали проводить эксперименты, которые показывают положительные результаты и подтверждают гипотезу о том, что при использовании технологий дополненной реальности эффективность изучения какого-либо предмета выше, чем при ведении уроков традиционным способом.

В пример можно привести эксперимент по предмету «Информатика и ИКТ», который описывает А. В. Гриншкун. Этот эксперимент проводился в московской гимназии № 1409 в 2014/15 учебном году среди учеников 5–7 классов (всего 187 человек). Дети изучали особенности работы жесткого диска, так как эта тема показалась педагогам наиболее приемлемой. На уроках использовались специально разработанные 3D-модели жесткого диска и маркеры дополненной реальности. Результат показал явное превосходство экспериментальной группы над контрольной. Также в той же школе и в том же году был проведен эксперимент, в ходе которого оценивался уровень владения учеников технологиями дополненной реальности при выполнении заданий. Показатели экспериментальной группы также были выше показателей контрольной. А.В. Гриншкун отмечает, что на всех этапах экспериментов наблюдался интерес учащихся к предложенной форме обучения. Особенно понравился нестандартный подход к подаче материала и его визуализация при помощи интеграции виртуальных и реальных объектов [5].

Активно используют технологии дополненной реальности в ГБОУ СОШ №17 в городе Санкт-Петербурге, о чем пишут в своей статье директор Т. В. Корниенко и заместитель директора А.А. Потапов. Педагоги используют QR-коды при работе с учениками: для создания банка электронных предметных ресурсов, для работы в группах, викторин, для онлайн-опросов т.д. Учащиеся имеют доступ к вопросам, отвечают на своих или школьных электронных устройствах, а учитель имеет возможность мгновенно отслеживать правильность ответов со своего компьютера. При желании можно выводить результаты на интерактивной доске. Также активно используют QR-коды во внеурочное время, например, их можно найти в школьной газете, чтобы ознакомиться с дополнительным материалом или же перейти

на другую версию газеты. Активно практикуются квесты, в которых ученики с удовольствием участвуют, выполняя различные задания, ища разные подсказки, чтобы перейти на следующий этап. Эта деятельность нацелена на преобразование традиционных школьных пространств в интерактивную «смарт-среду», что соответствует современным тенденциям развития образования в мире. Т.В. Корниенко и А.А. Потапов также отмечают высокий интерес учащихся к обучению, усиление их мотивации к самостоятельной деятельности, повышение их самооценки и т.д. [7].

Кроме того, в данной школе есть отделение дошкольного образования детей, где во время разных дидактических игр также активно используются технологии дополненной реальности. В пример можно привести игру, где дети играют в доктора и пациента. На «пациенте» закреплены маркеры на уровне разных органов (сердце, мозг, кишечник и т.д.). Ребенок в роли доктора наводит свое мобильное устройство на маркер, и появляется ссылка, по которой он может перейти. Там он может увидеть информацию, модель органа, видеоролик и т.д. Также в этой школе активно используют «Quiver». Это 3D-модель раскрасок, предназначенная для дошкольников и школьников начальных классов. Приложение «оживляет» черно-белые плоские картинки и позволяет совершать с ними разные манипуляции, их можно раскрашивать как рукой, так и в графическом редакторе. Дополненная реальность также активно используется по направлению «Спорт». В этой школе проходят соревнования по AR-спорту. Ученики играют в баскетбол и футбол, проходят даже соревнования с другими учебными заведениями. Примечательно, что в таких играх могут участвовать дети с ОВЗ. Однако, чтобы внедрение новых цифровых технологий в образовательный процесс проходило успешно, очень важно, чтобы это происходило параллельно с их интеграцией в личную информационно-коммуникационную среду педагога [8].

Проанализировав опыт зарубежных и российской школ, можно сделать следующий вывод: использование технологий дополненной реальности в образовательном процессе положительно сказывается на учащихся и на усвоении учебного материала. Мы стоим на пороге использования технологий дополненной реальности в обучении, но необходимо двигаться дальше: адаптировать зарубежные приложения, разрабатывать новые учебники, которые бы поддерживали AR-технологии, как в Японии, распространять технологии по всей стране. Здесь уже нужна поддержка со стороны государства, так как экспериментов от учителей-энтузиастов недостаточно, чтобы уровень образования поднялся в России. Нужно также разработать новые методики преподавания предметов с помощью технологий дополненной реальности.

Литература

1. Электронный журнал «ZDNet» («Education with Augmented Reality: AR textbooks released in Japan») (video). URL: https://www.zdnet.com/article/education-with-augmented-reality-ar-textbooks-released-in-japan-video/ (Дата обращения: 13.04.2020).
2. *Liarokapis F., Anderson E.F.* Using Augmented Reality as a Medium to Assist Teaching in Higher Education / Proc. of the 31st Annual Conference of the European Association for Computer Graphics. Linköping: Linköping University, 2010. Pp. 9–16.
3. *Yen Jung-Chuan, Tsaib Chih-Hsiao, Wua Min* Augmented reality in the higher education: Student's science concept learning and academic achievement in astronomy // Social and Behavioral Sciences. 2013. Volume 103. Pp. 165–173.
4. *Артюшкина Т.А., Андреев Р.А.* Использование технологии дополненной реальности в образовании: сб. материалов // Непрерывное профессиональное образование: теория и практика: сборник научных статей по материалам IX Международной научно-практической конференции преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов. Новосибирск: Сибирская академия финансов и банковского дела, 2018. С. 162–166.

5. *Гриншкун А.В.* Об эффективности использования технологий дополненной реальности при обучении школьников информатике // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Информатика и информатизация образования», 2016. №1(35). С.98–103.
6. Исследование Миллениалы и Поколение Z: 4 различия в том, что их волнует. URL: https://clck.ru/MwxB2 (Дата обращения: 13.04.2020).
7. *Корниенко Т.В., Потапов А.А.* Медиаобразование в школе с использованием технологии дополненной реальности // Вестник БелИРО. 2017. №2(4). С. 74–82.
8. *Шапиро К.В.* Личная информационно-коммуникационная среда (ЛИКС) педагога // Школа управления образовательным учреждением. 2015. №5(45). С. 12–13.

ТЕНДЕНЦИИ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ В РОССИИ

Перекрестова В.А., Фурсова П.В.
Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ)
Россия, г. Москва

Аннотация. Ранее цифровые технологии преимущественно затрагивали военную сферу, однако сейчас, захватывая все сферы жизнедеятельности человека, они помогают выполнять обыденные задачи без участия человека. Цифровые технологии развиваются и будут развиваться в геометрической прогрессии ежемесячно. Популярность цифровизации объясняется стремительный ростом развития информационных технологий в России и во всем мире. Однако цифровая трансформация включает не только переход к цифровым технологиям, но также и обуславливает необходимость организационных изменений на всех уровнях управления.

Ключевые слова: цифровизация, информационные технологии, цифровая трансформация, цифровые технологии, инновации.

На данный момент Интернет является основной цифровизации, а передача данных осуществляется через различные гаджеты, поэтому, можно с уверенностью сказать, что цифровизация окружает человека везде и во всем: дома, в учебном заведении, на работе, в больнице, в социальных службах.

Более широким понятием является «цифровая трансформация», которое затрагивает не только внедрение или модернизацию имеющихся технологий, но и включает организационные изменения.

Ключевыми преимуществами цифровой трансформации являются высокие темпы работы и открытие новых возможностей в бизнесе.

В первом полугодии 2019 года Компания DT – Global Business Consulting провела исследование и выпустила отчет под названием «ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ В РОССИИ: ВАШЕ КОНКУРЕНТНОЕ ПРЕИМУЩЕСТВО». В опросе принимали 118 респондентов занимающие высшие руководящие посты в международных и российских компаниях, реализующие деятельность на территории Российской Федерации из разных отраслей бизнеса. Также в опросе и подробных интервью участвовали руководители компаний «Леруа Мерлен», «Domino’s Pizza», «IDC», «Citrix», «Linxdatacenter», бренд «Clinique» и компания «Estée Lauder», «Schneider Electric» и другие.

Компании, реализующие свою деятельность на территории Российской Федерации все чаще внедряют технологии цифровой трансформации, самыми используемыми являются облачные технологии, социальные сети, мобильные технологии и приложения, это объясняется небольшими затратами на создание инновационного проекта, доступностью каждому пользователю (и сотрудникам, и клиентам), а также простотой использования.

Рис.1. Сферы цифровой трансформации

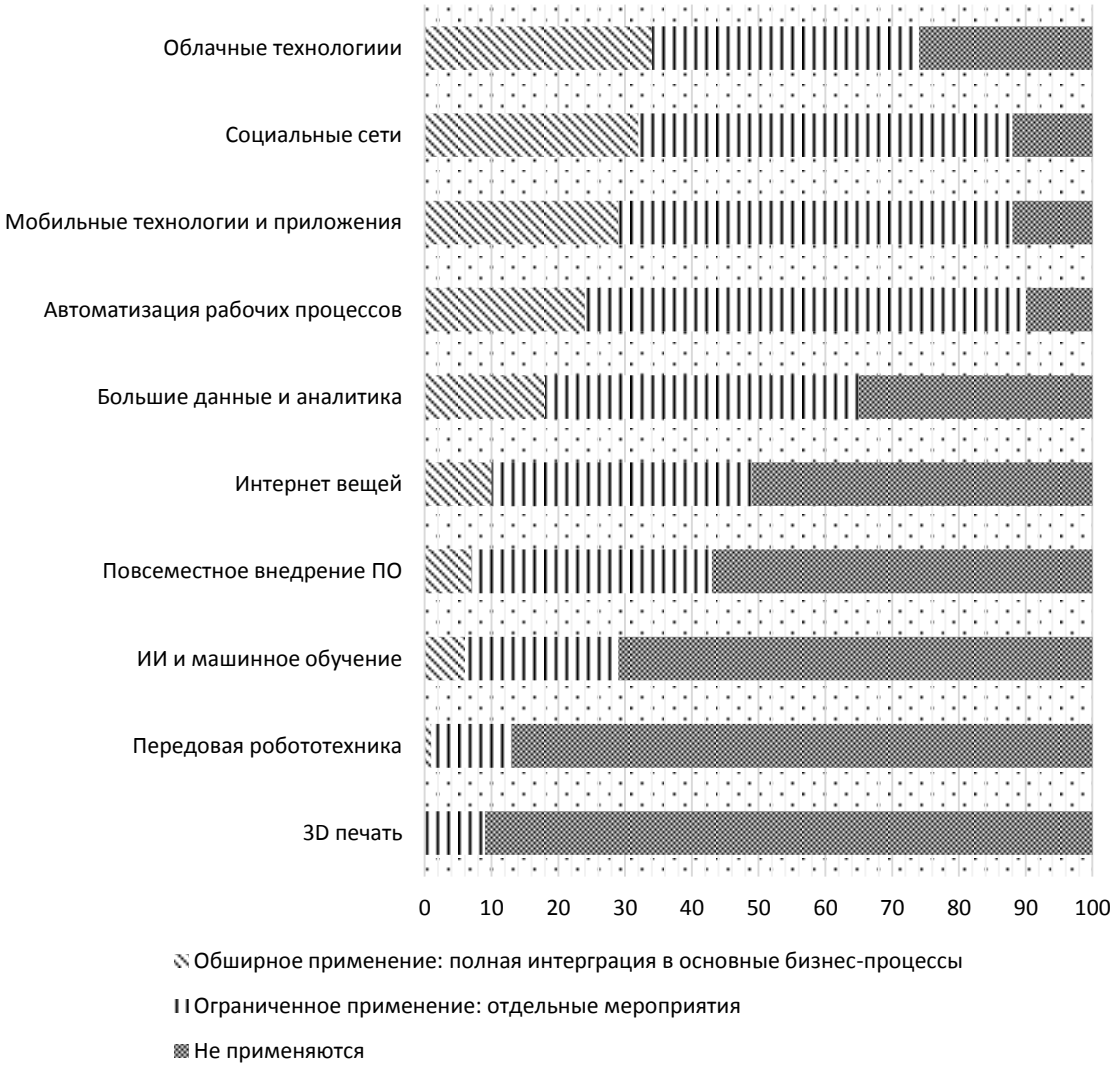


Рис. 2. Внедрение ключевых цифровых технологий на территории России, в %

Не смотря на оптимистичные данные, представленные выше, стоит отметить и барьеры, тормозящие развитие внедрения цифровизации. Основные проблемы, которые отмечают практически 50% опрошенных – устарелые системы, а также недостаточное понимание трансформации и необходимых средств для ее внедрения и развития. Большое внимание руководители уделяют вопросам управления персоналом: респонденты отмечали важность модернизации корпоративной культуры для повышения лояльности персонала и сокращения сопротивления изменениям, чуть меньше опрашиваемых отмечали недостаток квалифицированных кадров с необходимыми знаниями, умениями и навыками (ЗУН). Однако, не смотря на это, исследование демонстрирует, что уже на данный момент в цифровой сфере существуют талантливые специалисты, но их недостаточно: 61% заявил, что талантливого специалиста можно, но для этого стоит приложить усилия и различные ресурсы, а 20% указали максимальную сложность для решения данного запроса. Таланты в новой развивающейся сфере, как правило, имеют ключевое значение, поэтому высокая конкуренция в борьбе за кадры вполне ожидаемая ситуация.

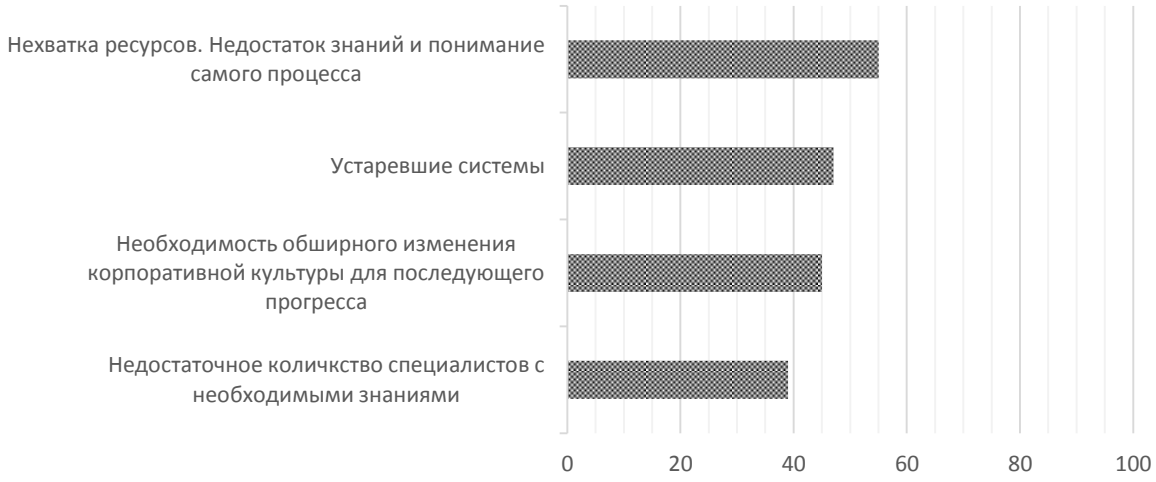


Рис. 3. Основные барьеры цифровизации в Российской Федерации, в %

По материалам IDC выделяются пять этапов цифровизации: рассмотрение возможности, планирование, внедрение, лидерство и разрыв рынка. Рассмотрение возможности характеризует отдельные (как правило, пробные) инновационные цифровые проекты к компании, которые регулируются и поддерживаются руководством. Планирование показывает инициативы цифровизации, которые влияют и поддерживают разработку цифровой стратегии. Под внедрением исследователи предлагали наличие нескольких корпоративных программ, которые на данный момент влияют на экономические результаты. В ситуации, когда ключевые инициативы реализуются, приносят значительные экономические результаты в рамках определённой стратегии, компанию можно считать лидером. Компании с наивысшей степенью цифрового – разрыв рынка – развития приносят значительный социально-экономический эффект и непосредственно влияют на методы ведения деятельности.

Преимущественно, компании в России занимают первые три этапа, лишь у 28% уже имеется положительный экономический результат. Реже опрашиваемые отмечали, что находятся на стадии лидерства – 10%, минимальное количество ответов у категории «разрыв рынка» – всего лишь 1%. Стоит отметить, что степень цифровизации различается и по отраслям: банковское дело и сфера телекоммуникаций стараются максимально использовать цифровые технологии, несколько скромнее результат в розничной торговле и нефтехимической отрасли, минимальный прогресс в горнодобывающей промышленности и металлургии, причиной этого является использование традиционных методов, в следствие

этого, наименьшей необходимостью. В компаниях нефтегазовой отрасли результаты не однозначные – степень трансформации у каждой компании индивидуальна.

Цифровизация непременно затронет все отрасли, требования рынка и конкуренция рано или поздно повлияют на решение руководящих органов осуществить цифровую трансформацию. Данные результаты говорят о том, что на данный момент имеется отличная возможность занять определенную нишу на рынке посредством внедрения цифровых технологий.

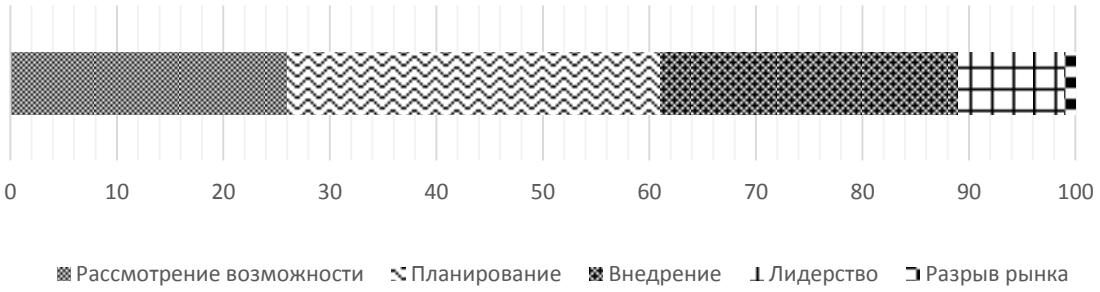


Рис. 4. Реализация процесса цифровизации в России на начало 2020 года, в %

Основные направления цифровизации могут быть как внутренние, так и внешние. Внутренние факторы определяют развитие производства, а также его будущее. Данный аспект касается не только технологического процесса (в случае автоматизации), также можно отнести вебинары, хранение в облаке и многое другое. Коммуникация с клиентами в социальных сетях и чатах, использование чат-ботов и другие насыщенные методы взаимодействия с клиентами напрямую воздействуют на лояльность к компании, именно поэтому многие используют современные методы воздействия на внешнюю среду организации.

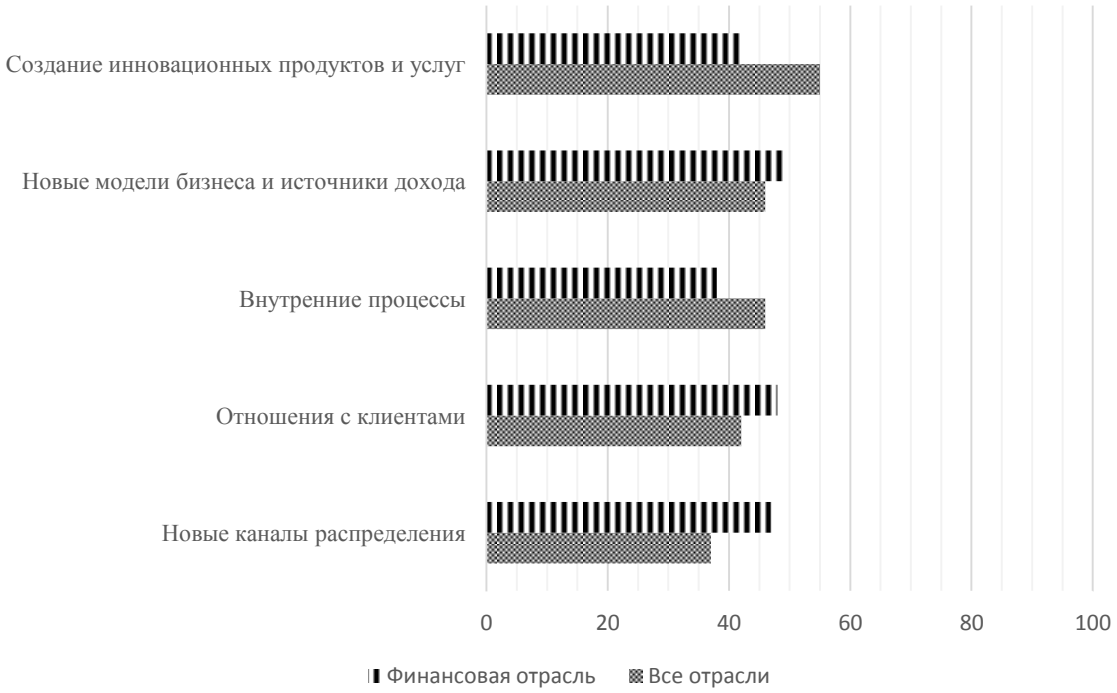


Рис. 5. Основные направления развития цифровизации в России на ближайшие 4 года, в %

Описанное выше исследование отражает начальные этапы цифровой трансформации, однако, сложность цифровизации и перемены, требующиеся для ее внедрения представляют неоспоримые проблемы для компаний. Соглашаясь с важностью цифровизации руководите-

ли отмечают недовольство достижениями в своей компании в данной области – 59%, только 3% удовлетворены настоящим положением, например, руководитель интернет-направления «Леруа Мерлен», который отмечает максимальное удовлетворение развитием компании и характеризует систему как открытую среду для информации.

Большую роль в реализации процесса цифровой трансформации на территории РФ влияет Правительство и действующая правовая система. Власть видит перспективы развития: возможность для ускорения модернизации экономики, обретение независимости от экспорта нефти и газа. Программа цифровой экономики федерального правительства к 2025 году составляет 1,8 миллиарда долларов США. Цифровизация во многом облегчает работу государственным структурам, например, налоги или таможня. Не смотря на это, большинство опрашиваемых отмечает, что нормативно-правовая база недостаточна в некоторых аспектах и создает определенные преграды для реализации, а 48% отметили удовлетворенность в данном вопросе (лишь 3% отметили хорошую поддержку цифровизации).

Компаниям необходимо работать над поддержанием высоких темпов развития инновационных проектов и их внедрением. Цифровая трансформация предполагает последующее повышение производительности, а также привлечение и удержание талантов, так что, кроме развития технической сферы необходимо и развивать сферу работы с персоналом.

Литература

1. Камардина Ю.С. Технология разработки «web-квеста» при изучении английского языка // Научный журнал «Дискурс». 2019. № 6(32). С. 90–96.
2. Набоких А.А. Информационные технологии – основа стратегического развития компаний // Научный журнал «Дискурс». 2019. № 2(28). С. 238–247.
3. Перекрестова В.А., Фурсова П.В. Информационные технологии в организации дистанционной работы персонала // Сборник материалов I Международной научно-практической конференции. 2018. С. 47–48.
4. Цыганкова В.Н. Анализ российского рынка ERP-систем // Научный журнал «Дискурс». 2019. №3(29). С. 154–161.
5. Сайт компании «Citrix». URL: https://www.citrix.com/content/dam/citrix/en_us/-documents/white-paper/digital-transformation-in-russia-keeping-competitive-ru.pdf (Дата обращения: 31.03.2020).

ОБРАЗОВАНИЕ И ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Рахматуллина З.Б.

Башкирский государственный университет,

Россия, г. Уфа

Аннотация. В условиях становления цифровой экономики и глобальной кризисной трансформации из-за пандемии короновируса актуализируются задачи подготовки в стране квалифицированных специалистов, как профессионалов IT-отрасли, так и специалистов во всех областях, владеющих на достойном уровне цифровыми компетенциями. Автор отмечает, что цифровое образование одновременно предоставляет неограниченные возможности и создает связанные с этим процессом проблемы и риски, для решения которых необходимо преодоление отставания образовательных учреждений от бурного развития цифровых технологий, недостаточного уровня квалификации педагогов и постепенное превращение воспитания в общее дело всех звеньев и участников образовательного процесса.

Ключевые слова: цифровая экономика, цифровое образование, онлайн-обучение, воспитание, общение.

Многие страны мира инвестируют в развитие человеческих ресурсов, обеспечивая научный и технологический прорыв для построения современной, называемой цифровой экономики. Под «цифровой экономикой» в интеллектуальных кругах понимается хозяйственная деятельность, «главным фактором производства которой являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результата анализа которых» позволяют повысить «эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг» [1].

Цифровая экономика по мере своего возникновения и становления еще больше актуализировала задачу подготовки в стране опытных специалистов, как профессионалов IT-отрасли, так и специалистов во всех областях, владеющих на достойном уровне цифровыми компетенциями. Термин «цифровая экономика» повлек за собой появление и внедрение в широкий оборот и других терминов, связанных с этим типом экономических отношений, таких как «электронное образование», «электронное обучение», «диджитал технологии» и др. В конце июля 2017 года Правительство РФ утвердило программу «Цифровая экономика», рассчитанную до 2024 года. Основной задачей этого плана является стимулирование развития «сквозных» технологий, среди которых выделяются следующие: большие данные (Big Data), квантовые компьютеры, новые производственные методы, искусственный интеллект. Эти новшества имеют потенциал для преобразования практически всех сфер жизни человека и общества. В проекте отмечены восемь основных направлений их использования: государственное регулирование, информационная безопасность, информационная инфраструктура, подготовка специалистов и цифровое образование, научные исследования и разработки, государственное управление, умный город, цифровое здравоохранение.

Система образования известна тем, что является одним из наиболее консервативных социальных институтов, что объясняется характерным для общества естественным традиционализмом. С одной стороны, благодаря этим качествам образование и общество сохраняют внутреннюю целостность, а также обеспечивают передачу новым поколениям социальных норм и ценностей, с другой – именно консервативность является основным барьером, не позволяющим системе образования ловко реагировать на запросы экономики, эффективность которой заложена в инновациях, а именно в постоянном обновлении. Как видим, динамичные темпы технико-технологических изменений в современном мире создают новые вызовы во всех отраслях, в том числе и в образовании.

Отметим, что на сегодняшний день в российской науке пока не выработаны четкие определения новых терминов «электронное образование», «электронное обучение», «диджитал технологии» и других, обусловленных развитием цифрового образования. Политики, ученые, преподаватели, руководители образовательных учреждений продолжают дискутировать о сущности, содержании и структуре терминов на различных семинарах, совещаниях, конференциях.

Известный философ Б.С. Гершунский рассматривал образование как процесс и результат. Отечественные ученые, именно на основе этого подхода, раскрывают смысл «цифрового образования» с уточнением его сущности (образование как процесс, образование как результат), определяют его составляющие звенья (диджитал технологии, цифровые инструменты, цифровые следы), выделяют системообразующие компоненты (электронная образовательная среда, цифровое развитие организации учебного процесса, цифровые процессы проверки знаний, электронные технологии организации обучения, диджитал контент и др.) [2, с. 33].

Рассматривая нашу действительность, стоит отметить, что пандемия коронавируса резко изменила и продолжает менять нашу жизнь в последние месяцы. Стремительными темпами разрушаются транспортные и производственные цепочки, государства закрывают свои границы и перестраивают основные социальные институты. Значительные перемены происходят и в области образования, оказавшейся на переднем краю глобальной кризисной трансформации. На наших глазах практически за несколько дней полностью остановилось очное формальное образование, но школы и вузы во многих странах не остановились,

а продолжили работу в удаленном режиме. Справедливости ради стоит заметить, что эти изменения накапливались на протяжении последнего десятилетия. Например, быстро росли и продолжают расти глобальные платформы МООС – массовых открытых онлайн-курсов, число их слушателей уже сопоставимо с числом студентов вузов. Люди могут получить доступ и изучать курсы самых престижных университетов мира таких, как Гарвардский, Йельский, Лондонская школы экономики, МГУ, при этом находясь в любой точке нашей планеты. В ведущих вузах мира, включая и некоторые российские, в учебной программе присутствуют сотни онлайн-курсов, в основном – «чужих» профессоров. В школах развиваются цифровые платформы, которые предлагают множество вариантов уроков и самостоятельной работы. Вместе с тем цифровые технологии обучения при всей своей результативности с порога отвергались или игнорировались традиционалистами, а их в системе образования достаточно много. Но в условиях кризиса и вынужденной самоизоляции каждый человек сталкивается с задачей освоения современных технологий.

Ярослав Кузьминов, ректор НИУ ВШЭ, утверждает, что сегодняшний кризис способствует отказу от форм преподавания старого образца. В первую очередь лекций, формат которых сохраняется с XVI–XVII веков. Сегодня стало очевидно, что онлайн-курс – это гораздо более мобилизующая форма, чем обычная лекция, поскольку он обладает большим количеством элементов контроля и обеспечивает более прочное освоение материала. Возможность просмотреть и прослушать такой курс в любое удобное время, не выходя из дома, является существенным преимуществом для обучающегося. Благодаря онлайн-технологиям люди смогут внутри своей образовательной программы выбирать курсы престижных вузов, получать специальность, повышать квалификацию и выстраивать в целом свою образовательную и профессиональную траекторию в течение жизни.

Интернет-технологии сделают образование менее официальным и более распределенным. Производителями просветительского контента станут IT-гиганты. Сейчас в России в эту сферу активно инвестируют такие компании, как 1С, Mail.ru Group, Сбербанк и «Яндекс». Образовательные продукты потеряют университетскую (школьную) академичность, а электронные интерактивные комплексы займут место традиционных учебников, что приведет к появлению образовательной среды, где исчезнет разница между основным и дополнительным образованием.

Более того электронное образование создает безграничные возможности коммуникации, мгновенный доступ к необходимой информации, воспитывают важные навыки по работе с источниками, способствует самостоятельности учащихся в добывании знаний, экономии времени, отсутствию бумажной волокиты, а главное повышает доступность образовательных услуг, включая онлайн-обучение, что является большим плюсом этой системы, особенно для людей с ограниченными возможностями здоровья [3]. Так, например, в декабре 2019 года были представлены результаты второго ежегодного всероссийского социологического исследования «Восприятие онлайн-обучения различными целевыми группами», проведенного в рамках реализации приоритетного проекта «Современная цифровая образовательная среда в РФ», утвержденного в 2016 г. По результатам исследования, 66% россиян считают, что онлайн-обучение способствует постоянному получению новых знаний, 51% – что онлайн-обучение делает качественное образование доступным для всех, а 85% респондентов, представляющих взрослое (+25 лет) население страны, положительно относятся к внедрению онлайн-технологий в процессы обучения [4].

При рассмотрении проблем электронного образования, важно учитывать и прогнозировать проблемы и риски включения цифрового образования, такие как отставание образовательных учреждений от бурного развития диджитал технологий, существенные различия условий образования в учебных заведениях столичных мегаполисов и регионов, городов и деревень, недостаточный уровень квалификации педагогических кадров, отсутствие или недостаток оцифрованных учебных программ и др. Кроме того, стремительные темпы современной жизни, непрерывные технико-технологические новшества добавляют перекосы в порядок воспитания и развития и детей, и молодежи. Более того, обговаривая вопросы

внедрения электронного образования, некоторые российские исследователи высказываются о том, что в цифровом обучении ни о каком воспитании речь не идет, в то время как вместе с обучением они должны составлять две стороны одной «медали» – образования [5].

Исходя из сказанного, вслед за Б. С. Гершунским мы полагаем, что «…образование - это не только и даже не столько трансляция информации (пусть даже самой ценной, самой полезной для формирования личности), не только и даже не столько обращение к интеллекту (но и отрицать это было бы бессмысленно), сколько апелляция к чувствам, к личностно неповторимому духовному миру человека, к его мироощущению, мировосприятию, мировидению... [6, с. 342]. Поэтому необходимо постепенно превратить воспитание в общее дело всех элементов и участников образовательного процесса, обогащая содержание и формы воспитательной деятельности. Поскольку, как писал известный русский православный философ И.А. Ильин: «Образование без воспитания есть дело ложное и опасное. Оно создает чаще всего людей полуобразованных, самомнительных и заносчивых, тщеславных спорщиков, напористых и беззастенчивых карьеристов; оно вооружает безнравственный силы; оно развивает и поощряет в человеке «волка» [7, с. 309].

Следует заметить, вероятность успешного общения студентов и педагогов – социальных общностей высшей школы – возрастает в ходе воспитательного процесса. А особенности той или иной общности проявляются в общении [8, с. 39]. В этой связи Б.Д. Парыгин справедливо отмечает: «…Общность является предпосылкой общения и продуктом его развития. Кроме того, процессы общения дают представление о внутреннем состоянии данной общности и ее отношении с другими общностями» [9]. Общение, как одна из ярких и целостных форм самовыражения (интеллектуального, эмоционального, волевого) личности, трактуется как информационное взаимодействие, взаимовлияние, как эмоционально глубокий способ обмена духовными ценностями. Формирование человека человеком происходит именно в ходе общения. Поэтому первостепенное значение имеет выстраивание правильного подхода, в котором главной фигурой становится обучаемый, при этом воспринимаемый не абстрактно, не как класс или группа, а рассматриваемый на уровне отдельного человека во всем богатстве и многообразии его личностных интересов, потребностей и намерений, когда преподавателю отводится роль ведущего, стремящегося оказывать учащемуся помощь и поддержку в получении знаний и образования, отвергая диктаторские методы прямого воздействия.

Литература

1. *Кешелава А.В.* Введение в цифровую экономику. М., 2017. 28 с.
2. *Вайндорф-Сысоева М.Е., Субочева М.Л.* «Цифровое образование» как системообразующая категория: подходы к определению // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Педагогика. 2018. № 3. С. 25–36.
3. *Рахматуллина З.Б.* Некоторые вопросы дистанционного обучения детей-инвалидов // Социальная стратификация в цифровую эпоху: к 130-летию со дня рождения Питирима Сорокина: XIII Международная научная конференция «Сорокинские чтения – 2019»: Сборник материалов. М.: МАКС Пресс, 2019. 1662 с.
4. Сайт Министерства науки и высшего образования (Марина Боровская: «Самое важное для нас – отработать механизм популяризации инструментов и целей создания современной цифровой образовательной среды»). URL: https://www.minobrnauki.gov.ru/ru/press-center/card/?id_4=2321 (Дата обращения: 31.03.2020).
5. *Вербицкий А.А.* Цифровое обучение: проблемы, риски и перспективы // Электронный научно-публицистический журнал "Homo Cyberus". 2019. №1(6). URL: http://journal.-homocyberus.ru/Verbitskiy_AA_1_2019 (Дата обращения: 31.03.2020).
6. *Гершунский Б.С.* Философия образования: Учебное пособие для студентов высших и средних педагогических учебных заведений. М.: Московский психолого-социальный институт, 1998. 341 с.
7. *Ильин И.А.* Путь к очевидности. М.: Республика, 1993. 309 с.

8. *Рахматуллина З.Б.* О роли общения педагогов и студентов // Ректор вуза. 2012. № 6. С. 38–39.
9. *Парыгин Б.Д.* Анатомия общения. СПб.: Издательство В.А. Михайлова, 1999. 300 с.
10. Информационный ресурс «RBK.RU» (Ярослав Кузьминов: «Вирусная революция: как пандемия изменит наш мир». URL: https://www.rbc.ru/opinions/society/27/03/2020/-5e7cd7799a79471ed230b774 (Дата обращения: 31.03.2020).

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ РОССИИ

Тихонова А.С.
Башкирский государственный университет,
Россия, г. Уфа

Аннотация. В данной статье рассмотрена проблема цифровизации образовательной среды Российской Федерации, обоснована ее важность и актуальность. Также здесь предпринята попытка выявить и описать основные проблемы, сопровождающие процесс цифровизации. Выявлены и обоснованы основные достоинства и недостатки цифрового образования в РФ.

Ключевые слова: цифровизация, образовательная среда, электронное образование, Интернет, онлайн-среда.

Современность характеризуется вступлением человечества в стадию четвертой индустриальной революции. Для данной стадии характерен полный переход на автоматизированное цифровое производство, находящееся под управлением различных интеллектуальных систем в режиме реального времени и в постоянном взаимодействии с внешней средой. Предполагается также, что такое производство выйдет за рамки одного конкретного предприятия и объединит все предприятия в одну глобальную сеть Вещей и услуг.

Россия в том числе не игнорирует глобальные тенденции, и на современном этапе ее развития реализуется большое количество инициатив, целью которых является создание необходимых условия для развития в России цифровой среды в образовательной, экономической, политической и других сферах жизнедеятельности человека, что, предполагается, повысит конкурентоспособность страны, обеспечит ее экономический рост и национальный суверенитет, а также окажет значительное положительное влияние и на качество жизни россиян.

В 2018 году в России были приняты 12 национальных проектов федерального масштаба, разработанные по трем направлениям: «Человеческий капитал», «Комфортная среда для жизни» и «Экономический рост». Данные двенадцать проектов включали в себя, в том числе, и проект «Образование», одной из целей которого является создание современной и безопасной цифровой образовательной среды. Наличие этой цели обуславливается и актуализируется процессами внедрения цифровых технологий во все сферы жизнедеятельности человека, что приводит к исчезновению огромного количества профессий, отсутствие которых в прошлом казалась чем-то на грани безумия. На сегодняшний день даже остатки «старых» профессий претерпевают значительную трансформацию.

Важность цифровизации образовательной среды также объясняется развивающейся цифровой экономикой государства, которая нуждается в компетентных кадрах, для подготовки которых и существует необходимость модернизации всей системы образования и профессиональной подготовки, которая бы соответствовала требования современности. Здесь возникает необходимость внедрения цифровых инструментов учебной деятельности и целостной включенности их в информационную среду, обеспечение возможности обучения

граждан по индивидуальному учебному плану в течение всей жизни – в любое время и в любом месте.

Также в России подходит к концу реализация проекта «Современная цифровая образовательная среда России 2016–2021», целями которого ставилось расширение возможностей для непрерывного образования и создания единого цифрового информационного пространства, а также создание on-line курсов для широких групп лиц, заинтересованных в дополнительных навыках (так называемых soft skills). По данному проекту ожидается, что к концу 2025 года число обучающихся образовательных учреждений, освоивших онлайн-курсы, увеличится до 11 миллионов человек, что составит 10% взрослого населения.

Внедряя масштабные проекты по цифровизации образования, Российская Федерация сталкивается с огромным количеством сопутствующих проблем. К их числу относятся: слабая оснащённость информационно-коммуникационными технологиями населения, проживающего на периферии регионов с низкой плотностью расселения; отсутствие на местах квалифицированных технических специалистов в сфере IT, преподавателей, компетентных в сфере электронного образования. Так в некоторых районах нашей страны до сих пор технические возможности подключения к Интернет-сети остаются слабыми, и даже отсутствуют, в особенности это касается поселков, деревень, сел. Всё это создает ситуацию цифрового неравенства, ситуацию, в которой существует проект по разработке и внедрению различных информационных ресурсов, порталов, онлайн-курсов, но совершенно игнорируется отсутствие компетентных кадров и техническая оснащенность регионов страны.

Так, если рассматривать проценты проникновения сети Интернет в Российской Федерации, можно заметить следующую тенденцию: в период с 2008 по 2018 год характерен рост аудитории Интернета в 3 раза (с 25% до 75,4%). Но, несмотря на такой большой рост, каждый четвёртый житель нашей страны в 2018 году все еще не является пользователем Интернета в силу разных причин (рис. 1). Это говорит о том, что 25% населения России не имеет возможности использовать информационное онлайн-пространство, и, в том числе порталы в целях повышения уровня образованности.

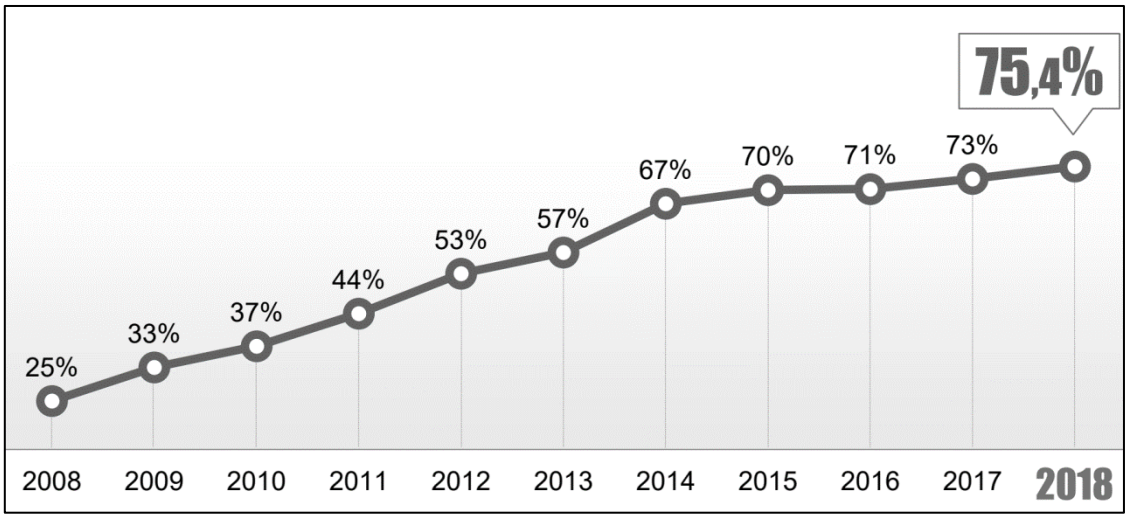


Рис 1. Доли охвата населения РФ сетью Интернет, 2008-2018 гг., в%

Даже если не брать в учет уровень доступности онлайн-среды, современная российская система электронного образования имеет огромное количество недостатков. К числу таких проблем относятся:

– Непонимание преподавателя, каким образом может организовываться, обустраиваться образовательная онлайн-среда. Это приводит к тому, что большая часть информационных материалов, включенных в данную среду, представляет собой лишь копии с офлайн-прообраза, которые не имеют никаких преимуществ перед оригиналом.

– Низкая интерактивность. Большая часть материалов доносится в формате «понял – повторил – запомнил», что обеспечивает низкий уровень остаточных знаний обучающихся. Это объясняется не тем, что электронная образовательная среда не имеет возможностей для организации интересных, интерактивных занятий, а ограниченностью знаний по способам ее использования.

– Недостаточная социализация обучающихся. Даже несмотря на возможность использования интерактивных форм передачи знаний, остается открытым вопрос, насколько в целом системой дистанционного обучения реализуется важнейшая функция классического образования – социализация обучающихся, т.е передача навыков, норм и принципов социального взаимодействия, включенность индивидов в общественные процессы.

Вместе с этим, сказать, что цифровизация образовательной среды представляет собой лишь негативное явление, нельзя, так как данные процессы решают и огромное количество проблем, с которыми сталкивается система оффлайн-образования:

– Повышение уровня доступности образования. Сюда относятся и снятие временных и территориальных барьеров.

– Разнообразие инструментов, средств, способов преподнесения, донесения информации до обучающихся, что способствуют ее понятности и более быстрому усвоению.

– Предоставление обучающимся выбора. Школьникам, студентам предоставляется возможность самостоятельно выбирать способы восприятия информации в зависимости от их индивидуальных возможностей; формата обучения (групповое, индивидуальное с преподавателем, бесконтактное и пр.).

Таким образом, несмотря на большое количество препятствий в развитии образовательной онлайн-среды, в России предлагается и реализуется большое количество инициатив, направленных на модернизацию системы образования в соответствии с требованиями современного информационного общества. Переход к новому технологическому укладу создает для России огромные возможности для выхода на международную арену в качестве сильной конкурентоспособной страны. Главное в данной ситуации не оказаться на периферии глобальной образовательной среды за счет качества своей продукции, языкового барьера, запоздалого выхода на глобальный рынок.

Литература

1. *Устюжанина Е.В., Евсюков С.Г.* Цифровизация образовательной среды: возможности и угрозы. URL: https://vest.rea.ru/jour/article/viewFile/425/387 (Дата обращения: 30.01.2020).
2. Исследование Омнибус GfK: Проникновение Интернета в России. 2017 г. URL: https://www.gfk.com/ru/insaity/press-release/issledovanie-gfk-proniknovenie-interneta-v-rossii/ (Дата обращения: 30.01.2020).
3. Национальные проекты: целевые показатели и основные результаты. На основе паспортов национальных проектов, утвержденных президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам 24 декабря 2018. Москва, 2019.
4. Современная цифровая образовательная среда России. Утвержден президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам (протокол от 25 октября 2016 г. № 9).

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ, БЕЗОПАСНОСТЬ И ВОПРОСЫ СЕМЕЙНОГО ВОСПИТАНИЯ

Туганова Э.А.
Алматинская Академия Экономики и Статистики,
Казахстан, г. Алма-Ата

Аннотация. Статья посвящена актуальным вопросам семейного воспитания в контексте безопасности негативного влияния цифровых технологий на подростающее поколение. Автором был проведен небольшой социологический анализ ответов детей в возрасте от 16 до 23 лет по вопросу о плюсах и минусах цифровых технологий, особо акцентировав внимание на месте и роли интернета, сотовых телефонов в повседневной жизни детей.

Ключевые слова: интернет, цифровые технологии, комьютер, молодежь, безопасность, здоровый образ жизни.

Вопрос о современной цифровизации в контексте безопасности весьма актуален, так как мир вступил в XXI век, век высоких цифровых технологий, который в первую очередь, связан с компьютерными технологиями, поэтому в повседневный лексион прочно вошли и утвердились такие термины как: «цифровое пространство», «цифровые технологии» и «цифровое поколение».

Этот вопрос также актуален в контексте проблем, связанных с одной стороны, с вопросами семейного воспитаниея, а с другой стороны, с безопасностью и ролью родителей в процессе снижения негативного влияния цифровых устройств на жизнь детей и поиска новых возможных путей решения данной проблемы.

Надо признать, что научно-технический прогресс не стоит на месте. Он привносит в нашу жизнь инновационные технологии, которые в свою очередь, оказывают, как положительное, так и негативное влияние, как на жизнь отдельно взятого человека, так и общества, в целом. И этот факт надо признать.

Цифровые технологии, конечно же, способствуют социальному прогрессу, но в то же время стали настоящей угрозой XXI века, особенно сотовый телефон, который дети, буквально, не выпускают из рук.

Ввиду того что, данная проблема не достаточно изучена в современной социологии для написания статьи была отобрана группа респондентов, в основном студенческая молодежь, в возрасте от 16 до 23 лет, которой было предложено написать небольшое эссе на указанную тему. На основе их ответов был проведен социологический анализ, что думает современная молодежь о цифровых технологиях, т.е. попытаться взглянуть на эту проблему глазами студенческой молодежи, так как старшее поколение выросло без компьютеров, сотовых телефонов и интернета.

При написании эссе, детям было предложено рассмотреть вопросы как положительной, так и негативной роли цифровых технологий в жизни общества сквозь призму безопасности. С этой целью был определен следующий вопрос для всестороннего рассмотрения:

Плюсы и минусы цифровых технологий, особо акцентировав внимание на месте и роли интернета, сотовых телефонов в повседневной жизни детей.

Конечно, нет смысла говорить о том, что необходимо отказаться от цифровых технологий, от их негативного влияния, т.к. подводя итоги положительной оценки влияния на жизнедеятельность общества, в большинстве своем детьми были отмечены следующие плюсы цифровых технологий:

– на первом месте практически все дети отметили возможность получения большого количества информации;

– на втором месте это легкость в поиске необходимой информации, в том числе и через google, википедию и т.д., а также в ее хранении;

– далее возможность знакомства и общения со своими сверстниками, в том числе и из зарубежных стран, т.е. интернет превращает жизнь молодежи в постоянное место массового сотрудничества, что безумно им нравится;

– возможность общаться с друзьями и близкими родственниками;

– особо подчеркнули целый ряд удобств, начиная от оплаты коммунальных услуг, шртафов и заканчивая покупкой товаров, услуг, вплоть до заказа билетов, еды и т.д. (ребятам нравятся такие удобства, как безналичный рассчет, отсутствие очередей, потери времени). что в значительной мере облегчает их повседневную жизнь;

– множество обучающих курсов, начиная от кулинарии, иностранных языков и заканчивая игрой на гитаре;

– интернет - игры, т.к. ребенок, у которого много свободного времени не знает чем себя занять, здесь на выручку приходит инернет;

– просмотр сериалов, развлекательных программ;

– можно найти работу и зарабатывать в интернете.

Теперь перейдем к оценке минусов:

– практически все дети отметили интернет зависимость, когда они часами просиживают в вертуальном мире;

– в настоящее время у молодых людей наблюдается тенденция отсутствия взаимодействия и живого общения, прежде всего, с семьей в пользу интернета;

– основная проблема интернета – это доступность и отсутствие ограничений;

– интернет-мошенничество, так как нет большой защиты у пользователей (один из отвечавших студентов отметил, что не компьютер несет в себе угрозу, так как он не является, источником агрессии, а таковыми являются люди, сидящие по ту сторону экрана);

– отсутствует развитие и происходит деградация личности;

– дорожные аварии по вине сотовых телефонов, допускаются нарушения, как со стороны водителей, так и со стороны пешеходов, которые отвлекаются и не следят за транспортным движением;

– отсутствие активного образа жизни, различного рода заболевания, в первую очередь, связанные с ухудшением зрения, а также психологические расстройства – к числу которых относятся: агрессия, вспылчивость, замкнутость;

– развитие лени, так например, заказывая готовую пищу, можно не тратить время на ее приготовление.

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы:

Цифровые технологии прочно вошли в нашу жизнь и утвердились, несмотря на все вышеуказанные минусы. И, увы, надо озознать тот факт, что родители оказались не в состоянии регулировать или контролировать поведение своих детей, которые часами просиживают в интернет простанстве.

Но родители могут и должны сознательно регулировать этот процесс, т.к. компьютеры, сотовые телефоны это технические средства, которые можно с успехом использовать во благо, а не во вред.

И, конечно же, напрашивается вопрос, а как этого добиться?

Необходимо начать работу сначала в семье, затем в образовательной среде, среди молодежи, т.к. эта та самая целевая аудитория, которая в недалеком будущем сама создаст семьи и станет родителями.

В образовательной среде созрела необходимость разъяснительной работы по вопросу цифрового воспитания, так сказать, культуры цифрового восприятия, и начать этот процесс следует с семьи.

И в заключение, следует предложить несколько рекомендаций будущим родителям по вопросу цифрового воспитания молодого поколения:

– во-первых, не приучать детей к сотовому телефону, чуть ли не с рождения;

– во-вторых, родителям необходимо договариваться с ребенком о времени использования и ограничения интернета;

– в-третьих, знать во всем меру, использовать цифровые устройства по необходимости (к примеру, чтобы знать о перемещениях ребенка, когда он возвращается из школы и т.д.);

– в-четвертых, найти альтернативу интернету, это спортивные секции, занятия в кружках, рисование, музыка, танцы, чтение, привить хобби, т.е. чтобы ребенок не ограничивался только интернет - пространством;

– в-пятых, прогулка на свежем воздухе, должна стать привычным делом. К примеру, один из детей - респондентов написал следующее замечание: «Люди перестали выходить на улицы, не видят той красоты, которая начинается с рассветом, и заканчивается с закатом в их родном городе»;

– в-шестых, брать с собой детей, к примеру, за покупками, и, таким образом, с одной стороны, можно оторвать его от комьютера, а с другой стороны найти время для общения с ребенком, совмещая полезное с приятным;

– и наконец, культивировать здоровый образ жизни с активным отдыхом.

И, конечно же, необходимо переложить какую-то часть обязанностей на ребенка, особенно, подросткового возраста, чтобы дать ему возможность прочувствовать себя взрослеющим, самостоятелным, а главное ответственным человеком.

Литература

1. *Солдатова Г.У., Рассказова Е.И.* Безопасность подростков в Интернете: риски, совладание и родительская медиация // Национальный психологический журнал. 2014. С. 39–51.
2. *Толоконникова А.В.* Дети и интернет: проблемы и гарантии информационной безопасности // Медиаскоп. 2015. С. 1–13.
3. *Шпагина Е.М.* Информационная безопасность в контексте защиты прав детей в Российской Федерации // Психология и право. 2016. С. 86–94.

МОЛОДЕЖЬ ЕВРАЗИЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА: СОЦИАЛИЗАЦИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ГЕНДЕРНЫХ ОТНОШЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ КАЗАХСТАНА)

Ашилова М.С.[1], Бегалинов А.С.[2], Бегалинова К.К.[3]

[1]*Казахский университет международных отношений и мировых языков им. Абылай хана,*
[2]*Международный университет информационных технологий,*
[3]*Казахский национальный университет имени аль-Фараби,*
Казахстан, г. Алма-Ата

Аннотация. Авторы рассматривают проблемы гендера и гендерных отношений как социально-культурный конструкт и систему властных взаимосвязей с позиции социологии. Анализируются основные понятия гендера, раскрываются цивилизационные, постмодернистские характеристики гендера и современных гендерных отношений с использованием компаративистских методов. Особое внимание уделяется и на решение гендерных проблем в казахстанском обществе. При раскрытии сложных проблем социологического измерения гендерных отношений, авторы обращаются к исследованиям современных зарубежных и отечественных ученых, всесторонне изучающих проблемы гендера, социальных полов, фемининзма.

Ключевые слова: гендер, социология, социология пола, биологический пол, дисплей, фамилизация, феминизм, эмансипация, полоролевое поведение, идентификация, идентичность.

Развитие современной науки, дифференциация и одновременный синтез знаний, полученных в ходе различных научных исследований предопределили появление множества междисциплинарных наук. Это и философия языка, антропология, социология пола, психология половых различий и многие другие. К ним также можно отнести и современные гендерные исследования, ведь изучение гендера напрямую связано с рассмотрением проблем социализации, самоидентификации, самоактуализации личности, проблем социальной стратификации и субординации, что в конечном итоге приводит нас к рассмотрению социально-философских, политических, социологических, экономических и других подходов к гендеру и гендерным отношениям. Становится важным рассмотрение всех этих аспектов в единстве, выработка единой стратегии и линии развитии, а также методологии дальнейшего исследования.

Огромную роль в развитии современных исследований о гендере играет социология пола – частная социологическая теория, появившаяся в 70-е годы XX века. Социология пола изучает то, каким образом культура и социальная структура опосредуют физические различия между мужчинами и женщинами. В предметную область социологии можно включить «...закономерности дифференциации мужских и женских социальных ролей, полового разделения труда, культурные символы и социально-психологические стереотипы «мужественности» и «женственности» и их влияние на различные аспекты социального поведения, общественной жизни... Автономный аспект социологии пола – социология сексуальности и половой жизни» [1]. Современная социология реализуется на стыке социологии, этнографии, а также не так давно ставшей открытой сексологии.

В рамках социологических исследований важным является вывод о необходимости выведения и освобождения от патриархального давления и стереотипов не только женщин, но и мужчин. Гендерные стереотипы, культивируемые и воспроизводимые в обществе, закрепляют профессиональные роли исключительно за мужчинами, а семейные –

за женщинами, что совершенно не отвечает реалиям сегодняшнего дня. Современная жизнь, характеризуемая демократизацией и гуманизацией всех сфер общественного сознания, представляет собой сложное и многогранное явление, упрощенные модели поведения в ней значительно ограничивают наши возможности и линии личностного развития, либо же вовсе не находят отражения. Женщины стараются не полностью реализовывать себя в профессиональной сфере, оставляя профессиональный вакуум открытым, мужчины испытывают стресс из-за повышенной ответственности за материальное обеспечение семьи и не реализуют себя в полной мере во внутрисемейной жизни. Проведение социологических исследований, направленных на выявление оптимальных условий для реализации личностного потенциала человека, вне зависимости от половых различий стали наиболее актуальными в вопросах социологии пола и гендерных исследований. Если раньше большинство объяснительных моделей в рамках традиционной социологии пола базировались на постулате, утверждающем, что дифференциация социальных ролей женщин и мужчин является следствием и естественным продолжением принципиальных различий их биологической конституции, то сегодня этот казалось нерушимый постулат подвергается всесторонней критике и критическому анализу.

Можно выделить несколько социологических постклассических теорий, оказавших существенное влияние на современные гендерные исследования. Это социально-конструктивистский подход П. Бергера и Т. Лукмана, этнометодология Г. Гарфинкеля и драматургический интеракционизм И. Гофмана.

Теория социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана основывается на признании существующей реальности как одновременно объективной и субъективной. Она отвечает требованиям объективности, поскольку существует независимо от индивида. Но она в то же время и субъективна, поскольку постоянно создается им. Половую принадлежность человека тоже необходимо признать в качестве социальной конструкции, ведь гендер – это в первую очередь системная характеристика социального порядка, повседневный мир взаимодействия мужчин и женщин, воплощенный в практиках, представлениях, предпочтениях бытования. Отказаться от этого порядка невозможно – он постоянно воспроизводиться и в структурах сознания индивида, и в структурах его действия и взаимодействия.

Особенностью данного подхода является то, что он акцентирует внимание на активности индивида, ведь создание нечто нового подразумевает собой возможность изменения социальной структуры, социальной действительности. Субъект создает гендерные правила и гендерные отношения, а не просто усваивает и воспроизводит их. Таким образом гендерная идентичность и гендерные отношения, с одной стороны, являются объективными, в некоторой степени зависимыми от биологических данных субъекта, но с другой субъективными, поскольку конструируются самим индивидом каждую минуту его жизни.

Второе отличие данного подхода заключается в том, что гендерное отношение понимается не просто как различие-дополнение, а как конструируемые отношения неравенства, в рамках которых мужчины занимают доминирующие позиции. Дело не только в том, что в семье и в обществе мужчины выполняют инструментальную, а женщины – экспрессивную роль (Parsons, Bales), а в том, что исполнение предписанных и усвоенных ролей подразумевает неравенство возможностей, преимущества мужчины в публичной сфере, вытеснение женщины в приватную. При этом сама приватная сфера оказывается менее значимой, менее престижной и даже репрессированной в западном обществе периода модерна.

Ситуация меняется в эпоху постмодерна, призывающего к тотальной деконструкции действительности. Ломаются гендерные иерархии, гендерные стереотипы и правила полоролевого поведения. Становится очевидным факт «производства гендера» (doing gender) и необходимым его производство вне коммуникативного и психологического давления.

Подход, разработанный Г. Гарфинкелем отсылает нас к ставшему уже известным примером с трансексуалом Агнес. Будучи от природы мужчиной и воспитываемый в духе мужской социализации, Агнес в 18-летнем возрасте решает сменить пол. Личностный кризис, предшествовавший этому, убедил окружающих в необходимости поступка: «ошибка приро-

ды» дорого стоила Агнес – его везде принимали за женщину и сексуальные предпочтения, которые он испытывал были сексуальными предпочтениями гетеросексуальной женщины. Уйдя из дома, поменяв город и полностью изменив внешность, Агнес уговаривает хирургов провести хирургическую операцию по смене половых органов. Операция проходит успешно, Агнес отныне – полноправная женщина. Через некоторое время у неё появляется долгожданный партнер мужского пола, но вместе с ним появляется и проблема – как стать настоящей женщиной? «Ей очень важно, чтобы её никогда не разоблачили – это залог её признания в обществе, её вписывания в рутину повседневности. Это задача, которую новая молодая женщина должна решить, не имея «врожденных сертификатов» женственности, не имея изначально женских половых органов, не пройдя школу женского опыта, который известен лишь частично, поскольку во многом незаметен в материи человеческих взаимоотношений» [2]. Решая эту проблему, Агнес волей-неволей сталкивается с задачей социальной конструкции самой себя. Именно эту конструкцию Г. Гарфинкель заключает в основу своего анализа, конструкция того, как можно стать настоящей женщиной, не имея к этому врожденных данных.

Случай с Агнес вызвал широкие дискуссии в кругах философов и социологов. По-новому стали смотреть на категорию пола (sex) и половых различий. Для того, чтобы выяснить, каким же образом создается, конструируется и контролируется гендер в рамках социального порядка, исследователи аналитически различают три главных понятия: биологический пол (sex), приписывание пола (категоризация по полу) и гендер (Уэст, Зиммерман).

Биологический пол – первичная категория идентификации индивида включает в себя совокупность всех биологических половых признаков. Она дает нам первое впечатление о человеке, не обязательно верное. Категоризация по полу или приписывание пола имеет исключительно социальное происхождение. Ребенку с раннего детства прививают идеалы и нормы, связанные с его биологическим полом. Агнес вышла из данной траектории, его категоризация по полу оказалась ошибочной, как и свой биологический пол она называет ошибкой. Ей приходится самой выстраивать собственный гендер, но учитывая устоявшуюся в обществе практику категоризации по полу. «Гарфинкель называет Агнес методологом-практиком и истинным социологом, потому что, попадая в проблемную ситуацию гендерного сбоя (gender trouble), она начинает осознавать механизмы «делания» социального порядка. Её опыт, фиксируемый и анализируемый Гарфинкелем и его исследовательской группой, приводит к пониманию того, что социальный порядок держится на различии мужского и женского, т.е. он гендерно сконструирован» [2].

Таким образом оказывается, что гендер представляет собой не только привычное нам различение по полу и следование этому различию, но и базовую характеристику жизнедеятельности человека, основу его межличностного общения. Осмысливая процесс строительства гендера в условиях межличностного взаимодействия, И. Гофман вводит понятие «гендерного дисплея». Используя понятие гендерного дисплея, конструктивисты вслед за И. Гофманом утверждают, что гендерные отношения невозможно свести к исполнению половых ролей, что механизмы гендера более тонки, и гендер нельзя сменить, подобно платью или роли в спектакле, он сросся с телами агентов взаимодействия [2]. Дисплей – это многообразие представления и проявления мужского и женского во взаимодействии. Гендерная игра выучена актерами давно, она срослась с их жизнями, поэтому она выглядит естественным проявлением их сущности – выражением не социального, но естественного, т.е. биологического пола. В этом и заключается загадка конструирования гендера – каждую минуту участвуя в этом маскараде представления пола, мы делаем это таким образом, что игра кажется нам имманентно присущей и отражающей нашу сущность.

Дисплей, проявляющийся в многообразии жестов, мимической игре, в материально-вещном оснащении исполнения, не является продолжением анатомо-физиологического пола, поскольку он не универсален, а культурно детерминирован. Разные широты, разные истории, разные расы и социальные группы обнаруживают разные дисплеи. И это подтверждает отча-

сти мысль о том, что гендер неразрывно связан как социумом, так и с властными отношениями, царящими в нем.

Цель игры в гендер заключается в том, что, создавая его, партнеры по коммуникации должны быть правильно идентифицированы, т.е. как женщины или мужчины с уместным стилем и поведением в конкретной ситуации. Быть мужчиной и женщиной и проявлять это в дисплее – значит быть социально-компетентным человеком, вызывающим доверие и вписывающимся в коммуникативные практики, приемлемые в данной культуре. Всякое ситуативное поведение, всякое сборище (gathering), по И. Гофману, мыслится как гендерно окрашенное. Официальная встреча, конференция, банкет – один ряд ситуаций; деловой разговор, исполнение работы, участие в игре – другой. Воспитательные практики, сегрегация в использовании институциональных пространств – еще одна групп примеров. Гендерный дисплей представляет собой совокупность формальных конвенциональных актов взаимодействия.

В психологии гендера акцент скорее делается не на формализме гендерных игр и их постоянном воспроизводстве, а на глубоких психологических различиях и единстве полов. Признание за женщиной права на реабилитацию, право на голос, право на свободу и выбор означают признание за ней человеческих качеств, равных мужчинам. «Отношения между мужчиной и женщиной – между мужчинами и женщинами – это прежде всего отношения между людьми», – вполне справедливо отмечает Э. Фромм, рассматривая проблему женского в работе «Мужчина и женщина» [3, с. 3]. Оба пола – есть человеческие существа и потому, то плохое, что может сделать одно человеческое существо другому – так же плохо и в отношениях между полами, и наоборот – все хорошее в отношениях, хорошо и для обоих полов. Основная проблема, которая стоит перед всеми человеческими существами женского пола, по мнению Э. Фромма, – это проблема поражения, причем поражения, которые женщины терпят на протяжении огромного количества времени. И чем сильнее и активнее становится борьба за свободу и эмансипацию женского, тем острее она ощущается в нашей современной культуре.

В попытках найти истоки женского угнетения, Э. Фромм обращается к библейской истории о Вавилоне. Именно здесь, по мнению ученого, мы не находим мужского бога, не находим господства мужчин, но встречаем Tiamat – женское божество, правление которое характеризовалось гармонией, мудростью и теплотой. Однако, подобная ситуация длилась недолго. Сыновья Tiamat, окрыленные жаждой власти и первенства, свергли её, установив на долгие тысячелетия господство мужских богов.

Если превосходство и ценность женщин в матриархальном обществе выражалось в их способности производить на свет детей, то мужчина смог это переиначить – он производит на свет творения своим словом и духом. «Библейский миф о сотворении мира начинается там, где заканчивается вавилонская история. Бог сотворяет мир своим словом, чтобы убедительно подчеркнуть превосходство патриархальной культуры над матриархальной, и библейская история сообщает нам о происхождении Евы из ребра мужчины, а не мужчины от женщины» [3, с. 5].

Философы и общественные деятели XVIII-XIX вв., аргументируя защиту женского и необходимость установления равенства между полами, провозгласили следующий постулат: «не существует психологических различий между полами», «души бесполы». Подобный взгляд, ложный в своей основе, ведущий к стиранию различий между полами, а значит к их полному отождествлению, «приводит к обнищанию нашей культуры, т.е. к «автоматизации» индивидуума и утрате того, что является самым ценным компонентом человеческого существования, расцвета и развития особенностей каждого человека – его индивидуальности» [3, с. 8]. Это отчетливо проявляется и в нашей современной культуре, в которой женщины стараются вести себя как мужчины, мужчины, соответственно, как женщины, стирая нерушимые прежде границы различий и индивидуальности.

Э. Фромм дает крайне негативную оценку, происходящим в современном обществе явлениям, «мужской и женский принципы в мире, во Вселенной и в каждом из нас – являются

двумя полюсами, которые должны сохранить свои различия, свою противоположность, чтобы создать плодотворную динамику, производительную силу, которая соответствует этой полярности» [3, с. 9]. Увидеть различия и сохранить их – вот основа будущего процветающего общества, общества не одномерных и однополых существ, а общества, в котором оба пола в равной мере имеют возможности реализации своих способностей и индивидуальных качеств.

Ещё одной негативной тенденцией современного общества Э. Фромм называет «ориентацией на маркетинг». Отношения между мужчиной и женщиной, отношения между людьми так низки и настолько плохи, что ещё более нижнего предела ученый не видит. Современный человек, заурядный человек - одинок и это тотальное одиночество пронизывает все сферы общества, все сферы духовности. Становится важным показывать не отличия и не свою уникальность, а наоборот – тождественность всем и соответствие общепринятым маркетинговым брендам. Это напрямую касается и отношения между полами, где погоня за успехом и признанием сместили более объемлющее и значимое слово «любовь». Человек нуждается в другом, том, который постоянно бы говорил: «Ты просто превосходен, ты в порядке, ты делаешь это как надо». А основой к подобному признанию и «любви» послужил бы успех в выборе надежного партнера. «Нужно самому быть супермоделью, ибо только тогда ты имеешь право и обязанность влюбляться в супермодель» [3, с. 10].

Ещё одной гранью маркетинговой ориентации, которая неизбежно влияет на взаимоотношения между полами, является – несовместимость общепринятых ролей. Так, мужчина на работе, в деловой обстановке должен быть агрессивным, дома – нежным и заботливым. Он должен жить работой и зарабатыванием денег, но, приходя домой вечером, он не должен быть уставшим. С конкурентами он должен быть бесцеременным, сильным и хитрым, тогда как с женой и детьми – кристально чистым, искренним и снисходительным. Он постоянно должен играть роли, которые плохо согласуются друг с другом, а порой и вовсе противоречат. То же касается и женщин. Играть свои роли - роли, предписываемые обществом, а не жить своей ролью уникального человека – причина духовного и морального упадка современного общества. Союз, в который вступают подобные мужчины и женщины, недолговечен, ведь со временем их одолевает неизбежная скука. «На мой взгляд, слову «скука» не уделяют должного внимания. Мы говорим о различных вещах, с которыми сталкивается человек, но редко говорим об ужаснейшей из всех, о том, что начинаешь скучать, оставаясь наедине с собой и, что ещё хуже, находясь среди таких же людей» [3, с. 12].

Отсутствие нежности – этой важной и неотъемлемой составляющей любви – становится все более явным и открытым. Даже в современных фильмах увидеть настоящую нежность между партнерами, между родителями и детьми, между людьми – большая редкость. «Я не собираюсь утверждать, что мы не способны на нежность. Я лишь хочу сказать, что наша культура лишает нас мужества быть нежными». Нежелание признать различия между полами, не понимание, не любовь, не нежность, но тотальная скука, типизация и одиночество стали верными спутниками современного человека, человека «успешного и признанного» [3, с.15]. По мнению Э. Фромма, только тот, кто не мучает себя вопросом: «А правильно ли я играю свою роль и добился ли я успеха?» – именно тот познает глубокую продуктивность различий между полами и между людьми, заложенную в каждом отдельно взятом человеке.

Гендерный подход – объективный родовой признак политической культуры, свойственной активной представительной демократии, суть которого – учет интересов обоих социально – половых групп общества [4, с. 71]. Суть данного подхода состоит в том, чтобы найти специальные меры для достижения гендерного равенства. Явления, которые происходят в обществе, по-разному влияют на женщин и мужчин, вызывая разные их реакции. Осознание этого и есть гендерный подход.

Гендерный подход интенсивно внедряется и в современное образование. Это происходит по двум направлениям: одно из них – высшие учебные заведения, а второе – общеобразовательные школы, лицеи, гимназии, учреждения начального и среднего профессионально-

го образования. Данная тенденция возникла благодаря определенным факторам: социально – культурным, политическим, организационно – финансовым и личностным.

Социально – культурные факторы связаны с изменениями в жизни общества, ролей и поведения в семье, изменениями самого дискурса в обществе о типично женском и типично мужском. К политическим факторам относят активизацию независимых женских организаций, проникновение феминистических теорий. Под организационно – финансовыми факторами подразумевается появление финансовых источников для гендерных исследований, поддержки гендерного просвещения преподавателей. Личностный фактор – это появление сторонников гендерного подхода в образовании среди педагогов – ученых, разработка ими программ и учебных пособий.

Важной для применения гендерного подхода как такового в учебно-воспитательном процессе представляется теория асинхронной эволюции полов доктора В.А. Геодакяна и положения современной психофизиологии. Автор этой теории считает, что дифференциация полов возникла в ответ на две противоположные тенденции. Первая – это потребность системы сохранить то, что уже было создано, закрепить те признаки, которые выгодны и передать их по наследству. Вторая тенденция – необходимость дальнейшего прогресса и поиска изменений. Эти две тенденции воплощаются в делении всех живых существ на женские и мужские особи. А это деление дает ощутимую выгоду в реализации обеих тенденций. Женщины являются носителями консервативных признаков, а мужчины – эволюционных. Именно поэтому разброс врожденных признаков у женщин значительно меньше, чем у мужчин. Данная теория доказывает то, что, организуя педагогическое взаимодействие без учета половых особенностей обучающихся, преподаватели обрекают их на одностороннее развитие, так как отсутствуют знания о психофизиологических возможностях ребенка. Экспериментальные исследования показали, что наиболее неуспешными в современной системе обучения являются правополушарные мальчики, а наиболее успешными – левополушарные девочки. Наиболее приемлемыми для девочек, особенно левополушарных, являются объяснительно – иллюстративный и репродуктивный методы обучения; академическая подготовка к уроку; задания, ориентированные на механическое запоминание, вербальные способности. При обучении мальчиков, особенно правополушарных, нужно использовать эвристический, исследовательский и проблемный методы; решение пространственных задач, ориентацию на практическую информацию; творческую деятельность.

Особую значимость гендерная теория получила в современной политологии. Социальная политика, понимаемая как деятельность государства с целью согласования интересов различных социальных групп через перераспределение ресурсов общества, являлась и является универсальной формой воздействия на социальную сферу и социальные отношения в обществе. Под гендерными аспектами социальной политики чаще всего понимают подход, основанный на антидискриминационных политических практиках в отношении женщин, или же подход, анализирующий положение женщин в рамках семейной политики. То есть, так или иначе, под гендерным подходом в социальной политике, в основном, подразумевают анализ практических политических решений и последствий их принятия для различных социальных групп женщин с несовершеннолетними детьми. Однако, понятие «гендер», являясь фундаментальным измерением социальных отношений, таким же как возраст, национальность, классовая принадлежность и т.д., предполагает наличие в обществе как минимум двух гендеров, мужского и женского.

Гендерные аспекты социальной политики предполагают рассмотрение широкого круга социальных вопросов, касающихся социальных интересов женщин и мужчин, как представителей разных социальных групп общества. Суммируя, можно сказать, что гендерный подход в социальной политике направлен на выявление, критику и устранение механизмов воздействия социальных программ и политических действий, усугубляющих или воспроизводящих гендерное неравенство.

Чаще всего социальное положение женщин, как и социальную политику в отношении женщин, рассматривают в рамках фамилизации. Фамилизация - это подход, в рамках которо-

го социальное положение женщины рассматривается через призму семейной политики и интересов семьи. Не случайно, большинство департаментов, министерств и комитетов, занимающихся социальной защитой и социальным обеспечением, называются «управлениями по делам семьи, женщин и детей». При таком подходе государство снимает с себя ответственность за ряд проблем, возникающих в рамках семьи. В таких случаях проблемы домашнего насилия, разного рода зависимости членов семьи от фигуры «кормильца» и т.д. – не попадают в поле зрения государства и общества и не решаются.

Реакцией на идеологию фамилизации является феминистская идеология дефамилизации. Дефамилизация – это уже подход, в рамках которого социальное положение женщины определяется как процесс создания таких условий, в которых они могут поддерживать свой статус и приемлемый стандарт жизни вне зависимости от наличия семьи и внутрисемейных отношений. Это такой статус, который гарантирует приемлемый стандарт жизни, поддерживающийся либо через оплачиваемую работу, либо через систему социального обеспечения.

Государства, проводящие подобную социальную политику, называют «государствами, дружественными женщинам». Этот термин используется для характеристики государств, политика которых стремится к ликвидации всех форм и последствий гендерной дискриминации. В исследовательской литературе это понятие используется как своего рода индикатор, тестирующий социальную политику государств по двум направлениям:

– наличие специальных социальных программ по дефамилизации (развитие сети дошкольных учреждений, системы пособий, индивидуальных пенсий и т.д.);

– степень вовлечённости женщин в сферу принятия политических решений.

С указанной точки зрения полезно проанализировать казахстанскую социальную политику. Социальная политика Республики Казахстан является производной от советской практики социальной политики. Дело в том, что социальная политика советского государства осуществлялась, исходя из идеологических установок и меняющихся экономических приоритетов государства.

При этом социальная политика на протяжении всей советской истории не рассматривалась как средство решения социальных проблем, ибо считалось, что социальные проблемы исчезнут автоматически по мере развития социализма, который обеспечивает постоянный рост благосостояния народа. Следует признать, что советская модель социальной политики была чрезвычайно эффективной при жесточайшей нехватке ресурсов, то есть во время индустриализации, Гражданской и Отечественной войн, в послевоенный период. Поэтому, к 60-м годам XX в. в СССР была создана одна из самых лучших на тот момент систем социального обеспечения в отношении равенства доступа, объема и качества услуг.

Однако, даже в 60–70-ые годы, когда социальная политика была приоритетной в политической деятельности советского государства, проблемы гендерного равенства, наличие структурного неравенства в доступе и распределении ресурсов между женщинами и мужчинами не обсуждались и не становились направлениями социальной политики. Вообще, вопрос о гендерном равенстве, понимаемом как комплексная социальная политика и практика, основанные на законодательно закрепленных правах женщин и мужчин, на равном распределении экономических, политических и социальных ресурсов общества между мужчинами и женщинами, гражданами одного государства; направленные на преодоление структурного неравенства в положении отдельных социальных групп женщин и мужчин, нуждающихся в дополнительных гарантиях для защиты своих прав и интересов; в истории казахстанской политики никогда не ставился.

Конечно, социальная политика советского государства была основана на идеологеме равенства, в том числе и равенства полов. Но социальная практика осуществления политики равенства полов сталкивалась с реалиями демографической ситуации и последствий государственной экономической политики. Демографическая ситуация на протяжении почти всего периода существования Советской власти связана с существенным демографическим «перекосом» полов - реальной нехваткой мужчин. Из-за войн, революций и репрессий многие поколения советских женщин выросли и прожили жизнь в условиях конкуренции

за мужчину. А это значит, что, несмотря на усвоение женщинами моделей самостоятельного поведения в публичной сфере, в приватной сфере женщины вынуждены были ориентироваться на традиционные гендерные стереотипы женского поведения.

В конце 60-х годов этот демографический перекос начал выравниваться. На сегодняшний день практически впервые в советской и постсоветской истории Казахстана выросло поколение женщин, не испытывающих сложностей, вызванных недостатком мужчин.

Этот небольшой экскурс в историю советской демографии полов был сделан для объяснения того факта, что, хотя советская система социального обеспечения была по сути своей эмансипаторской и дефамилизационной, это не привело к гендерному равенству, к созданию государства, дружественного женщинам.

Если в советское время функционирование традиционных гендерных стереотипов, часто сексистских, имело скрытую форму и маркировалось как предубеждения, которые не осмеливались публично озвучивать за их откровенно сексистский, мизогинистский, дискредитирующий женщин характер, то в постсоветское время имеет место широкое распространение сексизма в СМИ на фоне свертывания и отмены многих социальных программ и льгот по дефамилизации.

Необходимыми составляющими осуществления социальной политики гендерного равенства являются следующие элементы:

– политическая воля к реализации мер по достижению равного распределения экономических, социальных и политических ресурсов между женщинами и мужчинами;

– наличие ресурсов для осуществления этой политики;

– наличие публичной рефлексии необходимости проведения социальной политики гендерного равенства.

Именно последний аспект представляется наиболее важным, ибо как показывает история советской социальной политики, дефамилизационные практики социальной политики не приводят к гендерному равенству. Поэтому для преодоления существующего структурного неравенства в положении отдельных групп женщин и мужчин необходима общественное осознание и обсуждение гендерного неравенства в публичной сфере. Этот этап является, на наш взгляд, первоначальным в социальном механизме реализации и продвижения политики гендерного равенства.

Таким образом, осознание социальными группами женщин и мужчин своей коллективной идентичности является важнейшим шагом в достижении гендерного равенства и осуществлении гендерно-ориентированной социальной политики. Актуальной задачей становится публичная рефлексия гендерных проблем в поле российской социальной политики.

Гендерные исследования в целом – это радикальное переосмысление жизни женщин с позиций их собственного опыта, направленного на их самоактуализацию, самораскрытие духовных потенций. Главной целью исследований является выяснение, критический анализ и изменение тех практик, что приводят к дискриминации женщин – в семье, в профессиональной деятельности, в сексуальной или духовной жизни. Эти исследования направлены на трансформацию несправедливых законов, норм и даже обычаев. При изучении проблем женщин во всём многообразии стилей и условий жизни на первый план выдвигаются не только расовые и классовые различия, но и различия в сексуальной ориентации. Можно выделить три основных подхода в гендерных исследованиях. Первый подход связан с жесткой фиксацией мужских и женских ролей, которая угнетает как мужчин, так и женщин. Следует заметить, что женщины при отсутствии супружеской и материнской роли попадают в категорию лиц с девиантным поведением. Второй подход рассматривает проблемы равного статуса полов. Признание же равнозначности ролей становится одним из препятствий для самореализации как мужчин, так и женщин. Поэтому, при требовании равного статуса необходимо учитывать специфику мужского и женского пола. В рамках третьего подхода отмечается, что в социально-сконструированном мире не должно существовать социального конструктивизма в отношении женского как специфически природного. Общеизвестно, что гендерные отношения детерминируются обществом, культурой, классо-

вой принадлежностью, возрастом и т.д. Таким образом, гендер выступает сложным многоуровневым явлением.

Термин «гендер» впервые появился в начале восьмидесятых годов XX века. Закрепление этого понятия связывается с Дж. Скотт, которая в своей статье «Гендер: полезная категория исторического анализа», предприняла попытку дать дефиницию этого понятия, раскрыть его содержание и сущность, определить роль и место в социальной системе. В современной научно-исследовательской литературе существует множество определений гендера. В широком смысле, под гендером понимается социальный конструкт пола, опираясь на который, анализируют причины и условия, сохраняющие неравенство между мужчиной и женщиной. В узком смысле, гендер сводят к различным аспектам взаимоотношений между полами. «Гендер как социальный аспект отношений полов – это понятие, которое отличается от биологического понятия пола (sex)… Гендер конструируется и выражается во многих сферах социальной жизни. Он включает культуру, идеологию и дискурсивную практику, хотя и не сводим к ним. Гендерное разделение труда в домашнем и оплачиваемом труде, организация государства, сексуальность, структура насилия и многие другие аспекты социальной организации влияют на гендерные отношения», – отмечается в статье Р.Б. Жалимбетовой [5]. Гендер определяют и как «набор социально заданных характеристик личности, ожиданий по поводу её поведения, поддающихся социальной корректировке» [6, с. 65]. Как видим, гендер может быть применим как к изучению женских, так и мужских проблем.

В современных исследованиях гендер выступает как двоякая категория – с одной стороны он фиксирует одновременно отношения полов в конкретном социально-историческом ситуационном контексте и в этом смысле предстает как категория процесса, категория социального конструирования, является обучением, «вхождением» в роль, овладением поведенческими действиями, соответствующих или несоответствующих определенному гендерному статусу; а с другой – представляет попытку «снять» иерархичность этих отношений и представить гендер некоей структурой, особенно структурой поведенческих моделей и, в первую очередь, структурой господства и подчинения, оплачиваемого и неоплачиваемого (домашнего) труда, а также сфер социального пространства – публичного (мужского) и приватного (женского).

В западном обществе гендер прочно занимает важное место в системе социокультурных отношений. Для нашего общества гендер, как социокультурная проблема, особую значимость приобрел в восьмидесятые годы XX века, когда Казахстан вошёл в новое социальное пространство, называемое рыночной экономикой, положившей начало процессам реформирования всех сторон жизни общества. Цементирующую основу этих процессов составили демократизация, гуманизация, глобализация, которые положили начало переосмыслению и пересмотру ценностно-нормативных отношений, затрагивающих сферу семьи, межличностных отношений и взаимоотношения полов. Казахстанская семья, как и все постсоветские, оказалась в крайне затруднительном состоянии, поскольку не была готова принять натиска новых социальных бурь и, последовавших за ним, перемен. Поэтому, в первые годы независимого развития в нашей стране доминировали деструктивные процессы – социальная патология, нестабильность семьи, рост количества разводов, малодетность, обострение межполовых отношений, возникающих на почве безработицы и т.д.

В этих условиях социальной потребностью, необходимостью стали комплексные исследования семьи, взаимоотношения полов – гендерные исследования, которые на теоретико-методологическом уровне, обобщив опыт существования семьи в условиях постсоветского общества, вырабатывали рецептурно-практические рекомендации развития семьи, отношения между полами, отвечающие современным социальным реалиям. Как видим, эта проблема новая для нашего казахстанского общества, и она ждёт своих исследователей.

Литература

1. Краткий словарь философских терминов. М.: Политиздат. 1988.
2. *Здравомыслова Е., Темкина А.* Основные источники и основные положения теории социального конструирования гендера. URL: http://www.owl.ru/win/books/articles/-tz_gender.htm (Дата обращения: 31.03.2020).
3. *Фромм Э.* Психология и психоанализ любви. Самара: БАХРАХ-М, 2007. 686 с.
4. *Денисова А.А.* Словарь гендерных терминов. М.: Информация - XXI век, 2002. 432 с.
5. *Жалимбетова Р.Б.* Гендерные исследования: история и современность. URL: http://giacgender.narod.ru/n4tl.htm (Дата обращения: 31.03.2020).
6. *Шакирова С.М.* Феминизм как философская проблема. Автореферат кандидата философских наук, Алматы, 1996.

ТРУДОВЫЕ ОРИЕНТАЦИИ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ВЫБОР КАЗАХСТАНСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Аюпова Р.Р.
Евразийский национальный университет им. Л.Н.Гумилева,
Казахстан, г. Нур-Султан

Аннотация. Новые технологии, цифровизация меняют современный рынок труда, в том числе молодежный. В условиях технического прогресса меняются трудовые ориентации и профессиональные предпочтения молодых людей. Какие профессии сегодня востребованы, что определяет престижность профессии и что молодые люди понимают под конкурентоспособностью на рынке труда.

Ключевые слова: молодежь, молодой специалист, конкурентоспособность, престижность работы, жизненный успех, рынок труда.

За последние несколько лет рынок труда и структура занятости изменились. Главными причинами изменений становятся автоматизация и цифровизация трудового процесса. Меняются требования к профессиональным навыкам и умениям специалистов и работников, которые должны учиться и приобретать новые знания и умения, потому что, во-первых, сегодня спросом пользуются специалисты с большим набором социально-поведенческих навыков, а во-вторых, для того, чтобы работать с новыми технологиями, компьютерами. Как отмечают авторы Доклада о мировом развитии 2019 «Изменение характера труда»: «Спрос на когнитивные и социально-поведенческие навыки более высокого уровня растет, тогда как спрос на узкие навыки, востребованные на конкретном рабочем месте, снижается. При этом все бóльшим спросом пользуются навыки, связанные с «приспособляемостью». Такое сочетание конкретных когнитивных навыков (критического мышления и решения проблем) и социально-поведенческих навыков (творчества и стремления узнавать новое) может быть применимо при работе по разным специальностям» [1, с. 70].

Процесс автоматизации и цифровизации оказывает влияние на появление новых и исчезновение «старых» профессий. Например, профессии бухгалтер и переводчик, в самое ближайшее время, исчезнут и их задачи и функции будут выполнять специальные программы. Еще ряд профессий, если не исчезнут, то должны будут измениться, трансформироваться.

Любой человек, независимо от возраста и образования, думает о своем будущем и стремится к тому, чтобы иметь стабильный доход и «хорошую» работу. Молодые специалисты и будущие специалисты, в том числе учащиеся старших классов и студенты, должны понимать, что «популярные» и «модные» профессии, например, 10 лет назад, сегодня уже не пользуются спросом у работодателей; что для удачного трудоустройства не достаточно иметь диплом о высшем образовании и иметь профессию, а необходимо знать хотя бы один

иностранный язык и иметь дополнительные навыки и умения, которые не всегда можно получить в университете или колледже.

Что касается специалистов со стажем, то и здесь, важно постоянно учиться, повышать квалификацию или проходить переподготовку, иметь «гибкий ум» и способность приспосабливаться.

Практика показывает, что сегодня профессиональные ориентации молодежи не соответствуют спросу специалистов на рынке труда. Большинство молодежи продолжает выбирать специальность «юрист» или «экономист» при поступлении в высшее учебное заведение, хотя рынок труда нуждается в специалистах других сфер деятельности (IT-технологии, инженер-химик, химик-эколог, врач-инженер и т.п.). Проблема кадрового дефицита все чаще обсуждается специалистами, ежегодно даются прогнозы о нехватке конкретных работников, предлагаются программы и другие мероприятия, направленные на борьбу с кадровым дефицитом, тем не менее ситуация остается прежней.

Трудовые ориентации и профессиональный выбор имеет огромное значение для современного рынка труда Казахстана. Как современная молодежь выбирает профессию, что понимает под конкурентоспособностью и престижной профессией, какие профессии считает востребованными – это основные вопросы исследования, результаты которого представлены в данной статье.

Опрос молодежи в возрасте от 14 до 29 лет был проведен в 14-ти областях (городские и сельские населенные пункты) Республики Казахстан и городах Алматы, Астана (ныне Нур-Султан) в августе 2016 года (в рамках Проекта Научно-исследовательского центра «Молодежь»). Выборочная совокупность составила 2002 респондентов. Отбор респондентов осуществлялся по квоте.

Оказываясь перед выбором будущей профессии молодые люди, не в последнюю очередь, думают об успехе. Как показывают результаты опроса, жизненный успех, это не всегда материальные ценности. В первую очередь, опрошенные молодые казахстанцы связывают жизненный успех с наличием крепкой семьи и детей (43,8%).

Для 41,5% опрошенных жизненный успех означает иметь интересную и любимую работу и возможность заниматься любимым делом (Таблица 1).

Другие варианты ответов значительно уступают первым двум позициям, отмеченным выше. Так, 28,8% участников опроса считают, что успех в жизни – это быть профессионалом в своей работе. 22,9% опрошенных молодых людей выбрали вариант ответа «высокооплачиваемая работа».

Престижную работу в качестве фактора успешной жизни назвали 18,3% опрошенных.

Как показывает исследование, возраст респондентов влияет на определение жизненного успеха. Так, вариант ответа «интересная работа и возможность заниматься любимым делом» чаще отмечают опрошенные в возрасте от 14 до 19 лет (44,9%), чем опрошенные от 24 до 29 лет (39,3%) (Таблица 2).

Почти половина опрошенных в возрасте от 24 до 29 лет отметили, что успех в жизни – это крепкая семья и дети (47,3%), и, чем младше возраст респондентов, тем ниже значимость семьи в качестве жизненного успеха – от 20 до 23 лет (42,8%) и от 14 до 19 лет (39,5%).

Вполне ожидаемо, что старшая возрастная группа (от 24 до 29 лет) чаще отмечает вариант ответа «быть профессионалом в своей работе» (30,2%), чем опрошенные в возрасте от 14 до 19 лет (26,0%).

Отметим, что для опрошенной молодежи в возрасте от 14 до 19 лет более важными факторами, определяющими жизненный успех, являются наличие большого количества друзей (27,3%) и престижность работы (20,2%).

Таблица 1

Что значит лично для Вас жизненный успех? (N = 2002)

	Количество	**%***
Интересная и любимая работа, возможность заниматься любимым делом	**831**	**41,5**
Быть профессионалом в своей работе	**577**	**28,8**
Руководящая должность	223	11,1
Престижная работа	*367*	*18,3*
Высокооплачиваемая работа	**458**	**22,9**
Возможность хорошо жить, не работая	132	6,6
Собственный бизнес	363	18,1
Материальное богатство	362	18,1
Быть свободным и независимым	362	18,1
Много друзей	364	18,2
Почет и уважение в обществе	171	8,5
Возможность приносить пользу обществу	188	9,4
Крепкая семья, дети	**877**	**43,8**
Жить за границей	82	4,1
Осуществление цели	1	0,0
Получить образование	2	0,1
Верить в Бога, богобоязненность	2	0,1
Затрудняюсь ответить	5	0,2

** сумма ответов не равна 100%, т.к. респонденты могли выбрать до трех вариантов ответа.*

Таблица 2

Что значит лично для Вас жизненный успех?, в разрезе возрастных групп (N = 2002)

	От 14 до 19 лет	**От 20 до 23 лет**	**От 24 до 29 лет**
Интересная и любимая работа, возможность заниматься любимым делом	**44,9**	**41,3**	**39,3**
Быть профессионалом в своей работе	**26,0**	**29,9**	**30,2**
Руководящая должность	9,5	12,2	11,6
Престижная работа	**20,2**	18,3	17,1
Высокооплачиваемая работа	**20,9**	**23,2**	**24,1**
Возможность хорошо жить, не работая	5,9	4,7	8,1
Собственный бизнес	16,1	**19,3**	18,9
Материальное богатство	17,4	16,7	**19,3**
Быть свободным и независимым	18,9	18,9	17,1
Много друзей	**27,3**	15,3	13,6
Почет и уважение в обществе	7,6	8,6	9,2
Возможность приносить пользу обществу	10,4	10,0	8,4
Крепкая семья, дети	**39,5**	**42,8**	**47,3**
Жить за границей	6,3	4,5	2,4
Осуществление цели	0,2	-	-
Получить образование	0,3	-	-
Верить в Бога, богобоязненность	-	-	0,2
Затрудняюсь ответить	0,2	-	0,5

Более половины опрошенных молодых казахстанцев считают, что для того, чтобы достичь успеха в современной жизни, важно постоянно и упорно работать (53,6%). Еще 40,9% опрошенных отметили, что для успеха необходимо постоянно повышать уровень образования и заниматься саморазвитием (Таблица 3).

Более четверти участников опроса (26,0%) считают, что для успеха нужны знакомства и связи.

18,4% опрошенных считают, что для достижения успеха в современной жизни важно получать высокую оплату за труд.

Таблица 3

Как Вы считаете, как можно достичь успеха в современной жизни? (N = 2002)

	Количество	**%***
Постоянная и упорная работа	**1074**	**53,6**
Постоянное повышение уровня образования, саморазвитие	**818**	**40,9**
Вера в Бога	213	10,6
Нужны знакомства, связи	**520**	**26,0**
Богатые родители, родственники	222	11,1
Удачный брак	143	7,1
Высокая оплата труда	**368**	**18,4**
Везение, фортуна	217	10,8
Самоуверенность	3	0,1
Чистый разум	1	0,0
Быть законопослушным	1	0,0
Ставить цели и достигать их	1	0,0
Затрудняюсь ответить	13	0,6

** сумма ответов не равна 100%, т.к. респонденты могли выбрать до двух вариантов ответа.*

Как показывают результаты опроса, востребованными профессиями в Казахстане, по мнению опрошенной молодежи, являются традиционные – это врач (46,8%) и учитель в школе (27,7%), а также бухгалтер (17,4%) (Таблица 4).

Отметим, что такие востребованные, но относительно непопулярные профессии, как специалист в области IT-технологии и инженер выбрали 16,2% и 16,1% опрошенных, соответственно.

В десятку востребованных профессий, по мнению молодых участников опроса, вошли юрист (15,2%), строитель (14,9%) и финансист (14,5%).

Таблица 4

Какие профессии в Казахстане, с Вашей точки зрения,
являются самыми востребованными? (N = 2002)

	Количество	**%***
Повар	229	11,4
Бухгалтер	**349**	**17,4**
Финансист	290	14,5
Менеджер по продажам	204	10,2
Учитель в школе	**554**	**27,7**
Преподаватель в университете	121	6,0
Врач	**936**	**46,8**

Продолжение таблицы 4

Ученый	173	8,6
Фармацевт	176	8,8
Актер/актриса	43	2,1
Певец, музыкант	60	3,0
Строитель	298	14,9
Танцор	14	0,7
Режиссер	43	2,1
IT - технологии	**325**	**16,2**
Политик	104	5,2
Юрист	304	15,2
Дипломат	69	3,4
Предприниматель	210	10,5
Общественный деятель	62	3,1
Депутат	103	5,1
Инженер	**323**	**16,1**
Руководитель	82	4,1
Летчик-космонавт	89	4,4
Художник	33	1,6
Нефтяник	3	0,1
Спортсмен, тренер	3	0,1
Архитектор	1	0,0
Электрик, энергетик	4	0,2
Переводчик	4	0,2
Дизайнер	2	0,1
Парикмахер	4	0,2
Милиционер, военный	1	0,0
Агроном	1	0,0
Автомеханик	1	0,0
Сварщик	1	0,0
Водитель	1	0,0
Швея	1	0,0
Риэлтор	1	0,0
Тракторист	1	0,0
Продавец	2	0,1
МЧС	1	0,0
Мебельщик	1	0,0
Охранник	1	0,0
Косметолог, визажист	1	0,0
Технолог	1	0,0
Ветеринар	1	0,0
Токарь	1	0,0
Грузчики, разнорабочие	3	0,1
Затрудняюсь ответить	68	3,4

** сумма ответов не равна 100%, т.к. респонденты могли выбрать до трех вариантов ответа.*

Престижность профессии также является определяющим фактором при выборе будущей профессии. Как отмечено выше, 18,3% опрошенных считают, что наличие престижной работы влияет на жизненный успех. Что понимают под престижной профессией молодые люди?

В целом, были отмечены три основные характеристики, в равной степени определяющие престижность профессии, согласно результатам опроса – это материальный достаток (45,9%), высокая квалификация (45,4%) и профессионализм (43,4%) (Таблица 5).

Такое качество, как конкурентоспособность, дает значительные преимущества специалисту при поиске работы, а также способность выстоять и победить в конкурентной борьбе. 35,9% опрошенных молодых людей считают, что престижная профессия предполагает качество конкурентоспособности на рынке труда.

21,2% опрошенных отметили вариант ответа «власть».

Таблица 5

Что, по Вашему мнению, входит в понятие «престижность профессии»? (N=2002)

	Количество	**%***
Власть	424	21,2
Конкурентоспособность	719	35,9
Материальный достаток	**919**	**45,9**
Популярность	421	21,0
Высокая квалификация	**908**	**45,4**
Профессионализм	**868**	**43,4**
Редкая, «экзотическая» профессия	118	5,9
Другое	2	0,1
Стабильность	1	0,0
Хороший социальный пакет	1	0,0
Техническая профессия	1	0,0
Затрудняюсь ответить	63	3,1

** сумма ответов не равна 100%, т.к. респонденты могли выбрать до трех вариантов ответа.*

Конкурентоспособность специалиста ассоциируется с успехом, как в профессиональной, так и личной сферах. Главное психологическое условие успешной деятельности в любой области – это уверенность в своих силах [2]. В ходе исследования, молодых людей просили назвать качества, которые помогают специалисту быть конкурентоспособным на рынке труда. Половина опрошенной молодежи (50,2%) считают, что на конкурентоспособность влияет полученное качественное образование.

Специалист, способный конкурировать на рынке труда, это человек не только с профессией и хорошим образованием, а также с набором определенных личностных качеств и умений. Личностные качества человека, например мотивация и уверенность, отметили 33,7% опрошенных. 27,3% молодых респондентов отметили владение дополнительными навыками (знание языков, владение компьютерными программами).

Еще треть участников опроса (30,5%) считают, что престижность профессии повышает конкурентоспособность специалиста.

В целом, опрошенные молодые люди демонстрируют относительно высокую уверенность и считают себя конкурентоспособными на рынке труда – 41,0% респондентов ответили утвердительно на вопрос и четверть опрошенных выбрала вариант ответа «отчасти» (24,9%) (Таблица 7).

Таблица 6

Какие качества помогают человеку быть конкурентоспособным на рынке труда? (N=2002)

	Количество	%*
Качественное образование	**1006**	**50,2**
Престижная профессия	610	30,5
Обучение за рубежом	297	14,8
Владение дополнительными навыками (знание языков, владение компьютерными программами)	**546**	**27,3**
Личностные качества (мотивация, целеустремленность, уверенность)	**675**	**33,7**
Хорошие связи	330	16,5
Другое	1	0,0
Профессионализм	2	0,1
Затрудняюсь ответить	89	4,4

** сумма ответов не равна 100%, т.к. респонденты могли выбрать до двух вариантов ответа.*

Таблица 7

Чувствуете ли Вы себя конкурентоспособным на рынке труда? (N=2002)

	Количество	%
Да	**821**	**41,0**
Нет	433	21,6
Отчасти	**498**	**24,9**
Другое	1	0,0
Затрудняюсь ответить	249	12,4

Не чувствуют себя конкурентоспособными на рынке труда 21,6% участников опроса. И, как показывают результаты опроса, чем ниже уровень образования, тем ниже уверенность в своей конкурентоспособности. Так, более половины опрошенных с высшим образованием со степенью (56,5%) и с высшим образованием (бакалавры) (52,0%) уверены в своей конкурентоспособности (Таблица 8).

Таблица 8

Чувствуете ли Вы себя конкурентоспособным на рынке труда?,
в разрезе уровня образования (N=2002)

	Да	Нет	Отчасти	Другое	Затрудняюсь ответить
Высшее, со степенью (магистр, кандидат / доктор наук, доктор PhD)	**56,5**	10,9	28,3	0,0	4,3
Высшее (бакалавр/специалист)	52,0	16,6	26,0	0,0	5,4
Незаконченное высшее	42,8	19,4	19,4	0,5	17,9
Среднее специальное/ профессиональное образование	39,2	22,2	27,3	0,0	11,3
Общее среднее	36,3	24,9	26,3	0,0	12,5
Неполное среднее	**22,3**	31,3	19,6	0,0	26,8
Нет образования	28,1	28,1	17,5	0,0	26,3

Таким образом, как показал опрос, казахстанская молодежь интерпретирует жизненный успех через занятость и труд. Молодежь стремится к идеальной и любимой работе, которая бы хорошо оплачивалась и была престижной. При этом, молодые люди сохраняют традиционные установки относительно выбора профессий и считают, что востребованными профессиями сегодня являются – врач и учитель в школе.

Также большинство молодых людей сохраняют традиционные установки относительно того, как возможно добиться успеха в жизни, отмечая постоянный и упорный труд. Однако, как показывает практика, акценты переместились. Сегодня важно быть мобильным и открытым к новым знаниям и постоянно меняться и совершенствоваться. И 40,9% опрошенных понимают значимость саморазвития и постоянного обучения.

Конкурентоспособность является еще одним важным качеством современного специалиста. Данное качество формируется не только за счет полученного образования и приобретенной профессии, но и личностных качеств. Половина опрошенной молодежи, продолжают «наивно» полагать, что качественное образование дает гарантии конкурировать на рынке труда. Тем не менее, значительная часть ответов пришлась на ответы «личностные качества (мотивация, целеустремленность и др.)» и «владение дополнительными навыками».

Литература

1. Всемирный банк. 2019 год. Доклад о мировом развитии 2019 «Изменение характера труда». Вашингтон, округ Колумбия: Всемирный банк. С. 70. doi:10.1596/978-1-4648-1328-3. Лицензия: Creative Commons Attribution CC BY 3.0 IGO.
2. Корнейченко Н.В. Конкурентоспособность будущего специалиста как показатель качества его подготовки // Вестник АГТУ. 2007. № 6. С. 208–214.

ЕВРАЗИЯ В ПОИСКАХ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Богатырева О.А., Пронер Н.С.
Новосибирский государственный технический университет,
Россия, г. Новосибирск

Аннотация: Данная статья посвящена исследованию национальной идентичности, которая является одной из многих идентичностей индивида, определяющая подлинное или неподлинное существование человека. Актуальность данной темы обоснована тем, что в сложную эпоху глобализации, кризиса в политической, экономической, социальной сферах, необходимо переосмысление самого себя. Целью данной статьи является определить национальную идентичность, которая является основополагающей в процессе становления человека как личности.

Ключевые слова: национальная идентичность, самоидентификация, индивид, общество, ценности.

Одной из ключевых проблем современного общества является определение идентичности. Это вопрос, который сформулировал Кант: «Что есть человек?» Ответ подразумевает сущностные характеристики человека, подлинное и неподлинное существование человека, соотношение биологического и социального, общественного и индивидуального. Кризис современного общества в социальной, идеологической, политической, социальной сферах выдвигает на первый план культурное, духовное становление человека как личности. Корни, смысловые ориентиры как никогда важны в сложную для самоопределения эпоху. Различные философские направления под разным углом рассматривают вопрос о том, кто есть человек. Идейно-смысловой контекст определяет каждое из этих направлений. Так, например, социальная философия рассматривает человека через призму его взаимодействия с обществом. Именно во взаимодействии с культурой социума, человек реализует все свои

виды идентичности, формируясь как личность. Можно наблюдать противоречия между социально-культурными нормами общества и мироощущением индивида. Если причинами противоречий являются индивидуальные особенности человека, то они являются кратковременными. Когда причины кроются в социально-культурном контексте общества, подрывающие основы человеческого бытия, то эти противоречия становятся долгосрочными. По мнению многих исследователей, идентичность не только достаточно популярное, но и самое загадочное из неопределенных слов, которое является своего рода козырным тузом в практической политологии [1].

В исследовании идентичности все большее внимание уделяется не только индивидуальности и неповторимости человека, но и тому, как человек воспринимает и оценивает окружающий его мир. Эрик Эриксон применил к концепции идентичности противоречивые термины – «всепроникающая» и «туманная и непостижимая». В 1996 году вышла книга Леона Вазильтира «Против идентичности», в которой он критикует преувеличенное преклонение перед этим понятием.

Под идентичностью понимается самосознание индивида, либо какой-либо группы, которое является продуктом самоидентификации. Самоиндетифицироваться человек может многими способами. Мы осознаем, что обладаем некими качествами, отличающими нас от них. С идентичностью соотносятся «индивидуальность» и «отличительность». Самоидентифицироваться, найти сходства и различия можно только через взаимоотношения с другими людьми.

Можно выделить основные моменты идентичности:

– Идентичность применима как к индивидам, так и к группам, причем индивид может приобрести идентичность только в группах. Согласно теории социальной идентичности, человек пытается найти свою идентичность в различных, и даже враждебных группах. Групповая идентичность, имеющая заранее заданные параметры, достаточно негибкая.

– Идентичность – это самоидентификация человека, либо группы, но и то, как мы себя самоидентифицируем, влияет на восприятие нас другими. Если оказавшись в новой социальной среде, человек считается чужаком, то, скорее всего, он и сам начнет считать себя чужаком.

– Приоритет различных видов идентичностей ситуационен. Женщина-преподаватель в кругу преподаватей-мужчин, будет ощущать себя, прежде всего женщиной, а находясь в окружении женщин, не имеющих отношения к преподаванию, будет чувствовать себя педагогом.

– Существуют разного вида идентичности (родственные, территориальные, политические, экономические, социальные, культурные, национальные), которые могут быть во взаимодействии друг с другом, либо находиться в состоянии конфликта. Карла Либкинд отметила, что лишь экстремальные социальные ситуации, подобно военным сражениям, временно устраняют все групповые идентичности кроме одной, самой важной. Иногда невозможно провести четкие границы между различного рода идентичностями. Так, культурная и этническая, конфессиональная и культурная идентичности пересекаются и по факторной обусловленности, и по формам проявления.

– Идентичности могут быть узкими или расширенными, варьируясь относительно ситуации. Так, например, для немца или француза европейская идентичность становится более значимой, чем идентичность национальная.

– Для самоидентификации нужны не только другие люди, но и враги, что приводит к постоянным конфликтам внутри сообществ. Как утверждал З. Фрейд, люди обладают двумя типами инстинктов: направленные на сохранение и объединение и направленные на разрушение и смерть.

Под национальной идентичностью в настоящее время понимается принадлежность к некому этносу или нации, однако оно не соответствует ни понятию национальности, ни гражданства. Основные проблемы наций и государств, как утверждает американский ученый Л. Фоллерс [6], связаны с неосязаемыми символами, а не с материальными ценностями,

политикой, экономикой, обороной. Каждой нации, которая считает себя преуспевающей, необходимо обладать некоторым критерием символов, которые будут служить для их граждан некоторой истиной. Каждой нации необходимо обозначить, какие символы она выбирает, чтобы выразить себя, как на коллективном, так и на индивидуальном уровне. Именно когда индивидуум отвечает на вопрос, кем он является и определяет его национальную идентичность. Любой нации и любому государству необходимо ответить на этот вопрос, вне зависимости от того, какой уровень занимает государство на мировой арене. Особые сложности возникают тогда, когда несколько лингвистических, этнических или религиозных групп включены в одну нацию.

Во второй половине XX века ведутся активные дебаты по поводу таких понятий, как «раса», «этничность» и «национальность». По замечанию М. Бэнкса, несмотря на широкое употребление этих терминов в различных сферах социогуманитарного знания, их применение и соотношение с другими понятиями представляется неясным [4].

Древняя Эллада является родоначальником осознания национальной идентичности. Древнегреческие мыслители сформулировали принцип самоидентификации, основанный на связи языка и культуры: эллин – это тот, кто говорит по-гречески, все те, кто придерживался других взглядов и обычаев, считался варваром.

Г. Лебон [2] предложил идею, что общий язык, ценности традиции, родство не могут идентифицировать нацию. Данный подход продолжил М.Баррес [5], который определил идентичность, как систему чувств и идей, которые мы наследуем из поколения в поколение. Согласно Барресу, основополагающим фактором может быть только психология, которая стоит выше языка, среды, политических взглядов, верований.

С национальной идентичностью часто ассоциируется определенная территория, наделенная определенной и исторической и культурной ценностью. Люди чувствуют связь с территорией, на которой они родились, прожили свою жизнь, что усиливает их самоидентификацию со страной в целом. Каждая страна имеет базовую культуру, приверженцами которой становятся почти все члены данного социума. Эта культура имеет «дополнительные» культуры, существующие на уровне субнациональном. Понятие национальной идентичности может быть употреблено не как ощущение индивида, а как совокупность черт, характерных для определенной группы людей.

Кризис национальной идентичности актуален для многих стран мира. Британцы не могут принять решение, отнести себя к европейцам, либо к североатлантическим нациям. Тайвань и Китай не завершили борьбу за национальную идентичность. Восточноевропейская и западноевропейская Германия находятся в поисках общегерманской идентичности. Россия до сих пор не нашла ответа на вопрос какой страной она является: евразийской или европейской. Основываясь на культуре, истории, географическом положении, Японию следовало бы отнести к Азии, однако технический, экономический уровень развития, а также процветание демократии связывают их с западной цивилизацией. Турция стремится к «вестернизации» своей страны, в то время как Европа их игнорирует. В результате чего турки не могут определиться, кто они такие, европейцы или азиаты. Кризис национальной идентичности имеет разные формы, имеет свои особенности протекания и приводит к разным последствиям. Тем не менее, можно выделить общие причины переопределения национальной идентичности: интенсивное экономическое развитие, прорывы в технологическом развитии, урбанизация, глобализация, миграция населения по всему миру. Национальная идентичность вышла на первый план, оставляя за собой групповые, религиозные, субнациональные идентичности.

С одной стороны происходит «сужение идентичности», когда происходят субнациональные движения, отстаивающие свою автономию, независимость, политическое признание (каталонцы, баски, шотландцы, фламандцы, корсиканцы, чеченцы). С другой стороны наблюдается «расширение идентичности», связанное с развитием современных средств коммуникации, позволяющих взаимодействовать с другими культурами и отождествлять себя

с ними. В данном случае можно говорить о сверхнациональной идентичности, которая особенно отчетливо проявляется в Европе.

В разных культурах можно наблюдать разную значимость национальной идентичности. Для мусульман наибольшей ценностью является принадлежность роду и семье, в то время как ощущение принадлежности к нации ощущается достаточно слабо. В Западном мире преданность нации значительно превосходит преданность вере и семье. В настоящее время данная тенденция начинает изменяться, и Европа начинает понемногу напоминать мусульманский мир.

Особую актуальность приобретает национальная идентичность мигрантов. В данном случае встает вопрос о том, как формируется самоидентификация, на которую влияют и происхождение, и новое государство со своей культурой и ценностями. Сент-Джон де Кревекер создал концепцию правильного тигля, утверждая, что в Америке представители всех народов словно сплавляются в новую расу. Он представил нового американского человека как некую смесь из француза, немца, голландца, шведа, англичанина. По Крекеверу, преобразование происходило не просто как взаимопроникновение рас, имеющих особое мироощущение и ценности, а как создание общей, новой культуры, объединяющей всех жителей страны.

Филип Глисон, исследуя концепцию правильного тигля, представил метафоры, которые употребляют исследователи, описывая ассимиляцию. Показателен тот факт, что наиболее употребительными оказались «кулинарные» метафоры. Культурная ассимиляция основывается на концепции томатного супа. То есть, это указывает на то, что центральное положение занимает культура той страны, куда переселился иммигрант. Кулинарную метафору томатного супа можно интерпретировать следующим образом: культура страны является томатным супом, куда иммигранты добавляют ингредиенты, улучшающие вкус этого блюда, такие как, петрушка, укроп, перец, сельдерей, гренки, но томатный суп остается томатным супом.

В начале 20 века Хорас Каллен выдвинул идею «этнического плюрализма», которая в метафорическом смысле соответствует концепции салата. По его утверждению, люди в группы объединяются только происхождением, а не культурой. Мы можем поменять свою философию, взгляды, политические убеждения, стиль жизни, одежду, но поменять предков не в наших силах: еврей всегда останется евреем, француз всегда будет ощущать себя французом. В концепции Каллена отражена расовая теория национальной идентичности, в основе которой лежит биологический детерминизм. Однако, в данной теории можно наблюдать противоречия: если человек поменял веру, язык, философию, где можно наблюдать связь с этнической принадлежностью? Э. Смит [3] также является приверженцем биологического подхода. Однако в основе его теории лежит не само биологическое происхождение, а вера в это общее происхождение, что отличает его от большинства примордиалистов, которые рассматривали этническую идентичность как нечто постоянное, не зависящее от обстоятельств.

Исходя из всего вышесказанного, можно заключить, что процесс самоидентификации человека основывается на родственных, социальных, культурных, национальных, территориальных, политических и многих других факторах. Однако на первый план выходит национальная идентичность, которая определяется определенной культурой и ценностями.

В настоящий момент можно наблюдать и сужение, и расширение национальной идентичности, связанное с развитием новых технологий, стремительным развитием средств коммуникации, а также всеобщим процессом глобализации.

Литература

1. Драгунский Д. Демографический туман и национальные перспективы / История первобытного общества: общие вопросы. Проблема фнтропосоциогенеза. Москва: Наука, 1983. 432 с.
2. Лебон Г. Психология толпы // Психология толпы. Сборник работ. М., 2003. 45 с.

3. Смит Э. Национализм и историки // Нации и национализм. Сборник статей. Москва: Праксис, 2002. 255 с.
4. Banks M. Ethnicity: anthropological constructions. London; N.Y.: Routledge, 1996. 219 p.
5. Barres M. Mes Cahiers 1896-1923. Paris, 1994. 807 p.
6. Fallers L. The Anthropology of the Nation-State. Chicago, 1968. Pp. 23–27.

СТРАТЕГИИ КАЧЕСТВА ПОДГОТОВКИ МОЛОДЕЖИ В ВУЗЕ КАК ФАКТОР АДАПТАЦИИ К СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ ИЗМЕНЕНИЯМ

Васильцова Л.И., Волкова Т.П.
Уральский государственный университет путей сообщения,
Россия, г. Екатеринбург

Аннотация. Статья посвящена методам и инструментам адаптации молодежи к социально-экономическим изменениям на основе повышения качества подготовки в транспортном вузе Урала. Адаптация молодежи рассматривается как инструмент социализации и вхождения в профессию.

Особое значение придается формированию профессиональных компетенций в условиях глобальных изменений. На основе модели компетенций ОАО «РЖД» показаны подходы к формированию профессиональных компетенций, необходимые для усвоения знаний, условия реформирования образовательного процесса. Результаты социологического исследования, направленного на изучение профессиональных ожиданий студентов в процессе обучения, служат для совершенствования организации учебного процесса.

Ключевые слова: модель компетенций, профессиональные компетенции, образовательные форматы, инструменты адаптации молодежи к социально-экономическим изменениям.

Актуальной проблемой Евразийского пространства является модернизация системы образования на всех уровнях. Известно, что векторы развития высшего образования определены многими документами стратегического характера, к числу которых относятся: «Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020», «Стратегия инновационного развития до 2020 года», Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике», Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования» на 2016–2020 годы [1, 2, 3, 14].

В стратегических документах отмечены не только ориентиры развития, но и существенные недостатки. В частности, большое беспокойство вызывают результаты международных рейтингов российских вузов, отставание от мировых лидеров в области создания интеллектуальных продуктов, негативные тенденции в области качества образования [5]. Однако они обусловлены важными обстоятельствами: низким уровнем финансирования и статуса преподавателей, высоким уровнем бюрократизации. Несмотря на усилия Министерства науки и высшего образования РФ в виде государственной поддержки ведущих федеральных университетов, создания сети научно-исследовательских центров, до сих пор не решены задачи обеспечения специалистами для инновационного развития отраслей. Вполне логично, так как по данным Всемирного банка российское образование по доле финансирования находится на 98-м месте в мире. С другой стороны, при высокой степени бюрократизации учебного процесса на научные исследования остается все меньше времени. Профессорско-преподавательский состав отдает преимущественное предпочтение научным публикациям, особенно если они учитываются в стимулирующих надбавках [7].

Обращаясь к количественным показателям вузов России, заметим, что в 1991 г. действовало 514 образовательных учреждений высшего образования, в 2010/11 гг. их было 1115, рост почти в 2 раза. В 2020 году функционирует 741 вуз (рис. 1).

Увеличилось количество студентов в РФ на душу населения: если в 1991 г. на 10 тысяч населения приходилось 190 студентов, то через 10 лет показатель вырос до 454 студентов.

Для современных железнодорожных магистралей специалистов готовят девять крупных вузов.

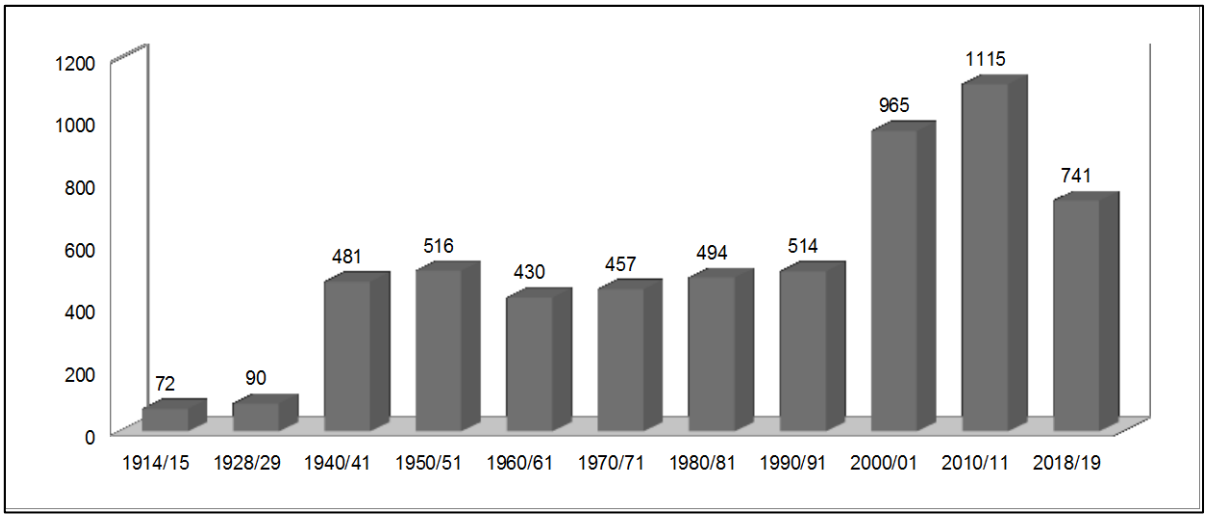


Рис.1. Динамика количества вузов РФ

Нетипичность задач, которые ставит рынок труда, например, железнодорожного транспорта перед выпускниками университета, повышает, с одной стороны, интерес к трудовой деятельности, а с другой – требования к образованию выпускников и их практической подготовке. Мультизадачность требований деятельности в данном сегменте рынка актуализирует формирование и развитие гибких навыков (softskills), обеспечивающих подстройку к изменениям содержания и форм трудовой деятельности. Университет своевременно реагирует на эти требования и конструирует образовательные форматы, адекватные данным вызовам, развивает технологии гибких навыков, тем самым повышает социально-профессиональную адаптацию выпускников вуза к глобальным изменениям, происходящим в стране и мире.

Отметим, что в компании кадровая работа основана на Единых корпоративных требованиях ОАО «РЖД» (ЕКТ). Эта платформа позволяет выстраивать работу с персоналом, в том числе с молодежью с учетом объективных требований, назначать руководителей на должности, формировать кадровый резерв. Корпоративные требования к деловым и управленческим качествам; профессиональные знания и навыки, необходимые для выполнения функциональных обязанностей; профессиональная успешность карьерного роста; результативность и выполнение ключевых показателей эффективности нашли отражение в дисциплинах образовательных программ, методах и условиях обучения студентов.

При разработке модели корпоративных компетенций учитывались ценности бренда компании, корпоративные требования ко всем сотрудникам в зависимости от уровня должности, управленческого стиля руководителя. На ее базе разработаны и внедрены инструменты и процедуры оценки персонала. Оценку компетенций методом ассессмент-центра проходят руководители 1 и 2 уровня, которые в процессе обучения по программе "Корпоративный лидер", осваивают технологию составления и выполнения индивидуальных планов развития (ИПР).

Одно из существенных изменений последних лет на железнодорожном транспорте состоит в том, что так называемая модель 5К+Л (компетентность, клиенто-ориентированность, корпоративность и ответственность, качество и безопасность, креативность и инновационность, лидерство), трансформирована в обновленную модель, некоторые элементы которой представлены в таблице 1. В целом модель дает возможность видения сильных сторон и зон развития, оценивать управленческий потенциал, выявлять тех, кто готов к повышению в должности. В конечном счете, именно она лежит в основе формирования кадрового резерва, системы назначений, а также программ обучения и развития профессиональных компетенций.

Таблица 1

Элементы современной модели компетенций в компании

Компетенции	Процесс реализации модели компетенций
«Лидерство»	компетенции, обеспечивающие эффективную командную работу на результат: «Развитие и забота о сотрудниках», «Инновативность», «Эффективная коммуникация»
«Безопасность»	оценка профессиональных квалификаций; организация рабочего процесса
«Инновативность»	эффективное управление изменениями, умение создавать инновационную среду для реализации цифровых проектов компании
«Развитие и забота о сотрудниках»	повышение удовлетворенности в соответствии с запросом на человеческое отношение, заботу и понимание
«Эффективная коммуникация»	Постоянное взаимодействие с клиентами, партнерами, поставщиками, коллегами обеспечить для обеспечения наилучшего командного результата

Для формирования профессиональных компетенций в вузе используются следующие эффективные инструменты адаптации к социально-экономическим изменениям:

– платформа Blackboard – образовательный контент Ур ГУПС;

– проекты по молодежной тематике компании: «Лидеры перемен», «Лучшие практики корпоративного волонтерства», «Новое звено» – образовательная и коммуникационная площадка по внедрению и разработке инновационных и научных идей и др. инструменты дистанционной оценки персонала;

– мониторинг качества подготовки специалиста (междисциплинарные подходы к обучению, «Паспорт специалиста») и другие;

– социологические исследования.

Учебный процесс строится на современных электронных и коммуникационных системах. Одним из таких средств, интегрирующим целый ряд функций, является система поддержки образовательного процесса Blackboard. В нашем Вузе она широко используется, с момента своего появления система стабильно развивалась, является обязательным интерактивным элементом между преподавателем и студентами, дополняя и модернизируя учебный процесс.

Система позволяет преподавателям создавать курсы и онлайн-тесты, формировать контент учебных материалов, проверять работы на плагиат, внедрять видеокомпоненты в программу курса. Студенты имеют удалённый круглосуточный доступ к материалам курса, могут сдавать учебные работы онлайн, общаться между собой, задавать вопросы преподавателям и получать актуальную информацию. Посредством Blackboard преподаватели своевременно оценивают успеваемость студентов, соблюдая анонимность и безопасность персональных данных. Кроме этого, у всех пользователей есть возможность оперативно посылать оповещения и объявления об изменениях в расписании и другую

необходимую информацию. Таким образом, в образовательном процессе используются все современные компоненты дистанционного образования.

Подчеркивая необходимость адаптации выпускника к социально-экономическим изменениям в целом, повышения качества образования для улучшения ситуации на государственном уровне была внедрена система мониторинга Вузов [8]. В Уральском государственном университете путей сообщения (г. Екатеринбург) имеется собственная внутренняя система мониторинга качества, основанная на компетентностном подходе в образовании, встроенная в систему менеджмента качества учебного заведения. Ежегодно она совершенствуется и обновляется в соответствии с современными технологиями обучения студентов, требованиями к выпускникам университета.

Многолетняя практика показывает, что основным работодателем для выпускников является холдинг ОАО «РЖД», поэтому проводится мониторинг профессионального становления личности специалиста уже в течение 20 лет. Комплексно эта работа велась лабораторией «Мониторинга развития и профессионального становления личности» при кафедре «Управление в социальных и экономических системах». Мониторинг подготовки кадров в вузе осуществляется непрерывно. Одной из его характеристик выступает периодически повторяющийся высокотехнологичный процесс отслеживания качества образования молодого специалиста, направленный на повышение степени удовлетворенности заинтересованных сторон, как внутренних, так и внешних структур. При этом преподаватели университета формируют у студентов корпоративные и профессиональные компетенции на основе Стратегии развития холдинга «РЖД» на период до 2030 г., Стратегии управления кадровым потенциалом ОАО "РЖД" на период до 2020 года [4, 5]. Университет обеспечивает связь потребностей холдинга и образовательных программ с помощью Паспорта специалиста.

Этот локально-нормативный акт сопровождает студента 1 курса до окончания периода действия статуса молодого специалиста на предприятии. В нем отражаются качественные показатели и достижения студента, участие в научной, общественной, спортивной жизни вуза, закрепляются результаты прохождения практик, представлены выговоры и поощрения и многое другое. Более того, заказчик получает психологический портрет молодого специалиста с рекомендациями о дальнейшей профессиональной деятельности, что позволяет осуществлять первоначальный отбор молодых специалистов в кадровый резерв железной дороги. В дальнейшем паспорт заполняется на рабочем месте молодого специалиста конкретным подразделением филиала ОАО «РЖД», куда попадает выпускник вуза.

Практика показывает, что в период обучения в вузе у студентов ряд корпоративных компетенций формируется и усиливается, другие уменьшаются. К числу первых относятся развитие лидерских качеств, ответственность за принятие решений, эмоциональная стабильность, оригинальность в инновационной среде. Во втором случае отметим снижение общительности, изменения этики взаимоотношений, морали. Результаты мониторинга корпоративных и профессиональных компетенций используются для совершенствования образовательных процессов, стимулирования научной деятельности преподавателей. На наш взгляд, результаты мониторинга позволяют своевременно корректировать процесс подготовки молодых специалистов для холдинга, улучшая его качество, поэтому мониторинг можно рассматривать как эффективный инструмент адаптации молодежи к социально-экономическим изменениям в организации [8, 9].

В университете постоянно проводятся социологические исследования, направленные на изучение организации учебного процесса, отношения студентов к обучению, выяснение условий проведения научной работы и др. Ученые университета представили мониторинг формирования корпоративных компетенций у студентов целевого обучения 1-го и 5-го курса основных технических специальностей (охват составил 261 человек). Сравнение первокурсников и выпускников проводилось на основе использования шкалы психологических методик [6, с. 5–11].

Одно из последних крупных социологических исследований (ноябрь-декабрь 2018 года), проведенного кафедрой «Управление персоналом и социология», было посвящено профессиональным ожиданиям с помощью анкетного опроса студентов всех курсов и факультетов (выборка охватила 1551 человек). Социологи изучили динамику профессиональных ожиданий студентов, удовлетворенность студентов качеством образования. К личностным факторам профессиональных ожиданий был отнесен престиж профессии, складывающийся из гарантий трудоустройства и материального благополучия будущего работника. «У студентов этот показатель находится на очень высоком уровне в связи с особенностями регионального развития и влияния транспортной отрасли на экономику области» [10, с.83]. Подобные исследования профессиональных ожиданий студентов показывают взаимодействие молодых людей с системой высшего образования, встраивание ее в профессиональные траектории, а также поддержание конкурентоспособности университета на рынке образовательных услуг. По данным ОАО «РЖД», по целевым направлениям в вузах и техникумах (колледжах) железнодорожного транспорта обучается около 40 тысяч человек. Ежегодно свыше 8 тысяч выпускников высших и средних профессиональных учебных заведений начинают трудовую деятельность в филиалах и структурных подразделениях ОАО "РЖД".

Знания устаревают с огромной скоростью, поэтому студенты обучаются с пониманием необходимости использовать максимальное разнообразие форм и программ повышения квалификации, инструментов адаптивности к вызовам времени с точки зрения цифровизации трудовых функций, возможностей технологий саморазвития в условиях неопределенности будущей ситуации. Особое внимание уделяется цифровизации трудовых процессов на примере сетевого администрирования, автоматизации документооборота, инструментам дистанционной оценки персонала.

Специалисты в области менеджмента и управления персоналом должны мыслить творчески и креативно, поэтому в учебной деятельности активно используются Flash-рекрутинг, социальные сети как инструменты новых направлений поиска персонала. Студенты учатся пользоваться эффективными инструментами цифрового рекрутинга: роботами-рекрутерами, чат-ботами, агрегацией и уберизацией, обеспечивающим сотрудничество работодателя с частными профильными рекрутерами. Автоматизация рекрутинга основывается на тестовых программах, системе оценки персонала, интервью.

Подведем некоторые итоги. Непрерывность образования является одной из основных черт подготовки специалиста в современных условиях [11, 12, 13]. Авторы поддерживают вывод о том, что «самым объемным и перспективным из социальных лифтов является образование» [15, с. 89]. С помощью новых технологий, адаптированных к вызовам времени, формируется информационно-аналитический капитал личности, который востребован подразделениями холдинга при работе с молодыми специалистами Свердловской железной дороги.

Однако в настоящий момент вызывает сомнение действующий подход к высшему образованию в последнее десятилетие: академическое образование перестает быть ценностным, студентов обучают определенным навыкам. В результате они хотят успехов, требующих постоянной работы по саморазвитию, формированию интеллектуального капитала при минимальных затратах и недостаточной самоотдачи. В этой ситуации заложено противоречие – успех требует не только мышления, но мышления на опережение. Полагаем, что предстоящие преобразования в системе высшей школы должны создавать условия для такого мышления, следовательно, бюрократизация учебной деятельности должна сокращаться, а возможность наставничества преподавателей увеличиваться.

Литература

1. Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года: распоряжение Правительства РФ от 08.12.2011 N 2227-р. URL: http://www.consultant.ru/ (Дата обращения: 31.03.2020).

2. О науке и государственной научно-технической политике: Федеральный закон от 23.08.1996 № 127 ФЗ (ред. от 03.12.2012). URL: http://www.consultant.ru/ (Дата обращения: 31.03.2020).
3. Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования на 2013–2020 годы»: распоряжение Правительства РФ от 22.11.2012 № 2148-р. URL: http://www.consultant.ru/ (Дата обращения: 31.03.2020).
4. Стратегия управления кадровым потенциалом ОАО "РЖД" на период до 2020 года. Распоряжение ОАО "РЖД" от 09.12.2016 № 2501.
5. *Антропов В.А.* Проблемы модернизации и инноваций в российском профессиональном образовании. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2013. 103 с.
6. *Антропов В.А., Тарасян М.Г.* Формирование корпоративных компетенций ОАО «РЖД» во время обучения в вузе // Инновационный транспорт. 2016. № 1. С. 5–11.
7. *Васильцова Л.И Александрова Н.А.* Повышение эффективности труда преподавателей бюджетных учреждений: мотиваторы и антистимулы / Материалы X1Междунар. научно-практ. конференции «Достойный труд – основа стабильного общества». Екатеринбург: Издательство ООО «Типография для Вас». С. 216-219.
8. *Никитина Н.Ш., Николаева Н.В.* Мониторинг и оценка качества в образовании. Ч. 1. Методика мониторинга: учеб. пособие. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2008. 32 с.
9. Лидерство как стиль руководства. Программа по развитию лидерского потенциала молодежи Западно–Сибирской железной дороги. URL: http://www.omgups.ru/news/2012/lider.pdf (Дата обращения: 31.03.2020).
10. *Окунева Т.В., Шестопалова О.Н.* Формирование и поддержание профессиональных ожиданий выпускников транспортных вузов в процессе обучения // Вестник УрГУПС. 2019. №3. С. 79–88.
11. *Романова И.Н., Шендерей П.Э., Туркина А.Ю., Прасолов С.Г.* Непрерывное образование при подготовке специалистов в современных условиях // Вестник Башкирского университета. 2019. № 3. С. 754–758.
12. *Кузнецова И.Ю.* Особенности практической подготовки студентов на базовой кафедре ВУЗа // Непрерывное образование: XXI век. 2018. № 4. С. 107–116.
13. *Лобанова Е.В.* Превращение высшего образования из элитарного в массовое: последствия и перспективы // Российское образование сегодня. 2019. № 5. С. 2–9.
14. *Ковалев П.И.* Концепция федеральной целевой программы развития образования на 2016-2020 годы // Высшее образование сегодня. 2017. № 4. С. 2–5.
15. *Черных С.И.* Социальные лифты в образовании: проблемы и решения // Высшее образование в России. 2018. Т. 27. № 6. С. 88–95.

КРИМИНАЛЬНАЯ ДЕВИАЦИЯ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

Егорышев С.В.
Восточная экономико-юридическая гуманитарная академия,
Институт социально-экономических исследований Уфимского федерального исследовательского центра РАН,
Россия, г. Уфа

Аннотация. Статья посвящена краткому анализу состояния и тенденций динамики проявления криминальной девиации в молодежной среде Республики Башкортсотан на примере преступности несовершеннолетних. Дается оценка мерам превентивного и профилактического воздействия на преступность несовершеннолетних.

Ключевые слова: несовершеннолетние, регион, криминальная девиация, состояние и тенденции преступности несовершеннолетних, превентивные и профилактические меры.

Социальная девиация, и прежде всего деликвентные, криминальные ее формы, всегда составляли предмет повышенного интереса представителей различных областей научного знания, включая социологов, криминологов, девиантологов. В социологии, например, это одна из самых популярных у исследователей проблем.

Актуальность и прикладная значимость проблематики девиантного поведения криминального характера, обусловленные выраженным деструктивным, разрушительным ее влиянием на все стороны жизни социума и на ход его развития, многократно возрастают если речь заходит о криминальной девиации в молодежной среде, что ставит под угрозу само качество будущего этого социума.

Рассматривая состояние и тенденции криминальной девиации в молодежной среде Республики Башкортостан, мы будем оперировать характеристиками преступности несовершеннолетних, которая в уголовной статистике выделяется в самостоятельный вид преступности.

Несмотря на то, что преступления, совершаемые несовершеннолетними или с их участием, составляют в целом по стране 3–4%, а по региону не более 3% от всех зарегистрированных преступлений этот вид преступности вызывает в обществе чувство повышенной тревожности и требует от правоохранительных органов и всех государственных и общественных структур большого внимания.

В литературе к криминальной девиации относят преимущественно преступное поведение. Но исследуя эту проблему уже много лет, мы считаем, что к криминальной девиации следует относить не только преступность, но и другие формы деликвентного поведения, которые по отношению к преступности являются ее причиной или предметом. На эту причинно-следственную связь на примере алкоголя еще в конце XIX – начале XX веков указывал представитель социологической школы уголовного права Г. Ашаффенбург [1, с. 62].

В этой связи, не претендуя на завершенность и однозначность формулировки, под криминальной девиацией можно понимать разновидность социальной девиации деликвентного характера, выражающуюся в преступности и иных отклонениях (наркотизм, алкоголизм, коррупция и др.), которые являются непосредственными причинами преступлений, определяют их характер и деструктивность [2, с. 92].

Социологи и криминологи, изучая различные факторы преступности немало внимания уделяли возрастным особенностям преступников, связывая эти особенности с видами совершаемых преступных деяний.

Так, уже упоминавшийся в статье Г. Ашаффенбург [1, с. 119–121], и известный отечественный юрист второй половины XIX века Н.А. Неклюдов [3, с. 138] указывали на четыре наиболее распространенные вида преступлений, совершаемых лицами юношеского возраста: против собственности, личной неприкосновенности и нравственности.

Конечно, в настоящее время структура преступности в молодежной среде заметно изменилась. Далее эта структура в тексте будет приведена.

Знание этой структуры дает пищу для размышлений и выработки превентивных мер. Но это знание подчеркивает еще один, очень важный аспект проблемы преступности несовершеннолетних, на который еще сто лет назад обратил внимание выдающийся русский криминолог Д.А. Дриль.

Он писал: «Вполне основательно можно сказать, что далеко не так важны сами по себе различные кражи и даже грабежи и поджоги, приводящие несовершеннолетних в заведения исправительного воспитания по суду, как важны постепенно развивающиеся у них под совокупным влиянием условий наследственных и личного прошлого те особенности натуры и характера, которые делают их вполне подготовленными кандидатами на крайне вредных и нетерпимых членов общества» [4, с. 744]. Эта же подготовленность проявляется в наличии и росте рецидивной преступности среди несовершеннолетних, о чем так же речь впереди.

Анализируя преступность несовершеннолетних в Республике Башкортостан, проведем сравнение ее показателей с соседними регионами (см. таблицу № 1).

Проведенное сравнение позволяет говорить о том, что в 2012 году по преступлениям, совершенным несовершеннолетним, из 17 рассмотренных регионов Российской Федерации, Республика Башкортостан занимала 5-е место, разделив его с Нижегородской областью. В 2016, и 2019 годах – 4-е место.

Анализ состояния и динамики преступности несовершеннолетних в Республике Башкортостан позволяет сделать вывод о том, что уровень этой преступности, несмотря на тенденцию к снижению, продолжает оставаться сравнительно высоким. Этому способствуют неблагоприятный уровень всей криминогенной обстановки в регионе, усиливающее влияние других форм девиантного поведения: алкоголизм и наркомания среди молодежи.

Имеет значение в сохранении высокого уровня преступности недостаточная эффективность мер по противодействию как общей, так и преступности несовершеннолетних.

Из всего количества лиц, совершивших преступления в республике в 2012–2018 гг., несовершеннолетние составляют не более 3–4 %, то обращает на себя внимание рост рецидива: среди них становится больше лиц, ранее совершавших преступления (от 2,4 % – в 2012 году и 15,2% – в 2017 году, до 27,2 % – в 2018 году).

Более того, криминальная среда активно вовлекает в себя не имеющих жизненного опыта и сформировавшейся жизненной позиции подростков. Так, в регионе в 2015–2018 годах было совершено соответственно 64; 65; 71 и 60 преступлений, связанных с вовлечением несовершеннолетних в преступную деятельность.

Таблица 1

Динамика преступлений, совершенных
Несовершеннолетними, в сравнении по годам и субъектам РФ [5; 6; 7; 8]

Субъекты РФ	Годы							
	2012		2016		2017		2019	
	абс.	+– %	абс.	+– %	абс.	+– %	абс.	+– %
Россия в целом	63568	–10,4	52794	–13,1	44538	–15,6	41548	– 4,6
ПФО	12352	–16,9	10467	–10,9	8657	–17,3	8388	+ 3,2
Башкортостан	1354	–16,3	1273	+3,3	953	–25,1	1064	+ 9,6
Татарстан	1376	–13,7	1125	–13,7	861	–23,5	892	+13,2
Пермский край	1937	–11,3	1894	–0,5	1427	–24,7	1245	+2,8
Удмуртия	970	+6,6	700	–18,1	570	–18,6	615	+4,2
Оренбургская область	965	–17,8	720	–32,0	854	+18,6	652	+0,2
Свердловская область	2181	–9,2	2346	–23,2	2107	–10,2	1963	– 6,6
Челябинская область	2655	–14,6	1935	–11,2	1823	–5,8	1797	– 12,5
Курганская область	585	+0,3	640	–15,0	515	–19,5	525	– 11,6
Марий Эл	353	–0,8	325	+3,2	198	–39,1	255	+ 7,1
Мордовия	215	–22,7	182	+0,6	133	–26,9	196	18,1
Чувашия	560	–14,8	464	–10,4	362	–22,0	386	+ 4,9
Ульяновская область	492	–18,5	403	–13,7	326	–19,1	286	– 17,8
Пензенская область	368	–16,7	254	–14,5	218	–14,2	235	+ 4,4
Саратовская область	664	–37,1	607	–28,8	589	–3,0	481	– 21,0
Кировская область	605	–27,8	622	+0,3	551	–11,4	538	– 2,4
Нижегородская область	1354	–18,3	1013	–11,8	838	–17,3	789	+10,8
Самарская область	1139	–23,6	885	–14,5	777	–12,2	784	+7,4

И соответственно 239; 283 (2017 г. нет данных) и 326 преступлений, в которых в указанные годы наряду с несовершеннолетними участвовали взрослые [9, 6, 7, 10].

Это только выявленные и зарегистрированные преступные деяния.

Следует сказать о том, что несовершеннолетние сами становятся объектом преступных посягательств. Так, например, в 2014 году против них было совершено 2306 преступлений; в 2015 г. – 2929; в 2017 г. – 2594 преступления, потерпевшими в которых стали 3238 молодых людей. В 2018 году потерпевших среди них было 3016 человек [11, 9, 7, 10].

В начале статьи говорилось о том, что для несовершеннолетних характерны определенные виды преступлений, которые они совершают чаще всего, но по сути все также преобладают преступления против собственности и личности (см. таблицу № 2). Оптимистично смотрятся данные о снижении числа «популярных» среди несовершеннолетних видов преступлений, за исключением мошенничества и вымогательства.

Рассматривая общие характеристики преступности несовершеннолетних, необходимо указать на то, что за временный период с 2012 по 2019 годы не наблюдается устойчивой тенденции снижения этого вида преступности. В месте с тем в ее структуре видны некоторые складывающиеся позитивные тенденции: снижение числа тяжких преступлений (2012 г. –219; 2016 г. – 225; 2017 г. – 176; 2018 г. – 156), при сохранении колебаний значений показателей преступлений средней тяжести (2012 г. – 718; 2016 г. – 624; 2017 г. – 449; 2018 г. – 507).

Таблица 2

Преступления, наиболее часто совершаемые несовершеннолетними в Республике Башкортостан [5, 12, 11, 9, 6, 7, 10]

Преступления, наиболее часто совершаемые несовершеннолетними	Годы						
	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Кражи	809	864	714	736	790	545	330
Грабежи	115	113	91	80	69	90	45
Угон автотранспорта	106	159	113	87	100	62	42
Незаконный оборот наркотических средств	16	36	55	64	68	53	35
Причинение вреда здоровью средней тяжести	42	30	39	30	35	33	20
Мошенничество	27	15	32	13	15	16	18
Вымогательство	32	9	7	11	8	11	15
Разбой	21	23	21	16	12	12	4

Уменьшилось количество преступлений, совершаемых несовершеннолетними в состоянии алкогольного (2012 г. – 167; 2016 г. – 224; 2017 г. – 214; 2018 г. – 157) и наркотического опьянения (2012 г. – 0; 2016 г. – 16; 2017 г. – 23; 2018 г. – 4); преступлений, совершенных в группах (2012 г. – 488; 2016 г. – 512; 2017 г. – 317; 2018 г. – 352) [5, 6, 7, 10].

Отраженные статистикой некоторые позитивные изменения в структуре преступности несовершеннолетних, свидетельствуют о том, что противодействие ей и профилактика ведутся. Но колебания значений статистических показателей свидетельствует о недостаточной эффективности и сложности этих видов воздействия.

Эта сложность детерминируется следующими объективными обстоятельствами:

– наличием объективных социально-экономических условий для воспроизводства девиации, включая преступность (материальное неравенство, социальное одиночество, проблемы с занятостью, с содержательным досугом, влияние девиантных групп старших и сверстников, и т.п.).

– действие социокультурных и психологических факторов (включение, например, алкоголя в культуру общения, наличие сформировавшейся в 90-е годы прошлого века в среде молодежи «пивной культуры», стремление к подражанию, что особенно сильно проявляется среди подростков, влияние СМИ, тюремной субкультуры, наличие традиций). А на этом

фоне – отсутствие действенных замещающих девиацию полезных форм поведения и отношений. Следует назвать и относительное терпимое, а нередко и безразличное, отношение общественного сознания к девиантам и девиации.

– высокая адаптивность девиаций деструктивной направленности к существующим и создающимся правовым и социальным барьерам. Отсюда массовидность форм девиации, устойчивый характер их воспроизводства и недостаточно высокая эффективность мер превенции, наказания, лечения, реабилитации.

– тесная взаимосвязь и взаимообусловленность форм деструктивной девиации.

Тезисно рассмотрим меры преодоления подростковой преступности.

Общеизвестно, что преступление легче предотвратить и спрофилактировать, нежели выявлять и расследовать.

В этой связи речь может идти о превентивных мерах воздействия на преступность молодежи. Но, как показывает статистика превенция не является эффективной. Превентивными мерами за 2012–2018 годы удалось предупредить не более 6,5 % от всех преступлений, совершенных несовершеннолетними.

Предупреждение преступлений связано с постановкой на учет в полиции тех подростков, которые склонны к преступлениям и осуществляют антиобщественную деятельность. Учет позволяет проводить адресную профилактическую работу.

По данным официальной статистики МВД по Республике Башкортостан на учете в органах внутренних дел состояли в 2012 году только 30 несовершеннолетних; в 2013 году – 58 человек; в 2014 году – 79 человек; в 2015 году уже больше – 115 человек и в 2016 году – 108 человек.

Статистические данные коррелируются с результатами социологического опроса, проведенного в сентябре 2019 года среди жителей республики. Было опрошено 1000 человек. Выборка пропорционально определялась полом, возрастом и местом жительства респондентов.

Опрос показал, что 64% респондентов связывают эффективность противодействия преступности несовершеннолетних с профилактикой и применением превентивных мер. В то же время каждый третий респондент (28,4%) оценивает практику профилактики преступности на «неудовлетворительно». Удовлетворительную оценку поставили 36,7%, хорошей или вполне эффективной ее считают 17,3%, а 17,6% затруднились с оценкой.

Проблема эффективности наказания имеет непреходящую высокую актуальность. С позиции предмета нашего анализа о ее эффективности или, наоборот, неэффективности свидетельствуют динамика преступности, уровень рецидивной преступности, динамика численности лиц, совершающих преступления.

Если обратится к данным таблицы № 3, то меры воздействия на несовершеннолетних, включая их наказание, не могут оцениваться как эффективные. Об этом свидетельствуют число подростков, состоящих на учете в полиции за антиобщественное поведение и рост рецидива. Так, если в 2012 году из 1237 молодых людей, совершивших преступления, 272 сделали это повторно (21,96%), то в 2018 году из 928 несовершеннолетних преступников повторно совершили преступления 252 человека (27,2%).

Парадокс, но на фоне статистически снижаемого уровня преступности несовершеннолетних, растет их рецидивная преступность (до каждого третьего).

Результаты исследований и правоприменительная практика показывают, что только усилиями одних правоохранительных органов минимизировать преступную девиацию среди молодежи невозможно. Тем не менее, видимо по инерции, опрошенные эксперты среди государственных и социальных институтов, которые, на их взгляд, обладают наибольшими возможностями противодействия преступности несовершеннолетних, приоритет отдали правоохранительным структурам (78,4%), а потом уже семье (75,3%), образовательным учреждениям (68,4%), трудовым коллективам (63,8%), органам власти и управления (58,2%), общественным формированиям правоохранительной направленности (дружины и т.п.) (50%), средствам массовой информации (48,4%).

Таблица 3

Характеристика несовершеннолетних,
совершивших преступления повторно [5, 12, 11, 9, 6, 7, 10]

Характеристики лиц несовершеннолетних, совершивших преступления	Годы						
	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Всего выявлено лиц	1237	1352	1151	1215	1174	946	928
Из них ранее совершавших преступления	272 21,9%	267 19,7%	267 23,2%	287 23,6%	274 23,3%	243 26,0%	252 27,2%
Ранее судимых	142	158	113	108	118	103	115
Находившихся под следствием без ареста	8	13	–	19	–	8	3
В период испытательного срока при условном осуждении	40	28	11	11	12	22	19

Экспертам в обобщенном виде к оценке силы влияния на молодежную девиацию были представлены следующие меры (см. таблицу № 4).

Таблица 4

Оценка экспертами силы влияния мер, направленных на снижение уровня и сокращение форм проявлений социальной девиации деструктивного характера

	% ответивших	Ранговое место по сумме показателей «влияние сильное» и «влияние заметное»
Усиление работы по предотвращению деструктивных форм отклонений	84,7	1
Повышение эффективности профилактики отклонений	75,4	2
Усиление работы по раскрытию преступлений	73,8	3
Ужесточение санкций за нарушение правовых норм	68,1	4
Криминализация правовых норм	65,2	5
Научно обоснованное прогнозирование тенденций деструктивных форм социальных отклонений, мониторинг их проявлений и эффективности мер противодействия	50,3	6
Широкое привлечение гражданского общества, общественности к противодействию девиантности	44,6	7
Декриминализация правовых норм	40,9	8
Создание действенного механизма социального контроля	37,5	9
Активное воздействие на массовое сознание с целью формирования нетерпимого отношения к проявлениям деструктивной девиации	30,4	10
Замещение девиантных форм поведения социально полезными	26,8	11

Здесь можно видеть, что приоритет отдается специальным, хорошо известным мерам, вербальному воздействию и наказанию. Роль общественности смотрится скромнее, не говоря уже о формировании в общественном сознании нетерпимости к проявлениям девиации и о необходимости замещения, вытеснения деструктивных форм поведения и отношений социально полезными. А ведь последние две меры нами оцениваются как наиболее эффективными, но объективно трудно реализуемыми.

Литература

1. *Ашаффенбург Г.* Преступление и борьба с ним. М.: ИНФРА, 2013. 241 с.
2. *Егорышев С.В.* Влияние криминальной девиации на демографические процессы в Республике Башкортостан // Вестник Российского университета Дружбы народов. Секция: Социология. 2020. № 1. С. 89–101.
3. *Неклюдов Н.А.* Уголовно-статистические этюды (сост. и вступ. ст. В.С. Овчинского, А.В. Федорова. М.: Инфра-М., 2009. 197 с.
4. *Дриль Д.А.* Преступность и преступники. Учение о преступности и мерах борьбы с нею. М.: Инфра-М., 2006. 770 с.
5. Итоги деятельности МВД по РБ за январь-декабрь 2012 года / Информационный центр МВД по РБ. Уфа, 2013 г. // URL: https://02.xn--blaew.xn--plai / sluhba / itogi-dejatelnosti (Дата обращения: 01.10.2019).
6. Итоги деятельности МВД по РБ за январь-декабрь 2016 года / Информационный центр МВД по РБ. Уфа, 2017 г. URL: https://02.xn--blaew.xn--plai / sluhba / itogi-dejatelnosti (Дата обращения: 03.06.2019).
7. Итоги деятельности МВД по РБ за январь-декабрь 2017 года / Информационный центр МВД по РБ. Уфа, 2018 г. URL: https://02.xn--blaew.xn--plai / sluhba / itogi-dejatelnosti (Дата обращения: 05.06.2019).
8. Итоги деятельности МВД по РБ за январь-декабрь 2018 года / Информационный центр МВД по РБ. Уфа, 2019 г. URL: https://02.xn--blaew.xn--plai / sluhba / itogi-dejatelnosti (Дата обращения: 25.10.2019).
9. Итоги деятельности МВД по РБ за январь-декабрь 2015 года / Информационный центр МВД по РБ. Уфа, 2016 г. URL: https://02.xn--blaew.xn--plai / sluhba / itogi-dejatelnosti (Дата обращения: 03.06.2019).
10. О состоянии преступности в 2018 году / Прокуратура Республики Башкортостан. URL: https://baghprok.ru / pravovaya-statistika / svedeniya-o-sostoyanii-prestupnosti-v-respublike-baskortostan / o-sostoyanii-prestupnosti-v-2018-godu (Дата обращения: 03.06.2019).
11. Итоги деятельности МВД по РБ за январь-декабрь 2014 года / Информационный центр МВД по РБ. Уфа, 2015 г. URL: https://02.xn--blaew.xn--plai / sluhba / itogi-dejatelnosti (Дата обращения: 01.10.2019).
12. Итоги деятельности МВД по РБ за январь-декабрь 2013 года / Информационный центр МВД по РБ. Уфа, 2014 г. URL: https://02.xn--blaew.xn--plai / sluhba / itogi-dejatelnosti (Дата обращения: 01.10.2019).

ДЕВИАЦИИ В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Ефлова М.Ю., Фурсова В.В., Маслова Л.П.

Казанский федеральный университет,
Россия, г. Казань

Аннотация. В статье рассматриваются биологические, психологические и социологические теоретические исследования в области социологии девиантного поведения. Отмечается, что существует множество как социальных, так и психологических причин, спо-

собствующих девиациям, в том числе среди студенческой молодежи. Доказывается, что современные информационные технологии порождают новые формы девиаций в интернет-пространстве, например, кибербуллинг (преследование, издевательство, унижение, оскорбление в социальных сетях и интернет-форумах) На основе авторского эмпирического исследования дается характеристика некоторых видов девиаций среди студентов.

Ключевые слова: девиантное поведение, девиации, студенчество, молодежь, информатизация, интернетизация.

К специфическим девиациям в студенческой среде можно отнести нарушения норм, принятых в вузе, в том числе: обязанность строго соблюдать учебную дисциплину, посещать все занятия, своевременно выполнять задания, систематически готовиться к занятиям, используя не только лекционный материал, но и дополнительную литературу, и т. п. Несоблюдение этих норм должно рассматриваться как проявление девиантности. Важными критериями социальной нормы и отклонений от нее в учебном процессе выступают успеваемость-неуспеваемость, наличие-отсутствие задолженностей, соблюдение-несоблюдение административных норм, проявляющихся в уважительном отношении к научно-педагогическому составу и администрации учебного заведения и т.д.

Во все времена общество пыталось подавлять, устранять нежелательные формы человеческой жизнедеятельности и их носителей. Методы и средства определялись социально-экономическими отношениями, общественным сознанием, интересами правящей элиты. Проблемы социального «зла» всегда привлекали внимание ученых. Философы и юристы, медики и педагоги, психологи и биологи рассматривали и оценивали различные виды социальной патологии: преступность, пьянство и алкоголизм, наркотизм, проституцию, самоубийства и т.п.

На сегодняшний момент существует большое количество общих и частных концепций девиантности, авторы которых, как правило, концентрируют внимание на каком-либо одном, реже на двух-трех, аспектах девиантного поведения. Тем не менее, традиционно все многообразие подходов сводят к трем направлениям, явившим собой отражение идей позитивизма: биологическому, или антропологическому, психологическому и социологическому [1, с. 34].

Основоположником биологической, или антропологической, трактовки природы и причин девиантного поведения считается тюремный врач Ч. Ломброзо, который одним из первых поставил в центр исследования девиации самого индивида с позиции его телесных, антропологических особенностей. Идеи Ломброзо развивали Ферри и Гарофало, которые признавали роль наследственных факторов, особое внимание уделяли психологическим и социальным факторам. Оба ученых, занимаясь поиском причин преступлений, отрицали идею свободы воли. Немецкий психиатр Кречмер и его последователь Шелдон также обосновывали связь между типом строения тела, характером человека, а, следовательно, и его поведенческими реакциями, включая преступные.

По мере развития современной биологии и генетики в рамках биологического направления возникают все новые и новые теории: хромосомная теория Джекобса, теории частоты пульса, уровня серотонина и тестостерона в крови и т. п.

Таким образом, в рамках биологического направления отклоняющееся и преступное поведение рассматривается без должного внимания к историческим, культурным и социальным взаимодействиям девианта, а последний рассматривается как «биологический продукт». Результаты исследований нередко противоречивы, ряд исследований показал, что уровень гормонов чувствителен к внешним условиям, не существует никаких доказательств специфического влияния вышеназванных биологических фактов на девиантное поведение. В целом биологическое направление пытается характеризовать индивидуальные причины девиантного поведения, не объясняя девиантность как социальный феномен [1, с. 36].

Психологическое направление в изучении девиаций тесно связано с биологическим в том смысле, что оно индивидуалистично, а сами отклонения в поведении выступают,

по мысли сторонников этого подхода, прежде всего, как продукт тех или иных врожденных или приобретенных особенностей биологии и психики человека.

Становление психологического направления связывают с именами Р. Гарофало и Г. Тарда. Р. Гарофало в работе «Критерии опасного состояния» обосновал клинический подход к изучению преступника. В своих книгах «Законы подражания» и «Философия наказания» объяснил преступное поведение подражанием и обучением [2, с. 36].

В основе психологического направления исследований девиаций лежит ряд психологических идей, и в частности психоанализ, разработанный видным австрийским врачом Зигмундом Фрейдом и развитый в работах психологов К. Лоренца, Э. Фромма, А. Адлера, К. Хорни, О. Эйкхорна и многих других. Сторонники фрейдизма рассматривают девиантное поведение и преступления на его основе в качестве естественного проявления человеческого поведения.

В целом для психологической школы в девиантологии решающим фактором выступают врожденные особенности человека, его вытесненные сексуальные влечения и связанные с ними психологические состояния.

Несмотря на то, что девиацию по-разному трактовали представители различных концепций, среди социологов существует определенное согласие по поводу этого базового понятия: девиация всегда является нарушением правил, выработанных данным обществом или социальной группой. Понятие девиации подразумевает отказ или неспособность индивида или целой группы людей следовать тем моральным нормам и правилам поведения, которые доминируют в обществе. Общество постоянно осуществляет социальной контроль над исполнением моральных предписаний, при этом существует множество его различных способов: от применения физической силы до психологического давления. Масштабы и характер допустимых рамок поведения варьируются не только во времени, но и от одного общества к другому [3, с. 37].

В широком смысле понятие «девиантное поведение» охватывает любые отклонения в поведении от социальных норм — как положительные (геройство, особое трудолюбие, самопожертвование, выдающаяся роль и достижения, альтруизм и др.), так и отрицательные (преступления, другие нарушения общественного порядка, норм морали, традиций, обычаев, в том числе алкоголизм и пьянство, наркомания, самоубийства, карьеризм, бюрократизм). Но чаще всего это понятие используется в более узком смысле, когда под девиантным поведением понимается только негативное отклонение от утвердившихся правовых, моральных и иных норм.

Э. Гидденс обращает внимание на то, что девиантное поведение и преступление отнюдь не одно и то же, хотя во многих случаях они могут пересекаться. Понятие девиантного поведения гораздо шире понятия преступления, которое относится только к отклоняющемуся от нормы поступку, при котором происходит нарушение закона. Многие формы девиантного поведения закон не карает санкциями [4, с. 234].

Узкая трактовка подразумевает негативное отношение к социальным нормам, регулирующим поведение индивида или группы людей. В таком случае Н. Смелзер предлагает рассматривать девиацию как «отклонение от групповой нормы, которое влечет за собой изоляцию, лечение, тюремное заключение или другое наказание нарушителя». На основе данного определения он выделяет три основных компонента девиации: человек, которому свойственно определенное поведение; ожидание или норма, которая является критерием оценки девиантного поведения, и некий другой человек, группа или организация, реагирующая на поведение [5, с. 264].

В качестве сложного социального явления девиации определяются как нарушения социальных норм, которые характеризуются определенной массовостью, устойчивостью и распространенностью при сходных социальных условиях.

Дж. Массионис определяет девиантность как осознанное нарушение культурных норм. Поскольку ими направляется почти любая человеческая деятельность, понятие девиантности чрезвычайно емкое. Одной её разновидностью выступает преступление – нарушение уголов-

ного законодательства, официально принятого в обществе. Но даже криминальная девиантность охватывает широкий спектр поведения, начиная от мелких дорожно-транспортных нарушений и заканчивая изнасилованием и убийством [6, с. 344].

Деятельностные теории: преступный выбор как стратегия. По словам Мориса Кюссон (Maurice Cusson), профессора криминологии, «чтобы понять действие индивида, необходимо со всей серьезностью отнестись к причинам, на которые он ссылается в обосновании своего поступка». Кюссон вводит понятие рациональности у социального актора. К тому же, он выдвигает гипотезу, согласно которой «преступность должна пониматься как жизненный выбор, поскольку преступник выбирает модель мышления, согласно которой нарушение закона принесет ему больше пользы, нежели вреда» [7, с. 3]. Для индивида, совершающего преступление, оно всегда приносит удовольствие в краткосрочной перспективе, но в долгосрочной оно неизбежно влечет тюремное заключение или смерть. Образ жизни преступника базируется на презрении к будущему и преобладании настоящего момента. Девиантный поступок задумывается как результат выбора, сделанного индивидами, которые стремятся максимизировать их удовольствие.

Детерминистские теории: общество как механизм производства девиаций. В детерминистском течении отмечают, в частности, работы Лорана Мюккели (Laurent Mucchieli). Для него «сегодняшний рост чувства небезопасности и насилия объясняется двумя главными факторами: с одной стороны, экономическим и социальным кризисом (конец «славного тридцатилетия», увеличение безработицы и непостоянной занятости, особенно среди молодежи) и, с другой стороны, проблемой политической репрезентации (политики утратили всякое доверие)», что объясняет возникновение жестокого общества [8, с. 23]. Для Себастьяна Роше (Sébastien Roché) причины преступности носят не только экономический или социальный характер. Он полагает, « рост преступности связан со взлетом индивидуализма: в условиях угасающей классической солидарности каждый думает, как бы использовать другого» [9, с.44]. В этой теоретической перспективе прослеживается вопрос о том, почему некоторые индивиды становятся преступниками, в то время как другие, при тех же обстоятельствах и идентичной обстановке, не стремятся к отклоняющемуся поведению и не разделяют его ценностей: к примеру, безработные, живущие в пригородах, вовсе не становятся преступниками. Иначе говоря, при равных условиях не каждый нарушает социальные и правовые нормы.

Таким образом, в настоящее время существует множество объяснений причин девиантности, среди них есть и антропологические, психологические и социологические теории. Именно социологический подход играет доминирующую роль в развитии девиантологии. Во многом такая популярность социологических теорий объясняется стремительным развитием самой социологии, которая была мало известна в XIX в., в период возникновения основных биологических и психологических теорий. Последующие поколения исследователей открыто критиковали так называемую «старую позитивистскую криминологию», настаивая на невозможности индивидуалистических объяснений девиаций. Они утверждали, что объективным объяснением девиантного поведения может быть социологическое, учитывающее социальный и культурный контекст совершения девиации. Представителей социологического направления интересует, как общество создает условия, благоприятствующие осуществлению его членами девиантных поступков.

Популярность социологического направления можно также объяснить разнообразием общественной жизни. Действительно в его рамках существует большое количество концепций, каждая из которых по-своему объясняет девиацию, используя тот или иной социальный фактор. Это не удивительно – ведь вслед за развитием общества изменяются и девиации (например, развитие информационных технологий способствовало появлению преступлений, связанных с проникновением в чужие компьютерные сети).

Особую актуальность изучение отклонений от социальных норм приобретает в современных социальных условиях, когда осуществляются значительные реформы в области политики, экономики и социальной сферы, сопровождающиеся значительными

изменениями в уровне и качестве жизни населения. Остроту теме придает также стремительность глобализации, в результате которой растет неравенство между разными социальными группами, в том числе и возрастными.

В наиболее сложном положении в подобные переходные периоды развития общества оказывается молодежь, система мировоззрения которой находится в процессе становления, а несформировавшаяся система ценностей трансформирующегося общества не может предоставить необходимые социальные ориентиры поведения.

Исследования молодежи в отечественной социологии активно проводятся с 1960–1980-х гг. В рамках социологии молодежи изучались проблемы труда и трудового воспитания молодежи, идейно-политического воспитания, общественной активности, ценностных ориентация и жизненных позиций. В 1990-е гг. в условиях изменения российского общества и формирования новой системы социальных связей активизируется проблемный подход к исследованию молодежи. Особую актуальность приобрели работы, объектом которых стало девиантное поведение молодежи.

Особый интерес в данном контексте представляет изучение студенческой молодежи. Студенчество, являясь частью молодежи, представляет собой особую социальную группу, характеризующуюся специфическими условиями жизни, социальным поведением и образом жизни. Стоит отметить, что социальное поведение студенческой молодежи в нашей стране обусловлено противоречивостью сложившейся ситуации. С одной стороны, оно формируется при серьезном ослаблении влияния государства, расширении прав и гражданских инициатив граждан. В такой обстановке студенчество в целом проявляет себя как социальный слой общества, способный учитывать изменяющиеся обстоятельства современной жизни и в соответствии с этим выбирать тип поведения, стиль жизни, соотнося их со своими интересами, получаемой профессией, жизненным опытом. С другой стороны, на студенческую молодежь оказывают влияют различные факторы, например, неравные возможности и положение студентов, острая дифференциация социально-экономических условий жизни и учебы, что может привести к формированию девиантного поведения.

Для социологии девиантности студенчество представляет особый интерес в силу своего положения в социуме как потенциально наиболее значимой движущей силы социокультурных изменений.

С одной стороны, являясь наиболее динамичной, восприимчивой частью молодежи, студенчество быстро реагирует на любые изменения в обществе. В связи с этим по нравственному состоянию данной социальной группы можно судить о состоянии молодежи и общества в целом. С другой стороны, студенчество — это будущее страны, её духовная, интеллектуальная проекция, что актуализирует исследование проблем девиантного поведения в студенческой среде [10, с. 37].

Мы наблюдаем возникновение и стремительное развитие совершенно новых молодежных увлечений, многие из которых сопряжены с преступлением закона в той или иной степени. Распространение и популяризация новых деструктивных моделей поведения в молодежной среде при современном уровне развития технических средств коммуникации происходит гораздо быстрее, чем научное и педагогическое сообщество реагирует на эти риски. Только за последние несколько лет появилось множество новых видов поведенческих девиаций, возникновение которых обусловлено стремительным развитием Интернета и социальных сетей, а также ростом уровня доступности современных компьютерных технологий, например, кибербуллинг, шоплифтинг и др. Так, кибербуллинг (преследование, издевательство, унижение, оскорбление в социальных сетях и Интернет-форумах) превратился в России из некоего «экзотического» явления в серьезную проблему всего за 5 лет.

Компания Intel Security (McAfee), долгое время работающая на российском рынке в сфере кибербезопасности, предприняла исследование кибербуллинга «Подростки за компьютером-2014: вопросы защиты личной информации, общения в социальных сетях и кибербуллинга». В результате исследования были получены следующие данные: среди тех, кто признался в том, что сам стал объектом виртуальной травли, 72% в качестве причины

назвали свою внешность, 26% – национальность или вероисповедание и 12% заявили, что решающим фактором послужила половая сфера.

Среди свидетелей виртуальной травли 53% ответили, что жертвы были обижены или разозлились, и 47% отметили, что жертвы были вынуждены ликвидировать свои страницы в социальных сетях, при этом недооценивая значительный эмоциональный эффект происшедшего. 24% подростков- свидетелей не знают, что им делать в случае, если они станут объектом оскорблений или травли в сети Интернет [10, с. 38].

Таким образом, перед психолого-педагогическим научным сообществом стоит важная задача разработки эффективных средств профилактики новых форм девиантного поведения, очевидно, что существующая практика профилактики девиантного поведения требует значительного пересмотра и обновления современным инструментарием.

Среди форм девиаций в молодёжной среде, потребление алкоголя занимает особое место. Это связано с распространением данного феномена среди всей молодежи без исключения: студентов и школьников, детей родителей любого материального, образовательного, профессионального и должностного статуса, представителей всех возрастов молодежи, выходцев из сельской или городской местности.

По данным Минздрав РФ, в 2016 году на учете в наркологических диспансерах стояло чуть более 56 тыс. несовершеннолетних, из них 834 с наркоманией, а 318 с алкоголизмом. Стоит отметить, что по сравнению с 2015 годом, когда на учете состояло почти 72,5 тыс. несовершеннолетних, снижение произошло на 22,6%. Среди подростков и детей наметилась и явная тенденция к снижению так называемого пагубного употребления алкоголя, то есть такого, который вызывает тяжкие последствия. Доля лиц, больных алкоголизмом (включая алкогольные психозы), состоящих в ремиссии свыше 2 лет, в общей численности больных алкоголизмом (включая алкогольные психозы), состоящих под наблюдением, в 2016 году составляет 10,9% [11].

Согласно результатам проведенного авторами исследования среди студентов г. Казани, большинство респондентов выражает свою позицию к алкоголю как нейтральную – 36%. Это говорит о том, что установка на потребление алкоголя достаточно вариативная, и зависит от ситуации. Крайне негативно потребление алкоголя оценивают 27% опрошенных, скорее отрицательно, чем положительно – 22%. Скорее положительно, чем отрицательно к потреблению алкогольных напитков относится 14% опрошенных. Далее, респондентам задавались вопросы о том, модно или нет употреблять наркотические вещества, курить сигареты, употреблять спиртные напитки. По мнению большинства опрошенных, ничего из вышеперечисленного не является модным. Так, 84% опрошенных не считает модным употребление наркотиков, 85% не считает модным нюханье порошка, 80% не считает модным курение «травки». Таким образом, молодежь не считает, что употребление наркотических веществ – это некий модный тренд или обязательная составляющая молодежной культуры. Если относительно наркотических веществ существует однозначное отрицание трендов, то относительно менее девиантных форм процент падает. Так, 72% не считают модным курение сигарет, и не считают модным употребление спиртных напитков 67% опрошенных.

В то же время, стоит отметить, что значительная часть респондентов употребляет спиртные напитки, курит сигареты. Из представленных данных опроса следует, что чем старше респонденты, тем больше среди них тех, кто употребляет спиртные напитки, а мнения о полном исключении алкоголя из употребления склонны придерживаться более младшие возрастные группы. С возрастом доля людей, убежденных в том, что алкоголь должен быть полностью исключен из употребления, сокращается и увеличивается доля тех, кто считает, что пить можно и часто, но слабые напитки (пиво, вино, шампанское). Курят сигареты регулярно 11,5%, еще 13,6% иногда, т.е. не каждый день.

Таким образом, работа по профилактике различных видов зависимостей и пропаганда здорового образа жизни должна вестись не только со школьниками и студентами, но и с более старшими группами молодежи.

Литература:

1. *Змановская Е.В.* Девиантология: Психология отклоняющегося поведения. М.: Академия, 2013. 288 с.
2. *Ланцова Л.А., Шурупова М.Ф.* Социологическая теория девиантного поведения // Социально-политический журнал. 2012. №4. С. 32–41.
3. *Руденко Л.Д.* Специфика девиантного поведения студенческой молодежи // Вестник социально-политических наук. 2018. №.17. С. 36-39.
4. *Гидденс Э.* Социология. М.: Едиториал УРСС, 2005. 632 с.
5. *Смелзер Н.М.* Социология. М.: Феникс, 1994. 688 с.
6. *Масионис Дж.* Социология. СПб.: Питер, 2004. 752 с.
7. *Cusson M.* Comment devient-on délinquant? // Approches sociologiques de la deviance. 2006. Volume 176. Pp. 3–18.
8. *Mucchieli L.* La déviance: normes et transgression, stigmatization // Sciences Humaines, Normes Interdits Déviance. 1999. Volume 59. Pp. 20–25.
9. *Roche S.* Comment devient-on délinquant? // Sciences Humaines. 2006. Volume 176. Pp. 43–56.
10. *Руденко Л.Д.* Специфика девиантного поведения студенческой молодежи // Вестник социально-политических наук. 2018. № 17. С. 36–39.
11. Новостной ресурс «RT» («Минздрав: в России за 2016 год почти на четверть снизилось число детей в наркодиспансерах») // URL: https://russian.rt.com/russia/news/408033-minzdrav-deti-narkodispanser (Дата обращения: 31.03.2020).

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КЫРГЫЗСТАНА И ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Жолдошева А.Ш.
Кыргызский национальный университет имени Ж. Баласагына,
Киргизия, г. Бишкек

Аннотация. В статье рассматривается миграционные процессы, которые оказывают существенное влияние на социализацию молодежи. Миграционные процессы в обществе конкретизируют особенности социально-экономического совершенствования любой страны и ее регионов. Миграция стала одним из важнейших факторов мирового развития. А также в данной статье затронуты вопросы государственной молодежной политики, которые не могут и не должны рассматриваться вне контекста социально-экономического развития страны. В этой связи государство должно определить молодежную проблематику одним из стратегических приоритетов развития Кыргызской Республики.

Ключевые слова: молодежь, социализация, рыночная экономика, миграция, образование, общество, государственная молодежная политика.

Молодое поколение, в условиях процесса наступления рыночной экономики, оказалось в тяжелой и сложной ситуации, оно вплотную столкнулось с кризисными явлениями в социально-экономической жизни общества, с нестабильным развитием экономики страны.

Усиление кризисных процессов в экономике Кыргызстана обусловлено, прежде всего, разрастанием мирового финансового рынка, рынка информационно-коммуникационных технологий, мирового производственного процесса и рынка труда. Кризисные процессы породили проблему низкой конкурентоспособности экономики Кыргызстана, это выявилось при отсутствии качественных характеристик в общественном производстве, в слабой экспортной составляющей.

В экономике Кыргызстана, как отмечает А. Абдыжапаров, «главенствуют количественные показатели, ориентированные на экстенсивное развитие (с всевозрастающим расходом

финансовых ресурсов). В управлении экономикой Кыргызстана не было четких стратегий и целей развития и управления, использовались централизованные методы управления, без финансовой дисциплины и не развитой конкуренции» [1, с. 3].

Развитие экономики Кыргызстана, на фоне глобализации общества, носят неравномерный характер. Структура общественного производства Кыргызстана значительно отличается от стандартных значений, которые сложились в передовых развитых странах.

Стратегическое развитие экономики Кыргызстана запланировано до 2017 и состоит из 76 положений, но на сегодняшний день выполнено только 61% – отмечает спикер Жогорку Кеңеша А.Жеенбеков [2, с. 8].

Все проводимые Кыргызстаном экономические реформы были направлены на шоковую либерализацию, приватизацию средних предприятий, мягкую денежно-кредитную политику и невмешательство государства в экономику. Такое состояние экономики было достигнуто за счет низкого индустриального уровня, отсутствия готовых экспортных продуктов, неэффективного управления экономикой и неспособностью экономить ресурсы.

Значительное отличие структуры экономики КР показывает преимущественное развитие первичного (сельского хозяйства), вторичного (промышленность) секторов нашей экономики, а также значительным отставанием третичного, четвертичного секторов услуг и финансовой индустрии.

Предприятия Кыргызстана в условиях рыночной экономики неспособны предоставить вакансии новых рабочих мест с высокой производительностью труда и добавленной стоимостью. Это обстоятельство негативно влияет на эффективность предприятия, снижает конкурентоспособность и инвестиционную привлекательность экономики нашей страны.

Поддерживание в Кыргызстане виртуальной экономики очень дорого обходится государству с его ограниченными финансовыми ресурсами. Это выражается в неправильном распределении малочисленных ресурсов, стагнации в экономике и в росте бедности.

По данным информационных служб, внешний долг Кыргызстана 3 миллиарда 400 млн. Рост теневой экономики достиг 40 млн. [2, с. 12].

Анализ основных тенденций развития экономики КР свидетельствует о том, что идет экстенсивное развитие бизнеса, а неравномерное развитие регионов обуславливают высокую безработицу, особенно среди молодежи.

С каждым годом растет количество трудовых мигрантов, уезжающих из Кыргызстана в поисках работы, причем среди них увеличивается число молодых людей. Основные причины их оттока из Кыргызстана заключается в отсутствии работы на родине и бедность, которая не позволяет им вернуться домой. Ежегодно на заработки в Россию, Турцию, Корею и в другие страны выезжают тысячи молодых людей. В Россию выезжают несколько десятков тысяч, где по официальным данным, работает около 350 тысяч кыргызстанцев и среди них растет количество молодежи.

«Миграция с каждым годом молодеет. Если в начале 1990-х годов из Кыргызстана уезжали, в основном, люди старше 30-ти лет, то сейчас выезжает много молодых людей, начиная с 16-ти лет», – сообщается Ассоциацией кыргызских диаспор «Замандаш»[2, с. 10].

Многие представители молодого поколения, выехавшие на заработки, отмечают, что не смогли бы заработать столько, работая на родине, и сейчас не спешат возвращаться, потому что нужно заработать на открытие своего дела, чтобы потом спокойно жить дома. Многие из них очень хотели находиться в Кыргызстане с семьей, но вынуждены зарабатывать деньги и пока им приходится жить вдали от Родины. Историй, когда молодые люди уезжают на трудовые заработки и после этого не могут вернуться домой из-за бедности родной страны, очень много. Причем среди таких мигрантов есть не только люди без высшего образования, но и выпускники вузов, которые уехали в другие страны из-за отсутствия работы в Кыргызстане.

По материалам аналитического отчета Министерства труда, занятости и миграции КР из страны, за период 1 января по 31 декабря 2014 год, уехали свыше 657,8 тысяч человек, из которых около 25 тысяч 487 человек – молодые люди в возрасте от 16 до 28 лет.

Одним из факторов оттока молодых людей из Кыргызстана является то, что правительством не ведется плановая подготовка специалистов, однако тут вступают в оборот другие механизмы: под влиянием родителей и общественного мнения многие молодые люди предпочитают при обучении в вузе получить дипломы экономических и юридических специальностей. Это ведет к переизбытку работников в этих отраслях и их безработице. В тоже время страна остро нуждается в технических специалистах широкого профиля. В Кыргызстане нет рабочих мест для экономистов и юристов, наша республика является аграрной страной, где более 67% населения проживают в селах и где нужны специалисты сельского хозяйства.

Ежегодное проведение ярмарок вакансий свидетельствует, что есть много рабочих мест для людей, закончивших профессионально-технические училища с рабочими профессиями. Однако специалистов в горнодобывающей и сельскохозяйственной отраслях не хватает.

Получение высшего образования в Кыргызстане тоже представляет проблему из-за высокого уровня коррупции и слабости системы обучения в вузах. Некоторая часть молодых людей из-за этой причины уезжают из страны, чтобы получить зарубежное, качественное образование. Многие из них, получив желаемый уровень, качественное образование хотят вернуться, но сложившаяся система найма на работу через использование взяток и родственных связей для многих неприемлема. «У нас действительно талантливая молодежь и ее нужно поддерживать. Для этого необходимо полностью менять систему образования и подбора кадров на работу, а также искоренить коррупцию в этих сферах», - отмечает министр образования и науки КР – Э.Сариева [2, с. 8].

Представители средств массовой информации опросили 143 молодых кыргызстанцев, находящихся за рубежом, по поводу их возможного возвращения на родину. 104 человека (72,5 %)- «обязательно вернутся», 27 человек (19 %) вернутся только в развивающийся и стабильный Кыргызстан, а 12 человек (8,5 %) не намерены приезжать на родину ни при каких условиях [2, с.16].

В Министерстве труда, миграции и молодежи признают, что Правительство Кыргызстана не может решить проблему безработицы, которая является одной из главных причин миграции населения.

Общий же уровень официальной зарегистрированной безработицы по республике на 1 июля 2014 год составляет – 2,3 %, при этом самый высокий уровень отмечается в Нарынской области – 6,7%, а самый низкий в Чуйской области – 1,5%.

Доля молодежной безработицы по Кыргызстану на 1 июля 2014году составляет – 42%, на 1 рабочее место претендуют в среднем по республике 13 человек. Об этом говорится в аналитическом отчете Министерства молодежи, труда и занятости за 2014 год [3, с. 5].

Общая численность, включая незарегистрированных в службах занятности, безработных составляет – 212,4 тысяч человек, это практически остается на уровне прошлого года и на 8,7 тысяч человек больше чем в 2013 году. Уровень безработицы среди молодежи составляет почти 46% и среди них 12,2% – это выпускники вузов КР [3, с. 6].

Анализ работы службы занятности Кыргызстана за последний 2014г показал, что ежегодно в службы занятности от работодателей поступает около 23 тысяч вакансий. Наибольшее число, предложенных вакансий, отмечено в Бишкеке, здесь же наименьшее число претендентов на 1 рабочее место – 3человека, однако и наибольшее число незаполненных вакансий также остается в Бишкеке. Именно этим объясняется высокий уровень внешней миграции, когда незанятое население многих регионов из-за отсутствия работы направляется в Бишкек и Чуйскую область для трудоустройства.

Многие считают, что проблему безработицы можно решить только совместно с частными предпринимателями, потому что государство самостоятельно не может обеспечить всех работой. Однако не только безработица побуждает молодежь уезжать из страны. Политические события 2005 года и 2010 года, растущая коррупция убеждают молодых кыргызстанцев в отсутствии перспектив для роста и невозможности спокойной, обеспеченной жизни в республике. Это основные причины, которые влияют на их решение покинуть страну и попытать счастья в других государствах.

Наиболее близкой и доступной страной, куда можно выехать на заработки, является Россия, однако и в период миграции у современной молодежи есть свои местные проблемы. Как отмечает один из руководителей Центрального комитета профсоюза мигрантов в Москве Нурбек Кукеев «…условия проживания и неквалифицированная работа в тяжелых условиях портят здоровье мигрантов, среди которых много молодежи репродуктивного возраста» [2]. Он посетовал на то, что молодые мигранты «изнашивают» свое здоровье, и это может негативно отразиться на генофонде кыргызстанцев. Однако это не останавливает мигрантов, среди которых с каждым годом все больше молодежи. Они продолжают уезжать за рубеж, где есть возможность «зарабатывать и копить деньги» [2, с. 9].

Во многих странах СНГ и в Кыргызстане в том числе, нигде не работают почти 30 процентов молодых людей от 16 до 24 лет. Это, прежде всего, означает, что растет почва для иждивенческой политики среди молодежи и это вызывает особую тревогу, как заявляют ученые на пресс-конференциях по обсуждению проблем социализации молодежи [4, с. 7].

Однако нежелание представителей власти инвестировать в молодежь, остаточный принцип при финансировании молодежных программ отражается на том, что растет число молодых людей, ведущих асоциальный, аморальный образ жизни. В силу различных к ним относятся: инвалиды, алкоголики, бездомные, лица без определенного места жительства, лица, отбывшие заключение в исправительных учреждениях. В данный момент происходит деградация и криминализация молодежи.

В Кыргызстане по последним данным 32% населения представляет молодежь от 15 до 28 лет, 56% - составляет трудоспособное население и только 8,6% – нетрудоспособных лиц [5, с.11]. Эти фактические данные говорят о том, что в нашей стране есть шанс, есть молодой резерв для поднятия экономики, для борьбы с теневой экономикой и для преодоления кризиса в нынешней экономике. Нельзя не отметить развитие такой положительной тенденции среди молодежи как ведение здорового образа жизни, приверженность к моральным нормам различных религий, устремленность к получению качественного образования и т.д.

Одной из предпосылок успешности молодежной политики любой страны является четкость в определении понятия «молодежь» и ее статуса. Здесь нет единого подхода, поскольку это определение зависит от культурных, институциональных и политических факторов.

В Кыргызстане до 2009 года было принято определение молодежи в возрастных границах от 14 до 35 лет, что было не рациональным с точки зрения молодежной политики, поскольку интересы, потребности и проблемы, скажем, подростков и 30–35-летних существенно отличаются. В этом вопросе были проблемы и морально-психологического характера. Как можно было называть подрастающим поколением тех, кому за тридцать? Еще один пласт проблем был связан с тем, что существующая молодежная инфраструктура и институциональный механизм молодежной политики не позволяли эффективно охватить молодых людей старших возрастных групп, в отличие от студенческой и школьной молодежи, для которых образовательные учреждения являются центрами социализации и каналами общественного участия.

Изучение истории развития молодежной политики в Кыргызстане свидетельствует о том, что проблема социализации молодежи зависит от развития МП, которая не была приоритетом на протяжении всего периода независимости нашей республики и молодежные программы систематически недофинансировались. В целевой программе «Жаштык», утвержденной в 2000 г., фактически никакие специальные средства не были выделены. Незначительные средства на реализацию молодежных программ стали закладываться в государственные и некоторые местные бюджеты только в 2005 году.

После известных мартовских событий 2005года, в молодежной политике Кыргызстана было предпринято несколько шагов. Так, в декабре 2005 года созданная из представителей министерств, ведомств и молодежных НПО рабочая группа провела анализ национальной программы «Жаштык», принятой в 2000 году на десятилетний срок. Ссылаясь на недостатки программы, в частности, на нечеткость и декларативность целей, недостаточное финансирование, отсутствие институционального механизма, рабочая группа приняла решение

о разработке «принципиально новой программы» на более краткосрочный период 2006–2007 гг. [2, с. 14].

Программа была разработана в краткие сроки и без широкого участия заинтересованных сторон, прежде всего – различных групп самой молодежи и утверждена указом Президента КР от 14 апреля 2006 г.

Другим шагом со стороны правительства стало его постановление от 17 марта 2006 г., в котором утверждено положение о совете по делам молодежи при Правительстве КР, наделяемом совещательными и консультативными функциями в целях выработки рекомендаций по реализации молодежной политики и мониторинга ее выполнения. Возглавлял и утверждал его состав премьер-министр КР, состав же совета должен формироваться наполовину из представителей исполнительной власти, наполовину из молодежных НПО и групп.

В апреле 2006 года, на республиканском молодежном форуме, руководством страны, по предложению участников, поручил Министерству образования, науки и молодежной политики создать молодежное правительство-дублер для вовлечения его в обсуждение и принятие решений по вопросам молодежи. Эта инициатива была важна не только с точки зрения создания механизмов и каналов общественной политики, но для того чтобы обеспечить действительное участие молодежи в принятии решений, необходима институционализация различных механизмов общественной политики и превращение их в устойчивую общественную практику. Такие шаги позволяли улучшить способность молодежи анализировать свои интересы, формулировать их, взаимодействовать с органами власти, другими словами, как выражаются некоторые российские эксперты, будут способствовать повышению «субъектности молодежного сообщества» [2, с. 16].

Программа «Кыргызстан жаштары» претендовала на принципиальную новизну. Нововведением в программе является введение положения о ресурсном обеспечении программы. Однако при этом государство не брало на себя обязательство, и поэтому к финансированию были привлечены органы местного самоуправления при поддержке республиканского бюджета и другие альтернативные источники. Имелась ссылка и на то, что объемы капиталовложений будут варьировать по срокам и другим факторам в зависимости от развития экономики, что означает: при неблагоприятном развитии экономики, скорее всего, сохранится «остаточный» механизм финансирования ГМП.

В программе было обозначено 15 направлений реализации политики, однако, наряду с указанием конкретных затрат, не имелось конкретное распределение ресурсов по отдельным видам деятельности и не были поставлены конкретные и достижимые задачи. К примеру, не была поставлена задача по созданию определенного количества социальных служб, штабов студенческих отрядов, разработка дополнений к конкретному закону, не были запланированы мероприятия по воспитанию молодого поколения в духе патриотической направленности, не были предусмотрены организация фестивалей, проведение конкурса социально-значимых проектов и их финансирование из госбюджета.

Положительным моментом программы можно отметить то, что впервые была поставлена задача применения системного подхода в решении проблем молодежи и межсекторальной координации. Однако, кроме предложения о создании единой вертикальной структуры органов по делам молодежи, конкретных шагов не было предложено. В целом, как показывает анализ программы, большая часть ожидаемых результатов носило декларативный и трудноизмеримый характер. Создание единой вертикальной структуры органов по делам молодежи, формирование структуры социальных служб, создание системы подготовки и повышения квалификации кадров по молодежной политике можно отнести к более или менее конкретным ожидаемым результатам.

В 2008 году из числа представителей Администрации Президента, Жогорку, Аппарата Правительства, Департамента по делам молодежи, донорского сообщества, НПО, ВУЗов, молодежных организаций в целях разработки Концепции молодежной политики Кыргызской Республики была создана инициативная рабочая группа.

Данной рабочей группой была разработана Концепция молодежной политики Кыргызской Республики, отличительная особенность которой заключается в понимании необходимости субъектности молодежи и ее инициирующей, реализующей роли в формировании, разработке и реализации молодежной политики. Главное участие в разработке Концепции приняла сама молодежь в лице лидеров молодежных организаций, молодежных крыльев политических партий, в том числе и оппозиционных, с обширным представительством всех регионов республики.

В ходе работы Инициативной рабочей группы было внесено предложение о создании Молодежного общественного совета Кыргызстана. Таким образом был создан молодежный общественный совет Кыргызстана был преобразован из инициативной рабочей группы и является постоянно действующим консультативно-совещательным органом.

В Кыргызстане также был презентован проект по разработке Государственной стратегии реализации молодежной политики Кыргызстана до 2015 года. Этот проект был предложен комитетом Жогорку Кенеша по молодежной политике, развитию физической культуры и спорта, Правительством КР. Проект Государственной стратегии реализации молодежной политики КР до 2015 года разработан межведомственной экспертной рабочей группой, в составе представителей государственных органов, международных, неправительственных организаций и молодежных объединений согласно распоряжению Правительства КР. Основная цель данного проекта состояла в том, чтобы молодежь Кыргызстана стала успешной, прогрессивной частью общества, способной модернизировать развитие страны. Для решения данной проблемы молодежи в концепции были определены задачи, по следующим приоритетам: участие, информирование и государственное управление. При его формировании применялись современные технологии стратегического планирования. Особое внимание было уделено анализу и учету предыдущего опыта в формировании и реализации молодежной политики. Как отмечает статс-секретарь Министерства по делам молодежи, труда и миграции КР Нурлан Досалиев: «Молодежная политика должна строиться одновременно по двум стратегическим векторам: подготовка молодежи в активной общественной роли в будущем и обеспечение равноправия, включая лиц с ограниченными возможностями» [2].

Вопросы молодежной политики не могут и не должны рассматриваться вне контекста социально-экономического развития страны. В этой связи государство должно определить молодежную проблематику одним из стратегических приоритетов развития Кыргызской Республики.

Учитывая выше сказанное, нынешнюю государственную молодежную политику в Кыргызстане можно охарактеризовать таким образом:

Во-первых, государственная молодежная политика (ГМП) все еще остается малоэффективной и формальной, она не способствует решению конкретных задач. Даже новая государственная целевая программа не определяет четких национальных приоритетов, нет адекватных институциональных механизмов и ресурсного обеспечения для реализации молодежных программ. Кроме того, в государственной молодежной политике не существует комплекса мер целенаправленного характера. Существуют формальные стратегии, программы, которые не продуманы и не подкреплены политической волей, ресурсной базой. «Нет целенаправленной работы во многих смежных сферах, которые, так или иначе, охватывают молодежь, это и образование, это и поддержка молодых предпринимателей, это и социальная сфера, четкое разделение которых не представляется возможным» [2, с. 20].

Во-вторых, отсутствует целенаправленная политика государства в молодежной среде, не разработан пакет государственных мер. На сегодня в КР существует лишь один критерий определения молодежи, и по закону в эту категорию входят все кому до 28 лет. А внутри этой категории множество групп, множество специфик и потребностей, учесть которые ни одно государство, в принципе, не в состоянии. Свидетельством тому служат молодежные программы в Британии, Франции, Греции, Германии, США и др.

Безусловно, проблем у современной молодежи много и все выделенные направления в молодежной политике Кыргызстана очень важны и их оптимальное решение окажут свое

влияние на социализацию молодежи. Тем не менее, важно в условиях перехода современного общества к рыночной экономики исходить из объективной ограниченности ресурсов и определить те области, которые требуют первоочередного инвестирования, имеющихся государственных и общественных ресурсов.

Недостаточное внимание со стороны государства к молодежной политике на протяжении многих лет имеет свое отражение в проблеме социализации современной молодежи. Это – неоправданное упущение, поскольку от эффективной молодежной политики страны зависит и решение проблем качественной социализации современного молодого поколения. Для такого утверждения есть несколько взаимосвязанных причин.

Во-первых, молодежь составляет существенную долю населения нашей страны – примерно 32 %, при этом имеются множество проблем, касающихся жизнедеятельности этой возрастной группы и требующих срочных действий со стороны государства и общества в целом. Это проблемы в сфере образования, здоровья молодых людей, доступа к социальным услугам, проблемы в сфере семейной политики, занятости и др. Одной из особых проблем в нашей стране является безработица, а также связанная с ней внешняя миграция. По данным национального статкомитета КР в миграции находятся свыше 350 тысяч молодых людей. Это происходит по причине безработицы, отсутствия экономических возможностей и условий для самореализации личности каждого молодого человека у себя на родине. Феномен молодежной безработицы в Кыргызстане не изучен в достаточной степени. Между тем, есть очень важные аспекты, на которые зачастую не обращается должного внимания. Например, мало кто задумывается о том, что вследствие массовой безработицы возрастает зависимость молодежи от старшего поколения, прежде всего родителей и других родственников. Нередки случаи, когда не только 25 – летние, но и 30-летние пользуются существенной материальной поддержкой своих родителей, не создают своих семей и т.д. Тем самым продлевается период«взросления» и достижения полной самостоятельности.

Во-вторых, молодежь – это определенная социально-демографическая группа, часть современного общества Кыргызстана, которая имеет различные половозрастные, этнические, религиозные, географические и другие подгруппы. Это дает основание считать молодежную политику необходимой для качественной социализации современной молодежи Кыргызстана, так как необходимо создать правомерные возможности для всех представителей населения. Молодежная политика в этом смысле – эта та часть политики, которая должна предусматривать возможности участия различных групп молодежи в формировании и реализации политики, имеющей к ней непосредственное отношение. Назрела потребность выявления новых подходов к этой проблеме, для рассмотрения ее представителями властных структур как объекта и как субъекта молодежной политики.

В-третьих, в условиях когда Кыргызстан выступает в качестве самостоятельного государства, подобное рассмотрение молодежной проблемы имеет стратегическое значение.

Опыт переходного времени показал, что молодежь быстро адаптируется к изменяющимся условиям рынка и может брать на себя ответственность.

С начала1990-х гг. в мировом значении повышается внимание государства к проблемам молодежной политики. Проходят форумы в законодательном порядке и ратифицированы документы ООН, которые в нормативно-правовом порядке рассматривают проблемы молодежи.

28–30 октября 2014 года в Баку прошел первый Глобальный Форум по молодежной политике, где выступивший на открытии посланник генерального секретаря ООН по молодежной политике Ахмед Альхандави сообщил, что в мероприятии принимали участие министры, эксперты, лидеры молодежи, и это сыграет важную роль в обсуждении темы [6].

В обращении к участникам форума генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун выразил благодарность правительству Азербайджана за организацию первого Глобального форума по молодежной политике. «Проведение этого форума накануне 20-летия Всемирной программы деятельности во имя интересов молодежи имеет особое значение. Это очень важный вопрос. Молодежь – это лидеры будущего, их развитию необходимо уделять особое внимание. ООН готов работать с вами», - сказал генеральный секретарь [6].

В этом мероприятии участвовали более 700 представителей из 80 стран. Цель форума, который проводился по инициативе Генерального секретаря ООН Пан Ги Муна, – «определение новых направлений молодежной политики и работы, предстоящей в 2015 году, обмен опытом, обсуждение значимых тем в этой сфере» [6].

Все это говорить о растущем беспокойстве политиков, общественности, и ученых по поводу аполитичности молодежи, слабостью гражданской идентичности, то есть тех явлений, которые влияют на интересы национальной безопасности государств. Из года в год растет значение социально-значимых проблем, а именно виды распространения наркотиков, ВИЧ/СПИДА, экстремизм, терроризм, насильственные действия, миграция, молодежная безработица и другие. Проведение международных форумов способствовало появлению интереса государств и общественности к этим проблемам и актуализировалась необходимость развивать и использовать потенциал молодежи, направлять их жизненные силы в созидательное русло.

Кыргызстан находится в русле этих мировых тенденций. Наша страна подписалась под многими международными документами, участвует во многих форумах, а 2000 год, как известно, был объявлен в Кыргызстане «Годом молодежи». Политики соглашаются с тем, что решать проблемы молодежи необходимо, произносят лозунги об идейном, нравственном и духовном воспитании подрастающего поколения; проводятся мероприятия, которые решают отдельные локальные задачи или проблемы конкретных групп, но не наблюдается системности и единого подхода.

Следовательно, процесс социализации молодежи современного общества должен отражать единый подход и быть системным, должны учитываться выше изложенные проблемы, опыт прошлого, чтобы молодые люди творили в настоящем, старались оправдать возлагаемые на них надежды и соответственно этому строили перспективы на будущее.

Литература

1. Информационный ресурс «Аналитика» (Абдыжапаров А. «Проблемы послекризисного развития экономики Кыргызстана»). URL: http://analitika.akipress.org/news:2151 (Дата обращения: 31.03.2020).
2. Новостной ресурс «Время Востока». URL: http://www.easttime.ni (Дата обращения: 31.03.2020).
3. Министерство труда, миграции и молодежи Кыргызской Республики // Материалы аналитического отчета о деятельности Министерства труда, миграции и молодежи Кыргызской Республики за январь-июнь 2014 года. 25 с.
4. Материалы научно-практической конференции на тему: «Методология изучения общественного мнения», посвященной 70-летнему юбилею профессора К. Бектурганова. Бишкек: КНУ, 2014. 66 с.
5. Материалы межвузовской конференции на тему «Формирование кыргызстанской идентичности как фактор национальной безопасности» (10 февраля 2015 г.). Бишкек: КНУ, 2015. 14 с.
6. Материалы первого Глобального Форума по молодежной политике (28 октября 2014 г.) // Медиа-компания Day.Az. Бишкек. 2014.

ОПРОС СТУДЕНТОВ ПО АКТУАЛЬНЫМ ПРОБЛЕМАМ СОВРЕМЕННОСТИ КАК ОДНА ИЗ ФОРМ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ

Икингрин Е.Н.[1], Вишневский Ю.Р.[2], Дулина Н.В.[3], Кнельц И.А.[4], Пронина Е.И.[5], Шкурин Д.В.[2]

[1]*Нижневартовское отделение РОС, Россия, г. Нижневартовск*;
[2]*Уральский федеральный университет (УрФУ), Россия, г. Екатеринбург*;
[3]*Волгоградский государственный университет, Россия, г. Волгоград;*
[4]*Сургутский государственный педагогический университет, Россия,г. Сургут;*
[5]*Федеральный социологический центр РАН, Россия, г. Москва;*

Аннотация. Российское общество социологов уже 15 лет на общественных началах проводит федеральные исследования по актуальным проблемам. Проект «Отношение студенчества к Великой Отечественной войне» является мониторинговым. На президиуме Российского общества социологов (РОС) 29.11.2019 г. было принято решение о проведении IV этапа (2020 г.) исследования «Отношение студенчества к Великой Отечественной войне» (I-2005, II-2010, III-2015). В ходе исследования 2020 г. был собран уникальный материал по изменению исторической памяти населения о Великой Отечественной войне, о ее событиях, фактах и, главное, о мнениях и оценках этих событий и фактов молодежью. Инструментарий исследования способствует вовлечению студенчества в проблемы, связанные с ВОВ.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Российское общество социологов, опрос, исследование, результаты, студенты, историческая память, патриотическое воспитание.

Российское общество социологов (РОС) уже более полутора десятка по собственной инициативе проводит всероссийские исследования по актуальным проблемам. В перечне этих проектов исследование «Отношение студенчества к Великой Отечественной войне» занимает особое место. Начавшись в канун 60-летия Великой Победы (в марте 2005 г.), проект зажил собственной жизнью, не только возвращаясь к опросу студентов каждые пять лет, но и объединяя вокруг себя преподавателей и студентов вузов, ученых, исследователей, да и просто обычных граждан, кому интересная проблематика, связанная с событиями Великой Отечественной войны (ВОВ). Статистика проведения опросов свидетельствует, что год от года он становился все более масштабным, как по территории охвата, так и по количеству принявших участие в опросе, и даже по количеству научных публикаций, основанных на результатах, подученных в ходе исследований. Так, если в первой волне (2005 г.) было опрошено более 2000 студентов из разных регионов России, то в 2010 году (к 65-летию Победы советского народа в ВОВ) в исследовании приняли участие 3482 студента из 36 вузов и 15 городов России. В волны третьего замера (к 70-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941−1945 гг., «Современное российское студенчество о Великой Отечественной войне») уже «погрузились» 4652 человека, в том числе 4591 студентов из 45 вузов, расположенных в 20 различных городах России, и 61 бывший студент. К этому моменту уже стало понятно, что исследование перешагнуло в ранг мониторинга, поскольку от волны к волне сохраняет объект и методику исследования.

Справедливости ради, заметим, что РОС на общественных началах проводит и иные исследования разного масштаба – от региональных до всероссийских, а не только «Отношение студенчества в Великой Отечественной войне» (2005, 2010, 2015, 2020 гг.). Не с точки зрения значимости реализованных проектов, а только в порядке перечисления назовем некоторые из них: «Гражданская культура российского студенчества», (2007 г., N=4000), «Социокультурный портрет современного студенчества стран ШОС» (2008–2009 гг., N=3572), XXII Зимняя Олимпиада и XI Зимняя Паралимпиада (2014 г., N=2424), «Студенчество о социальном неравенстве и социальной справедливости» (2016 г., N=3964), «Год экологии-2017 в России» (2017 г., N= 2651), Чемпионат мира по футболу 2018 ФИФА – ЧМ 2018 (2018 г., N= 4703), и др. Всего за 15 лет осуществлен 1 мониторинговый проект

«Отношение молодежи к Великой отечественной войне 1941–1945 гг.» (2005 г. – 2 исследования; 2015 – 3, 2020 – 3 исследования) и проведено 6 всероссийских исследований. Два исследования с международным участием. Всего за эти годы было опрошено 56957 респондентов. Замыкает представленный выше перечень проектов РОС четвертая волна проекта «Отношение студенчества в Великой Отечественной войне», которая по своим масштаба превзошла все предыдущие. Год проведения этой волны – 2020 – не случаен. Этот год объявлен Указом Президента Российской Федерации В. В. Путиным Годом памяти и славы с целью сохранения исторической памяти и в ознаменование 75-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941−1945 гг. На президиуме Российского общества социологов 29.11.2019 г. было принято решение о проведении очередной, уже четвертой по счету, волны проекта. Кроме того, было принято решение, что результаты, полученные в ходе этой и предыдущих волн, буде представлены в рамках сессии «Помним, гордимся… Молодежь России о Великой Отечественной войне и проблемы патриотизма» на Всероссийском социологическом конгрессе (ВСК-6) в Тюмени (2020 г.).

О технологии организации и проведения подобного рода опросов мы уже упоминали в своих публикациях (см., напр.: [2–5] и др.), поэтому в рамках данного матриала на этом подробно останавливаться не будем.

Таблица 1

Структра респондентов, принявших участие в социологическом исследовании «Отношение молодежи к Великой Отечественной войне» (четвертая волна)

№	Подмассив	Число анкет:
0	Общее число опрошенных, в том числе:	14626
	Число выбракованных анкет	691
	Число анкет признанных валидными	13953
1	Студенты вузов, в том числе:	10884
	1.1. Студенты Российских вузов- граждане РФ	10065
	1.2. Иностранные студенты, обучающиеся в Российских вузах	372
	1.3. Студенты заграничных вузов, пожелавшие принять участие в нашем исследовании, в том числе:	413
	Киргизская республика	347
	Таджикистан	41
	Республика Беларусь	24
	Украина	1
	1.4. Студенты вузов, с не идентифицированным гражданством	34
2	Студенты СПО	762
	2.1 Студенты СПО, обучающиеся в Российских вузах, граждане РФ	646
	2.2. Иностранные студенты, обучающиеся в российских СПО	18
	2.3 Студенты заграничных СПО	95
	2.4. Студенты вузов, с не идентифицированным гражданством	3
3	Не студенты или не указавшие, что они являются студентами, в том числе:	2289
	3.1 Граждане РФ до 30 лет (включительно)	1778
	3.2. Граждане РФ старше 30 лет	222
	3.3. Граждане других государств до 30 лет	256
	3.4. Граждане других государств старше 30 лет	30
	3.5. Не студенты с не идентифицированным гражданством	3

Возвращаясь к опросу студентов «Отношение студенчества к Великой Отечественной войне», заметим, как мы уже заметили выше, четвертая волна проекта получилась самой

масштабной на фоне всех предыдущих проектов. Если в третьей волне проекта (2015 г.) сбор информации осуществлялся двумя способами: на бумаге (традиционная раздаточная анкета с последующим вводом данных в компьютер для формирования общего массива) и были опробованы методики on-line-опроса (через Интернет-опрос на CAWI-сервере организаторы получили 1295 анкет), то четвертая волна полностью была построена на online-анкетировании. Опрос, выпущенный на просторы интернета, зажил собственной жизнью и принес неожиданные результаты. Свободное инициативное заинтересованное участие в on-line-опросе привлекло к нему «дополнительных» участников, значительно расширив и территорию исследования (см. табл. 1).

Приведенные в таблице цифры впечатляют. Но в целом в опросе 2020 г. было собрано 23037 анкет, допущенных после редактирования массива к обработке. Так, например, впервые в истории проекта в опросе приняли участие педагоги дошкольных учреждений. Руководителем поля выступил, приняв на себя инициативу, Ю. Е. Антонов – президент «Ассоциации лучших дошкольных образовательных организаций и педагогов», под его руководством было опрошено 7217 работников ДОУ и 791 родитель их воспитанников. Кроме того, было опрошено по адаптированной анкете 1885 школьников 8–11 классов в разных городах страны.

Что дает авторам и организаторам проекта основание считать, что участие в данном проекте действительно выступает одной из форм патриотического воспитания молодежи и студентов?

Напомним, что еще в декабре 2015 гола была принята Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы», утвержденная постановлением Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2015 г. (№ 1493). В данном документе обозначено несколько задач. Так, например, есть такая: активизация интереса к изучению истории России и формирование чувства уважения к прошлому нашей страны, ее героическим страницам, в том числе сохранение памяти о подвигах защитников Отечества. В комментариях в социальных сетях, где студенты делились своими впечатлениями о прохождении опроса, читаем: «Память о войне – наш долг, а подобные акции мотивируют тебя помнить, мотивируют пойти на шествие «Бессмертного полка», хотя это, наверное, уже давно и так для каждого обязательно, мотивируют не забывать о людях, которые эту победу «выгрызали». Формат опроса всегда больше приветствуется моими сверстниками, это более интерактивно». Или: «Если честно, я рад, что люди не забывают проводить такие опросы, не стесняясь их выкладывать в интернет, ведь если так подумать, то современные дети не хотят даже чуточку приблизиться к нашей истории. И пока существуют эти опросы, я думаю, что мы будем помнить ценности нашей Родины». А вот еще: «Вопросы актуальные довольно и уместные. Потому что есть такие, кто считает, что СССР сыграло последнюю роль во Второй мировой войне. Или проявляют неуважение к павшим из-за незнания, не понимания или же просто отсутствия воспитания».

Реплики студентов в социальных сетях подтверждают, что, порою, мы не задумываемся о вещах, о которых нас не спрашивают. Но любой поставленный вопрос, предполагает ответ. Интересно, что многие студенты восприняли этот социологический опрос, как тест на проверку знаний о Великой Отечественной и Второй мировой войне, и в сетях так и писали: «Мне тест понравился…» или «Тест интересный. Но уж многие вопросы “капают” глубоко».

Еще одна задача из Государственной программы по патриотическому воспитанию: углубление знаний граждан о событиях, ставших основой государственных праздников и памятных дат России и ее регионов. Более важного праздника для страны, в которой в каждой семье хранятся реликвии военных лет, были, а где-то и до сих пор живут участники фронта и тыла тех далеких лет, чем День Победы, просто и быть не может. Каждый праздник, даже тот, что со слезами на глазах, обязательно находит свое отражение в стихах, песнях, музыке, фильмах. Если даже кто-то просто лишний раз прослушает «Катюшу» или «Синей платочек», или посмотрит «А зори здесь тихие…», уже будет чувство, то опрос проводился не зря. А студенты писали в социальных сетях: «Да, интересно. Приятно, что спраши-

вают про знание песен и фильмов. Для себя поняла, что советских фильмов про это время я почти не смотрела, только новые. Обидно стало как-то. Я благодарна своему техникуму, мы там каждый год проводили день Памяти Николая Сердюкова, и к 9 Мая ставили концерты». И еще: «Знать историю надо обязательно, а подобные опросы вызывают, порой, чувство стыда. Когда тебя спрашивают про музыку Победы, а ты вспоминаешь не больше 5 композиций, – это стыдно».

Или такая задача из той же программы: повышение интереса граждан к военной истории Отечества и памятным датам. Ответы на вопрос анкеты не только интерес студентов не только повышают, но и провоцируют на поиски ответов на сложные, провокационные, по их мнению, вопросы. Так, например, реплика в социальных сетях: «Но что понравилось именно мне, так это провокационные, на мой взгляд, вопросы, а именно про роль мировых держав во Второй мировой войне, про взаимоотношения со странами, оскверняющими память советского воина. Первые пункты опроса можно встретить часто, а вот на провокационные вопросы отвечать куда более интересно. Отдельное спасибо за возможность посмотреть результаты других участников, можно проанализировать свои знания, потому что всегда есть куда стремиться».

Понятно, что перечень задач из программы, так же как и перечень реплик студентов, которые они размещали в социальных сетях, можно еще долго продолжать. Главное, на наш взгляд, в другом.

В своем время М. Хальбвакс писал: «я вспоминаю о чем-то потому, что к этому побуждают меня другие, что их память помогает моей памяти, а моя память опирается на их память. <…> В таком смысле получается, что существует коллективная память и индивидуальные рамки памяти, и наше индивидуальное мышление способно к воспоминанию постольку, поскольку оно заключено в этих рамках и участвует в этой памяти» [6, с. 28–29]. Формула получается довольно простая: если размываются индивидуальные рамки памяти, и индивидуальная память не работает вместе с коллективной, то «размывается» и последняя, что фиксируют результаты опросов студентов о ВОВ, полученные в том числе и в ходе последней волны. Понятно, что происходит изменение отношения студентов к событиям ВОВ. Оно и не может не происходить. Но! Важно знать и понимать, какие именно изменения происходят, успевать фиксировать эти изменения. Вовлечение студентов в опрос – это один из каналов сохранения и формирования памяти молодого поколения о времени ВОВ, создание той коллективной рамки памяти, которая делает нас единым народом. В этой связи полагаем важным, что в ходе опроса студенты обращаются не только к самой истории времен Великой Отечественной войны, но ее контексту, последующему осмыслению в произведениях искусства. Вряд ли стоит особо доказывать, что «своим» человеком мы считаем того, кто знает и поет те же песни, что и мы, читает те же книги, смеется над теми же шутками, плачет и переживает так же над сюжетами фильма. Если молодые люди все эти книги, фильмы, песни и пр. впускают в свой внутренний мир, то можно быть уверенным, что связь поколений не будет прервана. Отрадно видеть, что и в этом году первые строчки студенческого рейтинга наиболее популярных фильмов о Великой Отечественной войне занимают такие фильмы как: «А зори здесь тихие…» (с обязательными приписками: повесть, советский и современный фильм), «В бой идут одни старики», «Судьба человека» (М. Шолохов, проза и фильм), «Т-34» и др. Среди песен – это: «Катюша», «День Победы», «Священная война (Вставай, страна огромная!)», «Тёмная ночь», «Журавли», «Смуглянка», «Синий платочек» и др. Все эти песни, фильмы, проза и стихи наравне с реликвиями времен ВОВ, хранящимися в семьях, – по выражению Я. Ассмана, есть ничто иное как «фигуры воспоминания» [1]. Книга, фильм и т. д. выступают проводниками от коммуникативной памяти к формированию культурной памяти. Более того, уже сама книга и фильм выступают фактами истории.

В анкете опроса всегда присутствует просьба назвать полководцев и героев ВОВ. Не было случая, чтобы в этом перечне не было бы «детских», но по-взрослому осознанных записей типа: «Кузмин Иван Петрович, мой прадед, который погиб» и дальше идет название

населенного пункта и ли упоминание, что ушел на войну и не вернулся, дошел до Берлина. Есть и другие записи: «Все, кто воевал для меня герои, весь советский народ, все жители блокадного Ленинграда и т. п.». И таких записей достаточно много.

Известно, что человек «живет» и не покидает этот мир до тех пор, когда о нем помнит хотя бы кто-то. Желание студентов напомнить, поставить на одну планку с именитыми маршалами, генералами, признанными героями своих родственников, может быть никому не известных, но также потом и кровью, ценой собственной жизни, добывавших Победу в окопах и в тылу, выглядит, казалось бы, наивно. Но на самом деле, так интуитивно формируется еще один «Бессмертный полк», где в одном перечне выстраиваются многие и многие невидимые герои войны. И если студенты об этом пишут, то понятно, что для них это важно, а опрос – это только возможность поделиться с другими с тем, что хранит память, та память, которая и делает нас единым народом. И странице анкеты рядом стоят маршал Жуков Г.К. и Кузьмин И.П.

Статистика по проекту, приведенная выше, убеждает, что в нем с каждым годом участие принимает все большее количество студентов. А практика проведения опросов показывает, что те респонденты, которые принимали в них участие, более чутко начитают относиться и к ветеранам, и к мероприятиям, посвященным событиям ВОВ, включаются в деятельные практики по сохранению памятников и коммуникативной памяти о событиях ВОВ.

Как было сказано выше, данный проект – инициативный, у него нет заказчика, но есть много заинтересованных людей, без поддержки которых он просто не состоялся бы. И такие неравнодушные люди есть во всех городах и вузах. Люди, которые не заканчивают работу со студентами временем проведения опроса, а продолжают ее в повседневных практиках. Приведем лишь один пример. В Волгограде, а точнее в Волгоградском государственном техническом университет (ВолгГТУ), который неизменно принимает участие в проекте «Отношение студенчества к Великой Отечественной войне», под руководством доцента Е. В. Ануфриевой студенты выполнили (и продолжают это делать) кропотливую работу по сбору воспоминаний современников ВОВ. К настоящему моменту ими взяты интервью у 114 человек: дети войны – 88 человек (1931–1945 г/р); ветераны войны – 15человек (1923–1926 г/р); труженики тыла – 11человек (1920–1926 г/р). Из этих отдельных устных историй сплетается полотно жизни, в котором находится место всем – и известным героям, и скромным труженикам тыла – молчаливому поколению войны. Можно сказать, что студенты вместе со своими собеседниками прожили 144 жизней, из воспоминаний узнали многое, что захотелось потом уточнить у преподавателя, почитать в книге. В Нижневартоском государственном университете традиционно проходит под руководством доцент кафедры истории России Еремин С.В. акция «Дорога к обелиску»: проведение работ по благоустройству воинских и ветеранских захоронений на территории города Нижневартовска и Нижневартовского района, проведение поисковых работ в г. Севастополь (апрель – май 2020 г.) Работы нижневартовских студентов, участников Всероссийского конкурса, посвященного 70-летию Великой Отечественной войне (научный руководитель Р. Н. Шайхулов) были опубликованы в монографии РОС «Война была позавчера…Российское студенчество о Великой Отечественной войне»[5, с.302-306]. Если обратиться к сайту любого вуза, СПО, то мы увидим большое число мероприятий посвященных 75-летию Победы. Например, в программе *мероприятий Сургутского государственного педагогического университета (СурГПУ), посвящённых 75-летию Победы в Великой Отечественной войне есть* Всероссийская конференция «Россия и мир: история и современность». Секция «Великий подвиг народа. Никто не забыт, ничто не забыто», на которой планируется обсудить результаты социологического опрос «Студенчество о Великой Отечественной войне». В Сургуте было опрошено 635 чел, в том числе СурГПУ – 445 студентов

По мнению специалистов, утрата культурных корней сопровождается психологической дезориентацией личности. Участие студентов в опросе «Отношение студенчества к Великой Отечественной войне» – это не только сохранение культурной памяти народа, приобщение

к памяти предшествующих поколений и, следовательно, обретение собственных корней, удерживающих молодого человека в социуме, в жизни.

Литература

1. *Ассман Я.* Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
2. *Вишневский Ю.Р., Дулина Н.В., Икингрин Е.Н., Пронина Е.И.* Через исследования к доверительному сотрудничеству // Война была позавчера… Российское студенчество о Великой Отечественной войне: Материалы мониторинга «Современное российское студенчество о Великой Отечественной войне». Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2015. С. 80–83.
3. *Вишневский Ю.Р., Дулина Н.В., Икингрин Е.Н.* Социологическое исследование как инструмент проведения грамотной социальной политики // Социальные проблемы и безопасность российских регионов: материалы второго Байкальского научного социологического симпозиума. Иркутск: Издательство ИГУ, 2015. С. 7–15.
4. *Вишневский Ю.Р., Дулина Н.В., Икингрин Е.Н., Пронина Е.И.* Опрос студентов России как возможность очертить контуры будущего страны (из опыта работы Российского общества социологов) // Материалы VII международной социологической Грушинской конференции «Навстречу будущему. Прогнозирование в социологических исследованиях», 15–16 марта 2017 г. М.: АО «ВЦИОМ», 2017. С. 150–153.
5. *Вишневский Ю.Р., Дулина Н.В., Икингрин Е.Н., Пронина Е.И.* Через исследования к доверительному сотрудничеству // Война была позавчера… Российское студенчество о Великой Отечественной войне: Материалы мониторинга «Современное российское студенчество о Великой Отечественной войне». Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2015. 312 с.
6. *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.

БАКАЛАВРЫ И МАГИСТРЫ О МОТИВАЦИИ И ОЖИДАНИЯХ ПРИ ВЫБОРЕ МАГИСТРАТУРЫ

Колесникова А.В.

Казанский национальный исследовательский технический университет имени А.Н. Туполева-КАИ,

Россия, г. Казань

Аннотация: В статье рассматриваются мотивации выбора магистрантами и бакалаврами индивидуальных траекторий, которые включают различные аспекты образовательных, науч-ных и профессиональных траекторий студентов в ходе получения магистерского образова-ния. Рассматривается спектр потребностей получения степени магистра у выпускников раз-личных вузов и их выбор дальнейшей образовательной специальности. Показаны все пре-имущества и недостатки обучения на магистратуре за рубежом. А так же важность диплома магистранта для работодателей.

Ключевые слова: обучение в магистратуре, система высшего образования, диплом, бакалавр.

Система высшего образования в России стала двухуровневой в 2009 году. С этого момента у студентов появился выбор. Можно получить диплом бакалавра за 4 года и сосредоточиться на работе. Можно продолжить обучение: прицельно или параллельно с работой, по своей специальности или по новой.

Кто, зачем и почему идет в магистратуру?

Социологические исследования показывают, что для большинства студентов поступление было осознанной необходимостью, желанием профессионального и личностного роста, требованием приобрести недостающие для работы компетенции и навыки [7].

Еще один мотив для обучения – открытая образовательная среда, в которую погружается магистрант, уникальные люди и события: семинары, круглые столы, научные конференции, проектная деятельность и многое другое. Ведь без исследовательской и научной деятельности немыслимо обучение в современной магистратуре.

В магистратуре, в отличие от бакалавриата, большая часть нагрузки идет на личностное развитие, самостоятельную, исследовательскую, практико-ориентированную работу. За те два года, что студенту предстоит проучиться в магистратуре он должен пройти определенный курс теоретического и практического обучения. Причем последний – в зависимости от направления подготовки – достигает 60% общего времени [7]. Это означает, что магистратура дает возможность человеку попробовать себя в той или иной профессии.

Какова мотивация для поступления и возможные перспективы?

1. Обучение в магистратуре — это осознанный выбор взрослого человека, осуществляемый уже не под влиянием родителей или ситуации, получение профессиональных компетенций в соответствии с выбранной специальностью, следующая образовательная ступень после бакалавриата. Например, получив базовое инженерное образование, в магистратуре можно дополнительно специализироваться в управлении в инженерии, а получив базовое экономическое образование – специализироваться в международной экономике или политэкономии. Подобная специализация даёт преимущества у потенциальных работодателей и максимально расширяет перспективы карьерного роста.

2. Магистратура дает возможность не только повышения своей профессиональной квалификации, но и переквалификации, изменения карьерного пути, если назрела такая необходимость. Можно получить диплом узкопрофильной специализацией в соответствии с требованиями работодателя, потратив всего 2 года, вместо 4-5 лет. За два года учебы в магистратуре студент дополняет и углубляет свое образование в соответствии со своими интересами и планами на будущее. К тому же без научной степени магистра невозможно получить определенные профессиональные и руководящие должности, особенно в зарубежных компаниях. Например, бакалавр в области юриспруденции может работать помощником адвоката, для достижения более высокого профессионального уровня потребуется пройти обучение в магистратуре.

3. Обучение в магистратуре – это уникальная образовательная среда, встречи с удивительными людьми, значимые события. Можно сказать, что это особенный тренинг продолжительностью в два года, проверка на прочность и в то же время – выявление собственного потенциала и гарантированный личностный рост. К тому же вполне возможно поступить в магистратуру в другом городе или даже стране, значительно улучшив качество образования и перспективы трудоустройства по профессии на высокооплачиваемую работу после получения научной степени магистра. Дополнительный бонус – возможность поменять платное образование на бесплатное (бюджетное).

4. Научно-исследовательская деятельность в магистратуре – это отличный шанс реализовать свой накопленный опыт и выйти на новый профессиональный уровень, опубликовать свои «наработки», погрузиться в академическую атмосферу.

5. И, конечно же, это образовательные стипендии и научные гранты, предоставляемые отечественными и зарубежными вузами, крупными корпорациями и компаниями, Правительством РФ и другими государственными и негосударственными структурами. Студент магистратуры может получать одновременно три и даже более стипендий.

Таким образом, магистратура даёт совершить осознанный, «взрослый» выбор в осуществлении дальнейшей профессиональной деятельности.

Преимущества и недостатки обучения на магистратуре за рубежом:

Имея российский диплом бакалавра, студент вполне может подать документы на магистратуру за границей. Ежегодно учиться в зарубежные вузы уезжают десятки тысяч российских абитуриентов.

Учеба за границей дает студенту высокий уровень подготовки, опыт жизни в чужой стране, возможность путешествовать, постоянную практику иностранного языка, а также увеличивает шансы пройти полезные стажировки и остаться работать за рубежом. Еще один ощутимый плюс: возможность сократить срок своего обучения, так как в некоторых странах магистратура длится не два года, а один.

Среди недостатков существуют очевидные: это волокита с документами и финансовая составляющая. Еще одна проблема – адаптация к новому менталитету, новой учебной системе и новой стране в целом.

Кстати, во многих российских вузах существуют программы обмена студентами в магистратуре, с помощью которых можно в течение одного года учиться в России, а второй год провести за границей. В итоге выпускник получает диплом двух образцов – российского и зарубежного.

При выборе вуза для обучения по магистерской программе важно обратить внимание на два фактора: качественный преподавательский состав и развитие инфраструктуры вуза.

Магистерские образовательные программы предусматривают более глубокое освоение теории и практическую подготовку студента к научно-исследовательской или профессиональной деятельности. Поэтому руководить магистрантами имеют право лишь преподаватели высшей квалификации – доценты и профессора.

Насколько важен для работодателей диплом магистратуры?

Статистика Министерства образования и науки РФ показывает, что процент трудоустроенных выпускников со степенью магистра на порядок выше, чем процент трудоустроенных бакалавров. Однако есть сферы, где безусловным показателем пригодности будет скорее не строчка о высшем образовании, а имеющийся опыт. Это касается, к примеру, сферы IT, где соискателя вероятнее всего попросят сделать тестовое задание.

В магистратуру поступает всего лишь 25–30% бакалавров [8]. Этот факт может объясняться рядом причин, как экономического и территориального характера, так и личностными особенностями студентов, в частности их учебной мотивацией.

В целом, считается, что отсутствие диплома магистра может стать препятствием не для трудоустройства как такового, а для дальнейшего продвижения по карьерной лестнице. В какой-то момент может оказаться, что сотруднику попросту не хватает квалификации.

Тем, кто хочет работать за границей, просто необходима магистратура: устроиться там на хорошую работу с российским дипломом бакалавра крайне трудно.

Рынок четко дал понять, что если студент хочет расти, развиваться и строить карьеру, то уровня бакалавриата недостаточно.

Литература

1. *Соловов А.А.* Подготовка бакалавров: проблема востребованности выпускников на рынке труда // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2016. № 3.1. С. 58–64.
2. *Сальков А.В.* Особенности мотивации научно-исследовательской деятельности магистров в вузе // Современные проблемы науки и образования. 2019. № 6. URL: http://science-education.ru/ru/article/view?id=29409 (Дата обращения: 08.03.2020).
3. *Донина И.А., Казаренко А.В., Шерайзин Б.Г.* Проблемно-диагностический анализ отношения выпускников бакалавриата к обучению в магистратуре // Вестник НовГУ. 2016. №2(93). С. 32–36.
4. *Колмыков А.В., Дубежинский Е.В., Трапянок Н.Г.* Перспективы развития магистратуры, ожидания и жизненные планы магистрантов (по материалам социологического опроса //

Вестник Белорусской государственной сельскохозяйственной академии. 2018. № 2. С. 209–211.
5. *Непряхин Н., Пащенко Т.* Критическое мышление: железная логика на все случаи жизни. М.: Альпина Паблишер, 2020. 192 с.
6. *Сандлер Д.Г., Сущенко А.Д.* Экономические мотивации выбора магистрантами образовательных, научных и профессиональных траекторий // Экономика региона. 2016. № 2. С. 547–559.
7. Блог «Молодой ученый» («Зачем поступать учиться в магистратуру?»). URL: https://moluch.ru/information/zachem-postupat-uchitsya-v-magistraturu/ (Дата обращения: 08.03.2020).
8. *Игнаткова И.А.* Особенности учебной мотивации студентов, поступающих в магистратуру» // Международный научно-исследовательский журнал. 2015. № 4. С. 62–63.

РОЛЬ СМИ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ МОЛОДЕЖИ КАЗАХСТАНА

Кудайбергенова Т.Б.
Евразийский национальный университет,
Казахстан, г. Нур-Султан

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы влияния СМИ на формирование повседневности современной молодежи Казахстана. Исследована и выявлена роль коммуникационной составляющей в повседневности молодежи. Осуществлен вторичный анализ данных социологических исследований Научно-исследовательского центра «Молодежь».

Ключевые слова: молодёжь, социальные сети, виртуальность, социальные ценности, коммуникации, средства массовой информации, Интернет.

На данный момент казахстанское общество переживает ряд трансформаций в социально-экономической, культурной и мировоззренческой сферах, что сказывается на функционировании социальных институтов и, как следствие, на ценностях населения. Эти изменения в большей степени сказываются на молодежи, как на более восприимчивой к переменам социальной группе, что отражается на ее национальной идентификации, отношении к патриотизму, вопросах семейных ценностей, гендерных установках и других не менее важных аспектах жизни.

Интернет, как всемирная информационная система, рождает киберкультуру со своими понятиями, ценностями, образом мыслей и языком. Социальные сети являются сегодня одной из главных составляющих становления информационного общества. Неоднозначность влияния социальных сетей на молодежь вызывает интерес к изучению этой проблемы [1].

Актуальность данной работы определена тем, что на сегодняшний день молодежь все больше включена в виртуальную жизнь. С помощью социальных сетей люди общаются, заводят новых друзей, совершают покупки, узнают о жизни публичных личностей и даже устраиваются на работу. В современном мире молодежь стала удовлетворять свою потребность в общении путем использования социальных сетей. Прогулки на улице, походы в общественные развлекательные места и визиты в гости к друзьям ушли на второй план. Виртуальная жизнь внутри социальных сетей стала первостепенной необходимостью [2]. Зачастую молодые люди стали фотографироваться не ради того, чтобы сохранить приятный момент из жизни, а с целью выложить эти фотографии и увидеть количество лайков и комментариев. Тем самым потерян контроль молодежи над своей настоящей жизнью и преувеличено значение виртуальных ценностей.

Образ жизни – это конкретный вид, способ социальной жизнедеятельности людей. Образ жизни представляет собой определенный набор (совокупность, иерархию, структуру

и т.д.) основных типичных форм повседневной активности индивидов (трудовой, познавательной, политической, досуговой, бытовой) [3, с. 35]. Разнообразие внешних условий, детерминант жизнедеятельности, а также разнохарактерность способов освоения социальной действительности юношей и девушек, в одних и тех же условиях, могут влиять на возникновение естественного многообразия «стилей жизни» в границах единого, сложившегося образа жизни молодежи.

Научно-исследовательский центр «Молодежь» в 2018 году провел социологическое исследование, посвященное изучению ценностей казахстанской молодежи [4, с. 127]. С целью изучения стилевого разнообразия в образе жизни казахстанской молодежи, форм и структуры досуга, режима отдыха и особенностей культурно-нравственного развития в анкете был сформулирован ряд вопросов.

На развитие молодежи большое влияние оказывают источники получения ими информации о мире, стране и событиях в жизни общества.

В структуре источников получения такой информации, как показал опрос, у современной казахстанской молодежи, доминируют, прежде всего, социальные сети – 90,3%, на втором месте телевидение – 70,9%, на третьем – новостной контент Интернета – 63,9%.

Значительно меньше от числа опрошенных – 40,5% читают книги (в том числе электронные), 1/3 опрошенных читает электронные и печатные газеты и журналы, слушают новостные выпуски на радио – соответственно 37,8%, 36,2% и 33,7%.

Как показали результаты опроса, информативная роль таких традиционных источников информации, как газеты и радио, снижается. Наблюдается закономерная тенденция перехода молодежи к использованию цифровых источников получения информации - таких, как компьютеры и мобильные устройства связи (смартфоны, планшеты) (*Диаграмма 1.)*.

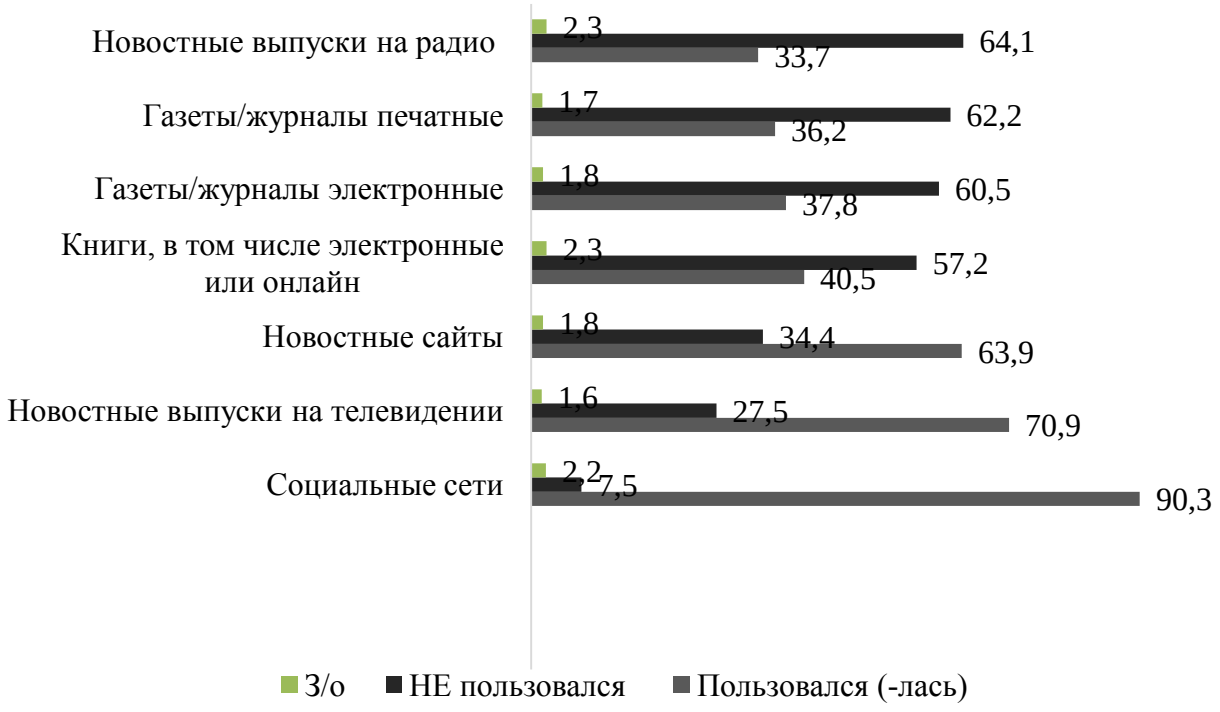


Рис 1. Распределение ответов на вопрос: «Что из перечисленного Вы читали, смотрели или слушали в течение последней недели?», (в %, один вариант ответа)

Режим использования Интернета на любом виде носителей у подавляющего большинства респондентов носит систематический характер и варьируется от «нескольких раз в день» – 67,5% до «ежедневно, раз в день» – 23,5% (*Диаграмма 2.)*.

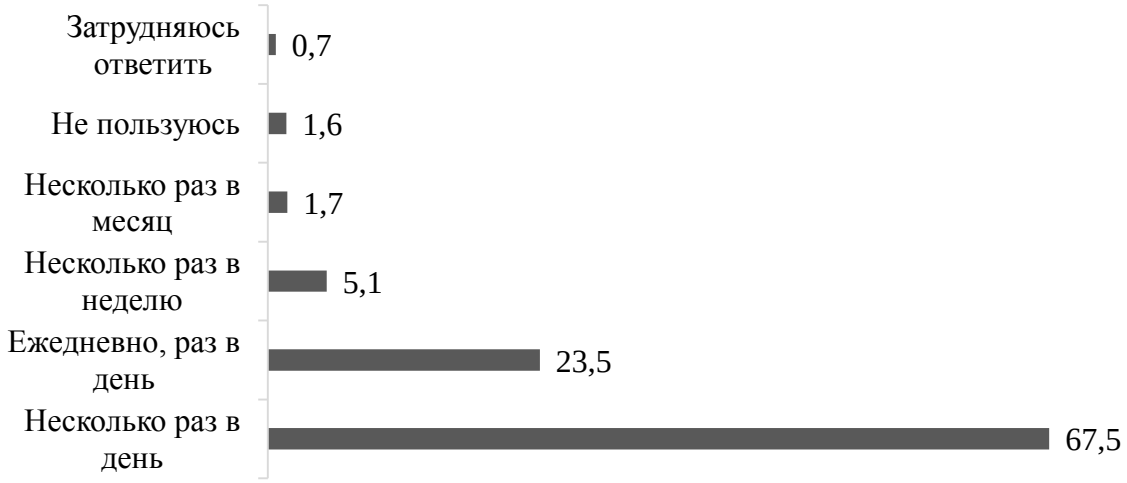


Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «Как часто Вы пользуетесь интернетом (на любом виде носителей)?», (в %, один вариант ответа)

В тройку наиболее популярных социальных сетей у молодежи входят иностранные мессенджеры – американские WhatsApp, Instagram, российский «ВКонтакте» – соответственно 85,1%, 70,0% и 69,2% (*Диаграмма 3.)*.

Как правило, молодежь в социальных сетях Интернет имеет несколько аккаунтов, где есть возможность одновременно выкладывать информацию и фото сразу на нескольких платформах. Это экономит время и делает круг подписчиков значительно больше.

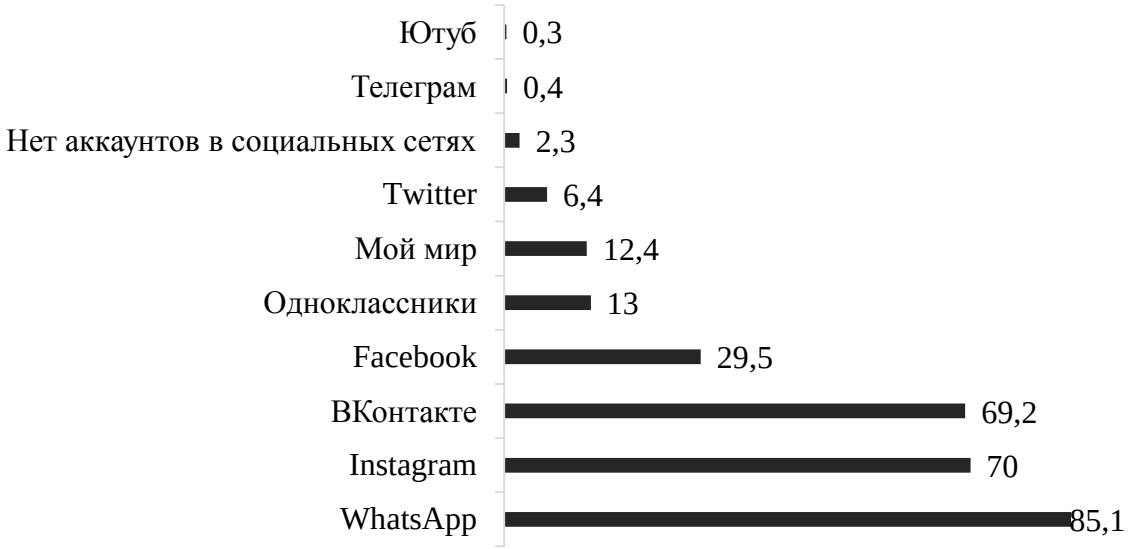


Рис. 3. Распределение ответов на вопрос: «В каких социальных сетях у Вас есть аккаунты?», (в %, любое количество ответов)

В сети молодежь ищет новых друзей и новые субкультуры, пытаясь обрести чувство принадлежности к той или иной группе.

Процесс цифровизации общества представляет собой целый комплекс возможностей и вызовов в первую очередь для представителей молодого поколения, социализация и адаптация к условиям современного рынка труда которого происходит отчасти в интернет-

пространстве. Поэтому в ходе настоящего опроса респондентам было предложено ответить на несколько вопросов о роли Интернета в их жизни.

По данным социологического исследования, проведенного Научно-исследовательским центром «Молодежь» весной 2019 года, мобильный телефон имеется у 82,7% молодежи Казахстана. Соответственно остальные (17,3%) еще/пока не располагают данным средством связи. Среди них больше всего респондентов в возрасте 14-18 лет, проживающих в городах (Диаграмма 4).

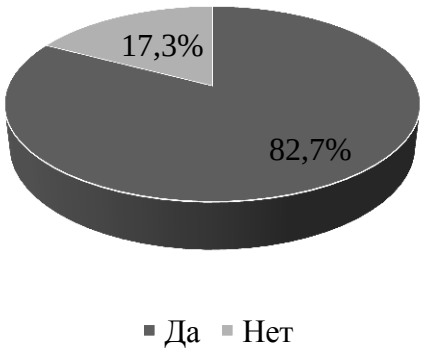


Рис. 4. Распределение ответов на вопрос: «Есть ли у Вас мобильный телефон?»

Казахстанская молодежь выходит в Интернет преимущественно посредством мобильного телефона (88,7%). Через стационарный компьютер или ноутбук пользуются услугами Интернета 5,8% респондентов. Интернет-кафе или компьютерные клубы молодые люди практически не используют как инструмент выхода во Всемирную сеть (0,7%) (Таблица 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос:
«На каких имеющихся у Вас устройствах Вы чаще всего выходите в интернет?»

	%
Мобильный телефон	88,7
Стационарный компьютер или ноутбук	5,8
Интернет-кафе или компьютерные клубы	0,7
Не выхожу в интернет	3,6
Затрудняюсь ответить	1,2

Что касается средней частоты времяпровождения молодежи в Интернете, то, судя по результатам социологического опроса, молодые люди выходят в Интернет каждый день (95,1%), при чем половина из них использует Интернет постоянно (51,8%). Пару часов в день проводят в сети 38% молодежи Казахстана. Несколько раз в неделю пользуются услугами Интернета 2,8% опрошенных (Диаграмма 5).

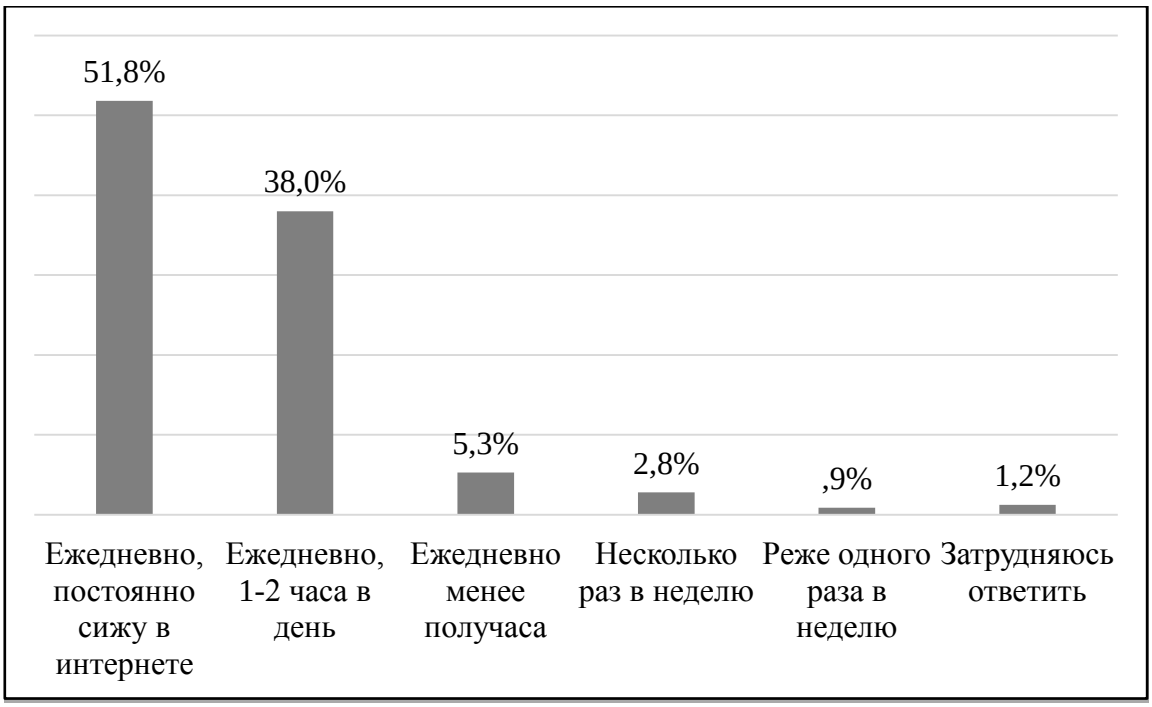


Рис. 5. Распределение ответов на вопрос: «Как часто Вы выходите в интернет?»

Главной целью пребывания молодежи в Интернете является общение в социальных сетях (66,8%), то есть для большинства молодежи Интернет – основной канал коммуникации. Еще 46,7% участников опроса отметили, что пользуются Интернетом для того, чтобы быть в курсе происходящих событий, читать новости. Каждый третий респондент проводит время онлайн для того, чтобы учиться (35,5%) или работать (30,3%). Для ¼ доли опрошенных Интернет – пространство, где удовлетворяют свои потребности геймеры (24,8%) (Диаграмма 6).

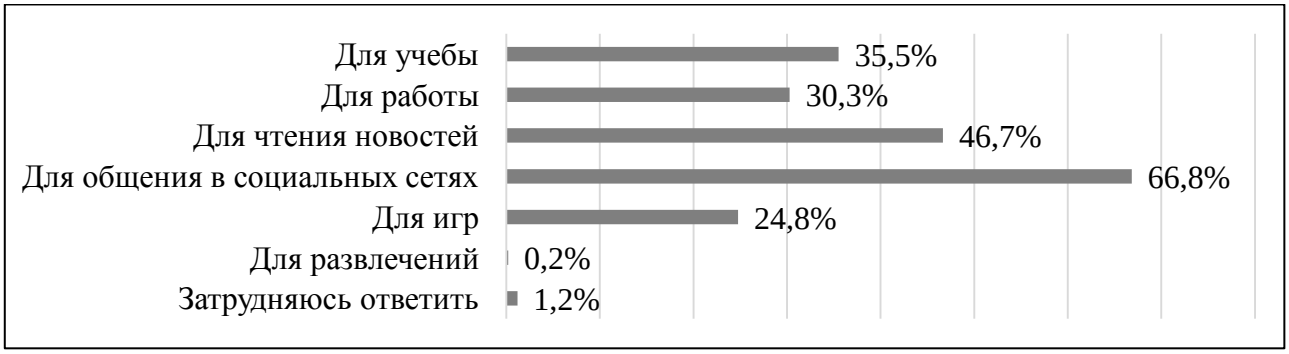


Рис. 6. Распределение ответов на вопрос: «С какой целью Вы пользуетесь интернетом?»

Достаточно распространенной формой проведения досуга среди молодежи является проведение времени в сети интернет. Данная форма культурного досуга, в отличие от многих других, многофункциональна. Интернет используют в учебе, работе, общении, развлечении и т.д.

Таким образом, интернет будучи неотъемлемым компонентом повседневности молодых казахстанцев, является для них основным источником информации в учебе, работе, общественной жизни и главным средством коммуникации.

Так, можно констатировать, что социальные сети в качестве новой киберкультуры занимают успешные позиции. С каждым днем пользователей социальных сетей (Вконтакте, Instagram) становится больше. Доминирующим большинством этих социальных сетей явля-

ется молодежь, для которой виртуальное общение стало неотъемлемой частью социализации в современном информационном обществе. Здесь стоит отметить роль социальных сетей в повседневной жизни молодежи. К ним относятся: возможность увеличения своей значимости; поднятие самооценки; восполнение потребности в общении, позволив высказываться в соответствии со своими взглядами (благодаря сетям сократилась дистанция между обычными людьми и публичной личностью).

Контент-анализ СМИ, выполняемый ежеквартально НИЦ «Молодежь» показывает, что популярность социальных сетей растет с каждым днем.

Самая популярная аудитория авторов (количество подписчиков и друзей автора на момент написания последнего сообщения) - в Instagram.

Вовлеченность аудитории (комментарии + лайки + репосты) напрямую зависит от количества подписчиков, и по данной теме наибольший ее показатель также зафиксирован в Instagram.

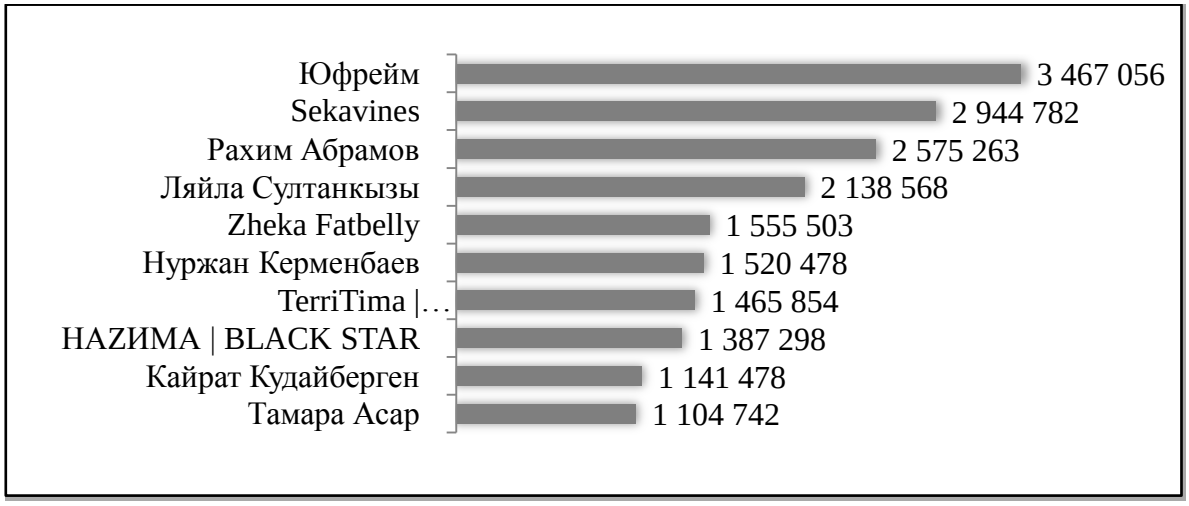


Рис. 7. Топ-10 по количеству подписчиков в социальной сети Instagram

Самые популярные блогеры Казахстана и по аудитории, и по вовлеченности работают в жанре Vine Video – Youframe и Sergazy Toktarbek (Sekavines).

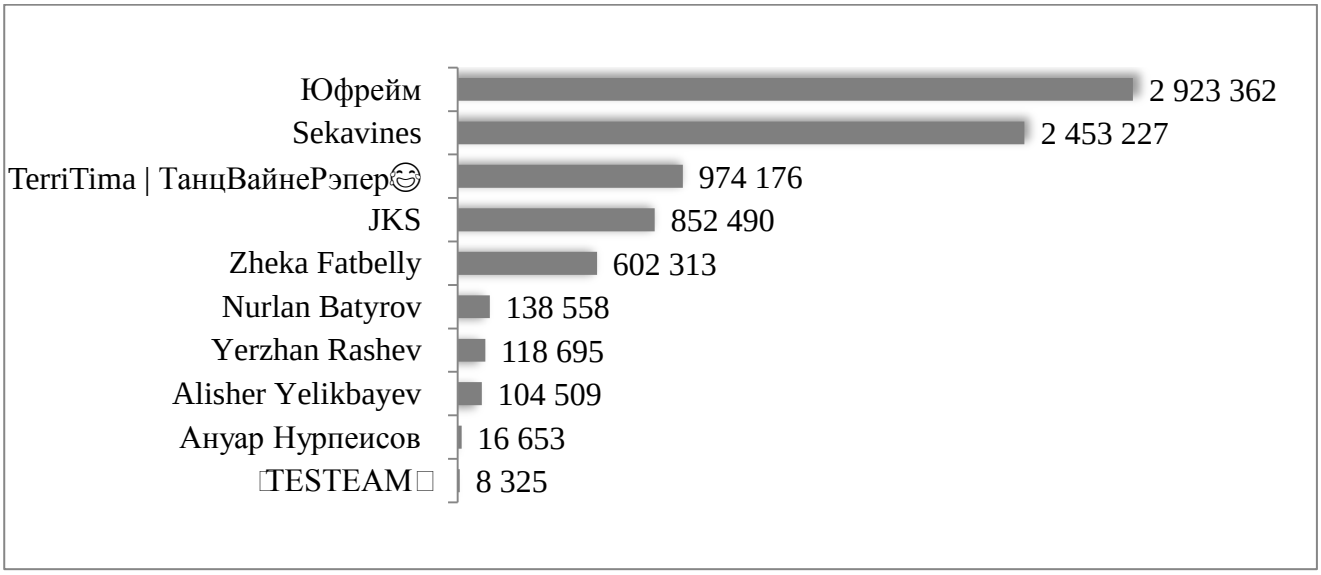


Рис. 8. Топ-10 по вовлеченности молодежи Казахстана с социальной сети Instagram

Однако социальные сети провоцируют создание зависимости у молодых людей. Использование социальных сетей в повседневности молодежи в целях, для которых они были созданы (накопление и передача знаний и навыков), становится все более популярным. Доминирующее значение приобретает возможность проведения прямых эфиров (в режиме реального времени). Сети становятся значимым механизмом информационного влияния, в том числе в целях манипулирования социальными группами и обществом в целом.

Следовательно, в любом случае социальные сети могут играть и позитивную, и отрицательную роль. Соотношение между этими выполняемыми ролями зависит не только от качества всех элементов, но и целей, которые ставит коммуникатор. Социальные сети в формировании образа жизни молодежи занимают особое место. Их воздействие на человека начинается в самом раннем возрасте и продолжается всю жизнь. По сути в современном мире социальные сети взяли на себя значительную часть функций по формированию сознания людей, воспитанию их вкусов, взглядов, привычек, предпочтений. Важнейшей проблемой является оптимальное использование социальных сетей в формировании политической культуры молодежи. В условиях глобализации, социальной напряженности положительную роль может сыграть функция эмоциональной разрядки, осуществляемая с помощью материалов развлекательного характера. Однако обилие таких материалов уводит в мир иллюзий, отвлекает от существующих реальностей в обществе. Поэтому в государственной информационной политике необходимо усилить внимание к важнейшим вопросам противодействия негативному влиянию социальных сетей на молодежь.

Литература

1. *Губанов Д.А., Новиков Д.А., Чхартишвили А.Т.* Социальные сети: модели информационного влияния, управления и противоборства // М.: Издательство физико-математической литературы, 2010. 228 с.
2. *Дугин Е.Я.* Средства массовой информации как смысловое воссоздание образно-символического пространства социальной реальности // Гуманитарий Юга России. 2015. №. 2. С. 130–139.
3. *Волков Ю.Е.* Социальные отношения и социальная сфера // Социологические исследования. 2003. №. 4. С. 34–41.
4. Аналитический доклад по результатам массового опроса «Основные аспекты программы «Рухани жаңғыру». Астана: НИЦ «Жастар», 2018 г.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И МОЛОДЕЖЬ В КАЗАХСТАНЕ: СТРУКТУРЫ ПОТРЕБЛЕНИЯ И ИХ ИЗМЕНЕНИЯ

Мингишева Н.А.

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева,
Казахстан, г.Нур-Султан,

Аннотация. Статья представляет результаты исследования по молодежному потреблению социальных сетей, телевидения и популярной культуры среди студентов в Казахстане и его глобальный (западный и азиатский), региональный (российский) и локальный (казахстанский) уровни с 2011 по 2018 годы с использованием количественных и качественных подходов.

Ключевые слова: культурная глобализация, молодежь, потребление, социальные сети, телевидение, популярная культура, Казахстан.

Один из крупнейших теоретиков глобализации Джордж Ритцер определил глобализцию, как совокупность ускоряющихся процессов, вовлекающих потоки различных миро-

вых пространств, которые ведут к возрастанию интеграции и взаимодействия между этими пространствами [1, с. 1]. Выделяют четыре основных институциональных аспекта глобализации: культурный, социальный, политический и экономический. Помимо экономических аспектов в настоящее время в академической среде преимущественно также обсуждаются и исследуются культурные, результатом которых становится критический анализ глобализационных процессов [1, с. 54–66].

Культурная глобализация предполагает распространение «рефлексивности» современной жизни [1, с. 354]. Джон Томлинсон выделяет такие характеристики культурной глобализации как «детерриториализация» и «телемедиатизация», где первая означает стирание различных границ (физических, климатических, этнических и др.), а вторая – ускорение медиатехнологий и их распространение по всему миру [1, с. 360–365]. Развитие технологий и их возможности быстрого распространения информации характеризуют современную глобальную культуру и, тем самым, могут оказывать влияние на молодежную культуру и потребление. Молодежь представляет собой обширную социальную группу, наиболее восприимчивую к изменениям и является наиболее активной в глобальном культурном обмене [2].

Глобализация, безусловно, несет в себе культурные эффекты, и глобальная культура, прежде всего, – это культура потребления. Культура – это система и сумма практик, которые формируют данную культуру, и подразумевает обмен и потребление идей и вещей, где потребление является значимым [1, с. 330–335]. Изучение молодежной культуры позволяет понять потребительские практики молодого поколения, и как они меняются под воздействием глобализации, в частности, в Казахстане.

Данная статья представляет собой исследование по потреблению социальных сетей, телевидения и популярной культуры (музыки, кино и сериалов) среди молодежи Казахстана, а также уровни данного потребления: глобальный (западный и азиатский), региональный (российский) и локальный (казахстанский). Исследование проходило в Центральном Казахстане (город Караганда) среди студентов 1-2 курсов карагандинских вузов.

Первый этап исследования представляет собой пилотное анкетирование 20 студентов (7 мужчин (35%) и 13 женщин (65%)) в 2011 году. Второй этап был продолжен и расширен в 2015–2018 годах и включал в себя опрос 94 студентов (34 мужчин (36,2%) и 60 женщин (63,8%)) и полуструктурированные интервью (один мужчина и три женщины) по их предпочтениям социальных сетей, телевидения и популярной культуры. Сопоставление данных 2011 и 2015–2018 годов позволяют выявить основные изменения в структурах потребления казахстанской молодежи на предмет того, насколько молодое поколение в Центральной Азии восприимчиво к текущим процессам глобализации в настоящее время.

Социальные сети.

В настоящее время социальные сети становятся неотъемлемой частью повседневной жизни, особенно у молодежи, которая использует их не только для коммуникации и для просмотра новостей, а также для обмена аудио и видео контентом.

Таблица 1

Использование социальных сетей

Вопрос: Какие социальные сети Вы используете? (несколько вариантов)				
	2011 (N=20)		2015-2018 (N=94)	
	Муж. (7)	Жен. (13)	Муж. (34)	Жен. (60)
Мой Мир	7 (100%)	13 (100%)	7 (20,6%)	10 (16,7%)
Facebook	3 (42,9%)	3 (23,1%)	11 (32,3%)	20 (33,3%)
Instagram	-	-	18 (52,9%)	50 (83,3%)
VK (В Контакте)	2 (28,6%)	7 (53,8%)	34 (100%)	57 (95,0%)
Одноклассники	2 (28,6%)	5 (38,5%)	1 (2,9%)	3 (5,0%)
Twitter	1 (14,3%)	1 (7,7%)	2 (5,9%)	8 (13,3%)
Другие	2 (28,6%)	2 (15,4%)	3 (8,8%)	5 (8,3%)
Не пользуюсь соц. сетями	-	-	-	1 (1,7)

Можно видеть, что в использовании социальных сетей среди казахстанской молодежи произошли существенные изменения: Мой Мир и Одноклассники уступили место сети VK. Российские социальные сети сохраняют свои доминирующие позиции среди студентов, хотя влияние западных также растет, особенно у Instagram, которая популярна среди девушек.

Интервью проводились с апреля по июль 2017 года в медицинском вузе города Караганды (Центральный Казахстан), где приняли участие один мужчина и трое женщин. Все четверо отметили, что используют социальную сеть ВКонтакте, двое студентов указали Instagram и Twitter, и только один человек сказал, что использует Facebook. Сеть ВКонтакте используется студентами, в основном, для общения в группах, а также для поиска и прослушивания музыки и для просмотра сериалов. В последние годы популярность сети Instagram среди студентов растет за счет визуального контента и отсутствием цензуры. Молодежь в Казахстане, в этом смысле, мало чем отличается от своих сверстников во всем мире, которые характеризуются исследователями, как визуалы [3]. Twitter используется студентами, в основном, для просмотра новостей.

Телевидение.

Считается, что современная молодежь не смотрит телевизор и полностью ушла в Интернет. Можно сказать, что Youtube заменил телевидение в молодежном потреблении. Тем не менее, данные опроса показывают, что далеко не все студенты ушли в виртуальное пространство.

Таблица 2

Просмотр телевизионных каналов

Вопрос: Какие телевизионные каналы Вы смотрите? (несколько вариантов)				
	2011 (N=20)		2015-2018 (N=94)	
	Муж. (7)	Жен. (13)	Муж. (34)	Жен. (60)
Российские	6 (85,7%)	10 (76,9%)	14 (41,2%)	26 (43,3%)
Казахстанские	3 (42,9%)	8 (61,5%)	13 (38,2%)	30 (50,0%)
Европейские	2 (28,6%)	6 (46,2%)	12 (35,3%)	13 (21,7%)
Американские	1 (14,3%)	5 (38,5%)	17 (50,0%)	32 (53,3%)
Турецкие	-	1 (7,7%)	2 (5,9%)	7 (11,7%)
Другие	-	-	1 (2,9%)	3 (5,0%)
Не смотрю телевидение	-	1 (7,7%)	11 (32,3%)	19 (31,7%)

Данные показывают, что примерно треть молодежи не смотрит телевизор. Можно отметить, что потребление российских и казахстанских каналов снизилось, тогда как популярность американских возросла, причем преимущественно среди мужчин. Более конкретные данные по казахстанским, российским и зарубежным каналам приводятся ниже. Каналы были отобраны по частоте транслируемости на кабельном телевидении в Казахстане с 2011 по 2018 годы с учетом изменений в вещании прежних и новых телевизионных каналов.

Таблица 3

Казахстанские каналы

Вопрос: Какие казахстанские каналы Вы смотрите? (несколько вариантов)				
	2011 (N=20)		2015-2018 (N=94)	
	Муж. (7)	Жен. (13)	Муж. (34)	Жен. (60)
Хабар	3 (42,9%)	6 (46,2%)	7 (20,6%)	10 (16,7%)
Казахстан	3 (42,9%)	4 (30,8%)	15 (44,1%)	19 (31,7%)
Gakku (музыкальный канал)	-	-	3 (8,8%)	8 (13,3%)

Продолжение таблицы 3

MuzZone (музыкальный канал)	2 (28,6%)	6 (46,2%)	1 (2,9%)	6 (10,0%)
Kazakh TV	-	-	1 (2,9%)	2 (3,3%)
24 KZ	-	-	2 (5,9%)	6 (10,0%)
31 канал	1 (14,3%)	8 (61,6%)	15 (44,1%)	26 (43,3%)
Асыл Арна	1 (14,3%)	1 (7,7%)	-	2 (3,3%)
КТК	4 (57,2%)	7 (53,9%)	-	-
НТК	2 (28,6%)	6 (46,2%)	-	-
Астана	1 (14,3%)	2 (15,4%)	-	-
Ел Арна	1 (14,3%)	4 (30,8%)	-	-
7 канал	-	4 (30,8%)	-	-
Первый канал – Евразия	-	-	-	10 (16,7%)
Местные каналы	2 (28,6%)	3 (23,1%)	3 (8,8%)	2 (3,3%)
Другие	-	-	3 (8,8%)	8 (13,3%)
Не смотрю казахстанские каналы	2 (28.6%)	-	11 (32,3%)	15 (25,0%)

Следует отметить, что казахстанское телевидение претерпело значительные изменения за семь лет, появились новые новостные каналы Kazakh TV и 24 KZ и музыкальный канал Gakku, популярность которого возрастает среди молодежи в последние годы.

Таблица 4

Российские каналы

Вопрос: Какие российские каналы Вы смотрите? (несколько вариантов)				
	2011 (N=20)		2015-2018 (N=94)	
	Муж. (7)	Жен. (13)	Муж. (34)	Жен. (60)
Первый канал (СНГ)	1 (14,3%)	5 (38,5%)	4 (11,8%)	14 (23,3%)
ТНТ	2 (28,6%)	1 (7,7%)	14 (41,2%)	24 (40,0%)
СТС	1 (14,3%)	2 (15,4%)	7 (20,6%)	16 (26,7%)
НТВ	4 (57,2%)	5 (38,5%)	6 (17,6%)	16 (26,7%)
Рен ТВ	1 (14,3%)	4 (30,8%)	5 (14,7%)	10 (16,7%)
РБК	-	-	-	1 (1,7%)
Россия	5 (71,5%)	4 (30,8%)	5 (14,7%)	4 (6,7%)
Вести 24	2 (28,6%)	-	2 (5,9%)	3 (5,0%)
Музыка Первого	-	2 (15,4%)	-	1 (107%)
Культура	2 (28,6%)	1 (7,7%)	-	3 (5,0%)
РТР	-	2 (15,4%)	-	-
НТВ Плюс	1 (14,3%)	-	-	-
Премьер	1 (14,3%)	-	-	-
TV 3	-	1 (7,7%)	-	-
TV Центр	-	1 (7,7%)	-	-
Другие	-	-	1 (2,9%)	4 (6,7%)
Не смотрю российские каналы	-	1 (7,7%)	16 (47,1%)	19 (31,7%)

Если в 2011 году российские каналы пользовались устойчивым спросом среди студентов, что к 2015-2018 их интерес постепенно падает. Только такие развлекательные каналы, как ТНТ и КТК увеличили свою аудиторию среди казахстанской молодежи.

Таблица 5

Зарубежные каналы

Какие зарубежные каналы Вы смотрите? (несколько вариантов)				
	2011 (N=20)		2015-2017 (N=94)	
	Муж. (7)	Жен. (13)	Муж. (34)	Жен. (60)
CNN	-	1 (7,7%)	7 (20,6%)	9 (15,0%)
BBC World News	2 (28,6%)	8 (61,6%)	10 (29,4%)	20 (33,3%)
EuroNews	2 (28,6%)	6 (46,2%)	13 (38,2%)	11 (18,3%)
Fox	1 (14,3%)	5 (38,5%)	7 (20,6%)	18 (30,0%)
Fox Crime	1 (14,3%)	1 (7,7%)	-	-
DTV	1 (14,3%)	1 (7,7%)	-	-
Discovery Channel	2 (28,6%)	5 (38,5%)	24 (70,6%)	31 (51,7%)
National Geographic	4 (57,2%)	6 (46,2%)	8 (23,5%)	9 (15,0%)
Eurosport	2 (28,6%)	6 (46,2%)	5 (14,7%)	4 (6,7%)
TLC	-	-	-	3 (5,0%)
Другие	1 (14,3%)	1 (7,7%)	6 (17,6%)	7 (11,7%)
Не смотрю зарубежные каналы	2 (28,6%)	2 (15,4%)	7 (20,6%)	15 (25,0%)

Потребление зарубежных телевизионных каналов, как казахстанских, так и российских, в целом, падает за исследуемый период. Исключение составил научно-популярный канал Discovery. В целом, наблюдается гендерная особенность, когда молодые мужчины отдают предпочтение зарубежным каналам по сравнению с российскими и казахстанскими.

Данные интервью по телевидению подтверждают, что студенты редко смотрят телевидение, заменяя его Youtube, социальными сетями и мобильными телефонами. В основном, они используют Интернет и гаджеты для потребления кино, музыки, сериалов, юмористических программ и научно-познавательных фильмов. Также были указаны танцевальные, спортивные и реалити шоу, каналы о моде и еде. Можно сказать, что этот вид потребления довольно разнообразный и носит развлекательный характер среди молодежи.

Популярная культура.

Популярная культура включает в себя музыку, кино, мультфильмы и сериалы. Данный тип вопросов в анкетировании был открытым: студенты вписывали названия любимых исполнителей, фильмов, мультфильмов и сериалов с указанием их стран-производителей. Результаты распределялись по трем уровням (глобальный, региональный и локальный) с учетом указанных названий от музыки до сериалов.

Таблица 6

Любимые музыкальные исполнители и группы

Вопрос: Назовите своих любимых музыкальных исполнителей и группы (открытый вопрос)				
	2011 (N=20)		2015-2017 (N=94)	
	Муж. (7)	Жен. (13)	Муж. (34)	Жен. (60)
Западные	18 (62.1%)	31 (51.2%)	154 (60.9%)	263 (58.8%)
Российские/советские	9 (31.0%)	21 (35.5%)	59 (23.3%)	87 (19.5%)
Казахстанские	2 (6.9%)	5 (8.3%)	33 (13.0%)	45 (10.1%)
Азиатские	-	-	7 (2.8%)	52 (11.6%)
Разные	-	3 (5.0%)	-	-
Всего:	29 (100%)	60 (100%)	253 (100%)	447 (100%)

Музыкальные предпочтения у студентов разнообразны и претерпели изменения за счет азиатской и советской популярной музыки. За последние годы казахстанская музыкальная индустрия активно развивается благодаря многообразным проектам, особенно созданием музыкального канала Gakku, продвигающим таких популярных исполнителей, как Галымжан Молданазар, группу “Ninety One”, Jah Khalib и многих других. Gakku имеет одноименный канал на Youtube, что привлекает молодых людей возможностью слушать казахстанских артистов посредством мобильных телефонов.

Таблица 7

Азиатский контент в популярной музыке

Назовите своих любимых музыкальных исполнителей и группы (открытый вопрос)				
	2011 (N=20)		2015-2017 (N=94)	
	Муж. (7)	Жен. (13)	Муж. (34)	Жен. (60)
Корейские	-	-	3	46
Турецкие	-	-	2	2
Иранские	-	-	1	1
Японские	-	-	-	1
Арабские	-	-	-	1
Всего:	-	-	6	51

Азиатский аспект в музыке разнообразен, где корейская популярная музыка (К-поп) наиболее востребована у девушек. Во время интервью студенты преимущественно указывали, что слушают западных, казахстанских и корейских артистов и музыкальные группы. Следует отметить, что в настоящее время музыкальная индустрия Казахстана успешно развивается в разных жанрах от поп до джаза, что подтверждает возрастающий спрос среди молодежи.

Таблица 8

Любимые фильмы/мультфильмы

Вопрос: Назовите свои любимые фильмы/мультфильмы (открытый вопрос)				
	2011 (N=20)		2015-2017 (N=94)	
	Муж. (7)	Жен. (13)	Муж. (34)	Жен. (60)
Западные	31 (91.2%)	47 (90.4%)	237 (79.3%)	414 (76.5%)
Российские	1 (2.9%)	4 (7.7%)	12 (4.0%)	29 (5.4%)
Советские	-	-	10 (3.3%)	3 (0.3%)
Казахстанские/ узбекистанские	2 (5.9%)	-	6 (2.0%)	25 (4.6%)
Азиатские	-	1 (1.9%)	34 (11.4%)	70 (12.9%)
Всего:	34 (100%)	52 (100%)	299 (100%)	541 (100%)

Несмотря на преобладание западного кино в предпочтениях студентов, тем не менее, наблюдается его снижение за счет азиатского контента. Причем последний значительно диверсифицирован и феминизирован: девушки больше предпочитают смотреть корейские и турецкие фильмы, чем их сверстники (таблица 9). Помимо этого, студенты указали индийские, японские, китайские, филиппинские и иранские фильмы. Наиболее неожиданным результатом является проявление советского дискурса кино среди молодежи, особенно среди молодых мужчин.

Таблица 9

Азиатский контент в кино и мультфильмах

Вопрос: Назовите свои любимые фильмы/мультфильмы (открытый вопрос)				
	2011 (N=20)		2015-2017 (N=94)	
	Муж. (7)	Жен. (13)	Муж. (34)	Жен. (60)
Индийские	-	-	14	13
Корейские	-	-	4	27
Турецкие	-	1	4	21
Японские	-	-	7	5
Китайские	-	-	4	3
Филиппинские	-	-	1	-
Иранские	-	-	-	1
Всего:	-	1	34	70

По всей видимости, молодых женщин в корейском и турецком кино привлекают эмоциональные и моральные аспекты. Возникновение интереса к советскому кино и мультфильмам также объясняется ценностными аспектами, на которых были воспитаны их родители. Как сказала одна из студенток в интервью: «...родители посоветовали мне посмотреть советские фильмы и мультфильмы... они добрые... учат добру...». В интервью студенты, в основном, указали, что смотрят западные и казахстанские фильмы, помимо советских и корейских.

Сериалы представляют собой значимую часть современной жизни, структурируя повседневность городских жителей [4]. Казахстанская молодежь здесь не является исключением, чье потребление характеризуется комплексностью и разнообразием сериалов, которые они смотрят. В последние годы производство сериалов значительно возросло, особенно в азиатских странах, что создает культурное разнообразие и конкуренцию на этом рынке.

Таблица 10

Любимые сериалы

Какие сериалы Вы смотрите? (несколько вариантов)				
	2011 (N=20)		2015-2017 (N=94)	
	Муж. (7)	Жен. (13)	Муж. (34)	Жен. (60)
Казахстанские	-	-	12 (35.3%)	11 (18.3%)
Российские	5 (71.5%)	7 (53.9%)	14 (41.2%)	22 (36.7%)
Американские	2 (28.6%)	4 (30.8%)	22 (64.7%)	44 (73.3%)
Европейские	-	-	12 (35.3%)	7 (11.7%)
Турецкие	-	2 (15.4%)	8 (23.5%)	28 (46.7%)
Корейские	-	-	4 (11.8%)	25 (41.7%)
Китайские	-	-	4 (11.8%)	2 (3.3%)
Мексиканские	-	-	2 (5.9%)	2 (3.3%)
Другие	5 (71.5%)	7 (53.9%)	1 (2.9%)	2 (3.3%)
Не смотрю сериалы	-	2 (15.4%)	3 (8.8%)	2 (3.3%)
Смотрю сериалы в Интернете	-	2 (15.4%)	12 (35.3%)	16 (26.7%)

Подавляющее большинство молодых людей смотрит сериалы и треть потребляет их в виртуальном пространстве, включая западные стриминговые платформы, например, Netflix. Безусловно, потребление сериалов существенно разнообразилось за счет азиатского компонента, который более привлекателен для девушек, хотя доминирование западных сериалов является очевидным. В то же время, появляется спрос на казахстанские сериалы сре-

ди молодежи, особенно среди молодых мужчин, которые смотрят их почти в два раза чаще, чем их сверстницы.

Если количественные данные по сериалам показывают изменение динамики потребления между российскими и западными продуктами, что в интервью студентов чаще упоминались первые. Популярность российских сериалов среди молодежи объясняется, прежде всего, развлекательным фактором, когда молодые люди говорили о доступности юмора в российских ситкомах. Наряду с российскими сериалами также упоминались западные и корейские, менее всего – турецкие, казахстанские и китайские.

Заключение.

В целом, можно сказать, что за период с 2011 по 2018 годы молодежное потребление в Казахстане изменилось и диверсифицировалось за счет так называемой «азиатской глобализации» [5, с. 141–172], особенно в популярной культуре. В потреблении социальных сетей сохраняется доминирование российских социальных сетей, где популярность Моего Мира сменилась сетью ВКонтакте. В то же время потребление западных социальных сетей среди молодого поколения также растет, особенно Instagram.

Западный контент преобладает в потреблении телевидения и популярной культуры, хотя он начинает снижаться за счет азиатских продуктов в музыке, кино и сериалах, которые больше привлекают молодых женщин своими эмоциональными и моральными аспектами. В то же время, наблюдается возрастающий интерес к казахстанской популярной культуре, прежде всего, в музыке и сериалах.

Результаты исследования показывают некоторые расхождения между количественными и качественными данными, что может объясняться их недостаточностью, особенно последних. Необходимо отметить, что исследование структур потребления среди молодежи в Казахстане продолжается в рамках диссертационной работы и значительно расширено в 2019-2020 годах. Цифровые технологии и Интернет оказывают непосредственное влияние на изменения в молодежном потреблении социальных сетей, телевидения и популярной культуры и ускоряют данные процессы.

Литература

1. *Ritzer G.* The Blackwell companion to globalization. New York: Blackwell Publishing, 2007. 747 p.
2. *Kirmse S.B.* Youth and globalization in Central Asia: Everyday life between religion, media, and international donors. Frankfurt-New York: Campus Verlag, 2013. 337 p.
3. Think with Google – Единый бизнес портал Google («Чем живет новое поколение: статистика о российской молодежи». Сентябрь 2016). URL: https://www.think-withgoogle.com/intl/ru-ru/insights-trends/user-insights/novoe-pokolenie-inte-rnet-polzovatelei-issledovanie-privychek-i-povedeniia-rossiiskoi-molodezhi-onlain/ (Дата обращения: 05.04.2020).
4. Информационный ресурс «Постнаука» (Хитров А. «Сериалы – это ключевая форма современной культуры»). URL: https://postnauka.ru/talks/43769 (Дата обращения: 05.04.2020).
5. *Watson J.L.* Globalization in Asia: Anthropological perspectives. Los Angeles: University of California Press, 2004. 153 p.

ГРАЖДАНСКАЯ САМООРГАНИЗАЦИЯ МОЛОДЕЖИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Нятина Н.В.
Кемеровский государственный университет,
Россия, г. Кемерово

Статья подготовлена при поддержке Внутривузовского Гранта ФГБОУ ВО «Кемеровского государственного университета» 2020 г. «Новые возможности исследований социальных и политических взаимодействий городских и региональных сообществ»

Аннотация. Гражданская самоорганизация является значимой для социального и политического развития территории. Современная динамика социальных изменений, особенности социального пространства диктуют новые форматы соучастия молодежи в решении вопросов местного значения. В данной статье представлена социологическая интерпретация вопроса гражданской самоорганизации. Рассматриваются противоречия развития гражданского активизма молодежи.

Ключевые слова: гражданская самоорганизация, молодежь, гражданское сознание, местное развитие, социальные изменения.

В современном обществе особое значение приобретает расширение возможностей гражданской самоорганизации молодежи. Такое целевое участие оказывает праксиологическое значение для развития местной территории и для воплощения идей молодых людей по преобразованию социального пространства. Практика сопричастности формирует критичное гражданское сознание, которое характеризуется рефлексией от будущих социальных изменений, а ограничения, которое были вне фокуса внимания, становятся основанием приложения будущих усилий для социального развития территории.

Одним из первых социологов, кто обосновывал социальную значимость самоорганизации, был Э. Дюркгейм. Социолог отмечал, что в основе процесса самоорганизации находится синтез совместных действий людей и явлений, которые «сотрудничают между собой, обеспечивая гармонию общества с самим собой и с внешним миром» и образуют новую социальную реальность, наделенную новыми особыми свойствами [4, с. 142]. Данная реальность представляет собой результат сочетания множества индивидуальных сознаний, а следствием является закрепление, установление новых поведенческих актов, которые не зависят от каждой отдельно взятой воли.

Отечественный социолог М. М. Ковалевский, анализируя вопросы местного самоуправления, определяет следующие ключевые аспекты самоорганизации населения [1].

наличие для местных центров самостоятельной жизни, когда имеется возможность в русле имеющихся основ государственного устройства, территориальным общностям выстраивать самостоятельные приоритеты социального и политического развития в соответствии со спецификой территории проживания;

возможность жителям развивать интересы и реализовывать идеи, без которых немыслима гражданская зрелость и самоорганизация. В данном случае М.М. Ковалевский акцентирует внимание на политическом опыте западных стран, в частности Англии, где принимаются либеральные ценности, которые организуют социальное поведение жителей во благо личных интересов и одновременно государственного устройства [5, с. 305].

Эти особенности лежат в основе местного самоуправления, при этом внешними социальными институтами задается цель социального и политического развития территории – управление согласно действительным нуждам и желаниям, которые «не может понять даже самая просвещенная центральная администрация, это доступно только местным обывателям,

знакомым с повседневной административной практикой, а таких обывателей не в состоянии создать ни школа, ни даже университеты…, а одна лишь практическая деятельность, участие возможно большего числа местных жителей в заведывании местными делами, т.е. опять-таки не иное что, как местное самоуправление». Рассматривая возможности гражданской самоорганизации молодежи, М. М. Ковалевский молодежь характеризует противоречивыми чертами. Так, с одной стороны, данную возрастную группу характеризует готовность к изменениям на основании личного гражданского участия, критическое осмысление основ государственного устройства. Но, в то же время, эмоциональность, иногда лишняя «пылкость» в делах, касающихся одновременно жизнедеятельности многих людей, может приводить к необдуманным поступкам, которые будут нести негативные последствия для развития территории. Молодежь, готовая к проявлению гражданского активизма, зачастую не подкрепляет собственные устремления актуальными знаниями и барьерами, которые задают ограничения в возможностях вмешательства в процесс социального развития. Потенциал данной возрастной группы важен для социальных изменений, но не менее значимым является процесс сопровождения гражданской активности с учетом специфики и возможностей соучастия в решении общих вопросов.

Представитель государственной школы в отечественной социологии Б.Н. Чичерин иллюстрирует негативные последствия неорганизованности интересов граждан политическими институтами для общественного развития. Так, стихийность способствует установлению господства силы, неравенства: «... крайнее развитие личного начала повело к водворению начала совершенно противоположного – начала государственного. Внутреннее противоречие одной жизненной формы ведет к установлению новой высшей формы...» [9, с. 273]. Соединение интересов граждан по социальному и политическому развитию с установленными институтами стратегическими направлениями социальных преобразований ведет к установлению охранительного порядка в обществе, когда согласование интересов сопровождается постоянным обновлением политических практик [10, с. 145–146].

В рамках теории рационального выбора возможности гражданской самоорганизации анализируются с точки зрения методологического индивидуализма и обратной реакции от институтов, социальных групп, окружения на сам факт активности [7, с. 28–29]. Молодой человек, решающий доверять кому-то или нет (вкладывать ли ресурсы в попытку сохранить обязательство), делает это, исходя из затрат и выгод, которые он будет нести и получит в перспективе. Его не интересует, что оказываемое им доверие облегчит действия других или его недоверие будет сдерживать действия других. Некоторые формы социального капитала обладают таким свойством, что выгоды от их использования могут передаваться тем, кто инвестирует в них. Следовательно, рациональные акторы не будут снижать инвестирование в такой тип социального капитала.

Т. М. Дридзе выделяет пять уровней социокультурной организации общества, каждому из которых, соответствует собственный тип «субъектности», включенный в конкретную деятельность сознания субъектов социального действия и самоорганизации [3, с. 10]:

– общесоциальный («социетальный») уровень субъектности: сознание крупного социально-культурного сообщества.

– институциональный уровень субъектности: институционально-профессиональное сознание.

– организационно-управленческий уровень субъектности: должностное, представительское сознание.

– групповой уровень субъектности: групповое (коллективное) сознание.

– личностный уровень субъектности: индивидуальное (личностное) сознание.

Гражданская самоорганизация современной молодежи реализуется на уровне групповой субъектности: стремление к сопричастности в общем деле организует социальный активизм и способствует достижению поставленных целей.

Современные исследователи отмечают, что ускоренное появление событий и нестандартных ситуаций формирует новое качественное социальное пространство, которое характеризуется следующими чертами:

– стохастичность (вероятностность, случайность) основных социокультурных процессов периодически всплёскивается «эффектами кумуляции» (эффектами направленного взрыва), ломающие все прогнозы и предвидения [2, с. 133]. В таких ситуациях необходимо комплексное вмешательство, основанное на междисциплинарной диагностике социальных и политических полей. Гражданское сознание молодежи должно учитывать возможности стохастичности и случайности определенных вариантов социального и политического развития территории.

– жизнь становится непредсказуемой, а восприятие действительности – эмерджентным [4, с. 48]. Современное виртуальное социальное пространство диктует новые возможности, форматы гражданского активизма молодежи. Они готовы «подхватить» определенную проблему, не вникая в суть проблемы, не устанавливая причины и возможности соучастия. Новое гражданское сознание формирует иные черты самоорганизации: расширяются горизонты участия, обновляются принципы включения в развитие территории. Важным становится «быть активным здесь и сейчас», не имея модальные принципы и взгляды.

– расширяется диапазон альтернатив при принятии решений. Распространенным становится тезис «прошлого не существует», когда нарушается правило преемственности при определении направлений социального и политического развития территории.

Основу гражданской самоорганизации современной молодежи составляет социальный капитал, социальные сети и социальное участие. При определении возможностей гражданской самоорганизации определяющее значение приобретает социальный капитал. Социальный капитал молодежи – это реальные и потенциальные ресурсы и возможности, которые могут быть использованы молодыми людьми для реализации их интересов. П. Бурдье, Дж. Коулмен важным считают «неуловимость» социального капитала в сравнении с другими формами капитала. Он оформляется социальной структурой взаимодействия, обусловлен опытом, зависит от социальных связей и социальной активности. Социальный капитал – ресурс, который актор постоянно должен соотносить с социальной средой и пространством. Молодой человек обладает социальным капиталом по отношению к другим, и эти другие являются источниками удовлетворения его потребностей. Социальный капитал, имеющий значение как для развития самого молодого человека, так и для преобразований в реализации которых принимает участие личность, не находится исключительно в пределах ближайшего окружения. В настоящее время согласно нормативно-правовой базе, которая регулирует активность, в том числе гражданскую и политическую, рассматривается возможность участия в общественных объединений уже с 8 лет.

Современные социологические исследования подтверждают факт высокой включенности молодежи в социальные сети. Они одновременно выполняют ряд функций, как социально значимых, так и личностно-ориентированных. Возможности социальных сетей постоянно расширяются. Применительно к гражданской самоорганизации молодежи развитие приобретает включенность молодежи в актуальные направления социального и политического развития территории, направленных на поддержку инициатив молодежи: «Город счастья», «Город идей. Концепция интерьерного оформления арт-пространства», «Город событий. Концепция проекта социокультурного программирования территории» [8] и т.д.

В настоящее время особое внимание властных институтов направлено на активизацию идей молодежи. Она не только готова транслировать идеи по преобразованию социального пространства, но и применять собственные ресурсы и потенциал для социального и политического развития. Современная гражданская самоорганизация молодежи характеризуется отсутствием системного подхода и сориентирована в большей мере на обеспечение личной безопасности и поддержание собственного гражданского социального статуса. Среди востребованных форм социального участия ведущее место занимает активность с помощью онлайн инструментов. Современные исследователи отмечают, что такое взаимодействие способно решать противоречия без временных, материальных и эмоциональных издержек. Если учитывать тот факт, молодой человек много времени находится в режиме виртуального

диалога, то необходимо развивать, но при этом и контролировать данную сферу. Внимание и интерес к контенту такого пространства стабильный среди молодежи, а направленность гражданской самоорганизации может иметь различное направление для социального и политического развития территории.

Литература

1. *Бороноев А. О., Глотов М. Б.* Ковалевский М.М. и русская школа социологии // СоцИс. 2017. № 6. С. 97–105.
2. *Бондалетов В.В.* Эволюция идей самоорганизации // Социс. 2015. № 3. С. 132–139.
3. *Дридзе Т.М.* Две новые парадигмы для социального познания и социальной практики // Социальная коммуникация и социальное управление в экоантропоцентрической и семиосоциопсихологической парадигмах. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 2000. С. 5–42.
4. *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда / Западно-европейская социология XIX – начала XX веков. М., 1996. 575 с.
5. *Ковалевский М.М.* От прямого народоправства к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму. Рост государства и его отражение в истории политических учений. М.: Типография Товарищества И.Д. Сытина, 1906. 495 с.
6. *Ковач Д.* Проблема психологической регуляции поведения. Методология, теория, эксперимент // Психологический журнал. 1986. Т. 1. № 3. С. 47–57.
7. *Култыгин, В.П.* Теория рационального выбора – возникновение и современное состояние // СоцИс. 2004. № 1. С. 27–37.
8. Развивай пространственные территории. URL: https://myrosmol.ru/news/53267 (Дата обращения: 22.02.2020 г.).
9. *Чичерин Б.Н.* Опыты по истории русского права. М., 1858. 393 с.
10. *Чичерин Б.Н.* Что такое охранительные начала? // Наше время. 1862. № 39. С. 145–146.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРИЧИНЫ ПОДРОСТКОВОГО АЛКОГОЛИЗМА

Смирнова А.В.

Восточная экономико-юридическая гуманитарная академия

Россия, г. Уфа

Аннотация: решением данной проблемы, наряду с медицинскими, социальными работниками и психологами также занимается государство, гражданское общество и различные социальные институты. На современном этапе развития общества возрастает роль государства в решение проблем детского и подросткового алкоголизма. А также разработка мер эффективной профилактики алкоголизма, а также разработка программ здорового образа жизни для детей и подростков.

Ключевые слова: подростковый алкоголизм. Социальные причины и факторы.

Актуальностью является, то, что за последние 30 лет в России возросло массовое употребление алкоголя среди подростков. Данная проблема раннего алкоголизма представляет собой комплекс социальных патологий, которые в свою очередь влияют на нормальное функционирование социума. По результатам социологического исследования Россия занимает первое в мире по потреблению алкоголя.

Причинами раннего употребления алкоголя подростками бывает разной. Но в основном принято выделять 3 основные причины:

– это семья;

– средства массовой информации;

– социальная среда.

Коротко рассмотрим основные причины и факторы развития подросткового алкоголизма.

Причины подросткового алкоголизма:

– Влияние СМИ - повсеместная реклама алкоголя, пива и коктейлей провоцирует развитие подросткового алкоголизма с большой скоростью. Сегодня подросток воспринимает алкоголь как неотъемлемую часть своей жизни, как способ развлечения.

– Предрасположенность детей к алкоголизму, которая передаётся им от пьющих родителей. Соответственно такие дети отличаются склонностью к употреблению спиртных напитков и приводящее в последствие к развитию алкоголизма.

Трудное взаимоотношения в семье, такие как:

– насилие;

– гиперопека;

– вседозволенность;

– совместное распитие спиртных напитков.

Причины первого употребления алкоголя ребёнком могут быть разными. Например, в трёх или четырёх летним возрасте алкогольные напитки впервые пробуют либо случайно, либо алкоголь дают родители «для поднятия аппетита». Существуют такие семьи где детей принято лечит вином. Бывают случаи, когда малыши сами могут попробовать спиртное ради интереса. В некоторых семьях в домашних условиях принято употребляют вино «Кагор» для причастия и очищения.

Когда дети подрастают в некоторых семьях имеются традиционные поводы употребляют алкоголь, это семейные праздники и различные торжества, приход гостей, успешное окончание учебного года. Для подростков 14-15 лет наиболее характерными становятся такие причины: «Все пьют, и я тоже пью»; «уговорили»; «для смелости» и прочие.

Здесь мы видим, что приобщение к алкоголю в семье будет является одной из основных проблем. таким образом, дети, наблюдая за взрослыми во время застолий, начинают думать, что употребление алкоголя является нормой.

В некоторые молодые и педагогические не грамотные мамы дают спиртное младенцам чтобы они лучше спали, либо, когда у них начинают резаться зубки. В жизни случае приобщения к алкоголю бывают разными и не только в асоциальных семьях, но и в благополучных не редко бывают такие же случае. Порой родители не замечают, что они приучают детей к спиртному, для них это просто временный эффект, который с возрастом пройдёт.

Большую роль в приучении подростков к алкоголю оказывает телевидение, реклама и другие средства массовой информации. Реклама показывает, что алкогольные напитки являются непременным атрибутом любого уикенда. Реклама с пивом ведёт к весёлому и беззаботному празднику, но это не так. В последствие это приводит к пивной зависимости.

Изобилие спиртосодержащей продукции в продуктовых магазинах и ларьках с её относительной дешевизной также подталкивает подростков к употреблению алкоголя.

Разнообразные коктейли, которые якобы содержат настоящий ром или другие смеси с натуральными соками, не так безопасны для подрастающего организма, как их рекламируют. Таким образом после двух лет регулярного приёма таких, малоалкогольных напитков подросток настолько привыкает к алкоголю, что ему становиться трудно прожить даже один день.

На фоне регулярной пропаганды образа жизни во имя получении удовольствия на сегодняшний день жизнь подростка развивается по схеме – «удовольствие – деньги – удовольствие». В последствие это приводит не только к духовному и демографическому кризису, но также к развитию алкоголизма.

Крылатое выражение «Пьяницы, рождают пьяниц» – всё ещё продолжает быть в 21 веке актуальным. Дети пьющих родителей отличаются повышенной склонностью к употреблению спиртных напитков. Зачатки употребления алкоголя у потомства закладываются ещё задолго до его рождения, т.е. данный вид проблемы алкоголизма родители закладывают задолго до рождения своего чада.

Одной из причин развития подросткового алкоголизма считается «взаимоотношение ребёнка в семье».

Подтолкнуть подростка к употреблению алкоголя могут:

– конфликтные отношения внутри семьи;

– гиперопёка со стороны всех членов семьи;

– насилие как физическое, так и психическое;

– поклонение и вседозволенность;

– потакание всем слабостям и желаниям ребёнка.

И в добавление к вышесказанному в России практически не работают законы, которые предусматривали административную и уголовную ответственность за вовлечение несовершеннолетних детей к употреблению алкоголя.

Причины и факторы подросткового алкоголизма.

Выявление раннего употребления алкоголя подростками – задача довольно сложная и трудная. Но в свою очередь она объясняется ещё и тем, что злоупотребление спиртным у подростков выглядит по-другому в отличие от взрослых, так, как социальная позиция и биологическая основа у них совсем иная, чем у взрослого человека. Поэтому ранние формы алкоголизма более качественно отличаются как в предпосылках, так и в клинических её последствия.

Приобщение детей к спиртным напиткам наиболее интенсивно происходит в такие возрастные периоды как:

1) раннее детство;

2) дошкольный возраст и младшей школьный возраст;

3) подростковый возраст.

Ранее детство – это первый возрастной период, здесь употребление алкоголя носит неосознанный, непроизвольный характер. Соответственно способствуют этому такие причины как:

– пьяное зачатие;

– употребление алкоголя во время беременности и кормление грудью.

В последствие это приводит к аномалии физического и психического развития ребёнка.

Для второго возрастного периода – как дошкольный и младшей школьный возраст являются, такие характерные причины, как:

– педагогическая неграмотность родителей, которое приводит к алкогольному отравлению организма ребёнка;

– семейные традиции – вызывающие интерес дитя к спиртному.

Педагогическая неграмотность родителей существует в предрассудках и заблуждениях о целебных свойствах алкоголя, а порой чаще всего они находят на форумах, то, что алкоголь полезен. Алкоголь в малых дозах усиливает аппетит, повышает гемоглобин, улучшает сон, облегает боль при прорезывании зубов. Снимает колике в животики у малыша и т.д.

Таким образом родители не могут осознать то, приучают своих малышей к спиртному. Родители говорят, «что когда он вырастит то не будет пить». Они считают мифом, что в последствие их ребёнок станет алкоголиком.

Употребления алкоголя даже в малых дозах перед уснул. Тоже самое происходит, когда дают спиртное для аппетита без спиртного ребёнок сном приводит к тому, что у ребёнка вырабатывается стереотип в связи с чем он перестаёт сам засыпать. Тем самым родители начинают увеличивать дозу алкоголя, чтобы он не может кушать. Либо для поднятия гемоглобина. Но может ли гемоглобин повыситься от спиртного? Мало вероятно, но привыкание появляется.

Детский организм ещё не окрепший и без того слабый, приводит к тому, что начинает развиваться алкогольная зависимость, таким образом это приводит к отравлению детского организма и даже к смертельному исходу при передозировки спиртным.

Развитию употреблению алкоголя у подростков способствует также ещё и алкогольное окружение, которое составляют пьющие родители.

Биологическими исследованиями доказано то, что сам алкоголизм генетически не передаётся, а только передаётся склонность к нему, в последствии вытекающая из особенностей характера, полученного от родителей.

В развитие пьянства у детей решающую роль также играют «дурные» примеры родителей, регулярная обстановка пьянства в семье.

Но у матери страдающей хроническим алкоголизмом ребёнок рождается с мутацией в гене Grbrb, в связи с чем ребёнок впоследствии становится алкоголиком.

Очень много сейчас различных генетических и психических заболеваний, связанных с тем, что один, а порой и оба родителя употреблять алкоголь или же когда – то употребляли алкоголь.

Исследователи утверждают, что алкоголь содержится не только в крови, но и в коре головного мозга. Он также влияет на яйцеклетки и сперматозоиды.

Из этого мы делаем вывод, что пьянство возрастает не только при отягощённом алкоголизме, но и при других личностных отклонениях в наследственности.

Подростковый возраст ребёнка, как третий возрастной период.

При котором употребление алкоголя характерно неблагополучная обстановка в семье, избыток свободного времени у ребёнка,

– отсутствие знаний о последствиях алкоголя,

– позитивная реклама алкоголя в СМИ. А она в свою очередь приводит к формированию употребления подростками алкоголя.

Основной акцент в изложение примеров употребления пиво делается на телевизионные рекламные ролики.

Реклама заимствует методы психологического воздействия (НЛП) на человека, а особенно на психику детей и тем самым повышает собственную эффективность и эффективность продажи такого продукта как пиво. Таким образом благодаря манипулированию подросток осознаёт свою зависимость от пива.

Основной акцент в изложение примеров употребления пиво делается на телевизионные рекламные ролики соответственно подросток готов покупать данный товар для удовлетворения своих потребностей.

В связи с тем, что у подростка ещё не совсем окрепшая психика и они очень ранимы и эмоциональны, то соответственно у них возникает трудности по осмыслению рекламного сообщения. Неоспоримо, но реклама намного сильнее зомбирует сознание подростка и воздействует таким образом на его мозг. Для них реклама является двигателем прогресса. И если это показывают в СМИ, то это является реальностью.

Очень важно заметить, что более тонко продуманная идея и ориентация данной рекламы на определённую целевую аудиторию. Реклама способна убедить подростка, что данный продукт ему не обходим. Соответственно реклама –это прямое внушение на расслабленный мозг подростка. Таким образом проникая на подсознательный уровень в обход игнорированию сознания, реклама манипулирует подростками в массовом масштабе. Большей степени реклама гипнотизирует подростков, поэтому в их культуре появляются новые ценности, и они пытаются изменить свой моральный климат в жизни.

В свою очередь алкоголь является показателем неблагополучия в семье. Где нравственно-эмоциональная сторона семейных отношений является важнейшим условием духовно-нравственного развития ребёнка.

Исследователи выделяют несколько типов семей, в которых дети начинают употреблять алкоголь:

– конфликтные семьи- это когда взаимоотношения между членами семьи, строятся по типу соперничества, изоляции и невротического дополнения. Таким образом, чтобы на подростка обратили внимание или он добился каких- либо уступок. он начинает прибегать к употреблению спиртного. Чаще всего родители заняты выяснением своих прав и тогда ребёнок у них отходит на задний план;

– десоциализированные семьи – которые ведут аморальный и антисоциальный образ жизни. Соответственно в таких семьях низкий материальный уровень, нарушены культурно-гигиенические навыки, в доме антисанитария. Как правило в таких семьях отсутствует контроль за ребёнком. Подростки предоставлены сами себе, и они вынуждены проводить время вне дома.

У таких подростков формируется потребность скрывать проблему алкоголизма в своей семье. Внутри они переживают свою неполноценность, и они становятся социально изолированными. Подростки чувствуют себя в опасности даже в своём собственном доме, где как правило дети должны чувствовать себя защищёнными.

Рассмотрим некоторые факторы, влияющие на развития алкоголизма.

Факторы риска формирования алкоголизма среди подростков.

Формирование алкогольной зависимости подростками, также, как и другие психосоциальные расстройства связаны с мультифакторным риском и факторами устойчивости, которые включают индивидуальные генетические, личностные и средовые факторы, а также индивидуальные варианты взаимодействия между ними.

В связи с этим превентивные и профилактические воздействия, основанные на редукции факторов риска и увеличения потенциала факторов устойчивости в определённых условиях среды намного более эффективны, чем превентивные воздействия, основанные только на уменьшении факторов риска.

Те обстоятельства, которые достоверно увеличивают шансы у подростка стать потребителем алкоголя называют факторами риска употребления психоактивных веществ. А то обстоятельство, которое достоверно снижает шанс подростка стать потребителем спиртных напитков называют фактором защиты т.е. протективными факторами от риска употребления спиртосодержащих напитков.

Как для определённых возрастных и этнических групп, так и для определённой общественной среды и могут зависеть от вида употребляемого спиртного.

Факторами риска могут быть:

1) проблемы физического и психического здоровья;

2) рождение и воспитание в семье страдающей алкоголизмом или наркоманией;

3) регулярное общение со сверстниками, которые уже употребляют алкоголь, а также отсутствие устойчивости к давлению со стороны сверстников;

4) личностные особенности такие как:

– не уверенность в себе,

– низкая самооценка,

– регулярные колебания настроения и эмоций,

– низкий уровень интеллекта,

– неприятие социальных норм и ценностей;

5) высокий уровень семейного стресса вызвана семейной нестабильностью, а также низкий уровень материального дохода в семье;

6) трудности в обучение такие как:

– неспособность осваивать школьную программу;

– частые пропуски школы;

– частые пропуски школы по болезни.

7) трудности межличностных взаимоотношений:

– с родственниками;

– со сверстниками и одноклассниками;

– в школе с учителями.

Различные нарушения семейного воспитания – такие, как:

1) неполные, распавшиеся семьи;

2) отсутствие семьи;

3)деструктивные семьи;

4)воспитание по типу явной или скрытой гипопротекции;

5) воспитание в семьях, где родители и старшие дети употребляют алкоголь или наркотики.

Факторы нарушения онтогенеза:

1) черепно-мозговые травмы;

2) психотравмы;

3) различные тяжёлые соматические заболевания в процессе развития ребёнка;

4) родовые травмы.

Психосоциальные факторы риска такие как:

– зависимость от влияния референтной группы сверстников;

– особенности личностного реагирования;

– социальная перцепции характера межличностного взаимоотношений и «Я» - концепции;

– тенденция реализовать своё эмоциональное напряжение в непосредственное поведении, минуя процесс когнитивного осознания.

– нарушение в сфере социальной перцепции (несоответствующая возрасту коммуникативная и социальная некомпетентность, несформированная в соответствие с возрастом самооценка. А также прогнозирование оценки своего поведения в глазах окружающих его людей);

– несформированная в соответствии с возрастом способность адекватно оценивать и вербализировать взаимоотношения с окружающими его людьми;

– отсутствие стремления к конструктивному разрешению проблемных и конфликтных ситуаций;

– отсутствие сформированного представления о жизненных целях и будущем;

– отсутствие сформированного реального и идеального образа «Я» и значимых окружающих. В связи с этим у подростка отсутствует стимул к саморазвитию и усовершенствованию;

– неосознанный, довольно часто парадоксально проявляющийся в его в поведении «призыв о помощи», который направлен ко всем членам семьи.

К ним же могут относиться нарушения психосоциальной адаптации в процессе развития подростка такие, как:

– формирующаяся отчуждённость;

– противоречивость в отношениях с родителями;

– избегающий, поверхностный или формальный стиль общения в семье;

– формальное отношение к внутрисемейным проблемам, а также игнорирование данных проблем;

– снижение школьной успеваемости подростком и нарушение школьной дисциплины;

– неполноценность коммуникативных контактов (поверхностные, недифференцированные или межличностное общение);

– конфликтное взаимоотношение со сверстниками и представителями формального детерминированного коллектива, а также избегание общения с ними;

– регулярные конфликты как с учителями, так и администрацией школы;

– нарушение принципа социальной обусловленности коммуникативных связей и построение общения со сверстниками преимущественно по «территориальному принципу».

Вывод: *фактором защиты от употребления подростками алкоголя будут является такие критерии как:*

– семейная стабильность и сплочённость, а также адекватное воспитание и близкие взаимоотношения всех членов семьи;

– средний и высокий уровень дохода в семье;

– низкий уровень преступности в регионе;

– доступность служб социальной помощь;

– высокий уровень интеллекта и устойчивость к стрессу;

– физическое и психическое благополучие подростка и членов его семьи;

– высокая самооценка, развитие навыков самостоятельного решения проблем, поиски и восприятия социальной поддержки.

Рассмотрим данную проблему с точки зрения психологии.

Алкоголизм в подростковом возрасте отличается злокачественностью течением и приводит к личностному регрессу уже через 2–3 года от начала систематического употребления алкоголя. При хроническом алкоголизме у подростков начинают развиваться различные алкогольные психозы. Со временем развивается алкогольная энцефалопатия, алкогольная пароноя и т.д.

Появляется зависимость такая как игромания, игра на деньги, геймерство и т д.

Подростки становятся не уравновешенными, агрессивными. У них снижается интерес к учёбе, появляются регулярные пропуске занятий, они перестают делать домашнее задание. Но зато у них появляется интерес к посещению баров, ночных клубов и т.д. Развивается стремление к постоянному развлечению, а здесь не важно их содержательность, и какие будут последствия, а важно только развлечения. У подростков появляется много свободного времени, которое связано с пропусками школы.

Регулярно возрастают конфликты как с родителями, так и с учителями. Многие подростки совершают преступления на почве употребления алкоголя. Большинство из них состоят на учёте в комиссии по делам несовершеннолетних и в отделе по делам несовершеннолетних, состоят на внутри школьном учёте. Со временем многих из них ставят на учёт к наркологу.

Со временем нарастает тяжёлая личностная деградация с исчезновением эмоциональной привязанности. Отсутствует чувство долга и ответственности, исчезает чувство такта. У большинства подростков, употребляющих алкоголь, снижается память, уровень логического мышления. Нарушается эмоционально-волевая сфера и когнитивная сфера. Снижается словарный запас. При продолжительном употреблении алкоголя развивается амнезии, тревожная депрессия и суицидальные наклонности.

Соответственно, чем моложе употребляющий алкоголь, тем быстрее развивается привыкание, то есть 10–11 летний подросток привыкает к алкоголю за несколько недель, тогда как взрослый человек за несколько лет.

Вывод: психологическая помощь должна оказываться не только подростку, но и родителям. Нужно учитывать то, что нельзя давить на подростков, употребляющих алкоголь, а также, что психокоррекция даёт хороший результат в возрасте 10-11 лет. Сложнее протекает у подростков 15–16 лет из-за сложившихся стереотипов поведения.

Важно учитывать то, что помощь в данной проблеме будет намного эффективнее, если будут задействованы социологи, психологи и педагоги в работе не только с подростком, но и семьёй.

Литература

1. *Одинцова М.А., Шарко С.М.* Психологическое благополучие подростков из алкогольных семей // Сборник докладов на Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Дети и общество: социальная реальность и новации». М.: Российское общество социологов. 201. С. 689–690.
2. *Сирота Н.А., Ялтонский В.М.* Профилактика наркомании и алкоголизма. Эффективные программы профилактики зависимости от наркотиков и других форм зависимого поведения. М.: ООО Центр полиграфических услуг «Радуга». 2004. 192 с.
3. *Смирнова А.В.* К проблеме раннего употребления алкоголя подростками и детьми // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Практическая психология образования: опыт, проблемы, перспективы». Уфа, 2015. 204 с.
4. *Чекрыгина А.Е.* Воздействие рекламы на потребителя // Материалы IV Всероссийского социологического Конгресса. М.: Издательство РОС, 2012. С. 955–958.
5. *Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В.В.* Психология и психотерапия семьи. СПб.: ЗАО «Издательство Питер». 1999. 652 с.

ОПЫТ РАЗВИТИЯ МОЛОДЕЖНОЙ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГОРОДСКИХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Супрун Н.Г., Гурьянова И.В., Мартынова Н.В.
Магнитогорского государственного технического университет им Г.И. Носова, Россия, г. Магнитогорск

Аннотация. В современных условиях формирование социально-психолого-педагогических условий реализации волонтерства в системе образования в Российской Федерации является важной задачей для общества и актуальной проблемой профилактики девиантного поведения подростков. Целью статьи стала реализация опыта развития добровольчества для профилактики асоциального поведения детей и подростков. С использованием социологического опроса изучено отношение подростков к добровольческой деятельности в образовательном процессе через сформированность мотивации к достижению успеха в добровольческой деятельности; осознание и принятие ценностей добровольчество как жизненно важных; стремление волонтеров к гуманистически-ориентированному взаимодействию. Одним из этапов исследования было изучение эмоциональной направленности волонтеров, узнать каковы установки и в какой области деятельности можно получить положительные эмоции, с помощью методики «Определение общей эмоциональной направленности личности Б.И. Додонова». Добровольческая деятельность обеспечивает социально позитивный эффект проявления детьми и подростками своих личностных качеств в ситуациях реализации самостоятельных инициативных проектов.

Профессиональная подготовка волонтеров, позволяет повысить эффективность их деятельности, является на сегодняшний день одной из актуальных задач. Предложенный нами образовательный проект «Равный-равному» положительный опыт к решению данного вопроса, который направлен на формирование нравственных качеств подростков на основе добровольчества и способствует более глубокому осмыслению подростками таких общечеловеческих нравственных ценностей, как гуманизм, альтруизм, справедливость и др.; формированию ценностных ориентаций, нравственных качеств и норм нравственного поведения; развивает коммуникативные связи и творческие способности ее участников, а также создает возможности для индивидуального самовыражения и оптимизиции эмоционального состояния молодых людей

Ключевые слова: добровольчество, подростки, социальная активность, внеурочная деятельность, воспитательный процесс, профилактика девиантного поведения, социально-значимая деятельность.

В настоящее время одной из доминирующих идей воспитания выступает социальное становление личности для ее служения обществу. Вместе с тем, стремление подростков к участию в общественной жизни вступает в противоречие с недостатком опыта, знаний, умений и навыков. Волонтёрское движение, которое позволяет молодому поколению реализовать свои устремления через помощь слабым, поддержку прогрессивных проектов в различных областях, призвано, на наш взгляд, разрешить это противоречие. Анализ современных научных исследований подтверждает, что волонтёрство (синоним – добровольчество) играет ключевую роль в мобилизации общественной инициативы, служит эффективным инструментом в решении многих социальных проблем [1, 2, 3].

Важность волонтёрской деятельности признана на государственном уровне РФ, что подтверждается законодательными документами. Так, в частности, в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, принятой правительством Российской Федерации в 2008 году, содействие развитию и распространению добровольческой деятельности отнесено к числу приоритетных направлений социальной и молодежной политики. Федеральный закон «О филантропии, меценат-

стве и волонтёрстве» содержит в себе всю информацию о правилах волонтерской деятельности Российской Федерации [4].

Актуальность привлечения в сферу добровольчества детей и подростков подтверждают и данные Генеральной прокуратуры, так на 2017 г. Челябинская область находится на 4-ом месте в стране по количеству преступлений среди несовершеннолетних. В первом полугодии 2017 года на Южном Урале было зафиксировано 33,3 тыс. преступлений. При этом наша область стала единственным регионом в первой пятерке, в котором уровень преступности по сравнению с 2016 годом вырос – на 1,1%. Соседняя республика Башкортостан занимает в этом же рейтинге 5-ое место. С января по июль 2017 года произошло 29,5 тыс. преступлений. Причем, их было зафиксировано на 17,9% меньше, чем за аналогичный период прошлого года.

В 2015 г. подростковая преступность в регионе выросла на 22,5%. Самыми криминогенными городами стали Магнитогорск, Челябинск, Копейск и Златоуст: на их долю пришлась почти половина совершенных преступлений.

За полгода 2017 г. несовершеннолетние южноуральцы 47 раз попались на преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотиков. Причем на 17% больше стало преступлений, которые подростки совершили, находясь в наркотическом опьянении. Также увеличилось число потребителей наркотиков. По данным специалистов, в г. Магнитогорске два года назад пытались свести счёты с жизнью 14 человек, в прошлом – 23. Один подросток погиб. В 2017 г. попытку суицида предприняли уже несколько подростков.

Данные статистики только подтверждают актуальность создания и реализации социального образовательного проекта для детей и подростков, кафедрой социальной работы и психолого-педагогического образования Магнитогорского государственного технического университета им Г.И. Носова, совместно с Отделом по делам несовершеннолетних администрации г. Магнитогорска.

Современные технологии организации учебно-воспитательного процесса, а также социальный заказ, который в настоящее время выполняют учреждения, занимающиеся воспитанием подрастающего поколения, предлагают ребенку не столько роль участника, сколько позицию организатора собственной деятельности. И это, действительно, важно потому, что социально-активным молодым людям легче найти свое место в жизни, добиться успехов, если в процессе смены удовлетворяются их интересы, активизируется социальная инициатива и позитивная жизненная позиция, творческие способности и при этом уровень психического здоровья остается сохранным. Реализация проекта «Равный-равному» будет способствовать профилактике девиантного поведения детей и подростков через включение ребенка в социально-значимую деятельность по организации жизнедеятельности школы, в т.ч. участие в проведении профилактических тренингов на группе сверстников в классах.

Целевой группой проекта «Равный-равному» выступили обучающиеся образовательных организаций города г. Магнитогорска – подростки в возрасте от 14 до 16 лет.

Цель проекта – подготовка группы волонтёров для проведения просветительской работы «каскадным методом» среди детей и подростков, обучающихся в образовательных учреждениях города Магнитогорска.

Задачи проекта:

– формирование социально-психологической компетентности и нравственной позиции личности;

– формирование у несовершеннолетних потребности к здоровому образу жизни;

– обучение несовершеннолетних рефлексивным навыкам глубокого знакомства с собой через предложенные упражнения;

– создание у несовершеннолетних эмоционально-позитивной общественно полезной модели поведения;

– профилактика девиантного поведения через включение в социально значимую деятельность по организации жизнедеятельности школы, в т.ч. участие в проведении профилактических тренингов (или проведение ряда упражнений) на группе сверстников.

В ходе реализации проекта проведены межведомственные совещания, интенсивный тренинг подготовки волонтеров из числа обучающихся образовательных организаций г. Магнитогорска, методические часы для классных руководителей, социальных педагогов и педагогов-психологов, круглые столы.

В рамках реализации проекта было проведено диагностическое эмпирическое исследование, с изучения мотивации волонтеров-обучающихся в проекте. Основным методами исследования выступило анкетирование и тестирование. В ходе исследования было опрошено 150 обучающихся. В опросе приняли участие 39 юношей и 111 девушек в возрасте от 14 до 18 лет. Основную массу опрошенных составили девушки от 14 до 16 лет (70%).

Наиболее первостепенной целью мотивации человека стать волонтером среди респондентов, был указан ответ – потребность помогать людям и животным. Этот ответ выбрали 90 % участников от числа ответивших. Так же, важной мотивацией для волонтерства является – наличие большого количества свободного времени, этот вариант выбрали 24% (рис. 1).

На вопрос «Почему Вы решили участвовать в проекте?» 75% ответивших выбрали вариант «Мне интересны новые проекты в моей жизни», это свидетельствует о том, что респонденты открыты к полезному опыту в их жизни и заинтересованы в новых знакомствах. Так же, 70 % отпрошенных выбрали вариант «Это поможет мне в дальнейшей жизни», следовательно, участники проекта получат новые навыки и умения для дальнейших открытий.

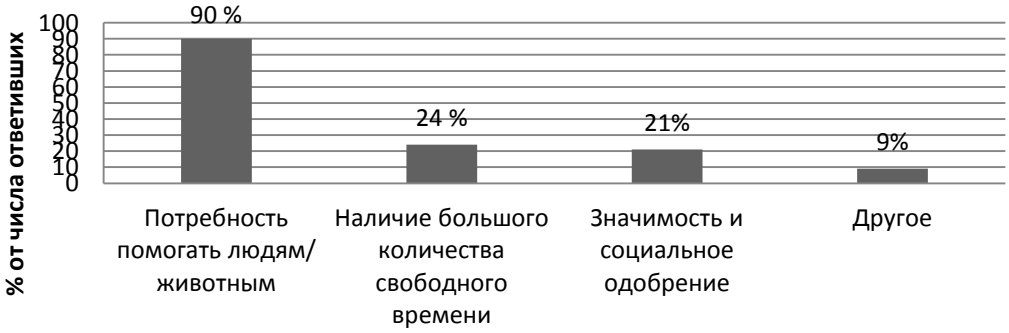


Рис. 1. Мотивация респондентов стать волонтером

Желание стать волонтёрами присутствует более, чем у 36% респондентов, т.к. они уже были вовлечены в волонтёрскую деятельность и согласны стать участниками других мероприятий, связанных с развитием культурно-досуговой деятельности. 64% опрошенных впервые станут волонтёрами, т.к. не имели ранее такой возможности.

На вопрос «Взяли бы Вы на себя ответственность за результаты порученной Вами волонтерской деятельности?» 88% респондентов ответили положительно, это свидетельствует о том, что данные участники не бояться брать на себя обязательства и являются надежными исполнителями. В свою очередь, 11% затрудняются ответить на данный вопрос.

Идя к своей цели, 61% учащихся собирают дополнительную информацию, это говорит о том, что респонденты заранее готовятся и обдумывают свою цель. Равным образом число ответивших поступают так, как считают нужным. Это может говорить нам о сформировавшемся мнении у подростков. И лишь 37% опрошенных охотно выслушивают советы от других людей (рис. 2).

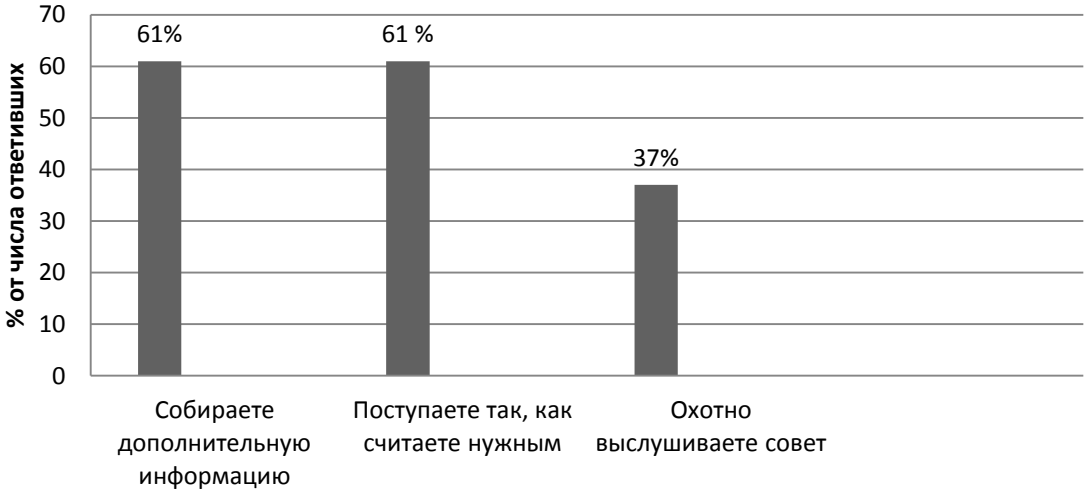


Рис. 2. Достижение цели

Достигая поставленной цели, 56 % опрошенных всегда анализируют полученные результаты. Это может говорить о том, что участникам анкетирования свойственно продумывать каждый шаг и каждое действие к поставленной цели. 42% опрошенных лишь иногда подвергают анализу свои методы достижения цели. И лишь 4% участников анкетирования никогда не производят анализ достигнутых целей.

Одним из вопросов в анкете являлась формулировка жизненного кредо или девиза обучающихся. «Только вперёд!» и «Никогда не сдавайся!» являлись самыми популярными изречениями, что равен 7%.

На вопрос «Каковы Ваши ожидания от участия в проекте?» 94% респондентов ответили, что у них нет никаких ожиданий от проекта. 76% опрошенных решили, что участие в проекте даст им возможность приобрести новые знакомства и определить перспективы саморазвития и 49% участников думаю, что проект поможет им разобраться в самих себе (рис. 3).

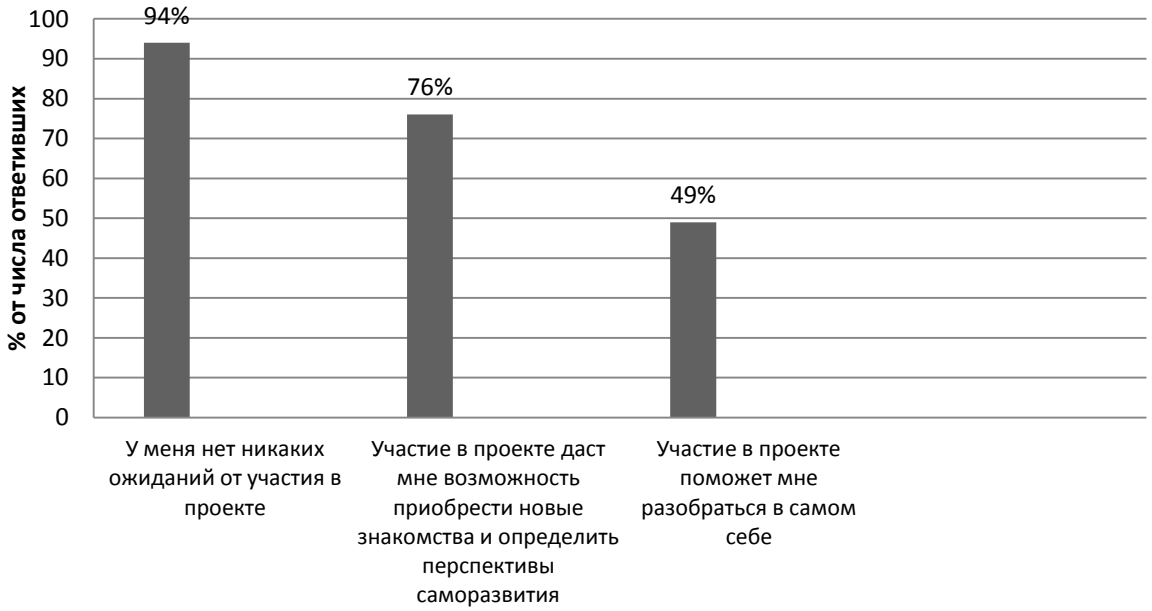


Рис. 3. Ожидания респондентов от участия в проекте

Так же среди респондентов была проведена анкета «Субъектность участников в тренинге». Задачей данного исследования было определение общей динамики в развития

личностных качеств участников проекта в ходе личностно-ориентированного взаимодействия. Респондентам было необходимо выразить свое согласие (поставь знак «+») или несогласие с ним (поставь знак «–») на каждое суждение, опираясь при этом на собственное мнение о себе и знание своих индивидуальных особенностей

На суждение «Я никогда не опаздываю» положительно ответили 57% опрошенных, а 44% ответили отрицательно.

«Мои успехи в тренинге зависят только от меня» – с этим суждение согласились более 94% респондента и 6% ответили отрицательно.

«В процессе тренинга я чаще пассивен, чем активен» – на это суждение 90% учащихся дали отрицательный ответ и 10% респондентов ответили положительно (рис. 4). Это может говорить о том, что учащиеся стремятся проявлять себя на тренинговых занятиях, показывая свою активность и заинтересованность в происходящем.

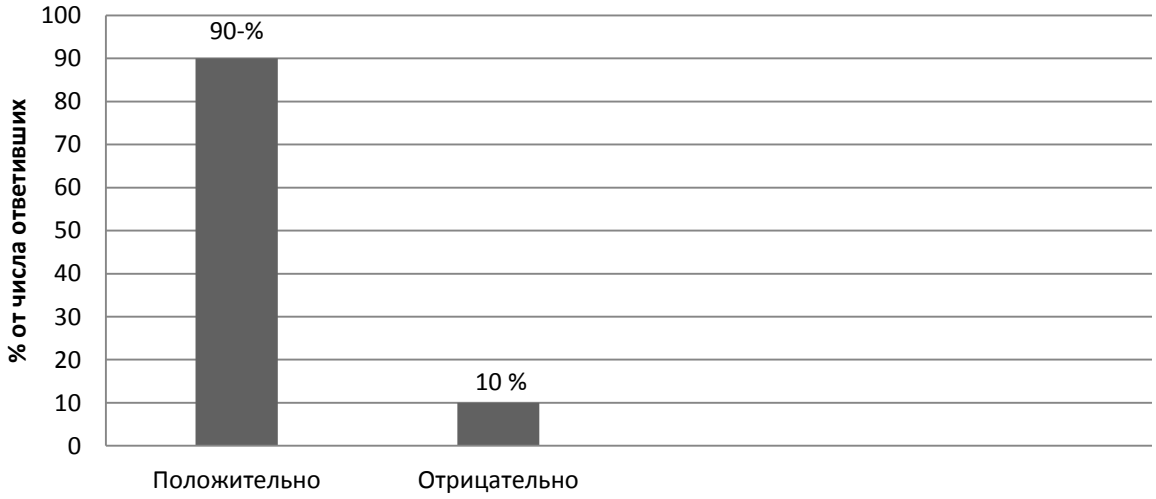


Рис. 4. Включенность респондентов в работу на тренинге

95% опрошенных положительно ответили на суждение «Я всегда признаю свои ошибки», 5% ответили отрицательно.

На суждение «Многое из того, что осваиваем на тренинговых занятиях, мне интересно» 100 % респондентов ответили положительно. Данные результаты могу говорить о том, что респонденты заинтересованы и увлечены происходящими тренингами.

Мнения разделились на суждении «В предложенных играх я предпочитаю лидировать», где 50% ответили положительно и 50% ответили отрицательно.

«Я готов и умею выражать свою точку зрения по какому-либо вопросу» – на это утверждение положительно ответили 82% респондентов, а отрицательно 12%.

«Мне не нравится, когда на занятиях кто-то проявляет слишком высокую активность» – 80 % учащихся дали положительный ответ и 20 % отрицательный.

«Я редко проявляю инициативу в тренинговом процессе» – на это суждение 94% опрошенных ответили отрицательно и 7% положительно.

94% участников опроса дали положительный ответ на суждение «Мне нравится, когда тренер предлагает самостоятельно выполнить творческое задание, за что я с удовольствием берусь», и 7% ответили отрицательно. Это может говорить о том, что учащиеся с легкостью могу проявлять инициативу в заданной работе, не боясь трудностей в индивидуальном задании.

На суждение «Я всегда говорю правду» 82% респондентов дали положительный ответ и 19% ответили отрицательно.

«Мне нравится вместе с другими участниками выполнять групповые задания, что-то обсуждать и принимать решения» – на данный вопрос все участники опроса ответили положительно.

После проведенного анализа анкет обучающихся, была произведена обработка результатов по шкалам лжи.

По полученным данным можно сделать вывод: у 9% человек, обучающихся в колледже, присутствует высокий уровень лжи, это говорит о том, что субъектная позиция участников в тренинге ярко выражена, сформирована на высоком уровне. Участникам – присущи как внутренняя активность (переживания своей причастности к процессу образовывания себя, интеллектуальная включенность в предлагаемый учебный материал), так и внешняя (выражение своего мнения по поводу обсуждаемой проблемы, обращение к тренеру с вопросами и уточнениями, внесение предложений по организации тренинга и другое). Участники в высокой степени самостоятельны в освоении предложенной деятельности, значительно ориентирован на выполнение различных видов самостоятельных работ, часто проявляют инициативу. Лишь у одного человека, обучающегося в школе, присутствуют данные качества.

У 0,5% обучающийся колледжей и 1% школьников присутствует средний уровень лжи. В определенной степени субъектность присуща участникам как его личностное качество, выражена у респондентов в достаточной мере. Участники стремятся к проявлению некоторой активности, но инициативным бывает редко. Выборочно относится к участию в самостоятельных заданиях. Пытаются вырабатывать свою позицию в тех или иных вопросах, но далеко не всегда стремятся выражать свое отношение к тем или иным аспектам организации тренингового процесса.

У 0,6% респондентов, обучающихся в школе, фигурирует низкая шкала лжи. Субъектная позиция участников проекта в тренинговом процессе выражена очень слабо либо практически отсутствует. В процессе тренинга участники занимают чаще всего пассивную позицию, активность проявляют крайне редко, эпизодически, предпочитают быть в роли исполнителя тренерских указаний и не выражать своего отношения к ним. К самостоятельности не стремятся, различные виды самостоятельной работы выполняют, поскольку они заданы тренером и не стремятся к собственному выбору. Инициатива на занятии практически отсутствует. Ориентирован на традиционное выполнение роли «ученика» как «объекта педагогических воздействий», на усвоение знаний, умений, навыков. У обучающихся респондентов колледжей отсутствуют низкие показатели.

Проведенный анализ результатов анкетирования позволяет сделать следующие выводы: респонденты готовы стать волонтерами, понимая, что социально-полезные дела помогут им в будущем. Большая часть анкетируемых, как показали данные, обладают лидерскими качествами, умеют высказывать свое личное мнение, активно при этом отстаивая свою позицию. Однако у большинства участников опроса нет ожиданий от участия в проекте, в силу своей несформированности, личных характеристик и юного возраста.

На участниках проекта был проведена методика «Определение общей эмоциональной направленности личности Б.И. Додонова». Данная методика измеряет общую эмоциональную направленность личности и по ней можно изучить эмоциональную направленность респондентов, узнать каковы установки и в какой области деятельности можно получить положительные эмоции от испытуемых.

В результате исследования эмоциональной сферы студентов и школьников, мы получили следующие данные. По методике Б.И. Додонова, у наших респондентов были выявлены следующие эмоциональные направленности личности.

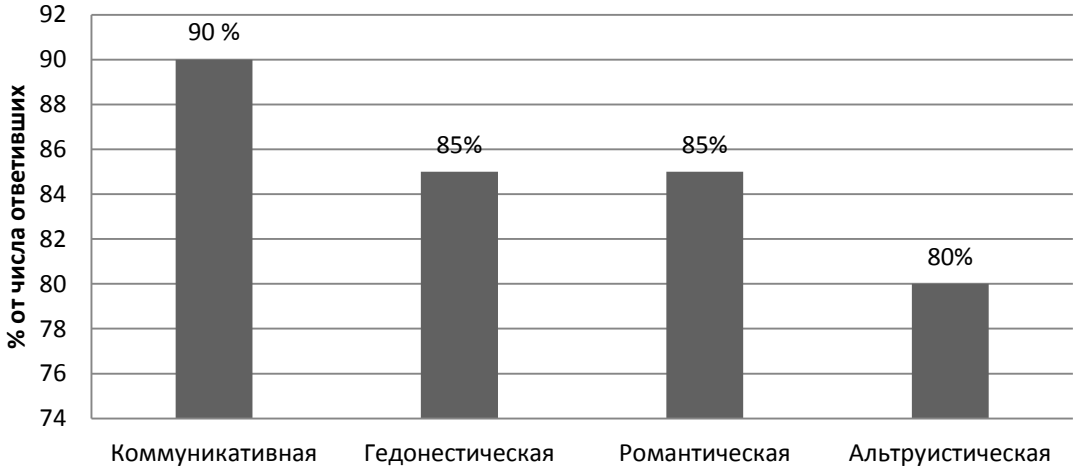


Рис. 5. Представленность результатов общей эмоциональной направленности респондентов

Как видно из рисунка 2.5, наглядно иллюстрирующей результаты нашего исследования, у респондентов оказались наиболее выраженными следующие эмоции:

– коммуникативная – 90%. Высокие результаты по этой шкале говорят о ярко выраженной потребности в общении подростков;

– гедонистическая – 85%. Здесь выражена потребность респондентов в телесном и душевном комфорте и достижение комфорта является мощным мотивом деятельности;

– романтическая – 85%. Возникают на основе стремления ко всему необычайному, необыкновенному, таинственному;

– альтруистическая – 80%. Данные эмоции возникают на основе потребности в содействии, помощи, покровительстве другим людям. У испытуемых ярко выражена потребность отдавать и делиться.

В результате реализации проекта «Равный-Равному мы получили следующие результаты: на базе образовательных организаций г. Магнитогорска созданы сообщества «Равный - равному» в структуре органа детского (школьного) соуправления; сформирована социальная и психологическая компетентность подростков и выработана нравственная позиция личности; сформирована потребность к здоровому образу жизни; создана эмоционально-позитивная общественно-полезная модель поведения подростков; выявлена склонность среди подростков образовательных организаций к формам девиантного поведения: агрессивного, аддиктивного, аутоагрессивного поведения и др.; выявлены подростки для социального и психолого-педагогического сопровождения (индивидуальной, групповой работы и др.) педагогом-психологом, социальным педагогом в образовательной организации; организовано социальное и психолого-педагогическое сопровождение подростков, находящихся в трудной жизненной ситуации, в образовательной организации; наблюдается снижение числа подростков, склонных к девиантному поведению; снижение уровня проявления агрессии и враждебности по отношению к окружающим, раздражительности и тревожности; охват подростков, участвующих в проекте растет, с помощью каскадного метода. Реализация проекта продолжается и в настоящее время. «Равный-равному» – это открытая образовательная площадка для тех, кто хочет развиваться, совершая добрые и полезные дела, познавать новое, повышать свой личностный потенциал.

Подводя итоги, можно констатировать: профессиональная подготовка добровольцев, позволяющая повысить эффективность их деятельности, является на сегодняшний день одной из актуальных задач. Предложенный нами образовательный проект «Равный-равному» представляет собой положительный опыт по решению этого вопроса.

Литература

1. *Бархаев А.Б.* Социально-психологические предпосылки вовлечения студенческой молодежи в волонтерскую деятельность // Ученые записки Педагогического института СГУ им. Н.Г. Чернышевского. Серия: Психология. Педагогика. 2010. Т. 3. № 1. С. 51–58.
2. *Кибальник А.В.* Волонтёрская деятельность как средство подготовки будущих социальных педагогов к социальному партнерству // В мире научных открытий. Красноярск: Научно-инновационный центр, 2013. № 11.8. С. 257–265.
3. *Кудринская Л.А.* Добровольческий труд: опыт теоретической реконструкции. М.: Изд-во Московского университета, 2006. 29 с.
4. Федеральный закон "О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)" №135 от 11.08.1995 г.
5. Волонтёрство – важное социальное явление среди молодёжи // Молодежный научный форум: Гуманитарные науки: электронный сборник статей по материалам XXVIII студенческой международной заочной научно–практической конференции. М.: МЦНО. 2015. № 9(27). С. 20–25.
6. *Григорьев И.Н.* Специфика организации волонтерства в молодежной среде // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина. 2008. № 12(68). С. 100–104.
7. *Гурьянова И.В., Федякина Я.М.* Волонтерская деятельность как форма социальной активности современной молодёжи // Технологии социальной работы с молодежью: материалы V межрегиональной научно-практической интернет-конференции с международ-ным участием (Кострома, 16–20 октября 2017 г.). Кострома: КГУ, 2017. С. 265–269.
8. *Косова У.П.* Мотивация волонтерской деятельности // Вестник КРАУНЦ, Серия «Гуманитарные науки». 2012. № 2(20). С. 34–39.
9. *Олейник Е.В.* Студенческое волонтерство как социально-педагогическая технология работы с молодежью // Технологии социальной работы с молодежью: материалы V межрегиональной научно-практической интернет-конференции с международным участием (Кострома, 16 – 20 октября 2017 г.). Кострома: КГУ, 2017. С. 262–265.
10. *Супрун Н.Г., Гурьянова И.В., Мартынова Н.В.* Развитие волонтерской деятельности в среде учащихся образовательных организаций Российской Федерации: инновационный подход // Перспективы науки и образования. 2019. № 1(37). С. 236–250.
11. *Холина О.И.* Волонтерство как социальный феномен современного российского общества // Теория и практика общественного развития. 2011. № 8. С. 71–73.

КОМПАРАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ ПОДДЕРЖКИ ТАЛАНТЛИВОЙ МОЛОДЁЖИ ТЮРКСКОГО МИРА

Хизбуллина Р.Р.
Казанский государственный энергетический университет,
Россия, г. Казань

Аннотация. Сегодня развитие и сохранение человеческого капитала и потенциала общества, создание условий для творческой самореализации молодого поколения предполагает разработку комплекса социально-экономических, социально-политических и культурных стимулирующих мер, поддерживающих инициативы молодых талантов. В статье рассматриваются практики государственной поддержки талантливой молодежи, закрепленные в положениях, отражающих цели и задачи государственной политики Республики Татарстан, Узбекистана и Казахстана в области развития и поддержки молодых талантов тюркского мира.

Ключевые слова: талантливая молодежь, компаративные практики, тюрский мир, государственная поддержка.

Молодежь играет ключевую роль в развитии и становлении социума. Поэтому неудивительно, что любое государство, в том числе и Российская Федерация, прикладывают немалые усилия для поддержки и развития талантливой молодежи, от которой зависит будущее общества. Госполитика России в сфере работы с молодежью направлена на выявление талантов, обеспечение условий их развития способностей в реальные достижения, независимо от сферы и степени одаренности молодого таланта, его социального статуса.

В настоящее время в Российской Федерации и ее регионах существует развитая система по работе с молодыми талантами, которая включает в себя олимпиады, творческие конкурсы, научные форумы, конференции, коворкинг, карьерный нетворкинг, спортивные соревнования и другие мероприятия по поддержке одаренных и талантливой молодежи. В каждом регионе России проходит Всероссийская студенческая олимпиада, организацией и проведением которой занимается Министерство науки и высшего образования РФ.

По всей стране ежегодно проходят всероссийские форумы (например, YouLead, BreakPoint и пр.), которые помогают талантливой молодежи раскрыть свои способности и возможности, а также найти наставников для развития предметных и надпредметных компетенции, и карьерной траектории [1, 4, 6]. Например, в Республике Татарстан при поддержке руководства республики реализуется комплексная система по выявлению, развитию и сопровождению одаренных и талантливых детей и молодежи. В основе указанной системы лежит «Концепция развития и реализации интеллектуально-творческого развития потенциала детей и молодежи в Республике Татарстан «Перспектива» (разработанная в соответствии с Концепцией общенациональной системы выявления и развития молодых талантов Российской Федерации) и «Государственная программа «Стратегическое управление талантами в Республике Татарстан на 2015-2020 годы». Одним из ярких примеров поддержки талантливой и одаренной молодежи может являться практика работы Казанского открытого университета талантов 2.0 – института развития, реализующего систему работы с их тьюторами и наставниками, способствующего раскрытию потенциала талантливой молодежи [2].

В рамках деятельности АНО «КОУТ 2.0.» в содействии с Образовательным центром «Сириус», поддерживаемым Фондом «Талант и успех» деятельность которого направлена на раннее выявление, развитие и дальнейшую профессиональную поддержку детей и молодежи, проявивших выдающиеся способности в области искусств, спорта, естественно-научных дисциплин, а также добившихся успеха в техническом творчестве предусмотрены меры продюсерской поддержки и сопровождения талантливой молодежи – призеров конкурсных соревнований, входящих в Республиканский реестр конкурсных мероприятий [7]. В Татарстане, как и в других регионах нашей страны с апреля 2018 года по июль 2019 при поддержке Агентства стратегических инициатив (АСИ) была проведена пилотажная кампания «Кадры будущего для регионов». Данная инициатива направлена на создание в перечисленных регионах системы комплексной поддержки одаренных детей и талантливой молодежи.

Интересны программы поддержки талантливой молодёжи, реализуемые через практики деятельности уполномоченных органов государственного управления по реализации государственной молодежной политики Туркменистана. Так, например, органы государственной власти и управления привлекают представителей молодежных объединений для консультаций и координации действий в области формирования и реализации государственной молодежной политики в Туркменистане. Для реализации указанных целей формируются консультативно-совещательные органы, в состав которых входят уполномоченные представители молодежных объединений [8].

Законом Республики Узбекистан «О государственной молодежной политике» предусматривается государственная поддержка одаренной и талантливой молодежи республики, осуществляемая посредством: установления премий, стипендий, предоставления образовательных грантов в порядке, установленном законодательством; содействия в создании творческих мастерских и школ в сфере науки, культуры и искусства; организации деятельности

спортивных секций, научных, технических и творческих кружков в учреждениях общего среднего, среднего специального, профессионального и высшего образования; организации и проведения конкурсов, олимпиад, выставок, фестивалей, смотров, концертов, симпозиумов, чтений, конференций, семинаров с целью выявления и стимулирования одаренной и талантливой молодежи; обеспечения доступа на конкурсной основе одаренной и талантливой молодежи к программам обучения, переподготовки и стажировки в образовательных и научно-исследовательских учреждениях, в том числе зарубежных стран; создания условий молодым специалистам и ученым для проведения научно-исследовательской, культурно-просветительской работы, содействия практическому внедрению разработок молодых ученых, а также сохранения и развития кадрового потенциала молодежи; развития сети спортивно-образовательных учреждений, клубов, поддержки одаренных и талантливых молодых спортсменов, проведения спортивных соревнований среди молодежи; поощрения физических и юридических лиц, оказывающих поддержку одаренной и талантливой молодежи, в порядке, установленном законодательством.

Практики поддержки талантливой молодежи так же реализуются в рамках деятельности организаций, созданных в Республике Казахстан. Так, например, в целях скоординированной реализации задач при Фонде первого президента создается специальная организация «Академия Елбасы», которая выступит оператором по управлению реализации новой инициативы «Ел үміті» с целью поддержки талантливой молодежи Казахстана [10]. Так же поддержка интеллектуального и творческого развития перспективной и талантливой молодежи в процессе жизненного становления реализуется Благотворительным Фондом «Саби».

Таким образом, государственные организации и общественные объединения тюркского мира оказывают содействие выявлению и творческому становлению талантливой молодежи в сферах науки, техники, экономики, управления и искусства. Практики государственной и социальной поддержки талантливой молодёжи тюркского мира объединены общей задачей создания благоприятных условий для развития и мотивации талантливой молодежи, поддержки их средствами, выделяемыми из республиканских и местных бюджетов.

Литература

1. *Васильева Е.Н.* Социология культуры: теория и практика // Социологический журнал. 2016. №4. С. 37–49.
2. Информационный портал «Всероссийская Студенческая Олимпиада». URL: https://mon-vso.ru/ (Дата обращения: 9.03.2020).
3. Сайт Университета талантов 2.0 Республики Татарстан. URL: https://utalents.ru (Дата обращения: 9.03.2020).
4. Сайт Агенства стратег. инициатив. URL: https://asi.ru/ (Дата обращения: 9.03.2020).
5. Всероссийский форум молодых лидеров технологических изменений. URL: http://breakpoint.aiesec.ru/ (Дата обращения: 9.03.2020).
6. Центр поддержки талантливой молодежи. URL: http://www.centrtalant.ru/ (Дата обращения:9.03.2020).
7. Фонд «Будущие лидеры» // URL: http://russianleaders.org/ (Дата обращения: 9.03.2020).
8. Образовательный центр «Сириус». URL: https://sochisirius.ru/o-siriuse/obschaja-informatsija (Дата обращения: 9.03.2020).
9. Закон Туркменистана О государственной молодежной политике № 423 от 29.08.2013 г. URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=62451 (Дата обращения: 9.03.2020).
10. Закон Республики Узбекистан О государственной мол. политике № 406 от 12.08.2016 г. URL: https://www.lex.uz/acts/3026250#3026857 (Дата обращения: 9.03.2020).
11. Новостной ресурс «NUR.KZ» («Академия Елбасы для поддержки талантливой молодежи появится в Казахстане»). URL: https://politics.nur.kz/1810967-akademia-elbasy-poavitsa-v-kazahstane.html (Дата обращения: 9.09.2020).
12. Программа поддержки молодых дарований «Алем». URL: https://saby.kz/programs/Alem-programma-podderzhki-molodyh-darovaniy (Дата обращения: 9.03.2020).

СЕКЦИЯ «СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО, СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ, СОЦИАЛЬНАЯ ЭКСКЛЮЗИЯ И ИНКЛЮЗИЯ В РАЗВИТИИ ГОРОДОВ И РЕГИОНОВ ЕВРАЗИИ»

АНАЛИЗ И ОЦЕНКА ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНОВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

Воробьев А.А., Воробьева Э.Р.
Казанский федеральный университет,
Россия, г. Казань

Работа выполнена при финансовой поддержке
Казанского (Приволжского) федерального университета

Аннотация. В статье проводится анализ и оценка трудового потенциала регионов Северо-Западного федерального округа. Рассматриваются различные подходы к трактовке понятия «трудовой потенциал» и предлагается авторская методика оценки. На основе проведенного анализа разработаны рекомендации по повышению трудового потенциала регионов СЗФО.

Ключевые слова: социально-экономическое развитие, трудовой потенциал, производительность труда, трудоспособное население, фонд индивидуального рабочего времени.

Фундаментальное понимание такой категории как трудовой потенциал необходимо в условиях развитии экономики и стремительном изменении облика жизни, вызванным улучшением технологий, поскольку при оценке трудового потенциала не должны возникать разногласия в понимании его сущности. Однако зачастую нет, не только комплексного подхода в понимании категории, но и происходит и ошибочная замена этого понятия понятием человеческий капитал, трудовые ресурсы, рабочая сила, человеческий потенциал и др. И.С. Маслова[3], М.С. Токсанбаева[5] и М.М. Магомедов[2] рассматривают эту категорию как сложную социально-экономическую категорию, которая обобщает количественный и качественные совокупности способностей трудоспособного населения в общественно полезной деятельности. Согласно этому подходу трудовым потенциалом является максимально возможное использование труда работника в производстве с учетом их психофизиологических способностей, уровня профессионализма, квалификации, производственного опыта при наиболее благоприятных организационно-технологичных условиях.

Таким образом, можно сказать, что под трудовым потенциалом необходимо понимать как качественные, так и количественные способности и возможности экономически активного населения, которые можно раскрыть при наличии соответственно высокого уровня условий трудовой деятельности. Оценку трудового потенциала воспринимают как процесс диагностики и анализа его показателей или определение степени развития и выявления трудового потенциала, так же возможен анализ причин его недостаточной эффективности или возможностей развития для обеспечения достижения целей и задач организации или иного субъекта оценки [4].

Суть методики расчета трудового потенциала заложена в несколько этапов. Первый шаг заключается в вычислении валового регионального продукта без учета вида экономической деятельности добычи полезных ископаемых. Второй шаг включает в себя вычисления фонда рабочего времени, который отражает количество часов, в течение которого все трудоспособное население будет занято трудовой деятельностью.

Третий шаг предполагает расчет реальной производительности труда, т.е. объёма произведенной продукции одним человеком в расчете на 1 час в денежном эквиваленте.

На основе полученных данных по реальной производительности труда максимально возможный валовый региональный продукт и впоследствии проводится его индексирование. Последним этапом при расчете показателя трудового потенциала региона является корректировка количественной оценки на величину комплексного показателя, который включает в себя ряд качественных показателей, таких как рождаемость, смертность, миграция, уровень развития здравоохранения, образования и объем инвестиций в основной капитал. Эти факторы оказывают существенное влияние на формирование и раскрытие интегрального индекса трудового потенциала региона[1].

По итогам вышеописанной методики были произведены расчеты в рамках регионов Северо-Западного федерального округа. Динамика изменения индекса трудового потенциала региона представлена на табл. 1.

Таблица 1

Значение трудового потенциала регионов СЗФО

	2005	**2006**	**2007**	**2008**	**2009**	**2010**	**2011**	**2012**	**2013**	**2014**	**2015**	**2016**
Субъект СЗФО	**Значение трудового потенциала (Iт.п.р.)**											
Республика Карелия	0,57	0,51	0,52	0,48	0,49	0,47	0,51	0,48	0,51	0,52	0,52	0,52
Республика Коми	1,40	1,45	1,33	1,34	1,12	1,40	1,43	1,41	1,36	1,30	1,20	1,16
Архангельская область	1,34	1,41	1,46	1,33	1,15	1,45	1,41	1,36	1,36	1,39	1,36	1,46
Вологодская область	1,46	1,27	1,28	1,31	1,09	1,01	1,05	1,05	0,98	1,03	1,08	1,03
Калининградская область	0,65	0,66	0,76	0,80	0,83	0,77	0,79	0,79	0,78	0,85	0,78	0,83
Ленинградская область	1,74	1,90	1,85	1,97	2,46	2,19	2,18	2,32	2,23	2,22	2,35	2,08
Мурманская область	1,04	0,99	1,00	0,93	0,89	0,90	0,84	0,81	0,83	0,85	0,88	0,92
Новгородская область	0,48	0,48	0,49	0,50	0,58	0,48	0,47	0,47	0,47	0,52	0,52	0,53
Псковская область	0,31	0,33	0,31	0,33	0,39	0,34	0,32	0,30	0,48	0,32	0,29	0,48

В данном федеральном округе из 9 регионов только 4 находятся выше среднего значения индекса – Вологодская область, Республика Коми, Архангельская область и Ленинградская область, с индексом в 2 раза выше среднего значения. Среди всех регионов видно, что только в Ленинградской и Калининградской областях значение трудового потенциала растет. В регионах, находящихся в промежутке от 1 до 1,5 – Архангельская, Вологодская области и Республика Коми, происходит снижение показателя трудового потенциала. Помимо этого можно заметить, что в 2009 году в этих же регионах было резкий спад показателя. В то время как в Ленинградской, Калининградской, Новгородской и Псковской областях наблюдался рост показателя. В Ленинградской области резкий рост на 0,5 значения показателя, в остальных регионах – от 0,06 до 0,09.

С 2005 года лидером является Ленинградская область (1,74), с каждым годом лидирующая позиция сохраняется. Показатель трудового потенциала растет до 2009 года (2,46), начиная с 2010 года показатель имеет некоторую волатильность, но к 2016 году Ленинградская область сохраняет лидирующую позицию (2,08).

Стоит также акцентировать свое внимание на регионах со средними показателями. Так, с 2005 по 2010 год позицию со средним показателем занимает Калининградская и Мурманская области. С 2010 по 2016 года эту позицию занимает также Мурманская область и Вологодская область. Если рассматривать каждый регион со средним показателем по отдельности, то в 2005 году показатель Калининградской области составляет (0,65), с каждым годом показатель растет и уже к 2016 году будет составлять (0,83), а это значит,

что он вырос на 22%. В Мурманской области мы можем наблюдать в 2005 году самый высокий показатель (1,04), а в 2016 году показатель упал до (0,92), то есть он сократился на 12%. В Вологодской области средней показатель стал появляться лишь в 2010 году (1,01), как в 2016 году он уже составил (1,03), медленно, но возрастает. Динамика спада показателя в Вологодской области с 2005 по 2010 год произошла почти на 31%, а с 2010 по 2016 год выросла лишь на 2%.

Также были проанализированы отстающие регионы или регионы аутсайдеры. Самым отстающим регионам по показателю трудового потенциала в 2005 году является Псковская область. В период с 2005 по 2016 год изменений по этой позиции, из рассмотренных субъектов, нет. В Псковской области мы можем наблюдать подъем в 2009 году (0,39), в 2013 году (0,48) и в 2016 году (0,48). Если рассматривать показатель трудового потенциала в разрезе, то в первую очередь, важно обратить внимание на уровень реальной производительности труда (рис. 1).

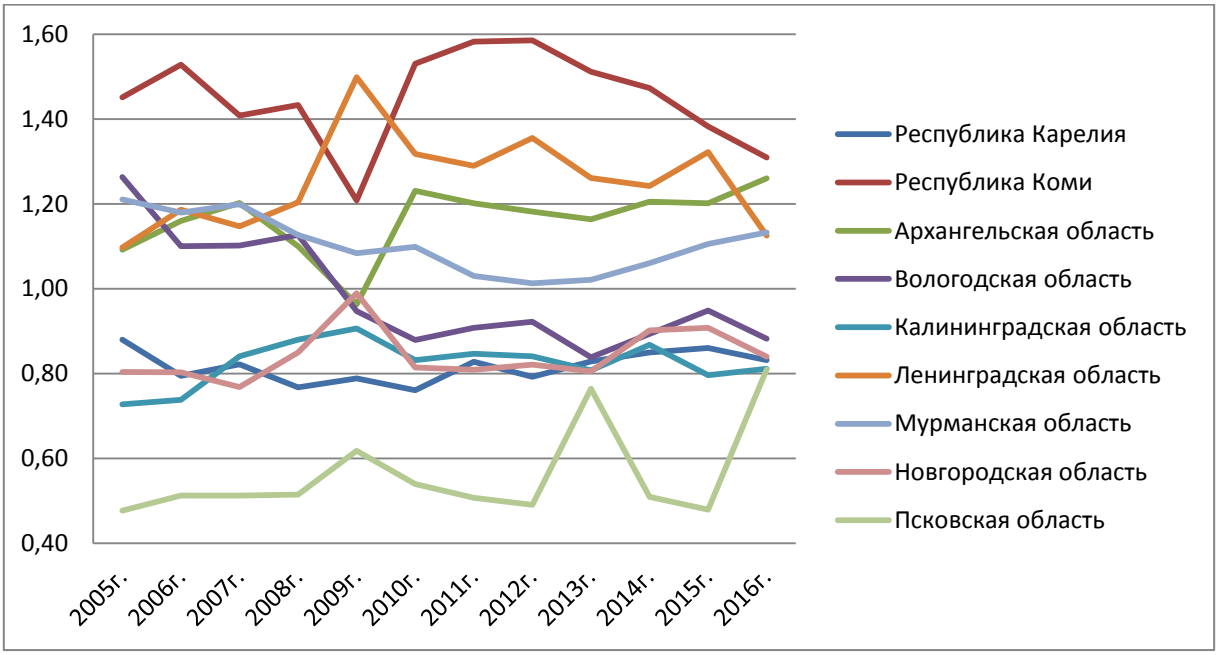


Рис. 1. Динамика значения реальной производительности труда регионов СЗФО

Как видно из рисунка, кризис 2008–2009 годов сильно повлиял на значения реальной производительности труда почти во всех регионах. И можно сразу отметить, что есть регионы, в которых произошел его резкий рост – Ленинградская область, Новгородская область и Псковская область. Но в 4 регионах произошел резкий спад. Если в 2008 в Вологодской области значение реальной производительности труда составлял 1,13, то к 2010 году он снизился до 0,88. резкий спад также произошел в Архангельской области и в Республике Коми. Не столь большой, но стабильный спад до 2013 года был в Мурманской области. Стоит отметить также, что в 2013 и 2016 года в Псковской области были резкие скачки увеличения производительности, что дает основание полагать о наличии положительной динамике в регионе с самыми низкими показателями производительности среди всех регионов федерального округа.

Также важным моментом анализа является оценка состояния численности трудоспособного населения регионов. Например, в 2016 году, на основе полученных данных была произведена разбивка регионов на 2 группы: значение выше среднего и ниже среднего. К числу первых вошли Ленинградская область с очень высоким показателем – 20%, и Республика Карелия, Калининградская область и Мурманская область с показателями чуть вы-

ше среднего. Среди оставшихся регионов можно выделить Псковскую область, где количество незанятого трудоспособного населения меньше всего – 11%. (рис. 2)

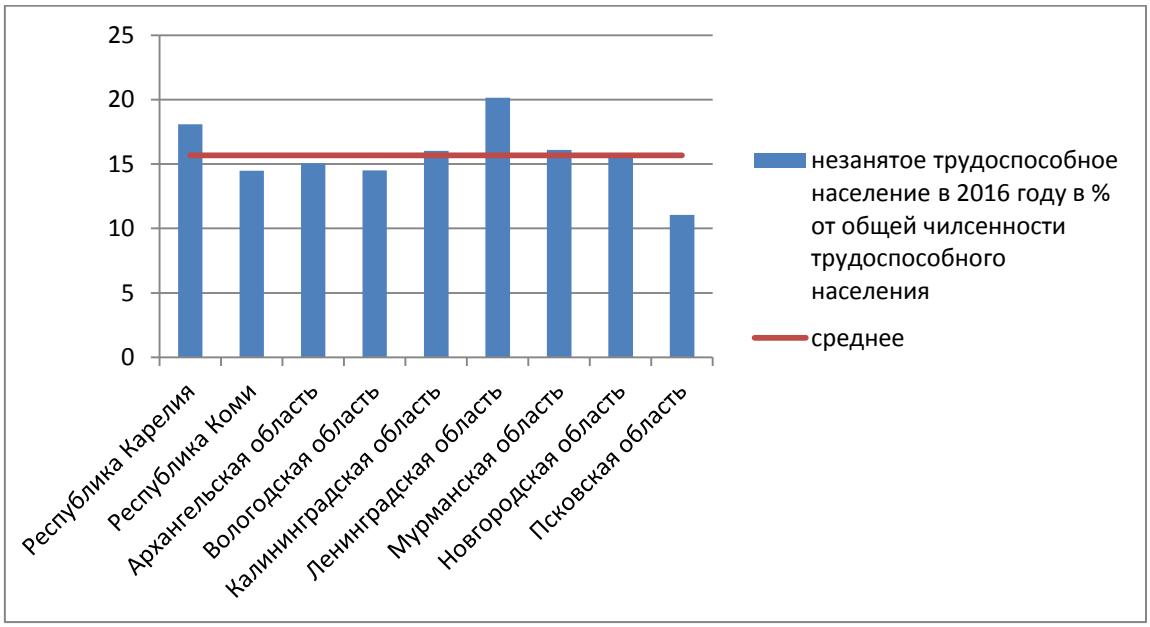


Рис. 2. Сравнительный анализ незанятого трудоспособного населения регионов СЗФО в 2016 году

Сопоставляя полученные результаты по уровню реальной производительности труда региона и численности занятого населения, был рассчитан максимально возможный показатель валового регионального продукта. Данный показатель отражает максимальный уровень объема производства товаров и услуг в условиях полной занятости трудоспособного населения с текущим уровнем производительности труда. Подобного рода показатель является определенным ориентиром для любого региона в имеющихся институциональных условиях.

По результатам проведенного анализа был выработан ряд рекомендаций в рамках повышения производительности труда и уровня трудового потенциала регионов Северо-Западного федерального округа. Для разработки рекомендаций были выбраны регионы имеющие высокий уровень зависимости между показателями трудового потенциала и реальной производительности труда и миграцией. В Республике Коми, Вологодской области и Республике Карелия необходимо провести политику по перераспределению мигрантов, так как в данных регионах из-за притока мигрантов происходит сокращение затрат на оплату труда и снижается показатель реальной производительности труда. Подобная ситуация вполне может повлиять и на дестабилизацию социальной обстановки в регионах, в виду роста безработных из числа граждан региона. Обратная ситуация в Псковской области, где проводимая политика по привлечению мигрантов не дает положительных результатов. Одной из наиболее эффективных мер по привлечению мигрантов является повышение уровня их социальной поддержки и удовлетворения их потребностей в жилье, образовании, безопасности и т.д. За счет правильной политики по перераспределению населения в вышеописанных регионах можно добиться роста уровня производительности труда и показателя трудового потенциала региона.

Литература

1. Воробьев А.А. Трудовой потенциал регионов Приволжского федерального округа: анализ и возможности его повышения // Экономика и предпринимательство. 2015. № 12. Ч. 2. С. 410–413.

2. Магомедов М.М. Региональные особенности воспроизводства и использования трудового потенциала. М.: Институт экономики РАН, 2001. 208 с.
3. Маслова И.С. Трудовой потенциал советского общества. М.: Ротапринт ИЭ АН СССР, 1987. 125 с.
4. Судакова Е.А. Оценка трудового потенциала персонала: подходы, методы, методика // Интернет-журнал «Науковедение». URL: http://naukovedenie.ru (Дата обращения: 02.03.2020).
5. Токсанбаева М.С. Социальные интересы работников и использование трудового потенциала. М.: Наука, 2006. 259 с.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ГОТОВНОСТИ КЛЮЧЕВЫХ СОЦИАЛЬНЫХ АКТОРОВ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН К МЕЖСУБЪЕКТОМУ СОЦИАЛЬНОМУ ПАРТНЕРСТВУ

Горбунова Г.Д.
АНО ДО ОЦ «Академия успеха»,
Россия, г. Уфа

Аннотация. Статья посвящена реализации социологического подхода к феномену межсубъектного социального партнерства. Готовность к участию в социальном партнерстве анализировалась по результатам экспертного опроса представителей органов местного самоуправления, бизнес-сообщества и некоммерческих организаций.

Ключевые слова: межсубъектное социальное партнерство, готовность, социальные представления, конкретные социологические исследования.

Предметом нашего внимания является реализация социологического подхода к феномену социального партнерства. В отличие от социально-философских исследований, социологический подход, основанный на конкретных социологических исследованиях, предполагает, помимо уточнения терминологических границ ключевых понятий, описывающих изучаемое явление, более выраженную степень антропоцентризма. Это означает, что в ходе научной интерпретации явлений и процессов приоритетным является не столько моделирование идеальных типов в традиционном структурно-функциональном ключе, сколько учет в этих моделях социальных представлений целевых групп [1]. При этом субъективные данные определенным образом, через специальные исследовательские параметры, объективируются, что дает основания учитывать социальные представления в ходе принятия управленческих решений [2].

Ряд современных исследований посвящен готовности студентов вузов к социальному партнерству [3,4]. При этом наблюдается недостаток научных работ, в которых предметом исследования является социологический анализ готовности к социальному партнерству ключевых субъектов местного сообщества – власти, предпринимателей и некоммерческих организаций. Данную проблему мы поднимали в своем диссертационном исследовании [5].

Эмпирической базой нашего исследования является экспертный опрос по проблемам развития межсубъектного социального партнерства (N = 298), проведенный в 2015 и 2018 годах. В соответствии с принципами позиционного анализа, выборка исследования основывалась на приблизительно пропорциональном распределении респондентов по трем основным целевым группам субъектов социального партнерства: представителей муниципальных администраций, локального бизнеса и социально ориентированных некоммерческих организаций.

Общее число опрошенных составило 298 экспертов, включая 76 муниципальных служащих администраций нескольких городских округов Республики Башкортостан, занимающих должности заместителей руководителей, начальников и специалистов отделов;

115 субъектов малого и среднего бизнеса; 107 руководителей и активистов некоммерческих организаций. Репрезентативность данных обеспечивалась тем, что выборочная совокупность, которая была сформирована на основе статистического анализа, в целом соответствует генеральной совокупности по таким параметрам, как возраст, пол и характер профессиональной деятельности.

В ходе опроса нам, в первую очередь, предстояло выявить представления респондентов о степени выраженности феномена социального партнерства в информационном поле региона их проживания. По результатам анкетирования, на то, что социальное партнерство фигурирует в информационном поле очень часто, указали 12,5% респондентов; то, что данная тема поднимается от случая к случаю, отметили 50% респондентов. На слабую представленность социального партнерства в информационном поле указали 34,4% респондентов при 3,1% затруднившихся с ответом. Как видим, результаты исследования говорят, скорее, о недостаточно выраженном внимании СМИ к проблемам социального партнерства. Данный вывод подтверждает логико-содержательный анализ республиканских средств массовой информации: действительно, значительная часть новостных сюжетов о социальном партнерстве в Республике Башкортостан посвящена социально-трудовым отношениям и деятельности профсоюзов. При этом не развивается понимание социального партнерства как способа настройки взаимодействия между различными социальными субъектами.

Поскольку именно медиапространство порождает социальные представления о явлениях окружающего мира, нами был проведен анализ ассоциаций, которые возникают у экспертов в отношении социального партнерства. На соответствующий открытый вопрос было получено 90,7% содержательных ответов. У большинства респондентов, 51,7% от числа давших содержательные ответы, социальное партнерство ассоциируется с теми или иными субъектами: профсоюзом (10 упоминаний), государством (6 упоминаний), бизнесом (5 упоминаний), общественностью (3 упоминания), а также кооперативами, трехсторонними комиссиями, торговыми организациями. При этом на общественные организации указал только один респондент.

Ассоциаций социального партнерства с «процессом» наблюдается гораздо меньше: 37,9%. 5 респондентов указали, что это «взаимодействие», 3 упоминания – «отношения», 3 упоминания – «сотрудничество», «взаимопомощь», «согласование процессов».

Только лишь небольшая часть респондентов, 17,5%, связывают социальное партнерство с результатом взаимодействия и определенными ценностями, о чем можно судить по таким словам-индикаторам, как «социальная защищенность», «ответственность», «помощь», «социальные гарантии», «взаимовыгодность».

В целом анализ ассоциаций категории «социальное партнерство» позволяет обнаружить довольно поверхностное понимание данного социального явления. Эксперты видят, скорее, внешние его стороны, вспоминая, в первую очередь, о субъектах – участниках процесса взаимодействия, нежели о лежащих в основе межсубъектных взаимоотношений механизмах и ценностях.

Фундаментальные предпосылки готовности социальных субъектов Республики Башкортостан к социальному партнерству оценивалась, прежде всего, по такому критерию, как актуальный уровень социального доверия между властью / органами местного самоуправления, бизнесом и общественностью. Под социальным доверием мы понимаем признание социальными субъектами того, что принадлежность человека к некоторому социальному слою, выполнение им определенной социальной роли уже само по себе дает гарантии надежности и безопасности взаимодействия с ним [6, 7].

По результатам нашего опроса, уровень доверия считают высоким 3,1% участников опроса, выше среднего – 15,6% респондентов, ниже среднего – 59,4% опрошенных и низким – 18,8%.

Чтобы сделать обобщенный вывод по данному и иным параметрам, воспользуемся методикой индексов для четырехэлементных порядковых шкал [8]. Для расчета индекса используется формула:

$$И = (A + 0{,}75B - 0{,}75C - D)/100 \quad (1)$$

где A – доля ответивших «высокий [уровень доверия]», B – «выше среднего», C – «ниже среднего» и D – «низкий».

Применив данную формулу к обозначенному выше параметру, получаем, что уровень социального доверия между представителями власти, бизнеса и общественности равен –0,49. Это говорит о крайне низком уровне социального доверия с учетом диапазона значений {-1; 1}.

Таблица 1

Экспертные оценки готовности бизнеса к социальному партнерству, в % от числа опрошенных

№	**Утверждение**	**средн. балл**	**«1»**	**«2»**	**«3»**	**«4»**	**«5»**	**затр. отв.**
1.	Каждый предприниматель заботится о своей выгоде, предпочитает индивидуально решать проблемы и задачи	3,9	0	6,3	37,5	12,5	43,8	0
2.	Местный бизнес выражает коллективную позицию по отношению к возникающим проблемам	3	6,3	18,8	50	21,9	3,1	0
3.	Организации стараются решать проблемы бизнеса через объединения предпринимателей	3,1	3,1	12,5	56,3	25	0	3,1
4.	Предприятия бизнеса помогают власти в решении социальных проблем	3,1	0	12,5	68,8	12,5	3,1	3,1
5.	Бизнес-организации активно помогают социально-незащищенным слоям населения	2,8	3,1	25	50	15,6	0	6,3
6.	Бизнес активно взаимодействует с властью в рамках проектов государственно-частного партнерства	2,8	3,1	21,9	59,4	12,5	0	3,1

Чтобы на основе экспертных оценок определить степень выраженности потенциала бизнес-организаций, органов местного самоуправления и общественности в развитии социального партнерства в Республике Башкортостан, участникам опроса предлагалось выразить степень своего согласия с заданными утверждениями.

Об уровне готовности бизнеса к социальному партнерству свидетельствуют данные Таблицы 1.

В целом распределение позиций демонстрирует недостаточное понимание респондентами социального партнерства: в большинстве случаев оценки близки к среднему баллу «3»,

что фактически идентично варианту «затрудняюсь ответить», особенно если предлагались противоположные по смыслу утверждения.

Таблица 2

Экспертные оценки готовности органов местного самоуправления муниципальных образований Республики Башкортостан к социальному партнерству, в % от числа опрошенных

№	Утверждение	средн. балл	«1»	«2»	«3»	«4»	«5»	затр. отв.
1.	Органы местного самоуправления делают в основном внутреннюю работу, их мало интересует взаимодействие с общественностью	3,5	3,1	9,4	25	50	9,4	3,1
2.	Органы местного самоуправления поддерживают предпринимателей, способствуют развитию малого и среднего бизнеса	3,2	6,3	6,3	56,3	28,1	3,1	0
3.	Органы местного самоуправления стараются создавать благоприятную среду для привлечения инвестиций	2,8	3,1	18,8	68,8	9,4	0	0
4.	Власть активно привлекает бизнес к реализации проектов государственно-частного партнерства (ГЧП)	2,9	3,1	18,8	56,3	12,5	0	9,4
5.	Органы местного самоуправления усиленно развивают социальное партнерство в сфере социально-трудовых отношений	2,7	3,1	31,3	53,1	6,3	0	6,3
6.	Органы местного самоуправления поддерживают гражданские инициативы, направленные на развитие территории	2,6	3,1	37,5	50	6,3	0	3,1
7.	Органы местного самоуправления успешно решают задачи развития территории	2,8	3,1	31,3	40,6	15,6	0	9,4

Итак, по мнению опрошенных экспертов, бизнес не готов к социальному партнерству: 43,8% респондентов считают, что каждая организация заботится лишь о своей выгоде, предпочитая самостоятельно решать свои проблемы, не формируя и не выражая какой-либо коллективной позиции. Также данный параметр свидетельствует о слабости роли объединений предпринимателей в общественной жизни регионального и местных сообществ. Местный бизнес не принимает активного участия в решении социальных проблем населения.

Столь же пессимистичными оказались оценки готовности органов местного самоуправления муниципальных образований Республики Башкортостан к развитию социального партнерства (Таблица 2).

Таблица 3

Экспертные оценки готовности общественности к развитию социального партнерства на территории Республики Башкортостан, в % от числа опрошенных

№	**Утверждение**	**средн. балл**	**«1»**	**«2»**	**«3»**	**«4»**	**«5»**	**затр. отв.**
1.	Общественность не является единым выразителем интересов, есть индивиды со своими интересами и стремлениями	4	3,1	0	18,8	50	28,1	0
2.	В региональном и местном сообществе сложившиеся социальные группы готовы отстаивать свои интересы	3	12,5	18,8	34,4	21,9	12,5	0
3.	Большинство общественных организаций существует лишь номинально, их содержательная деятельность не выражена	3,6	3,1	6,3	31,3	31,3	15,6	12,5
4.	Большинство общественных организаций стремятся лишь к достижению собственных интересов	3,7	0	6,3	34,4	40,6	15,6	3,1
5.	Общественные организации ведут большую работу на благо своей территории и ее жителей	2,6	9,4	31,3	40,6	9,4	0	9,4
6.	Общественные организации помогают поддерживать стабильность в межэтнических отношениях	3	3,1	12,5	46,9	15,6	0	18,8
7.	Общественность активно поддерживает местных предпринимателей	2,6	9,4	18,8	46,9	6,3	0	18,8
8.	Общественность в целом активно поддерживает инициативы исполнительной власти и местного самоуправления по развитию территории	2,8	12,5	9,4	46,9	18,8	0	12,5

Почти все оценки деятельности муниципальных администраций, так же как и оценки организаций бизнеса, близки к средней величине «3». Наибольший средний балл набрало утверждение отрицательного характера «органы местного самоуправления делают в основном внутреннюю работу, их мало интересует взаимодействие с общественностью», утверждения же положительного характера набрали балл ниже среднего, за исключением тезиса об административной поддержке малого и среднего бизнеса (3,2 балла).

Обратим внимание на то, что ни один участник опроса в полной мере не согласился с тем, что органы местного самоуправления создают благоприятную среду для привлечения инвестиций, привлекают бизнес к реализации проектов государственно-частного партнерства, активно развивают социальное партнерство в сфере социально-трудовых отношений, поощряют гражданские инициативы, а также успешно решают задачи развития территории.

Итак, эксперты практически единодушны в том, что органы местного самоуправления муниципальных образований не обнаруживают достаточного уровня готовности к реализа-

ции проектов в сфере социального партнерства. При этом отношения административных органов с предпринимателями являются более прочными, нежели с общественностью.

Экспертные оценки готовности общественности к развитию социального партнерства на территории Республики Башкортостан представлены в таблице 3.

Если сравнить средний балл по каждому утверждению, можно обнаружить, что отрицательные позиции в части готовности общественности к социального партнерству набирают более высокие баллы, нежели положительные, которые едва ли дотягивают до среднего значения.

Эксперты достаточно уверенно разделяют позицию о том, что «общественность не является единым выразителем интересов, есть индивиды со своими интересами и стремлениями». Более четверти респондентов (28,4%) однозначно согласны с данным утверждением, еще половина – почти согласны.

Обратим внимание на тот факт, что никто в полной мере не согласился с утверждениями о том, что 1) общественные организации ведут большую работу на благо своей территории и ее жителей; 2) благодаря общественным организациям удается поддерживать стабильность межэтнических отношений; 3) общественность готова активно поддерживать местных предпринимателей; 4) общественность в целом активно поддерживает инициативы исполнительной власти и местного самоуправления по развитию территории. Как видим, на момент проведения экспертного опроса общественные объединения не выстроили партнерских отношений ни с предпринимателями, ни с властью, ни с населением. Тем не менее, с течением времени картина уже меняется в лучшую сторону в связи с активизацией на всех уровнях власти поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций, оказывающих общественно полезные услуги, которая оказывается в соответствии с Федеральным законом «О некоммерческих организациях» от 12.01.1996 г. № 7-ФЗ (в этой части были внесены дополнения Федеральным законом от 03.07.2016 г. № 287-ФЗ).

Выявленный нами достаточно низкий уровень социального партнерства не снимает необходимости в его поэтапном развитии. По данным проведенного социологического опроса, 62,5% респондентов уверены в том, что на территории Республики Башкортостан следует развивать социальное партнерство. Противоположной позиции придерживаются лишь 9,4% опрошенных экспертов. Обратим внимание на четверть (25,0%) затруднившихся с ответом – это говорит о недостаточно глубоком понимании концептуальных основ и механизмов социального партнерства.

Итак, на сегодняшний день наблюдается следующая картина представлений о социальном партнерстве: предпосылки социального партнерства выражены слабо. Это говорит о том, что субъектность – социальное качество, предполагающая активность индивидов и общностей в части творческого преобразования окружающего социального мира – черта, скорее, индивидов, нежели социальных групп либо институтов. При этом в обществе все более созревает мысль о возможности и целесообразности развития межсубъектного социального партнерства.

Участникам опроса, которые поддержали мысль о необходимости развития социального партнерства, было предложено указать наиболее эффективный, по их мнению, вид интеграции социальных субъектов. Самым частотным (65% от числа положительных ответов на предыдущий вопрос) оказалось сочетание тезисов о 1) разработке и последующем нормативном закреплении набора правил партнерского взаимодействия 2) создании новой организационной структуры – центра социального партнерства – с последующим наделением его соответствующими полномочиями. Первый либо второй из данных вариантов по отдельности выбрали, соответственно, 15 и 25% опрошенных экспертов от числа поддерживающих идею развития социального партнерства. Наделение некоторого органа власти либо местного самоуправления функциями в части организации социального партнерства респонденты признали нецелесообразным.

Отрицательные позиции по вопросу о необходимости развития упорядоченной системы социального партнерства респонденты объясняют, во-первых, тем, что действующая модель взаимоотношений власти, предпринимателей и общественности всех устраивает, во-вторых, неготовностью социальных субъектов к взаимодействию в рамках четко выстроенной системы, а в-третьих, опасением того, что новая система социального партнерства будет не более, чем формальностью и потому не решит социальных проблем.

Также респондентам был задан открытый вопрос о том, какие проблемы, с которым сталкиваются муниципальные образования, можно решать в рамках социального партнерства. Данный вопрос набрал всего 40,3% содержательных ответов. Были обозначены проблемы, связанные с благоустройством города (3 упоминания), вывозом мусора, улучшением работы общественного транспорта, безработицей, преодолением бедности, борьбой с различными социальными девиациями, трудоустройством инвалидов, обеспечением социальной защиты населения, реализацией молодежных и иных общественных инициатив, строительством объектов социальной сферы, развитием территории в целом, упорядочением межведомственного взаимодействия. В данном случае сложилось понимание того, что социальное партнерство может стать универсальной технологией, полезной в деле решения проблем и задач в самых различных сферах жизнедеятельности – прежде всего, городской среды (инфраструктуры) и социальной сферы.

Респондентам был задан открытый вопрос о социальных группах – потенциальных участников социального партнерства, на который содержательно ответили 84,4% респондентов. При этом только 31,3% от их числа смогли назвать собственно социальные группы, а не вообще неопределенный круг субъектов. Из числа точно ответивших на данный вопрос в 60% случаев были указаны участники социально-трудовых отношений (работодатели, рабочие), что говорит о доминировании «профсоюзного» понимания сущности социального партнерства. В немногочисленных ответах тех, кто более широко представляет себе социальную базу партнерского взаимодействия, находим упоминание молодежных групп (студентов, неформалов), этнооообщественных объединений, инициативных предпринимателей, пенсионеров, женских организаций, представителей населенных пунктов (территорий), политических лидеров.

Далее респондентам было предложено указать, в чем, по их мнению, может состоять выгода от социального партнерства для основных субъектов – бизнеса, власти и общественных объединений. На соответствующий вопрос о выгоде для бизнеса было получено 56,3% содержательных ответов. В рамках данной подгруппы ответы 38,9% респондентов сводились к тому, что для бизнеса выгода отсутствует либо от этого возможны только одни убытки. Представляется, что данной части экспертов свойственно неглубокое понимание сущности социального партнерства, возможно, по причине наблюдения неудачных примеров организации отношений между субъектами. Те респонденты, которые допускают выгоду от социального партнерства для бизнеса, отмечают, что таким образом может увеличиваться рынок спроса на различные услуги, улучшаться правопорядок, формироваться цивилизованные отношения с властью. Заслуживает внимания позиция одного эксперта относительно того, что бизнес благодаря участию в социальном партнерстве получает нематериальные ценности – доверие и уважение.

На вопрос о выгоде от развития социального партнерства для власти было получено 62,5% содержательных ответов, из числа которых 15% респондентов указали так или иначе на отсутствие выгоды. Наиболее частотна (40% ответов) было мнение о том, что социальное партнерство обеспечивает власти спокойствие, стабильность, снижение социальной напряженности. Около трети участников опроса – 30,0% считают, что выгода для власти состоит в возможности развития территории.

Вопрос о выгоде системы социального партнерства для общественности набрал лишь 46,9% содержательных ответов, из числа которых 13,3% ответов сводилось к тому, что общественность не получит какой-либо выгоды. Среди содержательно ответивших на вопрос и давших положительные ответы 33,3% опрошенных экспертов видят выгоду для обще-

ственности в части роста уровня и качества жизни. В ответах 26,7% респондентов содержится упоминание о социальной стабильности и спокойствии. В отдельных случаях эксперты отмечают, что для общественности социальное партнерство дает возможность самостоятельно решать проблемы, обеспечивает гармонию общественных отношений и социальную поддержку граждан, удовлетворяет общественные интересы граждан, позволяет реализовывать социальные проекты.

В целом содержательные ответы говорят о понимании отдельными экспертами многообразия возможных выгод от развития межсубъектного социального партнерства для бизнеса, власти и общественности.

При анализе следующего исследовательского параметра обратим внимание на то, что 78,1% респондентов считают необходимым проведение цикла образовательных мероприятий для бизнеса, власти и общественных организаций по тематике, связанной с социальным партнерством. Это говорит о наличии некоторой социальной потребности в осмыслении предлагаемых моделей межсубъектного партнерского взаимодействия. Как видим, общественность, с одной стороны, зачастую не намерена воспринимать готовые технологии социального партнерства, возможно, по причине недоверия к другим социальным субъектам, а с другой, готова сначала в теории осваивать принципы построения социальных технологий, а затем активно участвовать в их практической реализации.

В целом социологическое исследование потенциала социальных субъектов в процессе организации партнерского взаимодействия выявило противоречие между относительно слабой выраженностью предпосылок к социальному партнерству среди местного самоуправления, бизнеса и общественности и наличием стремления глубже познакомиться с данным механизмом решения социальных проблем, получить необходимые знания.

Литература

1. *Moscovici S.* The phenomenon of social representations. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. Pp. 3–69.
2. *Abric J.C.* Specific processes of social representations // Papers on social representations. 1996. Vol.5. Pp. 77–80.
3. *Гринева Е.А., Дементьева Н.Н., Плохова И.А.* Компоненты формирования готовности студентов к социальному партнерству в высшем профессиональном образовании // Педагогическое образование и наука. 2016. № 1. С. 145–148.
4. *Косогова Н.В.* Педагогические условия формирования готовности студентов вуза к социальному партнерству // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2016. № 3–2. С. 135–142.
5. *Горбунова Г.Д.* Межсубъектное социальное партнерство как фактор совершенствования местного самоуправления в Российской Федерации: на примере Республики Башкортостан. Диссертация кандидата социологических наук. Орел, 2018. 194 с.
6. *Селигмен А.* Проблема доверия. М.: Идея-Пресс, 2002. 254 с.
7. *Скрипкина Т.П.* Доверие как социально-психологическое явление. Диссертация докторктора психологических наук. Ростов, 1998. 392 с.
8. *Харченко К.В.* Удовлетворенность: методология и опыт муниципальных исследований. М.: Альперия, 2011. 260 с.

УРБАНИСТИКА И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ГОРОДСКИЕ СООБЩЕСТВА

Зайцев Д.В.[1], Иванова Е.Ю.[1], Ловцова Н.И.[2]

[1]*Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.*
Россия, г. Саратов

[2]*Московский городской педагогический университет*
Россия, г. Москва

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ
в рамках научного проекта № 18-18-00321

Аннотация. В статье представлены результаты социологической рефлексии связи и комплементарности урбанистических тенденций и развития профессиональных городских сообществ. Обоснована специфика данных сообществ в контексте доступности, инклюзии и мобильности. На основе классических социологических концепций проанализированы позитивные и негативные аспекты функционирования профессиональных городских сообществ.

Ключевые слова: профессия; профессиональные сообщества, городское пространство, урбанистика.

Современные тренды урбанистического развития, оказывают влияние на все сферы жизнедеятельности общества, а также повседневность каждого индивида, деятельность организаций, социальные, трудовые отношения. Урбанизация детерминирует специфику деятельности многих предприятий, что имеет как положительные изменения, так и отрицательные.

В условиях урбанизма, с одной стороны, повысился экономический уровень государств, предприятий, организаций, снизились трудозатраты на производство, с другой – мелкие предприятия не выдержав конкуренции разорились либо ушли за городское пространство. Всё это способствует изменениям в профессиональных городских сообществах, что является актуальным для социологических исследований. Соответственно, имеют научно-прикладную ценность исследования специфики жизнедеятельности горожан в различных контекстах (профессиональном, образовательном, социальном).

Особенности социальных отношений исследовались в русле классических социологических парадигм (П. Бурдье, М. Вебер, И. Гоффман, Э. Гидденс, Э. Дюркгейм, Г. Зиммель, М. Кастельс, А. Лефевр, Т. Парсонс, П.Сорокин). Влияние города на жизнедеятельность горожанина в условиях урбанистического пространства, повседневные практики социальной жизни индивида в контексте доступности, мобильности, представлены в научных трудах зарубежных социологов, прежде всего: Л.Вирта [18], Г. Зиммеля [17], М. Кастельса [4], Р. Парка [7], Ф. Тенниса [15], Дж. Урри [11], Р. Флорида [12].

Профессиональные сообщества, в том числе городские, исследуются в социологии, прежде всего, в рамках социологии профессий, существенный вклад, в развитие которой внесли российские социологи Р.Н. Абрамов, Л.А. Лебединцев, В.А. Мансуров [5], П.В. Романов, Е.Р. Ярская – Смирнова [8], В.Н. Ярская-Смирнова [14]. В их трудах исследованы феномен профессии и профессионализации, специфика профессиональной структуры общества, изменения в отношении людей к профессии, происходящие под воздействием современных вызовов, обусловленных социально-экономическими условиями российского общества [13, с. 490].

Профессионализация рассматривается как процесс освоения профессии, включения в профессиональную среду [13, с. 387], выступает характеристикой уровня квалификации, наличия у специалиста профессиональных знаний и навыков. Тем самым профессиональная занятость определяет образ жизни, место индивида в профессиональной структуре,

а соответственно и в социальном пространстве города. Особенности образа жизни различных социально-профессиональных групп зависят от множества факторов городского пространства, его многогранности. Возможности организации городского пространства во многом определяют специфику занятости индивида.

Предпосылки формирования представлений о социальном пространстве прослеживаются с конца XIX века, когда феномен социального пространства в социологии развивался в двух направлениях, представленных классиками социологии Э. Дюркгеймом и Г. Зиммелем. Согласно идеям первого, социальное пространство - объективно существующая надындивидуальная реальность. При этом, индивид, находясь в социальном пространстве, способен осознавать свое индивидуальное пространство, обусловленное социальным временем и интеракциями. Индивидуальные интеракции характеризуются темпоральностью и социальностью, реализуются в физическом пространстве и проектируются индивидом на место своего проживания [2].

Второе направление в исследовании социального пространства основано на идеях Г. Зиммеля и представлено анализом качественных характеристик пространства, форм социального взаимодействия в пространстве, систем социальных практик, действий [17]. Специфика взаимоотношений в условиях урбанизации современного города представлена в труде Г. Зиммеля «Большие города и духовная жизнь» [3].

Обращаясь к определению «социального пространства», мы основывались на идеях П.Бурдье, который в своем труде «Социология социального пространства» пишет о том, что пространство, в котором индивиды осуществляют свою жизнедеятельность, познают его, является сконструированным и социально обозначенным.

В то время как физическое пространство выступает социальной конструкцией и проекцией социального пространства, социальной структуры, инициирования социальных отношений. Каждый горожанин, согласно П. Бурдье, является социальным агентом, находится в определенном месте социального пространства, дистанционно от других [1]. Ученый считает современный социальный мир многомерным пространством, основанным системой четырёх видов социальных практик, представленных экономической, социальной, культурной, политической сферами общественной жизни. По его мнению, индивиды борются за власть над различными сферами, полями социального пространства с целью приобретения прибыли и наращивания капитала.

Социальное пространство в теории структуризации Э.Гидденса, представляет собой совокупность систем, структурирующих его. Э. Гидденс определяет передний и задний план пространства. На переднем плане расположены такие структуры как субъекты управления, сельское хозяйство; на заднем - индивиды, социальные практики. По мнению социолога, необходимо сохранение постоянства социального пространства, предотвращение перфораций [6].

Интерес представляет идеи П. Сорокина, по мнению которого, социальное пространство многомерно, имеет горизонтальные и вертикальные параметры, обусловленные социальной стратификацией и социальной мобильностью. Социальное пространство, по утверждению ученого, тесно связано с понятиями народонаселение, социальные отношения, социальные группы [10].

Проблематика урбанизма погружена в пространственно-временной контекст, что обусловливает обращение к концепции информационного общества М. Кастельса, рассматривающего общество как социальную структуру с основными элементами: пространство, время и технологии [4].

Пространство основано на сети информационных, технологических, организационных потоков. Приоритетное место в сетевом обществе занимают ресурсы, и такое пространство преобладает над физическим. В российской социологии в XXI веке Л.М. Семашко была предпринята попытка рассмотрения социального пространства с помощью категорий естественной науки, а именно закона физики о четырехмерном пространстве [9]. Им была изучена взаимосвязь пространства и времени, после чего сам Л. Семашко, считал себя основопо-

ложником «тетрасоциологии», суть которой заключалась в том, что пространство и время существуют не только как физическая последовательность определённых фактов и событий, но и представлены социально, имеют социальный характер [9].

Социальное пространство и социальное время в данном контексте интегрированы с социальной мобильностью. Во-первых, в аспекте профессиональной мобильности, связанной с карьерным ростом, профессиональной компетенцией, стремлением и возможностью повышения профессиональных теоретических знаний и практических навыков, обусловленных условиями города. Во-вторых, в аспекте доступности городского пространства, доступности транспортной инфраструктуры, её чувствительности к нуждам населения.

Здесь важно расположение места работы, удаленность от локации проживания, остановки общественного транспорта, количество пересадок и прочее. Необходимо учитывать время, которое занимает путь от дома на работу и обратно, обусловленность проблемы транспортной и дорожной доступностью. Сегодня многие горожане трудоустраиваются в крупные холдинги, находящиеся часто за городом, или, наоборот, в центре города, куда добираться проблематично с точки зрения транспорта и времени, но при этом получают достойную заработную плату.

Таким образом, исследование проблематики городского пространства позволяет прийти к заключению о многогранности данного феномена. Профессиональная занятость в условиях городского пространства определяет образ жизни горожан. Анализ теоретико-методологических оснований исследования городских профессий как образа жизни с позиции социологических и урбанистических теорий позволил сделать ряд выводов. Пространство города является широким понятием, включающим в себя разнообразные сферы социальной жизни индивида, в том числе профессиональную. Профессиональная деятельность человека занимает значительную часть его жизни, а городское пространство задает перспективы каждой профессии посредством формирования её престижности, потенциала дохода, социальной значимости, социальной пользы. При этом, вид профессиональной деятельности определяет и образ жизни горожанина, структурные и содержательные характеристики.

Литература

1. *Бурдье П.* Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии, 2007. 288 с.
2. *Дюкргейм Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991. 575 с.
3. *Зиммель Г.* Большие города и духовная жизнь // Логос. 2002. № 3. С. 1–12.
4. *Кастельс М.* Могущество самобытности / Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология. М.: Academia, 1999. 302 с.
5. *Мансуров В.А., Юрченко О.В.* Конструирование новых статусных позиций в процессе профессионализации // Модернизация социальной структуры российского общества. М.: Институт социологии РАН, 2008. С. 139–156.
6. *Маринчешка Т.Л.* Теория структурирования Э. Гидденса // Новые направления в западной социальной философии. М., 1988. 277 с.
7. *Парк Р.* Избранные очерки: Сборник переводов. – М.: РАН ИНИОН. Центр социальных научно-информационных исследований, 2011. 320 с.
8. *Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р.* Профессии социального государства. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2013. 408 с.
9. Интернет-портал «Socio» (Семашко Л. Тетрасоциология как теория социального пространства времени и как технология). URL: http://www.socio.ru/public/semashko/ (Дата обращения 12.03.2020).
10. *Сорокин П.* Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. 543 с.
11. *Урри Дж.* Взгляд туриста и глобализация // Массовая культура: Современные западные исследования. М.: Прагматика культуры, 2005. С. 136–150.

12. *Флорида Р.* Who's Your City?: How the Creative Economy Is Making Where to Live the Most Important Decision of Your Life. М.: Strelka Press, 2014. 310 p.
13. *Соколова Г.Н., Кобяк О.В.* Экономико-социологический словарь. Минск: Белорусская наука, 2013. 615 с.
14. *Ярская-Смирнова Е.Р., Ярская В.Н.* Гендерный анализ занятости в социальной сфере // Социологические исследования. 2002. № 6. С. 74–83.
15. *Теннис Ф.* Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. СПб.: Владимир Даль, 2002. 450 с.
16. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУВШЭ, 2000. 608 с.
17. *Simmel G.* Soziologie: Untersuchungen ьber die Formen der Vergesellschaftung. Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot, 1908. 782 c.
18. *Wirth L.* Urbanism As A Way of Life // The American Journal of Sociology. 1938. Vol. 44, № 1. Pp. 1–24.

СОЦИАЛЬНАЯ ИНКЛЮЗИЯ И ЭКСКЛЮЗИЯ В УСТАНОВКАХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДОВ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ)

Зайцев Д.В.[1], Селиванова Ю.В.[2]
[1]*Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.*
[2]*Национальный исследовательский Саратовский государственный университет*
Россия, г. Саратов

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00562А

Аннотация. В статье представлены результаты межрегионального социологического исследования проблематики социального отношения к современным инклюзивным практикам. Цель исследования – выявить приоритетные установки профессионалов в отношении роли, вклада и распределения ответственности между акторами инклюзивной социальной политики, инклюзивной культуры (государство, профессионалы, гражданское общество). Выборочную совокупность составили представители двух крупных групп интеллигенции – работники социальной, культурной, образовательной сфер и инженерной сферы (N = 502). Основными методами стали анкетный опрос и экспертный опрос (интервью). Было установлено, что социальные представления об инклюзии – это комплекс разноуровневых убеждений. Предпринимаемые властью меры в ряде случаев носят показательный характер и на практике часто не способны влиять на позитивное изменение ситуации. Представители интеллигенции демонстрируют недоверие к государству и местной власти, проявляют критику социальной политики. Социальное отношение в большей степени характеризуется маркерами сплоченности, толерантности к социально-уязвимым группам населения.

Ключевые слова: социальная инклюзия, социальная эксклюзия, социальные установки, профессиональные сообщества города, урбанистика.

Современная российская городская среда, в большинстве случаев, не отличается инклюзивностью, что отчасти определяется культурно-исторически. Город воспринимался изначально как более комфортное место для проживания, место с более высоким статусом и потенциальной выгодой, аккумуляции ресурсов. При этом, при строительстве, конструировании городского пространства, внимание, прежде всего, уделялось физической безопасности и экономическим вопросам, а не удобству. Сначала город – это крепость, в дальнейшем, и сейчас, город – это гиперэкономический субъект, ориентированный на повышение своей

экономической мощи, роли в экономической системе государства. Непосредственно работник как начальное звено производственной цепи представляет для города интерес только пока осуществляет свою трудовую функция, внося вклад в развитие экономики и приращение финансовой сферы. Социальные, личностные аспекты для города вторичны. Соответственно, исторически город представлял собою набор практик социального и физического исключения человека, а не инклюзии (включения).

В социальном плане город существенно стал меняться, примерно в середине XX века, благодаря европейским инициативам, основой которых, с одной стороны выступила трансформация сознания граждан, гуманистический поворот, а с другой – появление относительно сводных финансовых средств. К примеру, первый ярко выраженный социально-ориентированный законодательный акт (о людях с инвалидностью) появился в Великобритании в 1944 году. Далее, в 1969 году, в США был основан Centre for Accessible Environments (CEA) с целью создания инклюзивного городского пространства для маломобильных граждан и инвалидов [4]. Формирование теоретико-методологических предпосылок понятия урбанизма происходило на рубеже XIX - XX вв., благодаря усилиям представителей чикагской школы социологии (Р.Парк, Э.Берджессм, Р.Маккензи, Л.Вирт). Последний исследовал влияние городской среды на личностью и на её повседневность, Р.Парк рассматривал город как деятельность людей, Г.Зимель анализировал структурирование городского пространства, его динамику, темп, многообразие интеракций при их дистанцированности, обезличенности.

Преобразования городского пространства социального характера обусловлены деятельностью трёх ключевых акторов: государства, бизнеса, гражданского общества. Связь бизнеса и государства, в определенной степени, является неразрывной, так как бизнес фактически финансирует структуру государства и его деятельность. Благодаря средствам бизнеса государство имеет возможность финансировать деятельность по социальной поддержке, помощи, социальному обслуживанию населения в целях сохранения социальной стабильности.

Сам бизнес разрабатывает и реализует социальные проекты, причиной которых выступает стремление оптимизировать процесс получения прибыли. Относительно бескорыстно социальные мероприятия проводятся, так называемым, гражданским обществом – совокупностью акторов, не приближенных к власти, инициирующих свою деятельность в интересах общества [1].

Специфика деятельности гражданского общества в большинстве случаев определяется государством. Именно государство решает, чем будет заниматься гражданское общество, в каком объёме, каким образом. Поэтому данные мероприятия ограничены локальными сферами и территориями. Выход действительно гражданских инициатив на национальный / общегосударственный уровень (как антипод государственной политике) является исключением.

В данном контексте эффективность социальной политики, особенно инклюзивного типа, то есть ориентированной на создание инклюзивных пространств, сред, комплексную поддержку и помощь всех категорий населения, обусловлена установкой на данную деятельность указанных акторов.

Как латентную часть гражданского общества мы рассматриваем представителей профессиональных сообществ (прежде всего, культуры, образования, социальной и инженерной сфер), интеллигенции. От их представления о принципах социальной политики, мнения об инклюзивной культуре зависит текущая повседневность, чувствительность к нуждам и потребностям граждан среды их жизнедеятельности, получаемых услуг, социальных взаимодействий, комфортности и качества жизни.

Поэтому целью проведенного нами в 2019 году социологического исследования в нескольких регионах России (гг. Астрахань, Волгоград, Саратов) стало выявление установок профессионалов в отношении роли, вклада и распределения ответственности между акторами инклюзивной социальной политики, инклюзивной культуры. Основными методами стали анкетный опрос (онлайн и офлайн форматы) и экспертный опрос (интервью).

Выборочную совокупность составили представители двух крупных групп интеллигенции – работники социальной, культурной, образовательной сфер и инженерной сферы (N = 502). Вторая группа стала частью выборки, потому, что инженерная деятельность ориентирована на удовлетворение нужд и потребностей человека, социальных групп, общностей в процессе повседневных практик.

Применение продуктов инженерной деятельности актуально во всех сферах жизнедеятельности общества, человека, начиная с комфортного жилища, подъезда, придомовой территории, удобства общественных мест, зданий, транспортных развязок, остановок, маршрутов и режима работы общественного транспорта; заканчивая индивидуальными техническими средствами реабилитации, передвижения (инвалидные коляски, транспортные средства, приспособленные или произведенные для инвалидов, слуховые аппараты, различные виды тростей и иные технические разработки).

При этом, высока социальная ответственность инженера перед обществом и отдельными людьми. Профессия инженера подразумевает владение обширными знаниями в различных отраслях, что позволяет иметь формировать четкое представление о проблемах и потребностях общества, конструировать инклюзивное городское пространство в соответствии с принципами современного урбанизма.

Рассмотрим ряд полученных результатов. В ходе исследования было установлено, что установка на дружественное личное отношение на улице, в транспорте, местах общественного пользования все респонденты (независимо от профессиональной принадлежности и города проживания) проявляют ко всем людям с особенностями. Например, к взрослым с инвалидностью – 62%, детям с инвалидностью – 60% (повысилась степень терпимости к появлению детей с инвалидностью в общественных местах) [2], к людям нетрадиционной сексуальной ориентации – 28%, пожилым – 66%, родителям маленьких детей – 64%, к молодежи – 54%, а также гражданам, исповедующим различные религии – 46%. Информанты отмечают, что их личное отношение к представителям социально-уязвленных групп не обусловлено наличием или отсутствием таковых в их окружении.

Демонстрация дружественного отношения в широком смысле отличается от его демонстрации в конкретных контекстах. Например, в сфере образования респонденты значительно корректируют своё мнение. Треть опрошенных считает, что российские школа и общество не готовы к внедрению инклюзивного образованию (когда учащиеся с разным психофизическим статусом обучаются совместно) и, соответственно, ребенку с инвалидностью следует жить в интернате или детском доме (23%).

В среднем, половина информантов согласны, что дети с инвалидностью имеют право посещать обычный детский сад. Однако, когда вопрос изменяется и «приближается» к респондентам (например, «Вы согласны, чтобы Ваш ребенок посещал группу детского сада, в которой будет находиться ребенок с инвалидностью?»), доля таких участников опроса падает до 15–20%.

Установка на дружественное отношение к мигрантам имеют свою специфику. Представлены наиболее часто выбираемые варианты: к *мигрантам из Центральной Азии* – скорее дружественно – 35%, скорее не дружественно – 27%; к *мигрантам с Кавказа* – 33% опрошенных относятся скорее не дружественно и 23% – скорее дружественно; скорее дружественное о*тношение наблюдается к мигрантам с Украины* (39%), мигрантам из Молдовы (41%). Явной зависимости от профессии и города не выявлено.

Установка на дружественное отношение к представителям различных религий характеризуется следующими особенностями: 55% – дружественно к православным, скорее дружественно к католикам (46%), мусульманам (45%), иудеям (44%), буддистам (43%). Мнение респондентов не зависит от города проживания и вида профессиональной деятельности. Оценка отношения современного российского общества к людям различный религий показывает высокий процент толерантности, принятия другой культуры, традиций и ценности других народов, проживающих на территории России.

Социальные установки не всегда совпадают с установками власти, которая в социальном государстве, имманентно должна подавать пример высокой толерантности, социальной ответственности, заботы, поддержки, помощи о гражданах, независимо от их различных характеристик [1]. Однако, по мнению наших респондентов, такие установки российской власти недостаточно выражены и фрагментарно проявляются в социальной реальности. Ряд информантов выказывает недоверие к государству, считая, что оно не заинтересовано в помощи социально-уязвленным категориям населения. Отчасти результаты исследования подтверждают такие мнения.

Большинство респондентов уверено, что меры, реализуемые федеральными властями и городскими (муниципальными), недостаточны для того, чтобы представители социально-уязвимых групп чувствовали себя включенными в жизнь общества и страны. Относительно взрослых и детей с инвалидностью так, в среднем, считает 69% (относительно федеральных инициатив) и 71% (относительно муниципальных инициатив), пожилых – 70% и 65%, соответственно, родителей маленьких детей – 58% и 63%, молодежи - 53% и 60%, для разных конфессий – 20% и 28%, мигрантов – 24% и 35%, соответственно.

Таким образом, принципы инклюзивной культуры фактически остаются не включенными в защиту прав социально-уязвленных категорий, испытывающих социальную изоляцию, депривацию. Это люди, которые не могут получить достойную работу, достойное образование, вести полноценный образ жизни из-за неприспособленности окружающей среды в технологическом и культурно-нравственном смысле [3].

Результаты социологического исследования позволили получить новые эмпирические данные о социально-инклюзивных установках профессиональных групп. Установлено, что социальные представления об инклюзии - это комплекс разноуровневых убеждений. Предпринимаемые властью меры в ряде случаев носят показательный характер и на практике часто не способны влиять на позитивное изменение ситуации. Социальное отношение в большей степени характеризуется маркерами сплоченности, толерантности к социально-уязвимым группам населения, за исключением людей нетрадиционной сексуальной ориентации, которые не ограничены в доступе к социальным ресурсам.

Представители интеллигенции демонстрируют недоверие к государству и местной власти, проявляют критику социальной политики в отношении социально-уязвимых групп, считают, что государство недостаточно включено в решение проблем людей, находящихся в трудной жизненной ситуации. В этом вопросе государству значительную помощь оказывают бизнес, профессионалы от интеллигенции, некоммерческие организации, обычные люди, которые способны адресно оказывать помощь. Данный факт демонстрирует необходимость пересмотра деятельности социальных сервисов с целью повышения качества и эффективности, предоставляемой помощи мигрантам, инвалидам, семьям, воспитывающим детей с инвалидностью, пожилым, иным людям.

Полученные результаты значимы для развития инклюзивной социальной политики и городских служб, которые могут стать основой социальной политики нового формата, ориентированной на разнородные группы населения, сообщества.

Литература

1. Зайцев Д.В., Зайцева О.В. Социальная сплоченность: опыт социологической рефлексии // Вестник саратовского государственно социально-экономического университета. 2016. № 63. С. 103–106.
2. Отношение общества к детям с ограниченными возможностями здоровья и детям-инвалидам. М.: Фонд поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, 2017. 72 с.
3. Ловцова Н., Ротман Д., Ручин А., Ярская В. Принципы инклюзивной культуры в работе с молодежью сравнительный анализ молодежной политики Российской Федерации и Республики Беларусь. Саратов-Москва: СГТУ, ООО «Вариант», 2016. 215 с.
4. Pampel F.C. Aging, social inequality, and public policy. Thousand Oaks. CA: Pine Forge Press, 2008. 274 p.

ДИСКРИМИНАЦИЯ ЖЕНЩИН В СОВРЕМЕННОМ КАЗАХСТАНЕ И МИРОВОЙ ОПЫТ

Исмаилова А.К., Туганова Э.А.
Алматинская Академия Экономики и Статистики,
Казахстан, г. Алма-Ата

Аннотация. В статье рассмотрены актуальные проблемы дискриминации женщин в современном Казахстане в контексте гендерных стереотипов. Авторы также провели сравнительный анализ имеющегося международного опыта в деле решения проблем домашнего насилия над женщинами и детьми и Республикой Казахстан. Важное место было уделено критике декриминализации статей Уголовного Кодекса, которые были отнесены к административным правонарушениям.

Ключевые слова: дискриминация, Уголовный и Административный кодекс, гендерные стереотипы, женщины, мужчины, исламские и традиционные ценности, социальное положение, статус, семья и брак, бытовое насилие, закон, наказание, сексизм, кризисные центры.

«Глобальный прогресс невозможен без гендерного равноправия»
Антониу Гутерриш.

Проблема гендерного неравенства остаётся одной из главных социальных проблем современности. В частности, данная проблема является актуальной и для Республики Казахстан. Гендерная дискриминация проявляется не только в социальной сфере, она также нашла свое отражение и на законодательном уровне. Мы говорим о Законе, который был принят 13 июля 2017 года, согласно которому статьи 108 и 109 Уголовного кодекса Республики Казахстан («Умышленное причинение легкого вреда здоровью» и «Побои») переместились из Уголовного [1] в Административный кодекс [2]. В данной статье, мы хотим поднять вопрос о нецелесообразности и неэффективности новых поправок, а также отразить мнение самих казахстанцев по данному вопросу.

Для упрощения понимания сути данного закона, на сравнительном примере разберем, какие изменение за собой влечет перенос статей из Уголовного кодекса в Административный кодекс Республики Казахстан. Например, умышленное причинение лёгкого вреда здоровью по Уголовному кодексу наказывалось:

– *штрафом в размере до 200 МРП (525 тысяч тенге);*
– *исправительными работами в том же размере;*
– *привлечением к общественным работам на срок до 180 часов;*
– *арестом на срок до 60 суток.*

Эта же статья в Административном кодексе наказывается штрафом 15 МРП (39 тысяч тенге), либо административным арестом сроком до 15 суток. Если эпизод повторяется в течение года, то административный арест увеличивается сроком до 20 дней, штраф возрастает до 30 МРП (78 тысяч тенге).

Сгласно статье *«Побои»* Уголовный кодекс предусматривал наказание:

– *штраф в размере до 100 МРП (262 тысячи тенге);*
– *либо исправительные работы в том же размере;*
– *привлечение к общественным работам на срок до 120 часов;*
– *арест на срок до 45 суток [1].*

В Административном кодексе за побои будут наказывать:

– *штраф в размере 10 МРП (23 тысячи тенге);*
– *либо административным арестом на срок до десяти суток.*

При повторном эпизоде арест будет на 15 суток. Третья часть этой статьи предусматривает штраф в 30 МРП (78 тысяч тенге).

Однако, относительно недавно, а именно 5 января 2020 года были внесены новые поправки в Административный кодекс, утвержденные Президентом К. Ж. Токаевым. Согласно этим поправкам штрафы за бытовое насилие не предусматриваются. Обоснованием данного нововведения является то, что штрафы выплачиваются из семейного бюджета.

В итоге, данные законы исключили какую-либо возможность уголовного преследования за бытовое насилие, а также исключили, выплату штрафов не учитывая, что насилию подвергаются не только законные супруги, но и люди, состоящие в гражданском браке; или, же подвергающиеся насилию со стороны бывших мужей, т. е. не связанные общим бюджетом. По новым поправкам в Административном кодексе за умышленное причинения легкого вреда здоровью правонарушителю грозит предупреждение или арест от 10 до 15 суток [2].

По нашему мнению, данные инструменты наказания преступления не являются эффективными и не несут за собой серьезных последствий или мер ответственности для правонарушителя. Если мы взглянем на статистику, предоставленную МВД Республики Казахстан, то сможем увидеть, что только за 2018 год количество преступлений, связанных с бытовым насилием выросло на 103,7%.

По данным фонда «ООН-женщны», ежегодно в Республике Казахстан от бытового насилия погибает более 400 женщин и каждое третье преступление совершенно в отношении женщин (37,8%). В сравнении с данными за 2015 год насилие над женщинами и детьми увеличилось на 90%. Исходя из выше приведенных данных, вывод напрашивается сам собой, декриминализация бытового насилия только увеличило количество пострадавших, и сняла ответственность с правонарушителей [3].

И если в нашей стране бытовое насилие в семье расценивается как административное нарушение, которое приравнивается к мелкому хулиганству, то в США – это уголовное преступление, и правонарушитель действительно может оказаться за решеткой не только за совершенное деяние, но и за его попытку, а также за психологическое и моральное воздействие и принуждение.

В европейских странах к данной проблеме также относятся с большим вниманием. Например, в Германии существуют специальные службы психологической поддержки для пострадавших от бытового насилия, а также более 300 кризисных центров, где пострадавшие могут получить не только психологическую, но и юридическую помощь и защиту.

Во Франции закон еще суровее: так, например, после обращения жертвы в полицию обидчик не имеет права приближаться к ней или ее дому (даже если его вина еще не доказана), после же вынесения приговора обидчику грозит лишение свободы сроком до 3-х лет и штраф в размере 45 тысяч евро.

Также в этом году правительство Австралии утвердило новые поправки к закону о домашнем насилии, согласно которым, лицам, ранее осужденным за насильственные действия запрещен въезд в страну. Из вышеприведенных примеров, мы видим, что данные страны уделяют большое внимание этой проблеме и борются не только с ее последствиями, но и работают на опережение, стараясь предотвратить преступление до его начала.

Бытовое насилие - это проблема не одной страны, а глобальная проблема современности, которая может разрешиться только с поддержкой со стороны государства. Ведь о степени развития страны в первую очередь, говорит то, насколько каждый ее гражданин чувствует себя в достаточной мере защищенным.

Справедливости ради, необходимо заметить, что решение проблемы зависит не только от законодательства, но и от менталитета и психологии граждан. Ведь зачастую ситуация осложняется тем, что насилие, совершаемое в семье, в отличие от других видов насилия, носит глубоко латентный характер. Многие жертвы не только не обращаются за помощью, а даже стараются скрыть факты насильственного обращения. Зачастую о совершенном в семье насилии становится известно, когда жертве нанесен физический урон, угрожавшей ее жизни или приведший к летальному исходу. Данную ситуацию связывают с культурными, религиозными особенностями, страхом быть осужденным обществом или страхом перед самим партнером.

По данным статистики 51% опрошенных женщин не обращались за помощью в правоохранительные органы, если испытывали какое-либо насилие по отношению к себе от партнера. При этом большинство женщин обращались за помощью к ближайшему окружению: родственники, друзья, соседи и т. д. И получили в основном такие ответы, как: «Дочка, потерпи, бьет, значит, любит», «ссор из избы не выносят», «в этом есть и твоя вина», «позор на мужа заявление писать».

К сожалению, очень часто общество относит бытовое насилие к обычной семейной ссоре и предпочитает закрывать глаза на факт, совершенного насилия. Более того по данным «Альянса женских сил Казахстана» 15 % женщин Казахстана, а это каждая шестая - считают, что партнер имеет полное право применять физическое насилие. Давление и неприятие от семьи и окружающих, недоверие к правоохранительным органам, экономическая зависимость и обыкновенная неосведомленность пострадавших приводит к такой ситуации, когда жертвы многие годы терпят издевательства и считают это нормой [4].

Данная ситуация опасна своими последствиями, ведь жертвами нездоровых отношений становятся дети. Находясь в окружении семьи, ребенок должен чувствовать себя в безопасности и комфорте. Если же ребенок растет в нестабильной обстановке, где превалирует страх и агрессия, то это может неблагоприятно сказаться на неокрепшей психике ребенка. Впоследствии, полученные в детстве психологические травмы остаются с человеком на всю его жизнь.

Практически во всех исследованиях, которые связаны с семейными конфликтами, имеется схожая особенность: большая часть людей склонных к насилию, сами являлись жертвами насилия в детстве. Поэтому очень важно донести до общества, что насилие - это не норма, не семейная ссора и не проявление любви. Это преступление и прямое нарушение прав человека в отношении, которого было совершенно данное преступление.

Для предотвращения и искоренения семейного насилия, необходим комплекс мер.

Во-первых, необходимо добиться ужесточения наказания на законодательном уровне, для этого необходимо криминализация бытового насилия, чтобы статьи 108 и 109 Административного кодекса Республики Казахстан («Умышленное причинение легкого вреда здоровью» и «Побои»), как и прежде рассматривались в рамках Уголовного кодекса Республики Казахстан и предусматривал определенный срок лишения свободы. Данные меры возымеют больший эффект на агрессора, нежели предупреждения и аресты на 10 суток. Также необходимо рассмотреть вопрос об изолировании жертвы от агрессора и ужесточить контроль над соблюдением предписаний, запрещающих приближение к пострадавшему лицу.

Во-вторых, необходимо вести информационно – разъяснительные беседы среди населения, в частности, в образовательных и медицинских учреждениях, чтобы повысить осведомлённость населения, куда им следует обратиться за помощью. Необходимо культивировать и воспитывать неприятие и недопустимость насилия в семье с детства. А также бороться с гендерными стереотипами, которые прочно укоренились в нашем обществе и являются огромным препятствием для развития страны. Когда мы подавляем какую-либо социальную группу, мы заведомо ограничиваем собственный потенциал и возможности.

Казахстаном ратифицированы целый ряд основополагающих международных актов, включая Конвенцию ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (КЛДЖ), Пекинскую декларацию и Пекинскую платформу действий, Конвенцию о политических правах женщины, Конвенцию о гражданстве замужней женщины, шесть конвенций Международной организации труда (МОТ) и Повестку дня в области устойчивого развития на период до 2030 года [4].

Несмотря на предпринимаемые меры в стране все еще сохраняется гендерный дисбаланс в обеспечении занятости, карьерных возможностей и оплате труда. Разница в оплате труда является повсеместной: в 2016 году женщины в Казахстане зарабатывали в среднем на 31,4% меньше, чем мужчины. В 2016 году женщины составляли 56% от общего числа административных госслужащих, но занимали лишь 10% политических должностей на госслужбе, 22% мест в парламенте и 24% руководящих должностей в банковском секторе [5].

Ярким примером стереотипного мышления является резонансное событие произошедшее 5 марта текущего года в городе Тараз, когда абаевед и кандидат филологических наук Омар Жалел, приглашенный в Назарбаевскую интеллектуальную школу (НИШ) для проведения лекции, посвященной юбилею Абая Кунанбаева, позволил себе оскорбительные и сексистские высказывания. Начал свое выступление с утверждения, что девушки – это товар, который родители должны реализовать, девушки не должны становиться академиками, они должны рожать академиков. А отвечая на вопрос школьниц, почему девушки не должны учиться, чтобы в будущем служить своей стране, Жалел резюмировал: «Есть маркер. У маркера одна цель: писать. А когда маркер перестает писать, то мы выкидываем его, также и с женщинами» [6].

Если наша страна стремится к гендерному равенству и вхождению в тридцатку высокоразвитых стран мира и данная задача во многом зависит от молодого поколения казахстанцев, в число которых, входят и молодые девушки, которых Омар Жалел пренебрежительно назвал «маркером» и «товаром», напрашивается вопрос, как можно этого достичь, с подобного рода заявлениями.

В-третьих, необходимо развить инфраструктуру кризисных центров и увеличить количество государственных кризисных центров, которые снимут часть нагрузки с частных кризисных центров. На сегодняшний день в Казахстане насчитывается 28 кризисных центров для пострадавших от бытового насилия. Семь из них это – приюты, работающие при поддержке государства, которые принимают пострадавших только после того, как они подают заявление о произошедшем инциденте в полицию.

В случае, если жертва не заявляет о случившимся в правоохранительные органы, она не может воспользоваться услугами государственных центров. В этом случае она может обратиться в один из 21 негосударственных кризисных центров, которые предоставят бесплатные услуги, анонимность и конфиденциальность. Негосударственные кризисные центры работают в условиях дефицита денежных средств и огромной нагрузки в результате растущего количества пострадавших.

В Казахстане должен работать единый Call-центр, есть линия 150, но она обслуживает в основном Алматы и финансируется из средств местного бюджета. Необходима «горячая линия», где женщины из любой точки Казахстана могли получить элементарную консультацию и психологическую поддержку.

Также не стоит забывать о профилактике и повышению квалификации для работников правоохранительных и социальных органов, которые смогут оказать полноценную помощь и поддержку, пострадавшим от домашнего насилия.

Подводя итоги, в рамках данный статьи, мы можем сделать вывод, что домашнее насилие является достаточно сложной социальной проблемой в Республике Казахстан. И для ее решения необходим весь возможный комплекс мер, который будет включать действия многих государственных структур. Конечно, мы не можем разом решить проблему, но признав ее, начав работать над ней, в конце концов, мы с ней справимся. Помните, насилие – это преступление, которому нет оправдания и за это преступление человек должен нести ответственность.

Литература

1. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 11.01.2020 г.).
2. Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях от 5 июля 2014 года № 235-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 16.01.2020 г.).
3. Новостной ресурс «Kursiv.kz.». URL: https://kursiv.kz/tag/kfw-2019?page=3 (Дата обращения: 08.03.2020).
4. Новостной ресурс «Tengrinews.kz.». URL: https://tengrinews.kz (Дата обращения: 08.03.2020).

5. Статистический сборник Министерства национальной экономики Казахстана. Комитет по статистике («Женщины и мужчины Казахстана в 2012–2016 гг.), 2017. 126 с.
6. Информационное агенство «Today.kz.». URL: http://today.kz (Дата обращения: 08.03.2020).

РЕАЛИЗАЦИЯ ИНКЛЮЗИВНОЙ МОДЕЛИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ ТАТАРСТАНА: ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Лаукарт-Горбачева О.В.
Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н. Туполева – КАИ
Россия, г. Казань

Аннотация. В результате проведенного социологического исследования выявлены актуальные проблемы реализации инклюзивной модели образования в республиканской образовательной системе, а также степень готовности педагогических работников к активной деятельности в новых условиях.

Ключевые слова: педагогический дискурс; инклюзия; образовательное учреждение;

Проблема инклюзивного образования, как создания в образовательных учреждения педагогических и экономических условий для лиц с особыми образовательными потребностями, была актуализирована в Саламанкской Декларации «О принципах, политике и практической деятельности в сфере образования лиц с особыми потребностями» (1994 г.) [1]. Также значимым документом, регламентирующим защиту прав лиц с ограниченными возможностями здоровья, стала Конвенция о правах инвалидов (2006 г.) [2].

Российская Федерация ратифицировала Конвенцию о правах инвалидов в 2012 году [3] и закрепила гарантии прав детей с ограниченными возможностями здоровья на получение доступного, равного и бесплатного образования в ряде федеральных законов [4].

Во 2 статье Федерального Закона «Об образовании в Российской Федерации» инклюзивное образование определяется как «обеспечение равного доступа к образованию для всех обучающихся с учетом разнообразия особых образовательных потребностей и индивидуальных возможностей» [5–11].

Необходимо отметить, что инклюзивную модель образования нельзя рассматривать как локальные целевые ориентиры. Она представляет собой долгосрочную стратегию, системный подход организации образовательного пространства в целом, касающийся всех структур, субъектов и уровней деятельности образовательной системы.

В отличие от интегративной образовательной модели инклюзивная должна обеспечить адаптацию образовательной среды, пространства под нужны и особые образовательные потребности обучающихся с ограниченными возможностями здоровья. В образовательных учреждениях должны быть созданы специальные условия для получения образования этими обучающимися, в частности, материально-технические, включая архитектурные, организационно-правовые, информационные, организационно-педагогические условия, кадровое и программно-методическое обеспечение образовательного и воспитательного процесса, также психолого-педагогическое, а в ряде случаев и медицинское, сопровождение обучающихся.

Актуальность реализации инклюзивной модели в современное российское образовательное пространство обусловлено объективными факторами. Статистические данные свидетельствуют о постоянном росте в последние десятилетия численности детей с ограниченными возможностями здоровья в Российской Федерации. Так численность состоящих на учете в системе пенсионного фонда РФ детей-инвалидов составляла 541 тыс. чел. в 2011 г. и 670 тыс. чел. – в 2019 г. [12].

Наблюдается значительный прирост количества детей, признанных инвалидами (см. табл. 1):

Таблица 1

Результаты освидетельствования детей в возрасте до 18 лет [6]

Год	Первичное освидетельствование детей и признание инвалидами по категории «ребенок-инвалид» (чел.)	Переосвидетельствование детей и повторное признание инвалидами по категории «ребенок-инвалид» (чел.)
2013	70 734	253 198
2014	72 801	250 708
2015	69 805	238 082
2016	73 106	244 221
2017	76 088	249 036
2018	88 002	285 307

Таблица 2

Количество детей с психическими отклонениями и болезнями нервной системы, впервые признанные инвалидами [6]

Год	Болезни нервной системы (чел.)	Психические расстройства и расстройства поведения (чел.)
2008	11 853	12 800
2009	12 601	14 053
2010	13 143	14 409
2011	13 241	14 208
2012	13 925	14 249
2013	13 995	14 819
2014	14 586	16 575
2015	14 203	17 243
2016	14 465	17 825
2017	14 932	18 867
2018	14 197	19 428

Согласно приведенным данным, за последние годы количество детей, признанных в результате первичного освидетельствования инвалидами, возросло в 1,24 раза; а детей, повторно признанных инвалидами в результате переосвидетельствования, – в 1,13 раза.

Постоянное увеличение детей с психическими отклонениями и болезнями нервной системы также свидетельствует о тенденции роста в Российской Федерации количества детей с ограниченными возможностями здоровья (см. табл. 2):

Приведенные данные свидетельствуют об увеличении за последнее десятилетие количества детей с болезнями нервной системы в 1,2 раза, а детей с психическими расстройствами и расстройства поведения – в 1,5 раз.

Одним из важных факторов, обуславливающих эффективное внедрение и реализацию инклюзивной модели в образовательных учреждениях, является готовленность педагогических работников к работе с детьми с ОВЗ и детьми с инвалидностью в новых условиях.

Готовность, отношения, мнения, установки, оценки, стереотипы, восприятия субъектов образовательного процесса к вводимым и реализуемым инновационным методам, формам, мероприятиям могут быть определены на основе изучения их непосредственных суждений, а также на основе анализа опосредованных контентов (выступлений педагогов и специалистов на совещаниях, повседневных бесед учителей, специалистов, учащихся,

их родителей, выступлений на родительских собраниях, зафиксированных в специальных документах жалоб со стороны учащихся и родителей и др.). Анализ опосредованных контентов позволяет выявлять глубинные ожидания, личностные установки, представления, стереотипы и восприятие субъектов образовательного процесса, касающиеся реализуемых в образовательных системах мероприятий.

Объектом авторского исследования выбран педагогический дискурс. Понятие «дискурса», популярное в социальных и гуманитарных науках в последние десятилетия, имеет разные интерпретации. В самом общем значении дискурс интерпретируется как особый способ общения и понимания окружающего мира или определенного его аспекта [13, с. 18]. Большинство современных активно развивающихся дискурсаналитических подходов за основу полагают определение дискурса, данное в концепции М. Фуко, – группа утверждений, ограниченных существующими в конкретных обществах правилами [14, с. 117].

Т. Ван Дейк, обобщив используемые в современных социально-гуманитарных и социологических теориях интерпретации дискурса, выделил следующие его значения [15]:

– дискурс как социальная формация, обозначающий социокультурные особенности обществ;

– дискурс как механизм идеологической социализации;

– дискурс как тип вербальной продукции;

– дискурс как конкретный текст или разговор;

– дискурс как жанр;

– дискурс в широком смысле как комплексное коммуникативное событие;

– дискурс в узком смысле как текст или разговор.

В авторском исследовании дискурс интерпретируется как актуальный, когерентный по смысловому значению устный или письменный продукт коммуникативного действия, отражающий на микросоциальном уровне социокультурные явления и процессы.

В качестве коммуникационного пространства, отражающего педагогический дискурс, выступили работы (эссе) педагогов и специалистов, проходивших курсы повышения квалификации в Приволжском центре повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования (2019 г.). В рамках практических занятий педагогам было предложено написать эссе на тему «Проблемы реализации инклюзивной модели образования в образовательных учреждениях Республики Татарстан». Анонимность выполняемого задания позволила обеспечить объективность полученных данных. Всего проанализировано 174 работы.

Основными задачами исследования являлись:

– выявление представлений педагогов и специалистов о базовых принципах инклюзивной модели образования;

– определение степени актуальности проблемы инклюзии в современном российском обществе;

– выявление мнений педагогов о достоинствах и недостатках инклюзивной модели образования;

– выделение проблем и сложностей реализации принципов инклюзии в республиканской образовательной системе.

Анализ контента эссе показал высокую степень информированности педагогов и специалистов о базовых принципах инклюзивной модели образования. В эссе были отражены все основные принципы концептуальной модели инклюзивного образования: ценность человека независимо от его возможностей, способностей и достижений; право каждого человека на общение и взаимодействие, на поддержку; раскрытие и развитие индивидуальных способностей человека; возможности адаптации, самореализации и приобретения социального, психологического и коммуникативного опыта; развитие гармоничной личности, способной к полноправной, самостоятельной жизни в социуме.

Абсолютное большинство информантов подчеркнуло высокую степень актуальности проблемы инклюзивного образования в современном российском обществе, обозначив

в качестве основных причин сокращение специальных учебных заведений, возрастающее с каждым годом количество детей с особыми образовательными потребностями и необходимость их успешной социализации:

Информант 5 (учитель-дефектолог, стаж работы 8 л.): «*Так как детей в ОВЗ с каждым годом увеличивается, эта проблема очень актуальна. Родители (законные представители) хотят, чтобы их дети обучались в общеобразовательной школе*».

Информант 17 (учитель-дефектолог, стаж работы 11 л.): «*К сожалению, в последние годы, несмотря на рост количества детей с отклонениями развития, количество специальных школ уменьшается*».

Информант 38 (учитель начальных классов, стаж работы 15 л.): «*С каждым годом растет количество детей с ОВЗ. Они должны быть включены в образовательный процесс для эффективности их социализации*».

Информант 58 (учитель-предметник, стаж работы 6 л.): «*Проблема очень актуальна, т.к. российское общество долгие годы делило детей на обычных и инвалидов, которые были практически бесправны, не имея возможности на образование и реализацию своих возможностей*».

Наиболее значимыми проблемными зонами и трудностями внедрения и реализации инклюзивной модели в татарстанских образовательных учреждениях, по мнению информантов, являются:

– отсутствие квалифицированных кадров, специальной подготовки педагогов;

– большинство учащихся, не имеющих ограничений здоровья, и их родителей не готово принять инклюзивное обучение;

– отсутствие разработанной и адекватной системы оценивания учащихся с ограниченными возможностями здоровья;

– недостаточное финансирование и, как следствие, невозможность создания необходимых специальных условий в образовательном пространстве для детей с ограниченными возможностями здоровья (материально-технического, информационного, программно-методического обеспечения);

– отсутствие в образовательных учреждениях необходимого педагогического сопровождения (тьюторов, ассистентов, логопедов, дефектологов, психологов, медицинского персонала и т.д.) детей с особыми образовательными потребностями;

– большое количество детей в классах;

– увеличение нагрузки на учителя;

– психологические проблемы адаптации детей с ограниченными возможностями здоровья в группе сверстников;

– неадекватное, агрессивное поведение детей с ограниченными возможностями здоровья.

Литература

1. Саламанкская Декларация «О принципах, политике и практической деятельности в сфере образования лиц с особыми потребностями» (Саламанка, Испания, 7–10 июня 1994 г.). URL: http://www.notabene.ru/down_syndrome/Rus/declarat.html (Дата обращения: 24.02.2020).
2. Конвенция о правах инвалидов (принята резолюцией 61/106 Генеральной Ассамблеи от 13 декабря 2006 года). URL: http://ombudsmanspb.ru/files/files/OON_02_site.pdf (Дата обращения: 24.02.2020).
3. Федеральный закон Российской Федерации от 3 мая 2012 г. № 46-ФЗ «О ратификации Конвенции о правах инвалидов». URL: http://base.garant.ru/70170066 (Дата обращения: 24.02.2020).
4. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174 (Дата обращения: 24.02.2020).

5. Федеральный закон от 22 августа 1996 г. № 125-ФЗ «О высшем и послевузовском профессиональном образовании». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW 11446 (Дата обращения: 24.02.2020).
6. Федеральный закон от 24 ноября 1995 г. 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_ LAW_8559 (Дата обращения: 24.02.2020).
7. Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». URL: http://base.garant.ru-/12116087 (Дата обращения: 24.02.2020).
8. Федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/ (Дата обращения: 24.02.2020).
9. Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/-cons_doc_LAW_14058 (Дата обращения: 24.02.2020).
10. Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru-/document/cons_doc_LAW_44571 (Дата обращения: 24.02.2020).
11. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174 (Дата обращения: 24.02.2020).
12. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики РФ. URL: https://www.gks.ru (Дата обращения: 24.02.2020).
13. *Йоргенсен М.В., Филлипс Л.* Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков: Издательство «Гуманитарный Центр», 2008. 352 с.
14. *Foucault M.* The Archaeology of Knowledge. London: Routledge, 1972. 543 p.
15. *Van Dijk T.* Ideology: A Multidisciplinary Approach. London: Sage, 1998. 362 p.

УЧАСТИЕ МЕСТНЫХ СООБЩЕСТВ В МОДЕРНИЗАЦИИ РЕГИОНА

Орлова А.В.
Кемеровский государственный университет,
Россия, г. Кемерово

Аннотация. В статье рассматриваются местные сообщества, существующие в регионе. Изучается их влияние на этапы модернизации региона. Также затрагиваются вопросы взаимодействия местных сообществ с властью.

Ключевые слова: местное сообщество, модернизация, мобилизация, Кузбасс, самоорганизация.

Современное общество характеризуется необходимостью эффективного управления отдельными территориями. Актуализируются вопросы местного самоуправления, под которым мы понимаем некую форму самоорганизации людей, проживающих на определенной территории, с целью участия в решении вопросов, связанных с управлением, развитием, благоустройством данной местности. Главными участниками этой самоорганизации выступают местные сообщества. Именно через них происходит коммуникация населения с представителями власти.

До сих пор нет единой точки зрения на понимание сущности местного сообщества, но изучение его становится все более актуальным. Как отмечает Гречко П. К. [6, с. 49], местное сообщество становится предметом комплексного исследования. В зарубежной социологической литературе существует более 90 определений данного понятия, которые можно объединить в три основные группы. Первая включает в себя понимание местного сообщества как объединения по географическому признаку (проживание на определенной территории), вторая – общность на основе определенной культуры и ценностей, третья – группа с устойчивым взаимодействием [4, с. 41].

Первые проявления элементов местных сообществ можно заметить еще в древнейшие времена. Это были некие объединения, основанные на взаимопомощи друг другу и чувстве принадлежности к одной группе, которые поддерживались общими традициями, верованиями.

В античные времена Аристотель сделал попытку описать «сообщество» с точки зрения науки. В его понимании основным требованием для определения какого-либо объединения людей как сообщества необходимо было наличие непосредственной территориальной близости, а также общения между представителями этого объединения, т. е. существования коммуникационных каналов. В начале термин «местное сообщество» понимался лишь как проживание людей на определенной общей территории. Затем это объединение стало происходить на основе общих интересов [5, с. 126.].

Одним из основных условий для возможности существования такой формы объединения людей, по мнению ряда социологов, можно считать устойчивые социальные связи. Это можно объяснить локальным характером сообществ, в которых постоянное взаимодействие людей приводит к образованию социальных связей. Питирим Сорокин отмечал, что индивиды выполняют разные социальные функции и под влиянием этого формируется коллективное единство. Отдельный индивид вынужден объединяться с другими индивидами, так как не может охватить всей совокупности необходимых ему функций. Другие люди компенсируют эту нехватку, образуя взаимодействие, приводящее к появлению объединений.

Толкотт Парсонс также изучал вопросы общности, которую он понимал как социальную систему. Люди, проживающие на определенной территории, используют ее для организации повседневной деятельности, не выходя за ее пределы, то есть взаимодействие между людьми происходит именно здесь. Такое объединение Парсонс и называл сообщностью, в которой существуют выработанные и поддерживаемые образцы поведения и представлений о членстве данного объединения [12, с. 61.].

Ученые-экономисты рассматривают местное сообщество как специфическую социально-экономическую систему. Главным основанием для существования такого объединения является реализация и удовлетворение общих и индивидуальных потребностей, а также реализация социально-экономических отношений. Местное сообщество представляется средой, в которой реализуются экономические действия субъектов [1, с. 30-32.].

Данное объединение можно рассматривать как совокупность, состоящую из людей, а также социальных групп, в основании которой лежат политические, социальные, экономические, духовные отношения и взаимодействия. Отдельные индивиды и социальные группы являются частью исторического прошлого территории, принимают непосредственное участие в процессах ее преобразования (благоустройство территории, различные формы градостроения), включены в экономические вопросы, являются активными агентами хозяйственных процессов, участвуют в местном самоуправлении и избрании местной власти и т. д. Можно сказать, что местное сообщество представляет собой сложную, многоуровневую систему, объединяющую всех ее представителей в некое единое целое, которое приобретает иные, отличные от простой суммы всех жителей, характеристики. И это целое пронизывает все существующие процессы, проистекающие в сообществе.

Однако необходимо помнить, что, как и в любой системе, различные подсистемы такого объединения обладают самостоятельностью, собственными интересами, иерархической структурой. Местное сообщество является источником и главным участником формирования властных органов территории, но, в свою очередь, органы власти осуществляют руководство сооб-

ществом. Кроме того, рассматриваемая нами система повергается воздействиям различных факторов, внешних или внутренних, которые влияют на жизнедеятельность объединения и это необходимо учитывать при изучении такой сложной системы как местное сообщество.

Понятие «местное сообщество» получило широкое распространение в западных исследованиях, поскольку является важнейшим элементом жизни западного гражданского общества, расценивается как элемент повседневной жизни каждого индивида. В нашей стране дела обстоят несколько иначе. Это связано со многими обстоятельствами, например, незаинтересованностью большинства граждан общественной и политической жизнью страны, концентрацией на собственных потребностях и целях, социальной разобщенностью и т. д. Местные сообщества чаще всего сконцентрированы на решении частных задач, включенность в муниципальное управление и развитие собственной территории зачастую не является их целью. Все это усугубляется отсутствием действенных механизмов вовлечения сообществ в сферу управления, реализацию программ и проектов развития, непониманием законов и принципов действия самих сообществ.

Сам термин «местное сообщество» широкого распространения и освещения в отечественных исследованиях не получил. В рамках российского законодательства термин заменяется понятием «муниципальное образование». Но не всегда местное сообщество обладает данным статусом, и это может привести к запутанности и противоречивости.

Рассматривая местное сообщество, нельзя не отметить такого факта, что существует большое число видов подобных объединений. Они могут быть разделены по различным критериям и основаниям. Местные сообщества можно разделить по такому критерию как тип поселения и тогда можно выделить городские и сельские поселения. Кроме того, их можно подразделить на виды в зависимости от способа формирования: сформированные естественноисторическим путем (исторические города; города, основанные на торговых путях; города, сформировавшиеся на месте обнаружения полезных ископаемых; селения, сформировавшиеся на местах с высоким плодородием почвы; селение в местах пастбищ; селение в местах ловли или охоты) и искусственным (наукограды и закрытые административные образования; путевые станции, маяки, кордоны, метеорологические станции). Еще одним видом деления городских и сельских поселений может служить наличие статуса муниципального образования. Поселения могут быть наделены этим статусом, либо нет. Наделенные статусом городские поселения: городские округа и городские поселения; не имеющие статуса: территориальное общественное самоуправление, товарищества собственников жилья, жилищные кооперативы, пригородные поселки, входящие в городскую черту, военные городки. Сельские поселения, наделенные статусом: муниципальные районы, сельские поселения; не наделенные статусом: сельские поселения в составе районов или муниципальных образований, местные сообщества дачных и садоводческих товариществ [9, с. 185.].

Помимо этого, к видам местных сообществ относят:

– предпринимательские и финансовые круги;

– местное отделение политических партий;

– группы по профессиональным интересам и их представители – профсоюзы;

– социальные организации, которые выражают интересы отдельных групп;

– территориальные организации, которые выражают интересы малых территориальных сообществ;

– национальные и религиозные сообщества, которые сохраняют культурные традиции, нормы поведения;

– благотворительные организации;

– организации по интересам.

Еще одну классификацию предложил М. Пейн [5, с. 126.]. Он выделял два вида сообществ:

– Сообщества, которые образуются на основе территориальной и пространственной близости, которая обосновывает частоту взаимосвязей и контактов между людьми;

– Объединения, появляющиеся на основе одинаковых интересов, либо значимых факторов, может существовать даже без общих территориальных границ.

Под местным сообществом мы будем понимать «сообщество людей, проживающих на определенной территории и объединенных общими интересами в решении вопросов жизнедеятельности посредством использования и развития местных материальных и социальных ресурсов на принципах самоуправления» [7, с. 45].

Для жизнедеятельности местных сообществ очень важную роль играют процессы самоорганизации населения, без которых невозможно само возникновение сообществ. Самоорганизация людей, которые проживают на определенной территории, имеет социальный характер, они сосуществуют на ней благодаря взаимодействию друг с другом, взаимодействие становится источником становления и благополучного развития сообществ и всего общества. К основным признакам, отличающим самоорганизацию людей, можно отнести такие, как самодеятельность, направленная на решение насущных проблем, разработка и реализация собственных инициатив, добровольность участия, соединение личных и общественных интересов и т. д [8, с. 57.].

Ю.В. Филиппов и В.В. Гассий выделили признаки, которые позволяют классифицировать социальное образование как местное сообщество:

– население, проживающее на определенной местности;

– территория или пространство;

– общие интересы;

– социальное взаимодействие;

– идентификация членов объединения с данной группой [14, с. 65].

Последний признак концентрирует на себе внимание многих ученых, так как чувство принадлежности к группе является важнейшим показателем жизнеспособности и эффективности объединения, делающие жизнь индивида благополучной.

Д. Макмиллан и Д. Чавис выделяют четыре составляющие чувства сообщества: «членство, которое можно охарактеризовать как чувство принадлежности индивида к объединению; влияние – ощущение себя свободным, находясь при этом в неразрывной связи с сообществом; интегрированность и реализация личных потребностей индивида, которое понимается как связанность индивида с другими членами на основе общих ценностей, интересов, соответствующих как индивиду, так и сообществу; разделенная эмоциональная связь, т. е. понимание одинаковости чувств, переживаний, судеб. Таким образом, чувство сообщества является важным элементом, оказывающим значительное влияние на все стороны жизни членов данного объединения» [9, с. 187].

Местное сообщество является очень важным элементом в процессе самоорганизации населения на территории и оказывает большое влияние на ее развитие. Именно местные сообщества способны мобилизовать все свои ресурсы для достижения целей модернизации региона. Кардинальные изменения, происходящие на разных этапах развития нашей страны, во всех сферах жизнедеятельности почти всегда влекли за собой определенную напряженность в социальных отношениях. Потребность в изменениях зачастую опережала условия этих изменений. И здесь важными стабилизаторами / дестабилизаторами общества выступали местные сообщества.

Кемеровская область является регионом, так называемого, ресурсного типа, что во многом определяет специфику социальных отношений, взаимодействий власти и населения. Изначально Кузбасс формировался как промышленный регион, чему способствовали запасы полезных ископаемых. Отдаленность от центральных районов и официальной власти способствовала усилению принципов самоорганизации на данной территории. В советское время Сибирь активно развивалась. Привлечение людей для жизни и работы в регионе было как добровольным (участие в освоении ресурсов), так и принудительным (насильственное переселение). Необходимость быстро восполнить утраченные в первые годы после революции ресурсы привела к пониманию, что мобилизация – «это единственно возможное средство для успешного общественного развития» [13, с. 105].

Примером практического мобилизационного проекта, реализованного на территории Кузбасса, можно считать создание и деятельность Автономной индустриальной колонии (АИК) «Кузбасс» в 1922-1926 годах. Созданная инициативной группой американских рабочих во главе с голландским инженером-коммунистом С. Рутгерсом и американским коммунистом Б. Хейвудом, колония иностранных рабочих и специалистов, способствовала значительному развитию региона. За рубежом и на территории России были развернуты ресурсные площадки быстрого рекрутирования. Руководство колонии заключило договор с Советским правительством и получило в свою собственность все предприятия Кемеровского района [2, с. 35]. Деятельность колонии строилась на принципах самоорганизации. Произошло своеобразное разделение обязанностей у разных национальностей. «Строительство было прерогативой голландцев и финнов, в то время как на шахтах работали в основном американцы, а коксохимический завод стал «вотчиной» немцев» [15]. Опыт данной колонии был довольно успешным. Колонисты построили первую электростанцию, коксохимзавод, первые благоустроенные поселки для рабочих, реконструировали ряд шахт, развивали и сельское хозяйство (завезли кукурузу, озимую пшеницу и т. д.) [15]. Но, несмотря на несомненные успехи в развитии региона, идеологическая ситуация в стране не позволила развивать данный опыт мобилизации населения и в 1926 году договор с АИК «Кузбасс» был расторгнут.

Во время Великой отечественной войны и в послевоенное время Кузбасс был одним из главных индустриальных регионов. Эвакуация заводов из Центральной России, восстановление и их запуск в Сибири дали мощный толчок к развитию области. Многие решения производственных и бытовых вопросов приходилось принимать, не дожидаясь официальных властей, поэтому опять включались механизмы самоорганизации. 17–23 ноября 1948 года была проведена научная конференция, на которой были обозначены масштабные проекты перспективного развития Кузбасса. По итогам было опубликовано три тома научных и аналитических материалов, включающих помимо этого аналитические записки, стенограммы прений, карты данных и графики развития, формулы химических соединений, статистические графики и таблицы, трассировки ресурсных, народнохозяйственных коммуникаций, особые мнения специалистов самого широкого масштаба, обширный библиографический материал [10]. Научное сообщество в числе социальных инициатив дало ряд детальных рекомендаций по развитию отдельных территорий и сфер жизнедеятельности Кузбасса.

Очень значимым в истории Кемеровской области стал период конца 1980-х – 1990-х гг. Забастовки шахтеров и работников железнодорожных путей сообщения показали возможности политической мобилизации кузбассовцев. Возникшая стихийно, забастовка уже в первые дни стала организованной, был создан областной забастовочный комитет. Выдвигались преимущественно экономические требования, хотя звучали и политические. Буквально за два дня в забастовочное движение было вовлечено более 600 тыс. чел. по всей стране. Забастовки то прекращались, то возобновляясь в течение нескольких лет. Менялись и требования, все более превращаясь в политические, в требования смены власти и экономической реформы. Противостояние власти и рабочего движения вылилось в быструю мобилизацию и самоорганизацию («шахтерские походы» в Москву, «рельсовые войны» на Транссибе, «стучание касками» на Горбатом мосту в Москве) [3, с. 18]. Забастовочное движение этого периода явилось силой, способной оказать давление на власть, показало несостоятельность и незрелость политических институтов России того времени, а также необходимость экономических, политических и социальных реформ страны в целом и региона в частности.

Современное общество также дает нам примеры подобной самоорганизации. Когда инициативные группы, объединенные в сообщества едиными интересами, проблемами, пытаются выходить на диалоги с властью, обществом в целом. Можно вспомнить волнения, связанные со взрывами на шахте Распадская (май 2010 г.); с пожаром в ТЦ «Зимняя вишня» (25 марта 2018 г.). Лишь действия инициативных групп, их выстраивание коммуникаций с властью, позволили избежать серьезных последствий.

Подобные сообщества людей, которые объединены общими интересами в решении важных для себя и региона вопросов, могут стать серьезной силой для изменений, касающихся отдельных территорий. По мнению Л. И. Никовской и В. Н. Якимец «непременным условием движения вперед становится постоянный диалог общества и государства, социума и власти, раскрепощение личности и гражданской самоорганизации общества» [11, с. 28].

Властные органы должны уметь выстраивать взаимодействие с население, через коммуникации с местным сообществом, которое выступает главным актором в модернизации регионов.

Литература

1. *Антипьев К.А.* Местные сообщества как основа местного самоуправления: монография. Пермь: Издательство Пермского национально-исслед. политехнического университета, 2013. 160 с.
2. *Балибалов И.А.* Кемерово вчера, сегодня, завтра. Кемерово: Книжное издательство, 1982. 144 с.
3. *Бирюкова О.В.* История реструктуризации угольной промышленности Кузбасса: Середина 80-х гг. XX века – начало XXI века: автореферат диссертации кандидата исторических наук: 07.00.02 / Кемеровский государственный университет. Кемерово, 2005. 26 с.
4. *Вагин В.В.* Социология города. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/-Sociolog/Vagin/index.php (Дата обращения 10.03.2020).
5. *Гоголева Е.Н.* Активность местного сообщества как условие функционирования местного самоуправления // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2010. № 2. С. 126–135.
6. *Гречко П.К.* Понятие местных сообществ в современной социальной теории // Местные сообщества: проблемы социокультурного развития; Сборник научных статей. М.: Независимый институт гражданского общества, 2010. С. 48–68.
7. *Лапин В.А.* Природа муниципальной власти и местного самоуправления в России // Личность. Культура. Общество. 2000. Т. 2. № 1. С. 42–52.
8. *Маженина Е.А.* Самоорганизация населения на территории: учебное пособие. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. 128 с.
9. *Морозова Л.П.* «Местное сообщество» как аспект социологического анализа // Социальная политика и социология. 2009. № 2. С. 177–187.
10. Народнохозяйственные проблемы Кузбасса: Труды конференции по изучению производительных сил Кузбасса (17-23 ноября 1948 г.) в 3-х частях. М.: Академия наук, 1950. 478 с.
11. *Никовская Л.И., Якимец В.Н.* Модернизация и публичная политика: актуальные проблемы и дискурс // Труды института системного анализа Российской академии наук. 2010. Т. 57. С. 18–29.
12. *Пясецкая Е.Н.* Местное сообщество и муниципальное управление: трансформация взаимодействия // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2015. № 9. С. 61–65.
13. *Тимошенко А.И.* Мобилизационные практики в формировании экономики сибирского тыла СССР (1920–1980-е гг.) // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2016. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mobilizatsionnye-praktiki-v-formirovanii-ekonomiki-sibirskogo-tyla-sssr-1920-1980-e-gg (Дата обращения: 10.03.2020).
14. *Филиппов Ю.В., Гассий В.В.* Развитие местных сообществ // Муниципальная власть. 2004. № 11. С. 64–72.
15. Фонды музея-заповедника «Красная Горка». URL: http://tass.ru/v-strane/3571827 (Дата обращения 10.03.2020).

ДЕТИ С РАС В МЕДИА И ОБЩЕСТВЕ: ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОЙ ЭКСКЛЮЗИИ И ПЕРСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Савельева Ж.В.
Казанский федеральный университет,
Россия, г. Казань

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-00-01682 (18-00-01529)

Аннотация. Распространенность расстройств аутистического мира растет во всем мире, в том числе и России. Обостряются вопросы дискриминации и эксклюизии детей и людей с РАС в обществе, проблемы ограничения их шансов на социальную адаптацию и интеграцию. Особое значение в данном контексте приобретают социальные и масс медиа. В статье проводится количественный анализ категорий «аутизм» и «расстройства аутистического спектра» в медиа. Несмотря на рост упоминаемости за последние годы, выявлены неоднозначные тенденции в сфере инфоповодов и категорий, сопряженных с темой.

Ключевые слова: аутизм, расстройство аутистического спектра, масс медиа, социальные медиа, информационные поводы, социальная эксклюзия.

Расстройства аутистического спектра все чаще фиксируются в статистиках всех стран мира. Согласно усредненным данным Всемирной организации здравоохранения один ребенок из 160 имеет РАС. ВОЗ предостерегает общества от эксклюзии, дискриминации и стигматизации детей и людей с РАС, отмечая, что люди с аутизмом имеют подобные проблемы и ограничения в доступе к ресурсам, физическому и социальному пространству. В связи с этим ВОЗ указывает на необходимость разработки мер по инклюзии и социальной интеграции [1].

Мировое сообщество в целом и Россия с 2015 года взяли ориентир на устойчивое развитие и подтвердили свою приверженность принципам инклюзивности и доступности. «В этом контексте, по мнению ООН, участие людей с аутизмом имеет важное значение для реализации целей в области устойчивого развития (ЦУР)» [2].

Эксклюзия семей с детьми с РАС имеет, с одной стороны, социально-экономический характер. Это связано с тем, что матери особенных детей часто вынуждены бросить работу, не все родители могут заплатить за реабилитационные, коррекционные программы, помогающие ребенку с РАС адаптироваться и быть вовлеченным в социум, государственные гарантии и бесплатные социальные услуги весьма ограничены. С другой, стороны, эксклюзия выходит за рамки экономического поля и вторгается в систему социальных отношений, общественного мнения, формирует систему социально-психологических барьеров, которые вытесняют семьи с детьми с РАС на периферию общественной жизни, социального институционального пространства.

Аутизм как расстройство нейроразвития имеет специфику, связанную с проблемами поведения, обусловленную особенностями восприятия и трудностями социального взаимодействия, коммуникации, часто речи, а также склонностью к стереотипиям и маневризмам. Необычное поведение способствует маргинализации детей с РАС. Аутизации вместе с ребенком подвергаются и их семьи. «Родители детей с инвалидностью вынуждены постоянно бороться за включение своих детей в общество, которое, как порою кажется, направляет огромные ресурсы на то, чтобы исключить детей с аутизмом (и другой инвалидностью)» [3]. Часть семей, затронутых проблемой аутизма, под воздействием выдавливающего воздействия социума формирует установки самоэксклюзии. До недавнего времени такие ситуации можно было считать правилом, нежели исключением. Однако в последние годы ситуация начинает меняться. В том числе благодаря медиа.

Воздействие медиа многогранно. Образы людей с РАС, создаваемые в социальных и массовых медиа, существенным образом влияют на идентификацию и осмысление проблемы аутизма, социальное восприятие и социальные представления о людях с РАС. Они могут как способствовать, так и препятствовать процессам инклюзии детей с РАС и их семей в общество, создавая стереотипы и гипертрофируя негативизм в отношении некоторых аспектов проблемы и ее «носителей». Вместе с тем медиа выступают площадкой и мощным ресурсом для консолидации и взаимной поддержки родительских сообществ, иногда активным субъектом коллективного социально-политического действия, что также нельзя не учитывать.

В данной статье нам хотелось бы остановиться на макропроцессах медийного конструирования повестки по проблеме аутизма в российских медиа как частной задаче в рамках проекта «Дети с расстройствами аутистического спектра: проблема социальной интеграции в контексте конвергенции биомедицинской и социогуманистической парадигмы знания», выполняемого при финансовой поддержке РФФИ (№ 18-00-01682К 18-00-01529). Современные информационные системы позволяют изучить упоминаемость проблемы и некоторые характеристики формирования повестки за обширный период времени.

Теоретически мы исходим из дуальности символической и социальной реальности, полагая, что с одной стороны, символическая среда медиа отражает процессы, проистекающие в обществе, с другой – задает контуры социального мира, влияя на представления о проблеме аутизма, ее актуальности, способах осмысления и отношения к детям и людям с РАС.

Источниковой базой в исследовании стала «Медиалогия». Данная информационная система мониторнига и анализа разнообразных источников в медиа позволяет онлайн калькулировать количественные и качественные упоминания той или иной темы в СМИ. В базу поиска были включены блоги, газеты, журналы, информагентства, интернет-сайты, радио, телевидение. Обрабатывались упоминания как в федеральных, так и в региональных СМИ. Временной интервал составил с 1 января 2000 года по 15 декабря 2018 года.

Результаты количественного анализа частоты упоминаний в системе «Медиалогия» показал, что в последние годы в информационном пространстве российских медиа идет неуклонный рост сообщений с категориями «аутизм» и «расстройства аутистического спектра». Динамика медиа волны находится на подъеме (рис.1).

Рис. 1. Динамика упоминаемости категорий «аутизм» и «расстройства аутистического спектра» в медиа (в абсолютных показателях)

В 2000 году ни одного упоминания с искомыми категориями обнаружено не было, в 2001 году появилось 38 публикаций, в 2002 – 30, 2003 - 203, в 2004 – 312, в 2005 – 370, в 2006 – 466, в 2007 – 707. По состоянию на конец 2018 года публикаций насчитывалось уже 156014. Данной динамике в информационном пространстве можно дать положительную оценку, интерпретируя процесс как повышение внимание к проблеме аутизма, что должно способствовать ее актуализации в общественном сознании. При этом надо учитывать тот факт, что, начиная с 2008 года, в медиа сфере начинаются процессы копирования и перепечаток текстов об аутизме. Во всем массиве медиа сообщений перепечатка составляет 39% - было опубликовано 95541 оригинальных сообщений и 60473 перепечаток. Если посмотреть по годам, то можно заметить, что данная тенденция усиливается (рис.2). В 2008 году доля перепечаток в общей доле материалов, посвященных аутизму и РАС, составляла 21%, в 2013 – 37%, в 2018 – уже 47%, что занимает практически половину информационного потока за данный год (рис.2).

Интересен тот факт, что внимание к теме аутизма чаще проявляли региональные медиа (55% публикаций), нежели федеральные (45%). Из федеральных медиа наиболее часто упоминание об аутизме и РАС можно было встретить в блогах livejournal.com, Интернет-портале Рамблер новости, интернет-издании Kp.ru, Агентстве социальной информации (asi.org.ru), информагентстве РИА Новости. Перечисленные медиа за весь период опубликовали от 1000 до 4400 сообщений, посвященных теме аутизма и РАС. Среди региональных медиа лидерами формирования повестки были Информагенство Нижневартовска МАНГАЗЕЯ (mngz.ru), новостные агрегаторы Ставрополя Vestiyuga (vestiyuga.ru), Москвы MosDay.ru, Рыбинска РЫБИНСКonLine (ryb.ru), Екатеринбурга Gorodskoyportal.ru/Ekaterinburg и Уфы Gorodskoyportal.ru/ufa. В этих региональных СМИ от 350 до полутора тысяч публикаций, посвященных проблеме.

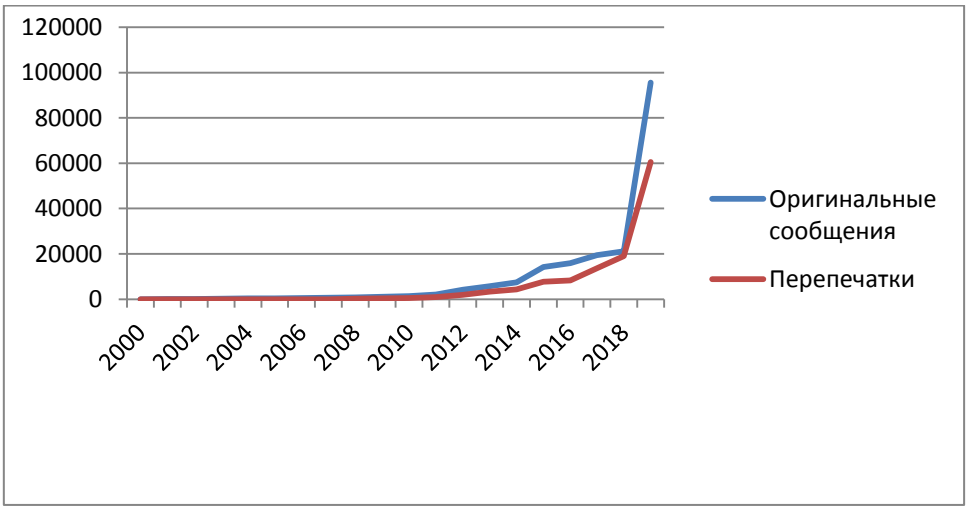


Рис. 2. Динамика упоминаемости категорий «аутизм» и «расстройства аутистического спектра» в оригинальных медиа сообщениях и перепечатках (в абсолютных показателях)

Информационная система «Медиология» позволяет выявить распространенные информационные поводы появления сообщений в медиа. В семерке самых заметных инфоповодов по количеству сообщений 4 позиций занимают сообщения об акции «Зажги синим» (в совокупности 1921 сообщение), которая проводится ежегодно 2 апреля во Всемирный день распространения информации о проблеме аутизма. Согласно акции многие известные скульптуры и здания городов подсвечиваются синим цветом. Сообщения по этому поводу, как правило, концентрируются на визуализации: в публикациях размещаются фото знаковых мест и сообщается о самой дате, но редко затрагиваются сущностные черты проблемы аутизма и рассказывается о ситуации.

Вторым топовых инфоповодом стала ситуация 2015 года, когда произошел инцидент в Нижнем Новгороде – сестру модели Натальи Водяновой, у которой диагноз аутизм и ДЦП, попросили покинуть кафе (301 сообщение). Данному происшествию и последующим разбирательствам было посвящено всего 878 сообщений в рамках 13 инфоповодов.

Помимо этого Наталья Водянова фигурировала еще в 450 сообщениях и 16 других инфоповодах, как филантроп, благотворитель, активист в сфере помощи детям с аутизмом и другими нарушениями в развитии. Символический капитал известности позволяет модели привлекать внимание к проблемам эксклюзии детей с ментальными нарушениями, проблематизировать ситуацию дискриминации и неравенства семей с особенными детьми. Конечно, надо учитывать, что не все медиа интерпретируют ситуации и деятельность модели в таком контексте, есть часть желтой прессы, которая использует так называемую стратегию «перчинки», выводя в заголовки, например, такие темы как «Битва супермодели Водяновой с шашлычником» (8 сообщений по данному инфоповоду). Проблема дискриминации и вопросы инклюзии остаются в подобных сообщениях за рамками фокуса внимания.

В списке инфоповодов фигурируют и другие сенсационные заголовки (например, «Аутизм увязали с умными папами» – 109 сообщений, «Ромарио заявил, что аутизм помогает Месси гениально играть в футбол» – 83 сообщения, «Аниматор, напавший на Крите на российского подростка, – аутист или просто изверг?» – 128 сообщений), шокирующие темы (например, «Астахов обещает разобраться с избиением девочки-аутиста в детсаду в Татарстане» – 117, «Избитого в Казани подростка-аутиста не стали госпитализировать» – 124, «СК проверяет данные об избиении девочки-аутиста в детсаду в Татарстане» – 29 и др.). Такие информационные сюжеты не способствуют решению вопросов, связанных с клишированным восприятием людей с аутизмом, а способствуют еще большей стереотипизации, конструируют и развивают роли жертвы, преступника или гениального человека.

По критерию заметности сообщения, учитывающему расположение сообщение в СМИ, (номер полосы, объем, тираж, посещаемость и ряд др.) лидерами стали те же сюжеты: инфоповоды «Мама Натальи Водяновой простила обидчиков своей младшей дочери, но дело не закрыли» и «Зажгли синим: в России прошла акция в поддержку людей с аутизмом».

Оказалось, что из всех видов медиа, наиболее часто проблеме аутизма и РАС посвящают свои сообщения интернет-сайты (75%). Около 8% сообщений были размещены информагентствами, столько же газетами, 5% – составили сообщения в блогах живого журнала, и лишь 2% телевидение, 1% радио и столько же журналы, что можно связать с разной пропускной способностью медиа.

Лишь пятую часть публикаций об аутизме и расстройствах аутистического спектра можно отнести к аналитическому жанру. 71% сообщений являются новостями, 7% относятся к другим жанрам медиа.

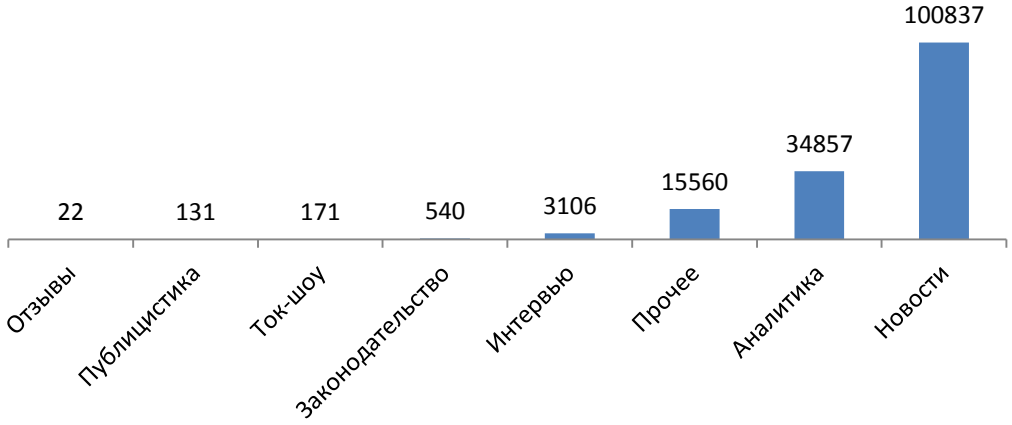


Рис.3. Распределение сообщений об аутизме и РАС по жанрам медиа

50% сообщений было опубликовано в СМИ, которые можно соотнести с таким направлением медиа как «Бизнес и общество», около 22% было представлено новостными агрегаторами, в категории «Другое» оказалось около 6% сообщений, 4,5% – было соотнесено с категорией «Власть», 3,5% – с «Медициной», 3% – «Стили жизни», 1,5% – «Образование и наука», по 1% сообщений об аутизме располагались в таких видах медиа, как пресс-релизы, СМИ, посвященные культуре, ИТ, политике, НКО. 0,5% сообщений было опубликовано в СМИ, освещающих семью и детство.

Лидерами по упоминанию категорий аутизм и РАС по регионам стала Москва (48% публикаций). Далее по частоту упоминаний следует Санкт-Петербург (4,5%), ХМАО (2,4%), Московская область (2,2%), Свердловская область (2,2%), Республика Татарстан (1,8%), Краснодарский край (1,7%), Челябинская область (1,7%), Воронежская область (1,5%), Нижегородская область (1,5%).

Рис. 4. Лидеры упоминаний об аутизме и РАС по регионам

Ожидаемо, что в структуре распределения упоминаний категорий «аутизм» и «расстройства аутистического спектра» по рубрикам преобладает «Общество и социальная сфера» – 39%. Количество сообщений соотносящихся с рубрике «Здоровье и медицина» составило 23%, «Наука и образование» – 12%, в рубриках, посвященные регионам, было зафиксировано 9% публикаций, власти – 9%, культуре и искусству – 8%. Около 4,5% приходится в совокупности на рубрики о стиле жизни, высоких технологиях, праве. Прочие составили 24%.

Рис. 5. Распределение упоминаний об аутизме и РАС по рубрикам медиа

Самые популярные слова, используемые в сообщениях с упоминанием категорий «аутизм» и «расстройства аутистического спектра», как мы видим из рис. 6, «ребенок», «аутизм», «аутистического», «расстройство», «проект», «родитель», «центр», «школа», «реабилитация». Интересно, что частота упоминаний категории «аутизм», в разы превышает частоту медиа с использованием понятий «расстройство», и «аутистического». Использование тех или иных категорий для обозначения диагноза или состояния ребенка является не только вопросом именования, но и отражает вектор развития в представлениях о данном феномене и отношения к нему. Слова в значительной степени делают вещи, и поэтому в социальной реальности мире ведется борьба за слова, определяющие социальные представления; изменяя их, можно изменить и вещи [4, с. 195].

Аутизм как дефиниция в сфере медицины свойственен предшествующим моделям классификации болезней (в частности МКБ-10). На данный момент происходит переход к МКБ-11, где все виды аутизма именуются расстройством аутистического спектра. Отказ от категориального деления был обусловлен тем, что не были найдены точные причины данного отклонения в развитии. Если раньше считалось, что за отклонения отвечают определенные гены, то теперь ученые пришли к выводам, что существует около сотни генов, которые лишь повышают риски возникновения нарушения. «Симптомы настолько многогранны, что представляют собой континуум, включающий в себя множество проявлений. Очень трудно провести четкие границы между уровнями развития интеллекта или языка, которые бы дифференцировали, например, классический аутизм и синдром Аспергера» [5]. Таким образом, термин «расстройство аутистического спектра» является более релевантным термином для обозначения данного нарушения развития, однако в структуре упоминаний медиа пока превалирует категория «аутизм».

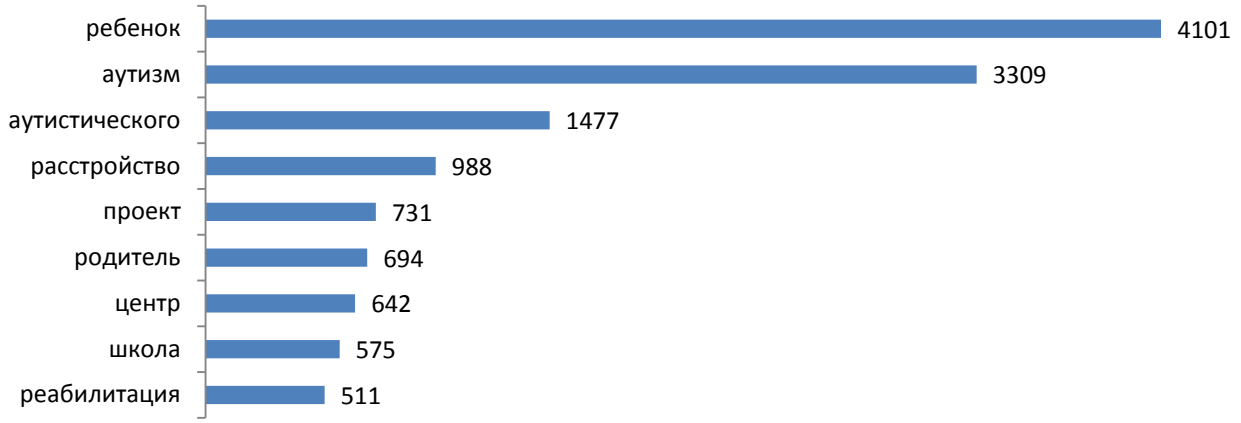


Рис. 6. Ключевые слова в медиа сообщениях об аутизме и РАС

Высокая частота употребления слова «родитель» свидетельствует о том, что именно родители выступают ключевыми акторами в инициировании вопросов и проблем, связанных с аутизмом. С «аутизмом» и «РАС» сопряжена, как следует из рис. 6, высокая частота использования в медиа-сообщениях категорий «школа» и «реабилитация», что характеризует проблемные и обсуждаемые аспекты проблемы. На основании качественного анализа медиаматериалов и научных источников по поднимаемой проблеме, можно утверждать, что вопросы реабилитации детей с РАС довольно остро стоят в российском обществе в аспекте доступности процедур (прежде всего, финансовой) и эффективности способов реабилитации. Образовательные модели (инклюзивные, ресурсные и специальные, коррекционные классы) для детей с РАС также являются дискутируемой темой в российской риторике и медиа, и эта тенденция находит свое отражение информационном пространстве российских СМИ.

Таким образом, количественный анализ показал рост популярности темы аутизма и РАС в информационном пространстве российского общества, ее рассредоточение

в федеральных и региональных СМИ. Однако безусловным лидером по упоминаемости является Москва, растет число дублированных материалов, невысока в структуре сообщений аналитическая составляющая, среди информационных поводов лидируют формальные или сенсационные материалы.

В таких условиях свою актуальность сохраняет задача повышения информированности населения о расстройствах аутистического спектра и особых потребностях людей с данным видом нарушения развития, широкая просветительская работа СМИ, активная антидискриминационная позиция социальных медиа. Преодоление стигм в отношении детей с РАС, так и в отношении их семей, невозможно без активизации работы СМИ. Институциональные механизмы включения человека с аутизмом должны опираться не только на институты здравоохранения и образования, но и на социальные медиа и СМИ, что особенно актуально в условиях медиатизации реальности и существующей разрозненности институций социальной интеграции.

Подводя итог, мы должны указать, что количественный анализ демонстрирует векторы развития информационной повестки об аутизме, однако любая автоматическая система подсчета имеет свои ограничения, связанные с узкими рамками интерпретации. В связи с этим в качестве перспективы для продолжения изучения темы конструирования аутизма видится его дополнение качественным интерпретативным анализом текстов медиа.

Литература

1. Официальный сайт Всемирной организации здравоохранения («Расстройства аутистического спектра»). URL: https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/autism-spectrum-disorders (Дата обращения: 10.04.2020).
2. Информационный ресурс «РИА Новости» («Всемирный день распространения информации о проблеме аутизма»). URL: https://ria.ru/20200402/1569472302.html (Дата обращения: 10.04.2020).
3. Фонд содействия решению проблем аутизма в России «Выход» («Чего лучше не говорить родителям детей с аутизмом»). URL: https://outfund.ru/chego-luchshe-ne-govorit-roditelyam-detej-s-autizmom/ (Дата обращения 12.04.2020).
4. *Бурдье П.* Начала. – М.: Socio-Logos, 1994. 288 с.
5. Сайт Фонда содействия решению проблем аутизма в России «Выход» (Рахлина Н. «Терминологические дебаты по поводу нейрокогнитивных расстройств развития: история, нововведения и их последствия»). URL: https://outfund.ru/terminologiya-v-sfere-autizma/ (Дата обращения 12.04.2020).

СЕКЦИЯ «УПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЕМ ЕВРАЗИЙСКИХ ГОРОДОВ, АГЛОМЕРАЦИЙ И ПОСЕЛЕНИЙ, БРЕНДИРОВАНИЕ ТЕРРИТОРИЙ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ»

БРЕНДИНГ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НА ПРИМЕРЕ САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ И РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

Батурина А.В., Дидковская Я.В.
Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина
Россия, г. Екатеринбург

Аннотация: статья посвящена актуальной проблеме применения территориального брендинга как инструмента продвижения региона. В работе проведен сравнительный анализ развития территориального брендинга в двух российских регионах. На примере Республики Татарстан и Самарской области сопоставляются бренды субъектов и оценивается их роль в развитии туризма. Сравнение проведено на основе вторичного анализа исследований по тематике туризма и брендинга, а также статистических данных, взятых из отчетов региональных органов власти. Согласно результатам сравнения Республика Татарстан по уровню развития туристического бренда выигрывает у Самарской области, однако обоим регионам можно дать определенные рекомендации. Органам власти по развитию туризма в Республике Татарстан и объектам туристической инфраструктуры следует усилить работу по развитию туризма не только в городе Казань, но и в других муниципальных районах. Для этого необходимо как выстраивание маршрута туриста через несколько районов, так и брендинг самих территорий. Самарская область, как регион, находящийся еще только в начале формирования территориального бренда, должна сосредоточить усилия на разработке концепции бренда, который бы отражал уникальность области и создавал эмоциональный образ у туриста.

Ключевые слова: брендинг территории, туристическая привлекательность региона, социология туризма.

Сфера туризма является одной из важнейших направлений экономики. Она оказывает влияние на развитие транспортной инфраструктуры, коллективных средств размещения, общественного питания, торговли.

Роль туризма в социально-экономическом развитии территории сложно переоценить. Постоянно растущая конкуренция между регионами за привлечение туриста вынуждает создавать собственные «фишки», использовать инновационные технологии продвижения туристского продукта.

Брендинг территории является инструментом, способным привлечь и удержать жителей, инвесторов и туристов. Бренд способен сделать территорию более привлекательной и сформировать единый эмоциональный образ восприятия региона.

Многие страны уже давно используют брендинг для социально-экономического развития территорий и повышения их туристической привлекательности, в то время как в нашей стране бренды есть только у «богатых» регионов, а продвижению национального бренда России отводится мало внимания.

Изучение брендов началось относительно недавно и ведется, как правило, с точки зрения маркетинга, а основное внимание уделено брендам товаров и услуг, но не территорий. С одной стороны, организации сферы туризма тоже оказывают услуги или предлагают готовый продукт, а с другой – плохое качество такой услуги или товара способно отторгнуть туриста и сложить у него отрицательное впечатление о всей территории, поэтому важен грамотный, единый подход к формированию брендов регионов.

Развитие регионального туризма изучается как зарубежными, так, и отечественными авторами. В последнее время количество работ, посвящённых вопросам функционирования туристической сферы на региональном уровне, существенно увеличилось, что свидетельствует о возрастании роли и значения туризма и усиления интереса к нему со стороны исследователей.

Среди российских ученых, рассматривающих развитие туризма в России можно выделить работы Ц.Б. Базаровой и Н.Ш. Малакшиновой, которые акцентировали внимание на проблемах правового регулирования [1]. По их мнению, политика регионов в этой сфере определяет степень участия органов государственной власти субъектов Российской Федерации в нормативном регулировании и состоянии самой отрасли. К примеру, в Республике Татарстан развитием туризма занимается Государственный комитет Республики Татарстан по туризму, а в Самарской области – Департамент туризма, который входит в структуру Министерства культуры Самарской области, что, скорее всего, было сделано по подобию Федерального агентства по туризму, которое раньше входило в Министерство культуры РФ. Базарова и Малакшинова считают, что повышение качества услуг, предоставляемых объектами туристической инфраструктуры, возможно только за счет изменения законодательства и подходов к правовому регулированию – гарантии защиты прав и интересов туристов, закрепление полномочий за различными уровнями власти, унификация требований [1, с.13].

А. Ю. Зобнин отмечал, что сфера туризма оказывает стимулирующее воздействие на развитие потенциала страны и выступает катализатором развития других сфер [4, с. 176]. Но в то же время развитию въездного и внутреннего туризма в России препятствуют ряд проблем, среди которых: недоработанная правовая база, несоответствующая международным стандартам и неравномерно распределенная по туристическим маршрутам инфраструктура, а также отсутствие инвестиционных проектов. В качестве решения проблем Зобнин предлагает использовать проектное управление, которое требует постоянного мониторинга сферы туризма и контроля достижения поставленных целей. Ссылаясь на зарубежный опыт, автор предлагает обеспечивать отрасль информационной, правовой и финансовой государственной поддержкой, проводить рекламные кампании по продвижению турпродукта и развивать государственно-частное партнерство.

Бренды в национальной экономике способствуют росту ее стоимости. По мнению С.Г. Нездойминова, брендинг территории становится важнейшей составляющей социально-экономической и международной политики особенно тех стран, в которых отрасль туризма является ведущей, а рост взаимовлияния брендов территорий и производимых на них товаров, дизайна бренда и привлекательности территории – важные тренды развития территориального брендинга [8, с. 79].

В региональном туристическом бренде можно выделить две составляющие – рационально-функциональную и эмоционально-ценностную. Рационально-функциональные параметры включают туристическую инфраструктуру, маршрут, места посещения и т.п., а эмоционально-ценностные факторы должны вызывать у туриста эмоции как во время приобретения тура, так и во время его потребления, а также ценности, которые отражает бренд.

Как отмечает С.Г. Нездойминов, мероприятия по брендингу территории должны состоять как из формирования информационного поля, так и из создания современной инфраструктуры, внедрения новых стандартов качества обслуживания, обучения и повышения квалификации персонала. А Эффективность этих процессов в рыночных условиях зависит, прежде всего, от целенаправленной работы региональных органов исполнительной власти и предприятий в сфере туризма.

Брендинг территории является способом коммуникации с потребителями, основывается на уникальности региона, его отличиях от других мест посещения, позволяет туристу выбирать привлекательные направления.

Что касается брендинга территории, то в Концепции продвижения национального и региональных брендов товаров и услуг отечественного производства на 2007–2008 годы под региональными брендами понимались бренды российских городов и регионов, выступа-

ющие инструментом маркетинга территорий с целью привлечения инвестиций и кадровых ресурсов, а также бренды товаров и услуг, локализованных в определенной географической области [6]. С тех пор больше никаких концепций ни на федеральном, ни региональном уровне принято не было, а препятствия, названные в 2007 году, остаются актуальными и сегодня. Например, нет эффективных механизмов координации деятельности в области продвижения брендов и, соответственно, недостаток опыта продвижения.

Однако в России есть регионы, которые решили не дожидаться принятия на федеральном уровне общих для всех рекомендаций по созданию и продвижению региональных брендов. Рассмотрим две противоположных по уровню развития территориального брендинга субъекта Российской Федерации – Республика Татарстан и Самарской области.

В национальном рейтинге въездного туризма в 2019 году Республика Татарстан заняла 8 место. Данный рейтинг учитывал три критерия: общее количество иностранных туристов, размещенных в коллективных средствах размещения, количество размещенных иностранных туристов за год на 1000 жителей данного региона, прирост (уменьшение) количества иностранных туристов по сравнению с предыдущим годом.

Что касается туристического бренда Республики Татарстан, первые активные шаги в его создании начались в 2013 году, когда за создание мастер-плана по развитию туризма взялась австрийская компания Kohl&Partner. Компания разработала 14 стратегий, которые могут быть реализованы в Татарстане (к примеру продвижение популярных у туристов мест). Были также предложены три направления туризма, которые являлись бы самыми популярными в Татарстане - городской, деловой и культурный туризм [7]. Здесь можно добавить набирающий популярность гастрономический туризм.

На сегодняшний день продвижением туристического бренда Республики Татарстан «Visit Tatarstan» занимается АНО «Центр развития туризма Республики Татарстан». Кроме того,«Visit Tatarstan» - это не только бренд, но и комплексная программа, направленная на создание и реализацию глобальной коммуникационной стратегии и маркетинговой кампании с целью продвижения туристических возможностей республики, а также на дальнейшее развитие туристской отрасли внутри региона и приведение её к современным мировым потребностям и стандартам.

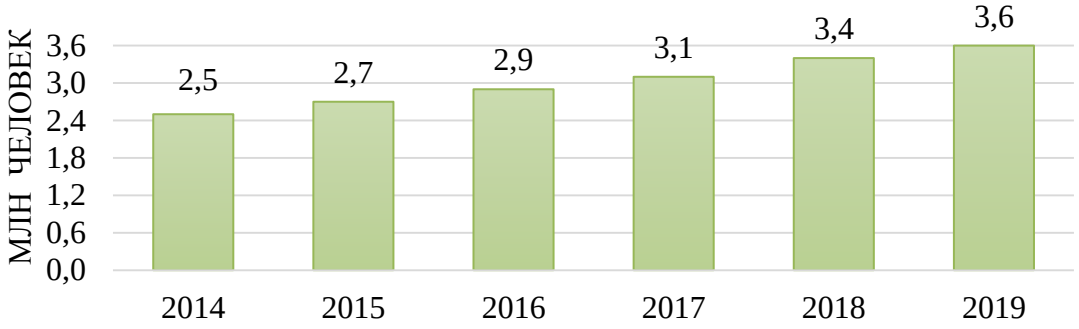


Рис. 1. Динамика туристического потока в Республику Татарстан [5]

Как можно заметить по рисунку 1, туристический поток в Республику Татарстан ежегодно увеличивается, темп прироста в среднем составляет 9%. Взаимосвязь бренда и туристического потока в данном случае проявляется в том, что туристы знают лишь о нескольких аспектах бренда, формах, в которых он проявляется – сувениры, для Татарстана – это тюбетейка, чак-чак и другие национальные угощения. При этом презентация туризма в Татарстане ведется в основном на зарубежных выставках, а в России ограничивается лишь принятием или отправкой региональных делегаций.

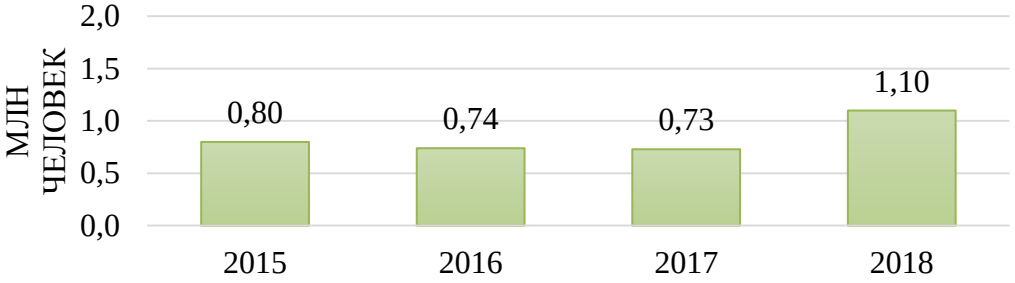


Рис. 2. Динамика туристического потока в Самарскую область [3]

В отличие от Республики Татарстан, туристический поток в Самарской области не такой стабильный – в 2016 и 2017 сокращался, в 2018 году превысил 1 млн. человек, что связано с проведением в Самаре Чемпионата мира по футболу.

Единого бренда, как и организации управляющей им, в Самарской области нет. Есть лишь природные достопримечательности (Самарская Лука, Жигулевские горы), памятные места (к примеру, Бункер Сталина) и проекты, которые стали отдельными брендами (Грушинский фестиваль, ВолгаФест). Отчет с показателями сферы туризма за 2019 год Департамент туризма Самарской области еще не опубликовал, но, скорее всего, в прошлом году турпоток снизился, так как ЧМ по футболу 2018 задал планку, которую тяжело достичь при отсутствии спортивных и культурных событий. Но так как построенная к мундиалю инфраструктура еще не изношена, необходимо использовать весь имеющийся потенциал региона для привлечения российских и иностранных туристов, в первую очередь, за счет активной рекламной кампании.

Сопоставляя Республику Татарстан и Самарскую область, можно сделать выводы, что первый регион прикладывает больше усилий к формированию туристического бренда территории. Это подтверждается наличием отдельного органа власти в сфере туризма, реализацией региональной программы по развитию туризма проходящими рекламными кампаниями, функционирующим учреждением, формирующим айдентику бренда, а также брендированием различной инфраструктуры в Республике. Однако среди 45 муниципальных образований в Татарстане наибольшее внимание уделяется бренду Казани в то время, как предпринимаются первые попытки встроить в туризм региона районы (например, туристический маршрут из Казани в Кукмор).

В Самарской области проводимые разрозненные мероприятия не создают у туриста единого представления о регионе. Отсутствие общего туристического бренда сопровождается и отсутствием туристического маршрута по региону. Отсылка, например, к роли области в Великой Отечественной войне или к уникальным природным местам позволило бы создать сильный бренд и привлечь туристов. Но для проведения таких мероприятий необходимы наделение регионального органа власти в сфере туризма полномочиями по созданию и продвижению бренда, а также слаженная работа всех заинтересованных сторон.

Литература

1. *Базарова Ц.Б., Малакшинова Н.Ш.* Проблемы правового регулирования и государственного управления в сфере туризма // Проблемы юридической науки: материалы ежегодной научно-практической конференции. Улан-Улэ, 2016. С. 12–15.
2. *Бельских И.Е.* Региональные бренды: специфика развития в России // Региональная экономика: теория и практика. 2014. №20(347). С. 2–7.
3. Сайт Государственного комитета Республики Татарстан по туризму (Годовой отчет о ходе реализации и оценке эффективности реализации государственной программы за 2018 год). URL: http://tourism.tatarstan.ru/rus/materiali-itogovoy-kollegii-gosudarstvennogo.-htm?pub_id=2245182 (Дата обращения: 25.02.2020).

4. *Зобнин А.Ю.* Проблематика государственного и муниципального управления в сфере туризма // Успехи современной науки. 2017. Т. 6. № 1. С. 176–178.
5. Итоги работы Государственного комитета Республики Татарстан по туризму за 2019 год / Сайт Государственного комитета Республики Татарстан по туризму. URL: http://tourism.tatarstan.ru/rus/ (Дата обращения: 25.02.2020).
6. Сайт Министерства экономического развития Российской Федерации (Концепция продвижения национального и региональных брендов товаров и услуг отечественного производства на 2007–2008 годы). URL: http://old.economy.gov.ru/minec/activity/sections/-innovations/brends/doc201001081527 (Дата обращения: 25.02.2020).
7. Сайт Министерства спорта Республики Татарстан (Мастер-План развития туризма в Республике Татарстан). URL: http://minsport.tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_223654.pdf. (Дата обращения: 25.02.2020).
8. Нездойминов С.Г. Брендинг туристического региона // Вестник Пермского университета. Серия: Экономика. 2014. №4 (23). С. 78–85.

ВОЗМОЖНОСТИ СОЦИАЛЬНОГО ВОСПРОИЗВОДСТВА СРЕДНИХ ГОРОДОВ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Беляев В.А., Калимуллина Э.Р.
Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н. Туполева-КАИ,
Россия, г. Казань

Аннотация. В статье рассматривается воссоздание социальной структуры, социальных связей, социальных институтов, систем социального контроля и социализации, способных не только сохранить население и сам город, но и создать условия для его развития.

Ключевые слова: средний город, мегаполис, провинциальный город, малый город, социальное воспроизводство.

Под социальным воспроизводством чаще всего понимается воспроизводство человека и общества, а, следовательно, и отдельных социальных групп, институтов, социальных структур. «Людям свойственно воспроизводить свою социальную организацию подобно тому, как они воспроизводятся физически из поколения в поколение. Такой феномен получил название социального воспроизводства» [1, с. 438]. Как подчеркивает И.И. Санжаревский, это – «воспроизводство человека, социальных общностей во всем многообразии их социальных качеств, в единстве с материальными предпосылками и социальными условиями их существования. Это воспроизводство всего спектра социальных отношений» [2, с. 345]

Социальное воспроизводство свойственно и многим видам поселений, которые без него просто исчезают. В современных условиях быстрых изменений и взаимовлияний разных поселений и образа жизни и традиций их жителей друг на друга само понимание такого воспроизводства ресемиотизируется, включая и трансформацию социальных структур любых городов, причем различия в социальных структурах отдельных видов городов часто скрадываются. Вместе с тем во всех городах от средних и крупнее сохраняются черты не только присущие любому городскому поселению, в отличие от сельского, но и отличающие их от малых городов и поселков. Это, как правило, административные, культурные и социосервисные центры для своего географического окружения, имеющие все социальные шансы и условия для выживания и социального воспроизводства и развития их жителей. Вместе с тем наметилась тенденция к деградации процессов социального воспроизводства, прежде всего в некрупных поселениях, как отмечает ряд авторов [3, с. 73–75].

Возможности социального воспроизводства разного типа поселений весьма различаются. Одно дело – мегаполисы, другое дело – иные города. Под *мегаполисом* мы полагаем

не просто (а) город с населением свыше миллиона жителей, а «миллионник», ставший как (б) столицей субъекта Российской Федерации, так и (в) своеобразным «ртутным шариком», притягивающим в свой состав окружающие поселения (близлежащие деревни и малые города), а также (г) неким «магнитом», куда в силу диверсификации его инфраструктуры, разнообразия мест трудоустройства в отраслях материального и духовного производства, наличия государственных органов, и значительных финансовых ресурсов, и развитых сетей сферы услуг и банковского дела, многие жители оставшихся самостоятельными малых, средних и даже больших городов осуществляют маятниковую или ежедневную миграцию в мегаполис.

Этих качеств нет у остальных городов. Обобщающим для разного типа нестоличных городов является термин «*провинциальный город*». В эту категорию иногда включаются столицы субъектов федерации. Современное понятие «провинциальный город», сформировавшееся в теоретической литературе, обозначает малый город, удаленный от центра страны, неподвластный интенсивному влиянию бурной жизни больших городов. Социальное объяснение категории «провинциальный город» сосредотачивается в понимании малой поселенческой структуры, именуемой «город», где происходит самоидентификация человека, соотнесение себя с определенной общностью и образом жизни, отличным от бытия мегаполисов [4]. В данной статье понятие «провинциальный город» охватывает малые, средние, большие и крупные города и не включает мегаполисы.

Сами провинциальные города традиционно разделяются по критерию численности. Согласно своду правил «Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений» от Минрегионразвития РФ, города страны классифицированы следующим образом [5]: крупнейшие – с населением свыше 1 млн. человек; крупные – 250 тыс. – 1 млн. человек; большие – 100–250 тыс. человек; средние – 50–100 тыс. человек; малые – до 50 тыс. человек.

В целом, социальные проблемы средних городов сходны с проблемами иных провинциальных городов. В период исторического слома 1990-х гг. огромное количество средних городов затронуто процессом депопуляции. Существует две точки зрения на то, что с этими городами делать. Первая из них утверждает, что вскоре весь мир будет состоять не из множества национальных государств, а из конгломерата гигантских мегаполисов с окрестностями. В этих условиях перспектив у средних городов вообще нет, а люди, в них живущие, будут подвержены социальному пессимизму и считаться вычеркнутыми из большой жизни. Подход Д.Визгалова определяет новый смысл существования средних городов в развитии устойчивого туризма, для чего нужно создать необходимую социальную, торговую и культурную инфраструктуру. Это позволит сформировать рабочие места для местных жителей [6, с. 35.].

Такая градация провинциальных городов по численности позволяет дать операциональное определение среднего города как города с численностью от 50 до 100 тысяч жителей и провести четкую квантификационную границу, отделяющую их от больших и от малых городов. В то же время представляется необходимым более глубокое, содержательное исследование отличий социального воспроизводства среднего города от иных поселений. Впервые социологический анализ именно средних городов проделал Р.Линд [7], выделивший особенности источников дохода, ведения домашнего хозяйства, воспитания детей и проведения свободного времени в среднем городе США.

Возможности социального воспроизводства средних городов весьма отличны от сходных жизненных шансов более крупных поселений и малых городов, поскольку средние города сочетают в себе черты и тех, и других.

Опираясь на идею Ю.А. Левады [8] о том, что в городе имеется культурный центр, притягивающий к себе его жителей, на неомарксистскую концепцию «жилищных классов» Дж.Рекса и Р.Мура [9], утверждающую приоритет финансовых соображений при выборе места жительства, и на теорию городской экологии (особенно, на концепцию «пяти концентрических зон» в городе), можно выделить три вида средних городов: близлежащих к мегаполису; являющихся центром зоны ряда средних и малых городов; моногородов, опирающихся на добычу природных ресурсов; а также следующие особенности средних горо-

дов, близлежащих к мегаполису: стремление селиться в среднем городе не только у его жителей, но и у части населения мегаполиса в силу экономических (дешевизна жилья и услуг) и экологических причин; нежелание порывать связи с родным городом в сочетании со стремлением работать и делать карьеру в мегаполисе, а также потреблять культурные ценности в последнем.

Российские авторы выделяют такую особенность средних городов, как наличие у них функции межрайонного, окружного центра, высокого организационного потенциала и функции обслуживания близлежащих районов [10, с. 54–73], [11]. Поэтому депопуляция таких городов негативно воздействует на развитие обширной территории [12]. Г.М.Лаппо и Ф.М.Листенгурт охарактеризовали средние города как опорные элементы городского каркаса территории, чей экономический потенциал содержит ресурсы для их развития, поэтому эти города экономически более стабильны, чем малые [13, с. 113–125.]. В.Г.Давидович считает спецификой среднего города наличие общественного транспорта, характер застройки, развитость культурных учреждений и коммунального хозяйства [14, с. 5–30.]. Ю.Л. Пивоваров [15] называет средние города границей урбанизированных территорий, а И.П.Смирнов [16, с. 80–87.] – ядром агломерации низших рангов, причем границей среднего города он, вслед за А.А.Ткаченко, называет не сегодняшнюю, а максимальную (за несколько последних десятилетий) людность [17, с. 270–289.].

Л.П.Богданова [18] видит отличия среднего города от крупного в особом типе социального воспроизводства, а А.А.Ткаченко [17, с. 270–289.] – в сохранении промышленной специализации, в преобладании занятости в бюджетной сфере и в слабом развитии малого бизнеса. Смирнов добавляет к этим характеристикам среднего города наличие одного общегородского центра, превалирование среднеэтажной застройки, функционирование общественного транспорта и развитой сети образовательных, медицинских и культурных заведений, необходимых для расширенного социального воспроизводства как города, так и окружающих районов [16, с. 80–87.].

Таким образом, почти любой средний город отличается как от других видов городов, так и от села целым рядом параметров, способных стать факторами миграции молодёжи из села в эти города или из данных городов в более крупные, включая мегаполисы. *В отличие от мегаполиса*, средние города не являются политическими центрами, не обладают полным набором городского коммунального транспорта, их архитектоника не характеризуется наличием небоскрёбов, комплексом заведений культуры и спорта, медицины и высшего образования, диверсификацией промышленных предприятий и учреждений связи, а экологические и жилищные условия в таких городах часто лучше, чем в мегаполисах. В среднем городе почти отсутствует социальная анонимность, зато наличествуют многие из черт Gemeinschaft`a, давно атрофированные в мегаполисе. Эти отличия и толкают все большую долю молодых людей на миграцию в мегаполис.

Вместе с тем средний город является административным, промышленным и культурным центром притяжения для соседних районов. В этом состоит его основное отличие *от малых городов и деревень*. Другими отличиями являются наличие высокотехнологичного медицинского центра, целого «больничного городка», кинотеатра и – часто – театра, преобладание многоквартирных домов, в которых расположены односемейные квартиры со всеми современными удобствами и евроремонтом (3- и 5-этажными, редко – 9-этажными с внутренним лифтом), функционирование вузовских филиалов.

И. Ярхамов провел в интернете опрос на тему миграционных намерений молодёжи. «Планирует ли кто-то из молодежи покинуть малый город, регион или страну проживания?» - Такой вопрос был задан подписчикам крупных сообществ 11 городов Татарстана «ВКонтакте» (Зеленодольск, Чистополь, Лениногорск, Бугульма, Елабуга и др.). В список городов с наиболее патриотичным городским населением, которое не намерено менять место проживания, вошел Зеленодольск (47,6%). В столицу Татарстана с большим желанием готовы переехать жители Чистополя (26,5%) и Лениногорска (18,6%). Колеблющиеся, неопределившиеся пока ещё с направлением миграции, живут в Елабуге (22,3%). Комментируя это, социо-

лог А.Файзрахманов сообщает, что также имеется исследование молодежи Татарстана, по которому молодые ребята считали вполне нормальным жить вдали от Челнов, в часе езды до города, но пользоваться всеми его благами. Л. Таишева утверждает, что «Казань – это город для жизни, для комфортного проживания, для развития, чем более крупные мегаполисы России, такие как Москва или Санкт-Петербург». Депутат Д. Флакс понимает желание жителей Зеленодольска никуда не переезжать. По его словам, жить там дешевле, а дорога до Казани не вызывает затруднений. Потому много зеленодольцев работают в столице республики. Молодые люди по окончании школы хотят не просто пойти на завод или заниматься развитием собственного дела, они настроены на то, чтобы творить, быть причастными к глобальным процессам, причем делать это в своей узкой области, которая им интересна [19].

Таким образом, основное отличие социального воспроизводства среднего города от жизненных шансов более крупных поселений состоит в сохранении ряда черт Gemeinschaft`a (в широкой семейной сети, в отсутствии социальной анонимности). В то же время средний город отличается от малых городов и деревень тем, что в последних функционируют лишь *системы жизнеобеспечения* (акушерско-фельдшерский пункт, библиотека, детский сад, школа, Дом культуры, магазин, почта), а в среднем городе функционирует *система его социального воспроизводства и развития* (компоненты, которые названы выше). Представляет интерес то, что и те, и другие различия содействуют воспроизводству населения именно среднего города и торможению молодёжной миграции из него.

Литература

1. *Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б.С.* Социологический словарь. М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2004. 620 с.
2. *Санжаревский И.И.* История, методология и техника исследования проблем общества и личности в социологии. Тамбов, 2012. 434 с.
3. Технология социальной работы в различных сферах жизнедеятельности. М.: Дашков и К, 2005. 236 с.
4. *Ляхова С.С.* Провинциальный город как социокультурный феномен. Автореферат диссертации кандидата философский наук. Архангельск, 2006. 37 с.
5. Свод правил СП 42.13330.2011 Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений. Актуализированная редакция. СНиП 2.07.01-89. Издание официальное. – М., 2011. URL: http://docs.cntd.ru/document/1200084712 (Дата обращения: 08.03.2020).
6. Сайт газеты «Аргументы и факты» (Щегольков Ю. «Чтобы выжили!»). URL: https://aif.ru/society/opinion/chtoby_vyzhili (Дата обращения: 08.03.2020).
7. *Lynd R.S., Lynd H.M.* Middletown: A Study in Contemporary American Culture. L.: Constable & Co. Ltd., 1929. 193 p.
8. *Левада Ю.А.* Сочинения: избранное: социологические очерки, 2000–2005. Москва: Издатель Карпов Е.В., 2011. 294 с.
9. *Rex J., Moore R.* Race Community and Conflict. Oxford: Oxford University Press. 1967. 632 p.
10. *Ковалев С.А.* Типы поселений – районных центров СССР. М.: Географгиз, 1962. 230 с.
11. *Ринкунас Л.К.* Выделение межрайонных (региональных) систем расселения Литовской ССР методом потенциала городов / Региональное расселение в СССР. М., 1984. С. 126–138.
12. *Хорев Б.С.* Проблемы городов. М.: Мысль, 1975. 428 с.
13. *Лаппо Г.М., Листенгурт Ф.М.* О путях развития в СССР городов разных типов // Научные проблемы географии населения. 1967. С. 113–125.
14. *Давидович В.Г.* Величина городских поселений СССР // Вопросы географии. 1962. С. 5–30.
15. *Пивоваров Ю.Л.* Основы геоурбанистики. М.: ВЛАДОС, 1999. 232 с.
16. *Смирнов И.П.* Средний город как объект географического исследования // Вестник ТвГУ. Серия «География и геоэкология». Тверь, 2015. № 2. С. 80–87.

17. *Ткаченко А.А., Фомкина А.А., Шаврин В.Н.* Районные системы расселения // Вопросы географии. 2013. С. 270–288.
18. *Богданова Л.П.* Социальное воспроизводство региональной общности: содержание, процессы, механизмы. Тверь, 2006. 411 с.
19. Информационный портал «KazanFirst» (Ярхамов И. «Пора валить: куда стремится молодежь Татарстана»). URL: https://kazanfirst.ru/articles/477298 (Дата обращения: 10.12.2019).

НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО РЕГИОНА КЫРГЫЗСТАНА

Мендибаев Н.
Исламский университет Кыргызстана,
Киргизия, г. Бишкек

Аннотация: В данной статье рассматривается некоторые тенденции социокультурного развития сельского региона Кыргызстана как органическая составная часть стратегии государства. Вся жизнедеятельность населения регионов во многом зависит как от самого населения – индивидов и домохозяйств, социальных групп и организаций, так и от органов регионального государственного управления. Региональное развитие связано с необходимостью сохранения специфики социально-территориального сообщества, его социокультурного потенциала, самобытности. Это становится особенно актуальным в контексте современных процессов глобализации, когда на первый план выходит установление связей с сопредельными территориями, развитие межрегиональных объединений, повышение внимания к социокультурным особенностям региона. Поэтому в последные годы в качестве приоритета государственная политика рассматирвает развитие сельских территорий как превосходное направление.

Ключевые слова: село, сельский регион, региональное развитие,развития регионов, социальное положение, социальная проблема, региональные проблемы, региональный статус.

Переходя к характеристике статуса регионов в современном обществе, следует учитывать, что вся жизнедеятельность населения регионов во многом зависит как от самого населения – индивидов и домохозяйств, социальных групп и организаций, так и от органов государственного управления и региональных. Подчеркнем, что государство принимает на себя социальные обязательства, фиксируемые в Основном законе (Конституции), совокупности других законом и нормативных актов.

Государственные органы формируют стратегию, ориентированную либо на унификацию, выравнивание параметров различных регионов, либо на стимулирование их собственной активности, направленной на саморазвитие регионов, или же на динамичное сочетание этих двух стратегий, учитывающее специфику каждого региона в соответствии с эволюцией каждого региона. Региональные органы, включая муниципальные, формируют свою стратегию и тактику функционирования региона, согласуя ее с общегосударственной. Комплексным критерием эффективности различных стратегий служит свободное развитие личности, демократии и гражданского общества, рост благосостояния населения, вклад регионов в развитие, целостность и безопасность государства и всего общества.

Вместе с тем, как справедливо отмечают коллеги-ученые, региональное развитие связано с необходимостью сохранения специфики социально-территориального сообщества, его социокультурного потенциала, самобытности. Это становится особенно актуальным в контексте современных процессов глобализации, когда на первый план выходит установление связей с сопредельными территориями, развитие межрегиональных объединений, повышение внимания к социокультурным особенностям региона, востребованность локальной

специфики. Неравномерное экономическое развитие в разрезе регионов придает особую роль вопросам характеристик условий жизни населения.

В разрезе описательной составляющей принятой нами стратегии изучение региона нацелено на измерение совокупности этнодемографических и социокультурных параметров региона, его социальной структуры и динамики, функционирования органов государственного управления и местного самоуправления, на выявление конкретно-практических проблем региона.

В Программе-проспекте, которую можно рассматривать как детальную информационную карту снабженных источниками информации. Это – группы статистических данных, социологические техники и процедуры, с помощью которых разработчики портретов смогут получить информацию из первых рук – от жителей своего региона. Основной такой техникой является формализованное интервью; его целесообразно дополнить техниками экспертных оценок, фокус-групп и др. Таким образом, в социокультурном портрете объективные (статистические) характеристики состояния региона корректируются субъективными оценками жителей и дополняются анализом ряда значимых проблем, по которым фактически отсутствует статистика, либо статистическим измерениям они не подлежат. И в этом состоит существенное отличие нашего социокультурного портрета от «социальных портретов регионов».

Социокультурный портрет региона может начинаться с краткой справки о географическом положении региона и его истории: когда и какие этносы его заселили, основные этапы его этнодемографического развития, эволюции политического устройства, хозяйственной жизни, нравов и обычаев, верований, светской культуры.

Важное значение имеет наглядность представляемых данных: сопровождение материалов, представленных в портрете, иллюстрациями: картами, таблицами, графиками, рисунками, а также фотографиями, в том числе - из музеев региона. Эффективным было бы сопровождение социокультурного портрета региона галереей портретов людей, в нем проживавших(проживающих), его отдельных поселений, улиц, домов, ландшафтов.

Эмпирическую базу нашего исследования составили данные государственной статистики и результаты социологического мониторинга «Социокультурный портрет села», который был проведен на территории Кыргызской Республики. Нами исследованы основные тенденции и проблемы социокультурного развития сельских территорий республики в нескольких измерениях – экономическом, социальном и образовательном. Указанные измерения (аспекты) позволяют оценить трансформацию сельских регионов как социетальной целостности, применив социетальный метод изучения социальной реальности. Трансформационные процессы, рассмотренные под таким углом зрения, могут быть оценены как преимущественно конструктивные или преимущественно деструктивные, что, в свою очередь, формирует необходимость внесения корректив в управление данными процессами на всех уровнях социетальной системы (в плоскости «социальность-культура-индивиды» и в плоскости «индивиды-малые группы-общности-организации-социальные институты-социум как система»).

В экономическом измерении развитию сельских регионов Кыргызстана в постсоветский период присущи следующие особенности. В структуре валового регионального продукта (ВРП) наибольшую долю занимают аграрное производство, металлургическое производство, производство пищевых продуктов и прочих минеральных продуктов. При рациональной организации аграрного производства можно утверждать, что будущее сельских регионов – за развитием промышленного и сельскохозяйственного производства, с активным использованием инновационных технологий.

Успешное развитие регионов является залогом успешного развития всего Кыргызстана. Необходимо чтобы города и населенные пункты страны были жизнестойкими, устойчивыми, безопасными и комфортными для проживания граждан страны. Цель развития регионов– сократить дифференциацию уровня экономического и социального развития регионов и центра, укрепить их финансовое положение, закрепить проживающее в них население. Ре-

гионы нуждаются в формировании рациональных моделей производства и потребления, которые позволят органически интегрировать их в страновое экономическое пространство, обеспечить необходимыми человеческими, инфраструктурными, экономическими ресурсами, иметь устойчиво функционирующую социальную инфраструктуру и равный с другими регионами доступ населения к государственным и муниципальным услугам [1, с. 78].

В социальной сфере сельских регионов в последние годы отмечается замедленный рост рождаемости, некоторое снижение смертности и медленный рост ожидаемой продолжительности жизни. При этом увеличился и затем стабилизировался миграционный отток; характерной чертой являются процессы: урбанизация и рост численности городского населения.

Формы расселения сельского населения Кыргызстана сильно изменились. Сельское население постепенно концентрируется в перспективных городских поселениях. Урбанизация все больше предопределяет будущее социального облика деревни. Анализ социального развития поселения, а также перспектив его развития в условиях индустриализации, урбанизации, и интеграции показывает, что это развитие требуется планировать комплексно - в увязке технической, экономической, духовной и собственно социальной сфер общественной жизни, которые взаимодействуют друг с другом.

При планировании экономического и социального развития села Кыргызстана исключительно важную роль играет решение вопросов расселения, которое является одной из сложных проблем. Индивидуальный жилой фонд поселения является основным – 90%. Ныне индивидуальное жилищное строительство составляет более 70% всего объема строительства жилищ на поселении. Еще живы многие сельские традиции. Поэтому создание и развитие новой системы расселения - сравнительно длительный процесс [2, с. 135].

В части образования в Республике Кыргызстан действует 2.265 общеобразовательных учреждения, где обучается 1.300 тыс. школьников [3]. Значительное количество школ в регионе являются сельскими. Высшая школа представлена 51-мя учебными заведениями [4].

Статистические данные свидетельствуют: индекс инновативности в сельских регионах меньше, чем в среднем по республике, что определяется по доле населения, занятого в научной сфере. В то же время в сельских областях ряд факторов препятствует развитию инновационных процессов. К таким факторам относятся, прежде всего, недостаточно развитая инновационная инфраструктура, невысокая эффективность управления инновационными процессами, невысокая восприимчивость агропредприятий к нововведениям. В этой связи стратегию развития сельских регионов можно охарактеризовать как «догоняющая».

Обозначив некоторые тенденции социокультурной динамики сельских регионов Республики Кыргызстан, необходимо определить основные барьеры в наращивании потенциала сельских территорий. И здесь важно обратиться к оценкам ключевых социальных проблем сельских регионов населением. Согласно исследованиям, актуальными проблемами села сегодня выступают: не рациональная организация рынка труда; значительное снижение уровня жизни населения, миграционный отток, отток квалифицированных кадров из сельских поселений.

По результатам нашего исследования «Социокультурный портрет села», основными мерами, необходимыми для улучшения жизни, по оценкам сельского населения, являются: «создание новых рабочих мест» (43,6% опрошенных), «развитие малого и среднего бизнеса» (40,4%), «улучшение образования» (37,5%), «наведение порядка, борьба с коррупцией» (26,8%), «улучшение качества медицинского обслуживания» (28,8%), «строительство новых дорог» (21,7%), «усиление государственного контроля за экономикой» (33,7%), «оздоровление природы» (16,4%) (см. рис. 1). Сельчан беспокоят, в основном, вопросы занятости и трудоустройства, социального облуживания, личной и общественной безопасности, что, в целом, согласуется с общими тенденциями по стране. Одновременно, сельчане также обеспокоены и вопросами регулирования экономики, поскольку она напрямую влияет на решение спектра социальных вопросов.

Рис. 1. Меры, необходимые, по мнению сельчан, для повышения качества жизни на селе

Исходя из данных результатов, актуальны вопросы о путях и формах дальнейшей модернизации села с учетом социокультурных особенностей и его социально-экономического, социокультурного потенциалов. Решение этих вопросов необходимо для внесения корректив в реализацию стратегии модернизации села республики.

Думается, ответы на данные вопросы можно найти, анализируя особенности сельских регионов республики, их инвестиционную привлекательность, особенности человеческого потенциала села. По мнению ученых-коллег, совокупное значение инвестиционного потенциала может быть сформировано из нескольких частных потенциалов - трудового, потребительского, производственного, финансового, институционального, инфраструктурного, инновационного, природно-ресурсного и туристического.

За последние годы в Кыргызстане приняты существенные меры по повышению потенциала регионов. Об этом указывается, что 2018 год стал Годом развития регионов и основная деятельность была направлена на развитие регионов, открытие новых рабочих мест, создание благоприятных условий для развития предпринимательства в сельской местности. А так же 2019-й год объявлен годом развития регионов и цифровизации страны в целях дальнейшего развития регионов и введения новых технологий в повседневную жизнь общества, что в последующие годы необходимо в масштабах всей страны придать импульс темпам развития с использованием новых технологий [5].

Нерешенность проблем развития сельских регионов, их неослабевающий накал и многообразие отрицательных проявлений и последствий тормозят экономическое развитие в стране, искажают их содержание, осложняют социальные отношения в стране, деформируют среду обитания людей, обостряют межрегиональные противоречия и территориальные диспропорции. Исследователь А.К. Аскарова в своих исследованиях подчеркивает, что период экономической реформы на селе сопровождается разрушением его социального потенци-

ала. Это становится важнейшей проблемой для Кыргызстана, поскольку, по оценкам экономистов, 35,5% населения страны заняты в сельском хозяйстве [6, с. 136]. По оценкам коллег-ученых, в современном селе существует множество нерешенных проблемных задач: обеспечение населения чистой водой, проблема безработицы, улучшение транспортных дорог, качество преподавания в школах, обеспечение медицинских центров оборудованием, отвечающим современным требованиям, создание новых культурных центров (клубы), библиотек, различных культурно-оздоровительных места для отдыха и проведения досуга сельских жителей и других подобных значимых объектов социальной инфраструктуры. Таким образом, нерешенность региональных проблем не просто отрицательно влияет на жизнь страны, но также угрожает экономической и территориальной целостности Кыргызской Республики. Об этом же отмечают ученые республики, исследующие проблемы развития сельских территорий. Как отмечают исследователи села, для решения назревших региональных проблем у нас в сельских самоуправах действительно имеется большой потенциал в высокообразованных кадрах, интеллектуально-духовные и социальные силы.

К настоящему времени в обществе уже сложилось представление об актуальности региональных проблем, их остроте, сложности, необходимости решать эти проблемы. Так, ученый Т.Ж. Эркинбеков отмечает: «Региональные проблемы являются особо важными для каждой страны и требуют глубокого осмысления, потому что они порождают отсутствие равного доступа к производственным ресурсам, материальному благосостоянию, образованию, способствуют усилению неравенства в качестве жизни, с которыми сталкивается большинство населения регионов» [7, с. 103]. По мнению коллеги, в Кыргызстане наблюдается значительная дифференциация уровня качества жизни в городах и селах, горной и долинной местности, на Севере и Юге республики.

Ученый Б.Р. Каламбекова подчеркивая дифференциацию социально-экономического развития городской и сельской местности, отмечает, что «отставание социально-экономического развития сельской местности объясняется в значительной мере тем, что почти всегда функции села ограничивались только созданием продовольственного фонда и обеспечением сырья для перерабатывающих отраслей промышленности. Вследствие этого сложился ресурсный подход к людям, подчинение интересов человека интересам развития экономики (а не наоборот), суженность сфер приложения живого труда с ограниченным кругом профессий и специальностей» [8, с. 292]. Мы согласимся с мнением коллегой добавив, что указанные процессы продуцируют, кроме прочего, дифференциацию по уровню и качеству жизни сельского населения, оставляя его в невыгодных условиях в сравнении с населением городским.

Однако оказалось, что далеко не очевидно, как следует решать указанные проблемы: прежний опыт дотационно-донорского подхода региональной политики испытывает необходимость изменений в сторону иного более прогрессивного, взаимовыгодного и взаимодополняющего сотрудничества регионов страны. В исследованиях республиканских ученых отмечается, что в последнее время «Правительство КР приняло ряд мер по улучшению социально-экономической жизни сельского населения». Так, реализуется ряд программ для социально-экономического развития территорий республики, в том числе – сельских регионов: «Национальная стратегия развития Кыргызской Республики на 2018–2040 годы», «Концепция региональной политики Кыргызской Республики на период 2018–2022 годов», Государственные программы: Программа развития Кыргызской Республики «Единство, Доверие, Созидание»,«Развитие молодежной политики на 2017–2020 годы» и т. д.

Особенностью государственного регулирования села является его социальная обусловленность, если социальная сфера города обеспечивалась преимущественно за счет бюджета, то успех аграрно-экономических преобразований в республике во многом зависит от правильного решения социальных проблем села. Именно поэтому одним из основных приоритетов современной социальной политики государства является курс на улучшение уровня жизни населения и преодоление бедности.

Одновременно роль государства в развитии регионов на основе рыночных отношений остается в поле зрении. Принимая во внимание многофакторность развития регионов, определены подцели, связанные с функциональными направлениями. Социальные подцели направлены на создание благоприятных условий для жизни и повышения благосостояния населения, демографические – на расширенное воспроизводство здоровых людей, экономические – на повышение уровня жизни населения и реализацию его возможностей, экологические – на устойчивость и воспроизводство окружающей среды, культурные – на расширение многообразия культурных форм жизни в регионах [9].

Сельское хозяйство оказывает значительное влияние на развитие и производственный профиль ряда отраслей промышленности. Ему принадлежит уникальная роль в решении экологических проблем, сохранении и приумножении богатств окружающей среды и природных ресурсов, удовлетворении оздоровительных и эстетических потребностей человека.

Особую значимость представляет комплексное изучение деревни, как единой социетальной системы. Проблемы индустриализации труда в сельском хозяйстве, развития аграрно-промышленных комплексов, способствующих сближению и слиянию двух форм собственности, преодолению различий в технической оснащенности труда в промышленности и в сельском хозяйстве, выравниванию условий жизни в городе и деревне.

В соответствии изложенным выше социетальным подходом, региону, как и обществу, свойственны четыре основные функции: жизнеобеспечивающая, духовно-интегрирующая, статусно-дифференцирующая, властно-регулирующая. Каждая функция осуществляется через соответствующую регионально-функциональную структуру, которая представляет собой совокупность социальных институтов, организаций, общностей, природных и созданных человеком ресурсов, а ее динамика предстает в виде взаимовязанных пар процессов, охарактеризованных выше. Совокупность таких функций, структур и процессов образует непосредственную социокультурную среду жизнедеятельности человека и служит пространтвенной ячейкой общества как социетальной системы. Соответственно, функции, структуры и процессы территориального сообщества предстают в трех конфигурациях: одна обращена к самому региону как целому, другая – к человеку, а третья – к обществу.

Литература

1. Стратегии устойчивого развития «Таза коом – Жаны доор» Кыргызской Республики на 2018–2040, 2018, 78 с.
2. *Мендибаев Н.* Новые поселения Кыргызстана: социальные проблемы. Монография. Бишкек, 2002. 135 с.
3. Информационный ресурс «Кактус» («Как изменилось количество школ, учителей и учеников в Кыргызстане»). URL: https://kaktus.media/doc/397205_kak_izmenilos_-kolichestvo_shkol_ychiteley_i_ychenikov_v_kyrgyzstane._infografika.html (Дата обращения: 2.02.2020).
4. Национальный комитет статистики Кыргызской Республики (Статистический ежегодник Кыргызской Республики). URL: http://www.stat.kg/ru/publications/statisticheskij-ezhegodnik-kyrgyzskoj-respubliki/ (Дата обращения: 9.03.2020).
5. Новостной ресурс «24KG» («2019-й – год развития регионов и цифровизации страны»). URL: https://24.kg/vlast/105637_2019-y_god_razvitiya_regionov_itsifrovizatsii_stranyi_reshenie_prezidenta/ (Дата обращения: 9.03.2020).
6. *Аскарова А.К.* Экономическая эффективность различных форм собственности и хозяйствования на селе (на примере Джалал-Абадской области): дисертация кандидата экономический наук: 08.00.05. Бишкек, 2005. 136 с.
7. *Эркинбеов Т.Ж.* Региональные особенности социального неравенства в Кыргызстане. Монография. Бишкек, 2010. 103 с.
8. *Каламбекова Б.Р.* Аграрное перенаселение в Кыргызстане. Монография. Анкара: Издательство «Йени Аврасия», 2004. 292 с.

9. Постановление Правительства Кыргызской Республики от 31 марта 2017 года № 194 «Об утверждении Концепции региональной политики Кыргызской Республики на период 2018–2022 годов».

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

Рысаев И.Ш.
Башкирская академия государственной службы и управления
при Главе Республики Башкортостан
Россия, г.Уфа

Аннотация: В статье рассматриваются основные проблемы развития сельских территорий в Российской Федерации. Выявлены причины недостаточной эффективности государственной поддержки села. Разработаны предложения и рекомендации по оптимизации стратегии государственной и муниципальной поддержки сельской территории.

Ключевые слова: сельские территории, стратегия развития, комплексное и устойчивое развитие сельских территорий.

Комплексное развитие сельских территорий является стратегической задачей российского государства. Об этом свидетельствует принятие таких важных документов как: «Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года» (Распоряжение Правительства Российской Федерации № 151-р от 2 февраля 2015 г.), Государственная программа Российской Федерации "Комплексное развитие сельских территорий" (Постановление Правительства Российской Федерации от 31 мая 2019 г. № 696) и др. Сельские территории Российской Федерации обладают хорошим природным, демографическим и социально-экономическим потенциалами, которые при правильном и рациональном использовании могут обеспечить эффективное развитие всей страны. На сегодняшний день сельское население насчитывает 37,1 млн. человек (26% от общей численности населения), из них трудоспособное – 21,4 млн. человек (57,6% от общей численности трудоспособного населения). Сельские поселения являются основной формой территориальной организацией местного самоуправления (80% муниципальных образований – сельские поселения).

Актуальность устойчивого развития сельских территорий обусловлено необходимостью остановить процессы депопуляции сёл и деревень, повышения качества жизни сельского населения, а также замедления темпов миграции населения в города. Немаловажное значение развитие сельских территорий имеет и в обеспечении продовольственной безопасности Российской Федерации.

На сегодняшний день российское село нуждается в стратегической и целевой поддержке государства. За последние 20 лет в России исчезли более 30 тысяч деревень; 50 млн. га пахотных земель оказались заброшенными; в более 70% сельских поселениях проживают менее 200 человек. Десятки тысяч деревень не имеют телефонной связи и газификации. 1 млн. 300 тыс. человек проживают в ветхом аварийном жилье на селе. У работников села самая низкая заработная плата, 6% от общероссийского уровня. У 19,8% работающих на селе заработная плата ниже прожиточного минимума. Моноотраслевая сельская экономика, высокая кредитная задолженность сельскохозяйственных предприятий способствуют углублению кризиса сельских территорий. За постсоветское время в сельской местности ликвидировано более 16 тыс. школ (40%), 23 тыс. детских учреждений (57%) и 4,6 тыс. больниц (58%). Обеспеченность сельского населения средним медицинским персоналом в 2 раза, а врачами в 5 раз ниже городского уровня. Как следствие деградации социально-экономической сферы – отток молодежи из села, высокий уровень безработицы и смертности населения.

Несмотря на принятые в последние годы государством меры по обеспечению социального развития села, переломить принципиально ситуацию в сторону устойчивого развития сельских территорий не удалось. Это связано прежде всего с недостаточным объемом капитальных вложений в развитие села. На поддержку села всего направляется 1,2% федеральной части бюджета (3,5 млрд долларов). Для сравнения: Китай направляет 154 млрд. долл. В СССР на поддержку села направлялись средства в 20 раз больше, чем в современной России.

Мировой опыт по поддержке сельских территорий основан, прежде всего, на структурной перестройке и технологической модернизации сельской экономики, диверсификации доходов сельского населения, поддержке сельских инициатив, улучшении экологии, инфраструктуры села и повышении качества жизни населения. К сожалению, в современной России пока преобладает количественный подход к развитию сельских территорий, отсутствуют качественные показатели. Необходимо разработать (как, например, в Великобритании) качественные стандарты обслуживания сельского населения, которые ежегодно пересматриваются в судебном порядке в сторону улучшения.

На наш взгляд, для обеспечения устойчивого и комплексного развития сельских территорий необходимо осуществить:

1. Провести аудит и дифференциацию сельских поселений. Необходимо четко решить какие из сельских территорий надо «спасать», а какие –объективно невозможно «спасти». При этом следует разработать программы плановой урбанизации, переселения сельского населения в города;
2. Разработать и утвердить муниципальные программы комплексного развития сельских территорий на основе количественных и качественных стандартов и показателей;
3. Направить средства на развитие реального сектора экономики на основе сельскохозяйственной кооперации и диверсификацию сельскохозяйственного производства, развитие малого и среднего бизнеса, развитие производственно-сбытовой инфраструктуры;
4. Разработать программы развития социальной и материальной инфраструктуры села (прежде всего – это газификация, водоснабжение села, развитие электрических сетей и телекоммуникации, а также сети автодорог, развитие сети учреждений медико-санитарной помощи, физкультуры и спорта, общеобразовательных и культурно-досуговых учреждений);
5. Улучшить жилищные условия граждан, проживающих на сельской территории;
6. Предусмотреть научное и кадровое обеспечение развития сельских территорий, развитие НКО сектора;
7. Формировать «сквозную» систему межведомственного, межотраслевого и комплексного управления территориальным развитием муниципальных образований (внедрение проектное управление).

Литература

1. Распоряжение Правительства РФ от 2 февраля 2015 г. № 151-р О Стратегии устойчивого развития сельских территорий РФ на период до 2030 г.
2. Постановление Правительства РФ от 31 мая 2019 г. № 696 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Комплексное развитие с/х территорий».

КАЗАНСКАЯ АГЛОМЕРАЦИЯ: ГРАНИЦЫ И ПРОСТРАНСТВЕННАЯ СТРУКТУРА

Федорова В.А., Сафина Г.Р.

Казанский федеральный университет,

Россия, г. Казань

*Аннотация***.** Интенсивная урбанизация является особенностью современного этапа развития цивилизации. Городское население планеты концентрируется в новых урбанизированных образованиях – городских агломерациях. В данной статье на примере Казанской агломе-

рации рассмотрены существующие подходы к делимитации и проанализирована ее пространственная структура. Подчеркивается необходимость учета разнообразных процессов, связывающих населенные пункты, и показана недостаточность включения территорий по формальному принципу, путем включения в границы агломерации лишь соседних муниципальных районов. Авторы предлагают использовать метод, основанный на определении возможностей маятниковой миграции, реализуемый посредством построения изохрон транспортной доступности ядра агломерации. Для Казанской агломерации при делимитации оптимальным является ориентирование на 1-часовую изохрону транспортной доступности. Проведение «реальных» границ Казанской агломерации будет способствовать принятию правильных управленческих решений и проведению мероприятий в области регулирования социальных процессов.

Ключевые слова: city agglomeration, urbanization, delimitation.

Современный этап урбанизации в различных регионах мира характеризуется активным образованием и развитием городских агломераций. В связи с этим в настоящее время актуальными и активно обсуждаемыми являются вопросы, связанные с делимитацией городских агломераций. Определение границ имеет существенное значение для объяснения основных направлений и перспектив развития урбанизированных территорий, решения социально-экономических и экологических проблем, возникающих в процессе их функционирования.

Целью данной работы является выделение границ Казанской городской агломерации разными методами, а также анализ ее пространственной структуры.

Одним из подходов, позволяющих выделить территорию, подверженную агломерационным процессам, и обозначить ее границы является метод определения доступности центра агломерации [1]. Данный метод реализуется посредством изохрон доступности, построенных на основании одинаковых затрат времени, необходимого для достижения ядра агломерации. В качестве границ агломерации разные исследователи предлагают ориентироваться на 1-, 1,5- и 2-х часовые изохроны транспортной доступности центра [2, 3].

Мы, руководствуясь указанным методом, попытались осуществить процесс делимитации Казанской городской агломерации. Центром агломерации, несомненно, выступает крупный промышленный, торговый, финансовый, туристический центр – г. Казань. Для построения изохрон доступности центра необходимо ориентироваться на главные автомобильные шоссе и магистрали, ведущие от границ ядра агломерации. С помощью программы SAS Planet и сервиса Yandex-карты были идентифицированы основные транспортные артерии, связывающие г. Казань с населенными пунктами, расположенными в зоне влияния центра. Затем в программе ArcGIS нами были оцифрованы указанные транспортные магистрали и посредством программы Mapinfo Professional построены зоны 0,5, 1,0-, 1,5- часовой транспортной доступности города-центра. Железнодорожный и водный транспорт исключены из исследования вследствие их узкого применения в качестве ежедневных транспортных потоков населения.

Для построения изохрон транспортной доступности следует ориентироваться на такой показатель как скорость движения автотранспорта. Как известно, согласно правилам дорожного движения, максимально разрешенная скорость движения автомобилей в пределах населенных пунктов должна составлять не более 60 км/ч, за городом она может достигать 90 км/ч. В данном исследовании мы приняли среднюю скорость, равную 75 км/ч [3]. Таким образом, населенные пункты, расположенные на расстоянии 37,5 км от ядра по магистралям, образуют Казанскую агломерацию в зоне 0,5-часовой транспортной доступности; на расстоянии 75 км от Казани – в зоне 1-часовой транспортной доступности; 112,5 км – в зоне 1,5-часовой доступности (рис.2).

Таблица 1

Характеристики населенных пунктов и жителей Казанской городской агломерации, по данным на 1 января 2016 г. (по данным [6])

Типы населенных пунктов в составе агломерации	Количество поселений, шт.	Численность населения	
		тыс. чел.	%
Города	4	1324,19	87,2
Поселки городского типа	2	25,56	1,7
Сельские поселения	109	168,23	11,1
Всего	115	1517,98	100

Таблица 2

Структура Казанской городской агломерации (по данным [6])

Муниципальный район и административный центр	Площадь территории (км²)	Численность населения (тыс.чел.)	Количество населенных пунктов
г. Казань	614,16	1216,97	1 город
Верхнеуслонский (с. Верхний Услон)	1302,82	16,58	73 сельских населенных пункта, 1 город (Иннополис)
Высокогорский (с. Высокая Гора)	1701,2	47,34	124 сельских населённых пункта
Зельнодольский (г. Зеленодольск)	1396	164,78	106 сельских населённых пунктов, 1 город
Лаишевский (г. Лаишево)	2094	40,04	68 сельских населённых пунктов, 1 город
Пестречинский (с. Пестрецы)	1352,4	32,27	73 сельских населённых пункта
Казанская агломерация	8460,58	1517,98	446

Следует отметить существующие попытки выделения границ Казанской агломерации. Так, в соответствии со «Стратегией социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года» Казанская агломерация включает территории 5 муниципальных районов: Верхнеуслонский, Высокогорский, Зеленодольский, Лаишевский, Пестречинский, ядром агломерации выступает город Казань [4, 5]. Кроме того, указано, что в агломерационные процессы вовлечен город Волжск (Республика Марий Эл).

Характеристики структуры и населения Казанской городской агломерации в границах, предложенных в «Стратегии социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года», представлены в таблицах 1 и 2, на рис. 1.

Численность населения Казанской агломерации составляет 1,515 млн. человек (январь 2016 г.), при показателе средней плотности населения – 179,4 чел./км^2. Казанская агломерация представляет собой моноцентрическую постиндустриальную агломерацию, в состав которой входят города Казань и Зеленодольск, именно в этих двух городах проживает подавляющая часть населения агломерации – 80,17 и 6,5% соответственно (табл. 3).

Исчерпание многих ресурсов в пределах ядра Казанской агломерации и невозможность бесконечного расширения его городских границ обуславливает необходимость развития городов-спутников, позволяющих снизить нагрузку на центр агломерации и более полно использовать потенциал территорий [7, 8, 9]. Так, в пределах Казанской агломерации (на территории Верхнеуслонского района, на расстоянии 40 км от Казани) на современном этапе «с нуля» создан такой спутник – инновационный наукоград, город Иннополис, рассчитанный на 155 тысяч жителей.

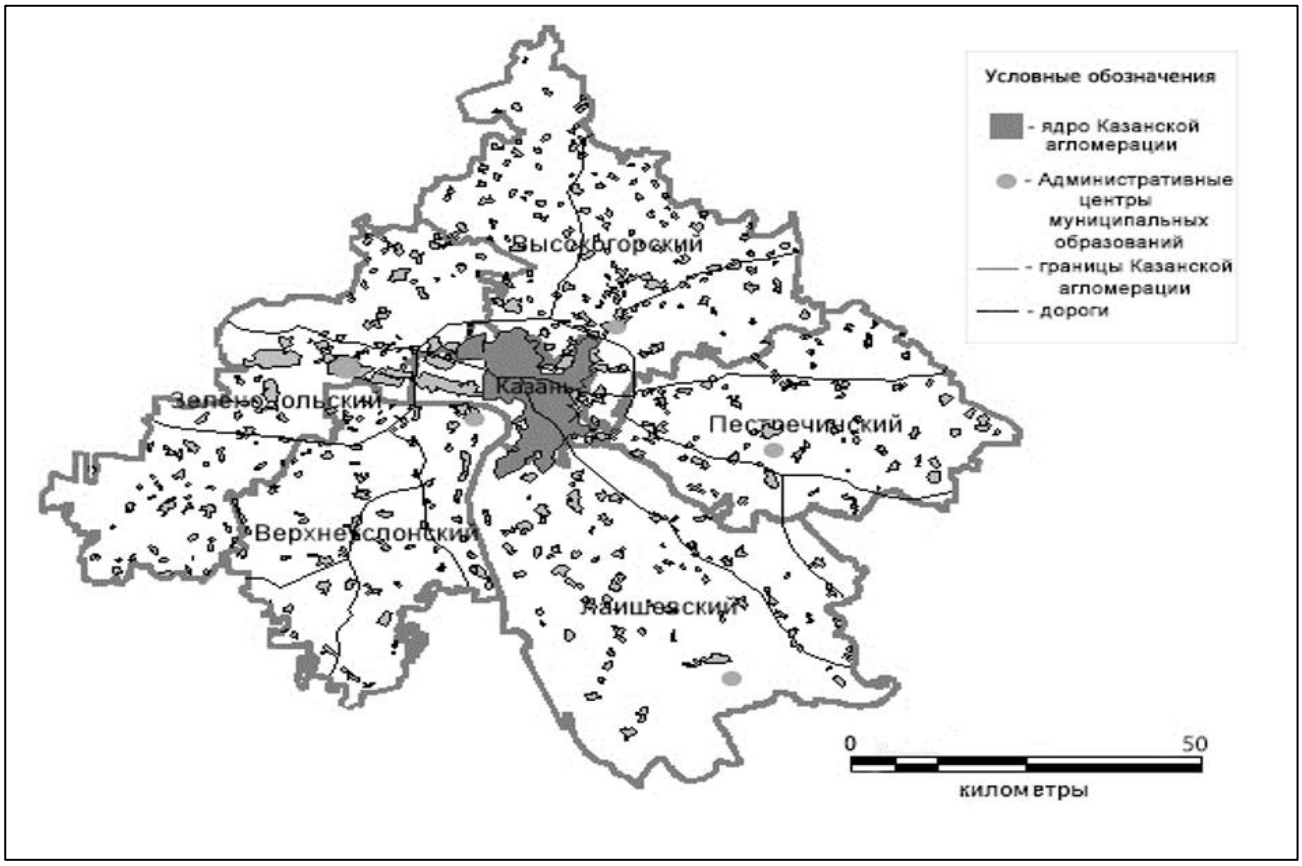


Рис. 1. Карта-схема Казанской городской агломерации в соответствии со «Стратегией социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 год»

Таблица 3

Численность городского населения Казанской агломерации (по данным [6])

Населенный пункт	Численность населения (тыс.чел.)
г.Казань	1216,97
г.Зеленодольск	98,76
г.Лаишево	8,36
г.Иннополис	0,096
пгт. Васильево	17,53
пгт. Нижние Вязовые	8,02

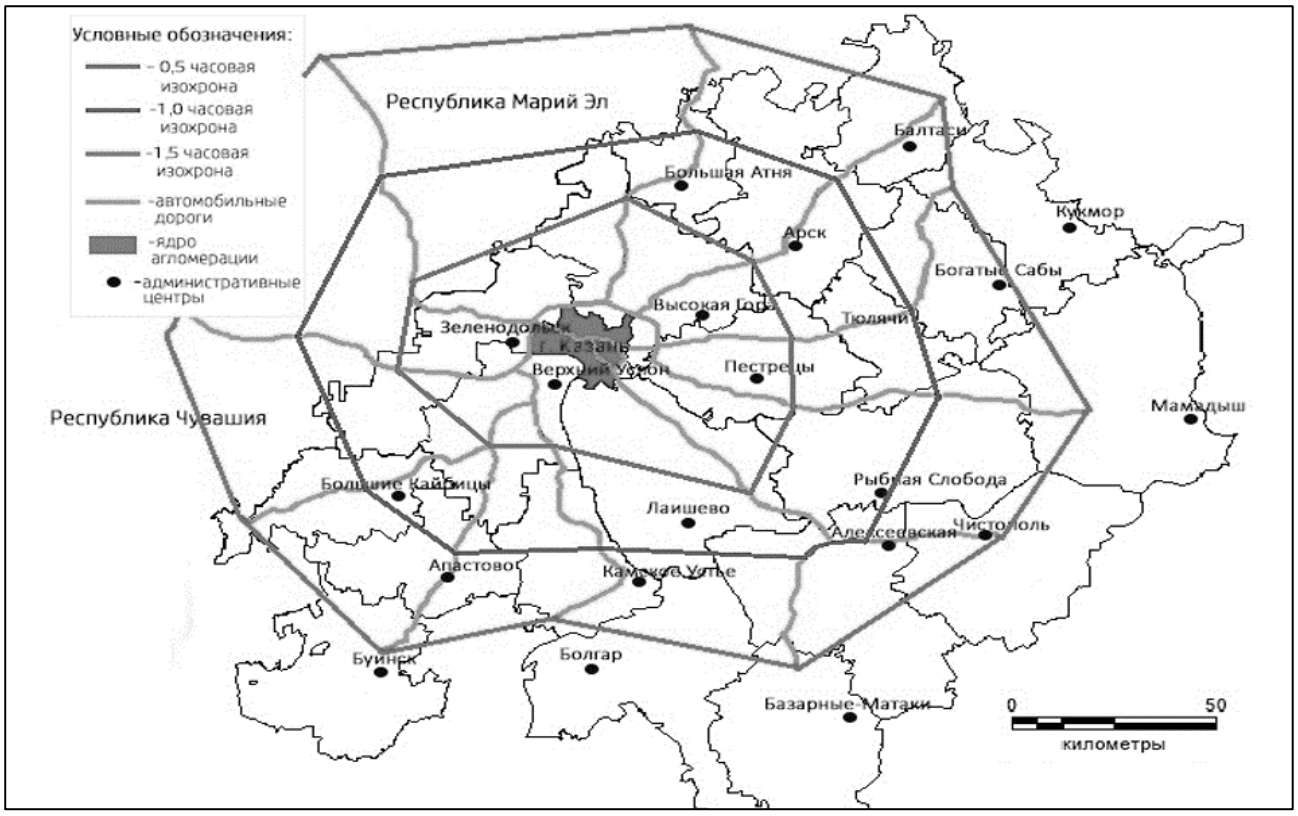


Рис. 2. Изохроны транспортной доступности ядра Казанской агломерации.

Обобщенные данные о численности населения, проживающего в зонах различной транспортной доступности ядра Казанской агломерации, а также степень развитости транспортных сообщений позволяют максимально объективно выявить территории и населенные пункты, тяготеющие к ядру агломерации и связанные с ним многообразными связями (производственными, трудовыми, коммунально-хозяйственными, рекреационными и др.). Построенные изохроны транспортной доступности города-центра отражают интенсивность ежедневных маятниковых миграций населения, что позволяет определить «реальные» границы агломерации. Так, современная территория Казанской агломерации ограничивается зоной 1-часовой транспортной доступности, в которой располагаются города-спутники, тесно связанные с центром агломерации мнгочисленными факторами.

В пределах первой зоны, а именно, территории, ограниченной 0,5-часовой транспортной изохроной, размещаются 3 города (Казань, Зеленодольск и Иннополис), а также 2 поселка городского типа (Васильево и Нижние Вязовые). Во второй зоне - на территории между 0,5- и 1-часовой зонами транспортной доступности располагаются 2 города (Лаишево и Арск) и 1 поселок городского типа (Рыбная Слобода).

В третьей зоне, охватывающей интервал межу 1- и 1,5-часовой изохроной транспортной доступности, располагается 1 город (Чистополь) и 5 поселков городского типа (Камское устье, Апастово, Балтаси, Богатые Сабы, Алексеевское). Однако следует отметить, что у населения, проживающего в данной зоне, помимо Казани существуют и другие центры притяжения, поэтому на данном этапе включать указанную территорию в пределы Казанской агломерации нецелесообразно. Зона 1,5-часовой доступности ядра Казанской агломерации представляет собой территорию ее перспективного развития.

Преобладающее большинство населения агломерации (93,2%) проживает в 0,5-часовой зоне транспортной доступности и лишь 6,8% – в 1-часовой зоне.

«Автомобилизация» населения и доступность транспортных средств на современном этапе выступают одним из факторов усиления взаимосвязей между населенными пунктами, составляющими Казанскую агломерацию. Количество транспортных средств отражает ин-

тенсивность маятниковой миграции, представляющей из себя межпоселенческие трудовые связи, выражающиеся в расположении мест работы и проживания на существенном расстоянии друг от друга, в разных населенных пунктах. В последние годы фиксируется тенденция увеличения количества автотранспорта у физических лиц в муниципальных районах, входящих в состав Казанской агломерации (рис. 3). Так, в городе Казань данный показатель вырос в 2 раза (при сравнении 2005 и 2015 гг.), в муниципальных районах – в 2–3 раза. Данный факт свидетельствует о увеличении возможностей маятниковых миграций, что отражается на развитии агломерации и раздвижении ее границ.

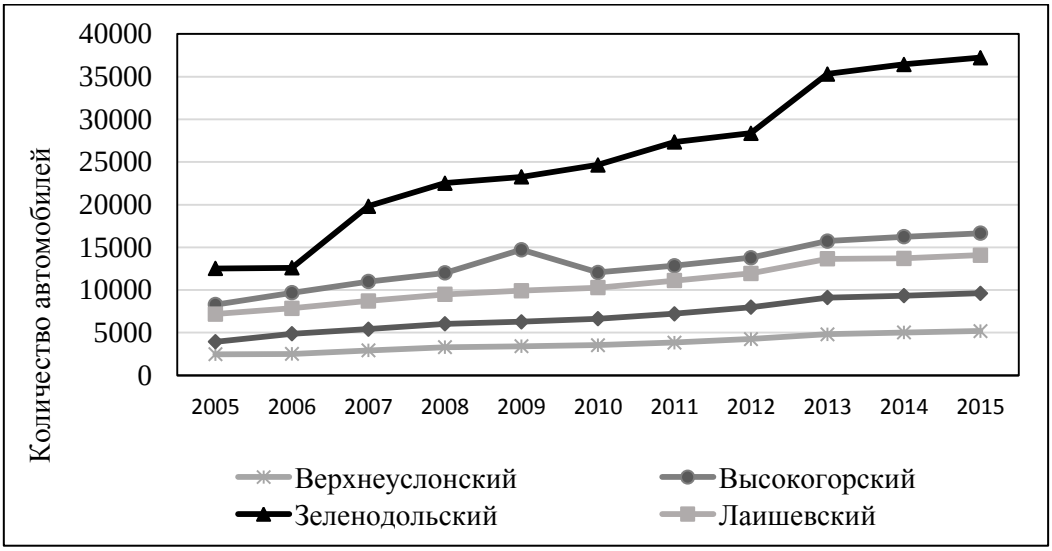


Рис. 3. Динамика количества автотранспорта в пределах Казанской агломерации

Сопоставление результатов делимитации, проведенной двумя разными методами, представлено в таблице 4.

Таблица 4

Характеристики Казанской агломерации в различных границах

Название метода делимитации		Площадь территории (тыс. км^2)	Численность населения (тыс.чел.)
Формальный подход выделения границ – по границам муниципальных районов, окружающих ядро (Стратегия социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года)		8,46	1517,98
Метод, основанный на определении возможности маятниковой миграции	0,5-часовая изохрона доступности центра	4,01	1448,7
	1-часовая изохрона доступности центра	11,86	1554,1
	1,5-часовая изохрона доступности центра	25,55	1699,3

Таким образом, площадь Казанской агломерации, определенная на основе 1-часовой изохроны транспортной доступности центра, на 40% превышает данный показатель, установленный в соответствии с формальным подходом. Помимо включенных в состав Казанской агломерации 5 муниципальных районов, обозначенных в Стратегии 2030, процессами

агломерирования охвачены Атнинский, Арский, Тюлячинский, Рыбнослободский, Камско-Устьинский и Кайбицкий районы РТ, а также часть территории Республики Марий Эл. Количество жителей, вовлеченных в процесс агломерирования в пределах Республики Татарстан, при этом больше на 36,12 тыс. человек (2,4%) по сравнению с Казанской агломерацией в трактовке, предложенной в Стратегии 2030.

Полученные результаты свидетельствует о необходимости более детального исследования периферийной зоны Казанской агломерации на предмет интенсивности агломерационных процессов, что позволит более объективно и точно провести ее делимитацию. Установление «реальных» границ Казанской агломерации будет способствовать принятию правильных управленческих решений и проведению мероприятий в области регулирования социальных процессов.

Литература

1. *Лаппо Г.М.* География городов. М.: Владос, 1997. 480 с.
2. *Лаппо Г., Полян П., Селиванова Т.* Агломерации России в XXI веке // Вестник Фонда регионального развития Иркутской области. 2007. № 1. С. 46–48.
3. *Ижгузина Н.Р.* Подходы к делимитации городских агломераций // Дискуссия. 2014. № 9. С. 44–52.
4. Закон РТ от 17.06.2015 № 40-ЗРТ «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года», принят Государственным Советом РТ 10.06.2015.
5. Стратегия социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года. Пространственно-территориальное развитие Республики Татарстан, том 13. URL: http://tatarstan2030.ru/UserFiles/Files/tom13_prostranstvo%20RT.pdf (Дата обращения: 09.03.2020).
6. Официальный сайт Службы статистики по РТ (Численность населения муниципальных образований Республики Татарстан: Статистический бюллетень). Казань: Издательский центр Татарстанстат, 2016, 206 с.
7. *Medvedeva R.A., Safina G.R., Fedorova V.A.* Urban densification: Features, environmental problems, and prospects // International Journal of Pharmacy and Technology. 2017. Vol. 11. № 4. Pp. 868–871.
8. *Medvedeva R.A., Safina G.R., Fedorova V.A., Alekseev S.A.* Ecological and social aspects of urban environment quality (on the example of the cities of the Republic of Tatarstan) // Вісник Національної академії керівних кадрів культури і мистецтв. 2017. № 4. Pp. 140–144.
9. *Safina, G.R.* Territorial reserves of major cities: challenges, experience, solutions // International Journal of Pharmacy and Technology. 2016. Т. 8. № 3. С. 14864–14871.

СЕКЦИЯ «ПРОБЛЕМЫ СЕМЬИ, ГЕНДЕРА, МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ»

ПРОБЛЕМЫ МОЛОДОЙ СЕМЬИ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Алчинова Г.Р.
Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, Россия, г. Магнитогорск

Аннотация. В статье раскрывается сущность понятия «молодая семья», приведены ее особенности и признаки, проанализированы основные проблемы молодой семьи.

Ключевые слова: молодая семья, особенности семьи, проблема, государство.

В каждом обществе есть такое социальное образование, с которым связана жизнь большинства людей, – семья, сочетающая в себе свойства малой социальной группы и социального института. Семья как субъект, участвующий в процессе общественного воспроизводства, занимает особое место в социуме, обеспечивая развитие как отдельно взятых индивидов, так и всего общества. Между тем, особую социальную ценность имеет именно молодая семья, представляющая собой важный фактор социально-экономических и демографических перемен.

В соответствии с Распоряжением Правительства РФ от 29.11.2014 г. № 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики РФ на период до 2025 г.» молодой семьей признается семья, состоящая в первом зарегистрированном браке, в которой возраст каждого из супругов либо одного родителя в неполной семье не превышает 30 лет (для участников жилищных программ поддержки молодых семей возраст участников увеличивается до 35 лет).

Среди отечественных авторов, объектом исследования которых является семья, в том числе и молодая, (Е.В. Антонюк, Л.М. Иванова, А.Г. Харчев, А.И. Антонов, В.М. Целуйко, Е.М. Зуйкова и др.), наиболее полно и широко дают определение молодой семьи О.А. Коряковцева и М.И. Рожков: «…это семья в первые три года после заключения брака (в случае рождения детей - без ограничения продолжительности брака), в которой оба супруга не достигли 30-летнего возраста, а также семья, состоящая из одного из родителей в возрасте до 30 лет и несовершеннолетнего ребенка» [2, с. 7].

Исходя из выше данных определений, признаками молодой семьи являются следующие: первый официально зарегистрированный брак; возраст супругов – до 30 лет; неполная семья с ребенком (детьми), и возраст родителя не превышает 30 лет.

Изучаемый нами тип семьи характеризуется рядом особенностей.

Так, период создания семьи совпадает с процессом социализации супругов (получение образования, поиск работы и т.д.). Таким образом, супруги еще переживают стадии становления социальной зрелости, социальные роли в сфере семейных отношений у них не сформированы.

Вторая особенность связана с недостаточным уровнем материальной и финансовой обеспеченности. В большинстве случаев молодые семьи зависят от всевозможных форм социальной поддержки государства. Негативно сказываются на социальном и психологическом положении семьи и происходящие в обществе социально-экономические кризисы.

Следствием первых двух особенностей является то, что молодая семья наиболее подвержена распаду. Согласно статистическим данным, к 24 годам 75 % молодежи вступает в брак, а 15 % уже разводятся. На период первых двух лет совместной жизни приходится 20 % разводов, а на первые три – 37 % разводов [1, с. 3].

Таким образом, проблемы семьи по причине возникновения можем условно поделить на два блока. С одной стороны, проблемы определяются спецификой формирования

и развития данного типа семьи, постепенным освоением социальных ролей, что обуславливает неустойчивость и возможный распад семьи. С другой стороны, вследствие происходящих в обществе преобразований молодые семьи вынуждены сталкиваться с достаточно сложными проблемами в процессе жизнеобеспечения. Рассмотрим наиболее актуальные проблемы из данного блока.

Одной из острых проблем молодых семей в России является жилищная проблема. Ввиду низкой заработной платы и уровня доходов многие молодые семьи не в состоянии самостоятельно приобрести жилье. Проблема обеспечения жильем в России вынесена на федеральный уровень, то есть она является достаточно масштабной и крупной. Так, помощь молодым семьям в приобретении жилья предоставляется в рамках правительственного проекта «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан РФ».

Следующей, не менее серьезной проблемой, касающейся молодых семей, является проблема трудоустройства, характеризующаяся низкой заработной платой, отсутствием доходов, общей материальной необеспеченностью семьи. В основном молодым людям сложно найти место работы с высокой заработной платой из-за отсутствия большого стажа и опыта работы. Неудовлетворение основным заработком, низкий уровень доходов негативно сказывается на семейной жизни.

Социально-психологические проблемы наряду с другими являются так же актуальными для молодых супругов. Эти проблемы в отличии от выше названных зачастую остаются неосознанными.

Существуют различные классификации социально-психологических проблем молодой семьи. Например, российский семейный психолог Ю.Е. Алешина выделяет следующие проблемы:

– распределение супружеских ролей и обязанностей;

– различные взгляды на семейную жизнь и межличностные отношения;

– сексуальная неудовлетворенность, взаимное неумение наладить сексуальные отношения;

– сложности во взаимоотношениях супругов с родителями;

– отсутствие тепла в отношениях, дефицит доверительности, проблемы общения друг с другом;

– проблемы власти и влияния в супружеских отношениях;

– болезнь одного из супругов (психическая или физическая);

В первые два года совместной жизни происходит взаимное приспособление супругов, поиск такого типа отношений, который удовлетворял бы обоих. В данный период семейной жизни супругам необходимо сформировать структуру семьи, распределить функции (роли), выработать общие семейные ценности, для того, чтобы в дальнейшем не столкнуться с проблемами, касающихся психологической сферы обоих.

В связи с проблемой кризиса современной семьи в России и в других развитых странах исследователями наблюдается процесс сокращения рождаемости населения, анализируется механизмы ее повышения. Современные семьи в большинстве случаев ориентированы на малодетность, что связано скорее социальными причинами, нежели экономическими. При этом происходит рост рождаемости внебрачных детей. Государство с целью повышения рождаемости, изменения демографического поведения населения и улучшения демографической ситуации предоставляет финансовую помощь молодым гражданам при рождении ребенка.

Таким образом, мы рассмотрели наиболее характерные проблемы для молодой семьи в российском обществе. Необходимо отметить, что данные проблемы в той или иной степени решаются на федеральном уровне, однако, для обеспечения благополучного функционирования молодой семьи необходимо комплексное решение ее проблем, ведь обострение основных проблем семьи происходит из-за отсутствия скоординированной поддержки со стороны

государства. И, в первую очередь, необходимо тщательное изучение современной молодой семьи и ее проблем, для того, чтобы спрогнозировать развитие модели семьи в будущем.

Литература

1. Ванина В.В. Социальные особенности и основные проблемы молодой семьи // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2012. № 2. С. 1–4.
2. Коряковцева О.А. Комплексная поддержка молодой семьи: учеб.-метод. Пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности. М.: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 2008. 204 с.

ЛИЧНАЯ (СЕМЕЙНАЯ) ЖИЗНЬ КАК ПРЕВАЛИРУЮЩИЙ ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА СОЦИАЛЬНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ (ПОЖИЛЫХ) ЛЮДЕЙ.

Апанина А.В., Фионова В.А.

Иркутский государственный университет,
Россия, г. Иркутск

Аннотация. Статья затрагивает тему социального благополучия, а именно, такой фактор, как семейная жизнь для пожилых людей. Цель статьи дать читателю информацию о понятии социального благополучия в целом, его факторах, а также, почему такой фактор, как семейная жизнь важен для пожилых людей.

Ключевые слова: благополучие, социальное благополучие, факторы благополучия, пожилые люди, семья.

В современном мире обращение к проблеме благополучия является маркером успешности и удовлетворённости жизни современного человека. Важно отметить, что социальное благополучие становится важнейшей интегральной характеристикой развития общества.

Термин «благополучие» является одним из наиболее распространённых и значимых в современных гуманитарных науках, однако в то же время он не имеет однозначного определения. Многие исследователи в зависимости от своего мировоззрения трактуют его поразному. Например, в этике и философии благополучие рассматривается как некая единица жизнедеятельности с определенным положительным смыслом. Киренская школа представляет его как наслаждение, а Киники – как воздержание от страстей.

В Средние века учение схоластики изменило идеи античной философии, в качестве высшего блага стал выступать Бог, который являлся источником всех благ и конечной целью человеческих устремлений. В эпоху Возрождения подчёркивается роль субъекта в определение чего-либо, возводя это во благо. По словам Спинозы, благо есть то, к чему стремится человек, то есть то, что ему нужно.

В настоящее время благополучие включает в себя отношение к состоянию здоровья, заключающееся не только в отсутствии болезней и физических дефектов, но и в полном душевном спокойствии, восприятии индивидом своего положения с точки зрения контекста определённой культуры и системы ценностей, а также оценку качества своей жизни.

Исходя из всех приведенных определений, можно сделать вывод о том, что социальное благополучие является интегральным показателем эффективности функционирования социальной сферы, отражением социального самочувствия, уровня благосостояния, качества жизни населения, индикатором социальной безопасности общественной системы в целом.

В известной мере индикаторы экономического роста, а именно показатели социального благополучия населения, являются критерием результативности политики государства.

По данным статьи «Факторы субъективного благополучия личности» Кужильной Анны Вячеславовны , для современных людей в большинстве случаев факторами благополучия являются: здоровье, семья, финансовый достаток, комфортные условия проживания, душевное спокойствие, наличие образования и престижной работы. Более подробно мы рассмотрим такой фактор благополучия как семейное благополучие в представлении взрослых (пожилых) людей.

Среди самых значимых для человека ценностей одно из ведущих мест занимает семья, в особенности для взрослой части населения. В семье не только удовлетворяются, но и формируются материальные и духовные потребности личности, её ценностная система, создаются и поддерживаются бытовые традиции, осуществляются взаимопомощь в ведении домашнего хозяйства, психологическая поддержка. Именно от семьи зависит физическое, эмоциональное и социальное развитие индивида на протяжении всей жизни. Особенно важна роль семьи как малой группы в жизни детей, подростков, а также в жизни пожилых людей.

Если в молодом и зрелом возрасте трудовая деятельность еще конкурирует с семейной по затратам времени и ценности для человека, то в пожилом возрасте семья как среда существования человека становится явной доминантой. По мнению В. Голофаста, без сферы личной, частной семейной жизни существование кажется пожилому человеку ущербным, неполноценным.

С целью выявления факторов социального благополучия нами был проведен социологический опрос. В опросе приняло участие 159 респондентов. Из них 94 женщины и 65 мужчин. Результаты исследования показали, что независимо от пола, образования, места проживания, рода деятельности, важнейшим фактором благополучия для людей старше 35 лет является хорошая, счастливая семья и наличие рядом любимого человека. Причем с увеличением возраста данный фактор поднимается все выше в ранжировании и примерно с 45 лет становится превалирующим. Анализируя данные интервью, мы отмечаем что личная (семейная) жизнь выступает первостепенным фактором в том числе и для молодых людей. Из 159 опрошенных 88 человек разных возрастов считают одним из главных факторов благополучия семью. Что касается опрошенных в возрасте от 50 до 78 лет, то из 37 респондентов 23 отметили семью, как превалирующий фактор благополучия. При этом мы заметили, что место проживания, уровень образования и профессия существенно не влияют на этот фактор.

Важно отметить, что пожилые люди зачастую имеют риск остаться в одиночестве. Тем временем семья остается для него значимой как ресурс для общения с родными и близкими людьми. При этом большую роль начинает играть чувство защищенности пожилого человека. В наши дни для пожилых людей, не имеющих семьи или в силу определенных обстоятельств вынужденных жить отдельно от детей, не способных к самообслуживанию, создаются государственные и негосударственные интернаты для престарелых и инвалидов. Однако учреждение не способно заменить человеку семью, и он все же испытывает одиночество. Продолжительное одиночество постепенно уничтожает жизненные силы человека. Одинокие люди чувствуют себя покинутыми, обделенными, потерянными, ненужными. Неслучайно в практике социальной работы с пожилыми людьми все более популярными становятся такие формы социального обслуживания, как «приемные семьи» и даже «деДские сады» для пожилых людей. В России так называемые «деДские сады» созданы и работают в городе Москва, Костромской области, а также в Кемеровской области. Такие формы социального обслуживания представляют собой попытку предоставить пожилым людям возможность почувствовать себя членами малой группы, знать, что о них заботятся, что они еще кому-то нужны и хоть в чем-то могут быть полезны и востребованы, а главное: у них появляется чувство защищенности, так необходимое в их возрасте.

Подводя итог, мы можем сказать о том, что семья как малая группа необходима каждому человеку, независимо от пола и возраста. Однако особую необходимость в семейных узах ощущают люди преклонного возраста, поскольку семья дает им чувство защищённости, способствует формированию социальной значимости. Пожилые люди нуждаются в регулярных

контактах с близкими, вовлеченности их в общую семейную жизнедеятельность, тогда они чувствуют себя значимыми и защищенными.

Литература

1. *Власова А.А.* Современные теории социального благополучия. Уч.-метод. Пособие. URL: http://www.lib.uniyar.ac.ru/edocs/iuni/20170604.pdf (Дата обращения: 08.03.2020).
2. *Гареева З.К.* Социальное благополучие в системе социальной работы. Измерение социального благополучия // Современные теории социального благополучия. 2016. С. 54–59.
3. *Кужильная А.В.* Факторы субъективного благополучия личности // Евразийский Союз Ученых. 2015. № 3–7(12). С. 80–82.
4. *Мустаева Ф.А., Сизоненко З.Л., Юлдашева О.Н.* Исследование роли семьи в жизни пожилого человека // Здоровье и образование в XXI веке. 2016. № 10. С. 143–147.
5. Российский литературный портал – Проза.ру. URL: https://www.proza.ru/2017/09/05/578 (Дата обращения: 08.03.2020).
6. Российское информационное агентство – Regnum. URL: https://regnum.ru/news/society/-2118129.html (Дата обращения: 08.03.2020).
7. Сайт «Центр домашней заботы». URL: https://centrzaboty.ru/articles/uchrezhdenija-dlja-pozhilyh-v-Rossii/ (Дата обращения: 08.03.2020).

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ СЕМЬИ: ОСОБЕННОСТИ И КОНФЛИКТНОСТЬ ОТНОШЕНИЙ

Ахмадиева Г.М., Сагитова В.Р.

Университет управления «ТИСБИ»,

Россия, г. Казань

Аннотация: На проблеме межэтнических семей в последние десятилетия особенно заострено внимание общества. Процессы глобализации протекающие в мире создают возможности миграции, что влечет за собой создание межличностных, а в последствии семейных отношений. Нередко эти отношения из благополучных перерастают в конфликтные. В статье сделана попытка рассмотреть причины конфликтных отношений в межэтнических семьях.

Ключевые слова: семья, семейные отношения, этнос, этнические особенности семьи, межэтническая семья.

Семья со времен возникновения человечества играет большую социальную роль и в наши дни. Она представляет собой общественную ценность и является ключом удовлетворения ряда потребностей и малым коллективом, предъявляющим разнообразные требования – для взрослого, и средой, в которой складываются физические, психические, эмоциональные и интеллектуальные основы развития – для ребенка. Каждая семья уникальна и имеет свои особенности, она играет роль, как в воспитании, так и в формировании личности. Именно в ней закладываются такие качества, как доброта, честность, любовь.

Наша страна многонациональна и в ней создаются межэтнические семьи. Межэтническая семья представляет собой тип современной семьи, который в условиях меняющегося общества приобретает новые особенности, черты и традиции.

Многие межнациональные семьи со временем распадаются, что, вероятно, обусловлено трудностями, с которыми данным семьям приходится сталкиваться: в воспитании детей, недопониманием и не толерантным отношением к обычаям и традициям нации одного из супругов, религиозные вопросы т.п. Все это за собой влечет возникновение конфликтов в семье.

Планируя создать семью с представителем другой национальности, создавая межэтническую семью, молодые люди и не задумываются над будущими трудностями совместной жизни, с которыми они могут столкнуться. В межнациональных семьях основными моментами ее создания и одними из трудностей являются исключение источника разногласий супружеской пары, перераспределение социальных ролей и выявление ответственного за те или иные функции семьи и хозяйственных вопросов. Данный период также является тяжким из-за вопросов касательно воспитания детей, но стоит отметить, что каким сложным не был данный процесс, совместное участие в воспитании лишь способствует укреплению взаимоотношений, упрощению процесса воспитания ребенка, а также сглаживанию различных этнических вопросов.

Следует отметить, что взаимоотношение в семье во многом зависит не от национальности супругов, а от способа коммуникации по отношению друг к другу, к семьям друг друга и теплоты в отношениях.

Мы считаем, что смешанным этническим семьям принадлежит большая роль в сохранении гуманности в обществе. Они обеспечивают наиболее тесное взаимодействие между представителями различных народов, формируют терпимость и уважение к нации, каким-либо традициям и возвышают внутрисемейные отношения.

В настоящее время западные социологи и семейные психологи отмечают следующие тенденции развития брачно-семейных отношений:

– изменение положения женщины в семье в сторону уравнивания прав и обязанностей обоих супругов;

– сокращение числа патриархальных семей с традиционным распределением «мужских» и «женских» семейных ролей;

– развитие нуклеарной эгалитарной семьи, в которой наблюдаются равноправные партнерские отношения, в частности совместное ведение хозяйства и воспитание детей;

– разделение института брака и семьи с приданием супружеским отношениям большего веса по сравнению с детско-родительскими отношениями;

– рост количества разводов как следствие семейных конфликтов [2].

Существенные характерные черты межэтнических браков состоят в том, что создающие межнациональные семьи супруги представляют разные национальные культуры, традиции, обычаи, образы жизни, языки, особенности этнического самосознания и, в конечном счете, разные системы ценностей, что создает определенные проблемы для брачующихся. Таким образом, обнаруживается необходимость в выявлении и изучении ценностных ориентаций межнациональной семьи, в прогнозировании тенденций развития как национального, так и ценностного, семейного аспектов жизнедеятельности современного общества [1].

Несмотря на увеличивающееся количество исследований различных аспектов межэтнических браков, которые позволяют выделить особенности взаимоотношений при возникновении конфликтов в таких семьях недостаточно.

В данной статье представлены результаты исследования, целью которого было определить, каким образом происходит процесс взаимоотношения в межэтнической семье. Нулевой гипотезой в нашем исследовании являлось предположение о том, что в межэтнической семье основными темами конфликтов являются вопросы, связанные с религиозными взглядами. Альтернативная гипотеза представляет собой предположение о том, что конфликты представляют собой «ком» взаимосвязанных межэтнических недопониманий в плане традиций, обычаев и бытовых вопросов.

Для проверки гипотезы нами были изучены тенденции развития брачно-семейных отношений и проведено исследование межэтнических семей с целью выявления особенностей взаимоотношения между членами семьи. Методиками исследования взаимоотношений в межэтнической семье стали: методика «Межличностный семейный конфликт» (В. Левкович, О. Зуськова) [3] и разработанная социологическая анкета, позволившая определить основные характеристики супружеских пар.

В исследовании участвовало 15 супружеских пар – 30 человек: 15 мужчин и 15 женщин, соответственно. Среди респондентов 17% в возрасте 16–22 лет, 33% – в возрасте 23–30 лет, 27% в возрасте 31–50 лет, 23% старше 50 лет. Также было выявлено, что 2 пары состоят в браке не более года, 3 пары состоят в браке 1–5 года, 4 пары – в браке 6–10 лет, 4 пары – в браке 11–15 лет и 2 пары в браке более 15 лет. Среди респондентов 73% семей в которых муж и жена имеют разные вероисповедания. Из них в 9 супружеских парах женщина приняла вероисповедание супруга.

Было выявлено, что в большинстве семей (7 супружеских пар) язык отличается от родного в домашнем общении.

Ответы на вопрос, касательно отношения к традициям, обычаям и нормам поведения в этнической группе, к которой принадлежит один из супругов, распределились так: нейтрально относятся 23% респондентов, положительно – 37%, и отрицательно – 40% респондентов. Следует отметить, что отрицательное отношение к традициям и обычаям супруга замечено в супружеских парах, которые состоят в браке не более 5 лет.

Таблица 1

Распределение результатов исследования по методике
«Межличностный семейный конфликт»

Наименование шкал		Ответы (кол-во)	% соот-ние
1. семейные роли	а) Мать-отец	**13**	**86,67**
	б). Муж-жена	12	80,0
	в) Хозяин-хозяйка	10	66,67
	г) Мужчина-женщина	6	40,0
2. Глава семьи		9	60,0
3. Общение		10	66,67
4. Материальные потребности		11	73,33
5. Познание		8	53,3
6. Материальные потребности		11	73,33
7. Досуг		8	53,33
8. Информированность		6	40,00
9. Защита Я-концепции	а) Поддержка	**12**	**80,00**
	б) Эмоциональный комфорт	7	46.67
	в) Согласие	9	60,00
10. Уровень моральной мотивации	а) Непосредственная ситуация	**12**	**80,00**
	б) Внешний контроль	9	60,00
	в) Внутренний контроль	7	46.67
11. Удовлетворенность браком		9	60,00
12. Частота конфликтов	а) никогда	**10**	**66,67**
	б) иногда	9	60,00
	в) часто	8	53,33
13. способы разрешения конфликтов	(а) объяснение	4	26,67
	б) компромисс	6	40,00
	в) отказ	**13**	**86,67**
	г) бойкот	12	80,0
	д) применение силы	11	73,33

В ответах на вопрос об отношениях с родственниками супругов преобладал ответ о нормальных и взаимоуважительных отношениях у 40% опрошенных. Среди популярных

ответов, также был ответ о сложных отношениях, связанных с неприятием родственников супруга другой национальности (27% опрошенных).

Вопрос вероисповедания ребенка в большинстве семей остается открытым. Об этом свидетельствуют расхождения в ответах супругов. Лишь 40% среди мужчин и женщин ответили, что не придерживаются рамок одной культуры.

Также было выявлено, что во взглядах на процесс воспитания детей сходятся лишь часть респондентов (37% респондентов).

Результаты исследования по методике «Межличностный семейный конфликт» (В. Левкович, О. Зуськова) показали особенности отношений в супружеских межэтнических парах (см. таблицу 1).

По таблице 1 видно, что общие показатели конфликтности пар отражены наиболее ярко по шкалам, имеющим наибольший процент: «Семейные роли», в частности, «мать-отец»; «Защита Я-концепции» - в плане «Поддержки»; «Уровень моральной мотивации», а именно – «Непосредственная ситуация»; наиболее частый ответ по шкале «Частота конфликтов» – это «никогда»; в качестве «способа разрешения конфликтов» используется «отказ». Разница в количественных показателях ответов небольшая, поэтому ниже будет приведен более подробный анализ с учетом внутренних гендерных отношений.

Изучение уровня конфликтности респондентов показало, что 12 супружеских пар из 15 межэтнических семейных пар имеют конфликты. Среди 15 пар, в 5 парах мужчина по национальности «татарин» или «башкир». Среди них в конфликтном блоке наблюдается преобладание шкал: «частота конфликтов между парой», «способы решения конфликтов – нахождение компромисса, «информированность», а также «защита Я-концепции» – эмоциональный комфорт. В среднем уровень конфликтности среди этих супружеских пар ≈ 9,8 баллов.

Среди пар, где мужчина является представителем «русской» национальности, супруги высоко оценивают уровень удовлетворения потребности в защите «Я-концепции». Низкие результаты конфликтности в том блоке указывают на взаимную психическую поддержку, взаимопонимание супругов и эмоциональную стабильность между ними. Данный факт играет особую роль в осознании значимости своего «Я». Среди респондентов 3 пары, в которых мужчина имеет этническую принадлежность – русский. Уровень конфликтности между парами в данной группе варьируется от 5 до 21. Чаще всего конфликты в данных межэтнических семьях наблюдаются в сфере познания. В сфере досуга, в области решения конфликтов: им тяжело даются объяснения, компромисс. Уровень конфликтности в данной группе в среднем равен ≈ 8,3 балла.

Изучая пары, в которых мужчины являются представителями других стран, мы выявили, что им присуще ожидание эмоциональной и моральной поддержки от своих жён. Мужчинам из Закавказья, а также мужчинам из стран ближнего зарубежья, свойственно нести большую ответственность за материальное благополучие семьи, совмещая роли супругов и отцов с ролями «добытчиков», следуя этому, им характерно ожидание большей поддержки и понимания от своих супруг. Среди данной группы супружеских пар преобладают конфликты, касающиеся таких блоков, как материальные потребности, информированность, защита «Я-концепции» в виде недостатка взаимоподдержки в парах, а также способ решения конфликтов путем компромисса и объяснений. Уровень конфликтности в данной группе в среднем равен ≈ 10,5 баллов.

Блок частоты конфликтов: с конфликтами часто встречаются 63% респондентов (19 человек).

При разрешении конфликтов объяснениями пользуются 23% респондентов (7 человек), идут на компромисс 37% опрошенных (11 человек), устраивают бойкот 13% (4 человека), отказываются от разрешения конфликта 17% (5 человек), применяют силу 10% (3 человека).

Таким образом, наша нулевая гипотеза подтвердилась частично. Было выявлено, что в межэтнической семье основными темами конфликтов являются вопросы, связанные с религиозными взглядами. Причиной конфликтов в межнациональных семьях является

нарушение ролевых ожиданий супругов, разногласия по вопросам воспитания детей, отношений с родственниками и друзьями, а также рассогласования норм поведения, обусловленных национальными особенностями.

Также альтернативная гипотеза полностью подтвердилась. Конфликты в межэтнических семьях представляют собой «ком» взаимосвязанных межэтнических недопониманий в плане традиций, обычаев и, самое основное, бытовых вопросов. Уровень конфликтности в сравнении межэтнических семей показал, что в семьях, где супруги являются представителями других стран выше. Это может быть связано с тем, что мужчины в своих реакциях более активны, чем женщины. В межэтнических семьях при взаимодействии супругов в конфликтах супруги проявляют негативные реакции во всех сферах супружеских отношений. Значимые разногласия между супругами обнаруживается в ситуациях, связанных с родственниками и друзьями, по вопросам воспитания детей, рассогласований норм поведения и ревностных отношений.

Литература

1. *Захарова Е.А.* Особенности семейных отношений в различных национальных культурах // Молодой ученый. 2014. № 18. С. 558–561.
2. *Сысенко В.А.* Супружеские конфликты. М.: Мысль, 2011. 176 с.
3. *Левкович В.П., Зуськова О.Э.* Социально-психологический подход к изучению супружеских конфликтов // Психологический журнал. 1985. Т. 6. № 3. С. 126–137.

СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ СОВРЕМЕННЫХ КАЗАХОВ

Бекболатова М.Е., Султабаева Г.М.

Казахстанский институт общественного развития «Рухани жаңғыру»

Казахстан, г. Нур-Султан

Аннотация. В данной статье рассматривается вопрос семейных ценностей современных казахов и их актуальность. С целью изучения семейных ценностей современных казахов был проведен опрос 1200 респондентов. Целью статьи является определение семейных ценностей современных казахов, а именно определение их устойчивости и функциональности.

Ключевые слова: Семья, семейные ценности, традиционные семейные ценности, возраст вступления в брак, патриархальный уклад жизни, идеальный возраст вступления в брак.

Семья и семейные ценности- это два понятия, которые не могут существовать друг без друга. Семья должна иметь собственные ценности, идеалы и ценности, идеалы и цели, и жизнь семьи – это стремление к реализации целей вместе с тем является частью общества, семья является проводником традиций в любой культуре.

Ж. Н. Дюльдина даёт такое толкование: «Семейные ценности – взаимосвязь моральных, нравственных, культурных, традиционных, национальных особенностей в малой социальной группе, основанной на браке, кровном родстве». По мнению Н.Г. Храмовой, семейные ценности – положительные и отрицательные показатели значимости объектов, относящихся к основанной на единой совместной деятельности общности людей, связанных узами супружества – родительства – родства, в связи с вовлеченностью этих объектов в сферу человеческой жизнедеятельности, человеческими интересами, потребностями, социальными отношениями [1].

Семья – один из самых консервативных социальных институтов, именно в нем присутствуют элементы как традиционного, так и современного общества.

В отличии от многих других социальных институтов сохранение в институте семьи традиционных ценностей во многом способствует поддержанию экономической, психологической стабильности современной казахстанской семьи. В связи с этим возникает вопрос

о сохранении семейных ценностей в повседневной жизни современных казахов, их устойчивости и функциональности в современном мире.

К основным индикаторам семейных ценностей для казахов относятся:

1) возраст вступления в брак;

2) регистрация молодожен в ЗАГС;

3) патриархальный уклад жизни. Браки, в которых мужчина – главный, он основной добытчик и за ним остается последнее слово, далеко не редкость. Когда женщина – это жена и мать. Она сама реализуется посредством рождения и воспитания детей, создания уютной и доверительной атмосферы, берет на себя все домашние хлопоты;

4) репродуктивные установки в отношении количества детей в семье;

5) семейно-родственные отношения и забота о старшем поколении.

Анализ литературы позволяет сделать вывод о том, что вопрос о типологии семейных ценностей весьма размыт. Нет единой научной обоснованной классификации семейных ценностей, нет понимания того, какие именно семейные ценности важны и нуждаются сегодня в сохранении.

С целью изучения семейных ценностей современных казахов был проведен опрос среди 1200 казахоязычных респондентов. Территория проведения социологического исследования охватывает все регионы Республики Казахстан, города республиканского значения (гг. Нур-Султан, Алматы, Шымкент), 14 областных центров, а также сельские населенные пункты. В исследовании использована стратифицированная многоступенчатая выборка.

Методом сбора информации выступает массовый опрос казахоязычного населения в возрасте от 18 лет методом «face-to-face». Данный метод позволил получить объективную информацию относительно мнений и оценок населения о состоянии потребностей и возможностей.

В ходе проведенного анкетирования были получены ответы на следующие вопросы:

1) Каков идеальный возраст вступления в брак для мужчин?

2) *По Вашему мнению, как должны распределяться обязанности в семье?*

3) *Как Вы считаете, какое количество детей в семье должно быть?»*

4) *Как вы относитесь к проживанию пожилых родителей в доме престарелых?»*

В данной статье в результате анализа литературы представлена трихотомия между семейными ценностями доиндустриального, индустриального и постиндустриального общества.

Далее предлагаю рассмотреть результаты опроса по каждому вопросу по порядку.

1. Рассмотрим идеальный возраст вступления в брак для мужчин.

Большинство населения считают наиболее подходящим возрастом вступления в брак для мужчин от 24 до 27 лет (67,1%) (см. Рисунок 1).

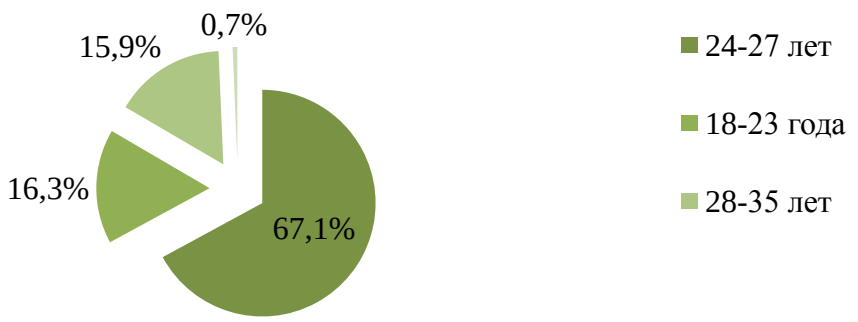


Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Как Вы думаете, какой возраст является идеальным для создания семьи? ДЛЯ МУЖЧИНЫ»

В качестве идеального возраста вступления в брак для женщины респонденты отмечают интервал от 18 до 23 лет. Причем этот возрастной предел поддерживают молодежь, люди среднего возраста, пожилые мужчины и женщины.

На втором месте идеального возраста для женщины, согласно данным, был определен интервал от 24 до 27 лет. Данный возрастной предел отмечают 32% опрошенных респондентов (см. Рисунок 2).

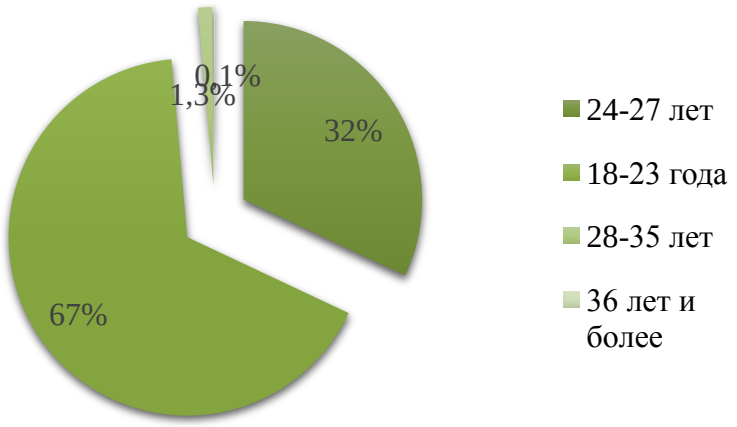


Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Как Вы думаете, какой возраст является идеальным для создания семьи? ДЛЯ ЖЕНЩИНЫ»

По мнению респондентов, в отношении женщин необходимость в создании семьи возникает до 27 лет. В качестве идеального возраста вступления в брак для женщин отмечается интервал от 18 до 27 лет.

Следовательно, современные казахи считают для мужчин идеально сначало закончить школу, ВУЗ или колледж, приобрести определенный опыт работы, накопить минимальный капитал для создания семьи. В то время, когда для женщин достаточно закончить школу, колледж/ВУЗ.

2. Следующий аспект в отношении института семьи и брака был направлен на изучение мнения респондентов о распределении ролей в семье. На вопрос «По вашему мнению, как должны распределяться обязанности в семье?» 41% поддерживают равное распределение социальных ролей (см. Рисунок 3).

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «По Вашему мнению, как должны распределяться обязанности в семье?»

Подводя итоги можно сказать, что эгалитаризм в семье поддерживают респонденты всех возрастов. Это можно связать с тем, что в современном обществе женщина работает на равне с мужчинами, из этого и истекает одинаковое распространение в семье.

3. Замер мнения населения о количестве детей в семье предполагал фиксацию следующих ответов – от малодетности (один ребенок, двое или трое детей) к многодетности (от четырех и более детей).

Относительно желаемого количества детей в семье результаты опроса показывают от трех до пяти детей. В данном отношении первое место в рейтинге желаемого количества детей в семье респонденты отвели трем детям (28%). На втором месте – четверо детей (24,3%) (см. Рисунок 4).

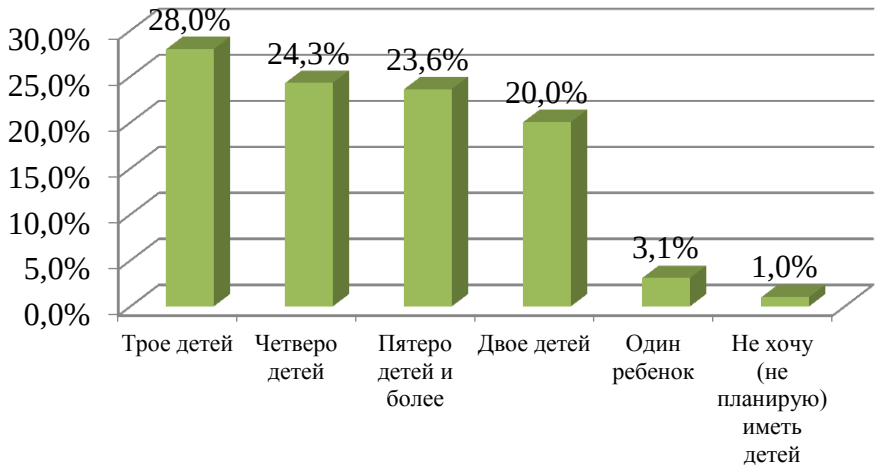


Рис. 4. Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, какое количество детей в семье должно быть?»

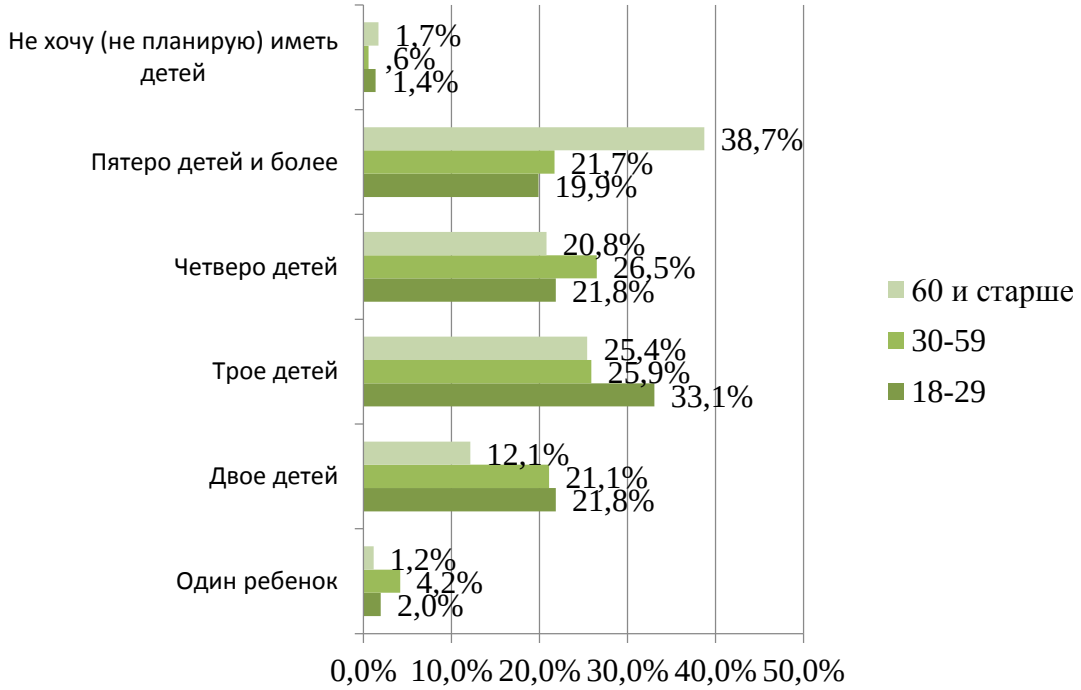


Рис. 5. Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, какое количество детей в семье должно быть?»

На третьем месте население поддерживает многодетность семьи – чем больше детей, тем лучше (23,6%). 20% опрошенных считают количество двоих детей достаточным. Достаточным в семье иметь одного ребенка считает 3,1% респондентов. Рассмотрим возрастные особенности предпочтения детей в семье. Старшее поколение считает многодетную семью (пятеро детей и более) самой приемлемой – 38,7% ответивших. Группа респондентов в возрасте от 30 до 59 лет поддерживает идеальную семью с четырьмя детьми (26,5%). Молодежь считает достаточным иметь в семье троих детей (33,1%) (См. Рисунок 5).

Как население относится к многодетным семьям? Респондентам в ходе анкетирования было предложено ответить на вопрос «Как Вы думаете, в современном Казахстане многодетность является нормой?». 49,4% опрошенных ответили «Да, дети – это счастье, их должно быть много» (см. Рисунок 6).

Рис. 6. Распределение ответов на вопрос «Как Вы думаете, в современном Казахстане многодетность является нормой?»

«Скорее да, такова часть нашей культуры», – считает 25,3% опрошенных. 16,1% респондентов выбрали ответ «Скорее нет, дети требуют финансовой и моральной ответственности». 5,9% опрошенных уверены, что в современном обществе многодетность не является нормой.

Подводя итог, можно сказать, что большая часть респондентов положительно относятся к многодетным семьям. Тогда как, только 23,6% респондентов считают, что в семье должно быть четверо и более детей. Старшее поколение считает многодетную семью (пятеро детей и более) самой приемлемой – 38,7%, тогда как респонденты репродуктивного возраста за семью с максимум тремя детьми.

4. Следующий вопрос в исследовании был направлен на выявление отношения к пожилым родителям. Респондентам задали следующий вопрос «Как вы относитесь к проживанию пожилых родителей в доме престарелых?». 88,8% считают это неправильным (см. Рисунок 7).

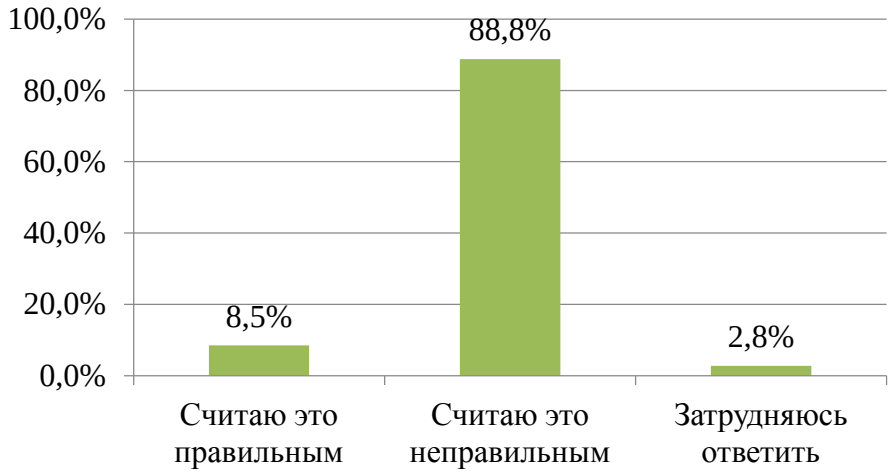


Рис. 7. Распределение ответов на вопрос «Как вы относитесь к проживанию пожилых родителей в доме престарелых?»

Нахождение пожилых родителей в доме престарелых не поддерживают мужчины и женщины всех возрастных групп. Среди когортных групп пожилые респонденты выступают в большей степени против проживания родителей в доме престарелых (92,5%) (см. Рисунок 8).

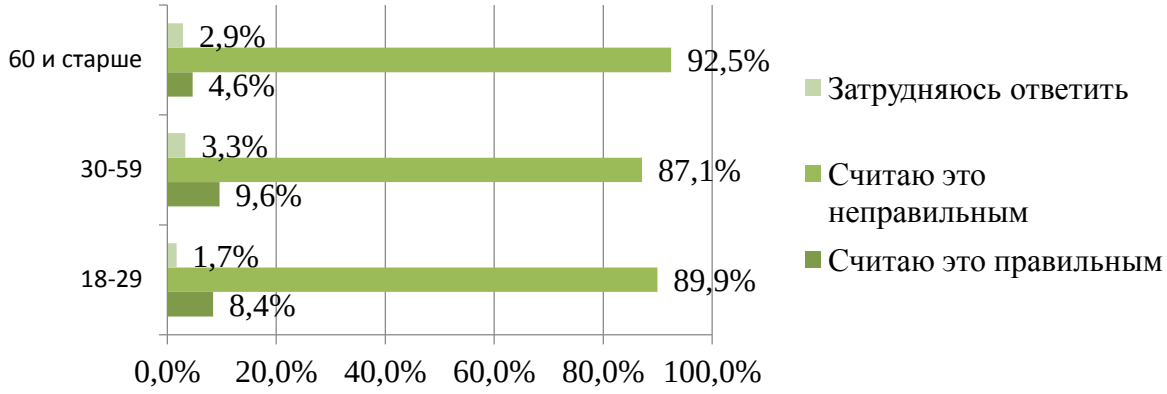


Рис. 8. Распределение ответов на вопрос «Как вы относитесь к проживанию пожилых родителей в доме престарелых?»

По итогам проведения опроса видно, что современные казахи, несмотря на изменение ценностей современного мира, в подавляющем большинстве против проживания пожилых людей в престарелом доме.

Трихотомия между семейными ценностями доиндустриального, индустриального и постиндустриального общества.

С позиции цивилизации, общество выглядит следующим образом: доиндустриальный период- период хозяйствования, когда господствует ручной труд; индустриальный период- господствует машинное производство; постиндустриальный – когда начинает господствовать автоматизированное производство на основе достижений научно-технической революции.

Таблица 1

Семья в доиндустриальную, индустриальную и постиндустриальную эру

Тип общества / Основные характеристики	Доиндустриальное общество	Индустриальное общество	Постиндустриальное общество
Принцип организации семьи	Ценности родства. Основная экономическая единица семейное домохозяйство, где, как правило, все взрослые работают и не за зарплату, а на себя [2]	Семья продолжает оставаться единицей потребления, предметами ее потребления является жилье, пищаи в определенной степени домашний досуг [2]	У семьи сохраняется главная функция — воспитание детей. Поэтому новая семейная мораль должна регулировать прежде всего не отношения между супругами, а отношение к детям, быть «ребенко-ориентированной»
Распределение ролей в семье	Власть родственных связей. Социальные роли мужчин и женщин строго дифференцирован. Мужчина является главой семьи, решающим мнением было мнение мужчины в семье. Зависимое положение женщин по отношению не только к мужу, но и к родителям и родственникам мужа, вплоть до норм общения и поведения в семье [2]	Брачные узы, супружество становятся выше родовых родительских, причем в самом супружестве интересы пары подчинены интересам индивида. Жесткая дифференциация обязанностей в семье теряет свою актуальность	Появляется все больше семей с одинаковым распределением обязанностей. Оба супруга работают, воспитывают детей и ведут хозяйство
Репродуктивные установки	Социальная организация, построенная на фундаменте системы норм многодетности. Жесткое табу на применение контрацепции [2]	Распространение малодетности- разрушение системы норм высокой рождаемости	Увеличение семей смешанного типа, где имеются дети от повторного брака, и от первых браков каждого из супругов
Отношение к старшему поколению	Приоритет старших поколений	Увеличение доли престарелых одиночек, получающих уход вне семей их взрослых детей	Увеличение доли престарелых одиночек, получающих уход вне семей их взрослых детей. Происходит отчуждение старости, то есть семья перекладывает обязанности ухода за престарелое государство
		Происходит отчуждение старости, то есть семья перекладывает обязанности ухода за престарелыми людьми государству	
Количество детей в семье	Культура многодетности	Массовая нуклеаризация семьи, уменьшение тенденции многодетности	Переход от многодетности к малодетности

Трансформация казахстанского общества привела к нивелированию многих ценностей старого ряда (эпохи социализма), но и еще не сформирована отчетливая система ценностей новой эпохи. В этом состоит главная трудность осуществления воспитательного процесса

в условиях меняющегося общества: нет устойчивых ориентиров будущего развития, не определена перспективная стратегия социальных приоритетов. Определение социальных ориентиров казахстанского общества, предоставленное населению в концептуальной форме, могло бы в значительной степени облегчить проблемы семьи и других социальных институтов при выборе и разработке принципов воспитательного воздействия на детей в новых условиях функционирования. Сейчас редко наблюдается прежнее беспрекословное повиновение взрослых детей родителям, сестер – братьям, младших братьев или сестер – старшим, а в сложных или неразделенных семьях невесток - перед взрослыми членами семьи. Очень часто отношения между ними все больше определяются не столько их местом в семейной иерархии, сколько их личными качествами, включая сюда образовательно-профессиональный уровень, положение в обществе, приносимый в семью доход или заработок. Вместе с тем многие традиционные представления по-прежнему стойко сохраняются. Определенное влияние на характер внутрисемейных отношений оказывает также традиционный этикет общения. Основным его содержанием является подчеркнутое уважение к старшим.

Подводя итог проведенному анализу семейных ценностей у современных казахов можно сделать следующие выводы. Что ценностные установки семьи современных казахов претерпели изменения, по сравнению с ценностными установками индустриального и постиндустриального периода. Большинство респондентов считают идеальным возрастом вступления в брак, тот возраст, когда мужчина уже приобретает определенный опыт работы, а женщина заканчивает учебное заведение. Так же респонденты репродуктивного возраста за то, чтобы в семье было максимум трое детей. Однако несмотря на вышеперечисленные итоги опроса респонденты почти единогласно против проживания родителей, старшего поколения в домах престарелых

Литература

1. *Томашевская М.А.* Представления о семейных ценностях у современных сибиряков // Педагогическое мастерство: материалы VI Международной научной конференции (г. Москва, июнь 2015 г.). М.: Буки-Веди, 2015. С. 193–197.
2. *Антонов А.И., Медков В.М.* Социология семьи. М.: Издательство Международного университета бизнеса и управления ("Братья Карич"), 1996. 304 с.

РОЛЬ СЕМЬИ В ФОРМИРОВАНИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ МОЛОДЕЖИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Дадаева Т.М.

Национальный исследовательский университет им.Н.П.Огарева,
Россия, г. Саранск

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-411-130004 р_а «Роль исторической памяти в конструировании общегражданской идентичности молодежи: региональный аспект»

Аннотация. В статье представлен анализ качественных и количественных социологических исследований – полуструктурированных интервью (28 интервью супругов, имеющих детей) и анкетного опроса (538 студентов вузов и ссузов)– с целью выявления роли семьи в процессе формирования исторической памяти молодежи. Исследование включало изучение основных механизмов, источников, факторов и особенностей формирования исторической памяти молодежи, выявление основных «узловых» событий, мест памяти, коммеморативных практик. Делается вывод, что история семьи, семейная память, оказывает существенное влияние на восприятие и формирование исторической памяти в целом.

Ключевые слова: семья, историческая память, семейная память, молодежь, коммеморативные практики, социологическин исследования.

Роль семьи в формировании исторической памяти молодежи сегодня трудно переоценить. Истоки приобщения индивида к социальному опыту прошлого находятся именно в семье. Через семейные истории происходит передача знаний прошлого, традиций, обычаев своего этноса молодому поколению. Семейная память является частью исторической, а семейные события всегда вплетены в историю страны.

Историческая память формируется на макро- и микро-уровнях. Макро-уровень представляет собой смену исторических эпох, социально-экономическое, культурное и политическое развитие общества. Микро-уровень – это повседневное взаимодействие и окружение индивида. Поэтому семья, выступая институтом микросреды, как ближайшее окружение индивида, существенным образом влияет на формирование исторической памяти и требует научной рефлексии. В связи с этим изучение роли семьи в формировании исторической памяти современного молодого поколения, представляется чрезвычайно актуальным.

Ученые особенно сегодня, довольно активно обращаются к изучению исторической памяти в различных ее аспектах. Ассман Я. [2], Андерсон Б. [3], Барг М. [4], Ле Гофф Ж. [11], Нора П. [12], Рикер П.[17], Тощенко Ж.Т. [19], Хальбвакс М. [21, 22] и др. обращались к разработке теоретико-методологических подходов к исследованию исторической памяти. Алексеев А.Н. [1], Белова Е.В., Крисанов А.А. [5], Глушкова С.А. [5], Горшков М.К., Шереги Ф.Э. [6], Иванова С.Ю. [8], Кулиш В.В. [10], Омельченко Е.Л., Андреева Ю.В. [13], Покида А.Н., Зыбуновская Н.В. [14], Положенцева И.В., Кащенко Т.Л.[15], Путятина Т.П. [16], Саралиева З.Х., Балабанов С.С., Куконков П.И. [18], Филоненко В.И., Штомпель Л.А., Штомпель О.М. [20] и др. исследовали роль семьи в формировании и функционировании исторической памяти , в том числе различных групп молодежи.

Материалы и методы. Эмпирической базой исследования послужили социологические исследования, проведенные в 2019 году: качественное социологическое исследование: «Роль семьи в формировании исторической памяти в финно-угорских семьях мордвы и удмуртов», проведенное методом полуструктурированного интервью по разработанному гайду, теоретическая выборка включала в равных долях финно-угорские семьи мордвы и удмуртов 14 семейных пар (n = 28), в возрасте от 30 до 65 лет, имеющие детей (было опрошено 50% женщин и 50% – мужчин, 14 удмуртов и 14 мордвы (из мордвы 100% женщин эрзя, 93% мужчин эрзя, 7% мужчин мокша), все опрошенные семьи имеют детей (7% семей – одного ребёнка, 50% – двое детей, 14% – трое детей, 29% - четыре ребёнка); анкетный опрос «Историческая память России глазами современной молодежи» в г. Саранске и в 3-х районах Республики Мордовия (Ковылкинском, Рузаевском и Краснослободском) опрошено 586 ч., применялась квотная выборка (по полу, возрасту и уровню образования) среди учащейся молодежи (студенты вузов (78%) и ссузов (22%), 246 юношей (42%), 340 девушек (52%).

Обратимся к данным социологических исследований. Качественное исследование включало изучение основных механизмов, факторов и особенностей формирования исторической памяти в финно-угорских семьях (более подробно результаты данного исследования изложены в журнале «Финно-угорский мир» [7]). Тематические блоки гайда интервью включали: з*нание истории (происхождения) фамилии, рода, семейного древа (генеалогия), малой родины, этноса (для чего нужно сохранять историю семьи, нужно ли делиться данными знаниями со своими детьми и нужна ли эта информация в целом), посещение памятных мест, коммеморативные практики, семейные праздники, источники формирования исторической памяти и т.д.*

Большинство информантов говоря о том, что такое историческая память. как правило приравнивали ее к семейной, к памяти об истории семьи и предков. «*Память о прошлом. Это ритуалы какие-то, традиции и язык. Память о прошлом страны, семьи, возможно”* [№ 4, м., удм., 47 л.]. *“...Помнить историю своей страны, знать свои корни, откуда*

ты возник...это вот всё, что мы изучаем в этом тоже история. Всё вместе как-то" [№ 5. ж., удм., 41 г.]. *"Историческая память – ...это традиции…обычаи, национальная культура...что нужно сохранять. Память о наших предках. Ну, история страны. Это то, что объединяет нас. То, что как бы отличает от других"* [№ 7, ж., удм., 57 л.]. *«Историческая память...это память, которая связана с историей семьи, страны, республики... она через вот эти традиции и передаётся. Через изучение языка, вот своей родословной»* [№ 9, ж., удм., 42 г.].

Все информанты отметили важность знания семейной истории *«...знать это нужно, в дальнейшем это очень помогает. Да и знать, в принципе, какая кровь течёт в тебе, обязательно. Не зная кто ты, можно ли существовать дальше? Вопрос хороший, но ведь мало кто знает от и до свою историю. Это просто лень или нежелание знать. А я горжусь тем, что мои дети имеют хоть какие-то представления о своей родословной»* [№ 2, м., удм., 45 л.]. *«Конечно необходимы. Для сохранения истории. Это вот как про семью. Нужно знать среду, в которой живёшь, в которой растут твои дети»* [№ 7, ж., удм., 57 л.].

Опрошенные владеют информацией о своей родословной лишь до третьего или четвертого поколения, знания о своем роде, услышанные когда-то от своих родителей и прародителей стараются передать своим детям. *«…Мы, мать и отец, их родители и все. Больше ничего и не знаю». «…Бабушка с дедушкой нам рассказывали с сестрами что-то… Да и мама… ну вот редко очень»* [№ 15, ж., эрзя, 41 г.]. *«Смогу только до своих бабушек и дедушек»* [№ 16, м., мокша, 41 г.]. *«…Совсем поверхностную информацию. Предки мои были представителями Ульяновской губернии. Точной информации по поводу того, кем были мои предки, я сказать не могу. Потому что сведения в архивах и вот рассказы моих дедушек и бабушек немного расходятся». «Да, смогу. До родителей своих бабушек и дедушек»* [№ 17, ж., эрзя, 43 г.]. *«Ну, здесь я только до бабушки своей смогу… до нас остальные сведения почему-то не дошли»* [№ 18, м., эрзя, 46 л.]. *«…До своей прапрабабушки смогу»* [№ 19, ж., эрзя, 46 л.]. Многие составляли родословную вместе со своими детьми. Однако знаний о происхождении рода, фамилии, собственной родословной немного, поскольку этих знаний не было и у старшего поколения. В советское время люди боялись рассказывать своим детям о прошлом своей семьи, так как часто это было небезопасно. В настоящий период интерес к составлению семейных родословных возрос и этому способствуют многочисленные ресурсы в интернет.

Во всех семьях есть фотоальбомы, где информанты хранят фото родных и близких, именно там хранится семейная история, а точнее визуальная семейная история. Люди хранят данный источник информации о прошлом семьи для будущих поколений. По данным исследования в семьях нечасто обращаются к альбомам и семейным документам. В основном используют семейный архив для составления генеалогического древа или для того, чтобы показать своим родным. Для большинства информантов знания о корнях своей семьи, способствуют пониманию смысла своего существования. Передавая эти знания своим детям происходит поддержание связей между поколениями. Следовательно, семейная память находится в состоянии динамики и не подвергается забвению или забыванию.

Во многом от того, как в семье относятся к своему этносу будет зависеть отношение к другим этносам среди молодого поколения. Поэтому очень важно как в семье передаются знания о малой Родине, истории населенного пункта, этносе, о языке, об этнических (национальных) традициях и особенностях. Воспитание патриотизма и уважения к другим нациям и этносам невозможно без обращения к прошлому, истории страны, края и т.д. Другими словами, через обращение к конкретным примерам из исторического прошлого, семья формирует и развивает чувство патриотизма. Все информанты отметили, что необходимо формировать патриотизм и толерантность у подрастающего поколения.

О необходимости сохранить историческую память о малой родине, этносе, традициях, языке информанты так говорят: *«Нужно конечно* [сохранять традиции]. *Чтобы род вот этот вот удмуртский…так скажем себя не исчерпал. Важно, важно это знать. Язык не знаем, то хоть традиции будут»* [№ 11, ж., удм., 42 г.]. *«Конечно их нужно и необходимо*

знать,... они ведь так скажем, на неформальном уровне больше, да, и поэтому как-то их меньше соблюдают, чем такие официальные праздники».

Большинство информантов мало осведомлены о том, какие особенные традиции и ритуалы существуют у удмуртов и мордвы, семьи которые знают их стараются приобщать своих детей к данным практикам, так как соблюдение данных практик, становится толчком для сохранения самобытности удмуртов и мордвы Были упомянуты традиционные блюда удмуртов и мордвы которые и сейчас остаются главными в дни празднования и некоторые обычаи. Было озвучено и то, что, теряя традиции, мы склонны утрачивать ту самобытность, те особенности этноса, которые накапливались десятилетиями. То есть, в конечном итоге этнос может просто исчезнуть.*«Встречаемся с маминими родственниками, тоже табани и перепечи готовим. Это вот коронное блюдо»* [№ 1, ж., удм., 42 г.]. *«Засунуть голову ребенка в первую лунку. Чтобы картошка выросла большая – надо голову ребенка в первую лунку засунуть. Это соблюдаем. ...Ну, отмечаем "Гырон быдтон" это вот сбор урожая, да. Так говорим: «Гырон быдтон», что сели за стол и собрали урожай»* [№ 3, ж., удм., 42 г.]. *«Мы соблюдаем… старинный удмуртский обычай "веме" называется. Это когда все родственники собираются и делают что-то вместе. Дом построить, сено убрать…»* [№ 5, ж., удм., 41 г.]. *«Знаем вот про традиционные блюда: перепечи, табани. Обязательно готовим на праздники. А так мы еще каждый год ездим на фестиваль "Ворекъян". Не пропускали еще ни разу. <…> Ну, вот "Гербер" тоже празднуем. А, вот еще Выль жук, ну или Ильин день в переводе. Его вот тоже стараемся соблюдать»* [№ 7, ж., удм., 57 л.]. «*Традиций я, конечно, мало знаю… Вот только про национальные блюда. Что вот перепечи должны быть на столе, да. Праздники некоторые знаю тоже. С италмасом связано что-то… Еще… в августе в начале празднуется? Воръкян? Вроде так, да. На этом все, наверное. <…> А насчет того, соблюдаем или нет, то здесь уже… как-то от случая к случаю. Перепечи часто делаем, а вот остальное когда как»* [№ 11, ж., удм., 42 г.]. *«Вот в деревне чего только не увидишь. К речке девчонки ходят на Иван Купала с венками этими, и на березу то ленточек навяжут. Мы конечно не все традиции и вот эти ритуалы знаем, но и не соблюдаем тоже вот. Потому что толком то и не знаем»* [№ 14, м., удм., 36 л.]. *«Мне кажется, что вот как раз у всех народов, да… финно-угров то, одинаковые все традиции. Костюмами могут отличаться и тем, как празднуют... Ну, вот на Пасху яйца дети собирают, обязательно в церковь ходим»* [№ 15, ж., эрзя, 41 г.]. *«На старый Новый год мы сжигаем старые вещи. Но такое не только у нас, я думаю. Ну… я хоть и мордвин, но знаю очень мало»* [№ 18, м., эрзя, 46 л.]. *«Да, бабушка моя рассказывала, что обряды свадебные были раньше. Чуть ли не на несколько дней. В медведя наряжались (офта). Сначала свадьба в доме жениха, потом невесты… раньше обращали внимание на имущество невесты, ну вот чтобы она с приданным была. <…> Троица очень важный праздник для нас, дом наряжаем веточками, масленица, Колядки тоже. Дети у меня до сих пор колядуют»* [№ 19, ж., эрзя, 46 л.]. «*А что касается кухни может соблюдаем. Теща моя пироги печет, поза еще, вот, люблю. Супы вот эти»* [№ 20, м., эрзя, 46 л.]. *«Разве, что коляда у нас ходит, вот на Рождество. Остальные все как все»* [№ 21, ж., эрзя, 36 л.]. *«Знаю только одну традицию. Свадебную. Хорошая традиция такая. Рубашки раньше невеста вышивала и шила мужу своему и друзьям его. Сейчас такого уж и не встретишь. Раньше свадьбы-то неделями отмечали. И невесту то целый день это…ну уж наряжали что ли. Раньше невеста жениху все делала, и приданое готовила, а сейчас, все наоборот»* [№ 26, м., эрзя, 45 л.]. *«Мы ходим колядовать всей семьей на Рождество. Тоже традиция такая. А, в школе дети тоже празднуют день языка, ну нашего, в апреле»* [№ 28, м., эрзя, 44 г.].

Все информанты отмечали роль семьи в процессе формирования этнической идентичности у детей, отмечая что нужно сохранить национальные традиции, язык и культуру, однако многие считают, что последнее слово в данном процессе за государством и его политикой. Информанты отмечали, что гордятся своей этничностью и национальностью.

Источниками формирования исторической памяти выступают места памяти (*мемориалы, кладбища, исторические музеи, выставки и т.д.*), коммеморативные практики, *просмотр исторических кинофильмы и т.д.* Как пишет известный французский специалист по изучению «мест памяти», коммеморативных практик П.Нора: «Места памяти – это останки. Крайняя форма, в которой существует коммеморативное сознание в истории <…> Музеи, архивы, кладбища, коллекции, праздники, годовщины, трактаты, протоколы, монументы, храмы, ассоциации – все эти ценности в себе – свидетели другой эпохи, иллюзии вечности» [12, с. 26]. Создание «мест памяти» является важным механизмом формирования исторической памяти.

Исторические места, наделены определённой символикой, которая влияет на эмоциональный аспект формирования и функционирования исторической памяти. Информанты посещают исторические места вместе с детьми, поскольку посещение таких мест способствует большему закреплению в сознании, памяти события, которому посвящено данное место. Среди таких мест памяти информанты назвали: Монументы славы – Вечный огонь в г. Саранске, г. Ижевске, в сельских поселениях Республик Мордов*ия, Удмуртия, кладбища и храмы. Информанты назвали также музей им.С.Эрьзи (г.Саранск), музей им. Н.Т. Калашникова (г. Ижевск), мемориальный комплекс «Родина –мать» (г. Волгоград), Дом-музей А.С.Пушкина в селе Б.Болдино, место расстрела семьи Романовых (г.Екатеринбург), музей Айвазовского.*

Надо отметить, что информанты с удовольствием смотрят военные исторические фильмы и приобщают к этому детей, формируя таким образом, историческую память молодого поколения. *«Я только такие фильмы и смотрю. Они должны учить чему-то, я считаю. Дети с радостью смотрят, кстати* [№ 2, м., удм., 45 л.]. *“Вот я люблю такие фильмы смотреть. Дети сами смотрят со мной. Никто их не заставляет. Смотрим, обсуждаем. Орудие там, тактику. Такие мужские разговоры у нас* [№ 4, м., удм., 47 л.].

Следующий тематический блок касался знаний информантов *об участниках исторических событий XIX–XXI вв. в семье (Первая мировая война, Революции в 1917 г., Великая Отечественная война, война в Афганистане, Чеченская война, Военные действия на Домбассе).* П. Нора ввел понятие «узлы» памяти, отражающее наиболее значимые события в исторической памяти. Информанты основным узловым событием исторической и семейной памяти назвали празднование Дня Победы 9 мая. Информанты отмечали, что в день празднования посещают с детьми вечный огонь (мемориал), парад (салют), участвуют в акции бессмертный полк. «*Девятое мая обязательное посещение Вечного огня, а вечером просмотр фильмов на военную тематику»* [№ 2, м., удм., 45 л.]. *«На День Победы обязательно посещаем площадь и вечный огонь…ходим, участвуем в бессмертном полку. Это тоже обязательно»* [№ 11, ж., удм., 42 г.]. *«Каждый год девятого мая мы берем портреты наших дедушек, бабушек...и участвуем в “Бессмертном полку”, обязательно. Не важно какая погода, да, кто как себя чувствует. Идем все. По-другому никак»* [№ 13, ж., удм., 31 г.]. *«...Обязательно ходим на парад все вместе, чтобы они* [дети] *почувствовали, что это было. Вспомнили дедушек. И дома, мы вспоминаем тех. кто погиб тогда. Вот так вот, обязательно»* [№ 3, ж., удм., 42 г.].

Вот как информанты рассказывают о роли семьи в освящении событий Великой Отечественной войны. «*Семья – это связь. Связь не только кровная, но, так скажем, духовная. Важно не терять ту самую нить между тобой в настоящий момент и тогда, в прошлом. Так будет чувствоваться та самая преемственность”* [№ 2, м., удм., 45 л.]. «*Рассказывала, да. Вот девятое мая, когда приходит, наступает. Ближе к этим дням всё равно ведь уже в голове что-то проявляется, просыпается. Пытаешься рассказать, но они к этому ещё, мне кажется, относятся не так серьёзно. Но, это же дети. Мы тоже такие же были...участвуют они в этом шествии. Фотографии у нас есть у двоих ветеранов со стороны папы вот. Отец папы тоже был на войне, он вообще без кисти руки вернулся. У него была Красная Звезда. Орден Красной Звезды, по-моему, даже. И как мне ещё мама рассказывала, что он играл на мандолине, что ли и эту звезду брал с собой, орденом играл...*

Как они не могли ценить ещё в то время, что они такие герои были...” [№ 5, ж., удм., 41 г.]. *«Семья доносит, помогает...Вот про ветеранов своих да, про то, как жили предки в то время. Она с другой стороны всё преподносит. С более такой локальной [истории]»* [№ 17, ж., эрзя, 43 л.]. *«В семье закладываются основные качества ребёнка, его характер. Поэтому вот это воспитание играет очень большую роль. Патриотизм, уважение, участие в этих праздниках, этому всему способствует семья же, вот в чём её роль»* [№ 18, м., эрзя, 45 л.].

Согласно анкетному опросу учащейся молодежи вузов и ссузов, узловыми историческими событиями, вызывающими гордость у респондентов, что они являются гражданами России, выступили – победа в Великой Отечественной войне (80%), первый полет человека в космос (66%), победа в Отечественной войне 1812 года (54%), отмена крепостного права (54%), Бородинская битва (30%), Куликовская битва (30%), присоединение Крыма в 2014 г. (29%), крещение Руси (29%), реформы Петра I (28%), создание РФ как независимого государства (20%). Необходимо отметить, что победа в Великой Отечественной Войне и первый полет человека в космос, отмечались как самые важные события и по данным исследования 1999 года, проведенное Российским независимым институтом социальных и национальных проблем (РНИСНП) совместно с Фондом Эберта (выборка – 3000 чел.) [6] и по данным других недавних исследований [9, с. 22, с.38].

Большинство информантов, считают, что семья играет самую важную роль в формировании исторической памяти у молодого поколения. “*....с семьи всё и начинается. Как семья поставит ребенка на первую ступень, так и будет дальше. Либо он идёт и поднимается ровно, либо запинается и теряется”* [№ 2, м., удм., 45 л.] *«Семья либо ориентирует, либо наоборот, может сбить. Навязывать свою точку зрения. Роль семьи должна заключаться только в том, чтобы помогать и более или менее воспитать»* [№ 10, м., удм., 43 г.]. *«Хотелось бы конечно, чтобы [семья] главенствующую, но нет. Здесь, как я уже говорила, большую роль играет всё-таки государство. Семья она больше по семейной вот этой истории.»* [№ 13, ж., удм., 31 г.]. *“Семья это связь. Связь не только кровная, но так скажем, духовная. Важно не терять ту самую нить между тобой в настоящий момент и тогда, в прошлом. Так будет чувствоваться та самая преемственность” <...> «Семья. Должна семья. А на деле интернет. Семья должна направлять ребёнка. А вот всё остальное, что сказала да, то должно поддерживать»* [№ 2, м.. удм., 45 л.]. *«Школа мне кажется, должна быть на первом месте. А потом семья уже»* [№ 6, м., удм., 43 г.]. *«В первую очередь семья. Как и все остальные качества ребёнка, они формируются в семье. Общество, оно только корректирует всё это остальное. Если в семье не проводится вот эта вот работа, то понятно здесь уже общество как хочет, так и лепит этого человека, эту личность. Поэтому вот очень важно, чтобы была вот такая семья, в которой бы ребенку прививались в первую очередь моральные качества. И тогда уже никакой негатив, который с телевизора, из интернета идёт, он не испортит вот этого ребёнка...»* [№ 1, ж., удм., 42 г.]. *«Ну, семья, она должна учить изначально основам доброты, но они…дети, они понимают уже позже»* [№ 3, ж., удм., 42 г.]. *«…На общем фоне получается да, семья она как бы является частью, что ли вот этой общей истории. Получается история семьи в общей истории...семья просто развивает все возможности усвоения…ребёнком всего этого»* [№ 14, м., удм., 36 л.]. *«Семья? Если родители умные, то они всему научат, я так думаю. А если сам не знаешь, то лучше пусть в школе учат. Родители помогают только»* [№ 15. ж., эрзя, 41 г.]. *«Вот, на самом деле, знаете о чём задумался, что вот те факты да, которые по радио, в интернете, в новостях, вероятность того, что они достоверны очень мала. Да, по одному каналу говорят так, по-другому иначе <...> Вот минусы такой информации. А семья, семья врать не будет! В этом то и роль семьи. В обеспечении правдивой информации»* [№ 8, м., удм., 60 л.]. *«Семья. В семье же человек начинает говорить, слушать. Потом школа. Там уже их уму да разума учат. Дети сейчас намного умнее своих родителей. Да и всё через интернет можно узнать и прочитать»* [№ 9, ж., удм., 42 г.].

На наш взгляд, семейная память молодого поколения, формируясь через семейные рассказы, во многом определяет и отношение к исторической официальной памяти. Так, по данным социологического опроса учащейся молодежи было выявлено, что знание фактов и событий личной семейной истории респондентами во многом определяет вектор развития их исторической памяти. Установлена корреляция между участием членов семьи опрошенных в недавних событиях истории России и чувством сожаления респондентов о том, что они граждане России. Это касается таких событий как сталинские репрессии, раскулачивание, депортация, война в Афганистане. Так из 100% респондентов, родные которых участвовали в войне в Афганистане, 43% отметили, что данное событие заставляют их сожалеть о том, что они являются гражданами России. Показатель участия членов семьи в данном событии оказался значимым (Хи-квадрат Пирсона 14.974, р-0,002). Из тех, чьи родные были жертвами политических репрессий – 39,8% испытывают чувство сожаления (стыда), что они граждане России, чьи родные были раскулачены – 39% испытывают чувство сожаления (стыда) (Хи-квадрат Пирсона 19, 950, р-0,000), у кого в семье были депортированные – 25,4% испытывают чувство сожаления (стыда) (Хи-квадрат Пирсона 17,308 р-0,001).

В целом на вопрос «Какие исторические события заставляют вас сожалеть о том, что Вы являетесь гражданином России?» большинство представителей молодежи отметили убийство царской семьи (40 %), сталинские репрессии (35%), война в Афганистане (26%), распад СССР (25%), раскулачивание (25%), война в Чечне (24%), таких событий в России нет (20%), репатриации и депортация отдельных этносов (15%), перестройка (14%), договор о ненападении между СССР и Германией (10%). Как мы видим молодежь чаще отмечает в качестве событий, о которых приходиться сожалеть события недавней истории – советского и постсоветского периода (которые на слуху и в которых возможно, участвовали члены их семей). Вероятнее всего, излишняя актуализация, муссирование трагических событий убийства царской семьи в официальном дискурсе (в центральных СМИ), привела к тому, что оно было выбрано большинством респондентов в качестве события в истории России, которое заставляет сожалеть, о том что ты гражданин России.

В семьях мордвы и удмуртов наблюдается высокая активность в праздновании всероссийских и православных праздников. Были отмечены такие праздники как: Новы год, День Победы, Пасха, День защитника Отечества, Международный женский день, Рождество, День семьи, Первое мая, День конституции и др. То есть, календарь праздников, который стараются соблюдать семьи достаточно широк. Каждая семья наделяет данные праздники определённым смыслом, формируя определённый набор практик при праздновании этих дат. Семьи также посещают мероприятия, которые организовываются администрацией города или населённого пункта в форме массовых гуляний: День города, День села. День молодежи, День Победы, Новый год, Масленица.

Согласно анкетному опросу рейтинг 10 наиболее популярных праздников среди учащейся молодежи Республики Мордовии выглядит следующим образом: Новый год (98%), Пасха (81%), День Победы 9 мая (75%), Международный женский день (8 марта) (67%), День защитника Отечества (23 февраля) (64%), Масленица (59%), Православное рождество (58%), Старый новый год (39%), День России (12 июня) (36%), День всех влюбленных (14 февраля) (32%). Необходимо отметить, что главными элементами памяти по данным двух исследований выступают так называемые общенародные праздники: Новый год, День победы, Пасха. Государственные праздники новой истории России не вошли в тройку лидеров, да и этнические (локальные) праздники не получили значимых результатов. Большинство опрошенных участвуют в мероприятиях по празднованию Дня Победы (56%), Дня города (34%), Нового года (27%), Дня России (26%), масленицы (18%). Элементами исторической памяти выступают наряду с праздниками, мероприятиями связанные с их празднованием, также художественная литература и кино. Так большинство студенческой молодежи, согласно опросу, отметили, а качестве книг, которые объединяют россиян (которые все читали и любят) такие произведения как «Война и мир» (31%),

«Евгений Онегин» (14%), «Мастер и маргарита» (12%), «А зори здесь тихие» (10%), 10% – затруднились ответить, 7% отметили, что таких произведений нет.

Таким образом, на основании результатов социологических исследований мы можем сделать следующие выводы.

Историческая память, молодежи во многом формируется под влиянием семьи и семейной памяти. Через семейные истории (рассказы), а также соблюдение определенных семейных практик и традиций, семья формирует некий семейный опыт, к которому приобщает молодое поколение. Семья передаёт знания прошлого поколения, прививает индивиду определённые ценности и убеждения, формирует родовое, этническое самосознание, любовь к малой родине, к её прошлому. В семьях хранят семейные архивы, фотоальбомы, документы, различные реликвии, которые отражают опыт прошлых поколений. Кроме того в отличие от официального дискурса, семья рассматривается как правдивый носитель исторической информации, когда информация идет из «первых уст». Сопричастность (позитивный/негативный опыт) членов семьи респондентов к недавним событиям российской истории, определяют вектор развития их исторической памяти и оценку исторических событий.

Основным узловым событием семейной памяти (как по данным опроса семей, так и молодежи) выступает Великая Отечественная война, затронувшая каждую семью, именно о ней в большей степени рассказывается в семейных историях, хранятся документы (свидетельства о рождении, письма, похоронки, наградные удостоверения и т.д.) и реликвии (награды), которые передаются из поколения в поколение. Большинство семей участвуют в акции «Бессмертный полк» со своими детьми. По мнению молодежи, наиболее выдающимися историческими событиями России, вызывающими гордость, выступают победа в Великой Отечественной войне, достижения в области космонавтики.

Литература

1. *Алексеев А.Н.* Память семейная и историческая: точки пересечения и разрывы // Телескоп: журнал социологический и маркетинговых исследований. 2007. № 4. С. 49–50.
2. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Москва: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2001. 286 с.
3. *Ассманн Я.* Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. Москва: Языки славянской культуры, 2008. 363 с.
4. *Белова Е.В., Крисанов А.А.* Социальная динамика семейной исторической памяти студентов // Дискуссия. 2015. № 9 (61). С. 54–63.
5. *Глушкова С.А.* Роль семьи в межпоколенной трансляции родного языка и формировании этнической идентичности // Гуманитарий Юга России. 2017. № 6. С. 132–139.
6. *Горшков М.К., Шереги Ф.Э.* Историческое сознание молодежи // Вестник РАН. 2010. Т. 80. № 3. С. 195–203.
7. *Дадаева Т.М., Мотькин В.Н.* Историческая память в финно-угорских семьях мордвы и удмуртов (опыт анализа семейных историй) // Финно-угорский мир. 2019. Т. 11. № 4. С. 414–436.
8. *Иванова С.Ю.* Семья как сфера формирования патриотических установок молодежи и сохранения исторической памяти // Гуманитарные и юридические исследования. 2014. № 2. С. 129–134.
9. *Тишкова Е.А.* Историческая память и российская идентичность. М.: РАН, 2018. 356 с.
10. *Кулиш В.В.* К характеристике исторической памяти учащейся молодежи // Образование и общество. 2012. № 3 (50). С. 42–46.
11. *Ле Гофф Ж.* История и память. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. 303 с.
12. *Нора П.* Франция – память. – Спб: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1999. 328 с.
13. *Омельченко Е.Л., Андреева Ю.В.* Что остается в семейной истории: память о советском сквозь разговор трех поколений // Социологические исследования. 2017. № 11. С. 147–156.

14. *Покида А.Н., Зыбуновская Н.В.* Динамика исторической памяти в российском обществе (по результатам социологического мониторинга) // Социологические исследования. 2016. № 3. С. 98–107.
15. *Положенцева И.В., Кащенко Т.Л.* Феномен исторической памяти и актуализация личной исторической памяти студентов // Власть. 2014. № 12. С. 42–46.
16. *Путятина Т.П.* Формирование исторического сознания школьной молодежи в условиях трансформации российского общества: автореф. диссертации кандидата социологических наук. Москва, 2017. 23 с.
17. *Рикер П.* Память, история, забвение. Москва: Издательство гуманитарной литературы, 2004. 725 с.
18. *Саралиева З.Х., Балабанов С.С., Куконков П.И.* Историческая память поколений / Россия реформирующаяся: Ежегодник – 2010. Вып. 9. М.: Новый Хронограф. 2010. С. 325–338.
19. *Тощенко Ж.Т.* Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000. № 4. С. 3–15.
20. *Филоненко В.И., Штомпель Л.А., Штомпель О.М.* Культурные аспекты исторической памяти российских студентов // Власть. 2016. Том 24. № 9. С. 155–163.
21. *Хальбвакс М.* Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3. С. 8–28.
22. *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти. Москва: Новое издательство, 2007. 348 с.

МНОГОДЕТНАЯ ЖЕНЩИНА БАШКОРТОСТАНА

Идрисова Л.Ш.
Институт стратегических исследований Республики Башкортостан,
Россия, г. Уфа

Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Центра исследования социального развития и формирования человеческого капитала ГАНУ ИСИ РБ за 2020 г.

Аннотация. В статье предоставлен материал на основе социологического исследования, на основе которого был составлен социальный портрет многодетной женщины Республики Башкортостан. Рассмотрена сфера труда многодетной женщины, некоторые ценностные ориентиры.

Ключевые слова: семья, многодетная женщина, социальный портрет, республика.

Исследований, посвященным многодетным семьям, в российской науке немного. Исследования, посвященные семейной проблематике, охватывают в целом категорию семей с детьми. В данной статье отразились некоторые результаты социологических исследований, которые были проанализированы в отношении многодетных женщин республики. На основе этих данных был составлен социальный портрет современной городской многодетной женщины Республики Башкортостан [2]. Из общей выборки были отобраны многодетные женщины, имеющие трех и более детей (в том числе имеющие детей младше 18 лет). Мы даем себе отчет в том, что рассматривать социальный портрет многодетной женщины в рамках региона не совсем целесообразно, учитывая совершенно разные условия и возможности занятости, образа жизни города и села, но для целостной картины данного анализа и сравнительного анализа в разрезе регионов это бы представляло интерес.

Многодетная мать – активная участница экономики. Несмотря на соответствующую ей нагрузку, как в финансовом плане (много детей – надо больше денег на их обеспечение), так и физическую и эмоциональную, многодетные мамы включены в трудовую занятость. Так, по данным опроса 2019 г. 56,8% многодетных мам, имеющих трех и более детей

(и имеющие детей до 18 лет), работают по найму. Большая их часть (25%) представлена в сфере образования. 33,9% заняты в должности специалиста без руководящих функций, 28,8% – преимущественно физическим трудом. На вопрос о том, сменили бы они место работы, если бы у них появилась возможность это сделать, большая часть – четверть респондентов (25%) ответили, что скорее всего сменили бы место работы. Но это показатель незначительно отстает от числа тех, кто указал, что не сменил бы место работы. Таких – 23,3% (см. Табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос:
«Если бы у Вас появилась возможность сменить место работы, как бы Вы поступили?», %

	однодетные	**двухдетные**	**многодетные (от 3-х и более)**
Сменил бы место работы не раздумывая	17,8	12,9	13,3
Скорее всего, сменил бы работу	33,7	28,8	25,0
Скорее всего, не сменил бы работу	19,8	17,6	18,3
Нет, не сменил бы работу	16,8	24,1	23,3
отношениями с коллективом	11,9	16,5	20,0
Итого	100,0	100,0	100,0

Однако следующий вопрос – «Планируете ли Вы в ближайшие один-два года сменить место работы» показывает, что большая часть респондентов не планирует сменить место работы (68,3%). Среди одно-двухдетных этот показатель ненамного, но ниже. То есть для многодетных мам стабильность работы является более важным фактором в оценке своего экономического «самочувствия» несмотря на то, что больше половины матерей (55,2%) не довольна зарплатой. Скорее довольных зарплатой среди многодетных в процентном сравнении с одно-двухдетными – меньше. И заметно меньше многодетных работающих матерей (6,7%) планируют поменять работу в своем городе/селе, чем матери с одним, двумя детьми (23,0 и 14,0% соответственно). Интересен факт, что условиями труда скорее довольны многодетные работающие мамы (75,4%), по сравнению с теми, у которых 1 или два ребенка (59,4 и 66,7% соответственно), и скорее недовольных среди них, наоборот, меньше (17,5% против 32,7 и 26,2% соответственно) (см. Табл. 2).

Таким образом, несмотря на то, что большинство многодетных женщин недовольны заработной платой, другие факторы – как хороший коллектив, обязанности и др. – являются сдерживающими относительно того, что респонденты не планируют поменять работу в ближайшее время и среди многодетных меньше тех, кто при появлении возможности сменил бы место работы, чем среди одно- , двухдетных.

Рассмотрим, насколько многодетные мамы включены в предпринимательскую деятельность. По данным пороса, 8,6% многодетных матерей имеют собственное дело. Занятость в собственном деле ниже у других рассматриваемых категорий матерей (3,5 однодетных матерей, 5,6% –двухдетных матерей). 2,5% – работает на себя, в ЛПХ, на дому и т.п. Как видно, доли занятых на себя – больше среди многодетных. Это вполне объяснимо, и доказывает факт выбора самостоятельного регулирования рабочего времени в пользу родительских обязанностей в связи с большей нагрузкой и появлением новых, дополнительных забот с появлением третьего и последующих детей.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос:
«Вы скорее довольны или скорее не довольны своей нынешней работой, ее отдельными сторонами?», %

	Скорее доволен	**Скорее недоволен**	**з/о**	**Доля, %**
зарплатой	36,2	55,2	8,6	100
условиями труда	75,4	17,6	7,0	100
содержанием работы, обязанностями	82,5	12,3	5,3	100
занимаемой должностью	75,4	19,3	5,3	100
отношениями с коллективом	87,9	5,2	6,9	100
отношениями с руководством	81,8	12,7	5,5	100
работой в целом	76,8	14,3	8,9	100

В будущем хотели бы иметь свое дело 21,3% опрошенных многодетных женщин. Таким образом, среди многодетных больше тех, у кого уже есть собственное дело, но их меньше среди тех, кто в будущем хотел бы открыть свое дело. Исследование показывает, что тех, кто в будущем хотел бы иметь свое дело, среди однодетных больше.

Более половины многодетных (60%) не имеют и не хотели бы открывать свое дело. Личный доход в среднем за месяц у них составляет от 10 до 15 тысяч рублей, а общий семейный доход – от 30 до 40 тыс. Описывают они свое материальное положение как «денег хватает на одежду и питание, но покупка бытовой техники, мебели вызывает затруднения» и считают, что их материальное положение в течение ближайшего года не изменится. 63,3% многодетных проживают в доме (одно и двухдетные – большинство в квартире). Образование большинства многодетных – среднее профессиональное (37,5%). В высшем образовании она представлены меньше, чем одно- и двухдетные.

Большая часть многодетных (83,3%) – это женщины, состоящие в первом зарегистрированном браке. В соотношении с одно- и двухдетными этот показатель ниже (60 и 68,9% соответственно).

Таким образом, многодетные замужние женщины – показывают наиболее высокие результаты в плане стабильности семейных отношений. Среди многодетных больше состоящих в официальном браке. Состоящих в повторном зарегистрированном браке среди них значительно меньше (8,3%) по сравнению с двухдетными женщинами, состоящими в повторном зарегистрированном браке (12,3%).

По данным опроса на многодетность не влияет отношение к вере. Так, среди одно, двух- и многодетных женщин ответ «верующие, но не соблюдающие религиозные обряды» с наибольшим показателем был дан однодетными.

Обобщенно: в Республике Башкортостан многодетная женщина – это женщина от 43 лет, со средним профессиональным образованием, находящаяся в официально зарегистрированном браке, работающая по найму преимущественно в сфере образования специалистом без руководящих функций, проживающая в частном доме, со средним личным доходом от 10 до 15 тысяч рублей. Она позиционирует себя как «скорее счастлива» и скорее уверена в будущем, чем нет.

Итак, семья – это неотъемлемая ячейка общества, а многодетная семья это та «необходимая» ниша в обществе, которая в определенной степени восполняет демографические пробелы и предопределяет дальнейшее развитие демографии, экономики. Многодетные семьи – показатель благоприятного экономического климата страны, его стабильного развития и чем больше многодетных семей у нас будет, тем будет успешнее государство.

Литература

1. *Солодников В.В.* Российские социологические и психологические исследования семьи в XXI веке: мета-анализ // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 6. С. 269–332.
2. Социологическое исследование «Проблемы социально-демографического и социально-экономического развития Республики Башкортостан», 2019 г. Выборка 1000 человек. Опрашивалось население от 18 до 70 лет.

ДИСФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ ИНСТИТУТА СЕМЬИ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ КЫРГЫЗСКОГО ОБЩЕСТВА

Исманова Н.А.

Кыргызский государственный университет им. И. Арабаева, Киргизия, г. Бишкек

Аннотация. Интерес к изучению статуса кыргызской семьи на современном этапе вызван нестабильной ситуацией в обществе. Социальные испытания, выпавшие на долю современной кыргызской семьи на рубеже XX – XXI веков к традиционным функциям воспроизводства, социализации и воспитания детей внесли дополнительные обязанности по обеспечению социальных прав и самореализации ее членов. Социально-экономический кризис общества, привлекший рыночные отношения, безработицу, миграцию и бедность, повлиял на потребности членов семьи. Изменение потребностей современного кыргызского социума стало причиной изменения традиционных семейных ценностей, мобильности семейно-брачных отношений, роста распада семей, развития культа малодетности, продления брачного и репродуктивного возраста, что привело к дисфункциональности института кыргызской семьи. Трансформация функций семьи, обусловленная повышением требований к молодой семье(сельской, городской) повлекла за собой социальные риски, которые негативно повлияли на целостность семьи, структуру семейно-брачных отношений, статус семьи. Следует отметить, что мобилизация внутренних возможностей семьи для выживания в условиях экономического кризиса, предпочтение материального благосостояния духовным ценностям стала главным фактором снижения ценности семьи и расслабления статуса родительства. Семья- это единственный, исторически обусловленный, устойчивый институт кыргызского социума, способный противостоять разрушающим, дистабилизирующим ситуациям общества. Натиск системных изменений социума и рыночных уставных положений можно сдержать путем целенаправленного качественного становления социального потенциала семьи, молодежи и эффективной семейной политики государства.

Потенциальные возможности кыргызской семьи и готовых к семейным отношениям родителей в состоянии противостоять смене традиционных ценностных качеств молодого поколения на индивидуалистические взгляды нового времени. Пошаговая системная подготовка личности к родительству, семейно-брачным отношениям в семье, в школе, в ВУЗе, в обществе, будет способствовать укреплению института семьи, формированию педагогического профессионализма и социальной ответственности родителей, качественной социализации личности, экономической устойчивости семьи в условиях кризиса, развитию культа благополучных семей, укреплению статуса семьи как социальной общности, так и стабилизации общества в целом.

Ключевые слова: институт семьи, социализация, трансформация, дисфункция семьи, социальные риски, социальный потенциал, мобильность семейно-брачных отношений, тенденция ослабевания, устойчивость семьи, государственная семейная политика.

Интерес к изучению статуса кыргызской семьи на современном этапе вызван нестабильной ситуацией в обществе. Социально-экономический кризис общества, привлекший рыночные отношения, безработицу, миграцию и бедность, повлиял на потребности членов семьи. Изменение потребностей современного кыргызского социума стало причиной изменения традиционных ценностей семьи, существует тенденция значимых структурных и качественных изменений нравственных мировоззрений, особенно в среде молодого поколения. Социальные испытания, выпавшие на долю современной кыргызской семьи в постсоветский период своего развития, к традиционным функциям воспроизводства, социализации и воспитания детей внесли дополнительные обязанности по обеспечению социальных прав и самореализации ее членов. Результатом социальной и экономической трансформации систем кыргызского социума вылилась смена традиционных общественных ценностей советского времени и на основе этого произошла переоценка ценностных мировоззрений самих кыргызов. Наиболее значимыми считаются изменения ценности семейно-брачных отношений, в особенности смена духовности на прагматизм и индивидуальность личности. Личность на протяжении всей своей жизнедеятельности подвергается социализации - в семье, школе, в детском саду, в вузе, в армии, на производстве, в обществе.

Ценностный потенциал кыргызской семьи заключается в первичной социализации личности в демографическом, этническом, экономическом, информационном, экологическом, духовном, гендерном плане. Процесс социализация личности в современном кыргызском обществе протекает в условиях изменения потребностей личности, переоценки традиционных общественных ценностей, в условиях адаптации к рыночным отношениям, к трудовой миграции, к новым формам социальных связей, к мобильности семейных отношений, что заметно повлияло на состояние статуса института семьи, вызывая кризисные ситуации, снижение ценности роли отца и матери, падение значимости семьи в целом. Следует отметить, что мобилизация внутренних возможностей семьи для выживания в условиях экономического кризиса, предпочтение материального благосостояния духовным ценностям стала главным фактором снижения ценности семьи и расслабление статуса родительства [4, 5]. По данным анализа Национального института стратегических исследований КР (2010–2015) за пять лет уровень бедности кыргызского населения колеблется, доля бедного населения существенно разнится по регионам, наибольшая доля бедных проживает в сельской местности (Баткен, Джалал-Абад, Ош) нежели в городской. Согласно данным за 2017 г. категория бедных граждан составляла 25,6% или 1,6 млн. кыргызстанцев, из которых 41 тыс. проживала за чертой бедности. И большинство из них – это (72%) жители сельской местности [6]. В истории развития кыргызского социума общественные роли членов семьи всегда регулировались законами, нормами, народными обычаями и нравами, которые считались образцом поведения семейных отношений традиционной семьи. В начале брачных отношений мужчина и женщина выступают в роли супругов и выполняют свои функции- это функции социальных и сексуальных партнеров. С появлением детей к ним прибавляются роли родителей-матери, отца, опекунов и воспитателей. Для ребенка семья- это общественное пространство, где строятся условия его физического, психического, экономического, интеллектуального, гендерного и этнического развития. С взрослением ребенка отец и мать, как и положено, начинают выполнять роль профессионального наставника и советника по жизненно-важным вопросам, приобщая его к трудовой деятельности.

Учеными установлено, что пол - первая категория, в которой ребенок осмысляет себя как индивидуальность. Следует отметить, что кыргызская семья всегда вносила свой вклад в становлении психологического пола ребенка(женский, мужской), включающая определенный набор черт характера, поведения и установок, подтверждающих гендерную идентичность личности. Целенаправленное воспитание детей с раннего детства, направленное на формирование половой принадлежности ребенка, мальчику- мужское, девочке-женское воспитание, формирует их половое самосознание, сексуальную ориентацию, дает положительную мотивацию на будущую жизнь личности. Необходимость пошаговой системной подготовки, как мальчиков, так и девочек к ответственному родительству предполагает по-

лоролевую ориентацию: девочка-будущая женщина, мама, тетя, бабушка, а мальчик-будущий мужчина, папа, дядя, дедушка и т.д. Такой характер воспитания мы наблюдаем и в кыргызской семье.

Таблица 1

Противоречия социальных явлений кыргызского общества

Традиционные явления: -авторитаризм; -семейное управление, управление традициями и обычаями; - преобладание аграрного уклада жизни; -стабильность структуры; -сословная организация; -зависимость женщины; -мужчина-глава и кормилец семьи, женщина-хранительница семейного очага; -коллективизм; -низкая мобильность; -традиционный человек воспринимает мир и заведенный порядок жизни как нечто неразрывно-целостное, священное и не подлежащее изменению; -место человека в обществе и его статус определяются традицией и социальным происхождением; -преобладание защитной функции семьи.		**Инновационные явления:** -крушение традиционных семейных отношений; -предпочтение материального благосостояния духовным ценностям; -мобильность, свобода и индивидуализация личности, -политическая и экономическая независимость женщин; -обеспечение социальных прав и самореализации молодежи; -эгалитарные семейные отношения; -смена статуса «кормильца» в семье; -потеря преемственности духовных ценностей поколений, ослабление контроля, защитных функций семьи; -динамика семейных отношений, ослабление посреднической роли семьи; -продление брачного и репродуктивного возраста; -мотивация развития образования, карьерного роста, развития бизнеса; -резкая смена статуса, статус определяется социальным и материальным положением.

Как общественное явление общество попадало под влияние внешних воздействий. На каждом этапе развития социума происходила переоценка семейных ценностей, которая в результате приводила к изживанию одних и становлению других функций семьи, соответственно с изменением функций менялись и социальные роли личности, обострялись конфликтные ситуации, что приводило к дисфункциональности (нарушения) отношений в семье. В свою очередь эти кризисные явления оказывали влияние на качество социализации личности. От эффективности социализации человека зависит и дальнейшее развитие общества. В силу определённых причин кыргызская семья обеднела по своим социальным целям. Вынужденно приспосабливаясь к социальным условиям современности, она стала практичнее. Сегодня она не в состоянии полноценно выполнять свои социальные функции: репродуктивная, воспитательная, коммуникативная, духовно-нравственная, социально-статусная, экономическая, социализации, культурного наследия и т.д. Это привело семью к потере психолого-педагогической культуры и социального контроля, тем самым, определив социальный уровень и статус современного института семьи.

Наука социология изучает личность с точки зрения исполнителя социальной роли, а семейную группу видит на трех уровнях: 1) как социальный институт; 2) как малая группа – семья; 3) как личность, где семья выступает как пространство жизнедеятельности, которое призвано удовлетворять необходимые потребности индивида; Особое значение придается результативности жизнедеятельности семьи как социального института, который реализует требуемые для общества функции по воспроизводству и социализации молодого поколения, социальной мотивации к семейному образу жизни, вступлению в брак и обзаведению детьми.

Особый интерес уделяется изучению посреднической роли семьи между интересами человека и общества. Тенденция институциональной дисфункциональности объясняется нарастающими противоречиями между традиционными и инновационными социальными явлениями кыргызского общества, которые ведут к смене биологических, физических, эмоционально-психологических, экономических потребностей личности и т.д. (см. в табл. 1.).

Исследования ученых показали, что институт семьи с одной стороны- это отражение стабильности и преемственности социальных отношений, с другой стороны- стремительные социальные изменения и дезорганизация на различных уровнях общества, что приводит к ряду негативных социальных последствий – распад семьи, появление нетрадиционных моделей семейных отношений, ослабление социальных институтов (семьи, материнства, отцовста, родительства, брака), ослабление защитных функций семьи, ослабление функции социального контроля, ослабление социально-статусной функции, функции передачи опыта культурного наследия поколениям, продление брачного и репродуктивного возраста, рост количества семей и детей в трудной жизненной ситуации, свобода и индивидуализация личности.

Современные социально-экономические условия кыргызского общества, порождающие дисфункциональность семьи, несут за собой свои характерные социальные риски для семьи и личности в целом. В данном случае безработица, отъезд отца или мамы в миграцию, отъезд молодежи, болезнь, утеря кормильца, продление брачного и репродуктивного возраста, распад семьи, девиантное поведение (наркомания, алкоголизм, преступность и др.), тенденция положения семей и детей в трудной жизненной ситуации, нарушение баланса трудового населения внутри страны и т.д. В социологии выделяют ряд социальных рисков, порожденных кризисом общественных явлений (экономические, физиологические, производственные, демографические, социальные).Такие явления мы наблюдаем и в кыргызском социуме, которые негативно влияют на стабильность семьи и личности (см. в табл.2.).

Таблица 2

Виды рисков современного кыргызского общества

№	Риски	Причина
1.	Экономические	Безработица, утеря кормильца
2.	Физиологические	Рождение, старость, смертность, беременность, роды, утрата трудоспособности
3.	Производственные	Трудовые увечья, профессиональные заболевания
4.	Демографические	Малодетность, неполная семья, социальное сиротство, миграция, позднее рождение детей
5.	Социальные	Распад семьи, изменение семейного и общественного положения, изменение рода занятий, тенденция семейного насилия, безнадзорность детей, продление брачного и репродуктивного возраста

По данным НСТ КР в 2016 году было заключено 47 тыс. 837 браков, что на 8% ниже показателя 2015 года (52 тыс. 43 брака). Показатель разводов за этот период составил 9 тыс. 102 и вырос на 5,9%. Следует отметить, что около трети распада семей приходится на пары, состоявшие в браке менее 5 лет, и их доля в общем числе разводов ежегодно увеличивается. Растет показатель раннего вступления в брак в возрасте от 15 до 19 лет (13,9%). А это – почти каждая седьмая девушка. Около трети новорожденных в Кыргызстане появились на свет у женщин, не состоящих в официальном браке. Что касается общих показателей (на конец 2018 года население составило 6 млн. 294587 человек. Родившихся: 167 786 человек. Умерших: 39 811 человек) за последние 15 лет число ежегодно регистрируемых в органах ЗАГС браков увеличилось в 2,2 раза, количество разводов выросло в 1,6 раза. Следовательно, можно сделать выводы, что в Кыргызстане отмечена резкая динамика брачных отношений и на сегодня в стране распадается каждый шестой брак [6].

По данным анализа Национального института стратегических исследований КР за 2017 г. категория бедных граждан составляла 25,6% или 1,6 млн. кыргызстанцев, из которых 41 тыс. проживала за чертой бедности. И большинство из них – это (72%) жители сельской местности. По данным Государственной службы миграции при правительстве КР около 700 000 граждан Кыргызстана работают за пределами страны, при общей численности населения более 6 млн 140 тыс. человек и причем около 40% мигрантов составляют женщины. На сегодня структура потока трудовой миграции составляет: Россия – 81%, Казахстан – 16%, ЕС – 6% , Азия – 3%,Северная Америка – 1%. Аналитический отчет об исследованиях мигрантов показал, что семейный статус трудовых мигрантов на сегодня составил: женаты или замужем (56%), не женаты и не замужем (32%), в гражданском браке (3%), разведены (6%), вдовцы или вдовы (3%). Основными причинами отъезда из Кыргызстана стали: получить качественное образование (39%), трудоустройство-бизнес (38%), брак (7%), воссоединение с семьей (5,6%), политические мотивы (5,6%) [2].

Бесконтрольная миграция населения внутри страны приводит к появлению межрегиональных, внутриэтнических и межклановых противоречий. Значительная масса трудовых мигрантов оседает в областных центрах Бишкек, Ош, Джалал-Абад. На период с 1991 по 2000 годы на межобластные передвижения приходилось 58%, а на внутриобластные – 42% населения страны. Сравнительно высокий показатель межобластной миграции приходится в Нарынской (82%), Баткенской (72%) областях Кыргызстана. Соответственно наибольший удельный вес на внутриобластную миграцию (63–70%) приходится в Ошской и Джалал-Абадской областях. В обмене граждан внутри страны в последнее время приток населения происходил за счет жителей села, особенно отмечен выезд граждан высокогорных районов. Тем самым сельская местность страны теряет наиболее активную, образованную, работоспособную часть населения, которая приводит к изменению и ее социальной и профессионально-квалифицированной и этнической структуры. В южных регионах страны сложилась тенденция превалирования людей пенсионного возраста, детей дошкольного и школьного возраста и студентов, то есть те, которые не могут заниматься активным трудом. Официальное число безработного населения в 2013 году составляло 42,5%. В последующие годы этот показатель вырос. По данным Министерства труда и социального развития Кыргызстана за 1 апреля 2018 года показатель экономически активного населения Кыргызстана составил: количество работающих – 2 363 700 человек, трудовых мигрантов-640 000 человек, безработных – 183700 человек [1] (см. в диагр.1).

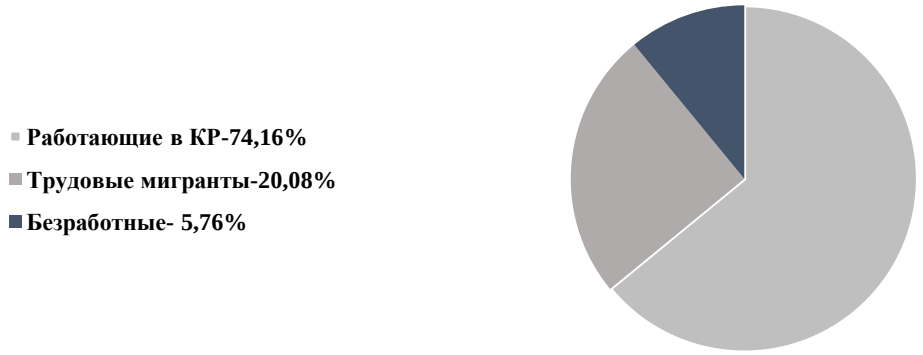


Рис. 1. Показатель экономически активного населения Кыргызстана.

Отсюда выводы, что массовый, одновременный выезд граждан репродуктивного и активного трудового возраста за пределы республики приведет к упадку демографического, трудового и интеллектуального потенциала страны. А внутренняя миграция, где в основном граждане кыргызской национальности, приводит к нарушению трудового баланса села, что приводит к падению ее социальной и профессионально-квалифицированной

и этнической структуры. Сложившаяся ситуация в кыргызской социуме вокруг дисфункциональности семьи и общества в целом, приводит к потере контроля над соблюдением традиционных семейных обязанностей, мобильности семейно-брачных отношений, к ослаблению социальной ответственности членов семьи. Традиционное лидерство в семье и статус кормильца заметно переходит от отца к добытчикам благосостояния независимо от пола и возраста. Молодежь не торопиться создавать семью. Среди них появилось понятие новой модели семейных отношений, их не пугает позднее рождение ребенка, развод, жизнь без семьи. Отмечается рост числа родов у женщин добрачного возраста. Намечается четкая тенденция увеличения гражданских браков и внебрачной рождаемости. Так, в 1992 году внебрачные дети составляли 13% от общего количества, сегодня эта цифра увеличилась до 32% (2019 г.).

Заметно продлевается брачный возраст и возраст рождения ребенка. Если раньше приемлемым считался брачный возраст 22–25 лет, то в настоящее время этот возраст продлился до 30 лет. Анализ пятилетнего исследования брачного возраста жителей страны (2011–2015 г.) показал, что средний возраст вступления в брак среди женщин составил 24 года и среди мужчин 27,8 лет. Анализ проведенного выборочного интервью: «Причина свободных брачных отношений» среди сельской и городской молодежи в Чуйской области в возрасте 25-35 лет (15 сельских и 15 городских жителей) дал следующие показатели: а) желание проверить прочность отношений выступили 38% городских и 52% сельских; б) стремление избежать ответственности выступили – 29% городских и 18% сельских; в) отсутствие моральных принципов показали – 11% городских и 12% сельских; г) из-за экономического удобства – 6% городских и 9% сельских; Это еще раз свидетельствует об опасениях молодежи ожидаемых социальных рисков и ответственности за совершенное. Причем больше со стороны сельских жителей нежели городских [9].

Тенденция ослабевания социального статуса института кыргызской семьи на современном этапе влечет за собой неблагоприятные последствия, которые явно влияют на социально-демографический, экономический уровень страны, стабильность общества и рейтинг государства на мировом уровне. Все это заметно отражается на семье, на стабильности общества в целом. Этот вопрос требует к себе особого внимания общества и государства в целом и принятия неотложных мер по стабилизации сложившейся ситуации в стране.

Анализ выборочного опроса, проведенного нами в 2017 году « для чего нужна семья человеку?» 46,8% респондентов отметили «для подготовки в жизнь», 31,6% отметили «для продолжения рода», 14,8% «для материальной поддержки» и 6,8% отметили «можно жить без семьи» (см.диагр.2).

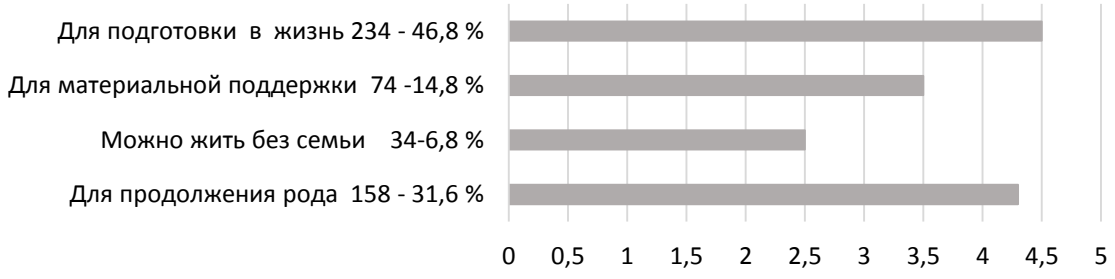


Рис. 2. Анализ выборочного опроса «для чего нужна семья человеку?»

На вопрос «какой возраст лучший для вступления в брак, создания семьи и заведения ребенка?» 330 – 66% респондентов отметили (25–30 лет), 78 – 15,6% отметили (20–25 лет), 60 – 12% отметили (17–20 лет) и 32 – 6,4% отметили любой допустимый возраст. На вопрос: «какие ценности вы предпочитаете на первых порах?» 190 – 38% респондентов отметили образование и карьера, 140 – 28% респондентов отметили заведение семьи и рождение ре-

бенка, 70 – 14% отметили бизнес и благосостояние, 45 – 8,6% – социальные связи и отношения, 55 – 11,4% – отметили почитание религии. Это свидетельствует о том, что семья в кыргызском социуме все еще является основной, важной, устойчивой формой социальных отношений. Все еще есть место традиционным духовным ценностям. Семья – это биологическая, социальная и физическая необходимость, но из-за определенных социально-экономических причин (бедность, безработица, миграция и т.д.) среди населения возникла тенденция прагматизма и приспособления к современным условиям, продление брачного и репродуктивного возраста с целью получения образования, повышение карьеры и укрепления материального благополучия стали характерными явлениями общества. И оценка значимости семьи респондентами дана в зависимости от их социального потенциала [10].

Исследователями определено умение кыргызской семьи приспосабливаться к новым реформам социальной и экономической сферы общества, но в то же время и отсутствие ее адаптированности к общественным процессам, которые определяют исполнение семьей жизнезащищающей функции, социокультурного и социального контроля, что приводит к ослаблению устойчивости кыргызской семьи на современном этапе. Следует сделать выводы, что ценность семейной идеологии кыргызского социума заключается в привитии высокой социальной мотивации на создание семьи, стремлении к успешности и стабильности супружеских отношений, создать, укрепить и сохранить семью в основе любви. Мотивация вступления в брак сохраняет преемственность с предыдущими поколениями. Благополучие семьи непосредственно связано со степенью социального потенциала и социальной ответственности родителей. Трансформация функций семьи, обусловленная повышением требований к молодой семье, привлекла за собой социальные риски, которые негативно повлияли на целостность семьи и структуру семейно-брачных отношений.

Кыргызская семья — основной источник социального, экономического и культурного развития кыргызского социума, единственный, исторически обусловленный, устойчивый институт, способный противостоять разрушающим, дистабилизирующим ситуациям общества. Натиск системных изменений социума и рыночных уставных положений можно сдержать путем целенаправленного качественного становления нравственного потенциала и самозащиты молодежи и эффективной семейной политики государства. Следует заметить, что индекс выживаемости семьи целиком и полностью зависим от репродуктивного, экономического, образовательного, демографического, культурного, духовно-нравственного, социально-экономического потенциала семьи, позитивной мобильности и нравственного потенциала молодого поколения и социальной поддержки государства. Для преодоления кризисных явлений кыргызского общества стоит необходимость совершенствования стратегии семейной политики государства, разработка программ духовно-нравственного воспитания молодого поколения, социальной поддержки молодым семьям.

Стратегия развития семейной политики современного кыргызского общества предусматривает следующее: «Семья как важнейший социальный институт будет развиваться, обогащая семейные, духовные и культурные ценности, и в то же время позволит сохранить национальную идентичность, преемственность поколений и гражданственность. Учитывая существующие проблемы современной семьи, в Кыргызстане необходимо в корне пересмотреть концептуальные основы семейной политики. Функция воспитания должна вернуться в семью, став важной частью подготовки детей к вхождению в социальную, экономическую, культурную жизнь общества». (стр.24 из150) [7]. Потенциальные возможности кыргызской семьи и готовых к семейным отношениям родителей в состоянии противостоять смене традиционных ценностных качеств молодого поколения на индивидуалистические взгляды нового времени. Система ценностей семьи может способствовать полноценному нравственному формированию молодежи, привитию им чувства социальной ответственности личности, воспитанию их как истинных граждан и патриотов родины.

Системная подготовка личности к родительству, семейно-брачным отношениям в семье, в школе, в ВУЗе, в обществе, будет способствовать укреплению института семьи, формированию педагогического профессионализма и социальной ответственности родите-

лей, качественной социализации личности, экономической устойчивости семьи в условиях кризиса, развитию культа благополучных семей, укреплению статуса семьи как социальной общности, так и стабилизации общества в целом. Социальное партнерство государственных структур, МСУ и гражданского общества является гарантом эффективной реализации семейной политики государства.

Литература

1. Демографический ежегодник Кыргызской республики: 2008–2012. Бишкек: Нацстатком Кыргызской Респулики, 2013. 319 с.
2. *Есеналиева Б.Б.* Влияние миграционных процессов на демографическую ситуацию Кыргызской Республики // Материалы Международной научно-практической конференции. – Бишкек, 2001. С. 48–50.
3. *Жээнбаева Ж.И.* Картирование диаспор кыргызстанцев и экспертного ростера соотечественников за рубежом // Аналитический отчет об исследовании. 2015. С. 16–18.
4. *Исманова Н.А.* Перспективы развития статуса института семьи в современном кыргызском обществе // Научный журнал Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана». 2017. № 3. С. 145–153
5. *Исманова Н.А.* Роль института семьи в социализации личности в современном кыргызском обществе // Web of Scholar. 2017. № 3. С. 141–149.
6. Кыргызстан. Расширенный миграционный профиль (2010–2015). Бишкек, 2016. 118 с.
7. Указ Президента КР от 31 октября 2018 года УП № 221 «О Национальной стратегии развития Кыргызской Республики на 2018–2040 годы».
8. Программа развития ООН «О развитии человеческого потенциала». URL: http://go.mail.ru/ redir?src=3bde1e&via_page=1&oqid=77 (Дата обращения: 08.03.2020).
9. Социально-экономическое положение Кыргызской Республики. Бишкек: Национальный статистический комитет Кыргызской Республики, 2018. 156 с.
10. Социальный статус института семьи в современном кыргызском обществе // Социологические исслед. 2017. № 2. С. 19.

СЕМЬЯ И ЕЁ ПРОБЛЕМЫ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Муталова Д.А., Олейник Е.В.

Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, Россия, г. Магнитогорск

Аннотация. В данной статье проанализировано понятие семьи. Рассмотрены кризисная и эволюционная модели структурных изменений семьи. Представлена концепция экономической трансформации семьи. А так же изучены тенденции и типология семейно-брачных отношений.

Ключевые слова: семья, модель, кризис, эволюция, экономика, изменения, трансформация.

Институт семьи, несомненно, играет значимую роль в системах воспроизведения и обеспечения основных потребностей общества в процессе интеграции людей в социальную систему, их нравственного и физического самочувствия и самореализации в будущем. Изменения, произошедшие в семье в современном обществе, вызывают бурные споры среди учёных и исследователей, которые изучают этот социальный институт. Социальная трансформация семьи очевидно уже оказывает немаловажное влияние на демографию мира. В ходе этого специалисты отмечают такие явления, как: низкая рождаемость и повышенная смертность, возрастает количество неблагополучных и неполных семей, сиротство, жестокое обращение и насилие в семье, рост разводов, снижение уровня здоровья населения [1, с. 47].

Семья является одним из самых древних социальных институтов. Именно в семье удовлетворяется так много человеческих и общественных потребностей. И именно этот социальный институт накладывает отпечаток на развитие каждого человека.

Существует достаточно много определений семьи. Например, американский социолог Дж. Масионис говорил, что семья является социальным институтом, который объединял людей в группы для того, чтобы они смогли растить и воспитывать детей.

А польский социолог Я. Щепаньский, рассматривающий семью как особую малую социальную группу писал: «Семья – это группа, состоящая из лиц, связанных отношениями супружества и отношениями между родителями и детьми».

Однако наиболее полное и правильное определение даёт нам советский социолог А.Г. Харчев. Он определял семью как – исторически-конкретную систему взаимоотношений между супругами, между родителями и детьми, как малую социальную группу, члены которой связаны брачными или родственными отношениями, общностью быта и взаимной и моральной ответственностью и социальная необходимость которой обусловлена потребностью общества в физическом и духовном воспроизводстве населения [2].

Существуют различные типологии семьи. Их рассматривают с точки зрения численности, количества детей и по распределению ролей в семье.

Если рассматривать типологию семейно-брачных отношений с мнения численности, то бывают: расширенная (где живут сразу несколько поколений), нуклеарная (полная семья: родители и дети) и неполная семьи (отсутствует один родитель или дети).

Если же брать во внимание мнение о количестве детей, то различают: бездетные, малодетные, среднедетные и многодетные семьи.

И последняя типология по распределению ролей включает:

– патриархальную,
– матриархальную,
– эгалитарную,
– партнёрскую,
– и автономную семьи [7].

Существует две модели структурных изменений семьи – кризисная и эволюционная.

Представители кризисной модели отмечают резкое изменение социального фона, в котором находится семья. Признаками могут служить: низкий рост рождаемости, насилие и грубое отношение в семье, рост разводов, появление новых форм брачных взаимоотношений (однополые браки и др.), рост внебрачной рождаемости. Согласно официальной статистике начиная с 1950 по 2018 года число разводов ежегодно повышается [3].

Причинами таких явлений учёные считают стереотипы о брачно-семейных отношениях и социокультурных противоречий между традиционными и современными установками.

Эти явления послужили тому, что растёт количество малодетных, где максимум один или два ребёнка и бездетных семей, к росту неполных семей, где часто возникают психологические проблемы.

Суть кризисной модели состоит в том, что кризис семьи выражается в первую очередь в снижении воспитательной функции семьи, которая заключается в передаче родителями своим детям социальных ценностей, признанных в обществе [4, с. 184].

Представители эволюционной модели считают, что те признаки, которые послужили изменению социального фона, где находится семья, являются сменой исторического типа семьи.

Если рассматривать эволюцию семьи, то можно выделить три типа семьи, которые соответствуют стадиям развития общества: традиционная, нуклеарная и постиндустриальная.

Традиционная семья в аграрном обществе характеризуется экономической функцией, которую она выполняла. В этих семьях главой семьи является отец, а жена и дети подчиняются ему. Были жёстко распределены роли, а так же имело место быть, когда под одной крышей жили несколько поколений.

В традиционной семье на первом месте стояла задача обеспечить выживание всех членов семьи, а любовные чувства стояли на последнем месте.

Нуклеарная семья в индустриальном обществе – это семья, состоящая из супругов и их детей. Семья не жила больше со старшим поколением, а так же перестала выполнять экономическую функцию. Люди заключали браки, в первую очередь исходя из любви между мужчиной и женщиной. Стоит отметить, что женщины стали рожать реже, т.к. дети нуждались в дополнительных денежных средствах на своё обучение. К тому же в аграрном обществе дети были рабочими руками в хозяйстве, затем такая необходимость отпала. Теперь семья стала выполнять сексуальную функцию и функцию воспитания детей.

С переходом от индустриального общества к постиндустриальному меняется и сама семья.

Экономическая независимость женщины возрастает в разы, т.к. растёт число универсальных рабочих мест. Отсюда следует, что женщины становятся менее зависимыми от мужчин, что приводит женщин к их раскрепощению во всех смыслах. Следовательно, теряются и жёстко очерченные роли, которые выполняли мужчины и женщины. Это позволило появиться большому количеству неполных семей, а так же динамичных семей [5].

Исходя из всего вышеописанного, можно сделать вывод, что на смену существовавшей веками семьи с обычаями и традициями идёт абсолютно новый тип семьи, который строится на индивидуальности и независимости каждого члена семьи.

Экономические процессы в стране тоже влияют на семью. Ведь основные возможности для выполнения любой семьёй своих основных функций зависят именно от этого. От того, как развивается этот социальный институт зависит, как в количественном соотношении развивается и наше общество. Как родители воспитали и подготовили к жизни своих детей, зависит социально-экономическое воспроизведение страны.

Деятельность любой семьи связана с экономическим характером, с организацией быта и материального обеспечения своих детей и родственников. Исходя из этого, в семье складываются хозяйственно-экономические отношения. В настоящее время в современной России приходится работать обоим родителям, чтобы содержать свою семью, тогда как раньше этим занимался только глава семьи [6].

Таким образом, можно сделать вывод, что семья имеет самые различные проблемы в сферах её жизнедеятельности в ходе трансформаций. Однако не стоит забывать, что семья является гарантией стабильности общества, его процветания. Через этот социальный институт протекают все процессы, протекающие в обществе. Изменения в семье оказывают влияние и на различные сферы жизнедеятельности социума. Если рассматривать с позитивной точки зрения, то семья будет видоизменяться, но никогда не исчезнет, т.к она важна для человечества в целом и каждой личности. Для того чтобы семья развивалась и гармонично трансформировалась необходима передача обществом семейных ценностей. Вместе с тем, смотря в будущее, стоит обратить внимание на «качество» семьи, а не на «количество», поскольку в случае социокультурного кризиса в стране, именно «качество» выведет страну.

Литература

1. *Верещагина А.В.* Трансформация института семьи и демографические процессы в Российском обществе. Автореферат диссертации доктора наук. Ростов-на-Дону, 2009. С. 47.
2. *Савинов Л.И.* Социология семьи // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2005. №1 (5). С. 132–142.
3. Федеральная служба государственной статистики. 2019. Демография. URL: http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (Дата обращения: 12.04.2020).
4. *Сорокина Е.А.* Институт семьи: кризис или трансформация? // Сборник научных трудов по материалам X Международного междисциплинарного форума молодых ученых, 2017. 184 с.

5. Студенческий портал «Studbooks» («Эволюция семьи»). URL: https://studbooks.net/-684909/sotsiologiya/evolyutsiya_semi (Дата обращения: 12.04.2020).
6. *Багомедов М.А. Сулейманов А.М.* Влияние трансформаций в экономике на институт семьи // Вопросы структуризации экономики. 2010. № 4. С. 55–56.
7. Образовательный ресурс «kazedu.kz» Типология семьи и брака. Современные тенденции в развитии семейно–брачных отношений. URL: https://www.kazedu.kz/referat/65606/18 (Дата обращения: 12.04.2020).

СТУДЕНТЫ И ИХ РОДИТЕЛИ: СИМБИОЗ РАЗОБЩЕНИЯ И СОЛИДАРИЗАЦИИ (ПО ИТОГАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ОПРОСОВ НА УРАЛЕ 2010-2019 ГГ.)

Павлов Б.С.[1], Пронина Е.И.[2], Икингрин Е.Н.[2]

Институт экономики УрО РАН,
Россия, г. Екатеринбург

Федеральный социологический центр РАН,
Россия, г. Москва

Аннотация. Статья посвящена раскрытию роли социального института родительской семьи в воспроизводстве общественной жизни, в реализации процесса преемственности поколений россиян. Основные причины устойчивости феноменов общения и разобщения «отцов и детей» показаны на примере родительской семьи студентов. На основе данных ряда конкретных социологических исследований, реализованных авторами в 2012–2019 гг. на Урале и в Поволжье, анализируется ряд причинно-следственных деструкций семейного поведения родителей и их детей в процессе профессиональной социализации последних.

Ключевые слова: родительская семья, «отцы и дети», семейные скрепы, матримониальные конфликты, студенты, социальные риски, сотрудничество, семейная социализация.

В развитии института семьи, в частности, в развитии характера социально-демографического поведения как отдельного индивида, так и семейной группы в целом (как во времени, так и в пространстве), сочетается диалектическое *единство общего, особенного, частного и единичного*. *Общим* для всех семей мирового сообщества является выполнение основополагающей функции – детовоспроизводственной, включающей в себя отношения между поколениями, процесс их преемственности, основанной на, известной всем, трдиционными отношениями «отцов и детей». *Особенное* проявляется в особых условиях развития семей в разных странах и регионах (*к примеру, того же Уральского региона),* на разных континентах, в различных природно-климатических зонах: это условия природно-географические, исторические, этнические, экономические, культурные и т.д. *Частное* связано с особенностями конкретных условий бытия в том или ином городе, поселении, в той или иной социальной группе *(например, семьи рабочих промышленных предприятий, и семьи научных работников на Урале)*. И, наконец, *единичное* как проявление неповторимости индивидуальной (конкретной) семьи Ивновых, Петровых и т.д., с неповторимой историей их образования и развития, особенностями психологических складов членов семьи, их физическим и психическим здоровьем, трудовыми биографиями, ценностными ориентациями, склонностями, мотивационными предпочтениями и т.д.

Можно с уверенностью утверждать, что особую актуальность представляют аспекты поведения семейной группы, связанной как с процессом производства и воспроизводства непосредственной жизни, т.н. классиками «производство третьего рода» [1, Т. 3, с. 24]. При этом семья, семейные отношения не есть чисто личные, групповые отношения, ибо «производство жизни – как собственной, посредством труда, так и чужой,

посредством рождения - появляется сразу в качестве двоякого отношения: с одной стороны, в качестве естественного, а с другой - в качестве общественного отношения» [1, Т. 3, с. 28].

Важной компонентой процесса непосредственного производства и воспроизводства нового человека, формирование личности является феномен «преемственности поколений», основанный на ***перманентном общении отцов и детей***, в процессе социализации последних. В нашем случае речь идёт о процессе профессиональной социализации студентов и влияние на этот процесс их родителей, родительских семей, близких родственников.

Для эмпирического подтверждения своих выводов и предложений авторы используют результаты ряда комплексных региональных исследований по проблемам отношений поколений «отцов и детей» в уральских семьях, проведённых в 1999–2017 гг. в Институте экономики УрО РАН под научным руководством и с личным участием авторов статьи, в частности:

– ***2010 г.*** опрос 630 студентов старших курсов Уральского государственного университета (УГТУ-УПИ) на технических и гуманитарных факультетах. Предмет исследования – уровень и характер причастности молодых людей к религиозной культуре – ***«Урал-ВУЗ-2010»;***

– ***2012 г.*** – *в* процессе работы над проблемой анализа ресурсов инновационного развития высшего профессионального образования территории было проведено комплексное социологическое исследование, включавшее анкетные опросы по квотно-репрезентативной выборке представителей 4-х групп респондентов – субъектов процесса воспроизводства кадров специалистов с высшим образованием: 1000 студентов IV-V курсов 7-ми уральских ВУЗов[23]; 250 преподавателей этих ВУЗов; 600 молодых специалистов (выпускников ВУЗов)[24] с предприятий реальной экономики Урала; 150 руководителей[25] этих же предприятий (подразделений) – ***«Урал-ВУЗ-2012».***

– ***2015 г.*** – по квотной выборке в восьми институтах Уральского федерального университета *(г. Екатеринбург)* проведены опросы 450 студенток старших курсов, готовящихся стать молодыми специалистами на предприятиях и в организациях. Выяснялись их основные ценностные ориентации, профессиональные и социально-демографические жизненные планы ***«Урал-ВУЗ-2015»;***

– ***2016 г.*** – в семи вузах Урала (гг. Екатеринбург, Тобольск, Челябинск) опрошены 1500 студентов 2-х и 4-х курсов. Основной лейтмотив проекта: а) выявление жизненных планов выпускников уральских вузов; б) определение роли родительских семей в профессиональной социализации своих детей. Опрошенные студенты были подразделены в соответствии с профессиональной направленностью вузов на три группы: а) технические (УрФУ, УрГУПС, ЮУрГУ – 750 чел.) – условная аббревиатура в тексте – «Техн»; педагогическиие (СГПУ, ЧГПУ – 350 чел.) – «Пед» и гуманитарные (ЧелГУ, ТюмГУ) – «Гум» – 400 чел. Общая аббревиатура для опроса – ***«Урал-ВУЗ-2016».***

– ***2017 г.*** было реализовано межрегиональное исследование по проблемам профессиональной социализации инженерных кадров в уральском регионе, включавшее, в частности, опрос 1000 студентов первых и четвёртых курсов четырёх уральских вузах на фа-культетах мнженерно-технической направленности, в частности: а) в Южноуральс-ком государственном университете (ЮУрГУ – г. Челябинск) – 100 чел.; б) в Уральском госу-дарственном аграрном университете (УрГАУ – г. Екатеринбург) – 100 чел.; в) в Ураль-ском государственном университете путей сообщения (УрГУПС, г. Екатеринбург) – 100 чел.; г) в трёх

[23] В выборку ВУЗов были включены: Уральский федеральный университет (УрФУ), Уральский государственный университет путей сообщения (УрГУПС); Нижневартовский государственный гуманитарный университет (НГГУ), Челябинский государственный университет (ЧГПУ), Южно-Уральский государственный университет (ЮУрГУ) и другие.

[24] Опрашивались молодые специалисты в возрасте до 30 лет, со стажем работы на данном предприятии не менее 3-х лет.

[25] На предприятиях *(производствах, подразделениях)* опрашивались руководители, в чьём непосредственном подчинении трудились опрашиваемые нами выпускники уральских ВУЗов.

институтах Уральского федерального университета (УрФУ, г. Екатеринбург) – 300 чел.; д) в Астраханском государственном архитектурно-строительном университете (АГАСУ, г. Астрахань) – 400 чел – *«Урал-ВУЗ-2017»*.

Материально-экономические скрепы. «Семья по своей сущности всегда была, есть и будет позитивистическим мирским институтом благоустройства, – писал в своё время Н.А. Бердяев, – биологическим и социологическим упорядочиванием жизни рода. Формы семьи, столь текучие на протяжении человеческой истории, всегда были формами социального приспособления к условиям существования, к условиям хозяйствования в мире. Нет феномена в жизни человечества, который бы так удачно объяснялся экономическим материализмом, как семья. В этой области социологический материализм одержал наибольшие победы. Семья – хозяйственная ячейка, прежде всего, и ее связь с полом всегда косвенная, а не прямая» [2].

В силу того, что семья сохраняет в современном российском обществе хозяйственно-экономический потенциал (единое, как правило, жилище, общее имущество, единый бюджет, ведение домашнего хозяйства), она обусловливает и соответствующую материально-экономическую спецификуу семейных взаимоотношений, накладывает дополнительную обязательность участия в совместной жизнедеятельности, повседнквность материально-экономического взаимодействия, предопределяет межпоколенческую взаимовыручку, поддержку, взаимопощь «отцов и детей», как в духовном, так и материальном плане.

В период обучения в ВУЗе, отношения студентов со своими родителями детерминируются, главным образов, семейно-жилищным статусом молодых людей. Как показало наше исследование *«Урал-ВУЗ-2017»,* на момент опроса подавляющее большинство молодых уральцев-респонднтов (95%) не имели собственной (молодой) семьи, при этом 51% из них жили (на момент опроса) совместно с родителями, а 42% – отдельно от родителей (общежитие, снимали квартиру, комнату, «угол» или имели сосьственное жильё). О существенных различиях в жилищной обеспеченности студентов уральских ВУЗов можно судить по следующим данным – Табл. 1.

Таблица 1

Характер жилищной обеспеченности
Студентов технических ВУЗов на Урале и в Поволжье
(% от общего числа опрошенных по каждому ВУЗу)

Варианты ответов студентов на вопрос: *«С кем Вы проживаете в настоящее время?»*	ВУЗы				
	УрФУ	ЮУрГУ	УрГАУ	УрГУПС	АГАСУ
Не имею своей семьи: живу совместно с родителями	65	28	52	46	58
живу отдельно от родителей	30	58	42	46	37
Имею собственную (молодую) семью	5	6	6	8	5

Существенную разницу в характере организации материально-бытового обеспечения студентов в процессе их профессионального обучения вряд ли корректным будет объяснять лишь жилищной политикой самих ВУЗов. Речь идёт о разной заботе администраций учебных заведений о строительстве и предоставлении учащимся общежитий, стремлении наращивать фонд койко-мест в общих студенческих домах. Немаловажным фактором здесь выступает имидж того или иного конкретного ВУЗа среди населения этого города, провоцирующее, как правило, стремление городских родительских семей учить (при наличии

соответствующих материально-экономических возможностей) своих детей именно в ЭТОМ ВУЗе. Следует учитывать, что вынужденное платное обучение при «домашнем» содержании сына-студента (или дочери), несомненно, обходится общему семейному бюджету гораздо ДЕШЕВЛЕ. Дополнительно к этому, у родителей расширяются возможности контроля (нередко - «тотального») за учебными и внеучебными делами своих детей, возможность профилактики их асоциального (с позиций родителей) поведения. Особая конфигурация социально-психологических отношений и материального обеспеченя учащихся-селян формируются в их родительских семьях, проживающих в сельской местности [3].

Одним из показателей *(индикатором)* заинтересованности родителей в результатах этого процессе могут служить частота и причины (поводы) посещения ими места учёбы и проживания детей. В связи с этим, в исследовании *«Урал-ВУЗ-2017»* студентам II-IV курсов задавались два вопроса, *первый* из которых формулирвался так: *«Сколько раз, как часто приезжали/приходили Ваши родители (родственники) в ВУЗ, где Вы учитесь, где живёте, проводите свободное время?»* и *второй* вопрос: *«Повод, причина посещения Вашими родителями (родственниками) ВУЗа, где Вы учитесь?»* – Табл. 2:

Таблица 2

Частота и причины посещений родителями ВУЗов, где учатся их дети
(% от общего числа опрошенных по каждому ВУЗу)

Варианты ответов	ВУЗы				
	УрФУ	ЮУрГУ	УрГАУ	УрГУПС	АГАСУ
А. Сколько раз, как часто приезжали/навещали					
1 раз	29	35	21	43	27
2-3 раза	8	26	15	21	31
Не более 4-5 раз	4	5	3	7	12
Б. Поводы, причины посещения					
Были во время поступления в ВУЗ (подача заявления, репетиторство, сдача экзаменов)	31	46	31	47	55
Просто в гости, навестить, проведать	4	24	3	20	8
В ректорат, администрацию ВУЗа по поводу стипендии, оплаты учёбы, общежития и др.	9	4	9	8	12
Пока не были ни разу	58	32	61	27	28

При желании оправдаться, можно найти массу причин, предлогов, отговорок вплоть ло софизмов для добропорядочного объяснения сравнительно низкой и во многих случаях «скудной гостевой активности» родителей, ближних родственников в студенческие общежития. Вряд ли мы имеем здесь основания и право обвинять их за такую «родительскую пассивность». *Вместе с тем, к числу главных причин следует отнести недостаточную активность администрации и общественности ВУЗов по привлечению родителей, родственников к процессу обучения и воспитания своих детей – прохожящих обучение в ВУЗе, к установлению совместных «организационно-педагогических мостов».*

О «чисто экономических» взаимодействиях «отцов и детей», о предметах и остроте их «денежных» взаимопретензий в процессе профессионального обучения последних можно судить по данным опроса ***«Урал-ВУЗ-2017».*** На вопрос: *«Оцените, пожалуйста, кто*

несёт (нёс в прошлом) основные расходы за Вашу учёбу в вузе (оплата за обучение, содержание вас – питание, одежда и др. расходы)?» были получены следующие ответы (% от общего числа опрошенных по каждму ВУЗу):

– за процесс обучения в ВУЗе, по оценкам студентов «по преимуществу за всё ПЛАТЯТ (платили) мои РОДИТЕЛИ (родственники)» – 42% студентов ЮУрГУ, 34% – УрГУПС, 22% – УрГАУ и 21% студентов УрФУ;

– среди опрошенных студентов считают, что на свою учёбу и своё содержание они зарабатывают (ли), ПРЕИМУЩЕСТВЕННО, САМИ – 5% студентов ЮУрГУ, 5% – УрГУПС, 10% – УрГАУ и 8% студентов УрФУ.

Можно утверждать, что в настоящее время подавляющее большинство, опрошенных нами, уральских и «прикаспийских» студентов технических ВУЗов особо «не страдают» от нехватки денег для удовлетворения «обязательных» витальных и административных нужд и потребностей. Так, на вопрос: анкеты: *«На какие основные расходы у Вас, как правило, не хватает денег?»* ответы студентов четырёх уральских ВУЗов распределились следующим образом (% от общего числа опрошенных по каждому ВУЗу):

– по самооценкам студентов, им *«не хватает денег на питание»* – 10 % студентов ЮУрГУ, 19% – УрГУПС, 26 % – УрГАУ и 6 % студентов УрФУ;

– по самооценкам студентов, им *«не хватает* на *одежду, обувь»* – 33 % студентов ЮУрГУ, 34% – УрГУПС, 29 % – УрГАУ и 24 % студентов УрФУ;

– по самооценкам студентов, им *«не хватает* на поддержание здоровья, лечение*»* – 26% студентов ЮУрГУ, 26% – УрГУПС, 47% – УрГАУ и 20% студентов УрФУ;

– намерены (не против) совмещать учёбу в ВУЗе и подрабатывать «По профессии (специальности), на которую учатся в ВУЗе» и «На предприятии, в организации, где предполагают (хотят) работать после окончания ВУЗа» – 58 % студентов ЮУрГУ, 50% – УрГУПС, 22 % – УрГАУ и 21 % студентов УрФУ.

К числу «неудовлетворённых» потребностей большая часть респондентов отнесла такие виды своей внеучебной деятельности, как путешествия, встречи с друзьями и подругами, сопровождающимися, как правило, соответствующей увеселительной экипировкой» и «обустройством» [4].

Преодоление препон профессиональной социализации. По мнению Т.Шибутани, «социализация относится к тем процессам, посредством которых люди научаются эффективно действовать в социальных группах. Личность социализирована, когда она способна участвовать в согласованных действиях на основе конвенциональных норм» [5]. Кроме того, понятие «социализация» раскрывается и как одна из разновидностей способов приспособления *деятельности (в частности, профессио*нальной) человека к условиям его общественного бытия, которую имеют как *адаптивную.*

Полноценным членом общества индивид становится только будучи *реальным субъектом социализации,* который усваивает социальные нормы и культурные ценности, преимущественно путём самоактивности, саморазвития и самореализации. Естественно, субъектом социализации молодой человек становится благодаря соответствующих объективных причин и обстоятельств, т.к. «на протяжении всей жизни на каждом возрастном этапе перед ним встают задачи (естественно-культурные, социально-экономические, социально-психологические и др.), для решения которых он более или менее осознанно, а чаще неосознанно, ставит перед собой соответствующие цели и вырабатывает способы их достижения, тем самым проявляя свою субъектность» [6, с. 25].

Попытаемся ответить на простой вопрос: «*насколько востребованы выпускники уральских ВУЗов с дипломами инженеров в отделах кадров заводов*?». В проете ***«Урал-ВУЗ-2012»*** экспертам – руководителям крупных промышленных производств задавался вопрос: *«В чем Вы видите основные причины практически «повального» безответственного отношения молодых людей к получению своего профессионального образования?»* – на этот вопрос нам ответили руководители предприятий, производств, подразделений (% от общего числа опрошенных – 150 чел.):

Таблица 3

Результаты опроса

«Виноваты ВУЗы и преподаватели»	
- платное обучение диктует преподавателям снисходительно относиться к нерадивым студентам, дабы не потерять доходы	- 46
- у работающих студентов ограничены возможности для серьёзных занятий в ВУЗе	- 33
- молодые люди поддаются общему настроению – учиться без особого «напряга»	- 30
- низкая требовательность к студентам со стороны администрации ВУЗа	- 28
- виноваты преподаватели, которые не могут заинтересовать студентов серьёзно относиться к учёбе	- 17
«Виноваты родительская семья и сами студенты»	
- студенты особо не задумываются о своей дальнейшей трудовой деятельности, о своей конкурентоспособности на рынке труда	- 52
- молодые люди не приучены к труду и трудностям	- 29
- отсутствие потребности получить серьёзные профессиональные знания	- 25
- студенты надеются и после окончания вуза «сидеть на шее» родителей	- 10

Формирование, соответствующей современным требованиям, инженерной компетенции как основного определяющего профессионально-личностного качества молодого специалиста предполагает соответствующей актуализацию мотивации студента, его учебную активность, целеустремлённость к получению новых знаний. Традиционное измерение этого качества учащегося – «посещаемость» уроков, занятий, выполнение заданий и сдача зачётов. *«Как Вы думаете, допустимы ли в поведении студентов следующие поступки?»* – ответы респондентов проекта – ***«Урал-ВУЗ-2017»*** на этот вопрос распределились следующим образом (% от общего числа опрошенных по каждому ВУЗу):

– в процессе своего обучения в ВУЗе допускают ***«Пропускать занятия без уважительной причины»*** – 75% студентов ЮУрГУ, 57% – УрГУПС, 57% – УрГАУ и 27% студентов УрФУ;

– в процессе своего обучения в ВУЗе допускают ***«Пользоваться шпаргалками на экзамене»*** – 77% студентов ЮУрГУ, 73% – УрГУПС, 90% – УрГАУ и 51% студентов УрФУ;

– в процессе своего обучения в ВУЗе допускают ***«Списывать» курсовые, дипломы из Интернета»*** – 34% студентов ЮУрГУ, 49% – УрГУПС, 73% – УрГАУ и 31% студентов УрФУ.

Полученные нами данные свидетельствуют, прежде всего, об отсутствии у значительной части молодых людей любви, привычки и навыков к серьёзному учебному труду, ответственности за своё поведение, осознания серьёзности проблем освоения профессиональных знанний, отсутствия чёткой целевой жизненнной перспективы. Об участии родителей в процессе профессиональной социализации своих детей на Урале можно в какой-то мере судить по резудьтатам некоторых наших опросов. Обратимся вначале к мнению студентов 4-х Вузов ЮУрГУ (Челябинск), УрГУПС, УрГАУ и УрФУ (все три – Екатеринбург).

Вначале некоторая характеристика родительских семей по оценкам самих студентов. *Во-первых,* около 25–30% нынешних студентов технических ВУЗов Урала жили и воспитывались в неполных семьях *(как правило, без отца); во-вторых,* около половины студентов единственные дети в семьях своих родителей;

– около 50 % ресмондентов считают, что в бедности своих семей виноваты, прежде всего, сами «жалующиеся» – «не побеспокоились, не заработали»;

А далее предложим читателю некоторые жизненные фрагменты студенческой жизни, предполагающие их сопутствующее общение с родителями, выработку общих по-

требностей, интересов, ценностных ориентаций, совместных решений и действий по мере прохождения различных этапов и ситуаций профессиональной социализации. Важно при этом фиксировать «ОБЩИЕ» и «ОСОБЕННЫЕ» ситуации характерные для различных профильных ВУЗов одного региона. Студенческие самооценки представлены в процентах от общего числа опрошенных по каждому ВУЗу.

– работали (подрабатывали) в летние каникулы после 10 кл. – 25% студентов ЮУрГУ, 51% – УрГУПС, 71% – УрГАУ и 23% студентов УрФУ;

– считают, что учились в старших классах школы ***«в основном на "удовлетворительно»*** – 11% студентов ЮУрГУ, 16% – УрГУПС, 10% – УрГАУ и 4% студентов УрФУ;

– перед поступлением в ВУЗ, в 9–11 классах занимались с репетиторами – 96% студентов ЮУрГУ, 90% – УрГУПС, 98% – УрГАУ и 79% студентов УрФУ;

– по мнению студентов отношение родителей к выбору их детьми той или иной профессии «было безразличным» – 10% студентов ЮУрГУ, 23% – УрГУПС, 9% – УрГАУ и 44% студентов УрФУ;

– считают, что выбрали профессию и ВУЗ по случайно сложившимся обстоятельствам – 16% студентов ЮУрГУ, 18% – УрГУПС, 23% – УрГАУ и 9% студентов УрФУ;

– считают, что учатся ***(учились) В ВУЗе «в основном на "удовлетворительно»*** – 15% – 32% студентов ЮУрГУ, 9% – УрГУПС, 35% – УрГАУ и 15% студентов УрФУ;

– если бы предоставилась вновь выбирать профессию и специальность, то выбрали бы ***«другое учебное заведение и другую специальность»*** – 26% студентов ЮУрГУ, 22% – УрГУПС, 14% – УрГАУ и 7% студентов УрФУ.

– среди уральских студентов признают, что «действительно долго и с удовольствием играют в игры и «сидят» в социальных сетях» – 42% студентов ЮУрГУ, 34% – УрГУПС, 22% – УрГАУ и 21% студентов УрФУ;

– не боятся остаться безработными после окончания ВУЗа, считают, что их профессиональные услуги ***«будут востребованы всегда»*** – 51% студентов ЮУрГУ, 40% – УрГУПС, 35% – УрГАУ и 29% студентов УрФУ;

– оценивают «основном положительно» проводимый курс реформ 12% студентов ЮУрГУ, 29% – УрГУПС, 30% УрГАУ и 41% студентов УрФУ;

– достаточно твёрдо уверены в осуществлении своих жизненных планов после окончания ВУЗа – 88% студентов ЮУрГУ, 85% – УрГУПС, 89% – УрГАУ и 79% студентов УрФУ;

– в реализации своих жизненных планов **НАДЕЮТСЯ НА СЕБЯ** – 86% студентов ЮУрГУ, 72% – УрГУПС, 85% – УрГАУ и 46% студентов УрФУ;

– в реализации своих жизненных планов **НАДЕЮТСЯ НА СВОИХ РОДИТЕЛЕЙ и РОДСТВЕННИКОВ** – 61% студентов ЮУрГУ, 60% – УрГУПС, 74% – УрГАУ и 38% студентов УрФУ [7].

Вместо эпилога к разделу «профессиональная учёба студентов». У русског народа есть присказка: *«Не бойся, когда не знаешь: страшно, когда знать не хочешь»*…Известный немецкий педагог–мыслитель А.Дистервег *(1790–1866 гг.)* писал по поводу образования: «Развитие и образование ни одному человеку не могут быть даны или сообщены. Всякий, кто желает к ним приобщиться, должен достигнуть этого собственной деятельностью, собственными силами, собственным напряжением. Извне он может получить только возбуждение» [8, с. 118].

Семейнык университеты студентов в родительской семье. Анализ роли семьи в социализации ребенка мы находим в трудах основоположника социологии О. Конта. Он отмечает, что для успешной социализации индивида, для приобретения качеств, необходимых для служения человечеству, ребенок должен воспитываться в семье. Семья – это социальный институт, который является хранителем и передатчиком традиций, опыта прошлых поколений, посредником между индивидом (ребенком) и родом. Основное предназначение семьи, по Конту, – служение воспитанию молодого поколения. Именно семья подготавливает будущее общество и продлевает жизнь настоящего общества через подрастающее поколение. О.Конт утверждает, что гарантия нормального развития общества в соответствии

со своими традициями и нормами, наличие перспектив развития зависят от того, где и как воспитывается и социализируется ребенок. Для О.Конта нормальная и естественная среда воспитания ребенка, будущего гражданина – это семья. Свои социальные качества, по утверждению О.Конта, индивид приобретает, прежде всего, в семье. В семье человек учится жить не только для себя, но и для других, преодолевая природный эгоизм. Будучи наиболее стабильной ячейкой общества, семья выполняет самые важные функции: социализации, сохранения культурного наследия, согласования устремлений различных поколений, способствуя равновесию между традицией и новаторством [9].

Семья является первичным и важнейшим социальным институтом, содействующим как становлению полноценной социально активной личности, так и исторически традиционной трансляции культурных, этнических, нравственных ценностей поколений. Процесс преемственности поколений, передача образцов поведения и моделей деятельности осуществлялась благодаря совместному труду разных поколений и их коллективному проживанию, в результате чего дети осваивали трудовые навыки и статусно-ролевые позиции [10, с. 92]. При этом, семейная социализация является первичной и базовой, так как она должна обеспечить не только формирование социальной ответственности и умение подчинить общему индивидуальное [11]. Мы склонны в функции *семейной социализации* включать такой важный аспект взаимоотношений поколений в семье, как выработку и формирование у детей потребностей, ориентаций, умений и навыков личного семейного образа жизни, формирование у них качеств чадолюбия, желания и умения выращивания и воспитания собственного потомства. В принципе, можно говорить об особой устойчивой ***субкультуре семейного воспроизводства общественной жизни***. [12, 13, 14].

Мы предлагаем алгоритм изучения условий процесса приобщения и характера приобщнности индивида (подростка, студента) к семейной субкультуре, структурировать следующим образом.

– культура содержания жилища;
– культура экономического поведения семейной группы;
– культура потребления;
– культура сохранения здоровья и разумного использования жизненных сил;
– культура обслуживания и самообслуживания;
– культура предбрачного полового поведения;
– культура сексуального поведения;
– культура чадолюбия;
– педагогическая культура родителей и старших членов семьи;
– культура образования и духовного развития;
– культура профессиональной социализации;
– культура взаимоотношений (сотрудничества) и преемственности поколений на уровне семейной группы;
– культура консолидации родства и воспроизводства родственных связей;
– культура воспроизводства семейных традиций и обычаев;
– культура миграционной подвижности;
– культура консолидации индивидуальных, семейных и общесивенных интересов;
– культура старения индивида и его доживания («культура смерти») [15].

Для описания структуры семейной субкультуры молодёжи, ее базовых параметров можно использовать аналитическую схему, предложенную Э.Гидденсом, который в понятие структуры включает нормы и ресурсы. В частности, он различает следующие формы сознания: теоретическое и практическое (последнее касается вещей, которые известны людям лишь с практической точки зрения); *экстенсивное и интенсивное* (к нему часты обращения в ходе повседневной жизни); *скрытое и дискурсивное*; *формальное и неформальное;* опирающееся на сильные и слабые санкции [16]. Следовательно к нормам семейной субкультуры молодёжи относятся *практическая, интенсивная, скрытая и дискурсивная, неформальная,* опирающаяся на сильные санкции. И ещё одно важное замечание. Следует

учитывать, что формирование культуры института семьи, как в фило-, так и в онтогенезе – плод долговременного воздействия традиционности и новаций [17].

Попытаемся кратко проиллюстрировать эти утверждения результатами наших исследований.

В анкете опроса ***«Урал-Семья-ВУЗ-2017»*** студентам четырёх уральских ВУЗов предлагалось ответить на два взаимосвязанных вопроса:

Вопрос 1. *«Припомните, пожалуйста, какие виды домашних работ особенно хорошо получались у Вашей мамы? При этом Вам нравилилось, как она ловко и красиво это делает».* ***Вопрос 2.*** *«А теперь попытайтесь «построже» подойти к себе и оценить: какие из перечисленных выше работ Вы также достаточно хорошо научились и умеете делать сейчас?».* Результаты опроса представлены в табл. 4.

Таблица 4

Преемственность детьми умений и
искусств материнских занятий в домашней работе
(% от общего числа опрошенных по каждому ВУЗу);
в числителе – ответ на ***«Вопрос 1»,*** в знаменателе – на ***«Вопрос 2»)***

Хозяйственно-бытовык умения и навыки уральских студенток:	ЮУрГУ	УрГУПС	УрГАУ	УрФУ
Экономно расходовать деньги семьи	44 / 40	30 / 38	60 / 39	32 / 45
Делать на зиму заготовки	44 / 5	33 / 8	52 / 9	44 / 18
Готовить вкусную еду, обеды, напитки	87 / 47	78 / 61	85 / 41	65 / 42
Печь пироги, торты	64 / 35	54 / 30	65 / 20	57 / 28
Поддерживать чистоту, порядок в квартире	73 / 76	65 / 59	72 / 56	69 / 53
Стирать, гладить белье	56 / 43	55 / 48	51 / 40	42 / 44
Вязать, чинить одежду	52 / 11	41 / 18	72 / 20	48 / 38
Шить на машинке	32 / 12	29 / 13	48 / 9	25 / 11
Выращивать:				
в саду, на огороде овощи, фрукты, я годы	32 / 15	28 / 13	49 / 13	13 / 25
В квартире цветы и ухажиать за ними	32 / 13	39 / 12	48 / 12	33 / 15

Для справки: в общем числе опрошенных по 4-м ВУЗам мужчины составили 52 %, женщины – 48 %.

В приобщении детей к труду по обслуживанию других членов родительской семьи и самообслуживанию в процессе их онтогенетического взросления, есть и другой важнейший социокультурный аспект. Трудолюбие, трудовые навыки детей, подростков, в дальнейшем - молодых мам и пап – это мощный и практически безальтернативный арсенал их воспитательных возможностей в качестве *молодых родителей*. Известно, что *«Каков отец, таковы и дети»* и «*Труднее всего учить детей тому, чему не научились сами»* [18]. «Воспитатель должен себя так ести, чтобы каждое движение его воспитывало, и всегда должен знать, чего он хочет в данный момент и чего он не хочет. Если воспитатель не знает этого, кого он может воспитывать?». Это высказывание принадлежит Александру Сергеевичу Пушкину.

А вот второй аспект механизма преемственности поколений в связке «отцы-дети». Ориентирами для поведения детей служат, в большинстве своём, сформировавшиеся их сознании сравнительно устойчивые представления о позициях, мнении своих родителей, их ценностных ориентациях и отношении к тем или иным феноменам окружающей действительности. Обратимся вновь к опросу ***«Урал-Семья-ВУЗ-2017».***

В вопросе анкеты: *«Ваше мнение о том, как отнесутся Ваши родители, родственники к следующим возможным Вашим решениям, планам?»* студентам предлагалось предвосхитить позицию своих родителей относительно жизненноважных решений, которые предстоит сделать их детям после окончания ВУЗа. При этом допускался только дихотомический вариант ответа ***«ЗА»*** или ***«ПРОТИВ»***. Распределение ответов см. табл. 5.

Таблица 5

Мнение студентов о прожективных ценностных ориентациях своих родителей
(% от общего числа опрошенных по каждой ВУЗу)

Прожективное положительное отношение родителей к возможным действиям детей (вариант ответа «ЗА»)	ВУЗы				
	УрФУ	**ЮУрГУ**	**УрГАУ**	**УрГУПС**	**АГАСУ**
Жениться (выйти замуж) ещё во время учёбы в ВУЗе	**56**	**54**	**40**	**49**	**65**
Совмещать учёбу в ВУЗе с дополнительной работой, *(приработком)*	**66**	**73**	**64**	**84**	**70**
После получения диплома пойти учиться дальше *(магистратура, другой ВУЗ…)*	**92**	**72**	**74**	**53**	**83**
После получения диплома начать работать по другой специальности	**34**	**61**	**20**	**64**	**49**
После получения диплома уехать работать в село (сельскую местность)	**27**	**29**	**5**	**19**	**23**
Попытаться заняться предпринимательством, бизнесом	**66**	**68**	**62**	**55**	**77**
После окончания ВУЗа работать не в Екатеринбурге, а в другом городе России	**78**	**71**	**56**	**63**	**75**
После окончания ВУЗа уехать работать за границу, в другую страну	**79**	**54**	**41**	**48**	**63**

Возможные многочисленные и многоаспектные комментарии к результатам опроса, помещённым в этой таблице мы предпосылаем к заинтересованным и компетентным акторам рынка образовательных услуг не только в уральском регионе, но и соответствующих, причастных к этому федеральным министерствам и ведомсвам.

23 июня 2014 года на Заседании Совета по науке и образованию по вопросам модернизации инженерного образования и качества подготовки технических специалистов Президент РФ В.В. Путин подчёркивал: «Опросы убедительно показывают, что студенты крупнейших индустриальных центров (например, Урала, Сибири) зачастую уже заранее знают, что инженерами они работать не будут, в другой город, в другой регион страны не поедут, и хотят остаться там, где они учатся. Получается, что «технические вузы готовят будущих офисных работников, сотрудников банков, других контор, что, собственно говоря, неплохо, но для этого есть другие направления подготовки специалистов. Проблема действительно сложная, болезненная и для студентов, и для самих учебных заведений» [19].

Небезынтересен и другой аспект виртуальных предпочтений родителей вариаций жизненного обустройства и поведения, связанного с полоролевыми различиями своих детей. На тот же вопрос анкеты: «*Ваше мнение о том, как отнесутся Ваши родители, родственники…*», ответы студентов, молодых мужчин и молодых женщин распределились так (% от общего числа опрошенных мужчин - 580 чел. - в числителе и опрошенных женщин - 420 чел. – в знаменателе). Прожективное положительное отношение родителей к возможным действиям детей (вариант ответа - «ЗА»).

Таблица 6

Результаты опроса

ЕЩЁ ВО ВРЕМЯ УЧЁБЫ В ВУЗЕ (посовтовали бы) советуют:	
жениться (выйти замуж)	**- 20 / 21**
совмещать учёбу в ВУЗе с дополнительной работой	**- 80 / 66**
ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ВУЗА И ПОЛУЧЕНИЯ ДИПЛОМА:	
сразу жениться (выйти замуж)	**- 51 / 60**
пойти учиться дальше	**- 68 / 77**
начать работать по другой специальности	**- 55 / 46**
уехать работать в село	**- 27 / 15**
попытаться заняться бизнесом	**- 70 / 64**
работать в другом городе России	**- 72 / 67**
уехать работать за границу	**- 57 / 58**

Представленные результаты, являют собой ***«кладезь возможностей»*** оценки состояния системы российского профессионального образования, его регионалтьные и профессионально-производственные возможности и перспективы дальнейшего развития. Взять, хотя бы, оценку настроя уральских родителей относительно их закрепления на Урале. Более половины родительских семей, по мнению детей не возражали бы, чтобы молодые люди «уехали работать и жить с Урала». *«Можно не любить и родного брата, если он дурной человек, но нельзя не любить отечества, какое бы оно ни было: только надобно, чтобы эта любовь была не мертвым довольством тем, что есть, но живым желанием усовершенствования».* Этой замечательной мыслью В.Г. Белинского нам бы и хотелось закончить нашу статью.

Литература

1. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Москва: Госполитиздат, 1954. 630 с.
2. *Бердяев Н.А.* Смысл творчества. Гл. IX. Творчество и любовь. Брак и семья. URL: http:// philosophy.ru/library/berd/creation.html (Дата обращения: 22.02.20).
2. *Павлов Б.С., Бондарева Л.Н.* О проблемах воспроизводства сельского населения на Урале // Аграрный вестник Урала. 2013, № 12. С. 90–94.
3. *Павлов Б.С.* Потребление и потребительство молодежи в «интерьере» бедности родительских семей (на примере Урала) // ЭКО. 2013. № 7. С. 128–138.
4. *Шибутани Т.* Социальная психология. Ростов-на-Дону, Феникс, 2002. 544 с.
5. *Миронов М.П., Павлов Б.С., Попов В.Г.* Выбор и освоение профессии риска как социологическая проблема (На материалах учебных заведений ГПС МЧС). Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, УрАГС, 2005. 230 с.
6. *Павлов Б.С., Пронина Е.И., Павлов Д.Б.* Учеба студента в ВУЗе как непростой старт во взрослую трудовую жизнь // Не расстанусь с молодежью, буду... : сборник научных статей к 80-летию профессора Ю.Р. Вишневского. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2018. С. 299–308.

7. *Дистервег А.* Избранные педагогические сочинения. М.: Дистервег А. Избранные педагогические сочинения. – М., 1956. 374 с., 1956. 374 с.
8. Конт О. Дух позитивной философии // Тексты по истории социологии XIX–XX вв. Хрестоматия. М.: Наука, 1994. 383 с.
9. *Шишкина Е.В.* Семейная социализация: проблема определения // Современные проблемы психологии семьи: феномены, методы, концепции. Вып. 3. СПб.: Издательство АНО «ИПП», 2009. С. 91–95.
10. *Цинченко Г.М.* Семейная социализация и воспитание // Управленческое консультирование. 2014, № 5. С. 86–99.
11. *Павлов Б.С.* Матери, отцы, дети: Социологический очерк. М.: Сов. Россия, 1984. 192 с.
12. *Павлов Б.С.* Воспроизводство человеческого потенциала региона как предмет сотрудничества властных структур и семьи // Региональная экономика: теория и практика. 2012. № 25. С. 2–11.
13. *Павлов Б.С., Икингрин Е.Н., Пронина Е.И.* Добрачное матримониальное поведение российских студентов как предмет социологического анализа // Socio Time / Социальное время. 2018. № 4(16). С. 64–82.
14. *Павлов Б.С., Бондарева Л.Н.* Особенности культуры демографического поведения молодых семей на Урале // Дискуссия. 2012. № 6. С. 85–93.
15. *Giddens A.* The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration. Cambridge: Polity Press, 1984. С. 22.
16. *Артюхов А.В., Павлов Б.С., Стожаров А.В*. Семья северян: традиционность и новации (по материалам социологических исследований семей в городах и поселениях Российского Севера). Екатеринбург-Салехард: ИЭ УрО РАН, 1999. 208 с.
17. *Павлов Б.С., Разикова Н.И.* Отцы и дети» в городской семье: общение или отчуждение // Дискуссия. 2012. № 10. С. 110–119.
18. Заседание Совета по науке и образованию по вопросам модернизации инженерного образования и качества подготовки технических специалистов 23 июня 2014 года. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/45962 (Дата обращения: 12.03.20).

СОЦИАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ И ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В СОВРЕМЕННОЕ ВРЕМЯ

Туганова Э.А.
Алматинская Академия Экономики и Статистики,
Казахстан, г. Алма-Ата

Аннотация. В статье рассмотрены актуальные вопросы гендерных стереотипов сквозь призму негативного влияния социальных транформаций. Автор также акцентировал внимание на проблеме переоценки ценностей в духовной жизни общества, а также социальных ролей мужчин и женщин в современное время. Особое место отведено критике бытового насилия над женщинами и детьми.

Ключевые слова: социальные трансформации, гендерные стереотипы, женщины, мужчины, феминизм, эмансипация, равенство, пол, исламские и традиционные ценности, социальное положение, статус, семья и брак, бытовое насилие.

Социальные трансформации, проще говоря, это социальные изменения. Они представляют собой разного рода изменения в обществе и переходят из одного качественного состояния в другое.

Безусловно, социальные изменения затрагивают все сферы жизнедеятельности общества, которые в первую очередь, касаются основных ее элементов. К их числу относятся социальные институты, такие как: семья и брак, религия, культура, общности, организации

и т.д. и которые отражаются, как на духовной, так и на материальной жизни. Причем эти социальные трансформации могут, носит как положительный, так и отрицательный характер, в зависимости от того по каким причинам они возникли.

Коротко рассмотрим основные из них в современной социологии.

1. Эволюционные и революционные. Первые представляют собой социальные изменения естественного характера, например, в результате последовательного развития общества. Революционным трансформациям присущ иной принудительный или насильственный характер, как результат социальных потрясений, когда происходит полная смена общественной системы и порядка, например в СССР;

2. Прогрессивные и регрессивные. Прогрессивные выводят общество на более высокий социальный уровень, отвечают современным требованиям времени; а регрессивные, соответственно, наоборот, замедляют развитие общества, приводят к стагнации, и в конечном итоге, к регрессу. Это могут быть разного рода социальные катаклизмы, приводящие общество к неизбежным негативным последствиям.

3. Имитационные и инновационные. Имитационные создают только видимость общественного развития, т.к. здесь используются старые механизмы и приемы, в связи, с чем не наблюдается динамика положительных изменений в социальной системе. А инновации, как правило, ведут к прогрессивному развитию государства и мирового сообщества, помогают находить новые методы в решении назревших проблем и вовремя реагировать на вызовы общества и человечества, в целом.

Таким образом, социальные трансформации это есть развитие, от более низшего к высшему, и наоборот, и которые в свою очередь могут привнести изменения в жизнедеятельность общества и полностью поменять мировоззрение и сознание граждан, общества, мира.

Если говорить об изменениях в общественном сознании, то здесь речь идет, о переоценке идеалов, принципов, традиций, социальных ролей мужчин и женщин в современном мире, ценностей (материальных, духовных, культурных, религиозных) и т.д.

По этой причине произошли социальные трансформации и в положении женщин, а также в переоценке их социальной роли в семье и обществе. Социальный статус женщины менялся на протяжении всей истории человечесва, со сменой исторических эпох, и который отличался в зависимости от страны проживания, религии, культуры, расы, социального происхождения, национальности, политики и идеологии.

Поэтому в некоторых странах мира полностью подавляются права женщин, и они до сих пор остаются в угнетенном положении. Это касается не только стран третьего мира, но и вполне благополучных стран и постсоветского простанства.

На мой взгляд, социальные трансформации в современном мире породили новую волну гендерных стереотипов по отношению к женщинам, т.к. многие критикуют женщин за чрезмерную эмансипацию, феминизм, равенство полов и т.д. и предлагают женщинам вернуться к традиционным ценностям и обязанностям, ограничиваясь семьей, рождением и воспитанием детей, ведением быта и хозяйства.

Но, хотелось бы особо акцентировать внимание, что причиной тому являются вовсе не женщины, а социальные трансформации. В качестве доказательства возьмем социальные трансформации из первой группы, так называемые «революционные» (о которых упоминалось выше) и рассмотрим положение женщин из недалекой истории советского строя.

После победы Великой Октябрьской Социалистической революции началась индустриализация страны, где требовалась огромная армия рабочих рук, в том числе и женских. Советские идеологи провозгласили так называемое «равенство полов», но, на самом, же деле уровняв мужчин и женщин в равных правах, это была хорошая идеологическая завеса для нещадной эксплуатации женского труда, к тому, же малооплачиваемого. Таким образом, это были «мужчины» в женских юбках. Прикрываясь идеологическими лозунгами, женщин отправляли на тяжелое и вредное производства, шахты, сельское хозяйство, посадив на трактора и комбайны.

По стране начались массовые стахановские движения, женским воплощением которого стала легендарная первая советская трактористка Паша Ангелина, которая в 1929 году после окончания курсов стала работать трактористкой, а уже 1933 году организовала первую женскую тракторную бригаду и возглавила её, была членом ВКП (б) с 1937 года. За перевыполнение плана стала символом технически образованной советской работницы. В 1938 году прославилась лозунгом «Сто тысяч подруг – на трактор!».

В 1940 году окончила Московскую сельскохозяйственную академию имени К. А. Тимирязева. Автор книги «Люди колхозных полей» (1948 г.) [1]. В годы Великой Отечественной войны ударно работала в эвакуации на полях Казахстана.

Однако, вследствие постоянной тяжелой работы с машинными маслами и дизельным топливом заболела циррозом печени и умерла 21 января 1959 года в Москве, в возрасте 46 лет. И это только один из примеров жертвы советской тоталитарной системы и идеологии.

Годы Великой Отечественной войны легли тяжелым бременем на женские плечи, которые трудились на военных заводах, фабриках, колхозных полях. Уместно вспомнить афоризм тех лет, когда о женщинах говорили: «Я и лошадь, я и бык, я и баба и мужик».

Так, например, несмотря на то, что 21 июня 1935 года Международная организация труда приняла Конвенцию № 45, где статья II устанавливала запрет на работу женщин в шахтах, кроме специально оговоренных случаев [2], 4 октября 1943 года по шахтам была разослана, не подлежащая оглашению Директива Наркома угольной промышленности СССР В. В. Вахрушева о внедрении женского труда в угольной промышленности.

В годы Великой Отечественной войны на подземных работах было занято 245 тыс. женщин, составлявших 86% шахтерских коллективов. Движение «Девушки, в забой!» возникло стихийно, внезапно и массово. Вот пример еще одного идеологического лозунга тех лет.

В Казахстане на 39 шахтах Карагандинского угольного бассейна в годы войны трудилось 43 тыс. человек, из них более 12 тыс. – женщины, причем больше половины из них работало непосредственно на угледобывающих участках. Все это, конечно, можно было бы оправдать тяжелыми военными годами, но СССР ратифицировал договор лишь в 1961 г., а окончательно с подземных работ женщины были выведены в 1966 году.

В угольной промышленности СССР звания Героя Социалистического Труда были удостоены шесть шахтерок, одна из которых Бибижамал Омарова. С началом войны, когда многие горняки ушли на фронт, Бибижамал Омарова в возрасте 19 лет спустилась в шахту № 1 г. Караганды, где работала откатчицей.

Таким образом, напрашивается вывод, что социальные трансформации после Октябрьской революции изменили и социальное положение женщин, традиционная роль которых из матерей - жен перешла во всех смыслах в образованную советскую работницу-труженицу. На мой взгляд, примерив на себя роль мужчин, женщины в какой-то мере переняли и образ мыслей и действий, к самым негативным из которых можно отнести потребление алкоголя и табакокурения. Вот такие социальные трансформации, произошли в советской системе и которые имеют место и в современное время.

В настоящее время в современном Казахстане произошел целый ряд социальных трансформаций, которые можно отнести ко второй группе регрессивных. После распада Советского Союза Казахстан вернулся в лоно традиционной исламской культуры и цивилизации, произошел некий «ренессанс» религиозных ценностей и принципов в духовной жизни. В последние годы наблюдается повышенный интерес к религии, особенно в вопросе осмысленииия религиозных ценностей, который должен выражаться в правильном подходе и осмыслении, на основе любви, гуманизма, толерантности, далекого от религиозного фанатизма и радикализма.

Под этим аргументом хотелось бы акцентировать внимание на гендерных стереотипах в Казахстане в контексте с религиозными исламскими ценностями, в этом вопросе, налицо появление двух направлений: сторонников традиционалистского уклада и противников, выступающих за светские принципы с более «либеральными» взглядами.

Поводом для дискуссий, стало публичное выступление сторонника традиционных ценностей, позиционирующего себя религиоведом, о пользе умеренного физического насилия по отношению к женам и к женщинам, вообще. Конечно же, после подобного рода заявлений это вызвало недовольство среди женщин и общественной среде.

К примеру, докладчик заявил: «Девушки – это товар, который родители должны реализовать. Девушки не должны становиться академиками, они должны рожать академиков».

Теперь попробуем разобраться, что послужило аргументом для подобного рода утверждений? Приведем комментарии двух авторов, две противоположные точки зрения Суковатой Виктории доктора философских наук, профессора Харьковского Национального университета им. В. Н. Каразина (Украина) и Эльера Каримова, доктор исторических наук, профессор Hofstra University (Нью-Йорк, США).

С одной стороны, Суковатая В. пишет: «Характерной особенностью исламского вероучения является то, что в его священной книге - Коране исключительно большое внимание уделяется регламентации семейно-брачных отношений и ритуализации гендерных ролей. В Коране говорится о том, что Аллах создал мужчину и женщину из «одной души» (Сура 4:1), высшим идеалом мусульманской семьи является безусловная подчиненность жены мужу. В качестве основной цели брака выступает произведение «законного потомства», поэтому невеста часто не присутствует при составлении брачного контракта и не видит нареченного до свадьбы, поскольку оценивается как «товар», по своей репродуктивной способности. Иначе говоря, мужчина (будущий муж) покупает у другого мужчины (отца невесты) способность женщины рожать, выплачивая за это «махр» – выкуп. Рождение дочери, а особенно нескольких дочерей подряд, считается достаточным основанием для развода или дополнительного брака» [3].

Теперь приведем доводы Эльера Каримова: «Как исследователь исламских юридических документов от средневековья до нашего времени, я могу отметить, что женщины всегда были достаточно активными участницами жизни мусульманского общества. Они занимались бизнесом, покупали и продавали движимое и недвижимое имущество, требовали соблюдения своих финансовых прав, подавали на развод, выходили замуж, при этом важным фактором замужества всегда были финансовые гарантии женщины. Последнее было крайне важно. У меня есть документы, свидетельствующие о том, что молодых могли поженить, а потом девушку забирали в отчий дом, так как у жениха не было средств для выплаты махра, который являлся обязательным условием бракосочетания. Девушка шла в дом мужа только после того, как жених или уже муж выполнял свои финансовые обязательства. При этом махр был исключительно собственностью женщины и всегда сохранялся за ней, даже в случае развода. В любом случае, в условиях исламского права жена никогда не оставалась материально незащищенной» [4].

Таким образом, рассмотрев две противоположные точки зрения, увы, одно остается бесспорным, что женщина, как ни прискорбно это признать, в исламской теологии выступает в роли «товара».

В качестве контраргумента казахстанскому оппоненту, хотелось бы привести следующие доводы. Если оппонет видит причину утраты традиционных ценностей со стороны женщин в чрезмерной эмансипации, стремлении женщин к образованию и карьере, то, на мой взгляд, причиной тому являются социальные трансформации, это, прежде всего, трудные социально-экономические условия после распада СССР, безработица, отсуствие социальных гарантий и достойной помощи со стороны государства.

В итоге, эти причины вынудили женщин принять решение, твердо стоять на своих ногах, быть экономически независимыми, т.к. женщинам приходится работать и в современном мире женщина стала уже наравне с мужчиной. Именно трудные социально-экономические условия поставили ее перед выбором, рассчитывать только на собственные силы и ее выбор вполне оправдан, поэтому материальное благополучие семьи становится для нее более приоритетным.

Поэтому решать семейно-бытовые и социальные вопросы, связанные с положением женщин в обществе, их ролью в семье и браке сквоозь призму исламских ценностей не вполне обоснованы. Тем более, если учесть положение женщин в арабо-мусульманском мире, они сильно разняться между собой, и виной тому, не Ислам, а социально-экономические условия. Например, сравните такие страны Персидского залива, наиболее высокоразвитые, как Катар, Оман, Объединенные Арабские Эмираты и такие страны, как Иран, Ирак, Саудовская Аравия, где положение женщин оставляют желать лучшего.

И последний вопрос, который выносится на обсуждение это проблема бытового насилия над женщинами и детьми в Казахстане. Не думаю, что основываясь на традиционных исламских установках, можно утверждать, что мужчина и женщина никогда не будут равны, здесь речь идет, скорее всего, о биологическом неравенстве, чем юридическом, т.е. женщины все равно физически слабее мужчины. И если мы говорим, что Ислам – это религия ненасилия, то как можно оправдать побои со стороны более сильного мужчины по отношению слабому?

Поводом для подобной критики послужили декриминализация статей Уголовного Кодекса Республики Казахстан за «Умышленное причинение легкого вреда здоровью» и «Побои», которые были переквалифицированы из уголовных дел в административные. Следует констатировать факт, что эти нарушения прав женщин допущены со стороны государственных институтов.

К сожалению, число бытовых насилий в семье с каждым годом не уменьшается, причиной тому является изменение роли мужчины, т. е. когда мужчины в силу социальных трансформаций (тяжелые экономические условия) оказались не в состоянии, обеспечивать семью. В итоге, мужчины, теряя авторитет в семье, будучи ее главой и опорой, прибегают к физическому насилию, чтобы хоть как-то утвердиться в собственных глазах, жены и детей. Но, с любой точки зрения, нельзя оправдать физическое насилие, если оно к тому, же усугубляется систематическим злоупотреблением алкоголя.

Бытовому насилию не может быть оправдания ни со стороны религии и общества, ни со стороны родных и близких, тем более, что в таких семьях, прежде всего, страдают дети.

В заключение хотелось бы отметить, что проблемы гендерного неравенства, гендерных стереотипов, дискриминации, следует освещать объективно, всесторонне с учетом социальных трансформаций, особенно в условиях традиционного общества, где нет достаточного уровня знаний в вопросе религиозной грамотности и просвещения. На мой взгляд, к этим вопросам необходио подходить достаточно корректно и грамотно, не унижая чувства собственного достоинства, в частности, женщин, религиозных, нравственно-этических норм, традиций и т.д.

И наконец, хотелось бы порекомендовать нашим мужчинам, которых мы считаем своей опорой, не смотреть на женщин, как на некую «серую массу», а разглядеть в этой безликой толпе, ваших мам, жен, дочерей и относится к ним с заботой и пониманием, тогда и женщины ответят взаимным уважением [5, с.78]. В обществе необходимо с малых лет прививать уважение к женщинам всех возрастов, мужчинам, пожилым людям, детям, родителям. Только при таком подходе, мы сможем добиться успехов в деле преодоления гендерных стереотипов и неравенства, и вывести наше общество на качественно новый уровень. И в этом вопросе свою позитивную роль должна сыграть религия, в частности Ислам, как религия ненасилия.

Литература

1. Большая Российская энциклопедия: в 30 томах. М., 2005. 766 с.
2. Конвенция № 102 Международной организации труда "О минимальных нормах социального обеспечения" (Заключена в г. Женеве 28.06.1952).
3. Суковатая В. Гендерный анализ религий и феминистская теология: к постановке проблемы // GROSSVITA: история, теория, методология гендера. Центр ГИАЦ. 2012.

URL: https://www.nuntiare.org/виктория-суковатая-гендерный-анализ/ (Дата обращения: 08.06.2020).
4. Информационный портал «Cabar.Asia» (Каримов Э. «Обязательные квоты для женщин позитивно скажутся на решении гендерных проблем Узбекистана»). URL: https://cabar.asia/ru/prava-zhenshhiny-v-islame-gendernye-stereotipy-i-zhiznennye-realii/ (Дата обращения: 08.06.2020).
5. *Туганова Э.А.* Актуальные проблемы гендерного неравенства в Республике Казахстан и национальный механизм его преодоления // Социология. 2012. С. 77–79.

DYSFUNCTIONS OF THE FAMILY IN THE CONTEXT OF SOCIAL TRANSFORMATION AND INTENSIVE MIGRATION PROCESSES

Popova A.
Institute of Philosophy and Sociology, Bulgarian Academy of Sciences, Bulgaria, Sofia

Annotation. The current paper interprets the issue of the family dysfunctions as a result of the processes of social transformation and migration in Eastern Europe with a special focus on the disturbed function of socialization which leads to deficits in the socialization process of children from transnational families (families where the parents work abroad while their children have been left in the country of origin and relatives take the care of them). Among the deficits in the socialization process the following can be underlined: deficits in the physiological, cognitive, psychological and emotional development of such children, deficits of care and control, deficits in education, value deficits. All these socialization deficits have a serious negative influence on the children's development and can cause cases of deviant behavior.

The paper summarizes and analyses some empirically proven cases of negative influence of the parents' migration on transnational families and their children.

Key words: family dysfunctions, transnational family, children left behind, deficits in socialization.

In the last 30 years we can observe intensive processes of social transformation in Russia and Eastern Europe, stemming from a number of economic, political and social problems. A characteristic feature of these processes is the high intensity of the migration flows from East to West connected with searching employment, higher incomes and better perspectives for the future. Within such a context there are many negative consequences for the migrant families (transnational families [1, p.3; 2, pp. 48-4; 3; 8]) and especially for their children, whether they accompany their parents or have been left in the country of origin (children left behind).

The current paper interprets the issue of the family dysfunctions as a result of the processes of social transformation and migration. Despite the fact that the members of the transnational families continue to keep links across the borders, the separate living affects the implementation of the main family functions [1, pp. 3-30].

There are numerous classifications of the family functions but the most often cited ones are the following:

- **Reproductive function**, related to reproduction and procreation;
- **Function for education and socialization** – includes elements related to the formation of a child's personality, his/her abilities and interests, transfer of the adults' social experience, etc.;
- **Economic function** – connected with maintaining the economic stability of the family unit and its home budget, with financial support for the underage and disabled family members, with managing the family life, etc.;
- **Function of primary social control** – aimed at regulating the behavior of the family members in different spheres of their life and activity, at controlling the fulfillment of the family respon-

sibilities, at regulating the relationships between the family members from different generations, etc.;

- **Recreational function** – aimed at maintaining the favorable health and emotional status of the family members through care for the recreation and recovery;

- **Protective function** – related to protection of the biological and social security of the family members;

- **Hedonistic-Felicytological function** – related to the preservation of family dreams and hopes for happiness, to the satisfaction of the needs for mutual understanding, psychological comfort and acceptable social status, etc. [6].

In the transnational families, formed as a result of the running processes of social macro transformation and migration, the implementation of the main family functions, indicated above, is modified.

A study, conducted in the European Union, shows that the labour migration and the mobility of the family members, especially women, reduces the level of fertility and thus affects the performance of the **reproductive function**. [4] This statement is in accordance with the thesis that the lower fertility in the transnational families is probably caused by the so called "postponed birth of the first child". This delay does not guarantee that the family will be able to obtain a child at a later age, as it is known that the women's reproductive cycle is shorter than that of the men's.

Secondly, it should be noted that the number of divorces among the transnational families is higher than the national average. There are no clear indications about the fact whether the family union is not breaking up exactly at the time the birth of the first child was planned.

Thirdly, it is not guaranteed that even if the transnational family retains its integrity, its members will be able to realize the preplanned births, due to the delayed birth of the first child.

Another factor in the performance of the reproductive function is that in many cases the migrant family lives illegally in the host country which limits its legal access to the healthcare system and reduces the chances for planning a child.

It should also be noted that even if a transnational family has a child during the period of migration, this child is reported as a demographic increase of the host country. For example, in 2010 one of ten newborns in the Portuguese province of Alhavra (442 people) comes from a family of Ukrainian migrants and the experts estimate these children as a contribution to the demographic situation in the country [7].

In relation to the implementation of the **economic function** of the transnational family a view point is spread that the increased welfare of the migrants contributes to the successful realization of this function. But this statement is controversial because the well-being is not the only factor to be considered. There are also such aspects of the family life as planning of the family budget, organization of the expenses, distribution of the family duties, joint care for the children and elderly, and all these activities cannot be realized successfully in the absence of one or more family members. Therefore, it can be argued that on the superficial level, the economic function of the transnational family is performed, but on a deeper level it is connected with weakening of the family ties and has a negative effect on the family members left in the sending country.

The family **functions for recreation and protection** are also disturbed in the transnational way of life. In the typical case, the members of the transnational families can invest in recreation and recovery, but most often they don't do this in order to save money. Because of the same reason, their conditions of life don't always conform to the basic norms. Most of them inhabit ghettoes for immigrants and the long working day leaves them no time for relaxation and entertainment.

The harsh living conditions do not allow migrants to take steps for reunification of the family, or at least to spend holiday periods with their children, which exacerbates the alienation of the children left in the country of origin.

The members of such families are not able to perform the protective function in relation to their children and relatives left in the country of origin, either. The communication with the latter is mostly by phone or Skype and the geographic distance does not allow parents to provide protection in cases of emergency and critical situations.

In the case with the transnational families the most affected family functions are the **functions of socialization and primary control**. On one hand, the children left in the country of origin receive a strong financial support from their parents living abroad. Usually such children have more pocket money, expensive phones and nice clothes. But on the other hand, the parents' absence causes psychological and emotional deprivation. The children from such families suffer from the lack of parental care and love and develop a rejection complex [6, p. 54].

The children left behind are deprived of family socialization, of mastering roles in the family. It is difficult for them to acquire emotional maturity and a sense of personal responsibility. In some cases, the children's alienation leads to aggressive behavior at school and unwillingness to learn. Some of these financially secured children become social parasites and cannot take care of themselves. Easy-to-earn money often drives such children into gambling, alcohol and drug use, or turns them into a criminal contingent [5, p. 9–29].

One of the reasons for the deviant behavior of the children from transnational families is their desire to draw attention to themselves or to rebel against the situation. For example, according to the Ministry of Internal Affairs of Ukraine, every tenth juvenile criminal in the country is from a migrant family [9].

On the basis of the above indications, a conclusion can be drawn that as a result of the disruption of socialization and primary control functions in the transnational families, their children experience deficits in the socialization process, which turn into risks for their overall development.

This thesis is empirically confirmed in a large-scale work of Ana Popova [4] which is focused on the socialization deficits in children from transnational families in Bulgaria. The study proves that the children from transnational families, left in Bulgaria to the care of relatives while their migrant parents work abroad, experience serious deficits in the socialization process, causing negative effects on their physiological, cognitive, mental and emotional development, and in many cases – deviant behavior and delinquent manifestations. The conclusions in this study are based on a combination of qualitative and quantitative research methods, namely: survey, in-depth interviews and focus group. While the nationally representative survey sheds light on public notions about the impact of migration and parental absence on the children's development, more detailed information about the socialization deficits and risks for the children is given in the in-depth interviews with individuals, actually affected by the parental leave, as well as in the results from the focus group with experts from social and educational institutions. That's why the current paper focuses on these results.

The total number of in-depth interviews is 34 and they are conducted in September 2018 with individuals (grandmothers, grandfathers and other relatives) from North Central region of Bulgaria. All these people take care of children with parents working abroad. The focus group includes 7 experts from social and educational institutions in Ruse district (a district with population of about 200 000 people).

The data give information about the children from transnational families, their number, age, educational, physiological, emotional status and risks for their development.

The **total number** of children with parents working abroad reported in the interviews is 58. The **age** at which these children were left in Bulgaria because of the departure of their parent/s is, as follows: 0–3 years – 11 children; 4–7 years – 11 children; 8–12 years – 13 children; 13–18 years – 4 children; over 18 years – 1 child, unborn at the time of departure – 1 child; for 2 children the parents travel continuously between Bulgaria and Italy with them; not specified age – in 15 cases, 5 of which are raised in institution up to 3 years of age.

In relation to the issue **whether the child left behind is alone or has other brothers and sisters**, the picture is the following: in 16 cases – there is only one child in the family; 12 cases – 2 children; 6 cases – 3 children.

Most of the children left in Bulgaria are **covered by the educational system**. In 16 of the cases the children go regularly to school; in 3 cases the children attend a day nursery or kindergarten but the other 2 children cannot be enrolled due to the absence of one parent and in-

sufficient number of points for child's admission; in 10 of the cases the children attend school/kindergarten but irregularly (mainly children from Roma families).

The in-depth interviews also give information about the **health and emotional status** of the children left in Bulgaria, their **success and behavior at school** and their **orientation toward deviant behavior**.

Only in 4 of the cases the respondents report about children's good health. In 13 cases the respondents don't share such information but in 17 cases they indicate health problems: dreaming of nightmares, enuresis (bed wetting), stuttering, depressions, withdrawal and others.

It is evident, that in the prevailing number of cases the children from transnational families left in Bulgaria while their parents work abroad, have health problems. The main reason for them is the **deficit of everyday competent care and attention** to the child's state, as well as the untimely search for specialized help. The stress experienced by the children also has a negative impact on their immune system and thus on their health status.

As much as they are trying to raise their grandchildren, the grandparents or other relatives cannot replace the parents because of generation differences, lack of capacity, health problems, etc. This is valid especially in the cases when the child needs advice connected with his/her physiological status.

Another significant part of the data from the in-depth interviews is the information about the **emotional state** of the children with migrant parents. In most of the cases – 13 – the children feel sad and cry for their parents; in 5 cases the respondents report about alienation from the parents; in 6 cases the children experience withdrawal; in 3 cases they experience difficulties; some of the children neglect their appearance.

As a conclusion, it can be said that the emotional state of the children from transnational families is instable, characterized with anxiety, withdrawal and sometimes with depressions, which require the intervention of a specialist. The main reason for the emotional problems of such children is the **deficit of emotional attachment** – the children feel abandoned by their parents, grieving for them and in many cases permanently alienated from them, which undermines the value of the family in these children's development. At the same time, this emotional state is a background against which the various socializing impacts are difficult and incomplete and their results are unsatisfactory.

The data from the in-depth interviews about the **children's success and behavior at school** indicate the following: in 5 of the cases the children are doing very well thanks to the support of the caregivers; in 6 of the cases the children are managing but without outstanding achievements; in 3 cases the children go to school unwillingly; in 4 cases the respondents report about poor success and absenteeism; 5 cases describe regular skipping of school; in 4 cases children with problematic behavior or difficulties experienced at school are reported.

The experts involved in the focus group relate the success of the children left behind to the family status and the capacity of the caregivers to support and control them. They think that more support and control is given by the families with higher social status, whereas in more uneducated families, such as those from the Roma ethnic group, the education is not valued and the children often drop out of the educational system. But the experts also think that if the child is motivated to change his/her social environment, he or she does this regardless of the family status.

The experts draw attention to the fact that when children with problems or at risk, such as those with parents abroad, enter the protection system, they make progress in their development but drop out of the educational system again at the slightest disruption.

On the basis of the above-mentioned, it can be summarized that most of the children with migrant parents have problems with their success and behavior at school. The main reason for this is the **deficit of support and control** not only by the parents abroad but also by caregivers in the country of origin. For the confused and disoriented child, the education ceases to be a value and, in many cases, the most normal reaction is his/her rebellion against the unfavourable circumstances demonstrated in deviant manifestations.

The data from the in-depth interviews about the **children's behavior** indicate only 4 cases of non-problematic behavior. In all other cases the respondents share information about different

negative manifestations due to the parental absence: confinement, depression, unwillingness to share, feeling of sadness – 8 cases, in 1 case the child feels like an outsider, in 6 cases the child is aggressive, in 5 cases the child is with criminal behavior; there are 8 other cases in which the child imitates inappropriate friends and this causes deviations in his behavior.

The interviews also provide information whether the children with migrant parents smoke, drink alcohol or take drugs. With the exception of 14 cases with children under 12 years of age, in 10 of the remaining 20 cases it is reported that the children have such deviations. The main reason for this deviant behavior is the lack of everyday care, resulting in the deformation of children's value system and diminished control on their socialization.

The points of view of the participants in the focus group fully coincide with the opinions expressed in the in-depth interviews. According to the experts, the children from transnational families have antisocial and delinquent manifestations, neglected appearance; more often they have physical or mental illnesses, use psychoactive substances, smoke, drink alcohol and become an easy target for sexual exploitation or victims of trafficking. Such children have a disturbed value system, some of them are more aggressive and other are withdrawing.

The cases presented of deviant behavior manifested by children from transnational families reveal one more deficit in the socialization process, namely, the **deficit of authority and role model to be followed up**. Because of the diminished control and lack of parental authority, the child with parents abroad can easily fall into an inappropriate environment which motivates him or her to use and subsequently develop dependence on alcohol, cigarettes, drugs or to have criminal behavior.

As a rule, this child has not received an early support from the institutions and becomes the object of intervention after his/her registering in the police or a signal about his/her situation.

The data from the in-depth interviews allow us to draw conclusions about one socialization deficit with key importance for the children from transnational families – the **deficit of values**. Firstly, when the child is growing up without one or both parents, he/she suffers from the insufficient socializing impact of the family values – gathering around the dinner table or celebrating holidays, sharing problems, mutual help, distribution of the family roles, etc. Such a child develops selfishness and consumerism, perceiving his parents mainly as a source of finances and material benefits. Many participants in the in-depth interviews report about similar attitudes. Other respondents report about cases where the child uses the hard-earned money from his parents for gambling, alcohol or drugs and this is an even more severe deformation of the child's value system.

For some of the children with migrant parents the education is not a value. The illustration for this is their bad success at school and their unwillingness to attend the lessons but all this causes problems in children's cognitive development.

The parental residing in a foreign country and the better living conditions there, in comparison with the country of origin, can lead to problems with children's identity and their affiliation to their own ethnocultural group and nation. In such situation, it is difficult for the children from transnational families to form national-cultural values, pride and a strong sense of belonging to the native culture.

Last but not least, the absence of the parents also impedes the proper formation of such socially approved instrumental values as industriousness, perseverance, commitment, tolerance and others, mainly due to the lack of role models.

The indicated deficits in the socialization of children from transnational families are caused by the dysfunctions of such families in the context of social transformation and migration. As it was noted above in the empirical data, the disturbed function of socialization and primary control has a very serious negative impact on the children's cognitive, psychological and emotional state, which can be qualified as risks for the children's development.

In the work already cited (Popova, 2019) a direct dependence is proved between the deficits in the socialization of children with migrant parents, the negative effects on children's physiological, cognitive and emotional status due to the parental absence and the potential risks for their development. This dependence is presented in the table below:

Table 1

Dependence between the socialization deficits, effects of the parental absence and risks for the development of the children from transnational families

Socialization deficits	**Effects from the parental absence**	**Risks for the children's development**
Deficit of everyday care	Poor health, frequent illness, inadequate or delayed response to a child's health problem; Neglected appearance	Risk for the health and physical development of the children
Deficit of emotional attachment	Aggravated emotional state, confusion, anxiety, depression	Risk for the psychological and emotional state of the children
Deficit of communication and sharing problems	Self-isolation, aggression towards others	Risk of deviant behavior
Deficit of control	– Deterioration in success and behavior at school, unjustified absences, unacceptable or aggressive behavior; – Getting inappropriate sites and contacts on Internet	Risk of dropping out of the education system Risk of abuse, exploitation, incl. sexual.
Behavioral, authority and role model deficits	Being adversely affected by friends, use of alcohol, cigarettes and drugs.	Risk of delinquent manifestations and transformation of the child in contingent of the police.
Deficit of family and institutional support	The child feels like an outsider; stigmatization.	Risk of deviant behavior and delinquent manifestations.
Value deficit	Irregular school attendance – the education is no longer a value; alienation from parents and loved ones – the family is no longer a value. Manifestations of aggression.	Risk of deviant behavior and delinquent manifestations.

The results presented emphasize the serious negative impact of the parental absence and disruption of the family functions on the overall children's development. The children with parents working abroad are at risk and coordinated institutional actions and measures are needed for prevention of the risks for their development. The necessity of such early prevention has become more evident in the pandemic situation with COVID-19 in the beginning of 2020, when the mobilities were restricted and most of the migrant parents couldn't return to their countries of origin. These circumstances have caused additional stress and emotional problems in their children left behind and have demonstrated the significance of the issue with the transnational families and the disruption of their functions from scientific and practical point of view.

References

1. *Bryceson D., Vuorela U.* Transnational families in the twenty-first century // The Transnational Family. New European Frontiers and Global Network. Oxford & New York: Berg Publishers Ltd, 2002. Pp. 3–30.
2. *Schiller G.N., Basch L.M., Szanton B.C.* From immigrant to transmigrant: theorizing transnational migration // Anthropological Quarterly. 1995. Vol. 68, № 1. Pp. 48–63.
3. *Gall L.J.* Familles transnationales: Bilan des recherches et nouvelles perspectives // Les Cahiers du Gres. 2005. Vol. 5. № 1. Pp. 29–42.
4. *Popova A.* Deficits in the Socialization of Children from Families with Parents Working Abroad. Sofia, 2019, 204 p.

5. *Tolstokorova A.* Of women's bondage: Socio-economic effects of labour migration on the situation of Ukrainian women and family // Acta Universitatis Sapientiae. 2012. Vol. 2. №. 1. Pp. 9–29.
6. *Tolstokorova A.* Ukrainian transnational family as a modernized model of family relationships // Journal of sociology. 2013. № 2. Pp. 40–42.
7. Ukraine Business Online («Ukrainians improving demographics in Portugal»). URL: http://www.ukrainebusiness.com.ua/news/2968.html (Дата обращения: 08.06.2020).
8. Glick S.N. et al. Towards a transnational perspective on migration. Race, Class, Ethnicity, and Nationalism reconsidered. New York: New York Academy of Sciences. 1992. 253 p.
9. «NewsProua». URL: http://ua.proua.com/ news/2010/05/12/170008.html (Дата обращения: 08.03.2020).

СЕКЦИЯ «КУЛЬТУРА НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ СМЫСЛЫ И СОЦИАЛЬНЫЕ РЕАЛИИ»

ОЦЕНКА РАЗВИТИЯ ИНКЛЮЗИВНОЙ КУЛЬТУРЫ В СОЦИАЛЬНЫХ СЛУЖБАХ: ИДЕАЛЫ И РЕАЛИИ

Зайцева О.В.[1], Зайцев Д.В.[2]

Саратовская государственная юридическая академия
Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.
Россия, г. Саратов

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00542

Аннотация. В статье представлены результаты комплексного исследования особенностей развития инклюзивной культуры в современных социальных службах саратовского региона. Раскрыта специфика оценки развития инклюзивной культуры, её ключевые маркеры: доступность, мобильность, коммуникация, толерантность. Проанализирована специфика продвижения идей инклюзии в социальной сфере, определены основные проблемы данного процесса (формализм, удаленность услуг от клиентов и безадресность в виртуальной сфере, отсутствие контроля эффективности донесения информации об услугах до реципиентов). В ходе регионального эмпирического исследования в социальных службах установлено, что оценка эффективности их деятельности в области формирования культуры толерантности и включения, инклюзии детей с ограниченными возможностями в образовательное пространство, разнообразные социокультурные отношения осуществляется в основном с позиций субъективного и параметрического подходов.

Ключевые слова: инклюзивная культура, инклюзия, детство, ограниченные возможности здоровья, социальные службы.

Инклюзивная социальная политика является новым феноменом, контуры которого находятся на стадии формирования. Идея инклюзии в настоящее время принимается в российском обществе, но на практике выражается неоднозначно, локально, часто с искажением смысла. Инклюзия представляет собой сложившийся тренд, развивающийся в различных сферах жизнедеятельности общества – от социального обслуживания, образования до бизнеса.

За рубежом, где и сформировалась концепция инклюзии, она трактуется Ф. Фаррингтоном как многомерное явление, объединяющее комплекс подсистем: экономическую, символическую, территориальную, социокультурную, социальную и иные [5, 6, 7]. В России получило распространение определение В.Ярской-Смирновой – «процесс, требующий определенных усилий для достижения равных возможностей всех, независимо от пола, возраста, социального статуса, образования, этнической принадлежности, дабы обеспечить им полноценное и активное участие во всех сферах жизни, участие в процессе принятия решений; это процесс преодоления бедности и социального исключения» [4]. Инклюзия выступает основой инклюзивной культуры как совокупности элементов, направленных на включение человека, группы, сообщества в широкие социокультурные отношения и создание условий для его (их) самореализации [2].

Ключевую роль в продвижении идеи инклюзии, конструировании инклюзивной культуры как основы функционирования цивилизованного общества должна играть власть, представленная компетентными, прогрессивными чиновниками. Именно они должны подавать пример инклюзии, демонстрировать высокий уровень профессиональной грамотности в вопросах организации и реализации инклюзивных практик, технологий.

Однако, сегодня и в социальных службах, имманентно призванных быть «очагами» инклюзии, инклюзивной культуры, мы можем «её» не увидеть, либо столкнуться с квазиформами.

В ходе проведенного нами в 2019–2020 годах регионального эмпирического исследования в социальных службах государственных бюджетных учреждений г. Саратова и Саратовской области (N = 10) было установлено, что инклюзивная культура стала частью корпоративной социальной культуры, только пока незначительной. Исследование проводилось посредством полуформализованного интервью со специалистами и представителями администрации (N = 20) социальных служб (социальные приюты, социально-реабилитационные центры для несовершеннолетних, центры социальной помощи семье и детям), а также включенного наблюдения (в том числе инкогнито).

Общая реакция представителей социальных служб на исследование скорее отличалась негативным оттенком. Основной лейтмотив – то, что исследователь отвлекает, мешает работе. Мы целенаправленно не стали предлагать респондентам вознаграждение, чтобы проанализировать их готовность к инклюзии, степень толерантности, уровень культуры.

Реализуя процедуру операционализации ключевого понятия «инклюзивная культура», мы установили его основные показатели: доступность, мобильность, коммуникация, толерантность.

Исследование эффективности социального обслуживания, направленного на инклюзию клиентов затрагивает тему доступности услуги социальных сервисов. Доступность социальных услуг для потенциальных клиентов изучалось в аспекте информационной и средовой доступности. Информированность потенциальных клиентов, семей воспитывающих детей-инвалидов, о возможности получения оперативной бесплатной социальной, юридической, психологической, педагогической помощи является первым шагом на пути к инклюзии, её своеобразной платформой. Обеспечение информированности клиента об услуге, порядке и условиях ее получения является одним из критериев эффективности деятельности социальных служб, что регламентируется Национальным стандартом РФ ГОСТ Р 52496-2005 "Социальное обслуживание населения. Контроль качества социальных услуг. Основные положения" (утв. приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 30 декабря 2005 г. № 533-ст) [1].

Исследование параметров доступности социальной сферы свидетельствует о наличие барьеров в доступе к социальным услугам, социальным технологиям. Относительно часто, несмотря на транспортную доступность, службы находятся вдали от остановок общественного транспорта, дорога имеет неровное покрытие, спуски и подъемы, не оснащена тротуарными зонами, на пути отсутствуют указатели месторасположения социального учреждения, что указывает на барьерность.

В последние годы локации социальных служб (здания, территория, инфраструктура) стали, например, оснащаться специальными указателями (навигационными маркерами), покрытиями пола, рельефными элементами первых и последних ступеней на лестницах. Прием граждан осуществляется в кабинетах, расположенных на первых этажах и рядом с входной группой учреждения.

Тем не менее, входные группы многих служб остаются барьерными, несоответствующими требованиям строительных ГОСТов и СНИПов. Выявленные барьеры указывает на несовершенство инклюзивной городской среды, инклюзивной культуры социальных служб. Это негативно влияет на мобильность граждан, скорость получения услуг, скорость перемещения в городском пространстве для удовлетворения индивидуальных, либо семейных потребностей, а также поддерживает практики дискриминации, эксклюзии.

Проведенный нами в 2019–2020 годах анализ сайтов социальных учреждений (N = 15), оказывающих помощь семьям, воспитывающим детей-инвалидов свидетельствует о погрешностях коммуникации с клиентами, что проявляется в предоставлении неполной информации или информации формального характера, которая не вызывает доверия

у граждан. В результате, потенциальные потребители услуг считают, что службы не способны решить их личностные и семейные проблемы.

Многие, нуждающиеся в социальной поддержке семьи, вовсе не знают об учреждениях социальной помощи семье и детям, расположенных на территории Саратовской области и города Саратова. Зачастую люди, впервые столкнувшиеся с трудной жизненной ситуацией, остаются наедине со своей проблемой, неспособны её самостоятельно разрешить, и не владеют информацией о социальных службах, деятельность которых ориентирована на инклюзию.

Современная коммуникация, коммуникативные практики осуществляются в физическом пространстве (традиционно), а также в виртуальном, посредством телекоммуникационных ресурсов. Активизация виртуального социального обслуживания позволяет приблизить услуги к клиенту, повысить степень адресности, а, следовательно, реализовать инклюзивный подход по его включению в социокультурные отношения и восстановлению статуса.

Приближенность социальных служб к потенциальным клиентам, круглосуточность их поддержки в виртуальной сети, посредством различных средств телекоммуникации позволяет людям оперативно получать информацию о своих проблемах и способах их решения.

Участники опроса – специалисты по социальной работе считают, что многие семьи могут не осознавать проблемности и сложности, возникшей в семье критической ситуации:

– «на мой взгляд, такое мы видим, когда у семьи есть проблема социальной дезадаптированности… семья, её члены, не понимают, что есть проблема, тем более не понимают, да и не знают, как её решить..., а из-за этого, кстати, могут и целенаправленно проблему как бы не замечать» (зам. директора соц. службы, Ж., 43 года, г. Саратов).

Другие испытывают страх обращения в социальные службы:

– «в основном наши клиенты с трудом идут на контакт, не хотят выносить сор из избы, стараются скрыть проблемы, боятся огласки, приходиться много работать с этим» (спец. по соц. работе, Ж., 26 лет, г. Саратов).

При такой коммуникации важна высокая степень толерантности со стороны работников социальных служб. Именно толерантность в сочетании с техниками присоединения к клиенту (в русле нейролингвистического программирования (например, Р.Бендлер, Д.Гриндер, В.Сатир [3])) обеспечивают установление доверительных отношений, оптимизирующих практики социальной инклюзии.

Таким образом, обращение к вопросу эффективности социального обслуживания обусловлено продвижением идей инклюзии, параметров инклюзивной культуры в аспекте рационализации социальной помощи, социальной политики. Ориентация деятельности социальных служб на инклюзию, разработка инклюзивных программ работы с клиентами продиктована направленностью социальной политики на создание множества инклюзивных реперных пространств, инклюзивного общества. В ходе комплексного исследования особенностей развития инклюзии в современных социальных службах саратовского региона установлены ключевые маркеры инклюзивной культуры: доступность, мобильность, коммуникация, толерантность, проанализирована специфика продвижения идей инклюзии в социальной сфере, определены основные проблемы данного процесса (формализм, удаленность услуг от клиентов и безадресность в виртуальной сфере, отсутствие контроля эффективности донесения информации об услугах до реципиентов). Оценка эффективности деятельности социальных служб в области формирования культуры толерантности и включения, инклюзии детей с ограниченными возможностями в образовательное пространство, разнообразные социокультурные отношения осуществляется в основном с позиций субъективного и параметрического подходов. Представленные результаты социологического исследования в саратовском регионе свидетельствуют об определенном стремлении социальных служб к формированию организационной культуры социальных сервисов на основе принципов ин-

клюзии, некоторые инклюзивные практики уже функционируют, и являются востребованными, возникают новые, следующие тенденциям развития инклюзивного общества.

Литература

1. ГОСТ Р 52496-2005 «Социальное обслуживание населения. Контроль качества социальных услуг. Основные положения». URL: http://docs.cntd.ru/document/1200043281 (Дата обращения 15.04.2020).
2. *Зайцев Д.В., Склярова Т.В.* Инклюзия детей-инвалидов в общество: анализ с позиций критической социологии // Almamater. 2019. № 12. С. 22–25.
3. *Большакова Л.* НЛП. Просто, понятно, доступно. М.: АСТ, 2018. 180 с.
4. *Ярская-Смирнова В.Н.* Социальная инклюзия в молодежной политике // Поволжский торгово-экономический журнал. 2010. №1. С. 63–73.
5. *Atkinson T., Cantillion B., Marlier E., Nolan B.* Social Indicators – The EU and Social Inclusion. Oxford: Oxford University Press, 2012. 294 p.
6. *Roche M.* Rethinking Citizenship, Welfare Ideology and Change in a Modern Society. Cambridge: Polity Press, 2012. 347 p.
7. *Farrington F.* Towards a Useful Definition: Advantages and Criticisms of Social Exclusion. URL: https://dictionary.cambridge.org/ru/social-exclusion (Дата обращения: 15.04.2020).

ТЮРКСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ КАК ИСТОРИЧЕСКИ НЕОТЪЕМЛЕМАЯ ЧАСТЬ ЕВРАЗИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Утямышев И.Р.

Российская академия естественных наук

Россия, г. Москва

Аннотация. Приводится анализ влияния тюркоязычных этносов на процесс формирования Евразийской цивилизации, создании крупных полиэтнических государств в Азии и Европе. Отмечен высокий уровень национальной и религиозной толерантности, значение сохранения данных принципов в современной России и на всем Евразийском пространстве.

Ключевые слова: этнос, тюрки, этнические группы, конфессии, Евразийское пространство.

Вопросы развития цивилизаций в эпоху глобализации не утратили своей значимости, а в ряде случаев во многом стали определять ход развития мировой истории. Региональные конфликты стали носить откровенно межцивилизационный характер, несмотря на очевидную социально-экономическую причину их возникновения. Социальные, политические аспекты перерастают в межэтнические и межрелигиозные противоречия, тем самым уводя в сторону от исходных причин их появления. Безусловно под этими веками отработанными лозунгами гораздо проще управлять маргинальными массами, используя образ врага, говорящего на другом языке и принадлежащего к иной конфессии. В целом эпоха глобализации при явном взрывном развитии информационных технологий, их массовой доступности и проникновении их в повседневную жизнь способствует массовому зомбированию при одновременном обесценивании моральных и культурных приоритетов, бездуховности.

Распад СССР привел к резкому изменению цивилизационного развития в мире. Возникшая однополярная мировая система, как любая иная физическая модель, подвержена прецессии и неустойчивости, что мы воочию наблюдаем сегодня. Процессы самоорганизации происходят непредсказуемо и крайне болезненно.

На обширных территориях бывшего Советского Союза возникла евразийская цивилизация, которая формировалась более тысячи лет, сплавляя в одном котле культуры и традиции многих народов, ее населяющих. В то же время наблюдается взаимный дрейф

друг от друга бывших тесно связанных экономически и культурно союзных республик. К сожалению, процесс, начавшейся реинтеграции, не всегда успевает преодолевать его.

Исторически на протяжении более двух тысячелетий вся северная часть евразийского континента находилась в сфере обитания тюркских государств. Владения их распространялись от Тихого океана до Западной Европы и от севера Евразии до Индийского океана и Северной Африки.

Более десяти веков империи сменяли друг друга, сохраняясь практически в тех же географических границах. Особенностью древних тюркских государств было то, что они возникали и расширяли свои пределы в достаточно короткие сроки, быстро организовывали мощные армии, которые отличались высокой дисциплиной и мобильностью. Учитывая незначительные периоды между возникновением и исчезновением империй, можно сказать, они были на памяти одного поколения, что говорит о высокой преемственности и исторической памяти народов этих государств.

Находясь на территории основных торговых, путей эти государства контролировали коммуникации, и прежде всего Великий шелковый путь, способствовали взаимному обмену технологическими достижениями. Обладая высокой пассионарностью, тюркский суперэтнос, включавший множество этнически близких народов, впитывал много культурных традиций соседних народов и цивилизаций, которые находились в пределах его владений. Учитывая обширность территорий империй, область контактов включала практически все крупные цивилизации Древнего мира и средневековья: китайскую, индийскую, персидскую, европейскую, ближневосточную. В течение многих десятилетий, иногда веков, многие великие государства находились в составе, а позднее управлялись династиями тюркских монархов и их потомками: Чингизидская династия Юань в Китае, Великие Моголы в Индии (потомки Тамерлана и Улугбека), иранские шахи (династия каджаров). Во многих полиэтнических государствах, где тюркоязычное население не всегда было в большинстве, тюркские языки были государственными: Иран, Золотая Орда, Османская империя. На протяжении многих веков тюркские языки служили языкам межнационального общения (Древняя Русь – половецкий язык, Русь-Россия до конца XVIII века, Северный Кавказ до начала XX века – татарский- кумыкский (это м.б. карачавеский, ногайский, точнее тюрко-татарский).

Следует отметить одну особенность тюркских народов. Проживая на огромных ареалах, будучи относительно немногочисленными тюрки достаточно мирно сосуществовали со своими иноязычными соседями. При этом они не стремились истребить, ассимилировать или обратить в свои верования другие народы. Этот уникальный феномен просуществовал на протяжении многих веков и фактически зафиксировался на генетическом уровне. В истории прошлого вряд ли найдется пример насильственной тюркизации. В России до сегодняшнего времени сохранилось множество больших и малых народов, многие из которых не имели собственной государственности и письменности вплоть до XX века, тем не менее сохранившие свой язык, культуру и обычаи в первозданном виде. Прежде всего это относится к малым народам Сибири и Дальнего Востока, которые не растворились среди крупных этносов: татарского (Западная, Центральная Сибирь, якутского (Восточная Сибирь).

На территории Волго-Уральского региона никогда не было этнических конфликтов между тюрками: волжскими булгарами, татарами и угро-финнами: древними венграми, марийцами, удмуртами, мордвой, коми и др., проживавшими смешанно на одной территории веками, ни в период Волжской Булгарии, Золотой Орды, Казанского ханства, ни в российский период развития.

Особо следует отметить взаимное сосуществование тюркских и восточнославянских народов. Начиная с IX века существуют исторические сведения о том, что, проживавшие в причерноморских степях, Приазовье, Нижней Волге тюркские племена: половцы, печенеги, хазары активно взаимодействовали с русскими княжествами. Развивалась торговля, заключались военные союзы. Начиная с правления Владимира Мономаха, в традиции князей было брать в жены дочерей половецких ханов, жены многих великих исторических личностей в том числе Юрия Долгорукого основателя Москвы, отца Андрея Боголюбского, и других

правителей. Многие русские князья владели половецким языком, как и половецкие древнерусским. Данная традиция продолжилась в Золотоордынский период. Мать Ивана IV Елена Глинская –имела татаоские корни, также как Наталья Нарышкина – мать Петра I. Практически половина видных дворянских родов имеют тюрко-татарское происхождение. Русские цари Борис Годунов и Симеон Гордый (Бекбулатович) этнические татары. В русском государстве послеордынского периода практически существовало двуязычие, многие правители свободно владели русским и татарским языками, часто делопроизводство велось на двух языках, чеканились монеты на русском и татарском языке. Многие русские дворянские фамилии происходят от татарских мурз, князей и служилых людей. При избрании на царство Романовых в 1613 г. наряду с представителями русской аристократии стоят подписи семерых татарских мурз.

Бытующее мнение о татаро-монгольском иге по сути является вымыслом, который приобрел силу исторического факта в XVIII веке и поддерживался до наших дней. Захват русских княжеств войском Бату, внуком Чингисхана произошел в короткий срок. Число жертв нашествия явно преувеличивается, хотя они безусловно были, что является следствием любых войн и вооруженных конфликтов, но они не идут ни в какое сравнение с массовым истреблением населения противников иноверцев и единоверцев в войнах средневековой Европы. В XIII веке существовала реальная угроза порабощения Киевской Руси войсками крестоносцев. Разобщенные отдельные русские княжества, находившиеся в многолетнем состоянии гражданской войны, не смогли бы противостоять объединенному воинству католической Европы. Результатом этого явились бы полная потеря суверенитета, потеря этнической и культурной идентификации. Тому много примеров. В средние века исчезли многие этносы центральной и восточной Европы: западнославянские, балтийские, финские, многие из которых имели собственную государственность. Обращение в католичество, ассимиляция, часто физическое истребление осуществлялась и в более поздний колониальный период, что привело к исчезновению многих коренных народов Америки и в других частях света.

Вхождение Руси в западный улус Джучи обеспечило защищенность ее западных границ, способствовало объединению в единые русские государства. При этом не были затронуты культурные традиции, религия, аристократия и территория обитания

Ассимиляционная политика свойственна западной цивилизации с античных времен. Во времена Римской империи исчезли практически все народы провинций, объявленные варварами: балканские, иллирийские, иберийские, кельтские, которые имели древние языки и самобытную культуру.

В отличие от европейской цивилизации тюркская цивилизации не свойственно подвергать местное население насильственной смене, религии и языка. Многовековое совместное равноправное проживание тюркских и восточнославянских этносов на одной территории способствовало их этнокультурному, ментальному и генетическому сближению. Согласно кодексу законов, Ясы Чингисхана дискриминация по языковому и религиозному признаку карались суровым наказанием, нередко смертью. В новых городах Золотой Орды строили четыре храма: мусульманский, христианский православный, буддийский и синагогу в соответствии с национальным и конфессиональным составом населения. Ранний Золотоордынский период характеризуется необычайно активным строительством православных церквей при целенаправленной поддержке государства.

беспрецедентная волна терроризма, возникли новые агрессивные течения (вахабизм) в Исламе, отличные от классических канонов.

Часто обсуждаемые события российской истории преподносятся однобоко. К примеру, Куликовская битва как противостояние Руси и Орды. В то же время в войске Дмитрия Донского было большое количество татарских полков. На стороне Мамая выступали князья Михаил Тверской и Олег Рязанский. По сути дела, Мамай был мятежником и выступал против законной власти золотоордынского хана Тохтамыша, тогда как Московский князь Дмитрий фактически защищал центральную власть. Аналогично в авангарде войска Ивана Грозного шли войска нескольких татарских князей и царевичей. По сути дела, в XVI веке происходило

начало реинтеграции Великого евразийского государства, существовавшего на протяжении многих веков, правопреемниками которого стали улуса Джучи, Золотая Орда, Русское царство, Российская империя и СССР..

И в последующие годы представители всех народов многонациональной России участвовали в общественной, политической жизни страны, отстаивали свободу и независимость в 1812 г, во время Первой мировой и Великой Отечественной войн.

Великие переселения народов связаны с походами движением больших полиэтнических масс, руководимых тюркскими предводителями. Наиболее значительным событием является поход гуннов, возглавленный Атиллой в V веке. Этот поход фактически завершил античный исторический период и распад Римской империи.

Второе глобальное историческое событие связано с походом Чингисхана. Основная масса его войска составляли тюрки. После этого похода изменилась расстановка сил в геополитическом пространстве. Тюркская цивилизация оказалась по сути на стыке всех цивилизаций мира: европейской, мусульманской, индийской, восточноевропейской и дала толчок к появлению евразийской цивилизации. Тюркские этносы (более 30 языков) имеют многовековые контакты с другими народами: угро-финскими, иранскими, славянскими, монгольскими, семитскими, китайскими и др., исповедуют практически все основные религии мира. Большая часть их мусульмане суннитского толка: турки, народы Средней Азии, Кавказа, Поволжья, Урала, Сибири; шииты азербайджанцы и тюрки Ирана; христиане: чуваши, крещеные татары, гагаузы, якуты, буддисты: тувинцы; иудаисты: караимы, крымчаки, а также представители местных верований. Сегодня в мире более 20 тюркоязычных государств и национально–государственных образований.

Мощные тюркские государства способствовали укреплению ислама в Центральной Азии и на Ближнем Востоке. Пришедшая на смену пришедшему в упадок Арабскому халифату Османская империя консолидировала большинство разрозненных ослабленных арабских государств, и, в известной мере предотвратила их колонизацию европейскими странами на несколько столетий. Вероятнее всего страны Северной Африки и большинство государств Ближнего Востока ожидала бы судьба народов Черной Африки Америки.

В результате Реконкисты в Испании в 16 веке исчезли многочисленные исламская и иудейская общины, которые составляли значительную часть населения страны.

Примером тому может служить колонизации стран Магриба (Алжир, Тунис), где французский язык в течении 150 лет практически вытеснил местные языки. После крушения Османской империи после Первой мировой войны и появлении, зачастую, искусственных арабских государственных образований с прямолинейными границами, без учета этнических и религиозных особенностей территорий, регион сопровождают бесконечные войны и конфликты, а в последнее время захлестнула. Аналогичные процессы произошли в Индии после окончания Британского владычества, которая была расчленена на государства по религиозному принципу, что стало очагом напряженности в регионе.

В ряде стран тюркоязычные народы составляют значительную часть населения: Иран, Ирак, Афганистан, Германия, Австрия.

В то же время находясь в иноязычном окружении тюркские народы толерантны к другим традициям, исторически им чужды фанатичная религиозность. В большинстве случаев религия принималась ими ненасильственно, добровольно (ислам в Поволжье, большинстве регионов Центральной Азии, Северного Кавказа), иудаизм в Хазарии, буддизм, тенгрианство и шаманизм в Восточной Сибири.

С образованием новых государств на постсоветском пространстве возрастает фактор цивилизационного единения на тюркской этнической основе, что обусловлено стремлением к самосохранению в эпоху глобализации и препятствует обострению политических и экономических межцивилизационных противоречий, разрастанию и обострению религиозных конфликтов.

Положительным примером для многих тюркоязычных народов служит экономический рост в отдельных странах: Турции, Казахстане, Азербайджане и др. Возрождающуюся тюрк-

скую цивилизацию в свою очередь можно рассматривать как неотъемлемую часть евразийской, в становление которой она много внесла. По сути обе цивилизации взаимно дополняют друг друга, являются близкими в ментальном и историческом плане. Исходя из исторического опыта, для укрепления и развития многим странам необходимо укреплять экономическое, политическое взаимодействие, активизировать всесторонние связи в обширном регионе, что является одним из условий сохранения этнокультурной идентичности и территориальной целостности и безопасности государств в сложном быстроизменяющемся глобальном мире, противодействию разрушительным угрозам современности. В этом плане имеются конкретные шаги по развитию процессов интеграции в Евразийском экономическом Союзе, расширение двусторонних и многосторонних отношений России с Турцией, Ираном и Монголией.

ТЕАТРАЛЬНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖИ: УСТАНОВКИ И ПРАКТИКИ

Фаттахова Р.Р., Максимова О.А.
Казанский федеральный университет,
Россия, г. Казань

Аннотация. В статье предлагается детальный анализ проблемы театральных установок и практик современной студенческой молодёжи с точки зрения как объективистских, так и субъективистских подходов. Особое внимание уделяется раскрытию основной сущности театральной активности молодого поколения.

Ключевые слова: театр, театральное искусство, театральное поведение, театральная активность, театральные установки, молодёжь, молодёжная аудитория, театральная аудитория, культурный уровень, социальный портрет.

Одним из решающих факторов, влияющих на отношение молодого зрителя к театру в современных условиях, является социальное происхождение, образование и культурный уровень родителей, традиции семейного воспитания. В связи с этим вопрос о пополнении театральной аудитории из числа студенческой молодёжи представляется весьма важным и требует внимательного рассмотрения. Надо подчеркнуть, что приверженность определенным формам заполнения свободного времени и выбор модели социального участия зависят не только от моды или общепринятых вкусовых стандартов, но и от культурного потенциала людей, в частности многие вкусы и запросы. Именно поэтому, то, что могло бы исходить от старшего поколения в качестве положительного примера (посещение театра), не всегда с успехом культивируется нынешним поколением. Следует также отметить, что в современном обществе находят распространение многочисленные виды, жанры театра, поэтому довольно интересно и важно выяснить, какие именно предпочтения и потребности у современной молодёжи в сфере театрального искусства.

Среди всего многообразия проблем, связанных с жизнедеятельностью молодёжи, безусловно, заслуживают особого внимания вопросы творческого и культурного развития, самореализации данной демографической группы. Для реализации творческих возможностей молодёжи существует множество способов, один из которых – это посещение театров [4].

Театр всегда являлся одним из главнейших агентов социализации молодёжи, способствующих культурному развитию личности, расширяющих знания об окружающем мире, содействующих формированию ценностных ориентаций индивида. Но, к сожалению, сегодня часто можно услышать мнение о том, что современная молодежь перестала ходить в театры. Насколько же соответствует действительности данное утверждение?

Анализу театральных установок современной студенческой молодёжи посвящены труды известных отечественных социологов, занимающихся исследованиями в области социо-

логии культуры, театра и молодёжи. Это, прежде всего, работы таких авторов, как В.Н. Дмитриевский, А.Н. Алексеев, О.Б. Божков, В.Л. Владимиров, Б.З.Докторов, Л.Е. Кесельман, З.В. Сикевич, О.Е. Коханая, В.Т. Лисовский и т.д.

В книге «Театр и публика: опыт социологического исследования 1960–1970-х гг.», ответственным редактором которой является В.Н.Дмитриевский, описываются результаты анкетного опроса под названием «Взгляните на афишу» [3, с. 56–60]. Целью данного исследования являлось выявление характера отношения молодёжи к различным видам досуга по шкале «активность-пассивность». В процессе обработки данных по группе студентов была обнаружена устойчивая связь между возрастом респондентов и количеством просмотренных ими спектаклей. Кроме того, исследователи выявили тесную связь между количеством просмотров одного спектакля и его «возрастом». Детальный анализ имеющихся данных также показывает, что такие факторы, как материальные условия жизни, удаленность жилья от центра города не оказывают существенного влияния на характер отношения молодёжи к театру. Весьма слабое влияние оказывают на количество посещений театра и характеристики социальной активности молодых людей.

Совершенно с другой стороны раскрывает причину посещения/не посещения театра молодёжной аудиторией З.В.Сикевич в своей книге «Молодёжная культура: «за» и «против» [2, с. 170–173]. Автор характеризует театр как уникальное, совершенно особое искусство, в котором нет преграды между публикой и художником, ведь сцена и зрительный зал – это нечто целостное, неразделимое, где происходит живой внутренний диалог, и публика становится непосредственным участником возникновения спектакля. Кроме того, автор отмечает, что по результатам опроса, проведенного в 1984 году, по мнению студентов Ленинградского университета, театр прежде всего помогает «разобраться в общественных проблемах» (71,5%), «сформировать нравственные убеждения (60,4%), в то время как средством развлечения сценическое искусство служит лишь для 21,5% опрошенных.

З.В. Сикевич также делает акцент на том, что театральная проблема, особенно для молодёжи, по-разному стоит в столичных городах и в сельской глубинке. К примеру, билеты популярного столичного театра являются предметом дефицита и посещение театра из явления чисто культурного толка превратилось в мероприятие престижного толка. А это, как известно, не может не сказаться на самом театральном искусстве. Именно поэтому исследователь видит одну из основных причин посещения студентами театра реже, чем хотелось бы, в «невозможности достать билеты на интересный спектакль» [2, с. 173].

О.Е. Коханая во многих своих исследованиях акцентирует внимание на функционировании и перспективах развития детских и молодёжных театров. Продолжая мысль З.В.Сикевич, особенность театрального искусства автор видит в том, что оно базируется на непосредственном контакте художника и публики, и считает, что именно поэтому в молодёжном театре нужно создать кратчайшую дистанцию общения, при которой зритель превращается в сотворца спектакля, в субъект театрального процесса, узнает в герое самого себя. По мнению исследователя, достижение эффекта сопричастности, узнаваемости – это один из путей разрешения проблемы активизации молодёжной зрительской аудитории [1].

Исходя из данных, представленных центрами изучения общественного мнения, российскими исследовательскими организациями, федеральной службой государственной статистики, эмпирическими социологическими исследованиями советских научно-исследовательских групп, можно проследить «театральную» активность и предпочтения молодёжной аудитории в динамике развития. Так, например, если исследования, проведенные в 1970-е гг., представлены в виде оптимистичных данных об отношении молодёжи к театральному искусству, то в 2000-х гг. наблюдается резкий спад численности зрительского состава театров. О заметном улучшении ситуации можно констатировать лишь в 2013-2015 гг. Но всё же, на основе этих данных, становится очевидным, что пик молодёжного увлечения театром позади [5].

Исследователи Фонда «Общественное Мнение» на основе опроса студентов ведущих вузов России составили среднестатистический портрет молодого человека, увлекающегося

театром. Согласно проведенному исследованию, среди студентов театралов значительно больше, чем среди молодежи в среднем (11% против 6%). Почти каждый пятый участник опроса студентов десяти ведущих вузов говорит, что увлекается театром (21%). Половина студентов десяти ведущих вузов страны (51%) посетили за последний год театр.

Что касается гендерной принадлежности, почти две трети театралов составляют представительницы женского пола (72% – девушки и только 28% – юноши). Среди активистов молодёжных движений театралов в три раза больше, чем среди «обычной» молодёжи (18% против 6%).

Молодые театралы – группа немногочисленная, но заметно выделяющаяся на фоне всей молодёжи. В качестве одного из самых важных понятий в жизни они чаще остальных отмечают духовность и творчество. Именно они чаще других называют творческую работу работой своей мечты. Большинство любителей театра стремятся сделать карьеру, а выбирая место работы, ориентируются на возможность профессионального роста. Почти все они стремятся к успеху, причем многие уверены, что таким людям, как они, добиться успеха в жизни легко.

Интерес представляет и тот факт, что театралы чаще других говорят о своем желании работать в органах государственной или муниципальной власти и реже – в бюджетных организациях [6].

Таким образом, проведенный вторичный анализ данных позволил выделить масштаб, факторы, основные аспекты театральной активности молодёжной зрительской аудитории и, в целом, создать более ясную картину об изучаемом явлении.

В процессе непосредственного эмпирического исследования, осуществленного нами в 2019 году в г. Казань, акцент делался, прежде всего, на качественных методах, выбор которых осуществлялся, исходя из цели и задач исследования. Среди качественных методов были применены такие методы, как участвующее наблюдение и экспертное интервью. Если целью наблюдения стало выявление наиболее значимых характерных черт студента, регулярно посещающего театры, то основной задачей экспертного интервью было определить предпочтения молодёжной театральной аудитории в виде самых актуальных направлений, жанров и на основе этого изучить дальнейшие перспективы развития театрального искусства. Таким образом, качественные методы в данном исследовании не только способствуют формированию целостного объекта, выяснению важных латентных явлений, но и помогают выделить наиболее значимые специфические аспекты взаимосвязи и взаимовлияния современной молодёжи с современной театральной культурой.

Нестандартизованное, полевое, включённое наблюдение проводилось путем непосредственного, систематического, направленного восприятия и прямой регистрации значимых с точки зрения целей и задач исследования событий. Всего было проведено два наблюдения: в Татарском Государственном Академическом театре имени Г.Камала во время спектакля «Диляфруз – Remake» и в творческой лаборатории «Угол» во время спектакля-вербатима «Мне нужен капитан дальнего плавания». Непосредственными наблюдаемыми стали зрители данных спектаклей, среди которых особый интерес вызывает, безусловно, аудитория молодого возраста. Главной целью включенного наблюдения является, во-первых, составить цельный портрет театральной аудитории, во-вторых, определить характер поведения молодого поколения зрителей в театральном окружении и выяснить их отношение к театральному искусству через конкретные внешние поведенческие реакции и, в-третьих, выявить общую атмосферу в театре, которая в некотором смысле способна объяснить причины определенного поведения молодых зрителей.

Для наблюдения неслучайно были выбраны именно эти два театра, один из которых является классическим татарским театром, уже более одного века занимающий один из лидирующих позиций среди многих театров города Казань, а другой представляет собой творческую лабораторию с трансформируемым пространством, возникшую всего несколько лет назад. Именно такие большие различия между данными театрами позволили наиболее подробно сопоставить их с позиций разных критериев. Итак, в рамках данного исследования

были рассмотрены методом полевого включенного наблюдения и подробно проанализированы два кейса: Татарский Государственный Академический театр имени Г. Камала и творческая лаборатория «Угол». В ходе анализа был составлен подробный социальный портрет театральной аудитории, выявлен характер поведения молодёжи во время спектаклей разных жанров, направлений, описана общая атмосфера в каждом из театров и подвержена глубокому сравнению.

Проведенное наблюдение позволило сделать основные выводы в рамках данного исследования, выявить новые стороны изучаемого объекта и раскрыть некоторые латентные явления, помогающие глубже проникнуть в суть исследуемой проблемы. В конечном итоге наблюдений были получены следующие основополагающие результаты:

– в целом, театральная аудитория классического театра состоит из зрителей совершенно разного возраста – «дети школьного возраста, молодые девушки вместе со своими матерями, молодые пары, любители театра среднего возраста со всей своей семьей, но все же среди театралов, конечно же, самой преобладающей категорией являются люди пожилого возраста, чаще всего посещающие театр со своей второй половинкой»; а основными зрителями современного театра «Угол» являются чаще всего молодые студенты;

– если для зрителей классического театра поход в театр – это целый праздник, что отражается в манере их одежды, поведения, отношения друг к другу, то для молодёжи, регулярно посещающей творческую лабораторию «Угол», – это пространство для встреч, интересных дискуссий и саморазвития;

– кроме того, в театре имени Г. Камала большинство молодых зрителей чаще всего обращаются друг к другу с одной единственной целью – сфотографировать их вместе с родными, друзьями на память; тем временем в театре «Угол» молодёжь больше всего обращает свое внимание на коммуникативный аспект: общение с друзьями, знакомыми, обсуждение театральных постановок и т.д.;

– в классическом театре чувствуется особая атмосфера, перед началом спектакля зрителей радует приятная инструментальная музыка в исполнении живого оркестра, здесь зрители скорее начинают ощущать себя словно попавшим в один из знаменитых балов XIX, где преобладают элитные, образованные люди исключительного высокого круга; а в современный театр «Угол» представляет собой маленькое, уютное и оригинально оформленное пространство, где возникает чувство, будто ты попал в какой-то совершенно другой необычный маленький мир. С одной стороны, здесь удивляет простота и отсутствие какой-то роскоши, а с другой стороны, в этой простоте чувствуется что-то привлекательное, и именно в ней заключается какой-то таинственный смысл.

В рамках данной исследовательской работы также было проведено пять глубинных экспертных интервью. В качестве информантов были выбраны эксперты различного уровня: актрисы, администраторы и распространители билетов, работающие в театре. Выборка экспертного интервью была основана на типизированном отборе. Основными характеристиками информантов стали следующие свойства: пол – женский, возраст – от 25 до 55 лет, образование – высшее, основная работа – в сфере театра. Таким образом, исходя из вышеперечисленных типичных характеристик, в качестве информантов были отобраны следующие лица: актриса театра имени К. Тинчурина, актриса Театра Юного Зрителя, главный администратор театра имени К. Тинчурина, администратор Театра Юного Зрителя и распространитель билетов театра имени К. Тинчурина.

Проведенные глубинные интервью позволили сделать следующие основополагающие выводы:

– большинство информантов придерживаются мнения о том, что молодые зрители с каждым годом всё чаще стараются посещать театры, и это особенно заметно во временной динамике;

– практически все эксперты отмечают о наибольшей актуальности комедийного жанра среди молодых зрителей. Также очень распространённым мнением среди информантов явля-

ется мысль о том, что молодёжь приходит в театр, чтобы увидеть себя со стороны и сделать какие-то полезные выводы;

– у каждого эксперта наблюдается свое специфическое мнение по поводу поведения молодёжи в театре, но в любом случае, всё зависит от индивидуального уровня духовного развития каждого зрителя;

– основная цель, с которой молодёжь посещает театры – это, прежде всего, получение полезной информации для себя и желание интеллектуально развиваться;

– основополагающими факторами, которые влияют на отношение молодёжи к театральному искусству, выступают семья, школа и социальное окружение молодого человека;

– социальный портрет молодого театрала включает в себя следующие основные характеристики: аудитория, в основном, женская, что касается возраста, это скорее всего студенты старших курсов, по поводу социального статуса, больше всего молодёжь, которая обеспечена финансово, что касается внутреннего мира, это молодёжь, которая обладает высоким уровнем духовного и интеллектуального богатства;

– основными приёмами актуализации театрального искусства среди молодёжи являются: во-первых, реклама, различные акции, розыгрыши через соцсети, во-вторых, проведение различных встреч, интервью с артистами театра.

Таким образом, в рамках данной исследовательской работы проблема театральных установок и практик современной студенческой молодёжи была детально проанализирована с точки зрения как объективистских, так и субъективистских подходов.

Анализ теоретических положений и эмпирических исследований позволил раскрыть основную сущность театральной активности современной молодёжи:

– если исследования, проведенные в 1970-е гг., представлены в виде оптимистичных данных об отношении молодёжи к театральному искусству, то в 2000-ых гг. наблюдается резкий спад численности зрительского состава театров. О заметном улучшении ситуации можно констатировать лишь в 2013-2015 гг. Но всё же, на основе этих данных, становится очевидным, что пик молодёжного увлечения театром позади;

– результаты проанализированных исследований позволяют составить примерные «эскизы» к социальному портрету молодого театрала: девушка, которая настроена на карьеру, хочет работать в органах государственной и муниципальной власти, высоко ценит профессионализм, стремится к успеху в своей жизни, предпочитает изменения стабильности и воспринимает творчество как самое важное в жизни.

Использование метода полевого включенного наблюдения и подробный анализ двух театров в рамках данного исследования позволил составить подробный социальный портрет театральной аудитории, выявить характер поведения молодёжи во время спектаклей разных жанров, направлений, описать общую атмосферу в каждом из театров, подвергая их глубокому сравнению. В результате, можно сделать общий вывод о том, что каждый вид театра по-своему привлекателен и интересен для зрителей молодой возрастной категории, но тем не менее, современные театры пользуются большим спросом среди молодёжной аудитории.

Интерпретация материалов экспертных интервью стала главным инструментом для выявления основных ориентаций молодёжи в сфере театрального искусства и, в целом, составления общей картины перспектив развития современного театра в ближайшем будущем, которая, безусловно, тесно связана с театральными предпочтениями молодёжной аудитории. Таким образом, несмотря на то, что вторичный анализ эмпирических данных показал не совсем оптимистичные результаты по поводу активности посещения театра молодёжью, тем не менее, благодаря результатам применения качественных методов исследования: включённого наблюдения и экспертного интервью были получены совершенно противоположные результаты, в соответствие с которыми молодёжь достаточно часто ходит на спектакли разных жанров, и несмотря на то, что есть некоторые изменения в особенностях поведения, восприятия театрального искусства по сравнению с прошлым,

в целом, молодёжь не перестаёт ходить в театры. Это является лишь доказательством того, что у театрального искусства наблюдаются многочисленные перспективы дальнейшего развития.

Литература

1. *Коханая О.Е.* Театры юного зрителя как фактор формирования нового типа личности // Вестник МГУКИ. 2014. № 4(60). С. 29–35.
2. *Сикевич З.В.* Молодёжная культура: «за» и «против». Л.: Лениздат, 1990. 173 с.
3. Театр и публика: опыт социологического исследования 1960–1970-х гг.. М.: Государственный институт искусствознания, «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2013. – 400 с.
4. *Шварц Н.Д.* Молодежный театр как технология поддержки творческой самореализации работающей молодежи. Пермь: Пермский Государственный Гуманитарно-Педагогический Университет, 2017. 117 с.
5. Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/-free_doc/doc_2017/rusfig/rus17.pdf (Дата обращения: 04.02.2019).
6. Сайт аналитического агенства «ФОМ» («Ходит ли молодёжь в театр») // База данных ФОМ от 26 сентября 2008. URL: http://bd.fom.ru/report/map/teatr01 (Дата обращения: 02.02.2019).

КОРПОРАТИВНАЯ КУЛЬТУРА НА ГРАНИЦЕ ВОСТОКА И ЗАПАДА (НА ПРИМЕРЕ ОТДЕЛЕНИЯ ПЕНСИОННОГО ФОНДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН)

Шашуров С.Е.

Отделение Пенсионного фонда Российской Федерации по Республике Татарстан, Россия, г. Казань

Аннотация: Для каждой организации корпоративная культура является уникальной. Для определения особенностей корпоративной культуры необходимо учесть национальную ментальность, определяющую устойчивые ценности и поведенческие нормы взаимоотношений в организациях. В статье автор сравнивает особенности корпоративной культуры организаций европейских и азиатских стран, а также проводит анализ корпоративной культуры Отделения Пенсионного фонда России по Республике Татарстан.

Ключевые слова: корпоративная культура, национальные особенности, пенсионное обеспечение, внебюджетные фонду, государственные учреждения.

Корпоративная культура является системой факторов, которые определяют внутреннюю среду организации и стиль ее поведения. Центральное место при создании корпоративной культуры занимает система ценностей, регулирующая этическое поведение в данной организации. Также корпоративная культура включает и иные ценности, убеждения, ритуалы, символы. На формирование данных элементов корпоративной культуры влияют национальные особенности.

Например, в англо-саксонских странах превалируют индивидуалистические установки, а в странах континентальной Европы индивидуалистические и коллективистские ценности более уравновешены.

Основой восточной культуры является коллективизм, и восприятие себя частью общества возможно только в рамках какой-либо группы. Корпоративная культура представителей Азии в силу традиций и исторических процессов, сохранивших отдаленность власти от людей, построена на соблюдении жесткой иерархии и подчинении младших старшим по служебному положения и возрасту, в то время как западным странам присущ

демократичный стиль руководства. Также на корпоративную культуру оказывает влияние и религия. К примеру, в мусульманских странах правила ислама важнее корпоративных, взять хотя бы необходимость молиться пять раз в день, соблюдать пост, проводить полдня в мечети в пятницу. В организациях оборудованы специальные молельные комнаты. Религия может влиять на график работы.

Существуют различия и в отношении ко времени. Для западных стран принято отношение к времени, как к ограниченному ресурсу, то есть отношение к задержкам и опозданиям – сугубо отрицательное. Для восточных стран (Ближний Восток) характерно отношение ко времени, как к неограниченному ресурсу, например, при переговорах не принято сразу переходить к делу, отношение к небольшим опозданиям также достаточно лояльное.

В России коллективизм используется чаще всего как средство социального контроля над персоналом и проявляется в рамках «вертикальной» корпоративной культуры. Приказы являются способом доведения до подчиненных решений руководителя. Подобный стиль проявляется в том, что подчиненны привыкают чаще обращаться к руководителям, нежели к профессиональным предписаниям и нормам.

Республика Татарстан находится на стыке двух культур: западной и восточной, поэтому организации республики обладают собственной уникальной корпоративной культурой, в том числе и Отделение Пенсионного фонда РФ по Республике Татарстан.

Пенсионный фонд России и его территориальные органы представляют собой единую централизованную систему органов управления средствами обязательного пенсионного страхования, в которой каждый нижестоящий орган подчиняется вышестоящему.

Органы Пенсионного фонда в процессе своей работы постоянно взаимодействуют с различными законодательными и исполнительными органами субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления.

В деятельности Пенсионного фонда России управленческие функции централизованы на федеральном уровне, начиная с выполнения основных функций по обеспечению назначения и выплаты пенсий и заканчивая контролем за расходованием средств на содержание аппарата управления пенсионной системой. Однако основные процедуры обработки информации и принятия решений о назначении и выплате пенсии производятся в территориальных органах Пенсионного фонда Российской Федерации.

Пенсионный фонд России по определению – закрытая бюрократическая организация, которая действует по уставу в рамках существующего законодательства. Элементы ее корпоративной культуры таковы: нормы и ценности, социально-психологический климат, удовлетворенность трудом, мотивация персонала и лояльность сотрудников к организации. Как и в корпоративной культуре государственных служб, корпоративные ценности чувствительны к внешним факторам и подвержены динамическим изменениям, что дает возможность их целенаправленно создавать и регулировать.

Отмечу, что не только корпоративная культура влияет на персонал, но и в свою очередь персонал влияет на корпоративную культуру. Например, в Отделении ПФР по Республике Татарстан, с приходом молодых руководителей и сотрудников жесткая бюрократическая организационная культура начала динамично изменятся, стала более приспособлена к изменениям. Системообразующими факторами являются такие элементы, как удовлетворенность трудом и нормы и ценности, при этом ценности и нормы влияют на удовлетворенность трудом. Соответственно, при формировании или реорганизации корпоративной культуры, на первый план нужно выдвинуть нормы и ценности и удовлетворенность трудом, которая в свою очередь оказывает воздействие на социально-психологический климат и мотивацию.

Социально-психологический климат – это центральный элемент схемы, и этот элемент влияет на лояльность и мотивацию, а также подвергается влиянию норм и ценностей и удовлетворенности трудом.

В корпоративной культуре ПФР можно выявить следующие тенденции: рост творческого подхода к работе, повышение внимания к профессиональному развитию и морально-этическим качествам сотрудников, особенно персонала клиентских служб, ведущих прием граждан.

Таблица 1

Анализ аспекта «неприятие неопределенности»

Неприятие неопределенности		
Параметры	**Культура с низким уровнем неприятия неопределенности**	**Культура с высоким уровнем неприятия неопределенности**
Отношение ко времени	Жить настоящим днем	
Предпочтительный размер организации		Работники предпочитают крупные организации
Возраст руководителей структурных подразделений	Молодой	
Мотивация на достижение целей	Устойчивая	
Отношение к успеху		Боязнь неуспеха
Готовность к риску		Слабая
Предпочитаемый тип карьеры	Предпочтение управленческой карьеры перед карьерой специалиста	
Квалификация руководителя		Руководитель – специалист в сфере управления
Отношение к конфликтам	Конфликт – естественное состояние	
Конкуренция между работниками	Нормальное явление	
Готовность к компромиссу	Высокая	
Готовность к неопределенности в работе	Высокая	

Голландский ученый Г. Хофстеде проанализировал корпоративные культуры отделений одной организации в 40 странах по четырем следующим аспектам: «неприятие неопределенности», «индивидуализм-коллективизм», «мужественность-женственность» и «дистанция власти». Согласно результатам большую степень неприятия неопределенности показали страны континентальной Европы и Япония, а наименьшую Гонконг, США, Канада и Великобритания. Также западные страны обладают большим индивидуализмом, чем восточные и меньше дистанцируются от власти. Попробуем по тем же аспектам проанализировать корпоративную культуру Отделения ПФР по Республике Татарстан.

Исходя из данных, можно сделать вывод, что корпоративная культура Отделения обладает более низким уровнем неприятия неопределенности, что связано с постоянным изменением законодательства и неопределенным правовым статусом внебюджетных фондов.

Таблица 2

Анализ аспекта «мужественность-женственность»

Мужественность-женственность		
Параметры	**«Мужская» культура**	**«Женская» культура**
Гендерная роль	Мужчина должен зарабатывать, женщина – воспитывать детей	
Доминирование		Различие полов не влияет на занятие властных позиций
Главная ценность		Качество жизни
Жизнь и работа		Работать, чтобы жить
Что важно	Деньги и материальные условия	
Стремление	Всегда быть лучшим	
Отношение к свободе		Солидарность
Отношение к успеху	Уважать тех, кто добился успеха	
Принятие решений		Интуиция

Таблица 3

Анализ аспекта «индивидуализм-коллективизм»

Индивидуализм-коллективизм		
Параметры	**Индивидуалистическая культура**	**Коллективистская культура**
Вмешательство в личную жизнь		Сотрудники ожидают участия организации в решении личных дел
Защита интересов		Сотрудники ожидают, что организация будет защищать их интересы
Функционирование организации		Лояльность сотрудников
Продвижение по службе	На соревновательной основе	
Мотивация		Руководство использует традиционные методы
Социальные связи		Сплоченность

Аспект «мужественность-женственность» в Отделении находится в балансе. С одной стороны на это влияет традиционное мировоззрение, принятое в России и, в частности, в Татарстане, с другой – преимущественно женский коллектив. К примеру, среди руководителей структурных подразделений – 74% женщин. Также 3 должности заместителя управляющего из 5 занимают женщины.

Как показал анализ, в Отделении присутствует ярко-выраженная коллективистская культура: руководство защищает интересы сотрудников, созданный профсоюз принимает участие в решении личных проблем сотрудников, организовывает корпоративные мероприятия для повышения сплоченности коллектива. Тем не менее, продвижение по службе происходит на соревновательной основе: по результатам аттестации сотрудники зачисляются в резерв кадров, специально для них проводится обучение управленческим навыкам.

Таблица 4

Анализ аспекта «дистанция власти»

Дистанция власти		
Параметры	**Культура с высоким уровнем дистанции власти**	**Культура с низким уровнем дистанции власти**
Частота выражения подчиненным своего несогласия		Высокая
Предпочтительный стиль управления		Демократический
Восприятие неравенства	Неравенство людей	
Доступность руководства		Высшие руководители доступны
Отношение к праву		Право первенствует по отношению к силе
Структура организации	Многоуровневая, централизованная	
Размер управленческого аппарата	Большой	
Дифференциация заработной платы		Небольшая
Квалификация работников низшего звена		Высокая
Статус специалистов низшего и среднего звена	Специалисты среднего звена обладают большим статусом, чем низшего	

При анализе данного аспекта следует отметить, что в настоящее время идет тенденция по демократизации и открытости руководства, то есть уменьшается дистанция власти, тем не менее, элементы культуры с высоким уровнем дистанции власти сохранились.

Таким образом, корпоративная культура Отделения ПФР по Республике Татарстан обладает такими аспектами, как «низкое неприятие неопределенности», «коллективизм», в большей степени аспектом «низкий уровень дистанции власти», и балансом аспекта «мужественность-женственность». Иными словами, сочетает в себе корпоративную культуру востока и запада.

Литература

1. *Зуб А.Т.* Психология управления: учебник и практикум для академического бакалавриата. Москва: Издательство Юрайт, 2019. 372 с.
2. *Ершов А.Н., Шашуров С.Е.* Анализ организационной культуры ПФР по результатам социологического исследования на материале Республики Татарстан // Вестник экономики, права и социологии, 2018. № 2. С. 204–207.

СЕКЦИЯ «ИНТЕГРАЦИОННЫЕ И ДЕЗИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: МИГРАЦИЯ, КОНФЛИКТЫ, СОТРУДНИЧЕСТВО»

ЕВРОПЕЙСКИЙ ОПЫТ ОРГАНИЗАЦИИ СЕЛЕКТИВНОЙ МОДЕЛИ ИММИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

Ганеева В.Р.
Казанский федеральный университет,
Россия, Казань

Аннотация: Экономически развитые страны ЕС благодаря высокому уровню жизни и широкому спектру предоставляемых социальных гарантий являются мировыми иммиграционными центрами. В современных условиях, когда численность желающих иммигрировать в Европу значительно превышает потребности рынка труда и возможности социальной инфраструктуры, европейские правительства переходят к селективной модели миграционной политики. В статье рассмотрены её предпосылки и основные характеристики.

Ключевые слова: миграционная политика, иммиграция, беженцы, миграционный кризис, ЕС, секьюритизация.

В настоящее время миграционная политика в развитых государствах Западной Европы в основном рассматривается с позиции проведения иммиграционной политики, так как для этих стран в большей степени характерен именно въезд иностранных граждан.

Основополагающие принципы европейской иммиграционной политики заключаются в привлечении полезных для развития страны иностранцев и ограничении въезда "нежелательных" лиц. Сегодня европейские государства ориентированы на следующие общие требования к миграционной политике [6]:

1) политика дифференцированного отбора мигрантов. Для каждой категории существуют свои условия въезда и пребывания в стране (воссоединение семей, трудовая миграция, высококвалифицированные специалисты, квалифицированные специалисты, беженцы).

2) привлечение мигрантов исходя из потребностей рынка труда.

3) привлечение мигрантов исходя из демографических потребностей**.**

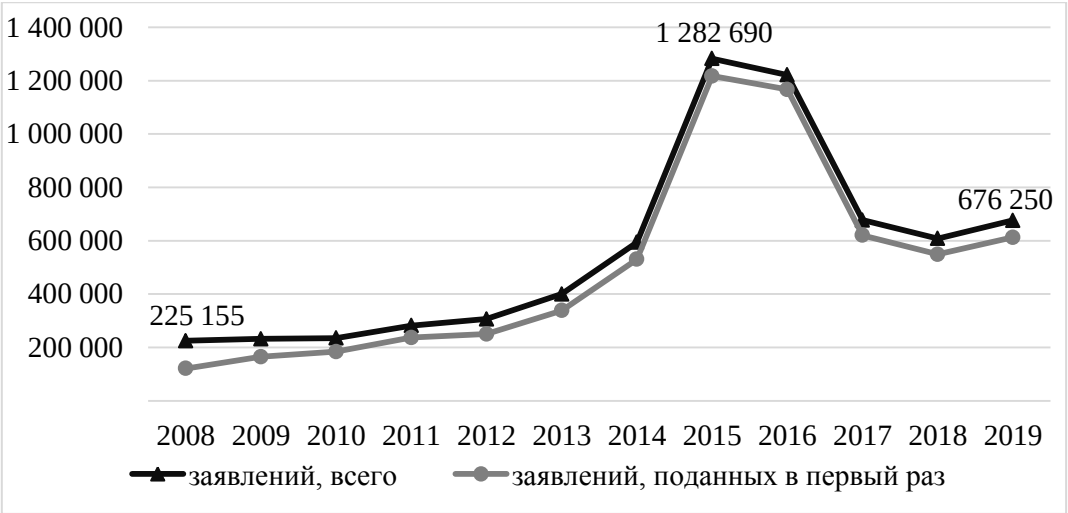


Рис. 1. Количество заявлений о предоставлении убежища, поданных в странах ЕС

Важнейшая задача современной миграционной политики в Европе – решение вопроса с нелегальной миграцией, ставшего особенно актуальным в 2015 г. в связи с обострившимся миграционным кризисом (рис. 1), вызванным неконтролируемым потоком беженцев и мигрантов из зон вооруженных конфликтов Ближневосточного региона, а также ряда африканских и азиатских государств с неблагоприятными социально-экономическими условиями.

Кризис оказал крайне негативное влияние на внутриполитическую ситуацию и перспективы развития как отдельных государств – членов Евросоюза, так и в целом Европейского сообщества, поэтому страны ЕС впервые в своей истории были вынуждены объединить свои усилия для поиска выхода из данной ситуации [7, с. 34].

До недавнего времени в Германии активно финансировались проекты, направленные на улучшение условий прибывшего населения и сглаживания этнокультурных конфликтов. Данные программы зачастую реализуются по инициативе и в тесном сотрудничестве с организациями гражданского общества, и к ним относятся: институциализация межкультурного и межрелигиозного диалога; программы межкультурного обмена; поощрение участия мигрантов в работе организаций принимающего общества и волонтерских ассоциаций; организация межкультурных мероприятий; принятие мер и проведение профилактических кампаний по борьбе с предрассудками и дискриминацией; межкультурное посредничество и корректная организация общественных пространств [2, с. 6]. Но летом 2018 г. канцлер Германии А. Меркель заявила, что странам Европы необходимо ужесточить подход к управлению миграционными потоками и выработать единую политику по этому вопросу в целях сокращения нелегальной миграции [3].

Наибольшее число мигрантов из стран Африки и Ближнего Востока высаживаются на берег Италии. Принятая в сентябре 2015 г. Европейским союзом программа расселения нелегалов (всего – 160 тыс. человек) из Италии и Греции, рассчитанная на 2 года, не была выполнена. Страны ЕС должны были размещать их у себя, согласно утвержденным квотам, но из 160 тысяч расселили менее 30 тысяч человек [4]. В сложившихся условиях Италия вынужденно принимает радикальные меры по ужесточению миграционной политики. В конце 2018 г. в целях обеспечения национальной безопасности были приняты следующие меры:

– отменена гуманитарная защита – один из трех уровней защиты (два других - статус беженца и дополнительная защита), которые страна до сих пор предлагала лицам, ищущим убежища;

– продлён до 180 дней срок, в течение которых властям разрешается задерживать мигрантов в центрах содержания под стражей для проверки их личности;

– частично ликвидирована Система защиты лиц, ищущих убежища, и беженцев (SPRAR) – государственная сеть центров приема, в которых лица, ищущие убежища, были распределены по всей стране и получали помощь в ожидании оценки их заявлений. Согласно новым правилам, сеть SPRAR открыта только для лиц, ищущих убежища, чьи запросы были приняты.

Несмотря на процессы глобализации, борьба с организованной преступностью и терроризмом является одним из главных приоритетов европейских государств, что ведёт к повышению мер пограничной безопасности, усилению контроля за мигрантами и депортациям. Данный процесс можно определить как секьюритизацию, то есть иммиграция начинает трактоваться как угроза национальной безопасности европейских государств, что обуславливают двумя основными причинами: стремление к защите, во-первых, социальных и экономических прав граждан европейских государств на внутреннем рынке труда, а во-вторых, европейской идентичности и культуры [5, с. 45].

Столь жесткие меры миграционной политики некоторыми исследователями трактуются как нарушение прав и свобод человека. Международная группа учёных по итогам полевых исследований, проведённых в странах Европы, пришла к выводу о том, что представление миграционной ситуации как «кризиса» использовалось для оправдания чрезвычайных и исключительных мер, противоречащие верховенству закона и основным правам беженцев

и других мигрантов. Расширение и умножение границ - физических, технологических и психических – рассматривается как причина увеличения длительности перемещения переселенцев, лишающего их доступа к передвижению по законным маршрутам и становящегося особенно проблематичным для лиц, ищущих международную защиту, что вызывает дополнительные опасения по поводу позиции ЕС как защитника прав человека [9, с. 2154].

Но не всеми современными исследователями поддерживается точка зрения об ужесточении миграционных практик и несоблюдении правительствами принципов гуманизма по отношению к мигрантам, в том числе вынужденным. Так, другая группа исследователей обосновывает тезис, напротив, о либерализации международной миграционной политики. По результатам сравнительно-исторического анализа ученые пришли к выводу о том, что с 1990 года доля ограничительных изменений в миграционной политике стран мира увеличилась, но либеральные изменения в политике по-прежнему превосходят число ограничительных изменений: современная миграционная политика включает в себя комплекс политических инструментов, которые одновременно поощряют и препятствуют миграции определенных групп в соответствии с такими критериями, как гражданство, возраст, пол, навыки, предложения о работе и доход. По заключению авторов, безусловно, в разных регионах мира существуют различия, но в целом наблюдается либерализация, а не тренд в сторону расширения ограничений [10].

Действительно, в иммиграционном контроле проявляется одно из двух главных направлений миграционной политики в большинстве стран мира, но второе из них – интеграция переселенцев в общество принимающей страны – становится сегодня всё более значимым. Интеграция в миграционной политике – это «особый гуманитарный инструмент, способствующий формированию мотивации мигрантов к законопослушному поведению в стране приема и уважению ее устоев, минимизации правового нигилизма, укреплению социальной стабильности социума, а также реализации всего комплекса задач миграционной политики РФ» [1, с. 25].

Помимо пограничного контроля для регулирования численности и качества миграционных потоков в ЕС применяются следующие инструменты: предоставление разрешений на работу; вида на жительство; обеспечение доступа к социальной поддержке и выплатам. Так, с середины 2000-х годов отдельными западноевропейскими странами, такими как Нидерланды, Германия, Франция, вводятся интеграционные курсы и экзамены (на знание языка и устройства принимающего общества) для получения гражданства и вида на жительство, а также для переезда по линии воссоединения семьи. Такие курсы направлены на развитие языковых навыков иммигрантов и снижение нежелательной иммиграции.

Таким образом, можно сделать вывод об ужесточении миграционной политики в странах Запада, что проявляется в возрастающих требованиях к иностранной рабочей силе (установлении квот, работе балльных систем и т.д.), и правилам приёма и социальной поддержки беженцев. Но при этом особое внимание уделяется проблемам адаптации и интеграции иностранцев в ту социокультурную среду, в которую они попадают, ведутся исследования, позволяющие оценить общественные настроения для пресечения возможных напряженности и конфликтности во взаимоотношениях местного и приезжего населения.

Наиболее интересны для России те практики, применяемые в миграционной политике ЕС, что связаны с механизмами селективного отбора в области иммиграции экономически активного населения, что может способствовать всестороннему прогрессу страны и использованию иммиграции в качестве одного из ресурсов развития.

Литература

1. *Бажан Т.А.* Социокультурная интеграция иностранных граждан в системе государственной миграционной политики // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2018. № 3 (24). С. 24–30.
2. *Бурдо В.В.* Современная миграционная политика Германии: состояние и проблемы // Международный студенческий научный вестник. 2018. № 1. С. 23–25

3. Новостной ресурс RT («Быстрого решения проблемы нет»: партия Меркель поддержала план по ужесточению миграционной политики»). URL: https://russian.rt.com/-world/article/525155-merkel-frg-zeehofer-ultimatum (Дата обращения: 30.03.2020)
4. Информационное агенство «РИА Новости» («Взбунтовались: Италия отсылает спасенных мигрантов обратно»). URL: https://ria.ru/20180803/1525833153.html (Дата обращения: 30.03.2020).
5. *Маталаева Ф.Э.* Секьюритизация международной миграции в Европе // Научно-аналитический журнал обозреватель – Observer. 2017. №2. С.45–58.
6. Официальный сайт ВШЭ («Миграционная политика: диагностика, вызовы, предложения»). URL: https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/218427665 (Дата обращения: 02.04.2020).
7. *Кошкин А.П.* Миграционный кризис в Европе. Вып. 6. М: ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова», 2016. 92 с.
8. Asylum statistics. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/-Asylum_statistics (Дата обращения: 04.04.2020).
9. Baldwin-Edwards M., Blitz B.K., Crawley H. The politics of evidence-based policy in Europe's "migration crisis" // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2018. № 45(12). Pp. 2139–2155.
10. *Haas H., Czaika M., Flahaux M.L., Mahendra E., Natter K., Vezzoli. S, Villares-Varela M.* International Migration: Trends, Determinants, and Policy Effects // Population and development review. NJ USA: WILEY. 2019. 47 p.
11. Новостной ресурс «XINHUANEWS» («News Analysis: Italy's hardline immigration policy not expected to soften in 2019»). URL: http://www.xinhuanet.com/english/2019-02/28/c_137858407.htm (Дата обращения: 30.03.2020).

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АУДИТ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Гимаев И.З.
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт социально-политических исследований Российской академии наук», Россия, г. Москва

Аннотация. В статье рассматриваются мировые тенденции развития глобализационных процессов, представлен социально-политический аудит методик изучения мировыми общественными правительственными и межправительственными организациями совре-менных вызовов глобализации, в частности мировой конкурентоспособности.

Ключевые слова: социально-политический аудит, глобализация, факторы развития мировых глобализационных процессов, мировые общественные институты, глобальные организации, современные вызовы глобализации, конкурентоспособность.

Процессы глобализации в мире, равно как и процессы социально-политической и экономической интеграции, пришли на смену геостратегическому противостоянию двух «глобальных центров силы», двух геополитических миров и идеологий XX века. В теории «полицентрированного» мира глобализация – это процесс формирования пространства на международном уровне. В отчете Всемирного банка глобализация названа доминирующим мировым процессом [1, с. 229].

О необходимости и значимости глобализации говорит бывший исполнительный директор Всемирного банка Кристалина Георгиева: «Мировая экономика никогда не восстанавливала траекторию своего роста со времен мирового финансового кризиса, но глобализация - это тот импульс, который сейчас нужен всем». Выступая на Китайском форуме развития в Пекине, Георгиева признала, что неравенство, которое, по мнению крити-

ков, вызвано глобализацией, увеличилось. Однако, по ее мнению, взаимосвязанный мир выгоден как развивающимся, так и развитым странам [2].

Глобализационные процессы получила статус мировой тенденции благодаря своему присутствию даже в тех государствах, где прочие тенденции мировой экономики слабо или малозаметно выражены. Страны с неразвитой или отсталой экономикой почти не задействованы в таких процессах, как постиндустриализация, интеграция или транснационализация, однако в то же время они включены в процесс глобализации мировых рынков и в значительной степени ориентированы на внешние рынки: услуг, товаров, рабочей силы, знаний, капитала, получение помощи.

Мировая глобализация представляет собой процесс объединения мира в единую систему глобального свойства. Различные составляющие процесса глобализации мирового хозяйства обсуждаются достаточно серьёзно, начиная с 60-70-х годов прошлого века, однако текущего уровня актуальности вопрос достиг только в 90-х.

Глобализация мировой экономики выражается в процессе изменения мирового пространства, преобразовании его в единую зону, открытия для беспрепятственного перемещения товаров, услуг, информации, капитала. Также легко в этом пространстве распространяются идеи и перемещаются носители, способствуя развитию актуальных институциональных образований и настраивая системы взаимодействия между ними.

Следствием глобализации мировых систем таким образом является появление на международном уровне единого пространства: культурного, информационного, правового и экономического. Другими словами, явление мировой глобализации не ограничивается сферой экономики, но в значительной степени воздействует на все ключевые сферы жизни общества – идеологию, культуру и политику. Без сомнения, именно этому явлению отпущена центральная роль в мировой экономике нового века, заключающаяся в катализации образования обновленной мировой системы отношений в политике, экономике, адаптированной к глобализации [3].

В настоящее время сторонники глобализации характеризуют состояние мировой экономики следующими особенностями: либерализацией внешнеэкономических связей, транснационализацией капитала и производства, региональной экономическая интеграцией, унификаций правил хозяйственной жизни, созданием системы межгосударственного регулирования социально-политических и экономических связей.

Ученые исследователи выделят следующие факторы возникновения и развития мировых глобализационных процессов. Первый фактор: активное развитие средств связи, сети интернет, передачи информации, транспортной инфраструктуры и средств передвижения. Второй фактор: либерализация торговых отношений, унификация мирового законодательства и правил международной торговли, создание транснациональных корпораций и синдикатов. Третий фактор: геополитические и геостратегические изменения мира, распад социалистической системы общественно-политических отношений и политики, окончание «холодной войны», переход к рыночной системе экономики и унификацией взглядов на единую систему торговли и развития мировой экономики. Четвертый фактор: активное развитие финансовых рынков на рубеже. Изменение роли кредитных, валютных и фондовых рынков в этот период привело к сдвигам в архитектуре всей международной экономики. Пару десятилетий назад главной задачей финансовых рынков было обеспечение потребностей реального сектора, однако сегодня финансы уже менее зависимы от производства. В совокупности с либерализацией экономики это привело к активизации спекуляций на рынке, что вылилось в многократный рост его объема. Проще говоря, в современных условиях процесс извлечения денег из денег стал гораздо проще, ведь стадию производства товаров или услуг из него можно исключить. Вместо последнего источником прибыли стала игра на колебаниях валютных курсов и спекуляции с производными финансовыми инструментами (опционы, фьючерсы и т.п.).

Следствием такой активности в условиях глобализации мировых финансов возросла роль организаций, подобных МВФ, ВТО, ООН и Всемирному банку. Как государственные,

так и частные компании и организации интернационального масштаба стали ключевыми игроками в условиях глобализации мировой экономики.

Выделяются региональные, всемирные, неправительственные и межправительственные международные организации. Одна из таких международных организаций эпохи мировой глобализации - Всемирная Торговая организация (ВТО) World Trade Organization (WTO), которая была создана в 1995 г. Она занята установлением правил международной торговли. Основой данной организации являются соглашения, которые большая часть государств-участников международной торговли между собой согласовало, подписало и ратифицировало. Конечной целью ВТО является помощь экспортёрам и импортёрам, производителям услуг и товаров в ведении дела в условиях глобализации мировой торговли. До 95% объема международной торговли (по стоимости) на сегодня регулируется правилами, установленными ВТО.

Другая глобальная организация - организация стран-экспортеров нефти (ОПЕК, Organization of the Petroleum Exporting Countries (OPEC)) – представляет собой картель, созданный в 1960 г. рядом стран-производителей нефти для контроля за ценами на нефть на мировом рынке, а также координации ее добычи в условиях глобализации мировой экономики. Данная организация устанавливает квоты на объем производимой нефти. Ее членами на сегодняшний день являются: Ливия, Нигерия, Катар, Алжир, Индонезия, Кувейт, Саудовская Аравия, Иран, Ирак – всего 11 стран [4].

В 1945 г. в Вашингтоне был создан Международный банк реконструкции и развития (МБРР, группа Всемирного банка). Его целью стала помощь развитию тех государств-членов, которые были не способны привлечь на выгодных условиях частный капитал через кредитование. В течение 2019 финансового года МБРР профинансировал проекты и программы на сумму порядка 120 млрд долл. США, при помощи которых страны во всем мире решают приоритетные задачи в области развития. Основополагающим ключом работы МБРР является противодействие бедности и обнищанию. Его деятельность в современном мире связана главным образом с консультациями и предоставлением гарантий, займов развивающимся странам.

Также в 1945 г. был создан Международный валютный фонд (МВФ – IMF), целью функционирования которого стало обеспечение стабильности валютного рынка в условиях глобализации мировых финансов, интенсификация сотрудничества в сфере международной торговли и финансов на международном уровне. Штаб-квартиры этих организаций расположены в Вашингтоне и Риме.

Международная торговая палата (ICC) – это организация, имеющая решающее значение для международной торговли в условиях глобализации мирового хозяйства. Она имеет штаб-квартиру в Париже и объединяет мировой бизнес. Несмотря на то, что деятельность ICC весьма разнообразна, для импортёров и экспортёров наиболее интересно направление её работы, связанное с выпуском стандартов международного уровня – банковских, правовых, торговых. Например, нормами, обязанными разработкой ICC, являются UCP – правила международного применения документарных аккредитивов. Помимо этого, Международный арбитражный суд ICC с позиций юридической практики можно назвать авторитетнейшим мировым негосударственным арбитражем, через который возможно разрешение частных споров коммерческого плана. Правовое содержание ценовых котировок в международных сделках определяется также правилами, разработанными ICC, «Инкотермс» (например, термины CIF или FOB). ICC была основана в 1919 г. и до сих пор имеет неправительственный характер. В неё входят бизнес-ассоциации и компании из различных отраслей и секторов. Их количество исчисляется тысячами, а количество стран происхождения достигает 143 государств. Порядка 90 национальных комитетов (НК) ICC доносят до местных правительств информацию о позиции международного сообщества, в то же время они же обращают внимание центрального штаба в Париже на местные (национальные) проблемы бизнеса.

Свидетельством всё более возрастающей роли глобализации в развитии экономики современного мира является создание и деятельность Всемирного банка. Образованное как

первое специализированное учреждение финансовой поддержки стран, пострадавших в ходе Второй мировой войны, Всемирный банк стал международным институтом, предоставляющим кредиты членам Международного валютного фонда (МВФ). За 70 лет Всемирный банк мобилизовал средства для стран-клиентов на мировых рынках капитала почти 900 млрд долл. США. В 2019 году года Всемирный банк включал в себя 189 стран – участниц. На сегодняшний день группа Всемирного банка со штаб-квартирой в Вашингтоне состоит из пяти организаций. Это МБРР, МАР, Международная финансовая корпорация, Многостороннее агентство по гарантированию инвестиций и Международный центр по урегулированию инвестиционных споров.

Несомненными положительными моментами глобализации мировых процессов являются ужесточение мировой конкуренции и, как следствие, рост качества производимых товаров и услуг, снижение стоимости товаров и услуг, смягчение изменений в экономических циклах, рост производительности труда за счет внедрения инновационных технологий, создание межнациональных хозяйствующих субъектов, трудовая и научная мобильность, унификация законов мирохозяйствования и сотрудничества.

Противники глобализма или антиглобалисты считают, что глобализацонные процессы опираются в первую очередь «на не имеющую отечества диаспору международного финансового хищничества» [5, с. 416], грозящую миру откатом в экономике от производительного к спекулятивно-перераспределительному принципу и ростовщичеству, а в политике – от плюралистической системы международного равновесия, базирующейся на принципе национального суверенитета, к диктатуре «однополярности» и «моноструктурности». С их идеологической точки зрения наиболее важным является истинное отношение сторонников глобализма к классическим ценностям: демократии, равенству, прогрессу. По мнению противников глобализации, избранное меньшинство, монополизируя результаты научно-технического прогресса и права на планетарные ресурсы, отвергая классические принципы христианского и просвещенческого гуманизма – единой общечеловеческой судьбы и единого будущего, лишают остальной мир перспектив дальнейшей модернизации, развития и просвещения. Сторонники этой теории небезосновательно утверждают, что глобалисты, используя колоссальные финансовые, информационные, пропагандистские ресурсы, ссылаясь на принципиальную неэффективность, экологическую опасность и катастрофичность национальных программ развития региона, государств, суверенных территорий, стремятся дискредитировать национальные государства и суверенитеты, препятствующие глобальному переопределению ресурсов в пользу «умелого меньшинства». Тоже касается собственно и политической несостоятельности национальных суверенитетов. Пропагандируется тезис о принципиальной неспособности национальных правительств справиться с геополитическими угрозами: обеспечением государственной, национальной, экологической, информационной безопасности, терроризмом, межэтническими войнами, религиозным фундаментализмом, национал-экстремизмом и прочими современными вызовами глобализации. Чем нагляднее статистика всех этих угроз, тем выше негодование «глобального сообщества» против государств, неспособных навести у себя цивилизованный порядок.

Противники глобализации указывают на то, что глобализация является причиной таких факторов как деиндустриализация экономики, когда смешается баланс от обрабатывающих и производящих отраслей экономики к сфере услуг и нематериального производства; жесточайший разрыв в оплате квалифицированного и неквалифицированного труда и соответствующее расслоение по профессиональному признаку, что ведет к социальному напряжению и недовольству; снижение конкурентоспособности внутри отрасли, когда «местным» товаропроизводителям невозможно конкурировать с иностранными предприятиями с огромными инвестициями, профессиональными кадрами, современными технологиями. В этом случае сотрудники теряют свою работу, а предприниматели бизнес и деньги. Перемены такого плана сказываются на национальных экономиках отдельных стран, ведут к росту безработицы и вынужденным изменениям в структурах хозяйства. Следующий негативный фактор – угроза экологической безопасности, разрушение местной экосистемы, не-

рациональное или потребительское использование природных ресурсов, загрязнение атмосферы и иные экологические бедствия, и, как правило, возникновение конфликтов экологических активистов и местных жителей с представителями власти и бизнес-структур. Глобализация пока не решила проблемы бедности и неравенства, сегодня она способствует концентрации богатства и власти в руках небольших корпоративных или государственных групп. На долю 1/6 части населения – жителей Северной Америки, Европы и Японии - приходится около 80% мирового дохода, в то время как на 60% населения – 6% [6, с. 170].

Перечисленные факторы оказывают негативное воздействие внутри определенных суверенных территории или государств. На мировом, цивилизационном уровне глобализационные процессы несут вызовы иного порядка. Первый вызов – терроризм и угроза государственной и национальной безопасности. Гигантский рост противоречий между странами с развитой экономикой и социально-политическим укладом, и странами «третьего мира», которые становятся заложниками мировой системы и процессов глобализации приводят к социально-политическим и экономическим противоречиям и недовольству, выражающемся в антизападном и антиглобалистком настроении и протесте, что служит благодатной почвой для радикализации общества и существования террористических организаций самого различного толка. Так, большая часть террористических группировок имеет в своей идеологии элемент направленности против мировой глобализации, носит выраженный характер антизападного движения, что позволяет чётко обозначить их позицию в пространстве мировой идеологии и политики. Этому активно способствует глобальная информационно-коммуникационная доступность аудитории, техническая возможность современных способов связи и распространения информации.

Второй вызов – социально-политическая и экономическая конкурентоспособность стран, государств. Структура, в которой в центре расположен либеральный рынок квалифицированных кадров, а на периферии куда менее свободный рынок работников с меньшей квалификацией, является фундаментальной для капитализма в условиях глобализации мировой экономики. Дело в том, что без неравномерности, неравенства между элементами системы она просто не сможет функционировать, также не будет причин для интеграции. Процессы глобализации и активной интеграции промышленных и экономических процессов в страны с низкой трудовой квалификацией и неквалифицированным трудом с одной стороны повышают образовательный и квалификационный уровень трудового населения, а с другой ставит вопрос о том, действительно ли заинтересованы представители инвестиционных государств вывести страны-доноры на уровень стран с постиндустриальной экономикой. Проблема заключается в том, что развитые страны и страны, находящиеся на периферии социально-политического и экономического развития, находятся в заведомо неравноправных условиях и превращаются в политических и экономических аутсайдеров с комплексом сырьевого и трудового придатка, что усиливает противоречия и проблемы строительства и модернизации общества в этих странах и их выхода на мировую арену. В круг этих проблем входит сокращение расходов на государственную политику сдерживании социального расслоения и реализацию соответствующих экономических и социальных мер, экономическое и политическое обеспечение конкурентоспособности государства на мировом глобальном уровне. Разница в стартовых условиях состояния экономик, в темпах социально-политического и экономического развития, в исторических, территориальных и иных особенностях делают неконкурентоспособными стран – участниц мирового глобализационного «соревнования».

Глобализация является неотъемлемой частью современного мира, характеризуется своей неоднозначностью и противоречивостью, большим охватом сфер жизнедеятельности человечества и нарастающими темпами развития. Глобализационные процессы развития современного мира ведут не только к интеграции и расширению сотрудничества, но и к усилению конкурентоспособности стран. Важно понимать, что «конкурентоспособность» отражает «соперничество» в более широком смысле, чем просто экономическое соперничество, и охватывает государства в целом и цивилизацию как межгосударственное со-

перничество в глобальной конкурентной среде [7, с. 71]. Социально-политический аудит конкурентоспособности учитывает различные социальные индикаторы (развитие здравоохранения, образования, науки, демографии, безработицы и занятости, обеспеченности и благосостояния человека), политические индикаторы (эффективность, открытость системы государственного управления, развитие муниципального управления, уровень и качество свобод средств массовой информации, судебной системы, электоральных процессов), состояние инфраструктуры (дороги, транспорт, связи, энергообеспечение, информационное обеспечение, доступ к государственным услугам, развитие сервиса и коммуникаций).

Социально-политический аудит глобальной конкурентоспособности, в частности анализ мирового социально-экономического рейтинга стран конкурентоспособности, показывает на расширение географии глобализационных процессов. В 1985 году ученые говорили о так называемой «триаде» стран – участниц мировой экономики, образованный странами Западной Европы, США и Японии, с прилегающими к ним экономическими зонами, с охватом до ¾ мирового рынка. Сегодня эта территория охватывает всю юго-восточную Азию, Индию, некоторые страны Южной Америки и Африки. Происходит смещение центров мировых финансов, высоких технологий, коммуникаций и инноваций. По мнению Зб. Бжезинского «благотворный процесс глобализации постепенно лишает конкретные государства их священного суверенитета» [8, с. 17–177].

Всемирный экономический форум, составляющий глобальной конкурентоспособности, выделяет два аспекта понятия международной конкурентоспособности. Первый аспект - способность экономки достигать постоянно экономического роста в среднесрочные и долгосрочные периоды. Второй аспект - развитие специфических для компаний факторов, способствующих повышению эффективности и производительности труда на микроуровне. Общим для определения конкурентоспособности является подход, заключающийся в том, что динамичное развитие экономики, повышение ее эффективности характеризуют страну как успешную в конкурентной борьбе, а повышение уровня жизни ее граждан – главная цель и основной критерий успеха страны в международной конкуренции. Так, как только таким показателем как внутренний валовый продукт измерить уровень жизни человека невозможно, то эксперты включают такие параметры как уровень жизни, благополучия, «счастья», качество жизни и другие параметры, в результате чего количественное определение уровня конкурентоспособности в разных странах расширяется до десятков и сотен показателей. К примеру, в первом комплексном исследовании национальной конкурентоспособности, проведенном Европейским форумом по развитию менеджмента (European Management Forum) в 1982 году были учтены 10 факторов, оцениваемых по целому ряду показателей, основная часть которых представляла собой статистические данные различных международных организаций - ООН, ОЭСР, МВФ, МБРР.

В основу современных методик определения уровня конкурентоспособности и ранжирования стран положены эти же принципы. Различия проявляются лишь в наборе факторов, воздействующих на уровень конкурентоспособности страны и в оценке силы этого воздействия. Кроме того, современные методики учитывают тенденции развития мировой экономики, высоких технологий, прогрессивное развитие статистики и стандартизации, в исследуемых странах. На этих принципах строится исследовательская работа Международного форма по развитию менеджмента (International Management Forum), который публикует результаты своих исследований по вопросам конкурентоспособности наций ежегодно с 1989 года, а также Всемирного экономического форума (World Economic Forum).

Исследование МФМ охватывает заметные в мировом масштабе экономические системы, которые сопоставимы с международной статистикой, и выделяют четыре фактора конкурентоспособности, которые определяют состояние национальных экономик и способность компаний генерировать благосостояние.

Первый фактор. Эффективность экономики. Оценка макроэкономических характеристик экономики, внешней торговли, международных инвестиций, занятости и цен.

Второй фактор. Эффективность правительства. Оценка состояния институциональных рамок, законодательства, развитость общественных институтов, судебной, налоговой систем, демократических принципов и процедур.

Третий фактор. Эффективность бизнеса. Оценка деятельности компаний в сфере инноваций, менеджмента, прибыльности, производительность труда, рынок труда, состояние финансов, практика менеджмента.

Четвертый фактор. Эффективность инфраструктуры. Оценка состояния трудовых ресурсов, технологий, науки, образования, здравоохранения, окружающей среды, системы национальных ценностей.

Сегодня существует свыше десятка различных рейтингов конкурентоспособности, использующие различные методики исследования, и являющиеся источником достоверной информации о практически всех странах. Основными считаются два индекса – Индекс глобальной конкурентоспособности (Global Competitiveness Index, GCI) и Индекс конкурентоспособности бизнеса (Business Competitiveness Index, BCI) которые формирует Международный Экономический Форум (World Economic Forum), выделяя две стороны понятия международной конкурентоспособности:

1) Достижения экономического роста в среднесрочной и долгосрочной перспективе
2) Повышение эффективности и производительности труда на микроуровне

В настоящее время основным средством обобщённой оценки конкурентоспособности стран является Индекс глобальной конкурентоспособности, созданный для Всемирного экономического форума профессором Колумбийского Университета Ксавье Сала-и-Мартином (Xavier Sala-i-Martin) и впервые опубликованный в 2004 году.

Индекс глобальной конкурентоспособности, разработанный Всемирным экономическим форумом, составлен из 113 переменных, которые детально характеризуют конкурентоспособность стран мира, находящихся на разных уровнях экономического развития. Выбор именно этих переменных обусловлен теоретическими и эмпирическими исследованиями, причём ни один фактор не в состоянии в одиночку обеспечить конкурентоспособность экономики. Согласно этим исследованиям Россия занимает 43 место в мире.

По методике Всемирного банка (The World Bank) на основе нескольких сотен переменных, получаемых из различных источников (статистические данные национальных институтов и международных организаций, результаты исследований, осуществляемых на регулярной основе международными и неправительственными организациями) проводится глобальное исследование рейтинга стран мира по показателю качества и эффективности государственного управления - Качество государственного управления (Governance Matters). Исследование проводится с 1996 года и на данный момент представляет наиболее полный комплекс показателей качества государственного управления по различным странам мира. Количество стран в рейтинге увеличивается с каждым годом и на данный момент охватывает более 200 стран.

В методологии исследования используются шесть индексов (Worldwide Governance Indicators), отражающих различные параметры государственного управления:

1. Учёт мнения населения и подотчётность государственных органов (Voice and Accountability) – индекс включает показатели, измеряющие различные аспекты политических процессов, гражданских свобод и политических прав. Показатели этой категории измеряют степень возможности участия граждан в выборе правительства и других органы власти, степень независимости прессы, оценку уровня свободы слова, свободы объединений, других гражданских свобод.

2. Политическая стабильность и отсутствие насилия (Political Stability and Absence of Violence) – индекс включает показатели, измеряющие стабильность государственных институтов, вероятность резких перемен, смену политического курса, дестабилизации и свержения правительства неконституционными методами или с применением насилия.

3. Эффективность работы правительства (Government Effectiveness) – индекс включает показатели, измеряющие качество государственных услуг, качество разработки и реализации

внутренней государственной политики, уровень доверия к внутренней политике, проводимой правительством, качество функционирования государственного аппарата и работы государственных служащих, их компетенцию, степень их независимости от политического давления и так далее.

4. Качество законодательства (Regulatory Quality) – индекс включает показатели, измеряющие способность правительства формулировать и реализовывать рациональную политику и правовые акты, которые допускают развитие частного сектора и способствуют его развитию. С его помощью фиксируются меры, противоречащие рыночной экономике, такие как неадекватный контроль уровня цен и банковской сферы, чрезмерное регулирование развития бизнеса, торговых отношений и так далее.

5. Верховенство закона (Rule of Law) – индекс включает показатели, измеряющие степень уверенности различных субъектов в установленных законодательных нормах, а также соблюдения ими этих норм, в частности, эффективность и предсказуемость законодательной системы, уровень преступности и отношение граждан к преступлению, отношение к исполнению контрактных обязательств, эффективность работы полиции, судов и так далее.

6. Сдерживание коррупции (Control of Corruption) – индекс включает показатели, измеряющие восприятие коррупции в обществе (коррупция понимается как использование общественной власти с целью извлечения частной выгоды), степень использования государственной власти в корыстных целях, существование коррупции на высоком политическом уровне, степень участия элит в коррупции, влияние коррупции на развитие экономики и так далее.

Эти параметры были выделены на основе общего определения, согласно которому государственное управление (Governance) понимается как совокупность традиций и институциональных образований, с помощью которых государственные органы власти управляют страной. Россия по каждому из шести индексов получает свой рейтинг.

Индекс демократии измеряет уровень демократии внутри государства и основан на методологии экспертных оценок и результатах опросов общественного мнения из соответствующих стран, характеризующих состояние 60 ключевых показателей, сгруппированных в пять основных категорий:

Индекс составлен из 60 ключевых показателей, сгруппированных в пять основных категорий, которые характеризуют состояние демократии внутри государства.

Следует отметить, что организация не указывает ни самих экспертов, ни их количество, являются ли эти специалисты сотрудниками Economist Intelligence Unit или независимыми учёными. Очевидно, по ряду этих причин доклады серии «Democracy Index» никогда не были представлены в каком-либо академическом контексте и практически не используются в качестве источников данных для научных исследований. Следующий мировой показатель в мировом рейтинге государств - Индекс несостоятельности (Failed States Index). Это комплексный показатель, характеризующий способность (и неспособность) властей той или иной страны контролировать целостность своей территории, политическую, экономическую, социальную и демографическую ситуацию в стране, а также устойчивость её государственных институтов. В 2014 году переименован в Индекс слабости государств (The Fragile States Index).

Исследование и сопровождающий его рейтинг выпускается ежегодно независимой общественной организацией The Fund for Peace (специализируется на изучении причин и условий, вызывающих войны, и предпринимает усилия по их предотвращению) совместно с политологическим журналом Foreign Policy. Индекс слабости государств позиционируется как сравнительный инструмент для оценки риска и прогнозирования внутригосударственных конфликтов. Разработан в 2005 году под руководством президента The Fund for Peace, политолога и международного эксперта в области конфликтологии Полин Бейкер (Pauline H. Baker). Предполагается, что Индекс должен использоваться государствами для анализа проблемных моментов в их политике, раннего предупреждения конфликтов на своей территории и может помочь нестабильным странам в разработке стратегий, которые могли бы уменьшить вероятность возникновения конфликтов. Помимо оценки риска

и прогнозирования конфликтов, авторы исследования подчёркивают его способность провоцировать дискуссии, особенно в тех странах, которые имеют высокий рейтинг по Индексу.

В настоящее время не существует универсального определения «несостоятельное», «недееспособное» или «слабое» государство. В общем случае данное определение служит для обозначения как государств, находящихся в нестабильном, или «пограничном», состоянии, то есть балансирующих на грани экономического и политического кризиса, так и государств, продолжительное время пребывающих в состоянии деградации. Большинство исследователей придерживаются мнения, согласно которому государство можно назвать «несостоятельным», если оно не в состоянии выполнять свои основные функции, а также не имеет эффективного контроля над своей территорией и границами. Такое государство не может воспроизводить условия для своего существования, хотя некоторые элементы государства и его отдельные институты могут продолжать своё существование. Термин «несостоятельное государство», а в последнее время «слабое государство», широко используется политическими комментаторами и журналистами, которые часто придают ему оценочный, а во многих случаях и субъективный, характер, что создаёт дополнительные противоречия. Для того, чтобы сделать определение более точным, организацией The Fund for Peace предложены следующие ключевые признаки «несостоятельного», или «слабого» государства:

– Потеря физического контроля над своей территорией, либо государственной монополии на законное использование физической силы на своей территории.

– Неспособность легитимной государственной власти обеспечить процесс принятия коллективных решений.

– Неспособность легитимной государственной власти обеспечить элементарные общественные услуги.

– Неспособность взаимодействовать с другими государствами в качестве полноправного члена международного сообщества.

При составлении Индекса эксперты в течение года анализируют страны мира и связанные с ними информационные потоки с помощью специального системного инструмента оценки конфликтов (Conflict Assessment System Tool). Анализ проводится на основании 12 критериев - так называемых «индикаторов уязвимости» государства, которые объединены в три группы: социальные, экономические и политические:

Индекс верховенства закона (The Rule of Law Index) – глобальное исследование и сопровождающий его рейтинг стран мира по показателю обеспечения ими правовой среды, которая базируется на универсальных принципах верховенства закона. Индекс рассчитывается по методике международной неправительственной организации The World Justice Project, основанной на комбинации общедоступных статистических данных и результатов глобального опроса экспертов. Индекс разработан в 2010 году и измеряет достижения стран мира с точки зрения обеспечения правовой среды, которая базируется на универсальных принципах верховенства закона.

Индекс верховенства закона представляет собой комбинированный показатель, рассчитываемый на основе данных, полученных из экспертных источников и опросов общественного мнения в странах, охваченных исследованием. Индекс составлен из 47 переменных, которые детально характеризуют уровень развития правовой среды и законодательную практику в странах мира, находящихся на разных уровнях социального и политического развития [9].

Индекс восприятия коррупции (The Corruption Perceptions Index) - это глобальное исследование и сопровождающий его рейтинг стран мира по показателю распространённости коррупции в государственном секторе. Рассчитывается по методике международной неправительственной организации Transparency International, основанной на комбинации общедоступных статистических данных и результатов глобального опроса.

В рамках индекса коррупция определяется как любые злоупотребления служебным положением в целях личной выгоды. Ориентацию на экспертные опросы инициаторы проекта

объясняют тем, что при измерении коррупции статистические данные, например, число уголовных дел или судебных приговоров по фактам коррупции, как правило, «не работают». Эти данные, во-первых, не всегда доступны, а во-вторых, отражают не столько реальный уровень коррупции, сколько эффективность работы правоохранительных органов по выявлению и пресечению фактов коррупции. В этой ситуации единственным надёжным источником информации, по мнению исследователей, выступают мнения и свидетельства тех, кто непосредственно сталкивается с коррупцией (предприниматели) или профессионально занимается её изучением (аналитики).

Индекс восприятия коррупции представляет собой сводный индикатор, рассчитываемый на основе данных, полученных из экспертных источников, предоставленных международными организациями. Все источники измеряют общую степень распространённости коррупции (частотность и/или объём взяток) в государственном и экономическом секторах и включают оценку множества стран. Источники оценивают уровень восприятия коррупции экспертами, как живущими в конкретной стране, так и зарубежными, и представляют собой набор опросов предпринимателей, аналитиков по оценке коммерческих рисков и специалистов по конкретным странам из различных международных организаций.

Индекс ранжирует страны и территории по шкале от 0 (самый высокий уровень коррупции) до 100 (самый низкий уровень коррупции) на основе восприятия уровня коррумпированности государственного сектора. В итоговом рейтинге, наряду с количеством баллов и рангом страны, приводятся также число источников, разница между наиболее высокими/низкими значениями индикаторов для каждой страны на основе соответствующих источников, величина стандартного отклонения и доверительный интервал по каждой стране, который позволяет сделать выводы о точности результатов Индекса для каждой страны.

Организация прилагает немало усилий к тому, чтобы обеспечить достоверность первичной информации, используемой для составления Индекса, и валидность итоговых результатов. Согласно установленным требованиям, для включения той или иной страны в индекс необходимо не менее трёх источников информации. В целом, Индекс является относительно надёжным инструментом измерения, однако ему присущи и некоторые недостатки, свойственные экспертным исследованиям. Например, степень надёжности измерений одинакова не для всех стран. Баллы Индекса и соответствующие им ранги стран, уровень коррупции в которых оценивается на основе относительно небольшого числа источников и которые характеризуются большим разбросом в оценках, могут в итоге оказаться не вполне адекватными.

Поскольку заметные изменения уровня коррупции происходят достаточно медленно, Индекс в основном содержит усреднённые данные, собранные за три последних года, то есть он даёт представление о текущих оценках уровня коррупции экспертами, почти не фокусируясь на происходящих из года в год сдвигах. Поэтому исследование не всегда отражает реальную динамику, так как его колебания могут быть обусловлены корректировкой выборки, методологии и источников информации (при этом не все они обновляются на ежегодной основе), а место страны в общем списке может сильно измениться просто потому, что изменился список стран, включённых в рейтинг [10].

Свобода прессы в мире (Freedom of the Press) – это ежегодное исследование и сопровождающий его рейтинг о состоянии свободы средств массовой информации в странах мира. Выпускается международной неправительственной организацией Freedom House, которая оценивает степень свободы печатных, вещательных и онлайновых средств массовой информации в странах мира, начиная с 1980 года.

Авторы исследования подчёркивают, что признают существующие культурные различия, различные национальные интересы и различные уровни экономического развития государств, однако руководствуются универсальными критериями свободы информации, отправной точкой для которых является Статья 19 Всеобщей Декларации прав человека, которая гласит: «Каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо

от государственных границ». Главной преградой на пути свободы прессы организация называет правительственный контроль над средствами массовой информации (СМИ).

Исследование основано на методологии экспертных оценок. Информацию для данного проекта собирают как зарубежные корреспонденты, так и консультанты Freedom House. Используются и данные различных международных организаций, занимающихся мониторингом в области прав человека и свободы прессы, правительственные отчёты, информация местных и международных СМИ. Факты нарушения свободы прессы для Freedom House отслеживают участники Международной сети обмена информацией о состоянии свободы слова (Freedom of Expression Exchange Network, IFEX).

Выводы о состоянии свободы средств массовой информации в той или иной стране специалисты организации делают на основе 109 показателей, включая оценку таких критериев, как свобода слова, степень правительственного контроля над СМИ, условия работы журналистов в стране, случаи применения насилия по отношению к журналистам, экономическая и политическая ситуация в стране, и так далее.

В исследовании используется система оценки государств в трёх номинациях – правовой, политической и экономической. Суммарно они показывают положение страны в общем рейтинге, где показатель свободы СМИ оценивается по 100-балльной шкале.

Достоинством проекта является достаточно подробная матрица анализа, которая позволяет унифицировать процедуры исследования, стилистику страновых обзоров, обеспечить их глубину и всесторонность, а многолетний мониторинг анализируемых стран мира позволяет оценить динамику их развития. Методология проекта периодически корректируется. Подробное описание методологии формирования рейтинга и источников данных для него приводится в ежегодном докладе Freedom House по результатам очередного сравнительного исследования [11].

Литература

1. *Римашевская Н.М., Галецкий В.Ф., Овсянников А.А.* Население и глобализация. М.: Наука, 2002. 320 с.
2. Интернет-ресурс «Vestifinance.ru». URL: https://www.vestifinance.ru/articles/82898 (Дата обращения: 07.03.2020).
3. ICC Russia – международная торговая палата. URL: http://www.iccwbo.ru/blog/2016/-mirovaya-globalizatsiya-i-vzaimodeystvie-sovremenn/ (Дата обращения: 07.03.2020).
4. OPEC. URL: www.opec.org. (Дата обращения: 07.03.2020).
5. *Панарин А.С.* Искушение глобализмом. М.: Изд-во Эксмо, 2003. 234 с.
6. *Дынкин А.А., Барановский В.Г.* Россия и мир: 2019. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз. М.: ИМЭМО РАН, 2018. 170 с.
7. *Сорокин Д.Е.* Проблемы конкурентоспособности России как национально-государственной целостности. М.: Изд-во РАГС, 2006. 323 с.
8. *Бжезинский Зб.* Выбор. Глобальное государство или глобальное лидерство. М.: Международные отношения, 2004.
9. Индекс верховенства закона в странах мира / The Rule of Law Index. URL: https://gtmarket.ru/research/rule-of-law-index/info#russia (08.03.2020).
10. Индекс восприятия коррупции (Corruption Perceptions Index). URL: https://gtmarket.ru/ratings/corruption-perceptions-index/info#russia (08.03.2020).
11. Свобода прессы в мире / Freedom of the Press. URL: https://gtmarket.ru/ratings/freedom-of-the-press/info#russia (Дата обращения: 08.03.2020).

СОЦИАЛЬНЫЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА ФОНЕ ПАНДЕМИИ

Коршунов Г.П.
Институт социологии НАН Беларуси,
Беларусь, г. Минск

Аннотация. в статье предлагается вариант анализа социальных и социально-экономических процессов, разворачивающихся на евразийском пространстве (на примере Беларуси) в русле набирающих обороты процессов цифровизации на фоне вызовов, спровоцированных пандемией COVID-19.

Ключевые слова: цифровизация, дигитализация, COVID-19, пандемия, гуманитарная экспертиза, глобализация, электронное государство, цифровая безопасность, дистанционное образование, удаленная работа, информационно-культурный шок, аксиологический релятивизм, цифровая грамотность, медиатизация, сетевизация.

...фундаментальный и глобальный характер данной революции означает, что она станет неотъемлемой частью всех стран, экономических систем, отраслей и людей. Поэтому принципиальное значение приобретают внимание и силы, которые мы обращаем на многостороннее сотрудничество, не имеющее научных, социальных, политических, национальных и промышленных границ
К. Шваб «Четвертая промышленная революция» [1]

...главная (возможно, единственная) цель экономической политики сегодня – предотвратить распад общества. Развитое общество не должно позволить, чтобы экономика, в частности судьба финансовых рынков, заставила его забыть о том, что важнейшая роль экономической политики заключается в укреплении социальных связей в условиях экстремального давления.
Б. Миланович «Реальная опасность пандемии – социальный коллапс» [2]

Сложно анализировать ситуацию, находясь внутри нее, а не снаружи. Еще сложнее, когда процессы не стабилизировались, а только набирают обороты. Когда в мире объявлена пандемия, когда страны одна за другой вводят карантин, когда практически каждый день дает новые «антирекорды» смертности от вируса, когда «неизвестное завтра» заставляет человечество замирать в ожидании тотального локдауна и коллапса…

Стресс, вызванный актуальной мировой пандемией, накладывается на бывший до поры до времени латентным «кризис дигитализации» – перспективы технологической безработицы в связи с развитием безлюдных технологий; проблемы цифровой грамотности и коммуникационной инфраструктуры в аспекте развития дистанционных практик образования и работы; аксиологический дрейф традиционных моделей поведения и социальных институтов в условиях перфорации территориальных и культурных границ; вопросы информационной безопасности, вызванные к жизни взрывным развитием информационно-коммуникативных технологий.

Можно говорить, что ситуация «идеального шторма» усугубляется политической турбулентностью, перспективами финансового и экономического кризиса, проблемами миграции, терроризма и прочего. Но нам представляется, что невзирая на все остальные составляющие, главная отличительная особенность современности – это набирающая темп цифровизация. Все остальные элементы во многом являются ее производными. Исключение составляет лишь эпидемиологическая волна, которая захлестывает мир. Но эта волна схлынет. Равно как пройдет и финансово-экономический кризис, который будет вызван карантинными мерами, в том или ином виде принимаемыми практически всеми странами мира.

А вот ценности, модели, практики, институты, которые формируются сейчас (особенно быстро в рамках антивирусных мероприятий) – они останутся, создавая каркас для институтов будущего. И в их основе будут как раз-таки технологические наработки, созданные в первые десятилетия цифровой эпохи. До недавнего времени находившиеся по спудом консерватизма и ригидности массового сознания, они будут выведены на поверхность и проверены на эффективность именно актуальной пандемией.

Так будет по той причине, что сегодня миниатюризация и удешевление коммуницирующих устройств, наращивание мощностей вычислительных машин, глобализация сети Интернет и эволюция поколений беспроводной связи уже поставило человечество в условия трансформации устоявшихся взаимоотношений во всех сферах общественного бытия. С разной скоростью, но в одинаковом «тектоническом» масштабе проходят изменения в трудовых и образовательных моделях, в области медицины и на производстве, в логистике и планировании времени, в организации повседневности и государственном управлении.

Безусловным драйвером этих изменений являются информационно-коммуникативные технологии, трендам развития которых сегодня уделяется главное внимание и со стороны исследователей, и со стороны менеджеров, причем как от государства, так и от бизнеса. При этом цели преследуются скорее тактические – технологический прорыв, выход в лидеры и высокая окупаемость.

Эта установка планомерно реализуется в документах стратего-программного характера развития разных отраслей народного хозяйства в русле планирования как научно-технического, так и социально-экономического развития страны. Эта же установка находит свое отражение и нормативно-правовом регулировании процессов цифровизации, в их организационно-методическом сопровождении, в преобладании материально-технических вопросов и т.д. В тоже время стратегические позиции культурного и социального порядка зачастую остаются без должного внимания. Это результат ситуации, когда основной тон в очерчивании контуров цифрового общества задают эксперты в научно-технической и экономической отраслях, которые выстраивают прогнозы развития научно-технической сферы и рассчитывают их экономическую эффективность.

Мы глубоко убеждены, что доминирующий инструментально-технократический подход к анализу и прогнозированию процессов цифровизации нуждается именно и прежде всего в социально-гуманитарном дополнении, в полноценном и всестороннем анализе как ожидаемых перспектив, так и потенциальных рисков цифровизации. Не экономические эффекты должно ставить во главу угла – но человека. Человек является центральным субъектом и фактором цифровизации, главным выгодоприобретателем цифровизации и первым среди тех, на чью долю будут приходиться негативные последствия дигитализации. Вызов, брошенный человечеству со стороны COVID-19 (С-19), только более ярко выделяет эту проблему, подчеркивает сверхзначимость человеческой жизни – ее сохранения и поддержания на достойном уровне.

Уже сейчас, когда пик борьбы с С-19 во всем мире прошел только Китай, очевидно, что самыми важными условиями и факторами борьбы с любым кризисом, являются социальные – социально-экономические и социально-психологические, социально-политические и социально-культурные; вообще все возможные с приставкой «социо». Потому что не только и не столько от государств зависит динамика пандемии, сколько от людей и сообществ, от ценностей, установок и практик.

Вышесказанное полностью релевантно для дигитальной проблематики и ее роли как в контролировании пандемии, так и преодоления ее последствий. Развитие процессов цифровизации должно осуществляться не только путем форсированной эволюции технологий – это развитие в обязательном порядке требует актуального и перспективного анализа всех возможных негативных (социальных, культурных, политических, социально-экономических и проч.) последствий их внедрения в общественную практику.

При этом нужно иметь в виду, что цифровые преобразования следует рассматривать в тесной связи с комплексом факторов научно-технического, экономического, политическо-

го, демографического и культурного планов. Так, в частности, определяющее воздействие на жизнь общества имеют темпы и направления научно-технического развития, путем создания смарт-платформ разрушающих традиционное сферное деление общества, где вкупе с процессами цифровизации требуют прожективного анализа особенности внедрения в производственную практику роботов и искусственного интеллекта, нано- и биоразработок, прогресса технологий в области медицины, логистики, образования и т.д.; необходим перспективный анализ результатов экономического роста развитых стран планеты, с одной стороны, с другой – углубления экономической дифференциации различных регионов и стран мира; невозможно обойти стороной политические аспекты актуальной турбулентности и обостряющегося противостояния (вплоть до военного) в мире; все более значимыми становятся вопросы старения населения, его демографического воспроизводства, здорового образа жизни и всех составляющих социального капитала каждой отдельной страны и мира в целом; не хватает системного, социально-экономического и социокультурного осмысления процессов и последствий развития общества в условиях культуры постмодерна и проч.

Иными словами, нужны комплексные гуманитарные исследования ожиданий и готовности общества к переходу в цифровую эпоху развития как экономики, так и всей системы социальных отношений, каждого отдельно взятого социального института. Ибо любой инструмент только тогда дает положительный эффект, когда он, во-первых, находится в руках эффективного пользователя, во-вторых, когда попадает к осведомленному и заинтересованному потребителю. Новые технологии должны быть ориентированы не только на повышение эффективности экономики, но и способствовать улучшению качества жизни отдельного человека с минимизацией всех возможных рисков как для отдельно взятого человека, так и для отдельного общества.

Исходя из этого считаем необходимым изучение воздействия цифровизации на современность – как в аспекте пандемических реакций, так и в рамках прожективного анализа будущего – предварить анализом тех трендов, которые сформировали общество на настоящий момент.

Представляется, что самое важное, с чем мы подошли к концу второго десятилетия этого века – рост благосостояния цивилизации. Конечно, это в первую очередь касается Запада. Но Всемирный банк говорит, что несмотря на разницу по странам и континентам, уровень благосостояния растет во всем мире. Ему вторит ВОЗ, утверждая, что растет ожидаемая продолжительность жизни, растут ее уровень и качество…

Относительно последнего момента со множеством его индикаторов можно было бы порассуждать как о феномене моделирования постиндустриального промышленного развития, но здесь интересен другой разворот – в развитых странах мира со второй половины XX века (или с последней трети, или четверти – не принципиально) фокус внимания переходит с проблемы выживания или наличия жизни на вопросы ее уровня и качества. Это нивелирование критерия прагматики.

Снижение диктата прагматики выживания открывало возможности искать пути к тому, чтобы «жить хорошо», а «хорошо» – оно у всех разное и свое. Развитие производства и экономики (в последнее время главную роль здесь играют, конечно, процессы цифровизации во всех их проявлениях) позволяет строить по-своему разное «хорошее» развитым государствам вообще и каждому конкретному человеку в частности. Потому во главу угла ставится человек со всеми его слабостями, особенностями, наклонностями, девиациями и делинквенциями; в фокусе внимания не общее и объединяющее, а частное и отличающее (социальный квиллидж). Это база для экономики потребления и экономики впечатлений, феминизма и неолиберализма, постфордизма и дополненной реальности.

Факт – человечество стало жить богаче, дольше и лучше. А к хорошему привыкаешь быстро. И мир действительно привык к тому, что в целом последние 30-40 лет мы живем без больших потрясений – и с каждым годом все лучше и лучше. И, понятно, с надеждой на то, что «все лучше и лучше» будет и дальше.

С-19 очень жестко и очень больно ударил по этому хорошему. Ударил по целым отраслям экономики и социальным институтам, по производственным цепочкам и государственным обязательствам перед обществом, по моделям досуга и повседневным привычкам. Мир переживает возвращение прагматики – прагматики выживания. В McKinsey пишут, что население стран Запада, которое не сталкивалось с подобным со времен Второй мировой войны, испытывает невиданный психологический и социальный шок.

Да, каждое государство по отдельности и все вместе еще долго будут анализировать свой опыт пандемии, выстраивая новые критерии прагматики. Возможно, странам постсоветского пространства, чем опыт внекризисного проживания существенно уступает странам Запада, будет проще. Хотя не факт.

Главный социально-психологический фактор, из которого будет расти будущее – индивидуальная значимость опыта переживания эпидемии. Опыт кризиса, который наступил в эпоху благополучия: собственный психологический опыт переживаний и опыт самоорганизации, коммуникативный опыт и опыт кооперирования с ближайшим социальным окружением, опыт взаимопомощи (ее оказания и ее принятия), опыт самоорганизации на уровне групп и сообществ, прежде всего на мезоуровне – взаимодействия медицинских организаций, гражданского общества и бизнеса. И опыт макроуровня – опыт (если он будет) сотрудничества государства и общества, опыт (если он будет) взаимного уважения и взаимного доверия между людьми и властью в условиях проживания пандемии.

Означенные виды опыта экстраполируются на социально-политический уровень – и на сферу межгосударственных отношений в том числе. Но здесь сказать что-то однозначно нельзя; все будет зависеть от результатов, которые пока не очевидны. Те государства, которые первые эффективно справятся с ситуацией С-19, – именно они будут демонстрировать и диктовать миру новые модели взаимодействий и «гражданин – государство», и «государство – мир».

Хочется верить, что прагматика выживания сможет «выскочить из штанов» часто заполошного оперативного реагирования на ситуацию и осознать, что кооперация выгоднее самоизоляции. Что социальная дистанция (к соблюдению которой терминологически ошибочно призывают потенциальных пациентов, путая с дистанцией физической), это не про отчуждение. Это про взаимное уважение и учет потребностей друг друга, про выстраивание общих системы – критериев, практик, ценностей и стандартов. Думаю, что на индивидуальном уровне мы к этому придем как минимум на пике пандемии. На уровне государств… Думаю, что раньше – общемировая пандемия приведет к осознанию необходимости скоординированных мер и общего ответа глобального сообщества.

Сейчас среди определенных кругов популярна идея эпидемиологических доказательствах несостоятельности как паневропейской идеи в частности, так и глобального мира вообще. Дескать, мир побыл глобальным и больше не будет. Но опыт разрушения глобальных связей и торжество протекционизма-самоизоляции человечество уже проходило – во второй четверти XX века. С другой стороны, в последние десятилетия действительно наблюдался опыт угасания глобализационных тенденций: глокализация, финансовые кризисы, миграционные проблемы, торговые войны, волны популизма…

Впрочем, после Второй мировой процессы глобализации только ускорилась и вышли на новый уровень, чему весьма поспособствовали новые технологически разработки. Сегодня же, когда достаточное количество цифровых моделей и практик не получали широкого распространения по причине ригидности, консервативности и отдельно взятого человека, и различных социально-демографических групп, и корпоративных интересов – сегодня тренд самоизоляции и национального протекционизма может быть минимальным.

«Цифра», особенно в условиях карантинов, получит мощнейший толчок к своему развитию. Уже получает, именно ее потенциал формирует кирпичики будущего. Образовательные ресурсы, развлекательные, культурные – они уже в числе первых, открывших бесплатный доступ для всех. Чем дольше будет карантин, чем больше людей «подсядут» на интернет-платформы, тем быстрее и масштабнее будет принятие новых цифровых моделей.

Сетевая самоорганизация, помощь медикам и старшему поколению – она еще раз докажет эффективность цифровых практик. Психологи говорят, мало что по силе своего воздействия может превзойти кризисный опыт, тем более опыт оказания помощи, – не получения, а именно оказания, – а он вообще уникален.

Удаленная работа – опыт ее освоения и реализации введет новый критерий социальной дифференциации. Безусловно, не для всех, но работодатели в любом случае оценят ее действительную рентабельность в тех экономических условиях, которые уже наступили. Кроме экономических преимуществ, здесь важен критерий профессионализма, который будет складываться не только из знаний и умений, но и из волевых качеств, способностей к самоорганизации и конечно цифровых компетенций.

Безлюдные технологии, как производственные, так и транспортные. Они мало зависят от эпидемиологической ситуации и способны преодолевать карантинные занавесы, выстраивая новую логистику мировой экономики. Другой вопрос, что они действительно способны заменить собой добрую часть трудоспособного населения, которой нужно чем-то зарабатывать себе на пропитание. На что будут делать ставку государства, как власть будет договариваться с бизнесом и чем будет обеспечиваться социальная стабильность – большой вопрос.

К вопросу определения альтернатив на государственном уровне, особенно в кризисных условиях недостатка времени и других ресурсов. В ситуации достатка люди демонстрируют склонность к нерациональному, непрагматичному поведению. Жизнь это позволяет. Теоретически, в развитых странах можно (было?) вообще не работать. Прагматика выбора исчезает, вернее – эстетизируется. Нет онтологической прагматики, критерии выбора равнозначны. Потому ситуации, когда нужно постоянно выбирать между полюсами, множились к торжеству плюральности. В «эпоху короны» эстетизация выбора сменяется новым прагматизмом, пространство выбора будет сужаться и, повторюсь, то, что государства выстраивают сейчас – это каркасы будущих социальных и политических институтов.

В рамках прогнозирования их специфики и особенностей дальнейшего развития необходим учет следующих закономерностей и трендов, которые еще не получили своего логического завершения и сейчас проходят апробацию в условиях пандемии и сопутствующих ей процессов:

1. **Тотальная цифровизация или дигитализация феноменальности** – здесь имеется в виду целый комплекс проблем, связанных с нарастающими темпами перевода всех содержаний и процессов в цифровую плоскость. Сейчас не только статистическая и экономическая деятельность переходит на сетевые рельсы. Сегодня происходит оцифровка всех социокультурных и социально-политических содержаний. В цифровой вид переводятся и тиражируются на самые широкие массы населения все социокультурные архивы. Формируются и централизованно собираются «виртуальные двойники» любого объекта и субъекта с подробной фиксацией всех «цифровых следов». Какие социальные (социально-культурные, социально-политические, социально-экономические и проч.) последствия это может иметь:

– *вопрос «электронного государства»* – внедрение в практику технологий электронного государства, а далее – цифрового общества, предполагает как минимум реформирование моделей государственного управления, как максимум – трансформацию всего нормативно-ценностного комплекса государственно-общественных отношений. Без таких изменений (от оперативных – рост должностной компетентности чиновников, ликвидация низкого уровня компьютерной грамотности служащих и т.д., до стратегических – создание единой действующей стратегии реализации целей построения электронного государства, согласованной с комплексом отраслевых и ведомственных документов по реализации этой стратегии) построение электронного государства будет реализовываться формально-симулятивно, замедляя процессы реального управления государством и растрачивая материальные ресурсы. Практики использования элементов электронного государства в частности и оценки деятельности органов власти в период кризиса вообще обозначат конкретные направления и темпы реализации таких технологий;

– *«вопрос цифровой безопасности и этики»* – с технической точки зрения, результаты процессов тотальной цифровизации фиксируются понятием «большие данные» (Big data) и приводят нас к вопросу их использования. Причем не столько инструментальной (которая сулит множество позитивных перспектив), сколько этико-правовой. Здесь можно вспомнить как минимум волну преступлений, связанных с мошенничеством в Интернете, захлестнувшую весь мир, либо опыт Китая по внедрению системы социальных рейтингов или социального кредита. Также возникают определенные нюансы с вопросами государственной и национальной безопасности в условиях цифровизации системы государственного управления с точки зрения противодействия как кибератакам, так и чисто информационному противоборству внешним провокативным «вбросам». Волна фейковой информации и разжигание алармистских настроений в обществе в период пандемии только усугубляет весь перечень означенных здесь проблем. Это с одной стороны, с другой – опыт контроля населения (по крайней мере попыток внедрения и использования таких технологий – Сингапур, Южная Корея, Израиль, Россия) заставит государства обратить пристальное внимание на китайские наработки в этой сфере;

– *вопрос информационно-культурного шока* – всеобщая интернетизация приводит к формированию информационных потоков, который зачастую не сообщает человеку необходимые ему сведения, но ввергает его в ситуацию особого шока – информационного. Далеко не каждый современный человек обладает всеми необходимыми навыками для полноценной эффективной жизнедеятельности в таких условиях, что приводит к постоянным стрессам, фрустрациям и аналоговому эскапизму (отказу от цифровых возможностей). В экономически развитых странах Восточной Азии набирает популярность феномен, который называется хикикомори (условно «городские отшельники») — люди, которые живут в своей квартире, зарабатывают небольшие деньги онлайн, заказывают недорогую еду к собственной двери и наружу не выходят. В США подобные люди известны как «basement dwellers», в Европе — в частности, в Великобритании, как «Not in Employment, Education or Training». Вполне обоснованно можно предположить, что практика социальной (само)изоляции, к которой призывают в условиях карантина, поспособствует популяризации подобных социофобных установок;

- *вопрос аксиологического релятивизма* – перевод всех архивов (исторических, литературных, музыкальных, визуальных и т.д.) в цифровую форму и трансляция на неподготовленную аудиторию. Да, теоретически, человек получает доступ к информации разных эпох и культур. Практически – он оказывается под постоянным натиском образцов, зачастую не релевантных современным социокультурным реалиям. В таких условиях очевидным и абсолютно ожидаемым образом происходит как минимум проблематизация всех социальных и культурных канонов – от эстетических до аксиологических – с перспективой их деконструкции и реконструирования. Означенный тренд определяет необходимость противостояния контрпродуктивной деконструкции как актуальных социальных (социально-политических, социокультурных) процессов в стране, так и ее исторического прошлого. Опять же – как на уровне государства в целом, так и каждого отдельного индивида.

2. **Ускорение социальной динамики** – развитие цифровых технологий и их внедрение в широкую практику (повседневную, профессиональную, производственную, финансовую и т.д.) делает лишними любых посредников и минимизирует издержки транзакций в каждом виде человеческой деятельности. Коренным образом изменяются традиционные практики, ценности, институты, кроме того, появляются совершенно новые сферы и отрасли жизнедеятельности, регулирование которых – как правовое, так и аксиологическое – катастрофически запаздывает:

– *вопрос управления будущим* – появляются принципиально новые сферы и отрасли жизнедеятельности (как профессиональной, так повседневной), порожденные именно дигитальной революцией. Они ставят ребром проблемы перспективного планирования рынков рабочей силы, проектирования новой архитектуры образовательных процессов, разработки концепций новой индустриализации и дезурбанизации, оптимизации систем экспертно-

информационного обеспечения процессов принятия управленческих решений и т.д. Опыт С-19 со всей наглядностью продемонстрировал, что на современном этапе развития государства зачастую неудовлетворительно выполняют функции как кризисного менеджмента, так и стратегического планирования;

– *вопрос актуальной трансформации социокультурных моделей* – ускорение социальной динамики в условиях аксиологического релятивизма приводит к метаморфозам социальных ролей, прежде всего производственных, гендерных и возрастных. В первом случае мы говорим о формировании новых, трансграничных рынках труда, о формировании альтернативных форм занятости (например, таких как фрилансерство), о конвергенции собственно производственной деятельности и непрерывного (само)образования и еще о целом ряде. Во втором случае имеется в виду дрейф гендерно ориентированных социальных норм в самом широком спектре: телесных, эстетических, гастрономических, супружеских, родительских и т.д. Относительно изменения возрастных ролей прежде всего обращает на себя внимание проблема дисбаланса по уровню включенности в дигитализирующееся общество представителей разных поколений – так называемый «цифровой разрыв». Социологические исследования отмечают уникальный (и сейчас только ускоряющийся) для человечества процесс, когда дети или внуки (поколение «цифровых аборигенов») учат своих родителей, бабушек и дедушек (поколение доцифровой эпохи) основам функционирования в виртуальном – прежде всего сетевом – пространстве.

– *вопрос новых критериев социальной дифференциации* – в рамках анализа неравенства и стратификации на место пола, расы, национальности, уровня образования заступают персональные качества человека и его компетенции, зачастую прямо не связанные со строгими дисциплинами (физикой, математикой, медициной и т.д.), но развивающиеся на их стыках и пересечении. Уже сейчас одним из главнейших факторов социальной мобильности является «цифровая грамотность» (digital literacy) человека – своеобразный индикатор его компетентности в информационно-коммуникативной сфере. Причем эта проблема характерна не только для нашего общества, она актуальна в общемировом масштабе. Ставшие сейчас как никогда актуальными удаленные практики покажут, что главным становится умственный труд. Становит непринципиальным телесное различение, если мозг, ум работает хорошо. А таких условиях абсолютно неважно, в каком теле – мужском или женском, старом или молодом, черном или белом – находится хорошо работающий мозг. Не физическая сила, а способность к инициативе, целеполаганию, самоорганизации и т.д. становится принципиальным

3. **Медиатизация и сетевизация** – о месте и роли средств массовой информации в становящемся информационном обществе говорили еще в конце XX века, однако век XXI с его тотальным Интернетом перевел разговор о медиатизации как прогрессирующем влиянии СМИ на политическую жизнь общества через манеру освещения политических событий на новый уровень. На базе цифровых платформ сегодня уже сформированы и успешно развиваются совершенно новые средства массовой информации, которые принято называть «нью-медиа». Возникшие как виртуальные способы общения, передачи межличностной информации, социальные сети и мессенджеры свершили революцию и разрушили иерархическое, вертикальное информационное пространство, сделав его сетевым, горизонтальным.

– *вопрос адекватности коммуникации* – в погоне за аудиторией и рейтингами, что традиционные СМИ, что новые медиа моделируют ситуации, в которых общество оказывается предельно насыщено новостями и иным медиа-содержанием, далекими от повседневной жизни человека. Формируется совершенно особенная коммуникативная конъюнктура, когда важен не факт события, не истина, а условия, при которых решается, что истинно, а что ложно – театрализация, эмоционально окрашенный способ подачи содержания. В анамнезе современности появляются новые записи, – «хайп», «фейк», «постправда», «пузырь фильтров» и проч., – актуализирующих проблему релевантности информации как таковой и ставящих ребром вопрос авторитетности источника и содержания информации. Информационная политика почти всех современных СМИ в ситуации обострения эпидемиологической ситуации

это ярко продемонстрировала – и свою силу, и часто неспособность отделить фейк от правды;

– *вопрос потери доверия иерархиям* – вышеуказанные вопросы с проблематизацией культурных канонов и релевантности информационных источников гораздо глубже, они могут быть зафиксированы как назревшая проблема потери доверия ко всем авторитетам (от традиционных политических авторитетов, что на европейском примере мы видим в аспекте роста популизма и правых партий, до разрушения таких традиционных для общества социальных институтов как семья и брак). С другой стороны, необходимость принятия решения в кризисной ситуации пандемии вскрывает профессиональную несостоятельность популизма и неизбежно приведет к росту доверия действительно функциональных авторитетов. Вместе с тем актуализируется проблема субъектов социальной динамики и навыков самоорганизации в динамичных условиях на всех уровнях.

Это большой и сложный вопрос – сколько субъектов организуются для выживания общества, сможет ли общество само сорганизоваться для выживания в условиях пандемии или без государства никак? В пределе, неолиберализм ставил под сомнение необходимость государственного присутствия, киберoптимисты утверждали зарю новой демократии, технология распределенных регистров обещала заменить собой многие функции государства... С другой стороны, авторитарные государства вполне себе существуют, Китай демонстрирует успехи в борьбе с пандемией, киберпессимисты вангуют расцвет тоталитаризма с помощью больших данных.

– это полюса горизонтальных систем и вертикальной власти, противостояние самоорганизации и иерархии, либо *вопрос гармоничной самоорганизации общества на микро- и мезоуровне* – с самого начала дигитальной эпохи цифровая коммуникация (СМС-сообщения, социальные сети, мессенджеры) является мощные средством мобилизации и координации совместных действий миллионов людей, которая может быть как конструктивной, так и деструктивной. Примеры тому начинаются с 2001 г., когда с помощью СМС-сообщений филиппинские активисты собрали людей на демонстрацию против президента Джозефа Эстрады, позже были события «арабской весны» и целый ряд «цветных революций» по всему миру. С другой стороны, непосредственная коммуникация в цифровом пространстве играет сегодня важнейшую роль, укрепляя гражданское общество в противостоянии пандемии, приумножая коммуникативных и социально-психологический опыт, социальный капитал каждого гражданина и позволяя самостоятельно и быстро решать как локальные, так и общегосударственные проблемы всего за счет устранения посредников в виде множества передаточных, промежуточных элементов между заинтересованными сторонами, в том числе, между гражданином и государством.

Конечно, есть множество других полюсов и точек бифуркации. Цифровизация стремится к переформатированию практически всех устоявшихся моделей, практик и институтов (даже с учетом всеобщей ригидности и возможного «эффекта маятника»). Пандемия ускорит решения по всем назревшим вопросам (заданные ею темпы будут зависеть от пика экспоненты и вероятности второй волны). И решать будут социальные субъекты всех уровней, не только государства. Жизнь показывает, что разные государства очень по-разному справляются с кризисом, вызванным С-19. Полюса: Китай – централизованно, Россия – посредством попытки возврата к федерализму, по Ирану информации не хватает, а Европа прямым текстом говорит, что государства не справляются, нужна помощь общества, нужна самоорганизация…

Об этом уже писалось, но замкнем круг акцентом на ценностях – наверное, один из важнейших опытов, который мы вынесем из пандемии, будет сравнение результативности деятельности государств, силовых ведомств, корпораций и прочих иерархических структур с одной стороны, а с другой – самоорганизующихся субъектов, сообществ, горизонтальных и сетевых структур. Диалога этих сторон или их противостояния, доверия или конфронтации.

Литература

1. *Шваб К.* Четвертая промышленная революция. М.: Издательство Э, 2016. 208 с.
2. *Миланович Б.* Реальная опасность пандемии – социальный коллапс / Россия в глобальной политике. 2020. №2. URL: https://www.globalaffairs.ru/articles/pandemiiya-kollaps/ (Дата обращения: 08.03.2020).

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ КАЗАХСТАНЦЕВ С ЮЖНЫХ РЕГИОНОВ В СЕВЕРНЫЕ: АКТУАЛЬНОСТЬ ИЗУЧЕНИЯ И НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Кусманова А.Г.
Евразийский национальный университет им.Л.Н. Гумилева,
Казахстан, г. Нур-Султан

Аннотация. Данная статья актуализирует необходимость изучения процессов адаптации внутренних мигрантов в Казахстане, переселяющихся по государственной программе продуктивной занятости и массового предпринимательства «Еңбек». На основе анализа статистических и социологических данных автор обосновывает вероятность наличия у переселенцев как экономических, так и социокультурных проблем в ходе адаптации в принимающем обществе.

Ключевые слова: внутренняя миграция, переселенцы, государственная программа, мобильность рабочей силы.

На 27 января 2020 года численность населения Казахстана составила 18 917 522 человек. При этом средняя плотность населения равна 6.9 человека на квадратный километр [1]. Однако в региональном разрезе наблюдаются значительные различия в расселении населения: наиболее плотно заселена Туркестанская область, Алматинская область и Жамбылская область. Меньше всего населения на квадратный километр приходится на г.Нур-Султан, г.Алматы и Актюбинскую область (Таблица 1).

Таблица 1

Плотность населения в разрезе регионов

Регионы	Плотность населения
Акмолинская область	5
Актюбинская область	2,8
Алматинская область	**9,0**
Атырауская область	5,2
Западно-Казахстанская область	4,3
Жамбылская область	**7,7**
Карагандинская область	3,2
Костанайская область	4,5
Кызылординская область	3,4
Мангистауская область	3,9
Туркестанская область	**17,1**
Павлодарская область	6,1
Северо-Казахстанская область	5,7
Восточно-Казахстанская область	4,9
г.Нур-Султан	1,4
г.Алматы	2,7
г.Шымкент	8,9

Здесь также необходимо обратить внимание на Индекс старения в Казахстане (число пожилых 65+ на 100 детей). Согласно данным КС МНЭ РК, Индекс старения – самый высокий в северных и восточных регионах Казахстана. В региональном разрезе распределение Индекса старения выглядит следующим образом (Таблица 2):

Таблица 2

Индекс старения населения в Казахстане

Регионы	Индекс старения
Акмолинская область	**40,2**
Актюбинская область	22,8
Алматинская область	24,8
Атырауская область	14
Западно-Казахстанская область	33,6
Жамбылская область	20,6
Карагандинская область	43
Костанайская область	**58**
Кызылординская область	14,1
Мангистауская область	14,1
Южно-Казахстанская область	13
Павлодарская область	**46,6**
Северо-Казахстанская область	**62,2**
Восточно-Казахстанская область	**50,4**
г.Нур-Султан	15,5
г.Алматы	37

Кроме того, согласно прогнозам демографов, численность населения страны к 2050 году составит 24,5 млн. чел, причем население северных регионов сократится на 0,9 млн. человек, тогда как численность населения южных регионов вырастит на 5,3 млн. человек. Отсюда – плотность расселения южных регионов будет в четыре раза превышать северные.

С целью решения существующего демографического дисбаланса, устранения региональных диспропорций и обеспечения трудодефицитных регионов рабочей силой Правительство РК приняло программу развития продуктивной занятости и массового предпринимательства на 2017–2021 годы, одно из трех приоритетных направлений которых направлено на стимулирование территориальной мобильности трудовых ресурсов через содействие в добровольном переселении граждан из трудоизбыточных регионов в трудодефицитные регионы [2].

Регионами выбытия были определены регионы, имеющие ежегодный прирост населения за последние 10 лет более 2% от численности населения области и/или плотность населения более 6,4 человек на квадратный километр. Так, в число регионов-доноров вошли Алматинская, Жамбылская, Мангистауская, Южно-Казахстанская, Кызылординская области. В качестве регионов-реципиентов определены следующие трудодефицитные области – Восточно-Казахстанская, Северо-Казахстанская, Павлодарская, Костанайская.

В 2019 году к регионам выбытия включен также г. Нур-Султан. С начала текущего года в Павлодарской области реализуется проект «Нұрлы Ертіс», показавший свою эффективность. В течение 1-го полугодия в Екибастуз из города Нур-Султан было переселено 103 многодетных семей или 612 человек (из которых 188 трудоспособные и 425 дети), которые обеспечены арендным жильем на 5 лет, решены вопросы по определению детей в школы и детские сады. Трудоустроены 80% граждан [3].

Согласно постановлению правительства, в список регионов для расселения переселенцев с 1 января 2020 года включены еще две области – Карагандинская и Акмолинская, а к регионам выбытия добавились города Алматы и Шымкент [4].

Участниками добровольного межрегионального переселения являются лица и члены их семей, включенные в региональную квоту приема переселенцев и оралманов, утвержденную в соответствии с законодательством Республики Казахстан, а также работодатели, оказывающие содействие в переселении.

Приоритетом в добровольном межрегиональном переселении пользуются [5]:

1) молодежь в возрасте до двадцати девяти лет, в том числе воспитанники детских деревень и выпускники детских домов, школ-интернатов для детей сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в возрасте от шестнадцати до двадцати трех лет, а также выпускники в рамках проекта "Мәңгілік ел жастары – индустрияға!" ("Серпін");

2) выпускники организаций среднего, технического и профессионального, послесреднего, высшего и послевузовского образования в течение трех лет после завершения учебного заведения;

3) лица, высвобожденные в связи с ликвидацией работодателя- юридического лица либо прекращением деятельности работодателя- физического лица, сокращением численности или штата работников, снижением объема производств и выполняемых работ и услуг, повлекшим ухудшение экономического состояния работодателя;

4) выпускники из числа сельской молодежи, обучающиеся в регионах приема, определенные квотой, в размере 10 процентов в соответствии с постановлением Правительства Республики Казахстан от 28 февраля 2012 года № 264 «Об утверждении размеров квоты приема при поступлении на учебу в организации образования, реализующие образовательные программы технического и профессионального, послесреднего и высшего образования».

Правительство предусмотрело ряд условий по стимулированию миграции трудовых ресурсов, в их числе значатся следующие меры:

1) предоставление материальной помощи на переезд, которая является единовременной в размере 35 МРП на главу и каждого члена семьи.

2) возмещение ежемесячных расходов по найму (аренде) жилья и оплате коммунальных услуг. Здесь имеют место дифференцированные выплаты переселенцам в зависимости от типа населенного пункта, в который мигрирует переселенец. Так, для переселившихся в городскую местность условия следующие:

1.1) в размере 20 МРП для одного человека;

1.2) в размере 25 МРП при количестве членов семьи от двух до четырех;

1.3) в размере 30 МРП при количестве членов семьи пять и более;

Для переселившихся в сельскую местность:

2.1) в размере 15 МРП для одного человека;

2.2) в размере 18 МРП при количестве членов семьи от двух до четырех;

2.3) в размере 21 МРП при количестве членов семьи пять и более.

Причем для приобретения переселенцами жилья в собственность допускается единовременная выплата суммы материальной помощи в пределах начисленной суммы на семью в год.

3) предоставление служебных жилищ и комнат в общежитиях для трудовой молодежи, построенных (приобретенных) в рамках Программы "Дорожная карта занятости 2020";

4) предоставление субсидий работодателям, оказывающим содействие в переселении. Причем работодателю, оказывающему содействие в межрегиональном переселении, предоставляются субсидии в размере 450 МРП за каждого принятого на постоянную работу работника со сроком не менее чем три года, при трудоустройстве не менее пяти участников Программы.

5) направление на обучение с техническим и профессиональным образованием и краткосрочные профессиональные курсы при необходимости;

6) содействие в трудоустройстве и развитии предпринимательства на новом месте жительства.

Итоги 2017 года:

По оперативным данным на 1 января 2018 года переселилось всего 1 002 семьи (3 461 чел.), в том числе внутренние переселенцы − 410 семей (1 584 чел.), оралманы − 592 семьи (1877 чел.) (Таблица 3). Из них трудоспособного возраста 2 069 человек, из которых трудоустроено 841 человек. Основная доля трудоустроенных – специалисты сельского хозяйства, учителя, воспитатели, стоматологи, инженеры и другие [6].

Таблица 3

Результаты реализации Программы за 2017 год

Регион	**Переселено семей**	**Переселено, чел.**	**Из них трудоспособные, чел.**	**Трудоустроено, чел.**	**% трудоустройства**
Акмолинская	80	295	144	121	84
ВКО	384	1 271	687	229	33
Костанайская	139	460	244	163	67
Павлодарская	119	468	235	146	62
СКО	280	967	375	182	49
Итого	1 002	3 461	1 685	841	50

Итоги 2018 года:

в 2018 году региональная квота приема переселенцев была установлена в количестве 1 517 семей переселенцев, или 6 363 человека. В течение года из трудоизбыточных регионов в северные регионы переселено 6 766 человек (1 858 семей), или 106% от плана. Как показывает анализ, более половины переселенцев переехали в Павлодарскую – 31%, Восточно-Казахстанскую – 27%, Северо-Казахстанскую – 22%, Костанайскую области – 16%.

Большинство из них выехали из Туркестанской области – 36%, из Алматинской – 28%, из Жамбылской – 15%, из Кызылординской – 13,5%, из Мангистауской области – 2,7%.

48% переселенцев, или 3 265 человек, трудоспособного возраста. Из них трудоустроены 2 208 человек или 70%. Кроме того, 180 человек заняты предпринимательской деятельностью и 112 человек охвачены обучением на новом месте жительства [7].

Итоги 2019 года:

За 10 месяцев 2019 года было переселено 2 266 семей или 8 168 человек. Кроме этого, более 1 тыс. семей были обеспечены жильем, но при этом половина из них проживают на съемных квартирах. За 10 месяцев 2019 года переселено 3,8 тыс. человек трудоспособного возраста, из которых 2,7 тыс. человек или 71% трудоустроены на постоянную работу.

Сравнительный анализ текущих результатов реализации Программы и ее целевых индикаторов, обозначенных в Паспорте по реализации Программы, показал, что по такому показателю как «Количество семей оралманов и переселенцев, охваченных мерами социальной поддержки в рамках повышения мобильности трудовых ресурсов» отмечается, что запланированные показатели выполняются сверх нормы. В то же время по второму целевому индикатору имеются недочеты. Так, доля трудоустроенных из числа трудоспособных оралманов и переселенцев по итогам 2017 г. составила в среднем 50%, по итогам 2018 г. – 70%, по итогам 10 месяцев 2019 года – 71%. Тогда как запланированный показатель трудоустройства переселенцев варьируется от 90% до 94% (Таблица 4).

Таблица 4

Показатели результатов по мобильности трудовых ресурсов

№ п/п	**Наименование показателя**	**Ед. изм.**	**Годы реализации**					**Ответственные за исполнение**
			2017	**2018**	**2019**	**2020**	**2021**	
1	Количество семей оралманов и переселенцев, охваченных мерами социальной поддержки в рамках повышения мобильности трудовых ресурсов	тыс. чел.	2,7	2,7	2,7	3	3,2	МЗСР, МИО
2	Доля трудоустроенных из числа трудоспособных оралманов и переселенцев	%	90	92	94	95	96	МЗСР, МИО

В качестве причин имеющихся проблем в вопросах переселения граждан из трудоизбыточных регионов в трудодефицитные представители ответственного государственного органа выделяют «пассивное» участие регионов выбытия в переселении граждан. Во-вторых, недостаточный уровень обеспечения занятости и низкая заинтересованность работодателей в участии в переселении. В-третьих, местные исполнительные органы решают вопросы переселения только за счет республиканского бюджета, не используя свои возможности. Решением данных проблем может послужить активизация межрегионального взаимодействия для качественного подбора кадров, открытие на базе центров занятости населения в регионах выбытия постоянных представительств. Также, согласно мнению государственных органов, необходимо вовлечь в процесс обеспечения мобильности трудовых ресурсов региональные представительства НПП «Атамекен», а регионам приема определить отдельное целевое финансирование за счет местных бюджетов на организацию трудовой мобильности [8].

Однако не смотря на достижение целевых индикаторов, обращает на себя внимание фактор адаптации южных переселенцев в северных регионах страны. Стоит вспомнить, например, реализацию государственной программы «Серпін». Так, первый выпуск программы, начатой в 2014 году, состоялся в 2018 году. Из 931 выпускников, трудоустроилась только половина из них. Остальная доля выпускников, получив бесплатное образование в северных вузах, уезжали обратно, в южные регионы. Аналогичная ситуация повторилась в 2019 году [9].

По программе продуктивной занятости и массового предпринимательства общее количество возвращенцев по итогам 2017 года составило 19 человек, которые вернулись в регион исхода из-за климатических условий и проблем со здоровьем.

Не смотря на небольшой процент внутренних мигрантов-возвращенцев, вопрос адаптации южных переселенцев до сих пор является открытым, так как отсутствуют данные социологических исследований по данному вопросу. По крайней мере, данные таких исследований носят закрытый характер.

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос
«На каком языке Вы чаще всего общаетесь в повседневной жизни?», в %

	На казахском языке	**На русском языке**	**На казахском и русском языках в равной степени**
Акмолинская область	28,8	51,9	15,4
Актюбинская область	75,4	14,0	10,5
Алматинская область	36,2	40,2	22,8
Атырауская область	86,8	7,9	5,3
Западно-Казахстанская область	34,1	11,4	54,5
Жамбылская область	61,8	19,1	19,1
Карагандинская область	16,3	64,3	19,4
Костанайская область	9,2	86,2	4,6
Кызылординская область	66,0	0	34,0
Мангистауская область	33,3	2,6	64,1
Туркестанская область	97,3	0	1,8
Павлодарская область	11,1	44,4	44,4
Северо-Казахстанская область	56,1	14,6	29,3
Восточно-Казахстанская область	44,0	11,0	45,0
г.Нур-Султан	49,3	24,6	26,1
г.Алматы	44,3	18,3	37,4
г.Шымкент	82,8	5,2	8,6

Наличие проблем в адаптации переселенцев в северных областях допускается возможным вследствие социокультурных различий, характерных для жителей южного и северного Казахстана. Маркерами таких различий является, в первую очередь, язык повседневного общения. Общеизвестно, что жители северных областей Казахстана разговаривают преимущественно на русском языке, жители южных регионов – на казахском. В данном случае можно обратиться к результатам социологического опроса, проведенного в 2019 году ТОО «НИЦ «Молодежь» по республиканской репрезентативной выборке (1200 человек) [10]. В ходе опроса казахстанцы ответили на вопрос: «На каком языке Вы чаще всего общаетесь в повседневной жизни?». Согласно полученным результатам, русский язык является основным средством коммуникации в Костанайской (86,2%), Карагандинской (64,3%), Акмолинской (51,9%) и Павлодарской (44,4%) областях. На казахском языке взаимодействуют преимущественно жители Туркестанской (97,3%), Атырауской (86,8%), Актюбинской (75,4%), Кызылординской (66%), Жамбылской (61,8%) областей и г. Шымкент (82,8%) (Таблица 5).

Кроме того, в инструментарий указанного исследования также был включен вопрос относительно того, имеются ли серьезные противоречия между жителями южных и северных регионов. Как показал опрос, о наличии противостояния между жителями южных и северных регионов сказали респонденты в Костанайской (78,5%), Павлодарской (75,9%), Атырауской (65,7%), Карагандинской (65,3%), Акмолинской (53,8%), Северо-Казахстанской (53,7%) и Восточно-Казахстанской (52%) областях (Таблица 6).

Приведенные выше результаты исследования позволяют предположить, что переселенцы с южных регионов страны на севере испытывают не только экономические сложности и трудности трудоустройства, но и в силу социокультурных региональных различий по направлению юг-север, вероятно, переживают непростой процесс адаптации на новом месте. Данное обстоятельство актуализирует необходимость изучения особенностей адаптацион-

ных процессов, в которые вовлечены мигранты, переселившиеся в северные регионы в рамках программы продуктивной занятости и массового предпринимательства «Еңбек».

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос
«Выскажите свое отношение к мнениям по поводу текущей этнической ситуации в стране? Серьезные противоречия есть между жителями южных и северных регионов?», в %

	Согласен	**Скорее согласен**	**Скорее не согласен**	**Не согласен**	**Затрудняюсь ответить**
Акмолинская область	28,8	25,0	7,7	34,6	3,8
Актюбинская область	1,8	0	22,8	64,9	10,5
Алматинская область	26,6	11,7	35,9	23,4	2,3
Атырауская область	36,8	28,9	23,7	7,9	2,6
Западно -Казахстанская область	17,8	6,7	42,2	22,2	11,1
Жамбылская область	14,7	48,5	4,4	20,6	11,8
Карагандинская область	40,8	24,5	19,4	15,3	0
Костанайская область	0	78,5	3,1	18,5	0
Кызылординская область	14,9	10,6	6,4	36,2	31,9
Мангистауская область	0	5,3	47,4	47,4	0
Туркестанская область	0,9	1,8	17,3	80	0
Павлодарская область	38,9	37,0	18,5	3,7	1,9
Северо Казахстанская область	29,3	24,4	19,5	26,8	0
Восточно-Казахстанская область	14,0	38,0	17,0	9,0	22,0
г.Нур-Султан	1,4	0	2,9	71,0	24,6
г.Алматы	22,9	25,2	12,2	28,2	11,5
г.Шымкент	19,3	8,8	12,3	56,1	3,5

Литература

1. Официальный сайт Комитета по статистике Министерства национальной экономики Республики («Демографическая статистика»). URL: https://www.stat.gov.kz/official/-industry/61/statistic/8 (Дата обращения: 09.03.2020).
2. Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан («Об утверждении Государственной программы развития продуктивной занятости и массового предпринимательства на 2017–2021 годы «Еңбек»). URL: http://adilet.zan.kz/rus/docs/P1800000746 (Дата обращения: 09.03.2020).
3. Официальный информационный ресурс Премьер-Министра Республики Казахстан («Более 1000 семей в I полугодии т.г. переселены из трудоизбыточных регионов в регионы, имеющие дефицит в рабочей силе»). URL: www.government.kz/ru/news-/press/bolee-1000-semey-v-i-polugodii-t-g-pereseleny-iz-trudoizbytochnyh-regionov-v-regiony-imeyushchie-deficit-v-rabochey-sile (Дата обращения: 09.03.2020).
4. Официальный сайт Премьер-министра Казахстана («В рамках программы «Еңбек» трудоустроено 416 тыс. человек – Б. Сапарбаев»). URL: https://primeminister.kz/ru/-news/press/v-ramkah-programmy-en-bek-trudoustroeno-416-tys-chelovek-b-saparbaev (Дата обращения: 09.03.2020).
5. Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан («Об утверждении Правил добровольного переселения лиц для повышения мобильности рабочей силы»). URL: http://adilet.zan.kz/rus/docs/V1600013921 (Дата обращения: 09.03.2020).

6. Официальный сайт Министерства труда и социальной защиты населения Республики Казахстан («Итоги реализации за 2017 год Программы развития продуктивной занятости и массового предпринимательства на 2017-2021 годы»). URL: https://www.enbek.-gov.kz/ru/node/348024 (Дата обращения: 09.03.2020).
7. Официальный интернет портал «Zakon.kz» («Более 6 700 казахстанцев переселились с юга на север в 2018 году»). URL: https://yandex.kz/turbo?text=https%3A%2F-%2Fwww.zakon.kz%2F4956606-bolee-6-700-kazahstantsev (Дата обращения: 09.03.2020).
8. Официальный сайт Министерства труда и социальной защиты населения Республики Казахстан («Вопросы переселения казахстанцев с юга на север обсудили в Петропавловске»). URL: www.enbek.gov.kz/ru/node/364972 (Дата обращения: 09.03.2020).
9. Международное агентство новостей «Fergana» («А мы уйдем на север?»). URL: https://fergana.agency/articles/111087/ (Дата обращения: 09.03.2020).
10. Официальный сайт Казахстанского института общественного развития «Рухани жаңғыру». URL: www.kipd.kz/ru/too-nauchno-issledovatelskiy-centr-molodej (Дата обращения: 09.03.2020).

РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ МИГРАНТОВ-МУСУЛЬМАН ИЗ СТРАН СНГ: ВЕКТОРЫ ТРАНСФОРМАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА

Липатова Т.Н.
Центр исламоведческих исследований АН РТ,
Россия, г. Казань

Аннотация. Статья посвящена проблеме изменения религиозной идентичности мигрантов-мусульман, прибывающих в Республику Татарстан из стран Центральной Азии. Обозначены особенности развития исламских сообществ как в странах происхождения мигрантов, так и в Республике Татарстан. Отмечается ряд противоречий, связанных с взаимным влиянием религиозности мигрантов и принимающего исламского сообщества.

Ключевые слова: мигранты, Узбекистан, Таджикистан, Казахстан, Туркменистан, Кыргызстан, ислам, религиозная идентичность.

Статистика свидетельствует о ежегодном росте количества мигрантов, приезжающих в Республику Татарстан из стран СНГ. Так, в 2019 количество поставленных на миграционный учет в Татарстане из стран ближнего зарубежья возросло по сравнению с 2018 годом на 16% [3]. В основном это граждане Узбекистана, Таджикистана, Казахстана, Туркменистана, Кыргызстана, отличающиеся высокой степенью религиозности, поскольку подавляющее большинство населения в государствах Центральной Азии исповедует ислам. Так, в Казахстане мусульманами являются 71% населения, в Кыргызстане и Таджикистане свыше 80%, в Узбекистане 96,5% [8]. В структуре этнического состава населения данных государств также заметную часть составляют представители так называемой «титульной нации»: в Казахстане казахи составляют 63,1%, в Кыргызстане киргизы 73,2%, в Таджикистане таджики 84,3%, в Туркменистане туркмены 85%, в Узбекистане узбеки 80%.

Как показывают опросы, одна из значимых причин выбора Татарстана в качестве региона вселения мигрантов-мусульман связана с тем, что здесь функционирует ислам, и Республика Татарстан воспринимается как комфортная для его исповедования, предоставляющая много возможностей для удовлетворения религиозных потребностей: посещать мечеть, совершать намаз, общаться с представителями духовенства и пр.[11, с. 82]

Хотя миграция носит преимущественно маятниковый характер, немалое количество мусульман оседает в России. Получается парадоксальная картина: с одной стороны, мигран-

ты оказываются как бы оторванными от ислама, с другой для некоторых из них он оказывается средством самозащиты от чужого мира.

Каковы возможности и потенциал трансформации религиозной идентичности приезжающих в Республику Татарстан мигрантов-мусульман и возникающие в связи с этим тенденции развития ислама в регионе? Данные вопросы требуют анализа условий религиозной социализации в странах исхода, а именно в современном Казахстане, Узбекистане, Туркменистане, Таджикистане и Кыргызстане.

Казахстан. Ислам, будучи самой распространенной религией среди верующего населения Казахстана, исповедуется 70% населения [25]. Ханафитский масхаб является традиционным для мусульман Казахстана, в соответствии с которым большое значение придается национальным традициям местного населения. Именно поэтому традиции и обычаи казахского народа нашли гармонию с канонами ислама [34].

Ряд авторов отмечает наличие в Казахстане открытого противостояния между официальным духовенством, стоящим на позициях ханафитского мазхаба, и салафитами [6, с. 41]. Сегодня именно джамааты салафитов, ставшие многочисленными на юге и на западе Казахстана, являются основной «ударной» силой по распространению в Республике Казахстан идеологии радикального ислама [6, с. 45]. Между тем, отмечается, что противоречивым вопросом для религиозной практики Казахстана является политика требования обязательного выполнения молитвенного ритуала согласно ханафитскому мазхабу в мечетях ДУМ, что не соответствует суннитской доктрине, ограничивая права других признанных мазхабов на следование собственной ритуальной практике. Такая политика, по мнению Каримова, может вступать в конфликт с этноидентичностью верующих, поскольку ислам тесно переплетен с национальными традициями исповедующих его народов [10, с. 155].

Узбекистан. Приблизительно 93% населения страны традиционно являются мусульманами, в подавляющем большинстве суннитами ханафитского мазхаба. Около 1% составляют шииты, проживающие в основном в Бухарской и Самаркандской областях [15, с. 70].

Отмечается, что Узбекистан сумел создать в стране уникальный «религиозный баланс». Как подчеркивает Ф. Старр, «несмотря на то, что большинство населения страны исповедует ислам, а мусульманские традиции достаточно глубоки, государство разграничило себя от религии и является светским. Власти республики защищают интересы всего общества, не разделяя верующих и неверующих, мусульман и представителей других вероисповеданий» [28, с . 74].

Каримов выделяет три формы ислама в Узбекистане – традиционный, умеренный ислам, исповедуемый подавляющим большинством населения, ислам, поддерживаемый правительством, и радикальные группы, вроде Исламского движения Узбекистана и «Хизб-ут-Тахрир», не пользующиеся поддержкой большинства [9, с. 76].

Узбекистан традиционно считается государством, проводящим жесткую политику в религиозной сфере. Согласно закону «О свободе совести и религиозных организациях» гражданам запрещено появляться в общественных местах в культовом религиозном одеянии. Также предметом пристального внимания государства является большинство мусульманских общин. Многие мечети в сельской местности закрыты или лишены государственной регистрации, правительство выступает против строительства мечетей в деревнях [15, с. 71].

Туркменистан. Туркменистан является многонациональным светским государством, насчитывающим около шестидесяти этнических групп с безусловно преобладающим туркменским большинством (85,6%). Большинство туркмен следуют ханафитской правовой школе суннизма. Сегодня развитие ислама в стране, подготовка и назначение священнослужителей, а также строительство мечетей находятся под контролем государства. Все имамы получают жалование от государства [14, с. 74].

Исследователи отмечают особенности туркменского ислама по сравнению с, например, арабским исламом. Де Кордье, перечисляя ряд специфических особенностей, предлагает определить ислам в Туркменистане как «евразийский ислам», характеризующийся, в частности, широким использованием русского языка; прохождением непростого процесса

самоопределения; стремлением сохранить через исламскую религию связь с лучшими аспектами и ценностями советского коммунизма [5; 32, с. 175].

Авторы указывают на то, что духовные традиции туркмен никогда не были привержены фундаменталистским формам исповедания ислама. В то же время подчеркивается соблюдение жесточайшего контроля государства за всеми проявлениями религиозной жизни в стране. Как отмечает Мурат, «глубина веры мусульман Туркменистана неизвестна; громадные мечети, построенные в Ашхабаде, полупусты даже в праздники. Наблюдатели говорят, что из-за тотального религиозного контроля государства мусульмане предпочитают молиться дома» [15, с. 72].

Таджикистан. По некоторым оценкам, 97% населения страны составляют мусульмане [26]. Большинство мусульман придерживаются ханафитского мазхаба суннитского толка, получившее в 2009 году статус официального религиозного течения. Соответствующий закон был принят парламентом страны [30, с. 310].

До недавнего времени Таджикистан оставался единственным постсоветским государством, где до 2015 г. действовала официально и была представлена в парламенте исламистская партия ПИВТ (Партия исламского возрождения Таджикистана) [17, с. 128]. После попытки государственного переворота исламистами в 2016 году в конституцию были внесены изменения, на основе которых наличие и деятельность всякой политической партии религиозного толка запрещается.

В настоящее время государство пытается сохранить светский характер, запрещая отправление религиозных обрядов, культовых церемоний и иных мероприятий, связанных с вероучением, в государственных органах. В свою очередь, закон «Об упорядочении традиций, торжеств и обрядов», определяет порядок соблюдения традиций, торжеств и обрядов гражданами [29]. Школьницам и студенткам запрещено посещать учебные заведения в мусульманских платках, также критике подвергаются женщины, носящие хиджаб, черные одежды, и мужчины, опустившие бороды, «несвойственные национальной культуре страны» [15, с. 65].

При этом государство признает право религиозных объединений на организацию и управление в соответствии с религиозными правилами и нормами, в том числе право на назначение, избрание, религиозных служителей [30, с. 311].

Кыргызстан. Подавляющее большинство жителей Кыргызстана (около 85%) позиционируют себя в качестве мусульман. Сегодня в Кыргызстане имеется более 20 мусульманских джамаатов, из них преобладающая часть представлена суннитами ханифитского мазхаба, некоторые – суннитами шафиитского толка (кавказские национальности) и незначительна доля шиитов-джаафаритов (азербайджанцы) [24, с. 6]. При этом в республике устойчиво сохраняется светский характер всех институтов власти [16, с. 169].

Ислам в Кыргызстане тесно связан с традициями национальной культуры, имеет свою давнюю историю и особенности в жизни киргизского народа [9, с. 76].

Как показывает анализ религиозной ситуации, в период последних 26 лет, появились джамааты, импортированные в республику из зарубежных стран, которые традиционно не существовали на территории Кыргызстана [1, с. 142]. Практически все организации, представляющие собой угрозу национальной безопасности Кыргызстана, опираются на салафистскую идеологию [33, с. 165]. Авторы отмечают, что для религиозной ситуации в современном Кыргызстане свойственно активное участие иностранных акторов, воздействие которых на верующих с каждым годом возрастает. Вместе с тем идет активный процесс политизации ислама [33, с. 168]. Так, по оценкам экспертов, ни в одной другой стране региона исламизация не идет с такой скоростью, как в Кыргызстане. Результаты опросов показывают, что около 50% населения поддерживают идею создания исламского государства [15, с. 66].

Ислам в Татарстане. Приезжая в Республику Татарстан, мигранты соприкасаются с так называемым «исламом Среднего Поволжья» – ханифитским мазхабом суннитского толка, оказавшим влияние на мусульманские традиции региона, а с конца XIX века и вплоть

до настоящего времени перешедшим в форму обновленческого джадидизма. В настоящее время Ислам в Татарстане исповедуется значительной частью татар, доля которых в населении региона составляет 53% [12].

Как отмечает Малашенко, среди татар ислам ханафитского мазхаба воспринимается достаточно индифферентно – молодые люди считают его «татарским исламом», и прежде всего, частью этнической культуры, которая «существовала и существует без всякой дополнительной теологической апробации» [11, с. 80]. Об этом говорит и муфтий Гусман Исхаков, подчеркивая, что «наш ислам насыщен национальными традициями, можно в этой связи говорить даже о специфике татарского ислама» [27, с. 220]. В свою очередь Мухаметшин подчеркивает, что в народном сознании в понятие исламское включаются многие чисто местные реалии, отличные от установок нормативного ислама, и многие традиции в татарском обществе сохранились в качестве «народной» религии с ярко выраженной этнической окраской [19, с. 264]. Данный факт подтверждают и многочисленные этнологические исследования: в Татарстане татары часто идентифицируют себя с исламом, исходя из историко-культурной традиции своего народа, нежели по религиозно-мировоззренческой убежденности [18, с. 179].

Следствием сильно развитой этнической идентичности татар является их слабо выраженная исламская солидарность, на что указывает Мухарямов, подчеркивая, что «у татар нет исламской солидарности, на что жалуются чеченцы» [20, с. 54].

В то же время, существует мнение, что «для определенной части татар ислам – это, прежде всего, мировая религия, изначально не связанная с определенной национальной традицией, а если и связанная, то скорее с арабской, чем с татарской» [22, с. 115].

Необходимо подчеркнуть особую роль джадидизма, реанимация идей которого на фоне легитимация религии с конца 1980-х гг. в Татарстане привела к появлению так называемого «евроислама». Евроислам нашел отражение в форме своеобразного продолжения джадидизма в новых исторических условиях, но не получил большого числа последователей и остался скорее как теоретическое направление [27, с. 219]. Лидер данного интеллектуального движения, экс-советник первого Президента РТ М.Ш. Шаймиева и ученый Р.С. Хакимов, связывает значимость джадидизма для современных, вполне уже модернизированных татар с поиском их места в мировом сообществе и в поликонфессиональной России. По его убеждению, «только модернизированный и приведенный в соответствие с западными ценностями ислам имеет перспективу к развитию». Отличительными особенностями евроислама являются отрицание масхабов, закята и снятие запрета на употребление алкоголя. Нововведения Хакимова были осуждены многими мусульманскими лидерами.

Профессор Тиби, говоря о евроисламе в Татарстане, отмечает, что «в отличие от адаптации мусульман к стандартам «своих европейских христианских соседей» на примерах довоенной Боснии или мусульманских мигрантов в Европе татары не нуждаются в изменении своих жизненных устоев для приспособления к какой-то новой цивилизационной среде. В этом пункте заключается, пожалуй, ключевая разница между джадидизмом и евроисламом» [31].

На сегодняшний день одной из главных задач исламского духовенства Татарстана является воспитание мусульман в нормах традиционного ислама [19. с. 258].

Набирающие силу тенденции. В свою очередь, мигранты, прибывающие из стран ближнего зарубежья, активно способствует привнесению тех мировоззренческих установок, которыми они обладали у себя на родине. В настоящее время исследователи указывают на набирающие силу тенденции трансформации религиозной идентичности, как мигрантов-мусульман, так и представителей принимающего мусульманского сообщества.

Прежде всего, речь идет о переходе проповедей с татарского языка на русский в мечетях крупных городов, что обусловлено просьбами мигрантов. Как отмечает Градировский, «если раньше в Волго-Уральском регионе «исламским языком» считался даже не арабский, а татарский, то теперь «имам должен обращаться к каждому человеку, разделившему с остальными молитву», то есть по-русски» [4]. Прежде всего в таком изменении

видится угроза потере мечетями функции татарских национально-культурных центров, которыми они обладали.

Во-вторых, как отмечает Булатов, одной из особенностей современных мигрантов мусульман является накладывание друг на друга разных типов идентичности – этнической и религиозной. Такое совмещение идентичностей наиболее характерно для ислама, и в первую очередь в среде мигрантов, попавших в иноэтничную и инокультурную среду, для которых усиливается значение религиозной обрядности, но далеко не всегда сопровождающееся ростом религиозности [2, с. 71]. На первое место выходят те стороны религиозного культа, которые носят общественный, публичный характер и предполагают либо коллективное их отправление, либо наличие зрителей или хотя бы какой-то огласки. Посещение мечети и участие в общей пятничной молитве, соблюдение поста, отмечание его окончания – Уразы-Байрама, праздника жертвоприношения – Курбан-Байрама, похороны по мусульманскому погребальному обряду – все это становится не только показателем религиозной принадлежности, но и маркерами этнической и культурной идентичности [2, с. 71-72].

Данная тенденция находит свое отражение и в зарубежных исследованиях. Работа П. Эйда о механизмах формирования и трансформации этнической и религиозной идентичности молодых арабов-мигрантов второго поколения города Монреаль, исповедующих христианство и ислам, показывает, что социальные мероприятия, организуемые религиозными учреждениями, имеют тенденцию привлекать большое количество мигрантов, которые, не всегда являясь религиозными, старательно держатся за свое этническое происхождение. Таким образом, Эйд делает вывод, что в условиях миграции религия, предоставляя сообществу пространство, как в прямом, так и в переносном смысле, используется как средство укрепления групповой солидарности, трансформируясь в социальную силу, обеспечивающую сохранение этнической идентичности, при этом, не всегда требуя особой религиозной приверженности [35].

Указанные тренды позволяет выдвинуть вопрос о том, каким станет исламский облик Республики Татарстан в будущем: татарским или мигрантским [13, 98]. Поскольку поток мигрантов-мусульман из Центральной Азии неизбежно будет нарастать, ислам в Татарстане, имеющий ярко выраженные региональные профили и характеристики, рискует потерять свою этническую компоненту. В этих условиях увеличивается вероятность формирования мировой уммы, отрицающей этничности, а также развитие новых форм религиозности, не всегда носящий созидательный характер.

В этой связи важным фактором обозначенных тенденций выступает этноконфессиональный контекст – если Татарстан является «полумусульманским» регионом с высокой долей неисламского населения, в первую очередь православного, то в странах СНГ (Узбекистан, Таджикистан, Казахстан, Туркменистан, Кыргызстан) основная доля населения является мусульманской.

Литература

1. *Бегматова С.* Межконфессиональные отношения в современном Кыргызстане // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. 2018. №. 6. С. 141–144.
2. *Булатов А.О.* Российское государство и «внутренние» мигранты-мусульмане: тенденции взаимодействия и стратегии адаптации // Вестник Евразии. 2007. №. 3. С. 68–77.
3. *Габдрахманова Г.Ф., Сагдиева Э.А.* Роль миграции и адаптации в воспроизводстве диаспоры (на примере таджикской и узбекской диаспор в Республике Татарстан) // Социально-психологическая адаптация мигрантов в современном мире: Материалы 4-й Международной научно-практической конференции (Пенза, 23–24 марта 2018). Москва: Издательство «Перо». С. 55–63.
4. *Градировский С.* Культурное пограничье: русский ислам // Альманах. Центр стратегических исследований ПФО, 2002. URL: http://www.antropotok.archipelag.ru/text/a258.html (Дата обращения: 11.03.2020).

5. *Де Кордье Б.* Евразийское мусульманство? (взгляд на положение, эволюцию Ислама и исламизма в бывших советских республиках Средней Азии и Каспийского региона) // Центральная Азия и Кавказ. 2008. № 5(59). С. 33–54.
6. *Дмитриева Е.Л.* Проблема радикализации ислама в Казахстане (сводный реферат) // Россия и мусульманский мир. 2019. №. 4 (314). С. 23–35.
7. Сайт посольства США в Таджикистане в 2009 году (Доклад Государственного департамента США о свободе вероисповедания в Таджикистане в 2009 году. URL: http://russian.dushanbe. usembassy.gov.html (Дата обращения: 11.03.2020).
8. Исламский информационный духовно-просветительский портал. URL: http://www.islamisemya.com/islam-v-kazahstane.html (Дата обращения: 11.03.2020).
9. *Каримов Н.И.* Ислам в Узбекистане // Россия и мусульманский мир. 2007. №. 4. С. 74–82.
10. *Каримов Н.И.* Религиозная политика, радикализм и эволюция ислама в Казахстане (начало XXI В.): Теоретические аспекты // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2017. №. 3. С. 152–161.
11. *Малашенко А.* Ислам: вид из Кремля // Россия и мусульманский мир. 2014. №. 8. С. 54–61.
12. Федеральная служба государственной статистики (Материалы об окончательных итогах Всероссийской переписи населения 2010 года). URL: http://www. gks. ru/free_doc/new_site/perepis2010/perepis_itogi1612. html (Дата обращения 07.02.2020).
13. *Мирзаханов Д.Г.* Модели исламо-политической трансформации в постсоветской России: Татарстан и Дагестан // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. 2015. Т. 15. №. 3. С. 96–99.
14. *Мирзеханов В.С., Тюльпаков М.В.* Туркменистан и исламский мир // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9, Востоковедение и африканистика: Реферативный журнал. 2019. №. 3. С. 72–91.
15. *Мурат Л.* Религиозная ситуация и угроза религиозного экстремизма в Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. 2012. Т. 15. №. 1. С. 60–79.
16. *Мурзахалилов К.С.* Риски религиозной радикализации в Кыргызстане // Ислам в современном мире. 2019. Т. 15. №. 2. С. 167–180.
17. *Муртазин М.Ф.* Таджикистан: победа над исламизмом? // Россия и новые государства Евразии. 2018. №. 2. С. 109–129.
18. *Мусина Р.Н.* Процесс реисламизации татар постсоветского Татарстана: динамика, явления, проблемы // Этнологические исследования в Татарстане. Выпуск VII. Казань: Институт истории им.Ш.Марджани АН РТ, 2013. С. 171–193.
19. *Мухаметшин Р.М.* Татары и ислам в XX веке (Ислам в общественной и политической жизни татар и Татарстана). Казань: Издательство «Фэн», 2003. 303 с.
20. *Мухарямов Н.* Ислам в Поволжье: политизация несостоявшаяся или отложенная? // Ислам от Каспия до Урала: макрорегиональный подход. М.: РОССПЭН. 2007. С. 13–69.
21. На пути к просвещенному исламу: религия и светское государство в Узбекистане // URL: http://www.kultura.uz/view_2_r_11678.html (Дата обращения: 11.03.2020).
22. *Нуруллина Р.В.* Конфессиональная модель республики Татарстан: роль и место ислама // Власть. 2010. №. 9. С. 113–115.
23. *Нурыев А.* Исламские институты современного Туркменистана. URL: http://www.islamsng.com/tkm/pastfuture/2990.html (Дата обращения: 11.03.2020).
24. *Осмонова Д.А., Асангулова Н.К.* Нетрадиционные исламские организации в Кыргызстане // Вестник Кыргызского Национального Университета имени Жусупа Баласагына. 2018. №. 2. С. 6–8.
25. Официальный сайт Агентства Республики Казахстан по статистике. URL: http://www.stat.kz.html (Дата обращения: 11.03.2020).
26. *Усмонов И.* Построение доверия между исламистами и секуляристами – таджикский эксперимент. Душанбе: Деваштич, 2004. 37 с.
27. *Силантьев Р.А.* Ислам в современной России. Энциклопедия. М.: Алгоритм, 2008. 576 с.

28. *Старр Ф.* Партнерство для Центральной Азии // Россия в глобальной политике. 2005. № 4. С. 72-87.
29. *Таджикистан З.Р.* Об упорядочении традиций, торжеств и обрядов в Республике Таджикистан» № 272 от 08.06.2007 года.
30. *Турдиназаров А.С.* Религиозная ситуация в современном Таджикистане // Вестник Национального университета. Серия социально-экономических и общественных наук. 2017. № 2.6. С. 309–312.
31. *Хабутдинов А.* Евроислам и джадидизм – не одно и то же / Время и деньги. 2005. URL: www.e-vid.ru/index-m-192-p-63-article-10793.htm (Дата обращения: 11.03.2020).
32. *Хайруллина И.А.* Население Туркменистана и глобализация: этнос и религия // Проблемы современного мира глазами молодежи. 2015. С. 174–183.
33. *Усенов А.М.* Роль экзогенных факторов в формировании религиозной ситуации в Кыргызстане // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2019. Т. 19. №. 11. С. 163–169.
34. *Абдрасилкызы А.* и др. 20 вопросов и ответов на актуальные темы в сфере религии: Религия и общество. Астана: АДР РК 2014. 49 с.
35. *Eid P.* Being Arab: ethnic and religious identity building among second generation youth in Montreal. McGill-Queen’s University Press, 2007. 255 p.

СЕКЦИЯ «ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОГО АКТИВИЗМА, ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ И ПАТРИОТИЗМА: ЕВРАЗИЙСКИЙ АСПЕКТ»

РОЛЬ СПОНТАННОГО ВОЛОНТЕРСТВА И ЭМЕРЖДЕНТНЫХ ГРУПП В ОБЕСПЕЧЕНИ РЕЗИЛЬЕНТНОСТИ ГОРОДА В ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЯХ

Ермолаева Ю.В.
ФНИСЦ РАН
Россия, г. Москва

Работа выполнена благодаря финансированию РНФ «Волонтерство в чрезвычайных ситуациях как ответ на природные и техногенные вызовы в России», грант №19-78-10052

Аннотация. Концепция резильентности города предполагает планирование города с учетом его устойчивости по отношению к антропогенным, техногенным и экологическим бедствиям, рассматривает разные виды капиталов, способных укрепить положение города. Одной из основ является социальный капитал – подготовка граждан и спасательных групп на разных этапах: предотвращение, экстренное реагирование и ликвидация ЧС. В условиях городских бедствий характерно спонтанное появление добровольных экстренных групп реагирования в ЧС наряду с работой государственных спасательных служб. На основе анализа литературы, посвященной практикам волонтёров в разных видах ЧС в истории, в статье перечислены положительные эффекты волонтерской деятельности и проблемы, с которыми сталкиваются волонтеры и правительство в ходе организации работы. В статье описаны наиболее распространенные типы деятельности волонтеров, универсальные для всех видов ЧС. Таковыми выделены: поиск людей, спасение, транспортировка и координация, организация средств помощи, технических средств защиты и предметов первой необходимости попавшим в бедствие, обеспечение жизнеобеспечивающей инфраструктуры. Перед волонтерами и правительством стоят следующие проблемы: организация и консолидация работы, сохранения жизни в условиях риска самих волонтеров, обеспечение ресурсами волонтеров, расширение ответственности и возможностей волонтеров, а также их страховой и правовой статус.

Ключевые слова: резильентность, ООН Хабитат, чрезвычайные ситуации, волонтеры.

Городская устойчивость обычно определяется как «измеримая способность любой городской системы поддерживать гомеостаз во всех потрясениях, в то же время позитивно адаптируясь и трансформируясь, оставаясь устойчивой» [1]. Таким образом, устойчивый город – это город, в котором оцениваются, планируются и принимаются меры по подготовке и реагированию на опасности – природные и антропогенные, внезапные и медленные (как изменение климата), ожидаемые и неожиданные.

Устойчивость к этим угрозам обсуждалась в контексте нефизических и физических аспектов городского планирования и проектирования с точки зрения борьбы с терроризмом, природными катастрофами (землетрясения, цунами, наводнения в прибрежной зоне, солнечные вспышки, пожары, оползни, изменение климата и т. д.), устойчивости по отношению к техногенным катастрофам в зависимости от промышленной структуры городов, гибридным катастрофам (природные и техногенные, переходящие друг в друга).

Для устойчивого (резильентного города) важны жизнеобеспечивающие статические инфраструктуры – устойчивой энергетики, запасы ресурсов и убежищ, а также социальный капитал и создание цепочки коммуникаций в разных условиях: (нормальных и критических

(ЧС), куда входят планирование и подготовка к потенциальным событиям ЧС (например, настройка системы раннего предупреждения, повышение осведомленности об опасностях, мониторинг, учение, обучение граждан).

Цель в обеспечении резильентности дополняет и меняет концепцию устойчивости городов, где на первый план выходит способности городских систем адаптироваться к меняющимся условиям (например изменение климата, сезонные ЧС), т. е. город представляется не просто как система с элементами отдельных инфраструктур, а как очень сложная адаптивная система с материальными и нематериальными элементами. Это несколько меняет концепцию городского планирование и приводит к подходу, основанному на сетевых науках, связывающих размер города с формами сетей, которые могут позволить городам функционировать эффективно и рассредоточено.

Социальному капиталу как основе сетевого принципа уделялось внимание на форуме устойчивости городов (MCUR) в 2014 году на Всемирном форуме городов в Медельине, Колумбия. В качестве основного принципа используются новаторские платформы партнерских отношений, приверженных делу создания устойчивости во всем мире, включая UNISDR, The World Bank Group, Глобальный фонд по уменьшению опасности стихийных бедствий и восстановлению, Межамериканский банк развития, Фонд Рокфеллера, 100 устойчивых городов, C40, ICLEI и Союз городов, и его председателем является ООН-Хабитат. Так производится оценка потребностей, возможностей города и оценки возможности применения сетевого принципа всеми заинтересованными сторонами, которые должны быть вовлечены в реализацию: в первую очередь гражданского общества (как участников в ЧС и как волонтёров), так национальные правительства и частный сектор. Этот подход в настоящее время адаптируется в Барселоне (Испания), Асунсьоне (Парагвай), Мапуту (Мозамбик), Порт-Вила (Вануату), Бристоле (Великобритания), Лиссабоне (Португалия), Якутске (Россия) и Дакаре (Сенегал) [13].

Все акторы объединены в четыре основных аспекта:

(1) Создание инициативных групп и проработка стратегии: эффективное управление в ЧС, анализ уполномоченных заинтересованных сторон, интегрированное планирование развития, здоровье и благополучие, снижение уязвимости здоровью населения: анализ средств к существованию, изучение гарантии здоровья и жизни человека

(2) Экономика и общество: зеленая экономика, обеспечивающая резильентность, материальная поддержка сообществ, участвующих в ликвидации в ЧС

(3) Снижение экологического, техногенного, антропогенного воздействия и «хрупкости» систем

(4) Эффективное предоставление критически важных услуг, надежная городская мобильность и системная коммуникация [3, 4].

Каждое из направлений предполагает координацию сообществ и включение гражданских добровольцев во взаимодействия на пути к предотвращению ЧС. Основные городские вызовы ЧС различаются от географического расположения городов, т. к. у каждого города есть свои профили сезонного и постоянного риска ЧС. Однако эксперты особенно указывают на глобальное воздействие изменения климата на городское население, которое очень сильно различается в зависимости от географического масштаба и уровня развития города, и от уровня готовности инфраструктуры будет зависеть резильентность города и выживаемость населения. Недавнее исследование 616 городов (в которых проживает 1,7 миллиарда человек), показало, что наводнения (которые обусловлены как сезонностью, так и климатическими изменениями) ставят под угрозу больше жителей города, чем любые другие природные опасности –землетрясения и бури в южных странах. В холодном климате более высок риск ЧС, связанных с гололедом, сильным ветром, сильными минусовыми значениями [5].

Учитывая рост городского населения, уплотнение городских центров и возрастающего населения, местные жители важны как субъекты реагирования на бедствия. Когда нарушается резильентность города, то бедствия стимулируют не только службы спасения,

но и спонтанные реакции граждан, участвующих в спасении друг друга, т.е. главный социальный капитал состоит в самоорганизующемся волонтерстве.

Есть три разные точки зрения в отношении волонтерской деятельности при авариях и катастрофах. (1) добровольцы замещают функцию профессиональных спасательных служб в условиях катастроф (2) добровольцы ввиду своей массовости –ценный ресурс для организованного реагирования при авариях и катастрофах, который можно учитывать в планировании резильентности городов (3) волонтеры необходимы как жизнеобеспечивающий социальный капитал, создающий ресурс для резильентности города, и должен включаться на всех этапах: предупреждение, неотложное реагирование, восстановление и реабилитация инфраструктуры города и сообществ, для замены или дополнения ресурсов профессиональных служб спасения [6, 12].

После землетрясения в Мехико в 1985 примерно 10% населения города (2 миллиона человек) приняли участие в той или иной добровольной работе, в Кобе в первые месяцы после землетрясения 1995 года приняли участие до 1,4 миллиона человек. Масштаб вовлеченности зависит от тяжести катастрофы, потребностей пострадавших. Круг вовлечения расширяется от семейного круга, затем до близких друзей и знакомых и далее до вовлечения случайных знакомых. Иногда волонтёрская деятельность настолько важна, что создает отдельные сети и меняет правовую структуру ответственности различных инстанций. Так, в Японии после наводнения в 1997 году была создана национальная активная сеть добровольцев Nippon, действующая в случае стихийных бедствий (NVAD)[3, 11].

Отмечено 3 основных направления деятельности волонтерских групп по чрезвычайным ситуациям: оценка рисков, координация, и мелкомасштабные мероприятия с низким уровнем риска, такие как: очистка территорий, обеспечение продовольствием и оборудованием, вождение и транспортировка, психологическая поддержка жертв, медицинская помощь, строительство, поиск людей, спасение, регистрация других прибывших волонтеров и работа с данными. Волонтеры вовлекаются в зависимости от уровня их профессиональной специализации.

Роль волонтёров неизбежно возрастает с ростом ЧС. 34% жертв землетрясения заявили, что они получили наибольшую от членов семьи и соседей, только 10,3% упомянули помощь со стороны государственных органов. Опросы в Индонезии и Шри Ланки показали преобладающее влияние частных граждан и волонтеров в оказании чрезвычайной помощи, таких как спасение, захоронение умерших и обеспечение едой, водой и одеждой [6]. Эмерджентные группы – граждане, объединяющиеся, чтобы совместно справится с ЧС, они включают в себя на месте образующиеся группы и существующие организации (формальные или неформальные), которые, могут реагировать на бедствия, расширяя свой обычный круг задач: (ресторан раздает питание жертвам ЧС, организации предоставляют место для убежища и пр.). Ключевая характеристика таких групп: группа не существовала раньше, поэтому условия, задачи и навыки для них новы[10]. Их волонтерство спонтанно, в отличие от подготовленных официальных или организованных добровольцев, которые набираются, обучаются по поручению правительственных и неправительственных организаций, и в условиях ЧС эти два типа добровольцев координируются и работают вместе. Эмерджентная деятельность основана на импровизации, в момент ЧС они не управляются бюрократией и процедурами, ориентированы на быструю реакцию и адаптацию, деятельность может меняться по мере изменения потребностей и приоритетов во время ЧС, Группы могут образовываться и распадаться внезапно (некоторые могут существовать только несколько дней или даже несколько часов) пока ЧС не закончится, так в группе нет постоянной структуры лидерства, группы отдают приоритет принятию краткосрочных решений, образуются для решения задачи.

Выделены общие Действия реагирования на стихийные бедствия спонтанных групп и добровольцев, в подгруппах.

1) Медицинская помощь:

– поиск и спасение;

– скорая и неотложная медицинская помощь;
– сдача крови.
2) Информация / связь:
– регистрация жертв, перемещенных лиц и эвакуированных;
– поиск пропавших людей, составление списков;
– перевод;
– координация, обмен информацией и сообщениями.
3) Психологическая помощь при ЧС:
– психологическое консультирование;
– работа с мертвыми;
– обеспечение соответствующих ритуалов для захоронений.
4) Укрытие:
– обеспечение жильем;
– хостинг переселенцев.
5) Логистика:
– сбор, транспортировка, разгрузка, хранение и распределение предметов первой необходимости, одежды и т. д.;
– предоставление еды и питья жертвам и работникам аварийных служб (например, установка кухонь и столовых).
6) Обеспечение услуг жизнеобеспечивающих инфраструктур города:
– уборка мусора, завалов и расчистка улиц;
– экономическая, экологическая оценка ущерба;
– строительная инспекция;
– услуги по восстановлению отдельных инфраструктур города;
– масштабная уборка после стихийных бедствий;
7) Координация и обеспечение безопасности:
– координация других групп и распределение задач;
– поддержание безопасности имущества;
– контроль групп.
8) Обеспечение:
– помощь в эвакуации;
– материальное обеспечение средств защиты от ЧС (от затопления, такие как мешки с песком, противопожарные костюмы);
– адвокатура;
– сложные действия и практика официальных служб реагирования;
– регистрацию жалоб от пострадавших и лоббирование компенсации;
– лоббирование государственных чиновников для предотвращения будущих бедствий.
9) Иное
– сбор средств для жертв;
– забота о животных.

Помимо очевидных положительных моментов в работе волонтёров есть ряд сложностей с организацией работы в непростых условиях, обозначены следующие проблемы, которые необходимо решить в дальнейшем [8, 9]:

– прибытие большого количества людей, оборудования, материалов и транспорта с волонтёрами на места стихийного бедствия, которые вызывают заторы и препятствуют местным службам спасения;

– координация и общение с неформальными группами и отдельные лица отвлекают специалистов по чрезвычайным ситуациям от других неотложных вопросов.

– волонтеры очень хотят помочь, но у них нет навыков и знаний, в условиях быстрого реагирования они могут действовать независимо и нарушать правила безопасности.

– в режиме ЧС происходит «обучение на практике», минуя обычные процедуры обучения аварийного персонала, в чем неминуемы ошибки.

– спонтанные добровольцы могут не иметь оборудования или защитной одежды, которые могут быть необходимы для жертв стихийных бедствий.

– агентства не успевает проводить проверку добровольцев и их квалификацию.

– в каждом конкретном случае необходимо вносить ясность в отношении юридической ответственности и страхования имущества и жизни добровольцев (или официальных организаций, которым они помогают) в случае смерти, травмы или иного ущерба, а также случаев, когда они могут причинить непланируемый вред другим вследствие недостаточности навыков.

Политические системы и структуры, которые не поощряют независимость спонтанного волонтерства даже при бедствиях, могут стремиться ограничить их деятельность. В Турции в 1999 году, государство решительно вмешалось, чтобы контролировать деятельность независимых организаций, в Китае местное правительство не желало давать разрешение на въезд в места стихийных бедствий, обмениваться информацией или сотрудничать в усилиях по оказанию помощи. Существующие проблемы могут накладываться на особенности организации работы спасательных служб в обычное время, например, есть проблема с противостоянием добровольных волонтеров с государственными службами спасения и местными в распределении правовых обязанностей охраны тех или иных областей в зависимости от принадлежности тому или иному фонду, такие столкновения происходили и в России в разных регионах во время пожаров между государственными организациями и НКО в расхождении информации и недопуске волонтёров к работе на местах, в США и Европе были расхождения между расовыми и этническими вопросами [7]. Однако, социальный капитал эмерджентных групп значительно ускоряет процессы восстановления инфраструктуры городов и является их базой.

Учитывая предыдущий опыт реагирования на бедствия в городах, правительство должно учитывать возможность появления эмерджентных групп, разработать методические планы и процедуры, которые должны быть адаптированы для волонтеров, чтобы быстрее их интегрировать и снизить неконтролируемые риски, в которые вовлекаются волонтеры. Так, опыт массового добровольчества в Кобе привел к реформированию национального законодательства и планирования в отношении бедствий в Японии, добровольцы признаны в качестве социального ресурса при ЧС. Гуманитарные учреждения и агентства по борьбе со стихийными бедствиями все чаще признают необходимость взаимодействия с более широким кругом негосударственных субъектов, вовлеченных в городское управление.

Литература

1. *Barraket Jo* Spontaneous volunteering during natural disasters. Brisbane: Queensland University of Technology, 2013. 59 p.
2. *Dynes R.* The importance of social capital in disaster response. Albany: Disaster Research Center, University of Delaware, 2002. 74 p.
3. *Mariani L.* Nairobi urban sector profile. Nairobi: UN-HABITAT, 2000. 42 p.
4. Интернет-ресурс «Swissre.com» («Mind the risk: cities under threat from natural disasters»). URL: www.swissre.com (Дата обращения: 08.03.2020).
5. *Scanlon J.* Putting it all together: integrating ordinary people into emergency response // International Journal of Mass Emergencies and Disasters. 2014. Vol 32, № 1. Pp. 43–63.
6. *Shaw R., Goda K.* From disaster to sustainable civil society: the Kobeexperience // Disasters. 2004. Vol 28, № 1. Pp. 16–40.
7. *Tidball K.G, Krasnym M.E.* From risk to resilience: What role for community greening and civic ecology in cities? Social Learning Towards a More Sustainable World // Tidball and Krasny, Urban Community Greening and Civic Ecology. 2001. № 18. Pp. 149–164.
8. United Nations Human Settlements Programme. URL: https://urbanresiliencehub.org/wp-content/uploads/2017/11/Trends_in_Urban_Resilience_2017.pdf (Дата обращения: 08.03.2020).

9. *Pickett S.T.A., Cadenasso M.L.* Resilient cities: meaning, models, and metaphor for integrating the ecological, socio-economic, and planning realms // Landscape and Urban Planning. 2004. № 69(4). Pp. 375–377.
10. World Cities Report 2016. URL: https://wcr.unhabitat.org (Дата обращения: 08.03.2020).
11. Whittaker J. A review of informal volunteerism in emergencies and disasters: definitions, opportunities and challenges // International Journal of Disaster Risk Reduction. 2015. Vol 13. Pp. 358–368.

ФЕНОМЕН «СЕТЕВОГО ВЫЗОВА» КАК ИНСТРУМЕНТ ГРАЖДАНСКОГО УЧАСТИЯ И РЕШЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

Курочкина И.Д.
Казанский Федеральный Университет,
Россия, г. Казань

Аннотация. Данная статья представляет взгляды зарубежных и отечественных социологов на феномен “сетевого вызова”, а также то, как исследователи в области социологии и смежных с ней научных областей определяют место и роль подобного сетевого явления в культуре и общественной системе. В статье раскрывается значение и толкование термина "сетевой вызов", данный феномен анализируется с точки зрения подхода Ж.Бодрийяра. Данная работа также представляет результаты конкретно-социологического исследования, проведенного в рамках эксперимента по созданию собственного сетевого вызова, его распространению в нескольких социальных сетях (Инстаграм и Вконтакте), с целью привлечения внимания общественности к обозначенной социальной проблеме, а также приведена оценка эффективности феномена сетевого вызова как инструмента гражданского участия.

Ключевые слова: сетевой вызов, челлендж, вирусное задание, интернет-ролики, социальные сети, социальные медиа, эксперимент, гражданское участие, социальная проблема.

Социальная и культурная динамика последних десятилетий, а именно усиливающийся симбиоз глобализации и технологий Интернета, приводит к тому, что сегодня массовая коммуникация успешно осуществляется на платформе социальных медиа. Иными словами, блоги, корпоративные сети, сайты обзоров, социальные игры, бизнес-сети, социальные сети и многое другое можно отнести к социальным медиа или их разновидностям.

Такие социальные медиа и их различные формы являются главной площадкой для осуществления и реализации массовых кампаний, мобилизующих различные формы поддержки или привлекающих общественное внимание к различным социальным проблемам. Среди подобных проблем, решение которых невозможно без коллективного и массового участия, зачастую оказываются проблемы диагностики и лечения раковых заболеваний, исследования природы и способов лечения бокового амиотрофического склероза, невнимание к сексуальным домогательствам и физическому насилию над женщинами и другие. Одним из наиболее активно развивающихся инструментов международных массовых коммуникаций в социальных сетях, а также способом привлечения внимания общественности к той или иной социальной проблеме становится «challenge» - явление, еще не получившее общепризнанного наименования в русском языке и названного в этой работе «сетевым вызовом».

Феномен «сетевого вызова»: содержание, отличие от других явлений социальных медиа, классификация. В рамках данной терминологии “челлендж” рассматривается как жанр интернет-роликов или фото публикаций, в которых авторы выполняют сетевые, вирусные задания [2]. Суть его в том, что тот или иной человек проделывает на камеру какой-то трюк (съедает ложку корицы или выливает на себя ведро холодной воды) и говорит, кто ещё из его знакомых людей должен это повторить [3, с.40]. Каналами распространения сетевых вызовов являются популярные социальные сети: Instagram, Вконтакте и видеохостинг YouTube.

Часть таких челленджей передается друг другу ради развлечений, часть - для привлечения внимания к какой-либо ситуации, сложившейся в реальности для того, чтобы как можно больше людей узнало о произошедшем и, возможно, оказало помощь.

Соответственно, сетевой вызов можно классифицировать по отношению к функциям, которые он выполняет. В этой связи справедливо выделить развлекательные сетевые вызовы, которые главной своей целью преследуют расширение подписчиков и аудитории канала/профиля/публичной страницы (например, #KikiChallenge, Adele challenge и т.д.), и сетевые вызовы, привлекающие внимание общественности к определенной социальной проблеме (например, #IceBucketChallenge, #SmearForSmear, #яНеБоюсьСказати и т.д.)

К единым характерным особенностям феномена “сетевого вызова” относят: [4]

– проблемы, которые освещает челлендж, должны быть насущными, общими для всех стран (например, курение, алкогольная или наркотическая зависимость, проблемы загрязнения окружающей среды, низкая рождаемость, социальное неравенство и т.д.);

– визуализация или уход от передачи содержания с помощью слов, к передаче за счет статичных картинок или действий, понятных без слов;

– наличие популярной медийной личности, которая выступает своего рода лидером мнения;

– наличие интересной подачи и содержания.

Подход Ж.Бодрийяра в объяснении феномена «сетевого вызова». Для основы теоретической базы в данном исследовании была использована теория Жана Бодрийяра. Ж.Бодрийяр вводит понятие гиперреальности. Основой гиперреальности, по его мнению, является симуляция. Единицами гиперреальности он считает симулякры, которые в свою очередь являются знаками или несамотождественными феноменами, отсылающими к чему-то другому, а потому имеющими право называться симулятивными. Сам термин «симулякр» использовался еще Жоржем Батайем. Ученый понимал под ним «копию», не имеющую оригинала в реальности. Иными словами, семиотический знак, не имеющий означаемого объекта в реальности [5].

Все современные феномены, такие как деньги, общественное мнение, мода, относятся, по его мнению, к симулякрам, так как они функционируют по принципу символического обмена [5]. В этой логике сетевой вызов также можно считать симулякром.

Челленджи выступают в качестве основных механизмов формирования так называемой гиперреальности, иллюзорной по своей природе. Поглощение симулякрами объективной реальности привело к тому, что виртуальная игра в челленджи стала иметь последствия, объективные по своему характеру и содержанию. Челлендж содержит реальные правила, участники игры совершают реальные действия.

И пусть окружающая действительность в таком случае, в логике Ж.Бодрийяра, становится похожей на спектакль, где важное место занимает уже не сама реальность, а её символическое обозначение. Действия, которые выполняются пользователями сети во время принятия сетевого вызова являются реальными, имеющими реальные последствия и привлекающие внимание реальных властей и влиятельных людей к определенной социально значимой ситуации или проблеме.

Соответственно возникает вопрос, можно ли, рассматривая челлендж как симулякр, утверждать, что он является одной из форм гражданского участия? Эти формы гражданского участия могут быть совершенно разными, например существуют и выделяются в отдельную группу информационные и образовательные формы гражданского участия. [6, с.247] К ним относятся: организация учебных курсов для граждан по вопросам защиты прав, ведение интернет-сайтов различного характера; создание специализированных СМИ и в том числе запуск «сетевого вызова».

В данном случае, конечно, логично спорить о том, насколько правомерно вообще относить такие формы деятельности к политическому измерению участия, поскольку явной их целью не всегда является влияние на тот или иной институт общества. Однако неоспорим тот факт, что образовательные и информационные технологии способны как влиять

на процесс социализации граждан, так и принимать участие в изменении основных тем, поднимающихся в медиапространстве. И в этой логике - челендж как симулякр, который является по сути символическим элементом, но несет реальные последствия, вполне можно принимать за форму гражданского участия. Так, например, при помощи сетевого вызова #IceBucketChallenge за несколько недель ALS Association получила более 115 млн. долл.пожертвований. К.В. Подъячев, однако, обращает внимание, что такие информационные формы гражданского участия при нынешнем уровне развития российских НКО могут быть действенными лишь в сочетании с другими формами (особенно с массовыми акциями) [7].

«Сетевой вызов» как инструмент привлечения внимания общественности к попрошайкам: логика и результаты эксперимента. Очевидно, что эффективность феномена «сетевого вызова» остается спорной, есть примеры, когда подобные кампании собирали достаточное количество денежных средств на решение определенной социальной проблемы, однако продолжительность таких акций является не долгой, что наводит на мысль об иллюзорной эффективности этого феномена.

Для ответа на этот вопрос этой эффективности была выбрана социальная проблема попрошайничества. Выбор именно этой социальной проблемы был обоснован явным невниманием институтов гражданского общества и властей РФ к количеству попрошаек на улицах РФ и этой социальной проблеме в целом. Существует масса факторов и причин, благодаря которым явление попрошайничества существует на территории России и одной из ключевых проблем является отсутствие точной статистической информации о количестве попрошаек в РФ. Все приведенные социологами данные носят весьма субъективный, гипотетический и относительный характер.

Для ответа на поставленный вопрос и в целях привлечения внимания к социальной проблеме попрошайничества авторами статьи был реализован социальный эксперимент на платформе 2 социальных сетей – ВКонтакте и Инстаграм. 6 апреля 2019 года в указанных социальных сетях через личные аккаунты было выложено видео и соответствующая ему запись:

«Друзья-товарищи, важный пост

Кто-то вероятно знает, я уже 3 год как учусь на социолога и в рамках своей научной деятельности (а и такая в моей жизни присутствует) изучаю такую социальную проблему как ПОПРОШАЙНИЧЕСТВО.

По данным института социально-экономических проблем народонаселения РАН количество попрошаек на улицах РФ достигает порядка 3 000 000 человек ежегодно. (3 МИЛЛИОНА, КАРЛ!)

В общем, возникла необходимость привлечь как можно большее количество людей к этой теме, поэтому запускаю challenge #делайвещиchallenge:

– сними видео как из твоего шкафа выпадает огромное количество вещей (которые, вероятно, ты уже давно не носишь и вполне можешь отдать нуждающимся в них людям);

– выложи это видео у себя в профиле с хэштегом #делайвещиchallenge и, возможно, своими мыслями о том, как можно помочь в решении этой социальной проблемы;

– передай эту эстафету 3 своим друзьям/знакомым/подписчикам;

– порадуйся, что не остался в стороне.

А я, надеясь, что социальные сети нужны не только для того, чтобы выкладывать фото еды и селфи на фоне занавесок, передаю эстафету @sabitova_di, @insaf_air, @_dissapeared_ak .»

Во время подготовки к проведению данного эксперимента возникли определенные трудности с выбором содержания видео, которое необходимо будет снимать и передавать подписчикам/друзьям. Логичным было бы снимать попрошаек на улицах города на фото или видео, чтобы показать их реальное количество, убедить пользователей сети, что проблема не является выдуманной и данные статистики действительно отражают реальную ситуацию. Однако по этическим соображениям было решено не подвергать попрошаек пристальной

съемки со стороны прохожих. Соответственно стало ясно, что содержание видеоролика, привлекающего внимание к социальной проблеме попрошайничества, должно

– косвенно касаться самих попрошаек,

– быть возможно для реализации любым пользователем и подписчиком,

– продолжительность ролика не должна превышать 10-15 секунд (при условии, что участник захочет опубликовать видео в разделе stories, где публикация держится 24 часа и не может быть дольше 15 секунд).

Исходя из данных критериев было снято и опубликовано в сети видео, где из шкафа из-за его переполненности выпадают вещи. Логика данного видео обосновывается в «посте», т.е. записи, которым оно сопровождалось. Во время съемки видеоролика также был использован эффект замедленной съемки. Поскольку одной из основных черт феномена «сетевого вызова» является интересная подача материала, эффект замедленной съемки был использован для драматизации содержания ролика, привлечения большего внимания.

Следует уточнить, что количество подписчиков аккаунта в Инстаграм на момент начала эксперимента составляло 517 шт., во ВКонтакте – 543 друга, 220 подписчиков. Прежде, чем переходить к анализу самого процесса «сетевого вызова» имеет смысл предоставить данные статистика, анализирующей публикации, с помощью которых был запущен челлендж (см. Рис. 1).

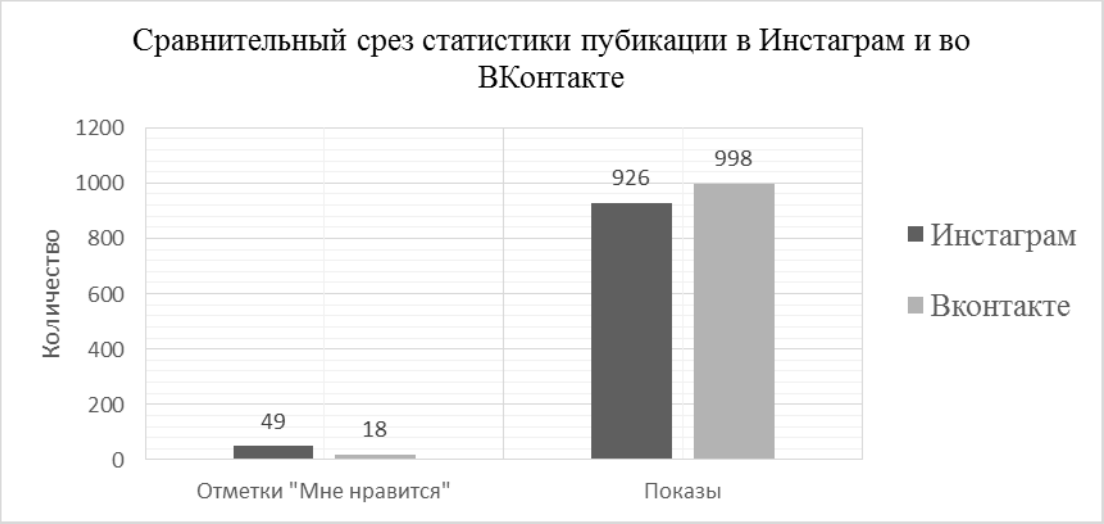


Рис. 1. Сравнительный срез статистики публикаций в Инстаграм и во ВКонтакте.

Сравнивая общие для обеих социальных сетей показатели, можно сделать вывод о том, что наибольший охват публикация вызвала в социальной сети ВКонтакте, однако наибольшее одобрение она получило со стороны пользователей Инстаграм.

Однако суть феномена «сетевого вызова» состоит не столько в количестве просмотров публикации, а сколько в количестве аккаунтов, которые приняли сетевую эстафету. Данные статистического анализа этого процесса наглядно можно посмотреть на приведенных ниже диаграммах (см. Рис. 2).

Рис. 2. Количество публикаций с хэштегом #делайвещиchallenge

Количество переданных сетевых эстафет в Инстаграм и ВКонтакте составило 31 и 7 соответственно. Таким образом, Инстаграм оказывается эффективнее Вконтакте почти в 4 раза. Однако следует уточнить, что 18 из опубликованных в Инстаграм постов с хэштегом #делайвещиchallenge были опубликованы в разделе stories, а значит доступны для всех пользователей сети (кроме владельца аккаунта) на протяжении 24 часов. Принимая этот факт во внимание, эффективность обеих социальных сетей почти равна.

Основная доля людей, принявших сетевую эстафету в Инстаграм, пришлась на возрастную категорию от 18 до 35 лет. Во Вконтакте ситуация более неоднозначная, количество публикаций в возрастной группе до 18 и от 18 до 35 равно. Меньше всего публикаций делали люди старше 35 лет, предположительно, потому что в меньшинстве и общий процент зарегистрированных в социальных сетях людей данной возрастной категории (см. Рис. 3).

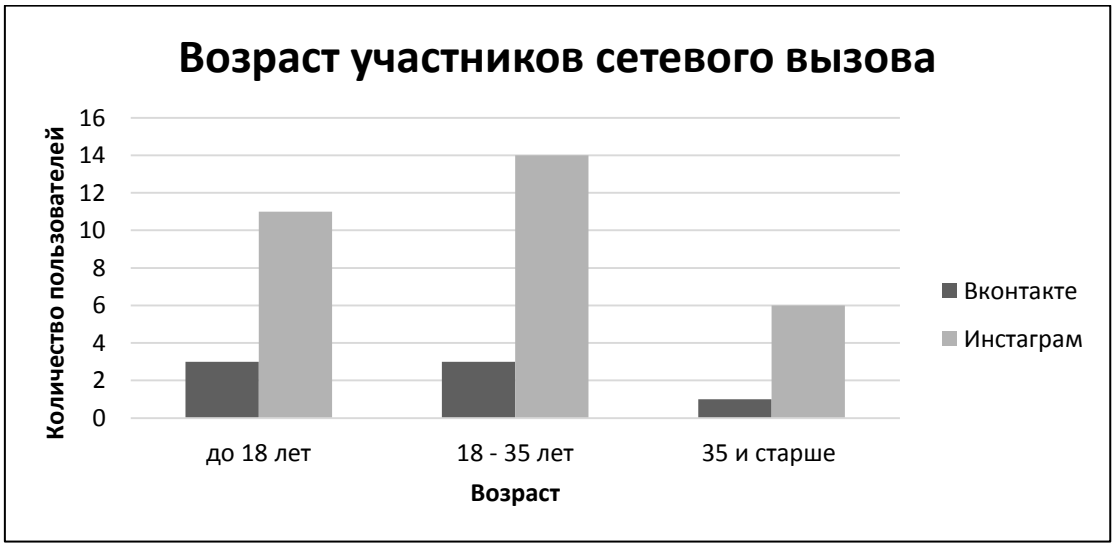


Рис. 3. Возраст участников сетевого вызова

Также логичным выглядит вопрос о половой структуре участников челленджа. В социальной сети Инстаграм количество публикаций среди обоих полов примерно равно, а вот во Вконтакте больше половины участников челленджа оказались девушками (см. Рис. 4)

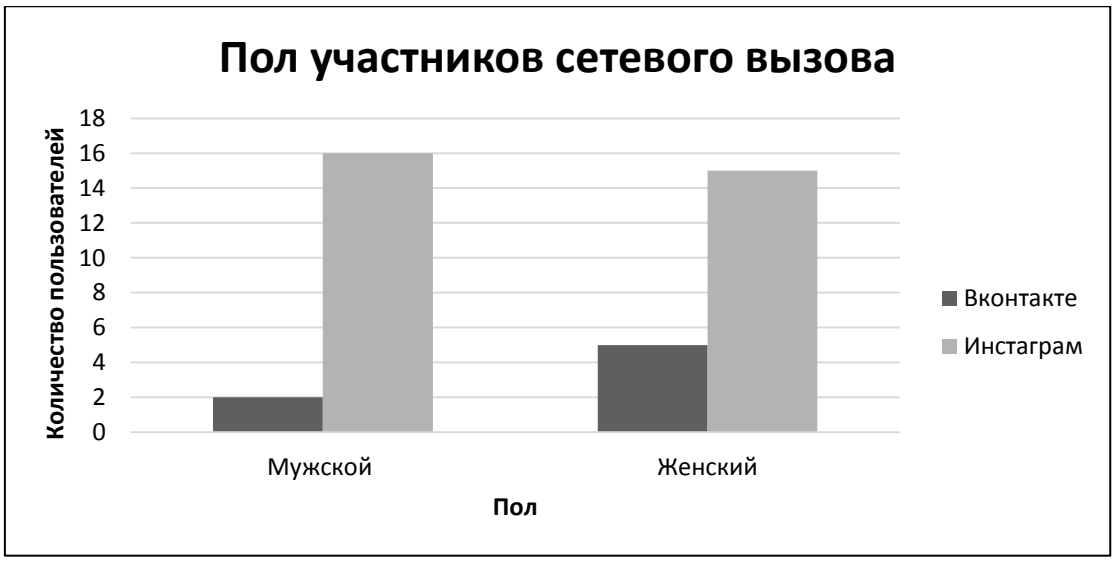


Рис. 4. Пол участников сетевого вызова

Логичным для контент-анализа является и подсчет количества публикаций, под которыми пользователи сети не просто писали, от кого они приняли эту сетевую эстафету и кому ее передают, а также высказывали свое мнение относительно социальной проблемы, на привлечение внимание к которой и ориентирована главная цель челленджа.

Данные, представленные на диаграмме ниже, наглядно демонстрируют, что аудитория социальной сети Вконтакте наиболее заинтересована в освещаемой социальной проблеме, пользователи же Инстаграм высказывались о попрошайничестве в своих публикациях значительно реже. Возможно, причиной тому – ориентированность самих социальных сетей. Известно, что ВКонтакте – это мессенджер, который помимо этого выполняет и множество других функций: от прослушивания музыки и просмотра фильмов до публикации длинных статей/стихотворений/рассказов и т.д. В то время как Инстаграм – это социальная сеть, которая в основном предназначена для публикации фотографий и коротких видео.

Рис. 5. Степень заинтересованности в освещаемой социальной проблеме

Стоит акцентировать внимание и на содержание подписей под публикуемыми видео. Среди опубликованных «постов» были и те пользователи, которых данная проблема действительно заинтересовала:

«…Все мы знаем шутку про девушку, смотрящую в заполненный шкаф и утверждающую, что ей нечего надеть. Так вот это больше всего подходит под фразу «шутка смешна, ситуация страшная». Давайте будем рациональнее!..»

@gayaz_fayazullin, Инстаграм

или, например,

«…Минутку внимания! Наверняка у всех нас есть вещи, которые не носятся и валяются в шкафу без дела, есть люди, которым эти вещи жизненно необходимы. Так давайте поможем этим людям!..»

@max_plah, Инстаграм

Интересным показался вопрос и о содержании самой публикации челленджа. Например, 2 из 7 пользователя во ВКонтакте не снимали видео, а просто выложили фото большого количества вещей в руках или фото шкафа.

Парадоксальными кажутся показатели содержания публикаций в социальной сети Инстаграм: за все время социального эксперимента в Инстаграм не было выложено ни одной фотографии, а только видео (см. Рис. 6).

В данном случае, это можно объяснить наличием в этой социальной сети множества дополнительных функций (замедленная съемка, бумеранг и т.д.), которые часто используются в stories (а больше половины «постов» в Инстаграм были опубликованы именно в этом разделе). Также можно выдвинуть предположение о том, что большинство пользователей сети не приняли данную эстафету по достаточно банальным причинам – нехватка времени или нежелание тратить его на съемку видео, предположительно, латентной причиной отказа снимать видео может являться незаинтересованность в освещаемой теме, т.е. безразличие к проблеме попрошайничества.

Рис. 6. Содержание публикации.

Рис. 7. Использование дополнительных эффектов для создания видео.

Говоря об использовании дополнительных эффектов при съемке видео, справедливо посчитать и количество публикаций, использовавших такие эффекты (см. Рис. 7).

Таким образом, вопрос о возможности считать данное сетевое явление инструментом гражданского участия до сих пор остается открытым. Объективно, что запущенный сетевой вызов не повторил успеха социальных благотворительных кампаний #IceBucketChallenge, #NoMakeupSelfie или #яНеБоюсьСказати. К причинам, послужившим не столь быстрому распространению видеороликов в сети, можно отнести:

– субъективные: содержание видео кому-то могло показаться скучным, неинтересным; текст записи, объясняющей суть челленджа и его основную цель, был недостаточно понятным; содержание видео не носило шокирующего, привлекающего внимания характера (возможно, если бы в публикации был задействован реальный представитель социальной проблемы, удалось бы увеличить отклик в сети и т.д.)

– объективные: 500-600 подписчиков – недостаточное количество для быстрого распространения информации в сети, отсутствие среди принявших и передавших эстафету публичных личностей/видеоблогеров – лидеров мнений и т.д.

Влияние описываемого сетевого вызова на социальную реальность, т.е. на положение попрошаек, оказалось минимальным, следственно возникают явные сомнения, что кто-то из принявших и передавших сетевую эстафету действительно отдали часть своих вещей нуждающимся в них людях. Возможно, следует внимательнее отнестись к утверждению К.В.Подъячева о том, что такие информационные формы гражданского участия при нынешнем уровне развития российских НКО могут быть действенными лишь в сочетании с другими формами (особенно с массовыми акциями).

Однако данный эксперимент нельзя считать полностью провальным, поскольку есть пользователи, которые приняли эстафету, сняли видео, передали ее другим пользователям. Более того ежедневно в социальных сетях ВКонтакте и Инстаграм все еще появляются посты с хэштегом #делайвещичallenge, а значит эстафета все еще продолжается.

Литература

1. *Васильева Е.Н.* Социология культуры: теория и практика // Социологичекий журнал. 2016. № 4. С. 37–49.

2. *Текутьева И.А.* Жанрово-тематическая классификация видеоблогинга // Журнал «Медиасреда». 2016 год. №3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zhanrovo-tematicheskaya-klassifikatsiya-videobloginga (Дата обращения: 08.06.2020).
3. *Лущиков В.А. Терских М.В.* Жанрово-тематические и языковые особенности видеоблогов // Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки. 2018. № 5. С. 36–47.
4. *Шпаковская С.В., Шпаковский В.О.* Основы теории коммуникации: учебное пособие. Пенза, 2006. 57 с.
5. *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляция. М.: Рипол-классик, 2015. 54 с.
6. Социальные технологии межсекторного взаимодействия в современной России. М.: Фонд «НАН». 2003. С. 234–274.
7. *Подъячев К.В.* Обращения граждан в органы власти и гражданское участие в России: взгляд политолога. – Saarbrucken (Germany): L.A.P. 2011. URL: https://www.civis-book.ru/files/File/Podyachev_osn.pdf (Дата обращения: 08.06.2020).

О НЕКОТОРЫХ ПРАКТИКАХ ГРАЖДАНСКОГО АКТИВИЗМА В РЕГИОНАЛЬНОМ СОЦИУМЕ

Щукина Н.П.
Самарский государственный медицинский университет,
Россия, г. Самара

Аннотация. В данной статье о гражданском активизме как многоуровневом, тематически разнообразном и сложно организованном явлении сфокусировано внимание на его специфике, связанной с организацией публичных слушаний по региональному бюджету. Публичные слушания, сравнительно недавно ставшие объектом социологического исследования, рассматриваются аспекте мотивации участия в данном процессе общественности. Обращается внимание на потенциал методологии качественного исследования посредством обращения автора статьи к автоэтнографии. Акцент сделан на мотивации участия общественности в процессе публичных слушаний. В качестве кейса выступает Самарская область со сложившимися традициями участия общественности в публичных слушаниях, которым, однако, лишь предстоит стать элементом научного знания.

Ключевые слова: гражданское общество, гражданский активизм, публичные слушания, общественные эксперты, мотиваторы и демотиваторы участия в публичных слушаниях.

Российское общество нередко описывается как инертное, апатичное, консервативное. Наряду с этим, согласно эмпирическим исследованиям, в нормах и ценностях, которыми руководствуются в своей повседневности россияне, наблюдается постепенное движение от инертности к активизму [1, 2]. При этом общественность переходит к более автономным видам участия; потенциал общественного участия перетекает из традиционных форм в иные [3, с. 40]. Обращается внимание исследователей на формы и способы этого активизма, его мотивацию.

Замечу, что гражданских практик - большое разнообразие. Среди них – защита «общественных территорий», защита интересов социальных групп, сбор средств на помощь больным, детям-сиротам, сопротивление «оптимизации» бюджетных учреждений, борьба за предоставление качественных услуг учреждениями социальной сферы, др. В фокусе моего исследовательского интереса - участие социологов в публичных слушаниях (далее – ПС). Являясь общественным экспертом по региональному бюджету на протяжении 10 лет, я неоднократно задавалась вопросом о своей мотивации к такому участию. Ведь соответствующая общественная деятельность требует серьезных ресурсов и не только временных, связанных с написанием экспертных заключений и выступлениями с трибуны ПС. Все эти

годы имела место и определенная неудовлетворенность результативностью своего участия, которую разделяли со мной ряд других общественных экспертов.

В связи с представленностью в направлениях работы VII Международного конгресса социологов тюркского мира темы «Формирование гражданского активизма, проблемы гражданственности и патриотизма» у меня появилась уникальная возможность приостановиться, наконец, в повседневной гонке жизни и ответить на волнующий меня вопрос. Тем самым была актуализирована в форме данной статьи потребность рассказать о своем участии в ПС, о том, что способствует и препятствует такому участию и как «вписываются» такие индивидуальные практики в исследовательский контекст.

Процесс институционализации ПС изучается не один год, однако с акцентом на муниципальном уровне или на ситуационном гражданском активизме, что нашло отражение в работах таких исследовательских структур, как Центр исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ [4], а также таких авторов, как А.В. Зайцев, Л.Д. Козырева, М.А. Очеретина, З.Г. Тамазов, Ч. Эссенгул. При этом актуальным остается положение, высказанное А.А. Стародубовым еще в 2007 г. о том, что формирующиеся в России практики ПС так и не стали предметом комплексного научного изучения, рассматриваются до сих пор эпизодически, фрагментарно и бессистемно [5, с. 51]. Постулируется низкая активность (3%) в данном процессе россиян [4, с. 7] и Самарская область – не исключение из правил.

В данной статье акцент сделан на ПС по региональному бюджету, на устойчивом продуктивном гражданском активизме, для которого в отличие от активизма ситуативного (протестный или благотворительный активистский поступок) характерна регулярно воспроизводимая, обдуманная деятельность [6]. Цель статьи – в проблематизации мотивов участия в ПС по региональному бюджету. Что мотивирует и демотивирует меня к такому участию?

Известно, что автоэтнография – это своего рода исповедь, хорошо структурированная и соотнесенная с внешним миром попытка понять себя и свое окружение. Принципиальная авторская открытость, бескомпромиссность в представлении любых деталей личной биографии, имеющих отношение к изучаемому вопросу, отказ от нейтральности в повествовании [7, с. 224]. Способов организации такой исповеди немало. В данной статье автоэтнография рассматривается как многослойные учетные записи, ведомые на ПС, экспертные заключения, написанные мной за рассматриваемый период и сделанные на ПС фотографии. Форм авоэтнографического текста – разнообразие [8, p. 739]. В моем случае – это рассказ. При этом акцент сделан на тематической направленности собственных выступлений на ПС, на вопросах, выносимых мной на ПС в качестве предмета дискуссий, на дневниковых записях, ведомых необычным образом (записи на регламентах –планах проведения ПС, других материалах, вручаемых участникам этих слушаний), фотографиях, сделанных на ПС. Итак, интервью с самой собой.

Приступая к рассказу о мотивации своего участия в ПС, я испытываю затруднения касательно выделения в этом опыте существенного и второстепенного, имманентного и контингентного. Из всего собственного участия в ПС периода 2009-2020 гг. я выбираю несколько скорее проблемных для меня, и потому, видимо, запомнившихся случаев. При этом для приближения к тому, что мотивирует мое участие в ПС представляется значим фокусировка внимания на топологическом описания ПС, в котором ландшафт и вписанные в него тела оказываются важнее телесных практик. Я попытаюсь вытянуть, так сказать, свой опыт участия в ПС в нить, раскручивающую перипетии моей мотивации в данном процессе. При этом принуждаемая письмом и линейностью рассказа к одномерности, я оказываюсь способной лишь на произвольный выбор какого-то одного измерения актуализируемого в данном тексте опыта.

Итак, мотиваторы моего участия в ПС. Скорее всего, это работа над собой, над умениями взаимодействовать с разными индивидами и группами людей. Ведь состав ПС весьма пестр, как в случае с общественными экспертами, другими представителями общественности, сотрудниками министерств и ведомств, так и в случае с сидящими в зале людьми, при-

шедшими «с улицы». Вспоминается до сих пор первое выступление от 17.05.2009 г. с трибуны итоговых ПС, неудачное в аспекте реплик, идущих из зала от сотрудников ряда региональных министерств: «ближе к теме», «выступление не по теме» и т.п. Действительно, акцент в выступлении мной был сделан на «*теоретико-методологических основаниях распределения бюджетных средств»* одним из региональных министерств в 2009 г. Казалось бы, выступление тщательно продумано, начато с эпиграфа, в качестве которого использовалась цитата из «Индивидуализированного общества» З. Баумана, обосновывалась «невозможность» интерпретации и оценки распределения бюджетных средств без учета «теоретических оснований». Использовались в ходе выступления и метафоры о связи теории и методологии, взятые из работ К. Поппера и т.п. Словом, коммуникация с залом, получилась далекой от ожидаемого мною варианта. Данная ситуация явилась мощным толчком к саморефлексии и не только касательно участия в ПС. Могу ли я, в конце концов, будучи преподавателем с почти 30-летним стажем оперативно перестраивать свои тексты и учитывать особенности аудитории слушателей в случае необходимости? Каковы особенности роли общественного эксперта в сравнении с ролью университетского социолога, а также публичного социолога?

Вторым толчком к более результативному освоению ролевого репертуара общественного эксперта послужили итоги круглого стола, прошедшего года 2 спустя после вспоминаемого случая на площадке нашей университетской кафедры с участием сотрудников уровня заместителей министра упомянутого выше министерства. Из их уст я услышала то, что, казалось бы, и так ясно уже на уровне логики: можно говорить «красивые вещи», соглашаться с ними здесь и сейчас, но в работе чиновников от министерств главное – другое: инициативы, идущие от вышестоящих организаций и нормативные основания осуществляемой министерствами деятельности. Иными словами, произошло, думаю, глубокое осознание того факта, что с министерствами, оценку работы которых мы – общественные эксперты -ежегодно даем на ПС, нужно давать на их языке: аргументируя свою позицию в обсуждаемом вопросе, систематически ссылаясь при этом на нормативные основания этой позиции и другие, значимые для них вещи. При этом у социолога на данном поле есть мощный ресурс, включающий в себя разброс вариантов интерпретации этих рамок используемой аргументации. Ведь факты не говорят сами за себя, они интерпретируются с помощью избранных нами теорий и других приоритетов. Показательной в данном случае является практика нашей дискуссии с региональными министерствами на итоговых ПС от 28.05.2019 г. по вопросу выполнения майского указа Президента страны № 597 от 2012 г. о повышении зарплаты работников бюджетной сферы [9]. Полемизируя с региональными министерствами на тему выполнения данного указа, мы вместе с другими общественными экспертами фокусировали внимание в своей интерпретации «успешного» выполнения этого указа на контексте этой «успешности». При этом ты - как общественный эксперт - вправе делать запросы в министерства касательно связи роста зарплат медицинских, педагогических и социальных работников и интенсификации их труда и т.п. В ходе анализируемой дискуссии обнаруживается и тот факт, что вне внимания соответствующих министерств – динамика заработной платы специалистов по социальной работе, проигрывающих по данному показателю социальным работникам. Символичным оказалось, на мой взгляд, объяснение, даваемое общественным экспертам такой парадоксальной ситуации, когда более квалифицированные, имеющие порой по два высших образования, специалисты –специалисты по социальной работе – не были даже упомянуты чиновниками, докладывающими общественности о динамике зарплаты сотрудников учреждений социальной сферы за 2012–2018 гг. Суть даваемого ими объяснения такой ситуации заключалась в том, что о специалистах по социальной работе не шла речь в названном выше указе. Символично и другое: в зале сидели студенты – будущие специалисты по социальной работе – периодически участвующие в ПС. Результаты данной дискуссии затем обсуждались нами со студентами на очередном занятии по социологии социальной работы с постановкой вопросов о ключевых проблемах этой социологической дисциплины.

Сказанное выше позволяет заключить, что в числе мотиваторов участия в ПС - защита прав работников бюджетной сферы, а также возможность использования площадок ПС как инструмента преподавания читаемых дисциплин, включения студентов в гражданское общество, в качестве стажеров – общественных экспертов в частности. Справедливости ради замечу, что за все эти годы лишь несколько моих студента включились в анализируемый процесс основательно, написав магистерские и кандидатскую диссертации. Тем не менее, в процессе изучения социологии посредством участия в ПС студенты получают уникальную возможность не в лабораторных, а в реальных условиях анализировать социальную политику, «практическую социологию» (П. Сорокин), место и роль в ее осуществлении реализуемых программ разного уровня, включаться в процесс оценки методологических и прочих оснований ставшей обязательной для учреждений социальной сферы независимой оценки качества работы этих учреждений. Примечательно в данном случае то, каким первоначально был инструмент такой оценки, и в этой связи желание будущих социологов реально поучаствовать в его экспертизе, в том числе в процесс ПС. Или – заседания Губернской думы, информация о которых еженедельно высылается общественным экспертам. Например, круглые столы, проводимые на площадках Губернской думы по вопросам профилактики наркомании в молодежной среде. Проект рекомендаций круглого стола, прочитанный студентами, участвующими вместе с тобой в таком круглом столе, вызывает удивление в той части, где постулируется, что, к сожалению, проблема наркомании еще полностью не решена в рассматриваемом регионе. Возникает вопрос, а возможно ли полное решение проблемы наркомании? Ведь известно, что в мире нет ни одного народа, который бы «не пил, не нюхал, не кололся»? Студенты «зажигаются», воспользуюсь терминологией Р. Парка и интерес, подогреваемый участием в общем деле, способствует, надеюсь, предупреждению получения студентами в процессе обучения «чисто формального и словесного знания» [10, с. 311]. Добываемое таким образом студентами знание становится практическим. Включение студентов в реальные практики проводимой в регионе социальной политики – инструмент реагирования на нередко раздающиеся из студенческой среды реплики касательно нехватки практических занятий, излишней, так сказать, теоретизации в изучаемых учебных дисциплинах.

Таким образом, участие в ПС дает уникальную возможность получения постоянно обновляемой информации о региональной социальной политике, новациях в этой сфере, о реализуемых в регионе социальных программах, что представляется крайне важным, как в аспекте корректировки читаемых тобой учебных курсов, вопросов выносимых на лекционные и практические занятия, так и в аспекте стимулирования реального участия будущих специалистов – пусть и на уровне наблюдателей – в региональной социальной политике, оценке ее эффективности, как и в оценке используемого в данном случае инструментария.

Вспоминается и многолетняя дискуссия периода 2013–2018 гг., ведомая нами на ПС по вопросам эффективности расходования бюджетных средств, выделяемых некоммерческим организациям. В данном случае был проведен ряд круглых столов на площадках региональных министерств, в том числе по вопросам духовной жизни в регионе, где по нашей инициативе шла дискуссия о нетождественности этой сферы и сферы религиозной. В итоге общественным экспертам удалось добиться проведения экспертизы всех программ дополнительного образования, реализуемых наиболее финансируемой из бюджетных средств некоммерческой организации и сокращения ее бюджетного финансирования. Вероятно, такие практики следует отнести также к защите своих прав.

В числе мотиваторов – и целый ряд решений ПС, в соответствии с которыми вошли в практику взаимодействия региональных министерств с общественными экспертами круглые столы и семинары, проводимые региональными министерствами по предлагаемым общественными экспертами наиболее дискутируемым на ПС вопросам. Иными словами, систематическое участие в общественной экспертизе регионального бюджета способствует большей открытости и доступности власти, ее готовности услышать и принять инициативы общественности.

Вместе с тем, как подчеркивалось выше, есть и демотиваторы, способствующие проблематизации участия в рассматриваемом процессе. Ключевой из них заключается в том, что итоговые ПС проходят, как правило, после утверждения бюджета. Иными словами, влияние общественности на принятие решений касательно бюджетных расходов, направления их на те или иные социальные программы, реализуемые в регионе, оказывается далеко не реальным? Не напоминает ли взаимодействие на ПС общественности с властью перфоманс, своего рода спектакль, в котором с определенной регулярностью – дважды в год - участвуют названные выше акторы? Кстати сказать, накануне последних ПС, прошедших осенью 2019 г., мы вместе с другими общественными экспертами - в очередной раз - задавались вопросом о результативности своей работы, обсуждали возможность проведения итоговых ПС до утверждения регионального бюджета. Однако сроки проведения ПС жестко регламентированы, что проблематизирует возможность подготовки заключений общественных экспертов, в которых дается оценка эффективности расходования бюджетных средств, результативности реализуемых в регионе социальных программ, и высказываются в этой связи рекомендации для органов власти и управления.

Замечу, что практически все общественные эксперты – люди работающие. В этой связи проведение ПС в рабочее время (начало ПС планируется, как правило, на 10, 11 или 15 часов) – также фактор демотивации участия в ПС, как, впрочем, и место проведения этих слушаний – здания министерств, за исключением итоговых ПС, проходящих, как правило, в актовом зале областной библиотеки. С пропускной системой в региональных министерствах связан с рядом наблюдавшихся случаев, когда студентов – будущих социологов, а также их преподавателя с внушительным стажем участия в общественной экспертизе не пустили на ПС даже при предъявлении паспортов. Потребовалось вмешательство организаторов ПС от общественности для решения этой проблемы.

Продолжая обозначение того, что демотивирует мое участие в ПС, обращу внимание и на тот факт, что состав общественных экспертов достаточно пестр в аспекте опыта участия в общественной экспертизе, возрастного состава, профессиональной деятельности, как, впрочем, и мотивации участия в ПС. Судя по выступлениям на ПС, можно предположить, что кто-то приходит в общественную экспертизу, дабы научиться писать социальные проекты и более активно участвовать в конкурсах НКО на получение грантов, кто-то для установления контактов с конкретными министерствами, дабы более оперативно решать свои профессиональные и личные проблемы. Редко, но встречаются внутри сообщества общественных экспертов случаи «навешивания ярлыков», некорректности в межличностном взаимодействии, как впрочем и во взаимодействии с властью. Видимо такая особенность состава общественных экспертов неоднозначно связана с мотивацией участия в ПС. Действительно, с одной стороны, имеет место взаимопомощь в нашей среде. С другой стороны, иногда, когда ты сама, выходишь за рамки желаемого и должного взаимодействия с участниками ПС, или наблюдаешь это в поведении других участников ПС, появляется серьезное желание «бросить все», уйти из общественной экспертизы. Например, появляется, порой, желание перебить, остановить других выступающих, регламентировать их выступление, хотя не ты организатор ПС, иногда и навесить ярлык с помощью тех или иных метафор, и не только метафор.

Продолжая размышлять о демотиваторах участия в ПС, вспоминаются фотографии, которые мы от случая к случаю делаем на ПС. Благодаря сподручности фотографий они - важный инструмент визуализации описываемого опыта, сохранения этого опыта в копилках нашей памяти. В моей памяти всплывают три фотографии, сделанные в разное время и на разных площадках ПС. На одной из них (2012 г.) - коллеги, преподаватели университета, не являющиеся общественными экспертами, а посему оказавшиеся без мест, придя на ПС в одно из региональных министерств. В итоге они были размещены на самом неудобном месте: под экраном, на котором демонстрировались слайды презентаций выступлений участников ПС. На другой фотографии, сделанной года два спустя – президиум ПС, состоящий из 2-х человек (представители общественности и министерства, курирующего организацию ПС), располагавшийся на сцене большого зала и, так сказать, отгороженный стоящими на столе

бутылками с водой от других участников ПС. С другой стороны, – дистанцировавшийся от этого президиума с помощью конкурирующе-оборонительного расположения зал с другими участниками анализируемого процесса. И третья фотография - изображение представителей СМИ, как напоминание о том, как конструируются ПС, взаимодействие власти и гражданского общества четвертой властью. Речь идет о том, что все эти СМИ покидают площадку ПС, как правило, после выступления сотрудника министерства, курирующего проведение ПС.

Иными словами, всплывающие в памяти фотографии – именно о демотиваторах участия в ПС. Они возвращают меня к вопросу о ПС как перфомансе, ежегодном спектакле с одними и теми же декорациями и определенным набором ролей, проигрываемых участниками данного процесса.

Резюмируя сказанное выше касательного мотиваторов моего участия в ПС, задам себе вопрос: что все же оказалось в «сухом остатке» моей мотивации участия в ПС? Скорее всего, связь описанной общественной деятельности с практической (П. Сорокин) и публичной (М. Буравой) социологией, способствующих работе над собой, профессиональному и личностному развитию. Наряду с этим потенциал ПС дает возможность предупреждения излишних теоретизирований на учебных занятиях в студенческой аудитории, стимулирует реальную включенность будущих специалистов социальной сферы в обсуждение ключевых аспектов развития этой сферы, взаимодействуя с ее первыми руководителями. Данный мотиватор, думаю, напрямую связан с нежеланием быть «премудрым пескарем» и пониманием того, что «вода камень точит».

Возникает вопрос, как вписывается мой рассказ о мотивах участия в ПС в исследовательский контекст? Как соотносится моя интерпретация собственного опыта с данными, полученными другими исследователями? Замечу, что в немногочисленных исследованиях участия россиян в ПС, акцент делается не на региональном, а на муниципальном уровне такого участия. При этом в фокусе внимания – не мотивы, а такие факторы включенности в ПС, как пол, возраст, образование, материальный и профессиональный статусы [4]. Представляется важным обратиться к результатам проекта, осуществленного Институтом социологии РАН при поддержке Некоммерческого Фонда – Института социально-экономических и политических исследований «Гражданский активизм: новые субъекты общественно-политического действия» [11]. Выводы, к которым приходят ученые представляются интересными в аспекте интерпретации полученных мною результатов. Идеалистический мотив – бороться за идеалы и стремиться сделать мир лучше, – о котором в моем тексте речи нет, называется респондентами названного выше исследования Института социологии РАН. И занимает данный мотив промежуточное положение, скажу так, в мотивации участия россиян в гражданском активизме (13% опрошенных). В то же время на мотив, оказавшийся в моем тексте на 1 месте - возможность личностного роста и развития пришлось 8% ответов респондентов в исследовании Института социологии. По 8% респондентов назвали и такие мотивы (соответственно), как «почувствовать себя свободным и сделать более разнообразной и яркой свою жизнь» и «за компанию». Основных же мотивов у респондентов анализируемого исследования два – возможность защитить свои права и возможность общаться с людьми, разделяющими те же ценности, взгляды, убеждения (по 18%) [11, с. 64]. Что касается демотиваторов гражданского участия, то мой рассказ, так сказать, соответствует результатам анализируемого исследования Института социологии: основной демотиватор, сдерживающий гражданский активизм – это уверенность 26% респондентов в исследовании Института социологии в том, что их собственное участие ничего не изменит [11, с. 65], в моем рассказе – такая уверенность иллюстрируется фактом проведения итоговых ПС после утверждения регионального бюджета, когда влияние на него общественности фактически обнуляется.

Получается, что мой рассказ и его исследовательский контекст связаны, и весьма. Однако вытягивая свой опыт участия в ПС в нить, раскручивающую перипетии моей мотивации в данном процессе я прихожу к выводу, что именно работа над собой, своим профессиональным ростом и развитием ведут к потребности защитить свои права и посредством этой защи-

ты включаться в поддержку и защиту прав других. Вероятно, именно это и удерживает меня в общественной экспертизе?

Литература

1. *Боршеватинова М.* Гражданский активизм: новые субъекты общественно-политического действия. ФГБУН ИС РАН при содействии Фонда ИСЭПИ Москва, 2014. URL: https://-docplayer.ru/28882079-Grazhdanskiy-aktivizm-novye-subekty- obshchestvennopoliticheskogo-.html (Дата обращения: 11.03.2020).
2. *Петухов В.В., Бараш Р.Э., Седова Н.Н., Петухов Р.В.* Гражданский активизм в России: мотивация, ценности и формы участия // Власть. 2014. Т. 22. № 9. С. 11–19.
3. *Никовская Л.И.* Выступление. Динамика социальной трансформации современной России // Учёные записки ФНИСЦ РАН. 2019. № 2. С. 37–42.
4. *Корнеева И.Е., Мерсиянова И.В.* Участие россиян в публичных слушаниях: факторы вовлеченности. М.: ВШЭ, 2016. 17 с.
5. *Стародубов А.А.* Общественные слушания в России: реалии и проблемы // Власть. 2007. № 10. С. 49–51.
6. Российский неполитический активизм: наброски к портрету героя. Отчет о результатах исследования активизма в России Центр ГРАНИ. Пермь: ПК «Астер», 2012 // URL: http://grany-center.org/content/nonpolitic (Дата обращения: 11.03.2020)
7. *Трофимова И.Н.* Гражданский активизм в России: новые реалии // Политика и общество. 2014. № 9(117). С. 1020–1031.
8. *Дьяков А.А.* Теория практик: социально-философский потенциал концепции // Вестник Саратовского университета. 2011. Т.2. Вып. 1. С. 8–12.
9. *Рогозин Д.* Как работает автоэтнография? // Социологическое обозрение. 2015. Т. 14. № 1. С. 224–273.
10. *Ellis C., Adams T.E., Bochner A.P.* Autoethnography: An Overview // Forum: Qualitative Social Research. 2011. Vol. 12. № 1. URL: http://www.qualitative-research.net/index.php/-fqs/article/view/1589/3095 (Дата обращения: 15.04.2020).
11. О мероприятиях по реализации государственной социальной политики Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2012 г. № 597. URL: http://www.kremlin.ru/-acts/bank/35261 (Дата обращения: 11.03.2020).
12. *Парк Р.* Методы преподавания: Впечатления и вердикт. М.: РАН ИНИОН, 2011. С. 305–320.
13. *Седова Н.Н.* Гражданский активизм в современной России: форматы, факторы, социальная база // Социологический журнал. 2014. № 2. С. 48–71.

СЕКЦИЯ «АКТУАЛЬНЫЕ СОЦИО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И ТРЕНДЫ ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ СТРАН И РЕГИОНОВ»

ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ОСНОВА РЕЛИГИОЗНОЙ МОДЕЛИ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Артыкбаева А.А., Кудайназарова М.К., Союзбек кызы Г.
Кыргызский Национальный Университет,
Киргизия, г. Бишкек

Аннотация. В статье рассмотрены законодательные основы современной религиозной модели кыргызстанского общества. Показаны характерные черты религиозной ситуации в республике, на социологических исследованиях рассматриваются особенности религиозной действительности в социально-политических процессах страны.

Ключевые слова: религия, религиозная сфера, государственная политика, светская модель, вера, либеральная политика.

Современная религиозная модель кыргызстанского общества становится предметом научно-теоретического, практического исследования с принятием государственной политики Кыргызской Республики в религиозной сфере на 2014-2020 годы.

Так, одни авторы отмечают, что религиозный ренессанс становится мировоззренческим измерением современной истории Кыргызской Республики. Другие авторы определяют, что принятый Закон «О свободе вероисповедания и религиозных организаций (1991 г.), положения Конституции, касающиеся религии и права граждан на свободу совести и ряд других законодательных актов, имеющих отношение к религиозной сфере, привели законодательную базу в соответствии с международными нормами и становится признанием в качестве культурно-исторического феномена.

Имеет место утверждения некоторых исследователей, что чрезмерный либерализм государственно-религиозных отношений привел к существенному изменению конфессиональной структуры кыргызстанского общества, объединившей не только представителей мировых религий, но и ранее неизвестных в республике, даже запрещенные за рубежом, деструктивные деноминации и оккультные вероучения.

Правы исследователи, что происходящие модернизационные процессы в религиозной сфере вызывают ряд противоречивых обстоятельств, которые связаны, с одной стороны, данный процесс способен обострить религиозное, национальное и общественное противостояния, вызывая напряжения между конфессиями и нациями, а с другой, этот же процесс способствует усилению солидарности и сотрудничества между представителями различных народов и самых разных религиозных конфессий. Возникает актуальность и важность исследования взаимоотношений религии и политики в условиях глобализации, поскольку без научного представления о характере и свойствах современных угроз невозможна выработка конкретных направлений деятельности по обеспечению безопасности на национальном, региональном и глобальном уровнях. Лишь надежное теоретическое знание, осмысление крупнейших изменений в развитии мирового сообщества в условиях глобализации с позиций безопасности может способствовать выработке научно обоснованной национальной политики, в чем сегодня ощущает особую потребность наша страна.

Подавляющее большинство экспертов считают, что мир стал более опасным, чем раньше, причем главными причинами этого процесса считают рост международного терроризма в современных условиях рост религиозного экстремизма и международного терроризма. Особенно опасность на нынешнем этапе составляют радикальный ислам (создание исламского государства в 2014 г.) и религиозный фанатизм, которые угрожают международной безопасности. В этой связи политики должны быть образованными в вопросах ре-

лигии, чтобы опираться на ее ценности и традиции для достижения целей не только в области борьбы с терроризмом, но и другими нетрадиционными угрозами безопасности, как: наркобизнес, бедность, безработица. Поэтому, религиозный фактор становится важным инструментом в познании общественно-политического развития страны. В связи с этими вопросами нами в порядке постановки вопроса определяется задача данной статьи: раскрыть социологическую карту религиозной ситуации в стране; в чем особенность новой религиозной модели страны; конкретизировать о наличии нерешенных проблем в религиозной сфере общества.

На территории Кыргызской Республики сегодня действуют Духовное управление мусульман Кыргызстана (ДУМК), 9 казыятов территориальные структуры ДУМК, 2814 официально зарегистрированных в Государственной комиссии по делам религий Кыргызской Республики, 25 центров, фондов и объединений ислама, 3 миссии зарубежных конфессий ислама. На данный момент проводят обучение 1 исламский университет, 6 институтов и 41 медресе и классов по изучению Корана, некоторые из них преобразованы в исламские институты и худжира. Активно участвуют в религиозном движении страны также 380 религиозных организаций христианского толка, одна буддистская община, одна еврейская, двенадцать общин бахам. Этот бурный рост числа объектов религиозного назначения стал возможным благодаря либеральной политики КР и активной работе миссионеров, приехавших в страну из зарубежных стран, а также оказываемой финансовой и идеологической подпиткой иностранных религиозных организаций и деятелей.

Следует отметить, что у нас не государственная религия (от лат.religio- святыня) - религия, официально закрепленная в качестве государственного, господствующего вероисповедания в конституциях и иных нормативно-правовых актах государства. Установление государственной религии несовместимо со свободой совести и вероисповедания. В общественной жизни страны имеет место в религиозной сфере активной деятельности протестантской церкви, которые направлены не только на сохранение и консервации их вероучений, но и активно заниматься миссионерством. Новым непривычным явлением для кыргызского менталитета стали «новые кыргызы» – протестанты, создающие конфликтную ситуацию на бытовом уровне.

Следует отметить о новых религиозных движениях в Кыргызстане, которые прошли два этапа в своем развитии: первый с начала 90-х годов до 2008 г. – «активного миссионерства», во второй этап «социальной мимикрии» вступили с начала 2009 г. Исходя из существующих реалий, можно прогнозировать дальнейшую тенденцию их развития, во-первых, в ближайшем будущем будет сокращаться рост численности адептов, религиозных объединений «новых религиозных движений» (деструктивных и экстремистских течений, террористических организаций). Во-вторых, все эти, «новые религиозные движения» будут искать пути укрепления своей социальной ниши и приспособлением к новым правовым взаимоотношениям с государством.

В республике большинство верующих предоставлено двумя конфессиями: суннитский ислам и православные христианство. Большинство граждан КР, в силу своей культурной и этнической принадлежности причиняют свое вероисповедание к исламу. Например, по итогам социологического опроса, проведенного в 2013 году в нашей стране, 91% из числа респондентов, указали, что они мусульмане (Анализ результатов социологического опроса «Молодежь и Ислам». Государственная комиссия по делам религии КР, 2013).

Это подтверждает, что исламизация имеет место в республике, с одной стороны, с другой, то, что наличие в стране представителей других религий, подтверждает о религиозной толерантности верующих разных религий. А что касается толерантности кыргызского народа – это в традициях страны, что является его уникальным достоянием. Эта религиозная толерантность является следствием следующих причин: во-первых, доминирующий ислам признает христиан и иудеев «людьми книги» (по мнению Суюнбаева М.М.); во-вторых, распространение ислама было переплетением с религией тюрков-кочевников тен-

грианством; в третьих, все конфессии религии были одинаково гонимы со стороны коммунистической идеологией, что не могло способствовать взаимным симпатиям.

Характерным в общественной жизни страны наблюдаются следующие тенденции:

1) радикализации религии, в частности, появление и увеличение исламистских некоторых радикальных течений;

2) особое внимание требует вопрос повышения качества светского и религиозного образования;

3) в последние годы наблюдается использование религиозных ценностей в политических процессах с целью привлечения поддержки мусульман в выборных процессах;

4) в стране существует проблема незаконного строительства мечетей, не пройдя учетную регистрацию в Госкомиссии по делам религии, эти мечети де-факто проводят незаконную религиозную деятельность. Хаотичное и массовое строительство мечетей привело к появлению тенденции разделения верующих по этническому признаку. Так, мусульмане страны разделены на посещающие кыргызские, узбекские, уйгурские и дунганские мечети;

5) немаловажной негативной тенденцией в религиозной сфере страны является деятельность ряда христианских и протестантских организаций, которые характеризуются активным прозелитивизмом (обращение граждан в другую религию); в последние годы особую тревогу вызывает проблема распространения идей экстремизма и фундаментализма, активизация деятельности различных деструктивных религиозных и террористических групп в стране. Наблюдается активная вербовка наших граждан для участия в Сирийском конфликте.

Правы эксперты, которые утверждают, что Характерной чертой религиозной действительности в республике является гармония религиозной практики ислама и обычаями и традициями кыргызского народа. На практике тесно переплетаясь с кыргызскими традициями, «традиционный ислам» становится источником формирования основы свободной или либеральной исламской теологии. С другой стороны, в рамках развития научной концепции принято, что в основе идеи либерализма находится рационализм и свобода вероисповедания.

Религия ислам не обязывает никого использовать ее атрибутику, а также не навязывает свои идеи и веру, не приводит к единой догме вопросы поклонения. Ислам - это религия либерализма. Об этом в Священном Коране сказано: «Нет принуждения в религии»! Человек свободен в вопросах веры, никто не имеет права приобщать его насильно к вопросам религии. По этому поводу в Коране отмечено: «Кто хочет, пусть верует, а кто не хочет, пусть не верует». Данное изречение показывает, что Пророку Мухаммеду было предписано только распространять веру, но не исламизировать население насильственным путем. В качестве подтверждения этому можно привести аят: «Разве ты стал бы принуждать людей обратиться в верующих?», а также: «А если они супротивятся, ведь мы не посылали тебя быть их хранителем. Тебе приказано быть лишь посланником» и наконец: «Аллах желает вам облегчения и не желает вам трудностей». Согласно данным аятам, Священный Коран, призывая к либеральной, свободной вере, категорически отрицает принуждение.

Заложенный в 90-е годы либеральный подход и отсутствие контроля государства над религиозной сферой привел к необходимости принятия и внедрения эффективной государственной политики в религиозной сфере с целью обеспечения свободы вероисповедания и практической реализации светской модели государства, а также противодействия деструктивным религиозным организациям и предупреждения экстремизма.

Религиозная модель кыргызстанского общества характеризуется участием верующих в своих религиозных процессах, с одной стороны, с другой, эти же верующие участвуют в социально-политической жизни страны, как граждане, проживающие в данном государстве. Здесь определяется его «портрет» как политического феномена, у которого свои политические цели, он обеспечен всеми правами и обязанностями государства. Верующий является политическим субъектом.

Основы государственной политики в религиозной сфере Кыргызской Республики четко определены в Конституции Кыргызстана. В соответствии с положением статьи 1 Основного закона страны, «Кыргызская Республика является суверенным, демократическим, правовым, светским, унитарным, социальным государством».

В статье 7 Конституции принцип светскости определяется следующим образом: В Кыргызской Республике никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной». В пункте 2 статьи говорится: «Религия и все культы отделены от государства», пункт 3 гласит: «Запрещается вмешательство религиозных объединений и служителей культов в деятельность государственных органов».

В свою очередь, статья 32 Конституции гарантирует свободу совести и вероисповедания. Каждый вправе свободно выбирать и иметь религиозные и иные убеждения, и никто не может быть принужден к выражению своих религиозных и иных убеждений или отказа от них. Статья 20 Конституции гласит, что право на свободу вероисповедания не может быть ограничено.

Обеспечивая принцип светскости, Конституция запрещает создание политических партий на религиозной основе (статья 4/3) и политическую деятельность религиозных организаций, направленную на изменение конституционного строя, а также деятельность, способствующую разжиганию религиозной ненависти, социальному превосходству и дискриминации (статья 4/5, статья 31).

Более детально право на свободу вероисповедания и позиция государства по взаимодействию с религиозными организациями отмечена в Законе Кыргызской Республики от 31 декабря 2008 года №282 «О свободе вероисповедания и религиозных организациях в Кыргызской Республике», где согласно статье 4/1 каждому гарантируется право на свободу вероисповедания и атеистического убеждения. В соответствии с законом свобода вероисповедания – это право человека выбирать, иметь, менять, выражать и распространять религиозные убеждения, действовать в соответствии с ними, участвовать в отправлении религиозных культов, ритуалов, обрядов, не запрещенных законом.

Закон Кыргызской Республики «О свободе вероисповедания и религиозных организациях в Кыргызской Республике» характеризует религиозную деятельность, как деятельность, направленную на удовлетворение религиозных потребностей верующих, распространение религий, религиозное воспитание, проведение богослужений, молитвенных собраний, чтение проповедей, обучение духовных специалистов, священнослужителей, миссионерство, а также иную деятельность, направленную на организационное и материальное обеспечение культовой практики религиозной организации (издание и распространение религиозной литературы, изготовление и распространение предметов культа, производство облачений для духовных работников и священнослужителей и другая деятельность).

Необходимо также отметить, что в статье 22, пункте 15 Конституционного Закона Кыргызской Республике «О выборах Президента Кыргызской Республики и депутатов Жогорку Кенеша Кыргызской Республики» говорится, что представители религиозных организаций, не имеют права проводить агитацию, выпускать и распространять любые агитационные материалы.

В соответствии с Конституцией, Кыргызская Республика является светским государством, где религия отделена от государственного управления. Данное положение означает, что религиозные организации и религиозные служители не могут вмешиваться в процесс государственного управления и участвовать в политической деятельности. К примеру, участвовать в политическом процессе (выборы и т.д.) может каждый гражданин, но при этом он не может использовать ресурсы религиозной организации, членом которой он является, и политизировать религию для получения политической поддержки. Государство может и должно регулировать религиозную сферу или деятельность религиозных организаций через законы и другие нормативные правовые акты в рамках действующего законодательства. Государство обеспечивает свободу вероисповедания и имеет одинаковое отношение ко всем религиозным организациям в стране до тех пор, пока последние не нарушают

закон и не представляют угрозу личной, общественной или национальной безопасности. В таких случаях применяются санкции по пресечению и предотвращению незаконной деятельности в соответствии с действующим законодательством. В концепции новой религиозной модели подчеркивают, что населения Кыргызстана считают себя мусульманами. Этот факт требует уделять больше внимания исламу. Таким образом, правительство содействует обеспечению условий для продвижения традиционных (для нашего региона), умеренных ценностей ислама с целью предупреждения и предотвращения распространения радикальных исламских идеологией и экстремистской деятельности в Кыргызстане.

Рассмотрев текущую религиозную ситуацию в стране, и, определив основные принципы реализации государственной политики в религиозной сфере, в концепции выделено четыре основных направления ее реализации. Одним из данных направлений является новый подход государства к взаимодействию с религиозными организациями, действующими в Кыргызстане. В рамках данного подхода государство признает положительное влияние и вклад религии в культурную, социальную и образовательную сферы, может поддерживать и сотрудничать с религиозными организациями, но должно строго ограничивать политизацию религии и деструктивную деятельность религиозных движений. Государство непосредственно регулирует сферу общей или внешней деятельности религиозных организаций и религиозных служащих, но ограничивает свое вмешательство во внутри конфессиональную деятельность таких организаций, за исключением случаев, предусмотренных в законодательстве, или в случаях его нарушения.

Одним из условий регулирования религиозной модели является на сегодняшний день наличие инструментальных механизмов, которые обеспечивают поиск взаимоприемлемых решений. В связи с этим в последнее время прочно входит в науку понятие «институциализация религиозной модели», означающее процесс формирования политических и неполитических институтов, системы норм, ценностей, установок, способных регламентировать религиозную модель.

Исходя из вышеуказанного, в целях защиты общегосударственных интересов, духовных традиций и оптимизации государственно-конфессиональных отношений в Кыргызской Республике предлагаются следующие конкретные практические рекомендации: отстаивать и проводить в жизнь общепринятый в цивилизационном мире принцип светскости государства, устранять все, что может привести к расколу и конфликту в обществе на религиозной основе, обеспечивая равные условия удовлетворения духовных потребностей, как верующих, так и неверующих граждан страны; в целях сохранения национальных духовных традиций и социальной защиты народов Кыргызской Республики целесообразно принять закон «О социальном партнерстве», конкретизирующий порядок допустимой и возможной меры социального взаимодействия государства и традиционных религиозных объединений, а также необходимой и должной меры их взаимной изоляции и разделения; работа органов власти, направленная на усиление позитивной вовлеченности религиозных общин в общественно-политическую и экономическую жизнь общества, его влияния на жизнь местных сообществ, должна включать в себя три основных направления:

1. стимулирование экономической активности;
2. реализацию государственных целевых программ;
3. соответствующую информационную политику;

Для модернизации системы религиозного образования необходимо разработать и принять Концепцию и Закон «О религиозном образовании», а также внести поправки к закону «Об образовании», разрешающему религиозным вузам аккредитовать свою образовательную программу по государственным стандартам Кыргызской Республики.

Литература

1. Конституция Кыргызской Республики Принята референдумом (всенародным голосованием) 27 июня 2010 года, г. Бишкек.

2. Концепция государственной политики Кыргызской Республики в религиозной сфере на 2014-2020 годы, утвержденная указом Президента КР от 14.11.2014 года.
3. *Чотаев З.Д.* Государственная политика в религиозной сфере и основные религиозные течения в Кыргызстане. Методическое пособие. Бишкек, 2015. 90 с.
4. *Кольбаева А.А.* Восприятие причин и факторов радикализации со стороны религиозных общин. Социологическое исследование. Бишкек, 2019. 37 с.
5. *Суюнбаев М.Ы.* Религиозные особенности. Геополитические особенности Центральной Азии. Бишкек, 2018. 137 с.

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ ЭТНИЧЕСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА (МАТЕРИАЛЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ГОРОДУ КАРАКОЛ ИССЫК-КУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ)

Боконтаева Д.К.
Иссык-Кульский государственный университет,
Киргизия, г. Каракол

Аннотация: в статье автор анализирует становление и развитие этнического предпринимательства в г.Каракол Иссык-Кульской области. На основе устных историях показала социальную базу, мотивы, личностные качества и гендерные особенности этнического бизнеса.

Ключевые слова: этническое предпринимательство, социальная база, мотивы, личностные качества, женское предпринимательство, устные истории.

В истории человечества специфические черты того или иного этноса оказывали воздействие на его экономическую активность, определяли мотивацию и этику труда, отношение к социальной стратификации общества. В современном мире этничность продолжает оставаться важнейшим компонентом поведения хозяйствующего субъекта в разных видах социально-экономической деятельности и в, том числе, предпринимательстве.

Предпринимательство как форма занятости – это целесообразная деятельность, основанная на личной инициативе, самостоятельности и ответственности, направленная на получение трудового дохода и обусловливающая самореализацию и самоутверждение индивида как личности. По данным национального статистического комитета в 2018 г. на территории Кыргызской Республики ***действовало*** 15,3 тыс. предприятий, из них 14,5 тыс. - малых предприятий и 0,8 тыс. - средних предприятий. Более 26 процентов из действующих предприятий осуществляли свою деятельность в оптовой и розничной торговле; по ремонту автомобилей и мотоциклов, 15,3 процента - в промышленности, 11,9 процента – в строительстве. На 1 января 2019 года число зарегистрированных индивидуальных предпринимателей на территории Кыргызской Республики составило 401,7 тыс. человек [5, с. 11].

Предпринимательство в Кыргызстане имеет свои региональные особенности, связанную с полиэтническим и поликультурным составом населения. К их числу относится областной центр Иссык-Кульской области – город Каракол.

Город Каракол – административный, образовательный и культурный центр Иссык-Кульской области, который является центром торговли, промышленности, услуг, туризма, связи и информации. В городе сосредоточены крупные финансово-кредитные учреждения, международные организации, музеи, драмтеатр, зоопарк и множество учебных заведений, в том числе ВУЗы, средние специальные учебные заведения, профессиональные лицеи и школы.

Город Каракол – полиэтническое сообщество, в котором проживают представители более 24 различных этносов. Согласно данным статистического отдела при мэрии г. Каракол, в 2016 году в г. Каракол проживало 72123 человек. Из них 52133 кыргызов, 10705 русских, 2142 узбеков, 273 украинцев, 2583 уйгуров, 1152-дунган, 1069 татар, 792 казахов, 273 укра-

инцев, 55 турков, 53 немцев, 37 корейцев, 30 азербайджанцев, 22 таджиков, 6 армян, 6 эстонцев, 4 молдаван, 3 туркмена, 1040 представителей остальных этносов.

В 2016–2017 гг. автором было проведено социологическое исследование о становления и развития этнического предпринимательства в г.Каракол, начиная с момента обретения Кыргызстаном своей независимости (1991–2016 гг.) Каракол. В ходе исследование проведено: а) 17 полу-структурированных(нарративных) интервью или устных историй; б) 10 коротких мини- интервью. В процессе исследования были опрошены этнические предприниматели по возрасту, полу, образованию и месту проживанию.

Целью данного исследования является изучение становления и развития этнического предпринимательства в г.Каракол, начиная с момента обретения Кыргызстаном своей независимости (1993-2016гг.). В исследовании ставились следующие задачи:

– выявить социальную базу этнического предпринимательства г. Каракол;

– изучить мотивы (причины) и личностные качества этнического предпринимательства;

– дать анализ особенностей становления женского (этнического) предпринимательства, где занятие лидирующих позиций женщинами идет вразрез со стереотипами национальной культуры представителей разных этносов.

– выявить проблемы становления этнического предпринимательства и пути их конструктивного решения в регионе.

Социальный портрет этнических предпринимателей г. Каракол.

А) Социальная база, т.е. их каких социальных слоев вышли этнические предприниматели г.Каракол.

Становление рыночных отношений повышает роль собственности, которая реально выступает в качестве критерия социальной дифференциации. Появляются новые социальные группы, в частности, предприниматели во всех отраслях народного хозяйства. При переходе к рынку остро стоит проблема, какие социальные группы, ориентированные на рынок, получат приоритетное развитие. По мнению российского социолога Беляевой Л.А. существует два варианта. Первый - крупные собственники, администраторы из бывшей номенклатуры, представители крупного теневого бизнеса, способные организовать эффективное производство; второй - массовые слои граждан, владеющие собственностью в результате приватизации государственной собственности. К ним относятся инженерно-технические работники, управленческий и административный персонал, не занимающую высших постов, работающую по найму интеллигенцию, городских и сельских мелких собственников, в том числе большую часть крестьянства и фермерства, рабочих высокой квалификации, работников сферы обслуживания и другие [1, с. 30].

Социальное происхождение этнических предпринимателей г. Каракол – это, в основном, выходцы бывших государственных организаций и предприятий, системы образования, культуры, медицины, науки, и др., так как в бывшем Советском союзе не было частной собственности, и вся собственность была в руках государства. Социальное происхождение этнических предпринимателей г. Каракол – это, в основном, выходцы бывших государственных организаций и предприятий, системы образования, культуры, медицины, науки, и др., так как в бывшем Советском Союзе не было частной собственности. Собственность в советское время была представлена двумя основными формами – государственной собственностью (98%) и колхозно-кооперативной собственностью, которая принадлежала колхозникам (2%).

Социально-демографические характеристики опрошенных респондентов представлены по полу: женщин – 10, мужчин – 7; по возрасту: 30–39 лет – 3, 40–49 лет – 3, 50–59 лет – 7, 60–69 лет – 4; по этническим признакам: кыргызы – 7, украинцы – 1, татары – 2, уйгуры – 1, узбеки – 2, корейцы – 1, дунгане – 3; по образованию: среднее (10 классов) – 4, среднее-специальное (техникум или профессиональное училище на базе среднего образования) – 2, высшее – 11; по социальному статусу на момент создания своего частного бизнеса: работники государственных учреждений и организаций (учителя, научные сотрудни-

ки, работники культуры, медицины, торговли и др.) – 14; военные – 1, работники частных организаций – 1, домохозя(ин)йка – 1.

Б) Социальное происхождение родителей предпринимателей и их опыт работы в бизнесе.

Родители опрошенных респондентов также являются выходцами из среды рабочих, колхозного крестьянства и интеллигенции. Они никогда не занимались бизнесом, так как это было чуждое явление для советской идеологии, в основе которого лежала честная и добросовестная работа на государство. Те, кто работал для себя и зарабатывал деньги, считались спекулянтами, перекупщиками и это рассматривалось как буржуазное, капиталистическое явление, где нажива или получение прибыли было не совместимо с советскими принципами социалистического проживания.

Однако, несмотря на это Василий (украинец) в своем интервью, в силу своей молодости и не так долго живший в условиях бывшего СССР говорит об этом следующим образом: *«У наших родственников опыт работы в бизнесе был, но только такой, как яблоки с сада продать, и больше особо и не было. У родственников были приусадебные участки, так как все выросли в деревнях… Корни наши уходят в деревни, раньше называлось Кара-Ой, а сейчас Долинка. У нас как бы участки большие, по 30 соток, сады. Поэтому весь бизнес основывался – это работа в колхозе и сады, т.е. в основном садоводческая продукция. Родственники и не прекращали заниматься бизнесом, так как работа в колхозе и дома — это неотъемлемая часть» [17].*

А также об этом сказала и Эльмира, татарка: «*Когда я начинала свой бизнес, я не побоюсь этого сказать**, когда** мой муж умер 1985 году надо было поднимать троих детей и мне пришлось заниматься побочными делами, кроме зарплаты, бизнесами. Милиция тогда не разрешала, а в момент развала, я немножко постаралась и продавала ашлянфу, манты на улице, а милиция нас выгоняла, говорили спекулянты. Тогда предпринимательство не было, но это уже конец СССР, конец 80-х, начало 90-х, было тяжело. Не понятно, что было, кто поумнее был тот и урвал, как говориться. Но ничего, выжили, выкарабкались» [9].*

В советское время поощрялось развитие личного подсобного хозяйства, где люди выращивали овощи и фрукты, держали скотину, разводили живность (кур, гусей и уток). Основная часть продукции потреблялась домохозяйствами, а другая часть продукции или излишки продавались на рынке. Продажу излишков на рынке можно считать, как началом ведения бизнеса в рамках социализма. В данной связи, отождествление продажи яблок с бизнесом у Василия имеет реальное обоснование. Следовательно, до развала бывшего СССР, несмотря на идеологию о несовместимости социализма с частной собственностью и рынком родители опрошенных респондентов имели опыт продажи продукции (товаров) личного подсобного хозяйства, накопления капитала, что впоследствии явилось стимулом к открытию и развитию бизнеса в условиях перехода Кыргызстана к рыночной экономике.

Мотивы предпринимательской деятельности.

Каковы же мотивы частнопредпринимательского поведения? Типы предпринимательской мотивации изучены и описаны классиками экономической теории Й.Шумпетера, В.Зомбертом, М.Вебером и др. Выделяют четыре основных мотивационных типа. Первый, условно называемый "традиционным", направлен на желание применять уже имеющийся профессиональный опыт и способности, работать в коллективе с хорошо устоявшимися связями, то есть сохранять стабильность уже достигнутого.

Второй, "аффективный", отражает стремление следовать своим эмоциям и чувствам - интуиции или психологическим особенностям своего характера. В одних случаях это будет "иметь уверенность в завтрашнем дне", в другом - прямо противоположное - испытать риск. Это могут быть также приятные ощущения от чувства свободы и независимости, но всегда - это стремление к определенным эмоциональным состояниям.

Третий тип мотивации – "ценностный" связан с влечением не к инструментальным благам, а к чему-то самоценному: исполнению долга перед собой, близким, обществом.

Четвертый тип – "инновационный". Он отражает желание профессионально проверить себя в чем-то (профессиональная инновация), и даже удовлетворять все новые и новые запросы ("инновация" в сфере потребления).

Вышеописанные мотивы отражают различные потребности, кратко определяемые как потребности в "выживании" (первый тип), получение эмоционального удовлетворения (второй тип), самоутверждение (третий тип) и собственно в труде (четвертый тип). Реальность же представляет нам множество разнообразных сочетаний предпринимательских мотивов, создавая различные предпринимательские образы.

В процессе исследования почти все респонденты одним из главных причин создания собственного бизнеса назвали экономические причины, т.е. после развала советского союза все заводы и фабрики в городе Каракол стали закрываться. А в организациях, финансирующихся из государственного бюджета, заработная плата не могла обеспечить даже минимальный прожиточный уровень. Вот как об этом говорят сами респонденты.

Кульнара, кыргызска: *«Может основной причиной была экономическая, нехватка денег… Когда я работала в Академии наук я еще подрабатывала в поликлинике. Я получала две заработной платы. Главная причина все же я думаю в том, что мои все родственники были коммерсанты. Они мне все говорили, как вы сидите с заработной платой в 20 сом, уходите отсюда в бизнес, в торговлю. И я ушла в бизнес под давлением своих родственников» [6].*

Наташа, кореянка: *«Заработная плата всегда у нас была на уровне мизерной. В 1990-е годы Союз развалился, было очень сложно, поскольку пошли трудности. Я кореянка. А на Иссык-Куле корейцы не особо приживаются и поэтому их очень мало. Восточная кухня у всех на слуху. Она всем нравиться, прям мировой бренд, те же корейские салаты и т.д. И вот, в тяжелые 1990-е годы, когда зарплаты не хватало, я как-то пыталась, салатик сделала, что-нибудь кушать готовила и вот так я по выходным бегала на базар. И вот оттуда все начиналось. Я по субботам и выходным, с 1993-1996гг., пока моя дочь не приехала, торговала салатами» [7].*

Юнус, дунганин: «*Основная причина, то что я работал в областной станции юных техников, эта работа стало глохнуть, часы сокращают, лично меня не ущемляли, вижу, что детей все меньше и меньше ходит, снабжение таких внешкольных организаций становилось все хуже и хуже и предвидя перспективу развала, хотя зарплата была хорошей. Цены стали меняться, а зарплата становилась прежней. У меня третий ребенок родился и думаю надо более активным заниматься. Конец 80-х и начало 90-х, для людей это просто было выжить и прокормить семью» [13].*

Давран, узбек: *«Причина, все в бизнес ушли в основном, причина экономическая, развал союза, под сокращение в основном попали, в отпуск без содержания сказали. А что такое отпуск без содержания – ничего не будешь получать, сиди дома. И на выживание пошло» [14].*

Однако, кроме экономических причин два молодых бизнесмена – Василий (украинец, 40 лет) и Нурлан (кыргыз, 33года) выделили и такие мотивы в открытии своего собственного дела, как заинтересованность в новом деле и принести пользу Караколу.

Василий, украинец: *«На тот момент было интересно, и видимо этот интерес и проявился. Это была цель, и мечта попробовать, с этим поработать, тогда это же была новинка…. (компьютеры, прим. автора) Вы знаете, в то время это же было так модно, вы что…. Видимо хотелось самому попробовать… И вот отсюда пошло. А вообще-то я и бизнес организовывал так просто для игры. Почему?! Потому что в принципе, я и сад сейчас сажаю не для того чтобы прибыль получать, а мне это интересно» [17].*

Нурлан, кыргыз: *«После стажировки в Америке в 2013 году я понял, что у нас в Караколе большой потенциал в сфере бизнеса, но у нас нет тех людей, которые бы продвигали Каракол на туристическом рынке. И я решил открыть свое собственное дело в рамках проекта «Визит Каракол», где мы помогаем предпринимателям, которые начинают работать в туристической сфере развить свой бизнес, т.е. мы предоставляем интернет-площадку, чтобы они предоставляли информацию о себе и о их бизнесе. Когда*

я работал и помогал родителям в отеле «Грин Ярд», то я проходил много семинаров и тренингов в различных организациях. И эти тренинги мне помогали и дали мне потенциал. Я сейчас хочу поделиться с людьми по туризму и по ведению бизнеса» [12].

Личностные качества предпринимателей.

Рынок представляет собой лучшую, благотворную предпринимательскую среду, а предпринимательство – это наиболее характерное качество, свойство рыночных отношений. Наиболее существенный вклад в разработку теории и практики предпринимательства внес американский ученый И. Шумпетер.

Конечно, о предпринимательстве писали его научные предшественники, но делали это тогда, когда предприниматель еще фактически был слит с другими социальными фигурами: капиталиста, собственника, управляющего, изобретателя. Рассмотрение преимущественно велось в статике. Для подобного подхода имелись веские основания: во-первых, предприниматель совмещал в одном лице функцию собственника и технического руководителя, и менеджера, и коммерсанта; предпринимательская деятельность еще не вычленялась в качестве самостоятельной; во-вторых, не возникло и особой потребности в изучении динамики: нововведения стали внедряться уже в XX веке, сузив временные границы традиционного кругооборота.

Появление предпринимателя в качестве субъекта специального анализа у Й.Шумпетера связано с его концепцией экономического развития, взятого как динамический процесс. "Осуществление новых комбинаций - это реформировать и революционизировать способ производства путем внедрения изобретений, а в более общем смысле - через использование новых технологических возможностей для производства новых товаров или прежних товаров, но новым методом, благодаря открытию нового источника сырья или нового рынка готовой продукции до реорганизации прежней и создания новой отрасли промышленности..." (3; с.89). Феноменом экономического развития является предприниматель. Предпринимателем Шумпетер называет хозяйственных субъектов, функцией которых является осуществление новых комбинаций, и которые выступают как его активный элемент.

Как же определяют бизнес (или предпринимательство) наши респонденты? По-моему, мнению интересной является точка зрения предпринимателя Юнус, дунганин: *«Заниматься бизнесом мы начали с братьями, вместе работать. Решили, что поодиночке трудно будет работать, вместе с братьями объединили силы и средства и создали семейную компанию и постепенно работали. Сначала поставили магазин продуктов питания, потом по торговле металлом, и потом гостиничный бизнес. Бизнес – это решение все время новых задач. Сталкиваешься все время с чем-то новым. Государство меняет условия, поставщик меняет условия. Низовые звенья меняются, клиенты меняются. Все время надо по-другому надо работать. Это творческая работа» [13].*

Василий, украинец: *«Простые качества – открытость и человечность, и все, а еще целеустремленность. А также уметь мечтать и уметь действовать. Можно хотеть мечтать и можно мечтать, и действовать. Это две разные вещи и поэтому видимо вот основные качества» [17].*

Мунара, кыргызска: *«Во-первых, трудиться, не лениться, не опаздывать, иметь порядок во всем, вплоть, от того, что вовремя приходит на работу, до ведения бухгалтерии тоже, бухгалтерию веду сама» [10].*

Мурат, кыргыз: *«В бизнесе необходимо постоянство и терпение, иметь к бизнесу серьезное отношение. Если что-то не получается, то не надо пятиться назад. Надо, я хочу подчеркнуть – терпение и много, много труда днем и ночью. Еще для ведения бизнеса необходимо иметь честность, необходимо за каждую копейку иметь точный счет и ответственность. Если, допустим, берешь какой-то товар у фирмы, то следует стараться деньги возвратить в определенный срок, без задержки» [16].*

Мира, дунганка: *«Наверно, прежде всего, заниматься этим, опыт нужен, терпение должно быть, упорство, настойчивость, тем не менее, когда занимаешься с этим, то человек становится как-то азартным все больше и больше. А еще возможность. Если*

этого нет, то все равно не расширишься. В основном здесь надо возможность и удача тебе улыбаться должна» [10].

Ведение предпринимательской деятельности требует определенных личностных качеств. Следует отметить, что почти все респонденты отметили такие качества, как коммуникабельность, целеустремленность, упорство в труде, честность, терпение, настойчивость, открытость, профессионализм и опыт.

Моральные и материальные стимулы предпринимательской деятельности.

Материальная заинтересованность является одним из главных двигателей в развитии и процветании бизнеса у всех опрошенных респондентов, так как это приводит не только к определенному достатку, благополучию, свободу в действиях, но и моральному удовлетворению от своей работы.

Послушаем Асылгуль, кыргызска: *«Да, я получаю плоды от своего бизнеса и поэтому я сейчас строю дом, обеспечиваю своих детей. Я свободна и поэтому я имею свободу в действиях, делаю то что мне нужно и выгодно. С другой стороны, наверно и лучше потребителям, они покупают нужный себе товар. И нам хорошо, когда наш товар они покупают, мы с ними устанавливаем хорошие, дружеские отношения. Многие клиенты меня благодарят, и я получаю моральное удовлетворение… благодарят, за то, что мы продаем по цене, которая их удовлетворяет…» [8].*

Давран, узбек: *«Да получаю, моральное удовлетворение, на это я живу и кормлюсь. Но здесь работать надо с людьми, туристами. Один покушал, тот другим говорит и те тем и и.т.д. Материальное тоже пойдет, если бы не кредит, было бы хорошо. Что посеешь, то пожнешь» [14].*

Если говорить о преемственности бизнеса или передаче бизнеса по наследству, то этнические предприниматели высказывают разные точки зрения:

Василий, украинец: *«Интервьюер: Хотели ли вы, чтобы ваши дети пошли по вашим стопам? Думаю, дети выберут сами, и я не навязываю. Интервьюер: Не хотели ли вы им оставить бизнес? Сделать династийным, но это только приводит к проблемам. У них свой выбор» [17].*

Мурат, кыргыз: *«Да я хотел бы, чтобы мои дети пошли по моим стопам. Я думаю, что наша страна в экономическом отношении очень сильно отстает, и чтобы наши дети не мигрировали в другую страну, то я хотел бы чтобы мои дети продолжили мой бизнес, работали и служили своей стране. И в то же время налоги, которые мы платим и социальные отчисления, которые мы делаем, остаются у нас в стране для народа, это тоже польза от нас государству» [17].*

Сулайман, дунганин: *«Сто процентное (100%) материальное и моральное удовольствие получаю. Особенно моральную, я люблю свою профессию. В данное время я не занимаюсь врачебной деятельностью, больше руководителем и менеджером работаю» [15].*

Одним из классических мотивов типичного предпринимателя является материальное удовлетворение. Став хозяином, он принимает на себя почти весь риск ведения бизнеса, самостоятельно выбирает направление деятельности своего предприятия. Так, решая вопрос о структуризации своего бизнеса, исходит из имеющихся ресурсов и наемной рабочей силы. Он составляет текущие и перспективные планы по объему той или иной продукции. При решении этих вопросов всегда есть риск ошибиться, понести убытки. С другой стороны, именно в таких сложных обстоятельствах формируется энергичный, предприимчивый работник, настоящий хозяин производства.

Предприниматель — это человек, много работающий в тяжелых условиях. Он работает ради самореализации, ради переустройства мира, пусть на уровне своего небольшого предприятия. Именно это позволяет ему уважать себя и окружающих. Следовательно, для большинства предпринимателей главным мотивом бизнеса являются деньги как мера богатства, процветания, а, следовательно, иметь доступ к различным материальным благам, поддерживать существующий уровень жизни.

Гендерные аспекты этнического предпринимательства.

Как показывают многие исследования, в генезисе предпринимательства существенную роль играют ряд социальных факторов – пол, возраст, образование, до-предпринимательская карьера, семья, система социальных связей.

В научной литературе для определения понятия «женщины- предприниматели» можно выделить несколько подходов: демографический, социологический, исторический. В демографическом понимании, женщины-предприниматели – это особая социальная группа женщин, преимущественно от 25-50 лет, имеющие социальный статус предпринимателя, ценностные ориентации, мировоззрение, интересы, потребности и социально-психологические свойства, обусловленные новым переходным или трансформирующимся обществом.

Женщины-предприниматели − это объективно складывающаяся социально-профессиональная группа, объединенная общими условиями формирования и развития, с определенными социально-психологическими и духовными ценностями, образом жизни. Особенностью данной социально-профессиональной группы является одинаковый статус предпринимателя, то есть наличие какой-либо организационно-правовой формы деятельности (индивидуальный предприниматель, общество с ограниченной ответственностью, закрытое акционерное общество и т.д.).

Исследование женщин-предпринимателей разных этносов имеет следующие признаки:

– женщины-предприниматели − это женщины в возрасте от 30–70 лет;

– наличие индивидуальной трудовой деятельности;

– факт выраженного профессионального становления и ответственность за продвижение своего дела;

– выраженная отраслевая специфика: женщины-предприниматели сконцентрированы в традиционных для женской занятости отраслях- торговля, сфера услуг, образование, туризм и другие;

Таким образом, можно сделать вывод, что становление и развитие рыночных отношений изменило жизненные ориентиры многих женщин. Предпринимательство для женщин − это один из способов адаптации к новым условиям, которая позволила женщинам открыть собственное дело и таким образом решить для себя многие проблемы занятости. Несмотря на трудности, они смогли обрести уверенность в себе и своих силах, освоить новую для себя роль предпринимателя.

Сегодня стереотипные роли мужчин и женщин для кыргызского общества пока остаются традиционными, т.е. мужчина –добытчик, а женщина – хранительница домашнего очага. Однако, следует признать, что содержание этих понятий изменилось, но очень трудно осознается нашим обществом.

Что об этом говорят сами женщины: Интервьюер*: «Как Вы знаете, в азиатских странах женщина на вторых ролях. Если она выдвигается на первую роль, то это не всегда приветствуется. Вы ощущали на себе давление со стороны мужчин в государственных органах и других учреждениях, которые хотели подчеркнуть, что, хотя Вы и бизнесмен, но Вы женщина, и стоите на второй роли?»* Иламшаева Зулфия, узбечка*: Да, конечно. И это не только в нашем обществе, но и в семье. Муж мне говорит: «Ты – руководитель на работе, а дома – жена. И этим все сказано. Дома муж всегда выше. Это не играет роли, что ты – предприниматель, или еще кто-то другой. В нашем обществе приходится считаться с этим, и мужчина никогда не смирится, чтобы ты была первая. Хоть я буду больше зарабатывать, это не будет играть роли. Мы не будем в равном положении»* [2, с. 118].

Джузумалиева К., кыргызка: Интервьюер: *«А Ваша семья поддерживала в Вашей предпринимательской деятельности? Ведь Вы очень много работаете, отрываете свое время от семьи, детей».* Джузумалиева Гулипа: *«Да, конечно. Без поддержки семьи, я бы никогда не стала предпринимателем. Семья поддерживает во всех отношениях, особенно, в моральном отношении. В материальном отношении я оказываю поддержку семье, а в остальном чувствую опору мужа, детей, внуков. У меня четверо детей: один сын и трое*

дочерей. Интервьюер*: Вы сказали, что полностью себя отдаете бизнесу. А дома Вы выполняете домашнюю работу?».* Джузумалиева Гулипа: «*Конечно. Я не бросаю домашнюю работу. Дома я выполняю функцию и роль матери для детей, как жена я полностью подчиняюсь мужу. Если у меня есть время, то я готовлю, делаю домашние дела. А в основном, помогает семья» [2, с.54,55].*

Влияние традиционного общества на семью, воспитание детей наблюдается повсеместно. В общественном сознании преобладающей части народов Средней Азии женщина отличается от мужчины по своей природе, предназначению, возможностям и способностям. В основном, любые женские способности оцениваются гораздо ниже, чем мужские. Преодоление данного явления возможно при повышении социально-политического, экономического, т.е. в целом духовного уровня различных социальных групп общества, которые будут обладать широтой кругозора и гибкостью мышления в современных условиях.

Большинство опрошенных женщин являются руководителями частного предприятия или фирмы. В данной связи встает вопрос, а как справляется женщина в данной роли. Можно с уверенностью сказать, что большинство женщин довольны своим положением и статусом и уверенно продвигают свой бизнес, несмотря на угрозы и риски, связанные с кризисом в Кыргызстане, обусловленные внутренними и внешними факторами.

Росскийский социолог Чирикова А. пишет: «Ставя вопрос об особенностях мужского и женского лидерства, я склонна разделить позицию, согласно которой принципиальных отличий в мужском и женском менеджменте нет, хотя есть некоторые особенности, обусловленные разницей в психологической структуре у мужчин и женщин…

Несмотря на большую «ситуативность» женского менеджмента по сравнению с мужским, женщина эффективно реализует не только «стратегии выживания», но и «стратегии развития», хотя и выстраивает более осторожные отношения со своими партнерами и избегает слишком «рискованных» решений. Однако это не означает, что женщина не умеет рисковать … Свыше 70% опрошенных мужчин менеджеров, работающих под началом женщины, удовлетворены женским руководством и не хотели бы смены управления. Более 40% опрошенных к числу недостатков женского менеджмента относят его жесткость, а совсем не мягкость, как это принято считать» [4, с. 55].

Социологическое исследование, проведенное на основе устных историй, среди женщин-предпринимателей г.Каракол подтверждает данные российских социологов и показывает, что женский – менеджмент опирается на комбинированные стратегии и включает в себя большой набор «техник» и «приемов» в управлении предприятием. Женщинам, в большей мере, присущ стиль лидерства, основанный на таких личностных качествах как умение действовать в ситуации конфликта и угрозы риска, постоянная готовность к изменениям, способность к нововведениям, умение противостоять давлению и нажиму, отстаивать свою позицию.

«… Успешные модели лидерства осуществляют те из руководителей, кто, независимо от собственного пола, обладают психологическим репертуаром поведения и мужчин и женщин-управленцев» [4, с. 56]. Следовательно, исследование показало, что лидерские качества мужчин и женщин имеют общую природу и не зависят напрямую от половых различий. Хороший менеджер располагает двойным репертуаром управленческих технологий: и мужских, и женских. А также успех женщин в собственном деле не есть результат везения или случая. В большинстве случаев определяется социально-психологическими особенностями, а также готовностью самой женщины к сложностям, связанным с конфликтом профессиональных и семейных ролей.

Заключение.

Этническая характеристика предпринимательства восходит к временам первой приватизации во второй половине 1990 годов. Так мелкие объекты торговли, общепита и другие подобные были приватизированы преимущественно уйгурами, татарами и русскими. Крупные объекты, связанные с большими площадями (завод железно-бетонных изделий (ЖБИ), Молочный завод, Мясокомбинат, Швейная фабрика) перешли собственникам кыргызам.

Вторая волна приватизации в 2000 годах была также более дружелюбна для лиц титульного этноса, преимущественно мужского пола. Исторически в досоветский, советский и ранний постсоветский период этнические меньшинства были в большей степени представлены в сфере торговли. Данный опыт нашел свое отражение в скорейшей адаптации в условиях рыночной экономики.

Этнические меньшинства при переходе на рыночную экономику смогли с меньшими потерями и уязвимостью преодолеть барьеры того времени и быстрее экономически встать на ноги, несмотря меньшую в некоторой степени базу для стартового бизнеса. В настоящее время позиции выровнены, по мнению респондентов. Кыргызы открывают такие же кафе, рестораны.

Таким образом, в сфере торговли и услуг наблюдается равная этническая представленность. Что касается, сферы транспорта, строительства, промышленных предприятий и производства, кыргызы охвачены в большей степени. В городе Каракол порядка 200 активно действующих гостевых домов, которыми управляют преимущественно женщины и таким образом определяют женское лицо гостевого бизнеса. Что касается других направлений туристического бизнеса, таких как услуги портеров, проводников, водителей, гидов, прокат велосипедов, лошадей, то это преимущественно мужская молодежная сфера. Туристическая, за исключением этнических направлений туризма (лошади, юрты) характеризуется полиэтнической представленностью. Хотя есть много примеров, что в последнее время услуги юрточных городков предоставляют не кыргызы. Сфера услуг микрокредитования принадлежит преимущественно женщинам кыргызскам. Частные охранные агентства в основном представлены мужчинами кыргызами.

Следовательно, для большинства предпринимателей главным мотивом бизнеса являются деньги как мера богатства, процветания, а, следовательно, иметь доступ к различным материальным благам, поддерживать существующий уровень жизни. Предпринимательство для женщин − это один из способов адаптации к новым условиям, которая позволила женщинам открыть собственное дело и таким образом решить для себя многие проблемы занятости. Несмотря на трудности, они смогли обрести уверенность в себе и своих силах, освоить новую для себя роль предпринимателя.

Поддержка предпринимательства является задачей не только центральных, но и областных и городских органов власти. В связи с этим проблемы развития этнического предпринимательства, разносторонняя поддержка этой сферы должны быть отнесены к числу важнейших задач государственной политики и на региональном уровне. Государство должно осуществлять экономическое регулирование предпринимательского сектора через политику приватизации, создания благоприятного инвестиционного и предпринимательского климата и разностороннюю поддержку предпринимательской деятельности всех этнических групп региона.

Таким образом, становление и развитие этнического предпринимательства в г. Каракол (после развала б. СССР) происходило сложно и противоречиво, так как без опыта и навыков работы в новой рыночной системе для представителей разных этносов имело вынужденный и шоковый характер. Но по мере наращивания адаптационного потенциала в социально-трудовой сфере, связанной с открытием частного бизнеса происходило приспособление к изменяющимся социально-экономическим условиям. В данный момент развитие этнического предпринимательства в городе Каракол выражается в активизации структурной перестройки экономики, в предоставлении широкой свободы рыночного выбора, которая способствует насыщению рынка товарами и услугами, преодолению монополизма и увеличению уровня конкуренции.

Литература

1. *Беляева Л.А.* Средний слой российского общества: проблемы обретения социального статуса // Социологические исследования. 1993. № 10. С. 13–22.

2. *Боконтаева Д.К.* Женщины – предприниматели Иссык-Куля. Устные истории успеха. Бишкек: Издательский Дом «Просвещение». 2003. 180 с.
3. *Шумпетер И.* Теория экономического развития. М.: Прогресс, 1982. 400 с.
4. *Чирикова А.Е.* Женщина во главе фирмы (проблемы становления женского предпринимательства в России) // Вопросы экономики. 1999. № 3. С. 55–56.
5. Малое и среднее предпринимательство в Кыргызской Республике: 2014–2018 // Нацстатком Кыргызской Республики. 2019. 204 с.
6. Транскрип интервью Кульнара, кыргызка, 51 год, высшее образование, владеет частным магазином «Карылгач»;
7. Транскрип интервью Наташа, кореянка, 65 лет, высшее образование, владеет кафе, павильоном по продаже корейских салатов;
8. Транскрип интервью Асылгуль, кыргызка, 44 года, высшее образование, владеет павильоном по продаже косметики и мыло-моющих изделий;
9. Транскрип интервью Эльмира, татарка, 68 лет, среднеспециальное образование; владелица частного кафе;
10. Транскрип интервью Мира, дунганка,67 лет, высшее образование, владеет посудным отделом в торговом комплексе «Кумтор»;
11. Транскрип интервью Мунара, кыргызска, 38 лет, высшее образование, владелица свадебного салона в торговом комплексе «Кумтор»;
12. Транскрип интервью Нурлан, 33 года, кыргыз, высшее образование, руководитель туристической компании «Визит Каракол»;
13. Транскрип интервью Юнус, дунганин 56 лет, высшее образование, владелиц магазинов, гостиница «Азия».
14. Транскрип интервью Давран, узбек, 55лет, высшее образование, владелец кафе «Зарина»;
15. Транскрип интервью Сулайман, дунганин, 53 года, высшее образование, владелец стоматологической клиники «Ви Ва Дент», кафе «Кочевник», гостиница «Элита»;
16. Транскрип интервью Мурат, 33 года, кыргыз, высшее образование, владелец детского-развлекательного комплекса «Радуга»;
17. Транскрип интервью Василий, украинец, 40 лет, высшее образование, владелец торгового комплекса «Империя электроники»;

СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И АУДИТ: ВАЖНЫЕ ФАКТОРЫ ВНЕДРЕНИЯ НАЦПРОЕКТОВ

Галиев Г.Т.
Уфимский государственный нефтяной технический университет
Россия, г. Уфа

Аннотация. Предлагаемая работа посвящена весьма актуальной для российской экономики – социальные технологии и аудит, как важные инструменты внедрения нацпроектов. Рассматриваются теоретические и методологические аспекты этой проблемы, даются рекомендации пошаговому внедрению. Широкий объективный характер социального аудита сужает возможности для популистской демагогии – способствует транспарентности общества и эффективного внедрения нацпроектов.

Ключевые слова: социальные технологии, социальный аудит, аудит конкурентоспособности, внутренний аудит, внешний аудит, социология управления, национальный проект.

Кризис экономики на глобальном уровне не преодолен и после санкций находится в состоянии напряженной турбулентности, все это требует от государства выверенной программы по реализации национальных проектов.

Крайне важно определение вектора эффективного внедрения нацпроектов. И не менее актуален вопрос: «Как управлять этими процессами? Какими средствами, ресурсами, методами?».

Перед нами во весь рост встала задача научиться проектировать и эффективно использовать социальные технологии («СТ») в реализации нацпроектов.

Практическое применение теории социальной технологии («СТ») в исследовании социально-экономического пространства появилось под влиянием теорий социологии, изучающих социум как целостное явление. В 1990 году, в г. Феодосии на I форуме социальных технологов было предложено распространить «социально-технологический» подход к исследованию всех сторон жизни человека в социуме. Этот подход базируется не на обобщении эмпирического опыта, а на достижении всей совокупности научного знания.

В социологии управления утверждается особый аспект – социально-технологический, а социальная технология институализируется в качестве отдельной области знания. Сегодня ставится задача – дать обоснование социально-технологического подхода как особого направления в реализации нацпроектов. Его внедрение связывается с определением устойчивости и изменчивости социально-экономического развития. Такой подход напрямую связан с развитием социальной технологии: чем более совершенны, научно выверены методы, способы, процедуры, характеризующие деятельность субъекта управления, тем в большей степени национальные проекты, сориентированы на включение человека в социальную деятельность, удовлетворение его потребностей, развертывание его сущностного потенциала, воспроизводство жизненных сил, т.е. апдейт (обновление) социальной среды человека.

Исследование сущности социальных технологий показывает, что она также может быть раскрыта как система методов выявления и использования скрытых потенциалов в реализации нацпроектов.

Этому служит формализация и разбивки СТ на составляющие элементы с помощью операций и процедур (процедура – набор действий, с помощью которых осуществляет управление процессом; операция – непосредственное действие, путь решения определенной социальной задачи в рамках данной процедуры).

В целом теория социальных технологий выступает в двух формах: как структурный элемент любой системы, технологически оформленный программный продукт и как управленческая деятельность.

Необходимость СТ связано с расширяющейся потребностью оптимизировать систему управления по внедрению нацпроектов и это служит оптимальным выходом из разбалансированности социального пространства, которая достигает угрожающих масштабов.

Разработка, конструирование социальной технологии в реализации нацпроектов имеет три этапа:

1. Теоретический – определение цели, объекта технологизации; расщепление социального объекта на составляющие и выявление социальных связей.

2. Методический – выбор методов, средств получения информации, ее обработки, анализа, принципов ее трансформации в конкретные выводы и рекомендации.

3. Процедурный – организация практической деятельности по разработке социальных технологий.

Совокупность теории, методики, процедуры представляет систему разработки социальных технологий. Она включает, в свою очередь, ряд процедур, каждая из которых есть совокупность конкретных операций.

Теория социальной технологизации перешагнула границы экономики, отдельных сфер и стала универсальным инновационным и интеллектуальным ресурсом, во многом определяющим состояние управляемости социальными процессами, сбалансированности сложных социальных систем. Концепция социальных технологий дает возможность критически оценивать управленческий процесс в реализации нацпроектов. Анализ управленческих практик

и технологий может быть востребован для развития управленческих рефлексий субъектов социального взаимодействия, что дает возможность субъектам управления в реализации нацпроектов выбирать оптимальные стратегии. Вместе с тем следует подчеркнуть, что на пути технологизации нацпроектов необходимо учитывать ряд обстоятельств. Опыт показывает, что любая социальная инновация может быть доведена до абсурда. Это особенно справедливо, когда процесс ее разработки и внедрения нацпроектов осуществляется в условиях низкой управленческой культуры, стагнации в развитии и господства догматического стиля мышления. В таких условиях наряду с позитивными изменениями непродуманная практика разработки и использования СТ в нацпроектах может вызвать негативные тенденции.

Оптимизация нацпроектов в условиях спада экономики позволит осуществить переход на всесторонне обоснованный, технологически рассчитанный метод управления социально-экономическими процессами. В сфере социально-трудовых отношений появятся новые инструменты (аудит конкурентоспособности, социальный аудит, социальные технологии регулирования отношений между наёмными работниками и работодателями и т.д.).

В этих условиях востребованным становится социальный аудит – технология многовекторного диалога с социальной средой, способствующий конкурентоспособности бизнеса, консолидации общества, устойчивому развитию в долгосрочной перспективе. Внедрение социального аудита, позволяют выявить причины возникновения социальных проблем, проанализировать факторы социальных рисков в условиях рецессии и выработать предложения по снижению их воздействия, определить, насколько профессионально и качественно политические, социальные и общественные институты выполняют «социальный заказ», реализуют нацпроекты, оправдывают ожидания населения. Для этого необходимо разрабатывать показатели и индикаторы, которые будут отражать вклад бизнеса по внедрению нацпроектов, поскольку социальная отчетность – это инструмент управления репутацией организации и важный ресурс оптимизации социального партнёрства. Это по сути самовестернезация, которая осуществляется для достижения внутренней цели развития.

Особо следует подчеркнуть, что среди всех российский регионов именно Башкортостан проявил наибольший интерес к социальному аудиту. Большую роль в этом сыграл д.с.н. профессор Г.Т. Галиев: он был одним из первых исследователей социального аудита и инициатором проведения Международной научно-практической конференции по проблемам социального аудита, организовал несколько «круглых столов», под его руководством была издана серия публикаций, посвященных этой проблеме.

Так в чем же суть социального аудита? Каковы его возможности во внедрении нацпроектов?

Социальный аудит дает возможность:

Оценить экспектацию регионов в выполнении нацпроектов в области человеческих ресурсов; экологии, охраны здоровья и безопасности, отношений с местным сообществом;

Определить потери от социально безответственного поведения бизнеса во внедрении нацпроектов, прежде всего входящие в текущие расходы, потери прибыли при страховых выплатах и штрафах.

Внедрение социального аудита в систему нацпроектов придаст ей новый импульс в ее развитии. Подобная система способствовала бы сохранению политической и социальной стабильности в стране.

Основными объектами социального аудита в реализации нацпроектов является внутренний и внешний аудит.

1. Внутренний аудит нацпроектов оценивает качество политики в отношении персонала, условия и безопасность труда, социально-трудовые и межличностные отношения в коллективе, т.е. выявляет затраты на решение социальных вопросов наемных работников и членов их семей в организации (схема 1).

2. Внешний аудит нацпроектов выявляет затраты на решение социальных вопросов вне организации, т.е. позволяет оценивать экологические программы, систему менеджмента ка-

чества, взаимодействие с поставщиками, партнерами, покупателями, участие в мероприятиях местного сообщества, корпоративную благотворительность и т.д.

Выявив по исследуемым показателям существенные отклонения, определив факторы влияния и возможные социально-трудовые риски, аудит позволит разработать рекомендации необходимые для приведения изучаемых показателей к требуемому уровню нацпроектов.

Логичным продолжением социального аудита могут стать и другие аспекты социальной деятельности организаций.

Рассмотрим восемь шагов внедрения социального аудита в нацпроекты.

Шаг первый – необходимо получить согласие и обеспечить вовлеченность бизнеса. Желание работодателя провести социальныи аудит возникает чаще всего тогда, когда в компания что-то не так, причем традиционными способами не удаетея выяснить. Что именно и как с этим справиться?

Шаг второй – формирование управляюшего комитета по проведению социального аудита. Как правило этот комитет состоит из менеджеров компании, представляющих ведущие подразделения, и из менеджеров, которые будут непосредственно участвовать в проведении социального аудита, нацпроектов.

Шаг третий – создание рабочей группы аудиторов. Как правило, это рабочая группа, в которую входят эксперты по организационному развятию, ведущие менеджеры и работники тех подразделений организации, в чье ведение входят вопросы социальной ответственности. Рабочая группа разрабатывает методологию обследования и вопросник или использует имеющяеся методики, адаптируя их к конкретному предприятию. Рабочая группа исследует насколько реальная практика организации в этом регионе.

Шаг четвертый – проведение диагностики в ходе внедрения нацпроектов и выявление функциональных областей, которые требуют анализа и улучшений. Охрана окружающсй среды, отпошеиия с местиыми сообществами. В зависимости от потребностей организации целевые группы исследования могут быть расширены (например, отношения инвесторов с местной и федеральной властью).

Шаг пятый – анализ развития нацпроектов и выделение областей и сфер деятельности, заложенных в ней, которые не совпадают с реальной практикой.

Шаг шестой – поиск видимых и скрытых причин и рисков, по которым цели нацпроектов и реальная практика не совпадают.

Шаг седьмой – проведение аудита с заинтересованными и вовлеченными в нацпроекты стейкхолдерами (потребители продукции и услуг, сотрудники организации, визионеры, партнеры, местные и федеральные чиновники) для выяснения их ожиданий от внедрения нацпроектов.

Шаг восьмой – составление итогового отчета о деятельности бизнес-структуры по внедрению нацпроектов.

Обобщение полученных результатов дает возможность оценить качество реализации нацпроектов как в пределах одной отрасли, так и в регионе. Научная новизна данной работы заключается в следующем: предложена авторская интерпретация социально-управленческой технологии в реализации нацпроектов

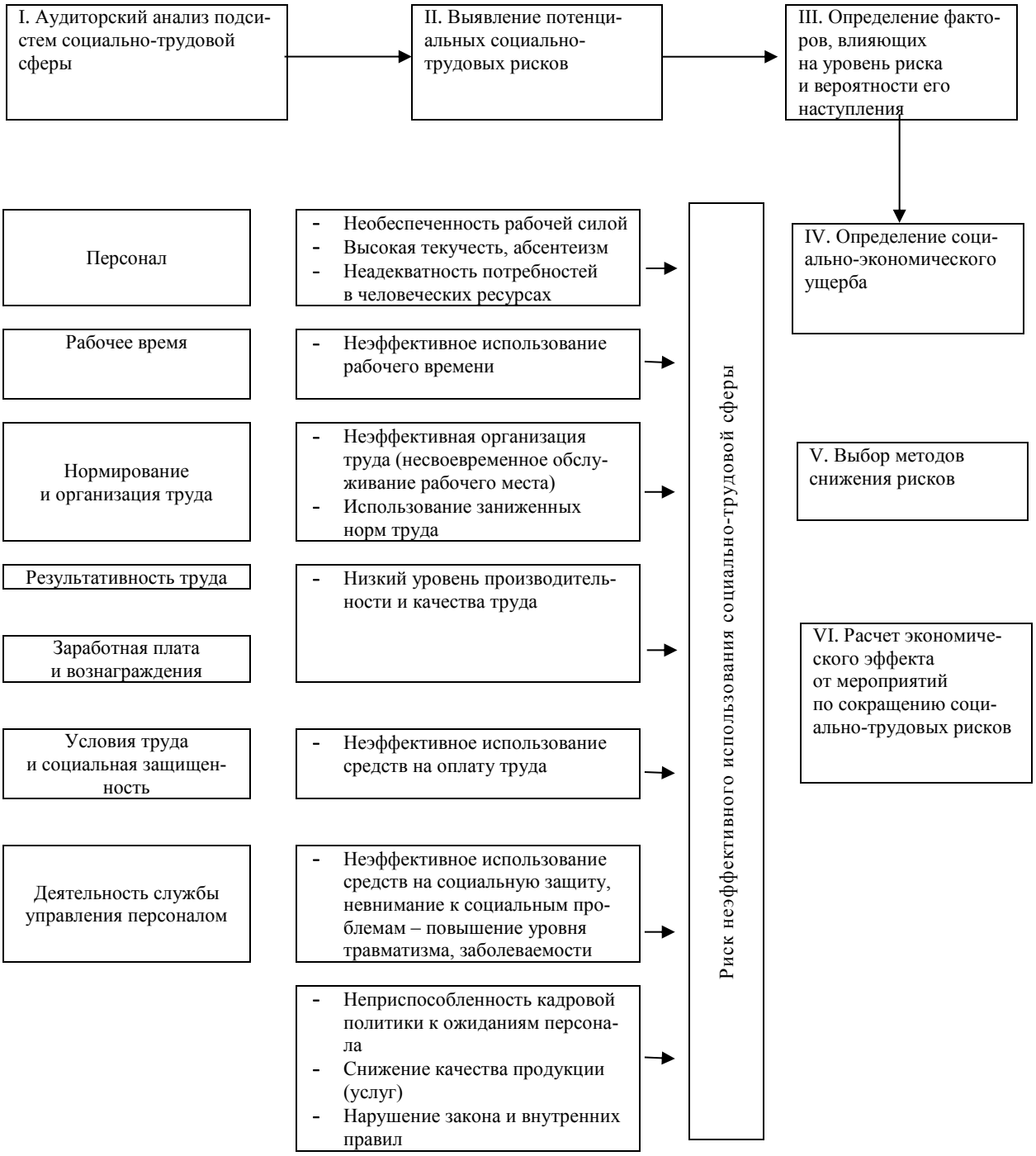


Рис. 1. Процесс управления социально-трудовыми рисками при проведении социального аудита в реализации нацпроектов

Литература

1. *Галиев Г.Т., Иванов В.Н., Патрушев В.И.* Социальные технологии. Уфа: Издательство БашГУ, 2002. 340 с.
2. *Галиев Г.Т.* Основы теории социальной технологии. Учебное пособие. Уфа: Издательство БашГУ, 2005. 250 с.
3. *Стефанов Н.* Общественные науки и социальная технология. М.: Издательство «Прогресс», 1976. 183 с.
4. *Галиев Г.Т.* Основы социального аудита. Уфа: РИО БИСТ, 2007. 237 с.

5. *Галиев Г.Т., Галиева Н.Н., Дружинина Т.Г.* Технологическое управление социальными процессами. Уфа: Издательство «Гилем», 2008. 550 с.
6. *Галиев Г.Т., Патрушев В.И.* Социальные технологии. Ресурсы. Аудит. Уфа: Издательство «Гилем», 2011. 239 с.

ЭТНОЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ В ВОЛГО-УРАЛЬСКОМ МАКРОРЕГИОНЕ ЕВРАЗИЙСКОГО КОНТИНЕНТА В XX ВЕКЕ (НА ПРИМЕРЕ БАШКОРТОСТАНА И ТАТАРСТАНА)

Галлямов Р.Р.[1], Мавляутдинов И.С.[2]

Институт стратегических исследований РБ,
Россия, г. Уфа
Казанский федеральный университет,
Россия, г. Казань

Аннотация. Анализируются этноязыковые процессы в Башкортостане и Татарстане, как ключевых республиках Волго-Уральского макрорегиона, развивающиеся на протяжении XX века.

Ключевые слова: этноязыковые процессы, двуязычие, этноязыковая ассимиляция.

Республики Башкортостан и Татарстан, географически находящиеся в Среднем Поволжье, Приуралье и на Южном Урале, занимают значительную часть Урало-Поволжского макрорегиона России. Так, Башкортостан, с точки зрения территориального (143,6 тысяч кв. км.), демографического (почти 4, 037 млн. чел.) и экономического потенциала она занимает первое место в Приволжском федеральном округе и седьмое место в Российской Федерации. Татарстан (площадь 67, 8 тыс. км², население 3,9 млн. чел.) отстает от Башкортостана только по занимаемой территории, почти сравнявшись с ним по проживающему там населению.

Башкортостан является одним из самых полиэтничных регионов в масштабах всего Российского государства, по индексу этнической мозаичности (смешанности) он занимает прочное второе место после Дагестана, образно называемого «страной ста народов». Этническую основу населения Республики Башкортостан составляют башкиры (29,5%), русские (36%), татары (25,4%), а также несколько тюркских (чуваши – 2,7%), финно-угорских (марийцы – 2,6%, удмурты – 0,5%, мордва – 0,5%) и славянских народов (украинцы – 1,0%, белорусы – 0,3%), издревле проживающих на этой территории. Динамика этнического состава населения Башкортостана в течение последних ста лет характеризуется следующими показателями (см. табл. 1).

Таблица 1

Динамика национального состава населения Республики Башкортостан 1925-2010 гг.

Национальности	1926		1939		1959		1970		1979		1989		2002		2010	
	Численность	Уд. вес	Численность	Уд. вес	Численность	Уд. вес	Численность	Уд. вес	Численность	Уд. вес	Численность	Уд. вес	Численность	Уд. вес	Численность	Уд. вес
Все население	2665836	100	3158969	100	3341609	100	3818075	100	3844280	100	3943113	100	4104336	100	4072292	100
башкиры	625845	23,47	671188	21,25	737711	22,07	892248	23,36	935880	24,3	863808	21,9	1221302	29,8	1172287	29,5
татары	631867	23, 7	777230	24, 6	768566	22,99	994507	26,04	940446	24,5	1120702	28,4	990702	24,1	1009295	25,4
русские	1064707	39,93	1281347	40,56	1418147	42,44	1546304	40,49	1547893	40,3	1548291	39,3	1490713	36,3	1432906	36,0
чуваши	84886	3,18	106892	3,38	109970	3,29	126638	3,32	122344	3,2	118509	3,0	117317	2,9	107450	2,7
марийцы	79298	2,97	90163	2,85	93902	2,81	109638	2,87	106793	2,8	105768	2,7	105829	2,6	103658	2,6
украинцы	76710	2,87	92289	2,92	83594	2,5	76005	1,99	75571	2,0	74990	1,9	55249	1,3	39 875	1,0
мордва	49813	1,86	57826	1,83	43582	1,3	40745	1,06	35900	0,9	31923	0,8	26020	0,6	20300	0,5
удмурты	23256	0,87	25103	0.79	25388	0,75	27918	0,73	25 906	0,7	23696	0,6	22625	0,5	21477	0,5
белорусы	18281	0,68	23761	0,75	29792	0,62	17985	0,47	17 393	0,4	17038	0,4	17117	0,4	11686	0,3
др. нац.	35722	1.34	33675	1,07	40767	1,22	36987	0,94	36 154	0,9	38 388	1,0	57 460	1,3	55792	1,4

* Таблица составлена по материалам Всесоюзных (1926, 1939, 1959, 1970, 1979, 1989 гг.) и Всероссийских (2002, 2010 гг.) переписей населения

В Республике Татарстан проживают представители 115 национальностей, главным образом татары и русские. Численность татар составляет чуть более половины населения республики (53,2 % на 2010 год). На втором месте по численности в населении республики располагаются русские (39,7 % на 2010 год). Динамика развития этнического состава населения Татарстана в течение последнего столетия может быть представлена следующим образом. (см. табл.2).

Таблица 2

Динамика национального состава населения Республики Татарстан 1920–2020 гг.

Народ	1920 год тыс. чел.	1926 год тыс. чел.	1939 год тыс. чел	1959 год тыс. чел.	1970 год тыс. чел.	1979 год тыс. чел.	1989 год тыс. чел.	2002 год тыс. чел.	2010 год тыс. чел.
Татары	1306,2 (44,7 %)	1263,4 (48,7 %)	1421,5 (48,8 %)	1345,2 (47,2 %)	1536,4 (49,1 %)	1641,6 (47,6 %)	1765,4 (48,5 %)	2000,1 (52,9 %)	2012,6 (53,2 %)
В том числе – кряшены	-	99,0 (3,8 %)	-	-	-	-	-	18,8	30,0
Русские	1205,3 (41,2 %)	1118,8 (43,1 %)	1250,7 (42,9 %)	1252,4 (43,9 %)	1328,7 (42,4 %)	1516,0 (44,0 %)	1575,4 (43,3 %)	1492,6 (39,5 %)	1501,4 (39,7 %)
Чуваши	173,9 (5,9 %)	127,3 (4,9 %)	138,9 (4,8 %)	143,6 (5,0 %)	153,5 (4,9 %)	147,1 (4,3 %)	143,2 (3,7 %)	126,5 (3,3 %)	116,3 (3,1 %)
Удмурты	19,0	23,9	25,9	22,7	24,5	25,3	24,8	24,2	23,5
Мордва	40,2 (1,4 %)	35,1 (1,4 %)	35,8 (1,2 %)	32,9 (1,2 %)	31,0	29,9	28,9	23,7	19,2
Марийцы	22,5	13,1	14,0	13,5	15,6	16,8	19,4	18,8	18,8
Украинцы	3,2	3,1	13,1	16,1	16,9	28,6	32,8	24,2	18,2
Башкиры	139,9 (4,8 %)	1,8	0,9	2,1	2,9	9,3	19,1	14,9	13,7
Азербайджанцы	0	0,01	0,1	0,3	0,4	1,3	3,9	10,0	9,5
Узбеки	0	0,01	0,2	0,5	0,5	1,2	2,7	4,9	8,9
Армяне	0,001	0,1	0,4	0,6	0,5	1,2	1,8	5,9	6,0
Таджики	0	0	0,02	0	0,1	0,2	0,7	3,6	5,9

*Таблица составлена по материалам республиканской (1920 г.), Всесоюзных (1926, 1939, 1959, 1970, 1979, 1989 гг.) и Всероссийских (2002, 2010 гг.) переписей населения

Волго-Уральский макрорегион Евразийского континента, включающий российские республики Башкортостан и Татарстан, представляет собой, в этническом и конфессиональном смысле, один из самых сложных и противоречивых регионов России. Данная ситуация детерминируется следующими обстоятельствами. Во-первых, этническая мозаичность (смешанность) населения этого макрорегиона является одной из самых высоких на всей территории бывшего Советского Союза и уступает в Российской Федерации только аналогичному показателю Дагестана и Северного Кавказа – в целом. Наряду со значительным анклавом русского населения, а также – украинцев и белорусов, распространившихся на этой территории с конца XVI века и, особенно, к началу XX века, вместе с титульными для данных республик башкирами и татарами, в течение нескольких столетий здесь проживают и сформировались в этнонации представители нескольких финно-угорских (мари, удмурты, мордва) и других тюркских (чуваши) народов. Количественное соотношение трех наиболее многочисленных этнических групп в Башкортостане (башкиры, русские и татары) и в Татарстане (татары и русские) имеет сопоставимые значения.

Во-вторых, в этническом и социокультурном значении именно данный макрорегион Евразийского континента на протяжении двух последних тысячелетий человеческой истории был зоной непрерывного взаимодействия нескольких колоссальных, по своим масштабам, миграционных потоков различных этнических групп с Востока на Запад и наоборот. Это привело к тому, что в Башкортостане и Татарстане, а также - на прилегающих к ним территориях Урало-Поволжья, в течение нескольких столетий, «отложились» различные культуры, конфессии и этносы, каждый из которых вполне можно назвать «автохтонным» по отношению к этому региону. У этнологов подобные, очень специфические по этническому и конфессиональному составу населения макрорегионы определяются как историко-этнографические области (ИЭО), применительно к данному макрорегиону он называется Волго-Уральской ИЭО [1]. Являясь зоной самого интенсивного взаимодействия западной и восточной цивилизаций, этот макрорегион, как показывает анализ общественно-

политического опыта, подтверждает свое значение территории «цивилизационного столкновения» по Самуэлю Хантингтону.

Общепризнанно, что одну из ключевых ролей в межэтническом и межконфессиональном диалоге в Башкортостане и Татарстане, особенно – на уровне элит, играют такие крупнейшие, в масштабах данной территории, народы как: русские, а также – башкиры и татары. Последние, как чрезвычайно близкородственные в этнокультурном, этноязыковом, этногенетическом и конфессиональном значении этносы, вместе с тем, обладают достаточно большими различиями в осуществлении межэтнического и межконфессионального взаимодействия.

В данной статье авторы рассматривают такие две важнейшие группы этноязыковых процессов, происходящих в Урало-Поволжском макрорегионе в течение XX столетия, как: двуязычие (билингвизм) и этноязыковая ассимиляция.

Билингвизм и тенденции его развития в XX веке.

В научной литературе, как известно, двуязычие трактуется как: практика попеременного пользования двумя языками [2], владение двумя языками и умение с их помощью осуществлять успешную коммуникацию (даже при минимальном знании языков) или одинаково совершенное владение двумя языками, умение в равной степени использо-вать их в необходимых условиях общения [3].

При этом, билингвизм классифицируется по более чем пятнадцати групповым признакам, а выделяется около пятидесяти его видов.

Для нас наибольший интерес представляет эволюция типов билингвизма по направленности: национально – русское русско-национальное двуязычие.

Если анализировать национально-русский билингвизм, то начиная со Всесоюзной переписи 1970 года данные о свободном владении вторым языком начали закладываться в статистическую отчетность нашей страны. В связи с этим есть возможность проследить динамику национально-русского двуязычия в последнее пятидесятилетие как в целом по республикам, так и, что особенно для нас важно по городскому населению. По Башкортостану эта динамика характеризуется следующими показателями (см. табл.3).

Таблица 3

Национально-русское двуязычие (свободное владение русским языком) среди башкир и татар Башкортостана в динамике, %

Национальность	1970		1979		1989		1994	
	всего	город	всего	город	всего	город	всего	город
Башкиры	49,4	85,0	65,2	88,9	78,5	90,6	81,0	91,0
Татары	64,9	87,2	78,0	90,2	83,0	91,8	87,0	92,0

Анализ данной таблицы показывает, что несмотря на имеющееся уже к 1970 году преобладание национально-русского двуязычия над моноязычием (причем в городах - подавляющее), среди башкир и татар происходил постоянный и неуклонный рост степени владения русским языком, перевалившей к концу 1980-х годов в городах уже 90% отметку у обоих народов. Первоначальное порядковое отставание башкир от татар в рассматриваемом смысле было связано скорее всего опять же с относительно поздним вступлением титульной нации республики в интенсивный урбанизационный процесс.

Нельзя не заметить и сравнительно резкий скачок национально-русского билингвизма в Башкортостане в 1970-е годы, детерминированный, по-видимому, известными правительственными мероприятиями по переводу национальных школ в РСФСР с начала 1970-х годов на русский язык обучения. Если рассматривать развитие двуязычия у титульных народов Урало-Поволжья в целом (у татар и башкир – в том числе), по результатам последних переписей он выглядит следующим образом (см. табл. 4).

Таблица 4

Динамика владения русским языком титульными этносами
Урало-Поволжья в пределах своих республик, %

Титульные этносы	2002 г.	2010 г.
Башкиры	92,9	96,9
Марийцы	96,9	98,5
Мордва	98,7	99,5
Татары	92,9	95,8
Удмурты	98,4	99,2
Чуваши	95,6	97,9

Характерно, что если в целом по этническим группам, населяющим макрорегион, различие в степени распространения двуязычия у башкир и татар, хотя и постепенно, выравнивается, но остается на всем протяжении последней четверти XX века существенным, то в городских условиях этой дифференциации практически не существует. Это еще раз подтверждает вывод о том, что основной причиной этноязыковых различий у нерусских народов Башкортостана и макрорегиона в целом являются не те или иные особенности социолингвистического поведения этносов, а масштабы их вовлечения в глобальные социально-территориальные и общественно-экономические процессы (индустриализация, урбанизация и т.д.). При этом нельзя не заметить, что в этнонациональной деревне, несмотря на высокий статистический показатель двуязычия, владение русским языком осуществляется скорее в форме возможности, способности селянина говорить на втором языке, а реальное речевое поведение выступает в моноязычном виде. В городе же билингвизм и в сфере употребления был и остается реальностью, имея кстати устойчивую тенденцию к вытеснению своего «этнонационального крыла» даже из семейно-родственных отношений. Показательны, в указанном смысле, результаты анализа возрастной дифференциации во владении русским языком среди башкир и татар уже на материалах последних всесоюзных переписей (1979 и 1989 гг.). Например, если перепись 1989 года зафиксировала степень владения русской речью у башкир и татар в возрасте от 20 до 30 лет на уровне 92,3% и 91,6% – соответственно, то доля этих народов, признавших, что свободно говорят на русском языке в возрасте 60 лет и старше составила 41,7% и 50,2%. В городских условиях это расхождение выглядит менее разительным (90,2% и 89,5% – у молодого поколения и 72,3% и 77,9% – у старейшего) в связи с тем, что, с одной стороны, подавляющая часть сельской национальной молодежи мигрирует в город, с другой – значительное количество татар и башкир среди горожан старейшего поколения уже прошло «русскоязычную» городскую социализацию. Результаты переписи 1979 года полностью согласуются с материалами последнего Всесоюзного статистического обследования населения.

В условиях значительного роста национального самосознания титульных народов в республиках России, возрождения этнических ценностей, а самое главное - многократного возрастания «национально-государственного» фактора в этнических процессах не только на территории бывшего СССР, но и в самой Российской Федерации, чрезвычайно актуализируется роль русско-национального билингвизма в национальных республиках. Однако, как показывает анализ динамики развития русско-башкирского и русско-татарского двуязычия в последнее двадцатипятилетие, например, в Башкортостане, оно выражается цифрами, практически близкими к нулю, и имеет тенденцию еще большего сокращения (см. табл. 5). В городах число русских, владеющих языком титульного этноса и близкого к нему татарского народа, и в абсолютном и в относительном значении еще меньше, чем по республике в целом. Несмотря на огромную мозаичность этнического состава городов Башкортостана, почти все русское городское население, по результатам последних переписей, не понимает башкирский и татарский языки. Результаты социологических исследований при этом фикси-

руют несколько больший уровень русско-национальной языковой компетентности. Например, среди респондентов в семи городах республики, опрошенных в 1990-е годы, 1,7% русских отметили свое свободное владение татарским и 0,6% башкирским языками. Еще 2,3% и 3,3% русских респондентов характеризовали свое знание соответствующих языков как владение «с затруднениями». И наконец, 5,7% и 5,0% респондентов в городах ответили, что могут разговаривать на башкирском и татарском языках, но «с большим трудом». К последним, на наш взгляд, относятся те представители городского русского населения, которые, имея большой опыт общения в нерусской языковой среде и постоянно слушая нерусскую речь, приобрели некоторые навыки понимания тюркских языков республики, но разговаривать так и не научились.

Таблица 5

Русско-национальное (русско-башкирское и русско-татарское) двуязычие в Башкортостане в динамике, %

1970				1979				1989			
Русско-башкирское		Русско-татарское		Русско-башкирское		Русско-татарское		Русско-башкирское		Русско-татарское	
всего	город	всего	город	всего	город	всего	город	всего	город	всего	город
0,2	0,12	0,6	0,5	0,2	0,1	0,5	0,4	0,2	0,2	0,7	0,5

Таблица 6

Динамика доли русских, владеющих титульными языками российских республик Урало-Поволжья (по данным Всесоюзных и Всероссийских переписей населения), %

Титульные языки	1979 г.	1989 г.	2002 г.	2010 г.
Башкирский	0,2	0,2	1,0	1,0
Марийский	1,1	1,3	1,7	1,5
Мордовский	0,6	0,8	1,4	1,1
Татарский	0,9	1,1	4,3	3,5
Удмуртский	1,4	1,4	1,6	1,2
Чувашский	2,8	2,4	4,7	3,9

По результатам анализа статистических данных о развитии русско-национального двуязычия в республиках Урало-Поволжья в целом, начиная с конца 1970-х годов до сегодняшних дней, наблюдается некоторый рост этого показателя, в некоторых случаях – существенный, но опять – только в пределах статистической погрешности, то есть исчисляемый единицами процентов (см. табл. 6). При этом наибольшие показатели русско-национального двуязычия демонстрируются в Татарстане (рост почти в четыре раза), где в последнее двадцатилетие проводилась этноориентированная политика в изучении титульного языка в школах, и в Чувашии, где титульное население сильно доминирует (67,8 %) над другими. Наибольший рост данного показателя наблюдается в Башкортостане у титульного этноса (пять раз), но он не превышает одного процента.

Практически полное отсутствие русско-национального билингвизма в этноязыковом развитии Урало-Поволжского макрорегиона на протяжении последнего сорокалетия было вызвано не только доминированием русского языка во всех сферах деловой, производственной и административной жизни, но в немалой степени невозможностью получить некоторые, хотя бы элементарные знания о национальных языках в системе школьного городского образования как русскими, так и башкирами, и татарами. Не случайно, по результатам социологических исследований, немалая часть лиц нерусской национальности не только не знает родного языка, но и (что самое драматичное) не испытывает потребности в его изучении. Осуществляемое многие десятилетия безраздельное господство русского языка в школьном

образовании городов Урало-Поволжья, в отличие от союзных республик бывшего СССР, где национальные языки титульных этносов преподавались в качестве обязательного предмета, привело к тому, что с началом демократических преобразований в стране, а на основе этого – появления решений о введении обучения. национальным языкам, значительная часть городского населения (в том числе – нерусского) неоднозначно восприняла идею изучения языка титульной национальности. Например, проведенное в 1992 году специалистами центра социологии межнациональных отношений ИСПИ РАН исследование в ряде региональных и республиканских центров-городов Российской Федерации показало, что в области политики преподавания языков титульной национальности и русского в школах, в вопросе о языковой переподготовке старших возрастных групп населения и т.д. респонденты ориентированы в значительной мере на этноязыковое поведение, выражаемое формулой: «Знание русского языка обязательно для всех, а знание языка титульной национальности - личное дело каждого». Таким образом ответили в разных столицах республик России от 38 до 58% опрошенных (в Уфе – 53%). Обратная пропорция (язык титульного этноса – обязательно, а русский – личное дело каждого) нашла поддержку только у (1-8%) ответивших по регионам (в Уфе – 4%). Вместе с тем значительное число сторонников набрал один из наиболее демократичных (во всяком случае – при данном опросе) принципов этноязыкового поведения – «Знание того или иного языка – личное дело каждого. Должностные лица обязаны знать русский язык и язык коренной национальности по своему положению» – от 30 до 34% – по регионам, в Уфе – 31% [4].

Феномен этноязыковой ассимиляции: теоретический подход и реальные процессы.

Вторым этноязыковым явлением, рассматриваемым в данной статье, выступает процесс этноязыковой ассимиляции нерусских народов исследуемого макрорегиона. Что же представляет собой сам феномен этноязыковой ассимиляции, с точки зрения сущностного содержания и основных эволюционных этапов этого процесса? В своей работе, опубликованной двадцать лет назад, когда в отечественной науке происходило разрушение различного рода идеологических запретов и появились работы, посвященные изучению реальных этносоциальных явлений, которым ранее не придавали значения, один из авторов данной статьи предложил определение и структурное описание такого вида этноязыковых процессов как *этноязыковая ассимиляция.* [5]. Позднее это определение даже вошло в некоторые общероссийские справочные издания [6]. Таким образом, *этноязыковая ассимиляция – это решающий этап этнической ассимиляции, процесс утери тем или иным этносом, в условиях иноязыковой среды, родного языка в качестве средства общения, в том числе — в сфере внутриэтнической коммуникации, и наконец – замена родного языка каким-то другим языком, признание последнего родным.*

Основные этапы противоречивого процесса этноязыковой ассимиляции представляются нам следующими. Во-первых, это период этноязыковой жизни, когда употребление родной речи сужается до уровня семейно-родственного общения, сохраняясь, в лучшем случае, для соседского общения с соплеменниками. Этот этап, как показывают многочисленные, в том числе и мои исследования, переживают обычно этнические мигранты в город в первом поколении. Во-вторых, характерной особенностью следующего периода этноязыковой ассимиляции является широкое применение представителями нерусских народов в общении с соплеменниками: как значительного количества лексических элементов русского языка, так и смешанных форм языковой коммуникации. Например, родители обращаются к детям на родном языке, последние отвечают на русском, и наоборот. Подобная форма внутрисемейного языкового взаимодействия достаточно широко распространена среди городских башкир и татар, а также – других нерусских этнических групп Башкортостана. В-третьих, в ходе следующего, третьего этапа этноязыковой ассимиляции происходит полная замена родного языка русским во всех сферах словоупотребления, в том числе - в общении с соплеменниками, и в семье. Однако признание русского языка в качестве родного на этом этапе еще не происходит, языковая самоидентификация пока еще в целом согласуется с этнической. В-четвертых, наконец, на последнем этапе языковой ассимиляции осуществля-

ется замена родного языка русским, признание этого факта самим носителем сохраняющегося пока этнического самосознания.

Национальный язык, как известно, является не только орудием и средством накопления и передачи новым поколениям культуры, сформировавшейся в определенных этноареальных условиях, он выполняет также этнообъединительную функцию, являясь обязательной, имманентной частью этнической культуры. Согласно концепции лингвистической относительности Сепира-Уорфа, мир воспринимается и познается сквозь призму лексико-грамматических особенностей национального языка и поэтому даже частичная утеря каким-либо этнофором, и в целом – этносом, языка приводит к размыванию этнокультурной идентичности [7]. Именно поэтому, этноязыковая ассимиляция выступает решающим этапом этнокультурной и этноидентификационной ассимиляции народов, несмотря на то, что история человеческой цивилизации знает примеры сохранения этнической идентичности у некоторых дисперсно расселенных этносов даже при окончательной утере связей с родным этническим языком (евреи, армяне и др.).

Диахронный анализ развития абсолютной русскоязычности (т.е. признания русского языка в качестве родного) у нерусских народов Урало-Поволжья как в целом по макрорегиону, так и среди городского населения показывает, что динамика рассматриваемого этноязыкового явления почти адекватно отражает степень вовлечения тюркских этносов в урбанизационный процесс. Наибольший всплеск смены родного языка русским среди башкир и татар наблюдается с начала 1950-х годов, когда начинается первая волна «великого переселения» нерусских народов (особенно - татар) из деревни в город. То, что языковая ассимиляция башкир и татар происходит в основном в условиях города, подтверждается сопоставлением развития русскоязычности в целом по этносу и его городской составляющей: у башкир до самого конца 70-х годов, т.е. до начала интенсивного включения в урбанизационный процесс, смена родного языка на русский оставалась незначительной (2,7%), хотя в городах к этому времени уже достигала 8,2% от числа городских представителей этноса; у татар русскоязычная ассимиляция, по результатам переписей, к концу 70-х превысила 7%. При этом в городах еще к концу 1980-х годов свыше 10% татар назвали своим единственным родным языком русский (см. табл. 7.).

Более широкой языковой ассимиляции подверглись другие нерусские народы макрорегиона. Так, в 1989 году родным языком в городах, например, Башкортостана, республики назвали русский 61,7% украинцев; 73,0% белорусов, 88,0% евреев. Однако если русскоязычность последних вполне объяснима, так как, во-первых, они традиционно составляют в Башкирии в основном городское население и поэтому длительное время испытывают городское русскоязычное влияние, во-вторых, входят в общую с русской речью славянскую языковую группу, то большие, чем у башкир и татар, масштабы признания родным языком русского среди горожан-марийцев (19,4%), чувашей (28,5%) и удмуртов (21,5%) вызваны, скорее всего, этнотерриториальной оторванностью от «своих» национальных республик и чрезвычайно дисперсным расселением в городах. Последнее обстоятельство не позволяет сформировать сколько-нибудь устойчивые ареалы национально-языкового общения и приводит в конце концов к замене родного языка русским.

Исследование возрастных характеристик процесса замены родного языка на русский у башкир и татар в городах Башкортостана по своим результатам согласуется с динамикой вовлечения этих этносов в «городскую цивилизацию» и количественным значением, ролью различных по «городскому происхождению» поколений нынешних горожан. Поэтому среди молодежи до 20 лет доля башкир и татар, считающих своим родным языком русский, составляет соответственно 7,86% и 12,6%. Поколение от 20 до 40 лет также в значительной степени (особенно – у татар) родилось в городе, где и проходило этническую и языковую социализацию. В соответствии с этим у довольно большого процента горожан (3,89% – у башкир и 6,94% – у татар) основных тюркских народов среднего поколения также произошла замена родного языка на русский. Существенная разница по сравнению с более молодыми поколениями наблюдается по масштабам изменения родного языка у 40-60-летних башкир и татар.

Эта часть городского населения, являясь горожанами «в первом поколении», почти полностью переехала в свое время в город из родной деревни, поэтому среди лиц, признающих родным языком русский, составляет всего 1,39% и 3,45% соответственно. Наконец, у нерусских горожан самого старшего поколения (60 лет и старше) процесс замены родного языка русским статистически почти отсутствует, и распространен он, скорее всего, среди тех немногих башкир и татар, которые проживали в городах еще до начала индустриальных преобразований 30-х годов и Великой Отечественной войны (см. табл. 8.).

Таблица 7

Смена родного языка русским среди башкир и татар Башкортостана в динамике, %

Национальность	Доля лиц, признавших родным языком русский, %													
	1926		1939		1959		1970		1979		1989		1994	
	всего	гор.	всего	гор.	всего	гор.	всего	гор.	всего	гор.	всего	гор.	всего	гор.
Башкиры	0,03	0,45	0,25	1,09	1,03	4,38	1,5	6,3	2,7	8,2	4,6	9,6	4,2	9,7
Татары	0,075	0,54	0,23	1,2	1,89	4,28	3,3	6,7	5,4	8,5	6,6	10,3	6,8	10,8

Таблица 8

Степень признания русского языка родным у башкир и татар Башкортостана различных возрастов по переписи 1989 года, %

Национальность		Признают родным языком русский			
		15 до 20 лет	20-39 лет	40-59 лет	60 лет и старше
Башкиры	всего	7,86	3,83	1,44	0,48
	город	7,26	3,89	1,39	0,42
Татары	всего	12,0	5,78	2,04	0,65
	город	12,6	6,94	3,45	1,22

Если анализировать материалы новейших российских переписей населения, то приходишь к выводу о том, тенденции развития этноязыковой ассимиляции нерусских народов не только сохраняются, но существенно усиливаются. Методика всероссийских переписей 2002 и 2010 годов, к сожалению, не содержит показателя «родной язык» у представителей нерусских народов. Однако приблизительные значения русскоязычной ассимиляции вполне можно представить на основе компаративного анализа данных о степени владения родным и русским языком. Применительно к основным народам Башкортостана эти данные представлены в следующей таблице (см. табл. 9).

Как это хорошо видно из таблицы, у почти всех народов Башкортостана уровень владения русским языком от 10 до 30 с лишним процентов превышает уровень владения родным языком. Если в отношении башкирского народа (почти на треть татароязычного) данный феномен вполне понятен, то применительно к другим этническим группам, особенно – в отношении финно-угорских народов, данная статистическая закономерность может объяснима только русскоязычной ассимиляцией. Наибольшие показатели русскоязычной ассимиляции, как видно из таблицы, демонстрируют (в убывающей последовательности): украинцы (свыше 70 %); чуваши (более 35 %) и татары (свыше 30 %).

Таблица 9

Уровень владения родным и русским языками у нерусских народов Башкортостана (по результатам Всероссийских переписей населения 2002–2010 гг.)

Годы и языки	2002		2010	
национальности	родной	русский	родной	русский
башкиры	912202 (74,69%)	1135714 (93 %)	790383 (67,42%)	1130432 (96,43%)
татары	859748 (86,78%)	955368 (96,4%)	673567 (66,74%)	992594 (98,35%)
чуваши	91050 (77,61%)	114001 (97,2%)	69218 (64,42%)	106405 (99,04%)
марийцы	88605 (83,72%)	100308 (94,8%)	76184 (73,5%)	101126 (97,56%)
украинцы	19726 (35,7%)	54974 (99,5%)	11865 (29,76%)	39857 (99,95%)
удмурты	19102 (84,43%)	20662 (91,3%)	17473 (81,36%)	20591 (95,87%)

Выводы.

Первое. Волго-Уральский макрорегион Евразийского континента занимает особое место в системе этнонациональных отношений: как в диахронном значении, так и на современном этапе. Эта территория была, начиная с самого начала современной эры человечества, зоной самого интенсивного взаимодействия угро-финских, тюркских и славянских этноязыковых групп, в результате осуществленных массовых миграционных потоков с Востока на Запад и обратно. К началу XX века этноязыковая картина данного макрорегиона практически полностью стабилизировалась и привела к формированию на этой земле многочисленных этносов, постепенно перерастающих в нации, которые являются, с точки зрения проживания, «автохтонными» образованиями в рамках Российской империи. Этносы были расселены как концентрированно (в рамках отдельных территорий), так и довольно часто - чересполосно. В XX веке на территории данного макрорегиона произошли фундаментальные этноязыковые изменения, вызванные самыми разнообразными и глубинными расселенческими, социально-экономическими и общественно-политическими процессами, потрясающими нашу страну в этот период. К наиболее значимым такого рода изменениям несомненно относятся развитие билингвизма и этноязыковая ассимиляция нерусских народов.

Второе. Билингвизм, определяемый как владение двумя языками и умение с их помощью осуществлять успешную коммуникацию (даже при минимальном знании языков) или одинаково совершенное владение двумя языками, умение в равной степени использовать их в необходимых условиях общения, в направлении национально – русского двуязычия развивался, в течение столетия, очень большими темпами, достигнув к середине века более половины нерусского населения, а к его концу – почти абсолютных показателей, составляя, по результатам последней переписи, от 97 до 99 % от нерусского населения макрорегиона. В то же время, русско-национальное двуязычие, как показывает анализ материалов статистики и результатов репрезентативных социологических исследований, практически не развивалось, составляя немногим больше процента от числа русских, проживающих на данной территории. Наблюдался лишь небольшой всплеск роста такого типа билингвизма, да и только в двух российских республиках, в десятилетие, находящееся на границе миллениума между двумя тысячелетиями. В течение последних пятнадцати лет русско-национальное двуязычие опять пошло на спад.

Третье. Вместе с тем, как показывает анализ, на всей территории Волго-Уральского макрорегиона на протяжении всего XX столетия, особенно интенсивно - начиная со второй половины века, развивается этноязыковая ассимиляция – решающий этап этнической асси-

миляции, процесс утери тем или иным этносом, в условиях иноязыковой среды, родного языка в качестве средства общения, в том числе – в сфере внутриэтнической коммуникации, и наконец – замена родного языка каким-то другим языком, признание последнего родным. Анализ основных направлений распространения русского языка в разнообразных сферах жизнедеятельности и среди различных возрастов нерусского населения позволяет сформулировать вывод о формировании и устойчивом функционировании явления их этноязыковой ассимиляции в русскоязычной среде.

Четвертое. Основными «плацдармами», через которые происходит не только проникновение русского языка в этноречевой мир нерусских народов, но и в большей степени, вытеснение родного языка из всех сфер жизнедеятельности, замена последнего русской речью, особенно - у поколения, родившегося и выросшего в городе, выступают следующие факторы: а) молодое поколение нерусских горожан, сформировавшееся в условиях иноязычной городской среды и русскоязычного школьного образования, в значительной мере утрачивает даже те небольшие навыки общения на родной речи, которые появляются на ранних стадиях у детей в родственно-бытовой сфере. Национальная семья в этноязыковом смысле не выдерживает конкуренции с мощным давлением на подрастающее поколение языка улицы (очень важного для детей) и языка, на котором последнее получает образование; б) большое влияние оказывает распространение смешанных браков, масштабы распространения которого достаточно велики (от 16,2% на селе и 25,5% в городе). Социсследования фиксируют тот факт, что при выборе языка общения в национально-русских смешанных семьях даже взрослые, сформировавшиеся в этноязыковом смысле представители нерусских национальностей, предпочитают обращаться к родственникам не на родном, а на русском языке; в) определенное значение для вытеснения из употребления родного языка имеет речевое поведение нерусских горожан в производственной сфере, где безраздельно господствует русская речь. Даже у этнических мигрантов из села в город постоянное русскоязычное взаимодействие на работе, формирующееся в устойчивые этноязыковые навыки, проецируется затем постепенно на формы этноречевого общения в семье.

Литература

1. *Кузеев Р.Г.* Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: Этногенетический взгляд на историю. М.: Наука, 1992. 347 с.
2. *Ахунзянов Э.М.* Двуязычие и лексико-семантическая интерференция. Казань: Издательство КФУ, 1978. 264 с.
3. *Аюпова Л.Л.* Вопросы социолингвистики: типы двуязычия в Башкирии. Свердловск: Издательство Уральского университета, 1988. 69 с.
4. *Иванов В.Н.* Межнациональные отношения в регионах Российской Федерации (по данным социологических исследований). М., 1992. 34 с.
5. *Галлямов Р.Р.* Многонациональный город: этносоциологические очерки. Уфа: Издательство “Гилем”, 1996. 199 с.
6. *Тавадов Г.Т.* Этнология. Современный словарь-справочник. М.: Издательство «Диалог культур», 2011. 702 с.
7. *Уорф Б.Л.* Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в лингвистике. М.: Издательство иностранной литературы, 1960. С. 135–168.

ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ ГЛАЗАМИ НАСЕЛЕНИЯ: РЕЗУЛЬТАТЫ ПРОБНОГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН

Ганеева В.Р.
Казанский федеральный университет,
Россия, г. Казань

Аннотация. В статье представлены результаты пробного социологического исследования, проведенного среди населения Республики Татарстан с целью определения его отношения к трудовым мигрантам. Подобный мониторинг необходим для того, чтобы не допустить распространения настроений национализма и ксенофобии и возникновения межнациональных конфликтов в РТ.

Ключевые слова: трудовая миграция, миграционная политика, иммигрант, Татарстан, межнациональные отношения, общественное мнение.

Республика Татарстан – один из самых привлекательных регионов РФ для мигрантов, что определяется достойным уровнем жизни, развитой инфраструктурой, широкими возможностями для бизнеса и трудоустройства, высоким уровнем толерантности, спокойствием в поле межнациональных и межконфессиональных отношений. В связи с этим ежегодно увеличивается поток трудовых мигрантов в Республику – в 2018 г. на миграционный учет были поставлены свыше 345 тыс. представителей зарубежья (более 20% от общего количества прибывших в ПФО), что на 24% больше, чем в 2017 г. [4] Растущая экономика Республики испытывает потребность в трудовых ресурсах – так, по состоянию на конец февраля 2020 г. в РТ официально зарегистрированы в качестве безработных 12,35 тыс. человек, или 0,61% рабочей силы, а потребность предприятий в работниках, заявленная в службы занятости, составляет 40,2 тыс. человек [2], что обуславливает необходимость использования труда мигрантов.

В мировой практике либеральная миграционная парадигма в XXI в. постепенно сменяется на консервативную с селективными методами отбора и ограничениями [3, с. 4]. Подобная модель реализуется и в России. Немаловажную роль в ней играют организация миграционного учета, пограничного контроля, борьба с нелегальной миграций и предотвращение террористической деятельности, акцент на которых был сделан в 2016 г., когда функции управления миграцией были переданы МВД РФ.

Но следует отметить, что интеграция мигрантов в принимающее общество также становится одним из главных направлений миграционной политики в большинстве стран мира, наряду с иммиграционным контролем. В России действует государственная программа «Реализация государственной национальной политики», одной из подпрограмм которой является «Социально-культурная адаптация и интеграция мигрантов в Российской Федерации», цель которой – создание условий для успешной социальной и культурной адаптации и интеграции внешних мигрантов в российское общество [1].

Одним из индикаторов подпрограммы является увеличение к 2025 г. до 70% доли граждан, не испытывающих негативного отношения к мигрантам, в общей численности граждан РФ (с 61% в 2016 г.), что позволит сформировать настроения взаимного межнационального уважения, минимизировать проявления национализма.

Оценить достижение целевого индикатора можно с помощью социологического исследования, инструментарий для которого будет опробован в работе. Для того чтобы выяснить, как население Республики Татарстан относится к мигрантам, весной 2019 г. проведено анкетирование с использованием google-форм.

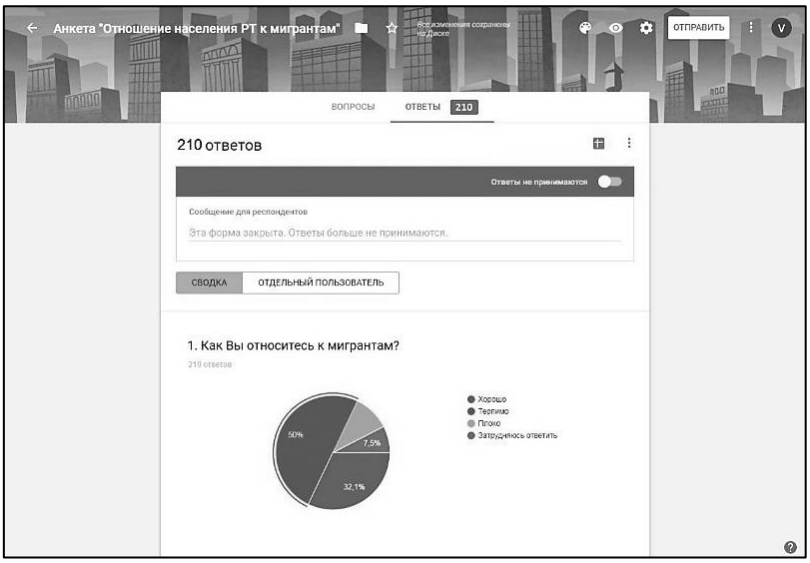


Рис. 1. Результаты опроса в Google-форме

Разработанная нами анкета была распространена среди жителей РТ разных возрастных групп. Наибольшее число отвечавших – жители Казани (64,2%), Нижнекамска (11,3%) и Муслюмово (5,7%). Также в исследовании приняли участие жители Азнакаево, Альметьевска, Балтасей, Катмыша, Набережных Челнов, Нурлата. Всего в опросе приняли участие 210 респондентов (100%): 57% из них – женщины, 43% – мужчины. Среди возрастных групп преобладают: лица в возрасте 18–24 лет (44% респондентов), 35–44 года (22%), 25–29 лет (12%). Доля иных возрастных групп – менее 10% каждая.

Согласно результатам проведённого анкетирования мы можем сделать вывод о том, что социальной напряжённости, связанной с притоком мигрантов, в Республике нет – 82% населения положительно или нейтрально относятся к приезжим (рис. 2).

Рис. 2. Структура ответов респондентов на Вопрос 1 анкеты

Интересно отметить, что среди женщин доля положительно настроенных по отношению к мигрантам выше, чем среди мужчин (36,7% против 26,7%).

Среди всех возрастных групп наиболее популярный вариант ответа на вопрос об отношении к мигрантам – «терпимо». Подобная ситуации наблюдается и при сопоставлении отношения к мигрантам отдельного респондента и его уровня образования.

Но, тем не менее, лишь малая часть населения видит положительные последствия в миграционном притоке – всего 15% опрошенных. Почти половина опрошенных (44,8%) отметили, что приезд мигрантов чреват для Республики отрицательными явлениями, например, конфликтами и социальной напряжённостью, ухудшением криминогенной обстановки,

возрастающим уровнем безработицы среди местного населения. Ок. 40% респондентов ответили, что им «всё равно».

Даже среди тех, кто хорошо и терпимо относится к мигрантам, значительная часть придерживается мнения, что их приток принесёт Татарстану проблемы и социально-экономические трудности (среди выбравших вариант «отрицательные последствия» 72,3% – те, кто не имеет негативного отношения к самим мигрантам). Это может говорить о том, что проблемы на национальной почве основном возникают не из-за личностных качеств мигрантов и их этнического происхождения, а из-за того, что в общем объём миграционных потоков довольно велик, что наводит панику на местное население.

Среди молодёжи в возрасте до 34 лет бо́льшая часть респондентов ответила, что её всё равно на ситуацию с миграцией, что является ярким свидетельством того, что молодёжь в принципе не интересуется вопросами и проблемами миграции, а потому не испытывает негатива по отношению к приезжим.

Далее респондентам было предложено дать свою субъективную оценку тому, какими они видят портрет типичного мигранта (было возможно выбрать от 1 до 3 ответов) (рис. 3).

Рис. 3. Структура ответов респондентов на Вопрос 3 анкеты

Несмотря на то, что люди ожидают от притока мигрантов отрицательных последствий, в целом приезжих описывают с положительной точки зрения – тремя наиболее распространёнными вариантами ответов оказались: «это, как правило, кормильцы, заботящиеся о благополучии своей семьи» (более 53%), «это, как правило, трудолюбивые люди, готовые много работать» (41,9%) и «это, как правило, несчастные люди, которым приходится терпеть много трудностей и лишений» (31,4%). Также одним респондентом был добавлен вариант ответа «мигранты – такие же люди, как и мы».

Таким образом, можно отметить, что татарстанцы проникаются состраданием и уважением к мигрантам и их труду.

Для того чтобы выяснить, насколько востребован труд мигрантов, респондентам был задан вопрос о том, пользовались ли они когда-либо услугами мигрантов. Как выяснилось, их услуги имеют довольно высокий спрос – почти половина опрошенных (49%) ответили,

что пользовались их услугами, ещё 39% заметили, что услугами не пользовались, но ничего против подобного не имеют (рис. 4).

Рис. 4. Структура ответов респондентов на Вопрос 4 анкеты

Далее респондентам было предложено высказать своё отношение по отношению к представителям разных национальностей (рис. 5):

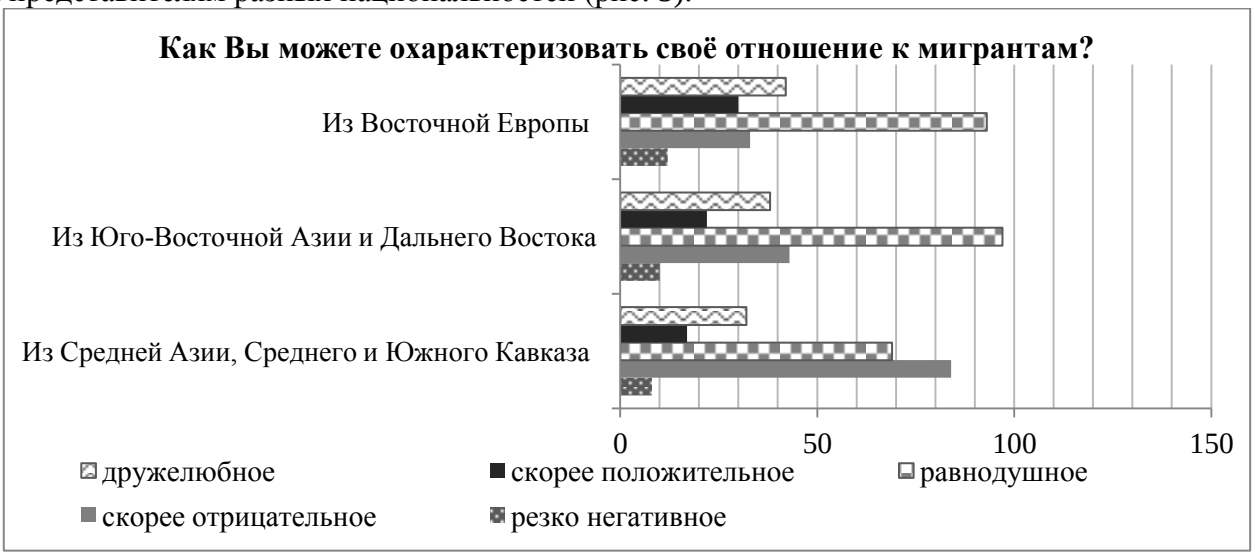


Рис. 5. Структура ответов респондентов на Вопрос 5 анкеты

Наиболее негативно настроены татарстанцы по отношению к выходцам из стран Средней Азии (43,8% опрошенных), при этом тех, кто к ним настроен хорошо, на порядок меньше – всего 23,3%, около 33% респондентов дали нейтральную оценку. К мигрантам из Юго-Восточной и Восточной Азии и из стран Восточной Европы население РТ относится значительно дружелюбнее – всего четверть респондентов высказались негативно по отношению к азиатам и 21,4% – по отношению к европейцам. Следовательно, можно сделать вывод о том, что в обществе сложились устойчивые стереотипы и восприятие к каждой из наций: среднеазиаты вызывают недовольство местного населения, а лица славянской внешности могут восприниматься как «свои».

В следующем вопросе респондентам были предложены 6 утверждений и возможность согласиться или нет с ними (рис. 6).

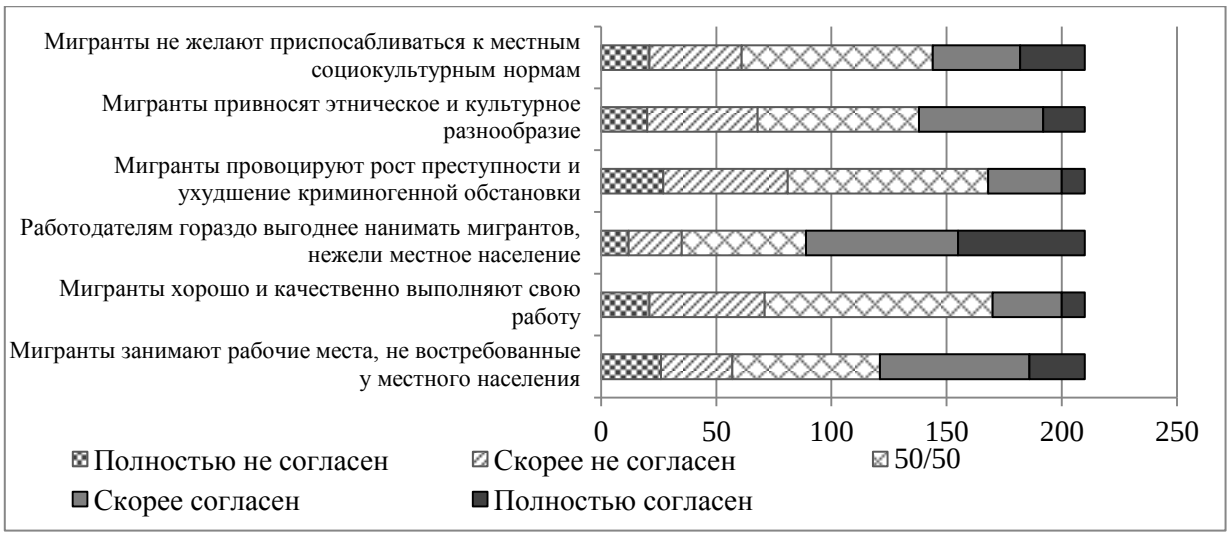


Рис. 6. Структура ответов респондентов на Вопрос 6 анкеты

Татарстанцы в большинстве своём в той или иной степени согласны с тем, что мигранты занимают рабочие места, не востребованные у местного населения (42,4% согласились, 30,5% выбрали вариант «50/50»), тем самым можно утверждать, что труд мигрантов Республике необходим и население не считает, что мигранты создают конкуренцию и соперничают с местными за одни и те же рабочие места.

Но также населением было отмечено, что работодателям действительно выгоднее брать на работу именно мигрантов – за это высказались более половины опрошенных (ок. 57,6%). При этом менее 1/5 респондентов (19,1%) высказались в пользу того, что мигранты качественно выполняют свою работу, что подтверждает результаты ответов на вопрос №4, где 20,5% заявили, что остались довольны качеством выполненных мигрантами работ.

Также большая часть татарстанцев не видит прямой взаимосвязи между миграционным притоком и ухудшением криминогенной обстановки – всего 20% респондентов считают, что приезжие провоцируют рост преступности.

О том, как мигранты интегрируются в российское общество, мнения опрошенных расходятся – примерно равное их число отметили, что мигранты не желают и, напротив, стараются приспосабливаться к местным социокультурным нормам (29,1% и 31,4% соответственно).

Для того, чтобы выяснить, насколько население в РТ толерантно и готово ли оно растить детей в межэтнической среде, был задан вопрос о готовности отдать своего ребёнка в школу, где 50% учеников – дети мигрантов (рис. 7).

Рис. 7. Структура ответов респондентов на Вопрос 7 анкеты

Почти половина опрошенных отнеслась к этой идее положительно/нейтрально, то есть татарстанцы не считают, что нужно ограждать детей от общения с представителями иных национальностей, и не видят в этом угрозы для воспитания и образования детей.

Подавляющее большинство опрошенных отметили, что существует проблема, связанная с конфликтами между местным населением и мигрантами (рис. 8).

Рис. 8. Структура ответов респондентов на Вопрос 8 анкеты

Лишь пятая часть респондентов ничего не знают о случаях конфликтов между местными и приезжими, остальные или принимали в этом непосредственное участие, или видели/слышали об этом. Подобные результаты могут свидетельствовать о том, что местные считают себя «хозяевами» на данной территории, поэтому остро реагирует на слова и поступки мигрантов. Но причиной частых конфликтов может являться и чрезмерная эмоциональность и возбудимость самих мигрантов.

Но всё же в основном респондентами отмечено, что провокаторами конфликтов являлись местные и приезжие в равной степени (так ответили 51% опрошенных).

Мнения о том, насколько мигранты желают приспосабливаться к местным социокультурным нормам, разделились (рис. 6), но при этом респонденты отметили, что полная адаптация от них вовсе не требуется, достаточно соблюдать законы и говорить на местном языке (рис. 9).

Рис. 9. Структура ответов респондентов на Вопрос 10 анкеты

12,9% опрошенных отметили, что мигранты имеют полное право жить по своим социальным нормам и даже привносить их в местное общество. Также одним из опрошенных был предложен вариант «мигранты должны знать законы и быть коммуникабельными».

Далее, для того чтобы оценить, насколько татарстанцы согласны с действиями властей в области регулирования миграционных потоков, им был задан вопрос о том, какую политику в отношении иммигрантов они бы поддержали (рис. 10).

Рис. 10. Структура ответов респондентов на Вопрос 11 анкеты

Несмотря на то, что население, как выяснилось по результатам предыдущих вопросов, пользуется услугами мигрантов и не считает, что они занимают востребованные рабочие места, всё же относительное большинство высказалось за ужесточение контроля миграционных потоков, а 7,1% и вовсе высказались за полный запрет въезда мигрантов на территорию страны.

Тех, кто поддерживает политику улучшения социальных условий жизни мигрантов и их полную легализацию, крайне мало – всего 11,4%.

При этом при ответе на следующий вопрос анкеты – «Считаете ли Вы, что государство должно содействовать в социальной адаптации мигрантов?» – две третьих респондентов поддержали проведение подобных мероприятий, поскольку это позволит избежать возможных негативных последствий от притока мигрантов. Примечательно, что среди тех, кто высказывается за ужесточение миграционной политики, половина всё же высказывается за проведение государством мероприятий по социальной адаптации мигрантов и их интеграции в местное сообщество.

Среди тех, кто имел опыт конфликтного общения с мигрантами (7 человек), пятеро убеждены в том, что миграционную политику нужно вести строго или даже жёстко. И. напротив, 73,4% тех, кто дружит или приятельствует с приезжими, высказались в поддержку вариантов, не связанных с усилением контроля за мигрантами. Таким образом, можно говорить о том, что личные взаимоотношения в значительной степени определяют то, как человек будет относиться в целом к миграции.

Далее, для поддержавших идею содействия социальной адаптации респондентов, было предложено выбрать те направления (не более трёх), по которым может проводиться социальная адаптация (рис. 11):

Рис. 11. Структура ответов респондентов на Вопрос 13 анкеты

Среди приоритетных выделилось обучение русскому языку (70,6%). Также почти половина отвечавших высказалась за медицинское и социальное обеспечение мигрантов. Иные варианты набрали примерно равное количество голосов.

Можно сделать вывод о том, что знание мигрантами русского языка является важнейшей составляющей их интеграции в российскую среду и не отрицательного к ним отношения со стороны местного населения.

Также в ходе нашего исследования мы задались вопросом, насколько много в Республике людей, разделяющих националистические идеи (рис. 12).

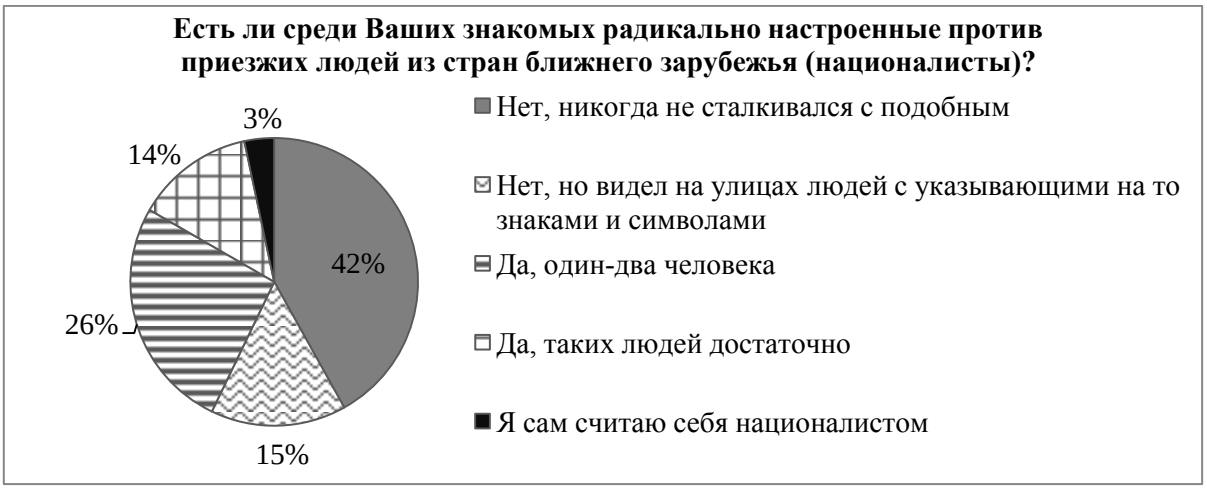


Рис. 12. Структура ответов респондентов на Вопрос 14 анкеты

Как выяснилось, большинство татарстанцев (57,1%) близко с этим не знакомы, но, тем не менее, остальные – а это порядка 43% опрошенных – лично знают таких людей или вовсе сами себя к ним относят.

Всего же почти 80% опрошенных ответили, что имеют личный опыт общения с мигрантами. При этом только у половины из них это общение было деловым (53%), 43% ответили, что имеют/имели дружеские или приятельские отношения с мигрантами; а у оставшихся 4% случались конфликты с мигрантами.

Таким образом, на основе проведённого анализа можно подтвердить или опровергнуть гипотезы, сформулированные в ходе подготовительного этапа исследования:

1. Население в РТ негативно относится к трудовым мигрантам из стран Средней Азии: относительное большинство (43,8% респондентов) действительно негативно настроены по отношению к приезжим из стран Средней Азии, доля негативно настроенных к выходцам из Юго-Востока Азии и Востока Европы значительно ниже (25,3 и 21,4% соответственно);

2. Татарстанцы в большинстве своём положительно настроены по отношению к мигрантам, приехавшим из Восточной Европы: 34,3% респондентов настроены положительно, но бОльшая часть – 44,3% – равнодушно;

3. Среди татарстанцев бытует мнение (больше 50% опрошенных), что мигранты малообразованны и способны только на неквалифицированный труд: гипотеза не подтвердилась – подобную точку зрения поддержали лишь треть опрошенных;

4. Население в РТ убеждено в том, что мигранты занимают рабочие места, которые могли занять местные: гипотеза не верна – её поддержали лишь 27,1% респондентов;

5. Население в РТ считает, что мигранты не ухудшают криминогенную обстановку: гипотеза отчасти подтвердилась, поскольку лишь пятая часть опрошенных утверждает, что мигранты провоцируют рост преступности, но тем не менее, почти половина респондентов (41,4%) затруднились дать чёткий ответ на этот вопрос;

6. БОльшая часть населения в РТ не вступает в конфликты с мигрантами: гипотеза верна, лишь 11,4% респондентов признались, что участвовали в конфликтах с мигрантами;

7. Среди жителей Татарстана не распространены радикальные националистические настроения: гипотеза подтвердилась, 57,1% респондентов не сталкивались с проявлениями национализма в кругу своих знакомых, 26,2% знают лишь 1–2 человека – приверженца идей национализма;

8. Население в РТ считает, что мигранты являются трудолюбивыми и добросовестными работниками: гипотеза верна лишь отчасти – 41,9% респондентов считают мигрантов таковыми, но, тем не менее, лишь 20,5% уверены в качестве тех работ, что они выполняют;

9. БОльшая часть населения РТ считает, что не следует тратить бюджетные средства на проведение мероприятий по социальной адаптации мигрантов: гипотеза не верна – две трети населения РТ полагает, что проводить эти мероприятия необходимо для минимизации возможных негативных последствий от притока мигрантов.

По результатам проведенного социологического исследования были сделаны выводы о том, что в обществе значительно разнится отношение к приезжим из стран Восточной Европы и Средней Азии. К последним, несмотря на сострадание к непростым условиям жизни и уважение к их труду, местное население относится значительно хуже (почти в 2 раза больше негативно настроенных), что, возможно, объясняется различием языков и культур. Тем не менее, татарстанцы в большинстве своем не считают, что трудовые мигранты занимают рабочие места, на которые могли бы претендовать граждане России и пользуются предоставляемыми и продаваемыми ими товарами и услугами.

Таким образом, на основании исследования можно сделать вывод о том, что населением понимается и поддерживается необходимость привлечения иностранной рабочей силы в страну. При этом основными направлениями миграционной политики выступают иммиграционный контроль, направленный на пресечение незаконной миграции и отбор необходимых для российской экономики кадров, а также интеграция и адаптация мигрантов в российскую социальную и культурную среду, что позволит не допустить межрасовых столкновений приезжих и местного населения.

Литература

1. Государственная программа «Реализация государственной национальной политики»: Портал госпрограмм РФ. URL: https://programs.gov.ru/Portal/programs/passport/46 (Дата обращения: 01.04.2020).

2. Федеральная служба государственной статистики по РТ («Рынок труда и занятость населения»). URL: https://tatstat.gks.ru/labor_market (Дата обращения: 25.03.2020).
3. Седлов А.П. Западное и восточное направления иммиграции в Россию в контексте смены миграционной парадигмы. Доклад. М.: Институт экономики РАН, 2018. 62 с.
4. Информационный ресурс «РБК» («Татарстан занял первое место в Приволжском ФО по количеству мигрантов»). URL: https://rt.rbc.ru/tatarstan/26/02/2019/ (Дата обращения: 25.03.2020).

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ХАЛЯЛЬ-ИНДУСТРИИ В СОВРЕМЕННОЙ РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН

Гараева А.М.
Институт истории имени Ш.Марджани АН РТ
Россия, г. Казань

Аннотация. В статье рассматриваются основные изменения последних пяти лет, которые затронули сектор халяль товаров и услуг – это тенденции диверсификации ассортимента предлагаемой продукции с маркировкой халяль, установление единых стандартов сертификации, объединение товаров и услуг внутри индустрии в отраслевые направления. Применен метод количественного контент-анализа сайтов центров сертификации, который позволил выявить основную динамику развития этой области.

Ключевые слова: халяль-индустрия, сертификация халяль, контент-анализ.

Современная как мировая, так и российская халяль-индустрия с каждым днем вбирает в себя все больше самых разнообразных направлений по производству и сбыту товаров и услуг. Республиканский сектор халяль не стал исключением и включает в себя широкий ассортимент халяль продуктов. Халяль выступает символом дозволенного с точки зрения ислама, а основным индикатором подобной продукции становится не только официальная маркировка халяль, но и позиционирование продуктов как халяльных. Такое позиционирование возможно через сертификацию товара или услуги, вывеску на заведении, или любые другие попытки оповещения потребителя о соответствии товара нормам ислама.

Всю сферу халяль условно можно поделить на две категории – это сертифицированная и несертифицированная продукция. Сертификация предполагает документальное подтверждения соответствия продукта или услуги нормам шариата в специализированных центрах сертификации. Также существует несанкционированный сектор производителей халяльных товаров и услуг, который практически не поддается отслеживанию. В таких фирмах позиционирование продукта или услуги как халяль может быть исключительно маркетинговым ходом, не подразумевающим контроля качества. Предприятия, предлагающие халяль-продукцию без соответствующего сертификата, регулярно выявляются в ходе рейдов специалистов комитета по стандарту халяль при ДУМ РТ [1], однако эти рейды совершаются чаще по столице республики и по ним невозможно дать даже приблизительную оценку о размерах и ассортименте этой части рынка.

В России существуют порядка десяти (средняя цифра за последние пять лет) центров сертификации, которые специализируются на документальном подтверждении соответствия продукта или услуги нормам халяль. Каждое региональное духовное управление мусульман имеет возможность открыть такой центр, чаще эти центры при ДУМ и существуют.

Мы выбрали для анализа три самых крупных российских центра – это Комитет по стандарту халяль (г. Казань) [2], Международный Центр стандартизации и сертификации халяль (г. Москва) [3] и «Центр халяль надзор» (г. Москва) [4]. Также крупной организацией является Центр развития индустрии Халяль при ДУМ Республики Башкортостан [5], однако

у них отсутствует на сайте реестр зарегистрированных предприятий, что затрудняет возможность регулярного анализа и мониторинга.

Таблица 1

Распределение выданных сертификатов халяль по отраслям в 2018 году [6, с.188]

Центр сертификации / Отрасли сертификации	Центр при ДУМ РТ	Центр Совета муфтиев России	Центр халяль надзор	Выдано сертификатов в отрасли
1. Мясоперерабатывающие предприятия и производство полуфабрикатов	26	15	3	44
2. Производство кондитерских и хлебобулочных изделий	19	6	5	30
3. Птицеперерабатывающие предприятия и производство полуфабрикатов	15	13	2	30
4. Предприятия торговли и общественного питания	9	13	–	**22**
5. Чай, вода и напитки	4	4	5	14
6. Пищевые добавки, ингредиенты и БАДы	4	12	3	19
7. Масло	4	–	6	10
8. Производство молока и молочных продуктов	2	4	4	10
9. Средства гигиены и косметики	2	4	9	15
10. Гостиничный бизнес и туризм	1	2	3	6
11. Лекарства и услуги здравоохранения	1	1	–	2
12. Крупы и макароны	1	3	2	6
13. Детское питание	1	4	–	5
14. Другое	–	–	2	2
ИТОГО выдано сертификатов	**89**	**81**	**44**	**214**

В таблице 1 приведено количество оформленных сертификатов в трех центрах по в тринадцати выделенным отраслям, данные января 2018 г.. С 2015 г. по 2018 г. картина существенно не менялась, четверка лидеров оставалась постоянной: сертификация была наиболее востребована среди мясоперерабатывающих предприятий – 44, кондитерских и хлебобулочных предприятий – 30, птицеперерабатывающих предприятий – 30, в сфере торговли и общественного питания – 22.

Сравнительно меньше сертификатов получили предприятия, производящие пищевые добавки – 19, гигиенические и косметические препараты – 15, предприятия, производящие чай, воду и другие напитки – 14, молокопроизводящие предприятия – 10 и производители масла – 10.

Реже за сертификацией обращались представители гостиничного и туристического бизнеса – 6, производители круп и макарон – 6, детского питания – 5, фармацевтических препаратов и медицинских услуг – 2.

Лидером по количеству выданных сертификатов в указанный период был Комитет по стандарту халяль Республики Татарстан (на январь 2018 г. им было выдано 89 сертификатов). Общее количество сертификатов за 2015–2018 гг. возросло незначительно с 168 до 214.

На тот период новыми предприятиями, обратившимися в центры за сертификатом соответствия халяль стали производители воды, детского питания, а также в сфере производства молока и молочных продуктов появились первые предприятия по производству халяль-мороженого.

Таблица 2

Распределение выданных сертификатов халяль по отраслям в 2020 году

Центр сертификации / Отрасли сертификации	Центр при ДУМ РТ	Центр Совета муфтиев России	Центр халяль надзор	Выдано сертификатов в отрасли
1. Мясоперерабатывающие предприятия и производство полуфабрикатов	31	32	4	67
2. Производство кондитерских и хлебобулочных изделий	27	19	20	66
3. Птицеперерабатывающие предприятия и производство полуфабрикатов	16	35	3	54
4. Производство молока и молочных продуктов	*11*	*21*	*16*	*48*
5. Пищевые добавки, ингредиенты и БАДы	6	20	12	38
6. Средства гигиены и косметики	3	14	19	36
7. Предприятия торговли и общественного питания	22	13	0	35
8. Чай, вода и напитки	6	4	9	19
9. Масло	4	5	6	15
10. Лекарства и услуги здравоохранения	7	2	-	9
11. Другое	-	6	2	8
12. Крупы и макароны	-	1	5	6
13. Гостиничный бизнес и туризм	-	2	3	5
14. Детское питание	-	3	-	3
ИТОГО	**133**	**177**	**99**	**409**

В Таблице 2 приведено современное распределение сертификатов по отраслям. В первую очередь можно заметить, что за эти годы количество сертифицированных предприятий выросло почти вдвое, с 214 до 409.

Непоколебимым лидерами остаются мясоперерабатывающие предприятия, производители кондитерских изделий и птицеперерабатывающие предприятия, к ним добавились производители молочной продукции. Хочется отметить, что общий рост сертификатов произошел не за счет «старых» лидирующих направлений, например, количество сертифицированных предприятий мясоперерабатывающей промышленности возросло с 44 до 67, что не так ощутимо.

Значительный прирост показали предприятия, производящие молочную продукцию (с 10 до 48), пищевые добавки, ингредиенты и БАДы (с 19 до 38), средства гигиены и косметики (с 15 до 36).

Бывший российский лидер по количеству выданных сертификатов, Комитет по стандарту халяль при ДУМ РТ (133, было 89) уступил лидерство Московскому центру при Совете муфтиев России (177, было 81). Это значит, что большинство новых сертификатов с 2018 года были выданы не в Казани. На падение популярности казанского центра мог повлиять скандал с разоблачением сертифицированной продукции, в которой была найдена свинина. Также предыдущий анализ географии выданных сертификатов показал, что предприниматели выбирают чаще ближайший центр с налаженными и регулярными путями сообщения, т.к. в процессе выдачи сертификата необходимы осмотры помещений на предмет соблюдения требований, предъявляемых к производству, такие осмотры предполагают визит специалистов на предприятие. Поэтому логично, что с общим ростом спроса на сертификацию продукции, будет расти популярность именно столичных центров как наиболее доступных. Однако, причины резкого роста количества сертификатов, выданных столичными центрами требует более детального анализа.

Хочется отметить появление новых сертифицированных отраслей в период 2019-2020 г., таких как промышленная химия, образовательные услуги, часы, ручки, ювелирные изделия, кисти малярные, удобрения, экспресс тестов на обнаружение свинины. Также в сфере продуктов питания появились халяль-спортивное питание, бортовое питание и халяль-хумус.

Рассматриваемую сферу в течение последнего пятилетия можно охарактеризовать наличием следующих тенденций:

– диверсификации как регулярного расширения ассортимента халяль товаров и услуг;

– унификации как процесса соответствия халяль товаров и услуг единым стандартам, установленным центрами сертификации; этот процесс привел к объединению сертифицированных производителей в единую индустрию халяль;

– сегментация индустрии на группы связанных товаров и услуг.

Изменения численных показателей демонстрирует стабильный рост всего сектора халяль и наличие растущей заинтересованности со стороны предпринимателей в подобной сертификации. Между тем, выявленные контент-анализом тенденции не объясняют глубинных причин роста популярности этой сферы ввиду ограниченности метода, поэтому дальнейшие исследования темы должны включать качественные методы сбора информации.

Литература

1. Сайт Духовного управления мусульман РТ («Комитет по стандарту "Халяль" ДУМ РТ вышел в рейд»). URL: http://dumrt.ru/ru/news/news_22988.html (Дата обращения: 03.04.2020).
2. Комитет по стандарту халяль ЦРО – ДУМ Республики Татарстан (Реестр предприятий). URL: http://halalrt.ru/reestr/ (Дата обращения: 03.04.2020).
3. Международный Центр стандартизации и сертификации халяль при Совете муфтиев России. URL: http://halalcenter.ru/reestr/ (Дата обращения: 03.04.2020).
4. Центр стандартизации и сертификации «Центр халяль надзор». URL: http://roshalalnadzor.ru/reestr-halyal-rossii/ (Дата обращения: 03.04.2020).
5. Центр развития индустрии Халяль при ДУМ РБ. URL: https://halalrb.ru/ (Дата обращения: 03.04.2020).
6. *Гараева А.М.* Процесс коммерциализации основных компонентов коллективного религиозного участия мусульман Республики Татарстан // Вестник экономики, права и социологии. 2018. № 1. С. 186–190.

ЦИФРОВОЕ БИЗНЕС-ОБРАЗОВАНИЕ КАК СОСТАВНОЙ ЭЛЕМЕНТ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

Гудяева Л.А.[1], Прыгунова М.И.[2]

[1] ГБУ «Центр перспективных экономических исследований Академии наук РТ
[2]Казанский федеральный университет

Россия, г. Казань

Аннотация. Авторами раскрыты элементы рынка бизнес-образования в сфере предпринимательства и их привлекательность для потребителей на базе новых технологий. Представлены результаты отраслевых исследований мирового рынка образования, а также тенденции увеличения передовых систем обучения – систем онлайн-образования в ближайшие годы. В статье отражено влияние человеческого фактора на экономические макропроцессы и общественную трансформацию, в частности структуру занятости и образ жизни.

Ключевые слова: цифровое общество, цифровые технологии, онлайн-образование, бизнес-образование, предпринимательство, компетенции.

На фоне глобального внедрения технологических решений во все сферы деятельности организаций, в том числе образовательных, рынок онлайн-образования России растет с каждым годом. Влияние популярных тенденций цифровизации и новых требований к рынку предоставляемых образовательных услуг способствовало развитию массового онлайн-обучения, что в последнее время является предметом глобальных конкурентных возможностей и преимущества любой экономики. В свою очередь растет востребованность к сегменту рынка онлайн-обучения в сфере предпринимательства. По данным российских аналитиков, занимающихся изучением онлайн-образования, в общем объеме отечественного рынка услуг по повышению профессиональной квалификации доля трат россиян на онлайн-образование в 2018 году составила 78%. По большей части россияне отдавали предпочтение бизнес-образованию (38%) и программированию (14%). Популярными направлениями также стали финансы (4%), медицина (3,8%), управление (2,6%) и иностранные языки (1,9%) [1].

Новыми участниками образовательного рынка стали потенциальные предприниматели, стремясь конкурировать в особой среде. Возрастающая ценность времени к бизнес-деятельности и развитие технических возможностей закрепили широкий спрос на ускоренное обучение, тем самым усилив желание предпринимателей быстро приобрести необходимые навыки и освоить цифровые инструменты для формирования деловых компетенций. Бизнес-индустрия поменяла вектор изучаемых образовательных дисциплин от самых простых и очевидных направлений предпринимательства (торговля, сельское хозяйство, промышленное производство) к более бюджетным и популярным вариантам (службы доставки, информационный и издательский бизнес). Наблюдая в российской действительности последствия распространения новых технологий в существующей модели образования, интересно выяснить какие изменения проявляются в социальной, политической и культурной среде и, в целом экономическом укладе страны. Понимая под этим, что устойчивое сбалансированное развитие и рост экономики возможны за счет синергии научного, инновационного, промышленного потенциалов территории.

Все больше современная экономика выстраивается вокруг человеческого капитала, а не промышленного производства, и поэтому внимание максимально сконцентрировано на потенциале личности и благосостоянии общества. Непосредственными потоками процесса влияния человеческого капитала на экономический рост можно назвать накопление знаний и научно-технический прогресс, инвестиционные решения и трансфер технологий. По общим оценкам увеличение человеческого капитала на 1% приводит к ускорению темпов роста ВВП на душу населения на 1-3 %. Кроме того, инновационный характер развития экономики обеспечивается также за счет более высоких расходов на человеческий капитал, ко-

торые к 2030 году вырастут до 13,6% ВВП (в 2011 году 9,2% ВВП) [2]. Цифровые технологии образуют новые формы социализации и как следствие, устанавливают требования к участникам глобального образовательного рынка. Речь идет об объемах мирового рынка образования, которые, по данным издания East-West Digital News, составляют $4,5-5 трлн и в ближайшие годы превысят отметку в $6-7 трлн. При этом доля онлайн-образования в общих показателях составляет около 3% ($165 млрд) [1].

При текущем уровне мировой глобализации в обществе сформировалась нацеленность на приобретение критически важных компетенций, новых для всего человечества знаний по управлению информацией и человеческими ресурсами для успешного осуществления бизнес-задач. Притом, одними из наиболее важных становятся компетенции, связанные с lean & green мышлением, то есть «экологическим мышлением», в рамках которого человек стремится взвешивать не только экологические, но и социальные и культурные последствия своей деятельности [3]. Сегодня в интересах предпринимателей обучающие программы с самыми разнообразными формами и отраслевыми направлениями предлагают как государственные и общественные организации, центры, фонды, корпорации, так и признанные бизнес-лидеры. Обучение выступает как инструмент развития государственных структур, научных коммерческих организаций, корпораций и строится на основе корпоративного образовательного подхода для команд и коллективов. Для устойчивых и саморазвивающихся организаций формирование коллективной компетенции и цели, разделяемой участниками, стало критически важным компонентом. При этом индивидуальное или адресного бизнес-образование происходит как социальный процесс, предназначенный для обучения перспективных бизнес-специалистов с целью повышения профессиональных компетенций, развития качеств личности и саморазвития.

Обеспечивая подходящие условия для современного конкурентоспособного рынка бизнеса, трансформировалась и культура образовательных организаций в сторону новых эффективных сервисов для носителей цифровых компетенций. Так например, Министерство науки и высшего образования России в марте 2020 года с целью эффективной организации образовательного процесса с применением электронного обучения, дистанционных образовательных технологий опубликовало перечень свыше 630 бесплатных веб-курсов от основных российских вузов. Частью программ этих вузов выступают курсы дополнительного профессионального образования [4]. В кругу активных предпринимателей пользуются спросом практики с применением современных инновационных технологий – технологий автоматизации и искусственного интеллекта, главной задачей которых также является ориентация на компетенции. Сегодняшний рынок образовательных бизнес-услуг предлагает большое разнообразие инновационных подходов к приобретению «модных» знаний (бизнес-коучинг, Visual Tools, well-being). Новым продуктом образовательной системы выступает agile-обучение, направленное на раскрытие личностных особенностей при выборе индивидуальной траектории обучения для развития творческого потенциала. Применение информационно-коммуникационных технологий в обучении поменяли также ожидания потребителей образовательных услуг – от персонального владения к совместному доступу. В числе прочего, с применением технологических решений стало возможным превращать собственные идеи в продукт.

Сейчас предпринимательское образование играет крайне важную роль в сопровождении массовой стартап-культуры. В связи с этим образовалась новая практика инвестирования как «акселерация» стартапов, основой которой выступает образовательный процесс (project-based learning, менторинг, обучение навыкам ведения бизнеса). Такая практическая реализация стартапов есть в Казанском (Приволжском) федеральном университете (г. Казань) с 2013 года через проект «Фабрика предпринимательства», предназначенный для популяризации и поддержки предпринимателей [5, с. 35]. Коллектив проекта организует бизнес-курсы, тренинги и обучающие мероприятия для предпринимателей любого уровня. Занятия позволяют получить наставничество бизнесмена, практические знания в области бизнеса и четкую инструкцию для реализации собственного проекта [6]. Пример такого об-

разования, на наш взгляд, очень подражательный, так как помимо совокупности знаний важную роль играет процесс наставничества, иначе говоря, обмен практическим опытом и бизнес-инсайтами как эффективный метод адаптации и обучения. Можно сделать вывод, что бизнес заинтересован в новых талантах.

Новым и крайне популярным пространством бизнес-образования стали социальные сети и сайты. Эксперты информационного агентства «Infoline-Аналитика» по итогам комплексного исследования рынка отраслей экономики в 2018 году отметили динамичный рост онлайн-рынка профессионального образования в сегменте любительских курсов по онлайн-маркетингу, тренингам и личностному росту, продвижение и реализация которых активно осуществляются на платформах социальных сетей [1]. Для потребителей новых знаний об открытии личного бизнеса созданы обучающие ролики на популярной платформе Youtube. Наиболее распространенные поисковые запросы на площадке: «Как начать бизнес с нуля?», «Как открыть свое дело. Советы начинающим предпринимателям», «Бизнес план для старта с нуля» и другие.

Присутствие новых отраслей промышленности, науки и техники постепенно меняет структуру занятости в экономике. Так, интересные исследования радикальных изменений цифрового общества разместила в конце 2017 года Европейская комиссия European Political Strategy Centre. В работе эксперты отметили, что потребители образовательных услуг должны владеть совершенно другим набором навыков, нежели ранее. Например, зарубежные IT-компании больше не требуют диплома об образовании, они требуют наличия двух навыков: программирование и общение. По итогам анализа 93% европейских рабочих мест требуют наличия базовых цифровых навыков, 40% работодателей уже испытывают проблемы с кадрами [7].

В заключении проведенных исследований авторы пришли к выводу, что на фоне изменений современных процессов жизнедеятельности, осознанная работа со своими компетенциями интегрировалась в общественную жизнь и стала массовым действием. Профессиональная сфера становится местом получения новых компетенций, а уровень полученных навыков и знаний напрямую влияют на положение человека в обществе и на его доход. Поскольку спрос на обучение растет, то развивается и инфраструктура образовательных продуктов с помощью информационно-коммуникационных технологий и инновационных сервисов. В таких доступных условиях для носителей человеческих ресурсов становится нормой постоянный личностный и профессиональный рост через различные образовательные курсы.

Статья написана при поддержке Российского научного фонда, проект «Российские мегаполисы в условиях новых социально-экологических вызовов: построение комплексной междисциплинарной модели и стратегий формирования «зеленых» городов России», грант № 17-78-20106.

Литература

1. Информационный ресурс «Sostav.ru» («Рынок онлайн-образования в России превысил миллиард рублей»). URL: https://www.sostav.ru/publication/rossiyane-potratili-na-dopolnitelnoe-onlajn-obrazovanie-bolshe-1-mlrd-rublej-35417.html (Дата обращения: 05.03.2020).
2. Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года (разработан Минэкономразвития России). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144190/778d982d246772b547ea1db38f29c73b5d4113f3/ (Дата обращения: 08.04.2020)
3. *Лукша П.О., Песков Д.Н.* Макрофакторы, задающие контекст трансформации образования // Краткое изложение результатов доклада «Будущее образования: глобальная повестка», 2013. 11 с.
4. Электронный ресурс «TAdviser» (Онлайн-образование (рынок России)). URL: http://www.tadviser.ru/index.php/ (Дата обращения: 10.04.2020).

5. *Прыгунова М.И., Гудяева Л.А.* Проактивные инструменты поддержки молодежного предпринимательства за рубежом и в России (на примере Республики Татарстан) в контексте роста самозанятости // Электронный экономический вестник. 2019. № 2. С. 34–41.
6. Информационный портал «Фабрики предпринимательства» («Построй свой бизнес под руководством наставников – известных предпринимателей твоего города»). URL: http://bizfabrika.ru/start/ (Дата обращения: 05.03.2020).
7. European Political Strategy Centre (10 trends transforming education as we know it). URL: https://ec.europa.eu/epsc/sites/epsc/files/epsc_-_10_trends_transforming_education_as_we_know_it.pdf (Дата обращения: 05.03.2020).

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ В ПРОЦЕДУРЕ БАНКРОТСТВА: ТИПОЛОГИЗАЦИЯ КОНФЛИКТОВ В СФЕРЕ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ

Мотькин Р.В.
МГУ имени Н.П. Огарева,
Россия, г. Саранск

Аннотация. Основными тенденциями института несостоятельности на текущем этапе развития являются стагнация роста числа арбитражных управляющих, устойчивый рост числа жалоб кредиторов и иных участвующих в деле лиц, а также высокий уровень конфликтности процедур, связанный, прежде всего, с противоречием экономических интересов сторон. Соответствующие тенденции непосредственно связаны с понятием социального конфликта и нуждаются в глубоком категориальном анализе.

Ключевые слова: арбитражное управление, социальный конфликт, арбитражный управляющий, банкротство, внесудебное банкротство

Согласно статистическим данным Единого Федерального Реестра сведений о банкротстве, за период с 2015 по 2019 год наблюдается устойчивый рост числа поданных жалоб на действия арбитражных управляющих.

Вместе с этим, процент удовлетворенных жалоб постоянно снижается: если в 2015 году арбитражными судами было удовлетворено 758 из 3015 жалоб (25%), то за первое полугодие 2019 года данный показатель составил всего 14% (482 из 3495 жалоб), что свидетельствует о систематическом злоупотреблении лицами, участвующими в деле о банкротстве, своими правами, проявляющемся в подаче необоснованных жалоб с целью давления на арбитражного управляющего [1].

Представленная статистика свидетельствует о существенном росте уровня конфликтности в процедурах банкротства на текущем этапе развития данного института, и, соответственно, о необходимости более подробного анализа социального конфликта в сфере несостоятельности и изучения его типологии.

К сожалению, в большинстве случаев конфликт в процедуре несостоятельности должника неизбежен, что объясняется полярностью экономических интересов сторон: кредиторы, в том числе работники и бывшие работники должника, рассчитывают на максимально полное и быстрое удовлетворение собственных требований за счет имущества и деятельности должника, в то время как должник или контролирующие должника лица стремятся освободиться от обязательств путем проведения процедуры реализации имущества (для физических лиц), или же путем ликвидации неплатежеспособного должника (для юридических лиц). Существует возможность мирного выхода из процедуры банкротства: стороны вправе заключить мировое соглашение, должник или иные лица вправе погасить все денежные требования к должнику, однако на практике данные способы применяются крайне редко. Более того, зачастую процедура мирового соглашения используется лишь для целей затягивания процедуры.

Анализируя наиболее распространенные виды конфликтов в банкротстве, необходимо выделить следующие способы классификации, характеризующие столкновение интересов сторон в данной сфере:

– по количеству участников конфликта;
– по способам и инструментам разрешения конфликта;
– по объему конфликта;
– по направленности конфликта;
– по причинам возникновения конфликта;
– по длительности конфликта;
– по интенсивности конфликта.

Рассматривая конфликты по количеству участников, следует выделить межличностные конфликты, межгрупповые конфликты, а также конфликты между отдельным лицом и группой.

В качестве примера межличностного конфликта можно привести разногласия по вопросу представления документов и сведений о составе имущества финансовому управляющему от должника – физического лица в процедуре реализации имущества.

В частности, согласно статистическому бюллетеню ЕФРСБ от 30.06.2019 г., за первое полугодие 2019 года доля завершенных дел о банкротстве физических лиц, в которых у должников в процессе инвентаризации не было выявлено никакого имущества либо оно не было передано в адрес финансового управляющего, составила 78% (5891 из 7518). За аналогичный период 2018 года данный показатель составил 74%.

Типичным примером межгруппового конфликта является противостояние группы независимых кредиторов группе лиц, контролирующих деятельность должника.

Не менее распространены и конфликты арбитражных управляющих с группами аффилированных с должником кредиторов, чьи требования включены в реестр требований кредиторов должника. 29.01.2020 года Президиумом Верховного Суда РФ был утвержден Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц, обобщивший ряд ключевых позиций судов по вопросу рассмотрения обоснованности требований аффилированных должнику лиц [2]. Данный Обзор будет способствовать уменьшению числа соответствующих конфликтов, поскольку аффилированным с должником лицам будет значительно сложнее установить свои требования в рамках дела о банкротстве, и, соответственно, влиять на процедуру в целом.

По способам и инструментам разрешения конфликта выделяют правомерные (например, переговоры между должником и кредиторами о заключении мирового соглашения, подача заявления о разрешении разногласий, направление требования об оспаривании сделки и т.д.) и неправомерные (дача взятки, физическое давление, угрозы, незаконный вывод активов и др.) способы решения конфликтов.

В частности, согласно сведениям, представленным ФКУ “Главный информационно-аналитический отдел” МВД РФ, за 2019 год выявлено 284 преступления по статьям, связанным с неправомерными действиями при банкротстве, преднамеренным и фиктивным банкротством. В сравнении с 2018 годом данный показатель вырос на 4,8% [3].

Анализируя в качестве критерия объем возникающих противоречий, выделяют личные, групповые, региональные, локальные и глобальные конфликты.

К личным относятся, в частности, конфликты между представителями кредиторов на собрании кредиторов должника, между партнерами по бизнесу в кризисный период деятельности предприятия, между работниками должника при выборе представителя работников для целей представления интересов работников в процедуре банкротства и т.д.

Рассматривая региональные конфликты, следует упомянуть о контроле со стороны прокуратуры и администрации муниципальных образований за предприятиями- должниками, в штате которых трудится значительное для региона число работников. К соответствующим организациям при возникновении задолженности по выплате заработ-

ной платы применяются более жесткие формы контроля, что связано с острой социальной значимостью вопроса выплаты заработной платы и выходных пособий. Например, в 2017 году несостоятельными стали 30 субъектов естественных монополий, 12 стратегических предприятий и одна градообразующая организация [4].

Рассматривая глобальный уровень конфликта, в качестве примера следует привести зарубежный прецедент: в 2013 году началась крупнейшая в мировой истории процедура муниципального банкротства – банкротство американского города Детройта. 3 декабря 2013 года суд признал Детройт банкротом с общей суммой задолженности 18, 5 миллиардов долларов [5].

По направленности выделяют горизонтальные и вертикальные конфликты. Горизонтальные конфликты характеризуются равным правовым и социальным статусом сторон (например, конфликт между кредиторами одной очереди либо конфликт между работниками должника). Вертикальные конфликты, напротив, представляют собой противостояние интересов лиц, имеющих разный статус, в частности конфликт работника и руководства организации, не исполняющей обязанности по выплате заработной платы.

Изучая критерий причины возникновения конфликтов в банкротстве, следует отметить, что в подавляющем большинстве случаев они носят экономический характер и связаны с неисполнением обязанности по погашению обязательств перед работниками, контрагентами и кредитными организациями. Реже встречаются производственные (нерациональное использование материалов или запасов в производстве, выбор неверной технологии производства и сопутствующие этому конфликты), психологические (личная неприязнь руководителя должника к арбитражному управляющему) , политические и иные причины.

По длительности конфликта разделяют кратковременные и длительные конфликты. При этом, подавляющее большинство конфликтов в сфере несостоятельности носят затяжной характер, что связано, в первую очередь, с общей длительностью процедур. Так, средняя длительность процедур конкурсного производства (за исключением банкротства кредитных организаций), завершившихся в январе-сентябре 2019 года, выросла по сравнению с тем же периодом 2018 года на 8,5%, до 732 дней, Данный показатель превысил два года впервые за весь период его учета [6].

Соответственно, и интенсивность большинства конфликтов в данной сфере следует обозначить как “вялотекущую”, что связано в большинстве случаев с длительными, затяжными судебными процессами. Наиболее острой стадией на практике является этап “вхождения” в процедуру, а также период реализации имущества должника.

При этом, в связи с принятием Государственной Думой РФ в первом чтении законопроекта о внесудебном порядке признания гражданина банкротом, вероятно появление целого ряда новых видов конфликтов, связанных с деятельностью арбитражных управляющих по проведению соответствующих процедур без контроля арбитражного суда.

Рассматривая указанный законопроект с точки зрения социальной группы арбитражных управляющих, следует отметить, в частности, отнесение бремени расходов на проведение процедуры на арбитражных управляющих, что, с одной стороны, позволит сделать процедуру бесплатной для граждан, однако следствием соответствующей реформы может стать увеличение ежемесячных взносов либо вступительных взносов для арбитражных управляющих, что приведет к новым противоречиям между законодателем и профессиональным сообществом арбитражных управляющих.

Представленная классификация свидетельствует о разнообразии, динамичности и глубине конфликтов в сфере несостоятельности на текущем этапе развития данного института, о попытках законодателя упростить процедуру несостоятельности (в частности, для физических лиц) для широкого круга граждан, не способных провести процедуру собственного банкротства из-за ее дороговизны, а также о необходимости более глубокого анализа причин возникновения конфликтов в данной сфере с целью их возможного предотвращения.

Литература

1. Статистический бюллетень ЕФРСБ на 30 июня 2019 года. Единый федеральный реестр юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности. URL: https://fedresurs.ru/news/3d5c99f9-005b-4026-8a21-f4b9ac8d7891 (Дата обращения: 25.02.2020 г.)
2. Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц, обобщивший ряд ключевых позиций судов по вопросу рассмотрения обоснованности требований аффилированных должнику лиц. URL: http://www.consultant.ru/-document/cons_doc_LAW_344078/ (Дата обращения: 25.02.2020).
3. Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2019 года. URL: https://мвд.рф/reports/item/19412450/ (Дата обращения: 25.02.2020).
4. Банкротства компаний 2015-2017: статистика ЕФРСБ. Единый федеральный реестр юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности. URL: https://fedresurs.ru/news/6fafa8e8-93b4-4cb6-9694-54dc892e094d (Дата обращения 25.02.2020).
5. Официальный сайт информационного агентства “Рейтер” (Крупнейшая процедура банкротства города в истории США). URL: https://www.reuters.com/article/us-usa-detroit-bankruptcy-judge/in-largest-ever-u-s-city-bankruptcy-cuts-coming-for-detroit-creditors-retirees-idUSBRE9B20PZ20131203 (Дата обращения: 25.02.2020).
6. Информационное агенство «Интерфакс» («Хитрость и стагнация растянули банкротства»). URL: https://www.interfax.ru/business/679933 (Дата обращения 25.02.2020 г.).

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ И ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ В XXI ВЕКЕ

Тонева Д.С.
Технический университет – Варна,
Болгария, г. Варна

Аннотация: Предлагаемая разработка сфокусирована на многофакторном анализе характерологических особенностей информационной эпохи XXI века и на некоторых из объективных факторов, определяющих её как интеллектуальноёмкую. Выделены социальные и экономические изменения, их детерминанты и назревающие вопросы о тенденциях в развитии глобального социума.

Ключевые слова: информационные технологии, постиндустриальное общество, информационная эпоха, компьютеризация, сетевые системы, водородная энергетика, «Евразийские пульсации», «азиатский экономический феномен», социальные рефлексии, социальная и экологическая добавленная стоимость, искусственный интеллект.

Тематическая задача на исследование влияния технологий и экологии как детерминирующих факторов социальных и экономических процессов в XXI веке, требует анализа характерологических особенностей периода, как часть «веера» эпох человеческой цивилизации.

Первые десятилетия XXI века являются потрясением для человечества своей турбулентностью и динамикой трансформаций социальных систем, технологий, экологических процессов, этнических идентичностей и личностно-психологического самосознания как субъективно-объектный фактор и феномен информационной эпохи.

Как бы ни был осмыслен происходящий эволюционный, и в некоторых границах, революционный переход стрелки истории из индустриальной в постиндустриальную эпоху, как теория и прогностика выдающихся исследователей – учёных и визионеров, реальность продолжает на неизвестной до сих пор скорости извергать, как научные открытия, информационные потоки, цифровые технологии, так и экологические и техногенные катастрофы, социальные, экономические и финансовые потрясения.

Есть авторы, среди которых и классик постиндустриальной теории Даниел Белл, которые расчленяют и систематизируют историю на базе индустриализма: доиндустриальные, индустриальные и постиндустриальные общества.

В 1973 г. выходит основной труд Даниела Белла «Наступающее постиндустриальное общество: попытка социального прогнозирования» [2] (предшествуемый широко известным докладом на эту тему (1962 г.) и двумя его статьями (1967 г.)) и последовавший за ним увлекательный труд «Культурные противоречия капитализма» (1976 г.) [1]. Обе книги Д. Белла и сегодня продолжают быть основополагающим вкладом в теорию постиндустриального общества.

Российский учёный В.Л. Иноземцев указывает, что «сам термин «постиндустриальное общество» возникает за рамками данного научного направления. Впервые он использован в начале XX века анархистами, считающими, что будущее общество обязано уничтожить индустриальный строй; особенно широко использует его в то время А. Пенти, представитель одного из разветвлений английского социалистического движения. Вторую жизнь данному понятию дают социологи, изучающие сокращение рабочего времени в условиях послевоенного экономического подъёма. Д. Рисман выводит его в заголовок своей статьи, ставшей, благодаря этому, исторически значимой.

Переход человечества на постиндустриальную стадию своего исторического развития начинается формированием новых реальностей в самой индустриальной эпохе. Закат индустриальных методов производства начинается после их процветания. Тоффлер не случайно определяет новые информационные технологии как «супериндустриальные», а Кан и Бжезинский называют их «технетроны» (от греческого слова «техне»). Генезис новых технологий находится в развитии науки и самих индустриальных технологий. «Информационная эпоха, следовательно, зарождается в недрах индустриальной, захватывает постепенно или революционным образом её территории, и воцаряется как великая социальная революция, как водораздел в истории человечества», подчёркивает А. Лилов. Фундаментальная теория информационных обществ внутренне противоречивая, дискуссионная и, без сомнения, развивающаяся в соответствии с многослойным структурированием протекающих процессов.

Для понимания макро- и микромира в XXI веке исключительное значение имеют труды Д. Белла, о которых мы уже упоминали; концепция Германа Кана в его футурологическом исследовании «Следующие 200 лет», в соавторстве с Уильямом Брауном и Леоном Мортелем; Питер Дракер «Посткапиталистическое общество» и Элвин Тоффлер «Третья волна» [3] и «Новая цивилизация», в соавторстве с Хейди Тоффлер.

Все три концепции, несмотря на свои специфики выводят тезис, что самым важным, определяющим фактором информационализма является знание, информация. Это главный ресурс развития в информационной эпохе. Общим является мнение о мировом перехода как радикальное изменение во всех областях развития. Основное противоречие между Человеком и Человеком; богатым и бедным; человеком умственного и человеком физического труда. Противоречие «Я» и «Другой» детерминирует решения, качественно новые, для обеспечения гармонического будущего человечества.

Мы становимся свидетелями новых теоретических вкладов в теорию постиндустриальной, информационной эпохи. Труды Мануэла Кастеля «Восход сетевого общества» и Владислава Иноземцева «Зад пределами экономического общества…» (1998 г.) и «Расколотая цивилизация» (1999 г). Наряду с углублённым исследованием предпосылок для постиндустриальной, информационной эпохи, Иноземцев вводит постановку «постэкономического общества». Трансформация, которая предпосылает его, обусловлена этапами перехода

к постиндустриальной эпохе. Иноземцев приходит к дихотомии «труд-творчество». Создание теоретической концепции о труде и творчестве является ключевой задачей информационного общества. Иноземцев отдаёт себе отчёт о сложности дихотомии «труд-творчество». Он выделяет территорию термина «творчество» в рамках постэкономической парадигмы, «как синтетический результат развития форм активности человека». (Иноземцев, В.Л. За Пределами экономического общества… В: www.postindustrial.net (30.VII.2007). Такая активность является эманацией сознательности, унаследованной от труда и побудительного мотива ранних её форм, с наличием стремления к внутреннему совершенствованию, и имеет характеристики, отличающие её качественно от обычного труда. Отсюда и логический вывод утверждения, доказанного практикой, что труд модифицируется в интеллектуальную и творческую деятельность, и это является процессом в информационном обществе.

Значимыми тезисами по проблемам постиндустриализма разрабатывают и другие российские учены, как например А.И. Ракитов, Р.Ф. Абреев и С.А.Дятлов. Ракитов, как специалист в области компьютерной революции, в своих фундаментальных трудах («Философия компьютерной революции» (1991г.) и «Будущее России: общество высоких технологий. Проблемы информатизации» (1995), «Информация, наука, технология в глобальных исторических изменениях» (1998)), формулирует тезис о стадиях информационной революции (революций). Он выделяет пять стадий: появление языка – первая; изобретение письменности – вторая; книгопечатание – третья; открытие электрической коммуникационной аппаратуры – телефон, телеграф, радио, телевидение – четвертая; применение компьютера, локальных и глобальных сетей – пятая. Ракитов видит в информационных и технологических революциях, естественно объединяющихся на пятой стадии – главный двигатель не только экономического, но и целостного цивилизационного и культурного развития человечества.

Близка к тезису Ракитова теоретическая платформа тезиса, разработанного Абдеевым. Он выдающийся специалист в области кибернетики и главный конструктор информационной космической аппаратуры. Его интересы в философском осмыслении информационной революции. Его основной труд «Философии информационной цивилизации» (1994г) представляет его анализы, в которых преобладают систематический кибернетический подход к развитию информационной революции с ее макродинамикой, при этом меньше внимания уделяется социальным процессам (микродинамика информационного общества).

Проф. С.А.Дятлов из Петербургского государственного университета экономики и финансов, развивает свой тезис о информационной эпохе в своих фундаментальных трудах «Предмет и метод теории информационной экономики. экономическая теория на пороге XXI века” (1998) и «Принципы информационного общества» (2006). Основная идея Дятлова – определяющая роля информационной парадигмы в современном социально-экономическом развитии. «Информация, согласно тезису Дятлова, является универсальной, общенаучной категорией. С одной стороны, она - субстанциональное основание всех явлений, в частности экономики. С другой – все формы и характеристики экономики могут выразиться общими универсальными единицами информации. Отсюда и возможность новой интегральной методологии исследования реальностей – метод информационно-содержательного анализа», подчёркивает А. Лилов в «Информационная эпоха» - т.3 (2008г.)

На базе своей идеи о информационной парадигме и выделенных семи эволюционно-информационных стадий развития цивилизации, обусловленной типами информационных технологий, Дятлов разрабатывает тезис о современной информационной экономике. «Сейчас в мире активно формируется глобальная сетевая информационная экономика, которая получила наименование Network Ekonomy. [3].

Короткий и отнюдь не полный обзор к теоретическим разработкам, характеризирующим мировой переход к информационному обществу, провоцирует обратить свой взгляд на крупного немецкого историка Леопольда фон Ранке (1795-1886г), которого академик Васил Гюзелев называет «крупнейшим немецким историком XIX века», который охарактеризовал мировые переходы из одной эпохи в другую, таким образом: «самое удивительное в истории человеческого рода это переход из одного времени в другое. Он происходит неза-

метно, вдруг становится видно, что понятия, ситуации, тенденции изменены, и ощущается совсем иной мир».

Проницательное наблюдение, которое привнесено в нашу современность, объективирует происходящее в XXI веке. XXI век, как в калейдоскопе, «фотографирует» историю социально-экономическое развитие человека посредством достижений личностного и коллективного интеллектуального потенциала, и ставит ряд кардинальных вопросов. В поисках причинно-следственных связей между высокими темпами развития экономических и социальных систем, активизацией научных исследований и пиком научных открытий, оформляются детерминирующие их факторы. Во-первых – стремление к выживанию человека и его ареалов как целевая установка экологии; во-вторых – технологии с высокой степенью интеллектуального потенциала и его органичного вплетения в экономики и социальные системы.

Движение истории ускорилось, природных наук - также. Объективная необходимость в новой методологии исследования изменений информационной эпохи, которые по своей комплексности, радикальности и темпоритму, ни с чем в прошлом несравнимы, требует новой консолидации и географии научной мысли и прогностики; создания глобальных стратегий реализации позитивных возможностей и подготовка человечества к беспрецедентным угрозам. Более того – экономическая и общественно-историческая необходимость в креативном образовании и высокой степени культурного развития социума и отдельной личности, становятся осознанной целью. Производство, генерирование и применение знания, обработка информации становятся основным ресурсом информационного общества.

Налицо многоаспектная, системная по своему характеру, взаимозависимость между развитием науки, кодифицированием фундаментального знания, образования и профессиональной подготовки, и реализацией людей. Государства, которые обеспечивают эти процессы, быстро занимают передовые места, и сформируют «центр», а другие - «полупериферию» и «периферию» социально-экономической карты информационной эпохи.

В таком контексте становятся объективными центростремительные силы, толкающие «бедные периферии» к «богатому центру» мира. И потоки экономических эмигрантов являются логичным и необратимым процессом, заливающим Европу волнами ищущих выживания и будущего огромных групп людей. Провоцируемые политическим гегемонизмом богатого мира войны (локальные, региональные, этнические, религиозные, гражданские) создают огромные беженские разнородных социальных и этнических масс. И эго неизбежное, антигуманное «тёмное облако XXI века». Наряду с так называемым «валовым внутренним мусором» (Ани Ленард) генерируется «биологический отход» – бедный, лишний, лишившийся рода своего, ненужный человек. Страшно! Но это часть реалий XXI века. *Это ли трассирует наш путь?*

Новая технологическая парадигма (информационно-коммуникационная) уже факт. Ее ядром являются новые производственные и коммуникационные технологии - электроника, компьютеры – программное обеспечение и аппаратное обеспечение, телекоммуникации, оптоэлектроника, биотехнологии. Она интеллектуализирует, рационализирует труд человека. Ум человека, мозг человека впервые посредством информационных технологий выполняет роль непосредственной производственной силы. Это исторический шаг! И она, совместно с всепроникающей способностью информационной парадигмы, вызывает радикальную трансформацию все областей жизни и всех видов деятельности человека; преображает общество и самого человека.

Информационно- коммуникационные технологии являются (по сравнению с предыдущими из других периодов) наукоёмкими и интеллектуально насыщенными, потому что труд – эманация инновационных элементов и творческого содержания. Более экологическими – потому что в самом своём замысле содержат экологическую компоненту, т.е. требование не ухудшать параметры окружающей среды, сохранять и даже улучшать состояние природной среды. Более эффективными – потому что улучшают производительность труда, качество продукции, конкурентоспособность экономики и условия жизни.

Детерминирующая технологическая компонента в строительстве социума в информационной эпохе, создаёт объективные сетевые структуры занятости рабочей силы, и собственно присущие ей характеристики. В течение последних 20 лет в странах с развитой экономикой резко повышается доля участвующих в НИОКР; увеличивается сектор услуг за счёт производства и работающих в нем. «Белые воротнички» соответствуют известного до настоящего момента «среднего класса», а классический пролетариат, уже потерявший свои сущностные черты XIX и XX века, включается в т.н. группу «синих воротничков» - производственного персонала. Для ЕС это соотношение составляет 30% на 60% к 1990 г., в то время как в 2000 г. составляет 70% на 20%, и остальные 10% сосредотачивают от 2 до 3% стратегических инвесторов (владеющих крупный капитал), от 3-до 6% в государственной администрации и 4% - иных, осуществляющих «свободные» профессии. Такая тенденция сохраняется до 2019 г. и показывает устойчивость в будущем.

Анализ реализованной производительности труда ВВП отдельных стран, подчёркивает и долю добавленной стоимости – финансовую, социальную, экологическую. Высокие технологии в области всех отраслей детерминируют темпы развития социумов их экономик. Цифровые технологии, принципиально новые источники энергии, генные технологии, создание «искусственного интеллекта» в его современном смысле, их взаимное проникновение и консолидирование, обособляют что-то вроде новой религии, идущей из Кремниевой долины, которая не озабочена о человечестве в настоящей его форме. Определённо видим пророческую систему верований, воплощённую в бизнес планы корпораций, таких как «Гугл», «Фейсбук», «Убер» или «Амазон». Тенденция воплощена в техно-утопический и глубоко античеловеческий настрой, порождённый взаимным проникновением идей американских и постсоветских учёных, философов, экологов, космологов и спиритуалистов, которые начинают взаимодействовать с надеждой предотвратить ядерную войну, но в итоге предлагают взгляды, которые носят заряд и угрозу как ядерной бомбы.

Существует проект института «Эсален» (Esalen institute), целящий встречи американских учёных и их русских коллег (из бывшего Советского Союза).

Дуглас Рашкофф описывает в своей книге «Команда человечества» (Team Human) параметры и результаты этого сотрудничества, целящего установить коммуникационные каналы.[6] Таким образом, учёные из Стэнфорда и Кремниевой долины, которые создают наибольшие прорывы в технологиях и доказывают их детерминирующую роль, встречают последователей русского космизма. Они исповедуют что-то вроде научно-фантастического гностицизма. Он прорастает на традициях русского православия и верованиях в бессмертие.

Продолжение течение видит сегодня, через самоактуализацию с помощью технологий, в которых тело остаётся позади, потому что оно источник греха. «Космисты» считают возможным расщепление тела атом за атомом после смерти, перемещая сознание в тело робота, с тем чтобы колонизировать космос. Они встречают полное гостеприимство у американских «трансгуманистов», которые убеждены, что могут преодолеть собственные ограничения смертной «оболочки», но и постичь новых измерений с помощью машин. Технология будет нашим эволюционным партнёром, люди изначально исчисляемые, а компьютеры делают исчисления лучше всех.

Функцией этих убеждений проявляется компьютерное программное обеспечение – веб страницы и мобильные приложения, которые должны влиять и изменять убеждения людей и их веру.

По мнению Рашкоффа компания «Убер» использует машинное обучение, чтобы заменить человеческую занятость; «Гугл» развивает искусственный интеллект, чтобы заменить человеческое сознание, а «Амазон» «вырывает» жизнь из реальных рынков, чтобы заменить их абстрактными. Автор утверждает и, что эти тенденции совпадают с нечеловеческим лицом корпоративного капитализма. Видимо любой имеет возможность и доступ к любому типу товаров и услуг, тем самым усиливает абстрактную и базированную на идее бесконечного роста схеме, не учитывая качество человеческой жизни или устойчивость экосистемы.

Будущее уже только целеполагание, сводимое полностью к ограничению интеллектом и капиталом. Рашкофф приходит к выводу, что мы побеждены не машинами, а лигой техно-миллионеров, которые научены, что человеческие существа – это проблема, а технологии – решение. Подобная повестка дня уже становится угрожающим для самого человечества.

Человек с самосознанием, мышлением и креативностью, и искусственный интеллект – его проекция, продукт, его образ и подобие, перерастает ли его? Это ли дорога?

Глобальная экономика обладает инструментальной, организационной и технологической мощностью работать как единое цело в реальное время, в планетарном масштабе. Она предполагает и параллельность с социальной глобализацией и образовательной (креативной, инновационной, революционизирующей) глобализацией.

В январе 2020 г. в Лондоне проходила очередная выставка инновационных обучающих систем и средств, применимых в среднем образовании. На стендах, участвующих более 130 государств, дали себе встречу последние достижения «умных» технологий. Российский стенд предложил продукт искусственного интеллекта, который берет интервью и подростков, оценивает их потенциальные возможности и прогнозирует их личностное профессиональное развитие и успешную карьеру, и успешную карьерную реализацию, выдавая как минимум 3 альтернативы. Оценивает психологические особенности личности. Включает «пакет» отслеживающего развития, с возможностями для сравнения с достигнутым максимально возможным для потенциала подростка.

Япония, США, Китай, Индия, Великобритания представлены «умными комнатами», «мыслящие массы», «креативные лаборатории», «обучающие кабинеты», «иновационные классные комнаты» с искусственным интеллектом. Объединённые арабские эмираты предлагают «симпатичного», «интеллигентного» «учителя-робота», который преподаёт, разговаривает, слушает, понимает, отвечает на вопросы, выражает чувства, сопричастность; когда дотрагивается до человека ощущается «мягкое тепло» его ладони. Высок около 2 метров, но он гибкий, пластичный, ритмичный. Разговаривает на несколько языков. *Когда в наши школы войдут такие обучающие, и нужно ли нам именно это?*

В информационной эпохе выделяется смещение доминирующих влияний гегемонов XX века – США и ЕС в сторону технологических новых лидеров из Азии – Китай и Индия. Каковы факторы для этого? Во-первых – демографический фактор. В Азии протекает мощнейшая сегодня демографическая революция. Только Китай и Индия имеют 40% населения земли. Азиатское население молодое, преобладают те, кто работоспособного возраста. Сила демографического фактора стимулирует рост социальных потребностей – работа, доходы, здравоохранение, культура; во-вторых – цивилизационный фактор. В Азии находятся пять из восьми цивилизаций в мире – китайская, индийская, японская, большая часть русской и исламской. Это является гарантией накопившегося исторического опыта, традиций, философских психологических и ценностных накоплений; большого пассионарного потенциала.

В Азии с наибольшей силой проявляется необходимость в принципиально новых путях экономического развития человечества. Ищутся новые модели развития, которые не должны повторять западную модель, оставляющую после себя тяжёлые экологические и социальные следы (Сунита Нараин, директор центра науки и окружающей среды – Индия). Китайское видение по этому вопросу – изменить практику сначала загрязнять, а потом убирать. (Се Чженхуа – директор, Государственное управление защиты окружающей среды Китай). Стремление – построить общество, в котором люди воспринимают способ производства и жизни, поддерживающий гармоничное сосуществование человечества и природы.

В-третьих - экономический фактор. Азия развивается самыми высокими темпами роста в мире сегодня. Экономический подъем Азии, в частности Восточной Азии, одно из самых высоких и самых внушительных явлений в современном мире. Вот сравнение, которое делает Хантингтон [5]: «Великобритании и США – пишет он, понадобилось 58, соответственно, 47 лет, чтобы удвоить своё производство на душу населения, в то время как Япония достигла этого за 33 года, Индонезия – за 17, Южная Корея – за 11, а Китай – за 10.

Мы свидетели, что пока в 90-е годы XX века в Азии располагались вторая и третья по величине крупная экономика, то в 2020 г. (как прогнозирует Хантингтон) там находятся четыре из пяти или даже семь из десяти крупнейших экономик. На следующем месте (а может быть на первом) месте по значению фактор научная, технологическая, коммуникационная и образовательная. Восход Азии связан с ними.

Произошли технологические и экономические прорывы в лице Японии и маленьких «азиатских тигров» –Южная Корея, Тайвань, Сингапур, Гонконг и др. Разработаны были и внедряются государственные стратегии реформ и модернизации Китая и Индии. Успешные экономические реформы проводятся во Вьетнаме, Индонезии, Малайзии, Таиланде и др. Особое место занимает Пакистан. На очереди средняя Азия – Иран, Турция, Казахстан, Узбекистан…

Сегодня китайская история делает острый поворот, и включается путём реализуемой китайским социалистическим государством стратегии модернизации в авангард мирового развития, подчёркивают многие исследователи «Китайского чуда», у которого свои доминанты в информационной революции во всех ее аспектах и в ликвидации бедности.

Индия – азиатский и мировой гигант XXI века – она создаёт свою собственную высокотехнологическую базу, конкурентоспособную миру. Построила свою «кремниевую долину» и превратила южный индийский город Бангалор в центр индийского экономического перехода. Страна быстро выходит на передовые позиции современного информационного развития.

«Оба государства имеют первоклассные университеты, которые выпускают полмиллиона учёных и инженеров в год, по сравнению с 60000 в США. В настоящее время в Индии есть 2,4 миллиона молодых финансовых и бухгалтерских специалистов, по сравнению с менее 1,8 млн. в США, а Китай имеет 1,7 млн. недавно окончивших образование инженеров, по сравнению с 700 000 в США» [7].

Вывод: Азия (с населением 3–4 миллиарда) превращается в центр современного экономического развития и в борца против бедности, в творца высоких технологий и строительства многослойных доброжелательных и взаимовыгодных отношений с миром. Наступило время для новой стратегии Европа–Азия. Эллинское наследство отделения Европы от Азии будет преодолено. Будущее за Евразией в глобальном понимании (но и «российского» евразийского понимания, структурирования и социально-экономического развития).

Огромной проблемой и вопросом XXI века – унаследованная, коррелирующая с социальным развитием, личностным выживанием и процветанием, преодолением бедности путём внедрения высших научных достижений, воплощённых в технологии, и высокие темпы, и рост экономического развития, является энергетическая. Причины этого разные, но самых главных три: первая – прогрессирующее истощение природных ресурсов от источников энергии – нефти, газа, каменного угля и др..; вторая – быстрое увеличение потребления энергии развитыми и развивающимися странами, и наметившееся нарастание потребления энергии, в связи с ускоренным экономическим и технологическим развитием; рост цен на нефть и газ; третья – неблагоприятные экологические последствия ныне существующей энергетической модели, которые достигли критических границ, и вещают экологические катастрофы.

Многие исследователи рассматривают добычу и количество энергии, потребляемое на душе населения, как критерий прогресса цивилизаций. Джеримии Рифкин [8] обоснованно заключает «История человеческих цивилизаций – включая их восход и упадок – нельзя правильно понять, если не отдать должное «энергетической поддержке». Она угольная, нефтяная, но уже на закате – и из-за исчерпания нефти и угля, из-за их экологической непригодности. Все ещё располагающими этим ресурсом, не достигнув вершины производства нефти являются Саудовская Аравия и Россия (примерно 11 млн. и 9 млн. баррелей в сутки). Другие страны с значительным потенциалом для увеличения производства – это Канада (благодаря битуминозным пескам) и Казахстан. Другие страны – это Алжир, Ангола, Китай и Мексика.

По мнению специалистов, в этой области, вершина нефтепроизводства в обозримой близости, уже в этом веке. Ещё более тревожным является то, что за глобальной кульминацией производства нефти последует кульминация производства природного газа. По мнению Датч Шелл, это произойдёт не ранее 2025 г.

Намечаются два видения для решения энергетической проблемы – промежуточные решения и радикальные решения. К первым относятся открытие новых источников или использование топлива, газовой, водной, солнечной, атомной энергии. Вторая предусматривает восход водородной экономики.

Многие специалисты выдвигают на обсуждение вопрос о повторном обращении мировой экономики к использованию каменного угля, запасы которого очень большие.

Джон Холдрен, прогноз которого об увеличении в четыре раза потребления энергии в 2100г. по сравнению с 2000-м, прогнозирует, что это обозначало бы увеличение в три раза эмиссий углекислого газа, – от 6 миллиардов тонн в год к 2000 г., до 20 миллиардов тонн, к 2100 г.

Американская академия наук (NAS) предупреждает, что мы на пороге «Большого перегрева» земной атмосферы, которое толкнуло бы климатические системы к новому климатическому состоянию без сходства и релевантности с предыдущими резкими изменениями.

Другое промежуточное решение это биотопливо, добываемое от растений, прежде всего сахарных и масличных. Это ставит вопросы о количестве плодородной земли и балансе культур на топливо и продовольствие, т.к. сейчас планета должна прокормить 6,5 млрд. человек, и будущих 10 млрд. в 2040–2050 г. Сложный баланс, в частности, учитывая информацию ООН, что в настоящее время голодуют свыше 1 млрд. человек.

Оптимистический вариант энергетического обеспечения глобальной экономики – это водородная энергетика, преимущества которых не являются дискуссионными. Сейчас водород производится в основном от переработки природного газа, что вероятно сохранится в обозримом будущем. Но большая мечта – это непосредственная добыча энергии от Солнца. Расчёты Джона Хаутена показывают, что человечество расходует «за год количество энергии, идущей на Землю от Солнца за 40 минут»

Фотогальванические устройства (ФУ) уже устанавливаются в мире, несмотря на то, что они очень дорогие, так же, как и «энергетические клетки, заряжаемые водородом», которые могли бы удовлетворить потребности вплоть до необозримого будущего. С помощью водородной энергетики решаются задачи обеспечения электроэнергией, производимой в каждом населённом пункте; предотвращаются огромные потери современного дигитального производства, финансового обмена, торговли, банковской деятельности, от отключения электроснабжения.

Одно из последствий водородной революции будет в области автомобильного транспорта. Вероятно, «вечное топливо» будет концом двигателей внутреннего сгорания. Будет новый автомобиль – неизлучающий углеродные эмиссии в атмосферу, бесшумный, намного более совершенен в техническом отношении.

XXI век продолжает успешное исследование космоса. Техническое обеспечение космических программ один из наиболее высоких «этапов» компьютерных технологий. Первопроходцами являются советские учёные и их американские коллеги. К ним присоединилась мировая научная элита.

Программное обеспечение, аппаратное обеспечение, нанотехнологии, биогенетика, цифровые технологии, информационные технологии, ведут к трансформацию экономики от «информационной», «знания», к «экономике машинной интеллигентности», которая имеет разнонаправленность и сеть целевых установок – от исследования и обогащения почв; исследование мирового океана как «убежища жизни» и ресурсный резерв; отправление к космическим целям для исследования (Солнца, галактик и планет) и колонизации; создание «живой материи» и человеческих органов; сверхмалые и новые материалы… Такой вид экономики, родившаяся и трассирующая XXI век как эпоху глобальных изменений социальной структуры, производства, человеческого самосознания и реализации, оборонительных

и наступательных систем, политических взаимосвязей и сущностей, государственных конфигураций и систем управления, континентальных и планетарных объединений, союзов, альянсов, финансовых учреждений и финансовых эквивалентов богатства увязано с «искусственным интеллектом». Сам он, как эманация человеческого технологического прогресса и изначального стремления человека сотворять по своему образу и подобию, надстроенного, улучшенного, надросшего его «человека», обладает комплексным, диалектическим, глубоко противоречивым характером творения и творца. Предполагает возможность взаимодействовать с живым человеческим мозгом, предпосылая его в своей сущности, с помощью технологических процедур, но и воздействует на него, «нагружая» его дополнительным привнесённым познанием и интеллектом. «Смысловая улитка» как часть иерархии и динамики процесса мышления уже является воспроизводимой в искусственном интеллекте. Как кульминация единения техногенного и «естественного человеческого и природного начала», искусственный интеллект детерминирует социально-экономические изменения XXI века.

«Искусственный интеллект» – «узкий», «сильный», «супер/превосходящий человека искусственный интеллект» – *это ли «венок» человеческого творческого гения, легитимирующего XXI век как водораздел в социальном, экономическом, культурном, духовном развитии человечества? Как конечная и начальная точка эволюции?*

Феномен такого типа интеллигентности будит тревогу не только среди визионеров, таких как, Илон Маск и Стивен Хокинг, которые считают, что именно это открытие может привести к исчезновению человеческой расы. Существует многообразие мнений по данной теме. Начиная с того, что такой исторический момент является недостижимым, проходя через тезисы, что может утвердиться слишком близко к нашему будущему, до взглядов Курцвейла, что суперинтеллигентность реализуется путём единения между человеком и компьютерным интеллектом.

Начинается перемена мирового порядка, под воздействием (узкого) искусственного интеллекта (Юваль Харари Homo Deus). Меняется видение о войнах, СМИ, религиях, политиках, государственном управлении, демократиях, как таковых. Демократические выборы станут лишними – «Гугл» сможет представлять личные политические предпочтения лучше самого индивида. Не случайно «Гугл» и «Фейсбук» имплицитно располагают информацией, которая тотально может описать личностный профиль в разных измерениях каждого потребителя. Доступной является информация о том, что на последних президентских выборах в России (март 2018 г.) был кандидат по имени Алиса, который получил 25000 голосов. «Алиса» не является реальной личностью, а искусственный интеллект, созданный Яндексом (Yandex). Предприниматель Роман Заринов, который стоит за проектом, поясняет, почему в президенты России не нужен человек, а искусственный интеллект. Случай «Алиса» описан как алгоритм, подлежащий машинному обучение, чей уровень все ещё не многоцелевой.

В США трансгуманист Золтан Иштван зарегистрировал партию, с которой будет участвовать в выборах президента в 2020 г. – политиком будет искусственный интеллект.

Это та дорога, которую мы ищем?

2020 г. поставил перед человечеством дилемму, через «пандемическую петлю» корона вирус, о выживании. Гипотезы о лабораторном происхождении и трансформации вируса, хотя и не доказанные, незнакомая скорость его распространения и поражений на жизнь тысячей людей, на экономические и социальные структуры – кричат: *существует ли дорога спасения, какая и где она?*

Трудные вопросы.

А ответ, как утверждает проф. Александр Лилов, находится в знаменитой испанской пословице*: «Путник, дорог не существует. Дороги творит идущий.»*

Литература

1. *Bell D.* The Cultural Contradictions Of Capitalism: 20th Anniversary Edition. NY: Basic Books, 1996. Pp. 33–146.

2. *Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society: a Venture in Social Forecasting. NY: Basic Books, 1999. 507 p.
3. *Toffler A.* The Third Wave. NY: Basic Books, 1984. 535 p.
4. *Дятлов С.А.* Принципы информационного общества // Информационное общество. 2000. № 2. С. 77-85.
5. *Rushkof D.* Team Human. NY: Record Books, 2018. Pp. 45–56.
6. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций (и преобразование мирового порядка) // Обсидиан. 2000. С. 144–146.
7. *Флавин К., Гарднер Г.* Китай, Индия и новый мировой порядок // Состояние планеты. 2006. 32 с.
8. *Рифкин Дж.* Водородная экономика. София, 2004. 57 с.

РАЗВИТИЕ МАЛОГО ПРЕДПИНИМАТЕЛЬСТВА И САМОЗАНЯТОСТИ: ОПЫТ РЕСПУБЛИКИ ТААТРСТАН

Хайруллина Ю.Р., Гарипова Р.Р.
Казанский федеральный университет,
Россия, г. Казань

Аннотация. В статье представлены результаты конкретно-социологических исследований, касающиеся влияния сложившейся в регионе политико-правовой ситуации на развитие предпринимательской активности. Сделано заключение, что существующая политико-правовая среда благоприятна, но далеко не оптимальна для развития деловой активности малого бизнеса.

Ключевые слова: предпринимательство, самозанятость, малый бизнес, государственная поддержка, административно-правовая среда бизнеса, теневая занятость.

В условиях рыночной экономики сфера малого предпринимательства является фундаментом для зарождения и развития среднего класса, как главной общественной опоры. Рассматривая рынок в современных условиях, можно с уверенностью сказать, что одним из главных его участников, от деятельности которых зависит развитие данной сферы, является фигура предпринимателя. Данная тенденция характерна не только для настоящего времени, практически на протяжении всей истории (с момента зарождения предпринимательства) предприниматели являлись и являются основной движущей силой рынка.

Расширение слоя предпринимателей содействует преодолению экономической и социальной дифференциации населения, повышает его удовлетворенность качеством экономической и социальной жизни, уровень доверия к органам власти, способствует снижению социального напряжения и протестных настроений, что особенно актуально для современного российского общества в целом и его регионов.

Проанализируем перспективы развития современного российского предпринимательства, характер окружающей его административно-правовой среды. Материалом для размышлений послужат данные прикладных социологических исследований: экспертных опросов, проведенных в Республике Татарстан и Республике Марий Эл (n = 200, 2013 г.), авторского исследования «Тенденции и институциональные проблемы развития малого предпринимательства в Республике Татарстан» (n = 382, 2018 г.) [1, с. 97]. Участниками опроса экспертов стали теоретики и практики предпринимательства, по 100 человек от каждой республики, отобранные методом «снежного кома»; участниками авторского пилотажного исследования явились практики из сферы малого предпринимательства г. Казани, отобранные согласно принципам квотно-пропорциональной выборочной процедуры, основанной на таких показателях как сфера осуществления деятельности организации (торговля, услуги (включая услуги в образовании и услуги, связанные с недвижимостью (напр., сдача помещений в аренду)),

строительство, промышленность, туризм, сельское хозяйство). Обработка эмпирической информации осуществлялась с использованием программ Excel и IBM SPSS Statistics 22.

Так, с целью диагностики правого поля, в рамках которого функционирует современный татарстанский и мариэловский бизнес, экспертам был задан как важного и необходимого условия успешного развития легальной деловой активности. Из числа татарстанских экспертов 36% полагают, что правовые гарантии для развития предпринимательства созданы, 52% - нет. Мнения мариэловских экспертов распределились по такой же «схеме»: 30% - гарантии созданы, 68% - не созданы. Правда, следует заметить, что оценки экспертов из Марий Эл имеют более мрачные тона. Позитивных оценок несколько меньше, а негативных, наоборот, заметно больше, чем аналогичных оценок татарстанских экспертов. Как бы то ни было, нельзя не обратить внимания на то, что и татарстанские, и мариэловские эксперты в целом негативно оценивают состояние правовой среды в республиках.

Не менее важным фактором, чем правовая защита, является отношение к бизнесу центральной и местной исполнительной власти, которая может либо поощрять, либо сдерживать частнопредпринимательскую инициативу. Картина экспертных оценок политики властей по отношению к предпринимательской инициативе граждан следующая. В рядах татарстанских экспертов наблюдается паритет позитивных и негативных оценок означенной политики (по 36%). Мариэловские эксперты отдали предпочтение отрицательным оценкам политики властей по отношению к бизнесу (44% против 54%). Кроме того, нельзя не заметить, что оценки экспертов из Марий Эл носят более плотный характер, концентрируясь вокруг двух позиций: «скорее нет, чем да» (42%) и «скорее да, чем нет» (38%). Исходя из приведенных экспертных оценок, можно заключить, что степень поддержки властями предпринимательских начинаний граждан в Марий Эл несколько ниже, чем в Татарстане, что, по-видимому, в первую очередь обусловлено большей консервативностью мариэловских органов государственной власти, в меньшей степени склонных к поощрению предпринимательства граждан.

Продолжая тему поощрения властями предпринимательских начинаний граждан, попытаемся более детально рассмотреть меры государственной поддержки бизнеса в Республике Татарстан. Так, основной задачей становления малого и среднего бизнеса в данном регионе на современном этапе является переход на качественно новый уровень его развития, прежде всего, в рамках производственного сектора, с акцентом на инновационную сферу.

Согласно нормативным документам властями каждого региона реализуются различные программы поддержки бизнеса. Их целью заявлена всесторонняя поддержка деятельности предпринимателей. В рамках данной статьи мы сосредоточимся на анализе взаимодействия власти и бизнеса в столице Республике Татарстан – городе Казани. Так, в целях популяризации занятия гражданами бизнесом проводятся различные мероприятия, связанные с данным аспектом деятельности, среди которых такие проекты как: «Made in Kazan», «Бизнес класс», «Бизнес-десант», «Бизнес-успех» и другие. Одной из мер государственной поддержки также является программа «Лизинг-грант». Цель программы – поддержка именно начинающих предпринимателей в Казани, при которой происходит компенсация различных платежей до 50% в зависимости от вида платежа (к примеру, лизинг компенсируется 45% от суммы платежа по нему, но не более 1 млн. рублей). Программа действует также и относительно более опытных бизнесменов.

Существует программа поддержки предпринимателей, реализующих инновационную продукцию; льготное кредитование субъектов малого и среднего предпринимательства и другие программы, которые направлены как на финансирование данной сферы деятельности, так и на снижение административных барьеров и бюрократических препонов, мешающих их становлению и развитию. Также внедряются различные информационные технологии, содействующие функционированию бизнеса; разными ведомствами происходит оказание информационного и консультативного сопровождения деятельности субъектов малого предпринимательства; реализуется совершенствование его инфраструктуры и другие мероприятия. Например, отдельной отраслью оказания поддержки малому бизнесу Казани и заслуживающей особого внимания, является создание внутри и на близлежащих террито-

риях города технопарков и других структур, призванных содействовать росту предпринимательской активности, прежде всего молодежи. В Казани функционирует IT-парк, который должен способствовать ускоренному развитию инновационных технологий, функционирует Иннополис (так называемая «Кремниевая долина» в Татарстане, представляет собой отдельный город, создан с целью развития информационных технологий), Технополис «Химград» (площадка для бизнеса в сфере химии), инновационно-производственный Технопарк «Идея», «Экотехнопарк» и другие.

Итак, в Казани на сегодняшний день государственно-административными структурами предпринимаются активные усилия по совершенствованию и развитию сферы малого предпринимательства, создаются возможности для успешной деятельности, что объясняет более высокую экспертную оценку степени поддержки властями предпринимательских начинаний граждан в Республике Татарстан по сравнению с данными в Республике Марий Эл. Вместе с тем доля малого предпринимательства в экономике республики относительно невелика. Несмотря на значительный объем финансовой поддержки малого предпринимательства, нельзя еще утверждать о существенных прорывах в его развитии и повышении его роли.

Например, противоречием является тот факт, что сами бизнесмены города Казани не участвуют в программах государственной поддержки. Согласно полученным данным, большинство респондентов (41,3%) в осуществлении своей деятельности не обращались за государственной поддержкой; 22,1% респондентов отметили, что у них был безуспешный опыт обращения за помощью; четверть опрошенных (25%) пользовались государственной поддержкой. Настораживает перечень причин, по которым предприниматели не обращаются за получением государственной поддержки. В ходе анкетного опроса (2018 г.) выявлено, что наиболее распространенными причинами являются следующие (вопрос, предполагал несколько вариантов ответов): не верят в возможность получения поддержки (61,1%), многие отметили отсутствие информации об этом (43,7%); достаточно много тех, кого отпугивает от этого шага наличие «слишком большого перечня документов» для оформления заявки для ее получения (37,5%).

Что касается наиболее востребованных форм государственной поддержки, то согласно ответам, предприниматели наиболее остро нуждаются в финансовой и материально-технической поддержке – 65,3% и 17,3% соответственно.

Результаты опроса показали, что наиболее эффективными мерами государственной поддержки, являются следующие: льготная аренда помещений; устранение административных барьеров; компенсация затрат; снижение налогов. В целом уровень существующей поддержки малого предпринимательства в Казани респонденты оценивают на 3,7 баллов из 5. В большинстве случаев предприниматели оценивают необходимость государственной поддержки как «поддержка была бы не лишней»- так считает 41,8% респондентов, 23,4% участника вопроса считают, что при занятии предпринимательской деятельностью без поддержки не обойтись и 25,3% предпринимателей вовсе не нуждаются в поддержке; 9,5% респондентов затруднились дать свой ответ на данный вопрос.

Исходя из результатов анализа данных экспертных опросов, выдвинем положение о необходимости реализации мер повышения уровня доверия в обществе в целом и в отдельных его составляющих, прежде всего, в сфере предпринимательства. Так как существует зависимость оценок уровня доверия в региональных сообществах РТ и РМЭ и оценок состояния предпринимательства. В предпринимательской среде Татарстана 48% оценивает уровень доверия как средний и столько же – как низкий. В свою очередь степень развития малого предпринимательства более 70% опрошенных считает средним, а пятая часть (около 20%) низким, высоким считают единицы.

Следствием недоверия предпринимателей является наличие теневой занятости. По сведениям Росстата в теневом секторе России работает свыше 15 млн человек, или 21% от общего количества занятых людей [2]. С этой оценкой коррелируют данные исследовательского центра национального агентства финансовых исследований (НАФИ), согласно которым почти каждый пятый россиянин работает на себя. В Татарстане, по оценкам экспертов

из ряда республиканских ведомств (Татарстанстат, фонд обязательного медицинского страхования, министерство труда, занятости и соцзащиты РТ), ориентировочное количество граждан, находящихся в серой зоне в Татарстане составляет около 300 тыс. человек. По данным НАФИ, самые распространенные виды деятельности среди работающих на себя – торговля, строительство и ремонт, такси и перевозки грузов. Как отмечают эксперты, развитие информационного общества, снижение транзакционных издержек, высокое проникновение социальных сетей привели к новому буму самозанятости. Социальные сети дали гражданам простую и недорогую возможность продвижения своих товаров и услуг.

На протяжении последних лет актуализировалась тема легализации самозанятых, была поставлена задача по обелению рынка труда. С 1 января 2019 года в Татарстане, Москве, Московской и Калужской областях в рамках эксперимента введен налог на профессиональный доход, который позволяет самозанятым платить 4% от доходов, полученных от физических лиц, или 6% от доходов, полученных от юридических лиц [3]. В эксперименте участвуют граждане, которые получают доход от своей деятельности, но при этом не имеют работодателя и не привлекают наемных работников по трудовым договорам. Согласно принятому закону, самозанятые освобождаются от НДФЛ, но обязаны платить 4% с дохода от работы с физлицами и 6% – с организациями (совокупный доход не должен превышать 2,4 млн руб. в год). В эти ставки включены взносы в систему обязательного медицинского страхования, а вот взносы в Пенсионный фонд самозанятые отчисляют в добровольном порядке. Самозанятые должны зарегистрироваться в качестве налогоплательщиков с помощью мобильного приложения «Мой налог».

Фондом поддержки предпринимательства разработан портфель самозанятых, который включает в себя ряд услуг помощи самозанятым. В Татарстане разыграют 500 «портфелей» для самозанятых – наборы услуг, необходимых предпринимателю для развития своего дела. Обладателям «портфеля» составят «дорожную карту» по поиску партнеров и взаимодействию с ними, а также помогут подготовить два договора по работе с юрлицами. Также в 2019 году в Татарстане открылся Центр поддержки самозанятых, в котором можно проконсультироваться, получить информацию о налоговом режиме. За время своей работы центр провел ряд выставочно-ярмарочных мероприятий для самозанятых.

В настоящее время в Татарстане зарегистрировано чуть более 60 тыс. самозанятых. Большое количество зарегистрированных самозанятых в городах - Казань, Набережные Челны, Альметьевск, Нижнекамск. Самые многочисленные группы среди самозанятых составляют таксиситы, работники из сфер строительства, ремонта жилья и услуг (кулинары, кондитеры, музыканты, репетиторы, косметологи, парикмахеры и другие). Причем 15% зарегистрировавшихся самозанятых – это бывшие индивидуальные предприниматели. В конце 2019 года эксперимент по «пилотным» регионам был признан удачным, и с января 2020 года данный налоговый режим распространяется еще на 19 российских регионов.

Таким образом, в Республике Татарстан на сегодняшний день предпринимаются активные усилия по совершенствованию и развитию сферы малого предпринимательства и легализации самозанятости. Однако, несмотря на значительный объем поддержки данного сектора, нельзя еще утверждать о существенных прорывах в его развитии. И здесь, прежде всего, необходима реализация мер, направленных на повышение уровня доверия данных субъектов экономической деятельности к государству и его институтам.

Литература

1. *Хайруллина Ю.Р., Гарипова Р.Р., Тюленев Д.И., Ямилов Э.Р.* Генезис российского формально-рационального предпринимательства: анализ взаимодействия власти и бизнеса (региональный аспект) // КСГВ. 2018. № 6. С. 97–102.
2. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www gks.ru/ (Дата обращения: 10.09.2019).
3. Официальный сайт Федеральной налоговой службы. URL: https://www.nalog.ru/ (Дата обращения: 15.09.2019).

СЕКЦИЯ «МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ: ПРОБЛЕМЫ, НОВЫЕ ТРЕНДЫ И РАСШИРЕНИЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ»

ТРУДНОСТИ МАССОВОГО ОПРОСА НА ПОЛЕВОМ ЭТАПЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В КАЗАХСТАНЕ

Алинова З.Т.
Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева,
Казахстан, г. Нур-Султан

Аннотация: В статье будет рассматриваться полевой этап социологического исследования и его особенности проведения в Казахстане. Попытка понять какие трудности возникают при данном этапе исследования и какие факторы влияют на формирование таких проблем. Рассуждение о том, нужны ли технологически развивающейся социологии традиционные бумажные массовые опросы и измерить актуальный уровень социального доверия населения посредством процесса коммуникации интервьюера и респондента.

Ключевые слова: массовый опрос, социологическое исследование, региональные супервайзеры, феномен доверия, социальное доверие.

Компетентное проведение социологического исследования в современном мире имеет важное значение. Оно выявляет и раскрывает многообразие, и сущность различных социальных явлений и проблем, что позволяет исследователю получить разнообразную информацию и их результат дает возможность для улучшения эффективного функционирования общества. Как известно, любая исследовательская работа осуществляется по-логически – последовательной схеме. Точно так же поступают и в проведении социологического исследования – исследование проводится по основным этапам: 1) подготовительный (или организационный) этап - разработка, согласование с заказчиком и утверждение документов социологического исследования: сметы расходов на проведение исследования, рабочего плана, карты выборки, программы и инструментария; 2) полевой (или информационный) этап – сбор первичной социологической информации; 3) технический (или этап обработки) этап – обработка собранной первичной социологической информации; 4) аналитический (или заключительный) этап – анализ обработанной информации, формулирование выводов и рекомендаций по решению исследованной проблемы, подготовка аналитического отчета по итогам исследования.

Каждый этап охватывает определённый вид работ, имеет свои особенности, временные рамки и т.д. В данной статье будем рассматривать полевой (или информационный) этап, точнее выявление трудностей в ходе этого процесса. Главная особенность данного этапа заключается в непосредственном контакте исследователя и респондентов. На первый взгляд, кажется, что здесь ничего сложного нет. Однако, как бы ни была хорошо разработана программа исследования, необходимо помнить, что существенную роль играет непосредственная реализация этой программы. То есть при сборе информации исследователь устанавливает тесные контакты с множеством лиц – руководителями предприятий, респондентами, общественными организациями. Поэтому в ходе полевых работ исследователь должен придерживаться основных принципов поведения: объективность, конкретность, корректность, контактность, ненавязчивость, профессиональность и соблюдение анонимности опроса. Интервьюеры должны не только уметь находить контакт с респондентами, но и выходить из кризисных ситуаций разрешать возможные конфликты.

Многие казахстанские научно-исследовательские центры, которые проводят социологические исследования, полевой этап проводят с помощью, так называемых, региональными супервайзерами или менеджерами. Региональные супервайзеры зачастую люди, не имеющие

социологического образования, иногда и вовсе никакого образования. Но это не значит, что данные, собранные ими неправильные или недостоверные. Прежде чем поручить человеку опросить респондентов, с ним ведется соответствующий инструктаж, по которому он делает несколько пилотажных интервью. Если центр или организация довольна результатами, с этим человеком заключается договор на момент проведения исследования. Некоторые такие специалисты имеют 10-летний стаж в данной работе.

Как бы то ни было, соискание и рекрут супервайзеров осуществляется дистанционно, по телефонной связи ведутся переговоры, назначается пробное проведение анкетирования, производится контроль его работы и принимается решение заключать ли договор или нет. Не думаю, что кто-то разъезжает по всем регионам страны, проводит собеседования с каждым кандидатом, проверяет компетентность и наличие определённых навыков опроса. Во-первых, это не целесообразно, потому что фактически провести опрос не требует специализированного обучения. Во-вторых, не каждая организация или центр располагает дополнительными финансами, чтобы отправить рекрутера в «необычное» путешествие. Дабы мы разобрались с тем, что супервайзеров нанимают дистанционно, стоит предположить, что мы не в силах по достоинству оценить порядочность, ответственность и исполнительность этих людей. Но так как такой вид труда недооценён, считая, что - не требует специального образования, навыков и компетенций – небольшая финансовая мотивация как правило не преследует качественную работу и большой список желающих работать супервайзерами. Эта проблема, на самом деле, острая в социологическом исследовании, потому что работа супервайзеров – это качество данных и их достоверность.

Прежде чем ставить под сомнение работу супервайзеров, нужно разобраться, почему провести опрос становится трудно. Хотелось бы затронуть проблему современного социального доверия людей друг к другу, которое сказывается на проведении опроса. Сложность заключается в том, что население боится супервайзеров, которые подходят и хотят задать какие-то вопросы, да еще и личные данные запрашивают для контроля поля, потому что заказчик иначе не поверит в работу. Наверное, в силу того что мы информационное общество и для жизни нам нужен только компьютер и интернет, мы дальше своей комнаты ничего не видим. Высокая значимость доверия, по мнению Н. Луман [1], возникает именно в современном, наполненном рисками, глобализирующемся обществе, в котором соответственно по мере роста рисков, растет и потребность в доверии как механизме социального контроля и средства минимизации социальных рисков. Города становятся все больше, из сел уезжают все больше и соседские доверительные отношения улетучиваются в угрюмых городах.

Социологический спектр исследования доверия в социологии достаточно широкий и каждый из исследователей, внесших свой вклад в развитие этого направления, анализирует доверие в контексте той или иной социальной проблемы, для которой доверие выступает центральной категорией. Так, в рамках рискологических исследований категория доверия рассматривается в тесной связи с феноменом социального риска, а также безопасности. В условиях стремительных перемен, вызванных информационной революцией, формируются культурные разрывы и разломы, которые, словно трещина в высоком здании, угрожают разрушением этому зданию. Доверие в этой ситуации выполняет роль скрепляющего средства, цементирующего трещины и разломы в социальном и культурном взаимодействии и создающего пространство конструктивного диалога между различными социальными акторами [2].

Исходя из боязни населения можно предположить несколько сценариев. Во-первых, люди остерегаются незнакомых людей, которые произносят приветственные слова от имени громких организаций, по их мнению, являющимися представителями государственной власти. Возможное недоверие государству и тем действиям, и мерам, которые предлагаются в анкете. Население демонстрирует подозрение, что эти люди-шпионы докладывают ответы, тем самым вызывает страх перед просьбой дать личные данные для контроля поля. Во-вторых, недоверие самим супервайзерам, полагая, что они могут оказаться миссионерами не-

традиционных религиозных течений. Потенциальные респонденты просто могут не открывать дверь или отказаться от участия в опросе. Для сглаживания таких казусных моментов, супервайзеры должны быть подкованы, как социологическими инструментами регулирования неправильных предположений (соответствующие документы доказывающие их причастность к организации, это может быть удостоверение супервайзера, справка, информационное письмо о разрешении проведения опроса) так и психологическими приемами налаживания контакта. Но думаю, это приходит с опытом даже профессиональным социологам и психологам.

Ни каждый дом оснащен системой безопасности, вахтерами и охранниками. Старые районы типа пятиэтажных хрущевок остаются на своих местах. Но даже там возникают трудности при проведении опроса. Старики, конечно, никогда не прочь ответить на вопросы и пожаловаться на маленькую пенсию, электронные новшества в больницах, в которых они не разбираются и все в таком духе. Но общественное мнение не складывается только из одной категории населения, поэтому как-то, но надо находить пути решения и провести анкетирование. Какие факторы влияют на возникновение недоверия жителей хрущевок супервайзерам, давайте, попробуем порассуждать.

Так как социология как наука в Казахстане достаточно новая наука, которая только-только набирает обороты, мы должны понимать, что финансирование отнюдь не большое. Для того, чтобы производить качественную рекламу бренда, организации, предприятия нужны немалые вложения. Если все деньги ушли, утрировано, на тиражирование N-го количества анкет, то откуда могут взяться деньги на снабжение супервайзеров всеми логотипными инструментами и вещами для внушения социального доверия. Если супервайзер подходит в обычной гражданской одежде, то понятное дело, что доверие скорее всего не вызывает. Мало ли кем может оказаться этот человек, поэтому люди зачастую не открывают двери и не впускают за порог дома. Представим, что человек постучался, к примеру, в футболке, кепке и сумкой одной цветовой гаммы с логотипом организации, как «ЮНИСЕФ» или «ООН». Ношение супервайзерами специальной формы бросалось бы в глаза населению, что поспособствовало бы запоминанию и в последующие исследования будут относиться спокойно. Думаю, такой внешний фактор как минимум произведет первое доверительное отношение к незнакомому человеку со знакомым логотипом.

Представим, что доверие мы получили, респонденты идут на контакт, доброжелательны и открыты, казалось бы, что еще может помешать опросу. Конечно же доступность к квартирным жилищам людей, имеющие все различные системы безопасности при входах во дворы и подъезды. Кодовые или домофонные двери еще больше отдаляют интервьюера от респондента для создания социального доверия, о котором говорилось выше. Роль глобализации сопровождается даже в таком маленьком вопросе как невозможность спокойно зайти в гости в дом напротив, потому что случаи грабежа и вандализма усугубляются с каждым новым построенным домом, вынуждая прибегать к мерам безопасности. Так есть ли смысл проводить бумажные поквартирные обходные опросы раз нет доверия и свободного доступа к людям?

Несмотря на стремительное развитие технологий и Интернета, есть регионы и отдаленные сельские поселения, которые не приспособлены в использовании высоких технологий. Казалось бы, в чем проблема, когда-нибудь техника дойдет и туда, но общественное мнение – вещь зыбкая, которое нужно постоянно изучать, замерять, оповещать в массы. В таком случае выезд и обход домов для исследования оправдан.

Регулярно проводимые социологические исследования помогают обеспечивать бесперебойную работу механизма обратной связи, дополняя и конкретизируя статистическую информацию реалистичными данными об интересах и запросах, мнениях и настроениях людей, о степени удовлетворительности быта, состоянием психологического климата. Таким образом, роль проведения социологического исследования занимает важное место в процессе изучения и развития общества.

Практическая значимость изучения данной тематики под таким ракурсом заключается в том, чтобы для региональных супервайзеров разработать пособие с рекомендациями проведения социологических исследований, что возможно в будущем можно будет избежать элементарных методологических ошибок. Позволит уменьшить погрешность и повысить как надежность данных, так и доверие населения в целом.

Литература

1. *Луман Н.* Формы помощи в процессе изменения общественных условий // Социологический журнал. 2000 № 1/2. С. 16–35.
2. *Кривопусков В.В.* Концептуализация доверия как социологического феномена // Вестник Адыгейского государственного университета. 2013. № 1. С. 112–117.

ОБЩАЯ МОДЕЛЬ НАУКИ СУБЪЕКТИВНОЙ СОЦИОЛОГИИ

Гагаев А.А.[1], Гагаев П.А.[2]

[1]*Мордовский государственный университет, Россия, г. Саранск*

[2]*Пензенский государственный университет, Россия, г. Пенза*

Аннотация. Субъективная социология и метод в социологии П.Я. Чаадаева, К.С. Аксакова, И.С. Аксакова, К.Д. Кавелина, П.Л. Лаврова, Н.К. Михайловского, Ю.Ф. Самарина, Н.Я. Данилевского, Н.Г. Чернышевского, В.О. Ключевского, М.М. Ковалевского, Л.И.Петражицкого, П. Сорокина, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, О.А. Ожеговой, Р.А. Ярцева суть этнокультурная модель: а) русского культурно-исторического типа, б) русской модели науки, включая социологию воспроизводственной модели Евразии, социологию этнознания и науки в целом, критику редукционных западных моделей социологий как ложных систем в аспекте универсальности и универсальной психологичности без этничности, в) русской модели биологической эволюции в Евразии, г) модель истории, исключающей в силу несходства формы аккультурации, рецепции, прагматической реторсии, ведущие к историческим катастрофам, д) экономико-районные модели воспроизводства всех этносов Евразии, имея в виду рост численности этносов Сибири к 2100 г. до 100 млн., е) этнокультурная модель прогресса, регресса, трансгресса Евразии в конкуренции с Западом и Востоком, геополитики, жизненной борьбе на уничтожение.

Ключевые слова: Субъективная социология П.Я. Чаадаева, К.С. Аксакова, И.С. Аксакова, К.Д. Кавелина, П.Л. Лаврова, Н.К. Михайловского, Н.Я. Данилевского, В.О. Ключевского, М.М. Ковалевского, Л.И. Петражицкого, П. Сорокина, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, О.А. Ожегова, Р.А. Ярцева, сильная программа в науке Б. Барнса, Д. Блура, А. Линкольна, этнокультурная модель науки.

Введение. *Объект* исследования – субъективная социология в истории России, *предмет* – субъективная социология как этносоциология науки и России, *цель* – создание модели субъективной социологии как этносоциологии науки и России и логического аппарата и семантики познания. *Задачи* исследования – выявление разработанности проблемы, создание модели истории субъективной социологии, выявление параллелизма субъективной социологии и современной качественной социологии и этносоциологии, философии науки, выявление параллелизма субъективной социологии и сильной программы социологии науки Б. Барнса и Д. Блура, создание модели умозаключений в субъективной социологии. *Гипотеза* исследования: поскольку субъективная социология исходит не из предиката в социальном действии, а субъекта, который задает уникальный и неповторимый смысл социальным взаимодействиям, а субъект всегда этничен, то субъективная социология может быть сконструирована как этносоциология науки и воспроизводства рас и этносов, этнического человека и его оценки в эволюции и истории в воспроизводственной модели этносов и суперэтнсов,

гиперэтносов. *Методология* исследования. Философское основание исследования: эсенциальная философия и логика пространственно -временной организации Евразии, воспроизводственного и эволюционного , этногенетического и демогенетического, правового и исторического процесса Евразии и ее этносов в мировой истории, осмысливаемых в системе антиномического типа логики Теоретические основания исследования - теория КПЛ (космо-психо-логос) этнической формы науки, логик, воспитания и образования, теория логик открытия и изобретения, теория этнопсихологий, теория психогенетики, теория этновоспроизводственных моделей формы жизни. Методологические основания исследования - антиномичный тип логики суждений и умозаключений, сравнительно-исторический принцип познания, культурно-типический принцип познания, теория парадигм в социологии, антиконструктивизм и антифункционализм в семантической теории истины в социологии. Методика исследования: соотнесение параметров русского космо-психо-логоса (КПЛ) ,этновоспроизводственной модели, социальной структуры суперэтносов, основной структуры конституции и логики модели русского мышления и моделей мышления этносов Евразии и структурных компонентов социологической теории статики и динамики в истории русского культурно-исторического типа. Исходный синтетический принцип- модель русского КПЛ; основная аналитическая система- воспроизводственная модель, большие социальные группы и социальная структура экономических районов общества; вторичные аналитические системы- а) модель истории России в Евразии и отношение к Западу и Востоку, б) теория истины в субъективной социологии; субстанциональный синтетический принцип- модель русского народа как культурно-исторического типа и суперэтносов в составе тюрок, ирано-алан, угро-финн, евразийцев, славян русских; адстратный принцип – модель основной структуры Конституции и преставление в ней моделей естественной и восстановительной справедливости критика абстрактности и эмпиричности, логики и математики западной социологии и евроцентризма, аккультурации, рецепции, ложной реторсии российской социологии, внеэтничности западной и российской социологии..

I. Представления о субъективной социологии в России (даже если иметь в виду только социологии П. Л. Лаврова, Н. К. Михайловского, Н. И. Кареева, С. Н. Южакова) абсолютно неверные. В общей форме под субъективной социологией и субъективным методом в социологии понимается: а) эмоциональное осмысление объекта исследования в социологии, истории, философии истории, б) изучение социальных фактов в схемах нравственного идеала и оценок (деонтическая и алетическая логика) в рамках морально-нормативного и ценностного подходов, в) включение в субъективную социологию позитивистских методов исследования О. Конта, Дж. Ст. Милля, Г. Спенсера. Неверность такой интерпретации состоит, во-первых, в том, что субъективная социология имеет предпосылки в истории России, и это творчество митрополита Иллариона, св. Сергия Радонежского, инока Епифания Премудрого, инока Филофея, св. Нила Сорского и св. Иосифа Волоцкого, патриарха Никона и св. Аввакума, Ермолай-Еразма, И.С. Пересветова, Ю. Крижанича, Ф.Прокоповича и С. Яворского, В.Н. Татищева, А.Н. Радищева, П.И. Пестеля, Н.И. Надеждина, П.Я. Чаадаева, Н.И. Кареева, С.И. Южакова, К.Д. Кавелина, Ю.Ф. Самарина, В.О. Ключевского, Н.Я. Данилевского, Н.Г. Чернышевкого, П.Л. Лаврова, Н.К. Михайловского, М.М. Ковалевского, Л.И. Петражицкого, Ф.М. Достоевского, Л. Н. Толстого, В.И. Ленина и И.В. Сталина, в современности – Ярцева Р. А (рациональный скептицизм, онтологический субъективизм, здравый смысл в науке), Ожеговой О.А. (этносоциология этнопереживаний). Во-вторых, существует конструктивная субъективная социология, прежде всего, П.И. Пестеля, А.Н. Радищева, П.Л. Лавров и Н.К. Михайловского, Л.И. Петражицкого и т. п., и отрицательная конструктивистская субъективная социология, обосновывающая системы неравенства и абсолютистскую власть в России и извращающая теорию естественного права и теорию правового государства. Это социологии инока Филофея, св. Иосифа Волоцкого, патриарха Никона, Ф. Прокоповича, В.Н. Татищева, М.М. Щербатова, А.С. Хомякова, А.Д. Градовского, В.И. Сергеевича и др. В-третьих, субъективная социология в методическом смысле обсуждает проблемы синтеза суждений и оценок в социологическом

исследовании в семантической теории истины; проблему качественного исследования субъективной стороны практики социальных взаимодействий, институтов при первичности качественных методов над количественными, предполагая уникальность исследуемых ситуаций, их социальный смысл (качественная социология есть субъективная социология); проблему искажения и заблуждения социологов в работе с людьми и интерпретации фактов (постмодернизм в социологии) при редукции уникальных и проблематических вероятностных фактов к общему; проблемы психосемантики и аффекта вообще в социальной практике (когнитивность, аффект, поведение, субъективные переживания, институциональность, языковые конструкты, моделирование субъективно-этнических семантик внутреннего мира личности или на современном языке-субъективного семантического пространства) [12, с. 59–126]. В-четвертых, суть субъективной социологии состоит не в введении эмоции и оценки в интерпретацию объективных фактов, но в создании этнопсихологической модели динамики и статики науки, которая соединяет: а) универсальность науки, б) этническую форму логики открытия и изобретения, вероятностную и семантическую теорию истины, в) лично-этническую форму знания, предвосхищая теорию личного знания М. Поляни, г) этно-КПЛ форму деятельности народа в эволюции и истории, д) этномодель воспроизводства народа, этносов, е) этноконструирование реальности и институтов согласно этнической природе русского народа, ж) качественную методологию выявления психосемантики личной оценки, мысли, чувства, ощущения, интуиции, аффекта, поведения этночеловека в истории, интерпретируя количественные данные в исследовании, з) форму аккультурации, рецепции, реторсии в модели эволюции, истории, и) теорию революции и реформ в России и мире [3,5,6,10,11,13].

II. Общая модель субъективной социологии как этнонауки.

1. Общая модель субъективной социологии как типа социологии этнонауки – русско-всеобщей науки.

1.1. Экзистенциальная модель русской формы жизни и истории как страдание русского народа и всех этносов в отсутствии в истории естественной справедливости.

1.2. Эссенциально-субстратный подход в историко-сравнительном методе, сосредоточенном на выявлении различий в сходствах форм развития этносов Мира, Востока, Запада, России.

2. Моделирование этноличности и комплекса ее прав, включая соматические права личности и отрицательно в целом относясь к моделям религиозных, самодержавно-крепостнических, бюрократических, консервативных, либеральных моделей человека.

3.1. Субъективная гносеология познания Н.К.Михайловского. Эссенциальный подход и субстратная рефлексия в этническом способе познания и этнонаборе логик мышления.

3.2. Личное знание.

3.3. Социология знания- конструирования реальности (социальных групп) в эссенциальном, а не функциональном подходе.

3.4. Социология науки.

3.5. Деятельностная субъективная классификация наук и адекватное соответствие ей системы воспитания и образования.

3.6. Язык исследования: теория эволюции и антропология – история - психогенетика и психология, психосемантика - система социологических наук – право, сравнительное право, история права, конституционное право и основная структура конституции.

3.7. Культурно-типический принцип познания: теория космо-психо-логосов и этносы и их объекты и предметы познания сходны, уникальны, антиномичны, имеют различный набор форм общего и уникального, имеют свой набор логик мышления и свои этнические уникальные логики мышления и модели науки.

3.8. Теория истины. Истинностные суждения всеобщи и культурно-типичны, необходимы и антиномичны, общезначимы и лично-значимы, системны и уникальны, абсолютны и относительны. Критерий истины – система реальной и идеальной практики и целостная, а не фрагментарная специализированная в разделении труда личность, не эксперимент. Формы истины: логико-математическая, экспериментально – физическая, скептическая, антино-

мически культурно-типическая, историческая, личная, истина в повседневно-обыденном знании, истина в фольклоре- эпосе и сказке, музыке, теории вероятности и вероятностная модель истины в социологии, иллюзии и ошибки познания. Истина в субъективной социологии: истинностные суждения всеобщи и культурно-типичны, необходимы и антиномичны, общезначимы и лично-значимы, системны и уникальны, абсолютны и относительны; этносистемы умозаключений в модели мышления и науки этносов; вероятностная рефлексия в этномоделях вероятности, у русских - модель вероятности А.Н. Колмогорова и А.А. Маркова (полная группа и не полная группа событий, равновозможность и разновозможность, совместность и не совместность событий, циклы вероятности, не гауссовы гиперболические Н-распределения, исключающие средние величины, дисперсию и возможность переноса данных с большей совокупности на меньшую или большую, то есть уникальность событий, субъективная теория вероятности); логическое отношение совместимости, выводимости, следования этносистем вывода в моделях платоновской, аристотелевской и семантической теории истины относительно процессов эволюции, этногенеза и демогенеза; умозаключения от следствий к основаниям, обратной дедукции вообще; антиномические умозаключения с наличием антиномии на стороне предиката и субъекта, которые дифференцируются в содержательной этномодели науки и этномодели воспроизводства этносов в пространстве-времени Евразии; умозаключения алетические и деонтические относительно мессианской роли, миссии, судьбы, предназначения этносов в Евразийской модели истории и геополитики; умозаключения продукции, субдукции, едукции о социокультурной динамики и цикличности социальной структуры; интуитивистская логика процессов и свободных выборок (не принятых в социологии) и историческая модель стандартных переменных исторического действия этносов в антиномии ненасилия и гражданской войны и войны. Это реалистические исторические возможности и вероятности (классическая, частотная, подтверждения, диспозициональная, субъективная теория вероятности) [7, 8, 9].

3.9. Классические теории истины Платона, Аристотеля, семантическая модель истины.

3. 10. Принципы методологического коллективизма, уникализма, медиализма, индивидуализма, рационального скептицизма, онтологического субъективизма, здравого смысла.

3.11. Русский здравый смысл.

3.12. Онтологический субъективизм (димензиальность и совместимость конструкций и моделей этнического типа, моделей вида: М (Рху ^ Рх> Ру в воспроизводственной модели и семантики космо-психо-логоса, а не наоборот, при этом Рх димензиальный этнический образ в логическом отношении совместимости, выводимости, следования), рациональный скептицизм, здравый смысл и этнический здравый смысл в науке (Р.А. Ярцев).

3.13. Тип умозаключений содержательно формального характера в данной модели субъективной социологии. М.М. Ковалевский исходит из метода в социологии О. Конта (обратная дедукция и сравнительно-исторический метод), Дж.Ст. Милля (содержательные ограничения на дедукцию и индукцию и перенос индуктивных суждений на классы объектов) и Г. Спенсера (статистика в эволюции, исключающая средние величины, эволюционное мышление). Логическая структура социологического умозаключения у них- обратная дедукция**.** Обратная дедукция - вид индуктивных умозаключений. Например, есть суждение А - плотность населения является основным фактором экономического роста, и суждения Г- во всех странах с высокой плотностью населения, как правило, наблюдается экономический рост при прочих равных условиях, из этих суждений следует суждение В - если мы увеличим плотность населения за Уралом, то это вызовет экономический рост на Урале и в России в целом. Суждение Б подтверждает суждение А. Необходимо находить разнообразные следствия, подтверждающие А - то есть сравнения плотности населения и экономического роста и других факторов роста по регионам планеты, находя и исключения, образование, квалификацию, ресурсы и т. п. Необходимо находить наиболее сильные следствия или ранжировать факторы роста, указывая для конкретных территорий первичные и вторичные факторы. Например, квалификация рабочей силы - тоже фактор роста (С). Если из плотности населения (А) вытекает экономический рост на Урале (Б), если из плотности населения (А) вытека-

ет рост квалификации (С), но из роста квалификации (С на Урале не вытекает экономический рост (В), то следствие Б является более сильным, чем С. Формально: если из А ├ В, А ├С, В ├С, ⌉С⊩В, следствие В более сильное, чем С. Но необходимо анализировать и ранжировать весь комплекс следствий но не вообще, а дифференцируя их по экономическим районам Евразии, а их –13. Необходимо выводить неожиданные следствия связанные с особенными факторами экономического роста в экономических районах, которые могут быть как потенциальная и актуальная возможность присущи классам событий в экономических районах явлений вообще, а не их локальной совокупности. Если из А следует Б (экономический рост), и экономический рост без плотности населения в экономрайонах А малоправдоподобен, а вместе с А правдоподобен, то плотность населения А правдоподобна, если есть Б, т. е. экономический рост. Формально: А ├ В и В без А малоправдоподобно, а вместе с А правдоподобно, то А при наличии В сильно правдоподобно. Смысл всех этих суждений в том, что все факторы роста группируются и зависят от их отношения к плотности населения в экономике, что создает масштаб экономического роста. Структура подобного рассуждения имеет следующий вид: B_1, B_2 … Bn⊩ А, если и только если А ├ B_1∧ B_2∧…∧ Bn и ⌉⊩⌉А, ⊩B_1, B_2. Bn (n› не меньше 1). Знак ⊩имеет смысл подтверждения, а со знаком отрицания - неподтверждения факта А. Смысл суждения: если и только если из А вытекают B_1∧ B_2 и отрицается подтверждение Не- А суждениями B_1∧ B_2, то B_1∧ B_2 подтверждают А. Но эти сужения в форме О. Конта не верны в силу того, что они абстрактны и не введены формы а) классификации и мериномии, б) спецификации субстрата плотности населения и этносов в пространстве-времени по экономическим районам в) логическое отношение совместимости, выводимости, следования этих экономических районов и суждений, г) необходимые умозаключения по первой фигуре от следствий к основаниям.

Плотность населения в РФ – 8, 57 чел/км^2. Плотность в мире – 53, 4 чел/км^2, то есть в 4 раза больше. В Чукотском автономном округе плотность составляет 0, 07 чел/км^2. В Европейской зоне плотность – 27 чел/км^2. В Азиатской зоне – 3 чел/км^2. В Чукотском автономном округе плотность составляет 0, 07 чел/км^2. В Якутии – 0, 31 чел/км^2. В ХМАО-Югра плотность населения – 3 человека на квадратный километр. В Европе средняя плотность – 73 чел/км^2. Плотность во Франции – более 100 человек, Германии и Англии – более 200 человек. Плотность в США – 34 чел/км^2 . Население Европы – 720 млн. человек. В Азии средняя плотность 87 чел/км^2. В Китае – 144 чел/км^2 (население 1, 4 млрд.), но население сосредоточено на Востоке, в провинции Цзянсу, Шаньлун, Хэнань – 600 чел/км^2, в долине Хуанхэ и Янцзы – более 5000 чел/км^2. Наименьшая плотность в Тибете. В Японии – 341 чел/км^2. В Индии – 308 чел/км^2 (численность населения 1, 3 млрд.). В Африке – 30, 5 чел/км^2 (численность населения – 1 млрд.). России необходимо и возможно при правильном управлении иметь 1 млрд. населения. Численность башкир 1, 6 млн., чуваш 814 тысяч, якут – 480 тысяч, удмуртов – 410 тысяч, тувинцев – 300 тысяч, ханты – 20 тысяч, манси –11 тысяч, чукчи – 16 тысяч, карел – 61 тысяча, вепсов – 6 тысяч, води – 64 человека, ижор – 327 человек.

3. 14. Социология дает общие принципы для конкретных наук, является семантикой для всех социальных и гуманитарных наук, прежде всего для права и Конституционного права, политической экономии, сравнительного права, сравнительной истории права, истории, религии, психологии, демографии, политологии, этики, эстетики, этнографии, этнологии, лингвистики и т. п. Но субъективная социология объективирует этновоспроизводство в теории конституционного права (как части социологии) модель основной структуры Конституции, формы естественнной справедливости, солидарности, экономического роста, прогресса [1, 2, 3, 4, 5].

3.15. Критика исчезающего и имитационного знания в науке и социологии [15].

4.1. Эволюционно-органический подход к материи и жизни, обществу.

4.2. Модель истории В. О. Ключевского и соответствующая периодизация истории русского народа. Многофакторная модель истории и проблема внешних и внутренних факторов развития России.

4.3. Моделирование системы исторической практики русского народа: реальной и идеальной в учении Христа.

4.4. Теория активности и пассивности русского народа.

4.5. Евразийская модель русской истории.

5.1. Теория воспроизводства русского народа в Евразии, самоорганизации и государства, (личность-государство, община и земства), соотношение Земель-провинций, экономически районов и единого государства. Экономико-районная воспроизводственная модель.

5.2.1. Теория русского народа как русского культурно исторического типа в составе тюрок, ирано-алан, угро-финн, евразийцев, славян в этногенезе и демогенезе Y-XXII вв.

Русский народ – русский культурно-исторический тип, включающий в себя 13 суперэтносов, содержащих уникальный набор этносов в каждом, а суперэтносы соответствуют 13 экономическим районам – Центр, Агропромышленный центр, Север, Северо- Запад Северный Кавказ, Волго-Вятка (Мари, Чувашия, Мордовия, Кировская и Нижегородская области), Поволжье, Урал, Восточная Сибирь, Западная Сибирь, Дальний Восток, Калининградский анклав, Крым. Эти суперэтносы в отношении совместимости, выводимости, следования и противоречиях образуют русский культурно-исторический тип, состоящий из двух гиперэтносов - Европейского (до Урала) и Азиатского (за Уралом), имея в основе пять расово-популяционных субстратов: тюрок, ирано-алан, угро-финн, евразийцев, славян-великороссов – русских (более 82%). В Евразии идет процесс этногенеза и демогенеза и рождаются новые суперэтносы; процесс сопровождается формированием противоречий, антагонизмов внутреннего и внешнего характера связанного с выживанием этносов и суперэтносов и завершится изменением государственной структуры России в XX1 веке к 2050 году**.** Идентичность и идентификация в этносы и в русский народ предполагает идентичность и идентификацию этносов в 13 суперэтносов, соответствующих экономическим районам и их воспроизводственным моделям в неизменности, единосущии, не слитности, нераздельности, неразлучности, не превращаемости, не постоянстве, совместимости, выводимости, следовании, опосредуя этот процесс основной структурой Конституции РФ и Российским государством. Существует угроза в модели третьего демографического перехода исчезновения славянства и воспроизводства только восточных этносов Евразии к 2050 и 2099 г. Прогноз о коренном населении России к 2075 г. – около 50% -не русские по этнической идентичности. Доля мигрантов и их потомков к 2099 г. – более 80% [14, 18].

5.2.2. Система естественной справедливости. Всеобщая- волеизъявлении формы жизни и расы и этноса как субъекта равенства в собственности на свои условия расширенного воспроизводства и меру допустимой частной собственности и общей собственности в цели расширенного воспроизводства расы и этноса. Общая- воспроизводственная модель в пространстве - времени и количественная доля субъектов социальной структуры в ВВП расы и этноса, а расы и этноса- в мировом ВВП. Частная модель справедливости предполагает реализацию прав и прерогатив Природы, флоры и фауны, рас, этносов, этноличностей, поколений, субъектов социальной структуры в видах деятельности и системах права и суда; эволюционная модель справедливости предполагает равенство в генетическом развитии рас и этносов, экологическую и географо-экологическую справедливость, демографическую справедливость полов. Историческая модель справедливости внутри рас и этносов и между ними в Отечественной и Всемирной истории, предполагает реальную меру справедливости-не справедливости в истории, форму расогенеза и этногенеза, Примордиальную традицию и соответствие ей воспроизводственной модели в реформах и революциях. Этнические модели справедливости и восстановительной справедливости, предполагая как раз сосредоточение на расширенном воспроизводстве расы и этносы в своей Традиции, в моделях этнообразования и этнонауки, исключая ассимиляцию и гибель рас и этносов и языков в экспансии

Запада, его жажде рабов, колониализма, неоколониализма, ассимиляции, мирового господства. Модели справедливости в целевых программах реформ и революций, предполагая меру самоограничений всех субъектов социальной структуры. Модель справедливости в циклах истории, предполагая извлечение уроков истории и в полодемографических циклах (справедливость для детей). Форма справедливости в международных отношениях равенство, обменный характер, возмездность, договор, не кодифицируемость и прецедентность, сила. Божественная справедливость: «И не препирайтесь с обладателями книги, иначе чем как чем-нибудь лучшим, кроме тех из них, которые несправедливы, и говорите: «Мы уверовали в то, что ниспослано нам и ниспослано вам. И наш Бог и ваш Бог един, и мы ему предаемся» [Св. Коран, 29 Паук, 45 (46)]. «Те, которые уверовали и не облекли своей веры в несправедливость, для них - безопасность, и они - на верной дороге» [Св. Коран, 6 Скот, 82 (82)]. «Все же верующие были вместе и имели все общее: И продавали имение и всякую собственность, и разделяли всем, смотря по нужде каждого;» [Деян. 2: 44–45]». «. . ибо Моя вся земля» [Исх. 19: 5]. «Ибо Господня земля, и что наполняет ее» [1 Кор. 10: 26]. Данная теория справедливости не имеет ничего общего с западной теорией справедливости, основанной на узаконении несправедливости в духе Фрасимаха, Дж. Роллза [15]. Восстановительная справедливость: 1) Система прав этноса (владение, пользование, управление, капитальная стоимость, доход достаточный для расширенного воспроизводства этноса, безопасность, бессрочность, наследование, запрет вредного использования, долг, остаточный характер, право на расширенное демографическое воспроизводство в отношении- территории, земли, средств производства, продукта, этнического человека, информации, этнической модели воспитания и образования полного размера, здравоохранения, национализации; 2) ректификация собственности, то есть а) устранения частной собственности, которая есть основание вымирания этносов; б) возвращения собственности этносам; 3) реституция собственности как восстановление прежних территорий и состояния, жизненной силы этносов, что имело место в прошлом и до включения в состав России; 4) этнокорпорации и этно-ТПК (территориально-производственные комплексы), которые приводят в движение ресурсы этноса, исключение на территории этносов собственности иноэтничных людей и людей в том числе русских и москвичей, ленинградцев и т. п.; 5.1) доля этноса в ВВП Федерации и экономических районах, республиках, и самоорганизация, этическая природа институтов и науки; 5.2) идентичность и идентификация в этнос в отличие от других этносов и свой язык, методологии его развития и изучения в обязательной форме, этническая семья; 5.3) этническая система воспитания и образования и здравоохранения полного типа с русским инвариантом, телеология роста численности этносов России до 100 млн. в XX1 веке; 5.4) вертикальная и горизонтальная социальная мобильность, исключая клановость этнического типа и качественная методология субъектного выявления моделей воспроизводства русского народа экономико-районного характера, этнопсихогенетки и этнопсихосемантики (теория эволюции и истории в единстве), задаваемого этническим субъектом смысла социальных отношений и их формы в семейного типа; 5.5) равенство этносов в условиях развития и этнос как субъект международного права и справедливости в международных отношениях.

5.2.3. Основная структура Конституции такова: модель справедливости (естественное этнокультурное право и модель именно адекватная воспроизводственной модели пространства-времени и этносам Евразии, теория естественных событий в праве) или социальные основы, мораль, религиозный идеал совместимости религий, общественный идеал и способ принятия Конституции народом; модель прав человека определяемая этническим суверенитетом, права 1-5 поколений; структура формы стоимости и собственности, форма солидарности и прогресса-регресса, адекватная модели расширенного воспроизводства 13 суперэтносов и 2 гиперэтносов в особенном пространстве-времени и уменьшения бедности; системы Традиции, суверенитета, образования, демографического роста, право народа на вооруженное сопротивление гнету; процедура принятия решений; отношение идентификации в расу и этнос, нацию; целевая функция расширенного воспроизводства и перфекции расы и этноса, науки; циклы коррекции Конституции в конкретных обстоятельствах и циклы

социальной мобильности; антиномия ненасильственного действия и приоритет национального права над международным.

5.2.4. Субъективная социология суть этномодель науки, социологии знания, социологии науки вообще, социологии как синтеза теории эволюции, антропологии, психогенетики и психосемантики, истории, демографии, экономики, права и Конституционного права, педагогики объект которой - этномодель науки вообще и субъект в воспроизводственном процессе- русский культурно-исторический тип в отношении к Западу и Востоку (русский народ и классификация наук и структуре общества и социальной структуре), а предмет: воспроизводственной модели и основной структуре Конституции, модели этноличной оценки, мысли, чувства, ощущения, интуиции, аффекта, поведения в этничном наборе логик открытия и изобретения, используя историко-сравнительный метод, но понимая его как моделирование различий в устанавливаемых сходствах, интерпретируя количественные данные в исследовании. Это именно русская, а не западная модель: а) русского культурно-исторического типа, б) русской модели науки, в) русской модели биологической эволюции в Евразии, г) модель истории, исключающей в силу несходства формы аккультурации, рецепции, прагматической реторсии, ведущие к историческим катастрофам, д), экономико-районные модели воспроизводства всех этносов Евразии, имея в виду рост численности этносов Сибири к 2100 г. до 100 млн., е) собственная методология социологии вообще.

5.2.5. Существует и отрицательная конструктивистская субъективная социология, обосновывающая системы неравенства и абсолютистскую власть в истории России и извращающая теорию естественного права и теорию правового государства. Отрицательная субъективная социология не является наукой, это консервативно-либеральная форма охранительной и клерикальной идеологии, форма ангажированности, конъюнктурности в аспекте используемых западных методологий и ситуации борьбы в России с самодержавием и военно-полицейским восточным деспотическим государством иностранных по генетике и культуре императоров Романовых, крепостничеством в двойном смысле. Государственная школа и ее историки реально обосновывали холопство и рабство, вечное неравенство и вечную несправедливость человека в России как естественную необходимость жизни и общее благо российского государства. Отрицательная субъективная социология, синтезируя историю, право, конституционное право, социологию конструктивно извращает идеи: суверенитета и общей воли народа, Конституции и ее основной структуры; комплекса прав человека; право на вооруженное свержение несправедливой власти; теорию справедливости, обосновывая естественность неравенства и не справедливости, их вечность; теорию естественного права и как всеобщего и как этничного, включая и право этносов России, оправдывая абсолютизм любой формы власти в России и сводя справедливость к любому изданному закону в модели права dezision; идею разделения властей и договора между сословиями и сословиями и властью; идею антибюрократизма, оправдывая иностранный состав аппарата власти; идею антифеодализма и абсолютность устранения сословий обосновывая их статусное сохранение в дифференциации прав, то есть двойное крепостничество; идею геополитики, отрицая кодификацию модели справедливости в международном праве, не имея ее своей модели; идею революции, отрицая теорию революции и реформ как естественного творчества народа (А. Тэн), обосновывая пустые реформы сверху. В целом субъективная отрицательная социология - пустомыслие, пустословие и пустоутробие нерелевантное ни для Росси, ни для мира. Это пример исследований бессмысленного характера дворянских Иуд, предающих свой народ на потребу абсолютной власти и Западу. Вся жизнь ученых этого направления прошла впустую!

5.2.6. Теория человеколюбия, истины, равенства, справедливости, свободы, солидарности ненасилия в мире и Евразии.

5.3. Телеология учения Христа и его совместимости, выводимости, следования с учениями Кришны, Будды, Заратустры, Конфуция, Лаоцзы, Чжуан Чжоу, пророка Мухаммада, св. протопопа Аввакума, суннизмом, шиизмом, предполагая не совместимость (логически не могут быть выведены друг из друга, будучи основаны на разного рода логиках

и типах духовности), несоизмеримость (разного рода основания формы жизни в пространстве-времени месторазвитий), несравнимость (нет логических отношений включения и пересечения и наличествуют абсолютная уникальность оснований, критика ошибочности сравнений по всеобщим сходным параметрам), не редукцию форм жизни (несводимость качеств одного рода к качеству другого рода при наличии количественно тождественных элементов и отношений) этносов в мире, настоящем, прошлом и будущем, отрицая ассимиляцию этносов и форму единого мирового государства.

5.4.1. Естественная цикличность эволюции, истории, форм жизни, сочетая линейные и нелинейные формы развития и изменения.

5.4.2. Теория русского воспитания и образования, русской педагогики и дидактики народного типа.

5.5.1. Геополитика противостояния России-Евразии Западу и Востоку, попыткам любых народов достигнуть мирового господства на Планете. Поддержка всех угнетенных на планете этносов как долг и всемирная миссия и ответственность России.

5.5.2. Теория революции, революционного права и реформы, права этносов на вооруженное свержение несправедливой власти, включая антиномию ненасилия, теория Великой Октябрьской социалистической революции и Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. как единый процесс национально-освободительной революции в России от колониализма Запада и восстановление в мире естественной справедливости, разрушая имперские и колониальные режимы Запада [23, 6, 10, 11, с. 93, 12, 13, 17, 19, 20]. Заметим, что подход П. Сорокина с позиций ментальности - чисто субъективно-социологический метод. Но как раз этничности нет в модели ментальности П. Сорокина и М.М. Ковалевского (абстрактная реальность, потребности, мера их удовлетворения, способ удовлетворения, человек, я и мы концепция, истина, наука мировоззрение, активность, контроль власти, религия, этика, эстетика, педагогика которые все рассматриваются универсально – «не ворона, но черная»). У П. Сорокина есть народонаселение, группы, но нет русского народа и нет реальных субъектов социальной структуры, нет этносов и реальной динамики социальной структуры. Данная модель науки субъективной социологии реализована в книге: Гагаев А. А., Гагаев П. А. Социализация и социальный контроль в Евразии [2].

III. Сильная программа в науке Д. Блура и Б Барнса, Б. Латура, Ж. Лакана. Принципы сильной программы: причинность – установление социокультурных критериев истинности и достоверности физических теорий; беспристрастность – сомнение в истинности собственной физической теории, в отношении как принятых, так и отвергнутых теорий; симметрия-подход к объяснению причин принятых и отвергнутых теорий должен быть одинаковым, теории принимают не по соображениям истины, а культурным критериям, социологическим закономерностям; рефлексивность – эти принципы приложимы ко всем наукам, в том числе к социологии науки и знания. Во-первых, принцип причинности требует введения этнических форм умозаключений, например, индусский силлогизм или антиномичный силлогизм русского, или субдукция, продукция и едукция мокши и эрзи в осмыслении форм причинности, специфицируемой по выделенным пространствам- временам, различая причинность и функциональность. Во-вторых, то, что называется беспристрастностью - модель Д-тезиса и $Д_2$ тезиса П. Дюгема и Ф Куина, включая парадокс C. Hempel, согласно которому суждение типа «не ворона, но черная» подтверждает суждение «все вороны черные», хотя параметр вообще может не входить в природу рассматриваемого объекта, например, отождествлены все объекты по красному цвету- человек, тигр, насекомое, машина, так же отождествляются по универсальным функциональным параметрам история Запада и России, конструируя абсолютно ложные суждения. В-третьих, естественно, не вводятся теории истины для особенных наук, например, социологии и субъективной социологии [21, 22, 23]. Развиваются формы исчезновения знания во всех науках (узкая специализация и отсутствие открытий из первых принципов) и имитационное знание (М.М. Прохоров): знание не имеющее экстенсионала, имеющее интенсионал в семантике идеологии, ангажированности и конъюнктурности [15, с. 6–21]. В четвертых, рефлексивность социологического знания со-

стоит не в том, что эти принципы реализуемы в математике, философии, естественных науках, техническом знании и т.п., а в том, что должны создаваться общенаучные исследовательские методы, которые приводят к совместимости, языки различных наук отосительно выделенного уникального объекта и предмета познания. Так в субъективной социологии это этномдель КПЛ, этномодель науки, этновоспроизводственная модель в пространстве-времени, экономрайоны, адекватная им социальная структура и ее динамика, форма основной структуры Конституции, определяющая все эти формы в модели естественной справедливости, язык которой и есть субстратная форма совместимости, выводимости, следования всех языков наук, описывающих указанные объекты эволюции и истории.

Заключение.

1. Субъективная социология содержит модели русского культурно-исторического типа, этнонауки, этносоциологии, социологии знания, социологии науки, имеющая основаниями историко-сравнительный метод (фиксируя различия в сходствах); модели этнического когнитивно-аффективного лично-коллективного человека; синтез языков теории эволюции, психогенетики и психосемантики, антропологии, истории, социологии знания, социологии науки, экономики, права и Конституционного права (основная структура Конституции), теории культурно-типического принципа познания и культурно-типической антиномической формы истины; модели эволюции и истории, периодизации истории России; теории воспроизводственной модели в Евразии на основе экономических районов; телеология учения Христа и его совместимости, выводимости, следования с учениями Кришны, Будды, Лаоцзы, Конфуция, Заратустры, пророка Мухаммада; теории естественных циклов формы жизни; теории геополитики основанной на модели кодифицированной международной формы справедливости, теории революции и революционного права, реформ и права этносов на вооруженное свержение несправедливой власти, включающей теории ненасилия Л. Н. Толстого и антиномию ненасильственного действия.

2. Суть субъективной социологии состоит не во введении эмоции и оценки в интерпретацию объективных социологических фактов, но в создании: 1.1) экзистенциальной этномодели жизни и истории России как страдания и Ада (это понимали и чувствовали св. апостол Аввакум, А.Н. Радищев, П.Л. Лавров и Н.К. Михайловский); 1.2) этнокультурных моделей воспроизводства и аксиоматики воспроизводства русского культурно-исторического типа, 2) создании модели русского народа и его суперэтногенеза, этногенеза и демогенеза в Евразии, 3) этнопсихологической модели динамики и статики науки, которая соединяет универсальность науки и этническую форму логики открытия и изобретения, вероятностную и семантическую теорию истины, лично-этническую форму знания, предвосхищая теорию личного знания М. Поляни, критика в позитивной субъективной социологии отрицательной субъективной социологии обосновывающий несправедливость, неравенство и использование насилия в истории России, извращая естественное право и право протеста и революции в истории России, 4) этно-КПЛ формы деятельности народа в эволюции и истории; 5.1) этноконструирование реальности и этнических институтов согласно этнической природе русского народа, форм централизма и самоорганизации в Евразии; 5.2) моделирование отношений идентичности и идентификации в русский культурно-исторический тип, формы справедливости в Евразии на основе общей собственности, и самоорганизации, исключая форму частной собственности и власти, форму техники и рынка основанных на частной собственности; 5.3) качественную методологию выявления психосемантики личной оценки, мысли, чувства, ощущения, интуиции, аффекта, поведения, интерпретируя количественные данные в исследовании, перфекцию в этномоделях науки и образования; 5.4) форму аккультурации, рецепции, реторсии в модели эволюции, истории; 5.5) теорию революции и реформ в России и мире, теорию геополитики России и борьбы за справедливость в мире.

Литература

1. *Валлерстайн И.* Конец знакомого мира. Социология XX1 века. М.: Логос, 2004. 368 с.

2. *Гагаев А.А., Гагаев П.А.* Социализация и социальный контроль в Евразии. Наука и искусство. Саранск: Издательство Мордов. университета, 2007. 340 с.
3. *Галактионов А.А.* Русская социология Х1-ХХ веков. СПб.: «Лань», 2002. 416 с.
4. *Желтов В.В., Желтов М.В.* История западной социологии: этапы, идеи, школы. М.: Академический проект; Гаудеамус, 2010. 863 с.
5. *Ключевский В.О.* Русская история. Полный курс в трех книгах. Книга первая. М.: Мысль, 1995. 572 с.
6. *Ковалевский М.М.* Сочинения в 2-х т., Т. 1. Социология. СПб.: Алетейя, 1997. 288 с.
7. *Колмогоров А.Н., Драгалин А.Г.* Математическая логика. М.: Изд-во МГУ, 1984. 120 с.
8. *Марков А.А.* Элементы математической логики. М.: Изд-во МГУ, 1984. 80 с.
9. *Менделеев Д.И.* Границ познанию предвидеть невозможно. М.: Советская Россия, 1999. 589 с.
10. *Медушевский А.Н.* История русской социологии. – М.: Высш. школа, 1993. 318 с.
11. *Михайловский Н.К.* Что такое прогресс? – СПб, 1922. 93 с.
12. *Ожегова О.А.* Методологическая рефлексия социологии этничности. Саратов: Научная книга, 2005. 274 с.
13. *Петражицкий Л.И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 1907. 26 с.
14. *Попова Л., Зорина Е.* Региональные особенности демографического старения России // Экономист, 2019. №2. С. 35–44.
15. *Прохоров М.М.* Истина, имитация и природа философского знания // Мировоззренческая парадигма в философии: истина и ее имитация. Сборник статей по материалам XIY научной конференции 28 ноября 2018 г. Нижний Новгород: ННГАСУ, 2019. 224 с.
16. *Ролз Дж.* Теория справедливости. М.: ЛКИ, 2010. 534 с.
17. *Сорокин П.* Социальная и культурная динамика. М.: Астрель, 2006. 1175 с.
18. *Сороко Е.* Грозит ли России третий демографический переход? // Экономист. 2019. №4. С. 73–86.
19. *Чаадаев П.Я.* Сочинения. М.: Правда, 1989. - 655 с.
20. *Ярцев Р.А.* Познание на основе рационального скептицизма и онтологии субъективного субстанционализма (философские основания современного познания). Диссертация на соискание ученой степени д.ф.н. Уфа, 2016. 386 с.
21. *Blor. D.* Knowledge and Social Imagery. Chicago: University of Chicago Press, 1971. 232 p.
22. *Latour B.* For Bloor and Beyond- a reply to David Bloors «Anti-Latour» Studies» // History & Philisophy of Science». 1999. № 1. Pp. 113–129.
23. *Kommers D.P., Finn J.E., Jacobsohn G.J.* American Constitutional Law: Essays, Cases And Comparative Notes. Rowman & Littlefield, 2004. 1050 p.

СТРАТЕГИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ И РЫНКА ТРУДА

Жакупова А.А.
Казахстанский институт общественного развития «Рухани Жанғыру», Казахстан, Нур-Султан

Аннотация. В статье анализируется взаимосвязь системы высшего образования и рынка труда на основе политико-культурного подхода экономического социолога Н. Флигстина. Стратегия взаимодействия формируется в рамках сотрудничества акторов на рынке труда, оба из которых заинтересованы в стабильном партнерстве.

Ключевые слова: рынок труда, система высшего образования, политико-культурный подход Н. Флигстина.

Для развития любого общества необходимо стабильное функционирование всех сфер деятельности государства. Поэтому значимость деятельности рынка труда имеет особую актуальность.

Политико-культурный подход, предложенный американским экономическим социологом Н. Флигстином, заключается в объяснении стабильного сосуществования важных сфер. Пример взаимодействия рынка труда и системы высшего образования является одним из ключевых, так как экономическая составляющая для государства является важным двигателем развития.

Любое общество акцентирует пристальное внимание на молодежи, как значимом элементе в структуре построения успешной экономики государства. Таким образом, трудовой потенциал молодежи является одним из ключевых факторов раскрытия темы исследования.

В формировании рынка труда ключевым является рыночная среда молодых работников, к числу которых относятся выпускники высших учебных заведений. Для успешного трудоустройства данной категории населения требуется ряд условий. Во-первых, проявление экономической активности; во-вторых, личное желание человека, а также имеющиеся возможности и преимущества молодого специалиста для реализации в профессиональном ключе [1].

Тема занятости молодежи была затронута В. Шубкиным, исследовавшим молодежь 4-х стран. По истечении исследования был составлен портрет занятой молодежи. По мнению ученого, существует разница между спросом и предложением на рынке труда, приводящая к тенденции несоответствия реагирования института образования на рыночные реалии[2].

В рамках написания данной статьи рассмотрена взаимосвязь Объединенной металлургической компании, в частности, Выксунского металлургического завода с НИТУ МИСиС. Для исследования данной темы были взяты годовые отчеты компании по социальной деятельности и результатам экономической деятельности. В качестве методов сбора информации были использованы кейс-стади металлургической компании, глубинное интервью с представителями металлургической компании и представителем высшей школы.

Осуществление взаимосвязи рынка труда и системы высшего образования подразумевает решение следующих задач. Во-первых, подготовка для предприятия необходимых кадров. Во-вторых, обеспечение качественным образованием учащихся вузов для последующего трудоустройства и адаптации к новым условиям. В-третьих, содействие университетов и государства в вопросах дальнейшего трудоустройства молодых специалистов [3].

В данной статье исследование взаимосвязи системы высшего образования и рынка труда осуществляется на основании политико-культурного подхода американского экономического социолога Н. Флигстина [4]. Для реализации стратегии взаимодействия важно определиться с целью саморазвития акторов в рыночной среде. Стратегическая политика реализуется в условиях ее необходимости. Для осуществления данной стратегии необходимо выстраивать структуру взаимодействия с основными участниками рыночного пространства. Все это связано с условиями сотрудничества, значение которого заключается в необходимости стабильного партнерства всех участников процесса, так как при этом осуществляется постоянный приток в штат новых кадров.

Использование исследуемой в статье теории Н. Флигстина подразумевает разбор причин нестабильности на рыночном пространстве. Первой из которых является желание одних предприятий снизить цены других конкурирующих производств. Вторая причина в сложности сохранения согласия между предприятиями с целью объединения [5].

Таким образом, стратегия взаимодействия на основании политико-культурного подхода Н. Флигстина имеет как преимушества, так и ряд ограничений. Так, к числу положительных сторон проводимой ОМК стратегии взаимодействия с НИТУ МИСиС относятся постоянный приток кадров, обеспечение выпускников рассматриваемого ВУЗа рабочими местами. В число ограничительных моментов входят дороговизна таких проектов, возможная узконаправленность в обучении, поскольку работодатели заинтересованы в том, чтобы

работники как можно быстрее адаптировались к рабочим условиям и стали полноценными членами компании. Также ограничения касаются нежелания определенного количества молодых людей оставаться жить в маленьких моногородах, где жители в основном сосредоточены на одном виде деятельности. Рассматриваемый нами филиал ОМК Выксунский металлургический завод является в этом ключе подходящим примером. ВМЗ находится в небольшом моногороде, население которого сосредоточено на одном рабочем объекте. В связи с этим некоторым молодым людям приходится сложным адаптироваться к новым реалиям. В этом заключается одно из ограничений, так как молодые люди, отработав по контракту определенное время, покидают моногорода в поисках другой жизни. В целом, работодатели в такой ситуации не испытывают больших трудностей, так как осуществляется постоянный приток новых кадров.

На рисунке 1 продемонстрирован анализ финансовых результатов Объединенной металлургической компании, в котором отображен рост показателей с 2012 по 2018 год. К 2018 году показатель выручки Объединенной металлургической компании зафиксирован на сумме 28626 млн. рублей. Рост, показанный на диаграмме, демонстрирует финансовую стабильность компании с ежегодным увеличением суммы доходов, что благоприятно сказывается на проведении подобного рода программ [6].

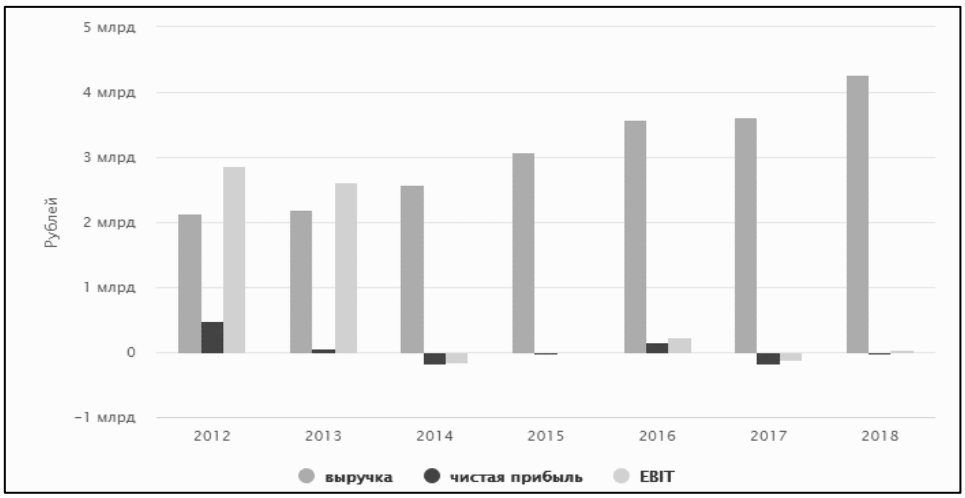


Рис. 1. Анализ финансовых результатов

Еще одним указанным ранее ограничением является дороговизна проекта «ОМК-Кампус», так как на каждого участника за годы обучения тратится более 1,5 миллиона рублей. Средства рассчитаны для оплаты за обучение, за проживание, за выплату стипендий. Кроме того, в течение обучения студентам помимо стипендий оплачиваются денежные вознаграждения за работу на предприятии, так как их максимально включают в рабочий процесс для полной адаптации. Таким образом, на выпуске университета получают готовых сотрудников компании, обладающих необходимым набором компетенций, квалификацией, опытом, умением вести себя в коллективе. Программа «ОМК-Кампус» открывает большие возможности для молодых специалистов, заинтересованных в успешном трудоустройстве.

Подобного рода программы по взаимодействию являются выигрышными для всех сторон. В первую очередь, для выпускников вузов, трудоустраивающихся после окончания учебного процесса; для компании, получающей постоянный приток высококвалифицированных кадров; для государства, заинтересованного в социально-экономическом развитии; для образовательного института, улучшающего свои показатели по уровню охвата трудоустройством выпускников высшей школы.

Взаимодействие университета с работодателем заключается в налаживании партнерских отношений. На рисунке 2 представлена диаграмма с данными по объему

взаимодействия ОМК с НИТУ МИСиС. Так, в течение двух лет инвестиционный потенциал проектов по взаимосвязи с университетом увеличился на 3 миллиона рублей.

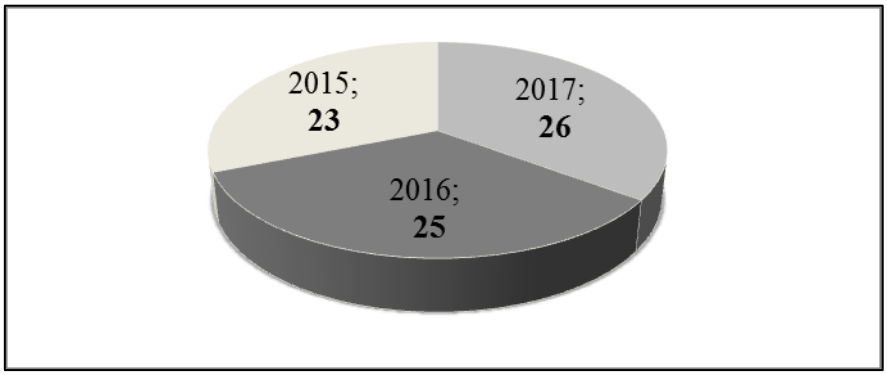


Рис. 2. Объем взаимодействия с учебными заведениями. млн руб.

В этом вопросе эксперт из ОМК основывается на предположении о том, что кадровая политика Объединенной металлургической компании направлена на постоянный приток кадров.

Проводимая компанией программа «ОМК-Кампус», начавшая работу в 2009 году, представляется конкретным примером результативности сотрудничества бизнес-структуры и высшей школы. В рамках данной программы более 60 сотрудников металлургического завода в Выксе получили магистерские степени в рамках программы «ОМК-Кампус». В 2017 году программа запустила новое направление «Ремонты».

Таким образом, анализ программы компании, направленной на стратегическое взаимодействие с институтом образования, демонстрирует положительный результат, так как выпускники трудоустраиваются по специальности, не сталкиваясь с проблемой адаптации к специфическим условиям занятости, что благоприятно сказывается не только на будущем молодого специалиста, но и на социально-экономической составляющей государства, так как уменьшается количество безработных людей среди экономически активной части населения. Однако, как было указано ранее, проведение программ взаимодействия требует больших финансовых средств, которые имеются лишь у крупных предприятий таких, как Объединенная металлургическая компания, являющаяся одним из лидеров по производству металлопродукции для ведущих транспортных, промышленных компаний. Это является большим препятствием в реализации программ сотрудничества предприятий с наименьшими доходами. Еще одним ограничительным критерием на пути реализации программ взаимодействия рынка труда с высшей школой выступает нежелание некоторых молодых специалистов продолжать работу по окончании контракта. Но эта проблема не столь ощутима, так как длительность отработки по контракту составляет 5 лет. За время отработки специалистами контракта работодатели успевают подготовить новые кадры. В целом, пример взаимосвязи высшей школы и работодателей демонстрирует возможность реализации подобного рода программ с положительным результатом, но с условием наличия необходимых для этого критериев и возможностей.

Литература

1. *Мальцева И.О., Рощин С.Ю.* Система высшего образования и рынок труда (глава 3) // Аналитический доклад по высшему образованию в Российской Федерации, 2007. С. 92–113.
2. *Шубкин В.Н.* Социология и общество: Научное познание и этика науки. Монография. М.: ЦСПиМ, 2010. 424 с.
3. *Башарина С.М., Козлова Т.А.* Опыт работы Владимирского государственного университета по взаимодействию рынка образовательных услуг и регионального рынка труда мо-

лодых специалистов // ГОУ ВПО «Владимирский государственный университет», г. Владимир, 2009.
4. *Флигстин Н.* Архитектура рынков: экономическая социология капиталистических обществ XXI века. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. 392 с;
5. *March J.* The Business Firm as a Political Coalition // Journal of Politics. 1962. № 4. P. 662-678.
6. Сайт компании ОМК («Информация о деятельности в области устойчивого развития ОМК»).URL: http://ar2016.omk.ru/ustoychivoye-razvitiye.html (Дата обращения: 2.02.2020).

ГРАНД-ТЕОРИИ В АНТРОПОЛОГИИ (СОЦИОЛОГИИ) И В БИОЛОГИИ: ИХ ПАРАЛЛЕЛЬ

Ложкин В.Н.
Независимый исследователь
Россия, г. Канаш

Аннотация. Создание гранд-теорий основано на сходстве 7 главных аксиом в них, на едином алгоритме (из 23 правил в полном варианте) и на расположении этих знаний в периодические системы. Ядро теоретической антропологии – всеобщая теория разумной жизни, состоящая из 21-й теории. В теориях не более трёх аксиом. Работа позволит поднять междисциплинарные исследования на новую высоту.

Ключевые слова: аксиоматика и систематика теорий; их алгоритм и периодические системы; параллели между науками.

О необходимости навести порядок в многочисленных теориях в социологии (или, ещё шире – в антропологии) высказывались все известные социологи. Необходима система, теория, которая могла бы вбирать в себя все знания и теории в социологии, не разрушаясь при этом сама. Ж.Т. Тощенко [6, с. 5] призвал социологов «выходить на новый уровень обобщения, на иные формы осмысления и использования достигнутого социологией, включать в исследовательскую практику то, что накоплено в смежных социальных, естественных, точных и гуманитарных науках». Эти задачи можно решить на аксиоматической основе. Существующих правил недостаточно для построения аксиоматических теорий. Автор расширил список этих правил.

Все научные высказывания всех наук можно выстроить в ряд, состоящий из аксиом и их следствий. Это следует из теоремы Цермело: «каждое множество можно вполне упорядочить». Аксиомы можно рассматривать как теоремы из предшествующих теорий и наук. Они доказываются из прежних понятий по формуле (или закону): а + в = с, где а – понятие предшествующих теорий, в – эмерджент, новое качество, не встречавшееся ранее, с – новая аксиома. Примеры. Порядок + его кодирование = информация. Информация + специфическое кодирование звуков = речь. Это правило **№ 1.** Каждая аксиома в теории соответствует появлению нового эмерджента в природе.

Проблема в том, как найти последовательность аксиом в их ряду. Единого критерия построения такого ряда не существует. Приходится опираться на аналогии, на логическую, структурную, функциональную и эволюционно-историческую зависимость между объектами. На помощь ещё может придти периодический закон, который можно установить в этом ряду в биологии. **Периодический закон таков: «*Если расположить идеализированные структуры и процессы живого и его природной среды в неслучайный ряд, то в этом ряду некоторые их свойства будут иметь тенденцию периодически повторяться».*** На основе этого закона можно построить периодическую систему, подобную системе Д. И. Менделеева [1, с. 5]. *(Поскольку периодические системы не вмещаются в рамки статьи, читатель*

может попытаться самостоятельно размещать компоненты антропологической системы в клеточки биологической системы, опубликованной автором для ТБ). (Это для редактора).

Из порядка структур и процессов в периодической системе можно ***угадать*** ряд аксиом в теориях, начиная с аксиомы № 1, и ряд самих теорий. Это правило **№ 2** алгоритма. Найти этот закон в теоретической антропологии (ТА) практически невозможно. В теоретической биологии (ТБ) это сделать легче. Аналогия с биологической периодической системой будет правилом **№ 3** для построения такой же системы в ТА. В периодические системы не обязательно верить, можно относиться к ним как к строительным лесам, помогающим выстроить здание теории.

Структуры и соответствующие им процессы попарно объединены в блоки-компоненты, состоящие из двух клеток, и обозначены в системе под порядковыми номерами (прав. **№ 4**). Из этой пары или структура или процесс может стать аксиомой (прав. **№ 5**). Аксиомой можно назвать один из взаимно выводимых терминов или теорем (прав. **№ 6**). (Например, в математике теорема Цермело и аксиома выбора – взаимно выводимы). Теория, не выходящая за пределы описания трёх групп таких взаимно выводимых терминов (по числу аксиом), будет иметь ***естественный предел краткости***. Из этих групп, а также из рефренных рядов, из атрибутов и их модусов, как и в математической теории групп, можно составить каталог. Сами правила в алгоритме можно посчитать за эпистемологические аксиомы для систематизации онтологических аксиом и их теорий и не доказывать их.

Результаты работы можно представить в виде параллелей между биологией и антропологией.

Аксиомы двух общих теорий в антропологии (*В скобках даны аксиомы биологии*)

Основная аксиома № 1: Существуют разумные существа, способные сами находить новые приспособления к внешней среде. *(Существуют* объекты, способные изменять условия среды на благоприятные и изменяться сами. Или существуют живые объекты.*)*.

2 аксиома: Необходимы орудия труда. *(Живое имеет фенотип).*

3 аксиома: Человек обладает речью. *(Живое имеет генотип).*

4 аксиома: Человек обладает сознанием. *(Живое имеет внутреннюю среду).*

5 аксиома: Необходима творческая активность, новаторство, культура. *(Необходима активная наследственная изменчивость)*.

6 аксиома: Необходима движущая сила в виде мечты, веры, воли. *(Необходимы условия для объединения, обмена генов* (*половое размножение, кроссинговер, трансдукция генов*)*)*.

7 аксиома: Необходимы запреты в виде совести, морали, законов. *(Необходимо сохранение удачных комбинаций генов (нпрм. репродуктивная изоляция их)*.

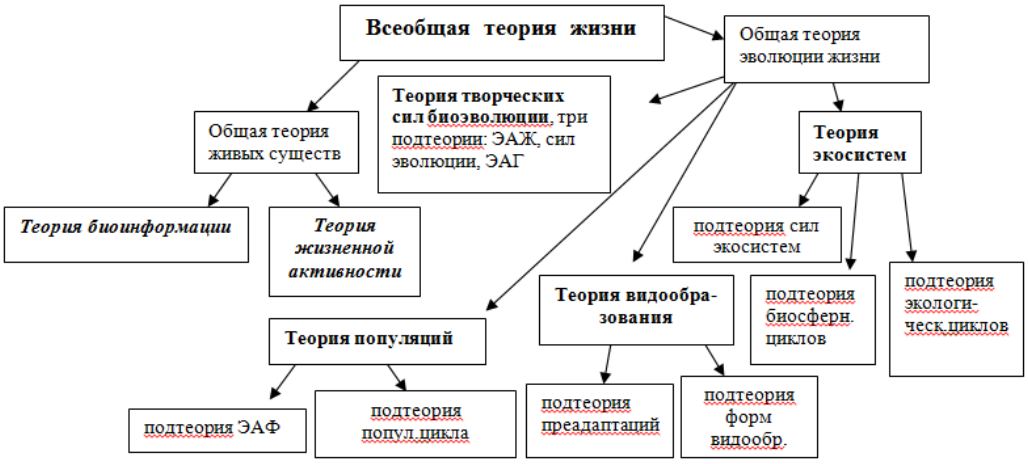


Рисунок 1. Всеобщая теория жизни

Рисунок 2. Всеобщая теория разумной жизни

Общая теория разумных существ занимает 1 и 2 периоды системы, ей принадлежит 2, 3 и 4 главная аксиома. Общая социетальная теория общества занимает 3 и 4 периоды, ей принадлежит 5, 6 и 7 главная аксиома. Общие теории развития личности и история общества займут 5 и 6 периоды, которые продлят главный ряд аксиом далее.

Всеобщая теория разумной жизни (ВТРЖ)

Разум – это умение находить новые способы создания условий для жизни. Или существуют разумные существа, способные сами находить новые приспособления к окружающей среде. Определение разума (и разумных существ) есть *основная и единственная аксиома в ВТРЖ, или же это аксиома* ***№ 1*** антропологии и компонент № 1 периодической системы. Полное определение термину «разум», так же, как и термину «жизнь», можно дать, только взяв по одному его определению, исходящего от каждой аксиомы ТА и соединив их вместе. Или перечислив все основные свойства или атрибуты разума: речь, труд, сознание, творчество, цивилизованность.

Общая теория разумных существ

Труд, необходимость орудий труда – это *аксиома № 2* антропологии и комп. № 2 системы.

Теория речи

Для разумной жизни необходимо уметь из исходной информации синтезировать новую (в процессе мышления), а затем опредмечивать её в труде. Чтобы держать в объёме кратковременной рабочей памяти (ОКРП), длинную последовательность своих действий и мыслей, по Г. Миллеру =7±2 [2], человеку необходимо как-то более кратко обозначать их. Их он обозначает знаками, словами. У высших животных ОКРП ≤ 3 [3, с. 67]. Эти количественные различия будем считать критерием № 1 отличия разумных существ от неразумных. Обладание *речью* примем за *аксиому* ***№ 3*** антропологии и за комп. № 3. Специфический вид кодирования информации в виде речи, письма – есть критерий № 2 разумных существ. Те же два критерия служат и для отличия живого и неживого. Способность слов кратко обозначать предметы и действия – *первая функция* речи. Способность к общению – *вторая функция* речи. Способность внутренней речи служить базой для мышления словами – *третья функция*. Три функции составят три аксиомы теории речи.

Теория сознания

Сознание – это мышление *со знанием*, а не с инстинктами. Абстрактное мышление словами, способность мысленно совершать при этом свободный выбор – *первый атрибут* со-

знания. Способность логически получать, оценивать и систематизировать знания и опыт в сознании – есть рассудок. Когда размышления заходят в тупик, на помощь приходит интуиция. Рассудок и интуиция – это *второй атрибут сознания.* Способность управлять своими мыслями, или рефлексия – есть *третий атрибут* сознания. Три атрибута – три аксиомы теории сознания. *Сознание* – это способность управлять своими мыслями *и* контролировать *их*. *Сознание* – это *аксиома № 4* антропологии и компонент № 4 системы.

Общая социетальная теория общества.

Создание, творчество новых элементов, видов и форм культуры аналогично появлению мутаций и новых признаков и таксонов в биологии, что приводит к эволюции общества. Из понятий о рождении симметрий, их сохранений и нарушений, можно вывести понятия о движущих, сохраняющих и направляющих силах эволюции, которые назовём ***фундаментальной троицей сил природы*** (например, положительный, стабилизирующий и отрицательный отбор). Нарушения симметрии в виде новаций, мутаций, а также в виде запретов и естественного отбора, но с сохранением объектами, обществами своих неотъемлемых свойств (атрибутов), приводит к их эволюции.

Творчество – *аксиома № 5* антропологии и 6-й компонент системы.

Теория творчества

Подтеория культуры. *Творчество* – это и *движущая сила* культуры. Без творчества, без поисковой активности [4, с. 4–30], экспансии во что-то новое, человек нормально жить не может. Речь, письменность, традиции, способствующие накоплению продуктов мышления и труда, выполняют *сохраняющую функцию* культуры. Прогресс, отбрасывающий старое, отнесём к *направляющей силе* культуры. Из этой тройки сил, как из трёх аксиом, составим подтеорию *культуры*.

Подтеория творческой личности. Для творчества, как и для эволюции на основе мутаций, *необходимы счастливый случай, везение.* Это будет *первой аксиомой* творчества. Стремление к знаниям, к новому сделаем второй *аксиомой* творчества. *Третьей аксиомой* будет получение эстетического, морального удовольствия от творчества.

Подтеория стимулов для труда. Мечта – первое *условие* трудовой жизни. Необходимость ***поощрений*** (и самопоощрений) человека за труд и ***одобрение, признание*** его деятельности примем за *второе условие* для трудовой жизни. Удовольствия, ***развлечения, игры, искусство*** - *третье условие* для успешной трудовой социальной жизни. Отсутствие мечты, также как и завышенные, несбыточные мечты, могут привести к бесцельности, к бездействию, лени. Три условия – это ***три аксиомы подтеории стимулов для труда.***

Подтеория эстетики. Искусство, через чувство красоты, служит средством развлечения, восстановления сил для дальнейшего творчества. Это *движущая сила* эстетики. Свойство искусства поддерживать в нас лучшее, можно принять за *сохраняющую силу* эстетики. Искусство, через прекрасное, способно ограждать человека от дурного, безобразного, что составит *направляющую силу* эстетики для адаптации людей в обществе. По этой тройке сил найдём три аксиомы для подтеории эстетики.

Теория общества

Подтеория социальных институтов. *Движущей силой,* объединяющей людей в группы и общества невидимой сетью взаимодействий, является *выгода, польза* от совместного удовлетворения потребностей. Общество структурируется в виде системы *социальных институтов,* а индивиды в нём – в виде *статусов и ролей*, что отнесём к *сохраняющему фактору* социума. Социальными связями можно управлять, конструируя их в чью-либо пользу, что отнесём к *направляющей силе общества*. Три силы – это три *аксиомы* подтеории социальных институтов и комп. № 7.

Подтеория этики. Этика – наука о правилах поведения человека в обществе. Необходимость мечты, цели, смысла, приходится подкреплять верой: в науку, в себя, в добро, или верой в судьбу, в бога. ***Вера, убеждение*** – *1 аксиома* социальной жизни, а также ***аксиома № 6*** антропологии и компонент № 8 системы. Необходимость сдерживающей, сохраняющей силы в виде внутренних запретов или совести, стыда – есть *второе правило этики*. *Обще-*

ственное мнение в виде нравственности, морали, традиции, религии, идеологии, составят ненасильственное *третье правило этики*. А вместе со стихией рынка и принудительными юридическими законами составят уже *аксиому № 7* антропологии. Три правила составят три аксиомы подтеории этики (компоненты № 6-9 составят третий период системы).

Теория экономики

Эконо́мика - хозяйственная деятельность общества, а также совокупность отношений, складывающихся в системе производства, распределения, обмена и потребления товаров и услуг (комп. № 10). Также экономика – это наука, изучающая способы наиболее эффективного использования имеющихся ресурсов.

Подтеория производства. Для производства необходимы природные, производственные и трудовые ресурсы. *Или предметы труда, средства труда и рабочая сила.* Эти три ресурса можно принять *за три аксиомы подтеории производства.* Предмет труда и средства труда (включая условия труда) – это средства производства. "Средства производства представляют собой один из факторов производства; другой его фактор – рабочая сила" [5, с. 9]. На работе люди связаны производственными отношениями.

Подтеория распределительных отношений. Произведённый продукт не всегда сразу становится объектом потребления. Он должен пройти процедуру распределения: *отчуждения* (отъёма от производителя), в том числе и в виде налогов, раздачи (или *обмена* на деньги в качестве зарплаты) с целью *присвоения*, рыночного *обмена, и, наконец, потребления.* Отчуждение, раздача/обмен и присвоение/потребление составят ***три аксиомы*** подтеории распределительных отношений. Отношения обмена или товарно-денежных отношений возможно станут подподтеорией подтеории распределительных отношений (комп. № 12).

Подтеория техноэволюции. *Движущей силой* технического развития является *модернизация* производства, внедрение *инноваций* и связанное с ней увеличение производительности труда и качества продуктов (компонент № 11). Эволюция видов живого с появлением человека дополняется эволюцией видов изделий.

Направляющей, внутренней силой технического развития является информационный *отбор изделий, планирование* (комп. № 11). *Направляющей внешней силой* технического развития является *рынок, конкуренция (*компонент № 13). Сумма технологий, научный потенциал, экономическая мощь техноценозов составят *сохраняющий фактор* для дальнейшего экономического, технического прогресса. Все эти три силы снова составят нашу *троицу аксиом* для подтеории техноэволюции. Техноэволюция – это *социальный способ изменения материи*. Социальный способ изменения материи – это ещё и перестройки, прогресс в государственном устройстве общества в виде его *эволюции, истории*.

Теория государства

Подтеория перехода к цивилизации. Необходимость в более совершенных продуктах труда привела к разделению труда, к появлению ремёсел, что примем за *первую аксиому* цивилизации (компонент № 12). Разделение труда, появление *избытков* продуктов труда, приводит к появлению *собственности*. Необходимость обмена результатами труда приводит к торговле, к *рынку* что составит *вторую аксиому* цивилизации. С появлением того, чего можно отнять, появляется соблазн жить за счёт труда других, эксплуатировать их. Появились грабительские войны, захваченные пленники превращались в рабов (комп. № 13). Необходимость в *защите* собственности, своих прав и иных ресурсов привело к строительству городов и государств с вооружёнными силами, что посчитаем за *3 аксиому* цивилизации (комп. № 14). (Компоненты № 10–14 составят верхний ряд четвёртого периода).

Подтеория государства и права. Общество (народ) в государстве разделилось на подданных или граждан и на надстройку над ними в виде органов власти (комп. № 15). *Естественные права* граждан составят *движущую силу государства.* Наличие силовых структур и поддержание ими стабильности и порядка в обществе – *это её сохраняющая функция.* Воля государства, выраженная в виде его права и законов, составит *направляющую силу* государства. Из тройки сил, как из трёх аксиом, можно составить *подтеорию государства и права*.

Самое крупное противоречие – противоречие между расширением (размахом) хозяйственной деятельности людей и возможностью природной среды это обеспечить. Следовательно, человечеству необходимо как прилагать искусственные усилия для защиты природы, так и находить способы по ограничению своей численности (компонент № 18). (Компоненты № 15-18 системы завершат четвёртый период).

Подтеория власти. Если законодательную власть посчитать за первую силу социума, исполнительную власть – за вторую силу, а силовую, судебную (полицию, суд, армию) – за третью силу, то мы опять получим фундаментальную троицу сил (комп. № 16). Посчитав эти силы *за аксиомы*, получим *подтеорию власти* в теории государства.

Подтеория политики. Внутри государства есть ещё политическая деятельность, направленная на приобретение, удержание и использование власти, в которой можно найти свои аксиомы (комп. № 16). Подтеорию власти и подтеорию политики можно рассматривать и как подподтеории в подтеории государства и права.

Итого. В биологии 40 аксиом на 19 теорий (4 из них не имеют собственных аксиом, в одной аксиомы не названы и одна имеет только 1 аксиому). В антропологии 49 аксиом на 22 теории (исключения те же, что и в биологии). Всего 89 аксиом на 41 теорию**.**

Заключение.

Количество и названия теорий и подтеорий ещё предстоит уточнять. Но на их основе уже можно строить их предварительную систематику и строить аналогии между науками. В отличие от физики, закономерности в антропологии остаются описательными, даже если найти аналоги числовым физическим законам.

Аналоги законам И. Ньютона в антропологии *(то же самое есть и в биологии).*

К 1-му закону: Общество (как и индивид) не развивается, находится в «застое» (или движется по инерции), если им некуда стремиться, поскольку или все ресурсы, богатства имеются в избытке и остаётся только «проедать» их на развлечения, или наоборот, при нищете и отсутствии свободных ресурсов, социальных ролей, подавляющих инициативу.

Ко 2-му закону Ньютона (a=F/m): Ускоренное, расширенное воспроизводство (a) общества (индивида), рост благосостояния его членов, прямо пропорционально свободе творчества, деловой активности (и нравственной силе общества?) (F), и обратно пропорционально излишним или несправедливым запретам (m).

К 3-му закону Ньютона: К каждому виду активности найдётся свой запрет или сила, в виде противоположно направленной ей активности, вызывающая согласие, стабильность или противоречие. Или это закон единства и борьбы противоположностей.

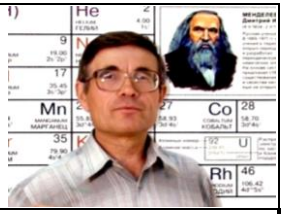
Литература

1. *Ложкин В.Н.* Аксиомы и периодическая система в теоретической биологии. Чебоксары: Новое время. 2011. 52 с.
2. *Miller G.A.* The Magical Number Seven, Plus or Minus Two // The Psychological Review. 1956. Vol. 63. Pp. 81–97.
3. *Марков А.В.* Эволюция человека. Кн. 2: Обезьяны, нейроны и душа. М.; Астрель, Corpus. 2012. 482 с.
4. *Ротенберг В.С., Аршавский В. В.* Поисковая активность и адаптация. М.: Наука. 1984. 192 с.
5. *Семенов Ю.И.* Экономика как базис общества: общий категориальный аппарат. Философия и общество. 2014. № 1. С. 5–30.
6. Тощенко Ж.Т. От феномена к ноумену: опыт методологического и методического поиска // Социологические исследования. 2019. № 4. С. 3–14.

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ СИСТЕМА СТРУКТУР И ПРОЦЕССОВ ЖИЗНИ

В.Н. Ложкина

(цифрами обозначены компоненты системы)

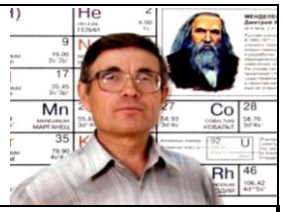


		(первая пара рядов) структуры	(первая пара рядов) процессы	(вторая пара рядов) структуры	(вторая пара рядов) процессы	(третья пара рядов) структуры	(третья пара рядов) процессы	(четвёртая пара) структуры	(четвёртая пара) процессы
ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ЖИВЫХ СУЩЕСТВ (без онтогенеза)	**1 период**	ЖИВОЕ - это то, что само создаёт вещества и условия для самовоспроизведения и своей эволюции (1 аксиома) **1**	ЖИЗНЬ – есть способ воспроизводства своих копий с пом. фенотипа (2 аксиома)						
	2 период	Информация, ГЕНОТИП+ механизмы редупликации генотипа и воспроизведения его в фенотип = генетический аппарат **2**	МАТРИЧНЫЙ СИНТЕЗ биополимеров + принцип усиления = рост, развитие (3 аксиома	ОРГАНИЗМ: активные ферменты, органоиды ОРГАНЫ. **3**	ДВИЖЕНИЯ, направленные на ВЫБОР и ОТБОР, дифференциальное изменение тел. ФУНКЦИИ	Внутренняя СРЕДА : полости и ГРАНИЦЫ организма : внешние и внутренние (4 аксиома) **4**	Пластический и энергетический ОБМЕН Удержание веществ вместе и изМЕНение усвоенных веществ в удобную для использования форму	РЕЗЕРВ пластических и энергетических веществ + органы, его обеспечивающие = потенциальные возможности (ПВ) организма **5**	ПОДДЕРЖАНИЕ внутреннего состава веществ в норме -- поддержание гомеостаза
ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ЭВОЛЮЦИИ ЖИЗНИ (без филогенеза) Уровень видов, фенов, генов	**3 период**	ГЕНЫ. Избыточность генома МУТАЦИИ (5 аксиома) **6**	Эволюционная активность живого. Изменчивость генома + матричн. синтез = конвариантная редупликация	Мутации влияющие на плодовитость, на способность к распространению, потенциальные возможности организмов произвести их **7**	ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНОЕ участие особей в размножении и расселении = мутации + их воспроизведение в онтогенезе	СРЕДА для движения генов: геном, популяция Генетические и природные ГРАНИЦЫ для их распространения в популяциях **8**	ОБМЕН генами: половой процесс. Нахождение удачных комбинаций генов (6 аксиома)	РЕЗЕРВ и способы создания наследственной изменчивости + механизмы, его обеспечивающие = генофонд **9**	ПОДДЕРЖАНИЕ удачных комбинаций генов с помощью репродуктивной изоляции популяций Прогрессивная эволюция генома (7 аксиома)
	4 период	ФЕНЫ Многофункциональные органы и эволюционно пластичные организмы + ПРЕОДОЛЁННЫЕ факторы среды **10**	ПРЕАДАПТАЦИИ, случайное выполнение новых полезных функций. МОДИФИКАЦИОННАЯ ИЗМЕНЧИВОСТЬ	ПРЕОДОЛИМЫЕ факторы внешней среды организмов + потенц. возможности организмов преодолеть их = экологическая прочность **11**	ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНОЕ устранение особей от размножения или ЕСТЕСТВЕННЫЙ и субъектный ОТБОР	СРЕДА изМЕНение, организмов: градация ниш и факторов в них. ГРАНИЦЫ меж нишами и средами **12**	флуктуация факторов и ресурсов в нише и флуктуация самих ниш и сред обитания Катастрофы в них	РЕЗЕРВ возможностей органов размножения и расселения, позволяющий организмам избегать недифференциальной гибели **13**	ПОДДЕРЖАНИЕ численности за счёт попадания в безопасное время и место “Давление жизни”
		НЕПРЕОДОЛИМЫЕ факторы среды и градация их интенсивности. **Ареал** распространения вида и градация его численности в нём **15**	НЕДИФФЕРЕНЦИАЛЬНАЯ гибель + дифф. участие в размножении и расселении = популяц.волны, дрейф генов	Новые ниши, среды, ВРЕМЯ **16** + популяции = АДАПТАЦИИ: ароморфозы, идиоадаптации, дегенерации	СЕЛЕКЦИЯ = дифференциальное участие + ИЗОЛЯЦИЯ + естественный и субъектный ОТБОР	Временная СРЕДА И ГРАНИЦЫ существования особей, видов, классов…. поколение, эпоха, эра + эколог.ниша =пространств.- временные структуры: популяц. и биосферн. циклы **17**	СМЕНА поколений, ниш, сред, эпох, эр, сопровождаемая возникновением и гибелью видов, родов, классов, биогеоценозов. Эволюционные скачки	РЕЗЕРВ времени и ниш (потенциальные возможности их) резерв видов, готовых их занять = новые виды и экосистемы **18**	ПОДДЕРЖАНИЕ жизни за счёт её разнообразия. Усложнение ниш и видов в них - прогрессивная эволюция. Ускорение темпа эволюции

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ СИСТЕМА
СТРУКТУР И ПРОЦЕССОВ РАЗУМНОЙ ЖИЗНИ

В.Н. Ложкина

(цифрами обозначены компоненты системы)



			(вторая пара рядов)		(третья пара рядов)		(четвёртая пара)	
			структуры	процессы	структуры	процессы	структуры	процессы
ОБЩАЯ ТЕОРИЯ РАЗУМНЫХ СУЩЕСТВ	**1 период**	РАЗУМНЫЕ **1** существа – те, что способны сами находить многочислен. приспособления (1 аксиома)		РАЗУМ способность ставить цели, находить пути их достижений и осуществлять их				
	2период	ОРГАН ТРУДА **2** +орудия и предметы труда = продукты труда (2 аксиома)		Т Р У Д трудовая деятельность Создание искусственного вместо природного				
ОБЩАЯ ТЕОРИЯ СОЦИЕТАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА Государственный, деловой духовный уровни	**3 период**	КУЛЬТУРА **6** Письменность Искусство Традиции Красота Эстетика (5 аксиома)	ОБЩЕСТВО **7** группы людей, связанных сетью взаимовыгодных отношений. Обществ. бытие Социальные институты	ТВОРЧЕСТВО Творческая деятельность Удовольствия	СОЗНАНИЕ **4** Свобода воли ПОДСОЗНАНИЕ: привычки, навыки. Интуиция Рассудок Контроль, сила воли, рефлексия. Душа (4 аксиома)	Свободный выбор Осознанная, целеустремлённая деятельность. Внутренняя речь Придание фактам значения, ценности	РЕЗЕРВ **5** возможностей человека: внешние и внутренние ресурсы = время, опыт, знания, здоровье, способности: ум, память, воля	ПОДДЕРЖАНИЕ, накопление жизненного опыта, мудрости: практика, обучение, подражание, воспитание
	4 период	ТЕХНЕТИКА **10** Техноценозы Мир вещей и предприятий Изделие Наука	СЛОВО, ЯЗЫК, **3** речевой аппарат Программа, план действий	РЕЧЬ – вторая сигнальная система Абстрактное мышление Умственная деятельность (3 аксиома)	ЭТИКА - **8** Правила поведения Социальная значимость, Вера, Совесть (6 аксиома)	ДУХОВНАЯ деятельность Поиск мечты, смысла жизни Идеология Патриотизм Национальная идея	РЕЗЕРВ: **9** нравственный, духовный и образовательный запас общества Мораль Нравственность (7 аксиома)	ПОДДЕРЖАНИЕ обществ. порядка. Обряды, традиции религия. Нравственные законы
		ХОЗЯЙСТВЕННАЯ деятельность сельс. х-во, промышленость, услуги. Книгопечатание Документ Технологии	Инновации **11** Модернизация Техноценозы	Информационный **ОТБОР,** Планирование. Техноэволюция НТР	ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ниши **12** Профессии Экономика: производство хранение обмен и потребление	РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА Специализация Производительность труда	РЕЗЕРВ, **13** избыток продуктов труда - товар. Рынок.Частная собственность Конкуренция производителей	Обмен товаров – торговля Война Захват новых рынков, территорий.
		ГОРОДА, **15** государства Цивилизации = власть + подданные. Гражданское общество	ИСКУССТВЕННАЯ СРЕДА ОБИТАНИЯ: коммуналь. х-во, здравоохранение, транспорт, связь. Самоуправление	ОРГАНЫ **16** государственной власти: законодательная, исполнительная, судебная власть. Юридические законы	Политическая деятельность: приобретение, использование и удержание власти Соблюдение законов	Временная СРЕДА, **17** история формаций: охота и собирательство, с VII тыс до н э с х-во и скотоводство, промышленность с 1800 г. Производительные силы	СМЕНА общ.-экономич. формации Революции Производственные отношения	РЕЗЕРВ **18** природных богатств, экология + Резерв возможностей человечества = ноосфера	ПОДДЕРЖАНИЕ, защита природы Устойчивое развитие Глобализация Научно-технический прогресс
							РЕЗЕРВ **14** накопленных богатств РЕЗЕРВ вооружённых сил – Армия	ПОДДЕРЖАНИЕ, защита своей территории и её богатств

ПОВЕДЕНИЯ ЖИТЕЛЕЙ ГОРОДА КАЗАНЬ (ПО МАТЕРИАЛАМ МАССОВОГО ОПРОСА)

Орешникова Д.Н.
Казанский федеральный университет,
Россия, г. Казань

Аннотация. Здоровье является одной из основных витальных ценностей человека, что актуализирует вопрос социальной ответственности государства при реализации мероприятий в системе здравоохранения, а также при создании и поддержании системы реализации самосохранительных установок индивида. В статье продемонстрированы результаты массового опроса жителей г.Казань об основных практиках здорового образа жизни и профилактики заболеваний. Опрос проводился с целью определения основных практик самосохранительного поведения, а также анализа их взаимосвязи с диспозиционными образованиями личности.

Ключевые слова: здоровье, социология здоровья и медицины, самосохранительное поведение, ценности и установки личности, здоровый образ жизни, приверженность к лечению, профилактическое поведение.

Динамизм и высокий темп современной жизни общества приводят к тому, что изменяются базовые жизненные ценности личности, в том числе и отношение к здоровью. Рыночные отношение и практики общества потребления все больше меняют образ здоровья человека в сторону товара или собственности, подлежащей купле/продаже. Здоровье отчуждается от человека в пользу государства и института медицины что проявляется в масс-медийном пространстве [5]. Последствия таких изменений можно оценить уже на сегодняшний день.

По данным всероссийских опросов ВЦИОМ, каждый третий россиянин (32%) может назвать состояние своего здоровья «хорошим», каждый второй – «удовлетворительным» (53%) [6]. В то же время, приверженность здоровому образу жизни по основным показателям присуща от силы одной четвертой населения страны: регулярно спортом занимаются 25% россиян, придерживаются специальной диеты 19%, проходят ежегодные профилактические осмотры 15% граждан [3]. Поддержание социального благополучия невозможно без систематических действий по сохранению здоровья и его возможному восстановлению, а также мер продления срока жизни граждан. Под данной категорией мы понимаем «самосохранительное поведение» [4]. В индивидуальных стратегиях социальных агентов данная система выражается в направленности личных установок на ведение здорового образа жизни, а также профилактическое посещение медицинских и оздоровительных учреждений. Если в рамках личных стратегий приверженности здоровому образу жизни значимым является процесс интериоризации, то при общении с институциональной средой в рамках профилактики и лечения, наблюдается отказ от взаимодействия с медицинской сферой в силу организации услуг здравоохранения, которая отталкивает индивида. Отсюда, проявление актов самолечения и поиска экспертного мнения через личные связи [1].

С целью получения актуальных данных разнопланового характера по проявлению основных практик самосохранительного поведения, а также определения их взаимосвязи с диспозиционными образованиями личности, был проведен массовый опрос жителей г.Казань.

Социологическое исследование проводилось методом выборочного опроса населения по формализованной анкете. Метод исследования – личное интервью с использованием формализованной анкеты. Выборка квотированная, в качестве генеральной совокупности выбраны представители различных целевых сегментов (жители Казани). Объем выборки составил 600 респондентов, относящихся к различным половозрастным и социально-профессиональным группам. Объем выборки обеспечивает достаточно высокую репрезентативность данных при условии обеспечения доверительного интервала, не превышающего 5% статистически значимой ошибки. В рамках используемой квотной модели выборки по типу

многоступенчатого отбора было сформировано распределение респондентов по половозрастным признакам, а также по группам дифференциации на основе социальных характеристик и району проживания. Структура выборки соответствует распределению в генеральной совокупности по данным Татарстанстата на начало 2019 года [2]. Опрос проводился во всех административных районах города Казани с соблюдением пропорционального распределения населения по проживанию. В исследовании представлены различные доходные группы, а также группы потребления для более детального анализа досуговых практик и потребительского поведения. Среди работающего населения были опрошены представители различных профессий и должностей.

Согласно полученным данным, 79,7% населения стараются придерживаться здорового образа жизни. Из них 39,7% утверждают, что однозначно придерживаются. Около 6% не соблюдают здоровый образ жизни, а остальные (14,5%) сомневаются в своем соблюдении здорового образа жизни.

Для выявления общей картины соблюдения здорового образа жизни были выделены 4 его основные практики: правильное питание, отказ от вредных привычек, активный отдых и занятие спортом. Более востребованными практиками здорового образа жизни является отказ от вредных привычек (почти половина придерживается этого – 47,5%) и правильное питание (около 40%). Менее востребованными из них является занятие спортом и активный вид отдыха (около 20%).

Относительно утверждения о том, что здоровый образ жизни способствует успеху в учебе, работе и в других сферах жизнедеятельности, около 14% опрошенных не согласны с ним, но более половины опрошенных (52%) полностью согласны с данным утверждением, остальные 34% склоняются в сторону согласия, чем не согласия.

По данным корреляционного анализа удалось определить, что существует слабая взаимосвязь между величиной дохода на одного члена семьи и соблюдением респондентом здорового образа жизни (коэффициент корреляции равен 0,103, корреляция значима на уровне 0,05). Чем больше уровень дохода на одного члена семьи, тем больше вероятность однозначного следования основным установкам здорового образа у человека. В то же время, личный доход не находится во взаимосвязи с показателями соблюдения здорового образа жизни респондентов.

Наблюдается слабая взаимосвязь приверженности здоровому образу жизни и следованием основным составляющим ЗОЖ. Так, чем сильнее человек вовлечен в ЗОЖ, тем вероятнее, что он будет соблюдать диету и заниматься активными видами отдыха. Степень зависимости данных признаков представляет 0,264 (корреляция значима на уровне 0,01). Особенно значимый прирост виден при соблюдении диеты и отказе от вредных привычек. Для респондентов, придерживающихся здорового образа жизни, занятия спортом более значимы, чем активные виды отдыха. Статистически значимая зависимость между приверженностью основным принципам ЗОЖ и семейным/личным достатком отсутствует.

Относительно демографических характеристик, было определено, что возраст не влияет на то, придерживается респондент здорового образа жизни или нет. Наблюдается слабая взаимосвязь с половым распределением респондентов. Коэффициент корреляции пола и приверженности ЗОЖ составляет 0,153 (корреляция значима на уровне 0,01). Среди женщин в той или иной степени придерживаются ЗОЖ 86%, в то же время, среди мужчин доля приверженности ЗОЖ составляет только 72%.

Также, было определено, что существует слабая зависимость между приверженностью здоровому образу жизни и уровнем образования респондента. Чем выше уровень образование, тем больше вероятность того, что человек придерживается или старается придерживаться здорового образа жизни. Так, среди тех, у кого среднее образование, доля не придерживающихся ЗОЖ в той или иной степени составляет 35%. Этот же показатель среди тех, у кого высшее образование, составляет только 16,6%. Коэффициент корреляции данных признаков составляет 0,119 (корреляция значима на уровне 0,01).

Относительно занятий фитнесом или каким-либо видом спорта, около 46% утверждают, что не занимаются им. Среди тех, кто занимается спортом, наибольшее число людей (34%), которые занимаются регулярно (1 раз в неделю). Два полярных ответа – часто и редко – имеют сходное процентное соотношение (25% и 23%). Примерно 1/5 часть (10%) занимающихся спортом людей занимаются раз в полгода.

Стоит отметить, что в настоящий момент люди ощущают недостаток свободного времени для выполнения тех или иных дел, это может быть связанно как с загруженностью в различных сферах деятельности, так и с неумением человека планировать день и распределять свое время рационально. Данный феномен встречается и в отношении фитнеса, около 6% отмечаю, что в их жизни нет времени для фитнеса.

Периодичность занятий спортом связана с возрастным распределением. Наблюдается слабая взаимосвязь с силой корреляции 0,241 (корреляция значима на уровне 0,01). Так, чаще всего спортом занимаются респонденты в возрасте от 27 до 35 лет, реже всего – пожилые люди (60-69 лет) и молодежь в возрасте от 18 до 24 лет.

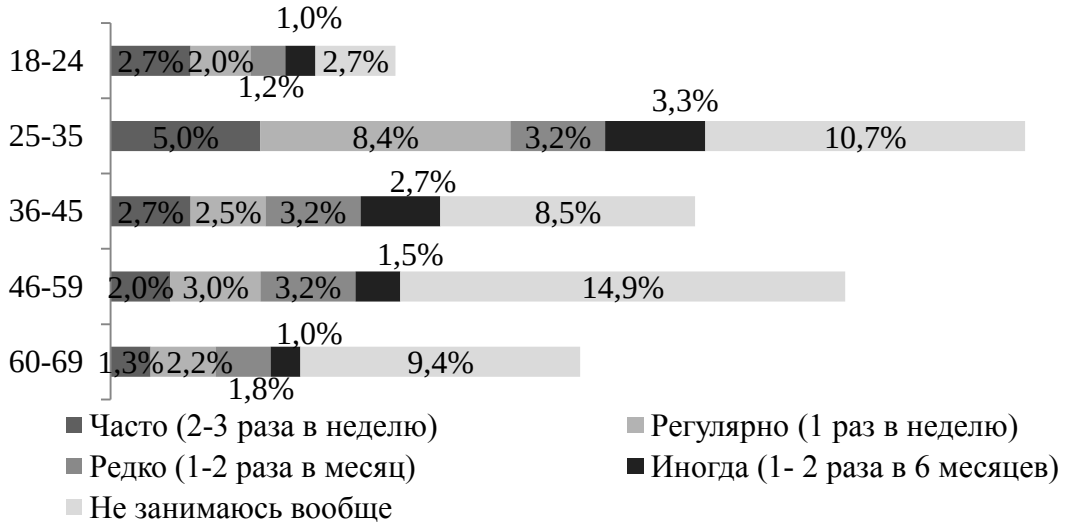


Рис. 1. Распределение занятий спортом по возрастным группам, % от всей выборки

На частоту занятий спортом влияет должностное положение, занимаемое респондентами (коэффициент связи составляет 0,181, корреляция значима на уровне 0,01). Чем более высокое положение занимает респондент, тем большая доля занимается спортом часто, то есть 2-3 раза в неделю. Самый большой показатель в данной категории у том-менеджеров – 30,4%, меньше всего данный показатель у рабочих– 1,5%. Раз в неделю себе могут позволить занятия фитнесом рабочие с меньшими нагрузками и более четким графиком – специалисты с высшим образованием (17,3%) и служащие без высшего образования (32%). Самая большая доля тех, кто не занимается спортом, среди рабочих – 69,2%.

В основном люди занимаются спортом, для того чтобы держать себя в форме (48%) и немного меньше (19%) занимаются спортом поскольку придерживаются здорового образа жизни. Примерно столько же (20%) в качестве цели занятия спортом/фитнесом видят укрепление здоровья. Занятие спортом стало сформировавшейся привычкой для 3%. В профессиональном направлении спортивной карьерой занимаются 8% респондентов.

Иерархия основных жизненных ценностей определяет наше поведение в различных сферах жизнедеятельности. Так, высокая значимость ценности здоровья в общей структуре терминальных ценностей личности влияет на приверженности основным составляющим здорового образа жизни. Степень взаимосвязи составляет 0,195 (корреляция значима на уровне 0,01). Различие между группами придерживающихся ЗОЖ и старающихся придерживаться ЗОЖ состоит в актуализации ценности в повседневной деятельности. Так, больший процент среди придерживающихся ЗОЖ оценивает значимость ценности здоровья как нейтральную,

так как их установки уже реализуются в повседневных практиках здорового образа жизни. У группы тех, кто старается придерживаться ЗОЖ или планирует в ближайшем будущем, данная ценность актуализирована немного больше в статусе наиболее значимой, так как существует направленность на реализацию ценности на практике.

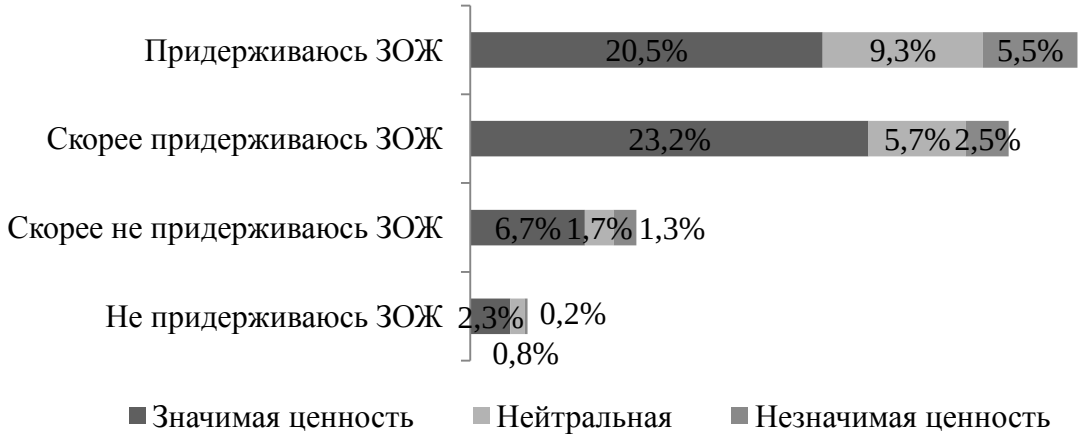


Рис. 2. Приверженность ЗОЖ относительно значимости ценности здоровья, % от всей выборки

Соблюдение постоянной физической нагрузки сопровождается поддержанием диеты и здорового питания. Степень взаимосвязи данных признаков составляет 0,235 (корреляция значима на уровне 0,01). Причем, чем на более постоянной основе занимается респондент, чем более профессиональным является уровень его спортивной подготовки, тем более тщательно он подходит к выбору диеты и согласованию ее со специалистами.

Также, причины занятий спортом связаны с профилактическим поведением индивидов. Наблюдается некоторая связь причин занятий фитнесом и профилактикой заболеваний (коэффициент связи составляет 0,159, корреляция значима на уровне 0,01). Так, чем более профессиональным является подход респондентов к спортивной подготовке, тем регулярнее они проходят медосмотры и принимают меры профилактики, основываясь на жизненном опыте или опыте близких.

Около 48% населения отмечает, что не имеет вредных привычек. Среди имеющих вредные привычки, наиболее часто встречающейся вредной привычкой является курение и слабость к сладкому (36%), также переедание (21%) и излишнее употребление фаст-фуда (9%). Помимо вредной привычки, выраженной в курении (36%), люди, выделяют курение кальяна (0,3%) и вейпа (0,3%). Относительно вредной привычки, связанной с употреблением наркотиков (0,3%), сложно однозначно выделить процент населения, имеющих эту привычку, поскольку люди с наркотической зависимостью стремятся об этом скрыть от окружающих. Относительно употребления алкоголя, около 7% отмечают злоупотребление алкоголем как вредную привычку. В эпоху информатизации, когда деятельность человека связана с телефоном, компьютером, интернетом и другим, долгое нахождение за этими устройствами может нанести ущерб здоровью (зрение, осанка, боли в суставах и т.п.). Около 13% людей отмечают вредной привычкой то, что они большое количество времени проводят за компьютером. Около 10% не могут дать определенного ответа, относительно того какие именно они имеют вредные привычки.

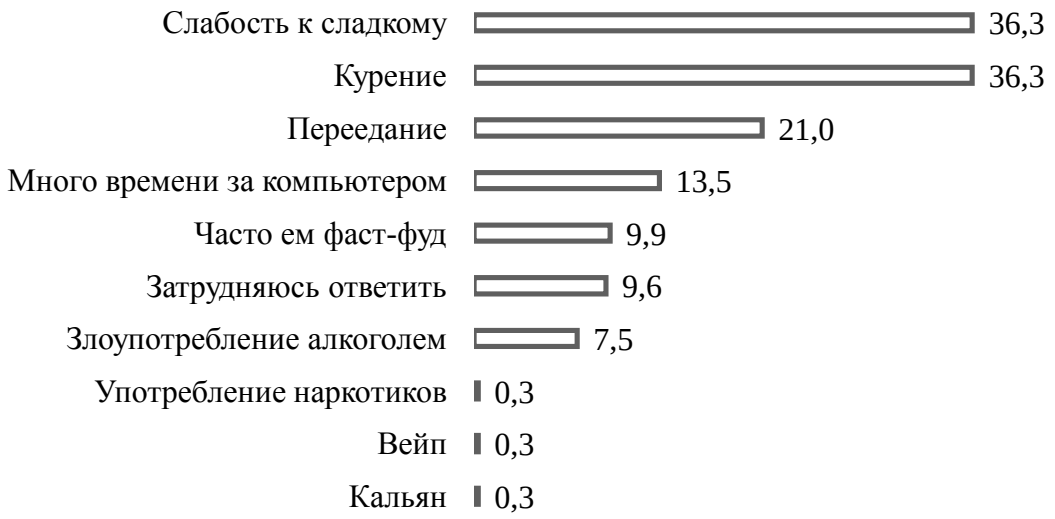


Рис. 3. Распределение респондентов по наличию вредных привычек,
% от тех, кто имеет вредные привычки

В ценностной структуре индивидов на проблему вредных привычек в слабой степени влияние оказывает ценность уверенности в себе и независимости, отсутствие внутренних противоречий (коэффициент связи составляет 0,138, корреляция значима на уровне 0,01). Чем более самодостаточен человек в принимаемых решениях и чем более независим от влияния окружающих факторов, тем меньше вероятность увлечения пагубными привычками. Было определено, что материальное благосостояние не влияет на наличие вредных привычек. Но определенная связь наблюдается с социальным статусом, приписываемым индивиду его должностным положением. Чем более высокую должность занимает респондент, тем вероятнее отсутствие вредных привычек (коэффициент связи составляет 0,121, корреляция значима на уровне 0,01). В то же время, высокий должностной статус может говорить о большей вариативности пагубных привычек. Так, употребление наркотических веществ встречается только в группе руководителей и владельцев предприятий/организаций.

Население в целом оценивает состояние собственного здоровья как хорошее и удовлетворительное, однако около 52% склоняются к тому, что их здоровье все-таки находится в хорошем состоянии. Полярные ответы относительно здоровья – очень хорошее состояние и плохое состояние – имеет одинаковое процентное соотношение (3,3% и 3,5% соответственно).

Профилактическое поведение определяется тем, доволен ли респондент состоянием своего здоровья и какие усилия он прикладывает для его сохранения и укрепления. Было определено, что состояние здоровья находится в зависимости с показателями физической активности респондентов и следованием основным составляющим здорового образа жизни. Это говорит о деятельностном подходе в сфере сохранения своего здоровья, то есть, даже если человека не беспокоят проблемы со здоровьем, он будет склонен оценить его состояние ниже, если не прикладывает к его поддержанию каких-либо усилий в различных сферах (спорт, питание, отказ от вредных привычек). Так, позитивнее оценивают состояние своего здоровья люди, придерживающиеся или частично придерживающиеся здорового образа жизни (коэффициент связи составляет 0,317, корреляция значима на уровне 0,01).

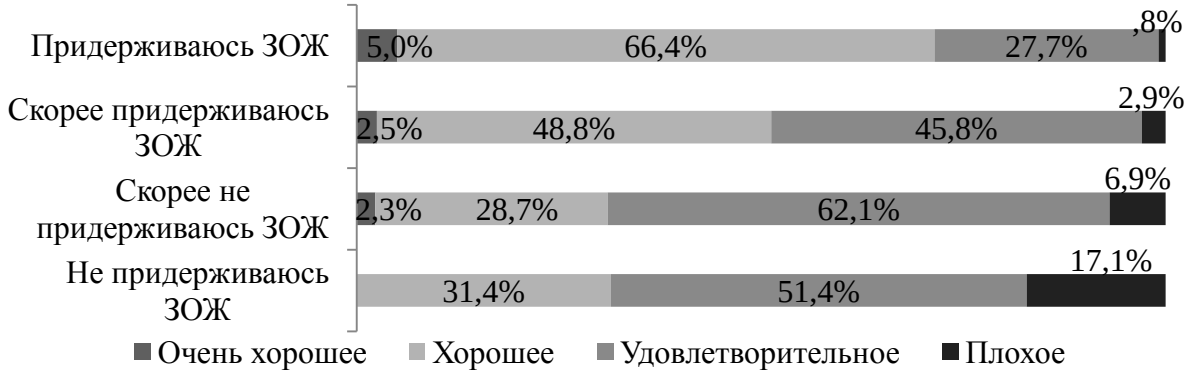


Рис. 4. Оценка состояния здоровья по группам приверженности ЗОЖ, % от группы

Более уверены в состоянии своего здоровья респонденты, занимающиеся спортом или фитнесом на постоянной основе (коэффициент связи составляет 0,279, корреляция значима на уровне 0,01). При этом, оценку здоровья как очень хорошего и хорошего чаще всего дают респонденты, занимающиеся спортом/фитнесом 1 раз в неделю. Это может говорить о том, что частое посещение спортивных центров (2–3 раза в неделю) может быть вызвано как раз решением проблем со здоровьем, а не только его общей поддержкой.

В структуре ценностных ориентаций на оценку здоровья респондентами влияет ценность здоровья в общей структуре жизненных ориентаций: чем больше респондентов устраивает состояние их самочувствия, тем меньше значимость ценности здоровья в общей структуре деятельности индивида (коэффициент связи составляет 0,181, корреляция значима на уровне 0,01). Также на степень оценки состояния здоровья влияет значимость ценности материальной обеспеченности: чем более человек направлен на материальное благополучие и разрешение финансовых проблем, тем меньше оценка состояния здоровья, что может быть связано с большими нагрузками и меньшим временем, уделяемым здоровью и спорту (коэффициент связи составляет 0,210, корреляция значима на уровне 0,01).

При оценке влияния демографических характеристик на оценку состояния здоровья, было определена связь с возрастом респондентов: чем выше возраст респондентов, тем более актуализируются проблемы здоровья и ниже оценка самочувствия (коэффициент связи составляет 0,248, корреляция значима на уровне 0,01).

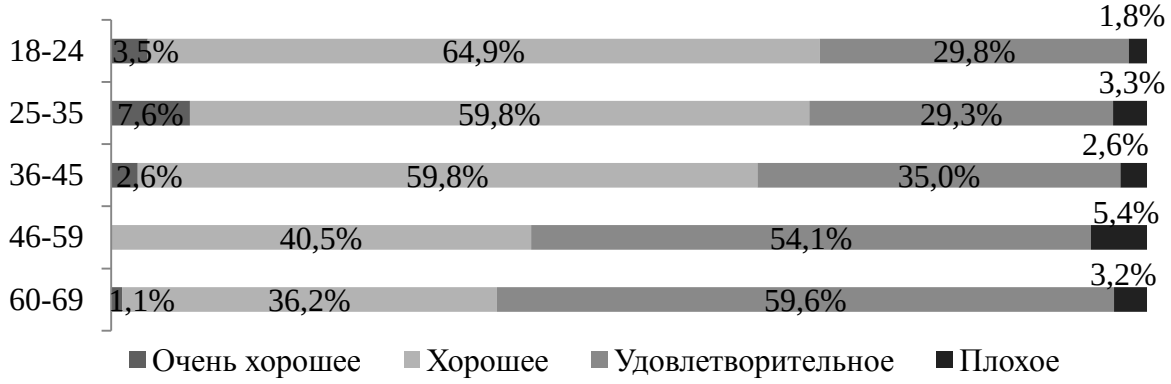


Рис. 5. Оценка состояния здоровья по возрастным группам, % от группы

Самосохранительное поведение предполагает деятельность по поддержанию своего здоровья, в том числе и отказ от вредных привычек. Наличие вредных привычек негативно влияет на оценку своего здоровья респондентами. Так, чем более пагубными являются привычки (курение, употребление алкоголя), тем больше негативных оценок состояния здоровья (коэффициент связи составляет 0,269, корреляция значима на уровне 0,01). Некоторое отри-

цание вреда, наносимого здоровью, существует в группе курильщиков. Среди них преобладают средние оценки состояния здоровья как удовлетворительного.

Наиболее часто называемыми населением факторами, негативно влияющими на здоровье человека, являются наличие вредных привычек (51,8%), стрессы и нервные нагрузки (45,4%), возраст (44,6%). Также, по мнению населения, негативно на здоровье влияет в значительной степени лень и невнимание человека относительно заботы о своем здоровье (34,6%), наследственность (32,4%) и избыточный вес (30,4%).

Практика обращения в медицинские учреждения проявляется в нерегулярном посещении врачей. Около 8% населения вообще не обращаются к врачебной помощи. В основном люди приходят на прием к врачу, только когда у них возникают проблемы со здоровьем (35,6%) или в целом редко ходят на прием к врачам (26,5%).

Регулярность посещения лечебно-профилактических учреждений зависит во многом от семейной ситуации респондента. Так, с ростом семейного дохода повышается частота обращения в медицинские учреждения с целью профилактических осмотров и наблюдения состояния здоровья в целом. У групп со средним достатком и ниже среднего частота обращения к врачам только в случаях возникновения проблем со здоровьем почти вдвое больше, чем у групп с достатком выше среднего (коэффициент связи составляет 0,148, корреляция значима на уровне 0,01).

Около 39% населения ежегодно посещают медицинские осмотры с целью профилактики и около 42% планируют в дальнейшем ежегодно посещать. Никогда не посещает профилактические осмотры 9,1% населения, при этом возрастает процент предпочитающих не посещать осмотры, с целью профилактики (11,3%).

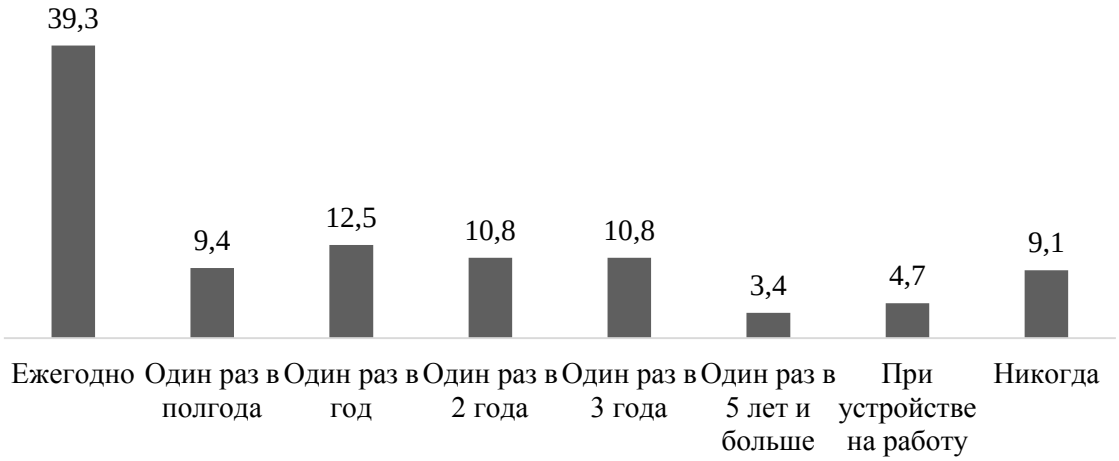


Рис. 6. Посещение медицинских осмотров с целью профилактики здоровья, % от всей выборки

По мнению населения, диспансеризация проводится, в первую очередь, в целях выявления всех имеющихся заболеваний у пациента (33,7%), чем как способ, благодаря которому происходит выявление опасных заболеваний (28,3%) и выявление факторов риска развития заболеваний (17%). Мнение о том, что в основе диспансеризации лежит формальный подход медицинских работников к статистике, т.е. диспансеризация проводится формально, поддерживается 13% населения. Около 7% населения сомневаются в полезности диспансеризация и утверждают, что она ничего не выявляет и не способствует предотвращению рисков развития болезней.

Основной причиной, по которой люди не посещают периодические медицинские осмотры и диспансеризации населения, является убеждение в том, что прохождение таких осмотров ничего не дает и диспансеризация бесполезна (26,9%). Полярные ответы относительно объема и перечня исследований в рамках профилактических осмотров имеют одина-

ковое распределение. Для одной группы причина непосещения – узкий перечень диагностических исследований (18,9%), т. е их не устраивает небольшой объем услуг, входящий в медицинский осмотр. По мнению другой группы, медицинские осмотры имеют большой объем исследований, который невозможно пройти за один день и сам процесс прохождения профилактических осмотров занимает много времени (18,3%). Около 17% не посещающих ссылаются на то, что им не хватает свободного времени и поэтому они не могут выделить время на прохождение профилактических медицинских осмотров, но при этом не сомневаются в пользе и необходимости периодических профилактических осмотров и диспансеризации. Однако около 12% не посещающих уверены, что их здоровье в порядке, и им нет необходимости проходить эти осмотры и тратить на это свое свободное время. Отсутствие желания является оправданием такого рода поведение для 13,7% не посещающих. Также существуют причины, связанные с частными случаями непрохождения периодических профилактических осмотров (1%), например, страх перед врачами.

При возникновении проблем со здоровьем, существуют различные практики избегания контакта с институциональной средой медицинской сферы. Одной из таких практик выступает обращение в платные лечебно-профилактические учреждения. Основной причиной обращения за платными медицинскими услугами среди всех групп по динамике самосохранительного поведения (кроме редко посещающих ЛПУ) является необходимость срочной медицинской помощи (39%). Коэффициент взаимосвязи частоты посещения медицинских учреждений и частоты обращения за платными медицинскими услугами составляет 0,254, корреляция значима на уровне 0,01. Люди пользуются платными услугами руководствуются тем, что в частных медицинских учреждениях нет очередей (34,5%). Около 28% тех, кто пользовался платными услугами за последние 12 месяцев, имели потребность в посещении определенного специалиста. Одной из причин является эффективность лечение и качество приема, около 22% считают, что при оплате услуг они повышаются. Около 19% утверждают, что пользуются платными услугами, поскольку не могут найти альтернативу в бесплатной медицине.

В группе тех, кто редко обращается за медицинской помощью, главным фактором получения платных услуг является отсутствие очереди, а также отсутствие данных услуг в бесплатной медицине. Эффективность лечения больше всего влияет на выбор респондентов, постоянно обращающихся в ЛПУ в профилактических целях (35,7%). Значимость данного фактора снижается с частотой посещения лечебных учреждений.

Рис. 7. Причины обращения к платным медицинским услугам по частоте профилактического посещения врачей, % от группы

Можно заключить, что у населения сложились достаточно устойчивые установки на формирование практик здорового образа жизни, но реализует принципы ЗОЖ на практики менее половины опрошенных. От вредных привычек могут отказаться 48% граждан, придерживаются правильного питания – 40%. При этому курение как вредную привычку отмечают 36% респондентов, такой же процент испытывает слабость к сладкому. Налицо, диаметральное противопоставление позитивных и негативных практик самосохранительного поведения с небольшим перевесом установок на ЗОЖ. Спортивная активность в основном приветствуется для поддержания фигуры и привлекательной внешности, только четверть от занимающихся спортом придерживаются фитнес-нагрузок для укрепления здоровья. В общественном сознании сложилась «ситуативная» культура отношения к собственному здоровью: если проблем со здоровьем нет, то актуализация ценности здоровья в иерархии терминальных установок падает. Даже если жалобы на самочувствие отсутствуют, индивид будет склонен оценивать состояние своего здоровья ниже в ситуациях, когда к его сохранению прикладывается меньше усилий. Эффективность лечения при обращении в медицинские учреждения не выступает главным фактором, что подчеркивает плачевную ситуацию с попытками избеганию контакта с институциональной средой. Это же ведет к недоверию системе профилактики и диспансеризации населения, оценке ее как формальной и безрезультатной процедуры. В то же время, треть населения проявляет интерес к системе поддержания здоровья, акцентируя внимание на отсутствии компетентной информации о его сохранении, что ведет к невниманию к своему состоянию и самочувствию. Это говорит о наличии ресурсов актуализации самосохранительного поведения среди населения, и необходимости проработки данного вопроса на организационном и институциональном уровнях.

Литература

1. *Аронсон П.* Стратегии обращения за медицинской помощью и социальное неравенство в современной России // Здоровье и доверие: гендерный подход к репродуктивной медицине: сборник статей. СПб.: Издательство Европейского университета, 2009. С. 155–178.
2. Федеральная служба государственной статистики Республики Татарстан (Возрастно-половой состав населения городских округов и муниципальных районов Республики Татарстан на начало 2019 г.). URL: https://tatstat.gks.ru/storage/mediabank/-%D0%92%D0%9F%D0%A1-2019.docx (Дата обращения: 12.12.2019).
3. Сайт ВИЦОМ (Здоровый образ жизни: мониторинг. Пресс-выпуск № 3611). URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9001 (Дата обращения: 10.01.2020).
4. Кузеванова А.Л. Самосохранительное поведение как фактор сохранения и продления жизненной активности индивидов: социологический аспект // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2016. № 3 (39). С. 154–161.
5. Савельева Ж.В. Кому принадлежит здоровье? Социологические дискуссии и массмедийные интерпретации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. № 2. С. 131–141.
6. Сайт ВЦИОМ («Тяжкий труд, бедность и старость: три причины болезней в России». Пресс-выпуск № 3954. URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9687 (Дата обращения: 10.01.2020).

ЗНАЧИМОСТЬ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СТРАТЕГИЙ ЖЕНЩИН ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ ДЛЯ ЭФФЕКТИВНОГО РАЗВИТИЯ БИЗНЕСА В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Орлова Л.В.[1], Джаникешева Б.Т.[2]

[1]Медицинский университет «Реавиз», Россия, г.Самара

[2]Западно -Казахстанский инновационно-технологический университет, Казахстан, г. Уральск

Аннотация: в статье рассматривается современное состояние бизнес-образования женского предпринимательства в Казахстане. Представлены роль и значимость образования женщин предпринимателей и профессиональной компетентности как факторы, способствующие эффективному развитию собственного бизнеса. Обозначаются показатели стажа и профиля образования, которые является значимыми для развития бизнеса. В результате социологического исследования респондентами сделан акцент на образовательные стратегии «перепрофилирования бизнеса» и «развитие бизнеса», которые используют женщины предпринимательницы. Авторами делается вывод о беспрецедентной роли бизнес-образования в формировании и развитии женского предпринимательства.

Ключевые слова: женское предпринимательство, бизнес-образование, образовательная стратегия, профиль образования, малый и средний бизнес, гендер.

Традиционно предпринимательством занимались мужчины. Однако в настоящее время сферу малого и среднего бизнеса (МСБ) все больше заполняют женщины-предприниматели.

Женское предпринимательство в Казахстане имеет возрастающую динамику, соответствует общей гендерной статистике населения, и по количеству женщин среди субъектов МСБ равно количеству мужчин. Значимость проблем развития женского предпринимательства усиливается все возрастающей конкуренцией в условиях длительного мирового экономического кризиса, и, соответственно, все возрастающими требованиями к повышению эффективности деятельности предпринимателей, а также поиском способов решения конкретных практических задач в этой сфере [1]. Из 9 миллионов человек экономически активного населения женщины Республики Казахстан (РК) составляют около 4,2 миллиона**.** Вклад женщин во внутренний валовый продукт Казахстана около 39 процентов, эти показатели говорят о том, что женщины не только предприниматели, но и играют активную роль в социально-экономической жизни Казахстана [2]**.** Женское предпринимательство в Казахстане находится в тренде наиболее значимых социальных процессов, актуальных для развития общества.

Таблица 1

Рейтинг стран по уровню Гендерного разрыва

Страна	**2017**	**2018**	**отклонение**
Франция	11	12	-1
Германия	12	14	-2
Великобритания	15	15	0
Беларусь	26	28	-2
Молдова	30	35	-5
США	49	51	-2
Казахстан	**52**	**60**	**-8**
Украина	61	65	-4
Россия	71	75	-4

В 2017 году Казахстан из 144 стран в рейтинге стран мира по уровню гендерного разрыва занял 52 место с индексом 0,713. В 2018 году из 149 стран мира Казахстан занял 60 место с индексом 0,712 или снизил свои показатели на 8 позиций [3] (Табл.1).

Обзор инновационного развития Казахстана, проведенный Европейской Экономической Комиссией ООН, отмечает, что «нехватка людей с требуемыми навыками управления продолжает ограничивать эффективность инновационных инициатив» [4]. Результаты исследования по инвестиционной привлекательности Казахстана, проведенного компанией “Ernst&Young” выявляют недостаточное предложение на рынке труда специалистов с практическими навыками и знанием современных технологий. Отмечено, что нехватка специалистов, обладающих отраслевыми знаниями и опытом, может стать сдерживающим фактором для реализации потенциала роста в некоторых высокотехнологичных отраслях и сегменте бизнес-услуг [5].

Выявление экономического аспекта специфики женского предпринимательства свидетельствует о низком уровне экономического образования при высоком общеобразовательном статусе респондентов, ориентации его преимущественно на выживание, что сказывается, прежде всего, на конкурентоспособности женского предпринимательства. Авторами сделаны ряд сравнительных анализов по различным параметрам и категориям женщин-предпринимателей в Западно-Казахстанской области (ЗКО) РК.

Рассмотрим результаты социологического исследования, проведенного авторами в декабре 2019 «Образовательные стратегии женщин предпринимателей». Использовалась сплошная выборка, всего было опрошено 320 женщин предпринимательниц, осуществляющих свой бизнес в разных формах — ИП, ООО, КФХ, АО на территории ЗКО Казахстана. По данным опроса социально-демографический состав респондентов следующий. Распределение по возрастным характеристикам респондентов представлено в таблице 2.

Таблица 2

Распределение респондентов по возрастным характеристикам (%)

Ваш возраст	По массиву в %
26-31 год	3
32-37 лет	11
38-43 года	20
44-49 лет	31
55-59 лет	31
56-61 год	4

Распределение респондентов по семейному статусу представлено в таблице 3.

Таблица 3

Распределение респондентов по семейному статусу (%)

Семейный статус	По массиву в %
состоят в браке	72
живут без регистрации брака	2
разведены	10
не замужем	14
вдовы	1

По количеству детей в семье респонденты дали следующие ответы: 39% имеют одного ребенка, 33% - двоих детей, 10% - троих детей, 1% - четверых детей, 17% не имеют детей.

По этническому составу 50% -казашки, 44% - русские, 6% - татарки (Рис.1).

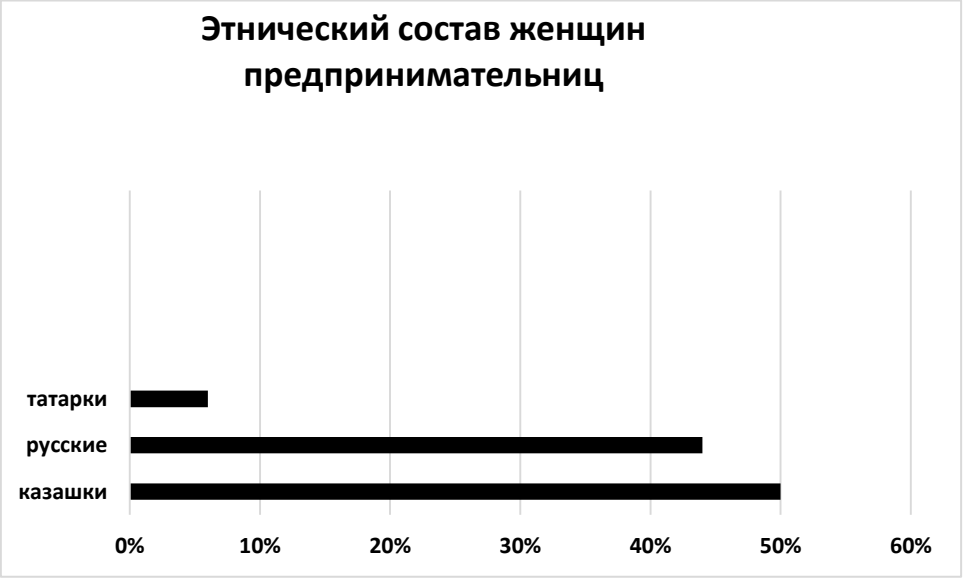


Рис.1. Распределение респондентов по этническому составу

Важным показателем профессиональной успешности в бизнесе является стаж предпринимательской деятельности и уровень образования. По данным исследования на вопрос «Сколько лет вы занимаетесь предпринимательством?» респондентки дали следующие ответы (Табл.4).

Таблица 4

Стаж предпринимательской деятельности (%)

Количество лет	%
от 4-7 лет	7
от 8-11 лет	51
от 12-15 лет	31
16-19 лет	6
свыше 20 лет	5

Большинство женщин (90%) имеют высшее образование, 10% - среднее или среднее профессиональное. Предприниматели-женщины подчеркивали важность наличия высшего образования, несмотря на то, что оно нечасто принималось во внимание при организации бизнеса. Они считали высшее образование одним из ключевых условий для эффективного ведения предпринимательской деятельности.

Данные опроса позволяют заключить, что большая часть женщин, занятых в сфере предпринимательства характеризуются высшим образованием, а также, профессиональным опытом.

Ответы респондентов позволяют выявить долю экономического образования среди большей части женщин-предпринимателей-37%. Распределение женщин предпринимательниц по типу высшего образования представлено на рис. 2.

Рис. 2. Распределение респондентов по типу высшего образования

Правовой статус женщин предпринимателей (Табл. 5) в большинстве представлен индивидуальными предпринимателями (ИП) – 73%, ТОО – 18%, крестьянско- фермерскими хозяйствами (КФХ) — 8%, акционерными обществами (АО) – 1%. Большинство женщин являются владельцами своего бизнеса – это 81% опрошенных, 15% – руководители и 3% – подчиненные. Среди индивидуальных предпринимателей 92% владельцы, 7% – руководители, 1% – подчиненные; среди представителей крестьянско-фермерских хозяйств – 100% владельцы; среди ТОО – 38% владельцы бизнеса, 51% руководители, 11% подчиненные.

Таблица 5

Правовой статус женщин предпринимателей (%)

Статус	Доля	Владельцы	Руководители	Подчиненные
ИП	73	92	7	1
ТОО	18	38	51	11
КФХ	8	100		
АО	1			

Отрасль предпринимательства оказывает влияние на прибыль предприятия и его развитие, поскольку наиболее востребованные отрасли на рынке формируют спрос на предприятия в данных отраслях и обеспечивают им высокий доход. Большинство предприятий малого бизнеса женщин находится в сфере услуг – 68%, далее идет торговля – 18%, строительство – 5%, производство (переработка) сельхозпродукции – 2%, транспорт – 2%, реклама – 2%, связь – 1%, компьютерные технологии (IT бизнес) – 1% (Рис. 3).

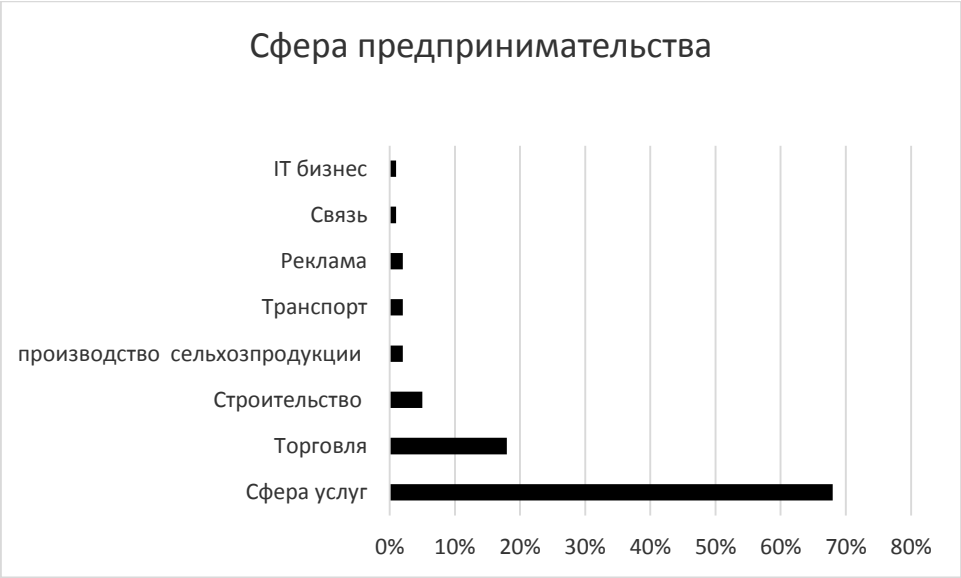


Рис. 3. Сфера деятельности женского предпринимательства (%)

Сфера услуг как наиболее многочисленная в женском малом бизнесе представлена следующими направлениями: ремонт и пошив одежды (штор, чехлов и т. д.) (14%), частный детский сад (14%), парикмахерский салон (14%), ногтевой салон (13%), образовательные услуги (подготовка к школе, иностранные языки, репетиторство и т. д.) (9%), фитнес индустрия (студия йоги, танцев и т. д.) (9%), медицинские услуги (клиника, обследование, анализы и т. д.) (9%), косметологический салон (4%), юридические услуги (адвокаты, нотариусы и т. д.) (4%), ремонт компьютерной техники (2%), клининговое агентство (все виды уборки) (1%). В «другом» были отмечены агентство недвижимости (2%), ветеринарные услуги (лечебница. аптека) (2%), ресторанно-гостиничный комплекс (2%), бухгалтерские услуги (1%), страховая компания (1%), полиграфические услуги (1%).

Большинство респондентов (58%) ответили, что их образование помогло им при открытии бизнеса, 16% - скорее да, чем нет, 19% – нет, 7% – скорее нет, чем да (Табл. 6).

Таблица 6

Влияние образования на открытие бизнеса (%)

Да	58
Скорее да, чем нет	16
Нет	19
Скорее нет, чем да	7

Женщины отметили, что им для ведения бизнеса не хватает экономических знаний (13%), правовых (5%), по иностранному языку (2%), по маркетинговому продвижению товаров и услуг (1%). Необходимо сказать, что большинство (81%) женщин ответили, что знаний и навыков хватает. Успешность карьеры предпринимателя зависит от наличия хорошего образования, так полагают 25% респондентов, 22% отметили, скорее да, чем нет, 24% - скорее нет, чем да, 29% сказали, нет, не зависит. Отсутствие экономического образования приводит к неспособности принятия нестандартных решений, слабой информированности о деятельности организаций по поддержке развития предпринимательства.

Интервьюируемые предприниматели-женщины, в своем большинстве характеризуются высшим образованием. Тем не менее, высшее образование не обеспечивает понимания всех нюансов в сфере управления и финансов.

Они считали высшее образование одним из ключевых условий для эффективного ведения предпринимательской деятельности, но они в полной мере оценивают важность специализированных знаний в сфере, в которой они сами работают [6].

Образовательная стратегия – это система спланированных действий, направленная на получение образования (дополнительных знаний, навыков, компетенций и т. д.), обусловленная рядом объективных (развитие экономики, предпринимательский климат, политика в отношении предпринимательства, отрасль бизнеса и т. д.) и субъективных (стаж занятости, уровень образования, должность, причины и мотивация занятия бизнесом и т. д.) факторов. Мы выдвинули гипотезу относительно образовательных стратегий женщин предпринимателей малого бизнеса в условиях современного развития ЗКО РК. Согласно гипотезе, одним из факторов образовательной стратегии женщин предпринимателей – получение дополнительного образования – выступает перепрофилирование бизнеса, мы назвали данную стратегию – образовательная стратегия «перепрофилирования бизнеса»; другим фактором выступает развитие бизнеса, мы обозначили вторую стратегию – образовательная стратегия «развития бизнеса». Обратимся к результатам социологического опроса женщин предпринимателей и проверим данную гипотезу.

По данным опроса, из тех, кто менял профиль своего предприятия, 95% женщин меняли один раз, 5% два раза. С точки зрения отрасли бизнеса большинство 67% предпринимательниц из сферы услуг (представляющие образовательные, парикмахерские, медицинские услуги и услуги фитнес индустрии) и 33% из сферы торговли получали дополнительное образование при перепрофилировании бизнеса. Большинство женщин предпринимательниц, получивших дополнительное образование при смене профиля — это владелицы собственных предприятий (82%), (по 9% составили руководители и работники), имеют профильное экономическое образование (46%), (по 9% имеют юридическое, медицинское, инженерно-техническое, сельскохозяйственное, управленческое), 37% респондентов использующих «образовательную стратегию перепрофилирования бизнеса», имеют высшее образование, 33 – % среднее профессиональное образование. По статусу предприятия 64% – индивидуальные предприниматели, 27% – ТОО, 9% – представители крестьянских (фермерское) хозяйств. Большинство женщин предпринимательниц, использующие «образовательную стратегию перепрофилирования бизнеса» имеют стаж занятости в предпринимательстве от 12 до 15 лет – 46%, от 20 лет и выше – 27%, от 8 до 11 лет – 27%. Показатель стажа является значимым при выборе образовательной стратегии «перепрофилирования бизнеса» (Хи-квадрат = 6,763, p = 0,080).

Владелицы прибыльных предприятий чаще всего прибегали к получению дополнительного образования при смене профиля предприятия: 36% с ежегодной прибылью свыше 5 600 тыс. тенге, 27% – с прибылью от 5100 тыс. тенге до 5500 тыс. тенге, 18% - с прибылью до 2500 тыс. тенге. Именно сфера услуг обеспечивает наибольшую прибыль в бизнесе, наибольшим спросом пользуются предприятия (принося высокую прибыль), оказывающие такие услуги как образовательные, парикмахерские, медицинские и услуги фитнес индустрии. С точки зрения размера предприятия использовали дополнительное образование при перепрофилировании бизнеса по 18% респондентов, у которых размер предприятия составляет 6–11 чел., 12–17 чел., 18–23 чел. и 30–35 чел. и по 9% – размер предприятия 1–5 чел., 24–28 чел. и 60 чел. и выше.

Логично, что чаще прибегали к получению дополнительного образования те владелицы бизнеса, для которых бизнес был мечтой, призванием (46%), в меньшей степени (27%) те, для которых занятие бизнесом оказалось вынужденным в силу отсутствия другой работы, 18% - это те, для кого бизнес оказался случайным делом. Следовательно, мотивация занятия бизнесом является значимым показателем в выборе образовательных стратегий женщин предпринимательниц при смене профиля бизнеса.

На вопрос «Когда Вы получили дополнительное образование при смене профиля бизнеса, как это отразилось на бизнесе?» большинство (56%) ответило, что никак не отразилось, однако 22% отметили, что «увеличилась клиентская база (больше стало

заказчиков, покупателей)», 11% считают, что «повысилась управленческая эффективность в принятии решений». Очень важно посмотреть какие знания получили предпринимательницы, когда использовали данную образовательную стратегию. Лидируют знания по экономическим вопросам введения бизнеса (42%), по правовому обеспечению бизнеса (33%), по личностному росту (развитию лидерских качеств) (17%), по маркетинговому продвижению товаров и услуг (8%).

Необходимо отметить, что чаще всего прибегали к «образовательной стратегии перепрофилирования бизнеса» женщины владелицы (82%) самых прибыльных (36%) предприятий, в статусе индивидуальных предпринимателей (64%), имеющие большой стаж (73% от 12-20 лет и выше) занятости в бизнесе, имеющие бизнес в сфере услуг (67%) и торговли (33%). В результате использования данной образовательной стратегии женщины получили дополнительные знания по экономическим вопросам введения бизнеса (42%), по правовому обеспечению бизнеса (33%), по личностному росту (развитию лидерских качеств) (17%), по маркетинговому продвижению товаров и услуг (8%), 22% женщин предпринимательниц отметили, что в результате получения дополнительных знаний «увеличилась клиентская база (больше стало заказчиков, покупателей)», 11% считают, что «повысилась управленческая эффективность в принятии решений». Мотивация занятия бизнесом является значимым показателем в выборе образовательных стратегий женщин предпринимательниц при смене профиля бизнеса (46% респондентов, для которых бизнес был мечтой, призванием, 27% для которых бизнес оказался вынужденным, 18% - для которых бизнес оказался случайным делом).

Рассмотрим влияние другого фактора – использование дополнительного образования для развития бизнеса при изучении образовательных стратегий женщин предпринимателей. К данной образовательной стратегии обратились 81% индивидуальных предпринимателей, 13% – представители ТОО, 6 % – крестьянских (фермерских) хозяйств; 88% предпринимательниц из сферы услуг (21 % занятых в парикмахерских салонах, 17% – занятых в частных детских домах, 13% – ремонт и пошив одежды (штор, чехлов и т. д.), 13% – медицинские услуги (клиника, обследование, анализы, уколы и т. д.), 8% – образовательные услуги (подготовка к школе, иностранные языки, репетиторство и т. д.), 8% – ногтевой салон, 4% – косметический салон, 4% – фитнес индустрия (студия йоги, танцев и т.д.)), 10% из сферы торговли, 2% из сферы строительства. Большинство женщин 78%, воспользовавшихся стратегией «развития бизнеса» – это владелицы бизнеса, 18%– руководители предприятий, 4% – подчиненные. Со стажем работы от 8 до 11 лет – 46%, от 12 до 15 лет – 36%, от 16 до 19 лет – 7%, по 6% со стажем от 4 до 7 лет и от 20 лет и выше. Чаще всего 44% использовали эту стратегию предпринимательницы, размер предприятий которых составляет от 12–17 чел., 15% – от 6–11 чел., 13% – от 18–23 чел.

Показатель профиль образования оказался значимым для респондентов при выборе образовательной стратегии «развитие бизнеса» (Хи квадрат = 24,287, p = 0,042). Воспользовались данной стратегией 24% женщин с экономическим образованием, 20% с гуманитарным, 10% с медицинским, 8% с сельскохозяйственным, 6% с инженерно-техническим.

С точки зрения причин открытия бизнеса прибегали к образовательной стратегии «развития бизнеса» 47%, считающих бизнес своей мечтой, 29%, полагающих, что бизнес это вынуждено и 16% – оказавшихся в бизнесе случайно.

В результате использования данной стратегии 25% отметили, что увеличилась клиентская база (больше стало заказчиков, покупателей), 8% – улучшилось качество продукции и услуг, по 2% отметили, что повысилась управленческая эффективность в принятии решений и что это привело к карьерному росту.

Из всего вышеизложенного важно отметить, что обе образовательные стратегии чаще используют женщины индивидуальные предпринимательницы, владелицы прибыльных предприятий в сфере услуг, имеющий большой стаж занятости в бизнесе. С точки зрения мотивации открытия бизнеса, это в основном женщины, которые считают занятие бизнесом

своим призванием (мечтой). Показатель стажа является значимым при выборе образовательной стратегии «перепрофилирования бизнеса» (Хи-квадрат = 6,763, p = 0,080). Показатель профиль образования оказался значимым для респондентов при выборе образовательной стратегии «развитие бизнеса» (Х-и квадрат = 24,287, p = 0,042). С точки зрения получения знаний лидируют дополнительные знания по экономическим вопросам и по правовому обеспечению бизнеса. Большинство предпринимательниц отметили, что в результате получения дополнительных знаний «увеличилась клиентская база (больше стало заказчиков, покупателей)» и «повысилась управленческая эффективность в принятии решений». Для представительниц женского предпринимательства в РК очень важна возможность получения дополнительного образования, так как предпринимательницы испытывают недостаток качественно организованных умений, знаний, а также, опыта формирования и регулирования бизнеса в рыночных условиях. Качество бизнес-образования предопределяет конкурентоспособность экономики страны. Именно система бизнес-образования призвана сыграть определяющую роль в формировании и развитии МСБ, стать основой инновационных преобразований общества РК.

Одним из направлений может быть расширение доступа женщин к техническому, профессиональному и высшему образованию по специальностям в сфере информационно-коммуникационных технологий, инженерной, обрабатывающей и строительной отраслей, где наблюдается более, чем двухкратный гендерный разрыв. Это возможно при использовании механизма квотирования при распределении образовательных грантов.

Вторым направлением в этой области может быть развитие бизнес-образования в стране, в том числе среди девушек. Это может быть проведение долгосрочных курсов предпринимательства, повсеместное включение в обязательную школьную программу предмета «Предпринимательство», обучение предпринимательству на уровне вуза (например, открытие одноименной специальности в разрезе отраслей) [7].

По мнению ученых, тема развития женского предпринимательства будет актуальной еще не одно десятилетие, до тех пор, пока несколько молодых поколений не смогут положительным образом повлиять на нынешнюю социально-экономическую ситуацию в секторе МСБ, в том числе и в гендерном аспекте. Феномен женского предпринимательства тесным образом связан с модернизацией экономики страны, а также со спецификой развития МСБ в РК. От развития данной сферы во многом будет зависеть уровень человеческого капитала в стране, а значит будущее экономики и благосостояние казахского народа.

Литература

1. *Башлакова О.С., Джаникешева Б.Т., Орлова Л.В.* Женское предпринимательство в странах таможенного союза через призму гендерного равенства // Социально-экономические явления и процессы. 2018., № 104. С. 50–57.
2. Новостной портал «Total.kz» («Казахстанские женщины обеспечивают 39% ВВП РК»). URL: https://total.kz/ru/news/obshchestvo/kazahstanskie_jenschinyi_privnosyat_39_ot_vvp (Дата обращения: 02.02.2020).
3. Индекс гендерного разрыва. The Global Gender Gap Index. Всемирный экономический форум. URL: http://www.weforum.org/ (Дата обращения: 02.02.2020).
4. ООН, Европейская Экономическая Комиссия: Обзор инновационного развития Казахстана. URL: http://www.un.org/ru/publications/pdfs/ innovative_development_survey-_kazakhstan_rus.pd (Дата обращения: 02.02.2020).
5. Отчет “Ernst&Young” Представления и реальность. Исследование инвестиционной привлекательности Казахстана. URL: http://www.fi c.kz/uploads/file/documents/rus/-120530_Investment_Attractiveness_Survey_2012_rus (Дата обращения: 02.02.2020).
6. *Kosharnaya G., Orlova L.* Calidad de la educación empresarial como un factor clave en el desarrollo juvenil en // Revista ESPACIOS. 2018. № 35. P. 22.

7. Национальная палата предпринимателей Казахстана («Женский бизнес – гарантия будущего»). URL: https://atameken.kz/ru/news/29877-v-kazahstane-sozdan-fond-podderzhki-zhenskogo-predprinimatel-stva (Дата обращения: 02.02.2020).

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЗИТИВНОГО ОБРАЗА МОЛОДОГО РУКОВОДИТЕЛЯ В РАМКАХ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

Салимгореева Р.Р.
Иркутский государственный университет,
Россия, г. Иркутск

Аннотация. В современных условиях происходит трансформация общества и всё больше внимания уделяется молодому поколению. Ключевую роль в формировании социальных представлений о молодёжи играет её имидж в том числе особое место в данной сфере занимает образ молодого руководителя.

Ключевые слова: имидж молодого руководителя, формирование имиджа, элементы имиджа, положительный имидж.

Проблема формирования положительного имиджа руководителя приобретает особое значение, ведь положительный имидж способствует повышению репутации, улучшению деловых отношений, доверие сотрудников и клиентов компании, всё это важно для достижения целей организации в непростых современных социальных реалиях. С изменением подходов, методов и внедрения новых технологий управления коммерческими организациями, происходит и изменение кадрового состава. На замену старшему поколению приходят новые квалифицированные молодые руководители. Каждая организация хотя бы раз в жизни функционирования подвергается изменениям топ менеджмента на более молодые кадры. В такой ситуации могут возникнуть некоторые проблемы во внешней и внутренней работе компании. Во-первых, молодые руководители не всегда внушают доверие со стороны старших коллег, ведь они могут посчитать, что у него не так много опыта в должности лидера организации. Во-вторых, это может понизить авторитет компании среди конкурентов, партнёров и даже клиентов. В связи с этим важной составляющей в эффективной работе компании является формирование позитивного имиджа молодого руководителя.

Имидж имеет множество различных значений, выделим некоторые из них. В социологическом словаре имидж имеет два значения: 1) это внешний облик, создаваемый с целью вызвать определённые мнение, впечатления и эмоции; 2) это совокупность характеристик, приписываемых рекламой, модой, пропагандой и т.д. с целью вызвать определённые реакции по отношению к нему. В психологическом словаре имидж имеет следующее определение — это сложившийся в массовом сознании характер стереотипа, эмоционально окрашенный образ кого-либо [1, 2]. Если дать определение имиджа конкретного человека, то имидж – это особое впечатление, которое производит человек на своё окружение. То есть общая картина личности, который складывается из всей совокупности черт: внешнего вида, речи, поведения, коммуникативные способности и многие другие. С другой стороны имидж – это образ, в который входят лучшие личностно-деловые качества. Имидж представляет собой инструмент достижение важных целей и стратегий организации и руководителя, в частности. Английская исследовательница Элери Сэмпсон сказала: «Ваш личный имидж является картинкой вас. У вас не может не быть имиджа! Хотите вы этого или нет, другие видят то, что вы сами избрали для показа им... Рассматривайте свой имидж как рекламу. Картинка снаружи рекламирует то, что есть внутри. Но это также и обещание. Обещание того, что внешний имидж предоставит умение, компетентность и ценности, которые

он рекламирует» [3]. Следовательно имидж – это вся совокупность характеристик человека от внешнего вида до профессиональных качеств.

Положительный имидж руководителя может формироваться за счёт двух механизмов: спонтанного и целенаправленного. Соответственно лидеру организации нужно выбрать одно из направлений. Итак, спонтанное формирование имиджа не зависит от внешних факторов обстоятельства, то есть в этом случае руководитель выступает в роли самого себя. Он самостоятельно проходит все этапы становления личности в роли лидера организации, в результате мы видим сложившийся образ, который становится уважаемым среди внешний и внутренней сферы организации. Такая практика формирования имиджа присуще японским менеджерам, однако свой пост он займёт не раньше 60-ти лет. Определённо для молодого руководителя подойдёт второй механизм – целенаправленный. Причинами выбора данного направления может стать: недоверие сотрудников компании или когда руководитель имеет минимум опыта в управлении организации. В этом случае процесс формирования имиджа станет искусственным. Чаще всего здесь используются специальные мероприятия и процедур индивидуальной работы с руководителем, его личных и профессиональных качеств, для построения определённого образа, который будет соответствовать его внешней и внутренней среде, поэтому одним из важных факторов становится точный анализ социального окружения лидера. Компания ICF (International Coach Federation) провела исследование на тему влияние руководителя с положительным имиджем на повышение прибыли компании. Результаты показали, что компания с правильно выстроенным имиджем менеджера получают на 46 % больше клиентов за счёт лояльности к руководителю организации.

Социальные представление – это форма практического мышления, которое направленно на общение, понимание и освоение социального мира.[5] В нашем случае это то, как люди представляют современных молодых руководителей в зависимости от социальной обстановки, в которой они существуют. Соответственно формирование имиджа менеджера компании следует начинать с приведения имиджа лидера в соответствии с общепринятыми требованиями. В структуре построения полного имиджа личности молодого руководителя входят такие элементы. Первое, имидж габитарный (внешность), сюда входит всё что видит человек, то есть одежда руководителя, причёска, аксессуары и т.д. Данный фактор имеет в формировании имиджа лидера, ведь первое с чем сталкивается клиент, партнёр при знакомстве — это внешний облик человека. Второе, имидж окружающей среды, его машина, интерьер кабинета руководителя, рабочий стол, многое расскажут о нём и помогут сформировать мнение об этом человеке. Третье, вербальный имидж, данный элемент содержит в себе характеристику устной и письменной речи лидера. Полное и понятное изъяснение мысли без использования слов паразитов, поможет создать руководителю ясное представление о его профессиональных качествах. Четвёртое, имидж кинетический, это жесты и мимика руководителя, которые он использует на конференциях, собраниях и других публичных выступлениях. Давно известный факт, что жесты могут расположить и отдалить от себя аудиторию. Пятое, ментальный имидж, это мировоззренческие моральные позиции человека. Важно, чтобы они совпадали или хотя бы не противоречили взглядам его окружения.

Все элементы должны соответствовать требованиям личностных качеств руководителя в зависимости от сферы деятельности. Например, сравнивая руководителя компании организации праздников и руководителя юридической фирмы, мы определённо понимаем как должны они выглядеть, как говорить и о чём думать, чтобы создать в социуме руководителя с положительным имиджем, знающим своё дело.

Подводя итог, следует отметить, что практически каждый молодой руководитель на современном этапе сталкивается с проблемой социальных изменений, недоверия, не опытности в управлении компании, поэтому ему важно правильно сформировать имидж. Создавая положительный имидж среди коллег и внешней аудитории, он подтверждает все свои профессиональные и личные качества, а также поможет наладить и укрепить процесс функционирования эффективной работы организации в целом.

Литература

1. *Джэри Д.* Большой толковый социологический словарь. Том 2. М.: Вече, АСТ, 2014. 527 с.
2. Большой психологический словарь. М.: Прайм-Еврознак, 2003. 672 с.
3. *Почепцов Г.Г.* Имиджелогия. М.: Рефл-бук, 2018. 704 с.
4. *Горчакова Р.Р.* Формирование имиджа современного руководителя // Регионология. 2011. №3(76). С. 240–245.
5. *Карнаухова Е.А.* Социальные представления: понятия, функции и структура // Вестник науки и образования. 2018. №17-2(53). С. 78–80.

ЗНАЧЕНИЕ ПИСЬМЕННОСТИ В ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Токтогулова Г.Т.
Жалал-Абадский государственный университет,
Киргизия, г. Жалал-Абад

Аннотация. В этой статье был взять под научной анализ проблема письменности, история возникновения письменности, эволюция, развития, отличие. Вступление кыргызского народа в ряды суверенных государств дала возможность переписать историю по-новому. Особенно проблема познания человечества, рассмотрение истории государства заново и проблема предложения научной общественности информацией скрытых в архивах. Поэтому эта статья охватила историю эволюции кыргызской письменности. Предоставлено краткое изложение истории письма используемая кыргызским народам. Были предложены общественности будущие направления этой проблемы. Основываясь на научные взгляды знаменитых ученых и был сделан исторический анализ.

Ключевые слова: язык, культура, традиционное общество, традиционная культура, письменность, пиктограмма, идеограмма, иероглиф, фонограмма, история

В нынешнем геополитическом и геосоциальном пространстве пришло время под новым взглядом рассмотреть письменности, которыми пользовались кыргызы. Потому что в этом направлении образовательная часть была устроена и студентам высших учебных заведений филологию кыргызского языка и студентам факультета истории преподают согласно количеству часов, которые были утверждены в учебных планах всех общеобразовательных школ. Несмотря на это, неоспоримо то, что кроме книги «Из истории кыргызской письменности», которая была написана в 1958-году известными учёными К.Дыйкановым, С.Кудайбергеновым и Ю.Яшансином нет другого учебного пособия, которую студенты и преподаватели могли бы использовать. Недавно двухтомная книга Гулжамала Джаманкуловой «История кыргызов и кыргызской письменности» [1., с. 203, 370] вышла на свет и дополнила ряд новых взглядов. Но из-за того, что историю кыргызской письменности писать старались в основном языковеды и действия в других научных сферах не замечались, мы полагаемся на работы и учебные пособия советского времени, но нельзя скрыть то, что и эти книги в данное время превратились в библиографические работы и остались только в определённых библиотеках и в малом количестве. Не зная языка и историю письменности нации, нельзя узнать о том какой народ, точнее говоря невозможно узнать о созданных ими науке, культуре и нельзя не согласиться с мнением К.Дыйканова о тесной связи истории народа с историей языка. Также известный философ, профессор О.А.Тогусаков говорит так: «Язык является главным показателем, отражающим особенность, культуру, историю и руханият нации. Культура языка – это достижения народа и общества и она по отношению к различным изменениям, поворотам в общественном прогрессе подвергается дополнениям. Например, под влиянием других народов новые слова, информации с новыми идеологиями обязательно появляются в языке. Сейчас в глобальном мире исчезновение многих нацио-

нальных языков стало одной из основных проблем человечества. Сохранение и развитие языка в ряду с экологическими, экономическими, моральными кризисами сталопроблемой, над которой раздумывается всё человечество. В настоящее время 5–6 языков доминируя развиваются, а многие древние национальные языки не вынося конкуренции, исчезают. Поэтому много стали говорится такие мысли как, чтобы сохранить себя – нация прежде всего должна сохранить язык. Экзистенция языка или его работа в обществе в нынешнее время стала большой философской проблемой, она стала духовно-нравственным фактором, который определяет перспективу существования или исчезновения каждого языка» [2, с. 20]. А число историков, проводящих исследования в этом направлении довольно много, и их работы приходятся на советские времена.

Согласно уточнённым исследованиям, древнетюркские группы использовали оригинальную фонографическую письменность, которая называлась письменными памятниками Орхон-Енисей или древними турецко-руническими письменностями, наполовину была основана на консонантности, могла обслуживать языки турецких групп того времени и имела свои орфографические методы (были элементы орфографических принципов). На эпитафиях, которые этой письменностью были написаны на камнях, на деревьях, много упоминаются турецкие этнонимы кыргыз, кыпчак, уйгур. Неоспоримо то, что в то время кыргызы были не нацией, а одним родом (этносом) тюрков. Значит, то, что кыргызы в промежутке VII-X вв в ряду с другими турецкими группами использовали турецко-руническую письменность является несомненным.

Фонографическая письменность, которая называлась старой уйгурской письменностью и которую разработали турки после древнетюркской рунической письменности тоже является письменностью тюркоязычных народов. С этой графикой художественные произведения, исторические материалы, написанные IX-XI вв, основные образцы некоторых документов, написанных в то время, дошли до наших дней. Даже если не говорить другое, только то, что один образец «Кут билима» Ж. Баласагына, написанного в XI веке дошло до нас на алфавите старой уйгурской письменности доказывает то, что старая уйгурская письменность как и древняя турецко-руническая являлась общей для всех тюрков.

Вместе с возникновением ислама, и с его распространением на свет различными путями, с принятием ислама турками в качестве официальной религии к туркам вошла и арабская графика, основанная на орфографии «Корана». Согласно известного исследователя «Арабский алфабит для записи киргизского языка стал использоватся в первой половине XIX века. В 1911 году на этом алфабите появились первые киргизские печатные публикации» [3, с. 140–144]. Если вначале турецкие учёные писали свои работы на арабском, то начиная с X-XI вв до Октябрьской революции произвели реформу на арабскую графику, в соответствии с фонетической системой турецких языков и писали классическую литературу, научные трактаты тюрков.

После Октябрьской революции многие тюркоязычные народы, получившие статус автономии или нации, в официальном виде переходили сперва в арабскую, потом в латинскую письменность, и в конце в кириллицу [3, 140–144].

Целью изучения истории кыргызской письменности должна быть не только изучение явных фактов, но и учение к читанию и писанию этих письменностей, потому что исследование тысячелетней литературы, истории, науки тюркских народов, в том числе и кыргызов остаётся не продвинутой. Многие из наших тысячелетних литератур, истории, науки написаны на арабском. Узбеки, турки (живущие в Турции), несколько уйгуров в Китае изучив наши наследия, сделали первые шаги в открытии необычных секретов, которые скрыты в них. (В качестве их шага можно сказать то, что книга «Дивани-лугати-тюрк» Махмуда Кашгари уже была переведена на узбекский в 60-е года, а на уйгурский в начале 1980-х гг).

Написание слов или полной речи на передней части чего-то (камня, дерева, шерсти, бумаги) знаками с помощью различных средств (пиктограммы, идеограммы, иероглифа, фонограммы (буква), и д.р.) является письменностью. Говоря по-другому, письменность произ-

водится при помощи графических специально утверждённых знаковых (рисуночных) систем, обозначающих элементы письменной речи.

Письменность не появилась наряду с устным языком. Развитие общественного сознания требовало появления письменности жизненной нужды, потому что устный язык не мог передавать мысли, события, информации в пространстве и во времени. В результате этого, с развитием общества человека была разработана несколько видов письменности. Они в данное время названы терминами пиктографической, идеографической, слоговой и фотографической письменности, и исследуются в графике, в разделе лингвистики.

Пиктографическая письменность. Этот термин взят из двух латинских слов **pictus** (буду рисовать в виде рисунка) и **grapho** (буду писать). Чтобы на кыргызском было понятнее в некоторых случаях вместо пиктографической письменности используют также термины писать рисунок, рисунок письмо (Л. Джусупакматов). В этом виде письменности не даются личные понятия, при помощи рисунков, по значению связанных друг с другом даётся одно единое мнение и их человек воспринимает согласно своему понятию. Если в пиктографических письменностях, написанных и оставленных человечеством, даются примитивные информации, то последующие обретая философский характер, охватывал в себя жизнь, хозяйство, культуру и науку в универсальном характере.

Через пиктографические письменности давались только конкретные понятия и содержание мысли, а из-за того, что не было возможности давать абстрактные понятия через письменность рисунка, в развитом сознании человечества появилась проблема придумывания новой письменности.

Некоторые учёные письменность рисунка рассматривают как искусство рисунка. По нашему мнению, в пиктографической письменности в отличии от искусства рисунка много элементов, отражающих мысль (речь). Как пример можно взять письменность рисунка, в котором заложена мысль о 3-х дневнем грабеже 51 индейцов на 5 лодках и о их победе.

Таких письменностей много и на территории Кыргызстана, как и у других народов. Исследование этих письменностей, расшифровка мыслей, заложенных в них – это работа будущего.

Идеографическая письменность. Из-за того, что пиктографическая письменность появилась тогда, когда сознание человечества было развито не так уж, можно было рассматривать как действия Бавария конкретных понятий через композицию рисунков. Значит условные знаки пиктографической письменности – рисунки. Из-за того, что эта письменность с развитием сознания не удовлетворяла людей, в обществе придумали письменность более развитую чем пиктографическая – идеографическую. Её графическим знаком была система знаков, одно слово или одну заметную его часть. Древние системы идеографической письменности: египетская и шумерская идеографическая письменность, которая использовалась начиная со второй половины 4000-столетия до н.э. и индийская и китайская идеографическая письменность, использованная 3000-столетии и в начале 2000-столетия до н.э.

Средства идеографической письменности носят термин специально утверждённых условных знаков идеограмм (иероглифы). Сейчас эта письменность используется в Китае.

Письменность слога. В этом виде письменности как в идеографической не приняты специальные знаки для заметных важных частей слов, а приняты специальные знаки для каждого слога. Письменность слога очень удобна для языков с короткими слогами и аморфных (аналитических) языков. Письменность слога появилась сразу же после идеографической письменности, в него вошли японская письменность кана и корейская купмун.

В нынешнее время письменность слога используется в Индии, Японии, Эфиопии и в Корее, у которых письменность слога входит а языки с малыми слогами. Все письменности, которые были сказаны выше являются письменностями, использовавшимися до первой половины 2000-столетия до н.э. После появилась фонографическая (звуковая) письменность, предназначенная для точного отражения речи. Её самый первый образец в науке известен под именем письменность финикии.

Фонографическая(звуковая) письменность. Условные графические знаки (буквы) фотографической письменности обозначают отдельные звуки. Эта письменность была разработана в XIII в. финикийцами. Финикийцы, придумавшие эту письменность были известны как самостоятельная провинция (сейчас такого народа нет), начиная с тысячелетия до н.э. на восточном берегу Средиземноморья, территория, где расположено нынешнее государство Ливан. Фонографическая финикийская письменность основано на консонантности, состоит из буквы 22 звуков. Многие учёные предполагают, что эта письменность произошла из письменности «ханаан», консонантной (в качестве рисунка) письменности. Из-за того, что эта письменность была лёгкой для изучения и чётко передавала речь быстро распространилась по всему миру, под влиянием финикийской письменности были разработаны XI в. до н.э. арамейские, X-VIII вв. до н.э. греческие, VII–VI вв. до н.э. южно-арабские звуковые письменности. Предполагается, что в первом тысячелетии нашего времени под влиянием арамейской письменности появилась еврейская, арабская, грузинская, армянская письменность. Кроме этого на востоке первоначало уйгурской, монгольской, маньчжурской письменности сводятся к этой письменности.

На западе под влиянием финикийской письменности появилась сперва греческая письменность, а из неё латинская, а на основе латинской графики составлены французские, немецкие, итальянские и славянские письменности.

Если на основе финикийской фонографической письменности письменности, распространившиеся на востоке по направлению писания пишутся справа налево и многие из них основаны на консонантности, а письменности, появившиеся на западе отличаются тем что пишутся слева направо и в них гласные и согласные пишутся полностью.

Литература

1. *Тогусаков О.А.* Философия. Бишкек, 2007. 20 с.
2. *Жаманкулова Г.* Кыргыздардын жана кыргыз жазуусунун тарыхы. Бишкек, 2014. 203 с.
3. *Кудайбергенов С.* Орфография киргизского языка // Орфографии тюрских литературных языков СССР. – М.:Наука, 1973. С. 140–144.

СЕКЦИЯ «ТАТАРСТАНСКАЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ» (К 100-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ ТАССР И 30-ЛЕТИЮ КАФЕДРЫ СОЦИОЛОГИИ КФУ)

СОЦИОЛОГИЯ В КАЗАНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ: ОТ ПЕРВЫХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ОПЫТОВ К ИЗУЧЕНИЮ ГЛОБАЛЬНЫХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

Ахметова С.А.
Казанский федеральный университет,
Россия, г. Казань

Аннотация. В данной статье история становления социологии в Казанском университете описывается глазами ее непосредственного участника, прошедшего длительный путь собственного развития от сотрудника первой социологической лаборатории до доцента ныне функционирующей кафедры общей и этнической социологии. Предпринятый экскурс в историю и характеристика современного состояния социологических исследований и социологического образования выполнены с целью «встроить» этот материал в общий контекст истории формирования социологической мысли в Республике Татарстан. Идея статьи – сохранение памяти о коллективном прошлом для продолжения истории социологии в Казанском университете усилиями нынешних и будущих поколений социологов. «…Глубокое осознание исторической преемственности необходимо для того, чтобы воспитать ответственность за будущее. …Люди, не помнящие родства, не ощущающие своей связи с прошлым, неспособны заботиться о том, что они оставят своим потомкам» (Игорь Кон. Трудности общественного самопознания. Заметки социолога // Московские новости. 1987. №26. 28 июня). В этом тезисе известного отечественного социолога отражена установка автора данной публикации – воссоздание социальной памяти о прошлом ради сохранения преемственности поколений. Значимость экскурса в историю осознают представители различных областей социогуманитарного знания [1].

Ключевые слова: социология, социологическая практика, заводская социология, университет, регион, здоровье, студент, выборка, социальная память, счастье.

Истоки региональной социологии в Республике Татарстан кроются в далеких 1960-х гг. – в период «оттепели» – и связаны с развитием социологии в мировом контексте, повлиявшем на становление этой отрасли знания в советском и российском обществе. Формирование социологии в Казанском университете можно охарактеризовать как постепенный процесс накапливания качественных и количественных изменений, происходящих в параллельно развивающихся областях этой науки: социологических исследованиях и социологическом образовании.

После участия советских ученых в работе всемирных социологических конгрессов 1956 и 1959 гг. по решению ЦК КПСС создаются социологические центры сначала в Москве и Ленинграде, затем в других городах страны. В Казанском университете на основании приказа Министра высшего и среднего специального образования РСФСР от 2 января 1964 г. издается приказ по университету (№18 от 31 января 1964 г.) о создании при кафедре диалектического и исторического материализма социологической лаборатории. Первые в регионе социологические исследования, касавшиеся изучения состояния религиозности населения республики, в том числе Казани, Бугульмы, сельских поселений, выполнены сотрудниками этой лаборатории. Материалы этих исследований опубликованы в журнале «Наука и религия» (1968, №8), в сборнике «Атеизм – в массы» на татарском языке (Казань, 1972), в других из-

даниях. Вопреки известному выражению «первый блин комом», результаты социологических опытов начинающих исследователей были достоверными за счет грамотной разработки исследовательских проектов на основе изучения соответствующей литературы (например, Ф.Йейтс. Выборочный метод в переписях и обследованиях. М.,1965, пер. с англ.). Так, формализованный опрос жителей Казани в 1967 г. с целью определения доли верующих в населении города проведен в соответствии с корректно сконструированной моделью выборки. Количественное представительство объекта исследования заключалось в определении достаточного для получения достоверных данных объема выборки – 4678 человек, примерно один процент от численности электората города. Качественное представительство объекта исследования заключалось в отборе респондентов для непосредственного изучения. Отбор респондентов произведен по следующей схеме: на основе списков избирателей (от 18 лет) каждого района города (близились очередные выборы) составлены списки жителей в соответствии с «шагом» выборки – каждый сотый человек по списку (объем выборки, деленный на объем генеральной совокупности – пятьсот тысяч взрослых жителей города), с адресами по месту жительства (пропорциональный отбор). В результате опроса доля верующих в выборочной совокупности составила 21 процент. Для определения доли верующих в генеральной совокупности – взрослом населении города – используется заданная ошибка выборки (в данном случае +- 2%). Значит, доля верующих в населении Казани на момент исследования находилась в пределах от 19 до 23 процентов.

Наряду с исследованиями сотрудники лаборатории занимались самообразованием и одновременно учили азам социологической науки и практики студентов на факультете общественных профессий. Совместно с учеными вузов Казани в 1970-1980-е гг. они занимались также социологическим просвещением партийных, профсоюзных и комсомольских работников, инженеров на промышленных предприятиях Казани и Набережных Челнов. Это отразилось в местной прессе: появились публикации типа «Учатся социологи» («Советская Татария». 16.03.1972).

Характерным для 1970-1980-х гг. был расцвет заводской социологии: сотрудники университета были первопроходцами в проведении исследований на строившихся заводах КАМАЗа, на промышленных предприятиях Казани. В фокусе внимания была традиционная в то время проблематика: удовлетворенность рабочих организацией и условиями труда, дисциплина труда, текучесть рабочих кадров, исследователи выявляли проблемные зоны, вырабатывали адресные рекомендации руководству предприятий («Блокнот агитатора». 01.01.1975). В результате проведения социологических исследований на промышленных предприятиях социологи обнаружили, в частности, падение престижа отдельных рабочих профессий, превышение потерь рабочего времени из-за болезней над потерями времени от нарушений дисциплины труда, тревожное состояние рабочих в процессе модернизации производства, связанное с перспективой переобучения и др. Порой исследования социологов на промышленных предприятиях сопровождались определенными трудностями: получением дозированной информации о состоянии дел на производстве, отсутствием доступа на собрания рабочих, ограниченностью «неформального» общения с рабочими. Социологам приходилось довольствоваться официальными документами, которые функционировали на предприятии, участием в заседаниях, специально организовываемых руководством предприятия. Подобное ограничение контактов, нежелание «выносить сор из избы» не могли не сказываться на достоверности получаемых результатов.

После создания в 1969 году кафедры научного коммунизма в университете производится первый набор студентов на отделение научного коммунизма. Помимо общих социально-гуманитарных дисциплин, студентам отделения преподавался единственный в тот период предмет социологического профиля – методология и методика конкретных социологических исследований. Наряду с теорией студенты отделения проходили социологическую практику на промышленных предприятиях республики, где были социологические службы (КАМАЗ в г. Набережные Челны, Нижнекамскнефтехим, ВАЗ в г.Тольятти). Постепенно

с расширением научных связей базы практики появились во многих городах страны (Москва, Ленинград, Таллин, Рига, Уфа, Самара, Горький), в крупных учебных и научных учреждениях.

Развернувшаяся в стране деятельность социологических служб вызвала потребность в кадрах специалистов-социологов. На смену публикациям в прессе: «Зачем нужен социолог?» приходят другие: «Где взять социолога?». Постепенно отношение к социологам со стороны общества меняется. В газете «Правда» появляются аналитические статьи: «Пригласили социолога» (20 августа 1980 г.), «Что заботит социолога» (28 декабря 1981 г.). Вместе с тем руководители предприятий не всегда понимали функции социолога, его возможности, да и социологи, не имея, как правило, профессионального образования, оказывались порой несостоятельными, в результате возникали конфликты. В заметке «Пятое колесо. По чьей вине социолог оказался лишним в трудовом коллективе» («Советская Россия». 15.01.1984) описана от первого лица реальная история – двухлетняя деятельность социолога, пытавшегося предотвратить текучесть кадров, потерю лучших специалистов на строительстве Красноярского завода тяжелых экскаваторов, и вынужденного признать, что он как социолог на заводе человек преждевременный, потому что «в социологии здесь попросту не испытывают потребности».

Осознание необходимости систематической подготовки квалифицированных социологов побудило коллегию Министерства высшего и среднего профессионального образования СССР принять 3 января 1974 года решение «О подготовке специалистов в области конкретных социологических исследований». Однако первые действия в этом направлении в Казанском университете начали предприниматься в 1979 г., реальные – лишь в начале 1990-х гг. Дальнейшее развитие социологии в регионе связано со структурными преобразованиями в Казанском университете: в июне 1983 г. приказом № 759 Министерства высшего и среднего специального образования СССР на историческом факультете была создана кафедра научного коммунизма путем выделения части преподавателей из состава общеуниверситетской кафедры.

Для Казанского университета и вузов города конец 1980-х – начало 1990-х гг. – новый период в становлении социологии: преобразование кафедр научного коммунизма в кафедры социологии, начавшееся после изменения статуса Института социальных исследований, превращение его в Институт социологии АН СССР, что означало дальней ший процесс институционализации социологии в стране. Возникновение кафедры социологии привело к первому набору на отделение социологии, ознаменовавшему новый этап в развитии социологии в университете.

Называемые «лихими» 1990-е годы для отечественной социологии, в том числе татарстанской, были плодотворными в плане международного сотрудничества. Возникший в Казанском университете при кафедре социологии Центр социологии культуры (1994-2001 гг.) инициировал совместные исследования с зарубежными коллегами (Германия, Англия, Бельгия, Италия, США), изданы на их основе совместные научные труды (в их числе коллективная монография с учеными Великобритании и Италии «Постсоветская культурная трансформация: медиа и этничность в Татарстане 1990-х гг.» (Казан. ун-т, 2001. 292 с.). Основная деятельность Центра сосредоточилась на повышении профессионального мастерства молодых социологов Поволжского региона, в том числе длительных научно-образовательных стажировках за рубежом аспирантов и молодых преподавателей университета, а также вузов Казани и республики.

Интенсификация процессов научного сотрудничества отечественных исследователей с учеными других стран в постсоветском российском обществе отразилась в других совместных исследовательских проектах. На протяжении ряда лет (1998–2012 гг.) по инициативе «снизу» - со стороны коллектива французских социологов и экологов, в составе которого – выпускница отделения научного коммунизма КГУ 1980 года, канд. филос. наук Л.М. Бухараева, представлявших Дом наук о человеке (Париж) – совместно с казанскими исследователями осуществлялся проект по изучению взаимодействия человека и природы, результаты которого опубликованы в ряде российских и французских изданий, в том числе в коллективной

монографии «Горожанин и природа. Трансдисциплинарное измерение устойчивого развития города» (Казан. ун-т, 2012. 288 с.). Специфика этого проекта – в его реализации в рамках гражданского общества, то есть не на основе официально заключенного договора, а по инициативе самих исследователей, имеющих устойчивую мотивацию, энтузиастов, работающих ради творческого воплощения своих идей.

В 1990-е годы в отечественной социологии возникает интерес к прежде отвергаемой «качественной» методологии, начало которой положили исследования Ф.Знанецкого и У.Томаса («Польский крестьянин в Европе и Америке», 1918–1920 гг.). Популярность приобретают методы семейной истории, анализ случая, глубинные интервью, наблюдение. В этом ключе выполнен исследовательский проект преподавателей кафедры на актуальную тему, связанную с отношением населения полиэтноконфессионального региона к мигрантам из стран ближнего зарубежья. Его спецификой является сочетание качественного и количественного подходов к изучению религиозности и миграции населения, что отразилось в книге «Этничность, религиозность и миграции в современном Татарстане» (Казан. ун-т, 2013. 268 с.). Количественный подход выполнен на основе применения широкого круга документальных источников (статистических, в том числе материалов Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг.), ведомственных данных (документов Федеральной миграционной службы России, УФМС России по РТ и др.), а также вторичного анализа материалов социологических и массмедийных исследований. Разработанный авторским коллективом метод сбора информации заключался в организации и проведении репрезентативного формализованного опроса жителей республики (объем выборочной совокупности 1590 респондентов), в том числе сельских и городских поселений. Анализ и обобщение результатов проведены с помощью статистических методов для получения количественных характеристик межкультурных, в том числе межэтнических и межконфессиональных отношений в начале XXI века и их динамики. Качественная (гуманистическая) методология сбора, анализа и обобщения эмпирических данных выполнена в контексте интерпретативной концепции дискурса религиозного экстремизма в республике на материалах российской и республиканской газетной прессы, а также анализа татарских сетевых сообществ в Интернете и интервью с их лидерами и участниками.

Созданная в 2010 г. при кафедре общей и этнической социологии Лаборатория социологических исследований осуществила множество исследовательских проектов по актуальным проблемам современного российского общества. В сотрудничестве с Институтом фундаментальной медицины и биологии КФУ и Лондонской школой гигиены и тропической медицины реализован проект «Сердечно-сосудистые заболевания в России» (2014 г.), положивший начало исследованиям коллектива кафедры в области социологии здоровья. Общение с медиками подвигло исследователей обратить особое внимание на проблемы здоровья населения республики, а также студенчества университета (проект «Воспроизводство социального и физического здоровья студенчества в институциональной среде вуза: 2015–2018». Результаты исследований отражены в ряде коллективных монографий: «Социология культурного многообразия». (Казан. ун-т, 2014. 376 с.).; «Полиэтничный регион в XXI веке: демографические и социокультурные процессы» (Казан. ун-т, 2015. 250 с.), множестве статей, опубликованных в отечественных и зарубежных изданиях.

Одной из вновь освоенных тем коллективом лаборатории является феномен счастья населения, в том числе студенчества. Утвержденный ООН в 2012 году Международный день счастья, приуроченный к 20 марта, стал своего рода поводом для инициирования исследований этого явления. Едва ли нужно специально отстаивать значимость этого состояния для человека, для его успешной жизнедеятельности. Своими размышлениями о счастье поделились студенты-социологи второго курса Казанского университета (эссе на тему «Что такое счастье»). *«Я счастлива от того, что на небе светит теплое солнышко, я счастлива от шуршания листьев под ногами, от звездного неба. Еще я счастлива от того, что учусь в самом престижном университете».* Не случайно за цвет счастья принят желтый – ассоциация со светом, теплом, энергией. *«Счастье – это добро и свет, когда добро живет в твоей*

душе, тогда есть и счастье». Счастье – это способ жизни». Счастье ассоциируется *студентами* с такими жизненными ценностями, как самореализация: *«Счастье – это возможность заниматься любимым делом, приносить людям пользу».* Счастье ассоциируется со здоровьем: *«Счастье - это быть здоровой. Все можно купить, кроме здоровья».* Для одних студентов счастье – постоянное состояние: «*Счастье – это способ жизни»; «Я счастлива от того, что я просто живу!»* Однако доминирует представление о счастье как преходящем явлении: *«Счастье хрупкое, оно может разрушиться в любой момент»; «Хочется, чтобы счастье чаще посещало людей, тогда они будут лучше понимать, ценить друг друга»*. Вывод из этих размышлений: счастье не может быть постоянным, оно должно быть время от времени; когда у человека все всегда прекрасно, когда он не прошел через определенные препятствия, человек не поймет, что такое счастье. Состояние счастья наряду со здоровьем и благосостоянием может служить показателем комфортности данного общества для жизни человека.

Исследования в Казанском университете показывают, что студенты являются довольно счастливой группой общества. Об этом можно судить на основе индекса, рассчитанного для измерения уровня счастья в 2018 г., который составил 75,5 пункта из возможных 100. Этот показатель превышает среднее значение по России, равное 62, и составляет 67,5 пункта, а также нижний критический порог – 51,8 (минимально допустимое значение, выход за пределы которого свидетельствует об угрозе жизнедеятельности общества) [4]. При этом наблюдается снижение уровня счастья студентов за период 2013-2018 гг.: в 2013 г. индекс счастья был равен 92, в 2014 г. – 90, в 2016 г.– 88, в 2017 г. – 77. Анализ и обобщение эмпирических данных показали, что на уровне счастья положительно сказываются удовлетворенность студентов качеством обучения и уверенность в востребованности своей профессии на рынке труда после окончания университета. Интересно отметить, что счастливых студентов значительно больше среди лиц, испытывающих гордость за свою причастность к университету, и меньше среди разочаровавшихся в своем выборе. Динамика показателей уровня счастья студентов может служить свидетельством эффективности университета.

Социология в Казанском университете прошла непростой путь развития: от первых полевых исследований, в центре внимания которых были, наряду со студенческой проблематикой, темы, связанные с состоянием религиозного сознания и поведения городских и сельских жителей, трудовой активностью рабочих промышленных предприятий республики, к масштабным проектам социокультурной направленности, в том числе междисциплинарным, в сотрудничестве с медиками, экологами, юристами, философами; от деятельности первых «наивных» исследователей к работе остепененных профессионалов; от преобладавших «количественных» методов в виде формализованных опросов к полноценным исследованиям, сочетающим как «количественную», так и «качественную» методологии; от парадигмального подхода к изучению социальной реальности к полипарадигмальному; от ограниченных в территориальном пространстве исследований к масштабным проектам в сотрудничестве с учеными других стран мира.

Литература

1. *Федотов Е.М.* История науки в Казанском университете, 1980-2003 гг. Казань: Издательство Казанского университета, 2005. 258 с.
2. *Гарифуллина В.З., Туманова Д.В.* Живая связь поколений. 2-е изд. Казань: Казанский государственный университет, 2007. 88 с.
3. *Щелкунов М.Д., Ибрагимова З.З., Иванов Ю.Н.* Философия в Татарстане: советский и постсоветский периоды. Казань: Издательство казанского университета, 2012. 70 с.
4. *Глазьев С.Ю., Локосов В.В.* Оценка предельно критических значений показателей состояния российского общества и их использование в управлении социально-экономическим развитием // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2012. № 22(4). С. 22–41.

5. Сайт ВЦИОМ (Индекс счастья). URL: https://wciom.ru/news/ratings/indeks_schastya/ (Дата обращения: 24.03.2019).

ФИЛОСОФСКОЕ, ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНОЕ, СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИСЛАМСКОЕ МЫШЛЕНИЕ ТАТАРСКОГО ЭТНОСА

Гагаев А.А.[1], Гагаев П.А.[2]
[1]*Мордовский государственный университет, Россия, г. Саранск*
[2]*Пензенский государственный университет, Россия, г. Пенза*

Аннотация. Тюркско-татарское исламское мышление движется в формах: экзистенциальных обобщений и умозаключений; цепи категорических умозаключений по 1 и 2 фигуре силлогизма, но в экзистенциальной и метафорической форме (анимальный и метафорический вывод), прагматическая логика; условно-категорических и разделительно-категорических умозаключениях в экзистенциальном обобщении; моделях субъективной и объективной возможности и вероятности, категориях стыда, чистосердечия, генеалогии, собственности и власти в сунитско-шиитской форме; синтезе реализма и номинализма в концептуализме в теории общих понятий; в моделях трехзначной и пятизначной антиномичной логики, алгебраически - топологическое мышление, в редукции тождества; телеологии экзистенциальных классов в интуитивистской логике; в моделях, алетической и деонтической логике конструкций ближней и будущей жизни; в силлогизме действия по 4 фигуре силлогизма.

Ключевые слова: экзистенциальные обобщения, теория истины в татарском мышлении.

«Мы пришли к вам с истиной,
но большинство из вас ненавидит истину»
Св.Коран 43 Украшения: 78 (78)

Введение. В современной науке предполагается, что мышление человека универсально, логика открытия и изобретения универсальна, этносы имеют лишь спецификацию универсальных моделей мышления. На самом деле каждый этнос имеет уникальную форму мышления, уникальный набор логик мышления, хотя имеет и универсальные структуры мышления. Любые универсальные общенаучные методы имеют антропологическим основанием личность этнического открывающего и изобретающего человека, мыслящего в этничном языке и этническом КПЛ, этнической форме научного мышления, этническом наборе логик мышления и онтологий. Согласно Жоресу Алферову, наука делается следующим образом: физик наблюдает и открывает, математик обосновывает, инженер конструирует, токарь вытачивает деталь, а философ осуществляет демагогию и устраняет понимание. Де Бройль заметил, что открытия и изобретения он делает на французском литературном языке, а обосновывает в языке математики и физики (контекст открытия и контекст обоснования). Сочетание этих условий и создало тип научной культуры, который и стимулировал масштаб и число открытий и изобретений. Де Бройль понимает творчество открытия и изобретения в указанном высказывании иначе. 1). Во французском литературном языке создается уникальный синтаксический и полный многологичный образ движения природы и объекта, схватывается образ волновой функции (контекст открытия). 2). В этнической философии именно Р. Декарта он видит выделенным образом природу и волновой процесс в первых принципах и типе законосообразности (контекст открытия). 3) В языке логики понимает взаимодействие сущностей природы, ее абстрактной структуры и наблюдаемых параметров (контекст понимания). 4). В объектном языке физики фиксирует физическую сущность, особенная структура, функции (контекст открытия). 5) В языке математики ее обосновывают (контекст обоснования) [1, с. 327]. Ullmo J. [20] отмечает, что Л. де Бройль использует наглядную математику,

т.е. физические инварианты и принцип наблюдаемости определяют форму математики, но не математика определяет физику как у А. Эйнштейна и П. Дирака. Английская математическая традиция П. Дирака предполагает не наглядность, а манипулирование некоммуникативными алгебрами в теории кватернионов (ирландский момент мышления У. Р. Гамильтона) [21, p. 130]. Существует именно русская форма научного мышления, которая хорошо представлена в моделях науки Н. Лобачевского, Н. Васильева, Д. И. Менделеева, А. Н. Колмогорова, А. А. Маркова, Н. П. Брусенцова, А. А. Фридмана. Но также существует и развивается татарская этническая модель научного мышления. Мышление татарского этноса моделируется на основе: а) татарской сказки [2, с. 190], б) тюркских эпосов («Идегей», «Ак-Кубек», «Чур-Батыр», «Киссаи Сякам», чувашский эпос Мишши Юхма «Древние чувашские боги и герои», в) науки (естественные и общественные науки, социология).

I. В татарской сказке и эпосе татарский человек имеет параметры фитра и фатр; видеть невидимое и слышать неслышимое в исламской вере в коллективном познании в умме; условно-категорические умозаключения и субъективная вероятностная модель истины в конструировании нарратива будущего; синтез суннизма и шиизма, отношения совместимости, выводимости, следования в Евразии; формирующаяся умма как субъект формы жизни и её законодательство; идентичность и идентификация в Евразийский этнос; образование и философия, исламско-татарский патриотизм; телеология справедливости и достатка с позиций общего блага уммы - этноса; циклы борьбы уммы с ассимиляцией; активная деятельность, вооруженная борьба и татарское просвещение, интегрирование в турецкую и арабскую исламскую культуру и философию, развитие форм татарстанизма.

II. Татарско-исламский тип мышления в философии. Татарский тип мышления в истории философии. Татарская философия содержит как у немногих этносов свою модель истории татарской философии, выполненную А.Г.Сабировым. Сущность татарской философии А.Г.Сабиров видит как синтез религиозного реформаторства, возвращающегося к первоначальному исламу, на основе моделей фитра (естественность) и фатр (нововведения в естественности), науки и просвещения всего народа в моделях суннитско-исламского этновоспитания, этнообразования, этнонауки, определяя иные направления в философии – консерватизм (традиционализм), нигилизм, протест против несправедливости, социализм, утопизм в цели татарской идентичности и идентификации и перфекции всего народа, развивая всю систему науки, агропромышленности и промышленности. Автор выдвинул и обосновал гипотезу: если имеет место развитие этнической философии, то осуществляется процесс этнической идентичности и идентификации в воспитании и образовании, жизнедеятельности, а если развитие философии заторможено, то ускоряются процессы ассимиляции и растет неконкурентоспособность этноса в месторазвитии и мировом сообществе, сворачивается его способность открытия и изобретения, историческая активность. Аскадула Галимзянович Сабиров создал великолепную Книгу – историю татарской философии как Книгу жизни своего народа.

III. Естественно-научное татарское мышление. В области естественной науки и философии науки выдающимся учеными являются Четаев Н.Г. (принцип динамической неустойчивости систем, оптико-механические аналогии, Казанская программа) и братья Валишины (Фан Т.Валишин и Н.Т.Валишин). Ими развивается концепция науки, объекта и предмета наук, первоначала материи как тождества субъекта и объекта в процессах - выборках, локальностях движения, динамики абсолютной реальности на основе понятия динамической неустойчивости (волна, волновая квантовая механика, вероятность, управляемость, антиномические умозаключения, обратные задачи, т.е. умозаключения от следствий к основаниям и от них к основаниям, процессы, постоянно действующее возмущение, отрицается как ложная концепция устойчивого развития обществ, Н. Лобачевский, Де Бройль, А. Уайтхед, Г. Крон, И. Пригожин) и процесса в рамках вариационных принципов (поиск функций и их отображение в числе, приведение найденных локальных экстремумов максимума и минимума действия, движения, траектории, энергии к оптимуму, форме единственности с вариациями возмущений в гетеростазе в модели локально-общего, и совместимости, выво-

димости, следованию локальных форм вариаций, локальный вариационный принцип, локальные вариации относительно конструируемой траектории в волне процесса, совместимость, выводимость, следование вариаций, локальных форм, формируя полную и оптимальную вариацию, процесс-состояние, обратные задачи) математического моделирования объектов и предметов наук в Примордиальном Традиционном опыте прошлого, будущего и настоящего. Форма истины – умозаключения от следствий к основаниям и от них к следствиям, антиномичные умозаключения, значения истины - истина в вероятностной частотной форме, ложь, возможное. В структуре научного мировоззрения и опыте творчества культурной Традиции Фан Валишин, как и Де Роберти выделяет мифологическое и этнорелигиозное, философское, теоретико-научное, инженерное, организационное творчество в рамках русского культурно-исторического типа в составе тюрок, иран-алан, угро-финн, евразийцев, русских- славян имея ввиду идентификации я татарин и россиянин, я славянин и русский. Фан Валишин различает труд-капитал, ради денег как работу и труд творческий ради творчества и общего блага. В мокше и эрзе сказке различают труд «тийкс» ради общего блага и творчества и « работамс» – труд ради прибыли и выживания. Бхагавад-Гита осуждает труд ради прибыли и выживания и людей сосредоточенных на таком труде - людей мудхи и душкрити. Они уже не вполне люди. «Этот знающий человек действует, полностью контролируя свои ум и разум. Отрешается от всех собственнических инстинктов и трудится только ради жизненно необходимого, и тогда на него не действуют последствия его греховных поступков» [18, с. 368–371]**.** Философия Фан Валишина, как и Четаева Н.Г., очевидно, испытала влияние не турецкой, но суфийской персидской, индийской (Бхагавад-Гита), европейской (Де Бройль) и русской философии и науки в лице Н. Лобачевского. Российскую цивилизацию вместе с татарской в единстве Фан Валишин начинает со взятия Казани Иваном Грозным. Доля истины в этом суждении есть, это акт формирования именно восточно-европейской культуры в Евразии. Стабильность России понята как гибель Российской цивилизации. Основа России именно идея коммунизма (общая собственность в Евразии в противостоянии экспансии Запада, волновая траектория опыта создания коммунизма в Евразии) и нестабильное и динамически неустойчивое волновое состояние ее реализации (опыт) в Евразии [12].

IY. В области социальной философии и филологии развиты глубокие исследования тюркско-татарских эпосов и их нарративного мышления («Идегей» и др.) в творчестве А. П. Федяева и Р. М. Гайфутдиновой. Ими развит метод дискурсивного анализа мифологии: метод моделированмия метакультуры, мифа – трансмифа - инфра мифа - сверхмифа, синтеза рационализма (понимание и интерпретация) и иррационализма (метафора и тропеистика нарратива) в моделях а) нарратива тюркских и русского языков в этнонарративе истории развития татарского и тюрских этносов, б) речи относительно событий месторазвития (крах Золотой Орды, крах Казанского ханства, надлом и трагедия и Страх уходящего народа, адаптация нового рождающегося народа-этноса татар в исламе к христианской России и государству и его Страх России, выживание и восстановление жизненной силы, языка, своей модели воспитания и образования, расширенного воспроизводства этноса и творчество татарского этноса в Мире в конкуренции с народами мира) и развития в полиэтнической Примордиальной традиции исламской уммы и идентичности, и идентификации с ней как исторической истины, а отклонений от неё как исторической лжи, реализуя субъективную теорию истины в мифе и сказке, эпосе. В методе дискурсивного анализа используется методология когнитивной и контрастивной лингвистики.

Y. Татарское социологическое мышление. Некоторые конкретные исследования татарского типа творчества в социологии.

1. Татарская философия включает в себя не только татарско-язычных философов и писателей, поэтов, но и русскоязычных, которые идентифицируют себя как татары и русские, в частности это творчество А.Л. Салагаева, Г.Р.Хамзиной [7]. А.Л. Салагаев, Сергеев С.А., Лучшева Л.В. моделируют этнодемографические процессы и этнопротиворечия развития татарского этноса и русского суперэтноса.

2. Г.Р.Хамзина создала эссенциально-структурную этноментальную (модель субъективной социологии, а если иметь в виду татарский тип мышления – экзистенциальной социологии татарского этноса в аспекте соотношения столицы и провинций) модель реального антагонизма столиц и провинций в постсоветской системе деградации России. Система суждений Г. Р. Хамзиной о менталитете провинциального и столичного человека в форме различий, разностей, противоположностей, противоречий – система умозаключений о пространстве-времени и их субъектах – социальной структуры в модели жизненных классов Ф. Гиддинга (экзистенциальный подход), экзистенциальных умозаключений по первой и второй фигуре силлогизма, предполагая мотив действия или мышление в 4 фигуре силлогизма, содержит условно-категорические и разделительно-категорические умозаключения, вероятностные в субъективной теории вероятности умозаключения, деонтические (деонтология столичного и провинциального мышления) и алетические умозаключения, как это присуще тюркам и исламу. Г.Р. Хамзина использует интуитивно типы экзистенциальных умозаключений: провинциальный человек (выделив его, в некотором отношении) обладает параметрами консервативности, авторитаризма, патернализма и т. п; некто- провинциальный человек; некто присущи параметры консерватизма, авторитаризма, патернализма и т. п. вплоть до 27. Другое рассуждение типично тюрско-исламское и связано с активностью дельности: провинциальный человек – бездеятелен; некто – провинциальный человек; некто – бездеятелен, инертен и т. п. Некто - жизненные классы Ф. Гиддинга. Сама эта модель социальной структуры экзистенциальна. И третий тип умозаключений. Столичный человек имеет потенциал развития и изменения; провинциальный человек не имеет потенциала изменений; провинциальному человеку реально никогда не достигнуть формы изменений в столичном человеке. Это категорические экзистенциальные умозаключения по 1 и второй фигуре. Используются выделяющие суждения. По 4 фигуре силлогизма имеет место умозаключение: Для того, чтобы провинция изменилась – необходимо устранить различие форм провинциальности и столичности и развить этику деятельности и труда, а чтобы устранить различие провинциальности и столичности и развить этику труда и деятельности, необходимо изменить разделение труда и образование; изменение разделения труда и образования необходимо для того, чтобы провинция стала развиваться, а не иметь эпизоды изменений! Но сблизить уровни развития Москвы и провинций реально не возможно. Различие субъектов Федерации по ВВП – 20 раз, по ВПП – 30 раз, по социальному развитию – в 40 раз, а с Москвой – в сотни и тысячи раз. Способны к развитию лишь 8–11 субъектов Федерации из 85 и 140 поселений из 1027, т.е. создана татарская модель экзистенциальной, этноментальной субъективной этносоциологии динамики российского центра и этнопровинций и периферии России, включая центры и периферии в самих субъектах Федерации. Это лучшее в науке и глубокое исследование деградации реформ и их экзистенциального характера в России. Вместе с тем отмечу, что Г.Р. Хамзина заблуждается относительно консервативности и регрессивности провинциальной ментальности и прогрессивности ментальности столичного человека. Как раз стратегически регрессивной является ментальность столиц, а эволюционной – ментальность провинциальных сообществ и этносов. Ментальность столиц – форма порочной аккультурации, рецепции, реторсии. Прекрасна работа по социологии Ч. И. Ильдархановой [4]. На основе этой работы можно сделать заключение, что модель модернизации села игнорирует интересы татарской семьи, не имеет цели расширенного воспроизводства татарского этноса и его креативного потенциала и может привести к полной демографической и гносеологической деградации татарского этноса. Но воспроизводственный и этноисламский компонент в работе отсутствует.

YI. Исламская форма татарского мышления. Логика мышления пророка Мухаммада.

1. Экзистенциальные обобщения всеобщего и топологического характера – чисто арабско-тюркско-татарский тип мышления. Приведем пример из св.Корана мышления пророка Мухаммада. Экзистенциальные суждения и умозаключения (всеобщее в некотором отношении) пророка таковы. Экзистенциальное обобщение. «Держись прощения, побуждай к добру и отстранись от невежд» [Св. Коран, 7 Преграды: 198 (198)].

Мусульманин М держится прощения Р;
S Некто- мусульманин М;
S Некто прощает Р.

М Мусульманин побуждает к добру Р;
S Некто мусульманин М;
S Некто побуждает к добру Р.

Р Только мусульманин отстраняется от невежд М;
S Некто не отстраняется от невежд М;
S Некто не мусульманин М.

Истинность этих умозаключений определяется не логической формой, которая европейская, искажая смысл суждений пророка, а содержательными экзистенциальными параметрами, остенсивными и операциональными определениями, формой, содержащейся в семантике не явно объективной и субъективной в связи возможностью и вероятностью, формой антиномичности (суждение пророка Мухаммада о том, что каждый исполняет свой долг по возможности как кому Он дал и Природа дала – фитра и фатр св. Корана) [Св. Коран, сура 3 Семейство Имрана: 286 (286)].

2. Анимальный исламский вывод. «И не препирайтесь с обладателями книги, иначе как чем-нибудь лучшим, кроме тех из них, которые несправедливы, и говорите: «Мы уверовали в то, что ниспослано нам и ниспослано вам. И наш Бог и ваш Бог един, и мы ему предаемся» (Св. Коран, 29 Паук, 45 (46). «И схватили Мы его и его войска и бросили их в море. Посмотри, каков был конец тиранов [Св. Коран, 28 Рассказ: 40 (40)]. «И не повинуйся приказам распутных, которые распространяют порчу на земле и не творят блага» [Св. Коран 26 Поэты: 151 (151) – 152 (152)]. «И взвешивайте верными весами» [Св. Коран 26 Поэты: 182 (182)].

А осуществление учения Аллаха (св. Коран) в совместимости с учениями Торы, Христа вызывает познание Аллаха и тождество с ним в этой и будущей жизни, знание истины и справедливости, или имеет место отказ от Его истины и справедливости, это вызывает награду праведному и наказание народу распутному Б.

С исповедание себя в грехе против Аллаха и его учения, Его истины и справедливости и раскаивание (стыд, чистосердечие, генеалогия) или не раскаяние и вызывает Б без А. С – причина А или веры мусульманина- ислама, а А свойство познания Аллаха в Его истине и справедливости.

3. Вероятностное мышление. «Кто знает, пусть говорит, кто не знает, пусть скажет: «Аллах знает (об этом) лучше», ибо, если о том, чего ты не знаешь, сказать: «Я не знаю», это будет одним из признаков знания!» [Св. Коран 38 Сад, 86; 12 Йусуф, 47–48; 8, т. 2, 56. 44. 1391 (4774) с. 230]. Форма «кто знает» – субъективная теория вероятности.

4. Антиномичность мышления пророка Мухаммада и татарского мышления. «Каждый день, когда рабы (Аллаха) просыпаются рано утром, (с небес) обязательно спускаются два ангела, один из которых говорит: «О Аллах, возмести расходующему (свои) средства! - а другой говорит: «О Аллах, приведи скупого к гибели!» [8, т. 1, 21. 17. 675 (1442), с. 321; 13]. Это экзистенциальное антиномическое умозаключение вида:

М (расходуешь или не расходуешь средства в пути Аллаха) – Р (Аллах или возместит тебе эти средства, или приведет тебя к гибели); S (ты) расходуешь средства в пути Аллах и тебе их возмещают, или не расходуешь средства и Аллах приводит тебя к гибели М, но выбор этот делаешь ты!) Р и Не-Р. Аналогична структура рассуждения в татарской сказке «Белый змей [10, с. 98–101].

5. Силлогизм действия по 1 фигуре (мусульманин как действующий человек) и 4 фигуре силлогизма. Экзистенциально обобщение всеобщего типа: М Мусульманин имеет параметр Стихии жизни как борьбы с несправедливостью (фитра и фатр) Р; S действующий- творящий человек в некотором отношении пути осуществления Учения Аллаха- мусульманин М; S действующий – творящий человек обладает всеми свойствами фит-

ра и фатр, Стихии (творения Мира в Господе в борьбе с несправедливостью в космосе) P. «Скажи, (о Посланник Аллаха) делайте, действуйте! Господь видит ваши дела. Вы будете возвращены в неведомый мир, где все станет явным. Творец объявит вам обо всем, что вы делали» [Св. Коран, 9 Покаяние, 105]. Мусульманин должен быть справедливо действующим человеком. Не быть пассивным и не молчать о несправедливости.

Для того, чтобы мир стал справедлив в этой и будущей жизни P необходимо действовать - бороться и тратить средства, преодолевать измену знати, действовать в мере, прощать M, а чтобы действовать и действовать в мере по истине, прощать необходима вера в Аллаха, Ислам, Его Суд, S Ислам и вера в Аллаха, Его Суд S необходима для превращения мира в Справедливый мир в этой и будущей жизни P. «Сказала знать из его народа, которые не верили: « Мы видим, что ты в неразумии, и мы полагаем, что ты - лжец. Он сказал: «О народ мой! Нет у меня неразумия, и я - только посланник от Господа миров» [Св. Коран, сура 7 Преграды: 64 (66)-65 (67)].

YII. Форма истины и истинностного исламского суннитского и шиитского рассуждения.

1. Форма истины: 1) экзистенциальные обобщения и умозаключения в трехзначной и пятизначной модели истины; 2) экзистенциальные обобщения о существовании единичных объектов, существованиям которых приписывается всеобщность локального класса. Некоторое высказывание о «а» предполагает, что «а» – существует; истина приписывается конструктивно единичному высказыванию, если существует именуемый объект; истина предполагает остенсивное определение Истинность или ложность зависит от существования или не существования метафорически фиксируемого объекта, но на основе существования некоторого объекта конструируется символический класс объектов (это и есть остенсивно вводимое конструктивное имя алгебраического типа) как референция истины; 3) форма истины – условные высказывания – чисто уловное, условно-категорическое разделительно – категорическое умозаключению. Это умозаключение в предположении, что из ваших возможностей вытекает и ваша ответственность в Аллахе; 4) вероятностные умозаключения; 5.1) алгебра и топология, универсальное число; 5.2) категорические умозаключения по 1, 2, 4 фигуре силлогизма; алетическая и деонтическая логика телеологии будущей жизни, определяющей жизнь настоящую; 5.4) разделительно-категорические умозаключения; 5.5) силлогизм действия по 4 фигуре силлогизм: «Не возлагает Аллах на душу ничего, кроме возможного для нее. Ей - то, что она приобрела, и против нее - то, что она приобрела для себя… Господи наш! Не возлагай также на нас то, что нам невмочь» [Св. Коран, 2 Корова, 286 (286)]. «Скажи: «О народ мой! Поступайте по своей возможности, я действую и потом вы узнаете, за кем будет конец жилища. Поистине, неправедные не будут счастливы!» [Св. Коран, 6 Скот, 135 (135)].

2. Исламские формы познания – иджма (коллективность познания), иджтихад (богопозание Аллаха), кияс (аналогия), бидд, а (нововведения), фитра (естесственный субстрат реальности и понятий), фатр (нововведения в естественности), тофсир (коллективная интерпретация), тавил (интерпретация), таклид (догматизм мышления), сахих (преемственность суждений в исламе), иснад (свидетельское познание в хадисах), **суннитская (**всеобщее; методологический индивидуализм; категорические умозаключения; вероятностные умозаключения; алгебра и топология; первичность сходств в различиях, редукция тождества и собственность и власть; алетическая и деонтическая логика уммы; разделительно-категорические умозаключения; силлогизм действия по 4 фигуре силлогизма) и **шиитская** (всеобщее и локально-общее; отношение совместимости, выводимости, следования, стыд, чистосердечие, генеалогия; методологический коллективизм и уникализм; первичность различий в сходствах; алгебра, топология, локальное число; антиномизм, редукция онтологических уровней; определительный процесс; вероятностные умозаключения; синтез реализма, номинализма, концептуализма и силлогизм действия) версии познания**.**

3. Тюркско-татарское исламское мышление движется в формах: 1) экзистенциальных обобщений и умозаключений; 2) цепи категорических умозаключений по 1 и 2 фигуре силлогизма, но в экзистенциальной и метафорической форме (анимальный и метафорический

вывод), прагматической логике; 3) условно-категорических и разделительно-категорических умозаключениях в экзистенциальном обобщении; 4) моделях субъективной и объективной возможности и вероятности; 5.1) синтезе реализма и номинализма в концептуализме в теории общих понятий; 5. 2) в моделях трехзначной и пятизначной, антиномичной логики, алгебраически-топологическое мышление, в редукции тождества; 5.3) телеологии экзистенциальных классов в интуитивистской логике; 5.4) в модели алетической и деонтической логики в конструкциях ближней и будущей жизни; в силлогизме действия по 4 фигуре силлогизма.

YIII. Система татарского космо-психо-логоса. В гносеологии – реализм общих понятий и со- сосредоточение на всеобщем символического типа, синтезирующем формы номинализма, реализма, концептуализма, экзистенциальные обобщения, условно-категорические и разделительно-категорические умозаключения, субъективно-вероятностные конструктивные умозаключения, силлогизм по 4 фигуре, исламские формы познания - иджма (коллективность познания), иджтихад (богопознание Аллаха), кияс (аналогия), бидд, а (нововведения), фитра (естественный субстрат реальности и понятий), фатр (нововведения в естественности), тофсир (коллективная интерпретация), тавил (интерпретация), таклид (догматизм мышления), сахих (преемственность суждений в исламе), иснад (свидетельское познание в хадисах), суннитская (всеобщее; методологический индивидуализм; категорические умозаключения; вероятностные умозаключения; алгебра и топология; первичность сходств в различиях, редукция тождества и власть; алетическая и деонтическая логика уммы; разделительно-категорические умозаключения; силлогизм действия по 4 фигуре силлогизма) и шиитская (всеобщее и локально-общее; отношение совместимости, выводимости, следования; методологический коллективизм и уникализм; первичность различий в сходствах; алгебра, топология, локальное число; антиномизм, редукция онтологических уровней; определительный процесс; вероятностные умозаключения; синтез реализма, номинализма, концептуализма и силлогизм действия) версии познания **.** В онтологии: ислам, как субстанция познания, всеобщность естественного закона природы и его спецификация и нововведения в такого рода законе, отрицая искусственность (фитра и фатр). В логике - условно-категорические и разделительно-категорические умозаключения, условно-разделительные умозаключения (дилеммы) и интерпретации всеобщего, субъективно-вероятностные конструктивные умозаключения, интуитивистский тип логики, алгебра и топология, редукция тождества, алетическая и деонтическая логика, отношение совместимости, выводимости, следования, синтез экзистенциальных умозаключений по первой, второй и четвертой фигуре силлогизма. В ОТС – редукция тождества в построении систем знания при неиспользовании редукции онтологических уровней. В этике – исламская модель этики сосредоточенная на осуществлении справедливости и совместимости мусульман, выводимости, следовании с людьми Книги (иудаизм) и Евангелия (христианами) в цели суверенитета в целостности и развитии татарского этноса. В эстетике – символическое конструирование правильного пути Аллаха в настоящей жизни ради жизни будущей. Драматическое - упорство в уклонении от пути Аллаха. Трагическое – утрата идентичности с всеобщим - пророком Мухаммадом и локальной общиной. Комическое – своеволие и противопоставление своей воли- всеобщей воле Аллаха, смех Аллаха над ничтожностью человека в попытке перехитрить Бога. Злые люди хитрят, но хитрит и Аллах, а Он – лучший из хитрецов, утверждает Св. Коран. «И хитрили они, и хитрил Аллах, а Аллах - лучший из хитрецов» (Св. Коран, 3 Семейство Имрана, 47 (54)). В мотивации: прямой путь Аллаха, исправляя ошибки Торы и Евангелия и совместимость, выводимость, следование с иудаизмом и христианством, православием; целое и целесообразность, полезность, здравый смысл, правильность; будущая жизнь в совместимости с богатством и довольством, исключая процент, в настоящей жизни; мирная и вооруженная борьба за справедливость в Татарстане и Мире. Нищета от Дьявола! «Сатана обещает вам бедность и приказывает вам мерзость, а Аллах обещает вам Свое прощение и милость. Поистине, Аллах объемлющ, знающ!» (2 Корова, 271 (268). Поэтому та власть, которая допускает существование бедности, власть сатанинская и подлежит,

по св. Корану, вооруженной смене. «Те, которые уверовали и не облекли своей веры в несправедливость, для них -безопасность, и они -на верной дороге (Св. Коран, 6 Скот: 82 (82). 7) «Мы дали Мусе прямой путь и оставили в наследство сынам Исраила книгу (54). В руководство и напоминание для обладающих умом» (Св. Коран, 40 Верующий: 56 (53, 54). В Мессионерской роли: совместимость, выводимость, следование татарского этноса с тюрско-арабским и русским миром, реализуя справедливость в Мире; миссия- идентичность и идентификация татар в суверенный этнос временно пребывающий в составе целостной России; целевая функция – всестороннее образование и развитие творческой способности татарского народа и превращение его в субъект всемирной истории; судьба-противостояние вместе с русским народом попыткам создания мировых государств и осуществление исламской модели общества и образования в совместимости с русской моделью общества и образования, воздаяние и возмездие народам; предназначение – опыт совместимости, выводимости, следования исламского и христианского народов. В антропологии – обоснование естественного человека идущего навстречу Аллаху. В тектологии и праксеологии – синтез религиозного реформаторства, возвращающегося к первоначальному исламу, на основе моделей фитра (естественность) и фатр (нововведения в естественности), науки и просвещения всего народа, определяя иные направления в философии – консерватизм (традиционализм), нигилизм, протест против несправедливости, социализм, утопизм в цели татарской идентичности и идентификации и перфекции всего народа, развивая всю систему науки, агропромышленности и промышленности. В суперэтническом смысле: поддержание татарско-исламской идентичности, но в совместимости с Арабским, Турецким, Западным, Русским миром в мере, осуществляя аккультурацию, рецепцию, но – с реторсией или исключением того, что несовместимо с развитием творческой способности татарского этноса в исламе. В общем смысле: поддержание естественности фитра и фатр, идентичность и идентификация в исламский этнос, суверенный в жизнедеятельности и разделение с неисламским миром

IX. Структура форм татарской философии. Нарратив языка фиксирует будущее время (будущая жизнь пророка Мухаммада и св. Корана), то есть идеал, и современность и прошлое, отрицая в них нищету. Психосемантическая философия фиксирует фитра (естественность) и фатр (изменения в ней), сосредотачиваясь в суннитском смысле на собственности и власти, шиитском смысле на стыде, чистосердечии и генеалогии и совместимости, выводимости, следовании религий в Аллахе. Теоретическая философия развивает идентичность и идентификацию исламского этноса в философии модели воспитания и образования, суверенности, в моделях алгебры и топологии, динамических систем на основе понятия динамической неустойчивости, социологии центра и провинций. Философия татарского здравого смысла**:** человек несправедлив и об этом нельзя забывать; благоразумие, рассудительность недоверие и осторожность; прагматическая модель истины, меры и эффективности, справедливости; владение профессией; собственность в пути Аллаха; тождество и равенство в общине; цель – адаптация, богатство и благочестие, семья и возвращение домой; хитрость, обман и надежда на свои силы и реальные возможности; активность, действие, борьба оружием и словом с внешним и внутренним угнетением, но в мере и осторожно, возмездие – воздаяние суд мести, но в мере, не преступая меру. Справедливость: 1) прагматическая модель истины, 2) мера и эффективность этнообщего блага, справедливости как относительного богатства и равенства (бедных не должно быть), 3.1) прощение долгов в исламе, не переход долга с родственников на родственников и на детей, 3.2) восстановительная справедливость: реализация прав этноса, включая право на суверенитет; ректификация собственности; реституция; этнокорпорации; доля этноса в ВВП русского культурно-исторического типа; суверенитет и самоорганизация; идентичность и идентификация, язык, отличие от иных этносов; телеология перфекции и семьи; циклы социальной мобильности и собственный исламский этнический тип воспитания и образования; антиномия ненасильственного действия в истории, вооруженной и словом борьбы с внешним и внутренним угнетением, 4) естественная иерархия, 5.1) собственность

и власть в пути Аллаха, люди - временные собственники и владельцы власти, 5.2) общее благо уммы определяет частное благо, тождество и равенство в общине; 5.3) телеология суннитской и шиитской моделей воспитания и образования, науки; 5.4) хитрость, обман и надежда на свои силы и реальные возможности, 5.5) вооруженная борьба с внешним и внутренним угнетением в мире в целом. «Истинно, человек несправедлив, неблагодарен» [Св. Коран, 14 Авраам, 37]. «Те, которые уверовали и не облекли своей веры в несправедливость, для них – безопасность, и они - на верной дороге» [Св. Коран, 6 Скот, 82 (82)]. «Держись прощения, побуждай к добру и отстранись от невежд»[Св. Коран, 7 Преграды: 198 (198)]. Повседневно-обыденная философия**.** Суть ее - адаптация к реальности России и организация жизни этноса как уммы. Философия мифологии: космологическая мифология Солнца и Луны, двигающихся общим и своими путями и различными путями, обосновывая свой путь в истории татарского этноса, предполагая борьбу за равенство, истину, справедливость и свободу вооруженным образом и в Слове, поддерживая жизненную силу от Неба-Тенгри и от Аллаха, борьба за собственность и власть. Философия сказки. Татарская сказка сосредоточена на здравом смысле, повседневном и обыденном мышлении в практическом отношении, обосновывая здравую добрую хитрость, противопоставляя их коварству и мерзости, моделируя естественные события, их предопределенность (возможность и вероятность и суждение в модели «как если бы») и борьбу человека за свою судьбу, интенцию к победе над обстоятельствами жизни. Татарская сказка моделирует внешнюю и внутреннюю опасности жизни, пороки и добродетели, творение мира в целом и творение жизни в видах деятельности. Сказка предполагает понимание русского народа как единства тюрок, ирано-алан, угро-финн, евразийцев и славян-русских, в неизменности, единосущии, неслитности, нераздельности, неразлучности, непостоянстве, моделируя совместимость ислама и христианства в России. Синтетическая философия эпосов. Этноэпический нарратив татарского этноса в логическом смысле рекурсивное определение вида: E_1 и S_1 как события в прошлом (E_1 – распад Золотой Орды и падение Казанского и иных татарских ханств, гибель золотоордынского народа, становление татарского этноса, а S_1 – Св. Коран) со своими ценностями, семантикой и синтаксисом рассуждения в этнической ментальности и космо-психо-логосе, которые подводятся под E_2 и S_2 (предварительная рефлексия и суждение, спецификация в идеале будущего в исламе, идентичность и идентификация и татарский этнос в идеале будущей жизни и совместимости, выводимости, следования с иными культурами, E_2 – совместимость, выводимость, следование с иными культурами в Русском мире, и S_2 – татарский этнос как умма; В содержательном аспекте это метанаратив содержащий традиции Чингисхана, Торы, Св. Писания, славян, угро-финнов на основе Традиции Св. Корана, а Идегей – образ тождества Чингисхана, пророка Мухаммада, Идегея как Посланника к татарскому этносу и основатель уммы татарского этноса.

X. Соотношение этноформ русского и татарского мышления. Русский народ не нация, не этнос, но русский культурно-исторический тип, включающий в себя 13 суперэтносов, содержащих уникальный набор этносов в каждом, а суперэтносы соответствуют 13 экономическим районам: Центр, Агропромышленный Центр, Север, Северо-Запад Северный Кавказ, Волго-Вятка (Мари, Чувашия, Мордовия, Кировская и Нижегородская области), Поволжье, Урал, Восточная Сибирь, Западная Сибирь, Дальний Восток, Калининградский анклав, Крым. Эти суперэтносы в отношении совместимости, выводимости, следования и противоречиях образуют русский культурно-исторический тип, состоящий из двух гиперэтносов- Европейского (до Урала) и Азиатского (за Уралом), имея в основе пять расово-популяционных субстратов: тюрок, татарский этнос и другие тюркские этносы, ирано-алан, угро-финн, евразийцев, славян-великороссов – русских (более 80%). Русский народ как суперэтнос в составе славян - русских, тюрок - татар и других этносов, ирано-алан, угро-финн, евразийцев имеет не ряд национальных литератур, но общую Великую русскую классическую литературу и этнотатарскую литературу и науку, а каждый этнос два родных языка - этнический и русский. Татарские корни имеют великие русские писатели Н.М. Карамзин, Державин Г.Р., великие славянофилы братья К.С. и И.С. Аксаковы, Тургенев И.С., Радищев

А.Н., Толстой Л.Н., Куприн А.И. Русский дух имели М. Джалиль, Г. Тукай**.** Владение русским языком, развивая и сохраняя татарский язык в науке и литературе, придает творчеству татарских ученых и писателей всеобщий – и общероссийский и мировой – смысл. В структуре татарского этнического мышления форма всеобщности и локальной общности, рекурсии из возможного, продуктивные умозаключения, условно-категорические и разделительно-категорические умозаключения, редукция тождества, принадлежат чисто татарской этноформе мышления, а редукция онтологических уровней, антиномизм мышления, форма совместимости, выводимости, следования, димензиальность мышления, первичность различий относительно сходств, принадлежит этнорусской форме мышления.

Заключение.

1. Человек и Личность в исламе, полагает Али Шари ати, тот, кто хорошо понимает божественные нормы; видит и слышит невидимое, не видит противоречий в Таухиде; любит Аллаха и идет навстречу Аллаху; руководствуется фитра и фатр – естественностью Традиции и мышления; находиться наедине с Аллахом; живет в умме; имеет целью совершенствование себя и мира, справедливость на Земле, отрицая прометеевского человека; осуществляет борьбу за справедливость; действует в антиномии ненасилия. Любовь к Богу выше знания.

2. Пророку Мухаммаду присущи: экзистенциальные обобщения по 1 и второй фигуре силлогизма; условно-категорические и разделительно-категорические умозаключения; субъективно-вероятностное конструирование реальности; интуитивистский тип логики; синтез номинализма, реализма, концептуализма в отношении совместимости, выводимости, следования в дедукции исходя из модели наивсеобщего; антиномический тип умозаключений и редукция тождества, антиномическая модель истины, вероятностная (объективная и субъективная) теория истины, модель, в которой Рх – Будущая жизнь имеет большее содержание, чем Ру - моделируемые ситуации жизни; прагматическая логика и логика вопросов и ответов; алетическая и деонтическая логика возможного и идеала; силлогизм действия по 4 фигуре.

3. Тюркско-татарское исламское мышление движется в формах: экзистенциальных обобщений и умозаключений; цепи категорических умозаключений по 1 и 2 фигуре силлогизма, но в экзистенциальной и метафорической форме (анимальный и метафорический вывод), прагматическая логика; условно-категорических и разделительно-категорических умозаключениях в экзистенциальном обобщении; моделях субъективной и объективной возможности и вероятности, категориях стыда, чистосердечия, генеалогии, собственности и власти в сунитско-шиитской форме; синтезе реализма и номинализма в концептуализме в теории общих понятий; в моделях трехзначной и пятизначной, антиномичной логики, алгебраически - топологическое мышление, в редукции тождества; телеологии экзистенциальных классов в интуитивистской логике; в моделях, алетической и деонтической логике конструкций ближней и будущей жизни; в силлогизме действия по 4 фигуре силлогизма

Литература

1. *Бройль Л.* По тропам науки. М.: Изд-во иностранной литературы, 1962. 498 с.
2. *Гагаев А.А., Гагаев П.А.* Философия татарской сказки. Саранск-Пенза, 2017. 190 с.
3. *Гайфутдинова Р.М.* Философско-культурологический дискурс ценностных смыслов татарских этноэпических нарративов. Диссертация на соискание ученой степени к.ф.н. Казань, 2017. 170 с.
4. *Ильдарханова Ч.И.* Модернизация сельского Татарстана: социологическая теория и практика. Казань: Издательство Академии наук РТ, 2016. 308 с.
5. Новое в лингвистике. Выпуск 1. М.: Издательство иностр.литературы, 1960. 462 с.
6. *Сабиров А.Г.* Татарская философия: история, сущность и роль в духовном развитии татарского народа. Елабуга: Издательство филиала КФУ в городе Елабуге, 2012. 158 с.
7. *Салагаев А.Л., Сергеев С.А., Лучшева Л.В.* Новые проблемы и противоречия социокультурного развития республики Татарстан. Казань: КНИТУ, 2011. 252 с.

8. *Сахих аль-Бухари* 1-е издание, Т. 1, Т. 2. М.: Благотворительный фонд «Ибрагим Бин Абдулазиз Аль Ибрагим», 2002. 472 с.
9. *Сепир Э.* Язык. М.: Гос.социально-экономическое издательство, 1954. 222 с.
10. Татарские народные сказки. Казань: Татарское книное издательство, 1986. 464 с.
11. *Трубецкой Н.С.* Европа и человечество. М.: Аграф, 1999. 554 с.
12. *Валишин Ф.* Проблема начала и стратегия динамизма. М.: Издательский дом «Энциклопедист-Максимум», 2018. 180 с.
13. *Федяев А.П.* История и философия науки: курс лекций. Казань: КГМУ, 2011. 135 с.
14. *Федяев А.П.* Понятие и роль метакультур в историческом процессе: философско-культурологический аспект // Вестник Казанского университета культуры и искусства. 2016. № 4. С. 9–12.
15. *Хамзина Г.Р.* Структурные изменения в центре и на периферии постсоветского российского общества. Казань: Казанский университет, 2004. 410 с.
16. *Хамзина Г.Р.* Поселенческий фактор социальных изменений. Теоретико-методологический анализ. Казань: Казанский университет, 2006. 228 с.
17. *Чаттерджи Д.* Дата. Индийская философия. М.: Академический проект; Альма Матер, 2009. 365 с.
18. *Шри Шримад А.Ч.* Бхактиведанта Свами Прабхупада Бхагават – Гита как она есть. – Москва-Ленинград-Калькутта-Бомбей-Нью-Дели: Бхактиведанта Бук Траст, 1991. 832 с.
19. *Whorf B. L.* Language, thought and reality. California, 1956. 289 p.
20. *Ullmo J.* La crisis case physique quantique. Ann arbor: Hermann, 1955. 47 p.
21. *Ullmo J.* La pensee scientifique moderne. Ann arbor: Hermann 1958. 56 p.

СОЦИОЛОГИЯ В КАЗАНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Ершов А.Н.
Казанский федеральный университет,
Россия, г. Казань

Аннотация. Социология в Казанском университете начала развиваться более 130 лет назад. Первые казанские социологи были позитивистами и сторонниками психологического направления в социологии. Интенсивные контакты представителей социологического сообщества Казани с научными кругами Европы, прежде всего, Франции, бывшей в то время своего рода "столицей" мировой социологии, были результатов огромного интереса ученых Императорского Казанского университета к изучению проблем общества. Именно в тот период, более 100 лет назад, в Казанском университете начали складываться социологические школы и направления, которые, несмотря на все трудности и противоречия истории, не только "дожили" до нашего времени, но и стали теоретической, методологической и методической основой, на которой произошло возрождение научной социологии в университете, образовался прочный фундамент успешного развития социологических исследований, который продолжал сохраняться и в первые годы Советской власти. В 1960–1970-е гг. социологи Казанского университета заняли достойное место в советском социологическом сообществе. Социологи Казанского университета в настоящее время вносят заметный вклад в развитие теории и практику исследования актуальных проблем постсоветского российского социального пространства, в научное сопровождение процесса реализации национальных проектов.

Ключевые слова: Социология, Казанский университет, научно-исследовательская работа.

Зарождение социологической науки в Казанском университете относится к 80-м годам XIX в. Статья В.В. Ивановского "Опыт изучения деятельности органов земского самоуправления в России" (1882) и защищенная им в Казанском университете диссертация "Организация местного самоуправления во Франции и Пруссии в отношении сравнительного участия

в ней различных общественных классов" (1886) стали первыми социологическими работами в Казани. Автор обстоятельно размышляет о теоретических аспектах местного самоуправления, не утративших своей актуальности и в настоящее время. В 1889 году появляются работы Н. В. Рейнгардта по теории и истории социологической науки. В те же годы начинает свою научную и педагогическую деятельность Г. Ф. Шершеневич – автор одного из первых отечественных учебников социологии, изданного в 1910 г. в Москве. Первые казанские социологи были позитивистами и сторонниками психологического направления в социологии. Это связано с тем влиянием, которым заслуженно пользовался среди казанских обществоведов выдающийся российский психиатр В.М. Бехтерев. По решению Общества невропаталогов и психиатров при Императорском Казанском университете, председателем которого он тогда был, в 1893 г. в Казани начинается издание работ видных зарубежных социологов – Г. Тарда, Р. Вормса и др. Под влиянием В.М. Бехтерева для казанской социологической школы стал традиционным подход к анализу и интерпретации социальной действительности, интегрирующий социологические и психологические методы исследования. Эта традиция повлияла на то, что становление отечественной социальной психологии оказалось неразрывно связанным с именем профессора, заведующей кафедрой Московского Государственного Университета имени М.В. Ломоносова Г.М. Андреевой, дочерью заведующеего кафедрой психиатрии Казанского медицинского института М.П. Андреева – последователя В.М.Бехтерева.

Интенсивные контакты представителей социологического сообщества Казани с научными кругами Европы, прежде всего, Франции, бывшей в то время своего рода "столицей" мировой социологии, были результатов огромного интереса ученых Императорского Казанского университета к изучению проблем общества. В основном эти контакты концетрировались вокруг журнала "Revue Internationale de Sociologie" и таких организаций, как Institute International de Sociologie и La Societe de Sociologie de Paris, а также социологической лаборатории Рене Вормса. Большой интерес казанских социологов вызвали первые международные социологические конгрессы. Интересные отчеты о работе конгрессов были представлены в научной печати профессором В.В. Ивановским. Уже в конце XIX начале XX веков были изданы работы В.В. Ивановского "Учение о народе", "Общество и государство", "Роль общественных наук в деле образования и воспитания", написаны статьи Н.В. Рейнгардта "Г. Слонимский и социология", "Н.К. Михайловский и его труды", учебники Г.Ф. Шершеневича "Социология" и Н.В. Первушина "Наука социология", М.М. Хвостова "Лекции по методологии и философии истории." Закладывалась база исследования методологических проблем социального познания. Дальнейшие успехи этого направления связаны с именами члена-корреспондента АН СССР А.И. Данилова и его ученика, первого председателя Научного Совета по социологии АН Республики Татарстан и Татарстанского отделения Российского общества социологов, члена-корреспондента АН РТ В.В. Иванова.

Именно в тот период , более 100 лет назад, в Казанском университете начали складываться социологические школы и направления, которые, несмотря на все трудности и противоречия истории, не только "дожили" до нашего времени, но и стали теоретической, методологической и методической основой, на которой произошло возрождение научной социологии в университете, образовался прочный фундамент успешного развития социологических исследований, который продолжал сохраняться и в первые годы Советской власти. Даже в разгар гражданской войны в 1919 г. в Казанском университете открывается факультет общественных наук, на котором впервые в истории социология стала учебной дисциплиной, общей для всех трех отделений данного факультета. Год спустя в Казани был издан учебник "Социология", написанный С. Фарфоровским и И. Кочергиным. Это было первое учебное пособие по социологии в Советской России, созданное в соответствии с программой Наркомпроса РСФСР. В 1921 г. создается "Ассоциация для изучения общественных наук при высших учебных заведениях города Казани", начавшая выпускать свои "Сборники", на страницах которых публиковались труды зарубежных и отечественных авторов (Л. Брентано, Р. Ю. Виппер, П. И. Крутиков, Н. В. Первушин и др.

Но в конце 1920-х годов отношение к социологии стало меняться. Эмпирические исследования активно развивались, поскольку власти была необходима объективная информация о состоянии и тенденциях развития различных сторон жизнедеятельности общества. В тоже время , утверждалось представление о марксистской теории как единственно верной научной теории общества, раз и навсегда осветившей все проблемы не только прошлого и настоящего, но и будущего развития социума. Социология как самостоятельная наук перестала в России существовать. Изменения начались со сменой “политического климата” в СССР в середине 1950-х годов. Советские социологи приняли участие в работе III Международного социологического конгресса в Амстердаме (1956 г.). После одобрения ЦК КПСС Отчета "Об итогах IV Всемирного социологического конгресса" осенью 1959 года началось создание социологических групп в академических институтах и вузах Москвы, Ленинграда, Свердловска и др. В Казанском государственном университете имени В.И. Ульянова-Ленина социологическая лаборатория была открыта в январе 1964 г. Научным руководителем лаборатории стал Н.А. Аитов, который много сделал для становления и развития социологии . Он был крупным специалистом в области социологии труда, социального планирования и проектирования. В Казани, Бугульме и ряде районов республики летом 1966 г. были проведены социологические исследования, организованные совместно социологической лабораторией КГУ и Академией общественных наук при ЦК КПСС. В 1970-е годы складываются прочные связи с такими известными отечественными социологами, как Л.М. Дробижева, В.Т. Лисовский, М.Х. Титма, О.И. Шкаратан, В. А. Ядов и др. Таким образом, в 1960–1970-е гг. социологи Казанского университета заняли достойное место в советском, в том числе и российском социологическом сообществе. Под руководством Н.А. Аитова и М.А. Нугаева стала активно развиваться социология труда. В конце 1960-х – начале 1970-х гг. были проведены исследования трудовой активности рабочих предприятий республики совместно с учеными Москвы и Ленинграда. Профессор М. А. Нугаев выявил, в частности, значительную диспропорцию в качестве профессиональной подготовки среди рабочих КамАЗа. Социологи университета находили подходы к выявлению наиболее актуальных проблем в жизни трудовых коллективов. Тогда же социальные проблемы региона послужили основой книги "Интернациональное и национальное", в которой были проанализированы тенденции развития трудовых ресурсов, динамика физического и умственного труда, создания рабочих мест, материального и морального стимулирования, характер межнациональных, семейных и межличностных отношений. В этот период важнейшее значение социологи Казанского университета придавали подготовке и воспитанию молодых научных кадров. Курс методологии и методики конкретных социологических исследований читался на отделении научного коммунизма КГУ с 1970 г. При Доме политпросвещения Татарского ОК КПСС в 1982 году открылась двухгодичная "Школа социолога", где социологами Казанского университета проводились занятия. К сожалению, в тот период социология продолжала развиваться преимущественно на общественных началах. Социологические исследования часто использовались лишь для иллюстрации тех или иных умозрительных выкладок. Такая неопределенность в развитии отечественной социологии продолжалась до конца 1980-х годов. В 1988 году было принято постановление ЦК КПСС "О повышении роли марксистско-ленинской социологии в решении узловых проблем советского общества", означавшее конституирование социологии в качестве самостоятельной науки. Только в 1990-е гг. курс социологии постепенно вводится во всех вузах, многих средних общеобразовательных и профессиональных учебных заведениях России. В Казанском университете создается кафедра социологии. Первым заведующим кафедрой стал профессор И.С.Рахматуллин. Возникают социологические исследовательские центры и лаборатории. К 2000 г. в Казани действовало четыре совета по защите кандидатских диссертаций по социологическим специальностям, в том числе и в Казанском государственном университете. Преподавательскую деятельность стали вести доктора и кандидаты социологических наук, известные ученые Р.Г.Минзарипов, С.А.Ерофеев, М.Ю.Ефлова, Ж.В.Савельева, Л.Г.Егорова, И.Г.Ясавеев, А.Л.Салагаев, С.А.Ахметова и др. Начали выходить монографические исследования, завое-

вавшие признание научной общественности России, оригинальные учебники и учебные пособия. Казань стала центром подготовки квалифицированных социологических кадров для ближнего и дальнего зарубежья. Здесь проходили защиты диссертаций социологами стран дальнего и ближнего зарубежья. Установились прочные международные связи университетских социологов. Огромную роль в их формировании и развитии сыграл созданный в это время Центр социологии культуры КГУ (С. А. Ерофеев и Э. С. Рахматуллин) .Социологи Казанского университета вносят заметный вклад в развитие теории и практику исследования актуальных проблем постсоветского социального пространства, в научное сопровождение процесса реализации национальных проектов. Активно разрабатываются вопросы методологии и методики применения социального конструирования, обеспечивающие современное видение социальной действительности. В рамках формирующейся социологии муниципальных образований ряд ученых успешно работают над парадигмой социального управления, основанной на дифференцированном подходе к задачам, методам и организации работы органов государственной власти и муниципального управления. Социологи Казанского (Приволжского) федерального университета разрабатывают проблематику формирования и развития социологии молодого города и, в частности, теорию и методологию исследования особенностей социальной динамики в полиэтническом регионе. Разработана оригинальная концепция и методика изучения и мониторинга качества жизни горожан и качества социального потенциала региона в целом, основанная на комплексном, междисциплинарном подходе к проблеме. В рамках национальных проектов социологи работают над проблемами социологии города, миграции и трудовой занятости, здоровья населения, образования и молодежи. Они выступили инициаторами изучения и оптимизации межконфессиональных, межэтнических отношений, проблем модернизации образования, информатизации общества и т.д. Они стали также одними из пионеров отечественной конфликтологии. Примечательно, что первый международный конгресс конфликтологов проходил именно в Казани. В последние годы с участием социологов были разработаны "Критерии оценки профессиональных и личностных качеств государственных и муниципальных служащих ", ряд методических рекомендаций для органов местного самоуправления. Были осуществлены многие научно-исследовательские проекты.Одним из приоритетов является забота о подготовке и воспитании молодых кадров исследователей. Сегодня в КФУ обучаются по социологическим наукам более 100 студентов дневного отделения, более 30 человек в магистратуре и более 10 в аспирантуре. В современных образовательных программах значительно расширена практическая часть, внедрены новые методики с учетом информатизации образования, активно используются в учебном процессе открытые образовательные площадки, социальные сети, кейс-стади, “социологические прогулки.” Ежегодно защищаются кандидатские диссертации по этой научной дисциплине. Возобновилась деятельность постоянно действующих семинаров и мастер-классов по проблемам теоретической и прикладной социологии, методологических и методических семинаров для молодых социологов . Большое значение придается организации и активизации научно-исследовательской работы студентов. Они принимают активное участие в различных научных конференциях, конкурсах научных работ. В стенах университета ежегодно проходят Международные студенческие социологические чтения. Еще одно направление исследований - участие в комплексных научно-прикладных программах и международных проектах .Активно развиваются научные контакты социологического сообщества с учеными Франции ,Германии ,Турции ,США, Великобритании и ряда других стран. Сегодня работа социологов Казанского (Приволжского) федерального университета в значительной степени опирается на достигнутое, развивая накопленные традиции творчества в области социологии. Социологи К(П)ФУ стремятся добиться нового качественного уровня социологических исследований, укреплять их связь с практикой, запросами социума.

К ИСТОКАМ СТАНОВЛЕНИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ В ТАТАРСТАНЕ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ СОЦИОЛОГИИ В РЕГИОНАХ СТРАНЫ

Салахутдинова Р.Х.
Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Россия, г. Санкт-Петербург

Аннотация: Статья посвящена одному из этапов становления социологии в Татарстане и роли Казанского государственного университета развитию региональной социологии. На основе биографических данных, автор описывает вклад преподавателей в подготовку кадров в области социологии; формы и методы работы со студентами отделения. Особое внимание уделяется значению социологических практик в ведущих исследовательских институтах, лабораториях страны. Выпускники отделения были востребованы в регионах в качестве социолога, которые активно привлекались к исследованиям по линии партийных структур, в том числе к просветительской и образовательной работе.

Отмечая положительные тенденции в становлении Татарстанской социологической школы, которые проявляются, по мнению автора, прежде всего в развитии социологии в региональном контексте, подчеркивается доминирование западных тематик над отечественными, тем самым, ставя под сомнение сохранение традиций отечественной социологической школы

Автор обращает внимание на своевременность формирования евроазиатского сообщества социологов, видя перспективу возрождения отечественных социологических школ в Еварзийском социологическом сообществе.

Ключевые слова: социологическая школа, научные кадры, исследователи-практики, сотрудничество, регионы.

Становление социологии в Татарстане – это особая страница в истории развития науки, закономерное, обусловленное социально- политической обстановкой эпохи периода «оттепели » - 1960 –х г. В этом контексте, не менее важным представляется и период середины 80 гг. 20 столетия, где первостепенную роль в подготовке научных кадров, исследователей для регионов страны, сыграл Казанский государственный университет, внеся неоценимый вклад в развитие социологии в регионах.

Следует отметить, что при всей необходимости социологических исследований, подготовка специалистов-социологов не осуществлялась ни в одном из вузоы страны. Этой профессии не было, скорее всего, и в кадровом реестре. Наличие учебной дисциплины по социологии на отделении научного коммунизма было обусловлено (следует предположить) подготовкой студентов отделения, в том числе, и к партийной деятельности. Изучение общественного мнения было прерогативой партийных структур. В то же время, в производственных коллективах проводились опросы, в ряде промышленных предприятий создавались социологические лаборатории. Однако, если в столицах для проведения исследований использовали научно-преподавательский потенциал университета, то в регионах место дипломированных специалистов занимали представители гуманитарного профиля, владеющие методами социологического исследования на уроне самообразования.

Надо понимать, что поколение студентов советской эпохи, которая (объективно) изучала западные теории сквозь призму «критики буржуазных теорий», конечно, не ведала теми знаниями, которые стали доступны студентам 90-х. В этих условиях, глубина понимания студентами предметной области социологии непосредственно зависело от знаний, практики преподавателей, методического обеспечения занятий. Именно в рамках учебных занятий, преимущественно по социологическим исследованиям, мы соприкасались с таинством разработки программы исследования, примеряя на себя завораживающую (таинственностью) профессию социолога. Именно в рамках учебных занятий формировалось представление

о науке социологии, осваивался категориальный аппарат, приобретался первый опыт социолога – исследователя.

Современное образование изобилует многообразием терминологий применительно к технологии обучения, подготовки выпускника вуза к профессиональной деятельности. В частности, понятием инновация, как некоего «золотого ключика» в подготовке успешного (в будущем) выпускника учебного заведения. Анализируя организацию учебной работы на отделении в 80-е годы, невольно приходишь к осознанию, что те формы взаимодействия со студентами, которые практиковала кафедра НК, были инновационными для своего времени.

Наиболее значимой для студентов была социологическая практика на базе ведущих университетов, Научно – исследовательских институтов, лабораторий в промышленных предприятиях страны. Для самих студентов оказаться в среде социологов, окунуться в атмосферу профессиональной деятельности, было важнейшим событием, к которой эмоционально готовились заранее. И здесь необходимо обратить внимание на другие аспекты, которые остались лишь в воспоминаниях тех, кто стоял у истоков организации социологической практики, которые не освещены в летописях, научных публикациях. Организация этой формы образовательного процесса по социологии стала возможным благодаря, исключительно инициативе преподавателей кафедры научного коммунизма. По воспоминаниям Ахметовой С.А., преподаватели выезжали в университеты, исследовательские институты по всему Советскому Союзу в поисках возможных площадок для прохождения социологической практики студентами отделения. Проводя аналогию с современной действительностью, мы лишь констатировали тот факт, что принимая на практику целые группы студентов, ни у кого и в мыслях не было просить оплаты, ставить на коммерческую основу (на языке современной образовательной терминологии) одну из форм практико-ориентированного образования. Более того, оплачивались поездки преподавателей, выезжающих устанавливать научные контакты с коллегами, в том числе все расходы студентов, связанных с поездкой и проживанием в течение месяца по месту прохождения практики.

Таким образом, инициатива преподавателей, которая нашла поддержку со стороны заведующего кафедрой Фарукшина М.Х., способствовало установлению новых связей между преподавателями, укреплению отношений между кафедрами, факультетами вузов страны.

Социологические практик способствовали расширению социологических знаний студентов, приобретению умений, первых практических навыков в области прикладной социологии. Несомненно, такие формы работы расширяли и кругозор молодежи. Наша группа проходила практику в г.Таллин в институте истории, которым руководил Титма М.Х. и в Проектно-конструкторском бюро систем управления «Майнор». За время прохождения практики мы познакомились с университетом в г. Тарту, студентами философско-филологического факультета Латвийского университета в г. Рига. Впоследствии, студенты из Риги приезжали к нам на наши студенческие конференции, на протяжении многих лет поддерживались дружеские отношения.

Одним из направлений, представлявшим исследовательский интерес во время пребывания в Таллине, стала религиозная тематика. Нам удалось посетить службы различных конфессий, ознакомиться с их спецификой, своеобразием, побывать в храмах и церквях. Эта была хорошая возможность самим увидеть отношение к религии прибалтийских народов, по возможности пообщаться с прихожанами.

Более подробно страницы истории, связанные с деятельностью преподавателей кафедры НК по организации и осуществлению социологической практики представлены коллективом преподавателей Казанского Федерального университета в статье, посвященной формированию социологической школы в республике Татарстан. [1, с. 285–286].

Необходимо отметить, что формализованная форма отчетности по практике была переведена в формат научного вечера по итогам социологической практики. Каждая группа готовила презентацию по прохождению и итогам практики. Сочетание научных выступлений с воспоминаниями, концертными номерами, создали тогда атмосферу творчества, формируя более глубокий интерес к социологии.

Еще одна страниц становления социологической школы связана с созданием студенческого социологического объединения. В первый год в него входили семь студентов отделения . Ярлык, что социология является буржуазной наукой, была и на нашем объединении. Для многих мы казались теми, кто занимается буржуазной, несуществующей лженаукой. Для нас же эта была возможность расширять область своих научных познаний в области социологии в рамках наших семинаров, встреч с социологами и просто с творческими личностями. Вдохновленные успехами социологической практики, организовали студенческую конференцию, которая вызвала интерес у студентов и региональных вузов. На конференцию приехали студенты из Латвии, Ярославля. Конференция позволила закрепить уже сложившиеся отношения с латвийским университетом и установить новые с студентами психологического факультета Ярославского университета.

Одной из наиболее результативных форм приобретения исследовательского опыта, было участие студентов в хоздоговорных работах кафедры. Одно исследование проходило на химическом заводе им. Вахитова. Студенты работали вместе с преподавателями на всех этапах исследования. После проведения индивидуального анкетирования среди рабочих завода, данные опроса переносили в таблицы для подготовки перфокарт программистами. Следующим этапом была работа за монитором в вычислительном центре (на Советской площади), где готовили перфокарты для обработки данных исследования. Так благодаря возможности участия в исследовании, состоялось первое знакомство с программным обеспечением социологических исследований в те далекие 80-е.

Практические навыки и умения (согласно сегодняшней терминологии - компетенции), приобретенные в рамках хоздоговорной работы, дали нам возможность увидеть и понять социологические исследования в целостности; зависимость элементов и этапов организации исследовательской работы и, самое главное, почувствовать себя, свои способности в этой специфической области научно - практической деятельности. Это была настоящая школа подготовки прикладников - социологов. Могу только отметить, что опыт, приобретенный в рамках хоздоговорной работы, впоследствии позволили самостоятельно, в условиях отсутствия специалистов, вести компетентно исследовательскую работу.

Существовавшая система распределения выпускников вузов по регионам Советского Союза имела свои преимущества, как для самих молодых специалистов, так и для регионов. Нередко вчерашнему выпускнику приходилось работать наравне с, имеющими опыт, специалистами, приобретая знания и навыки работы одновременно по ряду направлений. По этому поводу всплывают слова известного хирурга Ф.Г.Углова (1904–2008), который считал, что он состоялся как хирург благодаря своей работе в деревне, где ему приходилось выполнять все виды операции, зачастую впервые сталкиваясь с теми или иными болезнями [2].

Действительно, для вчерашнего выпускника, знающего работу в основном на уровне теоретическом, работа в регионе была незаменимой площадкой формирования профессиональных качеств, квалифицированного специалиста. Именно она давала жизненные ориентиры молодому специалисту в плане карьерного, профессионального роста.

Для регионов молодые специалисты были тем потенциалом, благодаря которым обновлялась жизнь, вносились, так называемые, новации, менялось качество социальной структуры, соответственно и социокультурные характеристики населения. Молодые специалисты являлись одним из факторов подъема, развития региона.

Необходимо подчеркнуть, что результаты практики распределения выпускников не достаточно изученная область, том числе и в социологии.

Свое развитие социология в регионах, как правило, получало с появлением специалиста, имеющего какой-либо опыт, знания в этой области. Будет необъективно, если скажу, что до моего приезда в Астраханский технический институт рыбной промышленности и хозяйства в качестве молодого специалиста, в городе не было людей, так или иначе занимающихся исследованиями, идентифицирующими себя социологами. Следует упомянуть, что присвоение себе квалификации социолога, без подтверждающего какими – либо документами профессиональный статус, получило массовое распространение в 90-е годы. Было

удивительно то, что при этом, ни у руководства, ни у заказчика не возникала мысль спросить документ, удостоверяющий профессиональную квалификацию человека. К сожалению, благодаря подобным лжесоциологам (самозванцам) происходила дискредитация социологии как науки, а у населения формировалось недоверие к результатам опроса. Конечно, это было следствием узкого понимания руководством возможностей, потенциала социологии. Вся социология сводилась к проведению социологических исследований на уровне «*Мне нужен вопрос – ответ. Мне не нужны не фильтрующие, ни контрольные вопросы. Достаточно 13 вопросов*». Практика показывает, что мы не смогли, отчасти преодолеть этот порог понимания социологии и сегодня.

Тем не менее, социология пробивала себе дорогу, как и любое новое направление, вызывая интерес и любопытство среди, прежде всего, студенческой молодежи. Если во второй год работы в вузе из 12 студентов, желающих заниматься в студенческом социологическом кружке, остались лишь 7, то в следующем учебном году заседание кружка начиналось с переполненной аудитории. До сих пор не могу понять: как и кем была распространена информация о предстоящем заседании? Присутствовали студенты, преподаватели консерватории, медицинского, педагогического институтов, представители крупнейшего электронного завода «Прогресс», прекративший свое существование в 90-е г. и других промышленных организаций, за сроком давности, которых сложно вспомнить. Таким образом в Астрахани было положено начало ликбезу по социологии. Вполне естественно и то, что со временем количество кружковцев сократилось. Но заложенное начало имело продолжение в лице тех, кто в дальнейшем посвятил себя социологии, защитили кандидатские диссертации и продолжают свою деятельность в качестве профессиональных социологов сегодня.

Говоря о роли КГУ в развитии региональной социологии, необходимо отметить, что установленные Ахметовой С.А. и Салагаевым А.Л. контакты с НИИ комплексных исследований проблем молодежи по организации студенческой социологической практики (в 1990-е годы перешедший на факультет социологии СПбГУ), были использованы и для Астраханского региона. Вполне справедливо будет сказать, что кафедра НК в лице конкретных преподавателей открыла дорогу на факультет социологии Петербургского государственного университета городу Астрахани.

Большую поддержку в подготовке кадров для Астраханского региона оказали первый декан факультета социологии СПбГУ, почетный профессор университета Бороноев А.О.. Ему принадлежат слова «*регионам надо помогать*». Установление контактов с руководителем лаборатории исследования проблем молодежи НИИКСИ профессором Лисовским В.Т. дала возможность Астрахани готовить и научные кадры в той или иной области социологии. Первым остепененным социологом вернулась в Астрахань автор статьи; с защитой кандидатской диссертации завершил дневную аспирантуру один из первых кружковцев Рычагов Игорь (научный руководитель проф. Галактионов А.А.); Кузнецов А. (научный руководитель проф. Овсяников В.Г.). Под руководством Лисовского В.Т. защитились Борисова Е. (ныне зав. кафедрой общегуманитарных дисциплин Астраханской консерватории), Михайлова Е.А. (доцент АГУ).

Вторым направлением, оказавшим влияние на становление социологии в Астраханском регионе, стало активное участие партийных структур в организации просвещенческой работы среди партийных работников города. Первоначально это были лекции по изучению общественного мнения, которые я читала работникам горкома партии. Позднее, в рамках общества Знания впервые организованы курсы по о проведению социологических исследований. На курсах обучение проходили партийные работники области. По просьбе горкома партии, были проведены исследования по темам «Ценности молодежи г.Астрахани» и «Здоровье жителей г.Астрахани». Конечно, это была кустарная работа: ручная обработка, расчет зависимостей, построение графических изображений и т. д.

Таким образом, в популяризации социологии, социологических исследований, использовании социологических знаний в практической деятельности важную роль сыграла партийная структура в лице Пэк Т.Н.

Однако, при всем продуктивном взаимодействии с горкомом партии, крестным социологии в Астраханском регионе по праву следует назвать Жилкина А.А., в то время занимавшего должность секретаря обкома комсомола. Именно с ним, в качестве социолога, состоялась первая встреча на предмет использования возможностей социологии как науки в совершенствовании деятельности комсомола. Инициированные Жилкиным А.А. проведенные деловые игры, тренинги совместными усилиями преподавателей кафедры НК и философии РыбВТУЗа, студенческой молодежи института по разработке новых моделей работы с молодежью, принятии решений, – были проявлением новых подходов в управленческой деятельности, основанных на научных знаниях, данных социологии.

При всем недопонимании специфики социологических исследований руководством института, на базе РыбВТУЗа была создана социологическая лаборатория. К тому времени, будучи в Москве для изучения методики кадрового резерва, разработанного Коломийцем Б.К., удалось привести программу для обработки результатов опроса. Позже, эту программу стали использовать для обработки рейтинговых оценок преподавателей института. После моего отъезда в аспирантуру судьба лаборатории была не долговечной. Заложенные за пять лет работы в Астрахани ростки социологии удалось сохранить благодаря поддержке горкома партии. Один из первых моих учеников, к тому времени уже состоявшийся социолог, (Монин В.В.) сумел сохранить лабораторию, выведя ее из структуры вуза.

Таким образом, к началу 1990-гг., когда социология переживала очередной свой триумф, возрождение, Астраханский регион уже имел определенный задел, в том числе и кадровый, благодаря чему в какой – то мере удалось избежать всецелого дилетантизма в учебном процессе по социологии, в организации социологических исследований.

Проведение VII Международного Конгресса социологов тюркского мира «Евразия и глобальные социально-экономические изменения» в Казанском федеральном университет в республике Татарстан символичное событие, выходящее за рамки приуроченности к знаменательным датам. Значение конгресса заключается в возможности участников данного форума критически переосмыслить состояние современной социологии, сложившиеся тенденции в контексте национальных, культурных, региональных ценностей и приоритетов и выработать основные направления взаимодействия социологов тюркского мира.

Необходимость сотрудничества в таком составе обусловлено объективными причинами: необходимостью оценки состояния социологии в постсоветском пространстве, сохранения всего наследия советской социологической школы, поиска путей развития теории, методологии, методов социологии с учетом этнонациональных, социокультурных особенностей народов тюркского мира.

Речь не идет о противопоставлении социологии тюркоязычного мира западному. Однако не учесть тот факт, что наблюдающееся до сих пор агрессивное насаждение западных теорий, концепций, направлений в социологии без какой-либо экспертной оценки, без учета особенностей менталитета, ценностей, историко-культурного наследия народов нашей страны стали одним из основных факторов, тормозящих развитие российской социологии в многообразии ее историко - философско – социологической, культурной основы.

В условиях сложившейся безальтернативной социологии, особенно в контексте последних событий в европейском мире, ответы на поставленные временем вопросы могут быть найдены прежде всего в недрах собственных научных знаний, с учетом общих и специфических законов и закономерностей развития каждого государства.

В этом плане, консолидирующей силой социологов может стать Казанский (Приволжский) университет, имеющий богатый опыт как исследовательский, так и опыт подготовки кадров, сильный научно – педагогический, административный потенциал.

Литература

1. *Минзарипов Р.Г., Ишкинеева Ф.Ф., Ахметова С.А.* Специфика формирования региональной научной школы: 1964–2019 гг.. СПб.: «Реноме», 2019. 648 с.
2. *Углов Ф.Г.* Сердце хирурга. М.: Издательство АСТ, 1974. 253 с.

ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ИНТЕРАКЦИИ МОЛОДЕЖИ: НОВАЯ СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Ахмадуллин Р.Н.
Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н. Туполева-КАИ,
Россия, г. Казань

Аннотация. В настоящее время Интернет стал неотъемлемой частью жизни для значительной части молодежи России. Компьютерные сети, как вид телекоммуникации превратились в принципиально новый пласт социальной реальности. Утрачивается жизненная необходимость межличностной коммуникации вне виртуального пространства, что, в том числе, в дальнейшем способствует развитию ряда социально-психологических, а также физиологических проблем у молодёжи.

Статья посвящена исследованию данной актуальной проблематики и представляет результаты социологического исследования, проведенного методом количественного сбора информации, а именно анкетирования. Выборочная совокупность была сформирована случайно, исследование является пилотажным. В проекте приняли участие молодые люди в возрасте от 18 до 35 лет. В ходе исследования были реализованы поставленные задачи, проверены рабочие гипотезы, сформированы выводы, а также предложен ряд общих рекомендаций, позволяющих решить основные социально значимые проблемы, возникающие в связи с ростом такого явления как Интернет-зависимость.

Ключевые слова: коммуникация, прокрастинация, Интернет, интеракция, молодежь.

В последнее десятилетие Интернет стал неотъемлемой частью жизни для значительной части населения России. Компьютерные сети, как вид телекоммуникации превратились в принципиально новый пласт социальной реальности. Утрачивается жизненная необходимость проводить время в библиотеках, посещать магазины, кинотеатры, доступ ко всем этим опциям современный человек получает, не отрываясь от экрана своего гаджета. Это, несомненно, помогает решать ряд существенных проблем, экономит время, расширяет кругозор и информированность о происходящем в мире, но, с другой стороны, приводит и к возникновению ряда существенных проблем, связанных с таким актуальным явлением как Интернет-зависимость.

Данная проблема весьма значима, так как способствует развитию ряда социально-психологических проблем у молодёжи: конфликтность, депрессия, предпочтение виртуального мира реальности, трудность адаптации в обществе, потеря контроля над собой и желание проводить время за компьютером все больше. Кроме того, компьютерная зависимость влечет за собой и физиологические проблемы: ухудшение зрения, нарушение осанки, гиподинамия и вытекающие из нее заболевания.

Безусловно, Интернет имеет огромное значение в современном мире и приносит большую пользу человечеству. Он служит источником информации, доступным способом приобретения навыков и знаний, средством проведения и планирования отдыха, местом для знакомств и общения. Но, в то же время, Интернет-зависимость дала сильный толчок к развитию и распространению такого актуального социального явления в современном мире, как прокрастинация (от лат. «pro» – «вместо» и «crastinus» – «завтрашний»).

Прокрастинацией называют стремление человека отложить выполнение необходимых дел «на потом», а также прокрастинация может заключаться в ситуации, когда человек остается деятельным, но его активность направлена на посторонние, малозначимые, иногда про-

сто бессмысленные занятия. Тесно связан с ней, например, столь популярный сейчас фаббинг.

Именно поэтому в качестве темы исследования нами и была выбрана эта проблема. Для сбора социологической информации нами был использован количественный метод исследования, а именно анкетный опрос. Выборочная совокупность респондентов была сформирована случайно, исследование является пилотажным.

Целью исследования является выявление социальных особенности популярности Интернета, как средства общения среди молодежи.

Задачи:

– установить, что больше предпочитает молодежь: общение онлайн или общение в реальной жизни.

– выявить наиболее важные социальные проблемы молодёжи, мешающие межличностному общению.

– выявить основные негативные последствия интернет-зависимости.

Объектом исследования является интернет пространство, как среда общения и взаимодействия.

Предметом исследования является времяпрепровождение в социальных сетях как одна из форм проведения досуга молодежи.

Нами были выбраны для анализа данной проблемы ряд статей, направленных на всестороннее изучение проблемы интернет-зависимости современной молодёжи. Нами были изучены работы Ушаковой Е.С., Пашкевич О.И. и Шаматовой Ю.Ю. [1, 2, 3]. Из данных статей мы можем выделить основные характеристики интернет-зависимости, факторы, способствующие ее формированию, а также проблемы социального и культурного развития общества, возникшие как следствие данного феномена.

В качестве гипотезы мы предположили, что:

– человек в возрасте 18–23 лет, особо не занятый трудовой деятельностью, весьма склонен к интернет-зависимости;

– интернет-зависимость может оказывать влияние на социальную активность человека и способствовать прокрастинации.

– в большинстве случаев молодежь не замечает, что оказывается интернет-зависимой.

– молодежь предпочитает общение в социальных сетях и мессенджерах и времяпрепровождение в сети Интернет.

В нашем социологическом исследовании приняли участие 40 респондентов. Большинство опрошенных являются неработающими студентами (55%), далее идут работающие (22,5%) и совмещающие учебу и работу (22,5%).

Процентное соотношение возрастных групп следующее: 18-23 лет – 67,5%, 24-29 лет – 15%, 30-35лет – 17,5%. По полу: женский – 55%, мужской – 45%.

Далее мы решили узнать, как часто респонденты пользуются Интернетом и получили следующие результаты: 6 и более часов в неделю – 40%, 3–5 часов в неделю – 47,5%, 2–3 часов в неделю – 10%, не пользуются Интернетом 2,5% опрошенных. Данное время респонденты тратят на: поиск информации для учебы – 27%,информации для культурного и духовного развития-7,5%, социальные сети-30%, просмотр новостей-30%,онлайн-игры-5%. Также мы узнали, что больше всего привлекает в пользовании Интернетом: доступность-12,5%, простота использования-5%, полезность – 72,5%, возможность отвлечься от реальной жизни-10%.

Причинами включения опрошенных в сеть являются: компьютерные игры – (12,5%), учёба – (57,5%), поиск новых знакомств и друзей – (25%), большое количество свободного времени – (22,5%), друзья – (40%), работа – (27,5%), проблемы во взаимоотношениях с противоположным полом – (7,5%), источник информации – (77,5%).

Ключевым вопросом нашей анкеты была оценка респондентов собственной Интернет-зависимости по шкале от 1 до 5, где мы получили следующие результаты: 1 – 7,5%, 2- 20%, 3 – 50%, 4 – 17,5%, 5 –5%. При этом 40% опрошенных часто допоздна сидят в Интернете, 52,5%-редко, 7,5%-никогда. Но также стоит отметить, что первым делом, проснувшись

утром, 62,5% респондентов предпочитают потратить время на себя и свои дела, и только 25% сразу включают компьютер и выходят в Интернет.

При долгом отсутствии нахождения в Интернете большинство опрошенных (40%) ощущают нехватку, 30%-ничего, 17,5%- дискомфорт, 12,5% - беспокойство.

Респонденты считают, что Интернет в большей степени вредит их физическому – (87%) и психологическому – (68%) здоровью, но положительно влияет на моральную нравственность – (70%), культурный уровень – (84%) и успеваемость – (59%). В целом, большинство утверждает, что Интернет оказывает скорее положительное влияние, чем отрицательное-60%. Для 17,5 % респондентов он служит способом для ухода от проблем или от дурного настроения.

Примечательно, что в большей степени альтернативой Интернету служат: саморазвитие и учеба, спорт, семья. 47,5% опрошенных между Интернетом и друзьями выбирают последнее, чтобы провести совместное время. И только 5% из всех респондентов по шкале от 1 до 5 чувствует себя усталым, угнетенным или раздраженным при попытках ограничить или прекратить пользование Интернетом.

Также мы выяснили, что больше предпочитает молодежь: общение онлайн или общение в реальной жизни. Результаты таковы: 60% респондентов считают, что личное общение лучше, 25% отметили обратное, 15% затруднились ответить. При этом 55% опрошенных редко заводят новые знакомства в Интернете, тем не менее 17,5% делают это часто. 60% отметили, что знают лично всех друзей в социальных сетях, в то время, как 37,5% респондентов некоторых никогда не видели.

Интернет может негативно сказываться и на отношениях людей. 40% респондентов отметили, что периодически слышат упреки от близких из-за того, что они слишком много времени проводите за компьютером и слишком мало уделяете внимания семье. Это также может послужить доказательством того, что респонденты, отметившие отсутствие Интернет-зависимости, не могут объективно оценивать свою аддиктивность. При этом 7% скрывают количество времени, проводимое ими в сети.

Из проведенного нами исследования, мы можем сделать следующие выводы:

– наиболее важными социальными проблемами, мешающими межличностному контакту, по мнению опрошенных, являются неуверенность в себе, несовпадение интересов, отвлечение от житейских проблем и отсутствие желания общения.

– анализ результатов показал, что респонденты в возрастной группе от 18–23 лет наиболее подвержены Интернет-зависимости. Это определяется тем, что им чаще всего необходимо пребывать в сети.

– среди негативных последствий значительное число респонденты отмечают возникновение проблем со здоровьем.

Таким образом, мы можем дать несколько рекомендаций:

– Чтобы начать бороться с интернет зависимостью, прежде всего, необходимо признать, что проблема существует. Самый эффективный способ борьбы с Интернет-зависимостью – вернуться в реальную жизнь и забыть о существовании интернета на несколько дней. Для начала можно сократить время пребывания в сети, а дальше, постепенно сворачивая активность, вы сможете свести присутствие до минимума.

– Данной возрастной группе желательно установить определенные часы пребывания в сети и строго следовать этому расписанию. Как выход из данной проблемы можно рассматривать занятие спортом и хобби, что бы не оставалось лишнего времени на чрезмерное и бесконтрольное пребывание в Интернете.

– Для улучшения состояния здоровья можно проводить профилактические меры. Например, вместо интернет-чата выходите с друзьями в парки, на пикники. Проводите как можно больше времени вне сети. Для предотвращения и предупреждения развития заболеваний начните заниматься зарядкой для глаз, спины и т.д.

Литература

1. *Пашкевич О.И.* Профилактика интернет-зависимости // Мастерство-online. 2016. №1. URL: http://ripo.unibel.by/assets/masterstvo_online/docs/6/1_4.pdf (Дата обращения: 15.03.2020).
2. *Ушакова Е.С.* Интернет-зависимость как проблема современного общества // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. 2014. № 1(4). С. 44–51.
3. *Шаматова Ю.Ю.* Интернет-зависимость среди молодежи // Таврический научный обозреватель. 2016. № 11(16). С. 50–52.

ОТНОШЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ К ПРОБЛЕМАМ УТИЛИЗАЦИИ И ПЕРЕРАБОТКИ ПЛАСТИКОВЫХ ОТХОДОВ

Газизова А.И., Канищева А.В.

Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н. Туполева-КАИ, Россия, г. Казань

Аннотация. Актуальность темы заключается в том, что в современном обществе производство изделий из пластика постоянно увеличивается, приводя к росту отходов из пластика, прежде всего из-за бездумного и нерационального использования предметов из этого материала. Отходы же не просто засоряют окружающую среду, но и загрязняют ее, и без должной переработки вторичных материалов экологическая обстановка на планете будет стремительно ухудшаться.

Сложившаяся климатическая ситуация в мире требует эффективных методов решения проблемы утилизации вторсырья. Социальная ответственность и активная гражданская позиция современной молодежи может сыграть одну из значимых ролей в решении этой не только экологической, но и социальной проблемы. В статье описываются результаты проведенного исследования, изучаются особенности отношения современной молодежи к вопросам загрязнения окружающей среды. Анализируются знания молодых людей, связанные с особенностью хранения и утилизации пластиковых отходов, а также возможные последствия от халатного отношения к окружающей среде и обществу.

Ключевые слова: окружающая среда, вторичная переработка и утилизация отходов, экологическая обстановка, молодежь.

Современное общество, будучи активно развивающимся обществом потребления, постоянно наращивающим темпы роста потребительского спроса и соответственно производства многочисленных товаров, в том числе и из пластика, при этом не умея его качественно утилизировать, загрязняет окружающую среду невероятными темпами. Масштабы загрязнения и последствия переоценить сложно и без должной переработки вторичных материалов экологическая обстановка на планете будет стремительно ухудшаться.

Сложившаяся климатическая и экологическая ситуация в мире требует эффективных методов решения проблемы утилизации вторсырья. Социальная ответственность и активная гражданская позиция современной молодежи может сыграть одну из значимых ролей в решении этой не только экологической, но и социальной проблемы. Российские исследователи также уделяют внимание этой проблеме с точки зрения социальной значимости и роли в обществе, а также наличия экологического сознания у населения России [1, 2, 3]. И если некоторые страны уже очень активно применяют и развивают технологии переработки пластиковых отходов как на уровне государственной политики, так и на уровне гражданской позиции самих граждан, в России забота об окружающей среде находится на начальных этапах развития, особенно если говорить о сознательном поведении самих граждан. И если в крупных городах и центрах эта проблема обсуждается и предпринимается ряд действий

по ее решению, то периферия и малые населенные пункты никак не решают проблемы экологии и переработки отходов.

В статье описываются результаты проведенного нами исследования, направленного на изучение особенностей отношения современной молодежи к вопросам загрязнения окружающей среды. Анализируются знания молодых людей, связанные с особенностью хранения и утилизации пластиковых отходов, а также возможные последствия от халатного отношения к окружающей среде и обществу.

Общеизвестно, что пластик принадлежит к материалам, которые практически не разлагаются со временем, а при сжигании выделяются крайне токсичные вещества, которые невозможно вывести из организма. Поэтому изделия из пластика должны быть переработаны или сожжены на специальных заводах с воздухоочистительной системой. В настоящее время проблема переработки отходов полимерных материалов получает актуальность не только в связи с охраной окружающей среды, но и в связи с дефицитом полимерного сырья. Из 1 кг отходов (полиэтилентерефталат ПЭТФ, полипропилен ПП, полиэтилен высокого давления ПВД, полиэтилен низкого давления ПНД) получается 0.8 кг вторичного сырья.

Популярность пластика объясняется его легкостью, экономичностью, удобством использования. Так, при изготовлении пластика энергии требуется на 21% меньше, чем при изготовлении стекла, а для производства одного бумажного пакета требуется в 4 раза больше энергии, чем для производства такого же по размерам пакета из пластика. Все эти экономически выгодные условия несомненно говорят в пользу применения пластика, а не более экологически чистых материалов.

В связи с ухудшением климатической ситуации в мире решение проблемы утилизации вторсырья выходит на первый план. И без должной агитации и информированности среди молодежи решения не получится достичь, так как ответственность за будущее планеты находится в руках прежде всего именно молодых людей.

В связи с актуальностью обозначенной тематики нами было проведено пилотажное количественное исследование *целью* которого стало выяснение отношения молодежи к проблеме переработки отходов.

Для реализации данной цели были выдвинуты следующие *задачи:*

– определить заинтересованность молодежи к проблемам, связанных с экологией;

– получить информацию о том, как молодежь представляет переработку вторичного сырья;

– выявить как понимает современная молодежь термин «осознанное потребление»;

– определить какие действия предпринимает молодежь для решения данной проблемы;

Объектом исследования является экология. Предметом исследования – проблема переработки отходов и отношение молодежи к утилизации отходов.

Переработка отходов существует в мире не такое продолжительное время, однако количество заинтересованных с каждым годом неуклонно растет. Среди заинтересованных людей чаще всего встречается именно молодежь, так как это поколение трепетно и с пониманием относится к природе.

В качестве респондентов нами было опрошено 41 человек, из них 58,5% мужчин и 36,6% женщин, выборочная совокупность является случайной.

Производство изделий из пластика увеличивается год от года. Увеличивается и количество пластиковых отходов, которые не просто засоряют окружающую среду, но и загрязняют ее. Пластик принадлежит к материалам, которые практически не разлагаются со временем, а при сжигании выделяются крайне токсичные вещества, которые невозможно вывести из организма. Поэтому изделия из пластика должны быть переработаны. На основе полученных результатов, было выявлено, что большинство опрошенных респондентов имеет недостаточно широкое представление о переработке и утилизации отходов и об экологической картине мира в целом. Но также следует отметить, что большая часть опрошенных нами молодых людей осознает всю важность и серьезность поставленной нами

проблемы и стремится, в силу своих возможностей, способствовать улучшению экологической ситуации в нашей стране.

Из полученной нами информации следует, что молодежь слабо представляет себе переработку вторичного сырья, но зато знает, каким образом можно привлечь население к решению проблемы сбора и утилизации вторичных отходов: «Штраф за несортировку, утилизацию вне отведенных площадок для ТБО», «Чаще говорить об экологических проблемах и устраивать волонтерские проекты», «Больше освещать эту проблему в СМИ и предлагать пути её решения», «Показать людям, что сортированный мусор действительно перерабатывается, а не скидывается после в одну кучу. Массово распространять информацию об экологической ситуации и последствиях. Создать условия для сортировки мусора», «Предоставлять участникам программы по утилизации различные бонусы (скидки в местном магазине, например; или купоны на бесплатный кофе или что-то подобное)» и т.д.

К сожалению, большинство опрошенных респондентов не осведомлены о таком движении как «Zero Waste». Среди тех, кто слышал о нем, большее количество не занимается сортировкой мусора и осознанным потреблением, но в скором времени планируют начать внедрять это в свою жизнь.

На основе полученной информации стало известно, какие действия предпринимает молодежь для решения данной проблемы.

Среди них:

– сдача в переработку тех видов отходов, пункты приема которых можно найти;

– сортировка пластика;

– участие в субботниках по уборке мусора;

– волонтерская работа в рамках экологических проектов.

Человечеству известно три способа борьбы с мусором: захоронение на свалках, сжигание и переработка. Все способы, кроме переработки, губят природу и опасны для здоровья людей. Кроме того, следует отметить, что 70% отходов, которые сейчас заканчивают свою жизнь на свалках, можно использовать вторично. И с каждым годом эта доля только растёт.

Почему в России так плохо продвигается раздельный сбор отходов? Есть масса примеров внедрения раздельного сбора на уровне отдельных ТСЖ, офисов, магазинов и вузов. Например, активисты из Гатчины открыли стационарную площадку для раздельного сбора в своём городе, соседки из Подмосковья поставили баки у себя во дворе, а новоиспечённый житель деревни Коряшино научил местных не только не выбрасывать мусор в овраг, но и сортировать его по видам. Но тем не менее, население не стремится к сортировке и сбору перерабатываемых отходов

Но для появления раздельного сбора в каждом дворе важно решения населения и властей, и именно заинтересованность молодежи особенно важна, так как именно сейчас они строят свое будущее. Поэтому так важно, на наш взгляд, просвещать молодежь в этом вопросе, так как именно им в будущем необходимо будет решать проблемы, связанные с загрязнением окружающей среды. Чем больше людей будут вовлечены в процесс правильной утилизации отходов, тем больше станет вероятность, что в нашей стране сократится потребление трудноперерабатываемых отходов, откроются пункты переработки, и впоследствии улучшится экологическая обстановка.

Литература

1. *Касабуцкая М.С.* Социальная экология и исследования экологического сознания в социологии: теоретические аспекты // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2017. № 4. С. 124–128.
2. *Кисткина И.А., Тихомиров Д.А.* Проблема осознания экологической угрозы в России // Горизонты гуманитарного знания. 2017. № 2. С. 55–61.
3. *Чуйкова Л.Ю.* Предпосылки экологического подхода к анализу социальных проблем // Астраханский вестник экологического образования. 2017. № 3. С.21–28.

ОТНОШЕНИЕ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ К ПРОБЛЕМЕ НЕРАВЕНСТВА ПОЛОВ

Державина А.А., Мамакова Ю.С.
Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н. Туполева-КАИ, Россия, Казань

Аннотация. В статье рассматриваются основные проблемы и возможные причины гендерного социального неравенства в обществе, анализируется отношение современной молодежи к наличию подобного неравенства в социуме, его актуальности и последствиям, а также приводятся результаты проведенного количественного исследования респондентами которого стали молодые люди в возрасте от 18 до 21 года.

Авторы рассматривают гендерное неравенство в современном обществе как явление, когда мужчины и женщины имеют неравные возможности обладать различными ресурсами, благами, правами и свободами. В настоящее время гендерное неравенство – это не просто социальный факт: также оно представляется нам в качестве одной из наиболее ярких социальных характеристик общественного устройства. Мужчины и женщины обладают различными правами и свободами, и, соответственно, это становится ключевой причиной их неравных возможностей в социуме. В статье приведены основные выводы и даны базовые рекомендации по снижению гендерного неравенства в российском обществе.

Ключевые слова: гендерное неравенство, молодежь, социальные причины гендерного неравенства

Проблема социального неравенства людей (гендерного неравенства) в обществе всегда существовала как один из аспектов анализа социальных наук. Обычно, когда говорят о гендерном неравенстве, имеют в виду, что женщины по тому или иному параметру находятся в невыгодном положении по отношению к мужчинам. Однако, в уязвимом положении могут оказаться также и мужчины, принадлежащие к ряду социальных групп. Гендерное неравенство в современном обществе представляет собой явление, когда мужчины и женщины имеют неравные возможности обладать различными ресурсами, благами, правами и свободами. Сегодня гендерное неравенство – это не просто социальный факт: также оно представляется нам в качестве одной из наиболее ярких социальных характеристик общественного устройства. Мужчины и женщины обладают различными правами и свободами, и, соответственно, это становится ключевой причиной их неравных возможностей в современном социуме.

Первое и, наверное, наиболее привычное для нас определение гендерного неравенства было сформулировано в конце XIX – начале XX века в рамках движения суфражисток, которое также принято называть первой волной феминизма. На повестке дня суфражисток стоял вопрос о том, чтобы женщины стали гражданами на равных с мужчинами условиях, то есть обрели права, которые мы сегодня считаем само собой разумеющимися: право на образование, право на владение имуществом и избирательное право.

В Европе и США примерно в 60–70-е годы прошлого века разворачивается интеллектуальное и активистское движение, получившее название второй волны феминизма. В фокусе этого движения также была проблема гендерного неравенства, однако новое поколение феминисток увидело корень этой проблемы не только в области правовых норм.

Феминистки третьей волны предлагают уйти от бесконечного обсуждения двух полов, один из которых находится в привилегированном положении, а второй – в угнетенном, одному предписана функция добытчика, а другому – роль хранительницы очага.

Трудно переоценить актуальность темы равенства полов в современном российском молодежном обществе на сегодняшний день. Ежедневно в сети Интернет мы сталкиваемся с дискуссиями, рекламными кампаниями, статьями, которые выражают свое отношение

к данной проблеме. Можем заметить, что неравенство проявляется в различных сферах деятельности человека, в связи с чем в современном обществе появляются течения, представители которых активно борются с так называемыми «гендерными стереотипами».

В связи с выше обозначенной актуальностью изучаемой проблемы, нами было проведено количественное пилотажное исследование, респондентами в котором стали молодые люди в возрасте от 18 до 21 года. В качестве теоретической базы нами было проведено вторичное исследование трудов отечественных и зарубежных исследователей и в частности, мы можем наблюдать, что основные социальные лифты, по мнению ряда авторов, у мужчин и женщин разнятся. Так, Э. Хит, сравнивая карьерные возможности мужчин и женщин, пришел к выводу, что шансы покинуть низшие должности, связанные с физическим или рутинным умственным трудом, используя чисто рыночные возможности, у женщин скромнее. Зато шансы на вертикальную мобильность посредством вступления в брак у них оказываются более благоприятными по сравнению с мужчинами [3]. Что же касается мужских групп, то среди них выше и внутренняя дифференциация, и конкуренция за лучшие места. Г. Маршалл со своими коллегами пришел к выводу, что в социально-профессиональном отношении позиции женщин менее предпочтительны. Многие из них заняты полуквалифицированной, конторской и обслуживающей работой [4]. Мы полностью согласны с точкой зрения данных авторов. Действительно, в профессиональном отношении женщинам труднее подниматься по карьерной лестнице.

В качестве *объекта* нашего исследования мы определили неравенство полов как современное социально значимое явление.

Предметом исследования являются факторы, определяющие гендерное неравенство в современном социуме.

Целью нашего социологического исследования мы выдвинули определение отношения российской молодежи к неравенству полов в обществе, как к социально значимому объекту.

Данная цель была реализована в решении следующих *задач*:

– охарактеризовано гендерное неравенство, его причины и проявления;

– определено, в каких сферах деятельности российская молодежь чаще подвергается половой дискриминации, проанализированы полученные данные и выявлены причины;

– выявлены основные стереотипы и предрассудки касательно мужчин и женщин;

– выработаны рекомендации по решению данной социально значимой проблемы.

Изначально в нашем исследовании были выдвинуты следующие *гипотезы*:

– в российском обществе широко распространено неравенство между женщинами и мужчинами;

– представители разного пола ущемляются в своих правах в различных сферах жизни общества, имеют неравные возможности, блага и свободы.

Выборочная совокупность респондентов, принявших участие в исследовании, была сформирована случайно и составила 44 участника. Среди них мужчин 68,2% и женщин 31,8%. Основную возрастную категорию (88,6%) составили молодые люди в возрасте от 18 лет до 21 года.

По мнению наших респондентов, определенные проявления гендерного неравенства можно встретить в некоторых сферах. И ущемляются права обоего пола, однако, 40,9% респондентов считают, что все же женщины более склонны к ущемлению прав, 15,9% придерживаются позиции о том, что права мужчин ограничиваются больше, и 34,1% согласны с мнением о том, что и женщины, и мужчины имеют в настоящее время одинаковое количество прав и возможностей.

59,1% опрошенных согласны с мнением, что гендерное неравенство тормозит развитие общества, 15,9% ответили, что не тормозит, и 18,2% считают, что неравенство полов никак не влияет на развитие самого общества.

Стоит отметить, что большинство опрошенных хотя бы однажды сталкивались с гендерной дискриминацией, в основном, в сфере образования. Также были названы сферы, где, по мнению респондентов, также встречается дискриминация чаще всего – это работа

и политика. Причем наличие неравенства в трудовой деятельности мужчины и женщины оценивают по-разному. Так, с мнением, что мужчины и женщины имеют одинаковые шансы занять престижную должность, согласились 59,1% респондентов мужского пола и только 40,9% - женского.

Еще совсем недавно можно было заметить довольно явную тенденцию по ущемлению прав на трудовом месте именно женщин. По мнению молодежи, на сегодняшний день ситуация изменилась. Ответы на вопрос «согласны ли вы с мнением, что «женщинам платят меньше даже тогда, когда они выполняют ту же самую работу, что и мужчины»» разделились следующим образом: 56,8% не согласны с мнением и 31,8% ответивших частично или полностью согласны с утверждением.

Однако респонденты полагают, что в российском обществе существуют сферы, в которых явной дискриминации подвергаются преимущественно мужчины. Самая очевидная из них – сфера воспитания детей и права отцов. Так 89,5% респондентов частично или полностью согласны с мнением, что мужчины сталкиваются с дискриминацией в вопросе воспитания детей, и всего 20% не согласны с этим категорически.

Также стереотипы о том, чем должны заниматься женщины и мужчины, постепенно уходят и теряют свою актуальность. Так всего 4,5% считают, что парикмахер, стилист, визажист – это исключительно женские профессии, и 68,2% с этим не согласны.

Также многие задумывались о месте женщины в политике, и 77,3% считают, что женщина наравне с мужчинами сможет управлять государством или министерствами, и уверены, что нет 22,7% опрошенных.

Однако, несмотря на мнение молодежи о нивелировании гендерных различий в социуме, представления о гендерных ролях в семье сохраняются традиционными: однозначно главой семьи, по мнению респондентов должен оставаться мужчина (40,9% опрошенных), или возможно эгалитарное партнерство, при котором распределение обязанностей происходит исходя из степени занятости партнеров вне дома и возможно совместное принятие решений (56,8%). Мнение о том, что женщина может быть главой семьи имеют только 2,3% опрошенных.

Гендерное неравенство сегодня продолжает быть актуальной проблемой, но она уже стоит не так остро, нежели ранее. По результатам нашего исследования, большинство респондентов считают, что данная проблема действительно актуальна, и в современном обществе мужчины и женщины начинают обладать равными правами и возможностями.

Мы охарактеризовали половое неравенство, узнали его истоки и выявили его истинные причины в современном обществе.

Также в ходе нашего исследования мы выяснили, что проявления половой дискриминации молодые люди чаще всего наблюдают в трудовой деятельности, например, при устройстве на работу или уже во время нее. Также можно увидеть данное явление в политике и образовании.

Кроме того, увидели, что в обществе до сих пор существует масса стереотипов об основных социальных ролях мужчины и женщины, которые ограничивают возможности заниматься любимыми делами.

Таким образом, в результате проведенного нами социологического исследования, мы можем сделать выводы об опровержении выдвинутых нами гипотез. Первая гипотеза частично опроверглась. Сейчас все еще можно заметить тенденцию ущемления права определенного пола, но распространено это уже в гораздо меньшей степени. Проанализировав ответы респондентов, мы поняли, что на данный момент гендерное неравенство не широко распространено. Значительное число молодых людей относятся друг к другу с толерантностью, и считают, что мужчины и женщины равны в правах. Вторая гипотеза также была опровергнута только частично, так как у мужчин и женщин появляется все больше возможностей и прав в разных сферах жизни. Однако, в сфере образования и трудовой деятельности все еще осталось неравное отношение к представителям женского пола.

Также как итог нашего исследования нами был предложен ряд рекомендаций:

– на уровне государственной политики возможно разработать и поощрять внедрение эффективных механизмов, которые обеспечат женщин возможностью участвовать в принятии общественно важных решений, создать условия для обеспечения равных возможностей на рынке труда.

– необходимо развивать систему образования, свободную от гендерных стереотипов, проводить и применять результаты научных исследований по гендерной проблематике в общественной жизни, создавать условия для гармонизации профессиональных и семейных отношений.

– на уровне межличностного общения в социуме и в процессе семейной социализации индивида поощрять терпимое отношение к представителю противоположного пола и адекватное реагирование на факты гендерного неравенства со стороны лиц, не считающихся близкими и родными.

Литература

1. *Бородина Е.* Что такое гендерное неравенство и почему это не о женщинах против мужчин? URL: https://arzamas.academy/materials/1737 (Дата обращения: 18.02.2020).
2. *Хоткина З.А.* Гендерным исследованиям в России – десять лет // Общественные науки и современность. 2000. № 4. С. 21–26.
3. *Heath A. ¥.* Social Mobility. Glasgow, 1981. P. 107–136.
4. *Marshall G.* et al. Social Class in Modern Britain. Routledge, 1988. P. 137.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА: МНЕНИЯ, ОЦЕНКИ

Саттаров Т.А., Хайруллина Ю.Р.

Казанский федеральный университет,

Россия, Казань

Аннотация. В статье авторы производят анализ развития зарубежного социального предпринимательства, рассматривают успешный опыт функционирования социальных предприятий.

Ключевые слова: социальное предпринимательство, социальные программы, социальные проекты, государственная поддержка, опыт зарубежных стран, проблемы общества

Социальное предпринимательство представляет собой деятельность, направленную на облегчение, либо на решение социальных проблем, характеризующаяся следующими показателями: социальное действие, инновационность, самоокупаемость и экономическая целесообразность, социальный эффект, масштабируемость и тиражируемость [1]

В независимости от месторасположения, во многих странах объектом государственной финансовой поддержки выступает предпринимательская деятельность социального характера, как один из секторов бизнеса. Организации, которые относятся к сектору социального предпринимательства во многом являются малыми или средними предприятиями и в связи с этим получают государственную поддержку по программе развития. Заинтересованность государства и общества в развитии социального предпринимательства в том, что они могут решить те или иные социальные проблемы, а также достигать социальные цели с минимальными затратами, так как социальное предпринимательство выполняет социальные функции государства в большей степени не за счет государственных денег, а исходя из предпринимательской прибыли. Стоит отметить, что социальное предпринимательство не есть филантропия, а смесь коммерческой и социальной деятельности, что дает универсальные и быстрые решения социальных проблем и достижения социальной миссии органи-

зации путем инновационных подходов, поскольку социальный предприниматель ставить основной целью достижения социальный миссии, а уже затем коммерческую составляющую.

Рассматривая зарубежный опыт, стоит отметить Италию, как первую страну, которая ввела социальное предпринимательство на законодательном уровне. В 1991 году Правительством Италии были проработаны меры поддержки социального предпринимательства со стороны государства для их благополучного развития, а также утвердили правовую форму для ведения социальной предпринимательской деятельности, что послужило его распространению на территории Европы, как основного документа для развития в других странах [2].

Позднее, такие страны, как Португалия, Греция, Франция также начали перенимать итальянский опыт и стали законодательно стимулировать развитие социального предпринимательства. К такой правовой базе относится закон «О кооперативах общественной солидарности», принятый в 1998 году в Португалии, закон «О социальных кооперативах с ограниченной ответственностью», введённый в 1999 в Греции, закон «О кооперативных обществах с коллективными интересами», принятый Францией в 2001 году. Законом о социальных предприятиях, который был принят Финляндией в 2003 году, выделялась норма условий приема на работу людей с ограниченными возможностями и безработных, позволяя им участвовать в деятельности кооператива и получать пособия, что впоследствии благополучно отразилось на незащищенных слоях населения Финляндии и дало им возможность развития [3].

Если брать в пример организации с социальной миссией, то ярким примером является Бельгия, где в 1996 году был принят закон, предполагающий не ограничивать социальную деятельность организаций, чья миссия или цель является социальной, а на второй план выходит получение прибыли, а также предполагается реинвестирование только на социально значимые проекты и цели. Из-за федеративности Бельгии в каждом регионе действует свой подход работы с социальным предпринимательством. Так, например, во Фламандском регионе наиболее развиты следующие типы социальных предприятий: мастерские, нанимающие людей без работы и должного опыта, мастерские, привлекающие людей с ограниченными возможностями, а также находящихся в трудной ситуации в связи заболеваемостью и группой инвалидности, организации, предоставляющие рабочие места для людей с низкой социальной ответственностью, без опыта работы и низким уровнем образования [4].

В зарубежных странах социальное предпринимательство является одним из основных получателей государственной поддержки, как часть предпринимательской сферы. Кроме того, социальное предпринимательство по большей части функционирует без большой финансовой поддержки от государства, что позволяет экономить бюджетные средства и инвестировать в другие, более важные структуры, например такие, как медицина. В свою очередь социальные предприниматели реализуют свои проекты на основе коммерческих проектов, что позволяет использовать новые технологии и инновационные подходы к решению социальных проблем. Таким образом, поддерживая социальных предпринимателей на законодательном уровне и финансовой поддержкой, получаем стратегию «Win2Win», в которой в выигрыше остаются обе стороны, как государство с минимизированными социальными проблемами, так и социальные предприниматели.

Литература

1. *Ахатова И.Э. Хайруллина Ю.Р. Тимуца О.В.* Феномен добровольчества: проблема институционализации (опыт Республики Татарстан) Россия и мир: национальная безопасность, вызовы и ответы / Двадцать первые Вавиловские чтения: материалы международной междисциплинарной научной конференции. Йошкар-Ола: Поволжский государственный технологический университет. 2018. Ч. 1. С. 66–68.
2. Сравнительно-правовое исследование социального предпринимательства в странах Америки и Европы. URL: http://www.jurvestnik.psu.ru/index.php/vypusk-2162012/19-2010-12-01-13-31-58/-2-16-2012/451-grishina-sravnitelno-pravovoe-issledovanie-soczialnogo-predprinimatelstva-v-stranax-ameriki-i-evropy (Дата обращения 15.03.2020).

3. Информационно-аналитический журнал «Политическое образование». URL: http://law-inrussia.ru/node/33058 (Дата обращения: 19.03.2020).
4. Социальное предпринимательство в России и в мире: практика и исследования. М.: Издательский дом «Высш. школа экономики», 2011. 288 с.

ОСОБЕННОСТИ ПИТАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ РАКУРС (НА ПРИМЕРЕ СТУДЕНТОВ КНИТУ-КАИ ИМ. А.Н. ТУПОЛЕВА)

Скворцова М.А.
Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н. Туполева-КАИ,
Россия, г. Казань

Аннотация. В статье идет речь о проблеме питания современной молодежи, влиянии качества потребляемой пищи и ее цены на социальную жизнь, самочувствие, успеваемость и общее состояние, приводятся данные, полученные в ходе количественного исследования, проведенного среди студентов КНИТУ-КАИ. В наше время качество питания населения остается также и одним из основных показателей уровня жизни в стране. Полноценное питание является одним из главных факторов, оказывающих огромное влияние на формирование здоровья населения. Тем не менее, в наши дни в России в силу сложившихся социально-экономических условий лишь у незначительной части населения питание можно считать сбалансированным. Эта тенденция особенно имеет место среди молодежи, в том числе и студентов, несмотря на то, что от качества питания напрямую зависят здоровье, трудоспособность, эмоциональное состояние и успеваемость. Однако, зачастую для студентов наиболее важным является не качество питания, а его стоимость. Следовательно, цена является приоритетным фактором в выборе способа питания учащихся, ведь, к сожалению, среди остальных социальных групп студенты находятся не в самом выгодном экономическом положении, именно по этой причине за последние годы многими российскими учеными был отмечен рост заболеваемости среди студентов.

Ключевые слова: Молодежь, здоровый образ жизни, питание, социальное самочувствие, уровень жизни.

Проблема питания человека существовала издавна еще до образования первых цивилизаций. Древний человек рисковал жизнью ради добычи пропитания. В годы войны мощь армии напрямую зависит от сытости солдат и офицеров. И в наше время качество питания населения остается одним из основных показателей уровня жизни в стране.

Совет безопасности Российской Федерации объявил здоровье населения основой национальной безопасности нашей страны. Здоровье – это одна из важнейших ценностей как для отдельного человека, так и для всего общества. В условиях социально-экономических, политических и иных изменений в России устанавливаются приоритетные задачи государственной политики в сфере укрепления здоровья человека.

Полноценное питание является одним из главных факторов, оказывающих огромное влияние на формирование здоровья населения, но существует проблема – это в полной мере неадекватное отношение к питанию. В наши дни в России в силу сложившихся социально-экономических условий лишь у незначительной части населения питание можно считать сбалансированным. Анализ действительного питания людей показывает, что рацион россиян характеризуется чрезмерным потреблением жиров животного происхождения и легко усваиваемых углеводов, дефицитом пищевых волокон, витаминов (группы В, Е и др.), макроэлементов (кальций и др.), микроэлементов (железо, йод, цинк и др.). Неполноценное потребление жизненно необходимых нутриентов сейчас является многочисленным и постоянно дей-

ствующим фактором, отрицательно влияющим на здоровье, рост, развитие и жизнеспособность всей нации.

От того, насколько правильно питается человек, зависят его физическое и умственное развитие, уровень работоспособности, продолжительность жизни, а также сопротивляемость организма различным неблагоприятным воздействиям окружающей среды.

Международная группа специалистов во главе с исследователями Института показателей и оценки здоровья в Сиэтле проанализировала данные о рисках, которые несет за собой неправильное питание, в 195 странах. Выявилось, что нехватка полезных продуктов уносит больше жизней, чем употребление табака. О результатах работы команда рассказала в статье в журнале Lancet [3].

Однако польза рациона зависит не только от количества потребляемых полезных продуктов и их доли, приходящейся на весь рацион, но и от многих других факторов, таких как качество сырья, технологии производства, нарушение режима и структуры питания.

На данный момент существуют разнообразные химикаты, которые помогают в борьбе с вредителями и болезнями. Они безопасны для самих растений или животных, но их стоимость может быть слишком высокой для производства. Именно поэтому недобросовестные производители часто используют более дешевые и менее качественные аналоги.

Современные технологии производства: консервация, рафинирование, пастеризация, введение гормонов, эмульгирование – сопровождаются потерей витаминов, минералов и других биологически ценных веществ на всех производственных этапах. Такие технологии применяются лишь с одной целью – увеличить количество, а не качество продукции.

Нарушение режима и структуры питания – перекусы на «ходу», как правило, высококалорийной, однообразной и жирной пищей из рафинированного сырья. Также можно назвать обильные трапезы в вечернее время суток.

Вопрос качества питания в России стоит достаточно остро. Повышение цен на продукты и снижение их качества привело к очень скудной потребительской корзине. По данным сайта «Ценомер» [4] и собственным подсчетам было установлено, что средняя стоимость потребительской корзины в месяц в 2019 году составляет 5,5 тысяч рублей.

Такие цифры обратили на себя внимание депутата Саратовской областной думы от КПРФ Николая Бондаренко. В 2018 году он провел уже известный по всей России эксперимент, который заключался в попытке депутата прожить на один месячный минимум, составлявший в 2018 году 3,5 тысячи рублей. В день участник эксперимента съедал одно яйцо (яичница, омлет) или кашу (гречневая, овсяная) на завтрак. На обед – суп на куриных костях и овощное рагу (картошка, морковь, лук, капуста) и через день – курица к рагу. Ужин – курица с обеденным рагу. На десерт – сезонное яблоко в день и карамельки. Рыба и мясо оказались не по карману.

Участник эксперимента сразу после его начала сбросил несколько килограммов. Врачи утверждают, что подобная диета вредна не только для физического здоровья человека, но и для полноценной умственной деятельности, работоспособности.

На сегодняшний день трудно найти тех, кто, заботясь о своем состоянии, старается принимать только здоровую пищу. Эта тенденция особенно имеет место среди студентов. От качества питания напрямую зависят здоровье, трудоспособность, эмоциональное состояние и успеваемость. Однако, зачастую для студентов наиболее важным является не качество питания, а его стоимость. Следовательно, цена является приоритетным фактором в выборе способа питания учащихся, ведь, к сожалению, среди остальных социальных групп студенты находятся не в самом выгодном экономическом положении.

Нередки случаи, когда из-за нехватки времени приходится искать место питания, находящееся неподалеку от дома или учебы. Кроме того, расписание учебного заведения предусматривает всего один обеденный перерыв, за который вследствие длинных очередей студенты не всегда успевают принять пищу.

Немалую часть среди студентов составляют иногородние, которые вынуждены жить в общежитии или снимать квартиру. Многие из них в силу возраста и иных причин не имеют

навыков приготовления пищи. Даже умеющие готовить вынуждены искать более быстрый и доступный способ питания из-за того, что приготовление пищи отнимает много времени.

За последние годы многими российскими учеными был отмечен рост заболеваемости среди студентов. По данным статистики Министерства здравоохранения Российской Федерации ежегодно наблюдается устойчивая тенденция к увеличению хронических заболеваний, среди которых первое место занимают желудочно-кишечные расстройства.

Именно в связи с актуальностью выше обозначенной проблемы нами было проведено пилотажное количественное исследование участниками которого стали студенты одного из казанских вузов. Целью работы являлась необходимость определить, насколько студенты положительно оценивают качество своего питания и удовлетворены политикой ценообразования.

Для достижения данной цели были реализованы следующие задачи:

–выявить наиболее популярный способ питания: дома или в столовой.

–определить наиболее экономически выгодный способ питания.

–выяснить, какой из факторов является приоритетным, по мнению студентов: цена или качество.

–установить самый выгодный по времени способ питания.

Нами была выдвинута следующая гипотеза: более выгодный, качественный и быстрый способ питания – это готовить пищу дома и брать ее с собой в учебное заведение. Если такой возможности нет, то лучшим вариантом является питание в одной из бюджетных сетей общественного питания.

В качестве респондентов было привлечено 100 человек, среди которых 73% – мужчины, 27% – женщины. Ими оказались студенты старших курсов: 2 курс и выше, а также магистранты. Подавляющее большинство опрошенных проживает в общежитиях КНИТУ-КАИ №3 и №6.

Исходя из цели и задач нашего исследования, мы разделили опрос на две части: каким образом студенты питаются во время учебного процесса и вне учебного процесса. Рассмотрели способы питания студентов во время учебного процесса. Проанализировав результаты вопросов «Питаетесь ли Вы во время учебного процесса?» и «Что Вы предпочитаете? (перекус/полноценный обед)», мы заметили, что основная масса респондентов питается во время учебного процесса, но вид их питания зависит от времени, проведенного на учебе. При этом главным местом питания являются столовые нашего университета и другие. Студенты предпочитают их, опираясь на такие факторы, как хорошее качество и низкая цена, а также удобное расположение.

Теперь обратимся ко второй части нашего опроса, связанной с питанием студентов вне учебного процесса. Большинство опрошенных предпочитают питаться в общежитии, т.е. готовить самостоятельно. Как показали результаты анкетирования, студенты тратят на это немного времени: от часа до двух раз в три дня и чаще. Возникает вопрос: «Где взять продукты для приготовления пищи?». Многие респонденты покупают их в магазине, выбранном в соответствии с его расположением и ценой продуктов, причём качество продуктов оказалось менее важным критерием выбора.

Исходя из вышесказанного, мы делаем вывод, что наиболее популярным способом питания является питание дома (в общежитии). Он же – наиболее экономически выгодный. Это мы выяснили благодаря результатам анализа соответствующих вопросов и собственным подсчетам. Студенты, предпочитающие готовить, в среднем тратят на продукты около 5 тысяч рублей в месяц. Те, кто совмещает способы питания: в столовой и дома – тратят значительно большую сумму – около 9 тысяч рублей.

На вопрос: «Какой из факторов является приоритетным: цена или качество?» – не был получен однозначный ответ, так как, по мнению респондентов, оба показателя являются независимо важными в выборе способа питания.

Было установлено, что самый выгодный по времени способ питания – дома (в общежитии). На это студенты тратят, по нашему мнению, немного времени: от часа до двух раз в три дня и чаще.

В целом наша гипотеза подтвердилась, за исключением нескольких моментов. Наиболее выгодным, качественным и быстрым способом питания оказался вариант приготовления пищи дома, однако студенты предпочитают не брать приготовленную еду с собой в университет, а принимать пищу в ЦОП, таких как столовые КНИТУ-КАИ и другие. Среди меньшей части опрошенных, предпочитающих питаться в ЦОП, заведением-фаворитом оказалась сеть ЦОП «Добрая столовая». Кроме того, выяснилось, что приготовление пищи в общежитии занимает не так много времени, чтобы студенты отказывались от этого.

Итак, в результате нашей работы, мы определили, что большинство опрошенных студентов положительно оценивают качество и образ своего питания. Политикой ценообразования магазинов большая часть респондентов удовлетворена, так как они предпочитают приобретение продуктов в супермаркетах эконом сегмента предоставлению еды родителями или родственниками. Аналогичная ситуация и с отношением к политике ценообразования ЦОП: студенты не берут приготовленную пищу с собой в университет, потому что их устраивает цена питания в столовых.

Литература

1. *Бородина С.П., Бородин К.В.* Правильное питание у студентов // Наука и студенты: новые идеи и решения: сборник материалов XIV внутривузовской научно-практической конференции. Кемеровский ГСХИ, 2015. С. 35–41.
2. *Дорофеева Е.А., Османов Э.М., Ронжина Г.П., Пышкина А.С.* Проблемы питания современного студента // Вестник ТГУ. 2010. Т. 15. № 2. С. 48–55.
3. Еженедельный рецензируемый общий медицинский журнал «The Lancet». URL: https://www.thelancet.com/ (Дата обращения: 10.11.2019).
4. Ценомер – цены в России. Мониторинг потребительской корзины и динамика цен на продукты. URL: http://tsenomer.ru/ (Дата обращения: 11.11.2019).

СОЦИАЛИЗАЦИЯ ДЕТЕЙ С ОВЗ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРОБЛЕМЫ

Шафикова Р.Р.

Казанский федеральный университет,

Россия, г. Казань

*Аннотация***.** В работе описаны современные теоретические основы социализации детей с ограниченными возможностями здоровья в условиях школ-интернатов.

Ключевые слова: социализация, школы-интернат, дети с ОВЗ.

При изучении новых подходов касаемо социализации детей с ОВЗ следует понимать, что речь идет о теоретических и практико-ориентированных подходах, главной составляющей из них выступает интегративность. Их отличие заключается в невозможности основываться на конкретную теорию либо модель практики, поскольку многообразные модели социализации – это комплексные конструкции самых разных моделей, как теории, так и практики.

Считается, что процесс социальной реабилитации, по сути, имеет прямую связь с современными понятиями об инвалидности, которых, как правило, делят на медицинскую и социальную группу. Как отмечает Е.Р. Ярская Смирнова, в инвалидности можно выделить две модели, если первая из них определяет инвалидность, связанную с определенными болезнями, какими-то отклонениями в здоровье, с диагнозом, то вторая базируется

на ограниченных возможностях, которые ухудшают активную способность данного лица, усложняют его социальную деятельность.

Как отмечает Т.В. Егорова, социализацией выступает процесс и результат включения индивида в социальные отношения, следовательно, благодаря этому, происходит становление индивида личностью, приобретение наиболее важных и значимых навыков, умений и знаний, помогающих обеспечить благоприятную жизнедеятельность среди других людей. Самый высокий уровень социализации личности – это ее самоутверждение, процесс реализации общественных возможностей человека [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**, с. 18].

Таким образом, социализация является двусторонним процессом, в него входит, с одной стороны, овладение социальным опытом за счет вступления в социальную среду; с другой стороны, активное воспроизводство системы социальных связей в результате активации деятельности.

Как отмечают И.М. Михайлова и О.Н. Архипова, социализацию детей с ОВЗ (детей-инвалидов в целом) нужно рассматривать в качестве процесса формирования личности с помощью освоения главного репертуара социальных ролей. Цель данного процесса заключается в улучшении качества жизни и деятельности, критерием выступает уровень удовлетворенности ребенка с ОВЗ собственным социальным статусом [9, с. 123]. Достаточно много авторов считает, что ребёнку с ОВЗ сложно проникнуть в суть отношений между людьми, так как у него нет возможности чувствовать, ощущать все тоже самое и употреблять тоже самое, что и другие дети, которые развиваются нормально. В числе этих авторов следует назвать С.В. Паршутину, Т.Н. Пименову, Л.М. Шипицына.

Изучая проблему социализации, А.В. Мудрик ставит вместе с процессом обучения и воспитания, рассматривает их соотношения, таким образом, отмечая, что социализация – это постоянное развитие и самореализация человека, которая продолжается всю жизнь при помощи освоения и реализации культуры общества. Следовательно, социализация детей с ОВЗ является лишь началом длинного пути, постоянной работы над этим, как у самого ребенка, затем уже взрослого, так и тех, кто в этом принимает непосредственное участие [10, с. 119].

Современная наука содержит в себе достаточно большое количество различных теоретических подходов к пониманию проблем касаемо социализации детей с ОВЗ. Достаточно продолжительный период времени социализацию таких детей осуществляли в пределах медицинской модели, где инвалидность определяется в качестве заболевания, такой патологии, которой характерна дискриминация. Однако, результаты исследований известных педагогов и психологов показали, что дефектологический подход делает социальную позицию ребенка слабой, к тому же усложняет социальный статус, выделяя значительную неравность детей с ОВЗ и других детей. Используя дефектологический подход, не учитывали, что проблема инвалидности – это не только медицинский аспект, к ней относится и социальная проблема ограниченных возможностей, их неравность, причем последнее может иметь более весомую часть.

Нормоцентрический подход также образовался на основе традиционной медицины и психиатрии, в которых здоровье изучается в качестве совокупности средних норм касаемо уровня мышления, восприятия, эмоциональной реакции, поведения, они сопоставляются с показателями, которые относятся конкретному человеку. Таким образом, это некоторый уровень работы организма и психики, который считается наиболее благоприятным [12].

В целом, можем выделить несколько подходов, которые были на этом пути, и способствовали формированию полноценной сферы социализации детей с ОВЗ в среде, которая их окружает.

Итак, для начала выделим антропологический или антропоцентристский подход. Касаемо проблемы социализации детей с ОВЗ, антропоцентристский подход означает сосредоточие процесса социализации на проблематике человека, в частности ребенка.

В соответствии с антропологическим подходом, изучаются физиологические, психологические особенности детей с ОВЗ с разных сторон, с учетом возраста, пола конкретного ребенка, учитывая его индивидуальные особенности. На основе результатов исследования раскрываются вероятность эффективного обучения этих детей. Основателем данного похода считают К.Д. Ушинского [15, с. 130].

Комплексно-санаторный подход, в первую очередь, имеет связь с научной деятельностью и педагогически-реабилитационным опытом работы В.П. Кащенко. Он особо выделял важность среды для успешного развития детей, то есть именно здоровая благоприятная среда формирует успешную личность, а ненормальная среда, наоборот, калечит детей, которые вырастают неудачниками, нервными людьми [8].

Культурно-исторический подход основан на теории Л.С. Выготского (культурно-историческая теория). Л.С. Выготский создал учение о зоне ближайшего развития, при этом развивая основание того, что обучение в развитии ребенка играет главнейшую роль. Данное учение до сих пор используется в педагогике, психологии и дефектологии. До Выготсткого линия исследования детей с ОВЗ шла, как правило, от отклонения к норме, от болезни к здоровью, то он показал другое направление. Автор утвердил, что дефект еще не является каким-то глобальным барьером для полноценного развития ребенка, конечно, развитие может быть более сложным, трудным, медленным, и не столь качественным, но не невозможным.

Педагогический подход М. Монтессори требует создание особенной предметно-обучающей, развивающей среды для детей с ОВЗ со специальным участием педагога в роли партнера-фасилитатора, который будет облегчать задачу для ребенка при исследовании данной среды, ее освоении. По мнению Монтессори, детям с ОВЗ можно помогать не только с помощью медицинских средств, но, в первую очередь, за счет педагогического воздействия. При этом за ребенка нельзя что-то делать, нужно только помогать, чтобы он сам действовал [13, с.30]. В целом, подход Монтессори основан, в первую очередь, на таких принципах, как база на интересах, индивидуальный подход и свобода выбора.

Следующий подход – это социоцентрический подход, объединяющий исследований и целых направлений исследований детей с ОВЗ, где, основным и ведущим фактором их особенного статуса являются социальные условия, и, в первую очередь, доминирующее отношение социума. Данный подход исходит из того, что само общество делает инвалидом ребенка и любого человека, у которого имеются определенные отклонения в здоровье, поскольку помещает его в данную категорию.

По мнению В.А. Сластенина, в качестве фундамента для анализа проблем социализации людей с ОВЗ, выступают именно социоцентристские и антропоцентристские подходы. Поскольку любой человек является частью социума, следовательно, необходимо его туда включить, чтобы человек, получая некие блага социума, в тоже время сам был полезным для него[**Ошибка! Источник ссылки не найден.**, с. 189]. Именно социальный фактор в данном случае становится главным в воспитании детей с ОВЗ, чтобы такой ребенок имел возможность развиваться.

Т.А. Дубровская находится в позиции, которая считает, что особую важность для объяснения и понимания социализации детей с ОВЗ занимает феноменологический подход (П. Бергер, Т. Луман, А. Шюц). В данном случае под социализацией понимают последовательное разностороннее включение человека, в частности ребенка в объективный мир общества либо в его определенную часть. Социализация нетипичного ребенка, то есть с ОВЗ, как процесс взаимосвязана со знаковыми системами, которые сохранены, с социальным конструированием действительности в приобретении социальности [5, с. 183].

По мнению Е.Р. Ярской, феномен «нетипичного ребенка» образовывается и передается всем его социальным окружением, разнообразием исторически формировавшегося этноконфессионального, социокультурного макро- и микросоциума. Исходя из основ социально экологического подхода, в социализации детей с ОВЗ особо значимое место занимает работа с семьей в качестве «самого мягкого типа социального окружения» для этих детей, посколь-

ку именно в семье начинается необходимее отношение к ним, как к полноценным членам общества. Семья – это первичная среда социализации и получения личного опыта [16].

Особенно высокий интерес для исследования социализации детей с ОВЗ, в нашем представлении, выступают социально педагогический и социально психологический подходы, основанные на традиционный подход компенсаторного развития (Л.С. Выготсткий)[4, с.212]. В соответствии с этим подходом ставится задача формирования социальной компенсации физического либо психического недостатка детей с помощью нахождения способов и мер по уложению социальных контактов и связей с жизнью.

Значительное продвижение в отношении к гуманизации проблемы социализации детей с ОВЗ, и в целом, инвалидности, дал виктимологический подход. Так, А.В. Мудрик с социально-педагогической точки зрения, изучая детей-инвалидов, детей с ОВЗ самого разного возраста, называет их «потенциальными жертвами неблагоприятных условий социализации»[10, с. 124].

Следует отметить, что еще в середине 70-х годов 20-го века начали более активно применяться новые подходы по отношению к людям с ОВЗ, в том числе и детей. Эти подходы взаимосвязаны с социальной моделью инвалидности и концепцией независимой (самостоятельной) жизни инвалидов. Ее особенность заключается в ее разработке самими инвалидами.

Перспективное направление в социализации детей с ОВЗ имеет с интегративным подходом. Его сущность обусловлена в том, что дети с ОВЗ рассматриваются не в качестве социально обособленных, отделенных членов общества, принимая участие в самых разных формах и видах социальной жизни, также как и другие, вместе с ними, на их уровне, в первую очередь, в обучении.

Таким образом, в результате исследований ученых, практиков, общественных деятелей, которые изучали проблему социализации детей с ОВЗ, можем отметить, что сложную проблему перестройки специального образования следует решить эволюционным способом, за счет создания современных цивилизованных моделей интегративного обучения. В целом, социализация – это обязательный, необходимый процесс для детей с ОВЗ, чтобы они смогли развиваться, обучаться, приспособились к жизни, вместо того чтобы быть пассивными иждивенцами стали активными члена общества.

Литература

1. *Мещеряков Б.Г., Зинченко В.П.* Большой психологический словарь. М.: АСТ, 2008. 811 с.
2. *Бородина В.А.* Тьюторское сопровождение формирования рефлексивных механизмов социализации детей с ограниченными возможностями здоровья (теоретические основы): учебно-методическое пособие. Челябинск: Издательство Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, 2017. 117 с.
3. *Бородина В.А.* Формирование рефлексивных умений и навыков у школьников с нарушением интеллекта как основы саморегуляции поведения // Актуальные проблемы образования: позиция молодых: материалы Всероссийской студенческой научно-практической конференции, 2017. 261 с.
4. *Выготский Л.С.* Педагогическая психология. М. : Педагогика-Пресс, 1999. 536 с.
5. *Дубровская Т.А.* Адаптация и реабилитация детей с ограниченными возможностями здоровья. М.: Издательство Российского государственного социального университета, 2015. 362 с.
6. *Егорова Т.В.* Социальная интеграция детей с ограниченными возможностями: Учебное пособие. Балашов: Николаев, 2012. 80 с.
7. *Захарова С.В.* Социальная адаптация детей с ограниченными возможностями здоровья // Дополнительное образование и воспитание. 2019. № 3. С. 35–38.
8. *Кащенко В.П.* Педагогическая коррекция. Исправление недостатков характера у детей и подростков: кн. для учителя. М.: Просвещение, 1980. 43 с.
9. *Михайлова М.В.* Прощение: как примириться с собой и другими. М.: Никея, 2018. 256 с.

10. *Мудрик А.В.* Социальная педагогика: учебник для студенческих учреждений высшего профессионального образования. М. : Издательский центр «Академия», 2013. 240 с.
11. *Назарова Н.М.* Интегрированное (инклюзивное) образование: генезис и проблемы внедрения // Социальная педагогика. 2019. № 1. С.56–58.
12. *Прохоров А.О.* Методики диагностики и измерения психических состояний личности. М.: ПЕР-СЭ, 2014. 176 с.
13. *Ратнер Ф.Л.* Педагогика Марии Монтессори: история и современность. Идеи М. Монтессори в условиях интегрированного образования: учебное пособие. Казань: Казанский университет, 2011. 84 с.
14. *Сластенин В.А.* Педагогика. М.: Академия, 2016. 673 с.
15. *Ушинский К.Д.* Педагогика. Избранные работы. М.: Издательство Юрайт, 2017. 284 с.
16. *Ярская-Смирнова Е.Р.* Социальная работа с инвалидами. Учебное пособие. СПб.: ПИТЕР, 2014. 316 с.

Научное издание

ЕВРАЗИЯ И ГЛОБАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ

VII Международный конгресс социологов тюркского мира

Сборник научных трудов

Казань, 12–13 марта 2020 г.

EURASIA AND THE GLOBAL SOCIO-ECONOMIC CHANGE

VII International congress of turkish world sociologists

Collection of scientific papers

Kazan, March 12–13, 2020

Подписано в печать 1.06.2020

Бумага офсетная. Печать цифровая.

Формат 60x84 1/16. Гарнитура «Times New Roman». Усл. печ. л. 41,27

Уч.-изд. л. 58,39. Тираж 1000 экз. Заказ 211/12

Отпечатано с готового оригинал-макета

в типографии Издательства Казанского университета

42008, г.Казань, ул. Профессора Нужина, 1/37

Тел. (843) 233-73-59, 233-73-28